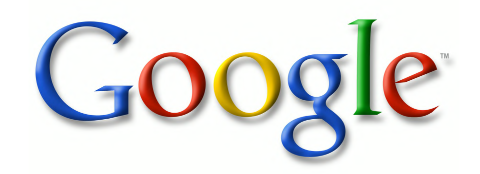
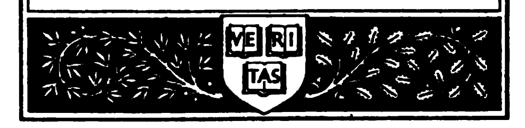
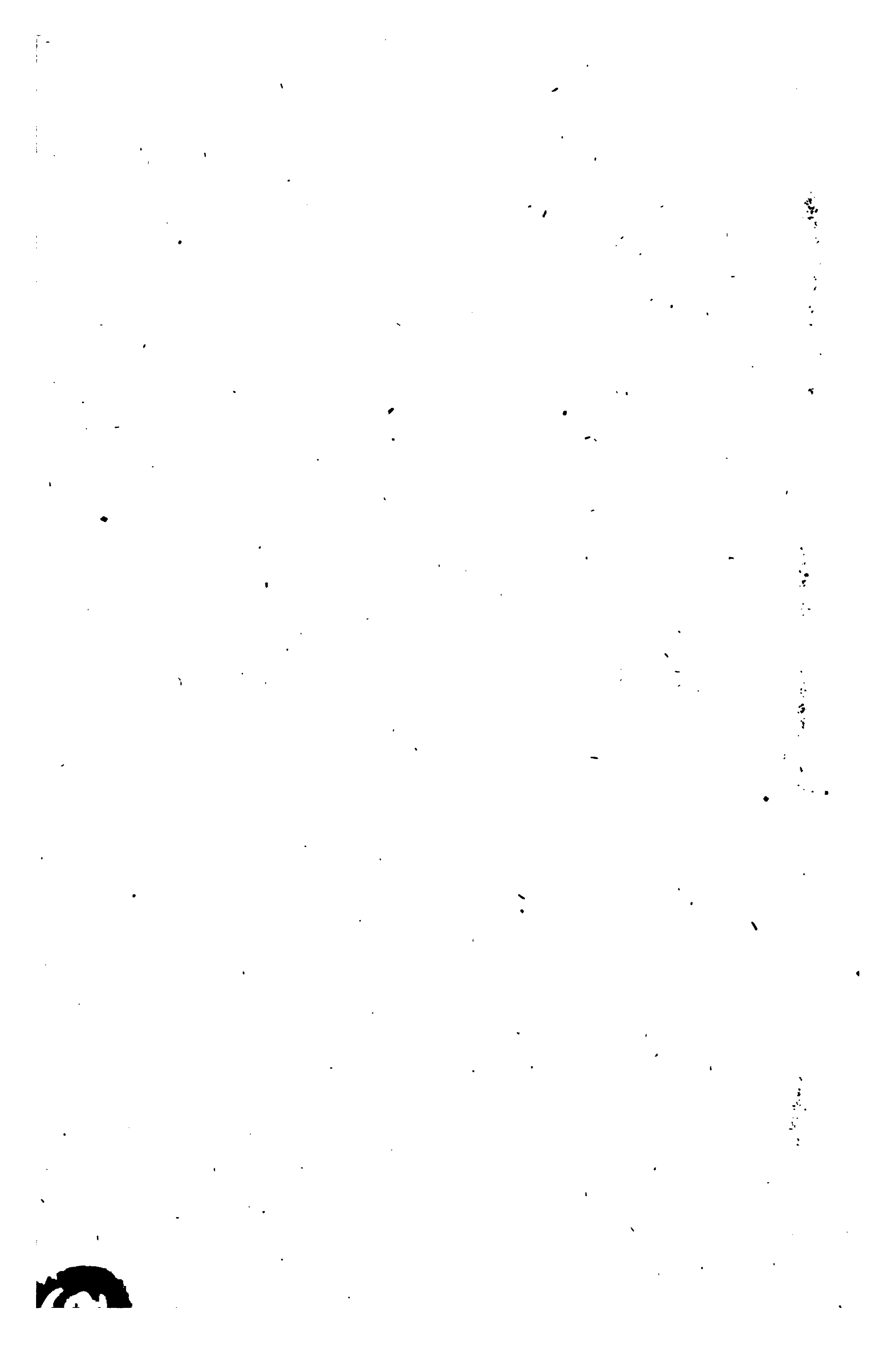

Google


VE RI TAS



СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

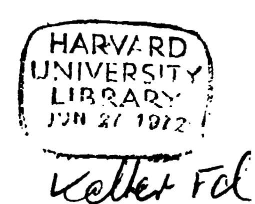
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Мая 1 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*



АНГЛІЙСКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Идея свободной торговли признана справедливою въ теоріи со времени возведенія политической экономіи на степень науки геніемъ Адама Смита; но въ практикѣ не много можно указать примѣровъ, чтобы ею руководствовались государства въ международныхъ сношеніяхъ. Человѣкъ нескоро освобождается отъ заблужденій, особенно если заблужденія тѣсно связаны, по крайней мѣрѣ по его мнѣнію, съ его личными интересами. Вотъ почему истины политической экономіи утверждаются гораздо медленнѣе въ обществѣ, чѣмъ истины всякой другой науки. Прибавимъ къ этому, что не одинъ только слѣпой эгоизмъ частныхъ интересовъ полагаетъ преграды водворенію свободныхъ международныхъ сношеній. Сколько находится людей съ полнымъ убѣжденіемъ, что правительство не должно допускать свободнаго развитія частной дѣятельности, что необходимо подчинить ее строгимъ правиламъ, иначе она можетъ подвергнуть опасности существованіе самого государства,—то есть, выходя совершенно изъ другаго принципа, они приходятъ къ тому же заключенію, какъ люди утверждающіе, будто бы интересъ частный и общественный противоположны другъ другу.

Такимъ образомъ старые предразсудки и рутина съ одной стороны, ложныя теоріи, порожденныя болѣзненнымъ состояніемъ общества, съ другой,—соединенными силами препятствуютъ утвержденію здравыхъ началъ науки, вопреки самымъ убѣдительнымъ фактамъ, доказывающимъ непреложность ея заключеній во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, гдѣ свободная торговля была примѣнена къ практикѣ. Единственная надежда на измѣненіе существующихъ до сихъ поръ стѣснительныхъ таможенныхъ постановленій въ большей части европейскихъ государствъ заключается *въ необходимости*, которая торжествуетъ часто тамъ, гдѣ наука безсильна. Необходимость заставитъ кончить споръ, который могъ бы продолжиться до безконечности, и разсѣчетъ гордіевъ узелъ, потому что она говоритъ сильнѣе всѣхъ привычекъ и всѣхъ частныхъ интересовъ. Мы представимъ здѣсь дѣйствіе этой необходимости въ государствѣ, въ которомъ монополія и народные предразсудки пользовались необыкновеннымъ вліяніемъ, освящены были временемъ и имѣли сильную опору въ самомъ характерѣ народа. Если исторія учитъ чему нибудь и удерживаетъ отъ заблужденій, часто гибельныхъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, то постепенныя измѣненія въ англійскомъ таможенномъ законодательствѣ представляютъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и въ то же время самыхъ поучительныхъ уроковъ въ экономическомъ развитіи жизни народовъ.

I.

Попытки возвести протекціонизмъ на степень теорій явились въ очень недавнее время. Мы встрѣчаемъ таможенныя пошлины даже въ Средніе вѣка, но онѣ тогда взимались безразлично съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и чрезвычайно рѣдко имѣли цѣль охранительную. Получая отъ нихъ довольно значительный доходъ, правительства тогдашняго времени часто для собственной своей выгоды старались поощрять привозъ особенно такихъ предметовъ, которые не производились внутри страны, освобождали его отъ всякихъ стѣсненій и подвергали платежу пошлинъ только вывозимые продукты. Такъ напримѣръ Андерсонъ въ своей «Исторіи Торговли» говоритъ, что въ Англіи въ царствованіе Эдуарда III, въ 1354 г. пошлина съ вывозимыхъ предметовъ доставляла казнѣ 28,000 ф. ст., а съ привозныхъ не болѣе 600 ф. ст. По его же словамъ король давалъ иностраннымъ купцамъ болѣе привилегій, чѣмъ своимъ собственнымъ: однажды при этомъ государѣ запрещенъ былъ вывозъ шерсти и овецъ, но правительственныя нужды скоро заставили его отмѣнить это постановленіе.

Слишкомъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого, при Эдуардѣ IV (1461—1483 г.), въ первый разъ подвергнуты были запрещенію нѣкоторыя изъ привозимыхъ издѣлій, особенно шерстяныя и желѣзныя, также ленты и кружева. При его преемникѣ, Ричардѣ III, запрещеніе это

было распространено и на другія металлическія издѣлія, за исключеніемъ серебряныхъ и золотыхъ. Но никогда промышленность и торговля не подвергались такимъ ограниченіямъ, какъ въ царствованіе королевы Елизаветы, при которой не только подтверждены были всѣ прежнія ограниченія, но еще изданы строгіе противу нарушителей законы, которые однако вслѣдствіе своей строгости, кажется, никогда не были приводимы въ исполненіе. Къ числу запрещенныхъ къ привозу въ Англію товаровъ нужно еще прибавить шелковыя ткани. Запрещеніе ихъ послѣдовало въ царствованіе Карла II по просьбѣ англійскихъ фабрикантовъ. Но кромѣ упомянутыхъ ограниченій, изданныхъ съ видимою цѣлью покровительства народной промышленности, таможенныя пошлины въ Англіи считались постоянно источникомъ государственнаго дохода. Самое даже названіе тарифа, изданнаго въ 1660 г., *субсидіею* (old subsidy) не позволяетъ въ этомъ сомнѣваться. Тарифъ этотъ былъ весьма умѣренный и составлялъ не болѣе 5% цѣнности привозимыхъ товаровъ. Различныя государственныя потребности заставили увеличить его около половины XVIII столѣтія до 25% ad valorem (*). Французскіе товары подвергались однако болѣе тяжелымъ пошлинамъ, такъ что каждый разъ, когда на произведенія всѣхъ другихъ странъ пошлина увеличивалась на 5%, на французскія прибавлялось 25% ad valorem, что впрочемъ было только репрессаліею со стороны Англіи.

Хотя во всѣхъ упомянутыхъ запрещеніяхъ замѣтна болѣе случайность, чѣмъ какой нибудь обдуманный планъ или система, однако двѣ статьи англійскаго таможеннаго кодекса заслуживаютъ особенное вниманіе. Первая касается жизненныхъ припасовъ и преимущественно пшеницы, другая относится къ навигаціи.

Съ конца XIV ст. до 1849 г. хлѣбъ былъ постоянно предметомъ законодательныхъ мѣръ, которыя безпрестанно измѣнялись. До этого времени существовало въ Англіи общее правило, что вывозъ дозволялся не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Въ 1394 г. позволено было вывозить хлѣбъ безъ всякаго особаго разрѣшенія; но было сказано, что въ случаѣ необходимости вывозъ могъ быть пріостановленъ. Опасенія голода были причиною, что въ 1436 г. послѣдовало новое постановленіе, по которому вывозъ разрѣшался всѣмъ безъ исключенія, если только цѣна пшеницы на внутреннихъ рынкахъ не превышала 6 шил. 8 пенсовъ за квартеръ (**), въ про-

(*) Въ 1698 г. на 5%, въ 1703 и 4 годахъ тоже на 5% и наконецъ въ 1747 году прибавлено снова 5%.

(**) 1 р. 36 коп. за четверть.

тивномъ случаѣ привозъ былъ совершенно свободенъ отъ пошлинъ, а вывозъ воспрещался. Спустя 71 годъ послѣ этого, изданъ былъ опять новый законъ, которымъ уничтожались всѣ существовавшія постановленія и возстановлялся первоначальный порядокъ. Когда вслѣдствіе значительнаго привоза драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки цѣна хлѣба стала возвышаться, то парламентъ въ заботливости о благосостояніи земледѣлія, и преимущественно имѣя въ виду обезпеченіе сбыта по цѣнѣ, которая бы могла вознаградить издержки производства, принужденъ былъ нѣсколько разъ измѣнять предѣльную цѣну, при которой дозволялся привозъ и вывозъ. Такъ въ 1670 г. можно было вывозить пшеницу только тогда, когда цѣна ея внутри государства стояла ниже 53 шил. 4 пен. за квартеръ (*), причемъ привозъ ея изъ-за границы былъ воспрещенъ. Это постановленіе, уравновѣшивающее повидимому всѣ интересы, считалось въ свое время геніяльнымъ; оно не имѣло худыхъ послѣдствій для потребителей, потому что вывозъ хлѣба изъ Англіи значительно превышалъ привозъ и цѣны, за исключеніемъ развѣ неурожайныхъ годовъ, никогда не достигали такой высоты. Если цѣна переходила за вышеупомянутый предѣлъ, иностранный хлѣбъ допускался для продажи, съ пошлиною 8 шил. съ квартера (**).

Несмотря на такое сильное ограниченіе, оно не казалось еще достаточнымъ для огражденія англійскихъ земледѣльческихъ интересовъ, и черезъ 10 лѣтъ послѣ этого новый билль уничтожилъ всякую плату, взимаемую съ финансовою цѣлью при вывозѣ хлѣба изъ Англіи и даже за каждый квартеръ вывезенной пшеницы выдавалось 5 шил. преміи, ввозъ же дозволялся при рыночной цѣнѣ въ 80 шил. за кварт. — Но такое искуственное возвышеніе цѣны на главный предметъ потребленія народа имѣло самое неблагопріятное вліяніе на народное благосостояніе. Населеніе въ Англіи значительно уже увеличилось въ это время и такая цѣна голодныхъ лѣтъ могла даже угрожать внутренней безопасности; вотъ почему парламентъ поспѣшилъ въ 1773 г. понизить предѣльную цѣну ввоза до 48 шил. Въ 1791 году она снова была возвышена до 54 шил. за квартеръ. Ниже 50 шил. привозъ воспрещался. Въ 1804 г. предѣльная цѣна снова была поднята до 66 шил. за квар.; но военныя событія того времени дѣлали такое ограниченіе недѣйствительнымъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что такія частыя перемѣны тарифа въ отношеніи предмета первой необходимости происходили не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. Франція прибѣгала къ

(*) 11 руб. 55 коп. за четверть.
(**) 1 р. 74 коп. съ четверти.

нимъ столь же часто, хотя земледѣльцы ея не могли имѣть такого сильнаго вліянія на законодательство, какъ въ Англіи. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы земледѣліе въ послѣднемъ государствѣ отстало отъ другихъ промысловъ. Напротивъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія успѣхи его были весьма значительны; но вслѣдствіе изобрѣтеній Аркрейта и Уатта, фабричная дѣятельность получила такое сильное развитіе, а вмѣстѣ съ нею и населеніе такъ умножилось, что въ первые годы XIX вѣка цѣны на хлѣбъ достигли необычайной высоты 115, а въ 1812 г. даже 122 шил. за кв. (25 руб. 20 коп. и 27 руб. 50 коп. за четверть). Нѣтъ сомнѣнія, что такому возвышенію много способствовала война; но какъ бы то ни было, эта высокая цѣна и значительный доходъ съ поземельной собственности привлекли къ ней огромные капиталы и заставили обратить подъ пашню даже такую землю, которая находилась до сихъ поръ подъ пастбищами. Послѣдовавшій затѣмъ обильный урожай, а вслѣдствіе того и упадокъ цѣнъ на хлѣбъ поставили фермеровъ въ самое затруднительное положеніе, такъ что даже охранительный тарифъ 1804 г. казался имъ недостаточнымъ. Безчисленныя петиціи фермеровъ представлены были въ парламентъ, и въ 1815 г. послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было, что цѣна 80 шил. за кв. полагается необходимою для вознагражденія фермеровъ за издержки производства, и дозволенъ былъ свободный привозъ хлѣба изъ-за границы только при этой и высшей цѣнѣ; при низшей же запрещенъ безусловно.

Билль этотъ принятъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, но возбудилъ въ народѣ сильное волненіе, которое заставило правительство окружить парламентъ войскомъ и употребить оружіе для усмиренія возстанія. Въ верхней палатѣ 10 перовъ сильно возстали противъ этого закона, названнаго ими закономъ голода, и послѣ продолжительной оппозиціи внесенъ былъ ими въ книгу краснорѣчивый протестъ, написанный лордомъ Гранвиллемъ. Полагаютъ, что причина, побудившая парламентъ принять этотъ билль, заключалась въ упадкѣ монетной системы тогдашняго времени. Значительный выпускъ билетовъ англійскаго банка произвелъ пониженіе въ ихъ курсѣ. Въ 1797 г. находилось въ обращеніи банковыхъ билетовъ на $8^1/_2$ милл., фунт. стер., а въ 1815 г. было ихъ уже болѣе 27 милл. (168,750,000 руб.), и они упали почти 25% противу звонкой монеты. Опасаясь еще болѣе значительнаго пониженія, пока законъ, освобождавшій банкъ отъ размѣна своихъ билетовъ на звонкую монету, не будетъ уничтоженъ, землевладѣльцы настояли на принятіе билля, который защищалъ ихъ отъ уменьшенія дохода съ поземельной собственности.

II.

Миръ, послѣдовавшій за окончаніемъ войны, возбужденной французской революціею, можетъ почитаться началомъ новой эпохи въ промышленномъ развитіи Англіи. Самымъ замѣчательнымъ слѣдствіемъ этой борьбы былъ рѣзкій предѣлъ, поставленный ею между прошедшимъ и настоящимъ временемъ въ политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ Великобританіи къ другимъ государствамъ. Въ кровавыхъ сраженіяхъ временъ Наполеона какъ будто погибли всѣ прежнія дипломатическія преданія; явились новыя потребности и международныя сношенія получили совершенно новый видъ. Торговое положеніе Англіи въ это время заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нельсонъ уничтожилъ морскія силы континентальныхъ державъ, и Англія, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, не имѣла соперниковъ между первостепенными державами въ господствѣ на моряхъ. Безпрестанныя войны препятствовали развитію фабричной дѣятельности на материкѣ Европы и Великобританія сдѣлалась всемірнымъ рынкомъ для сбыта и покупки самыхъ разнообразныхъ произведеній. Для удержанія за собою столь выгоднаго положенія, ей стоило только войти въ дружелюбныя торговыя сношенія со всѣми европейскими государствами и допустить къ своимъ владѣніямъ всѣ народы для свободнаго обмѣна ихъ произведеній. Къ несчастью государственные люди, управлявшіе въ то время британскою политикою, не могли или не умѣли воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами и не предвидѣли, какія гибельныя последствія могутъ произойти отъ принятой ими узкой и эгоистической торговой системы. Не смотря на то, что англійскій народъ имѣлъ въ естественномъ богатствѣ желѣза и каменнаго угля, въ пріобрѣтенной ловкости работниковъ всѣ условія для сильнаго развитія мануфактурной дѣятельности и для превосходства своего надъ другими, правительство старалось обезпечить его положеніе посредствомъ разнаго рода торговыхъ ограниченій. Въ таможенномъ тарифѣ не была пропущена ни одна статья привоза, которая только могла сдѣлаться предметомъ общаго потребленія. Такихъ статей находилось въ немъ 1,100 (кромѣ 200 предметовъ безусловно запрещенныхъ). Между болѣе важными предметами, хотя дозволенными къ привозу, но обложенными столь высокими пошлинами, что ихъ можно считать почти запрещенными, довольно указать на иностранный сахаръ, съ котораго взималось пошлины 6 р. 50 к.. съ пуда, между тѣмъ какъ съ привозимаго изъ англійскихъ колоній только 3 р.; лѣсъ привозимый съ береговъ Балтійскаго моря платилъ пошлины отъ 100—500 проц.

своей стоимости для покровительства канадскаго, малгоднаго для построекъ; чай, съ котораго взималось въ казну болѣе 300 проц. его стоимости. Къ нимъ нужно прибавить еще стекляныя и кожевенныя издѣлія, красильныя вещества, рогатый скотъ, овцы, мясо и вообще всѣ съѣстные припасы и фабричныя издѣлія, которыя могли соперничать съ производимыми внутри государства.

Въ такомъ положеніи находился англійскій таможенный уставъ въ началѣ 1815 г. Не смотря на сильно протекціонный его характеръ, нѣсколько событій происшедшихъ около этого времени предвѣщало, что въ немъ скоро должны будутъ послѣдовать нѣкоторыя перемѣны. Одно изъ самыхъ важныхъ и много обѣщающихъ въ будущемъ было измѣненіе, сдѣланное въ хартіи Остъ-Индской Компаніи, которая исключительно завладѣла торговлею съ Остъ-Индіею и Китаемъ и, не допуская къ ней частныхъ предпринимателей, заставляла потребителей платить чрезмѣрныя цѣны за предметы ежедневнаго потребленія, чтобы вознаградить себя за безразсудное и расточительное управленіе подчиненною ей страною.

Въ 1814 г. торговля съ президентствами мадрасскимъ, калькутскимъ и бомбейскимъ и съ портомъ Пенангъ сдѣлалась доступною для всѣхъ подданныхъ Англіи. Въ слѣдующемъ году произошла значительная реформа въ сношеніяхъ этого государства съ Соединенными Штатами. Со времени принятія сѣверо-американскимъ конгрессомъ репрессальныхъ мѣръ противъ Англіи, правительства обѣихъ странъ вели между собою упорную таможенную борьбу, съ неизчислимыми потерями для обоюдныхъ торговыхъ интересовъ. Вслѣдствіе высокихъ разничныхъ пошлинъ ни одна нація не хотѣла вывозить своихъ товаровъ на корабляхъ другой, что заставляло каждую изъ нихъ держать излишнее число купеческихъ судовъ. Если бы подобное явленіе происходило въ небольшихъ размѣрахъ, оно казалось бы только смѣшнымъ, но торговыя сношенія между ними увеличивались каждый годъ и потому объемъ зла подѣйствовалъ на его исправленіе; сами купцы не могли болѣе вынести такого положенія и конвенціею 1815 г. оба народа поставлены были на степень совершеннаго равенства. Чрезъ 7 лѣтъ эта уступка была распространена и на другія государства, когда въ 1822 г. Пруссія объявила намѣреніе употребить такую же репрессалію противъ англійскихъ кораблей и товаровъ, если ея корабли не будутъ освобождены отъ тяжелыхъ налоговъ, которымъ они подвергались въ великобританскихъ портахъ. Вслѣдствіе искусно веденныхъ Пруссіею переговоровъ изданъ былъ въ Великобританіи *актъ о взаимности пошлинъ* (Reciprocity of duties act), по которому правительство получило власть распространить и на другія страны усло-

вія, содержащіяся въ конвенціи 1815 г. На этомъ основаніи заключены были договоры съ Голландіею, Пруссіею, Гановеромъ, Мекленбургомъ и Даніею, а вскорѣ послѣ съ Ганзейскими городами, Франціею, Швеціею и Норвегіею, Папскою Областью, Австріею и Мехикою. Къ этому же періоду относится первое волненіе, произведенное въ 1816 г. необыкновенною дороговизною хлѣба, которое въ слѣдующемъ году превратилось въ явное возмущеніе, когда толпа народа, собравшись на Петровскомъ полѣ въ Манчестерѣ, рѣшилась идти въ Лондонъ и просить регента объ облегченіи ея участи. При этомъ разнеслась молва по всему государству, что возстаніе сдѣлается общимъ во всѣхъ сѣверныхъ и среднихъ графствахъ. Дѣйствительно, правительство принуждено было употребить военную силу, чтобы удержать возмутителей на пути въ Ноттингемъ, при чемъ казнены были трое изъ главныхъ предводителей. Это однако нисколько не усмирило возстанія, потому что 16 августа 1819 г. 100,000 работниковъ надъ начальствомъ Гента снова вошли въ Манчестеръ для совѣщанія о своемъ бѣдственномъ положеніи и принятія какихъ нибудь мѣръ для его улучшенія. Въ этомъ собраніи они единогласно рѣшили домогаться уничтоженія народнаго долга и совершеннаго преобразованія нижней палаты, которая по ихъ мнѣнію была продана лордамъ. Хотя эта толпа была тоже разсѣяна вооруженною силою, но правительство нашлось вынужденнымъ издать 6 новыхъ устрашительныхъ законовъ и пріостановить дѣйствіе Habeas corpus для совершеннаго возстановленія порядка и внутренняго спокойствія. Эти событія открыли глаза правительству, которое начало понимать, что строгіе охранительные законы были причиною бѣдствій, производя искуственную дороговизну съѣстныхъ припасовъ и закрывая рынки для сбыта англійскихъ издѣлій въ европейскихъ государствахъ, начавшихъ по примѣру Англіи вводить у себя такія же ограниченія, а уменьшеніе сбыта по необходимости должно было дѣйствовать и на уменьшеніе задѣльной платы рабочаго класса. Въ тоже время множество англійскихъ работниковъ начало переселяться на континентъ, основывая и поддерживая тамъ фабрики, которыя при содѣйствіи охранительныхъ пошлинъ вытѣсняли изъ внутренняго потребленія великобританскіе товары. Тогда пробудилось и общественное мнѣніе. Многіе изъ самыхъ практическихъ людей, подъ вліяніемъ ученія Адама Смита, начали убѣждаться, что высокія пошлины не только вредны для частныхъ лицъ, но и уменьшаютъ казенный доходъ Вслѣдствіе этого было подано въ парламентъ множество прошеній отъ главныхъ промышленныхъ городовъ Англіи, изъ которыхъ самое замѣчательное составлено было богатѣйшими торговыми домами въ Лондо-

нѣ. Изложенныя въ немъ начала, будучи представлены фабрикантами и купцами, много лѣтъ занимавшимися самою обширною торговлею, пріобрѣли авторитетъ, которымъ прикрывались впослѣдствіи государственные люди и снискали славу его редактору Туку, извѣстному автору сочиненія «Исторія цѣнъ». Кромѣ того, оно немедленно вызвало нѣкоторыя таможенныя преобразованія въ Англіи и имѣло вліяніе на послѣдующія рѣшенія парламента, потому мы рѣшаемся здѣсь привести главныя его положенія:

«Основываясь на томъ, что внѣшняя торговля служитъ для народа обильнымъ источникомъ богатства и благоденствія, давая ему возможность привозить такіе товары, которыя въ другихъ странахъ имѣютъ для своего производства болѣе свойственную почву, климатъ, капиталы и промышленную дѣятельность, и вывозить тѣ, которыя онъ самъ производитъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ;

что уничтоженіе всѣхъ запрещеній доставило бы внѣшней торговлѣ самое обширное развитіе, а капиталамъ и промышленной дѣятельности государства самое лучшее направленіе;

что правило покупать товары, гдѣ они дешевле, и продавать, гдѣ дороже, управляющее дѣйствіями каждаго отдѣльнаго купца, съ совершенною точностью можетъ быть примѣнено и къ торговли всего народа и служитъ ему самымъ лучшимъ руководствомъ;

что политика, основанная на такомъ правилѣ, сдѣлала бы всемірную торговлю обмѣномъ взаимныхъ выгодъ и увеличила бы массу богатства и потребленія жителей каждаго государства;

что, къ несчастью, до сихъ поръ преобладаетъ болѣе или менѣе противоположная политика не только у нашего правительства, но и у всѣхъ другихъ; каждое изъ нихъ старается исключить чужія произведенія, съ благовидною цѣлью и похвальнымъ намѣреніемъ покровительствовать собственной промышленности, но въ окончательномъ результатѣ подвергаетъ потребителей, то есть весь народъ, лишеніямъ въ количествѣ или качествѣ товаровъ, и измѣняетъ такимъ образомъ этотъ источникъ взаимныхъ выгодъ и согласія между государствами въ вѣчный поводъ зависти и непріязни;

что господствующіе предразсудки въ пользу запретительной и охранительной системы основываются на томъ ложномъ предположеніи, будто всякій ввозъ иностранныхъ товаровъ уменьшаетъ или обезсиливаетъ въ такой же пропорціи народную промышленность; но что если извѣстная отрасль труда, будучи не въ состояніи выдержать неограниченнаго соперничества съ иностранцами и дѣйствительно будетъ оставлена, то никакой привозъ не можетъ продолжаться безъ соотвѣтственнаго вывоза, прямаго или косвеннаго, и

другая отрасль болѣе сильная разовьется въ такой же или большей мѣрѣ вывоза, представляя для нашего труда и нашихъ капиталовъ занятіе равное, если не болѣе значительное и прибыльное, — легко доказать, что изъ всѣхъ покровительственныхъ или запретительныхъ пошлинъ, лежащихъ на обществѣ въ видѣ тяжелаго налога, только самая незначительная часть доставляетъ барышъ тѣмъ, въ пользу которыхъ онѣ установлены, и ни одна изъ нихъ не вознаграждаетъ потерь, которыя приноситъ всѣмъ классамъ общества;

что одно изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій охранительной системы заключается въ томъ, что искуственное покровительство, доставляемое одной изъ отраслей промышленности, служитъ предлогомъ домогательства для всѣхъ другихъ, такъ что, слѣдуя строгой логикѣ въ этомъ отношеніи, слѣдовало бы прекратить всѣ внѣшнія торговыя сношенія, и что доказательства, ведущія къ такой крайности, могли бы точно такимъ же образомъ оправдать возстановленіе преградъ для свободнаго обмѣна произведеній между тремя соединенными королевствами или даже между отдѣльными графствами;

что изученіе вредныхъ послѣдствій охранительной системы весьма удобно, особенно въ настоящее время, и, по мнѣнію просителей, привело бы къ убѣжденію, что нищета, повсюду господствующая, значительно усилена этою системою и что можно было бы облегчить ее только самымъ скорѣйшимъ уничтоженіемъ ограниченій, которыя приводятъ въ бездѣйствіе капиталы и отечественную промышленность безъ всякаго вознагражденія для государственнаго дохода;

что явное отверженіе антикоммерческихъ началъ нашей охранительной системы важно теперь тѣмъ болѣе, что иностранные купцы и фабриканты съ нѣкотораго времени безпрестанно осаждаютъ свои правительства требованіями новыхъ запрещеній или болѣе высокихъ пошлинъ, основываясь на примѣрѣ Англіи;

что лучшее средство для уничтоженія коммерческой непріязни другихъ государствъ насъ противу заключается въ принятіи съ нашей стороны въ руководство болѣе дружелюбной и свободной торговой политики;

что въ окончательномъ результатѣ система управленія, основанная на свободной торговлѣ, есть въ тоже время самая выгодная;

просители обращаются къ мудрости парламента съ просьбою принять такія мѣры, которыя бы, предоставляя болѣе свободы внѣшней торговлѣ, могли увеличить вмѣстѣ съ тѣмъ и народное благосостояніе.»

Слѣдствіемъ этого прошенія было немедленное назначеніе комитетовъ въ обѣихъ палатахъ для изъисканія средствъ къ развитію и улучшенію торговли. При этомъ глава тогдашняго министер-

ства, лордъ Ливерпуль объявилъ въ верхней палатѣ, что совершенно убѣжденъ въ справедливости началъ свободной торговли и въ возможности безотлагательнаго ихъ примѣненія ко всѣмъ отраслямъ народной дѣятельности, за исключеніемъ только земледѣлія, шелковыхъ и льняныхъ фабрикъ.

Комитетъ нижней палаты въ представленномъ имъ рапортѣ указалъ на страшное замѣшательство, господствующее въ таможенномъ тарифѣ и присходящее, по его мнѣнію, отъ множества самыхъ разнообразныхъ постановленій, изданныхъ въ различное время, изъ которыхъ значительная часть не имѣла уже никакого смысла, а только подавала поводъ къ несправедливымъ конфискаціямъ и стѣсняла торговлю. Онъ доказывалъ необходимость отмѣны нѣкоторыхъ ограниченій, особенно въ отношеніи привоза колоніяльныхъ произведеній изъ европейскихъ портовъ.

Такія изслѣдованія приготовляли путь послѣдующимъ министерствамъ къ преобразованіямъ таможеннаго законодательства. Правительство и теперь сдѣлало нѣкоторыя уступки, дозволивъ въ 1821 г. всѣмъ англійскимъ купцамъ торговать непосредственно съ Восточною Индіею, чѣмъ уже шесть лѣтъ пользовались Соединенные Штаты, и снявъ пошлину со строительнаго и мачтоваго лѣса, привозимаго съ береговъ Балтійскаго моря. Въ томъ же году назначенъ былъ нижнею палатою новый комитетъ, вызванный безчисленнымъ множествомъ прошеній, поступившихъ въ парламентъ отъ земледѣльцевъ, жаловавшихся на упадокъ цѣнъ, произведенный, по ихъ мнѣнію, биллемъ 1819 г., по которому уничтожался принужденный курсъ банковыхъ билетовъ, установленный въ 1797 г., и англійскій банкъ долженъ былъ снова принимать ихъ къ размѣну на звонкую монету. Въ превосходномъ рапортѣ комитетъ доказывалъ, что виною всѣхъ бѣдствій и частыхъ перемѣнъ, происходящихъ въ цѣнѣ хлѣба, есть законъ 1815 году, который, запрещая привозить его изъ–за границы до тѣхъ поръ, пока цѣна на внутреннихъ рынкахъ не достигнетъ 80 шил. за квартиръ, а при такой и высшей цѣнѣ открывая совершенно свободный ввозъ его, давалъ поводъ къ разорительнымъ для бѣднаго класса спекуляціямъ и не позволялъ установиться постояннымъ среднимъ цѣнамъ.

Въ слѣдующемъ году палата назначила новый комитетъ по этому же предмету, котораго заключенія были совершенно противоположны предъидущимъ. Это вызвало замѣчательную брошюру Рикардо «On protection to the agriculture», которая считается однимъ изъ лучшихъ сочиненій этого писателя. Въ ней онъ доказываетъ, что высокая цѣна

хлѣба, проистекающая вслѣдствіе запрещенія или ограниченія свободнаго привоза его изъ-за границы, гибельна для всѣхъ классовъ общества, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поземельныхъ владѣльцевъ; что протекція не улучшаетъ положенія фермеровъ, которые при высокихъ цѣнахъ хлѣба должны платить и высокую ренту, и наконецъ, что она уменьшаетъ доходъ всѣхъ другихъ предпринимателей, заставляя ихъ платить большую задѣльную плату.

Не смотря на всѣ усилія Хускиссона и на замѣчательные труды предъидущаго комитета, палата согласилась съ представленными ей заключеніями. Предѣльная цѣна запрещенія была понижена съ 80 ш. за кв. до 70 шил., но какъ въ тоже время произошло общее пониженіе всѣхъ цѣнностей, вслѣдствіе замѣна бумажныхъ денегъ металлическими, то это пониженіе было только номинальное. Кромѣ того постановлено было взимать пошлины 12 ш. съ кв. привозимой пшеницы при цѣнѣ ея внутри государства отъ 70—80 ш. за кв. и 5 ш. при цѣнѣ отъ 80—85 ш.

III.

Новый періодъ открывается пятью предложеніями, сдѣланными въ нижней палатѣ вице-президентомъ Торговаго Совѣта Валлисомъ, въ духѣ свободной торговли, которыя получили силу закона въ томъ же 1822 году. Первый билль уничтожалъ всѣ постановленія внѣшней торговлѣ, изданныя до навигаціоннаго акта. Вторымъ измѣнялись нѣкоторыя статьи навигаціоннаго акта, въ отношеніи всѣхъ государствъ, которыя заключатъ торговые договоры съ Великобританіею на основаніи акта о взаимности пошлинъ. По третьему дозволялось привозить нѣкоторые товары изо всѣхъ европейскихъ портовъ на корабляхъ, принадлежащихъ странамъ, изъ которыхъ они вывозились. Въ числѣ этихъ товаровъ были сало и табакъ. Произведенія Южной Америки дозволено было привозить на корабляхъ тѣхъ странъ, гдѣ они добывались, но съ условіемъ, что англійскій купеческій флотъ будетъ въ нихъ пользоваться такими же правами. Четвертый билль относился до торговли съ американскими колоніями. На основаніи его позволялось привозить извѣстные продукты этихъ странъ, большею частью сырые матеріалы и съѣстные припасы, съ платежемъ пошлины, въ опредѣленные порты, которыхъ число могло быть увеличено по распоряженію правительства, на судахъ англійскихъ или принадлежащихъ мѣстамъ

ихъ производства, откуда они могли вывозиться въ другія колоніи или въ Великобританію. Наконецъ пятый билль опредѣлялъ условія сношеній этихъ колоній съ другими частями свѣта. Всѣ мѣстныя колоніяльныя произведенія позволено было вывозить во всѣ европейскіе и африканскіе порты, а изъ этихъ портовъ привозить въ колоніи исчисленные товары, но не иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ.

Въ 1823 г., произошла значительная перемѣна въ англійскомъ министерствѣ, главою котораго сдѣлался Каннингъ на мѣсто Кастельрэ; Робинсонъ принялъ на себя обязанность канцлера казначейства, а Хускиссонъ должность предсѣдателя Торговаго Совѣта (*). Хускиссонъ обращалъ на себя особенное вниманіе парламента и всего народа. Медленно проходя всѣ административныя ступени, онъ имѣлъ возможность практически изучить многіе финансовые и экономическіе вопросы и, владѣя необыкновеннымъ даромъ слова, умѣлъ съ большимъ талантомъ перелить въ массы своихъ слушателей и читателей личныя свои убѣжденія. Въ странѣ, гдѣ каждый могъ свободно излагать свои мысли, онъ долженъ былъ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностію, чтобы не слишкомъ вооружить противъ себя общественное мнѣніе, которое сильно склонялось въ это время къ охранительной системѣ; поэтому не станемъ удивляться, что большая часть предлагаемыхъ имъ реформъ не исключали протекціи. Ни Хускиссонъ, ни Пиль не раздѣляли сначала мнѣнія экономистовъ въ отношеніи свободной торговли, и только глубокое изученіе самыхъ фактовъ довело ихъ до сознанія ея необходимости для народной пользы. Это обстоятельство весьма для насъ важно, какъ доказательство того, что нельзя упрекнуть ихъ въ приверженности къ отвлеченнымъ теоріямъ.

Хускиссонъ началъ свои реформы во внѣшней торговлѣ пересмотромъ законовъ, относящихся до шелковой промышленности. Шелковыя фабрики получили довольно значительное развитіе со времени переселенія 70,000 французскихъ гугенотовъ въ Англію послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта. Съ этого времени онѣ пользовались высокими охранительными пошлинами, а въ 1765 году было даже запрещено привозить шелковыя ткани изъ Франціи. Робинсонъ, представляя проэктъ закона объ уничтоженіи этого запрещенія въ 1824 г., замѣчалъ весьма основательно, что всякое запрещеніе иностранныхъ товаровъ должно уменьшать сбытъ собственныхъ произведеній, потому что, уменьшая число продавцевъ, мы уменьшаемъ и

(*) Первая должность соотвѣтствуетъ въ другихъ государствахъ должности министра финансовъ, вторая — министра торговли.

число покупателей, а во-вторыхъ — оно побуждаетъ другія государства къ подобнымъ же запрещеніямъ, противъ которыхъ такъ сильно возстаютъ англійскіе фабриканты, хотя первые подаютъ поводъ и примѣръ. Приверженцы запретительной системы говорили, что при свободной конкуренціи англійскіе мануфактуристы должны будутъ непремѣнно разориться. Тогда Хускиссонъ, защищая проэктъ, представленный его товарищемъ, представилъ многія доказательства, что сами фабриканты въ Лондонѣ и Вестминстерѣ стѣсняются этимъ запрещеніемъ, и указалъ на огромные успѣхи, сдѣланные бумажными фабриками въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, хотя онѣ никогда не пользовались никакою протекціею. «Покровительство, прибавилъ онъ, нужно сказать это къ стыду Англіи, причина тому, что мы въ шелковомъ производствѣ такъ далеко отстали отъ нашихъ сосѣдей.»

Чтобы не подвергать опасности довольно значительныхъ капиталовъ, затраченныхъ на это производство, правительство, оставляя пошлину на иностранныя шелковыя издѣлія въ 30% ad valorem и уменьшая ее на шелкъ сырецъ и трощеный съ 4 и 14 шил. 8 п. съ фунта до 1 и 3 шил. 6 п., предложило снять запрещеніе только чрезъ 2 года. Хускиссонъ, оканчивая свою рѣчь при громкихъ рукоплесканіяхъ, прибавилъ: «Я говорю вамъ это не подъ вліяніемъ теоріи; въ теченіе моей государственной жизни я видѣлъ много примѣровъ неточности различныхъ теорій, и потому не увлекаюсь ими. Если станутъ меня обвинять въ сильной наклонности къ началамъ свободной торговли, то объявляю себя впередъ виноватымъ; но эти начала основаны у меня на опытѣ. Примѣняя ихъ къ коммерческимъ интересамъ нашего государства, они становятся еще болѣе очевидными. Наше богатство и промышленность, наша ловкость и благосостояніе призываютъ насъ къ свободнымъ сношеніямъ съ другими странами и, дѣйствуя такимъ образомъ, я убѣжденъ, что дѣйствую для блага моего отечества». Въ началѣ этого же года, по предложеніи Юма, нижняя палата назначила комитетъ для изслѣдованія вліянія на народное благосостояніе трехъ равно стѣснительныхъ законовъ, запрещающихъ вывозъ множества машинъ и орудій, переселеніе работниковъ въ другія государства и коалиціи ихъ между собою для установленія задѣльной платы и числа часовъ работы на фабрикахъ. Послѣдніе два закона по представленію комитета были уничтожены, но первый имѣлъ за себя большинство членовъ палаты. Не смотря на то, что законъ этотъ, изданный за 40 лѣтъ тому назадъ, заключалъ въ себѣ многія, довольно странныя противорѣчія, что онъ давалъ поводъ къ безчисленнымъ обманамъ

и не соотвѣтствовалъ тогдашнему развитію промышленности, фабриканты всѣхъ значительныхъ городовъ Англіи считали существованіе его необходимымъ. Послѣ продолжительнаго спора предложеніе объ уничтоженіи этого закона было отвергнуто, но королевскому совѣту предоставлялась власть смягчать его ограничительныя дѣйствія, и Хускиссонъ принялъ за правило дозволять вывозъ всѣхъ громоздкихъ машинъ и запрещать только новоизобрѣтенныя. Наконецъ къ числу важнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ 1824 г. нужно отнести уменьшеніе пошлины на ромъ, привозимый изъ англійскихъ владѣній, а также на привозную и вывозную шерсть. Оба эти предмета еще больше были облегчены въ слѣдующемъ году. Но самое замѣчательное преобразованіе, совершенное въ 1824 году, заключалось въ уничтоженіи таможенныхъ преградъ, существовавшихъ до сихъ поръ между Англіею и Ирландіею, и введеніи въ нихъ одинаковаго тарифа.

Эта послѣдняя реформа дала поводъ Хускиссону сдѣлать въ 1825 г. предложеніе о допущеніи къ торговли съ колоніями на тѣхъ же правахъ, какими пользовались Соединенные Штаты. Предложеніе это было принято и, начиная съ 1-го января 1826 г., получило силу закона. Товары, неподлежащіе запрещенію, могли быть привозимы въ колоніи всѣхъ странъ съ платою отъ $7^1/_2$ до 30 проц. пошлины ad valorem. Для вывоза колоніяльныхъ произведеній допущены были корабли всѣхъ націй, у которыхъ англійскіе купцы пользовались подобными же правами. Значительное потребленіе кофе заставило правительство уменьшить на него пошлину въ половину противъ прежней и смягчить ее на вино, пеньку, ленъ, желѣзо, мѣдь, цинкъ, олово и свинецъ. Пошлина на привозимыя бумажныя ткани уменьшена была до 10 проц. по цѣнности; на льняныя до 25 проц., но нераньше какъ чрезъ 8 лѣтъ, въ теченіе которыхъ пошлина, наложенная на каждый родъ тканей отдѣльно, должна была ежегодно и постепенно уменьшаться до вышеозначеннаго предѣла.

Предлагая эти и другія уменьшенія, министръ торговли доказывалъ ихъ пользу примѣромъ необыкновенныхъ успѣховъ, какіе сдѣланы были англійскими фабрикантами, когда по договору съ Франціею въ 1786 г. произведены были гораздо значительнѣйшія облегченія въ торговыхъ сношеніяхъ между этими народами. «Хотя задѣльная плата и низка на континентѣ, сказалъ онъ, и уменьшаетъ издержки производства, но она одна недостаточна для того, чтобы склонить вѣсы на сторону иностранцевъ. Со времени изобрѣтенія паровой машины и примѣненія къ производству стольких открытій химическихъ и механическихъ, ручной трудъ исчезаетъ передъ твор-

ческими способностями ума. Соединеніе этихъ способностей и великихъ капиталовъ, которыми они управляютъ, отличаетъ великобританскую промышленность отъ всѣхъ другихъ и ставитъ ее на первомъ мѣстѣ въ цѣломъ мірѣ. Прибавьте къ этому смѣлость и послѣдовательность въ предпріятіяхъ, постоянство и энергію въ усиліяхъ, свойственныя только англійскому характеру по признанію даже нашихъ соперниковъ, и вы согласитесь со мною, что наше коммерческое превосходство должно болѣе основываться на этихъ качествахъ, чѣмъ на преміяхъ или охранительной системѣ». Мы нарочно привели эти слова, чтобы показать, что въ этой Англіи, которой постоянно приписываютъ макіавеллієвскую политику, фабриканты столь же сильно сопротивлялись таможеннымъ реформамъ и доказывали, что свободное соперничество будетъ для нихъ гибельно, какъ это еще въ настоящее время утверждаютъ во Франціи и въ другихъ государствахъ. «Пусть мой почтенный другъ, заключалъ Хускиссонъ свою рѣчь, министръ финансовъ, продолжаетъ въ каждое засѣданіе представлять палатѣ доказательства, что отъ уменьшенія излишнихъ пошлинъ увеличивается государственный доходъ; пусть другія государства видятъ, что, несмотря на такія ежегодныя уменьшенія, казна у насъ полна, и я не сомнѣваюсь, что чрезъ нѣсколько лѣтъ имъ откроются глаза. Они повѣрятъ нашей откровенности, которую теперь подозрѣваютъ, и послѣдуютъ для собственной своей пользы нашему примѣру, какъ прежде подражали намъ въ запрещеніяхъ и ограниченіяхъ.»

Къ числу важнѣйшихъ преобразованій во внѣшней торговлѣ, сдѣланныхъ въ этомъ году, нужно отнести еще составленіе новаго таможеннаго устава. Этотъ огромный трудъ, состоящій въ отмѣнѣ старыхъ постановленій, не имѣющихъ уже никакого значенія, въ замѣненіи ихъ новыми и, главное, въ упрощеніи формъ, столь стѣснительныхъ для торговыхъ сдѣлокъ, былъ исполненъ таможеннымъ контролеромъ Д. Юмомъ подъ наблюденіемъ Хускиссона.

Но ни одинъ предметъ торговаго законодательства не подвергался такимъ измѣненіямъ и не вызывалъ столь энергическихъ споровъ, какъ хлѣбные законы. Со времени *билля*, изданнаго въ 1822 г.; состояніе рабочаго класса, преимущественно въ мануфактурныхъ округахъ, возбудило въ людяхъ благомыслящихъ живѣйшее участіе. Голодъ порождалъ многія преступленія и ропотъ неудовольствія раздавался во всѣхъ частяхъ государства. Не смотря на благотворительныя усилія частныхъ лицъ, не смотря на даровую раздачу соли, одежды и угля въ мѣстахъ, наиболѣе страдающихъ отъ высокой цѣны хлѣ-

ба, неудовольствіе не уменьшалось: бѣдные инстинктивно сознавали, что необходима справедливость, одинаковая для всѣхъ классовъ, а не милостыня, для радикальнаго прекращенія бѣдствія. Благотворительность со стороны людей, создавшихъ законнымъ образомъ голодъ и послѣ старающихся въ филантропіи найти средство къ уменьшенію зла, изъ него проистекающаго, возбуждала сильное недовѣріе. Фабриканты согласны были на всѣ таможенныя реформы, но домогались только снятія запрещенія съ иностраннаго хлѣба. Между тѣмъ цѣль, предполагаемая закономъ 1822 г., не была достигнута, потому что среднія цѣны пшеницы въ послѣдніе 3 года отъ внутренняго соперничества понизились до 58 и даже 55 шилл. за квартеръ. При такомъ состояніи замлевладѣльцы и думать не хотѣли о какомъ бы то ни было пониженіи пошлины. Они указывали на магазины континентальныхъ державъ, наполненные хлѣбомъ и ожидающіе только открытія свободнаго привоза, чтобы наполнить Англію своими запасами и сдѣлать земледѣліе въ ней невозможнымъ.

Такимъ образомъ Хускиссонъ находился между двумя противными партіями и принялъ между ними весьма трудную роль посредника. Онъ былъ убѣжденъ, что радикальной реформы въ этомъ отношеніи сдѣлать невозможно, и старался только облегчить путь своимъ преемникамъ къ будущимъ преобразованіямъ. Вотъ почему въ рѣчахъ его съ этого времени мы часто встрѣчаемъ противорѣчіе съ его убѣжденіями и тѣми началами, которыми онъ руководствовался во всѣхъ другихъ случаяхъ. Когда фабриканты упрекали его въ непослѣдовательности, что онъ, снимая всѣ запрещенія и уменьшая пошлину на мануфактурныя издѣлія, не опасался для нихъ вреднаго вліянія иностраннаго соперничества и въ тоже время съ такою заботливостью старался устранить это соперничество для предмета первой необходимости, Хускиссонъ представлялъ, что эти издѣлія производятся въ Англіи гораздо дешевле, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ, между тѣмъ какъ земледѣліе находится въ обратномъ положеніи, а между тѣмъ на благосостояніи класса землевладѣльцевъ основывается могущество Великобританіи. Но, защищая интересъ поземельныхъ собственниковъ, онъ хотѣлъ однако стѣснить предѣлы покровительства, которымъ они пользовались, и представлялъ убѣдительные факты вреднаго его вліянія и совершенной недѣйствительности. Такъ, напримѣръ, искуственная дороговизна дѣлала жизнь въ Англіи для бѣдныхъ работниковъ почти невозможною, и многіе изъ нихъ переселялись въ другія государства. Кромѣ того перемѣщеніе капиталовъ дѣлалось годъ отъ году значительнѣе и эти два обстоятельства по необходимости должны были про-

изводить упадокъ цѣнъ на хлѣбъ и угрожали земледѣлію продолжительнымъ, а можетъ быть и постояннымъ страданіемъ. Вслѣдствіе дороговизны пшеницы уменьшалось ея потребленіе и колебаніе цѣнъ приносило значительныя потери даже для самыхъ землевладѣльцевъ. Къ чему послужилъ законъ 1822 г., когда въ продолженіе только $2^1/_2$ лѣтъ цѣна на хлѣбъ измѣнялась отъ 112 шилл. за квартеръ до 38 шилл.?

Еще въ 1825 году Хускиссонъ, желая предупредить угрожавшій въ это время голодъ, сдѣлалъ предложеніе допустить къ продажѣ хлѣбъ, находящійся въ лондонскихъ складочныхъ магазинахъ, и допустить привозъ его изъ Канады, установивъ для него постоянную пошлину. Палаты согласились, но послѣдняя мѣра принята была, вопреки желанію министра торговли, только какъ временная и въ видѣ исключенія. Имѣя въ виду необходимость облегчить участь бѣдныхъ потребителей, Хускиссонъ желалъ этого достигнуть другимъ образомъ; онъ старался подѣйствовать на умы тѣхъ, которые, имѣя власть издавать законы, обязательные для всѣхъ классовъ общесства, пользовались этимъ правомъ до сихъ поръ только съ видимою цѣлью обезпечить свои личные интересы. Для этого онъ поручилъ Вильяму Джекобу, человѣку весьма дѣятельному и по своей должности (*) хорошо ознакомленному съ этимъ предметомъ, изучить состояніе сельскаго хозяйства и торговли хлѣбомъ на континентѣ. Джекобъ посѣтилъ значительную часть Европы, преимущественно останавливаясь въ прусскихъ прибалтійскихъ провинціяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, и вездѣ нашелъ земледѣліе на низкой степени развитія. Но больше всего его удивила незначительность запаса хлѣба, находившагося въ этихъ странахъ. Такъ, въ Помераніи въ Данцигѣ, Эльбингѣ и Любекѣ нашелъ онъ въ магазинахъ, въ августѣ и сентябрѣ 1825 г. не болѣе 460,000 квар. пшеницы (**); въ русскихъ прибалтійскихъ, датскихъ и мекленбургскихъ портахъ, въ Бременѣ и Гамбургѣ вмѣстѣ взятыхъ, не болѣе 210,000 кв. (***). Въ Варшавѣ, Казимирѣ и Краковѣ обширныя зданія для храненія хлѣба нашелъ онъ совершенно пустыми. Весь бассейнъ Вислы могъ доставить, даже при такихъ высокихъ цѣнахъ, какія господствовали въ Европѣ съ 1791 — 1801, для иностранной продажи не болѣе полмилліона квартеровъ. На основаніи этихъ фактовъ, опровергающихъ совершенно неосновательныя предположенія протек-

(*) Онъ былъ генеральнымъ инспекторомъ среднихъ цѣнъ хлѣба въ Англіи.
(**) 638,724 четверти.
(***) 387,891 четв. пшен.

ціонистовъ, Джекобъ считалъ возможнымъ соперничество съ иностранцами въ производствѣ пшеницы при постоянной пошлинѣ въ 10 шил. за квартеръ. Но правительство, полагая, что вопросъ этотъ не достигнулъ совершенной зрѣлости, рѣшилось оставить еще на два года въ силѣ прежнее законодательство, хотя неблагопріятные урожаи въ слѣдующемъ году заставили нарушить это обѣщаніе. Каннингъ, опасаясь бѣдственныхъ послѣдствій, которыя обыкновенно порождалъ голодъ, но, въ тоже время не имѣя надежды одолѣть могущественной партіи землевладѣльцевъ въ парламентѣ, предложилъ только двѣ временныя мѣры: 1) дозволить продать около 300,000 кв. пшеницы, находящейся въ складочныхъ магазинахъ въ разныхъ портахъ Англіи, и 2) разрѣшить правительству право допускать къ привозу иностранный хлѣбъ съ пошлиною въ 12 шил. съ кв. На первое палата легко согласилась, тѣмъ болѣе, что уже существовалъ примѣръ подобнаго дозволенія; но второе казалось ей слишкомъ опаснымъ нововведеніемъ. Не смотря на это, крайнія обстоятельства заставили министерство отступить отъ законовъ, и по повелѣнію королевскаго совѣта дозволенъ былъ ввозъ яроваго хлѣба, однако съ условіемъ, что купцы должны будутъ заплатить такую пошлину, какая будетъ впослѣдствіи назначена парламентомъ. Созванный нарочно для этого парламентъ узаконилъ это распоряженіе.

Такая система законодательства не могла уже найти никакого оправданія. Всѣ ученые, занимающіеся экономическими вопросами, къ какой бы политической партіи они ни принадлежали, стали громко ее осуждать. Знаменитый ученый Мэкъ-Коллохъ доказывалъ, что покровительство земледѣлію обходится ежегодно народу по крайней въ мѣрѣ 20 мил. ф. ст. (*), изъ которыхъ 15 мил. составляли чистую потерю, ничѣмъ не вознаграждающуюся для государства, потому что земледѣльцы, обработывая худыя земли, принуждены были больше издерживать на производство хлѣба, чѣмъ издерживалось бы при свободной торговлѣ. Онъ разсматривалъ всѣ налоги, лежащіе на землѣ, и доказалъ фактически, что они не такъ велики, какъ обыкновенно представляютъ землевладѣльцы для того, чтобы оправдать законное покровительство, которымъ они пользовались. Многочисленные митинги, собираемые въ главныхъ мануфактурныхъ городахъ, сильно волновали народъ. При такомъ настроеніи умовъ, министерство надѣялось найти въ палатѣ общинъ большинство въ пользу предполагаемыхъ преобразованій хлѣбныхъ законовъ. Хускиссонъ, одержимый болѣзнью, не могъ лично предложить проэкта новаго закона и обя-

(*) 125 мил. р. сер.

занность эту принялъ на себя Каннингъ, который пользовался необыкновенною популярностью въ нижней палатѣ и послѣ смерти лорда Ливерпуля сдѣлался главою министерства. Послѣ перваго чтенія большинство 69 голосовъ въ нижней палатѣ оказалось въ пользу министерскаго проэкта, который вышелъ невредимъ и послѣ остальныхъ двухъ чтеній; но поправка, предложенная въ палатѣ лордовъ герцогомъ Веллингтономъ и принятая въ ней незначительнымъ большинствомъ, исказила его совершенно и заставила Каннинга взять этотъ проэктъ обратно; первый министръ могъ только получить разрѣшеніе на временный выпускъ хлѣба изъ складочныхъ магазиновъ.

Между тѣмъ министерство вторично отправило на континентъ Джекоба, который въ этотъ разъ особенно изучилъ состояніе земледѣлія и запасныхъ магазиновъ въ Даніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и Ганзейскихъ городахъ. Джекобъ опять нашелъ, что запасы, которыхъ такъ страшились англійскіе землевладѣльцы, были совершенно ничтожны. Въ тоже время онъ представилъ убѣдительныя доказательства, что они могутъ увеличиться только до извѣстнаго весьма незначительнаго предѣла, и наконецъ указалъ на одинъ довольно любопытный фактъ, именно, что цѣна на хлѣбъ упала въ то время, когда его находилось меньше для продажи. Джекобъ полагалъ весьма справедливо, что подобное экономическое явленіе могло произойти только вслѣдствіе запретительной системы, принятой не только въ Англіи, но и въ другихъ государствахъ. Купцы, неувѣренные во времени продажи закупленнаго ими хлѣба и будучи не въ состояніи предвидѣть, куда можно будетъ его отправить, принуждены были продавать его иногда съ потерею.

Послѣ этого донесенія, основаннаго на очевидныхъ данныхъ, сомнѣніе было уже болѣе невозможно.

Всѣ классы производителей, не исключая даже и землевладѣльцевъ, желали выйти изъ такого затруднительнаго, по своей измѣнчивости, положенія и домогались какого нибудь рѣшенія. Вслѣдствіе этого герцогъ Веллингтонъ, заступившій мѣсто Каннинга въ главѣ министерства, представилъ новый проэктъ, который впрочемъ мало отличался отъ прежняго. Единственная разница заключалась только въ назначеніи послѣдней высшей предѣльной цѣны, при которой дозволялся ввозъ иностраннаго хлѣба. Для опредѣленія среднихъ цѣнъ собирались данныя еженедѣльно на 150 рынкахъ Англіи; ирландскіе и шотландскіе были устранены, потому что цѣны хлѣба были на нихъ слишкомъ низки. Проэктъ Веллингтона былъ принятъ палатами въ концѣ 1828 г. Мы приводимъ здѣсь для сравненія оба

эти проэкта подвижной пошлины, которая въ свое время пользовалась большимъ уваженіемъ.

ДОЛЖНО БЫЛО ВЗЫСКИВАТЬ ПОШЛИНЫ.

При средней цѣнѣ на 150 рынкахъ.	По проэкту Каннинга.	По проэкту Веллингтона, принятому парламентомъ.
73 шил. и выше	1 шил.	1 шил.
72 —	1 —	2 — 8 п.
71 —	1 —	6 — 8 —
70 —	1 —	10 — 8 —
69 —	2 —	13 — 8 —
68 —	4 —	16 — 8 —
67 —	6 —	18 — 8 —
66 —	8 —	20 — 8 —
65 —	10 —	21 — 8 —
64 —	12 —	22 — 8 —
63 —	14 —	23 — 8 —
62 —	16 —	24 — 8 —
61 —	18 —	25 — 8 —
60 —	20 —	26 — 8 —
59 —	22 —	27 — 8 —
58 —	24 —	28 — 8 —
57 —	26 —	29 — 8 —
56 —	28 —	30 — 8 —
55 —	30 —	31 — 8 —
54 —	«	32 — 8 —
53 —	«	33 — 8 —

Такая подвижная пошлина, по мнѣнію многихъ, представляла необыкновенныя выгоды для всѣхъ классовъ общества. Она удовлетворяла интересамъ землевладѣльцевъ, обезпечивая имъ во всякое время необходимую цѣну для вознагражденія за издержки производства, устраняла слишкомъ высокія цѣны въ случаѣ неурожая и слѣдовательно охраняла интересъ бѣдныхъ, и наконецъ дѣлала ненужнымъ вмѣшательство власти исполнительной и освобождала ее отъ необходимости пріостанавливать дѣйствіе законовъ; достигала ли она дѣйствительно всѣхъ этихъ результатовъ, объ этомъ мы скажемъ ниже.

Вотъ главныя реформы, произведенныя Хускиссономъ въ таможенномъ тарифѣ. Во все время его управленія потребители были облегчены, вслѣдствіе уменьшенія пошлинъ, на сумму свыше 35 мил. рублей серебромъ, между тѣмъ какъ съ 1814 по 1822 такое об-

легченіе не составляло даже 8 мил. р. Но эти цифры не даютъ еще точнаго понятія о томъ, въ какой мѣрѣ его преобразованія были благодѣтельны для народа. Довольно сказать, что производство и потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ въ теченіе этого періода удвоилось и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже удесятерилось. Сравнивая напримѣръ обработку шолковыхъ издѣлій, которыя болѣе другихъ пользовались сильнымъ покровительствомъ въ первые и послѣдніе 3 года господства запретительной системы, мы находимъ, что среднее количество привозимаго шолка увеличилось въ теченіе 58-лѣтняго періода (съ 1765 — 1825) на 336% или приращеніе на каждый годъ составляетъ 5,79%. Въ то же время фабриканты въ Спитальфильдѣ и Ковентри постоянно жаловались, что контрабанда угрожаетъ имъ неминуемымъ разореніемъ. Но мы уже видѣли, что неудовольствіе еще болѣе усилилось, когда Хускиссонъ рѣшился прекратить это злоупотребленіе посредствомъ снятія запрещенія съ привозимыхъ шолковыхъ тканей. Не прошло 7 лѣтъ со времени этой реформы, ткачи города Маклесфильда впряглись сами въ коляску Хускиссона и возили его въ тріумфѣ по всему городу, называя его спасителемъ своей промышленности. Въ теченіе 21 года, слѣдующихъ за уменьшеніемъ пошлины, привозъ увеличился на 247% или въ годъ на 11,76%. Съ 1814 — 1824 количество обрабатываемаго шолка на англійскихъ фабрикахъ составляло въ годъ нѣсколько болѣе 1,882,000 ф., въ теченіе же 10 лѣтъ послѣ 1824 г. 3,678,000 ф., а съ 1834 по 1844 г. 3,963,000 ф. Въ Манчестерѣ въ 1823 г. находилось ткацкихъ станковъ для шолковыхъ матерій 5,500, чрезъ 5 лѣтъ число ихъ увеличилось до 12,000, и цѣнность сырца шолковыхъ тканей увеличилась въ этотъ промежутокъ времени съ 3,150,000 ф. ст. до 7 мил. ф. ст. О внутреннемъ потребленіи этихъ тканей Портеръ говоритъ. «Шелковыя матеріи не составляютъ уже болѣе предмета роскоши. Можно встрѣтить много женщинъ за прилавкомъ, которыя носятъ шелковыя платья. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ настоящее время гораздо меньше различія между столицею и мануфактурными городами, чѣмъ прежде.»

Не менѣе важнымъ доказательствомъ благодѣтельнаго вліянія Хускиссона служитъ льняная промышленность. Странными покажутся намъ теперь слова короля Вильгельма III, помѣщенныя въ отвѣтѣ на адресъ обѣихъ палатъ, въ которомъ онѣ испрашивали защиты отъ ирландскихъ шерстяныхъ фабрикъ: «Я все сдѣлаю, сказалъ король, чтобы обезсилить въ Ирландіи производство шерстяныхъ, а поощрить изобиліе льняныхъ издѣлій». Вслѣдствіе этого обѣщанія наложены были тяжелыя пошлины на привозимый чесаный ленъ и установлены значительныя преміи за вывозъ льняныхъ издѣлій,

производимыхъ внутри государства. Мэкъ-Коллохъ говоритъ, что если бы сумма, выданная въ видѣ такихъ премій, наложена была для обращенія изъ процентовъ, то проценты давали бы больше дохода, чѣмъ его получалось отъ продажи всего количества льняныхъ тканей за границу. Въ 1826 году, пошлина на чесанный съ 10 ф. 14 ш. и 6 п. съ центнера (*) и на нечесаный съ 5 п. уменьшена до однообразной величины 4 пенс. съ центнера. Въ послѣдующіе 3 года она должна была снова постепенно уменьшаться и съ 1828 составлять только номинальную пошлину въ 1 пенни съ центнера. Слѣдствія этой перемѣны оказались немедленно. Въ 1820—1825 г. средній ежегодный привозъ льна составлялъ менѣе 534,000 центн., въ 1825—1830 г. 881,000 ц., а въ 1830—1844 г. 1,346,000 ц. Дешевизна этого свѣжаго произведенія усилила потребленіе тканей и вызвала многія изобрѣтенія. Въ 1813 г. длина фунта нитокъ средней толщины составляла не болѣе 3,330 ярдовъ; въ 1824 г., 5,220 ярдовъ, а въ 1833 г. 11,130 ярдовъ (**). Цѣна пряжи въ теченіе этого же періода времени уменьшилась въ 9 разъ. Вывозъ пряжи во Францію въ 20 лѣтъ увеличился отъ 76,000 фунтовъ до 22 мил. ф., а привозъ ея изъ-за границы въ Англію, составлявшій въ 1827 г. 4 мил. ф., уменьшился въ 1844 г. до 1 мил. ф. Цѣнность вывоза льняныхъ тканей чрезъ 10 лѣтъ съ 1834— до 1844 г. удвоилась, отъ 2 мил. она достигла до 4 мил. ф. ст.

Такія же слѣдствія были произведены уменьшеніемъ пошлинъ на шерсть и на стекло.

Но еще болѣе блистательные результаты представляетъ намъ реформа, хотя и неполная, навигаціоннаго акта, произведенная съ 1822 по 1827 г. учрежденіемъ складочныхъ магазиновъ, облегченіемъ нѣкоторыхъ статей привоза и заключеніемъ торговыхъ договоровъ на основаніи акта о взаимности пошлинъ. Чтобъ убѣдиться, что англичане выиграли болѣе другихъ народовъ отъ этой реформы, довольно привести нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Въ 1821 г. вмѣстимость англійскихъ кораблей, торгующихъ съ Соединенными Штатами, составляла 55,188 тоннъ; въ 1844 г. она достигла 750,000 т. Въ теченіе того же времени вмѣстимость англійскихъ кораблей во всемірной торговлѣ увеличилась на 155% или болѣе, чѣмъ на милліоновъ тоннъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя отрасли народной промышленности быстро подвинулись впередъ, хотя примѣненіе къ нимъ началъ свободной торговли шло весьма медленно и при существованіи силь-

(*) Англійскій центнеръ составляетъ 112 русскихъ фунтовъ.

(**) Ярдъ равняется 3 футамъ.

наго ограниченія въ привозѣ хлѣба изъ-за границы оно не могло оказать всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, какихъ бы по справедливости можно было ожидать и которыя немедленно осуществились послѣ важныхъ преобразованій, произведенныхъ въ послѣдующіе періоды.

IV.

Министерство Веллингтона осталось болѣе памятнымъ въ Англіи по своимъ политическимъ, чѣмъ экономическимъ преобразованіямъ, но оно впрочемъ и продолжалось не долго. Смерть Георга IV и вступленіе на престолъ его брата герцога Кларанскаго въ 1830 г. сдѣлали необходимымъ распустить парламентъ. Выборы, произведенные подъ вліяніемъ іюльской революціи и сильнаго кризиса, удручавшаго въ то время Англію, были неріязненны для министровъ изъ партіи тори, которые послѣ собранія палатъ подали немедленно въ отставку, и главою новаго кабинета сдѣлался лордъ Грей. Въ его управленіе экономическія теоріи должны были тоже уступить мѣсто разсмотрѣнію политическихъ правъ народа. Общественное вниманіе было обращено постоянно на нижнюю палату, въ которой мало находилось дѣйствительныхъ представителей средняго сословія, получившаго въ послѣднее время огромное значеніе въ государствѣ. Въ этомъ случаѣ не столько чувство политической справедливости, сколько внутреннее убѣжденіе, что никакое существенное улучшеніе въ торговомъ законодательствѣ не можетъ быть произведено, пока аристократическій элементъ будетъ преобладать въ обѣихъ палатахъ, заставило народъ домогаться реформы въ составѣ представителей палаты общинъ. Такая реформа была необходима, особенно для уничтоженія монополіи на хлѣбъ, кромѣ многихъ другихъ стѣснительныхъ законовъ, относящихся до внѣшнихъ сношеній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только покровительственная система могла вызвать эти многочисленные митинги и даже народныя возмущенія и доставить вліяніе такимъ людямъ, какъ Коббеттъ, Гэнтъ и ихъ сообщники.

Въ 1832 г. былъ наконецъ принятъ билль о преобразованіи парламента и съ этихъ поръ мы дѣйствительно замѣчаемъ, что и въ таможенномъ кодексѣ быстро совершаются разныя улучшенія. Многія изъ нихъ были приготовлены, какъ мы уже видѣли, Хускиссономъ и превосходно развиты въ сочиненіи Парнеля «On financial reform», которое пользовалось въ свое время необыкновеннымъ вліяніемъ. Парнель доказывалъ въ немъ, что никакія улучшенія въ обществѣ невозможны до тѣхъ поръ, пока правительство не измѣ-

нить системы податей, которыя должны преимущественно падать на чистый доходъ, а не на предметы потребленія. Искуственная дороговизна послѣднихъ дѣлаетъ ихъ недоступными для массы народа, потому уменьшаетъ занятіе бѣдныхъ работниковъ и производительность капиталовъ, и слѣдовательно препятствуетъ скорому ихъ накопленію. Наконецъ хотя многіе предметы потребленія, какъ чай, кофе, сахаръ, вино и т. п., могутъ служить отличнымъ источникомъ государственнаго дохода, но для этого не должны быть облагаемы слишкомъ высокою пошлиною.

Но всѣ эти вопросы мало занимали въ то время нижнюю палату, которая до своего преобразованія весьма немного сдѣлала для облегченія торговли.

Лишь только созвана была новая палата, ей немедленно нужно было приступить къ пересмотру хартіи Остъ-Индской Компаніи, которой неудобства были ясно представлены изслѣдовательными комитетами въ 1820, 1823, 1830, 1831 и особенно въ 1832 г. Съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые порты Восточной Индіи сдѣлались открыты для частныхъ лицъ, сумма торговыхъ оборотовъ съ этою страною почти учетверилась въ теченіе 20 лѣтъ, не смотря на многія препятствія, полагаемыя законами для свободныхъ сношеній съ нею. При возобновленіи хартіи въ 1833 г. компанія не только лишилась торговой монополіи съ Китаемъ, но ей было даже запрещено вести съ этимъ государствомъ на свой счетъ какія бы то ни было коммерческія операціи. Наконецъ участь ея, какъ политической корпараціи, рѣшена только въ нынѣшнемъ году въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента. По новому положенію, какъ извѣстно, вся правительственная власть перешла въ руки особаго совѣта и въ настоящее время эта компанія немногимъ отличается отъ другихъ купеческихъ компаній. Облегчая торговлю съ Азіею, палата распространила право привоза чаю на всѣ значительные порты Великобританіи и Ирландіи. До сихъ поръ этимъ правомъ пользовался одинъ Лондонъ, гдѣ продажа его совершалась въ опредѣленные сроки. Всѣ эти ограниченія были устранены вмѣстѣ съ уменьшеніемъ пошлины отъ 15 до 25 проц., смотря по различнымъ сортамъ чая. Но какъ этотъ законъ подавалъ поводъ ко многимъ обманамъ, то спустя два года была установлена однообразная пошлина 2 ш. 1 п. съ фунта (*).

Пошлина на сахаръ, доставлявшая постоянно значительный доходъ казнѣ, подлежала еще съ прошедшаго столѣтія ежегодному утвержденію парламента. Нужды правительства заставляли ее постоянно увеличивать, такъ что въ 1806 г. сахарный песокъ, приво-

(*) 22 руб. 57 коп. съ пуда (почти 56½ коп. съ фунта).

зимый изъ Антильскихъ острововъ, подлежалъ таможенной платѣ 30 ш., а изъ Восточной Индіи 40 шил. съ центнера; изъ иностранныхъ владѣній онъ не допускался къ привозу. Въ 1826, 1830, 1833 г. произведены были значительныя облегченія.

Въ 1840 г. война съ Китаемъ заставила англійское правительство увеличить на 5 проц. пошлину со всѣхъ предметовъ привоза, за исключеніемъ хлѣба; это обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ изъ членовъ нижней палаты сдѣлать предложеніе о назначеніи комитета для изслѣдованія дѣйствія таможенныхъ пошлинъ на развитіе промышленности, и на величину государственнаго дохода. Палата согласилась и избрала для этого изъ своей среды людей, спеціально знакомыхъ съ предметомъ; потому неудивительно, что никогда еще объ немъ не было собрано столь разнообразныхъ и многочисленныхъ свѣдѣній. Въ этотъ комитетъ были призываемы самые опытные и просвѣщенные администраторы, изъ которыхъ достаточно упомянуть Джона Юма, служившаго 38 лѣтъ въ таможнѣ и 11 въ торговомъ департаментѣ, Мэкъ-Грегора и Портера, секретарей того же департамента, — изъ нихъ послѣдній былъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія, и наконецъ Боуринга, извѣстнаго путешественника и экономиста. Кромѣ того были призваны представители всѣхъ почти главныхъ отраслей промышленности.

Приглашенные свидѣтели всѣ безъ исключенія объявили, что таможенное покровительство никогда не достигаетъ предполагаемой цѣли и во всякомъ случаѣ обременительно для народа. По собраннымъ оффиціальнымъ даннымъ оказалось, что съ 1838 по 1841 г. привезено было одной пшеницы 9,435,000 квартеровъ, между тѣмъ какъ за предъидущіе 4 года всѣхъ родовъ хлѣба вмѣстѣ не болѣе 362,000 квар., и что средній урожай въ трехъ соединенныхъ королевствахъ былъ уже недостаточенъ для прокормленія жителей. Притомъ пшеницу за недостаткомъ домашней покупали большею частію на чистыя деньги, потому что при охранительныхъ пошлинахъ невозможно впередъ предвидѣть и приготовить въ замѣнъ ея другихъ какихъ нибудь мануфактурныхъ издѣлій. Это подтверждалось значительнымъ вывозомъ драгоцѣнныхъ металловъ, который въ 1838 — 1841 годахъ простирался до 10 мил. ф. стер., отъ чего самое обращеніе денегъ въ это время подвергалось большимъ затрудненіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвѣтахъ Юма мы находимъ замѣчательный фактъ, что однѣ только пошлины на съѣстные припасы обременяли народъ ежегоднымъ налогомъ въ 36 мил. ф. стер. (*). Въ тоже время онъ дока-

(*) 225 мил. руб. сер.

зывалъ, что бремя государственныхъ податей не только не оправдываетъ протекціонныхъ пошлинъ, но положительно ихъ опровергаетъ, потому что еще болѣе увеличиваетъ существующее уже бѣдственное положеніе рабочаго класса. Уменьшеніе пошлинъ, по его мнѣнію, производимое съ цѣлью облегчить народъ, никогда не должно зависѣть отъ таможенныхъ преобразованій другихъ государствъ, которыя по необходимости принуждены будутъ сами слѣдовать тому же примѣру. Если Англія не поспѣшитъ открыть портовъ для свободнаго привоза всѣхъ произведеній, то не подлежитъ сомнѣнію, что вывозъ ея произведеній станетъ уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея могущество станетъ клониться къ упадку.

Въ тоже время Портеръ представилъ многіе несообразности тарифа, въ которомъ находится 1,150 статей, а изъ нихъ только 17 приносятъ казнѣ дохода 21,700,000 ф. стер., между тѣмъ какъ на всѣ остальныя приходится не болѣе 1,260,000 ф. стер. Кромѣ того различная пошлина на одни и тѣже предметы, но различнаго происхожденія, пораждала напрасную трату капиталовъ, которой ничѣмъ нельзя было оправдать. Такъ, напр. съ кофе, привозимаго изъ британскихъ владѣній, взималось при ввозѣ 6 пенсовъ пошлины, съ иностраннаго 15. Но какъ производство перваго было недостаточно для внутренняго потребленія, то для избѣжанія высокой пошлины англійскіе купцы покупали кофе въ европейскихъ портахъ, перевозили его большею частію на мысъ Доброй Надежды, для колонизированія, а оттуда уже доставляли въ Англію. Не меньшую потерю для народа производила пошлина на сахаръ. Привозимый изъ Бразиліи стоилъ въ англійскихъ складочныхъ магазинахъ въ два раза дешевле индійскаго. «Англія, говоритъ по этому случаю знаменитый статистикъ, заплатила въ 1840 г., не включая въ это пошлины, 5 мил. ф. стерл. дороже, чѣмъ какой нибудь другой народъ, за тоже количество сахару. Въ томъ же году мы вывезли нашихъ товаровъ въ колоніи, изъ которыхъ привозится къ намъ сахаръ, цѣнностью на 4 мил. ф. стерл., такъ что слѣдуя экономическимъ началамъ, то есть, покупая его на самыхъ дешевыхъ рынкахъ, мы выиграли бы еще 1 мил. ф. стер., даже если бы подарили плантаторамъ купленныя ими у насъ произведенія». Такая искуственная дороговизна не только была вредна для потребителей, но на столько же почти уменьшила и казенный доходъ. Мэкъ-Грегоръ постоянно указывалъ на невыгоды, въ которыя таможенные законы ставятъ англійскихъ фабрикантовъ въ соперничествѣ съ иностранцами, невыгоды, происходившія преимущественно отъ того, что жизненные припасы въ Англіи необыкновенно дороги. Англійскій работникъ, по его словамъ, платилъ за хлѣбъ отъ 40 до 80 проц. дороже,

чѣмъ работникъ въ другихъ государствахъ, а если бы сосчитать сумму платимыхъ имъ налоговъ въ пользу частныхъ лицъ за необходимые для него предметы потребленія, то навѣрно она была бы въ два раза больше государственныхъ податей. Только дороговизною жизненныхъ припасовъ можно объяснить то странное явленіе, что множество богатыхъ людей проводятъ жизнь на континентѣ и издерживаютъ тамъ отъ 4 до 5 мил. ф. стер. ежегодно. Что касается пошлины на фабричныя издѣлія, то для тѣхъ, которыя вывозятся въ огромномъ количествѣ, она не имѣетъ никакого значенія, для другихъ же, какъ шолковыя ткани, перчатки и т. п. она недѣйствительна, потому что ихъ доставляютъ контрабандисты. Всѣ призванные въ комитетъ фабриканты единогласно отвергали дѣлаемое противъ нихъ возраженіе, будтобы они домогаются свободнаго привоза хлѣба только для того, чтобы понизить задѣльную плату. Основываясь на ежедневной практикѣ, они утверждали, что только высокая цѣна съѣстныхъ припасовъ понижаетъ заработную плату, и съ пониженіемъ ея эта плата непремѣнно возвысится, потому что большое потребленіе фабричныхъ издѣлій увеличитъ ихъ производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запросъ на трудъ. Изъ собранныхъ такимъ образомъ свидѣтельствъ представленъ былъ палатѣ рапортъ, который какъ будто заключалъ въ себѣ программу для будущихъ преобразованій таможеннаго кодекса.

Въ 1841 г. министерство, предлагая на разсмотрѣніе нижней палаты свой финансовый планъ, особенно домогалось уменьшенія таможенной пошлины на 3 предмета, на дерево, сахаръ и хлѣбъ. Но этотъ проэктъ въ одной изъ своихъ частей возбудилъ сильное сопротивленіе преимущественно потому, что слишкомъ противорѣчилъ ослѣпленному въ то время общественному мнѣнію. Такъ уменьшеніе пошлины на иностранный сахаръ, привозимый по большей части изъ странъ, гдѣ господствовало еще невольничество, поражало религіозное чувство многихъ аболиціонистовъ и казалось несообразнымъ съ тѣми пожертвованіями, которыя такъ недавно еще сдѣлалъ народъ для ихъ освобожденія. Къ этому нужно прибавить, что подъ личиною филантропіи здѣсь скрывался самый низкій эгоизмъ плантаторовъ, которые рады были случаю найти для своихъ интересовъ такую великолѣпную защиту. Борьба продолжалась въ теченіе 8 длинныхъ засѣданій. Напрасно Россель и Маколей доказывали, что палата болѣе заботится о неграхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ согражданахъ, что если нравственность и человѣколюбіе дозволяютъ одѣваться въ бумажныя ткани и курить табакъ, — предметы, производимые неграми, — то какимъ образомъ можетъ она запрещать употребленіе сахара и кофе, происходящихъ изъ того же источника? Законъ не по-

лагаетъ никакихъ препятствій для привоза этихъ предметовъ въ колоніи, а не допускаетъ ихъ въ Англію. Мало того: англійскіе фабриканты рафинируютъ сахаръ въ складочныхъ мѣстахъ и развозятъ его по Европѣ, такъ что на всемъ земномъ шарѣ только жители великобританскихъ островов не могутъ имъ пользоваться. «И кто же будетъ столь легковѣренъ, кого можно было бы убѣдить, что подобное законодательство подѣйствуетъ на уничтоженіе невольничества? Не гораздо ли справедливѣе полагать, что мы скорѣе достигнемъ нашей цѣли посредствомъ свободныхъ сношеній?».

Но всѣ эти доказательства не помогли противъ большинства, которое впередъ рѣшило паденіе министерства виговъ. Замѣчательно, что въ этой борьбѣ самымъ сильнымъ противникомъ таможенныхъ преобразованій является Пиль, который, сдѣлавшись первымъ министромъ, превзошелъ въ рѣшимости всѣхъ своихъ предшественниковъ. По всей вѣроятности онъ не предвидѣлъ, какое сильное оружіе подавалъ въ руки своихъ парламентскихъ враговъ, поставляя интересы партіи выше интереса общественнаго.

Разсматривая всѣ реформы, произведенныя въ этомъ періодѣ, и оцѣнивая ихъ послѣдствія, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ уничтоженіе монополіи Остъ-Индской Компаніи. Такъ, вывозъ англійскихъ товаровъ въ Индію и Китай, составлявшій въ 1833 г. (въ годъ измѣненія хартіи) 3,495,000 ф. стер., чрезъ 7 лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ мил., между тѣмъ какъ за 7 предшествовавшихъ лѣтъ увеличеніе не превышало 300,000 ф. стер. Кромѣ того въ привозѣ изъ Индіи появились многіе новые предметы, какъ льняное сѣмя, ромъ, табакъ, шерсть и нѣкоторые другіе. Количество привозимаго кофе и кожъ (въ 1846 г.) утроилось, а пеньки, рису и перцу удвоилось. Прежде привозъ сахара изъ Индіи былъ совершенно незначителенъ, но съ 1833 года онъ сдѣлался одною изъ важнѣйшихъ статей торговли. Тоже самое можно сказать о колоніальныхъ произведеніяхъ, которыя сдѣлались предметомъ почти необходимости вслѣдствіе долгой привычки и потребленіе которыхъ зависитъ безусловно отъ ихъ цѣны и благосостоянія массы народа. Въ настоящее время сахаръ, чай и кофе составляютъ послѣ мяса и хлѣба главные элементы человѣческаго пропитанія, и всякая перемѣна пошлины имѣла сильное вліяніе на ихъ потребленіе. О сахарѣ мы въ этомъ періодѣ сказать ничего не можемъ, потому что примѣненіе къ нему принципа свободной торговли послѣдовало только въ 1844 году. Въ 1784 году пошлина на чай составляла 67 проц. и тогда его потреблялось нѣсколько меньше 5 мил. фун. Въ слѣдующемъ году пошлина была понижена до $12^1/_2$ проц., въ слѣдствіе чего потребленіе увеличилось въ послѣдую-

щіе 3 года до 10, 12 и 17 мил. ф. Въ годъ открытія свободной торговли съ Китаемъ потреблялось чаю нѣсколько меньше 30 мил. ф., спустя 11 лѣтъ послѣ этого потребленіе увеличилось до 41 мил. ф. Въ 1801 году пошлина на кофе, привозимый съ великобританскихъ плантацій, составляла 1 ш. 6 п. съ фунта и онъ доступенъ былъ только богатому классу; среднее потребленіе каждаго жителя въ соединенныхъ королевствахъ не превышало тогда $^1/_{16}$ фунта. Въ 1811 г. пошлина была уменьшена до 7 п. съ фунта и потребленіе увеличилось на 750 проц., а доходъ казны утроился. Въ 1825 г. пошлина снова была уменьшена въ половину, потребленіе за тѣмъ немедленно увеличилось до 14 мил. ф. или на 200 проц., а казна получила 100,000 ф. ст., т. е. въ два раза больше дохода противъ 1811 г. Потребленіе кофе увеличилось наконецъ до того, что Вест-Индскіе острова не были въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ и въ 1835 г. необходимо было допустить кофе изъ Остъ-Индіи на тѣхъ же условіяхъ; въ слѣдствіе того потребленіе достигло до 20 мил. ф., а въ 1842 г. оно составляло $28^1/_2$ мил. ф. Но для лучшей оцѣнки вліянія покровительственной системы мы приведемъ для сравненія оффиціальныя цифры внѣшней торговли за два года, когда еще никакихъ важныхъ преобразованій не было сдѣлано въ таможенномъ тарифѣ:

	Вывозъ.	
	1819 г.	1826 г.
	ф. стерл.	ф. стерл.
Въ европейскія владѣнія	16,000,000	13,000,000
— Америку	316,294	295,768
— Соединенные Штаты Сѣвер. Америки	4,929,845	4,659,018
— Великобританіи владѣнія Сѣвер. Америки и Вестъ-Индіи	6,861,314	4,601,072
— иностранныя колоніи Вестъ-Индіи	892,306	570,409
Общая сумма вывоза во всѣ части свѣта составляла	34,881,727	31,536,724

Но съ 1826 г. послѣдовали различныя измѣненія въ англійскомъ тарифѣ и въ 1849 г. вывозъ въ европейскія государства почти удвоился, въ Африку увеличился на 400%, въ Соединенные Штаты на 80%, въ британскія владѣнія Сѣверной Америки и Вестъ-Индію на 25%, въ иностранныя колоніи Вестъ-Индіи болѣе, чѣмъ на 10%, а общій итогъ вывоза во всѣ части свѣта увеличился до 58,484,292 ф. ст. Такого увеличенія въ вывозѣ невозможно объяснить никакими либо замѣчательными изобрѣтеніями, произведенными въ это время технической промышленностью, ни открытіемъ новыхъ рынковъ

для сбыта англійскихъ произведеній, и самыя важнѣйшія улучшенія произведены въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, съ которыхъ была снята запретительная система и которыя до тѣхъ поръ находились почти въ упадкѣ. Облегченіе, доставленное народу въ теченіе этого періода уменьшеніемъ пошлинъ, составляло слишкомъ $16^1/_2$ мил. руб. сер..

Разумѣется, эти частные успѣхи не могли искоренить всѣхъ бѣдствій и лишеній, накопленныхъ продолжительною войною и сильнымъ ограниченіемъ привоза иностраннаго хлѣба. Это ограниченіе, несовмѣстное съ значительнымъ приращеніемъ народонаселенія, порождало неудовольствіе и безпорядки между рабочимъ классомъ и было причиною частыхъ поджоговъ и возмущеній, въ которыхъ скрывались страшные элементы революціи. Реформы Хускиссона и его послѣдователей были гораздо могущественнѣе для ихъ прекращенія, чѣмъ всѣ устрашительныя мѣры, противъ нихъ предпринимаемыя.

V.

Положеніе Пиля при вступленіи его въ должность перваго министра было весьма затруднительно. Воспитанный съ дѣтства въ приверженности къ партіи консерваторовъ, признанный съ давняго времени ихъ главою, онъ постоянно и во всѣхъ главныхъ политическихъ и экономическихъ вопросахъ являлся, однако, болѣе смѣлымъ реформаторомъ, чѣмъ самые виги. Эманципація католиковъ, противъ которой онъ возставалъ столь долго и такъ энергически, была совершена главнымъ образомъ при его содѣйствіи. Это было первое обстоятельство, которое отвлекло отъ него многихъ изъ его парламентскихъ приверженцевъ. Во время борьбы за преобразованіе нижней палаты, онъ постоянно находился во главѣ оппозиціи; но лишь только борьба кончилась торжествомъ его противниковъ, онъ мирится съ побѣдителями. Наконецъ хлѣбные законы, считавшіеся основаніемъ могущества и значенія аристократіи, на которые лорды смотрѣли, какъ на единственное средство удержать власть въ своихъ рукахъ, были отмѣнены его усиліями. Мало того, въ самой палатѣ произошла совершенная революція. Партіи перемѣшались между собою, не было уже между ними прежнихъ рѣзкихъ различій и тори являются дѣйствительно, какъ выражаются ихъ политическіе враги, консерваторами, которымъ нечего болѣе сохранять. Но можно ли на этомъ основаніи, какъ это многіе дѣлали, обвинять Пиля въ непослѣдовательности? Разумѣется, нѣтъ. Ро-

бертъ Пиль представляетъ намъ великій примѣръ государственнаго человѣка, *мудраго и славнаго совѣтника свободнаго народа*, какъ его назвали въ Англіи послѣ его смерти, который съ одной стороны благоразумными уступками удерживалъ слишкомъ быстрое развитіе демократическаго элемента, съ другой — никогда не соглашался на преобразованія, пока внутреннее убѣжденіе, основанное на глубокомъ изученіи фактовъ, не доказывало ему необходимости и пользы ихъ для общественнаго благосостоянія.

Мы уже видѣли, что съ нѣкотораго времени экономическіе вопросы получили въ Англіи болѣе важности, чѣмъ политическіе. Къ этому ведутъ по необходимости возрастающія и съ каждымъ днемъ становящіяся все тѣснѣе внѣшнія сношенія и высшая степень умственнаго развитія между массою народа. Но кромѣ того бѣдственное положеніе многихъ мануфактурныхъ городовъ въ самомъ началѣ министерства Пиля требовало рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ одномъ только городѣ Лидсѣ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ (1837 — 1841 г.) обанкротилось 39 фабрикантовъ и 16 купцовъ шерстяныхъ издѣлій; въ то же время было закрыто 18 фабрикъ для пряденія льна, 9 для шерсти, 16 для выдѣлки машинъ, и послѣ ликвидаціи оказалось, что потеря частныхъ лицъ, имѣвшихъ съ разорившимися различныя кредитныя сдѣлки, превышала $6^1/_4$ мил. руб. Въ Бредфордѣ все фабричное производство уменьшилось на 30%. Въ одномъ изъ самыхъ многолюдныхъ округовъ Йоркскаго графства, въ Торнтонъ-Родѣ 45 фермеровъ обанкротилось или оставило свои фермы и долговъ на нихъ считалось до 10 мил. руб. Въ Нотингемѣ 10,580 человѣкъ или $^1/_5$ всего населенія получали вспомоществованіе отъ прихода, и задѣльная плата работниковъ понизилась до 25%, а въ Бирмингемѣ даже до 60%. Производство металлическихъ издѣлій въ Вольверъ-Эмптонѣ уменьшилось въ шесть разъ, а въ Шеффильдѣ въ четыре раза (*), число бѣдныхъ удвоилось, а населеніе значительно уменьшилось. Такое же печальное явленіе можно было видѣть въ округахъ Глостерскомъ, Соммерсетскомъ и Вильтскомъ, извѣстныхъ по своимъ шерстянымъ фабрикамъ. Въ Ковентри одна треть работниковъ осталась безъ занятія, а въ Спитальфильдѣ нужно было пріостановить работу на 8,000 станковъ и 24,000 человѣкъ содержалось подаяніемъ отъ прихода. Въ Лондонѣ 1,000 наборщиковъ и 9,000 портныхъ принуждены были оставить свои ремесла. Во многихъ городахъ Шотландіи оффиціальныя донесенія представляли такія же бѣдствія рабочаго класса; но нигдѣ они не достигали

(*) *Report of Mr Redgrave, Inspector for the Eastern District. 1842.*

такихъ ужасныхъ размѣровъ, какъ въ графствѣ Ланкастерскомъ. Достаточно указать на городъ Больтонъ, въ которомъ $^2/_3$ населенія лишены были средствъ пропитанія и въ теченіе пяти лѣтъ подать на бѣдныхъ утроилась. Изъ 1,003 семействъ каждое получало въ недѣлю не болѣе 35 коп. сер. Въ другомъ городѣ, Вигонѣ, поденная плата была едва достаточна, чтобы на нее купить $1^1/_2$ фунта хлѣба. Въ Манчестерѣ нищета еще была печальнѣе Члены человѣколюбиваго общества посѣтили тамъ 12,000 бѣдныхъ и донесенія, сдѣланныя ими, поразили всѣхъ ужасомъ. Большая часть этихъ несчастныхъ заложили всю свою мебель и одежду, на сколько позволяло приличіе, для покупки хлѣба; цѣнность же этихъ заложенныхъ вещей простиралась до 175,000 руб. Многіе изъ самыхъ трезвыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, заработывавшихъ прежде отъ $5^1/_2$ до $7^1/_2$ руб. сер. въ недѣлю, принуждены были питаться негодными растеніями (*).

Можно бы наполнить цѣлую книгу подобными примѣрами; но мы считаемъ это лишнимъ. Указать же на нѣкоторые изъ нихъ казалось намъ необходимымъ для объясненія того, почему весь народъ, можно сказать, приготовился слушать Роберта Пиля, когда онъ, послѣ испрошенныхъ пяти мѣсяцевъ отсрочки, представилъ свой финансовый планъ 9 февраля 1842 г. Внутри нижней палаты всѣ мѣста были заняты, извнѣ ее осаждала густая толпа народа, съ нетерпѣніемъ ловившая каждую вѣсть, между тѣмъ какъ почта была нарочно остановлена для разосланія въ самыя отдаленныя области предложеннаго Пилемъ финансоваго проэкта. Какое-то инстинктивное чувство заставляло всѣхъ ожидать, что, несмотря на явную приверженность его къ землевладѣльческимъ интересамъ, принципъ свободной торговли во многомъ восторжествуетъ и международныя сношенія получатъ значительное облегченіе. Важность этихъ преобразованій и мѣсто, которое они занимаютъ въ экономической исторіи Англіи, заставляетъ насъ изложить нѣсколько подробнѣе предложенія, сдѣланныя первымъ министромъ.

Сущность преобразованій Пиля заключалась въ увеличеніи истощеннаго государственнаго дохода и въ облегченіи бѣднаго класса потребителей съ сохраненіемъ при этомъ, сколько возможно, привилегій поземельныхъ владѣльцевъ, и наконецъ, въ оживленіи дѣятельности всѣхъ отраслей промышленности. Задача была весьма трудная. Расходъ на будущій финансовый годъ былъ вычисленъ на 50,819,000 фун. стерл., между тѣмъ дохода не предполагалось болѣе 48,350,000 фун. стерл., то есть дефицитъ составлялъ 2,469,000

(*) *Anti-bread-tax circular. 1842.*

фунт. стерл., не включая здѣсь издержекъ на войну съ Китаемъ и другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ. Убѣдившись по опыту, что увеличеніе налога на главные предметы потребленія или на промышленную дѣятельность достигло крайняго предѣла и не возстановитъ нарушеннаго уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ равновѣсія въ бюджетѣ, Пиль рѣшился воскресить почти уже забытый источникъ государственнаго дохода, не употребляемый со времени заключенія мира и весьма непопулярный въ Англіи, именно — подать съ дохода, къ которой прибѣгали только въ самыя критическія минуты. Подать эта, устанавливаемая только для Великобританіи, должна была составлять 7 пенни съ фунта стерлин. или почти 3%; но отъ нея освобождались доходы ниже 50 фунт. стерл. (337 руб. 50 к.) и съ фермеровъ предполагалось брать только половину. Этотъ источникъ долженъ былъ доставить около 4,380,000 фунт. стерл., покрыть дефицитъ и военныя издержки, и оставить еще излишка около 1,200,000 фунт. стерл., который могъ бы дать возможность уменьшить наиболѣе тягостныя таможенныя цѣны. При этомъ разсмотрѣно было 1,200 статей тарифа, который для большаго удобства былъ раздѣленъ на 19 отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ были помѣщены разнаго рода съѣстные припасы, между которыми главное мѣсто занималъ хлѣбъ; для него Пиль предложилъ болѣе умѣренную подвижную пошлину. Онъ доказывалъ, что существовавшая до сихъ поръ цѣна была вредна и для потребителей и для земледѣльцевъ, особенно потому, что при значительномъ увеличеніи цѣны пшеницы на внутреннихъ рынкахъ слишкомъ быстро понижалась пошлина, вслѣдствіе чего спекуляторы часто удерживали ее въ складочныхъ магазинахъ для того, чтобы получить и высшую цѣну, и заплатить меньше въ пользу казеннаго дохода. И хотя законъ никогда не могъ обезпечить такой цѣны на хлѣбъ, которая бы вознаграждала земледѣльцамъ издержки производства, но Пиль, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, полагалъ, что въ обыкновенные годы земледѣльческая промышленность въ соединенныхъ королевствахъ могла и должна была обезпечить пропитаніе жителей. Поэтому, предлагаемая имъ мѣра имѣла то преимущество, что устраняла всѣ прежнія неудобства и не вредила земледѣльческимъ интересамъ. Она заключалась въ слѣдующемъ: при внутренней цѣнѣ 50 шилл. за кв. пшеницы пошлина составляла 20 шил. При каждомъ увеличеніи ея на 1 шилл. пошлина уменьшалась тоже на 1 шиллингъ до 53 шиллинговъ. Но при цѣнѣ въ 53, 54 и 55 шиллинговъ пошлина оставалась неподвижною въ 17 шиллин., послѣ чего опять каждое увеличеніе цѣны на 1 шилл. уменьшало въ такой же пропорціи пошлину, пока внутренняя цѣна не достигнетъ 66, 67 и 68 шилл. за кв.,

причемъ снова полагалась однообразная пошлина въ 5 шилл. съ кв., пока цѣна не достигнетъ 73 шилл., и тогда взимался 1 шилл. пошлины; при высшей же цѣнѣ ввозъ дозволялся безпошлинно. Самое дѣльное возраженіе противъ этой искуственной мѣры было сдѣлано Кобденомъ, который сказалъ, что такъ какъ парламентъ не могъ установить опредѣленной задѣльной платы работникамъ, то несправедливо было съ его стороны возвышать цѣну на хлѣбъ. Но большинство голосовъ было въ пользу проэкта министра. Въ основаніе другихъ таможенныхъ преобразованій приняты были слѣдующія мѣры: уничтоженіе всѣхъ запрещеній; пошлина на сырые матеріалы должна быть сколько возможно номинальная и ни въ какомъ случаѣ не превышать 5%, на полуобработанныя произведенія не свыше 12%, и на мануфактурныя издѣлія maximum 20%. Кромѣ того съ иностраннаго кофе предлагалось взимать вмѣсто 1 шил. 3 пен. съ фунта. 8 пенсовъ, а съ колоніальнаго 4 вмѣсто 6 пен., наконецъ колоніальный лѣсъ освобождался отъ всякой платы, а иностранный долженъ былъ платить въ половину меньше прежняго (22 шил. 6 пен. съ ласта). Пожертвованіе, сдѣланное правительствомъ вслѣдствіе этихъ преобразованій, составляло 1,210,000 фунт. стерл. (*). Этотъ проэктъ, несмотря на свою умѣренность и на видимое желаніе согласить противоположныя стремленія, возбудилъ сильное сопротивленіе и землевладѣльцевъ, и фабрикантовъ. Первые опасались значительнаго пониженія цѣны на скотъ отъ привоза его изъ-за границы, другіе возражали, что по этому плану таможенныя преобразованія начинаются тѣмъ, чѣмъ должны бы окончиться. Нужно прежде обезпечить работникамъ дешевое содержаніе, а послѣ уже открыть предѣлы государства для свободнаго соперничества съ иностранными фабрикантами; но до тѣхъ поръ, пока существуютъ ограниченія на привозный хлѣбъ, такое соперничество невозможно. На эти возраженія Пиль отвѣчалъ съ одной стороны, что значительнаго привоза живаго скота ожидать невозможно, и что онъ не будетъ имѣть почти никакого вліянія на пониженіе внутреннихъ цѣнъ, что такія же опасенія появились, когда дозволено было привозить въ Англію скотъ изъ Ирландіи, а между тѣмъ опытъ показалъ, что съ тѣхъ поръ цѣны на него повысились. Съ другой же стороны, что мануфактуристы не въ правѣ жаловаться, получая

(*) Потеря съ пошлины на дерево составляла 600,000 фунт. стерл., съ кофе—170,000; съ остальныхъ предметовъ ввоза, въ числѣ которыхъ находились: рогатый скотъ, овцы, свиньи, мясо свѣжее и соленое и проч., — 270,000; съ предметовъ вывоза 100,000 и наконецъ уменьшенъ налогъ на дилижансы на 70,000 ф. ст..

такое значительное облегченіе въ пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ.

Эти объясненія, какъ и слѣдовало ожидать, не казались убѣдительными для недовольныхъ. Крайніе протекціонисты смотрѣли съ опасеніемъ на будущее и уже въ это время имѣли большое недовѣріе къ Пилю, что сдѣлалось явнымъ, когда герцогъ Букингэмскій вышелъ изъ министерства. Въ тоже время приверженцы свободной торговли, названные въ послѣдствіи манчестерскою партіей, которыхъ число въ парламентѣ годъ отъ году возрастало, не соглашались ни на какія уступки, а между тѣмъ обстоятельства постоянно склоняли перваго министра на ихъ сторону. Такъ въ 1843 году на пшеницу, привозимую съ Канады, уменьшена пошлина на 1 шил., а вскорѣ послѣ Гладстонъ предложилъ уничтожить запрещеніе на вывозъ машинъ изъ Англіи, на что палата согласилась безъ большихъ усилій. Въ 1844 году уменьшена была снова пошлина на 20 статей привоза, изъ которыхъ важнѣйшія были иностранный кофе, корица, уксусъ и стеклянныя издѣлія. Доходъ казны вслѣдствіе всѣхъ этихъ преобразованій долженъ былъ уменьшиться на 450,000 ф. ст. Между тѣмъ случилось совершенно противное: въ 1841 году таможни доставили казнѣ 19,900,000 ф. ст. дохода; въ 1842 году 18,700,000; въ 1843 г. послѣ введенія преобразованія—21,400,000 и въ 1844 г. 23,500,000.

До сихъ поръ всѣ финансовыя предположенія Пиля были утверждены парламентомъ, однако онъ мало по малу терялъ въ немъ своихъ приверженцевъ. Такъ напримѣръ, вопросъ о пошлинѣ на сахаръ не кончился паденіемъ министерства. Въ теченіе двухъ предъидущихъ лѣтъ пошлина на этотъ предметъ оставалась неизмѣнною, но въ 1844 году цвѣтущее состояніе бюджета позволило сдѣлать для него нѣкоторое облегченіе. Поэтому Пиль предложилъ уменьшить пошлину на иностранный сахаръ, привозимый изъ странъ, гдѣ не было невольничества, съ 63 ш. съ центнера до 34. Предложеніе это встрѣтило трояког рода противниковъ. Манчестерская партія домагалась однообразной пошлины на сахаръ всякаго происхожденія; виги, соглашаясь на разничную пошлину между иностраннымъ сахаромъ и привозимымъ изъ британскихъ колоній въ пользу послѣдняго, не хотѣли однако допустить разницы между производствомъ свободнымъ и несвободнымъ. Наконецъ партія плантаторовъ представила также свою поправку, которая была такъ искусно составлена, что весьма легко могла обмануть людей неопытныхъ или незнакомыхъ съ этою отраслью торговли. Филиппъ Майльсъ сдѣлалъ предложеніе уменьшить пошлину на сахаръ колоніальный до 20 ш. съ центнера, на сахаръ иностранный, неочищен-

ный, свободнаго производства — до 30 шил., на такой же очищенный 34 ш.

Предложенія виговъ и защитниковъ свободной торговли были отвергнуты; но третье нашло приверженцевъ не только въ противникахъ министерства, желавшихъ его низвергнуть, но даже между членами, принадлежащими къ манчестерской партіи, которые могли думать, что оно имѣетъ въ виду выгоду потребителей. Располагая въ парламентѣ болѣе чѣмъ 100 голосами, они имѣли въ рукахъ своихъ судьбу министерства, когда оно объявило, что этотъ вопросъ считаетъ кабинетнымъ, то есть рѣшающимъ его существованіе. Но къ счастію для него, Кобденъ заблаговременно открылъ хитрость. Догадываясь, что предложеніе это, вышедшее изъ партіи протекціонистовъ, которые жаловались, что Пиль хочетъ ихъ разорить, должно было заключать въ себѣ какую нибудь уловку, онъ потребовалъ свѣдѣній у людей спеціальныхъ и узналъ, что очищенный сахаръ составляетъ около ³/₄ всего потребленія въ Англіи и что такимъ образомъ плантаторы имѣли въ виду увеличить протекцію для производимаго ими сахара вмѣсто 10 шил., по плану министра, до 14 шил. съ центнера. Поэтому Кобденъ отдѣлился со своими политическими друзьями отъ оппозиціи и подалъ голосъ въ пользу предложенія министра. Этотъ благородный примѣръ имѣлъ великое вліяніе на общественное мнѣніе, которое ясно увидѣло, что Лига руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ не какимъ нибудь частнымъ интересомъ партіи, но выгодами всего государства.

Въ 1845 году положеніе общества было самое благопріятное и финансы государства находились въ цвѣтущемъ состояніи, но внѣшнія событія того времени требовали увеличенія военныхъ силъ (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пиль, увлекаемый сильнымъ движеніемъ умовъ на сторону свободной торговли, уже въ тронной рѣчи приготовилъ народъ и парламентъ къ важнымъ таможеннымъ преобразованіямъ. Но для этого необходимо было продолжить еще на нѣкоторое время подать съ дохода, которой срокъ оканчивался въ этомъ году. Источникъ этотъ превзошелъ даже ожиданія министра, доставивъ въ послѣднее время 5,190,000 фунт. стерл. Точно также и съ таможеннаго сбора получилось болѣе 1 мил. фунт., чѣмъ предполагалось въ бюджетѣ. Излишекъ такимъ образомъ полученный составлялъ на текущій годъ (съ 5-го апрѣля 1844 года по 5-е апрѣля 1855 года) болѣе 5 мил. фунт. стерл. Но если бы палата не согласилась продолжить подати съ дохода, то въ государственномъ бюджетѣ снова бы появился дефицитъ. Чтобы склонить парламентъ къ своему финансовому плану, Пиль затронулъ самыя чувствительныя

(*) По случаю извѣстнаго дѣла Таити.

струны патріотизма и національной гордости англичанъ и въ тоже время указалъ на благія послѣдствія своихъ преобразованій для народнаго благосостоянія, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Успѣшный результатъ прежнихъ опытовъ заставлялъ его тоже употребить предполагаемый излишекъ дохода на будущій годъ, который долженъ былъ составить 3,409,000 ф. ст., главнымъ образомъ для облегченія бѣдныхъ потребителей посредствомъ уменьшенія пошлины на сырые матеріалы или такіе предметы, которыхъ свободный ввозъ оживитъ промышленность и доставитъ занятіе работникамъ.

Первое преобразованіе въ таможенномъ тарифѣ касалось сахара, на который пошлина была понижена въ слѣдующихъ размѣрахъ: на привозимый изъ британскихъ колоній съ 24 ш. до 16 ш. 4 п. и 14 ш. съ центнера, смотря по сортамъ (очищенный и неочищенный); на иностранный съ 34 ш. до 28 и 23 ш. Вслѣдствіе этого уменьшенія каждый фунтъ сахара долженъ былъ обходиться потребителямъ дешевле почти въ 4 к. с. Всѣ пошлины съ вывоза уничтожены. Все это должно было произвесть потерю для казны на 1,483,000 ф. ст. Кромѣ того изъ 813 предметовъ, подлежащихъ при ввозѣ таможенному сбору, пошлина уничтожена совершенно на 430, которые доставляли правительству только 320,000 ф. ст.

Успѣхъ этого плана былъ огромный и большинство палаты осталось на сторонѣ министра, не смотря на то, что и въ парламентѣ и внѣ его онъ возбудилъ сильную оппозицію. Такъ различіе между пошлинами на сахаръ иностранный и привозимый изъ собственныхъ колоній вызвало со стороны Маколея самый краснорѣчивый протестъ, въ которомъ онъ насмѣшливо и весьма остроумно доказалъ всю непослѣдовательность подобной мѣры. Въ тоже время многія газеты, перечисляя предметы, на которые была сбавлена или совершенно уничтожена пошлина, иронически указывали на нѣкоторыя поразительныя несообразности англійскаго тарифа. «Хлѣбъ нашъ обложенъ пошлиною, но мышьякъ можетъ привозиться свободно, такъ что если не можемъ дешево питаться, то по крайней мѣрѣ имѣемъ возможность дешево умереть. Съ костей, кожи, шерсти, роговъ, хвостовъ иностраннаго рогатаго скота не взимаютъ болѣе никакой платы, а на мясо ее удержали. Перья, шерсть и гагачій пухъ для нашихъ кроватей снискали благосклонный взглядъ перваго министра, но стада барановъ остаются всегда подъ покровительствомъ герцога Ричмондскаго (*)».

(*) Герцоги Ричмондскій принадлежалъ къ самымъ крайнимъ защитникамъ хлѣбныхъ законовъ.

Оставляя въ сторонѣ эти нападки, мы можемъ однако сказать, что идея общественнаго интереса сдѣлалась господствующею не только въ министерствѣ, но и въ цѣломъ парламентѣ. Оппозиція крайнихъ протекціонистовъ не могла уже выступать противъ нихъ съ прежнею смѣлостью. Новое продолженіе подати къ дохода не было слѣдствіемъ затруднительнаго финансоваго положенія, не вынуждалось никакою войною, и однако нижняя палата на него согласилась, сознавая необходимость примѣнить къ государственному управленію принципъ свободной торговли, не смотря на сильное сопротивленіе, встрѣчаемое въ могущественномъ классѣ землевладѣльцевъ, и часто вопреки желанію даже самыхъ министровъ (*). Какимъ же образомъ появилась эта сила необходимости и кѣмъ была вызвана? Почему она такъ внезапно овладѣла умами и преклоняла на свою сторону самыхъ упорныхъ ея противниковъ? Вопросы весьма важные и въ высшей степени интересные, потому что съ ними связано настоящее общественное развитіе Англіи, которое не можетъ не произвести вліянія и на другія страны. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о Лигѣ, но не говорили до сихъ поръ о ея значеніи, хотя ей принадлежитъ безспорно честь самыхъ главныхъ преобразованій въ таможенномъ тарифѣ. Она-то вызвала всѣ совершенныя въ послѣднее время благодѣтельныя перемѣны и показала примѣръ, какихъ результатовъ можно достигнуть, опираясь на справедливой идеѣ и дѣйствуя въ предѣлахъ законности. Подобное явленіе возможно только при такомъ государственномъ устройствѣ, какое существуетъ въ Великобританіи, и лучше можетъ объяснить его, чѣмъ самыя обширныя описанія; въ немъ также находится много поучительнаго и въ экономическомъ отношеніи. Мы должны разсказать исторію этого движенія, для лучшаго понманія послѣднихъ реформъ Пиля.

Прежде всего мы должны замѣтить, что ни въ одномъ народѣ не развита частная дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ до такой высокой степени, какъ въ англійскомъ. Правительству британскому рѣдко случается дать начало какому нибудь важному преобразованію политическому или экономическому, а большею частью люди съ убѣжденіемъ, выработавшіе какую нибудь животворную идею, которая можетъ служить иногда частнымъ ихъ интересамъ, но ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ интересамъ общественнымъ, посвящаютъ ей, можно сказать безъ преувеличенія, всю свою жизнь и имущество и дѣйствуютъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ своей цѣли. Для этого они обращаются къ своимъ согражданамъ одинаковаго съ ними образа мыслей, составляютъ съ ними общества и въ ни-

(*) Это случилось во время перваго министерства Дерби—д'Израэли.

провизированныхъ собраніяхъ или митингахъ своими рѣчами стараются просвѣтить общественное мнѣніе и возбудить между народомъ такъ называемое волненіе (agitation).

Эти волненія происходятъ публично, возбуждаютъ открытыя пренія, полемику въ журналахъ и наконецъ вызываютъ въ обществѣ сильное противодѣйствіе; поэтому понятно, что никакія утопическія мечты и стремленія не могутъ въ государствѣ пустить глубокихъ корней; ложь выйдетъ немедленно наружу и правительству нѣтъ никакой необходимости для прекращенія зла прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ. Но въ тоже время всѣ полезныя преобразованія совершаются медленно, послѣ глубокаго ихъ обсужденія и притомъ безъ всякихъ потрясеній. Такимъ образомъ уничтожено было невольничество негровъ, такъ достигли эманципаціи католиковъ и парламентской реформы. Но всѣ эти волненія не могутъ сравниться съ Лигою противъ хлѣбныхъ законовъ ни по обширности размѣровъ, ни по значительности употребленныхъ въ дѣйствіе средствъ, ни наконецъ по количеству талантливыхъ людей, которые приняли въ ней участіе.

Съ того самаго времени, какъ введена были въ Англіи почти запретительная пошлина на иностранный хлѣбъ, то есть съ 1815 г., начали появляться общества во многихъ городахъ, гдѣ нищета достигла крайнихъ предѣловъ, съ цѣлью ея уничтоженія. Но они не встрѣтили большаго сочувствія въ народѣ, который исключительно въ это время былъ занятъ политическими вопросами, а можетъ быть и потому, что еще недовольно нашлось людей способныхъ, которые бы были въ состояніи заинтересовать публику этимъ предметомъ (*). Но въ 1837 г., по случаю ужаснаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ, вызваннаго преслѣдованіемъ банковъ и банковыхъ билетовъ президентомъ Джексономъ, фабричная промышленность въ Англіи получила сильный ударъ. Къ этому присоединился неурожай въ слѣдующемъ году и мы выше представили бѣдственныя послѣдствія этихъ событій въ нѣкоторыхъ городахъ. Но нигдѣ они не достигли такихъ размѣровъ, какъ въ графствѣ Ланкастерскомъ и особенно въ одномъ изъ его городовъ Больтонѣ. Изъ 50 находящихся тамъ фабрикъ 30 было закрыто и болѣе 5,000 работниковъ лишилось всякихъ средствъ къ существованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось количество преступленій и въ такой же мѣрѣ, какъ пустѣли фабрики, тюрьмы напол-

(*) Такъ еще въ 1827 г. появился знаменитый памфлетъ противъ запрещенія привоза хлѣба подъ заглавіемъ: *Anti corn Law catechisme* (катехизисъ противъ хлѣбныхъ законовъ), который имѣлъ 10 изданій, но авторъ его не нашелъ въ это время дѣятельныхъ себѣ помощниковъ.

нялись до крайности. Пораженный такими страданіями народа, нѣкто докторъ Бирни объявилъ 4 августа жителямъ Больтона, что онъ вечеромъ въ театрѣ будетъ разсуждать о хлѣбныхъ законахъ и о ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ. Отвѣчая на этотъ призывъ, значительная толпа народа собралась къ назначенному времени; но при самомъ началѣ своей рѣчи ораторъ такъ смѣшался и спутался, что работники начали свистать и чуть было не бросились на несчастнаго доктора. Тогда одинъ молодой студентъ медицины, Паультонъ, въ порывѣ благороднаго чувства, поспѣшно явился на сцену, чтобы спасти Бирни, занялъ его мѣсто и безъ всякаго приготовленія произнесъ противъ хлѣбныхъ законовъ самую краснорѣчивую филиппику. Публика слушала его съ увлеченіемъ и при громкихъ рукоплесканіяхъ послѣ окончанія рѣчи просила его продолжать подобнаго рода лекціи. Вскорѣ послѣ того Боурингъ, представитель Больтона въ парламентѣ, объѣзжая, послѣ своего возвращенія изъ путешествія по Европѣ, нѣкоторыя мануфактурные округи, прибылъ въ Манчестеръ и, будучи приглашенъ на вечеръ фабрикантами этого города, разсказалъ имъ о происшествіи въ Больтонѣ. Послѣ глубокихъ разсужденій, собраніе образовало изъ среды себя общество, состоящее изъ 8 членовъ, и положило начать серьёзно борьбу противъ протекціонной системы (*). Призвавъ къ себѣ Паультона, это общество поручило ему вмѣстѣ съ редакторомъ манчестерской газеты Times, Прентайсомъ, и однимъ изъ богатѣйшихъ манчестерскихъ фабрикантовъ Смитомъ созывать съ этою цѣлью митинги не только въ Манчестерѣ, но и въ другихъ главнѣйшихъ мануфактурныхъ городахъ Англіи. Вскорѣ послѣ того Смитъ отъ имени комитета новаго общества обратился къ манчестерской торговой палатѣ, съ предложеніемъ представить прошеніе въ парламентъ о необходимости немедленнаго уничтоженія законовъ, ограничивающихъ свободный привозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ собраніи своемъ торговая палата, послѣ продолжительныхъ споровъ, приняла значительнымъ большинствомъ голосовъ проэктъ прошенія, составленнаго бумажнымъ фабрикантомъ Кобденомъ, пользовавшимся уже въ то время большимъ уваженіемъ между своими согражданами. Въ этомъ прошеніи между прочимъ было сказано: «Если хлѣбные законы не будутъ немедленно уничтожены, то погибель фабрикъ неизбѣжна, и только примѣненіе къ таможенному уставу въ самомъ обширномъ размѣрѣ принципа свободной торговли можетъ обезпечить благоденствіе про-

---

(*) Вотъ имена первыхъ основателей Лиги, изъ которыхъ большая часть осталась въ неизвѣстности: Эд. Бакстеръ, В. Куннингемъ, А. Дальзіель, Дж. Гови, Дж. Лесли, А. Прентайсъ, В. Равсонъ и Ф. Томсонъ.

мышленности и спокойствіе государства». Вслѣдъ за тѣмъ предложена была добровольная подписка, по которой собрано на расходы по этому предпріятію 3,000 ф. ст. (18,750 руб. сер.)

Въ 1839 г. созваны были въ Манчестеръ представители фабричной дѣятельности со всѣхъ концовъ Англіи, въ числѣ которыхъ находилось 14 членовъ парламента. Это собраніе единогласно рѣшило распространить свои дѣйствія въ пользу свободной торговли на всю страну и поклялось не оставлять этого дѣла общей пользы до тѣхъ поръ, пока предполагаемая цѣль не будетъ достигнута. Кромѣ того всѣ члены собранія дали слово явиться въ половинѣ февраля въ Лондонъ, когда Вильерсъ долженъ былъ представить прошеніе объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ, подписанное 40,000 лицъ, и сдѣлать предложеніе, чтобы палата выслушала причины, побудившія представить это прошеніе. Но предложеніе Вильерса было отвергнуто нижнею палатою, большинствомъ 189 голосовъ. Депутаты возвратились въ Манчестеръ и тамъ снова рѣшились личнымъ присутствіемъ придать большее значеніе второму предложенію Вильерса, состоявшему въ томъ, чтобы вся палата превратилась въ комитетъ для разсмотрѣнія закона о торговлѣ хлѣбомъ. Изъ 541 членовъ только 197 поддержали это новое предложеніе, которое въ палатѣ Лордовъ встрѣтило еще большее сопротивленіе (оно было отвергнуто тамъ большинствомъ 220 членовъ противъ 24). Тогда Кобденъ въ слѣдующемъ собраніи фабрикантовъ напомнилъ примѣръ союза ганзейскихъ городовъ, совѣтуя образовать подобную же лигу между главными мануфактурными городами Англіи для уничтоженія несправедливыхъ привелегій феодальной аристократіи. «Какъ, спросилъ кто-то въ собраніи, — образовать лигу противъ хлѣбныхъ законовъ?» «Да, отвѣчалъ Кобденъ, лигу противъ хлѣбныхъ законовъ» (anti corn law league) и такимъ образомъ новое общество получило свое названіе.

Не смотря на то, что съ нѣкотораго времени экономическія истины о торговлѣ начали изъ книгъ переходить въ практику, и что люди, стоящіе въ главѣ правительства, стали ими руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ, новой лигѣ предстояли почти неодолимыя препятствія. Поземельная аристократія пользовалась по преданію необыкновеннымъ уваженіемъ, располагала огромными богатствами, составляла большинство въ парламентѣ, имѣла за собою все духовенство господствующей церкви и наконецъ въ ея рукахъ находилась почти исключительно власть административная и судебная. Кромѣ того лига должна была бороться съ непріязненною ей партіею хартистовъ, которая сильно овладѣла умами самаго бѣднаго класса работниковъ, прельщая его необыкновенными выгодами равенства

правъ политическихъ въ то время, когда народъ умиралъ съ голоду. Хартисты мстили, какъ могли, производя разнаго рода замѣшательства въ собраніяхъ Лиги, за то, что она не хотѣла, выйти изъ своихъ скромныхъ предѣловъ и отвергала всякое предложеніе дѣйствовать за одно не только съ ними, но со всякою политическою партіею. Наконецъ въ массѣ народа тогда еще господствовало общее убѣжденіе, что дороговизна хлѣба имѣла вліяніе на возвышеніе задѣльной платы, и потому борьба противъ поземельной монополіи казалась большей части рабочихъ только борьбою между лордами земли и лордами бумажныхъ фабрикъ, отъ которой они ничего не могли выиграть.

Не смотря на это Лига принялась отважно за дѣло. Новая подписка доставила ей 6,000 ф. ст. и дала возможность ея основателямъ немедленно приступить къ правильной организаціи общества. Всякій членъ, подписавшійся на 50 ф. ст. (312 р. 50 к.) принадлежалъ къ генеральному совѣту, изъ котораго выбирался совѣтъ исполнительный, состоящій изъ самыхъ значительныхъ подписчиковъ или изъ людей, которые могли наиболѣе способствовать къ распространенію вліянія общества, послѣ чего естественнымъ образомъ произошло между ними раздѣленіе занятій. Каждый изъ членовъ принялся за то, къ чему былъ болѣе способенъ. Джоржъ Вильямсъ, извѣстный по своимъ административнымъ талантамъ, былъ избранъ предсѣдателемъ исполнительнаго совѣта; но душою его былъ Кобденъ, славящійся своимъ оживленнымъ, яснымъ и въ высшей степени популярнымъ краснорѣчіемъ. Самыми замѣчательными помощниками его на митингахъ были квакеръ Брайтъ и Вильямъ Фоксъ. Подъ вліяніемъ исполнительнаго совѣта образовались въ различныхъ городахъ мѣстные комитеты, подчиненные главному, имѣвшему пребываніе въ Манчестерѣ, и сталъ издаваться въ апрѣлѣ 1839 года періодическій журналъ. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія Англія была раздѣлена на 12 округовъ и въ каждый изъ нихъ былъ посланъ профессоръ политической экономіи, который долженъ былъ читать лекціи для всѣхъ классовъ народа, между тѣмъ какъ краснорѣчивые пропагандисты отправились во всѣ значительные мануфактурные города Великобританіи для созыванія митинговъ (*).

(*) Журналъ Лиги подъ заглавіемъ «*Anti-corn tax Circular*» сталъ выходить ежедневно съ 16-го апрѣля 1839 г. и продолжался до 21-го апрѣля 1841 г. Въ этомъ году онъ былъ замѣненъ еженедѣльнымъ журналомъ, получившимъ болѣе выразительное названіе «*Anti bread-tax Circular*» (циркуляръ противъ налога на хлѣбъ), который 30-го сентября 1843 г. переименованъ былъ въ *The League* (Лига). Послѣдній журналъ печатался въ 20,000 экземплярахъ и прекратился только съ прекращеніемъ самого общества. Но печатная дѣятельность Лиги

Бюро главнаго совѣта поражало всѣхъ посѣтителей зрѣлищемъ необыкновенной дѣятельности; это было цѣлое министерство. Оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій: письменное, торговое, финансовое и избирательное, которымъ подчинялись опять комитеты работниковъ и даже дамъ, которыхъ вліяніе въ этомъ случаѣ было неоцѣненно для Лиги. Дамы не только возбуждали благородное соревнованіе между членами общества своимъ присутствіемъ, но и сами принимали дѣятельное участіе въ ихъ трудахъ, устраивая базары и праздники для приверженцевъ свободной торговли, собирая подписки на прошеніяхъ, подаваемыхъ ими королевѣ и т. п. (*). И не нужно забывать, что все это устроила компанія купцовъ и фабрикантовъ, вступившихъ въ борьбу съ самыми опытными государственными людьми и представлявшихъ съ ними такой же поразительный контрастъ, какъ нѣкогда Франклинъ съ посѣдѣвшими и чинными французскими и англійскими дипломатами. Члены Лиги привели въ дѣйствіе все, что только можетъ увлечь и просвѣтить народъ, но, дѣйствуя съ дальновидною и зрѣлою мудростію, они никогда не прибѣгали къ возбужденію страстей или физической силѣ; здравый смыслъ ихъ оказался довольно гибкимъ, чтобы, пользуясь всѣми законными средствами, избѣгнуть раставленныхъ на нихъ сѣтей; однимъ словомъ, они оказались достойными учениками великаго учителя въ такихъ дѣлахъ, O'Коннеля.

Въ 1840 г. средства Лиги позволили ей построить въ Манчестерѣ деревянное зданіе, посвященное исключительно для ея засѣданій и для созываемыхъ ею митинговъ. Между тѣмъ и нравственное ея вліяніе постоянно усиливалось; городъ Стокпортъ избралъ своимъ представителемъ Кобдена, который могъ такимъ образомъ лично дѣйствовать въ самомъ парламентѣ. Въ слѣдующемъ году Лига, опасаясь противодѣйствія своимъ планамъ со стороны англиканской церкви и желая придать имъ болѣе важности, обратились къ дисси-

---

этимъ не ограничилась; она почти ежедневно издавала сатирическіе памфлеты, маленькія разсужденія, доступныя для самаго низшаго класса и по цѣнѣ (2½ коп.) и по способу изложенія; она прибѣгала даже къ афишкамъ и объявленіямъ, заключавшимъ въ себѣ куплеты, изрѣченія, пословицы то серьезныя, то шутливыя или ѣдкія, напечатанныя большимъ шрифтомъ, которыя поневолѣ останавливали народъ, идущій на работу или возвращавшійся съ нея; наконецъ она дѣйствовала и на будущія поколѣнія, печатая и раздавая даромъ букварь для дѣтей въ духѣ свободной торговли и возбуждая въ нихъ такимъ образомъ непріязненныя чувства противъ монополіи.

(*) Такъ въ срединѣ зимы въ 1841 г. онѣ собрали въ Манчестерѣ и другихъ значительныхъ городахъ болѣе 100,000 подписей на прошенія, посланныя ими королевѣ Викторіи.

дентскому духовенству, убѣждая его во имя общественнаго блага дѣйствовать за одно съ нею. 1,600 священниковъ немедленно приняли со всей готовностью это предложеніе, а 700 изъ нихъ, принадлежащихъ къ разнороднымъ сектамъ, поспѣшили даже въ Манчестеръ и послѣ 4-хъ дневныхъ засѣданій, тронутые до глубины сердца благороднымъ и безкорыстнымъ предпріятіемъ Лиги, обѣщали ей съ своей стороны всевозможное содѣйствіе и подписали прошеніе въ парламентъ, которое оканчивалось словами: *существующія постановленія о торговлѣ хлѣбомъ нарушаютъ законъ Господній и ограничиваютъ благодѣянія всевышняго промысла.* Между тѣмъ денежныя средства Лиги увеличивались такъ же быстро, какъ и ея приверженцы; одинъ базаръ, благодаря содѣйствію манчестерскихъ дамъ, доставилъ въ этомъ году обществу 10,000 ф. ст. (62,500 р. с.).

Мы не станемъ слѣдить постепенно за всѣми дѣйствіями Лиги и приведемъ только главнѣйшія событія изъ ея исторіи. Изъ отчета, представленнаго Кобденомъ въ концѣ 1842 году, можно видѣть необыкновенную дѣятельность главнаго ея комитета. Такъ въ теченіе только 3-хъ недѣль напечатано было 380,000 брошюръ, независимо отъ издаваемаго журнала, а между тѣмъ лекціи и митинги продолжались своимъ порядкомъ. Главные члены комитета посѣтили Лидсъ, Бирмингемъ, Шеффильдъ, Глесго и другіе города, которые присоединили свои пожертвованія къ сдѣланнымъ въ Манчестерѣ. Добровольныя эти приношенія составили въ 1842 году сумму въ 25,000 ф. ст., а на будущій годъ рѣшено было въ совѣтѣ собрать 50,000 ф. ст., чтобы еще съ большею энергіею продолжать начатое дѣло. «Если можно собрать, прибавилъ Кобденъ, 2 милліона подписей на прошенія объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, то можетъ ли представить затрудненіе сборъ 1 мил. шил.?» И дѣйствительно надежда его не обманула. Съ каждымъ днемъ средства Лиги возрастали, такъ что въ этомъ же еще году она могла воздвигнуть въ теченіе 6 недѣль вмѣсто прежняго деревяннаго огромное каменное зданіе, въ которомъ зала могла помѣстить 10,000 человѣкъ. Мѣсто для этого зданія было избрано то самое, на которомъ собрался митингъ еще въ 1819 г., для той же самой цѣли, разогнанный военною силою. Первое собраніе открылось въ началѣ 1843 г. радостнымъ извѣстіемъ, что подписная сумма простиралась уже до 44,000 ф. ст.

Но люди, стоявшіе въ главѣ этого движенія, поняли, что для успѣшныхъ дѣйствій Лиги необходимо болѣе обширное поприще, и потому въ февралѣ этого же года, съ общаго согласія членовъ главнаго совѣта, засѣданія комитета перенесены въ Лондонъ. Удалившись въ столицу, Лига однако не оставляла безъ вниманія провинціальныхъ городовъ и въ этомъ отношеніи ей оказали необыкновенную

услугу желѣзныя дороги и недавно произведенная почтовая реформа. Первыя давали возможность знаменитымъ ея ораторамъ являться немедленно тамъ, гдѣ ихъ присутствіе считалось необходимымъ, такъ что, говоря утромъ на митингѣ въ Ливерпулѣ, они могли къ вечеру явиться предъ многочисленнымъ собраніемъ въ Эдинбургѣ или Глесго. Почтовая реформа совершена была въ 1839 г.; она состояла въ томъ, что за всѣ письма не свыше $^1/_2$ унціи вѣсомъ (тоже, что у насъ 1 лотъ) полагалась однообразная плата 1 пенни (*). Чтобы судить о важности этой реформы для Лиги и о необыкновенной дѣятельности ея, довольно сказать, что она получала и отправляла ежегодно до 300,000 писемъ.

Въ Лондонѣ съ самаго начала открытія еженедѣльныхъ митинговъ сперва въ одной тавернѣ, а потомъ во франмасонской залѣ, стеченіе публики было такъ велико, что оказалось необходимымъ болѣе обширное помѣщеніе въ театрѣ. Но скоро и это зданіе оказалось тѣснымъ и многимъ желающимъ нужно было отказывать въ билетахъ. Небольшое возвышеніе было устроено на сценѣ для ораторовъ, публика помѣщалась въ креслахъ и ложахъ. Между тѣмъ поземельные владѣльцы, смотрѣвшіе до сихъ поръ съ презрѣніемъ на дѣйствія Лиги, замѣтивъ, что общественное мнѣніе начинаетъ сильно склоняться на ея сторону, увидѣли себя въ необходимости принять тоже рѣшительныя мѣры. И дѣйствительно не было ни одного орудія, начиная отъ клеветы, распространяемой по ихъ внушенію даже англиканскимъ духовенствомъ, котораго бы они не употребляли, и ни одного благопріятнаго обстоятельства, которымъ бы они не воспользовались, чтобы выставить на показъ свою заботливость о благосостояніи народа. Въ парламентѣ были ими представляемы различные проэкты о сокращеніи часовъ работы на фабрикахъ, объ устройствѣ богадѣленъ, о переселеніи излишка населенія въ колоніи и т. п. Но члены Лиги съ своей стороны, содѣйствуя и въ большей гораздо мѣрѣ, чѣмъ лорды, каждому благодѣтельному предпріятію, въ тоже время безжалостно разоблачали эту ложную филантропію и, смѣло срывая маску, указывали постоянно на скрывающійся подъ нею самый постыдный эгоизмъ. Такъ послѣднее предложеніе, касающееся переселенія, подало поводъ Джемсу Вильсону и Кобдену къ произнесенію замѣчательныхъ рѣчей на митингѣ 30-го марта 1846 г. «Вы хотите, сказалъ первый,—основывая колоніи, открыть въ будущемъ новые рынки, а между тѣмъ стѣсняете уже существующіе посредствомъ разнаго рода ограниченій!» «Волы и лошади, прибавилъ Кобденъ, имѣютъ всегда на рынкахъ свою цѣну; только человѣкъ,

(*) Самая малая англійская монета, равняющаяся нашимъ $2^1/_2$ коп. сер.

это сверхкомплектное животное, представляетъ собою предметъ затрудненія для власти законодательной, которая не знаетъ, какъ отъ него освободиться, даже съ потерею. Если это излишнее населеніе въ $1^1/_2$ милліона людей не можетъ содержаться въ Англіи, не смотря десятивѣковое накопленіе въ ней капиталовъ, то какимъ образомъ можетъ оно найти средства для жизни въ Канадѣ? Не гораздо ли благоразумнѣе было бы дозволить свободный привозъ къ намъ средствъ пропитанія, чѣмъ высылать насъ къ этимъ средствамъ? И спрашивалъ ли кто нибудь этихъ несчастныхъ, желаютъ ли они переселиться?»

Но Лига не довольствовалась уже проповѣдями въ однихъ городахъ; Кобденъ отправился въ земледѣльческіе графства, гдѣ хлѣбная монополія больше всего имѣла защитниковъ между фермерами, и тамъ часто, на открытомъ мѣстѣ (какъ напр. въ Гетфордѣ), съ высоты вагона, говорилъ въ собраніи нѣсколькихъ тысячъ земледѣльцевъ о собственной ихъ выгодѣ, какою они первые воспользуются отъ введенія свободной торговли. Эти собранія всегда соглашались съ его доказательствами. А между тѣмъ, чтобы не оставить никакого сомнѣнія на счетъ искренности своихъ домогательствъ, исполнительный совѣтъ Лиги издалъ манифестъ, въ которомъ было сказано, что Лига требуетъ совершеннаго и немедленнаго уничтоженія всѣхъ охранительныхъ пошлинъ не только для земледѣлія, но равно для фабрикъ и торговли. За манифестомъ послѣдовалъ отчетъ совѣта о его дѣятельности и предположеніяхъ на будущій годъ. Всѣ печатныя изданія Лиги, составлявшія около 9 милліоновъ экземпляровъ, были разосланы 300,000 избирателей въ графствахъ и 400,000 въ городахъ. Независимо отъ Лондона и Манчестера въ 140 городахъ устроены были митинги, на которыхъ всегда находились нѣкоторые изъ членовъ совѣта. На слѣдующій годъ рѣшено было писать каждую недѣлю къ 300,000 избирателей графствъ, присутствовать вездѣ, гдѣ только откроется вакантное мѣсто въ парламентъ, и поддерживать тамъ кандидатовъ, приверженныхъ къ свободной торговлѣ. Для покрытія издержекъ предположено собрать 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Лигѣ представился случай испытать свою силу въ Лондонѣ и оцѣнить успѣхи своей пропаганды. Въ столицѣ открылось вакантное мѣсто члена въ нижнюю палату. Явилось два кандидата: одинъ изъ нихъ Барингъ, богатый банкиръ, пользующійся личнымъ уваженіемъ и вліяніемъ въ высшемъ кругу аристократіи посредствомъ дяди своего, лорда Ашбуртона, — другой человѣкъ неизвѣстный, нѣкто Джемсъ Потиссонъ, приверженецъ свободной торговли. Лига употребила всѣ зависящія отъ нея сред-

ства для доставленія побѣды своему представителю. Она нѣсколько разъ созывала избирателей въ ковентгарденскій театръ и, чтобы предупредить при этомъ подкупъ, публично объявила, что каждый, кто поймаетъ и представитъ присяжнымъ подкупающаго или подкупленнаго, получитъ 100 фунт. ст. награжденія. Борьба была весьма трудная; но, несмотря на всѣ усилія министерства и финансовое вліяніе Бэринга, его противникъ вышелъ побѣдителемъ. Это былъ необыкновенный успѣхъ; поздравленія посылались со всѣхъ сторонъ, а многочисленные приверженцы свободной торговли въ Глесго подписали благодарственный адресъ Кобдену, въ которомъ имя его было поставлено на ряду съ великими реформаторами Англіи, Вильберфорсомъ, Кларксономъ О'Коннелемъ и лордомъ Греемъ. Въ тоже время митинги умножились по всему государству для собранія суммы 100,000 ф. ст. Въ Манчестерѣ немедленно послѣ приглашенія явились въ ратушѣ знаменитѣйшіе негоціанты и мануфактуристы, и выразивъ свою благодарность Кобдену и Брайту, въ теченіе полутора часа подписали на общее дѣло сумму 11,000 фунт. стерлин., которая чрезъ мѣсяцъ увеличилась до 20,000 фунт. (125,000 руб. серебромъ). Другіе города не хотѣли уступить въ соревнованіи, и вскорѣ можно было убѣдиться, что теперь Лигѣ легче собрать сто тысячъ ф., чѣмъ прежде десять. Но важнѣе этихъ пожертвованій для Лиги было присоединеніе къ ней значительнѣйшихъ капиталистовъ Лондона, многихъ аристократическихъ фамилій и наконецъ многочисленнаго класса работниковъ, которые, какъ мы упомянули выше, до сихъ поръ ей не довѣряли. Въ декабрѣ 1843 года болѣе 4,000 рабочихъ изъ графства Лейчестерскаго прислали дружескій адресъ Кобдену и Брайту и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ со многими фермерами и даже фабрикантами они пригласили ихъ на публичное преніе съ предводителями хартистовъ—О'Бріеномъ и О'Конноромъ. Ораторы Лиги съ величайшимъ удовольствіемъ приняли это приглашеніе, но О'Бріенъ не явился въ назначенное время и споръ съ О'Конноромъ кончился тѣмъ, что его предложеніе, чтобы прежде всякихъ коммерческихъ реформъ стараться достигнуть пересмотра конституціи, было отвергнуто въ собраніи огромнымъ большинствомъ голосовъ. Съ этихъ поръ аристократіи стала угрожать опасность даже въ мѣстахъ, по видимому наименѣе доступныхъ дѣйствію Лиги и гдѣ она пользовалась почти неограниченнымъ вліяніемъ. Чтобы не лишиться единственной и послѣдней своей опоры, герцоги Ричмондскій и Букингемскій рѣшились образовать Анти-Лигу, принимая въ составъ ея самыхъ отчаянныхъ протекціонистовъ и подражая въ ея устройствѣ своей опасной соперницѣ. Такимъ образомъ кромѣ главной ассо-

ціаціи, находящейся въ Лондонѣ, были организованы мѣстныя во всѣхъ земледѣльческихъ графствахъ. Но эти ассоціаціи не казались страшными для Лиги; напротивъ, по нимъ она судила о своихъ успѣхахъ, заставивъ людей, до сихъ поръ только устанавливавшихъ въ свою пользу таможенные законы, искать опоры въ общественномъ мнѣніи, и надѣясь легко ихъ побѣдить на этомъ полѣ, особенно послѣ того, какъ одинъ членовъ Анти-Лиги наивно высказалъ свое убѣжденіе, что покровительство землевладѣльцамъ необходимо для того, чтобы они могли платить свои долги и быть въ состояніи давать приданое своимъ дочерямъ. Лига не оставляла безъ отвѣта ни одного возраженія, дѣлаемаго противъ свободной торговли, ни одного софизма, или ложнаго патріотическаго возгласа, которыми протекціонисты старались прикрыть свои эгоистическія стремленія. Такъ между прочимъ на митингѣ 26-го января 1844 г. Фоксъ съ необыкновенною ироніею возсталъ противу одного и чаще всего употребляемаго софизма, будто охранительныя пошлины необходимы для того, чтобы не попасть въ зависимость отъ иностранцевъ, и доказалъ всю его несостоятельность. Мы приводимъ здѣсь эту рѣчь, какъ образецъ краснорѣчія въ народномъ духѣ. «*Быть независимымъ отъ иностранцевъ*, вотъ любимая тема нашей аристократіи. Но она забываетъ, что гуано, употребляемое ею для удобренія полей, покрываетъ британскую почву иностраннымъ навозомъ, который проникаетъ въ каждый атомъ зерна и налагаетъ на него пятно столь нетерпимой ею зависимости. И кто же онъ, этотъ богатый баринъ, этотъ адвокатъ народной независимости и врагъ всякаго сношенія съ иностранцами? Разсмотримъ его жизнь. Вотъ поваръ французъ, приготовляющій обѣдъ для господина, и лакей швейцарецъ, приготовляющій господина къ обѣду. Миледи, которую онъ ведетъ подъ руку, сіяетъ вся въ жемчугѣ, котораго никто не найдетъ въ британскихъ раковинахъ, а перо, развѣвающееся на ея головѣ, вырвано не изъ хвоста англійской индѣйки. Говядина на его столѣ происходитъ изъ Бельгіи, а вина съ береговъ Рейна или Роны. Онъ покоитъ свои взоры на цвѣтахъ, привезенныхъ изъ Южной Америки, и услаждаетъ свое обоняніе дымомъ листьевъ, доставленныхъ изъ Сѣверной Америки. Его любимый конь принадлежитъ къ арабской породѣ, собака къ сенбернарской. Его галерея наполнена фламандскими картинами и греческими статуями. Когда онъ хочетъ разсѣяться, то идетъ слушать италіянскихъ артистовъ, поющихъ нѣмецкую музыку, послѣ которой слѣдуетъ французскій балетъ. Повышается ли онъ въ судебныхъ должностяхъ, тогда его плечи покрываетъ горностай, котораго напрасно бы кто искалъ между британскими животными. Даже его умъ представляетъ пестроту чуже-

земныхъ заимствованій. Его философія и поэзія происходятъ изъ Греціи и Рима, геометрія изъ Александріи, ариеметика изъ Аравіи и религія изъ Палестины. Въ колыбели уже онъ кусаетъ раждающимися зубами кораллъ, собираемый въ Индійскомъ океанѣ, а когда умретъ, ему поставятъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора». Когда лорды, прикрывая свои эгоистическія стремленія общимъ интересомъ, доказывали, что покровительство отечественному земледѣлію обезпечиваетъ существованіе сельскихъ работниковъ, Фоксъ не менѣе рѣзко отвѣчалъ: «Покровительство земледѣльческому работнику! О, да! Вы ему покровительствовали до тѣхъ поръ, пока онъ не спустился со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы; пока его одежда не превратилась въ лохмотья, а его хижина—въ шалашъ; пока его жена и дѣти, не имѣя приличнаго платья, не могутъ болѣе ходить въ церковь. Ваше покровительство гнало его изъ поля въ рабочій домъ, изъ рабочаго дома въ судъ, изъ суда въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ гробъ. Только подъ холоднымъ камнемъ найдетъ онъ болѣе дѣйствительное покровительство, чѣмъ подъ вашими законами. И почему слѣдуетъ ограждать привилегіями одинъ только какой нибудь классъ общества? Почему состояніе землевладѣльца заслуживаетъ покровительства на счетъ цѣлаго общества? Почему не покровительствовать также философа, артиста, поэта?... Но все это только уловка. Аристократія покровительствуетъ сама себѣ. Она бросаетъ намъ перчатку и хочетъ, какъ говорятъ, уничтожить Лигу. Хорошо, попробуемъ. Нѣтъ уже между нею этихъ гордыхъ бароновъ Руйннелидскихъ; прошло время рыцарства. Прошло оно для нихъ, потому что нѣтъ ничего рыцарскаго въ томъ, что наши лорды сдѣлались хлѣбными купцами и угнетаютъ всю страну для того, чтобы увеличить свой барышъ. Но куда же они идутъ, отчуждаясь такимъ образомъ отъ всего общества? Они рождаютъ недовѣріе между работниками; они объявляютъ войну всѣмъ народнымъ интересамъ, лишаютъ себя всего, что составляетъ ихъ силу и достоинство. Куда идутъ они, отдѣляясь отъ общественнаго движенія, считая, что они будутъ всегда довольно сильны, чтобы задавить своихъ согражданъ? Нечего имъ ждать отъ такой политики, кромѣ разоренія и стыда. Если они будутъ въ ней упорствовать, то скоро увидятъ, что жизнь ихъ будетъ неразлучна со страхомъ и униженіемъ; земля будетъ дрожать подъ ихъ стопами, какъ нѣкогда она дрожала подъ стопами братоубійцы Каина. Пусть они пробѣгутъ весь міръ, нигдѣ они не встрѣтятъ чувства любви и благосклонной улыбки. Но пусть они соединятся съ нами, пусть соединятся съ цѣлымъ народомъ,—тутъ ожидаетъ ихъ уваженіе, богатство, счастіе. Если же они объявятъ ему войну, неминуемая гибель угрожаетъ этой надменной кастѣ». На обвиненія въ непослѣдова-

тельности ученія экономистовъ, что дороговизна происходитъ отъ таможенныхъ ограниченій, то есть отъ уменьшенія привоза, и что въ тоже время свободная торговля не понизитъ цѣны на предметы, производимые внутри государства, представители Лиги отвѣчали: «Не нужно никогда забывать, что дешевизна и дороговизна могутъ быть слѣдствіемъ двухъ различныхъ причинъ. Дороговизна можетъ происходить въ обществѣ или отъ рѣдкости или отъ значительной силы потребленія. Въ первомъ случаѣ цѣна предметовъ несообразна со средствами пріобрѣтенія, во второмъ она показываетъ успѣхи общественнаго богатства. Такъ и дешевизна можетъ быть слѣдствіемъ или большаго обилія предметовъ или недостатка средствъ для удовлетворенія потребностей. Такъ, въ 1819 г., когда пошлина на шерсть составляла 6 пен. съ фунта, привозъ ея не превышаетъ 19 милл. ф., но съ тѣхъ поръ, какъ Хускиссонъ убѣдилъ палату понизить на нее пошлину до 1 п. съ фунта, привозъ чрезъ нѣсколько лѣтъ увеличился до 64 милл. ф. и, не смотря на это, цѣна шерсти возвысилась внутри государства отъ 12 до 19 пенни за фунтъ (отъ 27 до 43 к. сер.). Въ 1836 г. по случаю торговаго кризиса привозъ шерсти снова уменьшился до 40 милл. ф. и вслѣдъ за тѣмъ цѣна ея упала съ 19 до 10 коп. за фунтъ. Такія статистическія данныя показываютъ намъ, что за каждымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ привоза шерсти слѣдовали увеличеніе или уменьшеніе вывоза шерстяныхъ издѣлій.»

Въ то время, какъ ораторы Лиги просвѣщали народъ, излагая и объясняя ему самые сложные вопросы политической экономіи, Кобденъ рѣшился побѣдить протекціонистовъ въ парламентѣ собственнымъ ихъ оружіемъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы нижняя палата избрала изъ среды себя комитетъ для изслѣдованія состоянія земледѣльческаго класса, соглашаясь даже, чтобы большинство этого комитета состояло изъ партіи землевладѣльцевъ, и уступая въ немъ мѣсто предсѣдателя одному изъ нихъ, хотя онъ, по принятому обыкновенію, имѣлъ на это право, какъ авторъ предложенія. Въ превосходной рѣчи, сказанной по этому случаю, онъ замѣтилъ, что каждое изъ прежде сдѣланныхъ изслѣдованій убѣждало правительство, что устанавливаемая законодательною властью цѣна хлѣба оказывалась всегда недѣйствительною и что фермеры, заключавшіе сообразно съ нею договоры съ поземельными собственниками, никогда не были въ состояніи выполнить принятыхъ на себя условій. Онъ доказалъ при этомъ, что пониженіе цѣны на хлѣбъ отъ свободнаго привоза его изъ другихъ странъ далеко не такъ опасно, какъ это стараются представить протекціонисты, и наконецъ, что ограниченія въ этомъ привозѣ, устанавливаемыя будто бы въ поль-

ну сельскихъ работниковъ, довели ихъ до крайности. Въ тоже время, желая отмстить лордамъ, которые до сихъ поръ отдѣлывались своимъ филантропическимъ сочувствіемъ къ бѣдному классу на счетъ мануфактуристовъ, онъ представилъ оффиціальные рапорты о крайней нищетѣ сельскаго населенія въ четырехъ южныхъ графствахъ. Это былъ тяжелый ударъ для землевладѣльцевъ, и хотя предложеніе Кобдена было отвергнуто, но пренія, происходившія въ палатѣ, не были потеряны для народа.

Вскорѣ послѣ того Кобденъ рѣшился на болѣе смѣлое и въ тоже время самое искусное предпріятіе, какое только можно было выдумать, для пріобрѣтенія большинства въ палатѣ въ пользу свободной торговли. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: несмотря на знаменитую парламентскую реформу, произведенную Греемъ въ 1832 году, лорды успѣли отстоять для сохраненія своего политическаго преобладанія одну изъ самыхъ важныхъ статей прежней хартіи, по которой каждый житель собственной Англіи, владѣющій свободнымъ поземельнымъ участкомъ (free-hold), приносящимъ ему 40 ш. (12 р. сер), имѣлъ право быть избирателемъ. Такой участокъ можно было пріобрѣсти за 50 или 60 ф. ст. (313 до 375 р. сер.). До сихъ поръ аристократія пользовалась этимъ правомъ исключительно для своихъ выгодъ; но теперь ораторы Лиги направили все свое краснорѣчіе на то, чтобы убѣдить зажиточныхъ фабричныхъ работниковъ, вмѣсто отдачи накопленныхъ ими капиталовъ въ сберегательныя кассы, употреблять ихъ на пріобрѣтеніе подобныхъ участковъ. Кобденъ предлагалъ самымъ прилежнымъ изъ нихъ въ займы нужныя деньги, а между тѣмъ, страницы журнала Лиги были наполнены самыми подробными объясненіями, какъ на счетъ покупки земли, такъ и внесенія своего имени въ число избирателей. На митингахъ ораторы, представляя великую обязанность гражданина, доказывали, что торговыя ограниченія существовали въ Англіи такъ долго только потому, что изъ самаго многочисленнаго класса мало кто до сихъ поръ думалъ воспользоваться предоставленными закономъ правами. Кромѣ того поручено было опытнымъ юристамъ разсмотрѣть въ каждомъ избирательномъ комитетѣ реестры вписывающихся и повѣрять ихъ справедливость; предводители Лиги, не теряя времени, разъѣзжались по всей Англіи, желая личнымъ присутствіемъ возбудить болѣе энергіи въ своихъ приверженцахъ. Кобденъ въ теченіе десяти недѣль присутствовалъ на 85 митингахъ и результатомъ этой необыкновенной дѣятельности было то, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ около 250,000 фунтовъ стерлинг. было употреблено работниками на пріобрѣтеніе въ различныхъ графствахъ свободныхъ поземельныхъ участковъ. По донесеніямъ агентовъ совѣта Лиги

оказалось, что изъ 160 мѣстечекъ, пользующихся правомъ выбора, 112 было предано Лигѣ и что въ трехъ только графствахъ (ланкастерскомъ, честерскомъ и йоркскомъ) явилось уже 5,000 новыхъ избирателей.

Эти факты начали сильно безпокоить протекціонистовъ, которые видимо теряли въ общественномъ мнѣніи. Лига напротивъ считала свои успѣхи по уменьшающемуся числу голосовъ нижней палаты противныхъ предложенію, представляемому ежегодно Вильерсомъ, объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ. Такъ въ 1842 г. предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 303 голосовъ, въ 1843 г.—256 и въ 1844 г. только 206. Кромѣ того и министерство начало уже при каждомъ удобномъ случаѣ высказывать свои убѣжденія въ пользу свободной торговли, и это до такой степени раздражало партію крайнихъ тори, что они не щадили даже личности Пиля, называя его измѣнникомъ. Ослѣпленные своими интересами и не видя перемѣны явно происшедшей въ обществѣ, они часто подавали въ руки своихъ противниковъ самое сильное противъ себя орудіе—насмѣшку. Такъ при представленіи бюджета въ началѣ 1845 г. министерство предложило между прочимъ уничтожить пошлину на разнаго рода жиръ и сало. Землевладѣльцы немедленно возстали противъ этого предложенія, доказывая, что подъ названіемъ жира купцы станутъ привозить коровье масло, отъ чего могутъ пострадать земледѣльческіе интересы. Но министръ торговли Клеркъ поспѣшилъ ихъ успокоить, увѣряя самымъ торжественнымъ образомъ, что привозимое иностранцами масло будетъ смѣшано со смолою, такъ что его будетъ невозможно употреблять въ пищу.

Такая предосторожность подала поводъ ко многимъ шуткамъ. Такъ напримѣръ полковникъ Томпсонъ сдѣлалъ предложеніе на одномъ митингѣ помѣстить въ элементарныхъ книгахъ для дѣтей,—на вопросъ, какія обязанности возложены на министровъ Великобританіи,—слѣдующій отвѣтъ: примѣшивать смолу къ нашему маслу.

Ко всему этому необходимо прибавить еще одинъ замѣчательный фактъ. Объявивъ войну всѣмъ безъ исключенія монополіямъ и торговымъ ограниченіямъ, Лига съ неменьшею силою возставала противъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства, противъ всѣхъ завоеваній или пріобрѣтенія новыхъ населеній. Этотъ рѣшительный переворотъ въ политикѣ англійскаго кабинета, какой мы замѣчаемъ съ недавняго времени, нужно приписать сильному вліянію Лиги и ея ораторовъ. Мы не можемъ не привести весьма интересной рѣчи, сказанной Фоксомъ въ присутствіи многочисленнаго собранія приверженцевъ свободной торговли, по случаю недоразумѣній, возникшихъ между Англіею и Соединенными Штатами за Орегонъ, и

возбудившей самое сильное сочувствіе въ массѣ слушателей. «Что же это за территорія, сказалъ онъ, за которую мы ведемъ споръ и домагаемся одной трети ея пространства? 360,000 кв. м. (680,000 кв. верстъ) безплодной степи, высохшей лавины, американской Сахары, Ботанибея красныхъ кожъ, царства буйволовъ и нѣсколькихъ сотъ индѣйцевъ, называющихъ себя плоскоголовыми и разщепленноносыми! И вотъ предметъ спора! Но Полькъ и Пиль могли бы столь же хорошо вовлечь насъ въ войну за Лунныя горы! Пусть люди, неимѣющіе болѣе гостепріимнаго убѣжища, поселятся на этой территоріи и обратятъ подъ пашню плодородныя ея части. Когда она будетъ населена, когда утвердится тамъ промышленность и возникнутъ многолюдные города, когда скалистыя горы прорѣжутся желѣзными дорогами, а каналы соединятъ Восточный океанъ съ Тихимъ, когда воды американскія покроются пароходами, тогда будетъ время поговорить объ Орегонѣ. Но тогда, не посылая ни одного полка или линейнаго корабля, безъ бомбардированія городовъ и безъ пролитія капли крови, свободная торговля подчинитъ намъ не только Орегонъ, но и Соединенные Штаты. Тогда не будетъ ни одного разчищателя лѣсовъ, который бы въ своемъ бѣльѣ не носилъ манчестерской ливреи; ни одного охотника, котораго ружье не имѣло бы шеффильдскаго клейма, а льняныя издѣлія Спитальфильда будутъ служить англійскимъ знаменемъ, развивающимся на берегахъ Миссури. Орегонъ тогда будетъ дѣйствительно завоеванъ и станетъ платить дань нашимъ промышленникамъ, потому что будетъ добровольно для насъ трудиться. Для насъ онъ станетъ производить пшеницу и присылать откормленный скотъ; но для этого не нужно англійскаго губернатора, который бы спорилъ съ мѣстными законодательными властями, или англійскихъ солдатъ, удерживающихъ спокойствіе посредствомъ штыковъ. Свободная торговля, вотъ самое благородное господство и самое вѣрное завоеваніе.»

Искореняя такимъ образомъ старые предразсудки въ массѣ народа и умѣряя воинственные ея порывы, Лига понимала, что она не иначе достигнетъ своей цѣли, какъ постояннымъ дѣйствіемъ на избирательные комитеты. Но для этого нужны были средства. Касса ея находилась въ цвѣтущемъ состояніи, но предположенная сумма въ 100,000 фунт. стерлин. не была еще окончательно собрана. Тогда совѣтъ рѣшился употребить тоже средство въ Лондонѣ, которое ему такъ хорошо удалось въ прошломъ году въ Манчестерѣ, то есть народный базаръ, поручивъ устройство его также дамамъ. Дамы въ числѣ 2,000 образовали между собою общество подъ предсѣдательствомъ нѣсколькихъ депутатовъ совѣта и съ необыкно-

венною дѣятельностью принялись за исполненіе этого предпріятія. Ковентгарденскій театръ былъ превращенъ въ великолѣпный готическій храмъ, названный дворцемъ Аладдина, въ которомъ съ рѣдкимъ вкусомъ были размѣщены самыя разнообразныя произведенія англійской промышленности, и эта выставка, предвѣстница всемірной, осуществленной спустя 6 лѣтъ, доставила Лигѣ 25,900 ф. стер. (155,250 р. сер.).

Послѣ такого замѣчательнаго явленія никто уже болѣе не сомнѣвался въ успѣшномъ и скоромъ окончаніи борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Нужно впрочемъ прибавить, что и въ парламентѣ произошла важная перемѣна въ убѣжденіяхъ предводителей двухъ противныхъ политическихъ партій. Когда дошла очередь до предложенія Вильерса, возобновляемаго, какъ мы уже сказали, ежегодно съ 1838 году, вся нижняя палата находилась въ полномъ составѣ, со страхомъ или нетерпѣніемъ ожидая результата возбуждаемыхъ по этому случаю преній. Министерство по обязанности еще защищало существующую и имъ же самимъ составленную подвижную пошлину, но слабо, и для всѣхъ уже было очевидно, что оно выжидало только удобнаго случая для ея уничтоженія. Въ тоже время лордъ Россель, явно склоняясь къ началамъ свободной торговли, предлагалъ незначительную пошлину только на время переходнаго состоянія.

Можно однако положительно сказать, что дѣло это не кончилось бы еще такъ скоро, если бы одно случайное обстоятельство не дало ему болѣе рѣшительнаго оборота. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1845 г. стали доходить до правительства изъ разныхъ частей государства, а преимущественно изъ Ирландіи, самые неблагопріятные слухи о неизвѣстной еще до сихъ поръ болѣзни картофеля, которая угрожала голодною смертью милліонамъ несчастныхъ ирландцевъ, почти исключительно питающихся этимъ продуктомъ. Устрашенное министерство отправило для изслѣдованія этого бѣдствія двухъ знаменитыхъ ученыхъ Линдли и Пфейфера, которые только подтвердили справедливость прежнихъ донесеній, но не открыли средствъ для его устраненія. Тогда Пиль созвалъ совѣтъ министерства и предложилъ ему двѣ мѣры: или пріостановить дѣйствіе хлѣбныхъ законовъ на нѣкоторое время съ тѣмъ, чтобы испросить впослѣдствіи въ парламентѣ одобреніе этой необычайной мѣры, или созвать немедленно парламентъ и предложить ему совершенное уничтоженіе этихъ законовъ. Первый министръ при этомъ замѣтилъ, что, по его личному убѣжденію, послѣдній способъ казался ему болѣе удобнымъ. Но ни одно изъ этихъ предложеній не было принято членами министерства. Болѣе всѣхъ возставалъ противъ нихъ лордъ Стенли (нынѣ первый министръ лордъ Дэрби), основываясь на томъ, что невозможно еще судить о

симъ меръ ни объ уборкѣ хлѣба, ни о количествѣ поврежденнаго картофеля, а между тѣмъ опасно было затрогивать существующее законодательство, чтобы не пришлось совершенно отъ него отказаться. Для полученія болѣе положительныхъ свѣдѣній объ Ирландіи, министерство назначило новую коммиссію изъ самыхъ опытныхъ чиновниковъ этой страны.

Лига, разумѣется, не могла упустить столь удобнаго времени для своихъ дѣйствій. Число митинговъ умножилось и ораторы ея удвоили свою дѣятельность. Но болѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ ихъ рѣчи, въ это время было появленіе въ газетахъ письма Джона Росселя къ избирателямъ лондонскаго Сити. Въ этомъ письмѣ глава виговъ, представляя опасность положенія, проистекающую и отъ болѣзни картофеля и отъ неизвѣстности, какія мѣры противъ этого несчастія будутъ приняты министерствомъ, — неизвѣстности, весьма вредно дѣйствующей на торговлю, откровенно сознавался, что его убѣжденія о необходимости покровительства для земледѣльческой промышленности въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ совершенно измѣнились и что въ настоящее время никакая пошлина на привозный хлѣбъ болѣе невозможна. Въ тоже время онъ совѣтовалъ, чтобы народъ посредствомъ просьбъ въ парламентъ и другихъ законныхъ изъявленій своей воли облегчилъ положеніе перваго министра и доставилъ ему предлогъ освободиться съ честью отъ узъ, связывающихъ его съ интересами партіи тори. Примѣру Росселя послѣдовали другія замѣчательныя лица изъ партіи виговъ. Пиль сознавалъ всю затруднительность этихъ обстоятельствъ и крайнее неудобство своего положенія между консерваторами, доставившими ему власть и поддерживавшими его, и сильнымъ гнетомъ общественнаго мнѣнія, пробужденнаго не только Лигою, но и бѣдственнымъ положеніемъ страны. Желая найти опору по крайней мѣрѣ въ единствѣ кабинета, онъ вторично созвалъ 25 ноября своихъ товарищей и снова предложилъ имъ необходимость совершеннаго уничтоженія существующаго тарифа на привозный хлѣбъ. Несмотря на то, что герцогъ Веллингтонъ, сильно въ первый разъ возстававшій противъ этой мѣры, принялъ сторону Пиля, считая удержаніе власти въ рукахъ консерваторовъ гораздо важнѣе, чѣмъ какая бы то ни была торговая реформа, лордъ Стенли остался при своемъ мнѣніи и подалъ въ отставку. Это рѣшило участь всего кабинета, потому что вслѣдъ за тѣмъ и первый министръ просилъ королеву о своемъ увольненіи. Призванный на его мѣсто Россель вскорѣ убѣдился, что онъ не можетъ разсчитывать въ нижней палатѣ на большинство и что кабинетъ вигов при тогдашнемъ положеніи дѣлъ былъ совершенно невозможенъ, потому скоро отказался отъ сдѣланнаго ему предло-

женія. Тогда королева опять обратилась къ Пилю съ просьбою составить новое министерство. Пиль не колебался ни одной минуты, и за исключеніемъ Стенли, котораго замѣнилъ Гледстонъ, онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ прежнихъ членовъ, которые не хотѣли оставить его въ такую критическую минуту.

Между тѣмъ Лига, желая ускорить преобразованіе, за которое она боролась уже 8 лѣтъ, отмѣнила свое прежнее рѣшеніе—не подавать болѣе въ парламентъ прошеній, которыя немедленно за тѣмъ и посыпались цѣлыми тысячами. Кромѣ того на митингѣ 23 декабря 1845 г. въ Манчестерѣ принято было единогласно предложеніе собрать 250,000 ф. ст., чтобы быть въ состояніи открыть компанію въ будущемъ году въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, первый промышленный городъ въ государствѣ показалъ собою замѣчательный примѣръ того, на какія пожертвованія способны частные люди въ Англіи, если стремятся осуществить великую идею, которой практическое примѣненіе обѣщаетъ улучшить общественное благосостояніе. На другой день утромъ, послѣ объявленія рѣшенія совѣта Лиги, собравшіеся въ ратушѣ банкиры, фабриканты и купцы подписались въ одно засѣданіе на 60,000 ф. ст., а чрезъ нѣсколько дней сумма эта возросла до 75,000. Изъ другихъ городовъ, принявшихъ участіе въ подпискѣ, Ливерпуль пожертвовалъ 40,000, и Лидсъ — 36,000; такъ что на третьей недѣлѣ было уже болѣе половины требуемой суммы. Въ представленномъ Лигою отчетѣ было сказано, что слишкомъ 600,000 ф. ст. было употреблено работниками на пріобрѣтеніе свободныхъ участковъ, и такой способъ увеличенія числа избирателей, по случаю возникшаго процесса, признанъ былъ судебною властью не только законнымъ, но достойнымъ всякой похвалы. Эти факты лучше всего доказываютъ намъ, какъ успѣшно дѣйствовала Лига на общественное мнѣніе. Къ несчастію, политика прежнихъ государственныхъ людей Великобританіи поселила въ Европѣ страшное недовѣріе даже къ самымъ благороднымъ стремленіямъ народа. Во всѣхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ государствѣ, люди съ предубѣжденіемъ искали коварныхъ замысловъ. Такъ было съ освобожденіемъ негровъ и такимъ же образомъ нѣкоторые судятъ о таможенной реформѣ. Эта продолжительная борьба противъ монополіи землевладѣльцевъ, во время которой такія замѣчательныя личности, какъ Кобденъ, Брайтъ, Смитъ, Вильсонъ, не щадили ни времени, ни денегъ, ни самаго усиленнаго труда, кажется намъ только ловкою комедіей, разсчитанной для того, чтобы обмануть континентальныя державы. Между тѣмъ многія событія тогдашняго времени, поразительныя по своей простотѣ и важности, могли бы убѣ-

дить самыхъ скептическихъ людей, что простой народъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ собственныхъ бѣдствій, нисколько не заботясь о другихъ государствахъ. Такъ между прочимъ въ графствѣ Вильтсиомъ собралось 5-го января 1846 года болѣе 1,000 поселянъ на открытомъ полѣ, ночью, во время сильной стужи, чтобы представить также свое прошеніе въ парламентъ. Сколоченное изъ нѣсколькихъ досокъ небольшое и узкое возвышеніе, на которомъ находился деревянный столикъ и нѣсколько стульевъ, служило помѣщеніемъ для предсѣдателя, тоже изъ поселянъ, и нѣсколькихъ журналистовъ. При блѣдномъ свѣтѣ луны, изрѣдка освобождающейся изъ-подъ темныхъ облаковъ, и при четырехъ или пяти свѣчахъ въ фонаряхъ или закрываемыхъ отъ вѣтра руками, происходилъ этотъ митингъ нищеты. Голодъ и отчаяніе рѣзкими чертами были написаны на истощенныхъ лицахъ этихъ новыхъ Гемпденовъ. Нужно прочесть эти раздирающіе сердце разсказы, чтобы убѣдиться, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ была дѣломъ, вынужденнымъ только крайнимъ положеніемъ рабочаго класса.

Одинъ изъ присутствующихъ на этомъ сельскомъ митингѣ предложилъ собранію рѣшеніе: «Рабочій классъ находится теперь въ болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ въ прошедшемъ году, когда я доказывалъ въ подобномъ же собраніи, что всякій имѣющій пятеро или шестеро дѣтей ложился спать болѣе обременительнымъ долгами, чѣмъ наканунѣ»... «Меня увѣряли, что когда-то крестьяне употребляли въ пищу хлѣбъ, масло, сыръ, говядину и пиво; теперь мы питаемся только картофелью, съ прибавленіемъ немного соли. Мнѣ сорокъ лѣтъ, и въ теченіе этого времени я не купилъ ни одного фунта говядины». Но самая печальная рѣчь была произнесена однимъ крестьяниномъ изъ Чарльтона. «Я сдѣлалъ 20 миль дороги, чтобы разсказать вамъ о моемъ бѣдствіи. Намъ нужно жить, мнѣ, моей женѣ и 6 дѣтямъ, за 8 шил. въ недѣлю (2 р. 40 к.), когда хлѣбъ стóитъ 15 пенсовъ за галлонъ (27 к. за гарнецъ). Фермеры говорятъ намъ, что задѣльная плата измѣняется съ измѣненіемъ урожая; но въ прошедшую весну я заработывалъ 7 шил. въ недѣлю, а хлѣбъ покупалъ по 9 п. за галлонъ, который теперь стóитъ 6-ю пенсами дороже. Но считая по 1 фунту хлѣба на человѣка, для насъ нуженъ 1 галлонъ въ день. Кромѣ того необходима одежда, отопленіе, квартира, а для всего этого ничего уже болѣе не остается послѣ покупки хлѣба. Я сказалъ чиновнику общественнаго вспомоществованія, что не могу прокормить моего семейства получаемымъ мною жалованіемъ. Онъ далъ мнѣ позволеніе помѣстить одного изъ моихъ дѣтей въ домъ для рабочихъ. Друзья мои, любите ли вы одно дитя болѣе, чѣмъ другое? Я не зналъ, которое изъ моихъ

послать, я не желалъ ни съ однимъ изъ нихъ разлучиться. Я сказалъ моей старшей дочери: ты пойдешь въ домъ призрѣнія. Но она отказалась; я обратился къ другимъ и каждое изъ нихъ отвѣтило съ криками и слезами, раздирающими сердце: — не отсылай меня, батюшка, не отсылай меня».

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ открылись 22 января 1846 г. засѣданія парламента. Пиль, желая освободиться отъ тягостнаго вліянія своей партіи, которая въ послѣднее время осыпала его самыми горькими, и обидными упреками, и приготовить слушателей къ предполагаемымъ преобразованіямъ, сказалъ въ окончаніи своей рѣчи: «Когда послѣ утомительныхъ трудовъ послѣдняго засѣданія я проводилъ свои дни и ночи, читая донесенія и обдумывая планы, какимъ бы образомъ отвратить угрожающее намъ народное бѣдствіе, признаюсь, что послѣ этого мнѣ горестно видѣть себя предметомъ обвиненія въ вѣроломствѣ противъ пользы моего отечества или нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ. Мнѣ постоянно говорятъ, что тѣ интересы, которые помогли мнѣ достигнуть министерства, довольно еще могущественны, чтобы меня низвергнуть. Но эти люди заблуждаются. Я никому не обязанъ тѣмъ, что принялъ на себя тягостный трудъ и пожертвованія, которыхъ требуетъ мое оффиціальное положеніе... Кромѣ того, власть перваго министра есть тяжкая и трудная обязанность. Когда честь и долгъ этого требуютъ, я, не отказываясь отъ нея, готовъ принять на себя отвѣтственность, но никогда не соглашусь, чтобы она въ рукахъ моихъ была ослаблена; я не хочу оставаться при рулѣ во время бурной ночи, если не могу свободно управлять этимъ рулемъ; я всегда буду подчиняться только одной обязанности, — руководствоваться во всемъ пользою общественною и безопасностью государства». Въ слѣдующемъ засѣданіи при многочисленномъ стеченіи публики, въ которой находились даже два члена королевской фамиліи, Пиль представилъ свой проэктъ коммерческой реформы, изложеніе котораго продолжалось $3^1/_2$ часа. Первая часть его относилась къ интересамъ фабричнымъ, вторая къ земледѣльческимъ. По этому проэкту уменьшалась въ половину пошлина на сало для облегченія бѣдному классу потребленія весьма важныхъ для него предметовъ—свѣчей и мыла. На строительный лѣсъ постепенное пониженіе тарифа было разложено на нѣсколько лѣтъ. Что касается иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, то министръ принялъ въ основаніе своей реформы только казенный доходъ и считалъ, что пошлина съ нихъ въ 10% ad valorem достигнетъ этой цѣли самымъ выгоднымъ для потребителей образомъ. Изъ этого общаго правила исключались шелковыя ткани, которыя могли считаться предметомъ

роскоши; поэтому пошлина на нихъ составляла 15% ad valorem. Изъ земледѣльческихъ продуктовъ маисъ, сарачинское пшено и клеверное сѣмя были освобождены отъ всякой платы при ввозѣ; на масло, сыръ, соленую рыбу пошлина уменьшена въ половину; на всѣ другіе предметы царства растительнаго (за исключеніемъ зерноваго хлѣба) и животнаго предполагалось уничтожить ее немедленно. Наконецъ, желая дать сельскимъ хозяевамъ время приготовиться къ радикальной перемѣнѣ, Пиль предложилъ удержать охранительную пошлину на хлѣбъ, впрочемъ, очень умѣренную, еще на три года. Она состояла въ слѣдующемъ: при цѣнѣ пшеницы на внутреннихъ рынкахъ въ 48 шил., предполагалось брать 10 шил. съ квартера. Пошлина эта считалась самою высшею, предѣльною и должна была постепенно уменьшаться на 1 шил. при соотвѣтственномъ возвышеніи цѣны пшеницы тоже на 1 шил., пока не понизится до 4 шил., то есть, пока цѣна квартера пшеницы не достигнетъ внутри государства до 53 шил. При этой цѣнѣ и выше пошлина должна была оставаться неподвижною. Обязательное дѣйствіе этого закона предполагалось продолжить только до 1-го февраля 1849 г.; послѣ чего окончательно уничтожалось всякое ограниченіе, недопускающее свободнаго привоза хлѣба, и правительство желало только удержать 1 шиллингъ номинальной пошлины для статистическихъ цѣлей. Привозъ хлѣба изъ британскихъ владѣній долженъ былъ считаться свободнымъ со времени утвержденія министерскаго проэкта законодательною властью. Въ заключеніе Пиль прибавилъ, что предлагая эти мѣры, онъ не надѣялся, чтобы другія державы послѣдовали примѣру Англіи, которая въ этомъ случаѣ должна заботиться о своей собственной пользѣ и не обращать вниманія на иностранную коммерческую политику. «Всякія репрессаліи, сказалъ онъ, всегда были вредны болѣе для тѣхъ государствъ, которыя къ нимъ прибѣгаютъ, чѣмъ для тѣхъ, противъ которыхъ онѣ направлены.»

Открывшіяся послѣ этой рѣчи пренія заняли 12 засѣданій и при сильной оппозиціи билль былъ принятъ окончательно нижнею палатою не раньше, какъ черезъ 4 мѣсяца послѣ его предложенія (*). Въ этомъ продолжительномъ спорѣ болѣе 100 ораторовъ принимали участіе и большинство только 98 голосовъ рѣшило его

(*) Хотя въ палатѣ лордовъ билль этотъ встрѣтилъ тоже многихъ противниковъ, но пренія въ ней не были столь продолжительны и не сопровождались такимъ разрозненіемъ политическихъ партій; 28-го мая онъ получилъ королевскую санкцію и сдѣлался закономъ.

въ пользу министерскаго проэкта. Впрочемъ большинство это было совершенно случайное; оно произошло, благодаря тому обстоятельству, что часть партіи консервативной, члены которой названы впослѣдствіи пилитами, соединилась со своими политическими врагами, вигами и приверженцами свободной торговли. Всѣ ультраконсерваторы, которыхъ число простиралось до 240, отдѣлились отъ Пиля навсегда. Понятно, что съ такимъ разногласнымъ большинствомъ Пилю невозможно было болѣе оставаться во главѣ правленія; при первомъ послѣ этого представившемся вопросѣ эти разнородные элементы отдѣлились другъ отъ друга и министерство должно было подать въ отставку. Но соединивъ свое имя съ величайшею таможенною реформою, Пиль не могъ не отдать справедливости человѣку, который наиболѣе способствовалъ ея осуществленію. Въ замѣчательной прощальной рѣчи, произнесенной имъ при оставленіи власти перваго министра, онъ въ заключеніи сказалъ: «Заслуга послѣднихъ преобразованій не принадлежитъ исключительно ни одной изъ политическихъ партій. Между ними произошло временное соединеніе, которое при вліяніи правительства рѣшило окончательный ихъ успѣхъ. Но имя, которое должно и вѣроятно будетъ съ ними связано навсегда, принадлежитъ человѣку, который, дѣйствуя подъ вліяніемъ самыхъ безкорыстныхъ побужденій и съ неутомимою энергіею призывая на помощь здравый смыслъ народа, доказалъ ихъ необходимость своимъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно было просто и безъ всякаго приготовленія,—это имя Ричарда Кобдена.... Я оставляю власть съ непріятнымъ чувствомъ, что навлекъ на себя негодованіе многихъ людей, которые глубоко сожалѣютъ о разорванныхъ связяхъ партій, тѣмъ болѣе, что, по ихъ убѣжденію, вѣрность принятымъ обязательствамъ партій составляетъ одно изъ самыхъ могущественныхъ колесъ управленія. Я удаляюсь, подвергая себя жестокимъ упрекамъ тѣхъ людей, которые держатся принципа протекціи не вслѣдствіе эгоистическихъ внушеній, но потому, что считаютъ его существеннымъ и необходимымъ условіемъ отечественнаго благосостоянія. Наконецъ для тѣхъ изъ защитниковъ протекціи, которые хотѣли бы удержать ее изъ менѣе честныхъ побужденій и единственно потому, что съ нею связаны ихъ частныя выгоды, для этихъ приверженцевъ монополіи, имя мое будетъ служить навсегда предметомъ проклятія. *Но можетъ статься, что это имя будетъ иногда произнесено съ чувствомъ благосклонности въ скромной хижинѣ тѣхъ, которыхъ судьба обрекла снискивать насущный хлѣбъ въ потѣ лица, когда они для возстановленія истощенныхъ силъ будутъ имѣть обильную и безпошлинную пищу, тѣмъ болѣе пріятную,*

что чувство несправедливости не будетъ къ ней примѣшивать своей горечи (*).

Рѣчь эта была принята съ необыкновенными рукоплесканіями; манчестерская партія и виги изъявляли другъ передъ другомъ чувства глубокаго уваженія къ падшему министру. При выходѣ изъ парламента Пиль былъ встрѣченъ многочисленными толпами народа, которыя при его видѣ обнажили головы и въ молчаніи сопровождали его до самаго дома.

22 іюля 1846 году созванъ былъ совѣтъ Лиги, состоявшій изъ 500 человѣкъ, въ Манчестерѣ; Кобденъ, выразивъ благодарность королевѣ, Пилю и Росселю и тѣмъ лицамъ, которыя своими учеными или практическими трудами способствовали къ утвержденію свободной торговли въ Англіи, какъ Джонъ Юмъ, Макъ-Грегоръ и Портеръ, предложилъ пріостановить дѣйствія Лиги до окончательнаго уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, что было принято единодушно. Послѣ этого собраніе, предоставивъ исполнительному совѣту право возобновить волненіе въ случаѣ, если бы протекціонисты сдѣлали какое нибудь покушеніе противъ реформы Пиля, рѣшило по представленію Грега освободить подписчиковъ отъ дальнѣйшаго взноса предложенной суммы въ 250,000 ф. ст. считая внесенные уже 20% достаточными для всѣхъ будущихъ издержекъ (**). Такимъ образомъ кончилось это необыкновенное волненіе, оставивъ въ Англіи неизгладимые слѣды своей продолжительной дѣятельности, благодаря которой въ настоящее время принципъ свободной торговли господствуетъ тамъ не только въ общественномъ мнѣніи, но и въ таможенномъ кодексѣ. Всѣ послѣдующія министерства послѣ паденія Пиля, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, имѣли въ отношеніи коммерческой политики одну и туже цѣль: облегчить, сколько это согласно съ казеннымъ доходомъ, внѣшнюю торговлю отъ всякихъ стѣсненій. Такъ, первымъ дѣломъ новаго кабинета лорда Росселя было предложеніе уравнить пошлину

(*) Эти послѣднія слова, по предложенію Кобдена, были высѣчены на памятникѣ, воздвигнутомъ Пилю послѣ его смерти работниками истинно народною подпискою по 1 пенни ($2^1/_2$ коп. сер.) съ человѣка.

(**) Въ этомъ же засѣданіи члены собранія единогласно рѣшили просить предсѣдателя Лиги Вильсона принять 20,000 ф. ст., какъ вознагражденіе за неутомимые его труды по административной части, а всѣмъ главнымъ членамъ исполнительнаго совѣта были поднесены серебряные сервизы. Послѣ того въ другомъ, нарочно созванномъ собраніи, въ ознаменованіе своей благодарности фабриканты единодушно предложили Кобдену отъ своего имени 75,000 ф. ст., а его дѣятельнѣйшему помощнику Брайту великолѣпную библіотеку.

на сахаръ всякаго происхожденія, не исключая даже странъ, въ которыхъ господствовало невольничество, но съ соблюденіемъ постепенности въ теченіе 5 лѣтъ, такъ что съ 1851 г. должна была взиматься однообразная пошлина 14 шил. съ центнера. Въ тоже время уменьшена пошлина на колоніальный ромъ, и сношенія съ самыми колоніями подверглись значительному преобразованію. Имъ предоставлено было право ввести у себя однообразный тарифъ безъ всякихъ привилегій для англійскихъ произведеній. Но самымъ замѣчательнымъ преобразованіемъ, совершеннымъ въ управленіе лорда Росселя, можно считать отмѣну навигаціоннаго акта. До послѣдняго времени навигаціонный актъ находилъ многихъ приверженцевъ не только между корабельщиками, пользующимися его покровительствомъ, но даже между учеными и государственными людьми. Но съ 1847 г. по предложенію одного изъ членовъ Лиги, Рикардо, нижняя палата избрала изъ своей среды людей спеціально знакомыхъ съ предметомъ, для изслѣдованія состоянія купеческаго флота въ Англіи. Комитетъ собралъ всѣ оффиціальныя данныя и частныя показанія, относящіяся къ этому предмету. Эти изслѣдованія не остались безъ послѣдствій. Любопытныя извлеченія изъ нихъ были обнародованы предсѣдателемъ комитета Рикардо и имѣли большое вліяніе на измѣненіе существующаго законодательства. Дѣйствительно, по новому положенію, утвержденному въ 1846 году, рое должно было получить обязательную силу съ 1 января 1850 г., всѣ иностранные корабли были уравнены въ правахъ съ англійскими во всѣхъ портахъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Но это постановленіе относилось только до внѣшней торговли, каботажная въ метрополіи и въ колоніяхъ, а равно и перевозъ товаровъ изъ одной колоніи въ другую, были предоставлены исключительно англійскимъ кораблямъ. Это послѣднее ограниченіе могло однако быть устранено въ каждой колоніи, по просьбѣ мѣстной законодательной власти, королевскимъ рѣшеніемъ, а въ Восточной Индіи генералъ-губернаторомъ и его совѣтомъ. Наконецъ хотя для опредѣленія національности англійскаго корабля былъ принятъ въ основаніе прежній законъ, но королевская прокламація могла его отмѣнить и кромѣ того шкиперамъ дозволялось принимать въ качествѣ матросовъ подданныхъ другихъ государствъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ этого преобразованія было измѣненіе колоніальной политики, которой Англія до сихъ поръ слѣдовала. Мы уже сказали, что колоніи получили право установлять у себя таможенной тарифъ, сообразно со своими выгодами. Въ 1850 г. Россель сдѣлалъ предложеніе дополнить этотъ законъ

признаніемъ самостоятельности и политической свободы въ административномъ отношеніи во всѣхъ поселеніяхъ, гдѣ англичанъ по числу было больше, чѣмъ туземцевъ въ такой пропорціи, чтобы существованіе свободныхъ установленій могло быть обезпечено. Мы приведемъ здѣсь для тѣхъ, которые думаютъ, что все могущество Великобританіи основывается на ея обширныхъ колоніяхъ, заключеніе рѣчи, сказанной первымъ министромъ въ нижней палатѣ въ засѣданіи 8-го февраля 1850 году. «Я предвижу, сказалъ Россель, что населеніе и богатство возрастутъ въ нѣкоторыхъ нашихъ колоніяхъ до того, что онѣ намъ скажутъ когда нибудь: «Мы довольно сильны, чтобы быть независимыми отъ Англіи; узы, насъ связывающіе съ нею, сдѣлались для насъ тягостными и настало время, съ котораго мы, сохраняя дружбу и тѣсный союзъ съ метрополіею, желаемъ сдѣлаться самостоятельными». Я не думаю, чтобы это время было слишкомъ близко, но сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы онѣ были способны управлять собою сами; дозволимъ имъ теперь же распоряжаться своими дѣлами; пусть населеніе умножается въ нихъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ, и что бы ни случилось послѣ, мы, граждане этого великаго государства, будемъ имѣть утѣшеніе сказать себѣ, что способствовали всемірному благу». Десятимѣсячное министерство тори, послѣ паденія кабинета лорда Росселя, послужило только къ окончательному утвержденію реформы Пиля. Хотя Лига, опасаясь вліянія партіи протекціонистовъ, глава которыхъ лордъ Дэрби сдѣлался въ февралѣ 1852 году первымъ министромъ, возобновила свое прежнее устройство и открыла подписку въ Манчестерѣ, которая въ 25 минутъ достигла 27,500 фунт. стерлин., но послѣдовавшіе за распущеніемъ парламента выборы явно показали, что эти опасенія были напрасны. Единственно достойнымъ вниманія событіемъ этого эфемернаго министерства было предложеніе лорда Пальмерстона, которое, устраняя слишкомъ рѣзкія выраженія, заключавшіяся въ предложеніи Вильерса, уничтожило навсегда надежды протекціонистовъ на отмѣну хлѣбныхъ законовъ, два съ половиною года тому назадъ вошедшихъ въ силу. Оно заключалось въ слѣдующемъ: «Палата считаетъ, что улучшенія въ государствѣ и въ особенности въ состояніи рабочаго класса были слѣдствіемъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ введено было неограниченное соперничество, уничтожены охранительныя пошлины, и чрезъ это уменьшена цѣна и увеличено обиліе съѣстныхъ припасовъ; что эта политика, будучи строго ведена и благоразумно развита, составитъ лучшее средство для доставленія возможности отечественной промышлен-

ности уплачивать лежащіе на ней налоги и сдѣлать народъ счастливымъ и довольнымъ. Палата готова разсматривать мѣры, сообразныя съ этими принципами, которыя ей будутъ представлены министрами ея величества» (*). Однако ни народъ, ни вновь созванный парламентъ не довѣряли кабинету, состоящему изъ крайнихъ протекціонистовъ; это оказалось яснымъ въ самомъ началѣ преній, открывшихся по случаю предложеннаго имъ бюджета, который былъ отвергнутъ въ нижней палатѣ большинствомъ 19 голосовъ. Образовавшееся вскорѣ за тѣмъ министерство подъ предсѣдательствомъ лорда Эбердина служило какъ бы продолженіемъ управленія Росселя. Знаменитый сподвижникъ и товарищъ Пиля Гледстонъ принялъ въ немъ должность канцлера казначейства. По его плану, представленному 19 апрѣля 1853 г. и служившему почти окончаніемъ великаго дѣла, начатаго Хускиссономъ, произведены были слѣдующія важныя преобразованія въ таможенномъ тарифѣ: 1) Пошлина на чай была уменьшена немедленно съ 2 шилл. $2^1/_4$ пен. до 1 шилл. 10 пен. съ фунта; въ слѣдующемъ году она должна была составлять 1 шиллингъ 6 пен.; съ 1855 по 1856 г. 1 ш. 3 п. и наконецъ съ 5-го апрѣля 1856 года только 1 шил. Такая постепенность считалась необходимою для вознагражденія казеннаго дохода большимъ количествомъ потребленія, которое должно было произойти въ этотъ промежутокъ времени. 2) Всѣ сырыя и полуобработанныя произведенія освобождались отъ всякой платы при ввозѣ, съ мануфактурныхъ же издѣлій пошлина не должна была превышать 10% ad valorem. 3) Сравнивались пошлины на одинаковые предметы, привозимые изъ британскихъ колоній или изъ другихъ странъ, и наконецъ 4) Пошлины на всѣ оставшіеся еще обложенными съѣстные припасы, какъ: сыръ, масло, какао, яблоки и проч., уменьшились въ половину. Въ этомъ значительномъ преобразованіи только вина и шолковыя ткани не получили никакого облегченія, потому что онѣ, будучи предметами роскоши, облагались только въ видахъ казеннаго дохода. По этому закону казна уступала изъ своего таможеннаго дохода въ пользу потребителей 1,338,000 ф. ст. Но, — фактъ достойный вниманія и котораго никакіе протекціонные софизмы не въ состояніи затемнить, — несмотря на то, что сумма облегченій, произведенныхъ въ таможенныхъ и акцизныхъ сборахъ съ 1842 г., составляли болѣе 10,000,000 ф. ст.

(*) Въ предложеніи Вильерса находилось между прочимъ выраженіе, *что актъ 1846 г. есть мѣра мудрая, справедливая и благодѣтельная*. Министерство не могло согласиться на него; въ противномъ случаѣ оно должно бы было сознаться, что постоянная его опозиція противъ этого акта имѣла всѣ свойства противоположныя выше выраженнымъ.

казенный доходъ въ 1853 г. съ этихъ статей былъ меньше только на 122,411 ф. ст., чѣмъ въ 1842 г.

Въ дополненіе къ этимъ преобразованіямъ сдѣланы были еще слѣдующія важныя перемѣны какъ въ самомъ способѣ взиманія таможенныхъ пошлинъ, такъ и въ осмотрѣ товаровъ. Пошлина ad valorem, какъ весьма затруднительная и подающая поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ, была замѣнена специальною на каждый предметъ въ соотвѣтственной пропорціи. Облегченъ былъ провозъ товаровъ изъ одного порта въ другой чрезъ внутреннія области государства прекращеніемъ ихъ осмотра, если только эти товары назначены были для вывоза за границу. Наконецъ всѣ таможенныя постановленія собраны были въ одинъ актъ и изложены съ необыкновенною простотою и ясностью.

Въ этомъ же засѣданіи уничтожены были послѣдніе остатки, уцѣлѣвшіе еще до сихъ поръ изъ навигаціоннаго акта. Каботажная торговля сдѣлалась съ 1853 г. доступною для всѣхъ иностранцевъ наравнѣ съ природными жителями и дозволено было англійскимъ корабельщикамъ набирать матросовъ для своихъ экипажей, по усмотрѣнію, изъ англичанъ или иностранцевъ, такъ что національность корабля зависѣла теперь только отъ національности ихъ собственника.

Останавливаясь на 1853 году, какъ предшествующемъ восточной войнѣ, по случаю которой промышленность должна была по необходимости стѣсниться въ своемъ развитіи, мы бросимъ теперь бѣглый взглядъ на слѣдствія таможенныхъ преобразованій въ Англіи въ отношеніи главныхъ отраслей промышленности, преимущественно же такихъ, которыя прежде пользовались покровительствомъ. При этомъ мы должны замѣтить, что со времени болѣе полнаго примѣненія въ ней принципа свободной торговли къ таможенному уставу, мы не встрѣчаемъ такихъ быстрыхъ переходовъ отъ увеличенія къ уменьшенію въ отдѣльныхъ производствахъ, какія часто случались прежде, исключая только годы страшнаго неурожая или войны; напротивъ, развитіе промышлености идетъ въ ней теперь болѣе естественнымъ образомъ и постоянно увеличивается, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, представляющей общую цѣнность вывоза всѣхъ произведеній изъ Великобританіи и Ирландіи, начиная съ 1842 года, согласно съ цѣнами, объявленными на таможняхъ.

Цѣнность вывоза.

1842	годъ.	47,381,023	фунт.	стерл.
1843	—	52,279,709	—	—
1844	—	58,584,292	—	—
1845	—	60,111,082	—	—
1846	—	57,786,876	—	—
1847	—	58,842,377	—	—
1848	—	52,849,445	—	—
1849	—	63,596,025	—	—
1850	—	71,367,885	—	—
1851	—	74,448,722	—	—
1852	—	78,076,854	—	—
1853	—	93,357,306(*).		—

Въ таблицѣ мы замѣчаемъ уменьшеніе вывоза съ 1846—1848 годовъ, но это объясняется кризисомъ, произведеннымъ безразсудными спекуляціями на желѣзныя дороги и болѣзнью картофеля въ Ирландіи. Начиная же съ 1849 г., вывозъ сталъ увеличиваться въ такой пропорціи, какой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ предшествующихъ годовъ. Главные предметы вывоза въ 1853 г. состояли изъ хлопчато-бумажныхъ тканей (25,800,000 ф. ст.), желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій (10,848,000 фунт. ст.), шерстяныхъ (10 мил.), бумажной пряжи и предметовъ одежды (14 мил. фунт. стерл.). Что касается ввоза, мы не можемъ пользоваться ежегодными оффиціальными публикаціями торговаго департамента, потому что цѣна, по которой опредѣляется привозъ товаровъ, была установлена еще въ 1694 г., а съ тѣхъ поръ весьма многія обстоятельства имѣли вліяніе на ея измѣненіе. Довольно здѣсь сказать, что привозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 10 лѣтъ (съ 1842—1851 годъ) почти утроился (съ 38,254,511 увеличился до 109,531,612 долларовъ. Количество привозной пшеницы и маису составляло въ 1841 г. не болѣе 2,400,000 квартеровъ, въ 1852 г. оно достигло до 6,750,000 кварт. и въ этомъ числѣ изъ портовъ Чернаго моря около 1 мил. Среднее же количество привоза всѣхъ родовъ хлѣба съ 1847—1853 составляло 8,220,000 квартеровъ (**).

(*) Въ эту сумму не вошла цѣнность товаровъ, не записываемыхъ въ таможенные реестры. Изъ обнародованныхъ впослѣдствіи оффиціальныхъ данныхъ оказывается, что цѣнность вывоза 1853 г. простиралась до 100 мил. ф. стер. Въ 1854 г. она понизилась до 97,184,726 ф. ст., въ 1855 — до 95,688,080, а въ 1856 г. снова увеличилась до 115,890,857 ф. ст. См. *Economist 1859*.

(**) 11,387,000 четвертей.

И несмотря на такой значительный привозъ, земледѣліе находится въ настоящее время въ Англіи въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Фермеры стали пріискивать болѣе разнообразныя удобренія, свойственныя каждому роду почвы, введены были новые сѣвообороты, уничтожены безполезныя ограды и пустыя пространства обращены подъ пашню. Въ тоже время дренажъ и примѣненіе силы пара къ обработкѣ полей стали вводиться повсемѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ поземельныхъ владѣльцевъ въ Шотландіи въ концѣ сентября 1852 г. объявилъ, что въ этой части государства уже не оставалось болѣе ни одной не снятой фермы и что арендная плата была выше, чѣмъ 4 или 5 лѣтъ тому назадъ. «Мы спали прежде, говорятъ теперь самые простые земледѣльцы, и не дѣлали всего, что могли дѣлать; мы имѣли всегда передъ собою неизвѣстность и не смѣли идти впередъ, опасаясь уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, котораго домогались столь могущественные интересы. Теперь облака разсѣялись, чудовище, котораго мы такъ пугались, явилось передъ нами; мы его измѣрили и нашли, что оно не такъ страшно; земля укрѣпилась подъ нашими ногами, мы больше не опасаемся ничего и зависимъ теперь отъ Бога и отъ насъ самихъ».

Одновременно съ такимъ улучшеніемъ въ земледѣльческомъ промыслѣ произошелъ замѣчательный фактъ: цѣны на хлѣбъ и мясо не только не понизились на внутреннихъ рынкахъ, какъ предполагали всѣ земледѣльцы, а напротивъ, постепенно стали возвышаться и вмѣстѣ съ ними стала увеличиваться задѣльная плата. Вслѣдствіе этого количество бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе отъ приходовъ, значительно уменьшилось. По донесенію коммиссаровъ, которымъ поручено попеченіе о бѣдныхъ, подать для нихъ, составлявшая только въ одной Англіи съ Уэльсомъ въ 1847—48 г. 6,180,764 ф. ст., въ 1851 — 52 уменьшилась до 4,897,685 ф. ст., а изъ 940,851 лица, получавшихъ вспомоществованіе въ 1849 г. осталось къ 1853 г. только 743,639. Даже въ Ирландіи, этой классической странѣ нищенства, количество бѣдныхъ, простирающееся въ 1849 г. до 620,147 чел., составляло въ 1855 г. 106,802 ч.

Такіе же успѣхи мы замѣчаемъ въ мореплаваніи и кораблестроеніи послѣ уничтоженія навигаціоннаго акта. Мы уже видѣли, что вывозъ всѣхъ произведеній вообще увеличился съ 1849 по 1853 г. почти на 58%; невозможно поэтому предполагать, чтобы количество кораблей и ихъ вмѣстимость остались съ тѣхъ поръ неизмѣнными. И дѣйствительно въ 1849 г. вмѣстимость кораблей, вошедшихъ или вышедшихъ изъ всѣхъ портовъ великобританскихъ владѣній, со-

ставляла 14,000,000 тоннъ, изъ которыхъ на англійскіе приходилось 9,670,000 т., въ 1853 г. изъ 18,400,000 т. на англійскіе приходилось 10,270,000 т., въ 1856 г. изъ 20,370,000 т. — 11,465,000, а въ 1857 г. изъ 23,180,00 т. — 13,700,000 т. Несмотря на то, что Англія прорѣзана каналами и желѣзными дорогами во всѣхъ направленіяхъ, каботажная торговля въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ въ томъ же 1853 годъ вмѣстимость всѣхъ судовъ, принимающихъ въ этой торговлѣ участіе, простиралась слишкомъ до 26 мил. тоннъ и только самая незначительная часть изъ нея приходилась на иностранные корабли, между тѣмъ, какъ въ 1849 году она составляла 24,800,000 т. Въ то же время дѣятельность на всѣхъ корабельныхъ верфяхъ Англіи была столь значительна, что кораблестроители не могли удовлетворять всѣмъ заказамъ. Въ 1849 г. вмѣстимость построенныхъ кораблей въ Англіи составляла 117,000 тоннъ, а въ 1853 г. она увеличилась до 203,000 т.

Столь же неосновательными оказались опасенія протекціонистовъ, касательно колоній, съ которыми сношенія метрополіи, по ихъ мнѣнію, должны были прекратиться при дозволеніи иностранцамъ свободной съ ними торговли. Можно полагать, что $^4/_5$ всего вывоза изъ колоній направляется въ настоящее время въ Великобританію. Для примѣра приведемъ только потребленіе главныхъ колоніальныхъ продуктовъ. Съ 1819 по 1844 г. среднее потребленіе сахару каждымъ жителемъ Великобританіи и Ирландіи не превышало 18 ф. Но начиная съ послѣдняго года, пошлина на этотъ предметъ постоянно была уменьшаема до 1854 г., въ которомъ она составляла только 54% прежней; въ такой же пропорціи увеличилось и потребленіе его, потому что съ 18 ф. оно поднялось до 34 ф. на человѣка. По случаю восточной войны снова была установлена прибавочная пошлина, которая возвысила цѣну сахара на каждый центнеръ на 8 шил.; вслѣдствіе чего потребленіе его уменьшилось въ 1855 г. до 30, а въ 1856 г. до 28 ф. на каждаго. Въ 1857 г. потребленіе снова увеличилось до 31 ф.

Потребленіе кофе не превосходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія 1 мил. ф.; но вслѣдствіе уменьшенія пошлины на половину въ 1825 г. потребленіе его увеличилось до 15 мил. ф. Въ 1840 г. оно составляло слишкомъ 25 мил., съ 1850—1854 въ средней сложности оно достигло до 34,596,000, а въ 1855 г. до 35,759,000 ф. (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ и общая торговля съ колоніями значительно усилилась. Такъ торговые обороты съ одною Восточною Индіею въ теченіе 10

(*) Въ 1856 г. оно нѣсколько уменьшилось, именно до 34,995,000 ф.

лѣтъ съ 1843 по 1852 увеличились болѣе, чѣмъ на 50%; съ 24 они возвысились до 37 мил. ф. ст.

Еще болѣе поразительныя доказательства выгодъ свободной торговли представляетъ привозъ хлопка и вывозъ бумажныхъ тканей, которыя по своей дешевизнѣ потребляются въ настоящее время во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Въ началѣ XIX стол. привозили хлопка въ Англію нѣсколько больше 50 мил., въ 1840 г. привозъ увеличился до 600 мил. въ 1851 г. 760 мил., въ 1853 г. до 900 мил., въ 1856 году онъ превосходилъ 1000 мил. фунтовъ. Пряденіе бумаги представляетъ въ настоящее время торжество промышленнаго искусства въ Англіи и съ ея изобрѣтательностью въ этомъ отношеніи не можетъ соперничать ни одинъ народъ въ свѣтѣ. На всемірной выставкѣ въ 1851 г. представлены были бумажныя нитки такой тонкости, что изъ одного фунта по вѣсу выпрядено ея было 1,720,000 ярдовъ (5,160,000 футовъ). Объявленная цѣнность вывозимыхъ бумажныхъ издѣлій по средней сложности за 3 года съ 1841—1842 г. составляла 24 мил., а съ 1851—1853 слишкомъ 28 мил. ф. ст. Дешевизна бумажныхъ вязанныхъ издѣлій тамъ необыкновенная. Напр., женскіе чулки продаются по 1 р. за дюжину и сбытъ ихъ увеличился въ послѣднее время до того, что далъ возможность повысить задѣльную плату почти на 50%. До 1849 г. эти издѣлія въ Англіи не могли соперничать съ саксонскими, преимущественно потому, что англійскіе фабриканты должны были платить своимъ рабочимъ 3 р. за такой трудъ, который обходился въ Саксоніи 90 коп. сер. Но изобрѣтеніе вязальной машины Клауссеномъ перемѣнило въ этихъ странахъ взаимное положеніе фабрикантовъ. Послѣ осмотра новоизобрѣтенной машины, саксонскіе мануфактуристы убѣдились въ свою очередь, что ручная работа болѣе невозможна.

Шерстяныя фабрики представляютъ намъ тоже доказательства усилившейся въ Англіи промышленной дѣятельности послѣ облегченія тарифа не только на сырой матеріалъ, но и на мануфактурныя издѣлія. Привозъ шерсти изъ иностранныхъ государствъ, составлявшій въ 1842 г. 45,880,000 ф. достигнулъ въ 1845 г. до 76.800.000 ф. Онъ уменьшился нѣсколько въ послѣдующіе годы, по случаю сильнаго неурожая хлѣба, но начиная съ 1851 г. снова сталъ быстро возрастать. Такъ въ 1851 г. привезено было 83 мил., въ 1852 году 94 мил., а въ 1853 г. слишкомъ 119 мил. ф. Соразмѣрно съ тѣмъ цѣнность вывоза шерстяныхъ издѣлій съ 5,330,000 ф. ст. въ 1840 г. увеличилась въ 1853 г. до 10,170,000 ф. ст. Льняное производство начало дѣлать значительные успѣхи только въ послѣднее время, когда машины стали мало по малу замѣнять ручную работу въ

пряденіи и особенно въ тканьѣ. Между 1840 и 1850 г. цѣнность вывоза льняныхъ издѣлій оставалась почти неизмѣнною и въ средней сложности не превышала 3,700,000 ф. ст., но съ 1850 по 1853 г. она составляла 4,750,000 ф. ст. Вывозъ шелковыхъ издѣлій сталъ увеличиваться только съ тѣхъ поръ, какъ уменьшена была въ половину пошлина на иностранныя шелковыя ткани. Въ 1840 г. онъ составлялъ по цѣнности не болѣе 800,000 ф. ст.; въ 1853 г. увеличился уже до 2 мил. ф. ст. Общая сумма вывоза только этихъ 4 предметовъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ увеличилась на 50%, составляя въ 1857 году 58 мил. фунт. стерл.; для другихъ произведеній, которыя при отправленіи за границу записываются въ таможенныя книги, увеличеніе было еще значительнѣе, именно около 68%. Не менѣе благодѣтельное вліяніе имѣли таможенныя преобразованія и на финансы государства. Возобновленнная Робертомъ Пилемъ подать съ дохода дала возможность не только облегчить потребителей посредствомъ уменьшенія косвенныхъ налоговъ на 16 мил. ф. ст. и сдѣлать для нихъ доступными многіе прежде дорогіе предметы, но и доставила правительству излишекъ, который въ теченіе 11 лѣтъ (съ 1842 по 1853 г.) составлялъ огромную сумму 24,740,000 фунт. ст. Но замѣчательнѣе всего, что не смотря на столь значительное уменьшеніе пошлинъ на всѣ иностранныя произведенія, таможенный доходъ въ 1853 году былъ меньше только на 122,411 фунт. стерл., чѣмъ въ 1842 году (20,902,734 вмѣсто 21,025,145 фунт. стерл.). Въ тоже время въ народѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить явные признаки увеличившагося благостоянія. Мы уже говорили о значительномъ уменьшеніи подати для бѣдныхъ; въ дополненіе къ этому прибавимъ, что сбереженія въ массѣ рабочаго класса замѣтно увеличились. Капиталъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ составлялъ въ 1842 г. 25 мил., а въ 1850 г. увеличился до 33 мил. ф. ст. Изъ милліона вкладчиковъ 600,000 было такихъ, которые положили не свыше 10 ф. ст. Кромѣ того въ томъ же году находилось 130 поземельныхъ обществъ (*) для покупки свободныхъ поземельныхъ участковъ, съ 85,000 членовъ и 120,000 акцій. Общества эти купили 310 имѣній, изъ которыхъ составлено было 19,500 участковъ, а вырученная за нихъ сумма простиралась до 790,000 ф. ст. Всѣ эти участки были куплены простыми работниками.

Мы не станемъ приводить статистическихъ данныхъ о состояніи въ Англіи разныхъ отраслей промышленности за послѣдніе годы,

---

(*) *Free-hold land societies.*

потому что восточная война, какъ мы уже сказали, по необходимости должна была имѣть вредное вліяніе на ея внѣшнюю торговлю и слѣдовательно уменьшить благодѣтельныя послѣдствія таможенной реформы. Но если стѣсненіе торговыхъ сношеній и военныя издержки, простирающіяся по послѣднимъ извѣстіямъ до 100 мил. ф. ст., не произвели въ ней бѣдственнаго признака, обыкновенно появляющагося послѣ окончанія каждой войны, и если притомъ промышленная дѣятельность, не смотря на эту войну, на революцію въ Китаѣ и неурожай, поразившій многія страны Европы въ 1853 и 1855 г. не только не уменьшилась, но въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ даже увеличилась, то такое явленіе лучше всякихъ цыфръ доказываетъ благодѣтельную пользу произведенныхъ въ ней преобразованій.

В. КАЛИНОВСКІЙ.

МОСКОВСКІЙ СЫЩИКЪ ЯКОВЛЕВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»
Грибоѣдовъ.

Въ 1831 году умеръ въ Москвѣ отъ холеры, на исходѣ шестаго десятка лѣтъ своей жизни, коллежскій совѣтникъ Гаврило Яковлевичъ Яковлевъ, не оставившій послѣ себя ни потомства, ни родства. Онъ служилъ въ московской полиціи слѣдственнымъ приставомъ, но вообще былъ извѣстенъ подъ названіемъ сыщика. Имѣлъ всѣ орденскіе знаки, какіе только было можно имѣть въ его чинѣ, и кромѣ того, множество подарковъ,—табакерокъ, перстней, часовъ и денежныхъ наградъ, за открытіе виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, поимку ихъ, доведеніе до чистосердечнаго сознанія и отысканіе похищеннаго и ограбленнаго имущества.

Въ свое время онъ былъ признаваемъ человѣкомъ полезнымъ и даже необходимымъ. Это доказывается тѣмъ, что много разъ, по распоряженіямъ высшаго начальства, онъ былъ командированъ въ С.-Петербургъ и другія отдаленныя отъ Москвы мѣста, когда тамъ случались какія нибудь важныя преступныя происшествія, и мѣстныя власти не могли открыть виновныхъ. Его розыски по большей части увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и слава объ этомъ гремѣла на широкомъ пространствѣ Россіи. Фамилія его сдѣлалась извѣстною старому и малому и притомъ въ такомъ родѣ, что самыя капризныя и крикливыя дѣти умолкали, если имъ говорили, что идетъ сыщикъ Яковлевъ.

По происхожденію онъ былъ изъ военныхъ кантонистовъ; службу же началъ аудиторскимъ писаремъ,—хотя, къ удивленію, очень плохо и съ трудомъ писалъ и не бойко читалъ, особенно рукописное. Я узналъ его лично въ 1825 году, встрѣчался съ

нимъ потомъ очень часто и имѣлъ возможность знать подробности о всѣхъ его дѣйствіяхъ до самой его смерти.

Сыщицкая знаменитость и слава Яковлева достигали до высшаго своего предѣла въ 1824 году, а потомъ стали упадать по причинѣ наступленія его преклонныхъ лѣтъ, а еще болѣе по случаю измѣненія воззрѣній начальства на средства, которыя онъ употреблялъ, для открытія преступленій и для доведенія подозрѣваемыхъ до чистосердечнаго сознанія. Законъ о недѣланіи пристрастныхъ допросовъ и истязаній при слѣдствіяхъ существовалъ и тогда, но Яковлевъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто этого закона совсѣмъ не было, и до того времени начальство смотрѣло на это какъ-то сквозь пальцы.

Поприще сыщика началъ Яковлевъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія и, какъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ, оставленъ былъ въ 1812 году, при нашествіи непріятелей на Москву, для ея поджоговъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками московской полиціи, изъ числа которыхъ я зналъ еще г. Щербу, очень хорошаго и добраго человѣка.

Какъ не удивляться иногда слишкомъ быстрому измѣненію идей человѣческихъ! Въ первые годы по изгнаніи французовъ, всѣ русскіе старались опровергать господствовавшее тогда въ Европѣ мнѣніе, что Москва сожжена самими русскими, по распоряженію правительства. Бывшій въ 1812 году главнокомандующимъ въ Москвѣ графъ Растопчинъ старался опровергать это мнѣніе своими брошюрами, писанными имъ на французскомъ языкѣ и печатанными въ Парижѣ, какъ будто защищая отъ такого нареканія честь Россіи и свою собственную, приписывая сожженіе столицы занимавшимъ ее непріятелямъ и поставляя это въ преступленіе имъ. Не удивительно бы еще было, если бы эти дѣйствія употреблялись для возбужденія народа, во время отечественной войны, къ энергической борьбѣ съ непріятелями. Но и этой причины допустить нельзя, потому что война та была уже кончена съ безсмертною для Россіи славою. Значитъ, что тогда понимали этотъ предметъ по своему. Спустя немного лѣтъ послѣ этого, русскіе историки отечественной войны начали доказывать фактами, что Москва сожжена самими русскими, и это дѣйствіе относить къ чести нашего народа и правительства, какъ рѣдкую черту самоотверженія и предусмотрительности, послужившую къ разстройству непріятельской арміи, во время ея пребыванія въ Москвѣ, потомъ истребленію и изгнанію ея остатковъ изъ Россіи.

По штату московской полиціи полагалось тогда четыре слѣдственныхъ пристава, изъ которыхъ одинъ управлялъ канцеляріею оберъ-полиціймейстера, а на трехъ остальныхъ возлагалось производство значительныхъ слѣдствій. Канцелярій при нихъ не полагалось; но по множеству поручаемыхъ имъ слѣдствій, они были въ необходимости нанимать письмоводителей и по нѣскольку писцовъ, не числившихся на службѣ.

У Яковлева много лѣтъ сряду былъ письмоводителемъ одинъ безобразный горбунъ, какой-то выгнанный изъ службы чиновникъ, великій мастеръ крючкотворства и бывшій правою рукою Яковлева во всѣхъ вопіющихъ противу человѣчества продѣлкахъ. Кстати скажу о наружности самого Яковлева и отличительныхъ свойствахъ его. Ростомъ онъ былъ невеликъ, имѣлъ большое брюхо и такую короткую шею, что ленты орденовъ, на ней носимыхъ, не могли лежать гладко и свивались жгутиками. Однажды мнѣ случилось слышать остроту, отпущенную одною особою, хорошо знавшею Яковлева, — что для его шеи гораздо пристойнѣе пеньковая веревка, нежели скрученая лента. Одутловатое лицо его и особенно широкій носъ, поросшій рѣдкими, но довольно длинными, въ родѣ щетины, волосами, были синебагроваго цвѣта, съ красными, на подобіе мрамора, прожилками, и усыпаны множествомъ угрей отвратительнаго вида. Глаза подъ нависшими съ просѣдью бровями и съ опухшими вѣками были постоянно красны и имѣли очень измѣнчивое выраженіе. Если съ нимъ говорилъ начальникъ, то во все это время, какъ бы оно ни было продолжительно, глаза Яковлева, прикованные къ глазамъ начальника, сохраняя свою удивительную способность не мигать, изъявляли глубочайшее подобострастіе. Глазные зрачки его при этомъ все болѣе и болѣе расширялись; а во всемъ его корпусѣ, наклоненномъ впередъ на выпрямленныхъ колѣняхъ и соединенныхъ каблукахъ, съ вытянутою шеею, на сколько это было возможно, не шевелился ни одинъ мускулъ. Совсѣмъ другое происходило, когда Яковлевъ говорилъ съ просителемъ; тогда глаза его принимали выраженіе, соотвѣтственное тому положенію, въ которое онъ желалъ его поставить сообразно своимъ на него видамъ. Но если онъ старался по своему довести до *чистосердечнаго сознанія* подозрѣваемаго въ преступленіи, то глаза его принимали такое выраженіе, какое можно замѣтить только у звѣрей, посаженныхъ въ клѣтки за желѣзными рѣшетками. При другихъ же обстоятельствахъ вся

его наружность отличалась какою-то туповатостію и апатіею. Онъ не обладалъ ни прозорливостію, ни особеннымъ умомъ; былъ очень суевѣренъ и придерживался простонародныхъ примѣтъ. Отъ природы онъ былъ жестокосердъ и не получилъ образованія, смягчающаго этотъ недостатокъ. Впрочемъ строго соблюдалъ всѣ посты и неутомимо посѣщалъ храмы Божіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ страстный любитель медвѣжьей травли; всегда держалъ по нѣскольку притравленныхъ на медвѣдя отличныхъ мордашекъ и приходилъ въ восторгъ, когда которая нибудь изъ нихъ на травлѣ ловко впивалась въ общипанное ухо медвѣдя и бѣдный звѣрь, потерявши силы защищаться, падалъ и издавалъ жалостный ревъ. Проѣзжая около городскихъ боенъ, онъ всегда останавливался, заходилъ туда и оставался тамъ зрителемъ по получасу и болѣе, не взирая на отвратительную вонь. Онъ почти никогда не упускалъ случаевъ посмотрѣть на публичное исполненіе судебныхъ приговоровъ надъ преступниками; зналъ по именамъ и отечествамъ всѣхъ палачей, вступалъ съ ними въ шуточные разговоры и безъ омерзѣнія бралъ въ руки бывшіе въ дѣлѣ кнуты, плети, щипцы для рванія ноздрей и штемпеля для клейменія лицъ; разсматривалъ ихъ съ видомъ знатока и дѣлалъ свои замѣчанія, хотя это нисколько не входило въ кругъ служебныхъ его обязанностей. Любилъ выпить, и часто неумѣренно.

Яковлевъ отъ природы былъ щедро надѣленъ особенною способностію или шестымъ, такъ сказать, инстинктивнымъ чувствомъ, въ родѣ чутья, для преслѣдованія преступниковъ, распознаванія ихъ въ толпѣ по одной наружности и поимки ихъ. Но такъ какъ арена, на которую простиралась его дѣятельность, была слишкомъ обширна, и число преслѣдуемыхъ имъ очень велико, то онъ имѣлъ у себя цѣлую толпу сподручныхъ ему сыщиковъ изъ всѣхъ низшихъ сословій, которыхъ для отличія отъ сыщиковъ, состоящихъ на службѣ, я буду называть ищейками. Эти ищейки состояли изъ людей самыхъ безнравственныхъ, что иначе и быть не могло. Для такихъ дѣлъ нужны рыбаки, далеко видящіе другихъ рыбаковъ. Почти всѣ такіе ищейки или сами принимали краденое или участвовали въ воровствѣ, еще чаще составляли воровскія шайки и подводили на кражу; потомъ выдавали своихъ товарищей за деньги, получаемыя ими отъ своего главнаго начальника, Яковлева. Если пойманные по ихъ указаніямъ преступники, во время допросовъ при слѣдствіи и судѣ, оговаривали ихъ въ соучастіи,

то въ первомъ случаѣ былъ ихъ защитникомъ самъ Яковлевъ, а во второмъ буква закона, запрещающая давать вѣру преступнику, оговаривающему доносителя на него. Конечно очень многія кражи совсѣмъ не состоялись бы, если бы сами ищейки не подговорили и не подвели къ тому людей, хотя дурной нравственности и такого же образа жизни, но еще не рѣшавшихся на воровство. Если участвовавшій въ воровствѣ ищейка получалъ хорошую долю изъ украденнаго, то онъ не только не обнаруживалъ виновныхъ, но даже старался скрыть всякіе слѣды къ ихъ поимкѣ и отысканію украденнаго. Если же эта доля была мала, то ищейка открывалъ объ нихъ Яковлеву и получалъ отъ него вознагражденіе.

Излагая это, я припоминаю два случая, одинъ съ комическою, и другой съ трагическою, потрясающею душу развязкою.

Одинъ чиновникъ особыхъ порученій, изъ хорошей фамиліи и довольно богатый, пожелалъ пріобрѣсти славу сыщика; Яковлевъ призвалъ одного изъ ищеекъ, великаго плута, и поручилъ ему доставить чиновнику случай отыскать какую нибудь значительную покражу и переловить похитителей, далъ для этото довольно значительную сумму денегъ и обѣщалъ еще бо́льшую, когда все устроится по его желанію. Ищейка, получивъ деньги, являлся къ чиновнику часто, но проводилъ его одними только обѣщаніями. Нетерпѣливому чиновнику надоѣло ожиданіе и проволочки и наконецъ онъ далъ ищейкѣ положительное приказаніе набрать себѣ товарищей и ночью украсть изъ указаннаго имъ самимъ дома дорогіе столовые часы и потомъ немедленно дать ему знать о мѣстѣ, гдѣ они будутъ спрятаны и гдѣ имѣютъ притонъ его товарищи, чтобы отыскать часы и переловить воровъ. Домъ и часы, указанные чиновникомъ, принадлежали извѣстному вельможѣ, бывшему въ короткихъ связяхъ съ начальникомъ чиновника; а чиновникъ такъ и разсчитывалъ, что по совершеніи имъ такого мастерскаго сыскнаго подвига слава объ этомъ разлетится по всей Москвѣ, и благодарный за отысканіе украденныхъ часовъ вельможа попроситъ у его начальника о представленіи его за это къ наградѣ. Изъ проэкта чиновника выполнена была въ точности только первая половина: часы украдены ночью самымъ наглымъ образомъ, посредствомъ лѣстницы, приставленной съ улицы къ окну во второмъ этажѣ дома. Ищейка же по неизвѣстнымъ причинамъ не являлся послѣ того къ чиновнику; но на бѣду послѣдняго, по прошествіи недолгаго

времени, полиція отыскала украденные часы, совсѣмъ уже изломанные, и переловила воровъ, а въ числѣ ихъ ищейку, который при допросѣ подробно показалъ, какъ по приказанію чиновника онъ подговорилъ другихъ мошенниковъ и какъ украдены ими часы. Хотя для подтвержденія показанія ищейки не нашлось юридическихъ доказательствъ и чиновникъ не могъ быть обвиненъ, но онъ лишился мѣста, вынужденъ былъ заплатить за изломанные часы ту сумму, которой они стоили при покупкѣ, и по гласности этой исторіи выѣхалъ изъ Москвы, чтобы скрыться отъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Другой чиновникъ, только не особыхъ порученій, побуждаемый такими же разсчетами, какъ и первый, поручилъ одному ищейкѣ непремѣнно открыть какихъ нибудь дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій, давалъ ему по временамъ деньги и за успѣшное исполненіе этого порученія обѣщалъ значительную награду. Для ищейки эта задача была очень трудна, а приманка большой награды очень соблазнительна,—и вотъ какъ онъ устроилъ дѣло. Онъ отыскалъ одного бѣднаго и семейнаго рѣщика, который, хотя былъ порядочный человѣкъ, но имѣлъ пристрастіе къ вину и часто напивался пьянъ. Ищейка нанялъ неподалеку отъ квартиры рѣщика комнатку на подворьѣ, познакомился съ нимъ, сталъ его часто зазывать къ себѣ и угощать и, постепенно споивши его настолько, сколько ему было нужно, началъ его уговаривать вырѣзать на мѣдной доскѣ рисунокъ для оттиска двадцати-пятирублевой ассигнаціи, съ оригинала, даннаго ему чиновникомъ. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ тотъ согласился и началъ работу въ комнатѣ ищейки; но рисунокъ не былъ изготовленъ еще и до половины, какъ ищейка донесъ о томъ своему чиновнику, который, пригласивъ мѣстнаго полицейскаго офицера и добросовѣстныхъ свидѣтелей, отправился въ комнату ищейки и нашелъ тамъ спящаго пьянаго рѣщика и около него въ столикѣ ассигнацію, неоконченный съ нея рисунокъ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ, и рѣзецъ. Несчастный рѣщикъ, вытрезвившись, разсказалъ подробно, какъ все происходило. Грубый и неправильный рисунокъ, вырѣзанный въ пьяномъ состояніи трясущеюся рукою, былъ въ такомъ безобразномъ видѣ, что если бы онъ даже былъ оконченъ и снятъ съ него оттискъ, то вѣроятно и неграмотный мальчикъ, видѣвшій хоть одинъ разъ настоящую ассигнацію, не могъ бы не замѣтить этого неискуснаго подлога. Не смотря на это, рѣщикъ подвергся всей строгой отвѣтственности по бук-

вѣ закона за тяжкое преступленіе, а тѣ, которые довели его до такого поступка, достигли своихъ цѣлей и воспользовались плодами успѣха. Волки были сыты, но овца не уцѣлѣла.

Сущность этого происшествія имѣетъ сходство, съ однимъ случаемъ, описаннымъ г. Лохвицкимъ въ статьѣ его: «Засѣданія Парижскаго Уголовнаго Суда» въ 1857—58 году, помѣщенной въ № 23 «Русскаго Вѣстника». Выписки изъ рѣчи, произнесенной адвокатомъ въ защиту обвиненнаго и признавшагося въ поддѣлкѣ трехъ фальшивыхъ монетъ, заключеніе эксперта, что фальшивая монета все-таки должна быть похожа, и похожа близко на настоящую, но что куски, вырѣзанные обвиняемымъ изъ олова, не имѣютъ и подобія монеты, и рѣшеніе присяжныхъ, — очень интересны и поучительны.

Я зналъ кромѣ Яковлева нѣсколько другихъ лицъ, на груди и шеѣ которыхъ красовались знаки, пожалованные имъ за открытіе преступленій, устроенныхъ и обнаруженныхъ способами, подобными тѣмъ, какіе я разсказалъ выше, и не замѣчалъ, чтобы ношеніе такихъ знаковъ тѣми лицами давило имъ грудь или стѣсняло дыханіе.

Яковлевъ надѣленъ былъ не только особенными способностями, но и крѣпкимъ здоровьемъ, необходимымъ сыщику. Для него не только не было тягостно, но даже составляло пріятное занятіе переодѣваться въ разныя платья, а иногда въ рубища, въ парикѣ и съ подвязанною бородою часто обходить въ ночное время отвратительныя убѣжища нищеты, разгула и преступленій и быть зрителемъ той печальной и грязной стороны человѣческой жизни, о которой не видавшій ее лично можетъ получить нѣкоторое понятіе изъ чтенія Лондонскихъ, Парижскихъ и другихъ Тайнъ. Въ разрядъ этихъ убѣжищъ входятъ: *a*) отвратительныя по нечистотѣ квартиры и подвалы, куда пускаются на одни только ночлеги люди, неимѣющіе постояннаго пристанища, и столичные нищіе, которые жалобнымъ голосомъ вымаливаютъ подаяніе при церквахъ и на улицахъ, но раньше всѣхъ утромъ собираются у дверей кабаковъ и ожидаютъ ихъ открытія, а въ вечернее время поютъ тамъ разныя удалыя пѣсни самымъ вѣселымъ голосомъ, сопровождая свои оргіи изумительными сквернословіями; а когда наступятъ часы закрытія кабаковъ, то бываютъ выталкиваемы изъ нихъ силою. Въ такихъ квартирахъ часто имѣютъ притоны разные мошенники и укрывающіеся бѣглецы и преступники. *b*) Дома для торговли развра-

томъ. *c*) Всѣ питейныя и трактирныя заведенія. *d*) Общественныя бани, баньки и проч. Яковлевъ часто посѣщалъ эти мѣста, иногда одинъ, а иногда въ сопровожденіи какого нибудь, тоже переодѣтаго, своего агента или сотрудника.

Въ среднихъ своихъ лѣтахъ онъ былъ довольно силенъ и нерѣдко, встрѣчая отыскиваемаго имъ или подозрительнаго человѣка, неустрашимо бросался на него одинъ, связывалъ его и отводилъ подъ стражу. Но бывало довольно и такихъ случаевъ, что и на его долю доставались порядочные побои, укладывавшіе его въ постель на нѣсколько дней и даже недѣль. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ обыкновеніе натирать свои оконтуженные члены хлѣбнымъ виномъ, которому онъ отдавалъ преимущество предъ всѣми другими наружными и внутренними медицинскими средствами отъ всѣхъ человѣческихъ недуговъ. Нѣсколько разъ онъ спасался отъ неизбѣжной повидимому смерти, при дѣйствіяхъ своихъ по сыскной части, только по особенному счастію, не оставлявшему его въ продолженіе всей его жизни.

По большому размѣру сыскныхъ операцій Яковлева, онъ въ необходимости былъ употреблять значительныя суммы денегъ; но эти расходы покрывались съ большимъ избыткомъ приношеніями въ извѣстные праздники и его имянины отъ содержателей и содержательницъ вышепоименованныхъ мною заведеній, для которыхъ онъ былъ грозою, а въ случаѣ нужды самою благонадежною защитою. Не періодическіе же, а экстренные случаи, доставлявшіе ему иногда значительные куши, бывали отъ встрѣчи его въ тѣхъ заведеніяхъ, особенно въ означенномъ буквою *b*), съ богатыми купеческими сынками, кутившими тайно отъ своихъ родителей или супругъ.

Сверхъ того Яковлевъ, вынудивъ у какого нибудь вора чистосердечное сознаніе и потомъ производя слѣдствіе, имѣлъ невинное обыкновеніе обращаться съ нимъ очень фамильярно и давать ему самъ или чрезъ своего горбуна-письмоводителя конфиденціальные совѣты, вслѣдствіе которыхъ воръ показывалъ, что онъ продалъ какую нибудь вещь краденую называемому имъ человѣку, всегда довольно зажиточному, но неимѣющему большаго значенія въ обществѣ и хорошихъ связей. У него производили внезапный домовый обыскъ, по большей части ночью, и хотя конечно краденой вещи не находили, но несмотря на это, брали его подъ стражу. Репутація Яковлева приводила въ ужасъ даже самыхъ невинныхъ, и оговоренному оставался одинъ только

исходъ изъ бѣды — полюбовная съ нимъ сдѣлка. Послѣ этого воръ на очной ставкѣ сознавался, что онъ оговорилъ того человѣка безвинно, по какому нибудь бывшему прежде неудовольствію, или, какъ тогда выражались мошенники, по-насёрдку. Это техническое слово имѣло тогда мѣсто даже въ формальныхъ письменныхѣ актахъ. При этомъ воръ называлъ новое, столько же виновное, какъ и первое лицо, которому будто бы продалъ краденую вещь. Въ этомъ порядкѣ по дѣлу о покражѣ какой нибудь одной вещи были оговариваемы и потомъ оправдываемы по нѣскольку лицъ одно послѣ другагó. Въ справедливости такихъ продѣлокъ покойнаго Яковлева можно удостовѣриться, прочитавши нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, имъ произведенныхъ, покоящихся теперь въ архивахъ. Воръ поступалъ въ такихъ случаяхъ безбоязненно, съ увѣренностію, что такія его дѣйствія не усиливаютъ полагаемаго закономъ наказанія за то преступленіе, въ которомъ онъ уже сознался; притомъ же и ему приходилась маленькая доля изъ добычи.

Яковлевъ въ продолженіе своей службы въ должности сыщика открылъ виновныхъ во многихъ самыхъ важныхъ преступленіяхъ, отыскалъ огромное количество украденныхъ и ограбленныхъ денегъ и имуществъ и переловилъ значительное число бѣглыхъ, воровъ, разбойниковъ и всякаго другаго рода преступниковъ. Успѣхами своими во всемъ этомъ обязанъ онъ не столько ловкости и природнымъ своимъ къ тому способностямъ, сколько безчеловѣчнымъ средствамъ, которыя онъ употреблялъ при допросахъ, несмотря на запрещеніе закона; при этомъ, къ довершенію бѣды, онъ почти всегда былъ на-веселѣ, а часто и пьянъ. Самые упорные и сильные тѣлосложеніемъ, подозрѣваемые въ преступленіи, люди рѣдко могли долго выносить грозныя увѣщанія Яковлева и наконецъ чистосердечно сознавались въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, открывали своихъ соучастниковъ и мѣста, куда скрывали похищенное или награбленное. Къ несчастію, бывало много и такихъ примѣровъ, что невинно подозрѣваемые сознавались въ тѣхъ преступленіяхъ, которымъ они не были причастны. Впослѣдствіи иногда обнаруживаемы были настоящіе виновники тѣхъ преступленій, совершеніе которыхъ приняли на себя невинные, при допросѣ ихъ Яковлевымъ. Но по негласности нашего судопроизводства, это было извѣстно только канцеляріямъ въ судахъ и не порождало никакихъ непріятныхъ послѣдствій для сыщика. Многіе изъ такихъ несчастныхъ, на ко-

торыхъ падали неосновательныя подозрѣнія въ преступленіи побывавъ на допросахъ Яковлева, во всю свою остальную жизнь носили знаки увѣчья или преждевременно отправлялись на вѣчный покой. Представляемые въ судебныя мѣста преступники, часто при передопросахъ въ судѣ жаловались на дѣланныя имъ Яковлевымъ при слѣдствіяхъ истязанія. Суды или вовсе не принимали такихъ жалобъ, или признавали ихъ незаслуживающими довѣрія, а изрѣдка относились въ полицію о произведеніи по такимъ жалобамъ изслѣдованія; но никогда не отыскивалось достаточныхъ юридическихъ доказательствъ къ обвиненію Яковлева.

Одна фамилія Яковлева приводила въ трепетъ людей, имѣвшихъ не совсѣмъ чистую совѣсть, и иногда служила волшебнымъ словомъ, производившимъ чудеса.

Однажды я пріѣхалъ къ оберъ-полиціймейстеру утромъ, когда онъ былъ занятъ пріемомъ донесеній частныхъ приставовъ о происшествіяхъ за минувшія сутки. Я оставался въ пріемной залѣ, гдѣ случился тогда Яковлевъ и еще нѣсколько чиновниковъ. Сквозь запертую дверь кабинета довольно долго было слышно, что генералъ лично допрашивалъ какого-то человѣка, представленнаго къ нему по подозрѣнію въ кражѣ. Допросъ этотъ сопровождался то рѣзкими, то глухими звуками, пояснявшими всю его энергичность, и безпрестанно раздавался голосъ арестанта: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Наконецъ въ кабинетѣ послышались быстрые шаги, дверь отворилась и взволнованный генералъ крикнулъ: Яковлевъ! При этомъ словѣ, стоявшій посреди кабинета, большаго роста, съ всклокоченными волосами, растрепанный человѣкъ, быстро оборотился лицомъ къ генералу, упалъ на колѣни, назвалъ себя виноватымъ и началъ подробно разсказывать, какъ онъ совершилъ то преступленіе, въ которомъ падало на него подозрѣніе.

Если бы какой нибудь досужій, съ современными понятіями человѣкъ, возъимѣлъ желаніе и получилъ возможность обозрѣть слѣдственныя дѣла, произведенныя Яковлевымъ въ первые 30 лѣтъ текущаго столѣтія, хранящіяся теперь въ архивахъ разныхъ судебныхъ мѣстъ, то могъ бы извлечь множество матеріаловъ, какъ поучительныхъ, такъ и интересныхъ, а еще болѣе поясняющихъ нравственныя стороны нашего народа, администраціи и судебнаго производства въ эту эпоху.

Знаменитость Яковлева по сыскнымъ дѣламъ достигла высшей своей степени во время бытности въ Москвѣ оберъ-полиц-

мейстеромъ генералъ-маіора А. С. Ш. 1-го, который составлялъ въ свое время очень замѣчательное лицо и былъ въ этой должности болѣе десяти лѣтъ (*). Онъ оставилъ послѣ себя хорошую память очень во многомъ. Онъ сдѣлалъ по своему вѣдомству множество полезныхъ преобразованій и учредилъ такіе порядки по управленію, изъ которыхъ многіе остаются безъ измѣненія до сего времени, по доказанному долголѣтними опытами ихъ удобству. Главнѣйшее же и болѣе другихъ благотворное изъ его дѣлъ есть преобразованіе и устройство въ Москвѣ пожарной команды и огнегасительныхъ снарядовъ, бывшихъ до него въ плачевномъ положеніи. Онъ положилъ основаніе тому превосходному состоянію, въ которомъ теперь находятся эти части въ обѣихъ столицахъ и по справедливости должно сказать, что въ продолженіе 34 лѣтъ послѣ него эти части не во многомъ усовершенствовались. А это самое служитъ доказательствомъ, что онъ самъ довелъ ихъ до такого совершенства, къ которому впослѣдствіи прибавить многаго было нельзя.

Пожарныхъ сигналовъ на каланчахъ при А. С. еще не было; а при пожарныхъ командахъ всегда было по нѣскольку казаковъ, съ осѣдланными лошадьми, которые въ случаѣ пожара давали знать о томъ въ сосѣднія части и отъ нихъ въ дальнѣйшія. Но несмотря на это, пожарныя команды являлись на мѣста пожаровъ съ изумительною скоростію. Лошади подъ обозомъ были превосходныя; самый обозъ и сбруя въ блестящемъ и щегольскомъ видѣ; пожарныя трубы и другія инструменты въ полной исправности. Команда въ порядкѣ, знающая свое дѣло, и хотя безъ металлическихъ шлемовъ, но въ соотвѣтственной времени года и ея назначенію одеждѣ.

А. С. почти всегда являлся на пожаръ первымъ изъ начальниковъ. Въ каретномъ сараѣ его квартиры, во всякое время дня и ночи, была дежурная, заложенная въ дрожки, пара лошадей, которыя были у него всѣ превосходныя. По первому удару въ

(*) Извѣстный драматическій писатель Коцебу въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ, кажется, «Одинъ годъ изъ моей жизни», разсказываетъ, какъ онъ въ концѣ прошлаго столѣтія схваченъ былъ на границѣ при въѣздѣ въ Россію и отправленъ въ Сибирь съ фельдъ-егеремъ, котораго фамилію онъ не называетъ, а обозначаетъ буквою Ш., имѣвшимъ способность пить и ѣсть на каждой станціи при перемѣнѣ лошадей, безъ разбору и порядка все, что можно было отыскать: медъ и паюсную икру въ одно и тоже время. Нѣкоторые меня увѣряли, будто это былъ Александръ Сергѣевичъ. Но можетъ быть это одна неумѣстная шутка, придуманная какимъ нибудь злоязычнымъ человѣкомъ.

звонокъ прискакавшаго съ вѣстію о пожарѣ казака, онъ неимовѣрно скоро одѣвался, садился на поданныя дрожки и во всю конскую прыть мчался по московскимъ улицамъ, сопровождаемый своими ординарцами, урядникомъ и двумя казаками. Такимъ же образомъ мчались туда брантъ-маіоръ и два бывшихъ тогда въ Москвѣ полицмейстера съ своими конвоями.

Прибывъ на мѣсто пожара, онъ зорко осматривалъ мѣстность, и несмотря на свою порядочную дородность, съ изумительною ловкостію и неустрашимостію взбирался на крыши многоэтажныхъ горящихъ зданій и оттуда, окружаемый пламенемъ и удушливымъ дымомъ, онъ звонкимъ голосомъ отдавалъ приказанія пожарнымъ командамъ; съ нагайкою въ рукахъ для побужденія неповоротливыхъ и лѣнивыхъ, онъ былъ самъ первымъ дѣятелемъ и примѣромъ самоотверженія для всѣхъ, въ борьбѣ съ разрушительною стихіею, и всегда съ успѣхомъ останавливалъ ея губительное дѣйствіе. Часто измученный, съ перепачканымъ сажею лицомъ, съ обгорѣлымъ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ, въ измоченномъ платьѣ и обуви, онъ спускался съ горящаго зданія, садился на стулъ или скамейку, поставленные на мостовой, и ординарецъ по его приказанію подавалъ ему калачъ и полштофа простаго вина, взятые изъ ближайшихъ заведеній; онъ выпивалъ стаканъ, а иногда другой, и закусывалъ; но между тѣмъ зорко слѣдилъ за дѣйствіемъ пожарныхъ командъ и дѣлалъ нужныя распоряженія съ свойственною ему энергіею. Пестрая толпа зрителей, стоявшая въ должномъ порядкѣ, смотрѣла не столько на самый пожаръ, сколько на главнаго его гасителя, и восхищалась его личною, молодецкою неустрашимостію и мастерскими распоряженіями; а простой народъ приходилъ сверхъ того въ восторгъ, отъ оказываемой имъ публично чести нашему винцу и калачу. Изъ толпы слышались частыя восклицанія: вотъ отецъ, вотъ русскій человѣкъ, вотъ такъ молодецъ! Александръ Сергѣевичъ пользовался почти всеобщею любовью средняго и низшаго сословія столицы и особенно купечества, не изъ раскольниковъ; но всѣ очень его боялись, потому что могучая рука его, сжатая въ кулакъ и распростертая, была для многихъ грозна и тяжела.

Александръ Сергѣевичъ жилъ очень роскошно, и все имъ сдѣланное отличалось изящнымъ вкусомъ и удобствомъ. Кухня его была образцомъ порядка и опрятности. Утренняя его дѣятельность начиналась всегда тѣмъ, что онъ сходилъ въ кухню и

осматривалъ припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столахъ подъ хрустальными колпаками. Посуда, столы, стѣны, полы, одежда поваровъ, они сами и все прочее отличались безукоризненною, щегольскою чистотою и блескомъ; малѣйшая пылинка не могла укрыться отъ зоркаго его взгляда. Эта чистота и блескъ проявлялись во всемъ житейскомъ быту Александра Сергѣевича и на всемъ, что хоть нѣсколько подлежало непосредственному его вліянію. Не знаю, имѣлъ ли онъ собственное свое состояніе, но за женою онъ получилъ въ приданое значительный капиталъ.

Должность оберъ-полицмейстера въ то время имѣла не высокіе оклады содержанія. Необходимые же и экстренные расходы по этой должности были велики; не говоря уже о многомъ, что̀ могло считаться излишнимъ въ домашней жизни для другаго генерала, но необходимымъ для оберъ-полицмейстера, онъ долженъ былъ употреблять значительныя суммы для содержанія своей канцеляріи, штатное положеніе которой далеко не соотвѣтствовало современной потребности и количеству письменныхъ дѣлъ, размножавшихся безпрестанно. А еще болѣе требовалось расходовъ на жалованье тайнымъ агентамъ полиціи изъ всѣхъ слоевъ общества столицы и содержаніе толпы разныхъ сыщиковъ и ищеекъ, какъ необходимаго зла, но на что не отпускалось изъ казны ни копѣйки. Также необходимо было прибавлять къ ремонтной суммѣ пожарныхъ обоза и лошадей, штатное положеніе на которыя было очень недостаточно. Впрочемъ послѣднюю статью значительно подкрѣплялъ не то законъ, не то̀ обычай — отбирать у всѣхъ лошадей за неосторожную ѣзду по улицамъ и отдавать въ пожарную команду, безъ судебнаго на то опредѣленія, что̀ однако же влекло за собою при нѣкоторыхъ случаяхъ вопіющую и притѣснительную несправедливость.

Александръ Сергѣевичъ пользовался также экономіею отъ обмундировки полицейскихъ и пожарныхъ нижнихъ чиновъ, иногда и отъ провіанта ихъ, принимая поставку его отъ городской думы на свое попеченіе и покупая дешевле той цѣны, которую самъ получалъ; въ такомъ же родѣ, и притомъ постоянно, отъ сухаго фуража для продовольствія пожарныхъ лошадей, полагаемаго на всѣ 12 мѣсяцевъ въ году, и особенно отъ найма луговъ, кошенія на нихъ сѣна нижними чинами и перевозки его на мѣста на пожарныхъ лошадяхъ; отъ заготовки масла для освѣщенія уличныхъ фонарей, а иногда дровъ

для отопленія полицейскихъ зданій, когда также принималъ эти статьи на свое попеченіе (*). Такого рода экономія была гласная и подкрѣплялась менѣе гласнымъ содѣйствіемъ къ увеличенію ея со стороны винныхъ откупщиковъ. Но имѣлъ ли Александръ Сергѣевичъ другіе доходы, кромѣ этихъ, про то зналъ онъ самъ и, можетъ быть, его духовный отецъ. Въ разсказахъ о подобныхъ предметахъ нѣтъ возможности различить истину отъ лжи, какъ почти и во всѣхъ другихъ разсказахъ, не только о событіяхъ давно минувшихъ, но даже и о тѣхъ, которые совершаются въ наше время, если только мы не видимъ ихъ собственными глазами.

Принимая въ соображеніе, что Александръ Сергѣевичъ былъ отличный хозяинъ и примѣрный во всемъ распорядитель, можно бы было предполагать, что средства, которыя доставляла ему его должность, были очень достаточны и даже съ избыткомъ для роскошной его жизни; но, къ несчастію, онъ перешелъ въ этомъ границы умѣренности и разсчета и забылъ, что всему бываетъ конецъ, слѣдовательно и доходамъ, приносимымъ какою либо должностію, и самой службѣ. Для удовлетворенія своихъ роскошныхъ затѣй и предпріятій онъ пользовался значительнымъ кредитомъ и выстроилъ на Тверской улицѣ домъ, принадлежащій теперь Шевалдышеву, въ которомъ помѣщается его гостинница. Домъ этотъ строился подъ личнымъ надзоромъ Александра Сергѣевича; при чемъ употреблялись самые лучшіе и дорогіе матеріалы, и наконецъ онъ былъ отдѣланъ и меблированъ самымъ великолѣпнымъ и изящнымъ образомъ, такъ что едва ли можно было тогда отыскать въ Москвѣ другой ему подобный домъ.

Во все время службы Александра Сергѣевича въ Москвѣ оберъ-полицмейстеромъ и долго послѣ его выбытія, былъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ. При всей своей душевной добротѣ, безпристрастной правдивости и неутомимой дѣятельности для пользы общей Дмитрій Владиміровичъ не могъ, конечно, угодить всѣмъ и пріобрѣсти любовь всѣхъ безъ исключенія. Къ сожалѣнію, по неизвѣстнымъ причинамъ, Александръ Сергѣевичъ принадлежалъ къ числу немногихъ недовольныхъ и не скрывалъ этого ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ своихъ. Но

(*) Впрочемъ уже болѣе 20 лѣтъ городская дума производитъ заготовленіе провіанта, масла и дровъ сама, чрезъ подрядчиковъ.

князь Дмитрій Владиміровичъ, оставляя личности и другія мелочи въ сторонѣ, видѣлъ въ Александрѣ Сергѣевичѣ человѣка очень способнаго къ занимаемой имъ должности и, справедливо цѣня успѣшные труды и заботы его къ улучшенію всего относящагося до благоустройства города, особенно полиціи и пожарной команды, не упускалъ случаевъ ходатайствовать о его наградахъ.

Въ 1824 году Александръ Сергѣевичъ переведенъ былъ изъ Москвы въ С. Петербургъ оберъ-полицмейстеромъ же, когда тамъ военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ знаменитый графъ Милорадовичъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ образѣ жизни Александра Сергѣевича, принесшей ему самые горькіе плоды, я разскажу слѣдующій случай: по отъѣздѣ его вмѣстѣ съ своимъ семействомъ къ новой его должности, онъ отправилъ свое имущество въ С. Петербургъ съ особымъ обозомъ. Неподалеку отъ Новгорода встрѣтилъ этотъ обозъ проѣзжавшій графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчѣевъ и обратилъ вниманіе на длинный рядъ разныхъ блестящихъ экипажей и походныхъ фуръ, множество превосходныхъ и цѣнныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей и щегольски одѣтую въ форменное платье прислугу. Остановясь и подозвавъ къ себѣ одного служителя, онъ спросилъ, кому все это принадлежитъ? На отвѣтъ же его, что С. Петербургскому оберъ-полицмейстеру Ш**, онъ продолжалъ: скажи ему, что всего этого никогда не было и нѣтъ у самого Аракчѣева.

Вслѣдъ за событіемъ 14 декабря 1825 года, Александръ Сергѣевичъ былъ уволенъ отъ своей должности и назначенъ состоять по кавалеріи, а наконецъ совсѣмъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ тогдашняго оклада. Новое его положеніе навлекло на него всѣ житейскія невзгоды. Онъ переѣхалъ въ Москву и поселился въ своемъ домѣ. Средства его къ жизни внезапно ограничились однимъ пенсіономъ. Цѣнныя вещи постепенно начали поступать въ продажу и притомъ многія за безцѣнокъ. Поступили ко взысканію съ него многія долговыя обязательства и въ томъ числѣ закладная на домъ. Стѣсненное его положеніе сдѣлалось гласно; кредитъ его упалъ совсѣмъ, и Александръ Сергѣевичъ въ отчаяніи началъ чаще прибѣгать къ тому напитку, который нѣкогда подкрѣплялъ его силы и дѣятельность на пожарахъ. Нѣкоторые, но впрочемъ очень немногіе, изъ богатаго московскаго купечества, узнавъ о крайнемъ его положеніи, являлись къ нему съ пособіями; но и эти рессурсы постепенно мельчали, дѣлались рѣже и наконецъ прекратились совсѣмъ.

Все его имѣніе было продано съ публичнаго торга, въ томъ числѣ и домъ, за третью часть той суммы, которой стоила его постройка. Вырученныхъ денегъ оказалось недостаточно на полный платежъ всѣмъ кредиторамъ; а потому сдѣлано распоряженіе удерживать на ихъ удовлетвореніе часть пенсіона Александра Сергѣевича. Изъ бывшаго своего великолѣпнаго дома онъ переселился на Арбатскую улицу въ деревянный домикъ, имѣвшій только три окна на улицу, и нанялъ въ немъ три комнатки; но и за наемъ ихъ не имѣлъ возможности заплатить, когда наступилъ срокъ. По просьбѣ владѣльца дома, прежде бывшая подъ его начальствомъ полиція требовала или платежа за квартиру денегъ, или выѣзда изъ дома. Но куда? Въ это горестное для него время я однажды осенью, проходя по Арбату, видѣлъ сквозь отворенную калитку, что онъ въ ветхомъ и замасленномъ халатѣ рубитъ на дворѣ въ корытѣ капусту. Я сравнилъ былую жизнь его съ тогдашнею, сердце мое облилось кровью. Вотъ образецъ превратностей, случающихся въ жизни человѣческой, горечь которыхъ еще болѣе усиливается, если совѣсть впавшаго въ такое несчастіе можетъ упрекать его въ томъ, что онъ доведенъ до этого своею нерасчетливостію, а еще болѣ слабостями. Тѣмъ ужаснѣе положеніе такого человѣка, если онъ имѣетъ еще семейство, ознакомленное имъ со всѣми удобствами и прелестями роскошной жизни и потомъ лишенное даже дневнаго пропитанія.

Въ этомъ, повидимому безвыходномъ, положеніи Александра Сергѣевича, къ нему явилась помощь, которой онъ не имѣлъ права ожидать. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, узнавъ о его положеніи, припоминая объ немъ одно хорошее и забывъ обо всемъ дурномъ, безъ всякаго съ чьей либо стороны ходатайства или просьбы, сдѣлался его ангеломъ хранителемъ на всю остальную его жизнь: платилъ за наемъ его квартиры и снабжалъ его средствами для жизни, которыя впрочемъ не всегда употреблялись согласно благодѣтельному ихъ назначенію, по причинамъ, не отъ князя уже зависѣвшимъ. Въ этомъ положеніи Александръ Сергѣевичъ скончался около 1832 года.

Л. Халютинъ.

15 марта 1858 г.
Калуга.

СУМАСШЕДШІЙ.

Кто говоритъ, что я съ ума сошелъ?
Напротивъ, я гостямъ радешенекъ.... Садитесь.
Какъ это вамъ не грѣхъ! Неужели я золъ?
Не укушу — чего боитесь?

Давило голову, въ груди лежалъ свинецъ....
Глаза мои горятъ.... но я давно не плачу.
Я все скрывалъ отъ васъ.... Внимайте, наконецъ
Я разрѣшилъ мою задачу.

Да, господа! міръ обновленъ. — Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку;
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку....

Народы поднялись — и обнажили мечъ;
Но образумились, — и обнялись какъ братья.
Что раздѣляло ихъ, все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное!... свѣтло!
Просторно! вольны всѣ какъ птицы!
Тиранства нѣтъ — и все какъ сонъ прошло —
Рабы, оковы и темницы.

Наука царствуетъ, видѣнья отошли....
Одни безумцы ими одержимы.
Чу!... Слышите.... поютъ со всѣхъ концовъ земли
Невидимые херувимы.

Ликуйте! вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райскій гимнъ изъ сердца такъ и рвется!
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ въ одну струну...
Что, если сердце оборвется?!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ПОДОЗРѢНІЕ.

Что ты къ этой звѣздѣ привязалась
Всей довѣрчивой дѣтской душой?
Ты, очей не сводя, любовалась
До разсвѣта избранной звѣздой.

Въ простодушныхъ своихъ изліяньяхъ,
Я боюсь, — не сказала-ль ты ей
О моихъ откровенныхъ признаньяхъ,
О любви безразсудной моей....

И звѣзда твоя, вѣрно, болтлива:
Разговоръ ея льется въ лучахъ,
И ей милъ нашъ ручей говорливый,
Порожденный снѣгами въ горахъ....

Про любовь — какъ гулялъ я съ тобою —
Прожурчалъ намъ недаромъ ручей,
Серебримый твоею звѣздою,
Ироническихъ много рѣчей.

Н. ЩЕРБИНА.

1854.

ВИННЫЙ АКЦИЗЪ.

Вредъ откуповъ сознанъ всѣми. Единственнымъ препятствіемъ къ ихъ уничтоженію выставляется затруднительность обойтись безъ посредства откупщиковъ при сборѣ налога, составляющаго самую важную статью нашихъ доходовъ. Говорятъ, будто казна, принимая этотъ акцизъ въ свое собственное управленіе, не въ состояніи устроить такую систему сбора, при которой корчемство не отняло бы значительной части ея дохода съ вина. Это возраженіе можетъ держаться только на незнаніи исторіи и на незнакомствѣ съ тѣми способами взиманія виннаго акциза, какіе существуютъ въ другихъ государствахъ и каждый изъ которыхъ для казны гораздо выгоднѣе нашихъ откуповъ.

Когда-то существовали откупа по всей Западной Европѣ и до самаго ихъ уничтоженія повсюду слышалось тоже самое возраженіе о затруднительности уничтожить ихъ, какое слышимъ теперь у насъ. Повсюду говорили, что для казны будетъ затруднительно предупредить недочеты и обманы въ сборѣ тѣхъ налоговъ, которые отдавались на откупъ. Но когда наконецъ уничтожались откупа, то повсюду оказывалось, что самой казнѣ собирать эти налоги вовсе незатруднительно, и что, начавъ собирать ихъ сама, она тотчасъ же получала больше дохода, нежели сколько доставляли ей откупщики. Въ увеличеніи дохода сомнѣній быть не можетъ для человѣка хоть нѣсколько понимающаго характеръ операціи, которая называется откупомъ. Откупъ не пользуется нравственнымъ уваженіемъ отъ общества; онъ — дѣло рискованное; онъ требуетъ затраты огромныхъ суммъ; онъ требуетъ рѣдкаго соединенія извѣстныхъ ка-

чествъ ума съ извѣстными качествами совѣсти; коммерческіе люди знаютъ, что за каждое изъ этихъ условій необходимо требуется особая выгода. За нечистое дѣло надобно получить по крайней мѣрѣ 10 процентовъ лишней прибыли противъ чистаго дѣла; за невѣрное дѣло надобно тоже взять процентовъ 10 или больше; а если это дѣло таково, что кромѣ извѣстнаго рода совѣсти нужна тутъ оборотливость ума, то опять таки человѣкъ, соединяющій такія счастливыя качества, извлекаетъ изъ нихъ 10 или больше процентовъ выгоды. Сочтемъ всѣ эти десятки процентовъ и увидимъ, что откупъ можетъ существовать только съ тѣмъ, чтобы вмѣсто рубля, слѣдовавшаго въ казну, отдавать въ казну 60 или 50 копѣекъ, а 40 или и цѣлыя 50 оставлять у себя за коммиссію. На дняхъ мы прочли въ газетахъ исторію, превосходно объясняющую это обстоятельство. Турецкое правительство думаетъ отдать теперь на откупъ таможенные сборы Константинопольскаго порта. Сборъ этотъ далъ въ прошломъ году турецкой казнѣ до 50,000,000 піастровъ. Съ каждымъ годомъ онъ быстро возрастаетъ. Откупщики не даютъ за него болѣе 40,000,000. Читая эти строки, невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ же отдавать на откупъ? Не выгоднѣе ли было бы для турецкой казны просто дарить по 5 милліоновъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которые хотятъ взять откупъ? Все-таки у ней осталось бы выигрыша за нынѣшній годъ болѣе 5 милліоновъ, а на слѣдующій годъ еще больше. Но тутъ есть обстоятельство другаго рода: свои 50 милліоновъ турецкая казна получала постепенно въ теченіе цѣлаго года, а ей нужно нынѣшній или завтрашній день непремѣнно 10 или 20 милліоновъ; откупщики дадутъ ихъ ей впередъ, и вотъ она готова пожертвовать десятью или больше милліонами, чтобы получить какихъ нибудь 20 милліоновъ двумя-тремя мѣсяцами раньше, чѣмъ они дошли бы до нея сами. Непонятна небрежность, которая доводитъ финансы до такого разстройства; но когда они доведены до него, то понятна всякая сдѣлка, какъ бы разорительна ни была она. Турція дѣлаетъ теперь то самое, что дѣлаетъ мотъ, подписывающій вексель на полгода въ 2,000 руб., для полученія нынѣ тысячи, необходимой для него, чтобы не быть посаженнымъ въ тюрьму завтра.

Подобнымъ образомъ держались и тѣ откупа, которые наиболѣе знамениты въ исторіи финансовъ, la ferme générale старинной Франціи. Правительство постоянно забирало деньги у откупщиковъ впередъ и впередъ, сначала на мѣсяцъ, на полтора, за слѣдующій годъ, потомъ больше и больше, такъ что подъ конецъ, бывало, въ какомъ нибудь апрѣлѣ забраны были впередъ не только деньги до самаго конца года, но и половина откупной суммы за слѣдующій годъ. Тутъ дѣйствительно можно было призадуматься надъ тѣмъ, какъ

избавиться отъ откуповъ. Но то ли у насъ? Развѣ наши откупщики ссужаютъ впередъ деньгами казну? Каждому извѣстно, что они мастера только на обороты совершенно противнаго рода, — они умѣютъ только объявлять себя несостоятельными, выпрашивать себѣ льготы и отсрочки. Едва ли когда бывалъ случай, чтобы казна получила исправно въ назначенные сроки всю откупную сумму. Не знаемъ, найдется ли и такой случай, чтобы хотя со всѣми разсрочками была ею получена вся откупная сумма. Слава Богу, наша казна ничего не должна откупщикамъ. Теперь всѣмъ извѣстно, что она и не нуждается въ забираніи денегъ раньше срока. Въ чемъ же трудность отмѣнить откупъ? Но, говорятъ, трудно рѣшиться произвесть переворотъ въ важнѣйшей отрасли доходовъ: откупъ даетъ около третьей части всей суммы доходовъ. Опять таки это еще не Богъ знаетъ что по сравненію съ той трудностью, какая была для другихъ государствъ и въ этомъ отношеніи. Во Франціи болѣе половины всѣхъ доходовъ отдавалось на откупъ и все-таки это не помѣшало разомъ покончить дѣло съ откупами. Да и что затруднительнаго въ томъ, когда отрасль доходовъ, отдаваемая на откупъ, есть самая обильная? Еслибъ откупъ давалъ милліонъ, вы говорите, что было бы легко его уничтожить и получать вмѣсто одного милліона милліонъ двѣсти тысячъ. Но если откупъ даетъ 100 милліоновъ, а по его уничтоженіи казна будетъ получать 120, какая жь тутъ бѣда для казны? Напротивъ, кажется, что чѣмъ значительнѣе сумма, тѣмъ огромнѣе и цифра пропорціональной прибыли казны отъ уничтоженія откуповъ, стало быть тѣмъ сильнѣе причина не церемониться съ откупами.

«Но, говорятъ, хорошо говорить — отмѣнимъ откупа; а какъ устроить, чтобы казна получила не убытокъ, а прибыль, сама занявшись сборомъ доходовъ? Какъ сдѣлать то, чтобы сборъ шелъ правильно, безъ большой утайки? Теперь утайка преслѣдуется откупщиками; возможно ли казнѣ исполнить это такъ удачно, какъ дѣлаютъ откупщики? Если мы введемъ сбираніе акциза казною,—кто намъ поручится, что огромная часть товара, подлежащаго акцизу, не укроется отъ него?» Но, во-первыхъ, вѣдь существуетъ же контрабандный провозъ заграничныхъ товаровъ и страхъ контрабанды однако не мѣшаетъ казнѣ самой собирать таможенныя пошлины. Почему она не отдаетъ таможенъ на откупъ? Разсчетъ тутъ ясенъ. Если товаровъ привозится на 100 милліоновъ и при казенномъ управленіи 20 процентовъ изъ нихъ привозятся контрабандою, казна все-таки беретъ пошлину съ 80 милліоновъ; положимъ, что частный откупъ могъ бы вдвое уменьшить контрабанду и оплачивалось бы пошлиною 90 милліоновъ; но откупъ взялъ бы себѣ за коммиссію по

крайней мѣрѣ третью часть, и казна получала бы пошлины только съ 60 милліоновъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что частный откупъ дѣйствительно можетъ уменьшить контрабанду; но мы видимъ, что правительство въ таможенномъ дѣлѣ принимаетъ убытки, приносимые контрабандою, за потерю менѣе значительную той, какую принесло бы ей введеніе откупа. Оно разсчитываетъ совершенно правильно. Теперь, если правительство не боится контрабанды въ привозѣ иностранныхъ товаровъ, то неужели оно можетъ бояться контрабанды во внутреннемъ производствѣ, слѣдить за которымъ во всякомъ случаѣ легче, нежели за привозомъ иностранныхъ товаровъ? Впрочемъ, къ чему эти разсужденія, когда есть факты, прямо показывающіе, что государство у насъ можетъ обходиться безъ помощи откупа при взиманіи акциза. Развѣ не сама казна взимаетъ налогъ съ соли? А вѣдь и объ этомъ налогѣ во Франціи говорили, пока онъ былъ отданъ на откупъ, что казна не съумѣетъ взимать его. Развѣ не взимаетъ казна, сама, акциза съ табаку? и развѣ кто нибудь изъ насъ не знаетъ, что контрабанда въ массѣ табачнаго производства вовсе не имѣетъ огромныхъ размѣровъ, которыми бы чувствительно уменьшался доходъ съ акциза? А между тѣмъ всякій можетъ понять, что за производствомъ и продажею табаку услѣдить гораздо труднѣе, нежели за винокуреніемъ и торговлею хлѣбнымъ виномъ. Люди, которые говорятъ, что казна у насъ могла бы получить менѣе дохода съ хлѣбнаго вина, если бы стала взимать его сама, забываютъ доказать, что и акцизъ съ табаку выгодно было бы казнѣ отдать на откупъ. А пока они не докажутъ этого, пока, напротивъ, казна думаетъ, и каждый изъ насъ соглашается съ нею, что табачный акцизъ выгодно ей взимать самой, до тѣхъ поръ каждый изъ насъ имѣетъ полное право пренебрегать всѣми возраженіями, какія представляются противъ уничтоженія виннаго откупа. Пока я умѣю дѣлать дѣло гораздо болѣе трудное, до тѣхъ поръ я могу пренебрегать всѣми криками о томъ, будто бы не съумѣю справиться съ дѣломъ гораздо болѣе легкимъ.

А взиманіе акциза съ хлѣбнаго вина самою казною — дѣло безспорно вовсе незатруднительное. Въ разныхъ государствахъ Западной Европы оно устроено по разнымъ основаніямъ, и каждое изъ нихъ можетъ быть принято у насъ безъ особенныхъ затрудненій, и каждое дастъ казнѣ больше дохода, нежели сколько даетъ откупъ. Мы кратко изложимъ способы взиманія акциза съ водки и вообще спиртныхъ напитковъ въ главныхъ государствахъ Западной Европы, и читатель увидитъ справедливость нашихъ словъ. Но само собою разумѣется, что хотя каждый изъ этихъ способовъ заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія передъ откупомъ, все-таки они сами

разнятся степенями простоты и удобства къ практическому примѣненію у насъ; потому, изложивъ ихъ, мы представимъ соображеніе о томъ, каково было бы, по нашему мнѣнію, удобнѣйшее основаніе сбора самою казною виннаго акциза у насъ.

Основаніемъ для акциза съ хлѣбнаго вина могутъ служить или матеріалы, изъ которыхъ оно приготовляется, или посуда, въ которой совершается его производство, или, наконецъ, уже готовый продуктъ — вино, водка или спиртъ (*).

Въ Пруссіи основаніемъ для акциза съ водки принятъ матеріалъ, изъ котораго она приготовляется; потому и водочный акцизъ называется налогомъ на водочное сусло (Maischsteuer). Для этого опредѣляется, сколько водки, извѣстнаго градуса, получается изъ даннаго количества сусла при каждомъ заторѣ, и сообразно тому опредѣляется подать, какую долженъ платить чанъ извѣстной величины при каждомъ заторѣ. Основаніе разсчета принято такое, чтобы кварта водки въ 50° (по градуснику Tralles'а) платила $1^9/_{16}$ зильбергрошеновъ акциза (по переводѣ на наши деньги и мѣры это составило бы 49 коп. сер. съ ведра полугара). По мѣрѣ усовершенствованія способовъ винокуренія, одно и тоже количество сусла стало давать больше водки, нежели получалось отъ него прежде. Первоначально полагалось, что изъ 25 квартъ сусла получается одна кварта водки; потомъ тоже количество стало получаться изъ $20^5/_8$ квартъ сусла; теперь наконецъ считаютъ, что кварта водки получается изъ $15^5/_8$ квартъ вмѣстимости винокуреннаго чана, при чемъ нѣкоторая часть его полагается пустою при началѣ затора, потому что масса, приходя въ броженіе, увеличивается въ объемѣ. По этому разсчету берется нынѣ одинъ зильбергрошенъ съ каждыхъ десяти квартъ вмѣстимости куба, за каждый заторъ, или, переводя приблизительно на русскія мѣры, съ куба во 100 ведеръ за каждый заторъ около 3 руб. сер.

На томъ же основаніи взимается въ Англіи подать съ солода, употребляемаго для производства пива. Пивовары должны ежемѣсячно извѣщать о количествѣ приготовляемаго ими солода; чиновники правительства повѣряютъ эти показанія и берутъ по 2 шиллинга 7 пенсовъ съ бушеля (около 4 руб. 75 коп. съ четверти). Эта подать собирается очень удобно въ томъ случаѣ, если мельница для солода не принадлежитъ самому владѣльцу приготовляемаго на ней солода. Дополнительною пошлиною служитъ налогъ на хмѣль. Хозяева плантацій хмѣля должны подавать извѣстія о пространствѣ земли, занятой у нихъ хмѣлемъ, о мѣстахъ для просушки хмѣля,

(*) *Rau, die Grundsätze der Finanzwissenschaft.*

магазинахъ, въ которые онъ складывается, и о дняхъ, когда они будутъ взвѣшивать его и ссыпать въ мѣшки. Центнеръ хмѣля платитъ 18 шиллинговъ 8 пенсовъ пошлины (около 1 руб. 95 коп. съ пуда).

Подобныя основанія для подати съ хлѣбнаго вина и пива приняты въ Австріи, въ Баваріи и въ большей части другихъ нѣмецкихъ государствъ.

Другимъ основаніемъ для взиманіи акциза служитъ посуда, въ которой изготовляются спиртные напитки. Она берется съ винокуренныхъ кубовъ, смотря по ихъ размѣру, за каждые сутки процесса винокуренія или за какой нибудь другой срокъ, указанный опытомъ. Такъ въ курфиршествѣ Гессенскомъ берется по $2^1/_2$ зильбергрошена съ каждыхъ четырехъ масовъ вмѣстимости куба, за каждые 24 часа винокуренія (около 36 коп. съ ведра вмѣстимости за каждые сутки).

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Баденѣ, берется подать съ вмѣстимости куба помѣсячно, безъ различія продолжительности или краткости времени дѣйствительнаго винокуренія въ этотъ періодъ. Въ Баденѣ каждые три маса вмѣстимости куба платятъ въ мѣсяцъ 2 крейцера.

Наконецъ третьимъ основаніемъ для взиманія акциза служитъ уже самый продуктъ, выдѣланный и приготовленный къ продажѣ. Этотъ способъ принятъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ акцизъ имѣетъ слѣдующіе виды: пошлина съ поступленія вина въ торговлю и потребленіе (droit de circulation et de comsommation), пошлина съ привоза въ большіе города (droit d'entrée) и пошлина съ разничной продажи (droit de détail).

Подать съ поступленія въ торговлю и потребленія берется при вывозѣ вина изъ складочнаго магазина. Бочка или боченокъ съ виномъ не можетъ быть провозимъ иначе, какъ съ квитанціею на провозъ, въ которой обозначается имя человѣка, отправляющаго винный транспортъ, количество перевозимаго вина, мѣсто, куда оно препровождается, и время, назначенное для перевозки. Этому налогу одинаково подлежатъ виноградное и хлѣбное вино, пиво, сидръ и медъ; величина налога измѣняется отъ 60 сантимовъ за гектолитръ, взимаемыхъ съ сидра и дешевыхъ виноградныхъ винъ (менѣе 2 коп. за ведро) до 34 франковъ съ гектолитра (около 1 р. съ ведра), взимаемыхъ за спиртъ.

Подать при ввозѣ въ города и села, имѣющія болѣе 4,000 жителей, не заслуживаетъ нашего вниманія, потому что, къ счастію, у насъ вообще нѣтъ городскихъ таможенныхъ пошлинъ (octroi), возбуждающихъ такъ много жалобъ и затрудненій во Франціи.

Пошлина съ разничной продажи составляетъ 10 процентовъ цѣны, по которой продается вино рюмками и бутылками въ распи-

вочныхъ лавочкахъ, въ трактирахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ.

Намъ кажется, что система взиманія подати съ матеріаловъ или посуды гораздо сложнѣе системы, по которой налогъ берется уже съ готоваго продукта, и потому едва ли не слѣдуетъ предпочесть такое основаніе для акциза, при которомъ онъ взимается уже прямо съ водки при ея поступленіи изъ запасныхъ депо въ продажу. Главнымъ неудобствомъ этой системы была бы затруднительность слѣдить за продажею водки изъ многочисленныхъ маленькихъ винокуренъ, какія существуютъ въ земляхъ, гдѣ винокуреніе и продажа водки издавна были свободны. Но у насъ этого неудобства нѣтъ. Хороша или дурна система откуповъ, но при реформѣ надобно брать въ соображеніе факты, уже произведенные ею въ народной жизни. У насъ винокуреніе производится не въ маленькихъ, почти домашнихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ у финляндцевъ; оно издавна уже сосредоточилось въ нѣсколькихъ большихъ заведеніяхъ, по своему размѣру подобныхъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ или стеариновымъ заводамъ. Мы уже привыкли къ такому порядку вещей, и никто не считаетъ стѣсненіемъ своихъ правъ того, что не можетъ курить вина для своего домашняго обихода; никому не приходитъ въ голову требовать такого права. Пусть же все въ этомъ отношеніи останется по прежнему; пусть существуютъ только немногочисленныя обширныя винокурни, производящія товаръ для оптовой продажи. Никто не огорчится даже тѣмъ, если у насъ, какъ въ Англіи, будетъ постановлено правиломъ, что винокуренный заводъ разрѣшается имѣть только тому, кто хочетъ устроить его въ обширномъ размѣрѣ. Въ Англіи наименьшій размѣръ винокуреннаго чана опредѣленъ въ 400 галлоновъ (110 ведеръ). У насъ можно опредѣлить эту границу наименьшаго размѣра еще выше. Можно даже, не нарушая народныхъ привычекъ и желаній, сдѣлать еще одинъ шагъ дальше: можно прямымъ образомъ ограничить число винокуренныхъ заводовъ, какъ существуетъ подобное правило относительно аптекъ. Число аптекъ ограничено, вѣроятно, съ той мыслью, чтобы онѣ не подрывали одна другой излишнимъ размноженіемъ, чтобы хозяинъ аптеки не былъ принуждаемъ незначительностью своего торговаго оборота прибѣгать къ поддѣлкамъ въ приготовленіи лѣкарствъ. При ограниченіи числа винокуренныхъ заводовъ ясно будетъ представляться другая цѣль: чѣмъ меньше ихъ число, тѣмъ легче надзоръ за ними. Чтобы не было монополіи, не надобно препятствовать основанію новаго завода въ такомъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ только одинъ заводъ на цѣлый большой округъ; но двухъ–трехъ заводовъ на уѣздъ средней величины, въ большей части мѣстностей, гдѣ суще-

ствуетъ какой нибудь другой сбытъ хлѣба, кромѣ винокуренія, было бы достаточно. Въ Кіевской губерніи, имѣющей 400 верстъ длины и 230 верстъ ширины по самымъ большимъ діаметрамъ, существовало въ 1845 году 372 винокуренныхъ завода. Этого слишкомъ много для 900 квадр. миль. Если изъ нихъ оставить только 35, разстояніе между ними все-таки нигдѣ не будетъ больше 50 верстъ, и каждое село, если недовольно условіями ближайшаго завода, будетъ имѣть на разстояніи одного дня провоза другой заводъ, куда легко можетъ сбывать свой хлѣбъ. Итакъ, мы говоримъ, что съ сохраненіемъ полнаго удобства для земледѣльцевъ въ сбытѣ хлѣба, число винокуренныхъ заводовъ, не очень значительное и въ настоящее время, можетъ чрезвычайно быть уменьшено для облегченія въ сборѣ акциза. Тѣ хозяева, заводы которыхъ подверглись бы закрытію, легко могли бы употребить, безъ убытка для себя, готовое зданіе подъ какое нибудь другое промышленное заведеніе, если были бы за годъ или за полтора предупреждены о срокѣ закрытія ихъ заводовъ, а посуда, остающаяся ненужной для нихъ, могла бы быть взята казною по третейской оцѣнкѣ, если они не сбудутъ ее на остающіеся заводы. Во всякомъ случаѣ, какъ бы щедро казна ни вздумала вознаградить владѣльцевъ закрываемыхъ заводовъ, очень немного нужно истратить денегъ, чтобы они не остались въ убыткѣ, потому что капиталы, затрачиваемые на устройство винокуренныхъ заводовъ, очень незначительны. Такъ, напримѣръ, заводъ, выкуривающій 250,000 ведръ въ годъ, стоитъ весь не болѣе 30,000 руб. сер., считая тутъ и зданіе, которое не пропадетъ, стало быть и не нуждается въ выкупѣ.

Мы предполагаемъ, что если бы сборъ акциза при сохраненіи нынѣшняго числа заводовъ оказался труднымъ (чему нельзя вѣрить), то правительству было бы очень легко отвратить это затрудненіе, уменьшивъ число заводовъ. Никто не можетъ сказать, чтобы уѣздному смотрителю виннаго акциза нельзя было строго усмотрѣть за винокуреніемъ, если въ его вѣдомствѣ будетъ всего два-три или пять, или даже хотя десять заводовъ. Теперь, какимъ же образомъ взимать акцизъ съ выдѣланнаго вина? Если брать акцизъ прямо при самой выдѣлкѣ еще до продажи, это можетъ служить обремененіемъ для заводчика и препятствіемъ къ производству вина въ довольно долгій запасъ. Если брать акцизъ при продажѣ вина изъ рукъ заводчика, открывается обширная возможность контрабанды; и, кажется, главное недоумѣніе объ устройствѣ акцизнаго сбора заключается въ томъ, что кромѣ этихъ двухъ неудобныхъ способовъ не замѣчаютъ еще одного, который свободенъ отъ всякихъ неудобствъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, взимая акцизъ не при производствѣ, а при

продажѣ, заставить заводчика производить продажу такъ, чтобы водка проходила подъ контролемъ казны, взимающей акцизъ. Надобно только узаконить, что все выдѣлываемое вино должно поступать прямо и немедленно по выдѣлкѣ въ складочный магазинъ, находящійся подъ вѣдѣніемъ акцизнаго сборщика; и только изъ этого магазина, но никакъ не съ завода, должна водка поступать въ продажу. При такомъ порядкѣ можно даже установить правило чрезвычайно выгодное для заводчиковъ. Вино не такой товаръ, который подвергался бы порчѣ или оставался бы безъ сбыта. Потому, принимая водку въ складочный магазинъ, казна можетъ, ничѣмъ не рискуя, выдавать заводчику по его просьбѣ половину или двѣ трети низшей цѣны вина за три предъидущіе года, съ вычетомъ этихъ денегъ изъ тѣхъ, которыя онъ получитъ за дѣйствительную продажу вина.

Цѣль такого порядка состоитъ не въ томъ, чтобы казна хотѣла сама участвовать въ торговлѣ виномъ, — нѣтъ, пусть самъ заводчикъ продаетъ свой товаръ кому хочетъ и по какой хочетъ цѣнѣ; надобно только, чтобы вино не поступало въ продажу безъ уплаты акциза, и казна только хранитъ вино до продажи, чтобы взять акцизъ, а не участвуетъ въ торговлѣ имъ. Выпуская бочку съ виномъ за дверь складочнаго подвала и накладывая штемпель или бандероль на выпускаемую бочку, казна не принимаетъ на себя далѣе никакихъ заботъ о путешествіи и участи этой бочки. Пусть покупщикъ везетъ ее куда хочетъ, продаетъ какъ хочетъ. Намъ кажется, что хлопотъ для казны тутъ немного, хотя бы продажа изъ подвала производилась и отдѣльными бочками; но если бы оказалось нужнымъ еще болѣе упростить и облегчить это дѣло, можно поставить правиломъ, что отпускъ изъ акцизнаго подвала производится только партіями болѣе значительными, нежели одна бочка; напримѣръ, наименьшимъ размѣромъ покупки можно было бы поставить 10 или 25 бочекъ; тогда можно было бы еще больше облегчить для надсмотрщика это дѣло, опредѣливъ только извѣстные дни для выпуска вина изъ подвала, напримѣръ одинъ день въ недѣлю и даже въ двѣ недѣли.

Что же далѣе? — Далѣе—ничего. Весь механизмъ системы, одобряемой нами, состоитъ въ двухъ словахъ: акцизъ берется при продажѣ водки изъ подвала, въ который водка поступаетъ немедленно по изготовленіи. Если угодно, можно даже сейчасъ же написать «Проэктъ устава о порядкѣ взиманія акциза съ хлѣбнаго вина», съ раздѣленіемъ на параграфы и съ переложеніемъ на дѣловой языкъ. Работа эта такъ легка, что можно было бы предоставить ее каждому читателю; но мѣста этотъ проэктъ займетъ немного, потому не будетъ бѣды помѣстить его здѣсь.

ПРОЭКТЪ УСТАВА
О ПОРЯДКѢ ВЗИМАНІЯ АКЦИЗА СЪ ХЛѢБНАГО ВИНА.

§ 1.

Винокуренные заводы учреждаются не иначе, какъ по ходатайству мѣстныхъ жителей, съ разрѣшенія правительства.

Примѣчаніе 1-е къ § 1-му. Изъ существующихъ нынѣ заводовъ оставляются только нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ, имѣющіе размѣръ не менѣе опредѣленнаго § 2-мъ; прочіе же закрываются по истеченіи годичнаго срока отъ обнародованія этихъ правилъ.

Примѣчаніе 2-е къ § 1-му. Владѣльцы уничтожаемыхъ заводовъ, если не продадутъ посуду и прочія принадлежности, служившія для винокуренія, на остающіеся заводы, должны сдать эту посуду съ принадлежностями въ казну по цѣнѣ, опредѣленной третейскою коммиссіею, составленною изъ уѣзднаго сборщика акциза, одного депутата, назначеннаго губернаторомъ, и одного изъ жителей уѣзда по выбору заводчика.

Примѣчаніе 3-е къ § 1-му. Во всякомъ случаѣ по наступленіи означеннаго срока винокуренные кубы и прочія принадлежности винокуренія не могутъ оставаться ни въ зданіи, ни вообще въ дачѣ уничтоженнаго завода, и бывшій заводчикъ обязанъ представить удостовѣреніе о томъ, что сбылъ ихъ законнымъ порядкомъ по смыслу примѣчанія 2-го.

§ 2.

Винокуренный заводъ долженъ быть устроенъ не менѣе, какъ на 100,000 ведръ полугара годичной выдѣлки.

§ 3.

Выдѣланное хлѣбное вино сливается въ бочки подъ надзоромъ акцизнаго присяжнаго, опредѣляемаго состоять при заводѣ по назначенію уѣзднаго сборщика акциза. Къ каждой налитой бочкѣ при самой ея закупоркѣ онъ прикладываетъ печать и вноситъ въ шнуровую книгу число налитыхъ бочекъ.

§ 4.

Неприкосновенность печатей и цѣлость бочекъ остаются послѣ того подъ личной отвѣтственностью управляющаго заводомъ до принятія ихъ уѣзднымъ сборщикомъ акциза въ складочный подвалъ.

§ 5.

При каждомъ винокуренномъ заводѣ находится складочный подвалъ, ключи котораго хранятся у акцизнаго присяжнаго, а печать у уѣзднаго сборщика акциза.

§ 6.

Уѣздный сборщикъ акциза прикладываетъ къ дверямъ складочнаго подвала находящуюся у него печать, которая снимается только лично имъ самимъ при входѣ его въ подвалъ и снова налагается имъ при удаленіи его изъ подвала.

§ 7.

Для принятія выкуреннаго вина въ подвалъ назначаются опредѣленные дни не менѣе двухъ дней въ недѣлю, въ которые уѣздный сборщикъ акциза обязанъ являться на заводъ, если не будетъ предварительно извѣщенъ, что вина къ принятію въ подвалъ на заводѣ не имѣется.

§ 8.

По разлитіи вновь выкуреннаго вина въ бочки, ни одна бочка не должна оставаться на заводѣ до принятія въ подвалъ долѣе четырехъ сутокъ, и во всякомъ случаѣ всѣ бочки, налитыя въ заводѣ къ наступленію пріемнаго дня, должны быть сданы въ подвалъ въ тотъ же первый пріемный день.

§ 9.

Отпускъ проданныхъ бочекъ изъ подвала производится въ дни назначенные для пріема. Въ случаѣ надобности могутъ быть назначаемы для отпуска и особенные дни по требованію заводчика.

§ 10.

Продажа производится совершенно свободно самимъ заводчикомъ безъ всякаго вмѣшательства казны, съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, что должна совершаться не мелкими количествами, а оптомъ, т. е. бочками.

§ 11.

Отпуская проданныя бочки изъ подвала, уѣздный сборщикъ акциза кладетъ на каждую изъ нихъ установленный штемпель или бандероль.

§ 12.

Акцизъ взимается немедленно по наложеніи штемпеля, передъ отпускомъ бочекъ изъ подвала. Онъ уплачивается или заводчикомъ, или покупщикомъ по ихъ взаимному соглашенію.

§ 13.

Уѣздный смотритель акциза еженедѣльно представляетъ губернскому сборщику отчеты о числѣ бочекъ, хранившихся въ подвалѣ въ началѣ недѣли, о числѣ вновь поступившихъ бочекъ въ теченіе недѣли, о числѣ отпущенныхъ въ продажу и количествѣ собраннаго съ нихъ акциза и, наконецъ, о количествѣ бочекъ, остающихся въ подвалѣ къ слѣдующей недѣли.

§ 14.

За нарушеніе правилъ, постановляемыхъ этимъ уставомъ, опредѣляются штрафы и наказанія въ слѣдующемъ размѣрѣ:

За всякое контрабандное дѣйствіе заводчикъ подвергается штрафу въ пять разъ большему той суммы акциза, которой лишилась казна съ водки, поступившей въ продажу безъ уплаты акциза.

При третьемъ случаѣ подобнаго рода весь заводъ берется въ казну и продается съ публичнаго торга въ ея пользу.

Акцизные присяжные за уклоненіе отъ своихъ обязанностей подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подлежатъ за подобныя преступленія нижніе чины, которымъ вручена продажа гербовой бумаги.

Уѣздный и губернскій сборщики акциза за нарушеніе своихъ обязанностей подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ уѣздные и губернскіе казначеи въ подобныхъ случаяхъ.

Вотъ проэктъ всего устава для взиманія акциза съ хлѣбнаго вина. Эти немногосложныя правила достаточны для совершеннаго огражденія казны отъ контрабандной продажи вина съ заводовъ.

«Такъ, скажутъ намъ; но при этомъ предполагается, что сборщики акциза люди совершенно добросовѣстные, которые не согласятся прикрывать контрабандныя дѣйствія заводчиковъ ни за какія взятки; гдѣ же найти такихъ добросовѣстныхъ исполнителей закона? Продажность нашихъ чиновниковъ составляетъ предметъ всеобщихъ жалобъ». Что сказать на это? Неужели въ самомъ дѣлѣ въ Россіи такъ мало честныхъ людей? Кто захочетъ искать ихъ—найдетъ ихъ десятки въ каждомъ губернскомъ городѣ, десятки въ каждомъ департаментѣ какого угодно министерства. По личному опыту мы можемъ

засвидѣтельствовать, что въ самыхъ ославленныхъ вѣдомствахъ мы находили многихъ людей честности совершенно безукоризненной, стоящей выше всякихъ соблазновъ. Мы знаемъ такихъ людей и въ коммиссаріатскомъ и въ провіантскомъ департаментахъ. И ни одинъ честный человѣкъ, жившій въ свѣтѣ, не скажетъ, чтобы трудно было найти честныхъ людей для замѣщенія какого угодно числа должностей, если только неподкупная честность составляетъ главное требованіе этихъ должностей. Надобно только знакомиться съ людьми и хотѣть искать честныхъ людей, надобно при этомъ слушать мнѣнія честныхъ и умныхъ людей, живущихъ въ томъ кругу, изъ котораго должны быть избираемы кандидаты. Само собою разумѣется, кто знаетъ людей только по формулярнымъ спискамъ и оффиціальнымъ бумагамъ, тотъ ничего вѣрнаго не можетъ сказать о нихъ. Немногимъ больше пользы приносятъ и личныя свиданія въ оффиціальныхъ отношеніяхъ, хотя бы происходили каждый день. Но совершенно другое дѣло, если знать по опыту, что человѣкъ пользуется репутаціей честности или недобросовѣстности въ томъ кругу, среди котораго живетъ. Эта репутація рѣдко бываетъ обманчива. Постарайтесь же войти въ кругъ знакомства человѣка, если хотите знать, можно ли положиться на его правила и характеръ. Кто соблюдетъ это правило, тотъ не будетъ имѣть недостатка въ честныхъ людяхъ, ему нужныхъ.

Само собою разумѣется, что люди, которые станутъ честно исполнять извѣстную обязанность, примутъ ее на себя только тогда, если ее дѣйствительно можно исполнять честнымъ образомъ и если вознагражденіе, ею представляемое, соотвѣтствуетъ требованіямъ общества относительно образа жизни людей, занимающихъ положеніе въ свѣтѣ, даваемое этой должностью. Губернскій сборщикъ акциза по своему положенію необходимо долженъ принадлежать къ числу значительныхъ членовъ губернскаго общества. Въ нынѣшнее время нужно имѣть не менѣе 5,000 рублей дохода, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ этого положенія. Для уѣзднаго сборщика податей по тѣмъ же самымъ отношеніямъ необходимо имѣть 3,000 руб. При такомъ вознагражденіи, половина котораго обращалась бы въ пенсію, можно имѣть на этихъ мѣстахъ людей честныхъ, если только хотѣть искать ихъ. Мы говорили объ условіи необходимомъ для того, чтобы умѣть отъискать дѣйствительно честныхъ людей; это условіе — короткое знакомство въ томъ кругу общества, къ которому принадлежатъ кандидаты. Выборъ долженъ основываться на личномъ знакомствѣ съ человѣкомъ въ его общественной жизни и на знакомствѣ съ его репутаціею въ обществѣ, близко его знающемъ. Этому условію можно удовлетворить, если высшая административная власть должна

выбирать кандидатовъ только на мѣста губернскихъ сборщиковъ акциза. При существованіи 60 или 70 такихъ мѣстъ, число вакансій въ годъ не будетъ превышать 10; изъ нихъ половина будетъ доставаться уѣзднымъ сборщикамъ, доказавшимъ свои права достойною службою, стало быть новыхъ людей понадобится въ годъ всего только человѣка четыре или человѣкъ пять. Кто захочетъ заняться, тотъ можетъ имѣть достаточное знакомство въ кругу, изъ котораго должны выходить кандидаты, чтобы имѣть въ годъ четырехъ или пятерыхъ людей, на которыхъ можно положиться. Но силъ человѣческихъ не достало бы имѣть сотни хорошо знакомыхъ кандидатовъ, и потому выборъ многочисленныхъ уѣздныхъ сборщиковъ былъ бы затруднителенъ для высшей административной власти. Лучше оставить это дѣло власти и отвѣтственности губернскихъ сборщиковъ; это представляетъ и ту выгоду, что начальникъ вообще бываетъ доволенъ своими помощниками только тогда, когда самъ выбираетъ ихъ.

Мы думаемъ, и всѣ люди, знающіе наше общество, согласятся съ нами, что замѣщеніе акцизныхъ должностей людьми совершенно честными очень удобно и вѣрно при соблюденіи этихъ условій. Мы не говоримъ о томъ, удобоисполнимы или нѣтъ самыя эти условія. Для рѣшенія такого вопроса нужно было бы близкое личное знакомство съ такимъ кругомъ общества, который недоступенъ пишущимъ людямъ. Мы, писатели, хорошо знаемъ людей только средняго и низшаго классовъ, и за нихъ мы можемъ поручиться; остальное оставляемъ личному знанію другихъ. Мы говоримъ только, что если высшая административная власть въ состояніи употребить тотъ способъ выбора, который изложенъ нами, то успѣхъ несомнѣненъ.

Но выборъ честнаго человѣка и назначеніе ему достаточнаго вознагражденія, — это только одна сторона обстоятельствъ, нужныхъ для честнаго исполненія должности; другимъ условіемъ, еще болѣе важнымъ, надобно признавать возможность не отступать отъ своего долга при отправленіи служебной обязанности, съ вѣрною перспективою сохранить свою репутацію и мѣсто при соблюденіи своихъ обязанностей, потерять то и другое и подвергнуться законному взысканію въ случаѣ нарушенія ихъ. Чтобы видѣть, въ какихъ учрежденіяхъ нуждается это условіе, надобно вникнуть въ особенныя качества обязанностей, лежащихъ на сборщикѣ виннаго акциза.

Прежде всего тутъ представляется намъ то обстоятельство, что очень сильные интересы могутъ желать свести его съ прямаго пути, или повредить ему за честное исполненіе его долга. Заводъ, выкуривающій 300,000 ведеръ, вовсе не рѣдкость; хозяинъ такого завода имѣетъ годичный оборотъ на сотни тысячъ рублей и обыкновенно

занимаетъ въ обществѣ положеніе болѣе значительное, нежели даже главныя лица губернской администраціи. Почти всегда онъ имѣетъ дружескія или родственныя связи съ людьми очень сильными, обыкновенно принятъ какъ свой въ томъ кругу, куда губернская администрація является только съ визитомъ, или для должностныхъ объясненій. Извѣстно, въ какой значительной степени можетъ быть усилена выдѣлка вина на данномъ заводѣ, если сбытъ слишкомъ выгоденъ. Положимъ акцизъ хотя бы только въ одинъ рубль сер. съ ведра. Дѣлясь выгодою отъ контрабанды даже пополамъ съ покупщикомъ, заводчикъ имѣлъ бы выгоды 50 коп. съ ведра. Усиливъ дѣятельность завода вдвое противъ нормальной цифры, онъ имѣлъ бы въ остаткѣ для контрабанды около 400,000 ведръ, т. е. до 200,000 рублей сер. ежегоднаго барыша. Кто знаетъ жизнь, тому извѣстно, что человѣкъ съ вѣсомъ въ высшемъ обществѣ всегда найдетъ случай задавить маленькаго человѣка, если находитъ выгоду не пожалѣть для этого сотню тысячъ и если маленькій человѣкъ лишенъ возможности выставить свои дѣйствія на ясный дневной свѣтъ, а должны они оставаться въ вѣдѣніи одного канцелярскаго порядка. Изъ этого мы видимъ, что честному акцизному сборщику не было бы возможности удержаться на своемъ мѣстѣ, если бы онъ захотѣлъ препятствовать контрабандѣ сильнаго заводчика, и не могъ бы опираться на свидѣтельство общества въ свою защиту. Сильный и денежный человѣкъ всегда можетъ подвести кляузы, устроить придѣлки, неотвратимыя однимъ канцелярскимъ подрядчикомъ. Стало быть для сборщика акциза необходима опора общаго голоса, если онъ хочетъ быть честенъ: безъ этой опоры онъ будетъ задавленъ каждымъ заводчикомъ, Съ другой стороны, и высшая администрація только при помощи общаго голоса можетъ достовѣрно знать, исполняютъ ли сборщики свою обязанность. Гдѣ замѣшаны интересы, располагающіе сотнями тысячъ, тамъ канцелярскія средства недостаточны для открытія истины. Государство можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, которыя касаются только частныхъ лицъ; оно можетъ оставлять на волю случая ихъ веденіе, довольствоваться слабымъ бюрократическимъ контролемъ для надзора за ними. Но нельзя шутить тамъ, гдѣ отъ недосмотра могутъ погибнуть его собственные милліоны. Именно такимъ дѣломъ представляется сборъ акциза съ хлѣбнаго вина. Выгода, приносимая казнѣ вспомогательнымъ контролемъ общаго голоса, не стала бы въ дѣлѣ акцизнаго сбора омрачаться никакими неудовольствіями для высшей администраціи. Все состояло бы единственно въ обнаруженіи контрабанды, преслѣдуемой самимъ правительствомъ. Только въ общественномъ контролѣ сборщикъ акциза

могъ бы найти опору для борьбы съ личными выгодами заводчика, а правительство нашло бы средство имѣть полный сборъ акциза черезъ неподкупныхъ чиновниковъ.

Никто не будетъ спорить, что и сборщику акциза, и правительству не стоило бы никакого труда знать и предупреждать каждую попытку заводчика къ заведенію контрабанды, если бы допущена была публичность всѣхъ дѣлъ, касающихся до сбора акциза. Мы говоримъ здѣсь пока не объ измѣненіи порядка судопроизводства, а только о томъ чтобы каждый, имѣющій дѣло по сбору акциза, могъ печатать всякія оправданія и объясненія по этимъ дѣламъ, а каждый, имѣющій свѣдѣнія о производствѣ контрабандной продажи вина въ томъ или другомъ мѣстѣ, могъ доводить эти свѣдѣнія до публики. Отъ общества не можетъ укрыться, если какой нибудь заводчикъ сдѣлалъ бы опытъ контрабандной продажи водки; отъ общества не могло бы укрыться, если бы какой нибудь сборщикъ акциза вошелъ въ сдѣлку съ заводчикомъ. Нужно только допустить, чтобы общество говорило о томъ, что̀ знаетъ, и контрабанда со стороны заводчиковъ, потворство имъ со сторонъ сборщиковъ станетъ дѣломъ, немедленно подвергающимся наказанію. Случаи такой контрабанды будутъ столь же рѣдки, какъ дѣланіе фальшивой монеты на многолюдной улицѣ среди бѣлаго дня. Общество и укажетъ, и докажетъ всякую попытку къ подобному нарушенію законовъ. Словомъ сказать, чѣмъ больше думаемъ мы о вліяніи изложенныхъ нами условій акцизнаго сбора, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что при такомъ порядкѣ дѣлъ доходъ казны былъ бы совершенно огражденъ отъ всякой контрабандной продажи водки съ винокуренныхъ заводовъ. Мы увѣрены, что каждый, знакомый съ житейскими дѣлами и съ вліяніемъ разныхъ учрежденій на ходъ администраціи, будетъ думать объ этомъ дѣлѣ точно также.

Если же при такомъ порядкѣ дѣлъ казна была бы ограждена отъ контрабанды заводчика, то едва ли стоитъ говорить о безопасности ея отъ мелочнаго контрабанднаго винокуренія внѣ заводовъ, существующихъ законнымъ образомъ. При печатномъ обнаруженіи всѣхъ дѣлъ, относящихся къ винокуренію и сбору акциза, скрытное существованіе сколько нибудь значительныхъ винокуренъ было бы такою же физическою невозможностью, какъ напримѣръ существованіе ярмарки неизвѣстной всякому, кому угодно справиться объ ея существованіи. Стоило бы выкурить какому нибудь аферисту какихъ нибудь десять или двадцать ведеръ вина и продать ихъ, и въ тотъ же день знало бы объ этомъ цѣлое село, черезъ недѣлю зналъ бы объ этомъ цѣлый уѣздъ; и уѣздному сборщику акциза не было бы надобности отыскивать мѣсто или виновника тайнаго винокуре-

нія, — и виновникъ, и его адресъ были бы указаны ему не далѣе какъ первымъ сосѣдомъ за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ. Но не было бы надобности дожидаться и словъ сосѣда; почти не было бы надобности заботиться сборщику акциза о преслѣдованіи тайнаго винокуренія внѣ заводовъ: сами винокуренные заводчики позаботились бы объ этомъ раньше всѣхъ, потому что тайное винокуреніе подрывало бы сбытъ ихъ товара; преслѣдованіе тайнаго винокуренія требовалось бы выгодами самихъ заводчиковъ не меньше, чѣмъ выгодами казны, и она достаточно обезпечивалась бы ихъ проницательностью и дѣятельностью противъ этого зла; ей оставалось бы только пользоваться ихъ усердными указаніями.

Мы останавливались на отпускѣ бочекъ съ бандеролями или штемпелями изъ акцизнаго погреба, находящагося при каждомъ заводѣ. Слѣдить за водкою далѣе нѣтъ надобности, если говорить только о сборѣ акциза: онъ взятъ при самомъ поступленіи хлѣбнаго вина отъ заводчика въ руки торговца, и что далѣе будетъ съ виномъ, это все равно, если обращать вниманіе только на полноту настоящаго сбора. Но для огражденія народнаго благосостоянія и здоровья, т. е. и для того самаго, чтобы не оскудѣвали, а увеличивались доходы казны съ каждымъ будущимъ годомъ, конечно нужно принять нѣкоторыя правила для свободной торговли виномъ, чтобы по возможности предохранить общество отъ развратной спекуляціи въ этой торговлѣ. Въ этомъ отдѣлѣ статьи мы можемъ быть очень кратки, потому что принципы винной торговли ясны сами по себѣ и не возбуждаютъ сомнѣній даже въ людяхъ незнакомыхъ ни съ чѣмъ, кромѣ нашей рутины. Во-первыхъ, продажа изъ лавокъ на выносъ должна быть строго отдѣлена отъ продажи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вино употребляется покупщиками. Лавки, въ которыхъ водка продается на выносъ, никакъ не должны имѣть комнатъ, въ которыхъ бы можно было пить вино. За каждую рюмку вина, выпитую въ такой лавкѣ, хозяинъ лавки долженъ подвергаться значительному штрафу, и при третьемъ или четвертомъ случаѣ такого нарушенія лавка должна быть закрываема, а хозяинъ или сидѣлецъ, виновный въ нарушеніи правила, долженъ, сверхъ штрафа, подвергаться заключенію въ тюрьму на извѣстный срокъ. Мѣста, въ которыхъ позволяется пить продаваемое вино, никакъ не должны оставаться только лавками для продажи вина или кабаками: такое право должно предоставляться только заведеніямъ, промыселъ которыхъ основанъ на приготовленіи обѣдовъ для своихъ посѣтителей, т. е. ресторанамъ, трактирамъ, харчевнямъ и постоялымъ дворамъ. За соблюденіемъ этихъ правилъ невозможно услѣдить безъ допущенія того самаго условія, которое одно ограждаетъ казну отъ контрабан-

ды при сборѣ акциза, т. е. безъ допущенія полной гласности по всѣмъ дѣламъ такого рода; за то при этомъ единственномъ условіи не будетъ никакого труда охранить благосостояніе и здоровье народа отъ возобновленія нынѣшнихъ кабачныхъ злоупотребленій. Какъ заводчики воспользуются этимъ правомъ для прекращенія всякихъ попытокъ къ тайному винокуренію, такъ содержатели трактировъ и харчевенъ воспользуются имъ для подавленія всякихъ попытокъ обратить лавку, обязанную продавать вино только на вынось, въ нѣчто похожее на нынѣшній кабакъ. Такимъ образомъ главными правилами для розничной продажи хлѣбнаго вина должны были бы служить слѣдующіе принципы:

Для розничной продажи хлѣбнаго вина существуютъ, во-первыхъ, лавки, продающія его на вынось, во-вторыхъ позволяется имѣть вино для употребленія гостей всѣмъ тѣмъ заведеніямъ, въ которыхъ существуетъ общій столъ.

Въ лавкахъ, продающихъ водку на вынось, подъ тяжелыми штрафами и наказаніями запрещается допускать питье вина.

Правила, существующія для трактировъ и другихъ подобныхъ зеведеній, вообще удовлетворительны въ томъ отношеніи, о которомъ теперь идетъ рѣчь, и кромѣ исправленій своихъ подробностей нуждаются только въ гарантіи, которая обезпечивала бы ихъ строгое соблюденіе. Такою гарантіею служитъ свобода печатнаго слова по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ сбору акциза съ хлѣбнаго вина и къ торговлѣ спиртными напитками.

Л. ПАНКРАТЬЕВЪ.

ГУБЕРНСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ концѣ октября, часовъ въ одиннадцать утра, бѣловодскому губернатору, Александру Павлычу Муходавлеву, подали письмо отъ одного изъ его близкихъ пріятелей, Григорья Алексѣича Баламутова, письмо съ надписью «весьма нужное».

«*Mon très-cher ami*! писалъ г. Баламутовъ, — жена моя объявила свою непремѣнную волю провести нынѣшнюю зиму въ Бѣловодскѣ, а такъ какъ уже давно извѣстно, что *ce que femme veut, Dieu le veut*, то я и посылаю моего повѣреннаго, коллежскаго регистратора Носова, сдѣлать распоряженія *en conséquence* въ этомъ городишкѣ. Вы всесильны въ Бѣловодскѣ, потому и адресуюсь къ вамъ съ убѣдительной просьбой, приказать кому нибудь помочь моему посланному, незнающему вашего города, въ его поискахъ и приготовленіяхъ, тѣмъ болѣе, что г. Носовъ имѣетъ слабость сильно запивать. Жена моя вполнѣ увѣрена, что вы примете самое дѣятельное участіе въ исполненіи ея каприза. *Au revoir*; не забывайте душевно преданнаго вамъ

Гр. Баламутова.»

— Прекрасно! вскрикнулъ Александръ Павлычъ, обращаясь къ докладывавшему ему въ то время старшему секретарю губернскаго правленія; — прекрасно! мы повеселимся эту зиму! Баламутовъ аристократъ *dans toute la force du terme.*

Толстый секретарь, не понимавшій французскаго языка, счелъ долгомъ отвѣчать его превосходительству лаконическимъ: «слушаю-съ»! Александръ Павлычъ вскочилъ со своего кресла и позвонилъ. Вошелъ юный чиновникъ канцеляріи, бывшій на дежурствѣ.

— Гдѣ посланный г. Баламутова? спросилъ Муходавлевъ.

— Въ пріемной, ваше превосходительство, отвѣчалъ дежурный.

— Ну, вы можете теперь идти: мнѣ некогда слушать вашъ докладъ, — приходите послѣ, проговорилъ губернаторъ, торопливо выходя изъ за-письменнаго стола и направляясь къ двери.

Старшій секретарь какъ-то особенно радостно фыркнулъ и началъ укладывать въ портфель толстую кипу недоложенныхъ журналовъ.

Муходавлевъ вышелъ въ пріемную. Стоявшія тамъ двѣ вдовы чиновницы, пришедшія просить о пенсіонѣ, и старый отставной офицеръ на деревяшкѣ, явившійся съ жалобою на полицію, протянули было къ его превосходительству руки, крѣпко сжимавшія прошенія, написанныя на послѣднія кровныя деньги.

— Некогда, подождите, отрывисто прикрикнулъ на нихъ озабоченный Муходавлевъ. — Гдѣ здѣсь посланный отъ Григорья Алексѣича Баламутова?

— Я-съ! — И къ нему подошелъ толстый рябой господинъ, лѣтъ сорока-пяти, съ краснымъ лицомъ и глазами и багровымъ носомъ.

Александръ Павлычъ вспомнилъ рекомендацію Баламутова, однако вѣжливо поклонился.

— Григорій Алексѣичъ прислали меня заготовить имъ помѣщеніе, ваше превосходительство, доложилъ г. Носовъ.

— Знаю, знаю! Будьте увѣрены, что все, что̀ отъ меня зависитъ, будетъ для васъ сдѣлано.... Дежурный! продолжалъ губернаторъ, обращаясь къ юному чиновнику, — пошлите сейчасъ же за полицмейстеромъ. — А вы, г. Носовъ, подите со мной: мнѣ хочется расспросить у васъ о Баламутовѣ: мы съ нимъ вѣдь старые пріятели.

Губернаторъ пошелъ изъ пріемной, сопровождаемый г. Носовымъ.

— Ваше превосходительство! пить, ѣсть нечего! возопила одна изъ вдовъ-чиновницъ, похрабрѣе на языкъ.

— Некогда, некогда, — подождите! поспѣшно крикнулъ Александръ Павлычъ и юркнулъ въ дверь.

Просители грустно потупили голову.

— Приходите лучше завтра, замѣтилъ имъ человѣколюбивый дежурный чиновникъ; — что ждать-то понапрасну! ужь нынче не приметъ онъ вашихъ просьбъ.

Вдовы и отставной офицеръ поплелись со слезами на глазахъ вонъ изъ пріемной и изъ губернаторскаго дома.

Черезъ часъ явился полицмейстеръ, высокій подполковникъ, лѣтъ тридцати-пяти.

Бѣловодскій полицмейстеръ Иванъ Егорычъ Крайтъ былъ замѣчательный человѣкъ. Онъ былъ голландецъ по происхожденію, женатъ былъ на дѣвицѣ аристократической породы, занимался воспитаніемъ какихъ-то знатныхъ особъ, говорилъ на четырехъ или пяти живыхъ языкахъ, при всемъ этомъ любилъ покутить и по службѣ велъ свои дѣла очень ловко.... По милости своего внѣшняго лоска и жены, Иванъ Егорычъ втерся въ губернскую аристократію и поддерживался тамъ, не смотря на ничтожность своего мѣста, благодаря покровительству Муходавлева, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣлъ свои причины покровительствовать полицмейстеру.

— *A, mon cher ami*, вскрикнулъ губернаторъ, когда въ его кабинетъ вошелъ Иванъ Егорычъ, — я за вами посылалъ по экстренному дѣлу: мой пріятель Баламутовъ прислалъ своего повѣреннаго заготовить ему квартиру, такъ я поручаю вамъ принять подъ свое покровительство г-на Носова.

Муходавлевъ показалъ на повѣреннаго, который низко поклонился полицмейстеру.

— Дайте ему въ полное распоряженіе частнаго пристава, порасторопнѣе, продолжалъ Александръ Павлычъ, а то — не надули бы его жиды.

Полицмейстеръ, котораго въ городѣ звали жидовскимъ батькой, немного нахмурился, однако сейчасъ же поправился и отвѣчалъ губернатору, что приказаніе его будетъ исполнено въ точности.

— Сегодня вечеромъ я буду у васъ, сказалъ пофранцузски Александръ Павлычъ полицмейстеру, отпуская его.

— Слушаю-съ... и *она* также будетъ, отвѣчалъ Иванъ Егорычъ, откланиваясь.

Носовъ вышелъ съ полицмейстеромъ и поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ полицію.

Александръ Павлычъ посмотрѣлъ на часы: было ровно часъ. Онъ спросилъ одѣваться и поѣхалъ съ визитами; надо было сообщить губернской аристократіи о будущемъ пріѣздѣ Баламутовыхъ; — дѣла же были оставлены на завтра.

Полицмейстеръ въ точности исполнилъ приказаніе губернатора. Носову былъ данъ расторопнѣйшій частный приставъ Карпъ Онуфричъ Отпѣтый, которому полицмейстеръ строго подтвердилъ:

— Смотри ты у меня! чуть что не такъ, смошенничаешь ли, или запьешь, или на тебя пожалуется г. Носовъ, — берегись!

Частный приставъ исподлобья посмотрѣлъ на своего временнаго начальника Носова и отрывисто сказалъ ему: «пойдемте-съ».

Носовъ дружески распрощался съ полицмейстеромъ и послѣдовалъ за Карпомъ Онуфричемъ.

— Что же вамъ нужно прежде всего? спросилъ частный приставъ своего спутника, подсаживая его въ свои пролетки.

— Извѣстно что, — домъ нуженъ прежде всего, отвѣчалъ Носовъ.

— Гм, промычалъ Отпѣтый, та-а-къ-съ..... а какой домъ вамъ нуженъ-съ?

— Да самый большой! Везите меня въ такой, котораго больше въ городѣ нѣтъ! Вотъ какой намъ нуженъ, самодовольно проговорилъ повѣренный.

Частный приставъ задумался.

— Пошелъ къ купчихѣ Остроглазовой, приказалъ онъ наконецъ полицейскому солдату его части, сидѣвшему у него на козлахъ.

— Заѣдемъ лучше прежде въ хорошую гостинницу, да выпьемъ, замѣтилъ Носовъ, страстный любитель выпивки.

— Можно и это, отвѣчалъ частный приставъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.

Пріятели заѣхали въ первый попавшійся трактиръ, гдѣ Носовъ потребовалъ графинъ водки.

— И Богъ знаетъ что это за фантазія пришла моему довѣрителю зимовать въ Бѣловодскѣ! жалобно проговорилъ Носовъ,— а я вотъ скитайся здѣсь, да устраивай помѣщенье! Жили-бы себѣ въ Питерѣ или въ Москвѣ, тамъ по крайности веселости больше, а то выдумали сюда прикатить! И на что это похоже, спрашиваю я васъ, Карпъ Онуфричъ!

— Богаты-съ, отвѣчалъ угрюмо частный приставъ: — съ жиру бѣсятся!

— Да ужь подлинно — съ жиру бѣсятся. Сами посудите: шесть тысячъ душъ въ степныхъ мѣстахъ, да денегъ куры не клюютъ! Доходовъ ежегодныхъ не проживаютъ! какъ бы тутъ казалось не жить въ столицѣ, а вотъ сюда лѣзутъ!

— У большихъ господъ всегда такія, можно сказать, фантазіи приходятъ-съ, замѣтилъ частный приставъ.

— Да вѣдь оно что-съ, продолжалъ Носовъ, которому водка развязала языкъ: — самому-то куда бы не хотѣлось сюда, — въ столицѣ, понимаете ли, и клубы, и тіатры, и танцовщицы всякія, а здѣсь что? Такъ, — ничтожность одна, можно сказать! Такъ самъ-то и радъ бы радехонекъ въ Москву, или Питеръ, да жена, сама барыня-то, уперлась: захотѣлось, видите, въ такой городъ ѣхать, гдѣ бы она была первая дама, чтобы ужь лучше ея никого не было! Вотъ и тащимся сюда, Богъ знаетъ за какимъ дѣломъ! Эхъ-ма! сказано: волосъ дологъ, а умъ короток! А еще говоритъ: къ Европѣ, дескать, ближе,—въ нѣсколько часовъ въ нѣмецкую землю можно съѣздить. Какъ же не такъ, держись!... Литвы не хочешь ли, вмѣсто нѣмцевъ-то. Только и есть, что жиды да поляки... цвокаютъ да дзякаютъ.

И недовольный Носовъ всталъ съ мѣста и вытащилъ изъ кармана толстый бумажникъ, съ намѣреніемъ расплатиться за выпитую водку.

— Что это вы-съ? Не безпокойтесь, воскликнулъ съ необыкновенною живостью частный приставъ. — Помилуйте-съ, что ихъ баловать-то этихъ мошенниковъ-трактирщиковъ? Они должны понимать, что такое начальство! Вѣдь я тоже начальство ему-съ: частный приставъ-съ! съ достоинствомъ объявилъ Карпъ Онуфричъ.

— Оно такъ-съ, поспѣшилъ согласиться съ нимъ его собесѣдникъ, пряча назадъ въ карманъ вынутый оттуда бумажникъ;— оно такъ-съ: дѣйствительно нужно, чтобы эти бородачи начальство знали.

— Ужь если такое желаніе ваше будетъ, чтобы заплатить-съ, такъ эти деньги лучше мнѣ бы отдали-съ, нерѣшительно промолвилъ частный приставъ: — я по крайности бѣдный человѣкъ-съ....

— Хорошо, хорошо, довольно небрежно перебилъ его повѣренный:—намъ даромъ никто не служитъ.—Поѣдемте же домъ-то смотрѣть.

Частный приставъ со всѣхъ ногъ бросился велѣть подавать лошадей; куда дѣвалась его недавняя апатія....

Трехъ-этажный домъ купчихи 1-й гильдіи Остроглазовой стоялъ на главной улицѣ города и дѣйствительно былъ самый большой изъ всѣхъ городскихъ домовъ, кромѣ сумасшедшаго дома и арестантскихъ ротъ.

— Такъ это-то у васъ называется большимъ домомъ? съ разсчитаннымъ презрѣніемъ проговорилъ Носовъ и пожалъ плечами.

— Самый большой-съ, какъ-то особенно жалобно отвѣчалъ г. Отпѣтый.

— Фю-фю-фю!... засвисталъ повѣренный, — гдѣ же тутъ намъ помѣститься!

Частный приставъ подобострастно и съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на представителя такой важной особы, которая не могла помѣститься въ трехъ-этажномъ домѣ. Носовъ замѣтилъ эффектъ, произведенный имъ, и остался очень доволенъ.

Долго стучался частный приставъ въ запертыя ворота, пока босая, растрепанная дѣвчонка не подбѣжала со двора и не окликнула посѣтителей писклявымъ, испуганнымъ голосомъ.

— Да отворяй, сто чертей твоему батькѣ! сердито закричалъ Отпѣтый, который уже давно отбилъ себѣ кулаки о толстую калитку.

Дѣвчонка еще болѣе струсила и, конечно не подумавъ отворить ворота, побѣжала въ домъ.

Частный приставъ принялся опять барабанить въ калитку, осыпая въ промежуткахъ хозяйку непечатными выраженіями. Продрогнувшій Носовъ вылѣзъ изъ пролетки и перескакивалъ въ это время съ одной ноги на другую.

Наконецъ Карпъ Онуфричъ потерялъ терпѣніе и приказалъ своему возницѣ перелѣзть черезъ ворота и отворить ихъ. Поли-

цейскій служитель ловко исполнилъ приказаніе. Только что онъ принялся отодвигать отъ калитки тяжелый запоръ, какъ раздался громкій голосъ выскочившей на крыльцо хозяйки:

— Господи ты мій Боже! Що се таке? Дневной разбой: ворота ломаютъ! караулъ!

— Э! чтобъ тебѣ провалиться, увѣщевалъ ее полицейскій: — что горло-то дерешь? Развѣ не видишь....

Хозяйка затихла и только крестилась и шептала:

— Помилуй насъ Господи! что за напасть такая!

Частный приставъ и повѣренный Баламутова вошли на дворъ.

— Эй, хозяйка! крикнулъ частный приставъ: — показывайте намъ домъ.

Но хозяйка со страху не отвѣчала ни слова и шмыгнула за дверь.

— Экая дурища какая! вскричалъ частный приставъ: — вы не повѣрите, какой здѣсь необразованный народъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Носову: — чего бы, кажется, бояться частнаго пристава? вѣдь онъ обязанъ беречь, такъ сказать, обывателя, сохранять его спокойствіе?.... Такіе дураки, что не приведи Богъ!

Носовъ ничего не отвѣчалъ и направился въ дверь, куда скрылась хозяйка.

— Пожалуйте, пожалуйте сюда, запищала тоненькимъ голосомъ купчиха Остроглазова, отворяя дверь въ сѣни, гдѣ толклись нежданные гости: — пожалуйте, не обезсудьте меня старуху.

Гости прошли вслѣдъ за хозяйкой въ одну изъ комнатъ нижняго этажа, гдѣ уже стояла на столѣ водка и дворянская закуска.

Частный приставъ ѣлъ и пилъ, какъ будто и не завтракалъ; Носовъ же сохранялъ свое *quant à soi* и не притрогивался ни къ чему, къ крайнему горю хозяйки.

— Ну, мы къ вамъ, Матрена Спиридоновна, по дѣлу пріѣхали, началъ частный приставъ, когда ни въ графинчикѣ, ни на тарелкахъ ничего не оставалось.

Струсившая купчиха молчала и только низко клапялась.

— Вашъ домъ намъ на зиму нуженъ, продолжалъ частный приставъ: — помѣщикъ Баламутовъ прислалъ вотъ ихъ нанять его, — и онъ указалъ на Носова.

— Охъ, отцы родные, да я боюсь отдавать домъ-то въ наймы! Что мнѣ съ тѣми деньгами, — домъ испортятъ; вѣдь какой постоялецъ навернется.

— Ну, ужь матушка, вамъ тутъ разсуждать нечего, перебилъ ее Карпъ Онуфричъ: — начальство вамъ этого постояльца прислало, а оно лучше васъ знаетъ... Такъ-то.

— Ой, лышечки! какое-же такое начальство? съ неподдѣльною горестью спросила купчиха.

— Какое! извѣстно какое: губернаторъ, полицмейстеръ!

Горесть хозяйки еще болѣе усилилась.

— Ой Господи, ты мій Боже! хиба я уже въ своемъ домѣ не владыка! попробовала она отговориться.

— Ну, вотъ изволите видѣть, съ особеннымъ сожалѣніемъ сказалъ частный приставъ своему спутнику:—изволите видѣть, какой здѣсь глупый народъ: начальству не вѣритъ.

— Ну ты, матушка, Матрена Спиридовна, разсуждать не изволь, опять обратился онъ къ хозяйкѣ: — поумнѣй, да постарше тебя уже разсудили, а изволь-ка идти, да домъ намъ показывать, а то вѣдь худо будетъ!

— Да вамъ сколько комнатъ-то нужно? спросила домовладѣлица, видя, что надо повиноваться.

— Какъ сколько? вскрикнулъ повѣренный; да намъ и всего-то дома, и то мало!

— А я-жь гдѣ буду жить? горестно возопила хозяйка.

— Ну ужь, матушка, это твое дѣло, отвѣчалъ Носовъ:—гдѣ нибудь помѣстишься.

Частный опять вмѣшался съ своимъ авторитетомъ и опять до того запугалъ старуху, что она рѣшилась выбраться изъ своего дома и искать себѣ квартиры.

Начался осмотръ дома. Повѣренный былъ всѣмъ недоволенъ.

— Экая тѣснота, кричалъ онъ, хотя комнатъ было черезъчуръ много и онѣ были черезъ-чуръ просторны:—экая скаредность какая!

— Ну, тутъ ужь не найдете лучше, отвѣчалъ частный приставъ, какъ будто извиняясь въ томъ, въ чемъ онъ не былъ виноватъ: — ужь такой городъ; здѣсь лучше этого дома нѣтъ!

— Да помилуйте, куда-же это мы всѣхъ людей-то помѣстимъ? Вѣдь у насъ однихъ оффиціантовъ двадцать пять человѣкъ, да казачковъ съ десятокъ, да ливрейныхъ человѣкъ пять; куда мы это все дѣнемъ? ужь о музыкантахъ и говорить нечего: — для нихъ надо домъ особенный нанимать! Ахъ, ты Господи, Господи! Вотъ бѣда-то!

— Э, помилуйте, Гаврило Андреичъ, чего вы такъ изволите безпокоиться? уговаривалъ его частный приставъ: — этотъ народъ вездѣ можетъ помѣститься—не господа какіе нибудь,—ей-Богу-право, чего тутъ объ нихъ такъ заботиться!

— Ну, положимъ, люди еще такъ, помѣстятся какъ нибудь; ну а вотъ собакъ-то куда мы помѣстимъ? ихъ у насъ гончихъ однѣхъ шестьдесятъ, да борзыхъ столько же! —Баринъ-то нашъ такой охотникъ!

Частный приставъ призадумался.

— Опять, — лошадей какъ мы размѣстимъ? продолжалъ недовольный Носовъ: — вѣдь у насъ однѣхъ каретныхъ шестнадцать, да охотничьихъ, да барскихъ верховыхъ.... просто не перечтешь!

Частный приставъ ротъ разинулъ отъ удивленія къ такой небывалой въ городѣ Бѣловодскѣ роскоши; да и не одинъ онъ удивлялся; кухарка Остроглазовой успѣла уже шмыгнуть за ворота и передавала всѣмъ прохожимъ, знакомымъ и незнакомымъ, о происшествіи, постигшемъ ея хозяйку. Народъ столпился противъ давно знакомаго дома купчихи Остроглазовой и хотя и не видѣлъ повѣреннаго, нанимавшаго этотъ домъ, однако все-таки съ особеннымъ любопытствомъ глазѣлъ на домъ, который долженъ былъ въ скоромъ времени заключать въ своихъ стѣнахъ такого небывалаго богача.

Долго еще пѣтушился повѣренный Баламутова, долго еще уговаривалъ и успокоивалъ его частный приставъ, пока наконецъ не убѣдилъ его, что лучше этого дома въ Бѣловодскѣ найти нельзя, и Носовъ согласился его нанять, съ условіемъ, что для музыкантовъ и для собакъ будутъ отысканы поблизости другія помѣщенія.

Хозяйка дома, вѣроятно въ отмщеніе за насильственный наемъ ея дома посредствомъ полицейскихъ мѣръ, заломила за зиму, то есть отъ половины ноября до половины февраля, неслыханную цѣну. Носовъ не только безпрекословно согласился на нее, но даже обѣщалъ и деньги заплатить впередъ, съ тѣмъ, чтобы хозяйка дала ему росписку въ полученіи отъ него за домъ суммы вдвое большей.

— Извольте, батюшка, извольте, отвѣчала обрадованная купчиха: — ужь то не мое дѣло, а ваше, отчего не подписать. Эти наймы вѣдь мнѣ не впервые: у меня прежде многіе нанимали, такъ тоже бывало росписываешься....

Приказавъ хозяйкѣ приготовлять домъ къ половинѣ ноября, Носовъ собрался уѣзжать. Частный приставъ на прощаньи сорвалъ со старухи благодарность за богатаго и тороватаго постояльца.

— Ну, поѣдемте теперь—по близости для собакъ помѣщенья искать, сказалъ Носовъ частному, садясь въ пролетки.

— Какъ же-съ, какъ же-съ, поѣдемте-съ, поспѣшилъ отвѣтить Отпѣтый, вспрыгивая въ экипажъ и садясь подлѣ своего спутника, изъ почтенія, бокомъ.

— Карпъ Онуфричъ, Карпъ Онуфричъ! кричалъ въ это время бѣжавшій что-ни-есть силы квартальный надзиратель; Карпъ Онуфричъ, постойте-съ, подождите-съ!

Частный, съ разрѣшенія Носова, остановилъ лошадей.

— Что тебѣ нужно? чего орешь, какъ угорѣлый? крикнулъ онъ квартальному.

— У насъ во второй части пожаръ, Карпъ Онуфричъ,—доложилъ въ попыхахъ квартальный:—домъ мѣщанина Колтуненко горитъ-съ.

— Ну, такъ чего ты орешь-то, крикнулъ Отпѣтый. Коли горитъ, такъ и ступай себѣ на пожаръ, а мнѣ, — видишь, — некогда....

— Экой глупый народъ, эти квартальные-съ! объявилъ онъ, обращаясь къ Носову, когда квартальный удалился и лошади повезли ихъ, куда слѣдовало:—вѣдь знаетъ, что уменя на рукахъ дѣло.

— Все отъ необразованія, глубокомысленно замѣтилъ Гаврило Андреичъ.—Однако съѣздимте на пожаръ; какъ пожарная команда тамъ управляется? добавилъ онъ.

— И, помилуйте, чего смотрѣть! съ усмѣшкой, махнувъ рукой, отвѣчалъ частный приставъ.—Какая у насъ пожарная команда! Такъ, посрамленіе, а не команда! Да и признаться вамъ откровенно, прибавилъ онъ какъ-то особенно горестно, нашему брату на пожарѣ быть опасно: полицмейстеръ у насъ пьющій и во хмѣлю больно драчливъ: недавно частнаго Золотькова такъ хватилъ кулакомъ въ грудь, что тотъ доселѣ боленъ; такъ-то-съ!

— На пожарѣ впрочемъ и нельзя, замѣтилъ Носовъ.

— Да и не на однихъ пожарахъ-съ,—продолжалъ Отпѣтый, которому водка сильно развязала языкъ:—вчерась своему письмоводителю далъ въ зубы такъ, что тотъ съ лѣстницы свалился!

— Гмъ, промычалъ Носовъ, скажите пожалуйста, какой дерзкій! Что же это на него не жалуются губернатору?

— И, помилуйте! жалобно вскрикнулъ частный приставъ,— какъ тутъ жаловаться? Александръ Павлычъ чуть не каждый день въ гостяхъ у него за-просто бываетъ!

— Какъ? переспросилъ удивленный Носовъ:—губернаторъ у полицмейстера за-просто каждой день бываетъ?

Носовъ вообще имѣлъ чрезвычайно высокое понятіе объ авторитетѣ губернаторовъ: онъ былъ выгнанъ изъ службы однимъ изъ самыхъ гордыхъ и неприступныхъ губернаторовъ.

— Еще бы-съ! подтвердилъ частный приставъ, съ-пьяну не понимавшій опасности своихъ словъ: — полицмейстеръ-то нашъ сводитъ Александра Павлыча съ предсѣдательшей, Рыковой; вотъ сударь, барыня-то! гусаръ, чистый гусаръ, побей меня Богъ! — Частный засмѣялся.

— А мужъ? спросилъ Носовъ, охотникъ до всевозможныхъ скандаловъ.

— Подозрѣваетъ, должно быть, да молчитъ; вѣдь ему-то и на руку-съ: извѣстно ужъ — управляетъ, какъ хочетъ... Нечего бояться; знаетъ, что губернаторъ покроетъ.

— Ну, городокъ! проговорилъ Носовъ вслухъ, а самъ подумалъ: хорошій городокъ! можно здѣсь въ мутной водѣ рыбу ловить.

— Только, пожалуйста, не погубите бѣднаго человѣка: не разсказывайте никому, что̀ я теперь говорилъ, униженно сталъ упрашивать частный приставъ, спохватившійся, что онъ уже слишкомъ разоткровенничался;—я вѣдь это такъ съ-пьяну болталъ-съ.

— И, полноте, Карпъ Онуфричъ, что̀ мнѣ за дѣло? равнодушно отвѣчалъ Носовъ:—я нездѣшній, никого не знаю, что же мнѣ? я уже давно забылъ, что̀ вы мнѣ говорили. Да опять же безъ свидѣтелей, — что̀ говорить, что̀ не говорить, все равно!

— Правда, правда-съ, подтвердилъ Отпѣтый и лицо его просіяло.

— Ну, забыть-то, мы, пожалуй, этого и не забудемъ, подумалъ Носовъ.

— А чортъ съ тобой, хоть и разсказывай,—подумалъ съ своей стороны частный приставъ:—меня выгнать изъ службы нельзя: самъ всѣхъ подъ судъ подтяну!

Собесѣдники остались по прежнему большими друзьями.

Между тѣмъ губернаторъ, какъ мы уже сказали, поскакалъ во многіе дома бѣловодской аристократіи объявлять радостную новость, что Баламутовъ будетъ жить зиму въ ихъ городѣ и что слѣдовательно скукѣ и однообразію уже не будетъ въ немъ мѣста.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой до нельзя странной личности, которая и по лѣтамъ, и по воспитанію лѣзла въ современные, передовые люди, а дѣла все-таки не дѣлала.

Александръ Павлычъ Муходавлевъ былъ господинъ самаго аристократическаго происхожденія, роста нѣсколько выше средняго, съ кругловатымъ лицомъ, съ характеристически выдвинутой впередъ нижней губой. Онъ посредствомъ протекціи окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Протекція и сильныя связи повлекли Александра Павлыча и по службѣ весьма скоро: карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, и въ сорокъ лѣтъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ. Общество сильно надѣялось на молодаго губернатора; всѣ порядочные люди думали, что вотъ, дескать, наконецъ-то дождались они который принесетъ на службу свѣжій и умный взглядъ молодаго губернатора, человѣка, получившаго первостепенное образованіе, который выведетъ и приблизитъ къ себѣ все даровитое и честное чиновничество и далеко прогонитъ рутинныхъ взяточниковъ; но не тутъ-то было: Муходавлевъ оказался весьма недалекимъ человѣкомъ, а уже объ тактѣ и умѣнья себя держать,—и говорить нечего. Вотъ анекдотъ, характеризующій Муходавлева и показывающій, куда заходилъ онъ, вслѣдствіе неумѣнья вести себя.

Дожидались разъ проѣзда какой-то важной особы, дожидался и губернаторъ. Извѣстно, что стоять у подъѣзда дома, приготовленнаго для принятія важной особы, и смотрѣть на толпу жидовъ и православныхъ бородачей, собравшихся поглазѣть на рѣдкаго гостя, отнюдь не весело, а тѣмъ болѣе губернскому сановнику съ его важностью. Вдругъ бѣгутъ свиньи, явленіе совершенно обыкновенное въ Бѣловодскѣ. Его превосходительству захотѣлось отъ скуки поострить,—и вотъ онъ, обратясь къ стоявшему подлѣ него помѣщику, который содержалъ почтовыя станціи, говоритъ ему довольно дерзкимъ тономъ, показывая на свиней:

— Это ваша деревенщина сюда залѣзла?

- И, помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ помѣщикъ, неохотникъ до дерзкихъ остротъ, — это ваши: въ городѣ больше свиней, чѣмъ у насъ въ деревняхъ.

Муходавлевъ почувствовалъ, что его помѣщикъ ошпарилъ кипяткомъ, какъ поваръ ледащую собаку, забѣжавшую на кухню что нибудь стащить. Ну, понятно, что губернатору непріятно проглотить такую пилюлю; надо было, во что бы то ни стало, вылѣзти оттуда, куда загналъ его помѣщикъ, и придумалъ же онъ для этого средство самое приличное: онъ накинулся на стоявшаго тутъ же на вытяжку бѣднаго частнаго пристава.

— Это твое семейство, съострилъ онъ, указывая частному приставу на свиней, скрывавшихся уже въ отдаленіи.

— Виноватъ-съ! могъ только проговорить растерявшійся и испугавшійся частный приставъ.

Муходавлевъ захохоталъ во все горло.

Такіе случаи скоро отдалили отъ Муходавлева все, что было дѣльнаго и честнаго, и тогда онъ уже окончательно погибъ: попалъ въ кружокъ губернскихъ аристократовъ, а извѣстно, что̀ за аристократическіе кружки бываютъ въ губернскихъ городахъ.... Аристократы постарались привязать къ себѣ губернатора чѣмъ нибудь посущественнѣе своего ухаживанья. Муходавлевъ былъ сильно падокъ до женскаго пола, особенно до пикантнаго женскаго пола,—аристократія снабдила его и этимъ. Самая пикантная барыня изъ всѣхъ бѣловодскихъ дамъ была супруга аристократическаго чиновника Рыкова. Эта барыня плѣнила Муходавлева вольностью своего обращенія, и дѣло было сдѣлано.... Хитрый полицмейстеръ, пользуясь аристократичностью своей супруги, влѣзъ въ этотъ завѣтный кружокъ, сблизился съ Рыковой и не только былъ посредникомъ между двумя любовниками, но еще доставлялъ имъ средства видѣться въ своемъ домѣ....

Таковъ-то былъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ, ѣздившій теперь по аристократическимъ домамъ объявлять о радостномъ событіи, о пріѣздѣ г-на Баламутова въ г. Бѣловодскъ.

Первый визитъ губернатора былъ къ Рыкову, предсѣдателю палаты государственныхъ имуществъ.

Николай Филипычъ Рыковъ былъ одинъ изъ видныхъ бѣловодскихъ аристократовъ. Мы уже видѣли изъ двухъ разговоровъ, какія щекотливыя отношенія существовали между имъ и Муходавлевымъ; эти-то отношенія и составляли всю силу и мо-

существо Рыкова; иначе, можно смѣло ручаться, онъ не долго бы просидѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Николай Филиппычъ былъ шестидесятилѣтній баринъ предсѣдательской дородности и съ чиновничьи-благообразною наружностью. Всякому движенію своему онъ старался придать возможную граціозность, даже ходилъ не иначе, какъ покачиваясь и вытягивая носки, какъ танцмейстеръ. Ума Богъ ему не далъ, но взамѣнъ его Рыковъ отличался непомѣрною самоувѣренностью и наглостью. Онъ очень любилъ притворяться генераломъ, хотя былъ только статскій совѣтникъ. Впрочемъ, гдѣ касалось дѣло существеннаго интереса, тамъ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ и пользовался доходцами во всѣхъ видахъ, начиная отъ грубаго срыванья и кончая утонченнѣйшимъ вымогательствомъ. Вотъ напримѣръ одинъ анекдотъ о немъ.

Когда Николай Филиппычъ пріѣхалъ въ Бѣловодскъ и началъ обзаводиться всѣмъ необходимымъ для губернскаго аристократа; ему очень понравилась коляска, разумѣется на лежачихъ рессорахъ, принадлежавшая одному купцу. Онъ призываетъ одного изъ своихъ чиновниковъ, и, вручивъ ему сто-рублевую бумажку, приказываетъ купить для него коляску. Но коляска стоила пятьсотъ рублей и была почти новая; понятно, что хозяинъ не отдавалъ ее за сто. Чиновникъ не захотѣлъ платить своихъ денегъ и доложилъ начальству о настоящей цѣнѣ. Начальство, увидя, что чиновникъ не догадался платить своихъ денегъ, пришло въ неописанный азартъ, грозило несчастному всѣми карами временъ инквизиціи, наконецъ, замѣтивъ, что (о, ужасъ!) одна пуговица вицъ-мундира чиновника не застегнута, — приказало виновному сейчасъ же выходить въ отставку.

Прибавимъ, что это еще не слишкомъ вопіющій поступокъ, сравнительно съ послѣдующимъ обращеніемъ этого господина со своими подчиненными. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съѣздилъ въ Петербургъ, онъ сдѣлался вдесятеро нестерпимѣе прежняго и на всякое вѣжливое представленіе, даже своихъ совѣтниковъ, о томъ, что его поступки совершенно незаконны, кричалъ изо всѣхъ силъ, что онъ у своего начальства запросто обѣдалъ, и слѣдовательно имѣлъ право, по его мнѣнію, не признавать надъ собою закона.

Подчиненные же его, окончательно ошеломленные этимъ обѣдомъ запросто, вздыхали, молчали, терпѣли и платили....

Таковъ былъ Николай Филипычъ Рыковъ, къ которому направлялъ свой путь Муходавлевъ.

— Дома? молодецки крикнулъ Муходавлевъ, входя въ переднюю дома Рыкова.

— Генеральша у себя-съ, отвѣчалъ лакей, отворяя обѣ половинки дверей для губернатора.

У Рыкова было такъ заведено, что въ его отсутствіе лакеи иначе его не называли, какъ генераломъ.

Муходавлевъ отправился съ особеннымъ самодовольствіемъ къ хозяйкѣ дома; нижняя губа его еще болѣе оттопырилась впередъ и на лицѣ его ясно можно было видѣть, что онъ счастливый побѣдитель.

Аннѣ Ивановнѣ Рыковой было лѣтъ двадцать шесть; она была брюнетка, самая жгучая брюнетка, какую только можно вообразить; въ глазахъ ея, даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, такъ и горѣла страсть, да еще какая! Лучше такой жены нельзя и желать человѣку съ такими дипломатическими способностями и уловками, какъ Рыковъ.

Madame de Rykoff, какъ звали ее бѣловодскіе аристократы, приняла поклоненіе Александра Павлыча, сидя на какой-то фантастической бержеркѣ, осѣненной высокими деревьями, взятыми изъ какой-то оранжереи вѣдомства Николая Филипыча.

Разговоръ Муходавлева и предсѣдательши начался конечно съ пустяковъ, которые передавать не стоитъ; замѣчательно только, что предсѣдательша чрезвычайно любила двусмысленности, полагая въ нихъ остроуміе и всю прелесть разговора, хотя ея двусмысленности рѣдко были остры, а большею частію совершенно неудачны.

— А знаете ли? торжественно объявилъ Александръ Павлычъ: — сюда Баламутовы на зиму переѣзжаютъ.

Предсѣдательша захлопала въ ладоши отъ радости.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! пищала она съ неподдѣльнымъ восторгомъ: — я очень люблю шумъ и суету.

— Это почему? спросилъ Муходавлевъ.

— Много шума, менѣе за вами замѣчаютъ, наивно отвѣчала она: — а я этого-то и добивалась.

При этомъ она сдѣлала глазки.

Александръ Павлычъ какъ-то особенно снобично и страстно взглянулъ на нее.

— Къ тому же Баламутовъ порядочный человѣкъ; я его влюблю въ себя, кокетничала Анна Ивановна.

— Неужели вамъ недовольно.... меня, хотѣлъ добавить Муходавлевъ.

Дама покраснѣла, однако скоро поправилась.

— Я рѣдко бываю довольна, смѣясь возразила она.

Губернаторъ въ свою очередь захохоталъ, но видно было, что этотъ смѣхъ не отъ души.

— Надо затѣять какія нибудь веселости, проговорила Рыкова, чтобы замять разговоръ, неправившійся ея гостю.

— Это уже не наше дѣло, сухо отвѣчалъ онъ,—Баламутовы сами умѣютъ жить, какъ никто.

Предсѣдательша увидѣла, что ея Донъ-Жуанъ не на шутку дуетъ губы, и потому, принявъ томно-ласкающій и въ тоже время раздражающій видъ, она объявила ему, что вечеромъ она будетъ въ гостяхъ у полицмейстерши.

Куда дѣвался гнѣвъ Муходавлева! Онъ растаялъ отъ восторга и не зналъ, что̀ ему сдѣлать съ собой, чтобы поскорѣе убить время до вечера.

— Знаешь ли что, *Alexandre?* шепнула ему искусительная предсѣдательша, прощаясь съ нимъ: — мы много обязаны полицмейстеру.

— Знаю, знаю, поспѣшно перебилъ ее Александръ Павлычъ: — въ первое представленье я его представлю къ Аннѣ на шею.

Гость уѣхалъ, не слыша подъ собою ногъ, въ другіе дома объявлять ту же самую новость.

Черезъ четверть часа послѣ его отъѣзда возвратился домой Рыковъ.

— У меня Александръ Павлычъ былъ, объявила ему супруга и тутъ же разсказала новость, сообщенную Муходавлевымъ.

Но супругъ новости не выслушалъ и поспѣшилъ спросить:

— Ну что, была ли ты съ нимъ любезна?

— Конечно, какъ и всегда.

— Ты бы съѣздила нынче вечеромъ къ полицмейстершѣ, замѣтилъ дипломатическій супругъ.

— Я нынче ѣду.

— Гм! хорошо, проворчалъ предсѣдатель, и въ то же время подумалъ: нынче же надо послать къ губернатору всѣ смѣты для утвержденія.

— Эй, человѣкъ, крикнулъ онъ, — дѣлопроизводителя ко мнѣ. — Смотри же, мой другъ, будь умна, прибавилъ онъ женѣ: — я на тебя вполнѣ надѣюсь.

ГЛАВА II.

Бѣловодское общество, какъ высшее, такъ и среднее, было до крайности заинтересовано пріѣздомъ Баламутовыхъ. Но, надобно правду сказать,— высшее общество съ большимъ спокойствіемъ духа ожидало ихъ вожделѣннаго пріѣзда: аристократы знали, что Баламутовы, пріѣхавъ въ городъ, не могутъ пройти мимо ихъ, что они необходимо примкнутъ къ ихъ кружку. За то среднее общество волновалось изо-всей мочи. И въ самомъ дѣлѣ, причина для волненія была самая живая, законная: поѣдутъ ли Баламутовы знакомиться съ среднимъ кружкомъ? Вопросъ, какъ видите, самый щекотливый. Лучшіе политики этого кружка старались проникнуть тайну для того, чтобы знать, какою миною встрѣтить новыхъ гостей: гордо-холодною, или мило-внимательною?

Долго, долго законодательницы средняго кружка ломали себѣ головы въ одиночку; проклятый вопросъ никакъ не поддавался рѣшенію *a priori*: необходима была конференція.

Въ среднемъ кружкѣ дамы занимали мѣста въ общественной іерархіи по чинамъ мужей, и потому законодательницами этого кружка были двѣ полковницы: гарнизонная и артиллерійская. Эти-то двѣ дамы и съѣхались въ одинъ прескверный и препошлый вечеръ подумать и погадать о томъ, какъ имъ и за ними всему среднему обществу, *чиновничьему*, какъ съ презрѣніемъ называла его аристократія, нужно будетъ вести себя въ отношеніи къ Баламутовымъ.

Гарнизонная полковница была нѣмка, съ самыми идиллическими вкусами; артиллерійская—легкая и игривая провинціальная газель. Оказалось, что одна полковница была вода, а другая деревянное масло, предметы, какъ извѣстно, неудобосоединимые. Гарнизонная половина держалась болѣе того мнѣнія, что имъ нужно встрѣтить пріѣзжихъ какъ можно внимательнѣе, даже, если обстоятельства того потребуютъ, заплатить имъ визитъ, но ни за что не сближаться съ ними.

— Нельзя узнать заранѣе, добавляла разсчетливая нѣмка, сколько издержекъ принесетъ намъ ихъ знакомство: они люди богатые, очень богатые, а мой Иванъ Иванычъ много въ карты проигрываетъ, да и батальонъ уже не даетъ съ нѣкоторыхъ поръ прежнихъ доходовъ.

— Ахъ, не говорите, *ma chère*, пищала газель: — какъ можно намъ отстать отъ этихъ господъ? Вѣдь мы, слава Богу, тоже полковницы, не столоначальницы какія нибудь! У нихъ будутъ балы, театры, чудо, прелесть!... Газель закрывала даже глаза, предвкушая будущее упоеніе.

— Даже маскарады у нихъ, говорятъ, будутъ, прибавляла шопотомъ шаловливая полковница.

Строгая нѣмка сурово покачивала головой, на которую была напялена рыжеватая накладка.

Дѣло происходило у гарнизонной полковницы, и такъ какъ дамы рѣшительно не могли согласиться въ своихъ мнѣніяхъ, то потребовали къ себѣ самого гарнизоннаго полковника, Ивана Иваныча Голубева.

Иванъ Иванычъ съ развязностью образцоваго фельдфебеля, блестя эполетами и гремя шпорами, явился въ гостиную и поздоровался на англійскій манеръ.

Дамы немедленно поставили его въ щекотливую необходимость быть между ними судьей.

Полковникъ служилъ когда-то въ гвардіи и потому славился умѣньемъ вести разговоры съ дамами; кромѣ того, по самому характеру своему, онъ былъ человѣкъ, любившій рѣшать всевозможные вопросы, хотя бы они касались даже метафизики: онъ былъ коноводъ средняго кружка. Полковникъ, по вѣжливости и изъ самолюбія, натурально склонился на сторону гостьи.

— Конечно, конечно, кричалъ онъ, намъ ронять себя не надо; чтобы я, батальонный командиръ, уступилъ въ чемъ нибудь дорогу какому нибудь штафиркѣ, рябчику.... никогда! Я скорѣе брошу лишнихъ десять тысячъ въ эту зиму, чѣмъ уступлю!

Полковница грустно посмотрѣла на мотоватаго мужа: у ней было пять человѣкъ дѣтей.

— Именно, именно, я тоже говорю, кричала неразумная газель.

Иванъ Иванычъ перехватилъ на лету грустный взглядъ жены и поспѣшилъ ее успокоить:

— Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ уступать, по крайней мѣрѣ мнѣ, что нынѣшній годъ дѣла мои должны пойти хорошо!

— Да, вѣдь нынче наборъ! воскликнула гостья: — какіе вы счастливые, Иванъ Иванычъ! Дайте намъ непремѣнно балъ, слышите ли, непремѣнно!

— Извольте, извольте, отвѣчалъ любезный полковникъ: — ужь будьте покойны, утремъ носъ этимъ Баламутовымъ!

— Э, да еще, можетъ быть, они и знакомиться съ нами не будутъ, съ какою-то особенною радостью проговорила Голубева.

— Какъ это можно? развѣ они не знаютъ приличій? возразилъ полковникъ, да и задумался: дѣло было точно весьма возможное.

— Впрочемъ врядъ не познакомятся, подумала вслухъ Голубева: они вѣдь будутъ давать балы, такъ если не познакомятся со всѣми, то у нихъ пусто будетъ.

Полковникъ пришелъ въ восторгъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ убѣдился теперь, что Баламутовы не познакомиться съ ними не могутъ.

Артиллерійская полковница распрощалась совершенно успокоенная: вопросъ былъ рѣшенъ такъ, какъ она ожидала, какъ ей хотѣлось.

На другой день весь средній кружокъ зналъ, что Баламутовы съ ними не познакомиться не могутъ, и началъ дѣлать надлежащія приготовленія: чиновничество поналегло на свои доходы; помѣщики, начинавшіе уже съѣзжаться въ городъ и не ожидавшіе такого происшествія, какъ пріѣздъ Баламутовыхъ, послали въ имѣнія гонцовъ за своими доходными статьями, а одинъ, уже предчувствуя, какъ пойдетъ дѣло, заранѣе взялъ свидѣтельство гражданской палаты на перезалогъ своихъ полутораста душъ, давно уже заложенныхъ по такой же основательной причинѣ.

Къ половинѣ ноября купчиха Остроглазова, дѣятельно понуждаемая полиціей, которая въ этомъ случаѣ была ревностной исполнительницей приказаній ближайшаго и высшаго начальствъ, приготовила свои каменныя палаты для пріема дорогихъ гостей. Готовы уже были помѣщенія, и для собакъ, и для музыкантовъ, какъ пріѣхалъ первый транспортъ людей и вещей, принадлежавшихъ Баламутовымъ. Съ этой минуты толпа зѣвакъ не отходила отъ дома Остроглазовой и, стоя на морозѣ съ утра

до ночи, глазѣла на зашитую мебель, на завернутыя зеркала, на закутанныхъ и обмерзлыхъ горничныхъ и лакеевъ.

Перевозка продолжалась цѣлую недѣлю и ужь чего-чего не привезли изъ деревни для домашняго обихода Баламутовыхъ! Прохожіе и прочіе зѣваки не затворяли ртовъ отъ удивленія. Наконецъ все устроилось, суета прекратилась, оправившіеся и умывшіеся лакеи начали гонять зѣвакъ отъ дому самыми неделикатными средствами...... Это значило, что съ часу на часъ ждутъ господъ.

Кто же эти Баламутовы, которые еще до пріѣзда своего такъ сильно взволновали мирный Бѣловодскъ, давно, казалось, потерявшій способность волноваться чѣмъ бы то ни было?

Отставной гвардіи поручикъ Григорій Алексѣичъ Баламутовъ былъ владѣльцемъ шести тысячъ душъ и милліона рублей чистаго капитала,—кажется, лучшей рекомендаціи не надо. Григорій Алексѣичъ былъ единственный сынъ богатаго, стараго помѣщика, который выше денегъ и своего знаменитаго (когда-то) дворянскаго рода ничего не видѣлъ и не признавалъ. По мнѣнію старика, всякое занятіе мало-мальски похожее на занятіе людей, живущихъ трудомъ, уже унижало дворянское достоинство. Не мудрено опредѣлить изъ этого, подъ какимъ вліяніемъ выросъ и развился Григорій Алексѣичъ и какимъ юношей онъ былъ въ девятнадцать лѣтъ, когда отецъ рѣшился отвезти его въ Петербургъ и записать въ одинъ изъ дорогихъ гвардейскихъ полковъ, разумѣется, въ кавалерійскій. Кутежъ, дебоши разомъ дались и полюбились Григорью Алексѣичу, а папенька его только радовался, что Гриша связывается единственно съ товарищами громкихъ фамилій, тысячи бросаетъ для того, чтобы не отстать отъ нихъ и не уронить своего древняго дворянства. Но такая жизнь оказалась не очень полезною для молодаго здоровья, и года черезъ четыре по отъѣздѣ въ С. Петербургъ, Григорью Алексѣичу уже нужно было ѣхать за границу для того, чтобы серьёзно лѣчиться отъ послѣдствій своей веселой жизни. Что онъ тамъ дѣлалъ, полезно ли было путешествіе для его ума и здоровья, предоставляемъ судить читателю; скажемъ только, что старикъ Баламутовъ наконецъ закряхтѣлъ отъ непомѣрныхъ монте-христовскихъ расходовъ сына и вызвалъ его строгими мѣрами къ себѣ. Увидя его, старикъ испугался: передъ нимъ стоялъ живой мертвецъ, съ впалыми и тусклыми глазами, втянувшимися щеками и съ очень рѣдкими волосами, а Григорью Алексѣичу въ то

время было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Видя, что дѣло плохо, старикъ взялъ его въ отставку, года два лѣчилъ его у лучшихъ докторовъ, наконецъ вылѣчилъ и положилъ непремѣнно женить для того, чтобы остепенить. Чудо излѣченія этого милаго мертвеца совершилось въ Москвѣ, а тамъ въ невѣстахъ недостатка нѣтъ, стало быть,—дѣло скоро сдѣлалось. Григорій Алексѣичъ, по приказанію батюшки, женился на двухъ тысячахъ душахъ, разумѣется заложенныхъ, и взялъ въ придачу аристократическую дѣвицу, княжну, лѣтъ двадцати-пяти. Старикъ Баламутовъ сейчасъ же выкупилъ души своей невѣстки изъ залога и вслѣдъ за тѣмъ умеръ. Григорій Алексѣичъ наконецъ остался сиротою (мать его давно уже умерла); но не пришлось уже ему попользоваться своей волей: старикъ не ошибся, разсчитывая остепенить его женидьбой. Варвара Петровна окончательно переломила и передѣлала своего мужа; она пріобрѣла надъ нимъ такую неограниченную власть, что даже позволяла себѣ безнаказанно третировать его публично дуракомъ. При ней онъ дѣлался почти идіотомъ.

Начало нашего разсказа застаетъ Григорья Алексѣича тридцати-лѣтнимъ бариномъ, высокаго роста, бѣлокураго цвѣта волосъ и съ оловянными, а въ присутствіи жены нѣсколько испуганными, глазами, безпрестанно обращавшимися къ собесѣднику и какъ будто спрашивавшими: «не совралъ ли я чего?» Любимое занятіе Григорья Алексѣича, занятіе, которому онъ предавался иногда цѣлые часы, особенно въ деревнѣ, было — переборка и раскладываніе крупныхъ кредитныхъ билетовъ.

Одна только живая черта и была въ характерѣ Григорья Алексѣича, да и то не слишкомъ похвальная: онъ былъ гастрономъ, и дѣйствительно замѣчательный гастрономъ. Безъ жены же Григорій Алексѣичъ былъ другой человѣкъ: откуда прыть бралось, — все нипочемъ! Григорій Алексѣичъ позволялъ себѣ даже говорить и судить вкривь и вкось обо всемъ, что̀ зналъ, и даже о томъ, чего никогда и не знавалъ.

Супруга его, Варвара Петровна, была дама тонкая, томная, нѣжная и чувствительная по наружности, а на дѣлѣ мучительница всего, что только имѣло несчастіе ее окружать, и всего болѣе мужа: онъ, бѣдный, при супругѣ слова не смѣлъ пикнуть, а если и разѣвалъ ротъ, то Варвара Петровна сейчасъ же закроетъ его восклицаніемъ, въ родѣ слѣдующаго:

— Хорошо, *Grégoire*, хорошо! Мы знаемъ, что ты хочешь сказать!

И замолкалъ бѣдный *Grégoire*, не сказавъ ни слова, и отправлялся себѣ въ кабинетъ перебирать кредитные билеты; а то, если есть нѣсколько въ карманѣ, то запуститъ и туда руку до тѣхъ поръ, пока жена взглядами не выгонитъ его оттуда.

Варварѣ Петровнѣ въ началѣ нашего разсказа исполнилось двадцать семь лѣтъ. Она жила и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и во всѣхъ столицахъ Европы, наконецъ ей пріѣлось столичное житье, —и она потребовала на эту зиму провинціальнаго города. Григорій Алексѣичъ избилъ цѣлый учебникъ русской географіи, предлагая капризной супругѣ то одинъ, то другой губернскій городъ; наконецъ ея выборъ остановился на Бѣловодскѣ, именно потому, что тамошній губернаторъ—холостой, слѣдовательно вакансія первой дамы въ городѣ никѣмъ не занята. Муходавлевъ еще кромѣ того оказался короткимъ пріятелемъ Григорья Алексѣича.

Дня черезъ три послѣ окончательнаго изготовленія дома Остроглазовой къ пріему рѣдкихъ гостей, городъ Бѣловодскъ былъ пораженъ почти небывалымъ явленіемъ: по грязнымъ улицамъ его мчался, что было мочи, запряженный восьмерикомъ щегольской двумѣстный дормезъ; за дормезомъ четвероместная дорожная карета, конечно тоже на лежачихъ рессорахъ, и за каретой какой-то замысловатый фургонъ, устроенный для помѣщенія дорожной кухни.

Эти экипажи возбудили всеобщее любопытство и хотя всѣ почти навѣрно знали, что въ нихъ ѣхали Баламутовы, однако многія дамы средняго круга сбили съ ногъ своихъ лакеевъ, чтобы тѣ сейчасъ же бѣжали за экипажами и достовѣрно узнали, куда они направляютъ путь. Но экипажи скакали сломя голову и узнаванье это удалось только одной полковницѣ Тычкиной, и то только потому, что у мужа ея былъ вѣстовой съ своею лошадью. Вѣстовой, по приказанію полковницы, поскакалъ слѣдомъ за интересными экипажами, проводилъ ихъ до самаго дома Остроглазовой и воротился доложить барынѣ, что въ городъ пріѣхали Баламутовы. Полковница немедленно командировала того же вѣстоваго извѣстить ея пріятельницу, командиршу внутренней стражи, о вожделѣнномъ событіи. Полицмейстеръ, который заранѣе поставилъ у въѣзда въ городъ квартальнаго надзирателя,

также скоро узналъ о пріѣздѣ Баламутовыхъ и поскакалъ доложить объ этомъ губернатору.

— Ахъ, Боже мой, что за гадость такая, эта квартира! звонко кричала, поднимаясь по убранной коврами лѣстницѣ въ бель-этажъ своей квартиры, Варвара Петровна, всю дорогу охавшая, жаловавшаяся на слабость, и наконецъ на послѣдней станціи пришедшая въ такое изнеможеніе, что не могла даже слова промолвить и только вполголоса грызла мужа, сидѣвшаго въ одномъ съ ней дормезѣ.

— Ахъ, *mon Dieu, mon Dieu*, какое мѣщанство! какой ужасъ! продолжала воскресшая барыня: — кто это такую квартиру нанялъ? Это все вы виноваты! заключила она, обращаясь къ мужу, не стѣсняясь присутствіемъ всей дворни;—это вы все виноваты: вѣчно глупостей надѣлаете.... *Mon Dieu, est-il bête cet homme, est-il bête!*

— Но, *chère Babette*, это не я.... осмѣлился было заговорить несчастный супругъ.

— Вы еще станете оправдываться! воскликнула сердитая супруга.

— *Mais, ma chère*.... заикнулся было Баламутовъ.

— *Taisez-vous*, молчите, сударь! рѣзко крикнула Варвара Петровна и сердито топнула ножкой. Боже мой, Боже! продолжала она, будто сама съ собой,—эти мѣщане во дворянствѣ никогда не съумѣютъ оцѣнить и понять аристократическихъ потребностей! Это ужасно, весь вѣкъ жить съ человѣкомъ не изъ своего круга!

И Варвара Петровна въ изнеможеніи усѣлась на первый попавшійся ей диванъ. Шедшая сзади господъ горничная, увидя приближеніе опаснаго припадка, постигшаго ея барыню, сейчасъ же вытащила изъ дорожнаго мѣшка пузырекъ съ какимъ-то спиртомъ и давай имъ тыкать барынѣ въ носъ.

Бѣдный Григорій Алексѣичъ не зналъ, что ему дѣлать, и сложа руки, уныло, почти идіотически, смотрѣлъ на продѣлки своей супруги....

Варвара Петровна долго стонала, охала, лежа въ постелѣ, и проклинала всѣхъ, начиная съ мужа, за звѣрское равнодушіе къ ея жестокимъ страданіямъ и повѣряла вполголоса несчастія своей супружеской жизни своей конфиденткѣ и фрейлинѣ, старой дѣвкѣ лѣтъ подъ сорокъ, злости и дурноты непомѣрной.

Долго бы еще продолжалась болѣзнь Варвары Петровны, можетъ быть надо было бы привозить и врачей и покупать аптекарскія снадобья, если бы Муходавлевъ нечаянно не перервалъ этой болѣзни въ самомъ ея началѣ. Какъ только полицмейстеръ явился доложить ему о пріѣздѣ Баламутовыхъ, онъ приказалъ ему немедленно командировать частнаго пристава—узнать о здоровьи вновь пріѣхавшихъ дорогихъ гостей и состоять въ ихъ распоряженіи для предупрежденія малѣйшихъ желаній. Это лестное порученіе быть лакеемъ господъ Баламутовыхъ выпало на долю Отпѣтаго. Особая внимательность губернатора, несомнѣнно доказывавшая Варварѣ Петровнѣ, что она непремѣнно должна быть и будетъ первою дамою въ Бѣловодскѣ, мигомъ вылѣчила опасные истерическіе припадки, постигшіе эту изнѣженную особу: она не только сейчасъ же встала съ постели, но посмотрѣла болѣе благосклонными глазами на нанятый домъ и даже (что̀ значитъ удовлетворенное-то самолюбіе!) слегка похвалила комнату, назначенную для ея будуара. Отпѣтый получилъ отъ Носова, по приказанію Баламутовой, цѣлую двадцати-пяти-рублевую бумажку и былъ чрезвычайно тронутъ этою благодарностію.

ГЛАВА III.

Уже слишкомъ недѣлю пріѣхали Баламутовы въ Бѣловодскъ и никто еще ихъ не видалъ не только у себя въ домѣ, но даже на улицахъ. Одинъ только губернаторъ получилъ на другой день по пріѣздѣ Баламутова его визитъ, который и заплатилъ сейчасъ же. Общество было страшно шокировано. Одно только колоссальное богатство Баламутовыхъ спасало ихъ отъ сплетенъ, а то бы не прошло и имъ даромъ преступленіе противъ разъ-навсегда принятыхъ и утвержденныхъ провинціальныхъ обычаевъ. Но хотя многое и проходило даромъ Григорію Алексѣичу и его супругѣ, а все-таки общество, особенно аристократическій кружокъ, начинало сердиться, а люди повольнодумнѣе, — даже и поговаривать довольно крупно.

Такъ прошло дней десять. Бѣловодскіе патриціи потеряли наконецъ терпѣніе и рѣшились дѣйствовать, не теряя времени. У Муходавлева часто собирались по вечерамъ пить чай за-просто, какъ говорятъ, а ужь извѣстно, кто ѣздитъ къ губернатору пить

чай за-просто.... И такъ, въ одну изъ субботъ у Муходавлева собрались его губернскіе пріятели: предсѣдатели палатъ, предводитель Иванъ Михайлычъ, его братъ Антонъ Михайлычъ, оба гастрономы, славившіеся въ цѣломъ городѣ.

Долго сидѣли гости, не касаясь горячо занимавшаго ихъ всѣхъ предмета, то есть визитовъ Баламутовыхъ. Долго говорили о предметахъ постороннихъ, хотя тоже важныхъ и достойныхъ просвѣщеннаго вниманія столь сильныхъ особъ, прежде чѣмъ коснулись того, который сильно задѣвалъ всѣ ихъ помышленія.

— Что это у васъ за книги, спросилъ для начала разговора предсѣдатель уголовной палаты, корнетъ Михаилъ Филатычъ Безсудный.

Корнетъ Безсудный былъ коноводомъ аристократической партіи, рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ ней. Эта завидная привиллегія дана ему не за умъ или образованіе (ни того, ни другаго природа не дала Михаилу Филатычу, замѣнивъ и то и другое приличнымъ количествомъ душъ), а за то, что у него въ Петербургѣ былъ братъ—очень умный человѣкъ.

— Что это у васъ, за книги на столѣ? повторилъ свой вопросъ Михаилъ Филатычъ, показывая на столъ, заваленный неразрѣзанными книгами.

— А, это пустяки.... русскіе журналы, небрежно отвѣчалъ Александръ Павлычъ.

— А вы выписываете русскіе журналы? съ какимъ-то ужасомъ промолвилъ Рыковъ.

— Да, выписываю; мнѣ, какъ губернатору, необходимо слѣдить за этими, какъ ихъ называютъ, обличительными статьями....

Всѣ потупили головы.

— Наша литература сдѣлалась теперь чортъ-знаетъ-чѣмъ, докторальнымъ тономъ заговорилъ корнетъ Безсудный: — мѣшается не въ свое дѣло, ругаетъ наповалъ всѣхъ ... Это ужасъ! я не могу равнодушно взять русскаго журнала въ руки!

— Да, да, подтвердилъ Муходавлевъ:—я тоже противъ этой обличительной литературы: ужь пусть-бы писали объ мелкихъ чиновникахъ, какъ прежде, ну,—объ становыхъ, городничихъ, квартальныхъ, все-бы это ничего: тѣ люди мелкіе, да и щекотливости, *point d'honneur* никакого не имѣютъ.... А то вѣдь нѣтъ, этого мало: выводятъ губернскихъ чиновниковъ....

— Чего! даже предводителей, которые жалованья не получаютъ, а такъ, изъ чести служатъ,—и тѣхъ оскорбляютъ! перебилъ Антонъ Михайлычъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ длинными усами и темными волосами съ просѣдью. Вся фигура Антона Михайлыча дышала особенною важностью, нѣсколько смѣшною.

— Да такъ ругаются, что и привязаться-то никакъ нельзя, замѣтилъ братъ Антона Михайлыча, Иванъ Михайлычъ.

— Главное то вредно, сказалъ Рыковъ, что эти обличительныя статьи, по моему мнѣнію, имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность молодыхъ людей.—Посмотрите, сколько теперь развелось людей, которые позволяютъ себѣ судить всѣхъ!

— Да, молодые люди нынче чрезвычайно развратились, съ сожалѣніемъ качая головой, объявилъ корнетъ Безсудный, — я самъ человѣкъ современный, но этакого развращенія нравовъ не терплю! — Вотъ напримѣръ пожаловалъ сюда этотъ г. Баламутовъ; что это такое? Пріѣхалъ вотъ уже почти двѣ недѣли, ни съ нѣмъ не знакомился, сидитъ себѣ взаперти.... Что онъ, пренебрегаетъ, что ли, нами?

— Э, нѣтъ, Михаилъ Филатычъ, нѣтъ; вы сильно ошибаетесь въ Баламутовѣ,—заступился Муходавлевъ — *c'est un aristocrate dans toute la force du terme*; онъ, повѣрьте, не заразится какимъ нибудь книжнымъ вольнодумствомъ: онъ никогда и не читаетъ русскихъ книгъ!

— Положимъ, что такъ,—перебилъ Безсудный:—все-таки, согласитесь, поведеніе его больше, чѣмъ странно.

— Да, оно конечно удивительно, что аристократъ не любитъ общественности, замѣтилъ Иванъ Михайлычъ:—я даже сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ настоящій гастрономъ.

— О, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ! Что онъ гастрономъ, то я за это поручусь: я его давно знаю,—говорилъ Муходавлевъ съ особенною горячностью.

— Такъ чтожь онъ съ нами не знакомится? прервалъ его апатическій Антонъ Михайлычъ:—выходитъ, онъ не умѣетъ жить.

Долго спорилъ Муходавлевъ, долго заступался онъ за своего стараго знакомаго, наконецъ далъ своимъ собесѣдникамъ слово поговорить съ Баламутовыми и заставить ихъ сейчасъ же дѣлать визиты. Власти успокоились, получивъ слово губернатора, и сейчасъ же засѣли за карты, да такъ уже и не вставали до двухъ часовъ ночи, забывъ все на свѣтѣ, даже обличительную литературу.

На другой день утромъ, то есть въ воскресенье, Муходавлевъ отправился къ Баламутовымъ исполнять свое щекотливое дипломатическое предпріятіе.

Баламутова приняла гостя въ своей великолѣпной гостиной и посадила его подлѣ себя; мужъ ея сѣлъ въ почтительномъ отдаленіи.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ Бѣловодскъ? спросилъ Александръ Павлычъ Баламутову, чтобы приступить какъ нибудь къ замышленному разговору.

— Ахъ, ужь не говорите, запищала Варвара Петровна. Это ужасъ! грязь, нечистота! Это Богъ знаетъ что такое! Послѣ Парижа, Лондона, Петербурга....

Муходавлевъ, имѣвшій маленькую страсть къ спорамъ, началъ увѣрять свою собесѣдницу, что Бѣловодскъ прекрасный городокъ, особенно лѣтомъ, и что хотя его дѣйствительно невозможно сравнивать съ Парижемъ, но что все-таки....

— И общество здѣсь какое прекрасное, особенно высшее! добавилъ онъ: — *ce sont tous des gens très comme-il-faut. A propos*, Григорій Алексѣичъ, что же это вы не съѣздите, не познакомитесь съ здѣшнимъ обществомъ?

— Я-съ, — началъ заикаться Баламутовъ, — съ большимъ удовольствіемъ... да вотъ, какъ жена... поправился онъ, встрѣтивъ грозный взглядъ супруги.

— *Grègoire*! строго замѣтила Варвара Петровна, *que dites-vous*? съ удовольствіемъ?

— Я ничего, *ma chère*, я ничего,—бормоталъ Григорій Алексѣичъ,—я такъ....

Муходавлевъ увидалъ, что съ Григорьемъ Алексѣичемъ при супругѣ не столкуешь, и что надо дѣйствовать на нее, чтобы подвинуть на что нибудь его.

— *J'ai à vous parler*,—безъ церемоніи шепнулъ онъ ей, не обращая вниманія на своего стараго пріятеля.

Варвара Петровна сдѣлала гостю очаровательные глазки и, обратясь къ мужу, просто-напросто объявила ему:

— *Grègoire*, поди въ свой кабинетъ, — тамъ тебѣ надо еще многимъ распорядиться.

Баламутовъ перемѣнился въ лицѣ, вздрогнулъ, однако не осмѣлился противиться и поплелся въ кабинетъ разбирать свои кредитные билеты.

— Что это вы живете въ такомъ затворничествѣ? началъ Александръ Павлычъ.

— Да такъ.... съ кѣмъ же тутъ видѣться? довольно небрежно отвѣчала Варвара Петровна, нѣсколько оскорбившаяся тѣмъ, что гость заговорилъ съ ней не о томъ, о чемъ ей бы хотѣлось.

— Напрасно, здѣсь есть люди весьма порядочные: Безсудные, Рыковы... началъ пересчитывать Муходавлевъ.

— Ахъ полноте. *Qu' ai-je de commun avec tout ce monde?* возразила Баламутова,—поговоримъ лучше о миломъ Петербургѣ.

Гость закусилъ губы, съѣвъ такую пилюлю, однако поговорилъ и о миломъ Петербургѣ, который былъ весьма немилъ для Варвары Петровны, когда она тамъ жила.

Александръ Павлычъ попробовалъ атаковать петербурго — манію Варвары Петровны.

— Но я вамъ долженъ сказать, что здѣсь все высшее общество,—нашъ кругъ, то есть,—изъ Петербурга.

— Да, можетъ быть, — чиновники! небрежно согласилась Варвара Петровна.

Гость опять увидѣлъ, что дѣло плохо.

— Вы, я думаю, себѣ пропасть новыхъ костюмовъ надѣлали; вы всегда были такія мастерицы одѣваться,—приступилъ онъ съ другой стороны.

— Да, какъ всегда! отвѣчала Баламутова, которая все еще сердилась за что-то на молодаго губернатора.

— Здѣшнія дамы съ нетерпѣніемъ ждутъ случая увидѣть вашъ туалетъ,—онѣ столько уже слышали... продолжалъ Муходавлевъ.

— Поймутъ ли онѣ порядочный-то туалетъ? съ обиднымъ сомнѣніемъ возразила Баламутова.

Александръ Павлычъ разсердился.

— Но неужели вы пріѣхали сюда затѣмъ, чтобы сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? вскрикнулъ онъ.

— Я пріѣхала сюда такъ, по капризу, отвѣчала Баламутова, — я очень вѣдь капризна....

Муходавлевъ хотѣлъ отвѣтить, что онъ это давно уже замѣтилъ, однако удержался и объявилъ, что кому же и капризничать на бѣломъ свѣтѣ, какъ не хорошенькой женщинѣ. За эту любезность онъ былъ награжденъ новымъ чудеснымъ взглядомъ, которому на этотъ разъ придали столько выразительности, что

даже Александръ Павлычъ, не очень быстрый на пониманье, понялъ, чего отъ него хотѣли, и повелъ дѣло *en conséquence*.

— Пріѣхала по капризу,—продолжала барыня, охотница до сильныхъ ощущеній, — а теперь мнѣ кажется, что не для кого выѣзжать, вотъ я и сижу дома!

Баламутова задумалась и грустно посмотрѣла на великосвѣтскаго снобса, сидѣвшаго передъ ней, какъ на иголкахъ.

— Вы не повѣрите, какъ грустно выѣзжать, не имѣя никого, кто бы цѣнилъ вашу жертву, потому что, согласитесь, вѣдь это жертва — отдать себя окончательно обществу, не имѣть минуты своей, быть вѣчно подъ маской!

Баламутова была иногда очень краснорѣчива.

— Какъ вамъ нестыдно, какъ вамъ не грѣхъ сомнѣваться въ своей силѣ! шепталъ Муходавлевъ, который не могъ никакъ удержаться отъ волокитства.—Напротивъ, я знаю человѣка, который отдалъ бы половину жизни, чтобы вы выѣзжали, потому что, согласитесь, это единственное средство къ частымъ свиданіямъ,—нельзя же весь вѣкъ сидѣть у васъ въ домѣ.

— Вы знаете такого человѣка! вскрикнула въ восторгѣ Варвара Петровна, дѣлая своему собесѣднику еще разъ убійственные глазки, отъ которыхъ тотъ растаялъ окончательно;—кто же онъ такой?

Муходавлевъ промычалъ что-то весьма неопредѣленное.

— Онъ здѣсь? продолжала свой допросъ Баламутова.

Муходавлевъ кивнулъ головой.

— Онъ.... аристократъ?

— Еще бы! *un homme titré*, проговорился гость, да и закусилъ языкъ.

Варвара Петровна въ восторгѣ поглядѣла на своего новаго обожателя.... Гость съ своей стороны, увидя разгорѣвшееся отъ страсти лицо своей собесѣдницы, ея блиставшіе глаза и волнующуюся грудь, подумалъ.

— А что, чортъ возьми, думать тутъ нечего: *il faut prendre l'amour, où on la trouve....*

Но въ тоже время Александръ Павлычъ чувствовалъ, что онъ нѣсколько смѣшонъ, и чтобы съ честью выпутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, онъ вскочилъ со своего кресла.

— Нѣтъ, надо бѣжать отъ васъ, — вы слишкомъ опасны!

— Куда вы? куда вы? вскрикнула Баламутова, —останьтесь, посидите еще немного.

— Не могу, право не могу: отечество призываетъ, служба,— началъ выпутываться губернаторъ, которому казалось уже довольно успѣха для перваго дебюта.

— Что служба ваша, когда я хочу васъ видѣть! деспотически объявила Варвара Петровна.

Муходавлевъ дѣйствительно забылъ и отечество и службу,— и остался.

Потолковавъ съ своимъ новымъ предметомъ еще около часу, онъ сталъ окончательно прощаться.

— Ну, такъ вы поѣдете дѣлать визиты? былъ его послѣдній вопросъ.... Для меня, прибавилъ онъ въ полголоса.

— *Vous faites de moi tout ce que vous voulez*, — скокетничала Баламутова, — поѣду, такъ и быть, посмотрю вашихъ дамъ.

— *Merci*; я вамъ завтра списочекъ всѣхъ домовъ пришлю, продолжалъ онъ, пожимая руку своей собесѣдницы. — Вы вѣдь вѣроятно поѣдете и въ средній кружекъ?

— Боже мой, что вы? *Quelle horreur*! вскричала испуганная аристократка.

— Иначе нельзя, объявилъ Муходавлевъ: вамъ надо будетъ давать балы, — такъ безъ средняго кружка у васъ будетъ пустота страшная.

— Ахъ, Боже мой, что вы со мной дѣлаете! простонала Баламутова.

— Поѣдете? приставалъ онъ.

— Такъ и быть, рѣшила она; но съ тѣмъ, чтобы этотъ средній кружокъ не ждалъ отъ меня никакой короткости....

— Еще бы! вскричалъ гость, окончательно откланиваясь: — довольно однихъ формальныхъ визитовъ.

— Ну, одолѣлъ крѣпость, думалъ онъ, садясь въ свою коляску:—однако капризная бабенка!

— Какой душка этотъ Муходавлевъ! какой *comme-il-faut*! подумала Баламутова и отправилась въ свою гардеробную — выбирать платье для завтрешняго выѣзда.

Муходавлевъ же поскакалъ во всѣ аристократическіе дома объявлять о томъ, что завтра Баламутовы будутъ дѣлать визиты, и черезъ два часа всполошилъ весь городъ.

Въ присланномъ отъ Муходавлева Баламутовой списочкѣ фамилія Рыковой стояла первою, — Варвара Петровна поѣхала къ ней первой.

Рыкова приняла свою новую знакомую весьма радушно, — она была польщена тѣмъ, что она пріѣхала къ ней прежде, чѣмъ къ кому нибудь другому, — это ей сообщилъ Муходавлевъ; но, несмотря на радушный пріемъ, Варвара Петровна была сначала нѣсколько шокирована и даже испугана вольнымъ обращеніемъ хозяйки. Григорій Алексѣичъ Баламутовъ не сопутствовалъ своей супругѣ: она считала неприличнымъ ѣхать куда нибудь съ мужемъ. Онъ съ своей стороны также отправился дѣлать визиты по списочку, данному ему женой, съ строгимъ наказомъ больше ни къ кому не ѣздить, чтобы не уронить своего достоинства.

— Вы навѣрно жили въ Петербургѣ? былъ первый вопросъ Рыковой, которая почему-то питала особенную страсть къ Петербургу.

Гостья отвѣчала утвердительно.

— Это сейчасъ видно, замѣтила хозяйка:—въ васъ видна сейчасъ эта порядочность, эта свѣтскость, которую напрасно было бы искать въ провинціальной дамѣ даже хорошаго круга. Здѣсь это ужасъ! *C'est une horreur!* Вы нигдѣ не увидите такихъ смѣшныхъ фигуръ, какъ здѣсь, а ужь одѣваться ни одна не умѣетъ, особенно эти чиновницы,—*ça n'a l'air de rien!* Вообразите, эти дамы какъ будто пришиты къ своимъ мужьямъ, свою супружескую вѣрность простираютъ до смѣшнаго; иныя чуть не цалуются съ мужьями публично....

Цѣломудренная на словахъ Баламутова нѣсколько сконфузилась и вздумала перемѣнить разговоръ.

— Здѣсь большое общество? начала она.

— О, нѣтъ, собственно нашего аристократическаго кружка домовъ шесть, семь, не больше, *mais ce sont de bonnes maisons*. Конечно, исключая очень немногихъ, все это провинціализмъ *dans toute l'étendue du terme*,—но женщины, знаете ли, все такія, изъ которыхъ можно многое сдѣлать. Я, признаюсь вамъ откровенно, много развернула и эмансипировала женщинъ моего круга.

Баламутова вспомнила, что видала въ Москвѣ эмансипированныхъ барынь, и потому сейчасъ же предложила Рыковой слѣдующій вопросъ:

— Вы вѣрно занимаетесь литературой, сочиняете что нибудь?

Варвара Петровна слыхала, что всѣ эмансипированныя женщины — писательницы.

Рыкова залилась самымъ непритворнымъ и громкимъ смѣхомъ.

— Я, сочинять! ха, ха, ха! *Pour qui me prenez-vous donc?* Развѣ я нищая какая нибудь? Русскій писатель! *qu'est-ce qu'il y a de plus mésquin?*

Баламутова съ своей стороны тоже вломилась въ амбицію.

— *Je vous demande bien pardon, madame Rykoff,* возразила она: — я не говорю вообще объ литературѣ, о глупой какой нибудь учености.... Но стихи сочинять, отчего же? Вотъ графиня Ростопчина—ужь какая аристократка, но сочиняетъ же стихи.... добавила Варвара Петровна съ нѣкоторою нерѣшительностью:— она сама хорошенько не знала, пишетъ ли стихи графиня Ростопчина,—она только слыхала объ этомъ.

— Ну да, *madame Rostoptschine,* — это исключеніе, эксцентрикъ! *enfin, c'est une dame de Moscou,* а московскія дамы всѣ какъ-то эксцентричны, объявила хозяйка. Вотъ *à Pètersbourg,* другое дѣло, — никто не позволитъ себѣ сочинять, *au risque de s'encanailler*.... право,—я это очень хорошо знаю,—я долго жила въ Петербургѣ и посѣщала лучшее общество!

— Вашъ мужъ занималъ тамъ вѣроятно очень высокое мѣсто? спросила Баламутова, нѣсколько уколотая аристократичностью Рыковой.

— Какъ же! онъ былъ начальникомъ отдѣленія, съ комическою важностью объявила Анна Ивановна.

Гостья встала и стала прощаться, прося не забывать и ее, что̀ Анна Ивановна съ готовностью обѣщала.

Дамы разстались далеко не друзьями: Баламутовой очень не понравилась Рыкова; она смутно чувствовала, что встрѣтится съ ней на одной дорогѣ; Рыковой же Баламутова показалась совершенно пустой женщиной.

Долго ѣздила Баламутова по аристократическимъ домамъ и очень несчастливо: ее, какъ рѣдкость, принимали во всѣхъ домахъ, а извѣстно, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ то, что вездѣ принимаютъ, когда надобно сдѣлать нѣсколько десятковъ визитовъ. Слѣдствіемъ этого несчастія было то, что Варвара Петровна не успѣла попасть въ тотъ же день въ средній кругъ. Она пріѣхала измученная домой и сейчасъ же написала къ Муходавлеву, чтобы онъ пріѣзжалъ вечеромъ провѣдать ее.

Баламутова не застала мужа своего дома: онъ съ своей стороны тоже ѣздилъ съ визитами. Онъ выѣхалъ изъ дому въ часъ утра и потому былъ счастливѣе своей супруги: всѣ предсѣдатели были въ своихъ палатахъ и онъ засталъ дома только нѣкото-

рыхъ неслужащихъ аристократовъ, — перваго Антона Михайлыча, котораго онъ когда-то видалъ въ Петербургѣ.

— А! старый пріятель, добро пожаловать; какъ давно мы съ вами не видались! Завтракали ли вы? обратился Антонъ Михайлычъ къ Баламутову съ такимъ фамильярнымъ привѣтствіемъ.

Антонъ Михайлычъ вообще имѣлъ слабость лѣзть въ близкіе знакомые всякаго богатаго или знатнаго человѣка; передъ очень же знатными онъ нѣсколько подличалъ и даже унижалъ свое предводительское достоинство и провинціальный олигархизмъ.

— Благодарю, я завтракалъ уже, отвѣчалъ Баламутовъ, рѣшительно ошеломленный фамильярностью Антона Михайлыча.

— Напрасно, ей Богу напрасно, басомъ объявилъ хозяинъ:— а у насъ здѣсь, батюшка, одно развлеченіе: гастрономія! Какъ объѣшься хорошенько, по правиламъ науки, такъ и легче какъ-то на душѣ сдѣлается, право! забудешь даже, что не въ Петербургѣ.

— Это такъ! съ горячностью подтвердилъ Григорій Алексѣичъ, попавшій на своего конька:—это истинная правда: обѣдъ заставляетъ забыть рѣшительно всякое горе, даже семейную жизнь, проговорился Григорій Алексѣичъ.

— Какъ этакъ трюфлей *à la serviette* наѣшься досыта, ну какое, я васъ спрашиваю, несчастіе пойдетъ на умъ?

— Или фазановъ въ пору?

— Или опять артишоки *au naturel!*

И пошли пріятели пересчитывать съѣдобные предметы, которые заставляютъ забывать всевозможныя несчастія въ сей юдоли плача.

— У меня и жена гастрономка, радостно и съ какою-то особенною гордостью проговорилъ Антонъ Михайлычъ: — какъ же, какъ же, — самъ ее воспитывалъ, и теперь гастрономка хоть куда!—Погодите, мы и васъ здѣсь разовьемъ! Вы охотникъ? продолжалъ радушный хозяинъ.

— О, да! еще какой! страстный охотникъ!

— И прекрасно, въ отъѣзжее поле поѣдемъ!

— Да жаль, что здѣсь по близости негдѣ охотиться съ собаками, а я привыкъ очень часто ѣздить.

— Это можно будетъ устроить, объявилъ Антонъ Михайлычъ:—здѣсь есть большой казенный садъ, такъ скажите Мухордавлеву и Рыкову,—они позволятъ вамъ тамъ охотиться.

— Это бы очень хорошо; но вѣдь садъ казенный, — позволятъ ли? возразилъ Григорій Алексѣичъ, который, по невинности своей, до сихъ поръ не зналъ еще, что богатому человѣку, да еще въ добавокъ губернскому аристократу, въ губернскомъ городѣ все позволяется.

— Э, помилуйте, возразилъ болѣе вѣрившій въ авторитетъ Баламутова хозяинъ. — Что же тутъ такого? Что̀ сдѣлается саду? Что переломаютъ тамъ нѣсколько кустовъ? Экая важность какая! Вѣдь садъ казенный, кому же какое дѣло!

— Да, это такъ, согласился Баламутовъ, который сейчасъ же смекнулъ, что до казеннаго сада никому никакого дѣла нѣтъ.

— Ну такъ рѣшено? сказалъ Антонъ Михайлычъ, больно хлопая по рукѣ своего собесѣдника:—устроиваемъ *partie de plaisir* въ казенномъ саду? Вы будете у Рыкова, такъ поговорите ему; нарочно поѣзжайте попозже — часа въ два: онъ уже воротится изъ палаты, онъ тамъ очень недолго сидитъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ Баламутовъ, въ восторгѣ отъ изобрѣтенія Антона Михайлыча.

— Вы знакомы съ моей женой? вспомнилъ наконецъ спросить Антонъ Михайлычъ.

— Нѣтъ, не имѣлъ еще удовольствія....

— А такъ я васъ сейчасъ познакомлю; вотъ вы сами увидите: она рѣдкая женщина, женщина, которая нисколько не стѣснитъ мужское общество! — *Marie, Marie!* кричалъ громогласно Антонъ Михайлычъ въ дверь гостиной, гдѣ онъ сидѣлъ съ Баламутовымъ.

Черезъ пять минутъ изъ заднихъ комнатъ выплыла, какъ пава, Марья Петровна, полная, даже черезчуръ полная женщина, лѣтъ тридцати слишкомъ, бѣлая, румяная, кровь съ молокомъ.

Антонъ Михайлычъ представилъ ей своего новаго знакомаго, котораго старался изо всѣхъ силъ выдать за стараго пріятеля.

— *Enchantée!* процѣдила сквозь зубы Марья Петровна тоненькимъ фальцетто, который никакъ нельзя было предполагать въ такомъ обширномъ тѣлѣ.

— Ну что, моя гастрономка? принимала сегодня *медвѣдя?* спросилъ Антонъ Михайлычъ для того, чтобы доказать гостю, что жена его дѣйствительно рѣдкая женщина и никогда не стѣснитъ своимъ присутствіемъ никакое мужское общество.

— Полно, *Antoine*! жеманно возразила Марья Петровна.

— Что полно? продолжалъ неугомонный супругъ, — ты, кажется, женщина благоразумная, ха, ха, ха.... понимаешь, что *медвѣдь* вещь полезная! Вотъ я самъ объѣлся артишоковъ, ну— и принималъ *медвѣдя*.

Баламутовъ разинулъ ротъ и, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на Антона Михайлыча: онъ не понималъ, что такое *медвѣдь*.

— Вы знаете, что такое *медвѣдь?* обратился къ нему Антонъ Михайлычъ:—это такія пилюли, которыя и я, и она, принимаемъ отъ разстройства желудка; а это часто случается у гастрономовъ.

— *Et madame votre epouse?* поспѣшила спросить Марья Петровна, чтобы прекратить непріятный для нея разговоръ супруга.

— Она сейчасъ будетъ у васъ, отвѣчалъ нѣсколько свысока Баламутовъ. Вслѣдствіе особеннаго ухаживанья за собой Антона Михайлыча, онъ сдѣлалъ не очень выгодное заключенье объ его аристократизмѣ.

— Ну-съ, такъ устроиваемъ охоту? вмѣшался опять въ разговоръ Антонъ Михайлычъ.

— О, не только охоту, мы все здѣсь уладимъ: и балы, и маскарады, и театры, — я затѣмъ сюда и пріѣхалъ....

— Главное, надо приготовить въ казенномъ саду тонкій завтракъ, понимаете, въ павильонѣ, перебилъ его Антонъ Михайлычъ, у котораго на умѣ ничего, кромѣ ѣды и ея послѣдствій, никогда не бывало.

Гость поспѣшилъ проститься: ему еще надо было объѣздить всѣхъ сильныхъ властей.

— Умный человѣкъ, заключилъ Антонъ Михайлычъ, проводивъ гостя за двери: — очень умный человѣкъ!

Баламутовъ произвелъ на общество самое разнообразное впечатлѣніе, смотря потому, попадалъ ли онъ въ разговорѣ на своего конька, или нѣтъ. Мы уже видѣли, что Антонъ Михайлычъ назвалъ его очень умнымъ человѣкомъ. Иванъ Михайлычъ рѣшилъ, что онъ дуракъ; губернаторъ Муходавлевъ, знавшій его уже давно, относился объ немъ съ самой лестной стороны, а Безсудный, не могшій простить Баламутову медленности въ началѣ знакомства, объявилъ, что онъ круглый дуракъ. Впрочемъ надо замѣтить, что Безсудный былъ всегда чрезвычайно рѣзокъ и неосновательнъ въ своихъ приговорахъ и считалъ всѣхъ дураками, кромѣ себя самого. Наконецъ предсѣдатель, Акимъ Акакьевичъ Кобылкинъ, старецъ, вѣчно воображавшій себя боль-

нымъ, и замѣчательный тѣмъ, что, совершенно здоровый, до того морилъ себя діэтой, что нажилъ скорбутъ. Акимъ Акакьичъ не сдѣлалъ никакого заключенія о Баламутовѣ, а положилъ повидаться съ товарищемъ предсѣдателя своей палаты, чтобы спросить у него, какого ему быть мнѣнія о новомъ знакомомъ?

Послѣдній визитъ того дня Баламутовъ сдѣлалъ Рыкову.

Николай Филипычъ принялъ Баламутова съ чувствомъ собственнаго достоинства, однако такъ, какъ слѣдовало принять аристократа близко знакомаго съ губернаторомъ.

— Могу вамъ сообщить пріятную новость, объявилъ Николай Филипычъ своему гостю, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ, которому онъ старался придать тонъ добродушной важности: — сюда долженъ на дняхъ пріѣхать по случаю рекрутскаго набора адъютантъ князь Таракановъ, молодой полковникъ и аристократъ одной изъ самыхъ старыхъ русскихъ фамилій: я отъ него получилъ письмо.

Управляющій палатою приврaлъ для пущей важности, что онъ получилъ письмо отъ адъютанта: онъ, попросту безъ затѣй, получилъ форменныя бумаги отъ губернатора и отъ самого князя о пріѣздѣ послѣдняго въ Бѣловодскъ.

Князь Таракановъ оказался весьма короткимъ знакомымъ Григорья Алексѣича; обстоятельство это, повидимому совершенно незначительное, сейчасъ же измѣнило тонъ Николая Филипыча на очень мягкій и уже совершенно неважный.

— Я очень радъ, что Сережа Таракановъ ѣдетъ сюда; мы еще лучше повеселимся, — онъ *bon vivant* и славный малый, сказалъ Баламутовъ.

— Слава тебѣ, Господи, что онъ *bon vivant*, подумалъ Рыковъ и сейчасъ-же принялся распрашивать у Баламутова мельчайшія подробности относительно характера ожидаемаго адъютанта; но, къ несчастію, наблюдательности, да и быстраго соображенія Баламутовъ отъ природы не получилъ, а потому и всѣ распросы Рыкова остались втунѣ.

— А у меня есть къ вамъ просьба, Николай Филипычъ, началъ Баламутовъ, когда тотъ прекратилъ всѣ распросы о князѣ Таракановѣ.

— Что такое? Съ удовольствіемъ все, что отъ меня зависитъ, обязательно отвѣчалъ Рыковъ, который сейчасъ же разсчелъ, что знакомство Баламутова съ адъютантомъ можно обратить въ свою пользу.

— Вамъ подчиненъ здѣшній казенный садъ? спросилъ гость.

— Все, что есть въ здѣшней губерніи казеннаго, все подчинено непосредственно мнѣ! съ гордостью объявилъ Николай Филипычъ и значительно поднялъ указательный палецъ кверху и потомъ сильно ткнулъ имъ себя въ грудь.

Баламутовъ благоговѣйно наклонилъ голову: онъ испугался, не министръ ли инкогнито сидитъ передъ нимъ.

— Ну–съ, такъ что же вамъ угодно? переспросилъ управляющій, опять уже отчасти начальническимъ тономъ.

Вообще не было человѣка, который скорѣе Рыкова переходилъ бы изъ мягкаго тона въ начальническій не только съ низшимъ, но даже съ равнымъ себѣ, и начальническій тонъ обращалъ бы въ дерзкій, даже иногда въ ущербъ своей выгодѣ и чести, ибо господину Рыкову весьма часто приходилось получать двѣ дерзости въ отвѣтъ на одну.

Баламутовъ, запуганный, какъ уже извѣстно читателю, женой, нѣсколько струсилъ суровой интонаціи голоса предсѣдателя и не зналъ, что̀ уже ему и говорить, еслибы самъ Николай Филипычъ, довольный произведеннымъ на гостя впечатлѣніемъ, не смягчилъ своего тона.

— Мы хотимъ устроить въ казенномъ саду охоту всѣмъ обществомъ, съ дамами... началъ Баламутовъ излагать свою просьбу.

— Какую охоту?

— Съ собаками и съ ружьями, а звѣрей заранѣе я велю насажать.

— Это прекрасно! радостно вскричалъ Рыковъ, прекрасно! Вотъ князь Таракановъ пріѣдетъ, это его развлечетъ, и Муходавлеву будетъ пріятно!

— О, разумѣется, и Александръ Павлычъ, и князь оба будутъ, за это я ручаюсь,—объявилъ Баламутовъ.

— Я вамъ помогу, помогу со всѣмъ удовольствіемъ! вы недаромъ намъ достались на эту зиму: намъ надо весь этотъ карнавалъ провеселяться! говорилъ управляющій, дружески прикасаясь къ колѣну Баламутова.

Баламутовъ пришелъ въ неописанный восторгъ: онъ всегда очень любилъ, чтобы его считали общественнымъ увеселителемъ.

— Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ, продолжалъ Рыковъ: казенный садъ я прикажу вамъ дать....

— Только, Николай Филипычъ, я заранѣе долженъ вамъ сказать, что пожалуй переломаютъ тамъ кусты, деревья, такъ я

заплачу, проговорилъ Баламутовъ, который любилъ разыгрывать роль большаго барина.

— Полноте пожалуйста! добродушно перебилъ его управляющій:—ну, изъ-за чего вы будете тратить деньги? Садъ казенный, такъ я имъ могу распорядиться, какъ хочу; вѣдь это нельзя позволить какой нибудь мелочи, окружному, распоряжаться, какъ ему угодно, съ казеннымъ имуществомъ, ну, а я—предсѣдатель, это другое дѣло! А на эти деньги, что вы заплатили бы намъ за поломку, вы намъ дадите лишній балъ, какъ князь Таракановъ здѣсь будетъ; не такъ ли? прибавилъ Николай Филиппычъ, благосклонно улыбаясь.

— О, съ удовольствіемъ! Я заранѣе опредѣлилъ бросить здѣсь въ три мѣсяца тридцать или сорокъ тысячъ цѣлковыхъ....

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, перебилъ его управляющій, который не любилъ до смерти, если кто нибудь въ его присутствіи позволялъ себѣ поднимать носъ.—Ну-съ, такъ садъ я отдаю въ ваше распоряженіе; только вы заранѣе назначьте день, — а то надо будетъ распорядиться.... повыгнать оттуда гуляющихъ и никого больше не пускать: эта сволочь, мелкіе чиновники, вѣчно набьются въ этотъ казенный садъ, съ женами, съ дѣтьми, цѣлыми толпами,—такъ надо ихъ повыгнать, чтобы не мѣшали.

— Разумѣется, разумѣется, надо, чтобы никакой дряни тамъ не было, кромѣ нашего общества, — никого, никого! закричалъ Баламутовъ, не думая о томъ, что̀ онъ говоритъ, и не понимая обидной двусмысленности своихъ словъ.

— Да, конечно; кромѣ того надо назначить день заранѣе, потому что я велю вычистить весь садъ, продолжалъ управляющій:—здѣсь есть казенное училище, такъ, вы понимаете,—мнѣ стоитъ только приказать.... ну, а что мальчики тамъ какихъ нибудь три-четыре дня не поучатся, что за важность!

— Разумѣется, потвердилъ Баламутовъ: — что за важность!

— Ну-съ такъ такъ-то-съ, продолжалъ управляющій: — всѣ приготовленія, завтракъ, обѣдъ, охота, музыка, все ваше, все уже вы заготовите; ну, а звѣрей я тоже могу вамъ доставить: вѣдь, вы понимаете, что мнѣ, какъ управляющему, стоитъ только слово сказать и звѣри будутъ представлены.

— Это прекрасно! воскликнулъ въ неописанномъ восторгѣ Баламутовъ, бывшій страстнымъ охотникомъ; — это великолѣпно,—все общество будетъ вамъ благодарно, а про меня и говорить уже нечего!

— Очень радъ, что могу служить, обязательно промолвилъ управляющій: — и какихъ звѣрей вамъ навезутъ! и волковъ, и лисицъ, и русаковъ! чего хотите, того просите! закричалъ расходившійся предсѣдатель. Только вы заѣзжайте отъ меня къ Муходавлеву и скажите ему; потому, вы понимаете, садъ въ городѣ и неловко ему не сказать.

— О, непремѣнно, непремѣнно! самая вѣжливость этого требуетъ, я сейчасъ же поѣду, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ.

Гость всталъ и началъ раскланиваться.

— Когда же вамъ угодно, *monsieur* Рыковъ, чтобы я это устроилъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется, когда князь Таракановъ пріѣдетъ; это для него какъ будто бы будетъ устроено, отвѣчалъ хитрый хозяинъ.

Баламутовъ простился и поскакалъ къ Муходавлеву.

Григорій Алексѣичъ засталъ его въ залѣ, разговаривающимъ съ какимъ-то толстымъ помѣщикомъ, явившимся съ жалобой.

— *Vous êtes occupé?* спросилъ Баламутовъ.

— Да вотъ Богъ послалъ наказанье, отвѣчалъ Александръ Павлычъ по-французски, довольно дерзко указывая на просителя. А вы—не по дѣлу ли?

Баламутовъ началъ по-французски объяснять свои желанія относительно охоты. Муходавлевъ внимательно его слушалъ, оставивъ помѣщика безъ всякаго вниманія. Помѣщикъ смотрѣлъ на нихъ, саркастически улыбаясь.

— Я очень радъ, очень радъ, поспѣшилъ отвѣтить Александръ Павлычъ Баламутову:—эта охота будетъ очень пріятна; а для разныхъ порученій вашихъ я вамъ дамъ чиновника вы можете его сдѣлать своимъ *maître d'hôtel*'емъ.

Баламутовъ поблагодарилъ за вниманіе и удалился.

ГЛАВА IV.

Баламутовы, казалось, подрядились ежеминутно занимать собою бѣловодское общество. Не успѣли они сдѣлать всѣ необходимые визиты и тѣмъ возбудить толки, какъ вниманіе всѣхъ было обращено на необыкновенныя приготовленія, дѣлаемыя въ казенномъ саду для охоты, затѣваемой празднымъ воображеніемъ Баламутовыхъ и бѣловодскихъ аристократовъ.

Прикомандированный къ Баламутовымъ для исправленія должности дворецкаго (а какъ скандальная хроника Бѣловодская говоритъ, для того, чтобы Муходавлеву имѣть при г-жѣ Баламутовой своего клеврета), чиновникъ Ѳедотъ Захарычъ Мироновъ леталъ изъ одного конца города въ другой и съ самымъ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ возилъ въ садъ, то какую нибудь ткань для обивки стѣнъ устроенной въ саду кофейни, то огромный ящикъ съ посудой, или просто ѣздилъ такъ, съ пустыми руками. Носовъ, на половину потерявшій свое значеніе, сильно косился на новаго дворецкаго и не шутя собирался отломать ему бока, чтобъ впредь онъ не ходилъ въ лакейскія должности.

— Нѣтъ, думалъ Носовъ,—если такъ все будетъ, такъ лучше убираться за добра-ума, пока не выгнали. Надо поискать, нѣтъ ли хорошей полицейской должности.

Варвара Петровна Баламутова, разъ захотѣвъ веселиться, уже не могла остановиться и съ каждымъ днемъ выдумывала новыя затѣи. Приготовленія къ охотѣ еще не кончились, какъ случайно ей пришла въ голову другая мысль, за которую она принялась еще съ большимъ жаромъ, ибо эта мысль была ея изобрѣтеніемъ.

Около недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Варвара Петровна кончила свои визиты; къ ней утромъ пріѣхалъ Муходавлевъ, раздушенный, разфранченный до нельзя, только что прогнавшій отъ себя правителя канцеляріи съ скучными бумагами, чтобы ѣхать къ Баламутовой.

Варвара Петровна жаловалась гостю, что ей рѣдко достается удовольствіе его видѣть. Гость пришелъ въ большой восторгъ отъ этого лестнаго для него полупризнанія.

— Надо непремѣнно устроить что нибудь такое, что̀ бы соединило общество и давало бы мнѣ случай часто васъ видѣть, кокетничала Баламутова.

— О, будьте увѣрены, что съ этимъ условіемъ я на все готовъ, съ жаромъ отвѣчалъ любезный начальникъ губерніи.

— Чтожь бы мнѣ затѣять? въ раздумьи спрашивала неизобрѣтательная Баламутова.

И хозяйка, и гость задумались.

— Развѣ пока до охоты устроить большую кавалькаду? спросила Варвара Петровна: я бы выбрала васъ своимъ *cavalier servant*.

Но Муходавлеву это предложеніе не улыбалось: онъ до сихъ поръ еще ни разу не съумѣлъ удержаться верхомъ на лошади, даже заранѣе объявилъ Баламутову, что онъ на предполагаемой охотѣ останется съ дамами и не поѣдетъ ни за что верхомъ.

— Э, нѣтъ, *madame Balamoutoff*, этого нельзя: мнѣ, согласитесь, невозможно скакать гусаромъ въ какой нибудь кавалькадѣ.

— Даже и со мной? съ неудовольствіемъ проговорила Баламутова.

— Но я начальникъ губерніи.

— Ахъ, Боже мой, великая важность! Вонъ генералы есть постарше васъ, да ѣздятъ же верхомъ.

— Да они военные: имъ необходимо ѣздить, усовѣщивалъ Муходавлевъ.

Варвара Петровна была чрезвычайно недовольна, надула губки и промолвила почти со слезами на глазахъ:

— Вы никогда не хотите *для меня* ничего сдѣлать, а вотъ для Анны Ивановны Рыковой вы бы все сдѣлали.

Муходавлевъ нѣсколько сконфузился и подумалъ:

— Чортъ ее знаетъ, откуда она узнала!

Валерія Михайловна замѣтила его смущеніе и рѣшилась идти дальше.

— Ну хорошо, если губернаторская важность не позволяетъ вамъ сѣсть верхомъ на лошадь, такъ я выдумаю что нибудь другое и посмотримъ, какъ вы на это не согласитесь!

— Что такое? съ безпокойствомъ спросилъ Александръ Павлычъ.

— Заранѣе говорю вамъ, что если вы не исполните и этого желанія моего, то уже не ждите отъ меня ни малѣйшаго снисхожденія.

Муходавлевъ нахмурился: онъ стоялъ между двухъ весьма сильныхъ огней: съ одной стороны губернаторскій *quant à soi*, а съ другой снобичность, которая громко требовала отъ него сохраненія титула любезнаго кавалера.

— Что же такое? переспросилъ онъ еще съ большимъ безпокойствомъ.

— Я хочу затѣять благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, и вы будете играть! съ торжествующимъ видомъ проговорила хозяйка.

— Но... заикнулся-было Муходавлевъ.

— Со мною въ одной пьесѣ, кокетливо перебила его Баламутова: я *jeune première*, а вы мой *jeun premier*.

Александръ Павлычъ совершенно растаялъ и, оглянувшись по сторонамъ, крѣпко поцаловалъ хорошенькую ручку, которую протягивала ему Варвара Петровна.

— Вы дѣлаете со мной все, что̀ хотите, проговорилъ онъ съ особенною любезностью.

— А *Annette* Рыкова, тоже дѣлаетъ съ вами все, что̀ хочетъ? кокетничала Баламутова.

Муходавлева какъ кипяткомъ обварило отъ этого вопроса.

— Ну полно, полно, не конфузьтесь, успокоивала его Баламутова: — такъ вы играете со мной?

— Разумѣется.

— *Merci!* и Варвара Петровна еще кокетливѣе прежняго протянула руку.

Но гостю было не до того: онъ очень хорошо чувствовалъ, что если ему неприлично ѣздить верхомъ, то еще неприличнѣе играть на сценѣ, и какую же роль? перваго любовника; онъ чувствовалъ, что онъ дѣлаетъ глупость, и въ душѣ давалъ себѣ честное слово какъ нибудь, всѣми неправдами отдѣлаться отъ чести играть роль *jeun premier* г–жи Баламутовой, по крайней мѣрѣ на сценѣ.

Какъ только Муходавлевъ уѣхалъ, чрезвычайно недовольный собой, Варвара Петровна послала просить къ себѣ жившаго зиму въ Бѣловодскѣ помѣщика князя Чепухинскаго, котораго специальность состояла въ томъ, что онъ ѣздилъ съ женою изъ города въ городъ и вездѣ устраивалъ благородные спектакли, на которыхъ всегда игралъ роль первыхъ комиковъ.

Князь, который за тысячу верстъ чуялъ благородный спектакль, сейчасъ же прiѣхалъ къ Баламутовой.

Это былъ мущина высокаго роста, лѣтъ пятидесяти, съ необыкновенно живыми тѣлодвиженiями и непомѣрной претензiей на всегдашнiй комизмъ.

Варвара Петровна приняла князя съ неподдѣльною радостью и тотчасъ же объявила, что хочетъ устроить благородный спектакль. Князь тотчасъ же взялся быть режиссеромъ и принялся съ Варварой Петровной набирать труппу.

— Въ труппу мнѣ надобно, во-первыхъ, четырехъ любовницъ, началъ князь, который любилъ дѣлать дѣла *en grand*.

— Гдѣ жь это мы столько возьмемъ? въ недоумѣніи подумала вслухъ Варвара Петровна.

Князь Петръ злобно посмотрѣлъ на женщину, осмѣливающуюся сомнѣваться въ его способности устроивать благородныя труппы, и сердито отвѣчалъ:

— Гдѣ найдемъ? разумѣется, въ Бѣловодскѣ, а не въ Парижѣ! Первая любовница — вы, вторая — жена моя, третья—Тычкина, четвертая—Рыкова! Вотъ и нашелъ, а вы еще спрашиваете, гдѣ найдешь?

— Что вы, что вы, князь? почти закричала хозяйка; ну, положимъ, я и княгиня — такъ; но Тычкина не нашего общества; лучше бы жену предводителя.

— Толста, коротка и неповоротлива, — объявилъ князь; а та будетъ фильеточекъ играть.

— Ну-съ, надо двухъ любовниковъ, продолжалъ требовательный князь.

— Муходавлева непремѣнно въ любовники возьмите, потребовала наивная Варвара Петровна.

— А развѣ онъ будетъ играть? недовѣрчиво спросилъ князь Петръ.

— Конечно, со мной: онъ перваго любовника, а я первую любовницу, какъ вы ихъ называете,—проговорила Баламутова, нѣсколько покраснѣвъ.

— Муходавлевъ будетъ играть? переспросилъ скептикъ Чепухинскій.

— Ну да, что жь такое?

— Да какъ же это? а въ губернаторской-то ложѣ кто же будетъ сидѣть!

— Ахъ, какой вы, князь, скучный! вскрикнула Баламутова:— какъ, кто? да никто не будетъ сидѣть!

— Нельзя этого.

— Отчего же нельзя?

— Представительности, парада того не будутъ, отвѣчалъ князь, большой формалистъ: — губернаторъ всегда долженъ сидѣть въ срединѣ, на то и губернаторская ложа называется, — прибавилъ онъ серьёзно.

Чтобы отвязаться отъ докучнаго формалиста, Варвара Петровна объявила, что во время тѣхъ пьесъ, гдѣ будетъ участвовать Муходавлевъ, его мѣсто въ ложѣ будетъ занято вице-губернаторомъ.

— Да все, какъ же это? повторялъ князь въ раздумьи:—губернаторъ тутъ, а на его мѣстѣ вице-губернаторъ! Нехорошо! — Ну, да пусть будетъ такъ, рѣшилъ онъ наконецъ, увидѣвъ, что безъ участія молодаго губернатора, Баламутова можетъ охладѣть къ театру, и тогда—прощай благородный спектакль.

— Ну, а ктожь другой-то любовникъ? а? какъ вы думаете? началъ опять князь.

— У губернатора возьмемъ кого нибудь изъ чиновниковъ особыхъ порученій, отвѣчала изобрѣтательная Варвара Петровна:— эти чиновники особыхъ порученій всегда такіе *comme-il-faut.*

— Только не у насъ! Наши не годятся, объявилъ князь:—всѣ такіе волы, что Боже упаси! въ каждомъ по пятнадцати пудовъ будетъ! Вѣдь Мухoдавлевъ еще не успѣлъ своего штата составить, набрать поджарыхъ-то.

— Какъ же быть? въ раздумьи проговорила Баламутова.

— Есть одинъ молодой чиновникъ особыхъ порученій, Хлопушкинъ....

— Кто это такой Хлопушкинъ? порядочный? говоритъ по-французски? засыпала вопросами Варвара Петровна своего собесѣдника.

— Какъ же, какъ же, приличный: онъ родственникъ Мухoдавлева, пояснилъ князь:—одно только, есть ли въ немъ талантъ? онъ такой, кажется, не умный!

— Ахъ, Боже мой! вскричала Варвара Петровна; что̀ вы, князь? Родственникъ Мухoдавлева, слѣдовательно аристократъ, молодой человѣкъ, и не годится на благородный спектакль! это невозможно!

Князь пришелъ въ азартъ.

— Вы думаете, что благородный спектакль пустяки? что тутъ можно такъ, безъ таланта быть? что тутъ всякій профанъ, котораго въ хористы не возьмутъ ни въ одну труппу, годится на первыя роли? Ошибаетесь, сильно ошибаетесь. Здѣсь также нуженъ сильный талантъ! Неужели вы думаете, что мнѣ, таланту первостепенному, весело играть съ такимъ дуракомъ, что ни въ зубъ толкнуть? Ошибаетесь! Это такая каторга, что не приведи Богъ!

Варвара Петровна была рѣшительно подавлена такимъ ужаснымъ потокомъ словъ: какъ всякая капризная женщина, она притихала передъ тѣмъ, кто, какъ говорится, хоть колъ ему теши на головѣ, а ужь не уступитъ, все будетъ кричать свое.

Увидя эффектъ, произведенный на слушательницу этой грозной филиппикой, князь остановился, перевелъ духъ и болѣе покойнымъ тономъ объявилъ ей:

— Оно бы ничего, можно бы и его взять,—да дѣло въ томъ, что онъ на слѣдствіи въ уѣздѣ.

— На какомъ слѣдствіи? что такое слѣдствіе? допрашивала Варвара Петровна, при которой законы не были писаны.

— Какъ, что такое слѣдствіе? да такъ, слѣдствіе—слѣдствіе и есть! началъ объяснять князь Чепуховскій:—украдетъ или убьетъ кого какой нибудь мужикъ, или тамъ мертвое тѣло найдутъ, вотъ чиновникъ и ѣдетъ слѣдствіе производить, спрашиваетъ другихъ мужиковъ, къ присягѣ арестантовъ приводитъ.

— Ахъ, бѣдненькій Хлопушкинъ! воскликнула сердобольная Варвара Петровна — мертвое тѣло, мужики, арестанты.... *Quelle horreur!* Воображаю, въ какомъ ужасномъ положеніи долженъ быть *un aristocrate* на слѣдствіи.

— Да-съ, скверное положеніе, поддакнулъ князь, который былъ большой охотникъ дѣлать изъ мухи слона.

— Надо непремѣнно попросить Муходавлева, чтобы онъ позволилъ этому молодому человѣку возвратиться сюда, а слѣдствіе можетъ произвести и дрянь какая нибудь.

— Совершенно справедливо-съ, рѣшилъ князь.

— Но возвратимся къ труппѣ: кто будетъ у насъ первый комикъ?

— Комикъ я, рѣзко объявилъ князь.

— Конечно вы, вы, несравненный князь! въ восторгѣ, Богъ знаетъ отчего, вскрикнула Варвара Петровна.

— Втораго комика надо поискать, продолжалъ князь, потирая лобъ:—ктобъ это былъ здѣсь второй комикъ?

— Да послѣ сыщемъ, князь, перебила его Варвара Петровна, которой уже порядкомъ надоѣло набираніе труппы.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ князь, которому очень хотѣлось остаться одному комикомъ, чтобы занимать всѣ до одной комическія роли.

— Ай, ай, ай, забылъ, вдругъ вскрикнулъ онъ:—а кто же будутъ комическія старухи, благородные отцы?

Баламутова тоже задумалась вмѣстѣ съ княземъ.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ относительно старухъ и отцовъ рѣшить было довольно мудрено: въ провинціальномъ городѣ врядъ

ли можно сыскать даму, принадлежащую къ обществу, которая бы рѣшилась быть комической старухой, да и благородные отцы, какъ извѣстно, тоже не большіе охотники до такихъ продѣлокъ и рѣшительно предпочитаютъ преферансъ съ табелькой сценическому искусству.

— Знаете, кого возьмемъ въ отцы? воскликнулъ наконецъ князь, щолкнувъ даже пальцами отъ удовольствія, что вопросъ этотъ рѣшается:—онъ же можетъ быть и резонеромъ! — Котова, товарища предсѣдателя уголовной палаты, вотъ кого возьмемъ.

Баламутова поморщилась.

— Я слышала, что онъ сплетникъ большой, сказала она.

— Ну чтожь, что сплетникъ? велика важность!

— Какъ, велика важность! про него здѣшняя аристократія ужасы говоритъ! Говорятъ, у него друзья есть писатели, такъ онъ имъ передаетъ всякое происшествіе изъ высшаго круга, а они, вообразите, печатаютъ!

— Такъ здѣсь есть писатели? и печатаютъ? съ необыкновенною живостію спросилъ князь.—Это прекрасно! Вотъ бы адресоваться, чтобы для насъ новенькихъ водевильчиковъ написали.

— Да, это было бы хорошо, возразила Баламутова:—но эти писатели удаляются изъ нашего общества, живутъ, какъ медвѣди, въ своихъ берлогахъ, и знаются только съ своимъ кружкомъ. И потомъ Богъ знаетъ, что они за люди? *Sont-ils seulement nobles?*

— Ну вотъ это-то нехорошо! отвѣчалъ князь; а Котова-то все-таки возьмемъ.

— Да онъ такой странный, неуклюжій....

— Э, ничего,—на сценѣ выломается.

— А ужь если заговоритъ, то, говорятъ, ничего понять нельзя; какъ сумасшедшій какой! Онъ даже, говорятъ, на какой-то политической экономіи помѣшался. Это мнѣ говорилъ самъ Муходавлевъ; онъ вѣдь, вы знаете, всѣ науки знаетъ.

— На политической экономіи?... прошепталъ князь:—стало этотъ Котовъ, какъ ихъ называютъ, коммунистъ?

— Да, вотъ вы видите! съ торжествующимъ видомъ сказала Баламутова.

— Это ничего, рѣшилъ князь:—когда губернаторъ будетъ съ нами, то уже насъ ни въ чемъ не заподозрятъ! А безъ Котова нельзя!

Баламутова покорилась необходимости.

— Въ старухи-то кого же? началъ опять неумолимый князь.

— Полицмейстершу можно, нерѣшительно проговорила Варвара Петровна: она нѣсколько побаивалась крутаго режиссера.

— Нельзя, объявилъ тотъ:—она женщина представительная, ее надо для выходовъ: королеву тамъ какую нибудь, герцогиню ли отхватать!

— Ну, кого же?

— Вотъ Марью Петровну можно.

— Какъ можно? она обидится! отвѣчала испуганная Варвара Петровна: — она любитъ молодиться.

— Ей-то, такой толстой бабѣ? объявилъ невѣжливый режиссеръ.

Баламутова въ отвѣтъ только пожала плечами.

— Ну, такъ первыя любовницы поочередно будутъ старухами, рѣшилъ князь и началъ прощаться.

— Куда же вы, князь? удерживала его хозяйка.

— Какъ куда? выбирать пьесы, отвѣчалъ горячій театралъ. А вечеромъ къ вамъ пораньше пріѣду.

— Пожалуйста.

— А ктожь у насъ будетъ кассой завѣдывать, деньги выдавать? спросилъ пунктуальный князь, возвращаясь уже отъ двери.

—Расходы мои, отвѣчала Баламутова:—такъ я поручу моему мужу.

— Отлично! воскликнулъ князь:—велите же ему по моимъ запискамъ отпускать деньги.

— О будьте покойны, отвѣчала Баламутова:—безъ разсужденій будетъ платить.

— Вы настоящая аристократка, объявилъ князь:—съ вами пріятно дѣло имѣть!

Баламутова очень мило улыбнулась этому комплименту и, проводивъ князя, отправила сейчасъ же крѣпостнаго курьера съ записками къ участникамъ предположеннаго спектакля.

Курьеръ отправился уже съ полчаса, какъ Варварѣ Петровнѣ подали слегка надушенную записку, запечатанную облаткой съ вензелемъ подъ короной.

— Отъ кого? спросила она.

— Отъ Александра Павлыча Муходавлева, торжественно объявилъ лакей.

Варвара Петровна поспѣшила распечатать съ легкимъ волненіемъ въ душѣ.

Мухордавлевъ писалъ, что онъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ принялъ бы участіе въ предполагаемомъ спектаклѣ, но къ несчастію въ Бѣловодскъ должень на дняхъ пріѣхать полковникъ князь Тараканов и что ему, губернатору, нужно при немъ sauver les apparences; черезъ двѣ же недѣли должень проѣжать генералъ-губернаторъ, и ему рѣшительно не будеть времени заняться ролями своими. Въ заключеніе Мухордавлевъ просилъ позволенія замѣнить себя своимъ родственникомъ Хлопушкинымъ, который будетъ на дняхъ, ибо ему уже послано предписаніе сдать слѣдствіе другому и явиться сейчасъ же въ губернскій городъ играть на благородномъ театрѣ. Наконецъ Мухордавлевъ просилъ позволить ему быть ежедневно на репетиціяхъ: «такимъ образомъ, прибавлялъ онъ, не играя, я не буду отвлекаться отъ удовольствія быть подлѣ васъ постоянно и восхищаться вашимъ прелестнымъ талантомъ.»

Варвара Петровна, въ первыя минуты по прочтеніи письма, чуть было не умерла отъ злости. Она уже хотѣла разстроить, бросить и спектакли и все.... Но черезъ часъ злость начала уступать мѣсто спасительному хладнокровному разсужденію и спектакль уцѣлѣлъ, — по той причинѣ, что Баламутова больше всего боялась, чтобы не сказали въ городѣ, что она не съумѣла, не могла устроить затѣяннаго. Вторая причина, тоже весьма важная, спасла затѣю Варвары Петровны: она боялась, чтобы кто нибудь не подхватилъ ея мысль и не привелъ въ исполненіе безъ нея.

Вечеромъ, часовъ въ 9, къ Баламутовой съѣхались всѣ, приглашенные участвовать въ спектаклѣ. Изъ пожилыхъ аристократовъ никого не было: имъ дѣлать было бы нечего; даже самъ Баламутовъ, участвовавшій въ труппѣ въ качествѣ кассира, уѣхалъ къ Ивану Михайлычу—покушать и поговорить объ ѣдѣ.

Губернаторъ пріѣхалъ: онъ считался молодымъ человѣкомъ. Баламутова приняла его такъ сухо, такъ неласково, что тотъ почувствовалъ себя въ очень неловкомъ положеніи и отъ души обрадовался, увидя Рыкову, которая выразительно поглядывала на него. Онъ подсѣлъ къ ней и мигомъ избавился отъ неловкости положенія. Баламутова увидѣла это сближеніе и поблѣднѣла отъ злости.

Между тѣмъ князь Чепухинскій, усѣвшись за круглымъ столомъ гостиной, на который навалилъ нѣсколько десятковъ привезенныхъ имъ книгъ, приступилъ къ своему дѣлу.

— Я предлагаю, господа, сыграть по крайней мѣрѣ пятнадцать спектаклей въ зиму, началъ проповѣдывать князь, никогда не довольствовавшійся малымъ.

Всѣ возстали противъ него и первая Баламутова: никому не хотѣлось превращать удовольствіе въ работу.

— Мы вѣдь не настоящія актрисы, чтобы не сходить съ подмостокъ! вскричала Рыкова.

Баламутова никакъ не могла пропустить случая кольнуть свою опасную соперницу и тотчасъ же, по-женски, быстро, перешла на сторону театрала.

— Впрочемъ я согласна съ княземъ, объявила она въ отвѣтъ Рыковой:—вѣдь играть мы будемъ въ пользу бѣдныхъ, такъ чѣмъ больше мы соберемъ денегъ, тѣмъ лучше. Если же кому нибудь не угодно будетъ участвовать въ нѣкоторыхъ спектакляхъ, то мы принуждать не станемъ,—прибавила она съ самой любезной и въ тоже время ядовитой улыбкой, обращаясь къ Рыковой:—вы можете выбрать себѣ *cavalier causant* и сидѣть съ нимъ, пока мы будемъ заняты дѣломъ.

Рыкова посоловѣла отъ бѣшенства, которое было необходимо подавить; у Муходавлева нижняя губа оттопырилась на вершокъ, всѣ дамы переглянулись.

— Ну, князь, начинайте выбирать репертуаръ, сказала Баламутова, почувствовавшая наконецъ неловкость своей выходки.

— Пишите «спектакль первый»,—проговорилъ князь начальническимъ тономъ товарищу предсѣдателя, который протянулъ уже пальцы, вооруженные карандашемъ и украшенные огромнымъ перстнемъ съ красною гербовою печатью.

— Написали? переспросилъ князь.

— Да.

— «Въ людяхъ ангелъ не жена», диктовалъ князь, потирая въ раздумьи лобъ, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что вы, что вы, князь? накинулись на него всѣ присутствующіе:—такая старина! такая пошлость!

— Нѣтъ, выберите модную пьесу, князь, говорила Баламутова.

— Выберите пьесу поживѣй, вотъ хоть «Взаимное обученіе»,—я буду швею играть, кричала легкомысленная Рыкова.

— Я предлагаю «Предубѣжденіе» Львова,—проповѣдывалъ Котовъ: — я буду играть становаго.

Князь Петръ чуть было не оглохъ и принужденъ былъ зажать уши.

Долго продолжались споры, долго раздавались самыя разнообразныя, противорѣчащія одно другому мнѣнія, пока наконецъ не склеили кой-какъ перваго представленія. Всѣмъ примадоннамъ хотѣлось участвовать въ первомъ спектаклѣ, всѣ онѣ при этомъ требовали самыхъ эффектныхъ ролей, потому спектакль этотъ вышелъ необыкновенно длиненъ и черезъ чуръ разнообразенъ. Князь Петръ, приверженецъ старины, выбралъ для себя водевиль «А и Ф», Рыкова по легкости нрава и поведенія потребовала водевиля съ переодѣваньемъ, а Баламутова настаивала, во что бы то ни стало, на французскомъ водевилѣ. Но оказалось, что князь Петръ французскаго языка не зналъ и такъ какъ онъ былъ единственный комикъ труппы, то и водевиль не состоялся. Баламутова рѣшительно стала въ-тупикъ: русскихъ пьесъ она не знала ни одной, да и играть-то въ русской пьесѣ ей казалось совершенно неприличнымъ, а французскія не шли....

— «Предубѣжденіе» давайте играть, *M-me Balamoutoff*,—ломилъ все свое соціальный товарищъ предсѣдателя:—надо играть пьесы съ общественнымъ, современнымъ значеніемъ! пояснилъ онъ причину своего выбора.

— *Qu'est-ce que ce* «Предубѣжденіе»? спросила Баламутова.

— Въ этой пьесѣ генеральская дочка влюбляется въ становаго и выходитъ за него.

— *Quelle horreur!* вскрикнула Баламутова, нешутя разобиженная:—*quelle horreur!* становой приставъ женится на генеральской дочери! Это Богъ знаетъ, что такое! *C'est une démoiselle impermise*, — кричала Варвара Петровна, совершенно покраснѣвъ:—и мнѣ предлагать подобную роль!

Дама была неутѣшна, такъ что Муходавлевъ сжалился надъ ней и подъѣхалъ съ объясненіями и утѣшеніемъ; но былъ принятъ весьма сурово и возвратился назадъ къ Рыковой.

— Ну, поставимъ «Чиновника»,—предложилъ князь Петръ, котораго неудача Котова сдѣлала не много болѣе осторожнымъ; разсердить Баламутову было совсѣмъ не весело.

— Что это такое? начала свой обычный допросъ Варвара Петровна.

— Комедія графа Сологуба, отвѣчалъ князь.

Графа? вскричала Баламутова, *ça doit être très-joli*! Графа сочиненье, *c'est interessant*! Какую же я буду роль играть?

— Графини, разумѣется! воскликнулъ князь, обрадовавшійся тому, что наконецъ нашлась пьеса, которая была по вкусу Баламутовой.

— Графини! радостно воскликнула Варвара Петровна. — *C'est magnifique*, я согласна! Что же это за роль?

Князь Петръ вкратцѣ разсказалъ ей содержаніе роли.

Баламутова задумалась.

— Ахъ, какая прелестная роль! задумчиво проговорила она: — *tout-à-fait comme moi!* Графиня выходитъ за простаго, за Надимова, — я тоже вышла за *Grégoir'а*....

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Баламутовой при горестномъ воспоминаніи о потерѣ княжескаго титула.

Роль графини была ею принята съ восторгомъ, такъ что возбудила даже зависть остальныхъ дамъ.

Роль Надимова очень хотѣлось взять на себя Котову, но князь Петръ рѣшительно объявилъ ему, что онъ опредѣленъ въ труппу благороднымъ отцомъ или резонеромъ, но что никоимъ образомъ не годится въ любовники. На все согласный Котовъ покорился, и Надимовымъ заочно назначенъ Хлопушкинъ, котораго губернаторъ далъ слово избавить на все время спектаклей отъ всякихъ слѣдствій и порученій.

Одна Тычкина не получила еще главной роли и не очень бы и заботилась объ этомъ: къ чести ея надо сказать, что въ ней не было глупой фанаберіи губернскихъ аристократокъ. Но съ другой стороны супругъ ея былъ набитъ гордостью до нельзя и, конечно, узнавъ, что женѣ его не дали главной роли, запретилъ бы ей играть.... надо было и ей придумать главную роль.

— «Буку» давайте поставимъ! крикнулъ князь, расчитывавшій на эффектную комическую роль: — а вы, Александра Николаевна «Елагинскую» будете играть! славно отхватаемъ!

Но «Буку» забраковали общимъ голосомъ вслѣдъ за Баламутовой, которая нашла неприличнымъ волокитство старика за кокетливой вдовой.

— Лучше «Буки» не найдете ничего, — вопилъ что-на-есть силы князь, стараясь перекричать всѣхъ гостей, разомъ говорившихъ.

— Мнѣ тоже хочется переодѣваться, какъ и *M-me* Рыковой! вскричала юная и неопытная полковница.

— А когда такъ, такъ играйте «Полковника старыхъ временъ»! Вотъ и переодѣваться будете въ роли полковника, объявилъ князь Петръ, имѣвшій неистощимую память по части театральной.

— *Quelle idée*! укоризненно проговорила Баламутова, обращаясь къ Тычкиной:—вашъ мужъ не позволитъ вамъ играть «Полковника старыхъ временъ.»

— Полковника? возразила наивная Александра Николаевна:—нѣтъ, полковника позволитъ, онъ самъ полковникъ; вотъ поручика какого нибудь я бы и сама не взяла.

Баламутова презрительно закусила губы.

Однако тѣмъ дѣло и рѣшилось: первый спектакль былъ назначенъ, роли розданы, розданы и книги для списыванія ролей! Первая репетиція назначена черезъ нѣсколько дней и гости разъѣхались чрезвычайно довольные судьбой, приведшей въ ихъ городъ такую общественную увеселительницу, какъ Баламутова. Но Варвара Петровна была очень недовольна: она подмѣтила кое-что между Муходавлевымъ и Рыковой и выходила изъ себя отъ ревности. Разумѣется, это непріязненное чувство оборвалось на несчастномъ мужѣ.

ГЛАВА V.

— Послушай, Сашетъ, прилично ли, душа моя, чтобы въ моемъ чинѣ жена моя играла на сценѣ, какъ какая нибудь актриса? говорилъ Тычкинъ своей женѣ, въ интимномъ разговорѣ съ нею.

— Да вѣдь это, благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, возразила супруга самымъ мягкимъ и нѣжнымъ тономъ, какой только она могла принять.

— Ну, благородный онъ тамъ, или нѣтъ,—все равно; а все-таки прилично ли? настаивалъ Тычкинъ и, состроивъ серьёзную и важную мину, началъ ерошить рѣдкіе остатки сѣдыхъ волосъ съ затылка на лысину и потомъ проговорилъ нѣсколько таинственно:—вѣдь ты, душа моя, полковница, не уронить бы тебѣ себя.

— Да вѣдь это въ пользу бѣдныхъ, заикнулась было полковница.

— Эхъ, матушка, что за бѣдные! чортъ съ ними. Вѣдь ты полковница! перебилъ ее супругъ.

Александра Николаевна ничего не сказала, только надулась и чуть-чуть не заплакала.

Тычкинъ увидѣлъ горестное положеніе супруги и такъ какъ онъ былъ человѣкъ отъ природы очень добрый, да притомъ и самый конфиденціальный разговоръ съ молоденькой и хорошенькой женою располагалъ его къ нѣжнымъ ощущеніямъ, то онъ и ощутилъ какую-то нравственную неловкость, увидя ея горе. Онъ быстро заходилъ изъ угла въ уголъ, не зная, на что рѣшиться.

— Кто жь тамъ у васъ играетъ кромѣ тебя? наконецъ спросилъ онъ.

Тычкина назвала всѣхъ участвующихъ.

А-а-а! все аристократія! протянулъ полковникъ, а самъ подумалъ:

— Однако это хорошо, что нѣтъ ни одного инженера!

Тычкинъ терпѣть не могъ инженеровъ и по аналогіи ревновалъ ихъ мундиръ къ женѣ. Ему какъ-то причудилось, что одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ не только ухаживаетъ, но даже счастливо ухаживаетъ за его женой; вслѣдствіе того онъ возненавидѣлъ весь корпусъ инженеровъ.

— Ну, въ такомъ обществѣ, я думаю, можно играть и полковницѣ,—рѣшилъ онъ наконецъ послѣ нѣкотораго размышленія.

Александра Николаевна просіяла и бросилась цаловать стараго мужа, (это тоже, какъ извѣстно, своего рода подкупъ, совращающій человѣка съ пути истиннаго).

— Въ какой же ты пьесѣ будешь играть? допрашивалъ полковникъ, у котораго отъ поцалуевъ вся кровь хлынула въ голову.

— Въ «Полковникѣ старыхъ временъ», отвѣчала нѣжная жена.

— А какую роль?

— Самого полковника.

— Полковника? переспросилъ удивленный Тычкинъ:—какъ полковника? Да развѣ встарину бабы были полковниками? — Тычкинъ даже нѣсколько обидѣлся, будучи самъ полковникомъ.

Александра Николаевна поспѣшила его успокоить и разсказала содержаніе своей роли, которую она уже успѣла переписать потихоньку отъ мужа, такъ какъ его разрѣшеніе не было еще получено.

Тычкинъ задумался.

— Полковника!... промолвилъ онъ, ероша затылокъ; полковника-то бы еще ничего..... я самъ полковникъ; да какъ же это переодѣваться-то? Вѣдь это неприлично, душа моя,

— Да отчего же, неприлично? настаивала жена.

— Помилуй, матушка, какъ что? Просто индесантно! фалды узенькія у старыхъ мундировъ, просто ни на что не похоже!

Полковникъ презрительно пожалъ плечами.

Тычкина увидѣла, что дѣло плохо, и поспѣшила объявить мужу, что индесантнаго ничего въ мужскомъ костюмѣ нѣтъ, что сама Рыкова, на что ужь свѣтская, и та будетъ переодѣваться, наконецъ успокоила его тѣмъ, что полковникъ въ водевилѣ не русскій, а французскій, и носитъ не мундиръ съ узенькими фалдами, а кафтанъ. Тычкину захотѣлось увидѣть свою супругу молодымъ полковникомъ и онъ согласился на то, чтобы она играла эту роль.

— Ну, а эполеты-то тебѣ какіе надо? приставалъ онъ къ ней; — если серебряные, такъ я тебѣ свои дамъ.

Но полковница отказалась отъ серебряныхъ эполетъ и вдругъ задумалась: ей пришла на умъ недостаточность состоянія ея мужа; она вспомнила, что надо будетъ дѣлать слишкомъ большія издержки.

— Чего же ты задумалась, Сашетъ? спросилъ мужъ.

— Я думаю, что эти спектакли слишкомъ дорого намъ обойдутся, а денегъ нѣтъ, — не лучше ли отказаться?

Тычкинъ сначала остолбенѣлъ отъ такаго неожиданнаго намѣренія супруги, потомъ разсердился.

— Что ты, матушка, съ ума что ли сошла? закричалъ онъ — какъ можно отказываться? весь высшій кругъ играетъ. Какъ можно? Послѣ этого скажутъ, что мы мѣщане, — испугались расходовъ.... Ни, ни, ни! И не думай отказываться!

— А денегъ-то гдѣ взять?

— Достану, матушка, — это не твое дѣло.

— Да вѣдь тебѣ еще нужно тысячу рублей долгу заплатить по твоему заемному письму.

— Подождутъ, — не велики господа!

— Да ты далъ честное слово отдать черезъ недѣлю? допекала своего безтолковаго супруга Александра Николаевна.

— И, полно пожалуйста! вскричалъ Тычкинъ такимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ ребенкомъ. — Кто же исполняетъ эти честныя слова?

Александра Николаевна въ недоумѣніи посмотрѣла на своего супруга.

— Не думай ни о чемъ, твердилъ Тычкинъ: — достану денегъ.

— У кого? недовѣрчиво переспросила Александра Николаевна.

— У старика Бѣляева, хладнокровно отвѣчалъ полковникъ.

— Ты вѣдь тамъ какое-то слѣдствіе надъ нимъ производишь, съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорила жена.

— Гм, такъ чтожъ? Съ него-то и брать, отвѣчалъ циническій полковникъ.

Полковница замолчала. Такъ почти всегда кончались добрыя проявленія этой не совсѣмъ еще испорченной натуры.

Николай Филипычъ Рыковъ точно такъ же полагалъ, что ему нельзя и не должно, по занимаемому имъ мѣсту, отставать отъ другихъ; а такъ какъ служебная дѣятельность была единственнымъ источникомъ дохода Рыкова, то онъ въ одно прекрасное утро послалъ за своимъ чиновникомъ, который былъ секретнымъ агентомъ его и, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ подчиненныхъ, пользовался нѣкоторою снисходительностью, хотя даже эта снисходительность и это довѣріе не спасали клеврета-чиновника отъ дерзкихъ и часто пошлыхъ выходокъ Николая Филипыча.

Чиновникъ вошелъ въ кабинетъ и низко поклонился. Николай Филипычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, для поддержанія своей предсѣдательской важности, схватилъ и развернулъ кверху ногами лежавшую на его столѣ безъ употребленія книгу, притворившись, что не видитъ и не замѣчаетъ вошедшаго чиновника. Постоявъ минутъ съ десять, чиновникъ, котораго въ палатѣ ожидала куча дѣлъ, осмѣлился кашлянуть для привлеченія на себя начальническаго вниманія. Рыковъ вздрогнулъ, какъ будто бы испугался и, съ негодованіемъ взглянувъ на чиновника, строго спросилъ.

— Что это значитъ? Что вы тутъ дѣлаете, что вамъ нужно?

— Виноватъ-съ, пробормоталъ чиновникъ, — тамъ въ прихожей какіе-то люди дожидаются, такъ я полагалъ....

— Крестьяне! заговорилъ Рыковъ еще строже. Такъ и нужно безпокоить меня для всякаго? Это вы вѣрно въ своихъ журналахъ вычитываете этакія новости?

— Виноватъ, безъ вины виноватъ, говорилъ хладнокровно чиновникъ.

— Вы всегда виноваты! кричалъ Рыковъ. Но это мнѣ наконецъ надоѣстъ и я васъ выгоню.... Ступайте къ своему дѣлу и оставьте меня въ покоѣ,

Чиновникъ поклонился и медленно пошелъ къ двери.

— Да, я чуть было не забылъ! крикнулъ вслѣдъ ему Николай Филипычъ: — я вѣдь васъ по нужному дѣлу требовалъ.

— Чего изволите-съ? поспѣшилъ спросить чиновникъ, быстро обернувшись.

— Нынѣшнюю зиму, вы знаете, наше общество, то есть высшее общество, намѣрено сильно веселиться, такъ мнѣ, понимаете, нужно будетъ вдвое больше денегъ, чѣмъ обыкновенно; понимаете?

— Слушаю-съ, бойко отвѣчалъ опытный чиновникъ.

— Такъ я вамъ дамъ какую нибудь командировку, — поѣзжайте. Я вамъ дамъ такое предписаніе секретное, которое вы по возвращеніи представите мнѣ обратно. Вы предъявляйте его только, но, разумѣется, никому въ руки не давайте; понимаете?

— Слушаю-съ.

— Наборомъ можно попугать; впрочемъ у меня и безъ того всѣ послушны, кажется.

— По скольку же съ души-съ? таинственно спросилъ посылаемый агентъ.

— Да вѣдь.... у насъ ревизскихъ тысячъ полтораста будетъ.

Управляющій задумался и началъ разсчитывать и смекать въ умѣ, по скольку бы взять съ каждой головы.

— По десяти копѣекъ довольно, я думаю, говоритъ въ раздумьи Николай Филипычъ: — да, довольно, — по десяти. А то нынче зимою наборъ, такъ все равно....

Чиновникъ на все отвѣчалъ лаконическимъ весьма выразительнымъ «слушаю-съ».

— Ступайте, можете идти, объявилъ наконецъ управляющій, — дожидайтесь моего предписанія. — Да, спохватился его высокородіе, — что тамъ за люди дожидаются?

— Не могу знать, отвѣчалъ смѣтливый чиновникъ: — я осмѣлился въ квартирѣ вашей ихъ распрашивать.

Эта боязнь очень понравилась Николаю Филипычу; онъ съ видимымъ удовольствіемъ поправилъ свою Анну на шеѣ и бросилъ на агента взглядъ исполнительный благоволенія.

Послѣ того управляющій принялъ величественно-гордую, но въ тоже время весьма граціозную осанку и поплылъ въ переднюю.

Чиновникъ отправился за нимъ наципочкахъ.

— Если важное дѣло какое нибудь у нихъ, то, понимаете, повидайтесь съ ними послѣ моего разговора, — говорилъ Рыковъ дорогой слѣдовавшему за нимъ агенту.

— Слушаю-съ, извольте быть совершенно покойны, отвѣчалъ агентъ.

Оставимъ на время сильныхъ міра сего и заглянемъ въ болѣе темный закоулокъ бѣловодскаго общества, ибо, по системѣ обезьянничества, и въ такихъ темныхъ уголкахъ появленіе Баламутовыхъ произвело величайшій эффектъ.

Карлъ Иванычъ Таубе, смирнѣйшій рыжій нѣмецъ, среднихъ лѣтъ и роста, худой и обросшій какою-то щетиной, которую онъ величалъ пышнымъ именемъ бакенбардъ, былъ бездарнѣйшимъ нѣмецкимъ учителемъ мѣстной гимназіи. Сынъ бѣдныхъ и неблагородныхъ родителей-нѣмцевъ, Карлъ Иванычъ съ малолѣтства привыкъ довольствоваться малымъ и свое жалованье, подкрѣпленное немногочисленными уроками нѣмецкаго языка, считалъ чуть-чуть не ротшильдовскимъ богатствомъ. Счастливо жилъ онъ, не помышляя даже о томъ, что на свѣтѣ можетъ существовать нужда.

Такъ бы и умеръ Карлъ Иванычъ счастливымъ богачемъ, (ибо богатство, какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ мудрецовъ, состоитъ въ довольствѣ своей судьбой). Но неблагодарная судьба вѣроятно не совсѣмъ была довольна Карломъ Иванычемъ :она съиграла съ нимъ злую шутку. На тридцать-шестомъ году своего существованія Таубе влюбился въ одну француженку, бывшую гувернанткой или классной дамой въ одномъ изъ домовъ, гдѣ онъ къ несчастію давалъ уроки, а извѣстно, что если рыжій нѣмецъ влюбляется, то онъ вполовину этого не дѣлаетъ никогда, а попросту втюривается по уши, забывъ всякую нѣмецкую важность и аккуратность.

Роза Ивановна была прехорошенькая барышня, лѣтъ двадцати двухъ, что называется, *piquante et agaçante* до невозможности. За ней было всегда пропасть ухаживающихъ, и все людей съ состояніемъ и свѣтскихъ; но Роза Ивановна умѣла держать ихъ всѣхъ на привязи и въ тоже время въ почтительномъ отдаленіи: она знала прекрасно, что всѣ эти господа имѣютъ на нее самые неделикатные виды, а дурной славы Роза Ивановна въ

дѣвицахъ боялась, какъ огня. Она ждала съ нетерпѣніемъ законнаго мужа,—мужъ, извѣстно, все покрываетъ,—и хотѣла она только такого мужа, который бы за счастье считалъ бракъ съ нею. — Судьба, враждебная Карлу Иванычу, какъ нельзя лучше угодила Розѣ Ивановнѣ: они встрѣтились, и Карлъ Иванычъ погибъ, какъ неопытный мотылекъ, попавшій на свѣчку, разумѣется, стеариновую: не должно обижать хорошенькихъ женщинъ сальными сравненіями, хотя бы онѣ и стоили ихъ. Мѣсяца черезъ два послѣ ихъ перваго знакомства, они были обвѣнчаны,—и не одинъ, а два раза: лютеранскимъ и католическимъ обрядомъ. Въ день свадьбы Карлъ Иванычъ былъ въ такомъ восторгѣ, такъ нестерпимо сіялъ, что многія губернскія дамы пожимали плечами и находили, что «это просто ужасъ, какъ неприлично!» Но радость Карла Иваныча была очень непродолжительна; оказалось, что Роза Ивановна вовсе не стоила пылкой, безкорыстной, нѣмецки-честной любви Карла Иваныча.... Но пусть читатель самъ увидитъ ихъ жизнь.

Въ небольшой гостиной маленькаго домика, стоявшаго гдѣ-то въ отдаленной улицѣ Бѣловодска, сидѣла на какой-то вычурной кушеткѣ Роза Ивановна; Карлъ Иванычъ, скучный, разстроенный, шагалъ изъ угла въ уголъ, отчего, по причинѣ маленькихъ размѣровъ комнаты, у него начинала кружиться голова. Гостиная, какъ и вообще вся квартира г-жи Таубе, представляла смѣсь ненужной роскоши съ рѣзкою бѣдностью. При первомъ взглядѣ на эту квартиру безсемейныхъ людей (у Таубе не было дѣтей) было видно ясное доказательство того, что хозяйка не хотѣла или не умѣла приложить своихъ рукъ къ домашнимъ дѣламъ. Ей было все трынь-трава! Воротится ли мужъ со службы голодный, усталый, разсерженный мальчишками,— не найдетъ онъ покоя, привѣтливаго ухаживанья за собою любимой жены, для которой онъ переносилъ твердо и терпѣливо всѣ утреннія невзгоды: она отправилась къ великосвѣтской пріятельницѣ, принимавшей ее изъ милости, или какъ ширмы своимъ прегрѣшеніямъ, или поскакала къ какой нибудь модисткѣ проматывать послѣднія деньги, выработанныя мужемъ, не довольствуясь подарками разныхъ вздыхателей; а мужъ, голодный и усталый, забытъ, — что̀ до него за дѣло: вѣдь онъ мужъ, къ тому же мужъ не аристократъ!

— Какъ вы хотите, Карлъ Иванычъ, но я хочу непремѣнно быть и на охотѣ Баламутовыхъ, и на ихъ балахъ, словомъ—

участвовать во всѣхъ удовольствіяхъ, а для этого мнѣ нужны деньги! говорила съ жаромъ Роза Ивановна.

— Ахъ, *meine liebste Rosalie*, говорилъ въ отчаяніи Карлъ Иванычъ, принимая самую жалобную позу; ты знаешь очень хорошо, что я для тебя ничего не пожалѣю, но что же дѣлать, если негдѣ взять!

Роза Ивановна презрительно захохотала.

— Негдѣ взять! воскликнула она: — это очень мало! Вотъ чѣмъ вы платите за то, что я вамъ принесла такую огромную жертву, жизнь свою сгубила, выйдя за васъ замужъ! Вы вѣрно не помните, какъ вы мнѣ клялись, бывши женихомъ, что всякій капризъ мой будетъ вами исполняемъ безъ отговорокъ.

Смирный отъ природы Карлъ Иванычъ только вздохнулъ, потупивъ голову, и промолчалъ.

— Ну, хорошо, сказала Роза Ивановна съ хладнокровною, разсчитанною злостью, — хорошо, если вы такъ же жадны и скупы, какъ и пусты, то я найду сама себѣ денегъ безъ вашей помощи.

Карлъ Иванычъ нахмурился и поднялъ на жену свои оловянные глаза, въ которыхъ заискрилось что-то похожее на энергію.

— Гдѣ? спросилъ онъ у нея, почти задыхаясь.

— У Мухоедавлева возьму, хладнокровно объявила жена.

Несчастный Карлъ Иванычъ вскочилъ блѣдный, какъ полотно.

— Не срамите меня! вскрикнулъ онъ громовымъ голосомъ, не марайте моего честнаго имени! я запрещаю вамъ это!

— Вы мнѣ запрещаете? насмѣшливо отвѣчала Роза Ивановна и залилась смѣхомъ.

Но нѣмецъ расхрабрился не на шутку.

— Да, я, вашъ мужъ, запрещаю вамъ не только видѣться, даже и говорить съ этимъ....

Карлъ Иванычъ не договорилъ, самъ струсивъ того, что хотѣлъ сказать. У бѣднаго учителя морозъ пробѣжалъ по жиламъ.

Роза Ивановна, сначала пораженная небывалою выходкою своего смирнаго супруга, сейчасъ же оправилась и замѣтила, что онъ самъ же испугался своихъ словъ: побѣда ея была рѣшена.

— А, такъ вы такъ-то, закричала она ему: — вы вздумали ругать начальника губерніи! Хорошо, я ему это скажу, а вы знаете, что онъ не позволитъ всякой дряни забываться.

Карлъ Иванычъ, окончательно ошеломленный тяжестью своей вины, бросился просить прощенія у жены... Вечеромъ, по настоянію Розы Ивановны, отправился онъ къ нѣмцу-пріятелю, человѣку денежному, и опираясь на свое честное слово отдать деньги въ извѣстный срокъ, взялъ у него тысячу рублей серебромъ, какъ требовала Роза Ивановна: нѣмецъ-капиталистъ зналъ, что до сихъ поръ на слова Таубе можно полагаться болѣе, чѣмъ на иной вексель.

Роза Ивановна, поставившая мужа между двумя огнями и принудившая его такимъ образомъ до стать ей денегъ, была очень довольна и своей судьбой и поведеніемъ мужа, но все-таки дала себѣ слово, не упустить воспользоваться кой-чѣмъ и отъ молодаго губернатора: извѣстно, чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше.

Такой переворотъ въ семейныхъ дѣлахъ бѣднаго нѣмца-учителя произвело появленіе Баламутовыхъ!

Взглянемъ теперь на другой конецъ губернской общественной лѣстницы, на людей-богачей съ десятками тысячъ годоваго дохода.

Въ самомъ центрѣ города занималъ огромный каменный, разумѣется, желтый домъ Иванъ Михайлычъ, губернскій аристократъ и гастрономъ. Жена его была молодая женщина стариннаго, но разорившагося рода. Ей было двадцать восемь лѣтъ, она была неглупа отъ природы, имѣла отъ природы же и душу, и сердце,—но жизнь съ такимъ геніальнымъ на обжорство человѣкомъ, какъ Иванъ Михайлычъ, убивала въ ней всѣ дары природы. Анна Николаевна сначала боролась съ мужемъ, съ его вліяніемъ, съ самою собой, но въ восемь лѣтъ замужества она утомилась, начала уступать и, махнувъ рукой на всѣ продѣлки супруга, впала въ какую-то мертвящую апатію. По временамъ только, возмущенная въ глубинѣ души не слишкомъ разборчивымъ на моральныя ощущенія супругомъ, она вдругъ выпрямлялась опять и опять принималась за святую борьбу съ своимъ мужемъ и опять скоро замѣчала, что била лбомъ въ деревянную стѣну. Супругъ же ея только объѣдался, да моталъ достояніе своихъ четверыхъ дѣтей.

Мы застаемъ Анну Николаевну именно въ одну изъ такихъ минутъ, когда материнское чувство возбуждало въ ней умершую энергію и она становилась противъ желаній мужа.

Годъ былъ неурожайный, доходы весьма плохи, и на зиму Иванъ Михайлычъ получилъ денегъ меньше, чѣмъ бы ему было нужно. Предметъ—ссоры-не ссоры, а такъ въ родѣ того—между имъ и женою былъ слѣдующій: Аннѣ Николаевнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, выписать изъ-за границы гувернера и гувернантку къ дѣтямъ, изъ которыхъ старшему было уже семь лѣтъ; Иванъ Михайлычъ намѣревался дать на эти деньги пиръ на весь міръ.

— Какъ же можно, *chère amie*, мнѣ, предводителю, не дать обѣда, унизиться передъ всѣмъ обществомъ? я вѣдь не кто другой....

Анна Николаевна начала сердиться.

— Можно и должно не давать обѣдовъ, когда эти деньги назначены для воспитанія дѣтей, горячо заговорила она.

— Да что за пустяки, *ma chère*, это воспитаніе? возразилъ мужъ: — еще успѣютъ воспитаться.

И больно, и горько стало Аннѣ Николаевнѣ.

— Дѣлай, что хочешь, объявила она своему безтолковому супругу, — деньги твои, но меня, на твоемъ мѣстѣ, совѣсть бы мучила, если бы я проѣла деньги, необходимыя для дѣтей.

— И, душа моя, что за громкія фразы? возразилъ тотъ:—для дѣтей ничего не нужно: сыты, обуты, одѣты, пофранцузски говорятъ,—чего же имъ больше? А вотъ, если я уроню свое достоинство, если я, предводитель, буду скупиться, какъ какой нибудь плебей, такъ вотъ уже тогда навѣрно меня будетъ совѣсть мучить.

Наступило молчаніе довольно тяжелое для обоихъ супруговъ.

— Впрочемъ тебѣ достанетъ на все денегъ, начала опять Анна Николаевна;—дай мнѣ двѣ тысячи рублей серебромъ, а остальныя трать, куда тебѣ угодно.

Иванъ Михайлычъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Помилуй, душа моя, ты сама не знаешь, что ты говоришь! вскрикнулъ онъ; — мнѣ прислали всего шесть тысячъ цѣлковыхъ и до весны денегъ не будетъ!

— Что же? отвѣчала Анна Николаевна, — давай дѣлиться: мнѣ дай двѣ, себѣ оставь четыре тысячи.

— Невозможно! отвѣчалъ Иванъ Михалычъ такимъ тономъ, какъ будто бы отказывалъ ребенку, просящему дать ему съ неба луну: — никакъ невозможно! Посуди сама: мнѣ надо непремѣнно дать шесть обѣдовъ, по одному въ двѣ недѣли....

[illegible] не такъ много? съ понятною горестью перебила [illegible].

— [illegible]! У Баламутевыхъ будетъ каждыя двѣ недѣли парадный обѣдъ, онъ самъ мнѣ говорилъ.

Анна Николаевна тяжело вздохнула.

— Ну, такъ шесть обѣдовъ, потомъ два бала, да каждую недѣлю [illegible]! продолжалъ пересчитывать по пальцамъ Иванъ Михайлычъ.

— Да тебѣ, другъ мой, мало будетъ и шести тысячъ! съ ужасомъ проговорила Анна Николаевна.

Иванъ Михайлычъ задумался и уставилъ глаза въ полъ.

Но недолго длилось его размышленіе: вдохновеніе осѣнило его голову съ англійскимъ проборомъ.

— Ну, чтожь? Недостанетъ — я самъ знаю! Займу! объявилъ онъ.

— Займешь? отвѣчала ему жена: — а отдавать вѣдь надо.

— Ну, чтожь? какая ты, право, *ma chère*, безпонятная! Я перезаложу Ивановку, пояснилъ супругъ.

— Послѣднее имѣніе! вскрикнула Анна Николаевна и залилась слезами.

Иванъ Михайлычъ не понялъ, да и не могъ понять причины этихъ слезъ, и *бросился* цаловать жену и уговаривать ее не плакать. Анна Николаевна была неутѣшна: мысль о дѣтяхъ, которыхъ разорялъ отецъ, не давала ей ни минуты отдыха. Тогда Иванъ Михайлычъ, видя безуспѣшность своихъ ухаживаній, свалилъ все на слабые нервы жены и поѣхалъ занимать деньги съ обязательствомъ возвратить ихъ сейчасъ же послѣ перезалога имѣнія. Кстати онъ заѣхалъ и къ предсѣдателю гражданской палаты, попросить его выдать ему поскорѣе свидѣтельство на перезалогъ несчастной Ивановки.

Въ тоже время, какъ Иванъ Михайлычъ такъ упорно и такъ неразсчетливо началъ противодѣйствовать благоразумнымъ желаніямъ своей несчастной жены, Муходавлевъ, прогнавъ отъ себя за недосугомъ какого-то секретаря съ докладомъ и подписавъ на-скоро всѣ подложенныя бумаги, ходилъ нахмурясь изъ угла въ уголъ по своему кабинету.

Вопросъ, предстоявшій ему къ разрѣшенію, былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ: уступить ему, первому лицу въ гу-

берніи, первое мѣсто въ роскоши и слѣдовательно въ уваженіи общества, — Баламутовымъ, или не уступить, и если не уступить, то гдѣ достать на это средствъ?

— Хорошо, подумалъ онъ, хорошо еще, что я не женатъ: съ женою было бы вдесятеро больше расходовъ.

Послѣ долгаго размышленія Муходавлевъ, не выдумавъ ровно ничего для поправленія своихъ горестныхъ обстоятельствъ, послалъ за своимъ правителемъ канцеляріи, считавшимся первымъ на выдумки между всѣмъ чиновнымъ племенемъ губерніи.

Правитель канцеляріи, господинъ приличной наружности и среднихъ лѣтъ, былъ то, что называютъ расторопнымъ чиновникомъ, то есть, вели начальство въ огонь или въ воду, — въ огонь и въ воду полѣзетъ; вели начальство отписаться отъ высшаго начальства — напишетъ такое донесеніе, что высшее начальство во вѣки вѣковъ не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ; словомъ, правитель былъ дѣлецъ въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Правитель канцеляріи давно уже стоялъ у притолки начальническаго кабинета, заложивъ руки назадъ, и покашливалъ изрѣдка для того, чтобы побудить начальство сказать что нибудь, а Муходавлевъ, по молодости лѣтъ и неопытности, никакъ не рѣшался заговорить о предметѣ, его интересующемъ.

— Ну-съ, что у насъ новенькаго, рѣшился онъ наконецъ начать издалека: — все ли у насъ благополучно?

— Слава Богу, ваше превосходительство, все обстоитъ благополучно.

— Гм, хорошо, — промолвилъ Муходавлевъ, не выслушавъ даже отвѣта правителя.

Наступило опять тяжелое для начальника молчаніе; правитель канцеляріи посматривалъ на него довольно насмѣшливо; взглядъ его какъ будто говорилъ: «что, попался, голубчикъ?»

— Ну-съ, началъ опять Муходавлевъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — у меня есть дѣло до васъ....

— Что угодно будетъ приказать, — объявилъ, низко кланяясь, правитель.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — Муходавлевъ началъ пріискивать выраженія.

Правитель канцеляріи состроилъ самую невинную рожу и во всѣ глаза смотрѣлъ на свое начальство.

— Это дѣло, такъ сказать, не служебное, продолжалъ Муходавлевъ: — это, такъ сказать, въ личное для меня одолженіе.

Правитель канцеляріи сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего нужно его начальнику, но притихъ и притворился.

Муходавлевъ опять помолчалъ и наконецъ рѣшился приступить къ самому дѣлу, но опять-таки издалека.

— Здѣсь много жидовъ? началъ онъ.

— Одиннадцать тысячъ триста двадцать четыре души мужескаго пола, отвѣчалъ скороговоркой правитель канцеляріи, не краснѣя.

— Гм! это хорошо, отозвался Муходавлевъ, — народъ трудолюбивый.

— Мошенники-съ, замѣтилъ правитель.

— Да, это правда, отвѣчалъ разсѣянно Муходавлевъ: — и богатые между ними есть?

— О, сколько угодно, ваше превосходительство: — всѣ богаты, доложилъ правитель.

— Послушайте, какъ бы вы.... Муходавлевъ снизошелъ до того, что взялъ правителя канцеляріи за руку; — какъ бы вы.... поговорили....

— Кому-съ, ваше превосходительство?

— Жидамъ-то богатымъ.... Муходавлевъ заикнулся.

Правитель притворился опять непонимающимъ.

— Объ чемъ-съ?

— Да объ деньгахъ! съ сердцемъ вскричалъ Муходавлевъ, негодуя на недогадливость своего чиновника: — мнѣ, понимаете ли, мнѣ теперь очень нужны деньги.

Правитель уставилъ глаза въ полъ.

— Вы понимаете, *mon cher*, началъ оправдываться Муходавлевъ: — я бы никогда не прибѣгнулъ къ такимъ мѣрамъ, но согласитесь, мнѣ нельзя отстать отъ порядочныхъ людей! Ну опять *madame* Рыкова, *madame* Баламутова.... такія милыя дамы, — согласитесь, мнѣ нельзя; нужны необходимо деньги.

— Не знаю, какъ-съ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ хитрый правитель: — жиды даромъ не дадутъ-съ....

— Помилуйте, кто-же говоритъ даромъ, воскликнулъ Муходавлевъ: — я какіе угодно проценты дамъ.

— Опять — они безъ залога не дадутъ!

— Да я имъ заложу имѣніе, землю, что хотятъ, торопливо вскрикнулъ Муходавлевъ. — Даже больше того: я кромѣ того

могу для нихъ дѣлать все, что имъ нужно въ присутственныхъ мѣстахъ, — тамъ торги, подряды какіе нибудь.

— А, такъ ты такой-то! подумалъ правитель, недавно еще бывшій на своемъ мѣстѣ и неуспѣвшій еще, что называется, вполнѣ раскусить своего начальника.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, началъ свой чиновничій приступъ хитрый правитель канцеляріи: — вѣдь это будетъ чрезвычайно невыгодно для васъ.

— А чтожь дѣлать? возразилъ Муходавлевъ, съ сердцемъ махнувъ рукою: — безъ денегъ будетъ еще невыгоднѣе: наше высшее общество на это чрезвычайно взыскательно.

— Помилуйте, продолжалъ правитель тѣмъ же жалобнымъ тономъ : — я, по долгу моему, никакъ не могу посовѣтовать вамъ этой сдѣлки-съ, тѣмъ болѣе, что жиды народъ, извѣстно, болтливый, — мигомъ разблаговѣстятъ по всей губерніи.

— Боже сохрани! вскрикнулъ Муходавлевъ: — я никакой гласности не хочу.

— Съ жидами, ваше превосходительство, отъ этого уберечься нельзя; впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно, — я ихъ давно знаю-съ.

Муходавлевъ задумался.

— Что же дѣлать? что же дѣлать? повторялъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ не зная, что̀ дѣлать.

Правителю только этого и хотѣлось.

— По истинной преданности моей къ вашему превосходительству, началъ онъ: — я осмѣлился бы посовѣтовать вамъ....

— Что такое, что такое? быстро перебилъ его Муходавлевъ: — говорите, Бога ради говорите, я на все согласенъ.

— Для чего вашему превосходительству связываться съ жидами, которые васъ надуютъ, продадутъ, да наконецъ и разславятъ во всѣхъ концахъ? Я полагаю, это дѣло можно обдѣлать такъ, что все будетъ шито и крыто.

— Говорите пожалуйста поскорѣе; я буду вамъ весьма обязанъ.

— Извольте взять у откупщика, объявилъ нѣсколько нерѣшительно правитель.

— Что вы! что вы! какъ можно! вскричалъ губернаторъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, что жь тутъ такого? Все равно, у кого ни брать деньги, а тутъ по крайней мѣрѣ изволите взять безъ залоговъ, безъ процентовъ, да и огласки никакой не будетъ.

— Да все-таки....

— Какъ угодно вашему превосходительству, хладнокровно возразилъ правитель канцеляріи.

— Да нельзя ли какъ нибудь иначе?

— Иначе нельзя, ваше превосходительство, рѣзко отвѣчалъ правитель: — да и что это васъ такъ безпокоить? Съ откупщиковъ всѣ берутъ взятки-съ, а вѣдь это не взятка, а займы-съ. Да онъ ни процентовъ, ни залогу не возьметъ-съ, а денегъ дастъ, сколько вамъ угодно.

— Да вѣдь за это онъ захочетъ, чтобы я что нибудь для него сдѣлалъ.... проговорилъ нерѣшительно Муходавлевъ и самъ покраснѣлъ

— И, помилуйте, ваше превосходительство, за что же-съ? за что тутъ что нибудь дѣлать? Вѣдь больше ничего — взаймы-съ!

— Да, конечно, — взаймы, это дѣло другое: я согласенъ, вскричалъ Муходавлевъ, утѣшая себя, какъ ребенокъ. — Такъ съѣздите же къ нему.

— Сію секунду, отвѣчалъ правитель: — сколько же вамъ угодно получить?

— Тысячъ шесть серебромъ, па годъ.

Правитель ускакалъ къ откупщику.

Муходавлева нѣсколько мучила совѣсть, какъ онъ ее ни успокоивалъ разными софизмами; наконецъ совѣсть эта съ непривычки начала такъ мучить его, что онъ былъ готовъ послать воротить; но не удалось совѣсти одержать такой побѣды. Муходавлевъ получилъ двѣ записки и обѣ, разумѣется, французскія. «Мы всѣ, здѣшнія дамы, писала Баламутова, намѣрены пріѣхать къ вамъ когда нибудь вечеромъ, *pour faire honneur à votre logis de garçon;* пріѣзжайте сегодня ко мнѣ, — мы потолкуемъ съ вами объ этомъ».

— А денегъ нѣтъ ни копѣйки! горестно подумалъ онъ.

«*Cher monsieur*, писала г-жа Таубе,—что же вы меня забыли? Я горю нетерпѣніемъ васъ видѣть: *j'ai beaucoup de choses à vous dire!* Пріѣзжайте сегодня въ 10-ть часовъ вечера и—главное — привозите браслетъ, который вы мнѣ обѣщали; *recevoir quelque chose de votre parte est un bonheur pour votre toute devouée....*

— А денегъ ни копѣйки, подумалъ еще горестнѣе Александръ Павлычъ.

Въ эту минуту вошелъ правитель канцеляріи; Муходавлевъ встрѣтилъ его, какъ спасителя.

— Ну, что? нетерпѣливо крикнулъ онъ.

Правитель состроилъ плачевную мину.

— Откупщикъ говоритъ, что онъ денегъ взаймы не даетъ, а такъ, безвозвратно, если угодно вашему превосходительству....

— Какъ можно, какой стыдъ! вскрикнулъ Муходавлевъ, покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтъ.

Правитель пожалъ плечами и подумалъ.

— Экъ его, дубинноголовый какой!

— Да чтожь тутъ, ваше превосходительство, продолжалъ онъ вслухъ: — нашъ откупщикъ человѣкъ хорошій, а вамъ же лучше: не возвращать денегъ. — Онъ даетъ не шесть, а десять тысячъ, ваше превосходительство, и деньги сейчасъ, договорилъ правитель, немного помолчалъ.

— Десять? разсѣянно сказалъ Муходавлевъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ. Взглядъ его упалъ на полученныя записки и рѣшилъ все: ложный стыдъ заставилъ замолчать совѣсть, досихъ поръ чистую въ этомъ отношеніи, хотя и весьма шаткую.

— Да вѣдь, можетъ быть, откупщикъ захочетъ, чтобы я сдѣлалъ какую нибудь несправедливость для него? проговорилъ, въ видѣ послѣдней оговорки, губернаторъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, развѣ я это допущу когда нибудь! возразилъ правитель съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства: — вы изволите обижать меня....

— Э нѣтъ, нѣтъ, извините, — я такъ.... проговорилъ сконфузившійся Александръ Павлычъ.

— Такъ какъ же, ваше превосходительство? спросилъ правитель: — пора, онъ дожидается.

— Поѣзжайте, рѣшилъ Муходавлевъ, въ умѣ котораго мелькнули всѣ губернскіе снобсы обоихъ половъ: — поѣзжайте и кланяйтесь ему отъ меня, скажите, что я никогда не забуду этой услуги.

Черезъ часъ получилъ онъ отъ откупщика десять тысячъ рублей и разсыпался въ благодарностяхъ передъ тѣмъ, кого до сихъ поръ считалъ мошенникомъ.

Еще одной ступенью ниже спустился по нравственной лѣстницѣ Муходавлевъ, рожденный честнымъ, хоть и пустымъ человѣкомъ: прежде драньё носа передъ всѣмъ, что не аристократично, хоть и даровито и трудолюбиво; затѣмъ эротическія шалости, наконецъ теперь подарки отъ откупщиковъ; а тутъ уже оставался одинъ шагъ и до взяточничества....

ГЛАВА VI.

Между тѣмъ какъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ хлопоталъ о томъ, чтобы поддержать свое достоинство предъ губернской аристократіей, ему явился опасный соперникъ въ лицѣ князя Тараканова.

Князь Павелъ Петровичъ Таракановъ, во время своего пріѣзда въ Бѣловодскъ, былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, маленькаго роста, который онъ нѣсколько прибавлялъ неестественной величины каблуками, чернявый, плюгавый, «ногтемъ придавитъ», по народному русскому выраженію....

Характеры, подобные князю Тараканову, вы встрѣчали очень часто, читатель: пороха не выдумаетъ, но натертъ и свѣтски образованъ; на словахъ честенъ и благороденъ, даже иногда чуть не плачетъ весьма граціозно, когда «о честности высокой говорятъ», а на дѣлѣ готовъ обмануть и ограбить брата роднаго, когда приходится дѣлить съ нимъ какое нибудь наслѣдство; въ жизни никогда ничѣмъ путнымъ и серьёзнымъ не занимался, а говорить обо всемъ мастеръ,—конечно въ гостиной, а не въ кабинетѣ; говоритъ на четырехъ живыхъ языкахъ, хотя ни объ ихъ грамматикѣ, ни о литературѣ и не слыхивалъ, — наконецъ очень, очень знатенъ.

Какъ же могъ онъ выскочить въ люди? Очень просто: отецъ его въ старину служилъ и былъ дѣйствительно не только полезный, но даже историческій человѣкъ; за подвиги отца князь Таракановъ былъ награжденъ, да и пошелъ себѣ своей дорогой! «Не въ войнѣ, а въ мирѣ бралъ лбомъ», путешествовалъ, шаркалъ, танцовалъ, имѣлъ серьёзное отвращеніе отъ пороха и штыка, которые вывели въ люди его отца, никогда никакихъ порученій внутри Россіи не имѣлъ и къ тридцати-пяти годамъ оказался полковникомъ, однимъ изъ лучшихъ полькёровъ Россіи, и въ долгу, какъ въ шелку.

Пріѣхавъ въ Бѣловодскъ на первое довольно трудное порученіе, князь Павелъ Петровичъ сейчасъ же потребовалъ къ себѣ представителя и начальника мѣстной регулярной военной силы, полковника Голубева. Не то, чтобы ему полковникъ былъ дѣйствительно нуженъ, нѣтъ! а такъ—чтобы на первыхъ же порахъ показать простымъ смертнымъ: «вотъ-де я какой! полковниковъ

требую къ себѣ по службѣ!» Иванъ Иванычъ Голубевъ, какъ старый служака, знавшій очень коротко слётковъ подобныхъ князю Тараканову, явился къ его сіятельству въ самой полной формѣ, какую только онъ имѣлъ, даже усы нафабрилъ такъ, что они дыбили и стоялись, какъ хорошо накрахмаленная юбка.

— Имѣю честь представиться вашему сіятельству, командиръ бѣловодскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, арміи полковникъ и кавалеръ Голубевъ, ловко отрапортовалъ Иванъ Иванычъ, вытянувшись въ струнку.

Такой маневръ чрезвычайно понравился князю, который любилъ пользоваться почестями, ему непринадлежащими; но не смотря на смиреніе Голубева, онъ не сошелъ съ своего начальническаго пьедестала.

— А, пробормоталъ онъ сначала довольно невнятно: — очень хорошо! Что, у васъ все въ порядкѣ?

— Ввѣренный мнѣ батальонъ и принадлежащія къ оному инвалидныя команды обстоятъ благополучно, ваше сіятельство! продолжалъ полковникъ тѣмъ же фельдфебельскимъ тономъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, объявилъ-было князь Таракановъ.

Но это «посмотримъ» отнюдь не аранжировало Ивана Иваныча, и потому онъ поспѣшилъ принять свои мѣры.

— Ординарцы и вѣстовые отъ ввѣреннаго мнѣ батальона ожидаютъ счастія представиться вашему сіятельству, еще ловче и еще болѣе впопадъ отрапортовалъ Иванъ Иванычъ.

Князь Павелъ Петровичъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

Вошли ординарцы и вѣстовые и продѣлали всѣ свои формальности, при чемъ нѣсколько попортили сапогами полы квартиры, отведенной его сіятельству.

Князь Таракановъ былъ въ восторгѣ и даже далъ солдатамъ на водку двадцать пять рублей серебромъ.

Когда ординарцы убрались, то князь снизошелъ до того, что пожалъ руку полковника Голубева, благодаря его за исправность батальона.

— Благодарю, благодарю! говорилъ онъ самымъ любезнымъ, хотя въ тоже время начальническимъ тономъ: — вашъ батальонъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ; я непремѣнно доложу объ этомъ, кому слѣдуетъ! Отличный порядокъ, дисциплина прекрасная, я вамъ очень благодаренъ!

— Садитесь, садитесь, пожалуйста,
кановъ своему собесѣднику въ припадк
тесь; не хотите ли сигару?

Полковникъ Голубевъ, послѣ дол
нецъ на самый кончикъ стула, а отъ
зался.

Такое утонченное обращеніе окс
ая Тараканова въ пользу гарнизон
тораго давно уже подмывало любо
нимъ въ полукороткій разговоръ.

Иванъ Иванычъ сразу проню
можною точностью личность, ст
въ самыхъ живыхъ его интереса

— Ну-съ, какъ вы здѣсь
началъ расспрашивать князь.

Иванъ Иванычъ отвѣчалъ
скаго, что, дескать, городъ т
просвѣщенному гостю мало

У князя сперлось дыха
ему этимъ комплиментомъ.

— Да, это правда; въ
отвѣчалъ князь:—но все-т
располагаютъ къ себѣ
ностью....

Его сіятельство зар

— А есть здѣсь п
онъ свою рацею, о
предмету.

Полковникъ Го
даже наклонилъ го
знаменитости жен
рованныхъ къ при

— А, Баламут
премѣнно надо к

— Онѣ давн
объявилъ Иван

— Ждетъ! ч
часъ же долж

Голубевъ

-ю-
совер-
вниками,
ые, дѣльные
лете, главное,
роденъ. Это не
подъячій!
ь губернатора.
Mr Рыкова, — гово-
гь родному человѣчку».
тъ вы увидите, въ какой
ь держитъ свое вѣдомство!
une femme charmante, догово-
акъ не могъ долго устоять на

мы уже замѣтили, самъ былъ не
асти, а потому и онъ не утерпѣлъ и
разговоръ о дамахъ, интересный болѣе
реговоровъ.
ивъ въ сторону свое взаимное обморачи-
тельностію и ревностію къ пользамъ отече-
предмету, равно интересовавшему ихъ обо-

ворятъ, много порядочныхъ женщинъ? загово-
ановъ.
можете себѣ представить, какое здѣсь малое,
ство! отвѣчалъ восторженнымъ голосомъ юный

т, я говорю о высшемъ кружкѣ, — добавилъ
чшкомъ общей похвалы, сдѣланной имъ.
втова здѣсь, отвѣчалъ князь, такъ я не
ю: она очень милая женщина.
о Мухо̀давлевъ;—но не одна она:
которыхъ вы найдете истинно ми-
Рыкова, Баламутова, Безсудная, да
язь, что я вездѣ бывалъ, живалъ въ
и всегда въ лучшихъ обществахъ, но
что здѣшнее высшее общество не усту-
которыя я видѣлъ.
глаза отъ удивленія: онъ отчасти не вѣ-

ames sont-elles aimables? спросилъ онъ.
е можете себѣ представить, какъ онѣ всѣ лю-
мъ откровенно, я всегда былъ дамскимъ лю-
ой части дѣйствительно избалованъ; но я за
ли кто нибудь *de ces belles dames* обратитъ на ме-
іе.
ь вотъ какъ, возразилъ князь, начинавшій нѣсколь-
ь Мухо̀давлеву: *vous me faites venir l'eau à la bouche!*
а сидѣлъ на креслѣ отъ нетерпѣнія видѣть такія чу-
ровинціальномъ захолустьѣ.
, сказать правду, очень счастливъ съ женщинами, сбол-
Мухо̀давлевъ, — даже черезчуръ счастливъ! Я очень
, что вы пріѣхали, князь, продолжалъ онъ: — а то мнѣ уже
іо тяжело ухаживать за всѣми одному.

И гость и хозяинъ засмѣялись.

— Право, вы меня такъ заинтересовали своимъ мастерскимъ описаніемъ вашего общества, что я съ нетерпѣніемъ жду случая познакомиться съ нимъ, проговорилъ любезный князь.

— За чѣмъ же дѣло стало? возразилъ губернаторъ, если хотите, такъ я сейчасъ же васъ познакомлю со всѣми.

— Я и то хотѣлъ ѣхать къ Баламутовой: она моя петербургская знакомая.

— Ну, такъ и поѣдемъ сейчасъ же къ Баламутовой, а оттуда кстати и къ другимъ: къ Рыковой, къ Безсудной, — заговорилъ быстрый на исполненіе своихъ преднамѣреній губернаторъ.

— Да ловко ли мнѣ, въ моемъ званіи, первому ѣхать къ нимъ? спросилъ князь.

— Э, ничего! это все люди *de la haute volée*—объявилъ губернаторъ; къ тому же они всѣ теперь по своимъ палатамъ сидятъ и выйдетъ, что мы будемъ у однѣхъ дамъ.

Князь начиналъ соглашаться, не замѣчая, что Мухо.;авлевъ съ нимъ немного хитритъ, хотя и совершенно невинно: Таракановъ съ перваго разу хотѣлъ себя поставить въ отношеніе оффиціальнаго и моральнаго равенства съ губернаторомъ; этотъ замѣтилъ такое оскорбительное для своей чести намѣреніе и рѣшилъ потащить князя сейчасъ же съ визитами къ губернскимъ властямъ, чтобы показать ему разницу, бывшую между нимъ самимъ и полковникомъ.

— Да, вѣдь я не знаю, какъ мнѣ ѣхать? воскликнулъ князь, вспомнивъ что-то такое.

— А что?

— Мнѣ нужно осмотрѣть партію рекрутъ: меня дожидаютъ уже два часа.

— *Eh, mon cher prince*! какъ это вы еще не привыкли къ службѣ? укоризненно и съ нѣкоторой ироніей возразилъ Муходавлевъ. — Ну, что же за важность, *que ces gens* прождутъ лишній часъ или два? Это еще лучше: вѣдь эти люди соразмѣряютъ важность и силу начальника по тому, сколько времени они его ждутъ, докончилъ свой служебный урокъ Муходавлевъ.

Князь стоялъ въ раздумьи: онъ видалъ въ Петербургѣ другое, видалъ, какъ недосягаемо-сильныя лица не заставляли себя ждать простыхъ солдатъ!

— Должно быть въ провинціи совсѣмъ другое, подумалъ князь.

— Да и здѣшній военный начальникъ, полковникъ Голубевъ, очень дѣльный и хорошій человѣкъ, продолжалъ Александръ Павлычъ, имѣвшій слабость считать хорошими людьми всѣхъ сильныхъ положеніемъ и должностью лицъ, считая за то мелкихъ чиновниковъ непремѣнно мошенниками:—я вамъ рекомендую его, князь: можете вполнѣ на него положиться, добавилъ онъ для вящшаго убѣжденія своего пріятеля.

Князь уже брался за каску, а губернаторъ за шляпу, какъ вошедшій дежурный чиновникъ доложилъ Муходавлеву, что его дожидаются трое секретарей съ бумагами.

— Пусть подождутъ, гордо приказалъ Муходавлевъ: — мнѣ некогда;—велите намъ коляску подавать: я пріѣду черезъ часъ.

Чиновникъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

Князь Таракановъ возъимѣлъ самое лестное мнѣніе о силѣ Александра Павлыча и о дисциплинѣ, введенной имъ въ губерніи, и разсудилъ, что если начальникъ губерніи такъ безцеремонно заставляетъ ждать секретарей, то отчего же ему, князю Тараканову, не заставить подождать себя сотни двѣ рекрутъ и гарнизоннаго прапорщика, командующаго ими?

Пріятели прошли черезъ залу, гдѣ приняли поклоненіе ожидавшихъ доклада секретарей, и поѣхали себѣ съ визитами. Секретари усмѣхнулись слегка вздадъ уѣзжавшему губернатору, понюхали табаку, махнули рукой и поплелись опять въ храмы Ѳемиды разныхъ вѣдомствъ.

Правду или нѣтъ говорилъ Муходавлевъ, что ему надоѣла роль единственнаго деревенскаго пѣтуха и что ему хочется имѣть по этой части вицъ-волокиту, какъ по управленію губерніею имѣлъ онъ вицъ-губернатора, но надо сказать, что Таракановъ по этому предмету оказался докой, не хуже самого Муходавлева, и этотъ послѣдній скоро началъ недружелюбно посматривать на успѣхи полковника, имъ самымъ введеннаго въ кружокъ, гдѣ онъ царствовалъ до сихъ поръ одинъ, неограниченно и безраздѣльно. Въ дамскомъ обществѣ образовалось раздѣленіе на двѣ великія партіи, въ родѣ тори и виговъ. Консерватистки конечно остались на сторонѣ порядка вещей, сдѣлавшагося уже старымъ, то-есть на сторонѣ Муходавлева; радикальныя же барыни, нововводительницы, увлеклись новизною личности и мундира князя Тараканова и избрали его повелителемъ своихъ сердецъ. Были наконецъ и такія слабохарактерныя дамы, которыя никакъ не могли стать подъ одно чье нибудь знамя, а виляли, по волѣ случая, направо и налѣво. Но объ такихъ среднихъ, безразличныхъ личностяхъ не стоитъ и говорить; онѣ пользовались общимъ презрѣніемъ обѣихъ великихъ партій. Но страннѣе всего то, что всѣ почти бывшія обожательницы Муходавлева, увидя обворожительнаго Тараканова, сразу бросили перваго, уступая мѣсто новымъ дамамъ, которыя прежде не смѣли и подумать о великолѣпномъ губернаторѣ, а теперь влюблялись въ него на очищенныхъ вакансіяхъ. Это обстоятельство—любовь дамъ нѣсколько низшаго разряда,—страшно бѣсило Муходавлева и водворяло въ его сердцѣ ненависть къ узурпатору Тараканову, несмотря на то, что польза службы требовала бы ихъ единодушнаго, дружнаго дѣйствія противъ необходимо существующаго зла.

Одна только прежняя аристократическая партизанка губернатора не послѣдовала за новымъ свѣтиломъ, осталась вѣрною прежнему — это была Анна Ивановна Рыкова. Даже болѣе: прежде эта женщина только кокетничала съ Мухадавлевымъ, скажемъ наконецъ правду, — вела съ нимъ нѣсколько неблагородную служебно-дипломатическую интригу; теперь же привязалась къ нему и даже полюбила его, неизвѣстно надолго ли, но чистосердечно. Виною этой реакціи въ чувствахъ Рыковой былъ никто другой, какъ ея собственный мужъ.

Съ перваго свиданія своего съ княземъ Таракановымъ Рыковъ началъ дѣйствовать на жену и по своему деспотическому нраву скоро объявилъ ей, что онъ требуетъ отъ ней повторенія съ княземъ продѣлокъ ея съ губернаторомъ. Неизвѣстно, проснувшаяся ли на время совѣсть, или просто женскій капризъ, вѣрнѣе послѣднее, заставилъ Рыкову неблагосклонно посмотрѣть на черненькую тенденцію супруга, хотя прежде она смотрѣла на подобныя же требованія его совсѣмъ другими глазами. Зная звѣрскій деспотизмъ мужа, она начала хитрить, — выполнять его волю по наружности и въ тоже время всячески отталкивать отъ себя князя. Николай Филипычъ взялъ было такую же методу, несродную его характеру — сталъ хитрить: замѣтивъ, что его жена все ближе и ближе сходится съ Мухадавлевымъ, онъ, начитавшись какого-то мудраго французскаго романа, началъ разоблачать при ней слабости Александра Павлыча. Но принялся онъ за это дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало, ибо его непокорному и грубому характеру мягкая, вкрадчивая хитрость была несродна, и жена скоро замѣтила его намѣренія; наконецъ, по неумѣнію наблюдать и ловко подмѣчать людскіе недостатки, онъ нападалъ въ молодомъ губернаторѣ не на то, на что бы слѣдовало, чтобъ сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ женщины, преслѣдовалъ напримѣръ его служебные недостатки, до которыхъ Аннѣ Ивановнѣ дѣла не было, — однимъ словомъ онъ достигъ совсѣмъ не того, чего ему хотѣлось. Рыкова поняла сразу, что мужу ея хочется, во что бы то ни стало, отнять у ней Мухадавлева,—понятно, что ей во что бы то ни стало захотѣлось его удержать. Весьма скоро дѣло дошло до того, что Александръ Павлычъ сдѣлался дорогъ молодой, пылкой женщинѣ и она, не видя его смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ, не шутя влюбилась въ него. Николай Филипычъ сейчасъ же замѣтилъ эту неутѣшительную перемѣну въ своей супругѣ и, взбѣсив-

шись, положилъ силой сломить это, невыносимое для его гордости, непріятное для его разсчетовъ, чувство. Мы застаемъ его въ ту минуту, когда онъ, привязавшись къ какому-то пустому случаю, дерзко напалъ на любовь своей жены къ молодому губернатору.

— Я вамъ говорю, сударыня, что ваше поведеніе мнѣ совсѣмъ не нравится! кричалъ красный отъ гнѣва Николай Филипычъ, ходя скорыми шагами по мягкимъ коврамъ будуара своей супруги.

— Я васъ не понимаю, съ притворнымъ хладнокровіемъ отвѣчала Анна Ивановна, которая всегда прибѣгала къ хитрости для усмиренія своего супруга.

— Вы не понимаете меня? саркастически замѣтилъ управляющій;—давно ли?

— Съ нѣкотораго времени я рѣшительно перестала понимать, чего вы отъ меня требуете, возразила супруга.

— А, такъ ты не понимаешь, что я хочу и требую, чтобы ты была любезна съ этимъ княземъ Таракановымъ? кричалъ вышедшій изъ себя супругъ:—ты не понимаешь, что отъ этого моя выгода зависитъ? Странно, какъ ты сдѣлалась непонятлива!

Анна Ивановна ничего не отвѣчала, только слегка усмѣхнулась и пожала плечами. Это движеніе окончательно взбѣсило ея супруга.

— Я понимаю, что это значитъ, заоралъ онъ громовымъ голосомъ: — это все штуки Муходавлева, который за тобою открыто ухаживаетъ. Ты влюблена въ него, ты хочешь срамить меня! Но ты меня знаешь,—я или разобью васъ обоихъ въ дребезги, или заставлю тебя слушаться....

Но Анна Ивановна не хотѣла уступить. Произошла тяжелая супружеская сцена, кончившаяся обморокомъ жены. А Николай Филипычъ поѣхалъ на вечеръ къ губернатору, съ которымъ былъ повидимому въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

ГЛАВА VII.

Подумавъ нѣсколько времени, отрезвившись отъ обуявшей его ярости, Николай Филипычъ сообразилъ, что губернаторъ ему необходимъ такъ же, какъ и князь Таракановъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ рѣшился оставить отношенія жены къ

Муходавлеву въ томъ видѣ, въ какомъ они были, и только наблюдать за ними, чтобы жена въ самомъ дѣлѣ не употребила какого нибудь оскорбительнаго для его чести мщенія. Князя же Тараканова, который былъ уже оттолкнутъ отъ Анны Ивановны ея искуснымъ обращеніемъ съ нимъ, надо было свести съ другой женщиной, которую бы легко было держать въ рукахъ. Николай Филипычъ скоро приискалъ такую женщину, и на другой же день послѣ страшной сцены своей съ женой отправился вечеромъ къ госпожѣ Таубе, у которой онъ до тѣхъ поръ ни разу не былъ.

Хитрая француженка съ перваго взгляда на входившаго управляющаго прекрасно поняла, что у него есть къ ней важная просьба, несмотря на то, что Рыковъ принялъ на себя самую беззаботную физіономію и, какъ казалось, рѣшился хитрить до *nec plus ultra* для обезпеченія себѣ выгодности условій.

Николай Филипычъ пріѣхалъ въ самую пору: во-первыхъ Таубе не было дома, иначе онъ весьма недружелюбно посмотрѣлъ бы на нежданный визитъ управляющаго; во-вторыхъ Роза Ивановна скучала безъ дѣла и сильныхъ ощущеній, — Муходавлевъ послѣ того вечера какъ привезъ ей просимый браслетъ, не былъ у ней и, казалось, окончательно забылъ ее для другихъ.

— Я давно хотѣлъ быть у васъ, *ma belle dame*, началъ Рыковъ оправдывать свое совершенно-несвоевременное появленіе въ гостиной г-жи Таубе: — давно хотѣлъ, но служба, занятія, *vous comprenez*, — оставляютъ мнѣ слишкомъ мало времени.... Рыковъ заикнулся, почувствовавъ острый, проницательный взглядъ учительши, обращенный на него.

Наступило молчаніе, весьма невыгодное для пышнаго управляющаго; Роза Ивановна продолжала его разсматривать весьма пристально. Рыковъ, несмотря на свою гордость, на власть и важность, совершенно сконфузился.

— У васъ есть вѣроятно до меня какое нибудь важное дѣло? прямо начала свой допросъ смѣтливая Роза Ивановна, видѣвшая, что при смущеніи гостя ей необходимо самой приступить прямо къ дѣлу.

Какъ будто какая-нибудь гора свалилась съ плечъ Николая Филипыча, который главнымъ образомъ затруднялся въ томъ, какъ ему начать разговоръ. Теперь онъ увидѣлъ, что онъ пото-

рялъ уже всѣ шансы, что хитрить ему больше нечего, и потому рѣшился дѣйствовать прямо.

— Да, есть дѣло, и очень важное, отвѣчалъ онъ.

— Что такое? говорите прямо, безъ хитростей и безъ замѣшательства: *je suis une femme à vous comprendre*, объявила Роза Ивановна.

— Вы знаете, *chère madame* Таубе, что теперь начался наборъ и пріѣхалъ князь Таракановъ.... началъ управляющій.

— Знаю, отвѣчала учительша, — знаю также, что вамъ необходимо имѣть его въ рукахъ.

— Именно, именно, *madame* Таубе! воскликнулъ Николай Филипычъ, весьма благодарный хозяйкѣ за то, что она сокращала ему половину пути: — я удивляюсь вашей проницательности, добавилъ онъ въ видѣ любезности.

— Удивительно мудрено догадаться, улыбаясь замѣтила Роза Ивановна: — вы за тѣмъ ко мнѣ и пріѣхали, чтобы просить моей помощи.

Рыковъ окончательно спасовалъ передъ такой дальновидностью и вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Что вы на меня такъ смотрите? продолжала г-жа Таубе, любившая идти прямо къ цѣли: — вамъ необходимо для вашихъ служебныхъ разсчетовъ имѣть въ рукахъ и губернатора, и князя; губернаторъ уже привязанъ, остается привязать князя, — не такъ ли?

— Такъ, молвилъ оторопѣвшій управляющій: онъ приготовился вести переговоры съ Розой Ивановной дипломатическимъ путемъ и окончательно потерялся, когда она разбила въ пухъ его дипломатическія намѣренія.

— Вѣрно особа, которая придерживаетъ Мукодавлева, не хочетъ отъ него отказаться, такъ вы и пріѣхали ко мнѣ, — продолжала мучить своего собесѣдника Роза Ивановна.

Николай Филипычъ вспыхнулъ.

— Оставимъ это, съ сердцемъ проговорилъ онъ, — это до васъ не касается....

— Ну, такъ оставимъ, хладнокровно отвѣчала г-жа Таубе; — сколько же вы мнѣ дадите, чтобы я дѣйствовала въ вашу пользу? прямо и совершенно спокойно спросила хитрая бѣловодская гетера.

Рыковъ, несмотря на всю свою привычку къ дѣламъ такого рода, никакъ не ожидалъ прямаго вопроса о деньгахъ и заикаясь пробормоталъ:

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, продолжаетъ князь Тараканов своему собесѣднику въ припадкѣ снисхожденія: — садитесь; не хотите ли сигару?

Полковникъ Голубевъ, послѣ долгихъ отказовъ, сѣлъ наконецъ на самый кончикъ стула, а отъ сигары окончательно отказался.

Такое утонченное обращеніе окончательно расположило князя Тараканова въ пользу гарнизоннаго командира и князь, котораго давно уже подмывало любопытство, рѣшился вступить съ нимъ въ полукороткій разговоръ.

Иванъ Иванычъ сразу пронюхалъ и опредѣлилъ со всевозможною точностью личность, съ которою судьба его столкнула въ самыхъ живыхъ его интересахъ — въ рекрутскомъ наборѣ.

— Ну-съ, какъ вы здѣсь поживаете? Хорошъ ли городъ? началъ расспрашивать князь.

Иванъ Иванычъ отвѣчалъ на маперъ Сквозника-Дмухановскаго, что, дескать, городъ такъ себѣ, хорошій; но что такому просвѣщенному гостю мало Парижа и Петербурга, и такъ далѣе.

У князя сперлось дыханіе отъ удовольствія, доставленнаго ему этимъ комплиментомъ.

— Да, это правда; въ провинціи такая тоска, что ужасъ! отвѣчалъ князь:—но все-таки есть города, которые, такъ сказать, располагаютъ къ себѣ патріархальностью, радушіемъ, преданностью....

Его сіятельство зарапортовался.

— А есть здѣсь порядочныя женщины? круто перемѣнилъ онъ свою рацею, обращаясь къ давно-интересовавшему его предмету.

Полковникъ Голубевъ принялъ таинственно-умильный видъ, даже наклонилъ голову на бокъ и перечелъ всѣ бѣловодскія знаменитости женскаго пола, а кстати разсказалъ и о проэктированныхъ къ пріѣзду князя удовольствіяхъ....

— А, Баламутова здѣсь! Я ее знаю очень коротко! Мнѣ непремѣнно надо къ ней заѣхать.

— Онѣ давно уже ждутъ съ нетерпѣніемъ ваше сіятельство, объявилъ Иванъ Иванычъ.

— Ждетъ! вскрикнулъ князь, вскакивая съ мѣста, — я сейчасъ же долженъ ѣхать.

Голубевъ поднялся съ мѣста.

— А, прощайте, прощайте, полковникъ, торопливо заговорилъ князь Таракановъ, внутренно благодаря догадливаго гарнизоннаго полковника за его отъѣздъ во время.

— Вѣдомости еще надо подписать вашему сіятельству, приступилъ Иванъ Иваныч въ самую критическую минуту.

— Какія вѣдомости?

— Относительно принятыхъ до сихъ поръ рекрутъ, которые выступаютъ сего числа. Можетъ быть, вашему сіятельству угодно будетъ ихъ осмотрѣть? продолжалъ Голубезъ ровнымъ и самымъ почтительнымъ тономъ.

— Когда же они выступаютъ? спросилъ князь, у котораго въ душѣ шевельнулось что-то похожее на сознаніе долга.

— Сію минуту, ваше сіятельство, объявилъ Голубевъ, очень нелюбившій подобныхъ проявленій сознанія долга.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, какъ же быть? торопливо говорилъ князь, — мнѣ некогда! Я впрочемъ на васъ надѣюсь: вѣрно тамъ все въ порядкѣ! Мнѣ необходимо къ губернатору, къ Баламутовымъ....

— Будьте покойны, ваше сіятельство, успокоивалъ его Голубевъ, подкладывая ему подъ носъ вѣдомости: — я остановлю рекрутъ; послѣ изволите посмотрѣть, а теперь извольте только эти бумаги подписать: ихъ чрезъ часъ надо отправлять на почту-съ.

Князь подписалъ не смотря.

— Черезъ часъ я буду смотрѣть партію, крикнулъ онъ вслѣдъ торопливо удалявшемуся Голубеву.

— Ну, братъ, теперь смотри-не-смотри: вѣдомости подписалъ! подумалъ тотъ, надѣвая калоши и шинель и проворно убираясь домой.

Проводивъ Голубева, князь Таракановъ забылъ и о подписанныхъ вѣдомостяхъ тому, чего онъ никогда не видалъ, и объ рекрутахъ, и усѣлся передъ зеркаломъ заниматься своей наружностью, че ,аться, мазаться и притираться. Ровно черезъ часъ онъ въ парадной формѣ входилъ въ кабинетъ Муходавлева, который выбѣжалъ ему на встрѣчу.

— Ахъ, *cher prince*, какъ я радъ, что судьба привела васъ въ наше захолустье, вскричалъ губернаторъ, любезно протягивая руку князю.—Что новаго въ Петербургѣ?—Надо замѣтить, что Муходавлевъ нѣсколько опровинціалился въ Бѣловодскѣ и даже получилъ нѣкоторую патріархальность въ обращеніи.

Князь отвѣчалъ очень уклончиво и, принявъ серьёзный, оффиціальный тонъ, заговорилъ о наборѣ и своемъ порученіи.

Муходавлевъ оттопырилъ нижнюю губу: ему ужасно не понравилась манера князя Тараканова; однако, чтобы не уронить своего достоинства и показать гостю, что и онъ дѣловой человѣкъ, Александръ Павлычъ сейчасъ же понизилъ тонъ и заговорилъ о разныхъ служебныхъ оффиціальностяхъ.

— Вы спрашиваете, князь, каковы здѣсь чиновники, которые участвуютъ въ производствѣ набора? заговорилъ онъ очень серьёзно.

— Да, вы понимаете, что мнѣ, какъ присланному наблюдать за производствомъ набора, необходимо знать характеръ и способности моихъ новыхъ сослуживцевъ.

— Я долженъ вамъ сказать, князь, что я до сихъ поръ совершенно доволенъ всѣми старшими губернскими чиновниками, продолжалъ губернаторъ: — это все люди порядочные, дѣльные и главное — весьма хорошихъ фамилій: это, понимаете, главное, *un homme bien né* будетъ всегда высокъ и благороденъ. Это не то что какой нибудь *bourgeois-gentilhomme* или подъячій!

Князь совершенно согласился съ мнѣніемъ губернатора.

— Особенно рекомендую вамъ, князь, *Mr* Рыкова, — говорилъ губернаторъ, не могшій «не порадѣть родному человѣчку». Это человѣкъ истинно порядочный! Вотъ вы увидите, въ какой дисциплинѣ, въ какомъ порядкѣ онъ держитъ свое вѣдомство! А главное—у него открытый домъ, *une femme charmante*, договорилъ Муходавлевъ, который никакъ не могъ долго устоять на служебномъ разговорѣ.

Князь Таракановъ, какъ мы уже замѣтили, самъ былъ не большой ходокъ по этой части, а потому и онъ не утерпѣлъ и съ радостью схватился за разговоръ о дамахъ, интересный болѣе всякихъ служебныхъ переговоровъ.

Оба пріятеля, бросивъ въ сторону свое взаимное обморачиванье служебною дѣятельностію и ревностію къ пользамъ отечества, обратились къ предмету, равно интересовавшему ихъ обоихъ.

— А здѣсь, говорятъ, много порядочныхъ женщинъ? заговорилъ князь Таракановъ.

— О, вы не можете себѣ представить, какое здѣсь милое, прекрасное общество! отвѣчалъ восторженнымъ голосомъ юный губернаторъ.

— Разумѣется, я говорю о высшемъ кружкѣ, — добавилъ онъ, испугавшись слишкомъ общей похвалы, сдѣланной имъ.

— Говорятъ, Баламутова здѣсь, отвѣчалъ князь, такъ я не удивляюсь, что здѣсь весело: она очень милая женщина.

— О, конечно, перебилъ его Муходавлевъ;—но не одна она: здѣсь есть домовъ десять, въ которыхъ вы найдете истинно милыхъ и любезныхъ женщинъ: Рыкова, Баламутова, Безсудная, да мало ли! Вѣдь вы знаете, князь, что я вездѣ бывалъ, живалъ въ первыхъ городахъ Европы и всегда въ лучшихъ обществахъ, но по совѣсти вамъ говорю, что здѣшнее высшее общество не уступитъ любому изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ.

Князь вытаращилъ глаза отъ удивленія: онъ отчасти не вѣрилъ губернатору.

— А чтоже, *ces dames sont-elles aimables*? спросилъ онъ.

— Еще бы! вы не можете себѣ представить, какъ онѣ всѣ любезны! Я скажу вамъ откровенно, я всегда былъ дамскимъ любимцемъ и по этой части дѣйствительно избалованъ; но я за счастіе почту, если кто нибудь *de ces belles dames* обратитъ на меня свое вниманіе.

— А, такъ вотъ какъ, возразилъ князь, начинавшій нѣсколько завидовать Муходавлеву: *vous me faites venir l'eau à la bouche!* и князь едва сидѣлъ на креслѣ отъ нетерпѣнія видѣть такія чудеса въ провинціальномъ захолустьѣ.

— Я, сказать правду, очень счастливъ съ женщинами, сболтнулъ Муходавлевъ, — даже черезчуръ счастливъ! Я очень радъ, что вы пріѣхали, князь, продолжалъ онъ: — а то мнѣ уже было тяжело ухаживать за всѣми одному.

И гость и хозяинъ засмѣялись.

— Право, вы меня такъ заинтересовали своимъ мастерскимъ описаніемъ вашего общества, что я съ нетерпѣніемъ жду случая познакомиться съ нимъ, проговорилъ любезный князь.

— За чѣмъ же дѣло стало? возразилъ губернаторъ, если хотите, такъ я сейчасъ же васъ познакомлю со всѣми.

— Я и то хотѣлъ ѣхать къ Баламутовой: она моя петербургская знакомая.

— Ну, такъ и поѣдемъ сейчасъ же къ Баламутовой, а оттуда кстати и къ другимъ: къ Рыковой, къ Безсудной, — заговорилъ быстрый на исполненіе своихъ преднамѣреній губернаторъ.

— Да ловко ли мнѣ, въ моемъ званіи, первому ѣхать къ нимъ? спросилъ князь.

Варварѣ Петровнѣ, неизвѣстно почему, стало очень жаль молодаго человѣка, жертвующаго для пользы службы своими самыми святыми чувствами. На нее нашелъ *такой чувствительный стихъ*. Она склонила голову на бокъ, приняла сантиментально-грустное выраженіе лица (она знала, что это выраженіе къ ней очень идетъ) и проговорила вполголоса, значительно поглядывая на своего собесѣдника:

— Вы не повѣрите, какъ я глубоко понимаю ваше положеніе! Я не хотѣла бы быть на вашемъ мѣстѣ: жить весь вѣкъ для другихъ, а не для себя — это ужасно!

Варвара Петровна граціозно закрыла глаза рукой, губернаторъ навострилъ уши и разинулъ ротъ, однако скоро оправился и съ разу попалъ въ тонъ Баламутовой.

—Это правда, *madame Balamoutoff*, горячо проговорилъ онъ:— моя жизнь посвящена отечеству! Вы не повѣрите, чего мнѣ стоитъ часто служба! А для чего я тружусь? Такъ! единственно изъ сознанія долга!

— Эти скучныя бумаги, *c'est affreux!* продолжала въ томъ же тонѣ хозяйка.

— Бумаги *passe encore!* отвѣчалъ губернаторъ:—но эти чиновники, эти квартальные, это ужасъ! *ils sont tellement impermis!*

Онъ съ омерзѣніемъ пожалъ плечами; Баламутова пришла въ совершенное отчаяніе.

У Мухадавлева глаза все больше и больше расширялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучъ истины все болѣе и болѣе освѣщалъ его голову, наполненную самыми важными планами государственныхъ преобразованій: онъ скоро понялъ тенденціи Баламутовой, различилъ всѣ ея маневры и—погибъ!

Часа черезъ два послѣ самаго дружественнаго разговора съ Баламутовой, Муходавлевъ нѣсколько поохладѣлъ и вспомнилъ о Рыковой. Онъ наскоро распростился съ хозяйкой и полетѣлъ домой. Но скоро у него прошло всякое сожалѣніе и даже воспоминаніе о бѣдной женщинѣ, которая до сихъ поръ занимала его и наконецъ теперь истинно полюбила.

Варвара Петровна съ своей стороны была совершенно счастлива и уже окончательно забыла о невѣрномъ князѣ Тараканов: любовь Муходавлева, оказалось, могла вознаградить ее съ избыткомъ за эту незначительную потерю.

Счастіе улыбалось Николаю Филипычу Рыкову: половина дѣла, и притомъ самая трудная, была сдѣлана; въ успѣхѣ

самой легкой половины, то есть въ соединеніи князя съ г—жею Таубе, не было никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что она уже видѣлась и познакомилась съ нимъ покороче и что первыя атаки ея на него были весьма успѣшны. Послѣ–завтра начинался рекрутскій наборъ—верхъ благополучія для Николая Филипыча, завтра была назначена ожидаемая съ нетерпѣніемъ охота Баламутовыхъ, которая должна была окончательно завлечь князя Тараканова въ руки его хорошенькой противницы—все это до такой степени радовало Николая Филипыча, что онъ былъ особенно вѣжливъ и внимателенъ съ своими подчиненными; подчиненные сильно струсили такого внезапнаго затишья и ждали еще худшей бури.

Роза Ивановна купила себѣ щегольскую верховую лошадь и цѣлую недѣлю по цѣлымъ днямъ проводила время съ берейторомъ мѣстной команды.

ГЛАВА VIII.

Съ ранняго утра вожделѣннаго дня, избраннаго Баламутовыми для придуманной ими охоты въ городскомъ саду, въ г. Бѣловодскѣ обнаружилось неестественное волненіе, которое даже какъ-то очень не шло къ мирной однообразной физіономіи этого «нарочито–невеликаго города.» Несмотря на то, что день былъ не праздничный, изо всѣхъ улицъ выползали и стремились по направленію къ казенному саду тысячи гражданъ и гражданокъ въ самыхъ праздничныхъ костюмахъ; туда же плелись и православные мужички, чтобы поглазѣть на то, какъ веселятся люди; наконецъ, подобравши фалды ободранныхъ халатовъ и распустивъ по вѣтру выбивавшіеся изъ–подъ эксцентричныхъ шапокъ жалкіе остатки пейсиковъ, бѣжали во всю прыть жидки и жидовки съ апельсинами, виноградомъ и прочими сластями и безъ всякихъ сластей, привлекаемые надеждою на поживу и отъ торговли, и отъ тороватости богатыхъ «ухъ какихъ богатыхъ» пановъ, какъ называло жидовское племя Баламутовыхъ: по городу какимъ-то черезъ–чуръ услужливымъ агентомъ Баламутовыхъ былъ распущенъ слухъ, что народъ, собравшійся поглазѣть на увеселенія господъ, будутъ одѣлять деньгами.

Полиція съ своей стороны не зѣвала и, принимая во вниманіе значительное скопленіе народа, командировала къ казенному саду своихъ служителей....

Стремились къ саду и бѣловодскіе чиновники всѣхъ вѣдомствъ, одѣтые,—кто въ форменное пальто съ самыми свѣтлыми золотыми пуговицами, кто,—помоложе, — въ пальто штатскаго покроя и самаго вычурнаго фасона, кто,—поболѣзненнѣе,—въ шинель съ теплымъ воротникомъ; а тузы чиновничьяго цѣха напялили на плечи еноты и все это поколѣніе, взявъ подъ руки женъ и дочерей и пустивъ передъ свою тучу сынишекъ-гимназистовъ, пошло по самому непріятному для ходьбы песчаному грунту, въ которомъ вязла нога по самыя колѣни, все пошло къ саду, съ твердою увѣренностію, что откроются имъ двери казеннаго рая со всѣми приготовлявшимися въ немъ удовольствіями. Но жестоко ошиблись всѣ: и жиды, и чиновники, и чиновницы!

Черный народъ, прибѣжавшій на мѣсто конечно гораздо ранѣе господъ чиновниковъ, давно уже толпился у воротъ сада и глазѣлъ на полицейскихъ церберовъ, которые, ощетиня усы и засучивъ кулаки, давали весьма сильный физическій отпоръ неотбойнымъ посѣтителямъ. Народъ начиналъ шумѣть и волноваться, полицейскіе, въ особенности такъ называемые, —*хожалые*, употребили въ дѣло тоненькія палочки... Народъ, поглаживая усы и бороды и перебраниваясь съ строгими охранителями безопасности въ саду, отступалъ все дальше и дальше, прямо на корзинки и лотки промышленнаго племени израилева, которое и здѣсь уже успѣло завести свою торговлю и одно потерпѣло отъ неудовольствія черни: народъ распорядился обокрасть подъ шумокъ жидовъ, которые и подняли вслѣдствіе такого беззаконія страшнѣйшій вопль.

Чиновники, состоявшіе подъ особымъ покровительствомъ своихъ кокардъ и форменныхъ одѣяній, никакъ не предполагали, чтобы и ихъ постигла таже участь. Тѣмъ неменѣе ихъ ожидало непріятное разочарованіе.

— Позвольте, господа, позвольте,—кричалъ толстый секретарь казенной палаты, несшій на плечахъ медвѣдей и тащившій за руки полновѣсную супругу и неменѣе тяжелую дочку и продиравшійся чрезъ толпу болѣе мелкихъ чиновниковъ.

— Не приказано пускать! остановилъ его самымъ прискорбнымъ тономъ квартальный, стоявшій у воротъ сада.

Секретарь остолбенѣлъ.

— Какъ? не приказано пускать? меня? переспросилъ онъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ.

— Не приказано-съ, ей-Богу не приказано-съ, Семенъ Елисѣичъ! съ горестью воскликнулъ квартальный.

— Быть не можетъ, рѣшилъ секретарь и потребовалъ частнаго, надѣясь на свое близкое знакомство съ нимъ.

Но частный, знакомый уже читателю Отпѣтый, никакъ не могъ помочь бѣдѣ, тѣмъ болѣе, что служебная судьба полиціи никоимъ образомъ не могла зависѣть отъ казенной палаты. Секретарь и здѣсь остался съ носомъ и внѣ себя отъ злости подхватилъ своихъ дамъ и отошелъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вишь ты, и баръ не пропускаютъ, замѣтилъ стоявшій не вдалекѣ бородачъ другому бородачу.

— Ништо, стало нельзя, отвѣчалъ другой.

— Да вѣдь садъ-то казенный, мірской, стало быть, — замѣтилъ первый.

— Эхъ дура голова! отвѣчалъ тотъ: стало всякую шушеру и пускать? Не приходится, братъ, съ суконнымъ-то рыломъ въ калашный рядъ.

Борода повидимому удовольствовалась этимъ объясненіемъ.

Секретарь все еще продолжалъ браниться; дамы его съ цѣлью усладить свою непріятность давно уже лущили купленные у жида апельсины, возбуждая тѣмъ зависть въ проходившихъ женахъ и дочеряхъ не столь значительныхъ чиновниковъ..

— Нѣтъ, ты не смѣешь меня не пропустить, Онисимъ Афанасьичъ! кричалъ секретарь губернскаго правленія квартальному: не смѣешь, а то завтра же подъ судъ отдадутъ, да еще и отъ должности отрѣшатъ.

Частный, услышавшій этотъ возгласъ, поспѣшилъ подойти и подать помощь угнетенному квартальному.

— Нельзя-съ, ей Богу нельзя-съ, добрѣйшій Сансонъ Силычъ, повторялъ онъ въ тысячу-первый разъ секретарю губернскаго правленія эту извѣстную формулу.

Но секретарь былъ не промахъ.

— Меня-то нельзя? воскликнулъ онъ: — а небось спасай васъ отъ петли, когда отдадутъ васъ подъ судъ, давай вамъ командировки, что ни-на-есть выгоднѣйшія, покрывай васъ.

Частный потупилъ голову подъ бременемъ падавшаго на него обвиненія въ страшнѣйшей неблагодарности и только пожималъ плечами, находясь въ нерѣшимости между строгимъ исполне

ніемъ долга и закономъ самосохраненія. Частный не зналъ, что̀ ему дѣлать, и уже начиналъ сдаваться, какъ вдругъ загремѣлъ экипажъ и раздался повелительный голосъ полицмейстера.

— Назадъ, назадъ! кричалъ блюститель порядка:—не пускать въ садъ никого! — и рука его обратилась на толпу чиновниковъ.

Отпѣтый отдохнулъ и, пожавъ плечами, указалъ глазами секретарю губернскаго правленія на полицмейстера.

Секретарь подошелъ къ тому.

— У меня въ отдѣленіи, ваше высокоблагородіе, есть дѣло о нанесеніи вами побоевъ и увѣчья квартальному Петрашеву, началъ онъ самымъ умилительнымъ и подобострастнымъ тономъ: онъ зналъ характеръ полицмейстера.

— Ну, чтожь такое? довольно грубо перебилъ тотъ.

— То я осмѣлился спросить у вашего высокоблагородія, какъ вамъ будетъ угодно поступить съ этимъ полицейскимъ офицеромъ.

— А! спасибо вамъ! проговорилъ полицмейстеръ: — конечно подъ судъ его за непокорность начальству: ихъ надо учить, чтобы они не смѣли жаловаться.

— Слушаю-съ, смиренно доложилъ секретарь:—завтра же заслушаемъ и приговоримъ-съ.... Позвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ какъ нибудь въ садъ пробраться,—еще смиреннѣе началъ молить хитрый секретарь.

Спрашивается, какъ не смиловаться передъ такимъ смиреніемъ? И дѣйствительно полицмейстеръ смиловался и приказалъ пропустить нужнаго ему секретаря, строго наказывая ему ни подъ какимъ видомъ не попадаться на глаза губернатору.

Толпа молодыхъ чиновниковъ увидя пропускъ секретаря, бросилась на частнаго.

— Пустите, пустите и насъ, — кричала молодежь.

Толпа напирала, частный отбивался и наконецъ въ отчаяніи закричалъ караулъ.

Полицмейстеръ очутился сейчасъ же на мѣстѣ свалки.

— Это что значитъ? грозно крикнулъ онъ: — вы полиціи не повиноваться? Вотъ я васъ выучу!

И, схвативъ за шиворотъ одного изъ самыхъ смирныхъ и безотвѣтныхъ кокардоносцевъ, стоявшаго въ сторонѣ, полицмейстеръ громогласно крикнулъ «бери его въ полицію, разбойника»!

Чиновника потащили куда слѣдуетъ.

Полицмейстеръ въ тріумфѣ вошелъ въ садовую калитку и, греня саблею, скрылся за дверьми.

Вольнодумная молодежь пробормотала что-то себѣ подъ носъ и удалилась: порядокъ былъ водворенъ.

Скоро вниманіе народа было развлечено новымъ презанимательнымъ зрѣлищемъ: крестьяне везли звѣрей въ разнокалиберныхъ клѣткахъ, волковъ, лисицъ и зайцевъ и, въѣхавъ въ рѣшетчатые ворота, начали выпускать своихъ плѣнниковъ на недолгую волю. Сотенъ шесть крестьянъ съ палками и другимъ дреколіемъ стали по стѣнкамъ, окружавшимъ садъ, густою цѣпью, чтобы звѣри не могли улизнуть изъ своей обширной ловушки.

Между тѣмъ на площадкѣ, гдѣ находилась такъ называемая въ Бѣловодскѣ ротонда, была страшная кутерьма. Тутъ столпились доѣзжачіе въ красныхъ кунтушахъ съ своею гончею командою, борзятники въ зеленыхъ полукафтанахъ съ тощими борзыми; шныряли изъ нарочно устроенной кухни повара и поварята въ бѣлыхъ курткахъ и колпакахъ; рыскали то съ подносомъ, уставленнымъ посудою, то съ досками для раздвижныхъ столовъ, оффиціанты въ допотопныхъ фракахъ и бумажныхъ перчаткахъ. Тутъ же бѣгали изъ угла въ уголъ, на перебой одинъ передъ другимъ, повѣренный и дворецкій Баламутова, оба въ поту и пыли съ охрипшими горлами и всклоченными отъ излишняго усердія волосами. Шумъ былъ невообразимый.

Первый пріѣхалъ, разумѣется Баламутовъ, въ двѣнадцатомъ часу; — все стихло. Григорій Алексѣичъ, веселый, сіяющій, но съ озабоченымъ, дѣловымъ видомъ осмотрѣлъ всѣ приготовленія и, казалось, остался ими чрезвычайно доволенъ. Носовъ и новый дворецкій изъ чиновниковъ же увивались около Григорья Алексѣича и наперерывъ старались выставить свое усердіе, хотя Баламутовъ весьма мало обращалъ вниманія на ихъ эгоистическую политику. Желаніе выказать хозяину всю огромность подъятыхъ ими трудовъ довело Носова и его противника до самаго смѣшнаго обезъянничества: если одинъ сниметъ шапку и оботретъ вспотѣвшій лобъ, стараясь обратить тѣмъ на себя вниманіе Баламутова, то навѣрно и другой сейчасъ же лѣзетъ за платкомъ съ тою же цѣлью; одинъ потретъ ноги морщась и гримасничая въ то время, когда на него смотритъ великолѣпный баринъ, и другой сейчасъ заохаетъ и схватится за совершенно здоровую ногу, — словомъ оба противника употребляли самыя энергическія усилія, чтобы перевѣсить одинъ другаго во мнѣніи

Баламутова, который конечно и не думалъ ни минуты о проискахъ, ни о заслугахъ ихъ. Это окончательно выводило изъ себя соперниковъ и кончилось тѣмъ, что они чуть было не подрались въ присутствіи Григорья Алексѣича.

Скоро начали съѣзжаться гости, пріѣхалъ губернаторъ, князь Таракановъ, всѣ заняли свои мѣста и началась охота.

Въ роскошно убранной ротондѣ, на возвышеніи сидѣло избраннѣйшее общество, состоявшее изъ тѣхъ, которые не могли или не хотѣли ѣздить верхомъ. Мухода влевъ былъ главою этого сборища; нужно ли и говорить послѣ того, что Варвара Петровна Баламутова не поѣхала верхомъ, а претекстовала какое-то инкомодите на ножкѣ и осталась подлѣ своего обожателя. Варвара Петровна была очень не въ духѣ: она надѣялась, что болѣзнь Анны Ивановны Рыковой не позволитъ ей участвовать въ затѣянной охотѣ, и уже мысленно радовалась, что она безраздѣльно и безопасно будетъ владѣть предметомъ своей капризной любви; — не тутъ-то было: судьба готовила Варварѣ Петровнѣ горькое разочарованіе и опасную соперницу. — Анна Ивановна немного оправилась отъ болѣзни и такъ какъ услужливыя пріятельницы, пріѣзжавшія навѣщать ее во время болѣзни, успѣли уже сообщить ей, вѣроятно для ея развлеченія, о новой склонности Муходавлева, то она рѣшилась появиться на охотѣ. Блѣдная, изнуренная, но все-таки еще очень хорошенькая, Рыкова сидѣла прямо противъ Баламутовой и Муходавлева и не спускала съ нихъ строгаго, проницательнаго и можетъ быть черезчуръ краснорѣчиваго взгляда. Баламутовой было сначала очень неловко, но она переломила себя и удвоила свою любезность къ Александру Павлычу. Муходавлевъ также сконфузился сначала, увидѣвъ Рыкову, и хотѣлъ подойти къ ней, ускользнувъ какъ нибудь отъ Варвары Петровны, но это оказалось невозможнымъ: Баламутова уже поймала его и не отпускала ни на шагъ отъ себя; онъ рѣшился покориться своей участи, тѣмъ легче, что его опаснаго соперника князя Тараканова не было: онъ носился по саду на борзомъ жеребцѣ, рядомъ съ побѣдоносной Розой Ивановной, захотѣвшей, во что бы то ни стало, имѣть его своимъ кавалеромъ.

Въ балаганѣ, какъ мы уже сказали, были собраны всѣ бѣловодскія знаменитости. Тутъ были и Рыковы, и Бевсудный, и князь Чепухинскій, и Хлопушкинъ, пріѣхавшій со слѣдствія....

Всѣ, въ ожиданіи результатовъ охоты, заняты были разговорами, каждый смотря по своимъ склонностямъ.

— Вы не повѣрите, *mesdames*, какое нужно знаніе сцены, какое присутствіе духа, какую привычку, когда играешь въ благородномъ спектаклѣ! кричалъ рьяный любитель театра Чепухинскій. — Я вотъ про себя разскажу вамъ случай. Игралъ я разъ Мордашева, въ «А и Ф». Помните эту сцену, когда кухарка бьетъ посуду и бросается Мордашеву въ ноги? Ну-съ, брякнули за кулисами какіе-то черепки, то есть понимаете, подразумѣвается столовая посуда; Анна Петровна играла кухарку, вбѣгаетъ на сцену, да, знаете, не остереглась какъ-то, а женщина-то тучная, сильная, задѣла нечаянно за дверь, да только что бацъ мнѣ въ ноги, анъ и декорація валится, совсѣмъ такъ-таки стѣна и повалилась! Что тутъ дѣлать? спрашиваю я васъ. Вѣдь другой слабый актеръ, *не талантъ*, оробѣлъ бы во всю ивановскую, и спектакль погибъ! Ну, а у меня не такъ вышло, прибавилъ князь самодовольно, немного помолчавъ: — я не потерялся и хладнокровно обругалъ ее тутъ же, да и замѣтилъ: что ты, молъ, дура не только посуду бьешь, да еще и стѣны ломаешь! Повѣрите ли, такъ увлекся игрой, что толстой коровой обругалъ Анну Петровну, ей Богу обругалъ! На то игра!

Князь самодовольно засмѣялся.

— Отчего вы скучны, *madame Rykoff?* приставалъ къ Аннѣ Ивановнѣ неотвязчивый Хлопушкинъ.

— Я больна была, лаконически отвѣчала Анна Ивановна.

— Вѣроятно *maladie du coeur?* переспросилъ юноша, считавшій такой вопросъ особенно остроумнымъ.

Анна Ивановна посмотрѣла на него какъ-то особенно презрительно, такъ что такого взгляда даже и Хлопушкинъ не могъ не понять.—Онъ сильно сконфузился и перелетѣлъ къ другимъ дамамъ на новые подвиги, которые нерѣдко кончались для него такъ же позорно.

Въ тоже время въ другомъ углу происходилъ самый ожесточенный споръ между товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Котовымъ, Иваномъ Михайлычемъ и предсѣдателемъ уголовной палаты корнетомъ Безсуднымъ. Толковали о старой вещи: о томъ, какой трудъ лучше,—обязательный или свободный?

— Этотъ народъ такъ еще необразованъ, кричалъ Безсудный:—что онъ не пойметъ всей важности своихъ новыхъ правъ, а это,—согласитесь....

— Не могу согласиться, вопилъ горячій эмансипаторъ Котовъ. Я убѣжденъ, что эти люди нехуже насъ поймутъ все, что надобно понимать.

Безсудный нѣсколько презрительно пожалъ плечами.

— Пожалуй, я согласенъ на эмансипацію, — важно, какъ будто изъ милости, проговорилъ онъ:—но все-таки надо вознаградить дворянъ другими правами....

— Сто такое? просюсюкалъ Николай Александрычъ Подмахацкій, бывшій неподалеку и вслушавшійся въ разговоръ. Надо замѣтить, что защиту обязательнаго труда Подмахацкій считалъ чѣмъ-то въ родѣ самаго священнаго для себя дѣла и не могъ равнодушно переносить никакой похвалы эманципаціи.

— Что такое? продолжалъ онъ, сюсюкая,—свободный трудъ лучше обязательнаго?—какъ бы не такъ! Я, батюшка, не привыкъ мѣщанствовать! я люблю комфортъ! Я не могу обойтись безъ большой дворни, люблю выкурить хорошую сигару! Такъ-то-съ!

Подмахацкій со злостью поцарапалъ тщательно обточенными ногтями свою великолѣпную лысину.

Но не ожидалъ Николай Александрычъ такого отпора, какъ тотъ, который ему сдѣлалъ Котовъ, окончательно вышедшій изъ себя, Богъ вѣсть изъ-за чего.

— Ну, положимъ, оно такъ, возразилъ Котовъ притворно апатическимъ тономъ:—положимъ, вы такой уже аристократъ, что и не приведи Богъ; да какъ же вы не хотите вспомнить того, что ваша бабушка и дѣдушка.... вѣдь обходились же безъ дворни, да безъ сигаръ?

Подмахацкій посовѣлъ отъ неимовѣрной конфузіи: возражать на слова Котова онъ не смѣлъ, — всѣмъ извѣстно было то обстоятельство, на которое *намекнулъ* Котовъ, да и глупость-то Подмахацкаго была уже черезчуръ значительна.

— Что вамъ до этого за дѣло? бормоталъ онъ въ отвѣтъ Котову, совершенно потерявшись и красный какъ владимірская вишня; ну, что жь? Ну я, положимъ, могу обойтись безъ комфорта, безъ дворни, безъ сигаръ. Но другой и не можетъ.

Котовъ захохоталъ и повернулся къ нему спиною.

— Вольнодумецъ, заключилъ въ утѣшенье себѣ Подмахацкій.

— Вредный человѣкъ! объявилъ Безсудный: — повѣрите ли, каждую недѣлю подаетъ мнѣніе въ палату! Въ одномъ даже осмѣлился написать, что онъ проситъ палату поступать по законамъ, а не безъ нихъ,—каково!...

Между тѣмъ бросившіяся въ густоту сада гончія давно уже заливались на всѣ голоса, давно уже порскали и орали доѣзжачіе и много уже погублено было звѣрныхъ существованій, какъ наконецъ стая, гнавшая по красному звѣрю, начала подвигаться по направленію къ полянѣ, гдѣ находились зрители. По аллеѣ, ведшей къ этому мѣсту, впереди всѣхъ летѣлъ со всѣхъ ногъ матерой волкъ, скаля зубы и сверкая глазами; вслѣдъ за нимъ, безпрестанно щипля его и воя во всю мочь, катился огромный клубокъ багряныхъ однокорытниковъ, неотбойно преслѣдовавшихъ звѣря по пятамъ; въ перерѣзъ по аллеѣ съ правой стороны скакалъ сломя голову Баламутовъ съ нѣсколькими борзыми, опередившими его. Баламутовъ, въ пылу охоты, давно уже потерялъ шапку, раскраснѣлся, растрепалъ длинные шелковистые волосы; въ эту минуту, несмотря на все свое ничтожество, онъ былъ хорошъ. Лицо его, освѣщенное огнемъ страсти, перестало казаться пошлымъ и безжизненнымъ. Казалось, Григорій Алексѣичъ непремѣнно настигнетъ звѣря.... вотъ, вотъ его собаки уже доспѣваютъ бѣгущаго врага... Но съ противоположной стороны неслась во весь опоръ, вся раскраснѣвшаяся, гибкая, граціозная Роза Ивановна и рядомъ съ ней летѣлъ красный полковничій околышъ фуражки вмѣстѣ съ окончательно захваченнымъ въ плѣнъ полковникомъ. Николай Филипычъ Рыковъ, толковавшій въ это время съ какою-то важною особою о необходимости палочной дисциплины, невольно обернулся на лошадиный топотъ и, увидя князя и его даму, улыбнулся отъ удовольствія. Роза Ивановна съ своимъ кавалеромъ были счастливѣе Баламутова: ихъ собаки вцѣпились въ волка и князь Таракановъ приказалъ стремянному своему распоряжаться съ звѣремъ, какъ слѣдуетъ. Когда звѣрь былъ убитъ, его сіятельство сошелъ съ коня, отпазончилъ мертваго звѣря по французскому обычаю, и чуть не на колѣнахъ подалъ окровавленную лапу Розѣ Ивановнѣ.

— Это совершенно по-рыцарски! насмѣшливо замѣтила Баламутова своему собесѣднику: *m-me* Таубе окончательно поймала князя, *c'est une excellente chasseresse, celle-là*, — съострила Варвара Петровна.

Рыкова давно уже выходила изъ себя, видя кокетничанье Баламутовой съ Муходавлевымъ, и рѣшилась воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уколоть хорошенькую свою заклятую соперницу; случай этотъ наконецъ представился.

— Ваша охота, *madame Balamoutoff*, тоже очень успѣшна: мы давно уже это замѣтили.

Баламутова вспыхнула.

— Что вы хотите этимъ сказать, *madame Rykoff?* гордо спросила она, окидывая свою противницу самымъ презрительнымъ взглядомъ, который по мнѣнію Баламутовой долженъ былъ непремѣнно ее уничтожить.

Однако Анна Ивановна не уничтожилась; напротивъ, при своей страстной натурѣ, забывшись и вышедши изъ границъ приличія разъ, она не могла уже остановиться и продолжала идти той же скандальной дорогой.

— О, вы пребольшая кокетка, рѣзко отвѣчала она Баламутовой: — вы даже не довольствуетесь своими поклонниками, — вамъ непремѣнно надо чужихъ.

При этой новой непростительной дерзости, Баламутова вскочила съ своего мѣста и поблѣднѣла, какъ полотно.

Муходавлевъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и не зналъ, что̀ ему дѣлать: скандалъ былъ великолѣпнѣйшій, не прекратить его невозможно, а взять чью нибудь сторону опасно: лишишься милости другой стороны.

— Вы слишкомъ дерзки! проговорила задыхаясь Баламутова.—Дайте мнѣ вашу руку, продолжала она, обращаясь къ Муходавлеву.

Тотъ, не зная, что и почему онъ дѣлаетъ, машинально повиновался и ушелъ подъ руку съ Баламутовой.

Когда Анна Ивановна увидѣла Муходавлева съ ея соперницей, вся кровь ударила ей въ голову; это новое оскорбленіе и любви, и женскаго тщеславія, было слишкомъ тяжело.

Николай Филипычъ, которому уже передали о происшедшей сценѣ, подошелъ къ женѣ взбѣшенный и съ налившимися кровью глазами и, довольно грубо схвативъ ее за руку, проговорилъ довольно громко.

— Вы нездоровы: поѣдемте домой!

Анна Ивановна машинально повиновалась и Николай Филипычъ величественно сошелъ съ лѣстницы, ведя подъ руку едва живую жену.

Въ продолженіе всего пути до воротъ сада Николай Филипычъ упорно молчалъ, только кусалъ губы; сажая жену въ карету, онъ шепнулъ ей лаконически.

— Вы съ ума сошли, я съ вами справлюсь!

Анна Ивановна, коротко знавшая своего почтеннаго супруга, не отвѣчала ничего и залилась слезами. — Николай Филипычъ прехладнокровно захлопнулъ дверцы кареты и приказалъ лакею везти барыню поскорѣе домой и сейчасъ же пріѣзжать обратно. Самъ же Рыковъ отправился опять въ ротонду, чтобы какъ нибудь загладить прегрѣшенія своей жены.—Не то—чтобы онъ считалъ честь свою оскорбленною.... нѣтъ! просто онъ понималъ, что вслѣдствіе выходки Анны Ивановны и губернаторъ, и князь Таракановъ могутъ пойти противъ него во многихъ дѣлахъ, а завтра начинался наборъ. Надо было, во что бы то ни стало, поправить дѣло, хотя бы и съ маленькимъ урономъ для своей важности.

Еще издали заслышалъ Николай Филипычъ оглушающій говоръ въ ротондѣ и почуялъ, что говорятъ о немъ, объ его женѣ. Онъ не ошибся въ этомъ предположеніи: только что онъ подошелъ къ лѣсенкѣ, ведущей въ балаганъ, какъ говоръ притихъ, — знакъ, что говорили о немъ,—и всѣ взоры съ недоумѣніемъ и любопытствомъ обратились на него.

Однако охота уже кончилась, собирали собакъ, Баламутовъ могъ сію минуту воротиться и Николай Филипычъ понялъ, что надо поторопиться примиреніемъ съ Баламутовой до его прихода, а то пришлось бы мириться еще и съ нимъ, а извиненья просить у поручика Баламутова статскому совѣтнику никакъ не приходилось по понятіямъ Николая Филипыча.

Чтобы придать себѣ болѣе самоувѣренности, такъ называемаго *aplomb*, Николай Филипычъ безпрестанно поправлялъ висѣвшій у него на шеѣ крестъ.

Баламутова стояла съ Муходавлевымъ посреди ротонды; туда направился Николай Филипычъ, снисходительно и дружественно улыбаясь и граціозно раскланиваясь. Баламутова нахмурила хорошенькія бровки и сурово смотрѣла на приближавшагося управляющаго палатой.

— Что вамъ угодно здѣсь? привѣтствовала она его такимъ грубымъ вопросомъ.

Въ прахъ разлетѣлись отъ этого дерзкаго пріема всѣ миролюбивыя намѣренія Николая Филипыча; неукротимый характеръ его вспыхнулъ и бѣшенство закипѣло въ немъ.

— Мнѣ удивителенъ этотъ вопросъ, сударыня, отвѣчалъ онъ, гордо поднявъ носъ, какъ гусь, собирающійся пощипать проходящаго безъ палки путника:—странный вопросъ, повторяю я,

продолжалъ онъ, возвышая постепенно голосъ: — я начальникъ этого сада и пріѣхалъ его инспектировать.—Вотъ васъ, сударыня, я могъ бы спросить, что̀ вамъ здѣсь нужно, если бы самъ не позволилъ вамъ, — понимаете ли? *если бы я не позволилъ вамъ*— здѣсь быть.

Рыковъ презрительно улыбался; очередь поблѣднѣть отъ безсильной злобы пришла Баламутовой. Не зная, что̀ дѣлать, она обратила умоляющіе взоры на Муходавлева, который наконецъ понялъ, что его вмѣшательство въ происшедшую исторію болѣе чѣмъ необходимо.

Онъ подошелъ къ Николаю Филипычу, взялъ его подъ руку, отвелъ въ сторону отъ ротонды и началъ что-то съ жаромъ говорить ему; слышны были только слова: «князь Таракановъ непремѣнно разскажетъ; въ Петербургѣ это не понравится». Рыковъ послѣ нѣсколькихъ возраженій раскланялся съ губернаторомъ и, сумрачный, сердитый, пошелъ по аллеѣ къ выходу.

И было въ самомъ дѣлѣ отъ чего сердиться; кромѣ того, что скандальное происшествіе этого утра клало очень и очень неблаговидное пятно на честь Николая Филипыча и его супруги, это бы еще ничего: но дурно было то, что поступки Анны Ивановны и Николая Филипыча могли легко возстановить противъ него и князя Тараканова и губернатора, и тогда прощайте безгрѣшные и грѣшные доходы всякаго рода, а тутъ еще, какъ на бѣду подоспѣлъ—рекрутскій наборъ....

Полонъ такихъ грустныхъ мыслей Рыковъ, шелъ по аллеямъ и вопреки своей обыкновенной замашкѣ не дралъ носа кверху, а напротивъ насупился, сгорбился и опустилъ его книзу. Даже усѣвшись въ карету и отправившись домой, онъ не могъ успокоиться: его все тревожила мысль о безвыходности его служебнаго положенія.

Однако напрасно очень горевалъ Николай Филипычъ: судьба берегла его, какъ нѣжная мать, и уже вполовину поправила ошибки его и его жены. Роза Ивановна окончательно свела съ ума князя Тараканова, которому даже назначила свиданье *tête-à-tête* въ своемъ домѣ, — а она была добрая союзница, потому что выгоды ея того требовали. Другая власть, то есть Муходавлевъ, тоже долженъ былъ скоро перейти на сторону Рыкова: это устроила Анна Ивановна, уже давно раскаявшаяся въ своей неприличной сценѣ съ Баламутовой.... Но оставимъ это до слѣдующей главы.

НОВАЯ ВЕСНА.

(изъ гейне).

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмыя въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Долъ пустыненъ, лѣсъ безжизненъ.
Все вокругъ темно, уныло,
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцѣ,
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтки липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли;
Весь обсыпанъ, грустно молвишь:
«Дождался опять метели!»

Но вглядись — и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый,
То цвѣтовъ весеннихъ бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились:
Дышетъ маемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вешними цвѣтами
И ты самъ сталъ сердцемъ молодъ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПЕРЛЫ И ПѢСНИ.

(съ нѣмецкаго).

Къ морскому берегу рыбачка молодая
Идетъ, лишь утренній повѣетъ вѣтерокъ;
И видитъ груды тамъ коралловъ драгоцѣнныхъ
И перловъ, брошенныхъ волнами на песокъ.

Довольная своимъ сокровищемъ нежданнымъ,
Она украсить имъ спѣшитъ простой нарядъ;
И въ мягкій шолкъ волосъ жемчужины вплетая,
Завистливыхъ подругъ угадываетъ взглядъ.

Но, ахъ! не думаетъ счастливая малютка,
Что вѣтеръ злой въ тотъ мигъ, какъ перлы ей дарилъ,
Быть можетъ не одну головку молодую
И не одинъ корабль въ пучину погрузилъ!

И ты, дитя мое, прими съ улыбкой пѣсни,
Что нынѣ въ даръ тебѣ пѣвцомъ принесены,
И, какъ рыбачка та, забудь, что извлекаетъ
Ихъ буря изъ его душевной глубины!

А. Плещеевъ.

САРДИНСКАЯ АРМІЯ,

СПОСОБЪ ЕЯ НАБОРА И СОДЕРЖАНІЯ.

Народъ вообще съ трудомъ понимаетъ необходимость налога. Ему представляется, что единственное здѣсь основаніе капризъ или произволъ. По мѣрѣ того какъ просвѣщеніе проникаетъ въ невѣжествующія массы, многое для нихъ объясняется, на многое онѣ смотрятъ иначе. Можетъ быть, со временемъ и взносъ опредѣленной суммы въ казну покажется имъ приношеніемъ обыкновеннымъ, даже необходимымъ въ томъ смыслѣ, что государство на свои нужды, на общія народныя нужды, не въ состояніи имѣть ни единаго гроша, который бы не вышелъ изъ кармана его подданныхъ. Положимъ, что мы идемъ къ этому золотому вѣку здравыхъ понятій и убѣжденій. Пока мы видимъ другое. Въ наше время, едва-ли найдется человѣкъ, который, приготовляя къ взносу въ казначейство или сборщику податей заработанную въ потѣ лица копѣйку, не произнесъ бы печальнаго ей напутствія, а порой и укора. Впрочемъ, не одинъ простолюдинъ поступаетъ такъ. Съ повышеніемъ соціальныхъ ступеней, когда увеличивающіяся матеріальныя средства, по необходимости и по всей справедливости, должны соотвѣтствовать и болѣе значительнымъ налогамъ, не рѣдко слышится не меньшій ропотъ.

Если налогъ денежный, вещественный производитъ подобное впечатлѣніе на массы, то налогъ личный весьма естественно долженъ производить впечатлѣніе еще сильнѣйшее. Здѣсь финансовый или экономическій вопросъ уже въ связи со всѣмъ, что че-

ловѣческое сердце заключаетъ нѣжнаго. Взгляните на мать или жену, когда они *добровольно* отпускаютъ въ дальній путь одна сына, другая мужа; прислушайтесь къ ихъ страданіямъ. Но здѣсь у нихъ есть покрайней мѣрѣ утѣшеніе, что сынъ или мужъ идетъ для своего или общаго семейнаго блага, что онъ можетъ возвратиться когда захочетъ, что они могутъ когда имъ угодно призвать его, что онъ, по истеченіи извѣстнаго срока, возвратится въ лучшемъ положеніи, съ деньгами, съ почестями, съ опытностью, увидитъ свѣтъ и себя покажетъ. Поставьте этихъ бѣдныхъ женщинъ, куда хотите, на верхъ или на низъ іерархической лѣстницы; сдѣлайте изъ нихъ дворянку и знатную барыню, или несчастную поселянку, — проявленія одни. Работникъ, котораго теряетъ послѣдняя, переноситъ пару рукъ и трудъ свой только на другую почву, на иное поприще. Слѣдовательно, результаты его труда принадлежатъ если не совсѣмъ, то частью той же семьѣ. Отпустить сына или мужа *по неволѣ* — далеко не то. Еще тяжелѣе отпустить его въ солдаты. Говорите женѣ, матери, сестрамъ, что это священный долгъ каждаго гражданина, что воинъ — высокій защитникъ отечества, что роль его завидна. Онѣ будутъ отвѣчать вамъ слезами, рыданіями. Передъ воображеніемъ этихъ кровныхъ натуръ рисуются иныя картины: путь до губернскаго города, рекрутское присутствіе, тяжелая наука подъ указкой ефрейтора, неумолимая дисциплина, продолжительная разлука, гдѣ невольнымъ забвеніемъ смѣняются всѣ семейныя узы, наконецъ эта неизвѣстность съ ея тысячью смертей въ походахъ, переходахъ, битвахъ, непогодахъ, лишеніяхъ всякаго рода... Грубость наружной коры, которую преимущественно и едва ли не исключительно поражаетъ тяжелый жребій, не всегда такъ невоспріимчива, какъ мы думаемъ. Напротивъ, незнакомая съ тонкостями образованныхъ успокоеній, безъ рессурсовъ, способствующихъ стоически переносить удары судьбы, сердце тѣмъ болѣе концентрировано, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ горестную утрату. При видѣ этихъ слезъ и воплей, невольно думаешь, ужь не собираются ли человѣка живаго и здороваго, ни за что, ни про что, отправить на тотъ свѣтъ?

Обязанностью филантропа было войти въ такое положеніе, изыскать средства уменьшить долю зла, постигающаго человѣчество и могущаго быть устраненнымъ или значительно уменьшеннымъ. Изъ чудовища, какимъ для необразованной массы представлялась ожидавшая ее участь, необходимо было создать менѣе ужасающую форму, истребить укоренившіяся въ ней на этотъ счетъ временемъ и опытомъ повѣрія, успокоить опасенія, доказать однимъ словомъ, что того, чего она боится, нѣтъ и быть не можетъ. Чтобъ достигнуть этой цѣли, надо было прежде всего

обратиться къ существовавшей во время оно системѣ набора и разсмотрѣть, нельзя ли преобразовать ее на болѣе гуманныхъ основаніяхъ, сдѣлать изъ службы національное занятіе и сократить вообще ея терминъ. Въ этомъ случаѣ филантропъ сошелся съ экономистомъ, который требуетъ, чтобъ отъ земли или отъ работы не было отрываемо полезныхъ рукъ, и утверждаетъ, что основа и опора государства—не солдатъ, а земледѣлецъ, точно такъже какъ средство къ общественному преуспѣянію—не штыкъ, а соха. Селянинъ, на основаніи опредѣлительнаго, нелицепріятнаго закона взятый на службу, никогда не долженъ забывать, что онъ рано или поздно, а непремѣнно обязанъ обратиться въ тогоже селянина, какимъ былъ и всегда будетъ; что возвратясь онъ найдетъ оставленный кровъ, мать, семейство, друзей; что онъ начнетъ туже самую достойную всякаго уваженія жизнь, изъ которой правительство, для общихъ потребностей государства. Человѣкъ, устарѣвшій подъ ранцемъ, успѣлъ забыть все, что зналъ, будучи юношей, отвыкъ отъ полевыхъ занятій, разнакомился съ ремесломъ, которымъ занимался съ дѣтства и для новой жизни, къ которой возвращаетъ его служба, не въ состояніи принесть почти ничего существенно-полезнаго. Еслибъ онъ и захотѣлъ, онъ уже не такъ легко можетъ слиться съ массой, изъ которой вышелъ; его умъ, его трудъ, вся жизнь, въ лучшей порѣ ея, издержаны въ совершенно другой сферѣ дѣятельности, гдѣ онъ освоился съ другими людьми, съ другими понятіями и принялъ уже трудно искореняемыя привычки. Возьмите въ примѣръ Францію, по преимуществу военную державу, за ней Пруссію и Піэмонтъ. Новѣйшія преобразованія по части рекрутскаго набора привели къ тому, что тамъ солдатъ, едва скинулъ онъ мундиръ, становится частью общаго цѣлаго, и подъ селяниномъ, продавцомъ, извощикомъ, лакеемъ и пр., съ которыми вы имѣете дѣло, вы съ трудомъ узнаете бывшаго военнаго. Въ Піэмонтѣ правительство дѣлаетъ еще болѣе. Оно беретъ грубаго пастуха съ его неприступныхъ горъ, или необразованнаго земледѣльца съ его пажитей, и черезъ пять лѣтъ возвращаетъ его тѣмъ же горамъ, тѣмъ же полямъ, но въ теченіе этого времени, оно успѣло обучить его чтенію, письму, ариѳметикѣ, закону Божію, стрѣльбѣ въ цѣль, фехтованію, гимнастикѣ. Онъ такимъ образомъ вноситъ сюда элементъ образованности, вмѣстѣ съ любовью къ ремеслу своихъ отцовъ, отъ котораго не имѣлъ времени отвыкнуть. Говорятъ, старый солдатъ въ рядахъ имѣетъ неотъемлемыя достоинства,—устойчивѣе, опытнѣе, надежнѣе. Положимъ, что это до нѣкоторой степени справедливо; поставьте однако на его мѣсто молодаго солдата, и вы не замедлите убѣдиться, что этотъ принесетъ едва ли не болѣе пользы. При умномъ и добромъ начальникѣ, умѣвшемъ

возбудить въ немъ благородный инстинктъ, онъ горитъ честолюбіемъ, ищетъ случая выказать себя, достичь отличій. По естественному закону своей организаціи, онъ болѣе живъ, воспріимчивъ, способенъ лучше переносить тягости и лишенія, легче увлекаться... Подобными массами управлять несравненно удобнѣе. Старый солдатъ идетъ, куда прикажутъ, это правда; но на стычку съ непріятелемъ не всегда несетъ то задушевное увлеченіе, ту безотчетную отвагу, на какія способна юная натура, не бѣжитъ явно отъ дѣла, но на него и не напрашивается.

Во всѣхъ государствахъ запада системы отбытія военной повинности болѣе или менѣе сходятся на уменьшенныхъ по возможности срокахъ службы, и главное на смыслѣ законовъ, выражающихъ заботливую предусмотрительность къ нуждамъ и пользамъ страны и гражданъ.

Я не разъ былъ свидѣтелемъ, до какой степени процессъ вербовки рекрутъ въ Сардинскомъ королевствѣ простъ и человѣченъ. Между тѣмъ цѣль, до которой хочетъ достигнуть правительство, нисколько отъ того не страждетъ. Напротивъ. Разумѣется, и здѣсь есть своего рода невыгоды; но взвѣсивъ ихъ съ тѣмъ, что было прежде, нельзя не придти къ убѣжденію, что принятая здѣсь система достойна вниманія. На всякій случай неизлишнимъ считаю прибавить, что большая часть выводовъ, приводимыхъ мною, подтверждена личными моими наблюденіями, и что всѣ цифры, которыя будутъ приведены впослѣдствіи, заимствованы мною изъ оффиціальныхъ источниковъ.

I.

Со времени первой французской революціи, на итальянскомъ полуостровѣ, для рекрутскихъ наборовъ, была введена система конскрипціи, которая и удержалась вездѣ, за исключеніемъ однихъ Папской Области, гдѣ существуетъ добровольное обязательство или вербовка. Въ Сардинскомъ королевствѣ, которымъ мы исключительно намѣрены заняться, до статута, т. е. до 1848 г. когда не было гласности, несмотря на раціональный наборъ, были свои несправедливости. Съ того времени онѣ совершенно исчезли. До 1853 года большая часть рекрутъ была обязана служить 16 лѣтъ, съ слѣдующимъ подраздѣленіемъ: 1 годъ подъ ружьемъ, 7 лѣтъ въ безсрочномъ отпуску и 8 въ резервной арміи. По послѣдовавшему послѣ того закону, 16-ти лѣтній срокъ сокращенъ на половину; нынѣ 8 лѣтъ дѣйствительной службы искупаютъ все; но при этомъ каждому солдату дано

право, по истеченіи 5 лѣтъ, требовать отпуска съ тѣмъ условіемъ, что вмѣсто остающихся за нимъ 3 лѣтъ, онъ проведетъ въ *безсрочномъ отпуску*, оставаясь въ полномъ распоряженіи правительства, двойное число или 6 лѣтъ. — До 1853 года, со всего королевства для дѣйствительной службы бралось отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ, т. е. 1 изъ 275 и 247.

Въ 1853 году правительство признало полезнымъ, въ добавокъ къ безсрочнымъ отпускнымъ, имѣть опредѣленный резервъ, который бы:

1) не отягощалъ государственныхъ финансовъ,

и 2) не причинялъ отягощенія классамъ народа, обязаннымъ несть бремя военной службы.

Другими словами,—принять мѣру, которая бы интересамъ арміи не приносила въ жертву государственныхъ интересовъ и гражданскихъ интересовъ семействъ и цѣлой страны.

Съ этой поры было принято раздѣлять наборъ на *двѣ категоріи*. Въ *первой* числились люди, обязанные несть военную службу; во *второй* тѣ, которые должны были составлять резервъ. Число послѣдняго, за исключеніемъ безсрочно отпускныхъ, было опредѣлено въ 3,000 чел.

Съ 1855 года, *вторая категорія* была увеличена до 4,000 чел.

Въ іюлѣ 1857 года, по закону, который, въ настоящее время сохраняетъ свою полную силу, постановлено брать, со всего числа поступающей въ конскрипцію молодежи, 9,000 чел., для дѣйствительной службы, а всѣхъ остальныхъ за тѣмъ, которые не подлежатъ никакимъ законнымъ изъятіямъ, считать въ резервѣ. Этотъ *резервъ* или *вторая категорія* не составляетъ *второй арміи*. Это не что иное, какъ разсадникъ людей, которые нѣсколько пріучены къ военному дѣлу и, въ случаѣ нужды, могутъ пополнять выбылыхъ изъ строю. Они, въ теченіе 5 лѣтъ, *но не болѣе*, состоятъ въ распоряженіи правительства, и въ продолженіе этого времени *только одинъ разъ* призываются на 40 дней (отъ 20 мая по 30 іюня) для обученія въ лагерѣ, campo d'istruzione. Въ это время ихъ содержатъ, какъ настоящихъ солдатъ. Послѣднія войны за ломбардскую независимость доказали, до какой степени резервы необходимы. Если ихъ организовать только тогда, какъ настаетъ нужда, эти импровизированные солдаты далеко не соотвѣтствовали бы своей цѣли, вдругъ оторванные отъ своего дѣла. *Вторая категорія* образуетъ ихъ нѣсколько. Главное, она пріучаетъ ихъ къ мысли, что они тѣже солдаты, и рано или поздно должны явиться на службу. Кромѣ того, въ мирное время есть всѣ средства на-досугѣ разсмотрѣть и повѣрить уваженія, освобождающія того или другаго отъ службы. Въ военное время не то.

Тутъ торопиться необходимо. Такимъ образомъ, чрезъ это отклоняются возможныя несправедливости. Содержаніе *второй категоріи* правительству ничего не стоитъ, потому что тутъ не требуется ни платы жалованья, ни одежды. Одно campo d'istruzione примѣрно для *девяти тысячь* чел. резерва (*) требуетъ не болѣе 400,000 франковъ.

По закону 20 марта 1854 г., исполнительной власти было дозволено, безъ особаго разрѣшенія, переводить людей изъ *второй категоріи* въ *первую*, и такимъ образомъ тѣхъ, которые, въ обыкновенное время, долженствовали явиться только на 40 дней для обученія, ставить въ ряды дѣйствительнаго войска и заставлять несть службу въ теченіе 8 лѣтъ. По закону 1857 года, этотъ переводъ, послѣ окончательнаго заключенія дѣла по рекрутской повинности (discarico finale), можетъ быть произведенъ не иначе, какъ по особому королевскому рескрипту. Такимъ образомъ *вторая категорія* совершенно обезпечена на счетъ того, что не сегодня—завтра надо стать подъ ружье. Она не пополняетъ убылей въ полкахъ, не комплектуетъ безсрочно отпускныхъ, и знаетъ, что за исключеніемъ развѣ войны или необыкновенныхъ обстоятельствъ, никто не можетъ располагать ею. По достиженіи 26 лѣтъ (здѣсь въ рекруты поступаютъ на 21-мъ году) люди этой категоріи совершенно свободны отъ всякой военной повинности. Сверхъ того, по прежнему закону, они не могли вступать въ бракъ безъ особаго разрѣшенія военнаго министра, и въ случаѣ, если это дѣлали, то ихъ немедленно переводили изъ *второй категоріи* въ *первую*. Необходимость оставаться холостымъ въ теченіе пяти лѣтъ, до 26 лѣтняго возраста, представляла для земледѣльческаго класса большое лишеніе и важный ущербъ для хозяйства. Новый законъ отмѣнилъ это. Всѣ, не попавшіе въ *первую категорію*, имѣютъ полное право жениться.

Въ дѣлѣ рекрутской повинности, система, болѣе приближающаяся къ совершенству, болѣе отличающаяся принципомъ справедливости, есть, безъ сомнѣнія, та, гдѣ граждане, для исполненія лежащаго на нихъ долга, призываются подъ возможно-одинаковыми условіями. Достигнуть абсолютной справедливости чрезвычайно трудно. Положимъ, правительство вздумало бы заставить всѣхъ молодыхъ людей, *поочереди*, одинаково опредѣленное время несть службу. Чего бы оно достигло? Развѣ того, что причинило бы большое неудобство финансамъ и военной службѣ, и едвали бы кого особенно удовлетворило. Когда можно оказать пользу большинству чрезъ уменьшеніе

(*) *Примѣч.* Среднимъ числомъ, за поступленіемъ 9 т. чел. въ дѣйствительную службу, въ резервѣ остается почти столько же. Это будетъ объяснено подробнѣе впослѣдствіи.

лежащаго на немъ бремени, не есть ли уже и то большая заслуга? Нѣкоторые утверждаютъ, будто предоставленіе на произволъ судьбы, какъ дѣлается въ конскрипціи, вопроса, кому идти подъ ружье и кому нѣтъ, смотря по тому, кто вынулъ изъ урны меньшій или большій нумеръ, также вещь не весьма нормальная. Какъ однако не согласиться, что при тѣхъ обезпеченіяхъ, какія представляэтъ законъ, при тѣхъ исключеніяхъ, какими каждому дано право пользоваться, при той гласности, какая тутъ существуетъ, каждый гораздо охотнѣе предоставитъ этотъ капитальный для него вопросъ жребію, чѣмъ возложитъ свою судьбу на чей бы ни было приговоръ, гдѣ, при всемъ желаніи быть справедливымъ, невозможно иногда не допустить нѣкотораго лицепріятія и не поблагопріятствовать одному на счетъ другаго. Здѣсь покрайней мѣрѣ рѣшаетъ одинъ слѣпой случай, безъ ущерба однако тѣмъ, кто имѣетъ право быть исключеннымъ; и человѣку, на долю котораго выпалъ нумеръ, не-на кого пенять или жаловаться. Система конскрипціи при этомъ и несравненно менѣе сложна.—Мы впрочемъ не говоримъ, чтобъ она была выше всѣхъ другихъ системъ и одна была удобопримѣнима. Правительства обязаны преимущественно придерживаться той формы набора, которая болѣе соотвѣтствуетъ быту народа и его понятіямъ о справедливости; но все таки повторяемъ, что внѣшняя ея обстановка должна на гласности и законности.

При введеніи закона 1857 года, нѣкоторые опасались, что цифра *второй категоріи* будетъ чрезмѣрно увеличена. Мы увидимъ впослѣдствіи, что изъ 52,000 молодыхъ людей, на 21 году вписанныхъ въ рекрутскія сказки, для конскрипціи 1857 года, едва третья часть, т. е. 18,000 чел., оказалось способною къ дѣйствительной службѣ. Взявъ въ этомъ году подъ ружье 9,000 чел., правительство къ *второй категоріи* отчислило не болѣе 9,000 чел. Другое опасеніе состояло въ томъ, что слишкомъ сильное увеличеніе объема *второй категоріи* можетъ быть предосудительно для преуспѣянія земледѣлія и промышленности. Это опасеніе оказалось безъ большаго основанія. Обязанности, лежащія на людяхъ *второй категоріи*, весьма не важныя. Время, когда ихъ собираютъ (однажды въ пять лѣтъ), выбрано именно то, когда однѣ полевыя работы окончены, другія еще не должны начинаться. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, на переѣздъ до лагерей, campo d'istruzione, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ, требуется много-много сутки. Прибывъ на мѣсто, они находятъ хорошее помѣщеніе, добрую пищу; ихъ обучаютъ опытные офицеры; въ военныхъ занятіяхъ они пріобрѣтаютъ ловкость и развитіе физическихъ силъ. Къ тому 40 или 45-дневное отсутствіе для людей, которые взяты за всѣми необходимыми для хозяйствен-

ныхъ нуждъ исключеніями, не можетъ быть весьма чувствительно, особенно, если принять въ разсчетъ, что, въ продолженіе этого періода, они, какъ мы сказали, не слишкомъ много были бы заняты дома. Впрочемъ, тоже самое дѣлается въ Пруссіи и Швейцаріи, и примѣры доказываютъ, что столь непродолжительное отсутствіе не въ состояніи представить серьёзнаго помѣшательства ни земледѣлію, ни другимъ занятіямъ. Для тѣхъ, кого бы это могло связывать, есть средство обойтись безъ дальнаго переѣзда до campo d'istruzione. Въ главныхъ городахъ, гдѣ существуютъ военные штабы, каждую весну учреждаются специальные курсы для солдатъ. Тутъ ихъ обучаютъ фрунту, управленію оружіемъ, стрѣльбѣ въ цѣль. Посѣщая эти школы въ извѣстный періодъ времени и въ извѣстные часы, солдаты, записанные во *вторую категорію*, избавляются уже отъ дальнѣйшихъ обученій. Это средство хорошо еще и тѣмъ, что правительство сохраняетъ расходы по прокормленію и помѣщенію, такъ какъ здѣсь предполагается, что солдаты живутъ въ томъ же городѣ или покрайней мѣрѣ отбываютъ свою обязанность, не слишкомъ отдаляясь отъ дому.

Противники новаго закона, допуская, что отбыть одинъ разъ въ пять лѣтъ лагерную службу не важно, находятъ важнымъ то, что молодые люди, попавшіе во *вторую категорію*, не могутъ, какъ требуетъ законъ, выходить свободно, какъ бывало прежде, за границу. На это можно возразить, что подобное право у нихъ не отнято, но только подчинено нѣкоторымъ условіямъ. Такъ напримѣръ, если нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что подобные люди, удаляясь изъ отечества, хотятъ избавиться отъ лежащей на нихъ обязанности, военныя начальства провинціи имѣютъ полное право выдавать имъ дозволеніе на полученіе заграничнаго паспорта, за исключеніемъ только Америки и Восточной Индіи. Разумѣется, это дозволеніе прекращается на время войны или другихъ необыкновенныхъ обстоятельствъ.

По закону о конскрипціи, всѣ молодые люди, безъ исключенія, будь они дворяне, владѣльцы, ремесленники, духовные, разночинцы и пр. и пр., должны подвергаться жребію. Сверхъ всевозможныхъ исключеній, о которыхъ мы упомянемъ ниже, для людей достаточныхъ существуетъ еще здѣсь средство избавиться отъ рекрутства, это — поставить охотника за себя, или уплатить слѣдующую на то сумму. Это здѣсь называется словомъ surrogazione. Чтобъ *суррогаціи*, т. е. замѣны, не были ни затруднительны, ни слишкомъ дороги, законъ 1854 г. упростилъ вопросъ, дозволивъ каждому желающему вносить за себя въ государственное казначейство 3,000 фран. Въ законѣ упоминается, что при каждомъ рекрутскомъ наборѣ мо-

жетъ быть внесено въ *суррогаціонные* (замѣнные) списки столько человѣкъ, сколько въ полкахъ окажется охотниковъ продолжать службу (assoldamento). Въ предпослѣдніе два набора, т. е. въ 1856 и 1857 году оказалось, что число послѣднихъ значительно превосходило число просьбъ о *суррогаціи*, такъ что военный министръ не только могъ *освободить* отъ рекрутской повинности всѣхъ тѣхъ, которые во время набора въ состояніи были взнесть установленную сумму въ 3,000 франк., но даже и тѣхъ, которые, будучи уже записаны въ полки (incorporati), имѣли возможность представить туже премію.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса, не было ли бы прилично уничтожить или ограничить обыкновенныя, т. е. безъ посредства правительства, *суррогаціи* (какъ это недавно введено во французской имперіи, гдѣ *суррогаціи* допущены только между братьями и родственниками до 6 колѣна), на томъ основаніи, что одного военнаго элемента было бы достаточно для удовлетворенія просьбъ тѣхъ, которые желали бы избавиться отъ службы. Не мѣшаетъ однако имѣть въ виду, что, по существующему нынѣ уставу, люди, вписанные въ рекрутскіе списки, и не имѣющіе намѣренія воспользоваться дарованнымъ имъ средствомъ освобожденія, имѣютъ все-таки право замѣщать себя *охотниками* (rimpiazzanti). Въ качествѣ охотниковъ законъ допускаетъ только:

Во 1-хъ, людей *второй категоріи*, изъявившихъ на то согласіе въ теченіе одного года со дня полученія ими *окончательнаго увольненія* (congedo), т. е. по истеченіи 5-лѣтняго термина ихъ состоянія во *второй категоріи*; и

Во 2-хъ, людей, освобожденныхъ отъ рекрутской обязанности по разнымъ семейнымъ уваженіямъ.

Въ наборъ 1857 г., обыкновенныя *суррогаціи*, произведенныя въ рекрутскихъ совѣтахъ, простирались до 63, а средняя цѣна до 1,950 франк (*). Умѣренность этой цифры доказываетъ, что не было недостатка въ людяхъ, желавшихъ добровольно и сознательно служить за другихъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ объясненій, разрѣшающихъ главные пункты оппозиціи противъ закона 1857 г., остается доказать, что за назначеніемъ въ *первую категорію*, т. е. въ дѣйствительную при полкахъ службу, 9,000 чел. (цифра нормальная въ обыкновенное время), и за отнесеніемъ во *вторую категорію* всѣхъ тѣхъ, которые остаются внесенными въ списки, какъ способные къ службѣ, число этой послѣдней категоріи не можетъ превосходить 8 или 9 тысячъ человѣкъ.

(*) Во Франціи, на 1858 годъ эта плата (*la taux de la prestation individuelle*) опредѣлена въ 2,000 франковъ.

Основный законъ о рекрутской повинности весьма строго разсматриваетъ физическую годность (idoneità) къ военной службѣ, и вмѣстѣ оказываетъ большое снисхожденіе къ освобожденію (esenzioni) по семейнымъ обстоятельствамъ.

Разбирая статистическія таблицы послѣднихъ рекрутскихъ наборовъ въ Пьэмонтѣ, можно придти къ тому выводу, что во всемъ государствѣ, среднимъ числомъ, на каждые 100 чел., внесенныхъ въ списки конскрипціи и подлежащихъ разбору рекрутскихъ совѣтовъ (consigli di leva):

31 чел. остаются за реформой (sono riformati) по болѣзни, или разнымъ тѣлеснымъ недостаткамъ, освобождающимъ отъ службы (*).

23 чел. по семейнымъ уваженіямъ (**).

6 чел. остаются до слѣдующаго набора, по причинѣ болѣзней (infermita), могущихъ быть излѣченными; по нахожденію подъ судомъ; по недостатку указаннаго роста (***) и проч.

4 чел. не являются къ набору и признаются бѣглыми (renitenti). Эта огромная пропорція относится къ многочисленнымъ эмигрантамъ прибрежныхъ провинцій, которые съ молодыхъ лѣтъ, для прінсканія пропитанія, отправляются въ дальніе края. Сюда же включены и люди неизвѣстные, вписанные въ метрическія книги той мѣстности, гдѣ жили временно ихъ родители, а частію и умершіе.

2 чел. исключаются по незаконному внесенію въ конскрипціонныя сказки, какъ наприм. умершіе, подданные другихъ державъ, лица, записанныя вдойнѣ и пр.

Всѣ эти исключенія сокращаютъ со 100 на 34 чел. число людей, остающихся для дѣйствительной военной службы; другими словами, изъ всего числа вписанныхъ въ общіе списки каждаго набора только *третья часть* съ сущности подлежитъ набору. — Во Франціи, по отчету 1858 г., изъ 100 человѣкъ, вписанныхъ въ списки, набору подлежали 45 чел. Этотъ перевѣсъ происходитъ отъ того, что въ Сардинскомъ королевствѣ законъ представляетъ болѣе причинъ къ освобожденіямъ отъ рекрутской повинности, вслѣдствіе семейныхъ уваженій.

Имѣя въ виду, что среднее число людей, ежегодно внесенныхъ въ списки, простирается до 52,000 чел., число способныхъ къ военной службѣ ограничивается такимъ образомъ 17 или 18 тысячами человѣкъ.

(*) Во Франціи *les reformés* простираются отъ 30 до 32 на 100.

(**) Во Франціи это представляетъ цифру менѣе, чѣмъ 17 на 100.

(***) Тѣ, которые не достигли 1 метра 54 сантиметровъ (т. е. 2 аршина 3 вершка) рѣшительно отсылаются домой; тѣ, кто болѣе 1 метр. 54 сант., но менѣе 1 метр. 56 сант., отсылаются къ будущему набору.

Въ рекрутскій наборъ 1857 г., вписанныхъ въ метрическія сказки 1836 года было всего 52,068 чел., а число попавшихъ въ рекруты только 17,705 чел. (изъ которыхъ въ 1-ю категорію зачислено 8,873 чел. (*) и во 2-ю 8,832 чел.),

Все это достаточно доказываетъ, что при подобной системѣ рекрутской повинности, гражданскіе интересы государства неочень рискуютъ быть принесенными въ жертву интересамъ военнымъ. Назначеніе *одной трети* молодыхъ людей въ военную службу (считая тутъ и *вторую категорію*, которая только въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть призвана подъ ружье), конечно, значительно, но это не составляетъ однако *необыкновенно-тяжелаго бремени* для государства. Во Франціи мы видимъ почти тоже. *Одна треть* призывается подъ ружье, *двѣ трети* избавляются. Тутъ среднимъ числомъ вписанныхъ ежегодно въ списки отъ 300 до 310 тысячъ чел., изъ которыхъ въ обыкновенное время берется 100,000 человѣкъ.

Законъ 1857 г. былъ принятъ народомъ безъ особеннаго ропота. Оффиціальныя донесенія удостовѣряютъ, что ни одной просьбы ни отъ общинъ, ни отъ частныхъ лицъ не поступило въ военное министерство на счетъ безграничнаго расширенія кадры *второй категоріи*, и ни одинъ изъ 8,832 чел. не возразилъ противъ постигшей его участи. Народный смыслъ не замедлилъ постигнуть духъ этихъ нововведеній и убѣдиться, что если числительное количество контингента *второй категоріи* увеличилось, то, напротивъ, уменьшились обязанности, лежавшія на солдатахъ этой категоріи, и что вообще налогъ, который здѣсь считается данью патріотизма, необходимою для защиты всѣхъ и каждаго, распредѣленъ съ бо́льшей, чѣмъ прежде, справедливостью.

II.

Въ извѣстное время, обыкновенно весной, сардинскій военный министръ вноситъ въ Законодательную Палату проэктъ закона о произведеніи по всему государству рекрутскаго набора (leva) по *такому-то классу* (**) и на *такой-то* годъ. По этому закону, всѣ молодые люди безъ исключенія, дворяне, мѣщане, духовные, земледѣльцы и пр., достигшіе 21-го лѣтняго возраста, должны явиться

(*) До 9,000 чел., недостаетъ здѣсь 127 чел.,—это объяснено ниже.

(**) Подъ словомъ *классъ* разумѣются всѣ люди, родившіеся въ извѣстномъ году и подлежащіе одновременно конскрипціи. Такъ въ 1857 году призывался классъ 1836 года.

къ конскрипціи. По разсмотрѣніи проэкта въ палатѣ и затѣмъ въ сенатѣ, онъ конфирмуется королемъ и для приведенія въ исполненіе разсылается къ генералъ-интендантамъ (профектамъ) и военнымъ начальствамъ въ провинціяхъ. Генералъ-интенданты немедленно сообщаютъ о томъ, по принадлежности, синдикамъ (мерамъ) всѣхъ общинъ, а военныя начальства комендантамъ и рекрутскимъ коммиссарамъ (maggiori di leva). Синдикъ между тѣмъ, въ началѣ каждаго года, обязанъ опубликовать (обыкновенно публикаціи выставляются въ рамкахъ или наклеиваются на стѣну, при входѣ въ ратушу) всѣхъ рожденныхъ въ его общинѣ въ *такомъ-то* году, т. е. имѣющихъ 20 лѣтъ, которые должны принять участіе въ предстоящей (*) конскрипціи. Это дѣлается для того, чтобъ каждый зналъ, что его очередь наступила, и тѣ, которые внесены не законно, имѣли возможность заблаговременно представить объясненія или документы. Тутъ же сообщаются и положительныя свѣдѣнія на счетъ тѣхъ, о смерти которыхъ не дано знать синдикамъ. Все, что поступаетъ въ это время въ ратушу, свѣдѣнія, объясненія и документы, изготовляется для заблаговременнаго представленія коммиссарамъ.

По прошествіи извѣстнаго времени послѣ обнародованія закона, обыкновенно мѣсяца черезъ два, военное министерство предписываетъ *рекрутскимъ совѣтамъ* (consigli di leva), когда именно приступить къ операціи въ той или другой общинѣ, опредѣливъ день открытія и закрытія засѣданій. Вся процедура не беретъ болѣе *трехъ мѣсяцевъ*.

Въ извѣстный срокъ, рекрутскіе коммиссары отправляются каждый во всѣ общины опредѣленныхъ имъ округовъ (mandamento) и тутъ на мѣстѣ провѣряютъ списки, о которыхъ мы говорили, дѣлая на нихъ отмѣтки или исключенія, какія синдики предлагаютъ имъ на основаніи законныхъ документовъ. Это совершается частію и чрезъ предварительную переписку, иначе публичныя засѣданія могли бы быть весьма продолжительны. Синдики обращаютъ на эту статью особенное вниманіе, такъ какъ по разсмотрѣніи коммиссарами списковъ и за тѣмъ по вынутіи конскриптами изъ урны нумеровъ, число людей, вписанныхъ въ списки каждаго округа, mandamento, служитъ основаніемъ для контингента *первой категоріи*. Тутъ уже послѣдующія исключенія не принимаются въ разсчетъ для передѣлки очередныхъ списковъ.

(*) Тѣ, которые по чему либо въ списки не попали, должны предупредить о томъ синдика. Иначе они подвергаются пени, тюремному заключенію, берутся въ солдаты безъ тиража и лишаются всѣхъ льготъ по выкупу и пр., какими пользуются ихъ товарищи.

Такъ напримѣръ, въ 1857 году, изъ 60,312 чел., вписанныхъ въ списки класса 1836 года, было, до вынутія конскриптами номеровъ, исключено 8,244 чел.

Въ томъ числѣ:

умершихъ.	6,508	чел.
поступившихъ во флотъ. .	743	—
иностранныхъ подданныхъ .	19	—
незаконно-вписанныхъ . .	103	—
вдвойнѣ вписанныхъ . . .	635	—
по разн. др. причинамъ . .	236	—
По окончаніи процедуры вынутія номеровъ, рекрутскими совѣтами исключено еще	984 (*)	—
Итого. . .	9,228	чел.

Я нѣсколько разъ присутствовалъ на актѣ конскрипціи. Молодежь, значущаяся по спискамъ, и по этому давно знающая о своей очереди, приготовляется къ нему въ своей общинѣ обыкновенно за нѣсколько недѣль. Это приготовленіе, болѣе или менѣе публичное, coram populo, и преимущественно состоитъ въ такъ называемой farandole, т. е. пляскѣ, или лучше топаньи подъ свирѣль и барабанъ, гдѣ молодежь движется впередъ, подпрыгивая, съ разными ужимками и гиканьемъ, по два въ рядъ, а время отъ времени останавливается, дѣлится на двѣ фаланги, дѣлаетъ родъ шена. Разумѣется, до, въ продолженіе и послѣ *фарандоли* производятся надлежащія возліянія Бахусу, что значительно увеличиваетъ шумъ этихъ демонстрацій. Обыкновенно онѣ производятся по воскреснымъ днямъ. — Наканунѣ роковаго тиража почти вся ночь проходитъ въ пѣніи, плясках, маршахъ и контромаршахъ, при чемъ одна община дѣлаетъ визиты другой. Все происходитъ, впрочемъ, довольно мирно; объ особенныхъ буйствахъ я никогда не слышалъ.

Въ назначенный день, рано утромъ, рекрутскій коммиссаръ, въ сопровожденіи карабинернаго (жандармскаго) офицера, мѣстнаго мера и своего секретаря, является для производства самой конскрипціи въ главный пунктъ округа, куда для сокращенія работы изъ

(*) Нѣкоторые округи не въ состояніи поставить законнаго количества рекрутъ (*contingente assegnato*), по причинамъ, независящимъ отъ доброй воли жителей. Такъ напримѣръ, въ г. Аостѣ, изъ 149 чел., вписанныхъ въ списки, община не могла выставить причитающейся обыкновенно изъ наличнаго числа *пятой съ половиной части*, т. е. 27 челов., а выставила только 24 чел. Всѣ вписанные были съ зобами, грыжей, недоросли и т. п. Въ 1857 г. было всего недочету 127 чел., которые взяты при слѣдующихъ наборахъ.

всѣхъ общинъ, приписанныхъ на время набора къ этому округу, собраны молодые люди по 21 году. Операція производится преимущественно въ какой нибудь церкви. У входа становится пикетъ изъ 4 или болѣе карабинеровъ. Синдики созванныхъ общинъ, каждый съ своимъ секретаремъ, въ черныхъ фракахъ и трехцвѣтныхъ шарфахъ, сидятъ за своими столами. Публика помѣщается, гдѣ можетъ,—на хорахъ, на паперти. Внутри другой пикетъ. Актъ начинается тѣмъ, что коммиссаръ громко читаетъ списокъ всѣмъ рожденнымъ въ *такой-то* общинѣ, въ *такомъ-то* году, о которомъ идетъ рѣчь. Синдикъ слѣдитъ по своему списку, и противъ каждаго имени, по заранѣе сдѣланнымъ отмѣткамъ, говоритъ: *здѣсь, на лицо*, или *умеръ*, или *въ отсутствіи* и т. д. Смерть, болѣзни или другія причины, ведущія къ рѣшительному или временному исключенію (cancellazione), онъ удостовѣряетъ надлежащими законно-утвержденными документами, которые коммиссаръ громко читаетъ и затѣмъ дѣлаетъ соотвѣтственную отмѣтку. Когда эта исторія кончена и число долженствующихъ принять участіе въ тиражѣ выяснено, онъ подводитъ послѣднимъ итогъ для того, чтобъ согласно съ тѣмъ изготовить потребное количество билетовъ, никакъ не болѣе и не менѣе. Иначе онъ подвергается отвѣтственности. Затѣмъ бросается жребій, съ какой общины начинать; послѣ чего дается приказаніе указанную общину пропустить въ церковь. Карабинеры разступаются, молодежь входитъ. Въ присутствіи этихъ людей, прямыхъ участниковъ совершающагося акта, коммиссаръ снова объявляетъ, что *столько-то* именно человѣкъ составляютъ итогъ молодежи, находящейся передъ нимъ общины, которая должна поступить въ солдаты; согласно тому отсчитываетъ нумеръ за нумеромъ, въ ихъ прогрессивномъ порядкѣ, соотвѣтствующее этому итогу количество билетовъ (*); свертываетъ ихъ одинаковымъ образомъ; продѣваетъ каждый, для большаго однообразія, въ мѣдное колечко; снова перелистывая, кладетъ ихъ одинъ за другимъ въ стеклянную, прозрачную урну; усердно мѣшаетъ и наконецъ начинаетъ вызывать, по именамъ и по порядку внесенія въ списокъ, каждаго изъ молодыхъ людей, какъ присутствующихъ, такъ и тѣхъ, которые роднымъ или синдику поручили взять за нихъ билетъ. Въ этотъ моментъ, когда рѣшается участь каждаго, любопытно слѣдить за физіономіями. Къ моему удовольствію, я долженъ сказать, что я никогда, или почти никогда не замѣтилъ, чтобъ какая либо изъ нихъ была сильно поражена, сильно встревожена. Всякій выступаетъ впередъ весьма не—

(*) Билетъ величиной вершка съ полтора. На немъ крупнымъ шрифтомъ печатый №, затѣмъ тотъ же самый № прописью, и въ заключеніе подпись коммиссара.

принужденно, снимаетъ свои сапоги (чтобъ стать подъ мѣрку), равнодушно подходитъ къ урнѣ, вынимаетъ билетъ, передаетъ его коммиссару, становится подъ мѣрку, и когда коммиссаръ громко объявилъ вынутый нумеръ, бросивъ его на столъ, а карабинерный вахмистръ (marechal-de-logis) объявляетъ, сколько въ новобранцѣ сантиметровъ, послѣдній, съ горя или радости, смотря по тому, высокъ или низокъ взятый имъ нумеръ (*), подходитъ или не подходитъ онъ подъ законную мѣрку, самъ рѣдко не огласитъ храма крикомъ: ги! ги! ги! не прибавитъ какого нибудь остраго словца, не возгласитъ: *буду лихимъ берсальере*, или *артиллеристомъ!* и, схвативъ сапоги и шляпу, не выскочитъ стремглавъ на улицу.

Все это происходитъ, какъ говорятъ французы, à la bonne. Зрители и свидѣтели улыбаются, власти дѣлаютъ видъ, будто ничего не замѣчаютъ. Ни въ комъ не замѣтно ни отчаянія, ни рѣзкаго неудовольствія, ни неумѣреннаго буйства. И отъ чего бы? Все совершается такъ человѣчно, такъ законно! Самый строптивый характеръ не найдетъ къ чему привязаться. Здѣсь всякій видитъ, что одна судьба рѣшаетъ его участь, что при томъ ни что отъ него не скрыто, все дѣлается публично, всѣ резоны, какіе каждый можетъ законно представить, чтобъ избавиться отъ конскрипціи, немедленно принимаются въ надлежащее уваженіе, и т. д. Въ случаѣ, еслибъ была допущена какая либо оплошность, напримѣръ: положено въ урну билетовъ даже однимъ болѣе или менѣе, чѣмъ слѣдовало, не забрано надлежащихъ справокъ и пр., военное министерство спѣшитъ разрѣшить дѣло въ пользу тѣхъ, кого несправедливость постигла; а жребій, если о немъ идетъ рѣчь, считаясь незаконнымъ, отлагается до слѣдующаго года.

Спустя мѣсяцъ по окончаніи этой процедуры, подлежащая къ службѣ молодежь должна, по особому извѣщенію, собираться въ главный городъ провинціи для окончательнаго освидѣтельствованія и разбора въ рекрутскомъ совѣтѣ (**). Здѣсь всякій имѣетъ право представить причины, по которымъ онъ могъ бы быть избавленъ отъ рекрутства и которыя по чему либо или не были въ свое время представлены ратушѣ, или не приняты ею въ уваженіе. Когда совѣтъ удостовѣрился, что никакихъ причинъ къ изъятію не суще-

(*) Прежде, когда въ резервъ требовалось только 3 т. чел., высокій № избавлялъ отъ рекрутства окончательно. Теперь никакой № отъ него не избавляетъ; но все-таки попасть во *2-ю категорію* пріятнѣе, чѣмъ въ *первую*. Ее могутъ не призвать никогда подъ ружье для дѣйствительной службы.

(**) Совѣты состоятъ изъ генералъ-интенданта (префекта), занимающаго мѣсто предсѣдателя, изъ депутатовъ отъ военнаго начальства, карабинернаго (жандармскаго) офицера и главнаго медика. *Засѣданія совѣта публичныя.* Въ Туринѣ, въ 1857 г. совѣтъ имѣлъ 50 засѣданій,

ствуетъ, новобранца подвергаютъ тщательному медицинскому осмотру. Это дѣлается самымъ человѣческимъ и приличнымъ образомъ, за ширмой, гдѣ каждый свидѣтельствуется поочереди въ присутствіи медика (*) и военныхъ депутатовъ. При этомъ молодыхъ людей не держатъ нагими по нѣскольку часовъ на лѣстницѣ или въ сѣняхъ, и что̀ еще непростительнѣе, въ присутствіи ихъ родственницъ, какъ это дѣлалось и едва ли не дѣлается еще въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ. Когда осмотръ удостовѣрилъ, что молодой человѣкъ, по тѣлеснымъ и умственнымъ условіямъ, способенъ къ службѣ, его ставятъ снова подъ мѣрку и окончательно записываютъ въ списокъ рекрутъ.

Послѣ того новобранцы распускаются по домамъ на 6 или на 8 недѣль. Эта льгота предоставлена имъ съ той цѣлью, чтобъ они, окончательно зная свою участь, имѣли время устроить свои домашнія дѣла и изворотиться въ томъ случаѣ, когда имъ необходимо требовать справокъ, документовъ и пр. и ходатайствовать передъ трибунами о незаконности ихъ внесенія въ списки. Тутъ они ждутъ, пока придетъ приказаніе явиться на службу тѣмъ изъ нихъ, которые, по разсчету военнаго министерства, отъ *такого-то* до *такого-то нумера*, выпавшаго на долю каждой общинѣ, должны поступить въ *первую категорію*. Тѣмъ изъ нихъ, которые не хотятъ, или по недостатку средствъ, не могутъ возвратиться домой, особенно если община отдаленна, дозволено оставаться при военномъ депо и начать свою службу. Это называется преждевременнымъ поступленіемъ (anticipata incorporazione). — Изъ общинъ въ полки рекруты отправляются съ назначеннымъ къ тому сержантомъ, и въ одеждѣ, какую они дома носили.

Въ числѣ 52,068 чел. вынувшихъ, въ 1857 году, во всемъ Сардинскомъ королевствѣ, билетовъ было:

рожденныхъ въ 1836 году . . . . 49,023 чел.
рожденныхъ до 1836 г., но пропущенныхъ въ прежнихъ спискахъ . . . . 656 —
рожденныхъ въ 1835 г., и оставленныхъ отъ прежняго набора къ настоящему (capi-lista). 2,389 — (**).

(*) Для предупрежденія подкуповъ, медики мѣняются каждый разъ, а приглашенія имъ разсылаются не ранѣе, какъ наканунѣ вечеромъ. Въ случаѣ болѣзни, освобождающей отъ рекрутства, совѣтъ самъ осматриваетъ рекрута или приглашаетъ для того новаго медика.

(**) Они обыкновенно стоятъ въ главѣ списковъ и ставятся отдѣльно отъ произведеннаго класса, такъ какъ записаны по предшествовавшимъ и только оставлены безъ распредѣленія впредь до перевѣрки, могутъ ли они, по росту или здоровью, быть солдатами.

Рекрутскими совѣтами изъ числа этихъ 52,068 чел. было исключено изъ списковъ 15,893 чел., частію по недостатку роста, частію по болѣзненному состоянію, что однако не мѣшало полковому начальству исключить, по болѣзни, еще 386 чел. Въ тоже время, собственно *по семейнымъ уваженіямъ*, было исключено 11,898 чел., т. е. 23 чел. изъ каждыхъ 100.

Уваженія, по которымъ эти послѣднія исключенія были допущены и которыя и теперь въ своей силѣ, относились:

1) Къ единственнымъ сыновьямъ отца, которому 50 лѣтъ. Такихъ исключеній было	3,111
2) Къ единственнымъ сыновьямъ отца, которому хотя и нѣтъ 50 лѣтъ, но который вдовъ и не въ состояніи заработать пропитаніе	52
3) Къ единственнымъ сыновьямъ или первенцамъ, а за неимѣніемъ сыновей, къ единственнымъ племянникамъ или первенцамъ вдовой матери, или вдовой бабки, или отца или дѣда, вступившихъ на 70-й годъ жизни.	3,777
4) Къ старшимъ братьямъ сиротъ безъ отца и матери, или къ единственнымъ братьямъ въ семьѣ сиротъ, способнымъ къ заработыванію хлѣба.	1,119
5) Къ имѣющимъ роднаго брата въ дѣйствительной службѣ	3,550 (*)
6) Къ имѣющимъ роднаго брата въ отставкѣ за ранами или по болѣзненному состоянію, причиненному службой	17
7) Къ имѣющимъ брата умершаго на службѣ отъ ранъ или т. п.	268
8) Къ имѣющимъ брата, умершаго въ безсрочномъ отпуску, но вслѣдствіе полученныхъ на службѣ ранъ или болѣзней.	3
9) Къ имѣющимъ брата, умершаго въ отставкѣ, но отъ той же причины	1
И того. . . .	11,898

Въ отношеніи къ воспитанникамъ духовныхъ училищъ уставъ разрѣшаетъ увольнять отъ военной службы *одного* чел. на каждые 20 тысячъ жителей. На этомъ основаніи въ 1857 году уволено 185 чел.

(*) Если въ семействѣ способныхъ къ военной службѣ, напримѣръ, 5 человѣкъ, то берется сначала *первый*, потомъ *третій*, наконецъ *пятый*, все черезъ одного. — Изъ двухъ близнецовъ берется тотъ, который взялъ № ниже. Въ числѣ 3,550 чел. такихъ исключеній было 19.

Изъ 52,068 чел., внесенныхъ въ списки 1857 г., было оставлено до набора 1858 года:

за ростомъ	1,202 чел.
по неудовлетворительности здоровья, которое однако могло поправиться	1,547 —
по разнымъ другимъ обстоятельствамъ	53 —
И того . .	2,802 чел.

Сумма выкупа или освобожденія (liberazione), какъ уже мы сказали, назначена была на 1857 годъ въ 3,100 фр., изъ которыхъ 100 на первое обзаведеніе (corredo). Число поступившихъ на мѣсто выкупившихся до 510 чел., считая тутъ 425 чел. солдатъ, окончившихъ опредѣленный срокъ службы и 85 новыхъ волонтеровъ. Что касается до частныхъ замѣщеній (surrogazioni), это представляло цифру 74 чел.

Сверхъ рекрутскихъ совѣтовъ, въ Сардинскомъ королевствѣ существуютъ особыя *коммиссіи*, состоящія изъ высшихъ чиновъ арміи. Ихъ двѣ, одна въ Туринѣ (для твердой земли), другая въ Кальяри (для острова). По окончаніи занятій совѣтовъ, общіе списки поступаютъ сюда, разбираются, и смотря по тому, кто какого роста, физическихъ силъ, профессіи, познаній, даже иногда — замѣтимъ это — личныхъ расположеній (inclinazione), каждый изъ новобранцевъ 1-й категоріи распредѣляется, одинъ въ артиллеристы, другой въ кавалерію, берсальеры, линейные полки, инженеры и пр., а равно и по полкамъ или командамъ, въ томъ числѣ, какого требуетъ военное министерство для надлежащаго укомплектованія. Прежде эта работа производилась въ рекрутскихъ совѣтахъ каждой провинціи, но она не представляла единства и часто возбуждала безполезную переписку и затрудненія. Въ случаѣ какихъ либо претензій на приговоръ рекрутскихъ совѣтовъ и коммиссій, дѣла расматриваются еще въ верховномъ комитетѣ, составленномъ изъ генераловъ и государственныхъ совѣтниковъ (consiglieri di stato). Рѣшенія его военный министръ безпрекословно приводитъ въ исполненіе. Кромѣ того, по вопросу о мѣстѣ жительства и рожденія, о лѣтахъ, родствѣ, гражданскихъ правахъ, вписанные въ списки имѣютъ право обращаться къ обыкновеннымъ гражданскимъ трибунамъ. Уволенныхъ отъ службы, на томъ и другомъ основаніи, въ 1857 году считалось 33 чел. Вмѣстѣ съ тѣмъ только 7 чел. были отданы подъ судъ за притворство въ болѣзняхъ или въ физическихъ недостаткахъ и за представленіе фальшивыхъ документовъ.

Въ случаѣ, если новобранцы оказываются неспособными къ службѣ, по поступленіи уже рекрутъ въ полки, что дѣлается немедленно

по окончаніи распредѣленій коммисіи, неспособныхъ военное министерство *до закрытія дѣлъ по набору* (discarico finale) (*) имѣетъ право замѣщать людьми *второй категоріи.* Впослѣдствіи это право, какъ мы сказали, принадлежитъ одному королю.

Неизлишнимъ считаю въ дополненіе къ тому, что изложено, привесть здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя, не лишенныя интереса для того, кто хотѣлъ бы ознакомиться въ этимъ дѣломъ короче.

Вотъ общая таблица рекрутскаго набора въ 1857 году:

Записанныхъ по прежнимъ наборамъ (Capilista) было	2,413 чел.	
Пропущенныхъ по тѣмъ же наборамъ .	632 «	
Внесенныхъ въ списки 1857 г.	57,267 «	
		60,312 чел.
Изъ того числа, какъ выше сказано, исключено (cancellati) *до взятія билетовъ* (prima dell'estrazione)	8,244 чел.	
Затѣмъ по спискамъ значилось . . .	52,068 «	

Въ числѣ этихъ 52,068 чел. считалось:

Католиковъ	51,786 чел.	
Протестантовъ	215 «	
Евреевъ	67 «	
		52,068 «
1) *Исключено изъ нихъ по взятіи билетовъ*, по документамъ, представленнымъ общинами, родственниками и конскриптами:		
Умершихъ	713 чел.	
Иностран. подданныхъ	31 «	
Записанныхъ вдвойнѣ	64 «	
Недопущеныхъ (esclusi) (**)	72 «	
Незаконно вписанныхъ	46 «	
По разнымъ другимъ причинамъ . .	58 «	
		984 «

(*) *Discarico finale*, которымъ оканчивается наборъ, есть актъ, или декларація, полагающая конецъ всему производству дѣла по набору, и освобождающая общины коммиссаровъ и совѣты отъ всякой въ отношеніи къ настоящему набору ревизіи.

(**) Подъ этимъ разумѣются люди, подвергшіеся уголовнымъ наказаніямъ и сыновья палачей.

2) *Оставлено за реформой или забраковано* (riformati):		
По причинѣ роста	4,754 чел.	
За физическими недостатками или болѣзнями	11,139 «	
По разнымъ другимъ причинамъ . .	319 «	
		16,202 чел.
3) *Освобождено* (escutati) (*).		
Окончательно	11,898 чел.	
Временно	27 «	
		11,925 «
4) *Уволено* (desponsati)		
Воспитанниковъ бѣлаго духовенства .	138 чел.	
— чернаго	47 «	
		185 «
5) *Оставлено до слѣдующаго набора*:		
За ростомъ	1,202 (**)	
За слабостью здоровья	1,547	
За временной приписью въ матросы .	34 чел.	
По другимъ причинамъ	17 «	
		2,800 «
6) *Въ составъ контингента первой категоріи отнесено:*		
Помѣнявшихся нумерами (билетами) .	52 чел.	
Поступившихъ за выкупившихся . .	260 «	
Замѣстившихъ братьевъ	66 «	
— другихъ	63 «	
Волонтеровъ	373 «	
Переведенныхъ изъ 2-й категоріи въ 1-ю за недостаткомъ комплекта . .	99 «	
Воспитанниковъ Военной Академіи .	3 «	
Разныхъ другихъ	52 «	
Вписанныхъ въ списки	7,905 «	
		8,873 чел.

Слѣдовательно, до 9000 чел. 1-й категоріи не доставало 127.

(*) Т. е. по семейнымъ уваженіямъ.

(**) По этимъ причинамъ люди оставляются только на годъ. Если въ теченіе года ростъ не достигъ законной мѣры или здоровье совершенно не возстановилось, то человѣка окончательно оставляютъ за реформой.

7) *Въ составъ контингента второй категоріи отчислено:*

За помѣщенныхъ братьями	8 чел.	
Поміннявшихся нумерами	52 «	
Воспитанниковъ духовныхъ Академій .	87 «	
Состоящихъ по спискамъ	8,678 «	
Отсутствовавшихъ . . . . , ...	7 «	
		8,832 «

и 8) *Объявлено неявившимися къ конскрипціи или бѣглецовъ* (renitenti) . . . . 2,267 (*) ч.

Итого . . 52,068 чел.

О ростѣ внесенныхъ въ списки класса 1836 г., гдѣ изъ 52,068 чел. было:

Ниже 1 метра 54 сантиментровъ	4,440
— 1 — 56	2,419
Отъ 1 м. 56 с. — до 1 м. 62 с.	12,726
— 1 — 62 « — « 1 — 70 «	17,765
— 1 — 70 « — « 1 — 75 «	3,977
— 1 — 75 « — « 1 — 80 «	1,360
— 1 — 80 « и выше	224
Неявившихся къ мѣркѣ . . .	8,216
	52,068

О профессіи, искусствахъ, ремеслахъ, а равно и образованіи обѣихъ категорій:

Погонщиковъ скота и конюховъ	978 чел.
Земледѣльцевъ и пастуховъ	10,937 «
Каменотесцовъ, штукатуровъ и т. п.	1,038 «
Кузнецовъ и т. п.	457 «
Столяровъ	597 «
Гребцовъ и рыбаковъ	154 «
Сапожниковъ, выбѣльщиковъ кожъ	515 «
Продавцовъ жизненныхъ припасовъ	564 «
Лекарей и аптекарей	90 «
Чиновниковъ, студентовъ, занимающихся свободными профессіями	732 «

(*) Въ это число входитъ множество лицъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній и которыя частью уже и не въ живыхъ. Бѣглецы подвергаются по закону тюремному и другимъ наказаніямъ. За поимку каждаго изъ нихъ платится 50 фр,

2) *Оставлено за реформой или забрак[illegible]* *[illegible]вано* (riformati):	66 чел.
По причинѣ роста . . .	72 «
За физическими не[illegible] [illegible]лѣзнями . . .	242 «
[illegible]	709 «
По разнымъ др[illegible]	210 «
[illegible]	105 «
3) *Освобожд[illegible]* [illegible]ностей . . .	194 «
Окончат[illegible] [illegible] читать и писать . . .	7,833 «
Времен[illegible] [illegible] только читать . . .	776 «
4) *У[illegible]* Р[illegible] [illegible] не умѣющихъ ни читать, ни писать . . .	9,096 «
	17,705 чел.

III.

Изъ всего, что выше изложено, легко вывесть нѣсколько заключеній.

Первое, что бросается въ глаза, это уваженіе, какое сардинское правительство имѣетъ къ достоинству человѣка. Оно съ необыкновенной заботливостью облекло процессъ набора въ такую строгую законную форму, что она отстраняетъ даже самое поползновеніе къ произволу. Каждый здѣшній гражданинъ знаетъ, что его ждетъ, и въ тоже время вполнѣ убѣжденъ, что нѣтъ на свѣтѣ у него такого врага, который бы по тому или другому незаконному уваженію могъ заставить его идти въ солдаты, или благопріятеля, будь онъ даже самимъ королемъ, который бы могъ избавить его отъ рекрутства. Передъ сардинскимъ кодексомъ всѣ равны — маркизъ, богачъ, ремесленникъ или нищій, всѣ за извѣстными исключеніями, о которыхъ было говорено выше, должны идти на конскрипцію, брать изъ урны билеты, становиться подъ мѣру, подвергаться медицинскому свидѣтельству и пр. Одни люди достаточные, желающіе избавиться отъ рекрутства, имѣютъ право выкупаться или представлять за себя охотника, но только въ мирное время. Въ военное выкупъ возбраненъ. Элементы, изъ которыхъ такимъ образомъ слагается войско, основаны на нравственныхъ началахъ. Въ здѣшнюю военную службу не отдаютъ, какъ бы въ наказаніе или для проученія, людей дурнаго поведенія. Въ Піэмонтѣ военную обязанность несетъ всякій гражданинъ. Судьба, постигающая то одного, то другаго безъ особеннаго выбора и лицепріятія, и ставящая селянина въ одну шеренгу съ сыномъ хорошей фамиліи, не можетъ не облагораживать службы. Мнѣ не разъ случалось, напримѣръ, видѣть,

какъ дворяне—солдаты преспокойно чистятъ свою одежду, убираютъ постель, подметаютъ комнаты, ходятъ за покупкой провизіи, однимъ словомъ, исполняютъ все тоже, что и ихъ сослуживцы—поселяне или ремесленники, между тѣмъ какъ у другаго изъ нихъ есть 50 и 100 тысячъ доходу, своей отель, великолѣпный экипажъ, прислуга, которыми онъ пользуется только въ свободное время, на часъ-на два, и то не иначе, какъ днемъ. Подобное сообщество, въ отношеніи къ низшимъ людямъ, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно. Оно очищаетъ и морализируетъ что тутъ попадается дурнаго, даетъ простолюдину выгодное понятіе о службѣ, куда вмѣстѣ съ нимъ не стыдится идти и сынъ его господина или патрона; возвышаетъ въ его мнѣніи достоинство возложеннаго на него званія, и если одинъ, получившій воспитаніе, смотритъ на эту службу, какъ на дорогу къ почестямъ, отличіямъ и славѣ, то другой сознаетъ, что для того, чтобъ походить на своего товарища, ему необходимо что либо знать, чему либо учиться. Отсюда полезное соревнованіе. Онъ усердно вникаетъ въ то, что ему преподается, старается преуспѣть въ стрѣльбѣ, въ гимнастикѣ, во фронтѣ, и если не всегда выходитъ изъ школы ученымъ, то покрайней мѣрѣ рѣдко безъ того, чтобъ не быть добрымъ и исправнымъ солдатомъ. Сардинская армія, взятая цѣликомъ изъ среды всѣхъ классовъ народа, составляетъ, можно сказать, тотъ же народъ, съ той только разницей, что это народъ выбранный, молодой, здоровый и дисциплинированный.

Съ минуты, когда въ массы проникаетъ убѣжденіе, что власти, поставленныя для наблюденія за закономъ, не въ состояніи выдти изъ законныхъ границъ, или сдѣлать что либо во вредъ или въ пользу кого бы то ни было, мало по малу укрѣпляется идея о справедливости. Сардинскій законъ чрезвычайно снисходителенъ, напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о семейныхъ вопросахъ, избавляющихъ отъ рекрутства. Мы видѣли, какъ велико число подобныхъ исключеній. Едва ли въ какомъ государствѣ эта часть доведена до такой степени предусмотрительной заботливости о ближнемъ. Мало этого, если обстоятельства, избавляющія отъ рекрутства, произошли уже по поступленіи рекрута на службу, ему дозволено просить объ освобожденіи (in via di grazia), и эти просьбы всегда уважаются. За то законъ весьма простъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь нѣтъ никакой возможности избавиться подъ предлогомъ, напримѣръ нездоровья, если это не основано на истинѣ. Кто боленъ, доказывается въ рекрутскомъ совѣтѣ въ виду всѣхъ. Еслибы и не доказывалось, то полковой командиръ къ себѣ больнаго неприметъ и еще менѣе станетъ держать его. Кто не боленъ, а хотѣлъ бы имъ прикинуться, не можетъ никого подкупить, потому что не знаетъ,

кто изъ докторовъ будетъ назначенъ къ освидѣтельствованію. Сверхъ того надо пройти тутъ чрезъ контроль другихъ лицъ, нѣсколько набившихъ руку на дѣлахъ подобнаго рода. Въ случаѣ сомнѣнія, больнаго свидѣтельствуютъ чрезъ другаго доктора, призваннаго ex abrupto, оставляютъ на испытаніе въ больницѣ, или отсылаютъ къ конскрипціи будущаго года. При открытіи притворства, виновнаго судятъ обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ, и послѣ выдержанія имъ наказанія, записываютъ, если онъ способенъ, въ солдаты, при чемъ онъ уже не пользуется никакими льготами, предоставленными его товарищамъ, относительно выкупа, представленія за себя охотника, пользованія безсрочнымъ отпускомъ и пр. Здѣсь не мѣшаетъ имѣть въ виду еще и то, что обманувъ свѣтъ, или — вещь невозможная — подкупивъ доктора и другихъ лицъ, конскриптъ не въ состояніи обмануть своихъ сотоварищей или подкупить общественное мнѣніе своего околодка, а это пунктъ большой важности. Отдѣлываясь отъ службы, онъ заставляетъ служить за себя другихъ, именно тѣхъ самыхъ подростковъ, друзей и сосѣдей, которые очень хорошо знаютъ, — притворяется ли онъ, или нѣтъ, находятъ собственный интересъ въ томъ, чтобъ обличить его, и всегда имѣютъ возможность тѣмъ или другимъ образомъ наказать его за обманъ. Изъ этого видно, что здѣсь общественный контроль какъ нельзя лучше помогаетъ закону,—новое доказательство, какъ справедливость и открытыя дѣйствія правительства образуютъ народный смыслъ, и какъ въ этомъ здравомъ общественномъ мнѣніи само правительство выигрываетъ.

Кромѣ случаевъ, допускающихъ освобожденіе отъ рекрутства, здѣсь, какъ я выше сказалъ, существуетъ выкупъ (liberazione). Это пунктъ, заслуживающій вниманія. Въ прежнее время, до конституціи, выкупа въ Піэмонтѣ не существовало. Необходимо было представить за себя охотника. Это вело къ важнымъ неудобствамъ и злоупотребленіямъ. Надо было хлопотать о пріисканіи охотника, отыскавши — сговариваться и торговаться, исполнять его капризы, содержать его въ довольствѣ, чтобъ онъ или самъ не отказался, или другіе его не переманили, и всѣ эти хлопоты и пожертвованія вели часто къ тому, что въ минуту набора его находили неспособнымъ къ военной службѣ, и такимъ образомъ бѣдняка, который былъ все это время въ тревожномъ ожиданіи и издержалъ не мало денегъ, самого брали въ солдаты. Законъ сжалился надъ человѣкомъ. Теперь представленіе за себя охотника существуетъ только для тѣхъ, кто находитъ, что эта сдѣлка выгоднѣе для него, чѣмъ выкупъ. Выкупъ весьма простъ. Каждый годъ, при объявленіи конскрипціи, въ королевскомъ декретѣ упоминается, какая цифра выкупа на этотъ разъ

назначена. Въ прошломъ году, напримѣръ, она простиралась до 3,100 фр., въ нынѣшнемъ до 3,600. Вмѣсто откупившагося, община не обязана, какъ это, противъ всѣхъ законовъ справедливости, существуетъ въ Ломбардо-Венеціи, поставлять новаго рекрута. Правительство пріискиваетъ охотниковъ само. Въ охотники преимущественно поступаютъ солдаты, выслужившіе 8-ми-лѣтній терминъ. Ихъ обыкновенно оказывается болѣе, чѣмъ требуется. Охотникъ не долженъ быть только старѣе 35 лѣтъ и не быть женатымъ. Получаемая съ выкупившагося сумма не идетъ въ казну, какъ напримѣръ въ Австріи, гдѣ правительство съ 1850 по 1856 г. взяло за эту статью съ ломбардо-венеціанцевъ *три милліона гульденовъ*, т. е. болѣе, чѣмъ милліонъ франковъ въ годъ, а кладется въ сберегательную кассу (*), изъ которой вновь поступившему солдату ежемѣсячно выдаются проценты; капиталъ же вручается по окончаніи 8-лѣтняго термина.

Оставляя общину и родныхъ на какія нибудь пять лѣтъ, юноша своимъ отправленіемъ на службу не производитъ, конечно, того впечатлѣнія, какъ бы случалось при болѣе продолжительномъ срокѣ. Законъ благотворно предупреждаетъ еще другое горе: онъ не дозволяетъ ему жениться ранѣе, чѣмъ онъ не пройдетъ черезъ конскрипцію. Если мать и сестры страдаютъ при разлукѣ, то каковы должны быть страданія жены и дѣтей? Разсчитывать, что, не позволяя жениться до 21 года, государство теряетъ въ народонаселеніи, могутъ только тѣ, кто смотритъ на человѣка, какъ на существо чисто матеріальное, единственная цѣль котораго размножаться и населять землю. Я желалъ бы спросить у нихъ, до какой степени полезно увеличивать сумму нашихъ страданій и до какой степени нравственно оставлять на произволъ судьбы одиночество бѣдной жены? — Кромѣ непродолжительности разлуки, родные находятъ отраду во всей обстановкѣ рекрутства. Они знаютъ, что человѣкъ, съ которымъ они разстаются, вынулъ самъ свой жребій; что законъ взялъ во вниманіе всѣ его семейныя нужды, что гдѣ бы онъ ни былъ и куда бы ни поступилъ, никто не имѣетъ права самовластно понукать имъ. Тѣлесныхъ наказаній въ сардинской арміи не существуетъ; брани не дозволено. Въ послѣдніе годы царствованія Карла Альберта, какой-то австрійскій выходецъ предложилъ ввесть здѣсь шпицрутены. Король, говорятъ, отвѣчалъ, что его солдаты разбѣгутся. Когда нижній чинъ провинится, регламентъ предписываетъ мѣру заслуженнаго наказанія, не смѣшивая рядовыхъ съ унтеръ-офице-

(*) За исключеніемъ 100 фр., которые идутъ на обмундированіе его вновь всѣмъ необходимымъ (*corredo*).

рами. Такъ, напримѣръ, тѣхъ и другихъ сначала увѣщеваютъ съ глаза на глазъ; въ слѣдующій разъ—при товарищахъ; не отпускаютъ изъ казармы (consegna); заставляютъ учиться не во время; сажаютъ подъ арестъ и на хлѣбъ — на воду; потомъ *первыхъ* подвергаютъ разнымъ работамъ (servizio di punizione), заковываютъ даже въ кандалы; *послѣднихъ* разжаловываютъ. — Вообще, старшіе въ отношеніи къ младшимъ стараются быть такими, чтобъ способствовать къ возможному облагороженію каждаго, какъ бы онъ мелокъ чиномъ ни былъ, и существующей здѣсь весьма строгой дисциплинѣ придать нѣчто среднее между взыскательностью отца и его снисходительностью. Поэтому подобныя отношенія не только изъ службы не дѣлаютъ ужасающаго страшилища, но много помогаютъ тому, чтобъ къ ней пріохотить. Замѣтимъ, что возможность сохранить дисциплину при отсутствіи строгихъ и особенно тѣлесныхъ наказаній нисколько не обусловливается высшимъ нравственнымъ или умственнымъ образованіемъ народа. Здѣшній народъ стоитъ въ этомъ отношеніи не выше другихъ, намъ извѣстныхъ государствъ. Только стараніямъ развить на службѣ чувство собственнаго достоинства въ солдатѣ и отсутствію унижающихъ тѣлесныхъ наказаній можно приписать это явленіе. Сержантъ, къ которому поступаетъ рекрутъ, не смѣетъ, напримѣръ, ни на минуту забыться. Иначе, всѣ происходящія отъ того послѣдствія (еслибъ рекрутъ напримѣръ отвѣчалъ ему тѣмъ же) падаютъ на него самого. Впрочемъ, предварительная школа не мудрена и не сложна, потому что отъ солдата не требуютъ отличной, непогрѣшительной выправки, которая въ сущности болѣе пріятна для глаза, чѣмъ существенно полезна для службы (*). Она продолжается около 40 дней. Послѣ того солдатъ поступаетъ во фронтъ, и тамъ доканчиваетъ свое воспитаніе. Офицеры, за весьма рѣдкими исключеніями, держатъ себя, въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, невысокомѣрно, а подчиненные, въ свою очередь, въ отношеніи къ офицерамъ, почтительно, но неподобострастно.

Занятія солдата многоразличны, даже можно бы было ихъ нѣсколько сократить; но, надо отдать справедливость начальству, онѣ распредѣлены такъ, что не утомляютъ безполезно тѣла въ ущербъ головѣ. Онъ встаетъ обыкновенно съ разсвѣтомъ. Прежде всего раскрываетъ окна своей палаты, убираетъ постель, умывается, со-

(*) Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о смертности въ войскѣ. Знаю однако, что въ нѣкоторыхъ полкахъ изъ 1,000 чел. умираетъ ежегодно отъ 30 до 35. Въ сравненіи съ другими государствами, это число не велико.

вершаетъ молитву, чиститъ оружіе, окончательно одѣвается, послѣ чего капралы производятъ смотръ, для удостовѣренія, все ли въ исправности, и разсчитываютъ людей по карауламъ. Если затѣмъ погода позволяетъ, полкъ отправляется на ученье, если нѣтъ, то учится въ казармахъ, и уже по окончаніи экзерцицій завтракаютъ. Это обыкновенно происходитъ между 8 и 9 ч. утра. Послѣ завтрака, солдатъ обязанъ вычистить свою посуду и поставить ее на мѣсто. Около 10 ч. отправляются караулы, по предварительномъ осмотрѣ ихъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ и по отдачѣ командиру полка рапорта. Затѣмъ ротный или баталіонный командиръ, а иногда и самъ полковникъ (командиръ полка) осматриваютъ пакеты и дѣлаютъ инспекцію то вооруженію, то одеждѣ и обуви. По воскресеньямъ въ это время, послѣ обѣдни, бываетъ медицинскій смотръ, отъ чего скрытныя болѣзни не могутъ достигнуть сильнаго развитія и даже заразить другихъ. Обѣдаютъ около 4 часовъ. Послѣ нѣкотораго отдыха, полкъ занимается или какой нибудь военной школой, или, особенно лѣтомъ, снова учится въ полѣ. Зорю бьютъ съ закатомъ солнца, зимой нѣсколько позже. Здѣсь опять идетъ та же школа. Ложатся спать въ 9 ч. По регламенту, въ 9½ всѣ огни должны быть потушены и запрещается говорить. Съ ноября по февраль, когда дни коротки, открываются при всѣхъ полкахъ курсы чтенія, письма, ариѳметики и т. п., на которыхъ каждый солдатъ обязанъ присутствовать. Сверхъ того, во всякое время года онъ учится фехтованію (при чемъ дерется на палкахъ, на сабляхъ, штыкахъ и ружьяхъ), гимнастикѣ, стрѣльбѣ въ цѣль, а лѣтомъ плаванью. Такъ какъ часы занятій, смотря по времени года, по климату, даже по распоряженію командира, безпрестанно измѣняются, то я не привожу подробной выписки изъ такъ называемаго Orario, т. е. распредѣленія часовъ всѣмъ занятіямъ съ *такого-то* по *такой-то* мѣсяцъ. Въ заключеніе, солдатамъ, каждый день, въ удобное время, читаются особыя наставленія, съ помощью которыхъ стараются знакомить ихъ съ номенклатурой оружія и вооруженія, съ разбивкой лагеря, крѣпостною службою, обязанностями ихъ на службѣ и внѣ ея, уголовнымъ военнымъ кодексомъ, разными *выдачами* (competenze), причитающимися имъ по закону натурой или деньгами, регламентомъ о военной дисциплинѣ, положеніемъ ихъ маленькаго капитала, обязанностью ихъ къ артели, цѣнами на разныя вещи, принадлежащія къ ихъ одеждѣ и вооруженію, именами начальниковъ, и пр. и пр.

Дворянинъ или земледѣлецъ, каждый подчиненъ здѣсь однимъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, никто не можетъ попасть въ офицеры иначе, какъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ и по выдержаніи

экзамена (*). Еще одно условіе: надо пройти чрезъ всѣ нижніе чины и быть сержантомъ. Такимъ образомъ, простой, неграмотный земледѣлецъ, который выучился въ полку читать и писать и выказалъ способности, не болѣе не менѣе какъ и дворянинъ, окончившій курсъ наукъ въ университетѣ, могутъ быть произведены въ капралы не ранѣе, какъ черезъ 1 годъ со дня поступленія въ службу, а въ сержанты (унтеръ-офицеры) черезъ 2 года со дня производства въ капралы. Затѣмъ они должны прослужить во фронтѣ еще 1 годъ, т. е. всего 4 года, и если чувствуютъ въ себѣ довольно способностей и своимъ поведеніемъ и службой успѣли обратить на себя вниманіе начальства, ихъ отправляютъ въ особо учрежденную для того школу въ Иврѐ (Ivrée), гдѣ они должны усовершенствоваться въ военныхъ наукахъ. Отсюда черезъ 1 годъ они выпускаются уже въ полки съ чиномъ подпоручика (прапорщиковъ въ сардинской арміи нѣтъ).

Изъ этого видно, что на достиженіе офицерскаго званія, для солдата не требуется болѣе 5 лѣтъ. По закону, для полковыхъ унтеръ-офицеровъ оставляются въ полкахъ $^2/_3$ офицерскихъ вакансій. Остальная треть сохраняется для молодыхъ людей, выходящихъ изъ военныхъ школъ.

Въ Пьэмонтѣ существуетъ, и то по имени, только одинъ гвардейскій полкъ. Затѣмъ все считается арміей. Всѣ привиллегіи и отличія гвардіи заключаются въ однихъ серебряныхъ петлицахъ. Въ линейныхъ полкахъ (о которыхъ преимущественно и идетъ рѣчь), всѣ проходятъ чрезъ одну и туже линію чиновъ и пользуются одинаковымъ жалованьемъ. Между рядовыми допущены два разряда: одни отборные (scelti), другіе ординарные (ordinari). Вся разница состоитъ въ томъ, что первые получаютъ въ день жалованья 45 сантимовъ ($11^1/_2$ к.), а остальные 40. Кромѣ того, тѣмъ и другимъ производится по 15 сант. въ день добавочныхъ. Этимъ послѣднимъ ведется особый счетъ, и они служатъ собственно на покрытіе расходовъ по обмундированію и его ремонту. Это дѣлается такимъ образомъ: на каждаго рекрута, поступающаго въ полкъ, отъ правительства ассигнуется *сто* франковъ. На эти 100 франк. полковое начальство обязано купить ему шинель (capote), полукафтанъ (tunique), пару суконныхъ и пару холстинныхъ панталонъ, 2 пары исподняго платья, киверъ (kepi), фуражку (bonnet de police), кожанные штиблеты (quetres), 2 пары башмаковъ, галстухъ, 3 бумажныя рубахи, 2 носовыхъ платка, шерстяную фуфайку, приборъ для шитья, котелокъ съ крышкой, ложку изъ лужонаго желѣза, жестянки для ваксы,

---

(*) Изъ этого, разумѣется, исключаются тѣ, кто кончилъ образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, т. е. вышелъ прямо въ офицеры.

ластики и деревяннаго масла для чищенія башмаковъ, кожаныхъ вещей и ружья, 3 щетки, холщевую куртку, ночной колпакъ, полотенце, баклагу для воды (borraccio), холщевую сумку для хлѣба (tasca) (*); вмѣсто подтяжекъ поясной ремень и 2 пары перчатокъ бумажныхъ и шерстяныхъ (**). Кромѣ того, правительство безвозмездно даетъ ему полное вооруженіе — ружье, портупею, тесакъ и пр.; на прокормленіе бѣлаго хлѣба по 735 граммовъ (около 2 фунтовъ) каждый день, дровъ на варку пищи (на отопленіе казармъ дровъ не полагается) и желѣзную кровать (branda), съ тюфякомъ, шерстянымъ одѣяломъ, простыней и подушкой.

15-ть сант. въ день удерживаются въ кассѣ полка до тѣхъ поръ, пока издержанная на обмундированіе солдата сумма не покроется сполна. Когда это достигнуто, 15 сант. въ день уже обращаются въ пользованіе солдату; только они не выдаются ему *черезъ каждые пять дней*, какъ его жалованье (40 и 45 сант.), а по истеченіи каждыхъ шести мѣсяцевъ. Особый счетъ суммѣ на обмундированіе ведется съ той цѣлью, чтобъ солдата пріучить къ порядку и бережливости. Чѣмъ онъ менѣе тратитъ на свою одежду, чѣмъ болѣе о ней заботится, тѣмъ болѣе получаетъ при разсчетѣ. Есть люди, которымъ этихъ 15 сант. (въ годъ 54 фр.), конечно, недостаточно: они, по необходимости, должаютъ полку. Долгъ дуренъ тѣмъ, что солдата не выпускаютъ въ чистую отставку до тѣхъ поръ, пока онъ не внесетъ должной суммы сполна. Такъ, напримѣръ, при послѣднемъ сборѣ безсрочно отпускныхъ, должны были явиться подъ ружье и тѣ, которые уже выслужили полный 11 лѣтній срокъ, но считались въ долгу. Эта мѣра и самаго нерядиваго заставляетъ быть аккуратнымъ. Каждый солдатъ имѣетъ свою особую книгу, называемую libretto del deconto, которая находится у ротнаго командира, ведется капраломъ, и которую онъ имѣетъ право провѣрять, чтобъ знать: что онъ долженъ полку или что полкъ ему долженъ.

Такъ какъ, съ другой стороны, интересъ солдата заключается въ томъ, чтобъ какъ можно менѣе требовать и какъ можно долѣе скрывать, что у него износилось или попортилось, то въ предупрежденіе этого учрежденъ контроль. Каждую недѣлю, въ субботу, ротный командиръ съ этой цѣлью дѣлаетъ смотръ del bottino, т. е. вещамъ, составляющимъ полную экипировку, и если что самъ замѣтитъ, или на что солдатъ ему укажетъ, какъ на изношенное или испорченное

(*) Баклагу и сумку, во время похода, солдаты носятъ съ боку, на шнуркѣ черезъ плечо.

(**) По справочнымъ цѣнамъ, все эти вещи стоятъ 136 фр.—36 фр. добираются изъ послѣдующихъ лѣтъ.

и требующее перемѣны или исправленія, приказываетъ капралу выдать натурой, исправить и внести расходомъ въ libretto del conto. Такимъ образомъ ни солдатъ ничего не теряетъ, ни служба, и что лучше, со стороны перваго никакихъ денежныхъ претензій и быть не можетъ.

Изъ выдаваемаго солдату *черезъ каждые пять дней* жалованья (по 40 и 45 сант. въ день), онъ обязанъ отдѣлять ежедневно на артель (massa) 30 сант. За эти 30 сант. въ день онъ имѣетъ завтракъ и обѣдъ. Тотъ и другой обыкновенно состоятъ изъ похлебки, съ той разницей, что по утру ему дается 150 граммовъ такъ называемыхъ pâte de Gênes или de Naples (вермишель) или такое же количество рису, приправленныхъ 25 граммами свинаго сала или коровьяго масла и какой-нибудь зеленью; а вечеромъ 150 граммовъ говядины и 150 граммовъ накрошеннаго (*) ломтиками хлѣба. По пятницамъ (постный день) вермишель у него утромъ съ какой-нибудь приправой, а вечеромъ рисъ, или наоборотъ. Вино раздается, когда въ артели есть лишнія деньги. — Въ военное время, нижнимъ чинамъ, у которыхъ тогда удерживается въ сутки только 20 сант., выдается уже правительствомъ *ежедневно*: свѣжаго хлѣба 750 граммовъ, хлѣба для крошки въ похлебку 250, мяса 300, рису 60, зелени 60, соли 17, свинаго сала 15, вина пол-литра, и кромѣ того иногда кофе. — Въ мирное время, артели содержатся по-ротно. Поварами тѣже нижніе чины, каждый въ свою очередь. Для этого ежедневно наряжаются 1 капралъ и 2 солдата. Для закупокъ припасовъ, отъ каждой роты ежедневно и также по-очереди назначается сержантъ съ дюжиной солдатъ. Они обходятъ мясниковъ, булочниковъ, зеленщиковъ, и пр. и пр., и покупаютъ что заранѣе рѣшено артелью или ротнымъ командиромъ. Высшее наблюденіе за этими покупками имѣетъ дежурный офицеръ. Солдатъ, надѣленный необыкновеннымъ аппетитомъ, получаетъ добавочную порцію хлѣба. Въ случаѣ особенной дороговизны на жизненныя потребности, полкъ добавляетъ артели, что слѣдуетъ, и затѣмъ имѣетъ уже счеты съ военнымъ министерствомъ.

Изъ тѣхъ же 30 сант. въ день артель платитъ прачкѣ за стирку бѣлья, цирульнику и пр.

При подобной системѣ продовольствія, не можетъ быть и тѣни неудовольствій въ смыслѣ экономическомъ. Здѣсь всѣ отвѣчаютъ за каждаго, каждый за всѣхъ и за отвѣтчикомъ не надо ходитъ да-

(*) Это дѣлается такъ: говядину нарѣзываютъ ломтиками, потомъ крошатъ хлѣбъ, и то и другое, взвѣсивъ, кладутъ каждому въ особый котелокъ и наливаютъ поверхъ взвару.

лицо: онъ на лицо. Такимъ образомъ контроль не откладывается въ долгій ящикъ. Каждый тотчасъ же можетъ справиться и узнать, почему одно дурно, другое дорого и т. п.

Изъ приведенныхъ выше расчетовъ видно, что сардинскій солдатъ, исправно одѣтый (я не знаю лучше, удобнѣе и пристойнѣе его формы) и сытно кормимый (ему болѣе никакъ не нужно, такъ какъ вообще итальянецъ довольно воздерженъ), ежедневно обходится государству около 80 сантимовъ. Я считаю здѣсь:

жалованье (здѣсь и харчевые)	40	сант.
обмундированіе	15	«
хлѣбъ	18	«
дрова	2	«
и наконецъ кровать	4	«
Итого	79	сант.

или около 285 фр. въ годъ. Если же принимать въ разсчетъ все остальное, какъ то: содержаніе казармы, гдѣ онъ помѣщается (здѣсь во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ гарнизоны, есть особыя казармы), госпитали, школы, пенсіи, начальство, фуражъ, покупку лошадей и проч., линейный солдатъ въ мирное время обходится въ годъ 417 фр. берсальере (стрѣлокъ) 432, кавалеристъ 851, артиллеристъ 673, инженеръ 803, фурлейтъ 691, карабинеръ (жандармъ) отъ 899 до 1,084, вольный стрѣлокъ 406 (*).

За смотры, разводы и парады сардинскій солдатъ рѣдко что либо получаетъ. Въ необыкновенныхъ только случаяхъ, какъ наприм., по окончаніи продолжительныхъ маневровъ и т. п., король выдаетъ изъ своихъ собственныхъ суммъ отъ 12 сант. до 1 фр. на человѣка. За особенное отличіе въ сраженіи противъ непріятеля онъ получаетъ за то нѣчто болѣе существенное, именно—медаль di valori militare (за военную доблесть), которая дается по строгому разбору его заслугъ, съ приговора его товарищей, и приноситъ ему, если она серебряная, 100 фр. въ годъ пенсіи, а если золотая, 200 фр. Въ этомъ отношеніи солдатъ, такъ точно какъ и генералъ, пользуются одинаковымъ пансіономъ. За то надо знать, въ какомъ эта медаль почетѣ и какъ солдатъ, заслужившій ее, высоко на себя смотритъ.

Сверхъ правъ, предоставленныхъ каждому смышленному и доброму рядовому на достиженіе нижнихъ чиновъ до сержанта и даже

(*) Эти цифры заимствованы изъ представленнаго въ текущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ законодательную палату окончательнаго отчета военнаго министерства за 1856 годъ, изъ котораго между прочимъ видно, что въ томъ году на дѣйствительной службѣ состояло 48,418 чел. (въ томъ числѣ 2,705 офицеровъ) и что содержаніе этого войска стоило вообще 25,190,032 фр.

офицерскихъ эполетъ, онъ имѣетъ важныя обезпеченія для своей будущности въ томъ случаѣ, когда продолжительное служеніе (*), болѣзни или раны дѣлаютъ его неспособнымъ къ службѣ. Это одинъ изъ важныхъ, гуманитарныхъ вопросовъ. Здѣшнее заботливое правительство не отрываетъ отъ земли безъ нужды здоровыхъ рукъ, и когда человѣкъ, котораго оно взяло, пролилъ за отечество кровь или прослужилъ продолжительный терминъ, и оказывается неспособнымъ ни для земледѣлія, ни для службы, оно даетъ ему средства существованія, съ которыми онъ не можетъ быть въ тягость ни семьѣ, ни общинѣ, ни отечеству. Къ этимъ обезпеченіямъ принадлежатъ: пенсіи, баталіонъ ветерановъ и инвалидный домъ.

Пенсіи для нижнихъ чиновъ полагаются слѣдующія:

Старшему унтеръ-офицеру или фельдфебелю (furiere maggiore) . . .	отъ 360	до 650	франк. въ годъ.
Младшему (furiere и sergente) . .	» 300	» 520	» » »
Капралу (caporale).	» 220	» 400	» » »
Рядовому (soldato).	» 200	» 250 (**)	» »

Полную пенсію (maximum) получаютъ тяжело-раненые и тѣ, которымъ болѣзни не дозволяютъ работой снискивать пропитаніе. Меньшую (minimum) получаютъ безъ исключенія всѣ тѣ, которые

(*) Солдатъ, какъ я сказалъ, служитъ только 8 лѣтъ; но нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ вновь охотниками. Это дозволено два раза, лишь бы солдатъ былъ не старѣе 35 лѣтъ и не былъ женатъ. Капралы и сержанты, получающіе лучшее жалованье (отъ 55 до 120 сант. въ день), обыкновенно остаются во фронтѣ болѣе продолжительный терминъ.

(**) Для любопытства, прилагаю здѣсь таблицу получаемыхъ сардинскимъ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами жалованья, прибавочныхъ (*per la rappresentenza*), раціоновъ и пенсіи:

	жалов.	прибавочн.	раціон.	пенсіи.		
генералъ-маіору.	7,200 фр.	1,800	3	отъ 3,500	до	4,500 фр.
полковнику (т. е. полковому коман).	6,000 »	600	2	» 2,700	»	3,600 »
подполковнику.	4,000 »		2	» 2,160	»	3,000 »
маіору. . . .	3,500 »		1	» 1,800	»	2,500 »
капитану . . .	2,400 »			» 1,400	»	1,900 »
штабсъ-капитану.	2,100 »			» 1,400	»	1,900 »
поручику. . .	1,400 »			» 920	»	1,400 »
подпоручику. .	1,300 »			» 720	»	1,170 »

Пенсіи всѣмъ этимъ лицамъ назначаются по истеченіи 30 лѣтней службы, за исключеніемъ поручиковъ, получающихъ ее за 25 лѣтъ. Необходимо быть въ чинѣ не менѣе 2 лѣтъ. По болѣзни, назначается пенсія и ранѣе. За каждый годъ сверхъ опредѣленнаго термина прибавляется 4 процента. Пенсія ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать жалованье. — Къ получаемому жалованью слѣдуетъ еще прибавить помѣщеніе натурой и деньщиковъ.

прослужили во фронтѣ 25 лѣтъ. За каждый годъ свыше 25 лѣтъ прибавляется 4 процента.

Въ баталіонъ ветерановъ могутъ быть приняты нижніе чины, которые прослужили 18 лѣтъ, и хотя по болѣзнямъ и не имѣютъ силъ продолжать дѣйствительную службу, но въ состояніи заниматься чѣмъ либо другимъ. Изъ баталіона ветерановъ, люди поспособнѣе назначаются по военному министерству въ вахтера, смотрители магазиновъ, сторожа и т. п. Тѣ, которые не хотятъ поступить въ баталіонъ, отпускаются, съ нѣкоторымъ денежнымъ вознагражденіемъ, домой. Инвалидный домъ для раненыхъ находится въ г. Асти. Въ 1857 году, въ ротѣ ветерановъ и инвалидномъ домѣ считалось 980 чел. Изъ 45 т. чел., составлявшихъ тогда наличное число сардинской арміи, это представляло пропорцію 1 къ 46.

Такъ какъ рѣчь постоянно шла о 1857 годѣ, то я нелишнимъ считаю, въ заключеніе, привесть здѣсь выписку изъ представленной за тотъ годъ королю вѣдомости объ общемъ личномъ составѣ войска. Это также болѣе или менѣе можетъ входить въ кадръ предмета, которымъ мы занимаемся.

Такимъ образомъ изъ вѣдомости оказывается, что въ 18 линейныхъ полкахъ, корпусѣ берсальеровъ, 9 кавалерійскихъ полкахъ, артиллеріи, военно-учебныхъ заведеніяхъ, карабинерахъ, дворцовой гвардіи, инвалидномъ домѣ, ротѣ ветерановъ, инженерахъ и разныхъ другихъ службахъ, въ 1857 году состояло на лицо всего 44,775 чел.

Въ томъ числѣ:		
солдатъ	35,296 чел.	
капраловъ	5,158 »	
унтеръ-офицеровъ	4,321 »	
		44,775 чел.
Изъ нихъ:		
a) *считалось по службѣ:*		
менѣе 1 года	7,657 »	
отъ 1 до 2 лѣтъ	7,563 »	
» 2 » 4 »	14,389 »	
» 4 » 8 »	8,304 »	
болѣе 8	6,862 »	
		44,775 »
b) *имѣли лѣтъ отъ роду:*		
менѣе 18.	54 »	
отъ 18 до 20.	614 »	
» 21 » 25.	30,689 »	

» 26 » 30.	8,178 чел.	
» 31 » 40.	3,196 »	
болѣе 40.	2,044 »	
		44,775 чел
c) *было по профессіямъ до поступленія на службу:*		
студентовъ	2,302 »	
свободн. профессій	940 »	
негоціантовъ	615 »	
владѣльц. недвижимостью въ городахъ	370 »	
земледѣльцевъ.	24,215 »	
рабочихъ и поденщиковъ	8,701 »	
слугъ.	725 »	
моряковъ	106 »	
перевозщиковъ и рыбаковъ. . . .	287 »	
содержателей гостинницъ, отелей, кофеенъ, постоялыхъ дворовъ и пр. . . .	411 »	
разныхъ другихъ профессій, какъ-то: извощиковъ, погонщиковъ, торговцевъ и проч.	5,654 »	
лишенныхъ средствъ къ пропитанію.	449 »	
		44,775 (*) »

Объяснивъ, сколько дозволяли мои средства, систему существующаго въ Пьемонтѣ набора рекрутъ, занятій солдата, его содержанія, его правъ и привилегій, я имѣлъ намѣреніе показать, до какой степени эта система старается не уклоняться отъ современныхъ понятій и требованій. Для народной массы, здѣсь, сколько было можно, отклонены причины къ неудовольствіямъ, укорамъ и тѣмъ болѣе къ опасеніямъ, о которыхъ мы говорили выше. Конечно, совершенства абсолютнаго, въ дѣлахъ подобнаго рода, едва ли суждено достигнуть. Всегда и вездѣ найдутся недовольные, всегда и вездѣ будутъ существовать нѣкоторыя неудобства. Украинскій казакъ, родившійся такъ-сказать на конѣ и съ пеленокъ имѣющій право считать себя воиномъ, врядъ ли равнодушно оставляетъ родной кровъ, когда служба зоветъ его въ отдаленныя губерніи. Разлука съ нимъ его родныхъ, конечно, не обходится безъ слезъ. При другихъ, болѣе тяжелыхъ условіяхъ, это еще понятнѣе. Одно, въ чемъ упрекаютъ сардинское начальство, состоитъ въ слишкомъ большой сложности занятій солдата. Конечно, ихъ можно бы было

(*) Въ томъ числѣ состояло: иностранцевъ 633 чел., волонтеровъ 3,721 и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній 279.

упростить; но не повело ли бы это къ другимъ невыгодамъ? При заботливости правительства о благосостояніи арміи, невозможно допустить, чтобъ эта статья не была серьёзно обдумана. Другое неудобство мы видимъ—въ числительности войска. Какъ ни говорите, а не весьма легко поставлять ежегодно 9000 чел. въ солдаты, такъ какъ (полагая, что въ Пьемонтѣ мужескаго пола около $2^1/_2$ мильоновъ душъ) изъ каждыхъ 278 чел. гражданъ этимъ способомъ берется 1. Здѣсь необходимо еще принять въ разсчетъ, что въ числѣ 278 чел. можетъ быть около $^2/_3$ стариковъ, подростковъ, дѣтей, больныхъ, и что такимъ образомъ 1 берется изъ сотни самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ работниковъ. Сорока-пяти тысячная армія, вмѣстѣ съ министерствомъ и всѣми военными учрежденіями, поглощающая ежегодно около 35 мильоновъ, т. е. четвертую часть государственныхъ доходовъ, также бремя не послѣднее, потому что съ тѣмъ связаны и лишніе налоги. Это ведетъ къ расходамъ, несоразмѣрнымъ съ рессурсами страны. Обстоятельства однако въ нѣкоторой степени оправдываютъ Пьемонтъ. До тѣхъ поръ, пока его либеральныя учрежденія будутъ въ столкновеніи съ неприязненнымъ сосѣдствомъ Австріи, ему невозможно объ этой реформѣ и думать. Разрѣшитъ ли что начинающаяся война? Въ интересахъ государствъ, въ интересахъ самихъ правительствъ, матеріальное преуспѣяніе которыхъ держится на народномъ благоденствіи, надо бы было желать, чтобъ она привела къ результатамъ, болѣе благотворнымъ, чѣмъ знаменитый вѣнскій трактатъ. Это одно могло бы упростить вопросъ объ огромныхъ вооруженіяхъ, отнимающихъ у Европы около осьми милліоновъ полезныхъ рукъ и стоющихъ ей ежегодно до четырехъ милліардовъ. Тогда и Пьемонтъ имѣлъ бы полную возможность значительно сократить свое войско, и такимъ образомъ отъ системы набора, существующаго въ немъ, устранить, если не единственный, то одинъ изъ главныхъ упрековъ ея неудобству. Посмотримъ, что скажетъ будущность? Она разрѣшитъ, до какой степени описанная мною система достигаетъ главной цѣли, именно, чтобъ изъ гражданина сдѣлать солдата и изъ солдата надежнаго защитника отечества. Надѣюсь, отвѣтъ будетъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Десять лѣтъ либеральныхъ учрежденій и всѣ усилія правительства развить нравственную сторону взятаго имъ на службу человѣка не могли же пройти даромъ.

ВАСИЛІЙ ТУНѲЕВЪ.

Лаго-Маджоре.
Апрѣль 1859 г.

* * *

Кричатъ перепела, трещатъ коростели,
Ночныя бабочки взлетѣли,
И позднихъ соловьевъ надъ рѣчкою вдали
Звучатъ порывистыя трели.
Въ напѣвахъ вечера тревожною душой
Ищу былаго наслажденья;
Увы! какъ прежде въ грудь живительной струей
Они не вносятъ откровенья.

Но тѣмъ мучительнѣй, какъ близкая бѣда,
Меня томитъ вопросъ лукавый:
Ужели подошли къ моимъ устамъ года
Съ такою горькою отравой?
Иль вѣкъ смолкающій въ наслѣдство передалъ
Свои безплодныя мнѣ муки,
И въ одиночествѣ мнѣ допивать фіялъ,
Изъ рукъ переходившій въ руки?

Проходятъ юноши съ улыбкой предо мной
И слышу я ихъ шопотъ внятной:
«Чего онъ ищетъ здѣсь, средь жизни молодой,
Съ своей тоскою непонятной?»

Спѣшите, юноши, и вѣрить и любить,
Вкушать и трудъ и наслажденье,
Придетъ моя пора и скоро, можетъ быть,
Мое настанетъ возрожденье.
Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески-единомъ,
И міра новаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

А. Фетъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

III (*).

КРЕДИТНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Виртембергская кредитная компанія. — Организація и ходъ ея операцій. — Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита.—Его происхожденіе и устройство.— Выкупъ крестьянскихъ повинностей въ Ганноверѣ. — Провинціальныя учрежденія поземельнаго кредита въ Ганноверѣ.

Въ предъидущей статьѣ мы разсказали устройство поземельнаго кредита въ Пруссіи; въ настоящей мы будемъ продолжать описаніе кредитныхъ учрежденій той же системы, т. е. основанныхъ въ видахъ удовлетворенія интересамъ преимущественно заемщиковъ или землевладѣльцевъ, а не заимодавцевъ (вкладчиковъ) или капиталистовъ. Въ нашемъ изложеніи, мы будемъ пользоваться фактами и существующими правилами поземельнаго кредита, для объясненія нѣкоторыхъ условій его развитія.

Въ ряду германскихъ кредитныхъ учрежденій разсматриваемой нами группы, одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ *Виртембергская кредитная компанія* (*Würtembergischer Kreditverein*) (*).

(*) См. «Соврем.» 1859 г., № 2.

(*) См. *Des institution de crédit foncier en Allemagne et en Belgique par M. Royer. Paris. 1845. Ch. II. Des associations de crédit agricole dans le royaume Wurtemberg.* Также: *Die Banken von Otto Huebner, Lpz.* 1854. стр. 408.

Она имѣетъ нѣкоторыя заслуживающія вниманія особенности, хотя многія изъ нихъ любопытны только потому, что могутъ дать полезныя предостереженія, а не указанія при устройствѣ предпріятій поземельнаго кредита.

Виртембергскій поземельный кредитъ учрежденъ для всякихъ землевладѣльцевъ крупныхъ и мелкихъ, дворянъ и крестьянъ, безъ всякаго различія состоянія, и этимъ онъ отличается отъ подобныхъ же учрежденій сѣверной Германіи, гдѣ крестьяне или вовсе не допускаются въ компаніи или же съ низшею оцѣнкою ихъ имѣній сравнительно съ дворянами или помѣщиками. Виртембергская компанія основана была въ 1825 г.; ея уставъ былъ пересмотрѣнъ въ 1831 и въ 1845 г. Первоначально компанія должна была распространить свои дѣйствія на Виртембергъ, Баварію, Баденъ и Гогенцоллернъ; но впослѣдствіи оказались весьма вредные для ея операцій разультаты такого развитія, и она должна была исключительно сосредоточиться въ королевствѣ Виртембергскомъ. Ройе, постоянно защищающій необходимость возможно большаго сосредоточенія дѣйствій каждаго учрежденія поземельнаго кредита на малыхъ пространствахъ, въ предѣлахъ одной небольшой страны или же одной провинціи, выставляетъ слѣдующія удобства мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій (въ противоположность централизированныхъ и обнимающихъ собою цѣлыя большія государства или нѣсколько мелкихъ государствъ). 1) Онѣ облегчаютъ оцѣнки имѣній, надзоръ участниковъ и другія распоряженія, клонящіяся къ обезпеченію кредита компаніи. 2) Когда поземельный кредитъ поставленъ подъ наблюденіе административныхъ и судебныхъ властей, то интересы мѣстныхъ учрежденій ближе принимаются къ сердцу мѣстными должностными лицами, нежели центральными управленіями. 3) Мѣстныя кредитныя учрежденія не сопряжены со всѣми невыгодами централизаціи управленія, многочисленнымъ должностнымъ составомъ, сложностью переписки и дѣлопроизводства и проч.

Но независимо отъ первоначальнаго излишняго расширенія географическихъ границъ дѣятельности Виртембергской компаніи, многіе недостатки самаго ея устройства препятствовали успѣхамъ ея развитія. Она не ограничивается выдачею землевладѣльцамъ закладныхъ листовъ, какъ Прусскіе институты, а сама обращается къ капиталистамъ и занимаетъ у нихъ суммы для своихъ заемщиковъ. Этимъ способомъ надѣялись достигнуть уменьшенія

процентовъ, и дѣйствительно Виртембергская компанія заключаетъ займы по весьма умѣреннымъ процентамъ, но за то ея операціи сопряжены съ величайшею сложностью, которая обращается въ тягость для ея членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что ни одно кредитное учрежденіе въ Германіи не управляется съ бо̀льшею добросовѣстностью и бережливостью, какъ Виртембергское, и не имѣетъ болѣе общеполезнаго характера во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.

Первоначально размѣръ процентовъ по займамъ компаніи былъ предметъ каждый разъ свободнаго соглашенія между компаніей и капиталистами; впослѣдствіи назначенъ опредѣленный процентъ, который предлагается желающимъ сдѣлать ссуды компаніи. Этотъ процентъ не назначенъ въ уставѣ и зависитъ отъ обстоятельствъ денежнаго рынка; сперва компанія платила 3%, потомъ должна была возвысить процентъ до $3^1/_2$ и 4. Ссуды принимаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда есть требованіе займа, со стороны землевладѣльцевъ. Вообще въ Виртембергѣ постоянно болѣе лицъ предлагающихъ свои капиталы компаніи, чѣмъ заемщиковъ; это видно изъ того, что облигаціи, выдаваемыя компаніею заимодателямъ или вкладчикамъ (а не заемщикамъ, какъ въ Пруссіи) постоянно пользуются на биржѣ преміею (до 12%).

Виртембергскія облигаціи раздроблены на весьма мелкія суммы отъ 1000 флориновъ (около 500 р. сер.) до 100 фл. (около 50 р. сер.); это значительно привлекаетъ къ нимъ публику.

Сумма выданныхъ подъ каждое имѣніе облигацій должна составлять не болѣе половины его стоимости, по оцѣнкѣ, и сумма ежегоднаго дохода съ имѣнія должна равняться покрайней мѣрѣ $1^1/_2$ суммы ежегодной ренты, уплачиваемой по облигаціямъ. Размѣръ производимыхъ компаніей ссудъ каждому землевладѣльцу долженъ быть не менѣе 2,000 флор. (около 1000 р.); хотя компанія не дѣлаетъ никакого различія состоянія между своими заемщиками, но все таки такой размѣръ доступенъ лишь для среднихъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ. Послѣ государственныхъ податей, взысканія компаніи принадлежатъ къ первому разряду гипотечныхъ долговъ, лежащихъ на имѣніяхъ. Гипотечная часть устроена и содержится въ Виртембергѣ въ чрезвычайномъ порядкѣ. Всѣ имѣнія описаны и окадастрованы; въ каждомъ мѣстномъ управленіи находятся полные инвентари имъ, и въ нихъ вписываются, по требованію частныхъ лицъ, всѣ происшед-

чаютъ только около 96, а проценты платятъ по разсчету на 100; этотъ взносъ также разсрочивается имъ въ видѣ прибавочнаго платежа къ имъ постояннымъ процентамъ, и тогда вмѣсто 100 ф., которые они дѣйствительно получили, считается, что они должны $104^1/_6$. Если заемщикъ пожелаетъ до срока выплатить свой капитальной долгъ, то онъ долженъ внести 10% сверхъ своего долга.

Изъ всего этого видно, до какой степени усложненъ механизмъ финансовыхъ операцій Виртембергской компаніи; такой сложности не представляетъ ни одно подобное германское учрежденіе. Эта сложность тѣмъ болѣе обращается въ справедливый укоръ Виртембергской компаніи, что она дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ заемщиковъ, которымъ по уставу и принадлежатъ всѣ капиталы, накопившіеся изъ разныхъ прибавочныхъ взысканій, на нихъ налагаемыхъ. Впрочемъ, вслѣдствіе многихъ ущербовъ понесенныхъ компаніею за границею (при началѣ своихъ дѣйствій), эти капиталы не такъ велики; они составляютъ только $4^1/_2$% пропорціонально всѣмъ заключеннымъ займамъ.

Займы заключаются подъ залогъ недвижимостей, преимущественно пахатныхъ земель. Вообще постройки не должны превышать $^1/_4$ всего закладываемаго капитала, но въ большихъ городахъ и одни строенія могутъ служить обезпеченіемъ. На фабрикахъ оцѣниваются только строенія. Лѣса принимаются въ залогъ только отъ общинъ.

Компанія имѣетъ право ускоренной процедуры по взысканію недоимокъ съ залога, и заемщикъ письменно обязывается не возбуждать въ этомъ случаѣ никакихъ исковъ и споровъ противъ компаніи. Для покрытія недоимокъ, компанія имѣетъ право дѣлать займы въ банкахъ на счетъ неисправныхъ плательщиковъ; это правило весьма стѣснительно для должниковъ, и въ Пруссіи его избѣгнули взысканіемъ процентовъ на недоимки и подчиненіемъ неисправныхъ имѣній администраціи. Заемщикъ можетъ всегда прежде сроковъ очистить свой долгъ: взносомъ всего неуплаченнаго капитальнаго долга, облигаціями компаніи, безъ предварительнаго даже объ этомъ увѣдомленія, взносомъ наличными деньгами (но не иначе какъ съ объявленіемъ за 6 мѣсяцевъ). Заемщикъ можетъ также во всякое время требовать сокращенія періода погашенія, принятіемъ на себя обязанности

уплачивать бо́льшее количество погасительныхъ ежегодныхъ процентовъ; можетъ просить и о продолженіи періода погашенія, то есть, о дозволеніи вносить меньшее количество ежегоднаго погасительнаго процента. Эти права весьма важны для заемщиковъ, ибо подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ своего хозяйства, они могутъ не всегда располагать одинаковыми средствами къ погашенію своихъ долговъ.

Всѣ безъ изъятія заемщики — члены компаніи и имъ принадлежитъ исключительное право управленія ея дѣлами. Три раза въ годъ собираются общія собранія всѣхъ членовъ; ими избирается по большинству голосовъ на три года правленіе, состоящее изъ 5 членовъ, которые могутъ быть и не членами компаніи. Послѣднее составляетъ особенность Виртембергскаго Общества. Въ общихъ собраніяхъ принимаютъ участіе и уполномоченные членовъ; но никто не можетъ имѣть болѣе двухъ голосовъ. Всѣ члены компаніи имѣютъ право собственности (пропорціональное заключеннымъ ими займамъ) на резервный фондъ, который составляется изъ $4^1/_6\%$, уплачиваемыхъ ими на первоначальное обзаведеніе, сборовъ ($^1/_2\ \%$) на управленіе, процентовъ на эти суммы и на авансы, о которыхъ мы говорили. Всякій заемщикъ, сполна очистившій свой капитальный долгъ, получаетъ свидѣтельство на принадлежащую ему часть резервнаго фонда; это свидѣтельство, своего рода облигація, выдается на предъявителя (то есть, безъименное) и приноситъ $2^1/_2\%$.

Этотъ резервный фондъ, какъ мы видѣли, служитъ источникомъ разныхъ усложненій, которыхъ нѣтъ въ другихъ компаніяхъ. Нельзя не признать ихъ совершенно излишними; гораздо лучше было бы составлять резервный фондъ исключительно для покрытія недоимокъ.

При правленіи состоитъ особый судебный комитетъ, имъ избранный. Правительство имѣетъ своимъ представителемъ чиновника, наблюдающаго только за точнымъ соблюденіемъ устава. Этимъ ограничивается всякое вмѣшательство правительства въ дѣла компаніи, которая сравнительно съ другими подобными учрежденіями пользуется величайшею независимостью.

Мы представимъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія объ операціяхъ Виртембергской Компаніи (*).

(*) *Hübner. Die Banken. p. 411—413.*

Къ 1 января 1848 г. было непогашеннаго капитальнаго долга 5,516,268 флориновъ (*).

Послѣ того было вновь выдано ссудъ:

1848	382,395 фл.	50 крейцеровъ.
1849	86,354 —	10 —
1850	512,522 —	55 —

Затѣмъ положеніе актива и пассива (**) компаніи было слѣдующее:

	Активъ.	Пассивъ.	Излишекъ.
1847	5,886,239	5,409,594	386,645
1848	5,994,193	5,588,716	405,477
1849	6,019,206	5,607,355	411,850
1850	6,202,431	5,767,286	435,145
1851	6,170,731	5,661,577	449,135
1852	6,106,933	5,648,285	458,648

Изъ этихъ цифръ видно, что излишекъ въ пользу компаніи, то есть резервный ея фондъ, постоянно возрасталъ, несмотря на постепенное уменьшеніе непогашеннаго долга. Это обстоятельство еще болѣе удостовѣряетъ въ безполезности такихъ чрезвычайныхъ усилій къ составленію резервнаго фонда,

До 1847 г. случаи неисправности заемщиковъ были чрезвычайно рѣдки; но уже въ 1850 г. насчитывалось 50 случаевъ (220,437 ф. недоимки) аукціонной продажи имѣній на 1100 займовъ. Вообще послѣ 1847 года обстоятельства сдѣлались менѣе благопріятны, что должно приписать политическимъ событіямъ; компанія вынуждена сдѣлалась гораздо чаще прибѣгать къ мѣрамъ строгости, чѣмъ прежде.

По важности своихъ операцій, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ Германіи *Ганноверское Учрежденіе Поземельнаго Кредита* (*Hannowerische Landescreditanstalt*). Мы считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности относительно этого учрежденія, ибо, занимаясь преимущественно *выкупомъ разныхъ крестьянскихъ повинностей*, возникшихъ изъ феодальныхъ отношеній, оно представляетъ особенный интересъ для русской публики. Ганноверъ принадлежитъ къ тѣмъ государствамъ Гер-

(*) Флоринъ или гульденъ (рейнскій) равенъ 53 к; онъ содержитъ 60 крейцеровъ.

(**) Активъ представляетъ выданныя подъ залогъ ссуды; пассивъ — вклады или облигаціи.

манія, гдѣ земля сохранила наиболѣе глубокіе слѣды феодальной системы и крестьяне были обложены множествомъ разныхъ повинностей въ пользу дворянства. Мирнымъ путемъ выкупа всѣ эти повинности постепенно исчезали въ Германіи и крестьянскія земли сдѣлались такими же свободными, какъ и дворянскія.

Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита собственно и возникло съ спеціальною цѣлію выкупа крестьянскихъ повинностей; оно только впослѣдствіи, въ 1842 г., было распространено вообще на всякія операціи поземельнаго кредита. Мы разсмотримъ его происхожденіе и настоящее развитіе (*). Ганноверская система выкупа крестьянскихъ повинностей не только достойна вниманія при обсужденіи готовящейся реформы въ крестьянскомъ быту въ нашемъ отечествѣ, гдѣ вопросъ этотъ представляется еще весьма новымъ, но она пользуется особеннымъ уваженіемъ въ Германіи и тамъ была указываема, какъ образецъ для подобныхъ операцій, по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной и феодальной зависимости.

Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ была не разъ заявлена представителями сословій въ Ганноверѣ необходимость основанія, *съ содѣйствіемъ правительства*, кредитнаго учрежденія для выкупа повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ въ отношеніи къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ, ибо хотя законъ предоставлялъ крестьянамъ право на выкупъ (то есть, объявилъ феодальныя повинности крестьянскихъ земель подлежащими выкупу—*ablösbar*—какъ это бо̀льшею частію предварительно дѣлается въ Германіи), но вознагражденіе помѣщиковъ чрезъ единовременные взносы со стороны крестьянъ было бо̀льшею частію недоступно для ихъ способовъ, а окончательная развязка феодальныхъ отношеній и совершенное освобожденіе обязанныхъ повинностями крестьянъ были одинаково необходимы и для успѣховъ хозяйства, и крестьянъ, и помѣщиковъ. Дѣло это оказывалось невозможнымъ предоставить исключительно частнымъ сдѣлкамъ; нужно было содѣйствіе правительства.

(*) Относительно Ганноверскаго учрежденія поземельнаго кредита мы будемъ руководствоваться преимущественно статьею, помѣщенною въ *Archiv der Politischen Oekonomie u. Polizeiwissenschaft von Rau und Hanssen*, за 1851 годъ: *Die Hannowerische Landescreditanstalt vom Geheimen Regierungsrathe Bening in Hannover*. Также: *Royer, Des institutions de crédit foncier*; *Josseau, Des institutions de crédit foncier et agricole*, и *Huebner, Die Banken*.

До окончательнаго учрежденія выкупа прошло въ Ганноверѣ много времени въ толкахъ и преніяхъ, какъ всегда бываетъ въ Германіи; наконецъ кредитное учрежденіе было открыто въ февралѣ 1841 г., и цѣлію ему поставленъ былъ выкупъ повинностей всякаго рода, обременявшихъ крестьянскія земли, натуральныхъ, денежныхъ и работъ или барщины, преимущественно же *десятины*, признававшейся особенно тягостной для крестьянъ. Въ то же время правительство заявило желаніе, чтобы кредитное учрежденіе не ограничивалось только операціями для выкупа повинностей, но и вообще распространило свои дѣйствія на ссуды подъ залогъ земли и для другихъ цѣлей; на первое время такія ссуды могли быть производимы лишь подъ залогъ крестьянскихъ дворовъ (*Bauerhöfen*, то есть, всей совокупности недвижимой собственности, принадлежащей одному крестьянскому хозяйству), оцѣненныхъ *не менье, какъ въ 5000 талеровъ*. Потомъ право на ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ, было понижено сперва на 100 тал. чистаго дохода, и потомъ даже на 60 тал. — 18 іюня 1842 г. Ганноверское учрежденіе для выкупа крестьянскихъ повинностей было окончательно преобразовано въ *учрежденіе поземельнаго кредита вообще*. Узаконеніями 1844, 1846 и 1848 годовъ, по желанію сословій, были сдѣланы нѣкоторыя дополненія и облегченія для заемщиковъ.

Мы изложимъ главныя основанія этого учрежденія въ его окончательной формѣ.

Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита въ сущности основано на томъ же началѣ, какъ и всѣ подобныя германскія учрежденія; оно точно также имѣетъ цѣлію перенести въ руки своихъ заемщиковъ весь кредитъ, который получаетъ отъ своихъ заимодателей. Но Ганноверское учрежденіе не *корпорація* землевладѣльцевъ, каковы земскія кредитныя общества въ другихъ странахъ Германіи (напримѣръ въ Пруссіи и Виртембергѣ), а *правительственное учрежденіе*, хотя и имѣющее всю самостоятельность и всѣ принадлежности права на пріобрѣтеніе и собственнаго имущества — какъ *юридическое лицо*.

Оно производитъ ссуды:

1) Для выкупа *поземельныхъ повинностей* всякаго рода.

2) Для всякихъ иныхъ цѣлей, преимущественно для погашенія старыхъ гипотечныхъ долговъ.

Въ первомъ разрядѣ ссудъ, *вся годовая сумма выкупаемыхъ повинностей не можетъ превосходить половины годоваго чистаго дохода, опредѣленнаго по оцѣнкѣ земли, служащей обезпеченіемъ*, то есть, принимается выкупъ лишь такой суммы повинностей, которая бы равнялась не болѣе, какъ половинѣ чистаго дохода лица, желающаго воспользоваться выкупомъ. Обезпеченіемъ ссудъ для выкупа служитъ имѣніе или земля *лица обязаннаго* повинностью (*Pflichtige*); взысканіе съ имѣнія платежей, слѣдующихъ учрежденію, пользуется преимуществомъ передъ всякими другими долгами. Учрежденіе, принимая на себя выкупъ повинности, замѣняетъ собою *лицо* (помѣщика), *имѣвшее право на повинность* (*Berechtigter*), вступаетъ во всѣ его права и потому какъ для наложенія запрещенія на имущество, такъ и для производства взысканія нѣтъ никакой надобности въ согласіи этого послѣдняго, т. е. помѣщика.

Круговое ручательство между нѣсколькими лицами, выкупающими свои повинности, не допускается.

Ссуды *втораго разряда* (то есть, не для выкупа) не могутъ превосходить половины капитала имѣнія, служащаго обезпеченіемъ; здѣсь принимаются въ оцѣнку (въ различіе отъ ссудъ перваго разряда) только земля, и притомъ удобная для воздѣлыванія, *безъ строеній и прочаго имущества*, которыя могутъ служить обезпеченіемъ лишь ссудъ для выкупа. Имѣнія втораго разряда ссудъ должны, чтобъ служить обезпеченіемъ, быть установленнымъ порядкомъ заложены въ присутственныхъ мѣстахъ.

Для обоего рода ссудъ дѣйствуютъ слѣдующія правила:

Никакія отчужденія въ имѣніяхъ, служащихъ обезпеченіемъ, никакія рѣшенія относительно нихъ со стороны правительственныхъ мѣстъ, и администраціи или суда не могутъ быть приведены въ дѣйствіе, если они сколько нибудь затрогиваютъ права или вредятъ интересамъ кредитнаго учрежденія. Всякій долгъ кредитному учрежденію неразрывно связанъ съ имѣніемъ, переходитъ ко всѣмъ его пріобрѣтателямъ, безъ всякаго предварительнаго ихъ на то согласія и никогда не можетъ поступить въ конкурсную массу, а удовлетворяется прежде всякихъ другихъ взысканій. Это право можетъ казаться стѣснительнымъ для нѣкоторыхъ лицъ; но бывъ разъ занесенъ въ ипотечную опись имѣнія, долгъ кредитнаго установленія дѣлается для всѣхъ гласнымъ и обусловливаетъ собою самую цѣнность имѣнія.

Цѣлыя общины, городскія, сельскія, приходскія и подобныя признанныя закономъ корпораціи могутъ также занимать, подъ залогъ своего общественнаго имущества, которое можетъ состоять не въ однихъ земляхъ, но и въ строеніяхъ. Ссуды общинамъ могутъ равняться $^2/_3$ цѣны залога. Недоимки съ общинъ взыскиваются административнымъ порядкомъ, чрезъ мѣстныя власти, наблюдающія за сборомъ податей.

Кредитное учрежденіе не производитъ ссудъ ниже 200 талеровъ капитала.

На рѣшенія дирекціи относительно взысканій не можетъ быть приносимо никакой жалобы или апелляціи.

Заемщики могутъ четыре раза въ году вносить разныя суммы въ счетъ уплаты впередъ своихъ долговъ, но не менѣе каждый разъ 25 тал.

Заемщики платятъ учрежденію ежегодно $4^1/_4$ процента съ полученнаго капитала, полугодовыми взносами. Все, что остается изъ этихъ $4^1/_4$ % за покрытіемъ процентовъ, выплачиваемыхъ вкладчикамъ или заимодателямъ кредитнаго учрежденія, и расходовъ управленія, идетъ на ежегодное погашеніе капитальнаго долга. По первоначальному уставу изъ $4^1/_2$% шло: $3^1/_2$% на уплату процентовъ, $^1/_4$% на управленіе и резервный фондъ (на послѣдній $^1/_{12}$%) и $^1/_2$% на погашеніе капитала. Но въ 1848 году это исчисленіе было измѣнено такимъ образомъ: Дальнѣйшее накопленіе резервнаго фонда прекращено и затѣмъ освободились $^1/_{12}$%; ежегодно поступающій процентъ на расходы управленія исчисляется уже не на весь занятый капиталъ, а лишь на часть его, ежегодно остающуюся не погашенною, (т. е., этотъ процентъ ежегоднó уменьшается, и затѣмъ все, что остается ежегодно свободнымъ изъ $4^1/_4$ %, которые продолжаютъ взиматься съ заемщиковъ, идетъ на погашеніе капитальнаго долга. Это исчисленіе чрезвычайно облегчаетъ заемщиковъ, ибо значительно сокращаетъ сроки ихъ обязательствъ передъ кредитнымъ учрежденіемъ, увеличивая ежегодно погашаемую часть капитальнаго долга.

Заемщики имѣютъ право всегда сократить сроки своихъ долговъ принятіемъ на себя обязанности уплачивать бóльшее количество ежегодныхъ погасительныхъ процентовъ. Самый низшій размѣръ ежегодныхъ платежей $4^1/_4$ %, т. е., $^1/_2$ % на погашеніе капитала.

Въ Ганноверскомъ кредитномъ учрежденіи дѣйствуетъ тотъ же разсчетъ *сложныхъ процентовъ*, о которомъ мы говорили въ первой нашей статьѣ и который примѣненъ ко всѣмъ операціямъ поземельнаго кредита, т. е. заемщикъ, внося ежегодно погасительный процентъ, постепенно уменьшаетъ свой капитальный долгъ, въ то время, какъ онъ постоянно вноситъ туже ежегодную сумму процентовъ, исчисленную на весь капитальный долгъ; потому каждый годъ цифра погашенной имъ части капитальнаго долга прогрессивно возрастаетъ и, платя ежегодно 1 %, онъ уплачиваетъ свой долгъ не въ сто лѣтъ, (еслибы дѣйствительно шло въ уплату капитала только 1 %, а не 1 %+та частица изъ $3^1/_2$ %, которая составляетъ излишекъ процентовъ на ежегодно остающуюся непогашенною сумму капитальнаго долга), а въ 43 года, платя $^1/_2$ % не въ 200 лѣтъ, а въ 60, и т. д. Чтобы выражаться какъ можно яснѣе, мы представимъ примѣръ: я занялъ въ банкѣ въ 1860 г. 1000 р. капитала и обязался платить ежегодно 4 %, или 40 р., изъ которыхъ $3^1/_2$ или 35 р. на уплату собственно процентовъ и $^1/_2$ % или 5 р. на погашеніе капитала. За 1860 г. я внесъ 40 р.; къ 1861 г. будетъ въ долгу на мнѣ уже не 1000 р. капитала, а только 995 р., между тѣмъ я вношу за 1860 г. тѣ же 40 р., изъ которыхъ употребляется банкомъ на уплату процентовъ ($3^1/_2$ %) уже не 35 р., а только $34^{825}/_{1000}$ руб. (то есть, сколько слѣдуетъ на 995 р. капитала), и остальные $^{175}/_{1000}$ р. идутъ вмѣстѣ съ 5 руб. на погашеніе капитала. Такъ продолжается каждый годъ и эта послѣдняя дробь постоянно возрастаетъ, а остающійся на мнѣ капитальный долгъ прогрессивно уменьшается. Въ распоряженіи банка ежегодно остается большая сумма на возвратъ долговъ, заключенныхъ имъ для производства ссудъ. Въ первой статьѣ нашей мы иначе, то есть въ другой формѣ, объясняли операцію сложныхъ процентовъ; мы предполагали, что банкъ ежегодно накопляетъ свой погасительный капиталъ нарощеніемъ процентовъ на ежегодно выплачиваемые проценты. Здѣсь мы предположили, что этотъ погасительный процентъ дѣйствительно ежегодно идетъ на погашеніе капитала, то есть на возвратъ долговъ или вкладовъ банка, — такъ оно большею частью и дѣлается. Банкъ ежегодно выкупаетъ изъ обращенія выданныя имъ облигаціи и тѣмъ самымъ уменьшаетъ сумму ежегодно выплачиваемыхъ имъ процентовъ, въ то время, какъ отъ своихъ

заемщиковъ получаетъ ежегодно туже сумму процентовъ. Потому банкъ, дѣйствующій исключительно въ интересахъ заемщиковъ или землевладѣльцевъ, и можетъ назначать сроки ихъ обязательствъ болѣе краткіе, нежели тѣ, какъ приходились бы по разсчету погасительныхъ процентовъ на всю сумму капитальнаго долга, то есть, напримѣръ, сто лѣтъ для 1 %, 50 лѣтъ для 2 % и т. д. Сущность операціи сложныхъ процентовъ остается всегда таже, въ какую бы форму она ни была облечена, то есть, какимъ бы способомъ банкъ ею ни пользовался; возможность успѣха этой операціи заключается въ возможности со стороны банка тотчасъ, по полученіи какихъ либо платежей, пускать ихъ въ новые обороты.

Проценты, уплачиваемые Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ, не имѣютъ разъ навсегда опредѣленнаго масштаба, но зависятъ по необходимости отъ количества обращающихся свободныхъ капиталовъ въ странѣ. Сообразно съ пониженіемъ этихъ процентовъ, оно можетъ уменьшить и проценты, уплачиваемые его заемщиками. До сихъ поръ оно платило и взимало $3^1/_2$ %; при этомъ размѣрѣ процентовъ, сто тысячъ капитала погашается:

При ежегодномъ взносѣ	заемщиками	$4^1/_4$	тал. въ	55	лѣтъ.
—	—	$4^1/_2$	—	46	—
—	—	$4^3/_4$	—	41	—
—	—	5	—	36	—

Отъ воли заемщиковъ зависитъ вносить ту или другую цифру этихъ ежегодныхъ платежей, то есть вносить большій или меньшій погасительный процентъ.

Въ случаѣ неисправности насчитывается на каждый талеръ ($91^1/_4$ к.) недоимки серебряной грошъ (около 3 к.) пени и кромѣ того заемщикъ можетъ быть принужденъ къ болѣе быстрому погашенію, то есть, къ высшему размѣру ежегодныхъ взносовъ.

Ганноверское кредитное учрежденіе, какъ и другія ему подобныя, чтобы производить свои ссуды, занимаетъ капиталъ у третьихъ лицъ. Для этого оно выпускаетъ облигаціи именныя или безъименныя (на предъявителя); облигаціи могутъ быть надписаны на разныя суммы, но не ниже 50 тал. и не выше 5000

тысячь. Къ облигаціямъ могутъ быть прилагаемы особые купоны для полученія процентовъ.

Эти облигаціи выпускаются въ размѣрѣ ссудъ, выдаваемыхъ кредитнымъ учрежденіемъ, и потому обезпеченіемъ ихъ служатъ права его въ отношеніи къ заемщикамъ и запрещенія, наложенныя на ихъ имѣнія. Кромѣ того, все имущество учрежденія, и въ томъ числѣ резервный фондъ, отвѣтствуютъ за исправность его въ отношеніи къ его вкладчикамъ или владѣльцамъ облигацій. Резервный фондъ, составлявшійся первоначально изъ специяльнаго процента, наполняется остатками отъ расходовъ управленія, пенями и всякими прибылями, въ числѣ которыхъ самыя значительныя происходятъ отъ обязанности заемщиковъ уплачивать проценты два раза въ годъ, и отъ полученія наконецъ процентовъ по облигаціямъ лишь разъ въ годъ. Казна гарантировала кредитному учрежденію до 500,000 талеровъ, къ которымъ оно всегда можетъ прибѣгнуть для удовлетворенія своихъ вкладчиковъ, и государственное казначейство обязано дѣлать всегда, по требованію кредитнаго учрежденія, авансъ до 100,000 тал. за 3 %.

Облигаціи выдаются непосредственно въ руки вкладчиковъ, а заемщики получаютъ ссуды чистыми деньгами. Такимъ образомъ Ганноверское кредитное учрежденіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя сами пріобрѣтаютъ отъ капиталистовъ деньги, нужныя для землевладѣльцевъ, а не ограничиваются выдачею послѣднимъ закладныхъ листовъ, для обращенія ихъ въ деньги продажею (какъ прусскіе институты).

Владѣльцы облигацій имѣютъ право на требованіе уплаты по нимъ сполна капитала изъ кассы учрежденія, заявивъ о томъ за 6 мѣсяцевъ впередъ; тоже самое право имѣетъ и кредитное учрежденіе на погашеніе облигацій или на возвратъ вкладовъ.

Завѣдываніе Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое назначаетъ трехъ дворянъ, составляющихъ правленіе. Въ этомъ правленіи сосредоточивается все управленіе дѣлами учрежденія, въ которомъ никто изъ прочихъ землевладѣльцевъ или заемщиковъ не имѣетъ никакого голоса и участія.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита есть правительственное или казенное

и строго отличается отъ *обществъ поземельнаго кредита въ Германіи*. Съ послѣдними оно имѣетъ только то общаго, что дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ землевладѣльцевъ или заемщиковъ, потому и относится къ той же группѣ учрежденій поземельнаго кредита. Но оно не товарищество, а казенное учрежденіе, потому и несетъ на себѣ всѣ послѣдствія такого характера: *и въ гарантіи* своего кредита, основанной не на круговомъ ручательствѣ компаніоновъ или заемщиковъ, а на правительствѣ и содѣйствіи казны (отсюда возможность возвращать вклады по предъявленію облигацій), и въ механизмѣ управленія, состоящемъ изъ лицъ, назначаемыхъ отъ правительства, а не выборныхъ общества или сословія. Въ другомъ мѣстѣ мы войдемъ въ сравнительное разсмотрѣніе условій разныхъ родовъ организаціи поземельнаго кредита и сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы о ихъ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ; пока мы считаемъ только нужнымъ выставлять особенности каждой организаціи и проистекающія изъ нихъ особенности самыхъ операцій кредита.

Если отъ изложенія общихъ началъ, на которыхъ основано Ганноверское кредитное учрежденіе, обратимся къ дѣйствительнымъ результатамъ его операцій, то увидимъ, что оно вполнѣ удовлетворило цѣли своего существованія и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ дѣйствія и финансовыя положенія самыя успѣшныя.

Уже съ перваго года своего существованія (1841 г.) его ссуды, собственно для выкупа десятины (*Zehntablösungen*), были весьма значительны. Въ слѣдующемъ году вновь выданныя ссуды достигли самой высшей цифры, какая ежегодно была въ теченіе всего времени существованія учрежденія, и именно около $1^1/_2$ милліона талеровъ. Въ третьемъ и четвертомъ году ссуды уменьшились, но не далеко отстали отъ этой цифры. Съ пятаго года ежегодная цифра ссудъ уже не достигаетъ прежней высоты, и съ 1847 г. постоянно упадаетъ. Причину этого надо, конечно, искать не въ ослабленіи дѣйствій учрежденія, а въ постепенномъ исчезновеніи повинностей, къ выкупу которыхъ оно было преимущественно предназначено и которыя, тотчасъ послѣ открытія его дѣйствій, всѣ обратились къ выкупу.

Вотъ цифры ежегодныхъ ссудъ:

	На выкупъ повинностей.	Для другихъ цѣлей.	Всего.
1841	752,376 т.		752,376
1842	1,492,770		1,492,770
1843	1,209,251	3,300	1,212,551
1844	1,287,020	36,202	1,323,222
1845	749,046	70,140	819,186
1846	439,442	93,527	532,969
1847	531,789	189,313	721,102
1848	410,909	221,447	632,356
1849	203,455	144,174	347,629
1850	173,721	194,212	367,933
Итого	7,249,779 т.	952,315 т.	8,202,094 т.

Изъ этой цифры ссудъ было въ 1849 г. погашено 510,824 тал., такъ что въ 1850 г. оставалось всего 7,691,270 тал.

Изъ движенія всѣхъ этихъ цифръ видно, что ссуды для выкупа постепенно уменьшались, какъ и слѣдовало быть, а ссуды вообще подъ имѣнія возрастали до 1848 г. постоянно и съ этого года уменьшились, согласно съ общимъ потрясеніемъ коммерческихъ дѣлъ въ Европѣ.

Число лицъ, выкупавшихъ свои повинности въ теченіе этого 10-ти-лѣтняго періода было 20,550. Изъ нихъ окончательно выкупили свои повинности и очистили свои долги въ этотъ періодъ уже 320.

Уже до открытія дѣйствій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія обязанные повинностями крестьяне обращались къ выкупу путемъ частныхъ займовъ у постороннихъ лицъ, или заключеніемъ подобныхъ же сдѣлокъ съ самими помѣщиками, или наконецъ чрезъ одно частное кредитное общество, содѣйствовавшее выкупу. Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита мало по малу переводило на себя эти долги, къ очевидной выгодѣ крестьянъ, ибо здѣсь они могли воспользоваться гораздо болѣе продолжительными сроками кредита и погашенія. Этимъ объясняется, почему и во всѣ послѣдующіе годы существованія учрежденія продолжали выдаваться ссуды для выкупа, не смотря на огромное количество ихъ при самомъ основаніи.

Ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ повинностей, какъ мы видѣли, постоянно возрастали; онѣ особенно поднялись съ того времени, какъ дозволены были ссуды общинамъ и подъ

общественныя имущества. Тому же содѣйствовало дозволеніе уплачивать впередъ, во всякое время и всякія суммы, на погашеніе капитальнаго долга и по волѣ заемщиковъ всегда ускорять, болѣе крупными ежегодными взносами, сроки погашенія. Эта льгота въ практикѣ всегда оказывается чрезвычайно благопріятною для интересовъ заемщиковъ, не стѣсняя ихъ свободы распорядиться операціями своего хозяйства, къ очищенію долговъ въ тотъ или другой срокъ, какой окажется для нихъ болѣе удобнымъ, подъ вліяніемъ часто измѣняющихся домашнихъ обстоятельствъ. Даже небогатые крестьяне стали прибѣгать къ кредиту, не только для выкупа своихъ повинностей, но и для раздѣловъ имущества по наслѣдству, для округленія своихъ владѣній и проч. Въ такихъ случаяхъ заемщикамъ нѣтъ надобности, чтобы сдѣлать оборотъ по хозяйству, прибѣгать къ слишкомъ долгосрочнымъ погашеніямъ (55, 46 лѣтъ и проч., съ $4^1/_4$ %, $4^1/_2$ % и т. д.), и въ Ганноверскомъ учрежденіи весьма много заключается займовъ съ условіемъ весьма высокихъ ежегодныхъ платежей, отъ 5% даже до 10 %, на болѣе короткіе сроки погашенія капитала.

Ссуды общинамъ, городскимъ и сельскимъ, постоянно возрастаютъ, особенно для содѣйствія публичнымъ сооруженіямъ и постройкамъ.

Переходя собственно къ другой сторонѣ операцій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія, ко *вкладамъ*, (къ капиталамъ, имъ самимъ занимаемымъ, для выдачи ссудъ землевладѣльцамъ и представляемымъ его облигаціями), мы должны замѣтить, что съ самаго начала своей дѣятельности оно получило важное содѣйствіе отъ казны, ссудившей ему всѣ суммы, которыя оно получало отъ выкупа десятины и другихъ повинностей въ своихъ собственныхъ или *государственныхъ имуществахъ*. Для этого послѣдняго выкупа была учреждена правительствомъ особая *выкупная касса*. Точно также были переданы въ кредитное учрежденіе суммы, получавшіяся отъ выкупа крестьянскихъ земель въ монастырскихъ имѣніяхъ. Всѣ эти капиталы были отданы кредитному учрежденію заимообразно по умѣренному проценту 3 %. Это было важнымъ облегченіемъ для дѣйствій учрежденія, которое сперва не легко могло бы получить нужныя ему суммы отъ частныхъ лицъ, между которыми не вдругъ распространилось довѣріе къ новымъ кредитнымъ бумагамъ. Кредитное учрежденіе передало въ казенныя и мо-

настырскія кассы свои облигаціи, взамѣнъ ихъ ссудъ. Но скоро и частныя лица обратились къ пріобрѣтенію этихъ облигацій и стали предлагать кредитному учрежденію свои капиталы, на которые оно уже выдавало облигаціи съ $3^1/_2$ %. Облигаціи получили скоро курсъ выше пари или своей номинальной цѣны. Курсъ ихъ стоялъ такъ высоко, что учрежденіе могло уже впослѣдствіи, не измѣняя масштаба процентовъ ($3^1/_2$ %) по своимъ облигаціямъ, требовать отъ капиталистовъ, желавшихъ ихъ пріобрѣсть, нѣкоторой наддачи, что оно не разъ и дѣлало; напримѣръ, выдавая облигацію въ 100 талеровъ, оно получало отъ своихъ вкладчиковъ не 100 т. чистыми деньгами, а 101, $100^1/_2$ т. и т. д. Политическія событія, хотя и остановили нѣсколько возрастаніе займовъ изъ кредитнаго учрежденія, но нисколько не потрясли его кредита или движенія вкладовъ; напротивъ того, капиталы, отклонившись на нѣкоторое время отъ помѣщеній въ государственныхъ фондахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, съ большею силою прилили къ помѣщенію въ земскихъ облигаціяхъ, такъ что кредитное учрежденіе оказало даже помощь государственному казначейству, возвративъ ему болѣе милліона талеровъ, въ счетъ его ссудъ (изъ кассы государственныхъ имуществъ), о которыхъ мы говорили выше и которыя составляли въ началѣ 1848 г. около $2^1/_2$ мил. тал. Въ концѣ 1849 г. оно снова стало выпускать облигаціи по 3% и уплатило государственному казначейству до $^1/_2$ мил. т. Въ послѣднее время Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита обходится вовсе безъ подкрѣпленія займами изъ казенныхъ источниковъ и дѣйствуетъ единственно, какъ посредникъ между поземельною собственностью и частными свободными капиталами. Немногіе банки могутъ выставить столь удовлетворительное положеніе своихъ финансовъ и столь благодѣтельные результаты своихъ операцій.

Всѣ вклады или облигаціи Ганноверскаго учрежденія поземельнаго кредита могутъ быть всегда предъявляемы къ возврату или размѣну на чистыя деньги въ его кассѣ; мы видѣли, что ни разсмотрѣнныя нами кредитныя учрежденія, ни теорія поземельнаго кредита не допускаютъ такого условія, а напротивъ они отнимаютъ у вкладчиковъ или владѣльцевъ облигацій банка всякое право на обратное востребованіе своихъ капиталовъ изъ кассы банка. Это условіе постояннаго права востребованія значительно содѣйствуетъ возвышенію курса ганноверскихъ облигацій, но

изъ этого нельзя еще заключить, чтобы оно всегда было возможно; объемъ капиталовъ, приводимыхъ въ обращеніе ганноверскимъ поземельнымъ кредитомъ, не довольно обширенъ, чтобы онъ могъ служить въ этомъ отношеніи полезнымъ примѣромъ для другихъ подобныхъ учрежденій. Достаточно припомнить, что самая высшая цифра ссудъ землевладѣльцамъ изъ Ганноверскаго кредитнаго учрежденія едва восходила въ теченіе одного года до $1\frac{1}{2}$ мил. тал., а въ прусскихъ земскихъ институтахъ она доходила почти до 90 мил. тал., и въ каждомъ институтѣ отдѣльно до 20, 30 и 40 мил. тал. Но кромѣ этой относительной мелкости оборотовъ, не должно забывать: 1) что Ганноверское учрежденіе обязано уплачивать лишь по истеченіи шести мѣсяцевъ со дня предъявленія; 2) что оно обязано постоянно выкупать часть своихъ облигацій суммами своего погасительнаго фонда и потому предъявляемыя къ размѣну облигаціи могутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать ежегодной цифрѣ, предназначенной къ выкупу, и 3) учрежденіе имѣетъ въ запасѣ, на крайній случай, кредитъ изъ государственнаго казначейства (до 500,000 т.), который всегда можетъ покрыть всякое, вѣроятное востребованіе вкладовъ. Право на востребованіе вкладовъ объясняетъ, почему въ Ганноверѣ процентъ по нимъ болѣе или менѣе могъ быть сохраненъ одинъ и тотъ же; между тѣмъ какъ въ прочихъ странахъ Германіи, особенно южной, подобныя учрежденія вынуждены были нѣсколько возвысить свой процентъ.

Ганноверское кредитное учрежденіе принимаетъ также *депозиты* или капиталы для храненія и, смотря по продолжительности сроковъ, на которые они ему ввѣряются, оно уплачиваетъ по нимъ проценты, отъ 2% и болѣе. Судебныя мѣста, по закону, обязаны отдавать ему на храненіе капиталы, на которые налагается запрещеніе.

Резервный фондъ составлялъ въ 1850 г. до 55,000 т. Еще не случалось относить ущербовъ на этотъ фондъ. Но къ публичной продажѣ имѣній, и даже крестьянскихъ, вынуждены были не разъ прибѣгать; долги переходятъ при этомъ на покупщиковъ. Вообще недоимки были незначительны. Мы можемъ представить свѣдѣнія о нихъ лишь по 1850 г.; недоимки взыскаваются съ большою строгостью.

Годы.	Число заемщиковъ.	Сумма ежегодныхъ ихъ платежей въ талерахъ.	Недоимки. Число недоимщиковъ.	Недоимки. Сумма недоимочныхъ платежей въ талерахъ.	Наложенныя за недоимки пени въ талерахъ.
1845	14,664	223,980	190	4344	181
1846	16,598	256,372	170	3950	167
1847	17,717	282,323	146	4584	189
1848	18,806	316,693	128	4032	169
1849	19,716	339,731	160	4700	197
1850	20,550	355,168	142	4560	188

Изъ этой таблицы видно, какъ маловажны были недоимки сравнительно съ годовыми платежами, слѣдовавшими отъ заемщиковъ. Вся недоимка съ 1845 по 1850 г. составляетъ около $1/2$ тал. на 100 т. или $1/2$%. Изъ этой недоимки (около 26,000 тал.) только 4000 т. были взысканы путемъ экзекуцій или продажи заложеннаго имущества.

Всѣ безъ изъятія расходы управленія какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго (въ провинціальныхъ конторахъ) составляли:

въ 1841 г.	2319 т.
1842	4665
1843	7807
1844	7329
1845	7634
1846	7183
1847	7826
1848	8403
1849	8783

Расходы эти возрастали вслѣдствіе развитія учрежденія и во всякомъ случаѣ они чрезвычайно умѣренны. Въ 1849 г. они составляли $1/8$% на всю остававшуюся долговую сумму.

Нынѣ всѣ долги учрежденія государственному казначейству погашены, такъ что оно ничего не стоило казнѣ, хотя и основано съ ея содѣйствіемъ.

Столь благопріятное состояніе дѣлъ ганноверскаго поземельнаго кредита не должно относить къ одной его организаціи, которая никакъ не представляется совершенствомъ, но также и къ успѣхамъ вообще народнаго хозяйства и благосостоянія въ Ганноверѣ, къ возрастанію народнаго капитала, развитію

раціональнаго хозяйства и постоянно выгодному сбыту земледѣльческихъ произведеній, возвышавшихся въ цѣнѣ.

Кромѣ описаннаго нами главнаго учрежденія поземельнаго кредита въ Ганноверѣ существуютъ еще другія подобныя же мѣстныя учрежденія:

1) *Дворянская кредитная компанія (Der ritterschaftliche Creditverein) въ Монебургѣ.*

2) *Дворянская кредитная компанія въ Каленбургѣ, Грубенгагенѣ и Гильдесгеймѣ.*

3) *Дворянская кредитная компанія въ Бременѣ, Ведернѣ и Гадельнѣ.*

Всѣ эти компаніи основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ; землевладѣльцы, получающіе ссуды, дѣлаются членами и отвѣтствуютъ за всѣ долги, заключенные компаніею. Вообще поземельный кредитъ организованъ въ нихъ такъ же, какъ въ Пруссіи.

Въ Ганноверѣ былъ не разъ подымаемъ вопросъ о слитіи всѣхъ компаній въ одномъ *главномъ учрежденіи поземельнаго кредита*. Расходы управленія при этомъ безъ сомнѣнія сократятся; слитіе улыбается и централизаторскимъ стремленіямъ бюрократіи. Но провинціяльныя учрежденія противились сліянію и вѣроятно никогда не согласятся пожертвовать своею самостоятельностью и независимостью.

Въ приложеніи мы предлагаемъ для соображенія читателей таблицы, по которымъ исчисляются процентные и погасительные платежи въ Ганноверскомъ учрежденіи поземельнаго кредита; съ помощью таблицъ можно нагляднѣе представить себѣ ходъ операціи и погашенія долговъ.

Теперь мы перейдемъ къ остальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ той же группы и предоставляемъ себѣ въ своемъ мѣстѣ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе затронутой здѣсь операціи выкупа крестьянскихъ земель и повинностей; этому предмету будетъ посвящена нами, въ заключеніи нашего труда, особая статья, въ которой мы сдѣлаемъ сравнительное обозрѣніе выкупныхъ операцій въ разныхъ странахъ Германіи.

ТАБЛИЦА,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ, СКОЛЬКО ПРИХОДИТСЯ ЗАЕМЩИКУ ЕЖЕГОДНО ВНОСИТЬ НА УПЛАТУ ДОЛГА ВЪ 100,000 РУБЛЕЙ, ПРИ 3½ % ПРОЦЕНТОВЪ, ½ % ПОГАШЕНІЯ И ¼ % НА РАСХОДЫ УПРАВЛЕНІЯ, ИЛИ ВСЕГО 4¼ %.

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ 4¼ %.	Изъ этой ренты вычитается: 3½ % для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	¼ % на расходы управленія.	Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
1	100,000	4,250	3,500	250	3,750	500	99,500
2	99,500	4,250	3,482½	250	3,732½	517½	99,982½
3	98,982½	4,250	3,465	250	3,715	535	98,447½
4	98,447½	4,250	3,445	250	3,695	555	97,892
5	97,892½	4,250	3,427½	250	3,677½	572½	97,320
6	97,320	4,250	3,405	250	3,655	595	96,725
7	96,725	4,250	3,385	250	3,635	615	96,110
8	96,110	4,250	3,362½	250	3,612½	637½	95,472½
9	95,472½	4,250	3,342½	250	3,592½	657½	94,815
10	94,815	4,250	3,317½	250	3,567½	682½	94,132½
11	94,132½	4,250	3,292½	250	3,542½	707½	93,425
12	93,425	4,250	3,270	250	3,520	730	92,695
13	92,695	4,250	3,242½	250	3,492½	757½	91,937½
14	91,937½	4,250	3,217½	250	3,467½	782½	91,135
15	91,155	4,250	3,190	250	3,440	810	90,345
16	90,345	4,250	3,160	250	3,410	840	89,505
17	89,505	4,250	3,132½	250	3,382½	887½	88,637½
18	88,637½	4,250	3,102½	250	3,352½	897½	87,740
19	87,740	4,250	3,070	250	3,320	930	86,810
20	86,810	4,250	3,040	250	3,290	960	85,850
21	85,850	4,250	3,005	250	3,255	995	84,855
22	84,885	4,250	2,972½	250	3,222½	1,027½	83,827½
23	83,827½	4,250	2,932½	250	3,182½	1,067½	82,760
24	82,760	4,250	2,895	250	3,140	1,105	81,655
25	81,655	4,250	2,857½	250	3,107½	1,142½	80,512½
26	80,512½	4,250	2,817½	250	3,067½	1,182½	79,330
27	79,330	4,250	2,777½	250	3,027½	1,222½	78,105½
28	78,105½	4,250	2,732½	250	2,982½	1,267½	76,840
29	76,840	4,250	2,690	250	2,949	1,310	75,530
30	75,530	4,250	2,642½	250	2,892½	1,357½	74,172½
31	74,172½	4,250	2,595	250	2,845	1,405	72,767½
32	72,767½	4,250	2,547½	250	2,797	1,452½	71,310

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ $4^1/_4$ %.	Изъ этой ренты вычитается: $3^1/_2$ % для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	Изъ этой ренты вычитается: $^1/_4$ % на расходы управленія.	Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
33	71,310	4,250	2,495	250	2,745	1,505	69,805
34	69,805	4,250	5,445	250	2,695	1,555	68,250
35	68,250	4,250	$2,387^1/_2$	250	$2,637^1/_2$	$1,612^1/_2$	$66,637^1/_2$
36	$66,637^1/_2$	4,250	$2,332^1/_2$	250	$2,582^1/_2$	$1,667^1/_2$	64,970
37	64,970	4.250	2,275	250	2,525	1,725	63,245
38	63.245	4,250	2,215	250	2,465	1,785	61,460
39	61,460	4,250	2,150	250	2,400	1,850	59,610
40	50,610	4;250	$2,087^1/_2$	250	$2,337^1/_2$	$1,912^1/_2$	$57,697^1/_2$
41	$57,697^1/_2$	4,250	2,020	250	2,270	1,980	$55,717^1/_2$
42	$55,717^1/_2$	4,250	1,950	250	2,200	2,050	$53,667^1/_2$
43	$53,667^1/_2$	4,250	$1,877^1/_2$	250	$2,127^1/_2$	$2,122^1/_2$	51,545
44	51,545	4,250	1,805	250	2,055	2,195	49,350
45	49,350	4,350	$1,727^1/_2$	250	$1,977^1/_2$	$2,272^1/_2$	$47,077^1/_2$
46	$47,077^1/_2$	4,250	$1,647^1/_2$	250	$1,897^1/_2$	$2,352^1/_2$	44,725
47	44,725	4.250	1,565	250	1,815	2,435	42.290
48	42,290	4,250	1,480	250	1,730	2,520	39,770
49	39,770	4,250	$1,392^1/_2$	250	$1,642^1/_2$	$2,607^1/_2$	$37,162^1/_2$
50	$37,162^1/_2$	4,250	1,300	250	1,550	2,700	$34,462^1/_2$
51	$34,462^1/_2$	4,250	$1,207^1/_2$	250	$1,457^1/_2$	$2,792^1/_2$	31,670
52	31,670	4,250	$1,107^1/_2$	250	$1,357^1/_2$	$2,892^1/_2$	$28,777^1/_2$
53	$28,777^1/_2$	4,250	$1,007^1/_2$	250	$1,257^1/_2$	$2,992^1/_2$	$25,787^1/_2$
54	$25,787^1/_2$	4,250	$902^1/_2$	250	$1,152^1/_2$	$3,097^1/_2$	$22,687^1/_2$
55	$22,687^1/_2$	4,250	795	250	1,045	3,205	$19,482^1/_2$
56	19,482	4,250	$682^1/_2$	250	$932^1/_2$	$3,315^1/_2$	16,165
57	16,165	4,250	565	250	815	3,435	12,730
58	12,730	4,250	445	250	695	3,555	9,175
59	9,175	4,250	$322^1/_2$	250	$572^1/_2$	$3,677^1/_2$	$5,497^1/_2$
60	$5.497^1/_2$	4,250	$192^1/_2$	250	$482^1/_2$	$3,807^1/_2$	1,690
						98,310	
	Остается въ долгу къ слѣдующему 61-му году					1,690	
						100,000	

ТАБЛИЦА,

показывающая, сколько приходится заемщику ежегодно вносить для уплаты долга въ 100,000 рублей, при $3\frac{1}{2}$ % процентовъ, 1 % погашенія и $\frac{1}{4}$ % на управленіе, или всего $4\frac{3}{4}$.

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ $4\frac{3}{4}$ %.	Изъ этой ренты вычитается:		Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
			$3\frac{1}{4}$ % для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	$\frac{1}{4}$ % на расходъ управленія.			
1	100,000	4,750	3,500	250	3,750	1,000	99,000
2	99,000	4,750	3,465	250	3,715	1,035	97,965
3	97,965	4,750	3,430	250	3,680	1,070	96,895
4	96,895	4,750	3,390	250	3,640	1,110	95,785
5	95,785	4,750	3,350	250	3,600	1,150	94,635
6	94,635	4,750	3,310	250	3,560	1,190	93,445
7	93,445	4,750	3,270	250	3,520	1,230	92,215
8	92,215	4,750	3,230	250	3,480	1,270	90,945
9	90,945	4,750	3,185	250	3,435	1,315	89,630
10	89,630	4,750	3,135	250	3,385	1,365	88,265
11	88,265	4,750	2,090	250	3,340	1,410	86,855
12	86,855	4,750	2,040	250	3,290	1,460	85,395
13	85,395	4,750	2,990	250	3,240	1,510	83,885
14	83,885	4,750	2,935	250	3,185	1,565	82,320
15	82,320	4,750	2,880	250	3,130	1,620	80,700
16	80,700	4,750	2,825	250	3,075	1,675	79,025
17	79,025	4,750	2,765	250	3,015	1,735	77,290
18	77,290	4,750	2,705	250	2,955	1,795	75,495
19	75,495	4,750	2,640	250	2,890	1,860	73,635
20	73,635	4,750	2,575	250	2,825	1,925	71,710
21	71,710	4,750	2,510	250	2,760	1,990	69,720
22	69,720	4,750	2,440	250	2,690	2,060	67,660
23	67,660	4,750	2,370	250	2,620	2,130	65,530
24	65,530	4,750	2,295	250	2,545	2,205	63,325
25	63,325	4,750	2,215	250	2,465	2,285	61,040
26	61,040	4,750	2,135	250	2,385	2,365	58,685
27	58,685	4,750	2,050	250	2,300	2,450	56,225
28	56,225	4,750	1,970	250	2,220	2,530	53,695
29	53,695	4,750	1,880	250	2,130	2,620	51,075
30	51,075	4,750	1,790	250	2,040	2,710	48,365
31	48,365	4,750	1,695	250	1,945	2,805	45,560
32	45,560	4,750	1,595	250	1,845	2,905	42,655

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ $4^3/_4$ %.	Изъ этой ренты вычитается: $3^1/_2$ % для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	$^1/_4$ % на расходы управленія.	Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
33	42,655	4,750	1,495	250	1,745	3,005	39,650
34	39,650	4,750	1,390	250	1,640	3,110	36,540
35	36,540	4,750	1,280	250	1,530	3,220	33,320
36	33,320	4,750	1,165	250	1,415	3,335	29,985
37	29,985	4,750	1,050	250	1,300	3,450	26,535
38	26,535	4,750	930	250	1,180	3,570	22,965
39	22,965	4,750	805	250	1,055	3,695	19,220
40	19,220	4,750	675	250	925	3,825	15,445
41	15,445	4,750	540	250	790	3,960	11,485
42	11,485	4,750	400	250	650	4,100	7,386
43	7,385	4,750	260	250	510	4,240	3,145
						96,855	
	Остается въ долгу къ слѣдующему 44-му году					3,145	
						100,000	

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ.

(ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА).

Нѣтъ, вы насъ понять не въ силахъ;
Мы васъ тоже не поймемъ....
Такъ разстанемся, и каждый
Пусть идетъ своимъ путемъ.
На челѣ у васъ морщины,
Сердце холодно у васъ;
Вы и сами говорите,
Что ужь пламень въ немъ погасъ.
Мы же юны, сильны, пылки,
Въ насъ кипитъ отвагой кровь....
Тутъ союза быть не можетъ!
Тутъ непрочная любовь!

Безъ вражды, безъ тѣни злобы,
Мы «прости» вамъ говоримъ;
Передъ вашей сѣдиною
Мы колѣна преклонимъ.
Но зачѣмъ у васъ, при видѣ
Свѣжихъ юноши ланитъ
И кудрей густыхъ и черныхъ,
Душу тайный страхъ томитъ?
И у васъ вилися кудри,
Былъ когда-то смѣлый взглядъ....
Нынче кудри побѣлѣли —
Нынче взоры не горятъ!

[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] свѣтъ,
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] духъ согрѣтъ!
[illegible] [illegible], да пени,
[illegible] [illegible] головой, —
[illegible] тѣмъ, кто вышелъ
[illegible] на бой.
Мы же бѣшено такъ рвемся,
Жаждемъ дѣла и борьбы;
И страданья и волненья
Просимъ жадно у судьбы!

Мы стоимъ на перепутьи,
Разойтись пора пришла:
Вамъ цвѣтущая долина,
Намъ холодная скала!
Отдыхайте же, какъ прежде,
Подъ журчанье ручья,
У[illegible] сладко
[illegible] трелью соловья!
[illegible] [illegible] воспоминанья
[illegible] [illegible] не буди:
[illegible] [illegible] обольется
[illegible] же въ старческой груди.

Ты жь, вселюбящая юность,
[illegible] силу зла,
Шествуй твердою стопою,
[illegible] и свѣтла!
Для грядущихъ поколѣній
Воздвигаешь зданье ты;
И [illegible] ты не [illegible], — въ сердцѣ
[illegible] твои мечты!
Пусть старикъ спокойно дремлетъ,
Намъ же Богъ [illegible] одно:
Чтобъ [illegible] въ могилу
[illegible] намъ было суждено!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ГУБЕРНСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ГЛАВА IX.

Пришло и время рекрутскаго набора въ Бѣловодскѣ. Разскажемъ изъ него одинъ случай, имѣющій близкое отношеніе къ нашей исторіи.

Никифоръ Коровай мужикъ лѣтъ пятидесяти-шести, одинъ изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ не только волости, а можетъ быть и округа, пріѣхалъ за шестьдесятъ верстъ сдавать охотника за свое семейство. Извѣстно, что если мужикъ сдаетъ наемщика за свое семейство, то это прямое и ясное доказательство того, что онъ богатъ, а чѣмъ богаче мужикъ, тѣмъ больше, конечно, можетъ онъ дать, кому слѣдуетъ, — въ видѣ ли благодарности за кой-какія послабленія, въ видѣ ли казенныхъ взысканій, которыя хотя и прямо, въ обрѣзъ вычислены въ законѣ, но такъ какъ мужикъ въ грамотѣ несиленъ, то взимаются по усмотрѣнію. У Никифора три сына взрослыхъ и уже женатыхъ, и два не женатыхъ, всѣ молодцы одинъ къ одному. Никифоръ Коровай давно уже положилъ — всѣми мѣрами избавить дѣтей отъ рекрутчины. Нѣсколько лѣтъ онъ отплачивался, кому слѣдуетъ, чтобы показывали дѣтей его больными, или уменьшали бы имъ года, и платилъ всегда черезчуръ дорого. Наконецъ ему надоѣлъ

этотъ періодическій платежъ дани: онъ рѣшился поставить охотника за свое семейство. Сказано — сдѣлано. Выгнанный изъ какого-то суда,—должно быть земскаго,—отставной подъячій, по просьбѣ Никифора, нашелъ гдѣ-то въ захолустьи, въ какомъ-то питейномъ домѣ, забулдыгу лѣтъ двадцати двухъ, окончательно спившагося съ круга и рѣшившагося испытать счастія на полѣ брани. Пьяница приказный пьянствовалъ недѣли три съ пьяницей охотникомъ на счетъ мужика, наконецъ уговорилъ его согласиться на предложеніе старика. Подъячій получилъ за хлопоты пятьдесятъ рублей, будущій рекрутъ взялъ триста пятьдесятъ, да пропили они цѣлковыхъ пятьдесятъ, — значитъ уже стали мужику въ копѣйку!... Ровно два мѣсяца передъ наборомъ охотникъ пьянствовалъ съ утра до ночи и, взявъ деньги впередъ, рѣшительно помыкалъ хозяиномъ, какъ ему было угодно. Никифоръ все терпѣлъ, заплативъ деньги впередъ, терпѣлъ даже присутствіе буйнаго во хмѣлю и блудливаго, какъ кошка, подъячаго, который ни на шагъ не отставалъ отъ своего друга охотника и научалъ его всѣмъ возможнымъ мерзостямъ. Возилъ Никифоръ своего охотника и къ окружному, чтобы посмотрѣлъ, годится ли тотъ въ солдаты? Окружной посмотрѣлъ того со всѣхъ сторонъ, взялъ славную взятку, да и объявилъ, что «хоть-молъ, охотникъ твой и хорошъ кажись, Никифоръ, да сказать теперь покуда ничего нельзя; а какъ пріѣдешь совсѣмъ отдавать его, тогда опять у меня побывай»! Понялъ бѣдный мужикъ, въ чемъ дѣло, только почесалъ въ головѣ, да полѣзъ въ завѣтную кубышку, съ незапамятныхъ лѣтъ запрятанную Богъ-вѣсть куда. Привезъ наконецъ мужикъ отдавать своего рекрута; съ нимъ было два старшихъ сына, дюжіе, здоровые мужики, привезенные въ видѣ почетнаго караула для оканчивавшаго свое бурное поприще охотника. Старикъ, потупивъ голову и считая что-то про себя по пальцамъ, скорымъ шагомъ отправился къ ближайшему своему начальнику; сыновья его, и между ними печальный охотникъ, шли за нимъ. На перекресткѣ они встрѣтили блѣднаго, заплаканнаго мужика ихъ же волости, лѣтъ тридцати, въ худой изорванной одежонкѣ, въ сопровожденіи плотнаго мужика съ хитрымъ выраженіемъ лица; — въ первомъ Никифоръ узналъ крестьянина Захара Горюна, а второй былъ отдатчикъ.

Повстрѣчавшись съ Никифоромъ, Горюнъ снялъ свою старенькую шапку и низко поклонился. Никифоръ никогда не былъ гордъ и спесивъ и отвѣчалъ ему ласково.

— Что, Захарушко? куда тебя Богъ несетъ? спросилъ онъ у бѣдняка.

— Бѣда, ай батюшки, какая бѣда, отвѣчалъ со вздохомъ мужикъ, — слезы такъ и брызнули изъ глазъ его:—къ окружному иду, пояснилъ мужикъ еще съ большею горестью.

— Что, иль въ солдаты берутъ? спросилъ Никифоръ.

— Берутъ, жалобно отвѣчалъ Захаръ и потупилъ голову.

Никифоръ покачалъ головой.

— Говорятъ: ты тройникъ, продолжалъ мужикъ,—а какой я тройникъ, Никифоръ Семенычъ, самъ ты знаешь, — отецъ слѣпой съ печки не слѣзаетъ, а братишко—калѣка кривоногій, по землѣ ползаетъ; одинъ я, какъ есть, работникъ.

Мужикъ тяжело вздохнулъ.

— Вотъ и иду, милости просить, говорилъ онъ; — спасибо еще голова такой жалостливый,—говоритъ: ступай-молъ съ отдатчикомъ, походи, покланяйся. Я вотъ и пошелъ....

Никифоръ сомнительно покачалъ головой.

— А деньги есть? спросилъ онъ у него.

Захаръ болѣзненно засмѣялся.

— Деньги!.. какія тѣ у насъ деньги? У насъ и хлѣбушка-то не ма.

Никифоръ еще безнадежнѣе покачалъ головой и задумался.

— Ну, братъ, жаль мнѣ тебя, наконецъ вымолвилъ онъ, чтобы чѣмъ нибудь утѣшить мужика, котораго дѣло было дѣйствительно очень ненадежно:—пойдемъ уже со мной къ пану-то (*) нашему, онъ до меня всегда такой ласковый, можетъ что сдѣлаетъ и для тебя.

Захаръ Горюнъ чуть не упалъ въ ноги благодѣтелю.

Подходя къ дому окружнаго начальника, мужики еще издали сняли шапки и такимъ образомъ достигли воротъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ дворникъ и взялъ съ нихъ за пропускъ,—за Горюна заплатилъ Никифоръ. На лѣстницѣ поймалъ крестьянъ письмоводитель, — надо было опять платить, чтобы онъ не разстроивалъ и не отговаривалъ, когда начальникъ согласится на просьбы мужиковъ; въ передней грязный, заспанный лакей взялъ съ нихъ еще акциденцію, чтобы, не задерживая, доложить объ ихъ приходѣ своему барину.

(*) Крестьяне иначе не называютъ окружныхъ, какъ господами, панами.

Никифоръ не ошибся, говоря, что онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ паномъ: едва тотъ услышалъ, что пришелъ Коровай, какъ расширилъ ротъ до ушей и громовымъ голосомъ приказалъ его позвать.

— А, здорово, борода, здорово, мазепа! съострилъ онъ, обращаясь къ вошедшему посѣтителю.

— Ну, чего тебѣ еще надо? продолжалъ шутить панъ,—опять пришелъ душу тянуть за своихъ ледачихъ сынковъ? Ну, ужь это, братъ, дудки. Мнѣ уже надоѣло ихъ все больными-то показывать, да и деньги до зарѣзу нужны!

Окружной самодовольно захохоталъ. Мужикъ, знавшій коротко окружнаго, очень испугался того, что ему деньги нужны.

— Ужь не лучше ли къ нему въ другое время зайти, думалъ мужикъ,—когда ему не такъ гроши нужны будутъ?

Однако окружной очень хорошо смекнулъ, въ чемъ дѣло, зачѣмъ мужикъ пришелъ, и началъ его допрашивать.

Мужикъ послѣ нѣкотораго колебанія разсказалъ свою надобность.

— Ну, чтожь, дѣло, дѣло, вкричалъ окружной: — лишь бы годился охотникъ.

Привели охотника, раздѣли его до нага и осмотрѣли. Рекрутъ дѣйствительно былъ красавецъ собой и не имѣлъ рѣшительно никакихъ физическихъ недостатковъ, такъ же, какъ и въ первый осмотръ.

Впрочемъ панъ не высказалъ своей оцѣнки сейчасъ же, а прогналъ прежде охотника съ его одеждой въ рукахъ, а потомъ обратился къ Никифору съ слѣдующимъ лаконическимъ вопросомъ.

— Ну, сколько же?

Мужикъ потупилъ голову.

— Сколько ваша милость положить изволите? отвѣчалъ тотъ, скрѣпя сердце.

Панъ задумался.

— Ну, Богъ съ тобой, объявилъ онъ наконецъ; — давай пятьсотъ цѣлковыхъ, да веди охотника въ палату.

Мужика обварило, какъ кипяткомъ.

— Батюшка, отецъ родной, ваше высокоблагородіе, помилуйте, не много ли будетъ?

Окружной не былъ очень злой человѣкъ и потому рѣшился вступить съ крестьяниномъ въ дружественное разсужденіе, тѣмъ

болѣе, что въ Никифорѣ нельзя было предположить никакого либеральнаго духа и смиреніе его было очевидно.

— Эхъ, дуракъ ты, дуракъ, посмотрю я, началъ объяснять разумный панъ:—туда же, подлецъ, торгуешься! Да ты сочти, болванъ, да подумай, авъ можетъ твоя глупая башка и пойметъ, что изъ этихъ пятисотъ-то карбованцевъ я долженъ буду самъ отдать четыреста,—что же мнѣ-то останется? а? глупая ты голова, посмотрю я, а еще волосы въ снѣгу!

И онъ съ особенной укоризной покачалъ головой.

— Да, сударь, ваше высокоблагородіе. На ихъ-то милость довольно бы было и двухъ сотенныхъ; вѣдь прежде всегда такъ бывало, двѣ сотни отдаешь на Николая Филипьича.

— Эхъ ты, дура голова, съ усмѣшкой возразилъ окружной:— ничего-то вы, олухи, не знаете, ничего не смыслите! Ну, слушай же, дуракъ ты: хоть говорить съ вами, да объяснять вамъ, что и какъ, — это только баловство пустое; ну, да ужь Богъ съ тобой,—слушай, да ужь послѣ этого и пикнуть слова не моги: какъ прикажутъ, такъ и будетъ, понимаешь?

— Понимаю-ста, батюшка баринъ, ваше высокоблагородіе, вымолвилъ мужикъ съ неподдѣльною горестью.

— Ты чай слыхалъ, что Николай Филипычъ вашъ—человѣкъ важный, что ему и жить надо не такъ, какъ намъ грѣшнымъ? началъ окружной.

Мужикъ молчалъ и только посматривалъ на него.

— Слыхалъ ты чай то же, что ему отъ другихъ важныхъ господъ отставать никакъ не приходится; куда они, туда и онъ; такъ что ли?

— Такъ, сударь, такъ, отвѣчалъ мужикъ, видѣвшій надъ своимъ карманомъ бѣду неминучую и начинавшій понемногу свыкаться съ этою горестною мыслью.

— Ну, такъ знай, что эту зиму въ городѣ живетъ одинъ богатый, очень богатый панъ, Баламутовъ; понимаешь, ему тысячи ни по чемъ; онъ здѣсь всѣ веселости справляетъ, пановъ веселитъ, такъ нашему-то ужь отстать никакъ нельзя, понимаешь?

— Понимаю-съ, проговорилъ сквозь зубы совершенно убитый мужикъ.

— Ну, такъ вотъ потому-то съ тебя и берутъ вмѣсто двухъсотъ теперь четыреста, понялъ?

Никифоръ покорился обстоятельствамъ и, вздохнувъ во всѣ легкія, полѣзъ за пазуху, вынулъ пачку замазанныхъ ассиг-

націй и, отсчитя пятьсотъ рублей, подалъ ихъ благодѣтельному отцу–начальнику.

— Извольте принять, сударь, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ ему, а самъ подумалъ:

— Нехай сто чертей этимъ панамъ Баламутовымъ, за какимъ рожномъ ихъ сюда притащило?

Окружной взялъ деньги, перечелъ ихъ и положилъ въ карманъ.

Между тѣмъ Никифоръ вспомнилъ объ несчастномъ Горюнѣ, стоявшемъ до сихъ поръ въ передней окружнаго, и рѣшилъ въ умѣ, что такъ какъ деньги окружному уже отданы и деньги черезчуръ большія, то можно попросить его за несчастнаго Горюна и пану не грѣхъ было бы зачесть въ ту же плату и его спасеніе.

— Я, пане, къ вамъ другое еще дѣло имѣю, рѣшился проговорить Никифоръ, видя, что окружной кончилъ уже считанье денегъ.

— Что такое?

Никифоръ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, братъ, ты за такую шишголь лучше и не проси: что тебѣ за дѣло?

Никифоръ задумался и, рѣшивъ, что за Богомъ доброе дѣло не пропадаетъ, попытался вступить съ окружнымъ въ болѣе конфиденціальный разговоръ.

— Я, ваше высокоблагородіе, согласенъ отъ своего концта за Горюна вашему высокоблагородію поблагодарить; явите только Божескую милость, ослобоните его, вѣдь вся семья по міру пойдетъ, съ голоду поколѣетъ,

— А сколько же ты даешь?

— Да золотой бы, ваше высокоблагородіе, нерѣшительно проговорилъ тотъ, какъ будто испугавшись своей дерзости предлагать такую ничтожную сумму такой особѣ.

— Что? протянулъ панъ: — за такое дѣло золотой? да ты никакъ съ ума спятилъ!

— Не могу, ваше высокоблагородіе, ей Богу больше не могу, объявилъ рѣшительнымъ тономъ крестьянинъ:—посудите сами, сударь, вѣдь онъ мнѣ не братъ, не сватъ,—такъ, изъ одной жалости! А ужь съ него ничего не возьмешь, кошки во дворѣ нѣтути.

Окружной самъ зналъ, что съ Горюна рѣшительно взять нечего и потому, поломавшись немного, объявилъ Никифору:

— Давай золотой, Богъ съ вами!

Золотой былъ отданъ, но хитрый окружной самъ сдѣлать ничего не могъ и потому призвалъ Горюна и приказалъ ему идти къ дому Рыкова и дожидаться его тамъ, такъ какъ онъ сейчасъ же поѣдетъ туда.

— Ну, а ты ступай туда.... тамъ освидѣтельствуютъ твоего охотника, проговорилъ онъ Никифору: — да смотри, не забудь Хрипунова, понимаешь?

Никифоръ наклонилъ голову въ знакъ согласія и почесалъ только въ затылкѣ.

Едва мужики вышли на дворъ, какъ Горюнъ, хотя и не знавшій о поступкѣ Никифора, но приписывавшій его вмѣшательству и просьбамъ милостивое заступничество, которое обѣщалъ ему окружной, повалился ему въ ноги; у бѣднаго языкъ едва говорилъ и духъ занимался отъ радостной надежды освободиться отъ сдачи и спасти тѣмъ отъ голодной смерти старуху мать, слѣпаго отца и калѣку брата.

Разставшись съ облагодѣтельствованнымъ имъ Горюномъ, Никифоръ съ своими спутниками отправился къ Хрипунову. Не будемъ разсказывать свиданія и конфиденціальныхъ переговоровъ Никифора съ Хрипуновымъ; скажемъ только, что визитъ этотъ обошелся отдатчику ровно въ сто рублей серебромъ, несмотря на то, что Хрипуновъ, такъ же, какъ и окружной, ясно видѣлъ, что забраковать представляемаго охотника никакъ нельзя.

Отъ совѣтника мужикъ отправился въ палату, гдѣ рекрутъ его долженствовалъ быть формально признанъ годнымъ, и тогда,— только тогда, — Никифоръ имѣлъ уже право представлять его въ рекрутское присутствіе и тамъ уже хлопотать, чтобы приняли совершенно годнаго къ военной службѣ человѣка.

Въ то же время, когда Никифоръ Коровай терпѣлъ такія испытанія, бѣдный Захаръ Горюнъ со своимъ аргусомъ-отдатчикомъ, мерзъ у подъѣзда Рыкова, мерзъ, перескакивая съ ноги на ногу, и никакъ не осмѣливался не только войти въ сѣни квартиры столь сильной особы, но даже присѣсть на каменное крыльцо. Изнуренное, блѣдное лицо крестьянина, сначала освѣтившееся было надеждой, вновь впало въ какое-то безжизненное отчаяніе: сердце мужика чуяло что-то недоброе, хотя онъ старался утѣшить себя мыслію, что такой важный панъ, какъ Ни-

ко лай Филипычъ, взятокъ не беретъ и долженъ быть непремѣнно спр аведливъ и милостивъ,

Часа черезъ полтора послѣ прихода Горюна и его караульнаго къ подъѣзду Рыкова, къ тому же подъѣзду подкатилъ щегольской фаетонъ, парой красивыхъ лошадей, и изъ него вылѣзъ окружной, весь закутанный богатой енотовой шубой, съ треуголкой подъ мышкой и съ бобровымъ картузомъ на головѣ. Махнувъ рукою стоявшимъ крестьянамъ, чтобы они шли наверхъ въ переднюю Рыкова, окружной быстро влетѣлъ по лѣстницѣ, сбросилъ шубу, оправилъ мундиръ и шпагу и весьма вѣжливо попросилъ лакея доложить о себѣ.

— Позови его сюда, раздался изъ кабинета грубый голосъ Рыкова въ отвѣтъ на докладъ лакея.

Окружной съ замираніемъ сердца, куропаткой просеменилъ ножками до дверей кабинета, откашлянулся передъ ними и отворилъ ихъ, какъ будто бы онѣ были дверьми какого нибудь неприкосновеннаго святилища.

— Ну-съ, что вамъ нужно? довольно грубо спросилъ Николай Филипычъ у окружнаго въ отвѣтъ на его формулу: честь имѣю представиться.... и т. д. Надо замѣтить, что никто изъ чиновниковъ Николая Филипыча, даже тѣ, которые ходили къ нему раза по два и по три на день, никто не смѣлъ приблизиться къ нему безъ этой завѣтной формулы.

— Крестьянинъ такой-то волости, такого-то села Никифоръ Коровай представляетъ охотника за свое семейство, ваше превосходительство.

— Ну-съ! продолжалъ Рыковъ.

— Охотникъ весьма красивый и видный мужчина, ваше превосходительство.

— Такъ чѣмъ же вы окончили?

— Извольте получить четыреста рублей, отвѣчалъ понятливый окружной.

— Четыреста? съ легкимъ волненіемъ переспросилъ Николай Филипычъ у окружнаго, который въ это время полѣзъ въ карманъ.

— Точно такъ-съ, продолжалъ докладывать ловкій подчиненный: — прежде съ годныхъ охотниковъ бралось по двѣсти рублей съ головы, но теперь, зная, сколь необходимы вамъ деньги, я рѣшился требовать съ каждаго охотника четыреста.

Кончивъ эту длинную, но весьма пріятную для слуха Рыкова рацею, окружной подалъ ему завернутую въ чистую, бѣлѣйшую бумагу пачку засаленныхъ ассигнацій, которую управляющій сейчасъ же тщательно перечелъ.

— Да, это правда, мнѣ деньги очень и очень нужны, сказалъ Николай Филипычъ довольно любезнымъ и мягкимъ тономъ:—надо утереть носъ этимъ скотамъ Баламутовымъ.

Что значатъ деньги-то! Даже неприступный Николай Филипычъ, и тотъ, получивъ нежданно двойное количество денегъ, развернулся, помилостивѣлъ, даже вступилъ съ подчиненнымъ въ родъ какой-то полуконфиденціальности.

— А что, много будетъ у насъ охотниковъ? спросилъ онъ у окружнаго.

— По другимъ округамъ не могу знать, ваше превосходительство, а по моему человѣкъ десять будетъ-съ.

— Это хорошо, подумалъ Николай Филипычъ и сейчасъ же помножилъ въ умѣ четыреста на десять; вышелъ кушъ хорошій:

— Хорошо-съ, сказалъ онъ вспыхнувъ: — старайтесь, служите всегда также усердно: я васъ представлю къ наградѣ, прикажите написать представленье.

Окружной чуть не вспрыгнулъ отъ радости.

Николай Филипычъ уже откланивался съ окружнымъ, давая ему тѣмъ замѣтить, что больше ему дѣлать въ кабинетѣ начальника нечего, какъ окружной вспомнилъ объ ожидавшемъ въ передней рѣшенія своей участи Захарѣ Горюнѣ и доложилъ о немъ управляющему.

— Что, онъ богатый мужикъ? спросилъ тотъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ окружный: — ни кола, ни двора, а тройникъ: отецъ слѣпой, братъ дурачекъ и калѣка.

Николай Филипычъ задумался и казалось, что-то разсчитывалъ, наконецъ состроилъ самую величественную мину и отправился въ переднюю въ сопровожденіи окружнаго.

Только что онъ вышелъ въ переднюю, какъ Горюнъ бросился ему въ ноги, съ громкимъ воплемъ и, въ припадкѣ особливаго усердія, обнялъ его ноги.

— Батюшка, баринъ, будь отцомъ роднымъ, кричалъ мужикъ, видѣвшій единственное спасеніе свое и своей семьи въ доброй волѣ управляющаго: — батюшка, баринъ, не пусти по міру отца съ матерью и братишку моихъ, заставь вѣчно Богу молить за твое здоровье.

Невѣжливость мужика, то есть сказанные имъ: *батюшка-баринъ* и *ты*, вмѣсто «ваше превосходительство», которое очень любилъ Николай Филипычъ, хотя оно ему не принадлежало, наконецъ неприличная фамильярность крестьянина, схватившаго въ свои объятія стопы его высокородія, все это мигомъ рѣшило участь несчастнаго.

— Что ты? заревѣлъ Рыковъ, тыкая носками сапоговъ въ лицо слишкомъ довѣрчиваго мужика, отчего у того пошла кровь изъ носа. Ты смѣешь меня еще за ноги хватать? я тебѣ дамъ, анаѳема ты этакая!

Мужикъ отвалился отъ штановъ управляющаго и выпрямился во весь ростъ; глаза его засверкали, голова приподнялась — видно было, что пріемъ управляющаго выводитъ его изъ терпѣнія.

Уже одинъ такой гордый видъ въ состояніи былъ довести Николая Филипыча до бѣшенства во время самаго мирнаго расположенія духа; какъ же можно ему было не взбѣситься въ настоящую минуту?

И точно—онъ взбѣсился и мужику досталась такая трепка, что не приведи Богъ, а въ добавокъ Николай Филипычъ, ревнуя объ исправленіи деревенскихъ овечекъ своихъ, приказалъ отдатчику тащить виновнаго къ волостному головѣ, занимавшемуся поставкой рекрутъ и именемъ Рыкова приказать тому немедленно представить дерзкаго ослушника въ рекрутское присутствіе.

Мужикъ тяжело вздохнулъ и поплелся.

Но пораженіемъ, претерпѣннымъ отъ Рыкова, не кончились похожденья Горюна.

Отдатчикъ привелъ его къ тому мѣсту по близости рекрутскаго присутствія, гдѣ находился ихъ волостной голова и всѣ рекруты ихъ волости, въ томъ числѣ и Никифоръ Коровай со своимъ охотникомъ, уже освидѣтельствованнымъ палатою.

— Ну, Захарко, что Богъ далъ? спросили почти въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе, не исключая и головы — такое сильное участіе принимали они въ несчастномъ мужикѣ.

Горюнъ молча указалъ крестьянамъ на свое лицо, на которомъ еще виднѣлись слѣды запекшейся крови, и горько засмѣялся.

— Вона, мотри, братцы, панъ-то на водку сколько далъ, иронически проговорилъ онъ, хотя слезы, выбитыя изъ его крѣпкой натуры болью, горемъ и униженіемъ, едва давали ему говорить.

Мужикъ сѣлъ на придорожный камень съ тихимъ, раздиравшимъ душу смѣхомъ; голова не вытерпѣлъ, отвернулся и высморкался въ полу своего форменнаго азяма.

Наступило тяжелое для всѣхъ молчаніе; его прервалъ Никифоръ Коровай. Онъ подошелъ къ головѣ и началъ говорить съ нимъ вполголоса.

— Оно ужь извѣстно, отвѣчалъ голова: — онъ спокон-вѣку былъ кровопійца, разбойникъ какой-то; ну, да и тотъ хорошъ; — изъ булыжника наровитъ кашу сварить; — дуракъ, братъ, ты Никифоръ, что далъ этому аспиду золотой....

— Да не въ томъ дѣло, не о томъ рѣчь, Михайло Афанасьичъ: — Господь съ нимъ, съ золотымъ, провалиться бы ему; малаго-то ослобони какъ нибудь, вѣдь ты у насъ всему дѣлу голова,—какъ скажешь, такъ тому и быть.

Голова потупился въ землю.

— Страшно, опасно, прошепталъ онъ:—помилуй Богъ, какъ узнаетъ.

— Чтожь, вѣдь ты голова, тебя бить не посмѣетъ, возразилъ Никифоръ.

Голова усмѣхнулся.

— Не посмѣетъ! старшинъ же деретъ не на животъ, а на смерть, а вѣдь и тѣхъ тоже не смѣетъ.

Голова задумался сильно.

— Ну, инъ быть по твоему, рѣшилъ онъ наконецъ:—авось побоится поколотить.

— Эй, Захаръ, а Захаръ,—началъ онъ, подойдя къ сидѣвшему въ глубокой задумчивости мужику: — что ты такъ присмирѣлъ? авось Богъ милостивъ, братъ?

Мужикъ отчаянно махнулъ рукой.

— Чаво махать-то! отъ маханья не пособится! А ты вотъ лучше послушай добрыхъ людей, продолжалъ увѣщевать голова.

Мужикъ поднялъ голову и впился глазами въ своего собесѣдника.

— А что, Михайло Афанасьичъ? проговорилъ онъ, едва не задыхаясь отъ вновь родившейся надежды.

— Что? а вотъ что, малый! сказалъ голова, вынимая изъ шароваръ мѣдную табакерку и запуская туда толстые пальцы.—Ты чай слыхалъ, что сюда прислали какого-то князя или тамъ графа, смотрѣть за начальствомъ при наборѣ.

— Слыхалъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну, а слыхалъ, такъ ступай къ нему, да и пожалуйся, проговорилъ скороговоркой голова.

— А что, Захаръ, и впрямъ подь, голубчикъ, подь, небось, закричали въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

— А какъ же ты-то, Михайло Афанасьичъ? нерѣшительно промолвилъ Горюнъ: — управляющій тебя пожалуй со свѣту сживетъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ доѣдетъ.

Голова опять испугался, всѣ замолчали.

— Да что, Михайло Афанасьичъ, вмѣшался наконецъ Коровай: — ты скажи управляющему-то, что Захаръ потихоньку ушелъ; ну, посердится, побранитъ, да и только.... За то тебѣ Богъ невидимо пошлетъ.

Всѣмъ понравилось это предложеніе, даже голова — и тотъ не сталъ спорить и, махнувъ рукой, рѣшительно объявилъ: — а ну, — была-не была, потихоньку, такъ потихоньку! Только ты, Захарушка, въ самомъ дѣлѣ не навостри лыжи, прибавилъ онъ, обращаясь къ Горюну.

— Вотъ-тѣ Христосъ, Михайло Афанасьичъ, что какъ только отпустятъ, къ тебѣ прибѣгу сейчасъ же, отвѣчалъ тотъ.

— А если не удастся? нерѣшительно продолжалъ голова.

— Удастся, не удастся, — все равно, объявилъ Захаръ; вотъ-тѣ крестъ святой — назадъ сейчасъ же приду.

Честные люди всегда вѣрятъ честнымъ людямъ, потому никто ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что Захаръ сдержитъ свое слово. Черезъ пять минутъ Захаръ перекрестился, простился съ головой и товарищами и скорымъ шагомъ побѣжалъ розыскивать квартиру князя Тараканова.

Провожатаго ему дать было нельзя, иначе управляющій увидѣлъ бы въ этомъ участіе головы; не доложить объ уходѣ Горюна къ князю Тараканову — голова тоже боялся, потому что полковникъ по всей вѣроятности, такъ предполагали крестьяне, вступится въ дѣло и будетъ писать или говорить о немъ на словахъ Рыкову. — Нечего дѣлать, голова рѣшился идти къ Николаю Филипычу, читая про себя извѣстное изреченіе, долженствовавшее, по мнѣнію головы, укротить ярость этого великаго господина.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, шепталъ всю дорогу голова.

ГЛАВА X.

Не долго искалъ Горюнъ большаго пана, присланнаго смотрѣть за туземными панами, во время рекрутскаго набора: не найти князя Тараканова было довольно мудрено.

Въ то время, когда Захаръ Горюнъ подымался тяжелыми шагами по устланной ковромъ лѣстницѣ его квартиры, князь сидѣлъ заперишсь въ своемъ кабинетѣ и занятъ былъ весьма важнымъ дѣломъ: онъ соображалъ, какимъ образомъ могло случиться то обстоятельство, что Роза Ивановна Таубе, согласившись вчерашній день на одинокое свиданіе съ нимъ, не наградила его за его пылкую любовь, и какимъ образомъ онъ опростоволосился....

— Ну, положимъ, она женщина добродѣтельная, тѣмъ лучше для меня,—прибавилъ въ скобкахъ его сіятельство: — положимъ, что ей съ перваго разу нельзя было самой навязываться мнѣ на шею; но я-то, я-то чего зѣвалъ? Это непростительно! Это больше чѣмъ непростительно, — это глупо.

Употребивъ съ полчаса времени на обдумываніе этой казусной ошибки и давъ себѣ слово непремѣнно выпросить у г-жи Таубе еще маленькое свиданьице и тогда непремѣнно энергически поправить свой промахъ, князь Павелъ Петровичъ рѣшился уже было сѣсть за кипу скучныхъ бумагъ, накопившихся у него за три дня, проведенныхъ въ безпрерывныхъ увеселеніяхъ,— какъ вдругъ вошедшій камердинеръ доложилъ ему, что пришелъ казенный мужикъ Захаръ Горюнъ, который неотступно проситъ аудіенціи у его сіятельства.

— Я уже гналъ его, ваше сіятельство, говорилъ, что вы изволите почивать, ничего нейметця, все стоитъ, ждать, говоритъ, буду,—пояснилъ странное упорство мужика великолѣпный княжескій камердинеръ.

Но князь былъ человѣкъ современный, начитавшійся многихъ хорошихъ вещей, хотя и не понимавшій ихъ, наконецъ былъ отчасти и эманципаторъ, потому обращеніе камердинера съ «почтеннымъ земледѣльцомъ» отнюдь ему не пришлось по нраву и камердинеръ получилъ порядочную головомойку.

Вспомнивъ вѣроятно крестьянъ, а скорѣе всего крестьянокъ Жоржа-Санда, князь сбросилъ свой сѣренькій домашній сюртучокъ и спросилъ живѣе, какъ можно живѣе, полукафтанъ, да

еще съ эполетами. Послѣ того онъ объявилъ камердинеру довольно важно: «проси въ залу», на что камердинеръ, вышедши за дверь, довольно саркастически улыбнулся.

Захаръ Горюнъ, ни живъ, ни мертвъ отъ страха, переступилъ порогъ залы, указанной ему княжескимъ камердинеромъ и, трясясь всѣмъ тѣломъ, остановился у притолки и машинально вертѣлъ свою уродливую шапку съ ушами. Кровь запеклась у его носа и у угловъ рта, а лицо было украшено почтеннымъ количествомъ синяковъ — дѣломъ рукъ Николая Филиппыча.

Князь Таракановъ, разсчитывая на великолѣпный эффектъ, съ шумомъ распахнулъ двери и невольно остолбенѣлъ при видѣ несчастнаго мужика; даже, сказать правду, князь почувствовалъ какое-то омерзѣніе при видѣ его.

— Что тебѣ, любезный, отъ меня нужно? наконецъ рѣшился опросить мужика великолѣпный полковникъ....

Мужикъ конечно повалился въ ноги и долго не могъ выговорить ни слова отъ слишкомъ сильнаго волненія.

У князя Тараканова сердце было мягкое и, несмотря на невыгодное впечатлѣніе, произведенное на него мужикомъ, онъ началъ чувствовать къ нему что-то похожее на состраданіе, тѣмъ болѣе, что въ характерѣ его сіятельства никогда не бывало никакой твердости и что ему переходить отъ одного чувства къ другому, совершенно противоположному, ровно ничего не стоило. Наконецъ, когда мужикъ собрался съ духомъ и подробно разсказалъ свое дѣло и безчеловѣчный поступокъ съ нимъ управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, то князь Таракановъ окончательно принялъ сторону мужика: онъ вспомнилъ вчерашнее происшествіе на охотѣ, вспомнилъ, какъ вчера же при всѣхъ онъ нашелъ вмѣстѣ съ губернаторомъ, что Рыковъ и его супруга *mauvais genre* (губернаторъ конечно умолчалъ объ Аннѣ Ивановнѣ). Это обстоятельство сильно послужило въ пользу Горюна: какъ, въ самомъ дѣлѣ, князю Тараканову, такой важной особѣ, не пойти въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, даже не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, противъ *mauvais genre'a*.

Князь и разбирать дѣла больше не сталъ, съ него было довольно одного внутренняго убѣжденія; онъ увѣрилъ крестьянина, что онъ сейчасъ же пойдетъ писать объ немъ нужныя бумаги, что все для него сдѣлаетъ и освободитъ отъ рекрутчины, и накажетъ управляющаго за жестокое обращеніе, и на-

градитъ голову Михайла Афанасьича, и крестьянина Коровая за ихъ благодѣянія Захару Горюну, который, обнадеженный злобою князя на Рыкова, вступилъ было съ нимъ въ самый отвлеченный разговоръ и особенно ходатайствовалъ у его сіятельства награды головѣ и Никифору за ихъ добродѣтели. Князь все обѣщалъ и полетѣлъ писать *строжайшія* бумаги.

Но *писать* — не все равно, что *хотѣть писать*: князь Тараkановъ скоро это увидѣлъ, испортивши три стальныхъ пера и не написавъ ни одной строчки. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство было довольно трудное, даже и для знатока по бумажной части, не то, что для князя Тараканова: князь не имѣлъ ни малѣйшаго права вступаться въ дѣла подобнаго рода, оттого, должно быть, у него и редакція предположенныхъ бумагъ никакъ не клеилась. Поломавъ себѣ голову около получаса, князь кончилъ тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало начать: послалъ мужика къ губернатору. Однако къ чести его надо сказать, что онъ написалъ Муходавлеву французскую записочку на раздушенной бумагѣ и просилъ въ этой записочкѣ, въ личное ему одолженіе, обратить особое вниманіе на дѣло Захара Горюна.

— Черезъ часъ впрочемъ я самъ буду къ губернатору, сказалъ князь, отпуская мужика и вручая ему пахучее посланіе свое къ начальнику губерніи.

Мужикъ опять бросился въ ноги князю и стукнулся лбомъ объ полъ. Это истинно-сыновнее почтеніе очень понравилось князю, которому до сихъ поръ никто въ ноги не кланялся.

Онъ весьма милостиво приказалъ мужику встать и выпроводилъ его въ переднюю, а самъ подумалъ про себя:

— *Ces paysans russes* — очень хорошій народъ: сейчасъ эта религіозность видна, это уваженіе, безусловная покорность старшимъ....

Горюнъ поплелся къ губернатору, — надежда сильно ожила въ его измученной душѣ; Богъ знаетъ, суждено ли осуществиться этой темной надеждѣ!

Между тѣмъ голова явился къ Рыкову и извѣстилъ его о бѣгствѣ Горюна, чѣмъ привелъ Николая Филипыча въ неописанную ярость. Дѣло было дѣйствительно нехорошо: во-первыхъ Горюнъ былъ единственный кормилецъ трехъ калѣкъ и, по совѣсти, его въ солдаты нельзя было отдать; во-вторыхъ мужикъ побитъ былъ при многихъ свидѣтеляхъ (при окружномъ, при наемныхъ людяхъ Рыкова, при палатскомъ вахтерѣ, нако-

нецъ при караулившемъ Горюна отдатчикѣ), и Рыковъ зналъ, что за такую попечительность его не похвалятъ. Но главное было то, что вчерашнее происшествіе на охотѣ уже возстановило противъ Николая Филипыча — и губернатора, и князя Тараканова.

Зло взяло Николая Филипыча, и въ припадкѣ бѣшенства онъ еще хуже испортилъ свое дѣло: бросился на голову и исколотилъ его до очевидныхъ доказательствъ въ нанесеніи побоевъ, да и свидѣтели этого происшествія опять-таки были. Голова, крѣпко разобиженный и еще крѣпче побитый, рѣшительно объявилъ Рыкову, что пойдетъ на него жаловаться губернатору, выбѣжалъ изъ дому и ударился внизъ по улицѣ прямо къ губернаторскому дому.

Рыковъ увидѣлъ, что дѣло очень скверно, и бросился къ женѣ для того, чтобы во-первыхъ сорвать на ней зло, а во-вторыхъ потребовать отъ нея поправки своихъ собственныхъ промаховъ, то есть дѣла, которое онъ самъ считалъ невозможнымъ.

— Ну-съ, покорнѣйше васъ благодарю, сударыня; вотъ какое спасибо за вчерашнюю исторію, въ тысячу первый разъ повторилъ Николай Филипычъ, входя въ будуаръ жены.

Анна Ивановна со страхомъ и недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа: она давно уже горько раскаивалась въ своемъ поступкѣ и Богъ-знаетъ что дала бы, чтобы его поправить, особенно поправить испорченныя этимъ происшествіемъ отношенія свои съ Муходавлевымъ.

— Нечего на меня смотрѣть, кричалъ Николай Филипычъ: — изъ-за тебя придется опять лишиться мѣста! Сколько уже разъ меня выгоняли! Гдѣ, гдѣ я не былъ! И изъ вицъ-губернаторовъ-то выгнали; наконецъ нашелъ себѣ приличное мѣсто, и что жь? И отсюда по милости жены выгонятъ. Пусть бы вы ужь амурничали себѣ, какъ хотѣли, съ Муходавлевымъ.... чортъ съ нимъ и съ вами, продолжалъ вѣжливый супругъ; — но портить мнѣ карьеру, когда я представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, ссорить меня съ необходимыми мнѣ людьми, — съ княземъ, съ губернаторомъ, со всѣмъ обществомъ, — это черезчуръ, я вамъ этого не позволю!

Анна Ивановна заплакала. Бѣдная женщина только и дѣлала, что плакала цѣлые сутки.

— Плачьте, плачьте, этого только не доставало, кричалъ Рыковъ: — точно слезами вы меня вытащите изъ омута, — это, ей-Богу, забавно!

— Да что съ вами случилось? спросила жена:—не мучьте, не терзайте меня, а лучше разскажите.

Пересыпая рѣчь упреками и грубостями, Рыковъ разсказалъ женѣ происшествіе съ Горюномъ и кончилъ разговоръ тѣмъ, что потребовалъ ея помощи для примиренія съ Мухадавлевымъ.

— Дѣлайте, что хотите, но только расположите его въ мою пользу, сказалъ онъ женѣ уже почти ласково.

— Какъ же это сдѣлать? спросила она.

— Онъ въ четыре часа совершенно свободенъ и одинъ,— съѣздите къ нему,—понимаете? вполголоса и многозначительно проговорилъ Николай Филипычъ и поспѣшно вышелъ изъ будуара.

— Одѣваться! карету! крикнулъ онъ, входя въ свой кабинетъ:—живо!

Черезъ четверть часа карета его подъѣзжала къ подъѣзду домика, занимаемаго Розой Ивановной, и онъ имѣлъ долгій секретный разговоръ съ прелестной хозяйкой этого не совсѣмъ прелестнаго убѣжища.

— Ну, слава Богу, дешево еще взяла, проворчалъ онъ, выходя изъ дверей домика и влѣзая въ свою карету.

Въ губернаторской передней, прибѣжавшій туда волостной голова нашелъ Горюна, откровенно высказалъ ему свое горе и сталъ вмѣстѣ съ нимъ ждать выхода Мухадавлева, давши за то четвертакъ на водку унтеръ-офицеру, стоявшему у дверей пріемной.

Долго стояли мужики, дожидаясь губернатора,—его все не было.

Въ два часа пополудни въ швейцарскую съ громомъ и звонкомъ вошелъ князь Таракановъ; надежда возродилась въ сердцѣ несчастнаго Горюна, кстати началъ надѣяться и голова. И точно, ровно черезъ часъ Горюна позвали наверхъ къ губернатору, голова пошелъ съ нимъ, справедливо разсчитывая, что дѣло у нихъ общее, слѣдовательно и говорить о немъ надо вмѣстѣ.

Губернаторъ, которому князь Таракановъ съ особеннымъ жаромъ передалъ несчастія Горюна, увидѣлъ, что князь хочетъ показать ему, что «вотъ молъ — я какой дѣльный, дѣловой и горячій къ правдѣ человѣкъ, — на̀, смотри и казнись: врядъ ли тебѣ достигнуть такого совершенства». Вслѣдствіе такого съ достовѣрностію предположеннаго умствованія князя Тараканова,

Муходавлевъ возъимѣлъ непоколебимое намѣреніе — сію же секунду и въ этомъ же дѣлѣ доказать ему, что гражданскія доблести не только не чужды его собственной особѣ, но еще далеко выше и обширнѣе доблестей самого Тараканова. На основаніи такихъ душевныхъ убѣжденій, оба великосвѣтскіе пріятели, сошедшіеся на служебной аренѣ, принялись пускать другъ другу пыль въ глаза.

Узнавъ отъ князя, въ чемъ дѣло, Муходавлевъ пришелъ сейчасъ же въ неописанный ужасъ. Однако, чтобы показать князю Тараканову, что онъ не основывается на однихъ словесныхъ докладахъ, которые весьма легко могутъ быть ложными, губернаторъ велѣлъ, какъ мы уже видѣли, позвать къ себѣ Горюна.

Только-что вышли изъ кабинета губернаторъ и полковникъ и показались мужикамъ, какъ они конечно немедленно стукнули лбами въ полъ и не вставали до тѣхъ поръ, пока звучный, хоть и нѣсколько носовой, голосъ начальника губерніи не приказалъ имъ вставать и отвѣчать на его вопросы.

Потолковавъ довольно долго съ крестьянами и узнавъ до мельчайшихъ подробностей всѣ горести Горюна и волостнаго головы, губернаторъ и полковникъ наперерывъ начали выходить изъ себя и грозить всѣми карами небесными и земными, а главное — административными, кровожадному управляющему.

— Я непремѣнно назначу слѣдствіе, сейчасъ же слѣдствіе, кричалъ губернаторъ.

— Не донести ли мнѣ въ Петербургъ, вызвался полковникъ.

Но губернаторъ нашелъ, что это слишкомъ уже много, и обѣщалъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ.

Мужики, не помня себя отъ радости, низехонько кланялись.

— Будьте покойны, добрые люди, объявилъ имъ губернаторъ, пожелавшій, кромѣ распорядительности, пощеголять передъ княземъ умѣньемъ разговаривать съ простымъ народомъ:— повѣрьте мнѣ, друзья мои, что я слишкомъ уважаю вашу полезную дѣятельность, слишкомъ уважаю весь почтенный классъ земледѣльцевъ, чтобы оставить подобное преступленіе вашего управляющаго безъ должнаго взысканія. Будьте покойны и надѣйтесь на меня!

Мужики, не понявъ ни одного слова изо всей этой рацеи, почли долгомъ опять бухнуть ему въ ноги и заголосить:

— Благодаримъ, отецъ родной, кормилецъ ты нашъ! ты нашъ отецъ, а мы твои дѣти,—и тому подобные крестьянскіе комплименты, которымъ сами говорящіе почти никогда въ душѣ не сочувствуютъ.

Александръ Павлычъ самодовольно улыбался, посматривая на князя Тараканова, который съ завистью смотрѣлъ на губернатора и думалъ:

— *C'est étonnant!* вѣдь этотъ Муходавлевъ очень глупъ, а какъ говоритъ! *quelle verve, quelle éloquence, quel jargon!* Удивительно! Не дурно бы и мнѣ такъ же говорить съ простымъ народомъ!

И, желая сколько нибудь затемнить черезчуръ яркій успѣхъ Муходавлева и привлечь нѣсколько лучей его на свою особу, князь Таракановъ обратился къ мужикамъ.

— Будьте увѣрены, друзья мои, началъ онъ, примѣняясь по возможности къ выраженіямъ губернатора:—будьте увѣрены, что вы и ваше дѣло встрѣтите и во мнѣ столь же горячее сочувствіе, какое вы встрѣтили въ достойномъ начальникѣ здѣшней губерніи; даю вамъ слово, что и я, такъ же какъ его превосходительство, жизни не пощажу для того, чтобы порокъ былъ наказанъ и вы получили должное удовлетвореніе!

— Кажется, недурно, очень недурно, не хуже Муходавлевской рѣчи,—самодовольно подумалъ князь Павелъ Петровичъ.

Мужики съ своей стороны не поняли и этого барина, но точно такъ же совершили ему земной поклонъ, которымъ князь остался очень и очень доволенъ; его смущало только одно обстоятельство: Муходавлеву мужики отвѣчали на его рѣчь, называли отцомъ роднымъ и т. д., а ему, Тараканову, не отвѣчали ничего.

Долго еще продолжали свой разговоръ князь и губернаторъ, мужики уже давно получили приказаніе написать просьбу и завтра же подать ее губернатору и давно уже были отосланы вонъ, а все-таки разговоръ ихъ заступниковъ продолжался все на одну и туже тему, то есть, что поступокъ Рыкова требуетъ самаго примѣрнаго наказанія и что ему, послѣ вчерашняго *procédé* въ саду, неслѣдуетъ и ожидать никакой пощады, никакого довѣрія ни отъ одного благомыслящаго человѣка на свѣтѣ. Наконецъ князь Павелъ Петровичъ расшаркался, пожалъ руку Александра Павловича и, загремѣвъ саблею, полетѣлъ во-свояси, твердо убѣжденный, что его день не потерянъ. Муходавлевъ съ своей стороны

тоже былъ очень доволенъ своимъ поведеніемъ при адъютантѣ и рѣшилъ, въ умѣ конечно, а не на бумагѣ, изгнать непремѣнно, во что бы то ни стало, звѣроподобнаго Рыкова изъ предѣловъ своей губерніи.

Едва князь Таракановъ возвратился домой, какъ ему подали благовоспитаннѣйшую женскую записку, слегка раздушенную, легкимъ лежачимъ почеркомъ написанную, словомъ—совершенно аристократическую записку. Князь самодовольно улыбнулся, повернулъ письмо и, прочтя подпись, съ особеннымъ удовольствіемъ процѣдилъ сквозь зубы:

— А, Роза! Что-то она пишетъ?

Дѣйствительно, писала Роза Ивановна, и писала вещи весьма пріятныя какъ для самолюбія, такъ и для прочихъ чувствъ князя Тараканова. Она почти изъяснилась ему въ самой пламенной любви, немогущей терпѣть ни одного мгновенія разлуки съ своимъ предметомъ, и просила князя сейчасъ же явиться на свиданіе. Роза Ивановна добавляла, что такъ какъ ея мужъ—тигръ кровожадный, по своей ревности, то она приглашаетъ его сіятельство пріѣхать въ самый отдаленный уголокъ Бѣловодска, въ домъ отставной унтеръ-офицерши Подтибриной.

Прочитавъ записку, князь сейчасъ же поскакалъ въ гостинницу, наскоро поѣлъ то, чѣмъ снабдила его милость служителя, — самъ князь былъ слишкомъ занятъ и взволнованъ, чтобы знать, что онъ кушаетъ, — и поскакалъ стремглавъ въ домъ унтеръ офицерши Подтибриной, гдѣ его давно уже дожидалась разодѣтая въ пухъ и прахъ побѣдоносная Роза Ивановна. Но оставимъ на время этого счастливаго князя и вернемся къ молодому губернатору, который, грозно сверкая очами, готовилъ въ умѣ своемъ всевозможныя административныя и даже финансовыя кары злополучному Рыкову.

Мухо давлевъ сидѣлъ у своего письменнаго стола въ кабинетѣ и раздумывалъ, доносить ли ему о звѣрскомъ поступкѣ Николая Филипыча или не доносить? Онъ уже склонился на первое рѣшеніе, по той причинѣ, что, по его мнѣнію, всякое донесеніе губернатора, тѣмъ болѣе такое энергическое донесеніе, — неминуемо должно возвысить значеніе его общеполезной дѣятельности....

Вдругъ входитъ камердинеръ Муходавлева, — завитой, напомаженный франтъ.

— Что такое? нетерпѣливо спросилъ Муходавлевъ.

— Ваше превосходительство, одна дама пріѣхала:

— Чтожь тутъ удивительнаго? отказать, непремѣнно отказать, сказать, что меня дома нѣтъ! Сколько я разъ приказывалъ отказывать всѣмъ послѣ четырехъ часовъ?

— Да не то, ваше превосходительство, что̀ вы изволите думать, — не просительница, — дама, какъ есть дама, и взошла по черной лѣстницѣ.

— По черной лѣстницѣ? торопливо проговорилъ Муходавлевъ, вскакивая со своего кресла.—Кто же бы это могъ быть?

Онъ задумался и сообразилъ:

— Вѣрно Баламутова, — кромѣ ея некому.

— Проси поскорѣе сюда, объявилъ онъ лакею, а самъ бросился запирать дверь изъ залы.

— *C'est bien*, подумалъ онъ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе непріятелю:—посмотримъ теперь, *chère Babette!*...

Вошла дама въ щегольскомъ бархатномъ салопѣ и въ шляпкѣ съ вуалью; Муходавлевъ было уже хотѣлъ закричать и назвать даму *chère Babette*, какъ необыкновенная, врожденная снобичность спасла его отъ такого непоправимаго промаха: онъ замѣтилъ, что пріѣзжая дама совсѣмъ не похожа на Варвару Петровну.

— *J'ai l'honneur de parler*... началъ онъ, подходя къ незнакомкѣ....

— Неужели вы меня не узнали, прозвучалъ знакомый голосъ, и вуаль откинулась; передъ Муходавлевымъ стояла Рыкова.

— Анна Ивановна, это вы? вскрикнулъ онъ и растерялся.

Рыкова сбросила салопъ и кинулась къ нему.

— *Alexandre*, прошептала она со слезами на глазахъ: — не мучь меня, что это за пріемъ? что за холодность?

— Признаюсь, проговорилъ въ смущеніи Муходавлевъ, я никакъ не ожидалъ вашего визита....

— Послѣ вчерашняго происшествія? перебила его Анна Ивановна.

Онъ многозначительно промолчалъ.

— Слушай, *Alexandre*, продолжала гостья страстнымъ голосомъ, слушай, мой единственный другъ! Неужели ты не понялъ, что моя выходка,—сознаюсь, глупая непростительная выходка,— произошла отъ любви къ тебѣ? Какъ же не грѣхъ тебѣ отвергать меня, — за то, что я для тебя же забыла всѣ общественныя приличія?

Муходавлевъ вообще не отличался суровостью нрава. А предъ хорошенькой женщиной онъ никакъ не могъ устоять. Въ отвѣтъ на страстную рѣчь Рыковой, онъ бросился къ ней и сталъ цаловать ея руки. Миръ былъ заключенъ очень скоро, и Баламутова была забыта легкомысленнымъ Муходавлевымъ.

Но визитъ Рыковой, сдѣланный по волѣ ея супруга, могъ бы кончиться рѣшительно ничѣмъ (разумѣется, относительно дипломатической его цѣли), потому что Анна Ивановна въ самомъ дѣлѣ увлеклась своими чувствами и забыла все въ мірѣ, начиная съ своего супруга. Но Муходавлевъ напомнилъ Аннѣ Ивановнѣ о дѣлѣ ея супруга и даже самъ облегчилъ ей его исполненіе.

— *A propos*, сказалъ онъ, когда пылкость его собственныхъ ощущеній немного поулеглась:—*à propos*, *chère Annette*, ты вѣрно не знаешь еще, какія страшныя жалобы поступили на твоего мужа?

Анна Ивановна поняла, что ей выгоднѣе всего схитрить и притвориться ничего не знающей и даже равнодушной къ подобнымъ дѣламъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчала она: какія же жалобы? Впрочемъ, *cher ami*, мнѣ дѣла нѣтъ—какъ до моего мужа, такъ и до жалобъ на него.

— Какъ можно, дѣла нѣтъ! вскричалъ онъ:—да это такія жалобы, за которыя не только лишатъ мѣста, но еще выгонятъ изъ службы навсегда, подъ судъ отдадутъ.

Анна Ивановна притворилась испуганною.

— Что такое, что такое, *Alexandre*? Не мучь меня, скажи пожалуйста!

И она страстно и въ тоже время дѣтски довѣрчиво прильнула къ нему.

Александръ Павлычъ, очень довольный испугомъ Анны Ивановны, разсказалъ уже извѣстную читателямъ и самой Рыковой исторію крестьянъ Горюна и головы.

Аннѣ Ивановнѣ въ самомъ дѣлѣ поступокъ мужа показался отвратительнымъ: она непритворно пожалѣла мужиковъ, закрыла глаза бѣленькими пальчиками; но все-таки разсудила, что если мужа ея выгонятъ изъ службы, то ей ѣсть будетъ нечего, и потому принялась хлопотать.

— *Alexandre*, это ужасно! шептала она: — мужъ мой варваръ, тиранъ, безчестный человѣкъ, — это ужасно!

Мухадавлевъ молчалъ и очень былъ радъ такому отзыву Рыковой объ ея добродѣтельномъ супругѣ.

— Что же теперь сдѣлаютъ съ моимъ мужемъ? продолжала она допрашивать.

— Я назначу завтра же слѣдствіе и отдамъ его подъ судъ, рѣшилъ Мухадавлевъ довольно деспотическимъ тономъ, хотя и не имѣлъ права отдавать Рыкова подъ судъ. Отдамъ подъ судъ и донесу въ Петербургъ, добавилъ онъ для вящшаго эффекта.

Анна Ивановна горько заплакала и на всѣ утѣшенія Мухадавлева повторяла только:

— Я несчастная женщина, *Alexandre*, самая несчастная въ мірѣ женщина: *tout est fini*, что со мною будетъ?

Мухадавлевъ готовъ былъ исколоть иголками свой глупый языкъ, за то, что онъ выболталъ дѣло такой нервной женщинѣ и главное за то, что прихвастнулъ судомъ; но дѣлать было уже нечего.

Долго продолжались увѣщанія Мухадавлева, наконецъ когда Рыкова увидѣла, что онъ опять совершенно поддался ея магнетической власти, тогда она со всевозможною вкрадчивостію и нѣжностью шепнула ему:

— Спаси мужа, если только хоть немного меня любишь, этимъ ты спасешь меня!

Что тутъ прикажете дѣлать? какъ отвергнуть такую просьбу? Мухадавлевъ, какъ и надо было думать, прежде отвертывался, отнѣкивался, отмаливался, но все напрасно: черезъ полчаса онъ былъ окончательно побѣжденъ.

Между тѣмъ въ домѣ унтеръ-офицерши Подтибринной происходила подобная же сцена, имѣвшая туже цѣль и тѣже послѣдствія.

Роза Ивановна очень ловко, въ самомъ разгарѣ нѣжности князя Тараканова умѣла, ни съ того, ни съ сего, приревновать его къ Рыковой и представить, будто онъ нападаетъ на Николая Филипыча единственно изъ желанія отомстить его женѣ за невнимательность къ ухаживанью его, князя. Таракановъ клялся, что никого, кромѣ Розы, не любилъ и не любитъ; но она ничего не хотѣла слушать и требовала отъ него, въ доказательство его любви,—кромѣ браслета и еще кой-какихъ бездѣлицъ, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ Николая Филипыча.

Помня недавнія обѣщанія мужикамъ, князь возражалъ, что это невозможно; тогда Роза Ивановна, раздразнивши до нельзя чувства своего обожателя, вдругъ вскочила и стала надѣвать салопъ, объявивъ, что она не вѣритъ любви, которая умѣетъ отговариваться невозможностью. Таракановъ не выдержалъ, бросился къ Розѣ съ новыми изъявленіями своихъ чувствъ и согласился на все. Кончилось тѣмъ, что онъ далъ ей честное слово—не только не преслѣдовать, но даже защищать Рыкова, который, по ея словамъ, былъ совершенно невиненъ, а страдалъ только по интригамъ жены.

Интересно было видѣть обоихъ великосвѣтскихъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ правда была милѣе всего на свѣтѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ они разстались съ своими обольстительницами, и когда волненье пылкихъ страстей ихъ поутихло и въ свои права вступила та небольшая доля разсудка, которою ихъ снабдила природа.

Александръ Павлычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, облокотившись обѣими руками на столъ, и думалъ довольно горькую думу.

— Чортъ возьми, думалъ онъ, какъ же это я такъ опростоволосился? обѣщать этой сумасшедшей *Annette*, что я буду защищать ея мужа? Да и дѣло-то такое скверное: исколотилъ мужика ни за что, ни про что, пробилъ голову, разоряетъ цѣлое семейство.... Скверно! не надо бы давать слова! Да я впрочемъ все-таки назначу слѣдствіе, а слѣдователемъ можно будетъ назначить Хлопушкина,—онъ ничего не откроетъ и дѣло кончено; а съ Рыкова я возьму слово не драться и этихъ мужиковъ не преслѣдовать, право, такъ! рѣшено: сдѣлаю! подумалъ онъ.

— Впрочемъ—такъ скверно, снова началъ разсуждать Муходавлевъ: это все-таки замараетъ Рыкова, да и Аннету оскорбитъ; оставить бы дѣло такъ, безъ послѣдствій, увѣрить мужиковъ, что все будетъ сдѣлано, а самому переврать ихъ просьбы, сдѣлать только внушеніе Рыкову... Это бы лучше!.. да проклятый Таракановъ въ городѣ живетъ и принимаетъ большое участіе въ этомъ Горюнѣ — какъ разъ напишетъ, куда слѣдуетъ, и будетъ плохо. Чортъ знаетъ, что тутъ дѣлать!

— Вотъ что сдѣлаю, придумалъ онъ наконецъ:—скажу Тараканову, что назначеніе слѣдствія надъ Рыковымъ, по жалобѣ

подчиненнымъ ему крестьянъ, можетъ нарушить дисциплину! рѣшилъ онъ, въ азартѣ стуча по столу. — Ну, а чтобы онъ не донесъ какъ нибудь въ Петербургъ, такъ я его увѣрю, что я самъ произведу секретное дознаніе и самъ донесу.... Такъ, такъ! этого дурака можно надуть.

И Муходавлевъ, въ восторгѣ отъ своего изобрѣтенія, потеръ руки и рѣшился сейчасъ же послать самую любезную записочку къ князю Тараканову, въ которой просилъ его убѣдительно навѣстить его сейчасъ же.

Князь Павелъ Петровичъ Таракановъ также былъ очень не спокоенъ духомъ.

Онъ первый принялъ участіе въ Горюнѣ, обнадежилъ его своимъ словомъ, помочь его бѣдѣ, самъ послалъ его къ губернатору, подвинулъ и того на необыкновенно-горячую дѣятельность — а теперь.... ему же, князю Тараканову, приходится кричать во весь ротъ, даже противъ убѣжденія и совѣсти, что Рыковъ правъ въ отношеніи къ несчастному Горюну. Князь чувствовалъ, что это нехорошо, но дѣлать было нечего: онъ далъ слово *М-me* Таубе, и по мнѣнію князя, было несравненно безчестнѣе обмануть ее, чѣмъ мужиковъ; кромѣ того, Роза Ивановна принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ обмануть хотя и не невозможно, но очень опасно. Полковникъ не зналъ, что ему дѣлать, какъ приступить ему къ Муходавлеву, чтобы умѣрить въ немъ проявленіе излишней гражданской доблести. Но судьба сжалилась надъ княземъ, — прервавши его размышленія приходомъ посланнаго съ запиской отъ Муходавлева.

Князь сильно обрадовался приглашенію губернатора, предчувствуя, что тутъ должна скрываться развязка его мучительныхъ сомнѣній. Одѣвшись весьма поспѣшно, онъ поскакалъ къ Муходавлеву. Тотъ въ свою очередь тоже обрадовался званому гостю, встрѣтилъ его у самыхъ дверей залы и, дружески ухвативъ за руку, потащилъ въ свой кабинетъ, отдавъ строжайшее приказаніе не принимать никого.

Уже нѣсколько минутъ сидѣли гость и хозяинъ другъ противъ друга въ кабинетѣ, вели разговоръ объ разныхъ пустякахъ, не шедшихъ къ дѣлу, и никакъ не рѣшались начать разговоръ о предметѣ, обоихъ ихъ занимавшемъ; но къ чести молодаго губернатора надо замѣтить, что онъ оказался лучшимъ дипломатомъ, чѣмъ юный полковникъ: губернаторъ довольно хладно-

кровно ждалъ удобной минуты перевести разговоръ на дѣло мужиковъ и боялся только, чтобы Таракановъ не началъ ему дѣлать кой-какихъ возраженій и препятствій. А полковникъ—тотъ просто трусилъ, что Муходавлевъ и не начнетъ разговора объ дѣлѣ и такимъ образомъ оно останется въ томъ же положеніи, а тогда конечно бѣда неминуемая отъ Роси Ивановны, да притомъ и честное слово, данное ей—нехорошое Тараканова такъ и подмывало поскорѣе начать интересующій его разговоръ: этимъ онъ все проигралъ.

— A *propos*, что наше дѣло объ этихъ мужикахъ? Имѣете ли вы какія нибудь свѣдѣнія о томъ, что именно было между ими и Рыковымъ? спросилъ князь, отчаянно бросившійся на приступъ.

Но при этомъ нападеніи губернаторъ тоже сильно струсилъ: Муходавлеву пришло въ голову, что Таракановъ хлопочетъ о скорѣйшемъ назначеніи слѣдствія,—онъ даже поблѣднѣлъ, заподозривъ, что князь принимаетъ самое дѣятельное и горячее участіе въ судьбѣ обиженныхъ мужиковъ и что уже въ такомъ случаѣ ему, Муходавлеву, остается только дѣйствовать по желанію человѣка, могущаго написать противъ него въ Петербургъ. Петербурга Муходавлевъ сильно побаивался.

— Бѣда, подумалъ губернаторъ:—этотъ дуракъ наболтаетъ чортъ знаетъ чего въ Петербургѣ! Ну, *chère Annette, je vous demande bien pardon*; своя рубашка ближе къ тѣлу!

— Нѣтъ, я еще не имѣю никакихъ свѣдѣній по дѣлу этихъ мужиковъ, посиѣшилъ отвѣтить онъ на вопросъ своего собесѣдника:—вѣдь вы знаете, князь, что я дожидаюсь просьбы ихъ,—безъ нея я не могу сдѣлать никакихъ распоряженій; но будьте увѣрены, что я употреблю самыя дѣятельныя мѣры *et je vous assure, que justice sera faite!*

Пришла очередь струсить князю: — какъ, въ самомъ дѣлѣ, защищать неправую сторону ему, когда губернаторъ изъявляетъ такое благородное намѣреніе преслѣдовать порокъ и вознаградить угнетенную добродѣтель? Князь до того растерялся, что позабылъ всѣ свои дипломатическія намѣренія, всѣ тонкости, и началъ горячо увѣрять губернатора, что Рыковъ правъ, что его оклеветали.

— Я имѣю положительныя свѣдѣнія, толковалъ князь Павелъ Петровичъ, *que ce monsieur* Рыковъ не виноватъ нисколько! Я знаю навѣрно, что эти мужики негодяи!

Надо было все великосвѣтское умѣнье владѣть собой, какимъ обладалъ Муходавлевъ, чтобы не броситься сію же минуту въ объятія князя, — такъ обрадовала губернатора перемѣна его мыслей. Однако онъ сейчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло, и на шею князю не бросился, а только замѣтилъ ему, что онъ такъ увѣренъ въ безпристрастіи и опытности его, что, вѣря ему на слово, непремѣнно измѣнитъ ходъ дѣла.

— Это извѣстіе, сообщенное вами, *cher prince*, совершенно измѣняетъ видъ вопроса! говорилъ горячій къ правдѣ губернаторъ — зная васъ, я вамъ вѣрю на слово и уже конечно теперь слѣдствія не назначу и доносить не буду; — не такъ ли?

— Разумѣется, разумѣется, поспѣшилъ отозваться князь едва сидѣвшій на мѣстѣ отъ радости: — и стоитъ ли изъ-за какихъ нибудь мужиковъ, которые наврали, подымать всю эту кутерьму?

Этимъ разговоръ и кончился. На утро, мужики подали просьбу, которая въ тотъ же день при отношеніи губернатора была отослана на распоряженіе Рыкова, а тотъ распорядился и съ бумагой и съ мужиками по своему и надолго отучилъ охотниковъ до жалобъ. Губернаторъ и полковникъ тоже остались очень довольны собой. Не знаю, что говорилъ Горюнъ и волостной голова, которые вадались въ нѣгахъ благодѣтельныхъ начальниковъ, принявшихъ въ ихъ судьбѣ такое горячее участіе.

ГЛАВА XI.

Не моему слабому перу описывать истинно патетическій гнѣвъ Варвары Петровны Баламутовой, послѣдовавшій за оскорбленіемъ, полученнымъ ею отъ Рыковыхъ: хотя молодой губернаторъ и объяснился довольно рѣзко, правда наединѣ, съ преступнымъ Рыковымъ, хотя тотъ и удалился изъ сада почти по требованію губернатора, однако это слабое наказаніе нисколько не удовлетворяло Варвару Петровну; — она злилась на чемъ свѣтъ стоитъ, дѣлала довольно колкія замѣчанія самымъ приближеннымъ къ ней людямъ и въ томъ числѣ даже Муходавлеву; — мужу конечно досталось отъ нея первому, хотя онъ не былъ нисколько виноватъ въ полученной его супругой непріятности.

Долго онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, изъ-за чего такъ волнуется и злится его супруга, за что такъ немилосердо нападаетъ на него публично; наконецъ онъ обратился къ Ивану Михайлычу и получилъ отъ него нѣсколько лаконическое описаніе происшествія. Изъ этого описанія Баламутовъ понялъ только, что Рыковъ и его жена не оказали должнаго уваженія Варварѣ Петровнѣ. Самолюбіе Баламутова заговорило; но еще сильнѣе заговорилъ страхъ предъ женою. Этотъ страхъ могъ подвинуть Григорья Алексѣича на возможные геройскіе подвиги, и онъ дѣйствительно задумалъ-было на этотъ разъ отличиться даже не совсѣмъ прилично своимъ лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Вспомнивъ свою бурную молодость, Баламутовъ затѣялъ было вызвать на дуель Рыкова. Послѣ многихъ совѣщаній съ нѣсколькими бѣловодскими аристократами, служившими когда-то въ военной службѣ, рѣшено было, что Баламутову съ Рыковымъ драться не унизительно, такъ какъ оба они принадлежатъ къ хорошимъ фамиліямъ и имѣютъ видное положеніе въ обществѣ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, приправленныхъ замѣчаніемъ одного изъ секундантовъ Ивана Михайлыча, — что дуель не можетъ никого вовлечь въ непріятную исторію, ибо Муходавлевъ ничего не посмѣетъ сдѣлать аристократамъ, да притомъ и самъ въ душѣ рыцарь, — вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній вызовъ былъ немедленно сдѣланъ со стороны Баламутова, черезъ посредство Ивана Михайлыча, и принятъ Рыковымъ.

Неслыханный въ Бѣловодскѣ скандалъ готовъ былъ совершиться. Но, къ счастію, любовь лучшихъ бѣловодскихъ гражданъ къ сохраненію общественнаго порядка и распорядительность губернскаго начальства спасли все. Одинъ изъ секундантовъ Баламутова, подполковникъ Язычинскій, не желая кровопролитія, извѣстилъ о предполагаемой дуели полицмейстера Тычкина; а секундантъ Рыкова, помѣщикъ Подмахалкій, не безъ воли самого Николая Филипыча, формально донесъ обо всемъ Муходавлеву.

Явившись къ губернатору, Подмахалкій встрѣтилъ уже выходящаго отъ него Тычкина, очень встревоженнаго извѣстіемъ, полученнымъ отъ Язычинскаго, и явившагося къ Муходавлеву съ требованіемъ совѣта и помощи для отвращенія грозившаго скандала.

Муходавлевъ съ своей стороны былъ очень радъ, что Бѣловодскъ такъ эмансипируется — даже до степени дуели, — но на

дѣлѣ ему необходимо было показаться очень сердитымъ: онъ зналъ, что Тычкинъ умѣетъ подписывать свою фамилію подъ всевозможными донесеніями, точно такъ же, какъ и самъ Муходавлевъ. Поэтому онъ постарался успокоить старика полковника и, узнавъ отъ него, кто и какъ дерется, — объявилъ, что все дѣло уладитъ и завтра дастъ ему знать о послѣдствіяхъ, и послѣ того весьма выразительно раскланялся съ нимъ.

Только-что, проводивъ гостя, Александръ Павлычъ задумался-было о томъ, какимъ образомъ повернуть къ мирной развязкѣ заварившуюся исторію, такъ, чтобы не оскорбить враждующихъ сторонъ, принадлежащихъ къ аристократической породѣ города Бѣловодска, — какъ въ кабинетъ его — не вбѣжалъ, а ворвался, блѣдный, разстроенный, растрепанный Николай Александрычъ Подмахацкій. Муходавлевъ и его успокоилъ, и дѣйствительно тотчасъ по его уходѣ послалъ вѣстового за Баламутовымъ и Рыковымъ.

Оба явились черезъ четверть часа. — Особенно радъ былъ призыву губернатора Николай Филипычъ, который догадался сейчасъ же, что губернаторъ дѣйствуетъ вслѣдствіе визита Подмахацкаго.

Что происходило у губернатора, — неизвѣстно; однако, послѣ горячаго разговора втроемъ, Муходавлевъ послалъ за Иваномъ Михайлычемъ и за подполковникомъ Тычкинымъ, и дверь кабинета, гдѣ засѣдалъ онъ съ обоими противниками, опять заперлась за вновь пріѣхавшими; наконецъ около полуночи губернаторъ вышелъ изъ кабинета и приказалъ дворецкому подать шампанскаго, и скоро изъ кабинета послышались дружескія чоканья и еще болѣе дружескіе поцалуи. На другой день весь городъ говорилъ, что Муходавлевъ помирилъ Баламутова съ Рыковымъ и даже передавали втихомолку, что Николай Филипычъ просилъ прощенья у Григорья Алексѣича.

— Что значитъ наборъ-то! говорили себѣ подъ-носъ злоязычники.

На другой день Муходавлевъ повидался съ Варварой Петровной Баламутовой и съ Анной Ивановной Рыковой, а на третій день вторая поѣхала къ первой съ визитомъ. Опять въ Бѣловодскѣ начали сплетничать, что Рыкова извинялась передъ Баламутовой.... Впрочемъ, мало ли что сплетничаютъ. Сплетнямъ провинціальнымъ дивиться нечего, а вотъ подивитесь лучше дѣятельности и свѣтской находчивости молодаго губернатора. Ка-

жется, чего труднѣе — помирить двухъ барынь, поссорившихся изъ-за одного и того же кавалера? а Муходавлевъ помирилъ!...

Всеобщее примиреніе отпраздновано было на великолѣпномъ обѣдѣ, который заданъ былъ Иваномъ Михайлычемъ — на послѣднія его деньги. На другой день послѣ этого онъ сидѣлъ въ своей гостиной, полный сладостныхъ воспоминаній о вчерашнихъ кушаньяхъ; тутъ же сидѣла и жена его, Анна Николаевна, далеко не въ столь пріятномъ расположеніи духа. Она знала, что вчерашній обѣдъ окончательно истощилъ ихъ средства, теперь въ цѣломъ домѣ не было денегъ и не откуда было достать ихъ....

Но Иванъ Михайлычъ былъ счастливъ: великолѣпный обѣдъ, данный имъ, заставлялъ его позабыть все на свѣтѣ.

— А славный обѣдъ былъ вчера, проговорилъ онъ съ видимою гордостью: — Баламутовы навѣрно умираютъ теперь съ зависти: у нихъ не бывало, да и не можетъ быть такого повара, какъ у меня.

Анна Николаевна отмалчивалась, хотя въ душѣ у ней кипѣло много самыхъ горькихъ чувствъ.

— Ты замѣтила, какъ Муходавлевъ объѣдался этимъ соусомъ съ пѣтушьими гребешками, продолжалъ Иванъ Михайлычъ: — братъ — такъ тотъ не вытерпѣлъ: кажется, совсѣмъ объѣлся.

Анна Николаевна все молчала.

— Чтожъ ты молчишь? съ неудовольствіемъ проговорилъ обиженный молчаніемъ жены Иванъ Михайлычъ: — что̀ это у тебя, иль языкъ отвалился? съ сердцемъ проговорилъ онъ.

— Что же говорить? возразила съ горестью и легкимъ презрѣніемъ, выведенная изъ терпѣнія Анна Николаевна: — я уже не разъ говорила тебѣ, что твой образъ жизни скоро разоритъ насъ окончательно; я уже напоминала тебѣ, что у тебя есть дѣти, которымъ ты не хочешь дать и образованія, какое бы нужно было, чтобы они могли сами достать себѣ кусокъ хлѣба, и въ тоже время не думаешь и оставить имъ что нибудь, чтобы они могли жить и не имѣя образованія.

Иванъ Михайлычъ со злостью махнулъ рукой.

— Ну, пошла опять объ этихъ меркантильностяхъ! сердито вскричалъ онъ: — какъ это тебѣ не надоѣстъ вѣчно объ одномъ и томъ же толковать?

— И не перестану до тѣхъ поръ, пока не буду совершенно покойна за дѣтей, твердо отвѣчала Анна Николаевна.

— Какія глупости, рѣшилъ Иванъ Михайлычъ: — я уже не маленькій, слава Богу, чтобы меня учить! Я сказалъ, что дѣтямъ оставлю по смерти моей все состояніе, ну, и довольно! Мишѣ — Ивановское, Сашѣ — Красный Холмъ....

— Полно пересчитывать, Иванъ Михайлычъ, возразила супруга: — хорошо оставлять, если что останется....

— Какъ такъ? перебилъ супругъ.

— Да такъ, ничего не останется: все за долги продадутъ, возразила Анна Николаевна.

— Вздоръ какой! разсудилъ благоразумнѣйшій Иванъ Михайлычъ и даже тряхнулъ головой, чтобы прогнать подальше такія горькія мысли.

Однако не отвертѣлся почтенный представитель бѣловодскаго дворянства отъ меркантильнаго, какъ онъ называлъ, разговора. Неумолимая Анна Николаевна привязалась къ его нецеремонному восклицанію и съ безпощадною логикою и знаніемъ ариѳметики доказала своему супругу, что у него долговъ вдвое больше, чѣмъ стоятъ имѣнія.

Это практическое занятіе ариѳметикой и логикой крайне не понравилось Ивану Михайлычу. Чтобы отвязаться, онъ объявилъ женѣ коротко и ясно, что онъ заплатитъ всѣ долги.

— Когда и чѣмъ? добавила Анна Николаевна, рѣшившаяся довести супруга до сознанія.

Супругъ началъ-было отвертываться отъ прямыхъ отвѣтовъ; однако скоро вынужденъ былъ сознаться, что заплатить ему будетъ нечѣмъ, потому что уже всѣ произведенія его земель были проданы на корню.

— Ну, подождутъ кредиторы, да и только, рѣшилъ онъ наконецъ.

— А если не будутъ ждать? вѣдь они уже и такъ черезчуръ много ждутъ, возразила Анна Николаевна.

— Ну, отписываться буду: губернаторъ мнѣ пріятель, — не скоро поймаютъ! самодовольно объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— А отъ казны и отъ опекунскаго совѣта также отпишешься?

Разговоръ этотъ давно уже не нравился Ивану Михайлычу, и чтобы отвязаться отъ жены, онъ рѣшился солгать.

— Вотъ объ чемъ вспомнила! воскликнулъ онъ, саркастически улыбаясь: — я давно уже заплатилъ и подати, и недоимки, и проценты въ совѣтъ.

— Когда же? допрашивала недовѣрчивая супруга.

— Какъ когда? Да управляющій ѣздилъ въ Москву, — онъ и заплатилъ, солгалъ Иванъ Михайлычъ, глазомъ не моргнувъ и не морщась.

Анна Николаевна недовѣрчиво покачала головой, однако промолчала.

Вслѣдствіе этого Иванъ Михайлычъ и самъ подумалъ: «а можетъ быть, управляющій и въ самомъ дѣлѣ успѣлъ тамъ какъ нибудь заплатить все....»

Но судьба готовила ему полное и самое горькое разочарованіе отъ того же управляющаго: въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ Ивану Михайлычу письмо. Иванъ Михайлычъ медленно прочиталъ письмо и поблѣднѣлъ.

— Что такое? спросила встревоженная Анна Николаевна.

Иванъ Михайлычъ, разстроенный, молча подалъ ей письмо.

Письмо дѣйствительно было невесело; управляющій доносилъ, что всѣ имѣнія Ивана Михайлыча назначены въ продажу съ аукціона, что ихъ уже описываютъ и что необходимо сейчасъ же внести три тысячи рублей серебромъ, чтобы на время отсрочить продажу и какъ нибудь извернуться.

Смущеніе и малодушіе Ивана Михайлыча были неописанны. И въ самомъ дѣлѣ, его положеніе вдругъ оказалось самымъ безнадежнымъ: денегъ нѣтъ, и занять негдѣ. На жидовъ надежды уже не было никакой: какъ только это хитрое племя узнало, что Иванъ Михайлычъ наканунѣ своего великолѣпнаго бала, даннаго въ новый годъ, посылалъ продавать за безцѣнокъ разныя вещи изъ своего и женина туалетовъ и въ томъ числѣ продалъ шелковую матерію, предназначавшуюся для его собственнаго халата, — какъ только узнало жидовское племя это грустное обстоятельство, кредитъ Ивана Михайлыча у разныхъ Іосекъ, Мошекъ, Мордохаевъ и Янкелей окончательно погибъ.

Долго думала Анна Николаевна, какъ бы пособить горю, но ничего не могла придумать, — такъ скудны были въ дѣйствительности средства ея великолѣпнаго супруга.

— Я поѣду къ брату, возьму у него, придумалъ наконецъ Иванъ Михайлычъ.

— Помилуй, развѣ у него бываютъ когда нибудь деньги? недовѣрчиво возразила Анна Николаевна.

— Теперь есть, онъ хотѣлъ занять, объявилъ Иванъ Михайлычъ: — у него еще есть кредитъ.

— Зачѣмъ же ему занимать? спросила удивленная Анна Николаевна.

— Да вчера онъ мнѣ сказалъ, что онъ хочетъ также дать большой обѣдъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ проговорилъ Иванъ Михайлычъ: ему было чего-то совѣстно.

Анна Николаевна недовѣрчиво покачала головой, но потомъ разсудила, что если у Антона Михайлыча есть наличныя деньги, то онъ, можетъ быть, и не откажетъ въ такомъ крайнемъ случаѣ. Сдѣлавши это предположеніе, Анна Николаевна поспѣшила отправить своего разстроеннаго супруга къ его брату.

Антонъ Михайлычъ дѣйствительно въ это время имѣлъ въ рукахъ деньги. Онъ только-что съѣздилъ въ этотъ самый день къ жидку, который въ бѣловодскомъ аристократическомъ кругу извѣстенъ былъ подъ именемъ Гершки, и, запродавъ ему по контракту надежды на всю шерсть будущаго года со своихъ овецъ, привезъ домой ровно три тысячи рублей серебромъ. Восторгъ его не зналъ предѣловъ: еще по дорогѣ домой, онъ заѣхалъ къ другому жиду въ литографію и заказалъ ему великолѣпные пригласительные билеты на обѣдъ; заѣхалъ и къ третьему жиду, которому приказалъ принести къ нему на домъ самыя модныя и дорогія матеріи для бальныхъ платьевъ: Антонъ Михайлычъ, какъ видите, не забылъ и жену....

Пріѣхавши домой, Антонъ Михайлычъ сейчасъ же засѣлъ въ своемъ кабинетѣ — составлять списокъ кушаньямъ, которыми онъ долженъ былъ угощать избранныхъ на своемъ обѣдѣ. Супъ, пирожки и холодное достались ему — хотя и не безъ головоломки, однако довольно легко; но на соусахъ изобрѣтательный по части обжорства умъ его сталъ втупикъ: надо было непремѣнно что нибудь и очень дорогое, и очень необыкновенное, и очень портящее желудокъ, то есть очень гастрономическое. А между тѣмъ Бѣловодскъ такъ недавно еще сталъ эмансипироваться, въ немъ такъ трудно отыскать какую нибудь рѣдкость.... Антонъ Михайлычъ погрузился въ тяжелую думу, которая была прервана приходомъ его брата.

— А, братъ, здорово! какъ нельзя болѣе кстати! закричалъ не на шутку обрадованный Антонъ Михайлычъ:—какъ ты думаешь, какой бы соусъ пустить первымъ на моемъ обѣдѣ?

— Надо съ трюфлями что нибудь, объявилъ Иванъ Михайлычъ, невольно отвлекаясь отъ своей горькой думы. — А ты даешь обѣдъ?

— Даю, послѣ завтра.

— Стало, досталъ денегъ?

— Да, три тысячи! самодовольно объявилъ Антонъ Михайлычъ.

Иванъ Михайлычъ вздохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, отъ зависти и огорченія.

— Что съ тобой, братъ Иванъ? заботливо освѣдомился Антонъ Михайлычъ:—ты на себя не похожъ! Вѣрно желудокъ не въ порядкѣ? а? не хочешь ли медвѣдя? засыпалъ онъ брата вопросами, ясно показывавшими участіе; но братъ въ отвѣтъ только сопѣлъ, съ намѣреніемъ поселить въ сердцѣ брата не одно участіе, но и сильнѣйшее состраданіе.

Послѣ долгихъ приготовленій и увѣщаній со стороны брата, Иванъ Михайлычъ рѣшился высказать ему свое горе. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Антонъ Михайлычъ сначала испугался; но потомъ скоро пришелъ въ себя.

— Эхъ, какъ ты меня испугалъ, заговорилъ онъ самымъ безпечнымъ тономъ:—я думалъ—Богъ-знаетъ уже что случилось, а то—опись и публикація! Это, любезный братъ, пустяки,—послѣ второй публикаціи внесешь деньги и баста, развяжешься со всѣми этими піявками.

Видя, что дѣло плохо, что Антонъ Михайлычъ не поддается, Иванъ Михайлычъ прибавилъ, что если бы взыскивался одинъ долгъ опекунскому совѣту, такъ это бы еще ничего, но что взыскиваются еще недоимки....

— И это пустяки! крикнулъ Антонъ Михайлычъ, не давъ брату кончить его іеремиаду:—съѣзди къ губернатору, онъ для тебя все сдѣлаетъ, — дастъ предписаніе остановить взысканіе, и дѣло въ шляпѣ.

— Да еще частные долги есть, въ отчаяніи возразилъ Иванъ Михайлычъ.

Тутъ ужь и Антонъ Михайлычъ потерялся и прикусилъ языкъ. Братья задумались.

Антонъ Михайлычъ сложилъ руки на брюхѣ и смотрѣлъ на полъ, а Иванъ Михайлычъ посматривалъ на него.

— Братъ, я къ тебѣ съ просьбой, рѣшился наконецъ Иванъ Михайлычъ приступить къ дѣлу.

— Что такое? спросилъ Антонъ Михайлычъ, вздохнувъ, какъ будто отъ нечаянности вопроса: онъ, бѣдный, начиналъ уже догадываться, къ чему клонился пріѣздъ Ивана Михайлыча.

— Мнѣ нужно всего только три тысячи цѣлковыхъ: дай мнѣ взаймы тѣ, что нынче занялъ, спаси меня, просительнымъ тономъ объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— Такъ и зналъ! подумалъ горестно Антонъ Михайлычъ; Господи, Господи, что же мнѣ дѣлать?

Дѣйствительно, положеніе Антона Михайлыча было весьма трудное, и страшная нравственная борьба происходила внутри его. Онъ не былъ заклятымъ эгоистомъ, и горестное положеніе брата возбуждало въ немъ состраданіе. Но съ другой стороны,— отдать брату деньги значитъ отказаться отъ великосвѣтской жизни, отъ возможности выдержать себя наравнѣ съ Баламутовыми, признать себя побѣжденнымъ, — это было уже гораздо хуже не только разоренія, хоть бы и роднаго брата, но гораздо хуже и собственной своей гибели. Было о чемъ думать, и долго молчалъ Антонъ Михайлычъ, хотя и не думая ни о чемъ, но все-таки притворяясь, что онъ думаетъ; наконецъ ему пришла счастливая мысль объясниться съ братомъ откровенно.

— Любезный братъ Иванъ, началъ свою рѣчь Антонъ Михайлычъ:—ты знаешь, какъ много я люблю тебя и сестрицу Анну Николаевну, и всѣхъ дѣтей твоихъ....

Иванъ Михайлычъ промычалъ что-то въ знакъ согласія и кивнулъ головой; Антонъ Михайлычъ вздохнулъ, понюхалъ табаку и перевелъ духъ.

— Я сейчасъ готовъ отдать тебѣ эти три тысячи, сейчасъ такъ-таки готовъ встать и отдать, продолжалъ Антонъ Михайлычъ, дѣйствительно вставая и направляясь къ бюро, гдѣ хранилось недавно пріобрѣтенное сокровище.

Уже Иванъ Михайлычъ и руку протянулъ, а другую послалъ въ карманъ за платкомъ на случай слезъ, неизбѣжныхъ при проявленіи такой братской добродѣтели и родственнаго самоотверженія, но къ несчастію, движеніе Антона Михайлыча къ бюро оказалось фальшивой тревогой, и Иванъ Михайлычъ со стыдомъ привелъ руки свои въ порядокъ.

— Да, я бы сейчасъ же вынулъ деньги и далъ бы тебѣ ихъ, Богъ въ томъ свидѣтель, продолжалъ Антонъ Михайлычъ торжественно:—но бываютъ обстоятельства, есть положенія, которыя иногда заставляютъ человѣка дѣйствовать не такъ, какъ бы ему хотѣлось, какъ ему диктуетъ его сердце, — *noblesse oblige!* съ силой пояснилъ Антонъ Михайлычъ.

— Подлецъ, должно быть, братъ Антонъ, горестно подумалъ Иванъ Михайлычъ и вытаращилъ на него глаза.

— Я отдаюсь самому тебѣ на судъ, продолжалъ Антонъ Михайлычъ:—положимъ, я тебѣ отдаю деньги; ты на время спасенъ, — но только на время, потому что всѣхъ долговъ ты не заплатишь,—а я, я! что со мной будетъ?—Я долженъ буду отказаться отъ великосвѣтской жизни, долженъ буду отречься отъ титула порядочнаго человѣка и гастронома, наконецъ главное, — уступить первенство Баламутовымъ, — согласись, это ужасно! Тебѣ хорошо! ты уже утеръ носъ этимъ гордецамъ: выписалъ женѣ костюмовъ тысячи на двѣ, на три, пять большихъ обѣдовъ далъ, три бала.... Ну, а я? я что буду дѣлать?

Антонъ Михайлычъ замолчалъ, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произвелъ онъ на брата;—эффектъ былъ дѣйствительно великолѣпный.

— На тебя сошлюсь, добивалъ его убѣжденіями Антонъ Михайлычъ:—неужели ты захочешь, чтобы нашъ родъ посрамился передъ какими нибудь Баламутовыми?

Этотъ аргументъ окончательно сбилъ съ позиціи Ивана Михайлыча.

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ,—это нельзя, вскрикнулъ онъ:—безъ обѣда нельзя.

Братья крѣпко схватили другъ друга за руки, и черезъ минуту Иванъ Михайлычъ, забывъ о своемъ положеніи, уже придумывалъ, вмѣстѣ съ братомъ, самый дорогой соусъ для предстоящаго обѣда.

— А вели сдѣлать, братъ, трюфли *à la serviette*, говорилъ онъ:—*c'est ce qu'il y a de plus cher et de plus comme-il-faut.*

Но какъ ни утѣшительны были гастрономическія разсужденія, все-таки Иванъ Михайлычъ скоро опять вспомнилъ о своемъ безнадежномъ положеніи и снова задумался, въ чемъ послѣдовалъ ему и Антонъ Михайлычъ. Но сколько ни думали братья — ничего не придумали и потому рѣшились немедленно отправиться къ корнету Безсудному, чтобы попросить у него

совѣта, а если можно, то и помощи, такъ какъ онъ считался самымъ умнымъ человѣкомъ изо всей бѣловодской аристократіи и особенно былъ охотникъ и мастеръ давать благіе совѣты.

Но самъ корнетъ Безсудный въ это время находился въ очень непріятномъ положеніи: при всемъ своемъ философскомъ направленіи, онъ такъ же, какъ и прочіе смертные, заразился общимъ примѣромъ и, несмотря на совершенно разстроенное состояніе, рѣшился лѣзть въ гору вслѣдъ за Баламутовыми. Въ этомъ усердно помогала ему и супруга его, Катерина Петровна, сестра жены Антона Михайлыча. Въ то время, какъ бѣловодскіе братья-гастрономы собирались ѣхать къ Безсудному за совѣтомъ, онъ самъ, послѣ жаркаго разговора съ супругой, собирался ѣхать занимать деньги, необходимыя для затѣяннаго имъ музыкальнаго вечера. Братья застали его уже почти на дорогѣ.

— Мы къ вамъ, Михаилъ Филатычъ, спасите насъ! басомъ объявилъ Иванъ Михайлычъ, входя въ кабинетъ Безсуднаго.

Михаилъ Филатычъ подозрительно посмотрѣлъ на братьевъ: ему показалось, что они имѣютъ до него служебную просьбу.

— Если вамъ нужно по палатѣ что нибудь, то обратитесь къ одному изъ моихъ секретарей,—онъ мнѣ доложитъ, нѣсколько сурово отвѣчалъ Михаилъ Филатычъ, которому было не до дѣлъ и не до просителей.

— Да нѣтъ, не то! перебилъ его Антонъ Михайлычъ:—на что намъ ваша палата? мы пріѣхали просто съ вами посовѣтоваться, какъ съ умнымъ человѣкомъ.

Эта лесть подѣйствовала: Михаилъ Филатычъ просіялъ, смягчился, и несмотря на то, что ему было не время, попросилъ гостей садиться.

— Что же такое? началъ онъ съ живымъ участіемъ и любопытствомъ.

Братья, оба вмѣстѣ, перебивая другъ друга, разсказали свою надобность.

— Вотъ тебѣ нà, подумалъ Безсудный:—нашли, у кого просить денегъ, или совѣта, гдѣ ихъ достать!

Впрочемъ, несмотря на то, что Михаилъ Филатычъ и самъ не зналъ, какъ рѣшить подобный же вопросъ для самого себя, все-таки, чтобы не уронить своего достоинства и не потерять репутаціи оракула, онъ завелъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, какую-то отдаленную матерію о кредитѣ и займѣ, которую когда-то и гдѣ-то вычиталъ съ грѣхомъ пополамъ, нако-

нецъ рѣшилъ, что онъ хотя и не знаетъ, гдѣ достать денегъ, но совѣтуетъ гостямъ обратиться къ кому нибудь изъ богатыхъ людей!

Гости слушали Безсуднаго съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и старались изо всѣхъ силъ уразумѣть темный смыслъ словъ умнѣйшаго корнета. Но старанія ихъ были напрасны, и они такъ и ушли отъ Безсуднаго, не взявши въ толкъ, что онъ такое говорилъ....

— Умнѣйшій человѣкъ, объявилъ Иванъ Михайлычъ, сходя по лѣстницѣ къ подъѣзду Безсуднаго.

— Да, ума палата и свѣдѣній нахваталъ тьму, подтвердилъ Антонъ Михайлычъ, запахивая шубу и съ наслажденіемъ зѣвая.

— Однако, куда же мы поѣдемъ? спросилъ Иванъ Михайлычъ.

— Да къ кому говорилъ Безсудный? отвѣчалъ Антонъ Михайлычъ: — надо его слушаться: онъ человѣкъ умный.

— А къ кому онъ говорилъ?

— Не знаю.

— И я не знаю!

Оба брата остановились въ раздумьи и посматривали другъ на друга.

— Поѣдемъ, братъ, къ Муходавлеву; не поможетъ ли онъ намъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Антонъ Михайлычъ.

И оба брата покатили къ молодому губернатору.

Вслѣдъ за ними поѣхалъ и Михаилъ Филатычъ Безсудный — къ жиду Гершкѣ, закладывать ему послѣднюю незаложенную землю свою для того, чтобы устроить у себя, по требованію жены, музыкальный вечеръ.

Въ тоже время Александръ Павлычъ Муходавлевъ имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ своимъ правителемъ канцеляріи, который со дня займа губернаторомъ денегъ у откупщика, сдѣлался необходимымъ совѣтникомъ и агентомъ его.

Муходавлевъ, какъ и можно догадаться, взявъ у откупщика деньги, нѣкоторымъ образомъ обязался дѣлать ему послабленія и удовольствія, а извѣстно, что такое значитъ удовольствіе откупщика. Муходавлевъ зналъ это очень хорошо и совѣсть его была не совсѣмъ спокойна. Откупщикъ передалъ правителю канцеляріи, что онъ очень бы желалъ, чтобы партіи рекрутъ направлялись по казеннымъ селеніямъ, гдѣ онъ торгуетъ водкой, и миновали помѣщичьи имѣнія, гдѣ существуетъ вольная продажа.

Какъ нарочно, трактовая дорога, по которой должны были проходить партіи рекрутъ, шла черезъ два или три помѣщичьи села, а чтобы вести рекрутъ на казенныя селенія, нужно было заставить ихъ сдѣлать лишнихъ верстъ семьдесятъ, но такъ, чтобы они, сдѣлавъ эти лишнія семьдесятъ верстъ, все-таки приходили въ опредѣленное время на мѣсто.

Правитель канцеляріи, по просьбѣ откупщика, добивался этого удлинненія маршрута; губернаторъ, памятуя долгъ службы, не соглашался на это.

— Нѣтъ, какъ можно! нельзя, нельзя! я этого не позволю, кричалъ онъ, немного разсерженный наглою просьбою откупщика.

— Какъ вамъ угодно, ваше превосходительство, отвѣчалъ хитрый правитель:—я самъ думаю, что эта перемѣна маршрута будетъ затруднительна.

— Ну, вотъ вы сами видите, объявилъ губернаторъ, обрадованный неожиданною поддержкою правителя.

Оба замолчали; правитель стоялъ у притолки, заложивъ руки назадъ, а губернаторъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, охорашиваясь передъ каждымъ зеркаломъ, которыхъ въ его кабинетѣ было достаточно.

— Ваше превосходительство, я позабылъ вамъ доложить, приступилъ правитель канцеляріи другимъ манеромъ:—откупщикъ поручилъ мнѣ просить васъ возвратить ему занятыя деньги: говоритъ, торговля весьма плохо идетъ.

Муходавлева точно кипяткомъ обварило.

— Какъ такъ? зачѣмъ ему деньги? Вѣдь онъ говорилъ—отдать, когда я захочу, началъ онъ вывертываться.

Правитель однако былъ человѣкъ неумолимый.

— Что же дѣлать, ваше превосходительство? Тогда онъ говорилъ одно, а теперь другое, началъ онъ объяснять.

— Да почему же? какъ онъ смѣетъ измѣнять свой уговоръ со мной? перебилъ его съ сердцемъ Муходавлевъ, который почуялъ, что дѣло тутъ какъ будто для него весьма скверное.

Правитель съ недоумѣніемъ и соболѣзнованіемъ пожалъ плечами.

— Да какъ же это онъ такъ? нынче одно, завтра другое, приставалъ къ нему Александръ Павлычъ.

— Онъ говоритъ, что торговля плохая,—можетъ обанкротиться безъ этихъ денегъ.

— Какъ же можетъ быть плоха торговля? Теперь наборъ, пояснилъ губернаторъ, который начиналъ уже хорошо понимать тонкости откупныхъ операцій.

— Да онъ говоритъ, что городъ одинъ и во время набора не покроетъ ему убытковъ прежняго времени, а что рекрутскіе этапы все больше въ помѣщичьихъ селеніяхъ.

Губернаторъ понялъ, въ чей огородъ бросаютъ камешки, и позеленѣлъ отъ досады.

— Что жъ мнѣ дѣлать? сердито вскрикнулъ онъ:— чего нельзя, того нельзя! А денегъ я не могу ему отдать теперь.

— Какъ будетъ угодно вашему превосходительству, хладнокровно отвѣчалъ правитель: —только не было бы вамъ непріятностей,—мой долгъ доложить.

— Что такое? спросилъ Муходавлевъ испуганнымъ голосомъ.

— Да вѣдь у откупщика въ рукахъ сохранная росписка вашего превосходительства, такъ не представилъ бы онъ ее министру.

Муходавлевъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и едва могъ выговорить.

— Онъ этого не сдѣлаетъ: это будетъ подло.

Правитель канцеляріи тихо засмѣялся.

— И, помилуйте-съ, отвѣчалъ онъ: — отъ этого народа можно всего ожидать! Вѣдь докладывалъ я тогда-съ: не давайте на себя росписки,—такъ нѣтъ, изволили дать, — изволили сказать, что безъ росписки этотъ заемъ будетъ имѣть видъ взятки.

— И теперь тоже скажу, сердито перебилъ губернаторъ:— я не зналъ, что откупщикъ такой подлецъ.

Надо сказать, что хотя въ тотъ день, когда правитель канцеляріи привезъ Муходавлеву деньги отъ откупщика, съ него и не взяли росписки; но на другой день правитель постарался подстрекнуть совѣсть Александра Павлыча, и безъ того взволнованную займомъ, къ тому разсужденію, что заемъ денегъ у откупщика губернаторомъ, и безъ письменнаго обязательства, весьма похожъ на взятку. Слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что губернаторъ почти насильно принудилъ откупщика взять съ него росписку. Правитель, разумѣется, повидимому очень противился дачѣ этого документа. Откупщикъ, получивъ росписку, заплатилъ приличный кушъ и своему агенту, правителю канцеляріи.

Теперь только очнулся Муходавлевъ и увидѣлъ, что онъ сдѣлалъ величайшую глупость; хитрый правитель постарался еще попапугать своего начальника.

— Да, оно такъ-съ, отвѣчалъ онъ ему: — конечно, заемное обязательство благовидно; но вѣдь дѣло въ томъ, что онъ навѣрно отошлетъ росписку-то министру; такъ тогда, хоть и нельзя къ вамъ по закону придраться, все-таки будетъ это весьма непріятно.

— Такъ, такъ, конечно непріятно, бормоталъ Муходавлевъ, бѣгая изъ угла въ уголъ:—какъ же бы это устроить? обратился онъ наконецъ къ правителю канцеляріи.

— Какъ вамъ угодно, ваше превосходительство, а я не вижу другаго средства, какъ перемѣнить маршрутъ согласно желанію откупщика: тогда торговля его пойдетъ лучше, такъ онъ и долга требовать не станетъ.

— А росписка? быстро спросилъ Муходавлевъ.

— Постараюсь и ее взять-съ, отвѣчалъ правитель, которому обѣщать что нибудь и не исполнить, ровно ничего не стоило.

— Какъ же это устроить? какія же причины выставить перемѣны этаповъ? говорилъ въ раздумьи Александръ Павлычъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, ужь это мое дѣло: поговорю съ исправникомъ, тотъ и велитъ гдѣ нибудь по близости мостъ сломать; вотъ и надо будетъ кругъ дѣлать, пояснилъ правитель.

— Да все-таки какъ же это? куда ихъ будутъ водить? все добивался объясненія Муходавлевъ.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, развѣ это въ первый разъ-съ? Не извольте безпокоиться: я самъ напишу и маршрутъ и всѣ нужныя бумаги, а исправникъ донесетъ, что провалился мостъ; еще подрядчики строительной коммиссіи спасибо скажутъ: всѣмъ будетъ выгодно-съ.

— Будто? спросилъ Муходавлевъ недовѣрчиво.

— Ужь будьте покойны, ваше превосходительство: за то берусь, что всѣ будутъ довольны.

— Ну, а когда это сдѣлаетъ пользу ввѣренной мнѣ губерніи, то дѣлайте, что̀ хотите, — я вамъ разрѣшаю, гордо проговорилъ губернаторъ, очень довольный тѣмъ, что представился удобный случай замазать дурной поступокъ софизмомъ.

«Слава Богу», подумалъ правитель, «теперь сдерну съ откупщика тысячу-другую!»

Правитель канцеляріи началъ откланиваться.

— Постойте, постойте, торопливо вскрикнулъ Муходавлевъ: — еще не все, — у меня къ вамъ есть просьба, любезно прибавилъ онъ.

«Знаю, какая, любезный», подумалъ правитель.

— Чего изволите, ваше превосходительство? съ готовностью проговорилъ онъ вслухъ.

— Да обыкновенно, чего намъ всѣмъ теперь угодно, — денегъ! объявилъ Муходавлевъ, смѣясь и краснѣя.

Правитель канцеляріи состроилъ удивленную рожу.

— Помилуйте-съ, проговорилъ онъ: — давно ли вы изволили занять у откупщика десять тысячъ?

— Фю, фю, фю, почтеннѣйшій! засвисталъ Муходавлевъ: — изъ этихъ денегъ врядъ ли у меня наберется теперь тысячи четыре!

— Какъ же это такъ скоро, ваше превосходительство?

— Увы, *noblesse oblige*, со вздохомъ отвѣчалъ Александръ Павлычъ: — далъ балъ, далъ два обѣда, гдѣ былъ весь міръ, вся губернія, — пояснилъ онъ, — кой-какія вещи купилъ, браслеты для одной дамы, мебель, драпри, — вотъ вамъ и все.

— Трудно жить въ высшемъ кругу, ваше превосходительство, замѣтилъ правитель.

— Еще какъ трудно-то! съ особенною жалостью вскрикнулъ Муходавлевъ: — вы не повѣрите, но бываютъ иногда такія минуты, что отказался бы отъ всего!

Муходавлевъ граціозно закрылъ глаза рукою: онъ выучился этому жесту у бѣловодскихъ барынь.

— Такъ денегъ, денегъ! вскрикнулъ онъ полушутливо, полусерьёзно, какъ будто очнувшись отъ тяжелаго сна.

Правитель канцеляріи задумался и машинально началъ ковырять въ носу; Муходавлевъ только плюнулъ, отвернувшись отъ этакихъ маперъ его ближайшаго чиновника, однако ничего не сказалъ.

— Что же? какъ же денегъ-то бы достать? приставалъ онъ.

— Да ужь не знаю какъ, ваше превосходительство, въ раздумьи отвѣчалъ правитель: — развѣ вотъ какъ? теперь наборъ, такъ Рыкова поприжать?

Муходавлева въ жаръ бросило отъ словъ правителя: давно ли онъ былъ такой гордый и неприступный губернаторъ, что съ нимъ и говорить-то не всякій смѣлъ, а теперь ему уже дѣлаютъ

предложенія на подъяческія продѣлки! Кромѣ того, онъ вспомнилъ свои отношенія къ Аннѣ Ивановнѣ Рыковой и нашелъ, что ему прижимать ея мужа и невыгодно.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! воскликнулъ онъ въ отвѣтъ на предложеніе правителя: — какъ это можно! Это будетъ низко. Да притомъ я совсѣмъ не въ такихъ отношеніяхъ съ Рыковымъ, чтобы вредить ему!

— Ну-съ, такъ можно нажать рекрутское присутствіе, продолжалъ правитель, нисколько не смущаясь замѣчаніемъ Муходавлева о подлости его перваго предложенія.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ,—въ рекрутскомъ присутствіи мошенничаютъ, замѣтилъ Муходавлевъ: — надо это искоренить, непремѣнно надо! Знаете что? обратился онъ къ правителю: — напишите-ка рекрутскому присутствію предложеніе, какъ можно построже, поэнергичнѣе, даже и колкости въ ходъ пустите, что вотъ дескать до свѣдѣнія моего дошло, что въ рекрутскомъ присутствіи совершаются разныя беззаконія и такъ далѣе: вы уже знаете, какія я бумаги люблю.... Ну, а прижимать ихъ не въ моемъ характерѣ!

— Слушаю-съ, напишу-съ построже, отвѣчалъ правитель, а самъ подумалъ:

— Слава Богу, теперь и съ рекрутскаго присутствія сдерну.

— Что же на счетъ денегъ? опять заговорилъ Муходавлевъ о предметѣ, интересовавшемъ его больше всякихъ почестій губернскаго рекрутск го присутствія.

— Да есть тутъ, ваше превосходительство, дѣло.... да не знаю, какъ бы это сдѣлать, нерѣшительно проговорилъ правитель.

— Что такое? что такое? поспѣшно проговорилъ Муходавлевъ.

— Да вотъ какое дѣло, ваше превосходительство, началъ правитель канцеляріи:—есть здѣсь богатый купецъ-жидъ Янкель; у этого Янкеля есть дочь, которая влюбилась въ русскаго купца, да и тотъ также хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Вотъ дѣвка-то и бѣжала отъ отца къ одному здѣшнему чиновнику почтоваго вѣдомства, старику. Теперь весь кагалъ жидовскій взбунтовался, не хотятъ допустить ее до замужества.

— Ну, что жь? спросилъ Муходавлевъ....

— Такъ тутъ, ваше превосходительство, можно упереться на то, что дочь бѣжала отъ отца, можно даже будетъ вывести такъ, что какъ будто бы этотъ почтовый чиновникъ сманилъ ее.

Александръ Павлычъ задумался.

— Янкель человѣкъ богатый, продолжалъ правитель, видя, что Муходавлевъ молчитъ: — у него можно занять пока деньжонокъ–съ.

Правитель канцеляріи, какъ видитъ читатель, начинаетъ фамильярничать съ своимъ начальникомъ.

— Пусть же подаетъ мнѣ просьбу: я сейчасъ распоряжусь, объявилъ наконецъ Муходавлевъ послѣ нѣкоторой внутренней борьбы.

— Сію секунду-съ, живо доложилъ правитель, у котораго въ квартирѣ дожидался жидъ Янкель. — Сколько же вамъ угодно занять? спросилъ онъ.

— Да тысячи двѣ рублей пока довольно, краснѣя отвѣчалъ Александръ Павлычъ.

«Ишь, загребистая лапа какая!» подумалъ правитель и вздохнулъ отъ зависти.

— Только я.... уже ... росписки не дамъ, заикаясь, проговорилъ губернаторъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, на что же эти росписки? воскликнулъ правитель: — вѣдь вы изволите сами знать, что я всегда противъ этихъ письменныхъ документовъ. Правитель канцеляріи быстро исчезъ.

Черезъ четверть часа въ кабинетъ Муходавлева вошелъ рыжій старикъ, жидъ Янкель и подалъ ему просьбу. Правителя съ жидомъ не было: онъ былъ человѣкъ опытный.

Муходавлевъ, принимая прошеніе, почувствовалъ въ немъ сильное приложеніе и покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Вслѣдствіе своего смущенія, онъ поспѣшилъ спровадить жида, обѣщавъ ему немедленное исполненіе его желаній. Жидъ, низко кланяясь, ушелъ.

Александръ Павлычъ заперъ двери на ключъ и развернулъ просьбу; въ ней было завернуто ровно двѣ тысячи рублей, которые онъ спряталъ въ бюро, глубоко вздохнувъ и горько подумавъ: «Тяжела ты, свѣтская жизнь!»

Только что онъ убралъ деньги и отперъ двери, въ кабинетъ почти влетѣлъ правитель канцеляріи.

— Сейчасъ же пошлите частнаго пристава взять эту жидовку отъ почтоваго чиновника и отвести ее къ отцу, съ котораго въ полученіи ея взять росписку, приказалъ онъ правителю.

«Ну, добро, теперь распоряжайся», подумалъ правитель: «хоть, я знаю, ты тутъ ничего не сдѣлаешь, да деньги-то у меня въ карманѣ, да и самъ почти взятку взялъ. Теперь будешь у меня въ рукахъ!»

Однако ничего такого вслухъ не сказалъ правитель, а ограничился однимъ «слушаю-съ», и пошелъ распоряжаться согласно приказанію губернатора.

Правитель канцеляріи былъ правъ: распоряженія, столь грозно начатыя, не удались молодому губернатору.

Черезъ часъ послѣ его бесѣды съ правителемъ къ нему явился почтовый чиновникъ, пріютившій еврейку. Это былъ старикъ такой наружности, которая ясно доказывала, что его запугать довольно мудрено.

— Вы прислали въ мой домъ полицію, ваше превосходительство, чтобы взять еврейку, которая живетъ у меня, началъ чиновникъ, почтительно кланяясь.

Муходавлеву пришла несчастная мысль съ-разу оборвать чиновника и такимъ образомъ выиграть сраженіе.

— Да, я послалъ полицію, гордо заговорилъ онъ: — и ручаюсь вамъ, что я васъ подвергну страшной отвѣтственности за пристанодержательство бѣглой дочери, которую требуетъ отецъ.

Чиновникъ молчалъ: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; молчаніе это черезчуръ расхрабрило Александра Павлыча, который очень любилъ похорохориться надъ молчаливымъ. Онъ произнесъ старику весьма сильное увѣщаніе, оканчивавшееся громогласнымъ и рѣшительнымъ приказомъ:

— Извольте сейчасъ же возвратить ее отцу, или я съ вами раздѣлаюсь посвоему!

Но старикъ ждалъ только конца рѣчи, чтобы отвѣчать Муходавлеву. Безъ малѣйшаго смущенія, очень твердо и спокойно онъ началъ такую рѣчь.

— Вы напрасно на меня кричали, ваше превосходительство. Выслушайте меня. Какое вы право имѣете подозрѣвать меня, честнаго человѣка, старика, въ подлости, въ покражѣ дочери отъ отца?

— Да она у васъ? возразилъ Муходавлевъ, уже потише и помягче.

— Это ничего не значитъ: въ законѣ сказано, что всякій обязанъ оказывать покровительство нехристіанамъ, желающимъ

принять христіанскую вѣру, я ей и оказываю покровительство въ своемъ домѣ, въ домѣ женатаго старика!...

Александръ Павлычъ началъ переминаться и переступать съ ноги на ногу.

— Потомъ, какъ вы можете, ваше превосходительство, запретить мнѣ крестить эту еврейку? продолжалъ чиновникъ еще настойчивѣе.

Муходавлевъ потерялся....

— Ахъ, Боже мой, вы уже затѣваете исторію, сказалъ онъ, чтобы сколько нибудь успокоить расходившагося старика:—вѣдь я васъ призвалъ только для того, чтобы отъ васъ самихъ узнать, въ чемъ тутъ дѣло?

— Ровно ничего тутъ нѣтъ дурнаго, ваше превосходительство, отвѣчалъ старикъ: — дочь Янкеля захотѣла креститься, я принялъ ее къ себѣ и завтра же крещу и выдамъ замужъ; попробуйте мнѣ не позволить сдѣлать этого! докончилъ нѣсколько насмѣшливо неуступчивый старикъ.

Муходавлева даже потъ прошибъ отъ душевнаго волненія; онъ долго ходилъ молча, наконецъ остановился передъ чиновникомъ, насмѣшливо на него глядѣвшимъ.

— Слушайте, сказалъ онъ ему: — я позволяю вамъ крестить эту еврейку....

— Покорно благодарю, отвѣчалъ старикъ, насмѣшливо улыбаясь....

— Только нельзя ли ее окрестить нынче же, сейчасъ же? продолжалъ Александръ Павлычъ, хватая старика чиновника за руку: — вы меня этимъ чрезвычайно обяжете: ко мнѣ пристаетъ весь жидовскій кагалъ, такъ пусть это ужь скорѣе кончится.

— Извольте, отвѣчалъ чиновникъ: — и для меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: я сейчасъ же поѣду и улажу это дѣло.

— Съ Богомъ, поѣзжайте, любезно проговорилъ Муходавлевъ, провожая старика до самыхъ дверей.

Черезъ два часа онъ получилъ отъ чиновника записку, что еврейка уже окрещена, и впалъ въ раздумье.

«Отдать Янкелю деньги, или нѣтъ?» думалъ онъ, ходя по кабинету, — «отдать, или не отдавать?»

— Впрочемъ, что же тутъ? рѣшилъ онъ наконецъ: — вѣдь это взаймы взято, такъ отдамъ когда нибудь; если бы это была взятка, тогда другое дѣло....

Онъ задумался.

Только-что почтовый чиновникъ уѣхалъ отъ Муходавлева, какъ къ его превосходительству явились братья-гастрономы съ описаніемъ горестей, постигшихъ Ивана Михайлыча.

Разумѣется, прямаго пособія Муходавлевъ не могъ сдѣлать Ивану Михайлычу: самъ всегда почти сидѣлъ безъ денегъ, а если и имѣлъ ихъ, то былъ тоже мастеръ проживать. За то онъ сейчасъ приказалъ написать секретно исправнику, чтобы онъ какъ можно медленнѣе производилъ нужныя взысканія, чтобы протянуть дѣло это до тѣхъ поръ, пока Иванъ Михайлычъ достанетъ денегъ.

Кстати замѣтимъ, что черезъ двѣ недѣли Иванъ Михайлычъ досталъ у какого-то полоумнаго барина три тысячи рублей; но глупому сыну не въ помощь богатство: эти три тысячи не пошли на уплату долговъ, а были прожиты и проѣдены. Бѣдная Анна Николаевна не осушала глазъ, потому что всѣ имѣнія были описаны и долженствовали быть скоро проданы.

ГЛАВА XII.

Между тѣмъ приготовленія къ благородному спектаклю шли своимъ чередомъ. Одно было нехорошо: добровольныя актрисы повадились ежедневно мѣнять пьесы, въ которыхъ онѣ должны были участвовать. Такъ напримѣръ Анна Ивановна Рыкова, выбравшая для себя сначала главную роль въ «Водевилѣ съ переодѣваніемъ», закапризничала по наущенію князя Чепухинскаго, которому хотѣлось для себя непремѣнно самую эффектную комическую роль, и потребовала, чтобы кромѣ этого водевиля играли еще и «Буку». Глядя на нее, капризничали и другія, чтобы доказать, что и онѣ тоже барыни—могутъ капризничать, сколько ихъ душѣ угодно. Наконецъ, послѣ долгихъ передѣлываній, всѣ, кромѣ Анны Ивановны, возвратились къ благоразумной уступчивости и поручили князю написать аффишу, которая вышла очень длинна. Князь написалъ, губернаторъ утвердилъ и на утро въ жидовской типографіи, на тончайшей почтовой бумагѣ, печаталось во всеобщее свѣдѣніе, что «съ дозволенія начальства благородными любителями сценическаго искусства будетъ дано». (Точка въ подлинникѣ). Затѣмъ напечатано было какимъ-то египетскимъ шрифтомъ: «благородный спектакль» и наконецъ: «содержаніе онаго». Содержаніе было самое разнообразное: да-

вали «Буку» въ двухъ дѣйствіяхъ, «Чиновника» въ одномъ и наконецъ все-таки «Полковника старыхъ временъ», за котораго очень хлопоталъ самъ полковникъ Тычкинъ. Его очень занимало, какъ это его жена, полковница въ натурѣ, будетъ на сценѣ настоящимъ полковникомъ? «Водевиль съ переодѣваньемъ» оставили на другой спектакль, а вмѣсто него положили поставить живыя картины. Мы застаемъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа въ театрѣ, утромъ, съѣхавшихся на одну изъ многочисленныхъ репетицій.

Театръ былъ такой, какимъ вообще долженъ быть провинціальный театръ, то есть: малъ, грязенъ, тѣсенъ, неудобенъ, вездѣ сквозитъ и отовсюду дуетъ, всего только двѣ капуры вмѣсто уборныхъ, такъ что кавалеры, участвовавшіе въ спектаклѣ, должны были одѣваться въ сыромъ подвалѣ, бывшемъ подъ театромъ. Однимъ только бѣловодскій театръ отличается отъ всѣхъ остальныхъ театровъ въ мірѣ: въ немъ два ряда ложъ и ни въ одной, кромѣ губернаторской, нѣтъ ни стула, ни даже скамейки, чтобы присѣсть: бравшіе ложу должны были присылать въ нее свою мебель, если не желали стоять на ногахъ во все время спектакля.

Сцена была освѣщена нѣсколькими стеариновыми огарками, горѣвшими тамъ и сямъ, а въ томъ числѣ и въ оркестрѣ, гдѣ передъ пюпитромъ стояли и сидѣли невыспавшіеся и невыбритые музыканты съ вертлявымъ капельмейстромъ въ серединѣ. На сценѣ сидѣли, ходили, говорили, наконецъ мечтали вдвоемъ и кой о чемъ молчали всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ и кромѣ ихъ, разумѣется, Муходавлевъ и князь Таракановъ.

Шумъ и крикъ на сценѣ былъ ужасный: спорили и кричали о томъ, какія живыя картины поставить на первый спектакль, и оралъ громче всѣхъ, разумѣется, князь Чепухинскій. Муходавлевъ сидѣлъ рядомъ съ Рыковой и не принималъ почти никакого участія въ спорѣ; за то князь Таракановъ, котораго предмета, *M-me* Таубе, не было въ театрѣ, хлопоталъ изо всѣхъ силъ и конечно вертѣлся все больше около Баламутовой.

— Какія же картины-то поставимъ? кричалъ Чепухинскій: рѣшайте, *mesdames*, — вѣдь уже первый часъ, пора бы за репетицію приниматься.

— Я предлагаю поставить море, на морѣ тихо качается гондола, а въ гондолѣ гондольеръ съ своей прекрасной, предложилъ подполковникъ Язычинскій, взятый въ труппу на амплуа

фатовъ:—я буду гондольеромъ съ вами, шепнулъ онъ почти на ухо хорошенькой Тычкиной. Та, разумѣется, покраснѣла и довольно безцеремонно объявила подполковнику:

— Ахъ, отвяжитесь пожалуйста; развѣ я лучше васъ не найду?

Язычинскій проглотилъ пилюлю и отошелъ прочь, ворча сквозь зубы:

— Провинціализмъ, — нечего и сердиться!

— Какъ же это быть-то? горестно объявилъ Чепухинскій;— какую же картину-то бы поставить?

— Ставьте, князь, историческую, разумѣется историческую, кричалъ Таракановъ.

Баламутовой, а вслѣдъ за нею и всѣмъ понравилась эта мысль, и всѣ закричали: «историческую, историческую!»

— Ну, хорошо, историческую, отвѣчалъ князь:—да кто же изъ насъ исторію-то знаетъ?

Всѣ замолчали и переглянулись другъ съ другомъ.

— Я знаю исторію, вызвался Котовъ.

Всѣ какъ-то особенно радостно посмотрѣли на него; Котовъ задумался.

— Ивана Грознаго, можетъ? промолвилъ онъ въ раздумьи.

— Подите вы съ Грознымъ, объявилъ князь Чепухинскій:— намъ нужно картину съ женщинами.

Котовъ опять задумался; но сколько ни думалъ, все ничего придумать не могъ.

— Муходавлева надо спросить, шепнула Тараканову Варвара Петровна Баламутова, которой завидно было, что Рыкова исключительно завладѣла молодымъ губернаторомъ: — надо разорвать этотъ приторный *tête-à-tête*, дополнила она, насмѣшливо указывая на нихъ глазами.

— Какъ вы злы, *M-me Balamoutoff*, промолвилъ любезный адъютантъ и привелъ своимъ замѣчаньемъ Варвару Петровну въ особенный восторгъ: провинціальныя барыни очень еще любятъ, когда ихъ находятъ злыми, а Варвара Петровна была совершенная провинціальная барыня.

Муходавлевъ былъ оторванъ отъ приковавшей его легкомысленное сердце Рыковой и потребованъ на совѣтъ; надо было призадуматься надъ вопросомъ объ исторической картинѣ, и Александръ Павлычъ дѣйствительно призадумался.

— Развѣ не поставить ли, *mesdames*, Марію Стюартъ, идущую на казнь? нерѣшительно спросилъ онъ.

— Прекрасно, прекрасно, закричали всѣ: Марію Стюартъ, Марію Стюартъ!

— Кто же будетъ Маріей Стюартъ? вмѣшался князь.

Всѣ замолчали и начали переглядываться.

— Я не хочу, объявила Баламутова:—у меня и такъ трудная роль.

Настоящая же причина отказа ея была не трудность роли, а просто нежеланіе явиться въ картинѣ блѣдной, разстроенной, каковою должна была быть Марія Стюартъ въ минуту своего шествія на казнь.

Рыкова тоже отказалась, по той причинѣ, что эта роль была не по ней; ей надо было что нибудь пожгучѣй и пострастнѣй.

Наступило опять молчаніе, всѣ потупили головы и не видѣли того, что въ глазахъ Марьи Петровны ясно было видно страстное желаніе взять на себя эту роль.

— Да вотъ вы, Александра Николаевна, отчего не возьмете этой роли? обратился Таракановъ къ Тычкиной.

— Да что это за Марія Стюартъ? спросила въ недоумѣніи хорошенькая полковница.

Муходавлевъ и князь Таракановъ почли долгомъ переглянуться и закусить губы.

— Какъ, кто Марія Стюартъ? переспросилъ удивленный князь. — Королева....

— Какъ? королева? вскрикнула Тычкина: — и ее казнятъ?

— Ну, да, отвѣчалъ еще болѣе удивленный князь.

— Какъ можно! мужъ мой узнаетъ, ни за что не позволитъ.... Это вѣрно изъ французской революціи, пояснила полковница, получившая образованіе въ одномъ изъ бѣловодскихъ пансіоновъ.

Всѣ захохотали,—не выдержали; Тычкина немножко обидѣлась и удалилась къ кулисѣ.

Какъ ни крѣпилась Марья Петровна, какъ ни толковалъ ей природный голосъ, что ей быть въ роли Маріи Стюартъ, идущей на казнь, очень смѣшно, но все-таки причивная способность взяла въ ней верхъ надъ природой и она предложила свои услуги. Вся труппа переглянулась довольно насмѣшливо, однако приняла услуги Марьи Петровны; режиссеръ князь Чепухинскій попробовалъ-было воспротивиться назначенію Марьи

Петровны въ Маріи Стюартъ, но былъ встрѣченъ такимъ сильнымъ неудовольствіемъ и даже упреками со стороны Марьи Петровны, что принужденъ былъ немедленно замолчать.

Начали выбирать другихъ дѣйствующихъ лицъ живой картины. Помѣщикъ Подмахацкій юлилъ изъ одного конца въ другой, совался отъ князя Чепухинскаго къ Баламутовой, отъ ней къ Муходавлеву и такъ далѣе ко всѣмъ актерамъ и актрисамъ и сюсюкалъ что было у него силы:

— Меня пожалуйста, приклеите какъ нибудь въ эту картину: у меня уже и костюмъ есть.

Николай Александрычъ Подмахацкій былъ весьма скупъ, хоть и любилъ поаристократничать. Онъ сшилъ себѣ въ прошлую зиму, тоже къ благородному спектаклю, богатый костюмъ французскаго маркиза временъ Людовика XV, костюмъ, который ему обошелся ровно въ двѣсти рублей серебромъ. Жаль было Николаю Александрычу сдѣлать костюмъ для одного раза, и онъ придумалъ облечься въ него другой разъ—къ откупщику на дѣтскій маскарадъ, гдѣ всѣ взрослые, кромѣ Николая Александрыча, были одѣты почеловѣчески. И проюлилъ Николай Александрычъ весь дѣтскій балъ въ шутовскомъ одѣяніи, весьма довольный собой и тѣмъ, что костюмъ онъ сдѣлалъ уже не для одного раза. Однако и этого ему казалось мало: костюмъ при осмотрѣ оказался новешенекъ. Вотъ почему Николай Александрычъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, какъ бы ему придраться къ случаю и напялить его на себя еще въ третій разъ.

— Возьмите же и меня въ эту картину: у меня уже и костюмъ, хорошій костюмъ есть, приставалъ онъ въ сотый разъ къ губернатору, стоявшему рядомъ съ княземъ Таракановымъ.

— Какой это костюмъ? тотъ, что вы въ прошломъ году себѣ сдѣлали? спросилъ Александръ Павлычъ.

— Ну да, ну да, отвѣчалъ обрадованный Подмахацкій, да и какъ онъ идетъ ко мнѣ, прелесть!

— Да вѣдь это костюмъ временъ Людовика XV-го? переспросилъ удивленный Муходавлевъ.

— Ну, чтожь! сказалъ Подмахацкій, еще болѣе удивленный неожиданною придиркою, и вытаращилъ на него глаза: — ну, чтожь, что Людовика! — Какого бы тамъ ни было, что же такое?

И Муходавлевъ, и князь безъ церемоніи захохотали. Подмахацкій не зналъ, обидѣться ему или смѣяться вмѣстѣ съ ними,—

наконецъ рѣшился на послѣднее и захохоталъ. Это добродушіе спасло его.

Муходавлевъ началъ было доказывать невозможность появленія французскаго маркиза конца XVIII-го столѣтія при казни Маріи Стюартъ; но князь Таракановъ, тронутый незлобивымъ добродушіемъ Николая Александрыча, а можетъ быть и по внушенію своего насмѣшливаго петербургскаго сердца, вступился за Подмахацкаго и его великолѣпный костюмъ и уговорилъ Муходавлева допустить его въ живую картину въ видѣ маленькаго анахронизма.

— Да и кто здѣсь разберетъ этотъ анахронизмъ? добавилъ князь въ видѣ послѣдняго аргумента.

— Ну да, подоспѣлъ на помощь князю самъ анахронизмъ:— кто здѣсь что нибудь разберетъ? И анахронизмъ состроилъ презрительную гримасу, самъ не понимая, почему бы нельзя ему быть въ картинѣ въ костюмѣ XVIII-го вѣка.

— Да вотъ,— писатели у меня въ губерніи развелись, съ неудовольствіемъ проговорилъ Муходавлевъ.

— Э, *mon Dieu*, вскрикнулъ князь Таракановъ: — охота же вамъ обращать вниманіе на всякую дрянь — на писателей!

— *C'est vrai, mon prince, c'est vrai*, подоспѣлъ опять Подмахацкій: — эти писатели все отчаянный *mauvais genre*.

Муходавлевъ улыбнулся и, объявивъ Подмахацкому, что вся вина въ скандалѣ, если кто нибудь изъ доморощенныхъ писателей замѣтитъ анахронизмъ въ живой картинѣ, падетъ на него, Падмахацкаго, разрѣшилъ ему явиться передъ публикой въ третій разъ въ костюмѣ, который такъ дорого ему стоилъ и такъ хорошо къ нему шелъ.

— Другая какая же будетъ картина? спросилъ Муходавлевъ у всѣхъ участвующихъ.

Начались опять споры, которые рѣшились предложеніемъ князя Чепухинскаго.

— Знаете что, господа? крикнулъ князь Петръ Петровичъ:— давайте, устроимъ цыганскій таборъ, да съ пѣснями, со всѣми операми! Пропоемъ плясовую, да кстати и весь цыганскій репертуаръ дерпемъ.

Всѣмъ понравилось предложеніе, но приведеніе этого проэкта въ исполненіе представляло тьму препятствій.

— Кто же пѣть будетъ? спросилъ князь Таракановъ, у котораго всѣ жилки уже заходили отъ одного намека на поющій цыганскій таборъ.

— Какъ кто? отвѣчалъ князь Петръ, — я запѣвалой.

— Да все-таки мало, замѣтилъ губернаторъ.

— Пѣвчихъ семинаристовъ выпросимъ, а у предсѣдательши Кобылкиной выпросимъ воспитанницъ изъ пріюта: она вѣдь тамъ начальница.

— А когда такъ, такъ разумѣется это будетъ хорошо, замѣтилъ губернаторъ.

— Грандіозно, ваше превосходительство, грандіозно! отвѣчалъ легко-воспламенившійся отъ своихъ изобрѣтеній князь Чепухинскій: — вообразите себѣ, разложимъ бенгальскій огонь середи сцены, таборъ кругомъ, медвѣдя, чортъ возьми, достанемъ!

— Неужели живаго? вскричала Баламутова: — *c'est affreux*!

— Ну, хоть и живаго, да только не медвѣдя, человѣка переодѣнемъ, съострилъ неумолимый комикъ князь Чепухинскій.

— Бандуревскаго возьмемъ въ медвѣди, пошутила Баламутова.

— О, нѣтъ, *pardon madame*, отозвался Муходавлевъ, охотникъ посмѣяться надъ отсутствующимъ другомъ и недругомъ: — Бандуревскій годится только въ верблюды; а вотъ я вамъ дамъ въ медвѣди славный сюжетъ: есть у меня стряпчій, — такъ не различите съ медвѣдемъ.

Всѣ захохотали, Богъ знаетъ чему, вѣроятно потому, что всякой губернаторской остротѣ необходимо должно смѣяться и удивляться все провинціальное аристократическое общество.

— Репетицію, репетицію начинать, крикнулъ князь Чепухинскій, вставая съ своего мѣста.

Началась репетиція, со всѣми принадлежностями благородной репетиціи, — капризами, обидчивостью, колкостями со стороны актриссъ, — безпрестаннымъ бѣганьемъ въ буфетъ, и еще болѣе частымъ, если это возможно, ухаживаньемъ за актрисами со стороны актеровъ, и пр. и пр. Ролей, разумѣется, почти никто не зналъ, суфлеръ лѣзъ изъ кожи, князь Чепухинскій волновался и шумѣлъ, — все, какъ слѣдуетъ.

Репетиція наконецъ кончилась ровно въ пять часовъ пополудни.

Всѣ дамы пристали къ князю Чепухинскому съ вопросомъ, когда можно будетъ давать спекталь?

— Рано, рѣзко отвѣчалъ сердитый князь:—еще ролей ни въ зубъ толкнуть не знаете?

Дамы захохотали: есть на свѣтѣ счастливцы, отъ словъ которыхъ, какъ бы дерзки они ни были, всегда смѣются.

— Нельзя ли завтра? шепнула на ухо Муходавлеву Анна Ивановна: она лучше всѣхъ играла, знала уже хорошо свою роль и ей хотѣлось немножко посадить, что называется, на мель своихъ пріятельницъ и соперницъ, особенно гордую Баламутову. Муходавлевъ, разумѣется, не заставилъ просить себя два раза и потребовалъ, чтобы спектакль былъ на другой день. Дамы, не понимавшія хитрости Рыковой и только съ нетерпѣніемъ ждавшія случая разодѣться въ пухъ и прахъ и поразить зрителей, если не талантами, которыхъ природа не дала, но ужь навѣрно прелестью и дороговизной своихъ, нарочно сдѣланныхъ для одного раза костюмовъ, — дамы бросились поддерживать предложеніе и чуть-чуть было не побѣдили воинственнаго князя Чепухинскаго. Однако онъ спасся и спасъ отъ окончательнаго паденія спектакль, но только потому, что Марья Петровна объявила, что у ней неготово еще платье для роли Маріи Стюартъ. Спектакль, волей или неволей, должны были отложить еще на три дня.

— Только уже непремѣнно черезъ три дня, не позже, — сказалъ Муходавлевъ, раскланиваясь съ труппой и особенно нѣжно прощаясь съ актрисами. — Вы, князь, посылайте завтра же съ утра разносить аффиши, обратился онъ къ Чепухинскому. — Да, кстати, отошлите полицмейстеру билетовъ съ сотню: я велю раздать ихъ какъ можно больше. — Надо, чтобы всѣ участвовали въ благотворительномъ предпріятіи.

— Ахъ, *quelle horreur!* запищали всѣ актрисы: —набьются въ театръ всякіе жиды, бородачи....

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, успокоилъ ихъ князь Чепухинскій:—имъ только покажутъ билеты и возьмутъ деньги, а въ руки билетовъ не дадутъ; тамъ они себѣ, если хотятъ, могутъ въ раекъ идти.

— Натурально, рѣшилъ губернаторъ и, поклонившись еще разъ дамамъ, пошелъ было къ дверямъ вмѣстѣ съ Таракановымъ.

— Александръ Павлычъ! закричалъ ему вслѣдъ князь Чепухинскій.

— Что такое? спросилъ Муходавлевъ, оборотившись.

— Какъ вы прикажете, пускать намъ этихъ.... писателей-то въ театръ, или нѣтъ? Вотъ дамы противъ этого... говорилъ князь Чепухинскій.

Муходавлевъ сдѣлалъ самую кислую мину, какую только можно вообразить.

— Ужь эти мнѣ писатели! вотъ гдѣ они у меня сидятъ! сказалъ онъ, обращаясь къ князю Тараканову.

— Какъ хотите, Александръ Павлычъ, а мы не хотимъ пускать писателей, пищали барыни: — какая охота попасть въ печать!

— Да помилуйте, какая же тутъ печать? — началъ ихъ утѣшать князь Таракановъ: — вы навѣрно будете играть отлично, такъ чтожь тутъ, если и будутъ объ васъ писать?

— Э, нѣтъ, князь, нѣтъ! отвѣчали всѣ дамы хоромъ: — если бы вы, или вотъ Александръ Павлычъ писали, то это другое дѣло, намъ было бы это очень пріятно, — мы въ васъ увѣрены. Ну, а эти господа такіе.... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что....

Губернаторъ погрузился въ глубокую думу.

Да и было въ самомъ дѣлѣ чего задуматься: съ одной стороны, онъ терпѣть не могъ писателей, которыхъ во ввѣренной ему губерніи расплодилось въ послѣднее время весьма много; съ другой стороны, — какое право кто имѣетъ не пустить въ общественное мѣсто, въ театръ, прилично ведущаго себя человѣка, платящаго за свое мѣсто деньги?

— Надо ихъ обмануть, этихъ господъ, рѣшилъ онъ наконецъ: — если кто нибудь изъ нихъ придетъ за билетомъ, пусть говорятъ, что всѣ уже разобраны заранѣе, а я прикажу не пускать безъ билетовъ.

— Но вѣдь они могутъ кого нибудь подослать взять для себя билеты, вотъ и будутъ съ билетами, — горестно раздумывала Баламутова, которая питала сильное отвращеніе къ литераторамъ.

— Э, помилуйте, вскричалъ князь: — вотъ что значитъ быть женщиной, — ничего не смыслите въ дѣлахъ! Развѣ нельзя приказать, если сунется хоть одинъ писатель, надѣлать ему дерзостей, — вотъ и исторія; а за исторію не только вывести изъ театра, можно и въ полицію посадить... хоть и писателя.

— Именно такъ, объявилъ, улыбаясь, Муходавлевъ.

Всѣ засмѣялись и затѣмъ разъѣхались совершенно покойные.

На другой день была опять репетиція, но уже гораздо раньше началась и гораздо раньше кончилась, потому что была гораздо серьёзнѣе первой. Послѣ репетиціи былъ опять общій совѣтъ всѣхъ участниковъ, на которомъ единогласно положили командировать князя Чепухинскаго и подполковника Язычинскаго развозить билеты ко всѣмъ, бывшимъ на счету аристократовъ. Для вящшаго почета и для большаго побужденія губернскихъ аристократовъ къ щедрости, дамы поручили написать циркулярное воззваніе къ благороднымъ благотворителямъ и тутъ же подписали его пофранцузски, тоже для большей важности. Князь и подполковникъ побѣжали въ гостинницу, такъ какъ некогда было ѣхать обѣдать домой, и перехватили тамъ кой-чего. Князь, какъ первокласный талантъ на всѣ руки, все молчалъ и все ѣлъ, подполковникъ же ничего почти не ѣлъ, а все занимался своею спеціальностью: разсказывалъ небывалые случаи, бывшіе съ нимъ въ то время, когда онъ принадлежалъ къ самой высшей аристократіи въ имперіи.... Князь все слушалъ, да ѣлъ, даже не поддакивалъ; кончилось тѣмъ, что князь заставилъ хвастливаго подполковника заплатить за обѣдъ и за вино. Тотъ поморщился, однако для поддержанія своего аристократизма заплатилъ, и посланники поѣхали, разумѣется, прежде всего къ губернатору.

Любопытно было видѣть, какъ вся бѣловодская знать тянулась другъ передъ другомъ въ томъ, кто больше заплатитъ за билетъ, и, разумѣется, благотворительность, желаніе помочь бѣднымъ, не играли въ этой конкурренціи никакой роли, главная цѣль всѣхъ этихъ господъ была — выскочить передъ другими, бросить больше денегъ, чѣмъ другіе, слѣдовательно доказать свои преимущества въ денежномъ отношеніи и въ дворянскомъ благородствѣ.

Муходавлевъ принялъ посланниковъ весьма милостиво, поговорилъ съ ними о театрѣ вообще и о погодѣ въ особенности и, заплативъ за кресло 1-го ряда, набитое булыжникомъ, сто рублей серебромъ, отпустилъ пословъ съ миромъ. Отъ него послы направились къ князю Тараканову, который въ ту минуту былъ совсѣмъ почти безъ денегъ. Г-жа Таубе, какъ читатель, я думаю, уже и догадался, была весьма разорительный предметъ.

Князь Таракановъ сначала весьма тонко выспросилъ у гостей, у кого они были, и когда тѣ отвѣтили, то допросилъ также, сколько губернаторъ заплатилъ за свое кресло.

— Чтобъ чортъ его взялъ, этого Муходавлева, подумалъ князь, узнавъ, что тотъ далъ за билетъ сто цѣлковыхъ:—теперь и мнѣ надо давать по крайней мѣрѣ столько же.

И, нечего дѣлать, скрѣпя сердце, полѣзъ его сіятельство въ карманъ и отдалъ сто-рублевый кредитный билетъ, а въ карманѣ у него осталось всего пять цѣлковыхъ.

Вице-губернаторъ не считался аристократомъ, — ему и не повезли билета; за то повезли Бандуревскому и Рыкову; эти господа, осчастливленные наборомъ, конечно не поскупились, особенно нашъ старый знакомый Аркадій Аполлоновичъ Бандуревскій, который очень боялся того, чтобы его какъ нибудь не обнесли чаркой.

Онъ до того обрадовался, увидя посланниковъ, что вытаращилъ глаза, растопырилъ пальцы и не зналъ уже, что ему и дѣлать.

— Какая ужасная погода, *quel temps affreux*, началъ онъ: — а я былъ въ палатѣ, *dans la chambre; imaginez-vous*, намъ всѣмъ отказали въ наградахъ.... *je n'y comprends rien* — ничего не понимаю: все-таки *je suis* дѣйствительный статскій... *un général* по военной: звѣзда мнѣ необходима.

Гости, видя, что его превосходительство занесъ околесную, поспѣшили ему сунуть въ руку билетъ на ложу, такъ какъ онъ былъ человѣкъ семейный.

— *Qu'est ce que c'est?* спросилъ Бандуревскій.

— Это билетъ въ театръ на благородный спектакль, *mon général*, отвѣчалъ подполковникъ.

— А, билетъ, *un billet*, ложа, бормоталъ его превосходительство; — *c'est bien!* объявилъ онъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, спряталъ билетъ въ карманъ и опять понесъ свое, то есть объ отказѣ ему въ звѣздѣ.

Послы долго крѣпились, наконецъ не выдержали—попросили горестнаго генерала безъ звѣзды заплатить имъ деньги и отпустить ихъ дальше.

— *C'est vrai, c'est vrai*, нужны деньги, забормоталъ генералъ: — нужны деньги; генералъ задумался.

— А сколько вамъ давали за ложу? вдругъ спросилъ онъ у князя.

Тотъ объяснилъ его превосходительству, что они ни у кого кромѣ губернатора еще не были, а что губернаторъ заплатилъ за кресло сто рублей. Послы солгали, сказавъ для боль-

шаго почета Аркадію Аполлоновичу, что они не были даже у Тараканова.

Бандуревскій покраснѣлъ отъ радости и чуть-чуть не оборвалъ себѣ на шеѣ креста, поправляя его.

Лесть подѣйствовала, какъ нельзя лучше, — его превосходительство отправился въ свой кабинетъ и началъ отсчитывать деньги.

— Теперь наборъ, утѣшалъ самъ себя предсѣдатель, — безъ денегъ не буду сидѣть: дамъ двѣсти.

И дѣйствительно далъ двѣсти.

Николай Филипычъ Рыковъ принялъ гостей нѣсколько свысока, но все-таки довольно милостиво, и хотя онъ, такъ же какъ и Бандуревскій, былъ очень огорченъ отказомъ въ чинѣ, однако по благоразумію своему ни слова объ этой горести не упомянулъ, а трактовалъ все «объ матерьяхъ важныхъ», какъ-то: о наборѣ, объ упадкѣ нравственности въ молодыхъ людяхъ, наконецъ объ обѣдѣ запросто у начальства и о прочихъ серьёзныхъ дѣлахъ.

Кончивъ рацею, его высокородіе выбранилъ еще разъ молодыхъ людей и, освѣдомившись, что Бандуревскій заплатилъ за ложу двѣсти рублей, далъ посѣтителямъ двѣсти пятьдесятъ.

Посѣтители съ поклонами удалились, а управляющій заперся въ кабинетѣ, перечелъ оставшіяся у него деньги, поморщился и сейчасъ же послалъ за мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ, съ которымъ и имѣлъ конфиденціальный разговоръ.

Отъ Рыковыхъ послы поѣхали къ Баламутову, отъ котораго получили баснословную цѣну за ложу, цѣлыхъ пятьсотъ рублей.

— Дѣла не дурно идутъ, сказалъ князь Чепухинскій, влѣзая въ коляску.

— Сколько? спросилъ подполковникъ.

— Больше тысячи рублей, съ гордостью отвѣчалъ тотъ и направилъ свою колесницу къ Ивану Михайлычу.

Къ аристократіи, какъ мы уже видѣли, ѣздили особые полномочные и собирали съ нея добровольную, хотя и весьма значительную и тяжелую дань; съ плебеями поступали иначе, не столь церемонно.

Съ самаго ранняго утра отдано троимъ коммиссіонерамъ по тридцати пяти билетовъ каждому, а всего сто пять, и стро-

го приказано продать всѣ кругомъ по пяти цѣлковыхъ, и билеты въ цѣлости возвратить назадъ, потому что они должны были послѣ того вторично продаваться въ кассѣ театра.

Слѣдить за похожденіями всѣхъ этихъ коммиссіонеровъ будетъ не только черезъ-чуръ утомительно, но и безполезно.... Поѣдемъ съ знакомымъ уже намъ, Карпомъ Онуфричемъ Отпѣтымъ.

Прежде всего Карпъ Онуфричъ посмотрѣлъ на часы; оказалось девять часовъ утра.

«Завтракать еще рано», подумалъ онъ и направилъ свой путь въ ряды.

— Хозяинъ здѣсь? молодецки крикнулъ Карпъ Онуфричъ, входя въ крайнюю лавку богатаго русскаго купца, страшнѣйшаго плута и въ тоже время жидомора.

— Здѣсь, батюшка, Карпъ Онуфричъ! здѣсь, ваше высокоблагородіе, раздались разомъ голоса самого хозяина и всѣхъ прикащиковъ.

— Ну, здорово, борода; экъ-те брюхо-то расперло! пошутилъ Отпѣтый, давая порядочнаго тумака купцу въ животъ.

Купецъ радостно ухмыльнулся, потрепалъ свой животъ обѣими руками и, весело перемигнувшись съ прикащиками, самодовольно проговорилъ:

— Ништо таки, ваше высокоблагородіе, мамонъ-таки имѣемъ-съ.

Прикащики тоже почувствовали радость и ухмыльнулись, и не отъ одной остроты хозяина, но и отъ лицезрѣнія любимаго пристава, который умѣетъ такъ мило шутить, что невольно сердце лежитъ къ нему.

— Ну, братъ, мамонъ мамоном, а ты развязывай-ка мошну-то; а то ишь, говорятъ, она у тебя съ брюхо толщиной-то, лопнуть хочетъ!

Какъ ни непріятно было хозяину такое объявленіе полиціи, однако все-таки шутка частнаго взяла верхъ, и купецъ все-таки смѣялся.

— А чего вамъ требуется? спросилъ онъ, смѣясь, у частнаго пристава.

— Какъ чего? денегъ, вотъ чего, объявилъ частный приставъ.

— А это по чьему же будетъ распорядку, ваше высокоблагородіе? спросилъ купецъ.

— Эхъ ты, дурында роговна, вскричалъ частный приставъ, вторично оказывая купцу полицейскую ласку, въ видѣ доброй затрещины: — чей же можетъ быть распорядокъ, какъ ни полицейстера съ губернаторомъ?

— Такъ-съ, протянулъ купецъ: — а на счетъ чего, примѣрно сказать, это чинится?

— Борода-ты, посмотрю я, глупая, Парѳенъ Терентьичъ, ничего-то ты не смыслишь! Театръ, братецъ, будетъ въ пользу бѣдныхъ, пояснилъ Отпѣтый.

— Такъ-съ.... да это, ваше благородіе, не наша покупка; куда намъ съ суконнымъ-то рыломъ, да въ калашный рядъ.

— Ахъ ты дуралей, дуралей, куманекъ! отвѣчалъ Отпѣтый, съ соболѣзнованіемъ качая головой: — да развѣ тебя туда пустятъ? Ты только заплати за билетъ.

— Такъ, стало-быть, намъ туда сборки не будетъ? то-есть нашему обществу-то? радостно спросилъ купецъ.

— Какой чортъ! и билета не увидишь, только росписку дашь, успокоилъ его частный.

— Это можно, можно, ваше благородіе, отвѣчалъ просіявшій купецъ, подходя къ конторкѣ: — сколько же грошей-то треба? спросилъ онъ.

— Давай десять цѣлковыхъ, да и Богъ съ тобой, объявилъ частный.

— Что больно много, ваше благородіе?

— Ну, торгуйся, торгуйся еще, дуракъ, вѣдь на это такса...

— Гм.... такція-съ?... задумчиво промолвилъ купецъ: — въ нашей думѣ что-то не было слышно, чтобы писали такую такцію.

Частный захохоталъ, и купецъ захохоталъ, и прикащики, даже мальчишки, глядя на нихъ, захохотали.

— Ну, давай, братъ, деньги-то, — некогда! понукалъ пріставъ.

— Возьмите пять, ваше благородіе, нерѣшительно промолвилъ купецъ, отпирая конторку.

Частный приставъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Ну, восемь, ваше благородіе, поспѣшилъ набавить купецъ.

Частнаго дернуло еще пуще прежняго.

— Извольте, извольте, ваше благородіе, сказалъ купецъ, нарочно отыскавъ замасленую и разорваную десятирублевую бумажку и подавая ее частному приставу.

— Давно бы такъ, отвѣчалъ тотъ, пряча бумажку: — а то еще торговаться вздумалъ!

Купецъ-было приподнялъ шапку, въ надеждѣ, что частный приставъ уѣзжаетъ; однако, не тутъ-то было, частный приставъ все стоялъ.

— Что раскланиваешься-то? шутливо замѣтилъ Отпѣтый: — а магарычей не знаешь?

— Выносите, молодцы, кучеру ихъ благородія головку сахару, приказалъ купецъ прикащикамъ, которые бѣгомъ бросились исполнять приказаніе.

— На этомъ, братъ, спасибо, объявилъ Отпѣтый: — только, любезный, вѣдь это все дрянь, прилагательное, а ты мнѣ дай существительнаго-то!

Карпъ Онуфричъ выразительно протянулъ руку и посучилъ пальцами.

— Довольно будетъ, ваше благородіе, и сахарку-съ, нерѣшительно и какъ-то боязливо проговорилъ купецъ.

— Толкуй ты тамъ, иронически замѣтилъ Карпъ Онуфричъ: — а еще кумъ: стыдно, братъ.

Карпъ Онуфричъ Отпѣтый считалъ себя кумомъ всѣхъ зажиточныхъ купцовъ въ городѣ, даже евреевъ.

Кумъ точно почуствовалъ стыдъ и раскаяніе и вытащилъ изъ конторки трехъ-рублевый билетъ, на этотъ разъ новенькій.

Всепоглощающій карманъ Карпа Онуфрича проглотилъ и этотъ билетъ, и частный, распрощавшись съ хозяиномъ очень дружески, милостиво раскланявшись съ сидѣльцами, отправился далѣе.

— Хорошій человѣкъ, Карпъ Онуфричъ, замѣтилъ хозяинъ старшему прикащику, почесывая въ затылкѣ.

— Отмѣнный человѣкъ, поддакнулъ прикащикъ.

— Деретъ только здорово, замѣтилъ хозяинъ.

— Ништо-съ, на то служба-съ, отвѣчалъ прикащикъ.

Хозяинъ съ этимъ согласился и болѣе не было и рѣчи объ убыточномъ визитѣ господина Отпѣтаго.

— Славно, ей-Богу славно, развозить билеты на эти дворянскіе спектакли, подумалъ Отпѣтый: — хоть бы почаще дворяне играли.

Обойдя ряды и попользовавшись отъ всякаго и лишнею платою за билетъ, и благодарностію (конечно не въ той мѣрѣ, какъ въ первой лавкѣ: первый купецъ былъ особенный благодѣтель по-

лицейскій) Карпъ Онуфричъ Отпѣтый взобрался на свою плетеную тележку, запряженную крѣпкой парочкой, и рѣшась отправиться по купцамъ, не торгующимъ по лавкамъ, а живущимъ по домамъ, то есть къ тузамъ торговаго сословія, приказалъ везти себя къ почетному гражданину Плетенникову, который пользовался общимъ уваженіемъ въ городѣ и котораго полиція крѣпко побаивалась.

— Здравствуй, батюшка, здравствуй; гдѣ пошатался, какихъ вѣстей нахватался? встрѣтилъ Отпѣтаго такимъ привѣтствіемъ старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, средняго роста, съ бѣлыми волосами и бородой, но еще крѣпкій и бодрый на видъ. Это былъ самъ Плетенниковъ.

Карпъ Онуфричъ, да и никто, даже самъ полицмейстеръ, не смѣлъ фамильярничать со строгимъ и гордымъ своею истинно-честною (что у насъ въ торговлѣ рѣдкость) и полезною дѣятельностію старикомъ. Надо было видѣть, съ какимъ подобострастіемъ, съ какою почти рабскою угодливостью, частный приставъ бросился пожимать обѣими руками протянутую ему старикомъ руку.

— Ну, съ чѣмъ пожаловалъ? спросилъ старикъ; да, можетъ закусить хочешь?

Карпъ Онуфричъ отъ закуски, конечно, не отказался и старикъ громогласно приказалъ подать гостю выпить и закусить.

— Я къ вамъ, такъ сказать, по дѣлу, Петръ Парамонычъ, началъ частный приставъ.

— Постой, поѣшь прежде, а тамъ и за дѣла примешься, отвѣчалъ Плетенниковъ, перебивая частнаго пристава.

— Да дѣло-то нужное, заикнулся было Карпъ Онуфричъ.

— Не стану слушать, заупрямился капризный старикъ: — прежде моего хлѣба-соли поѣшь, такъ и будешь гостемъ моимъ.

— Да я не въ гости, Петръ Парамонычъ, я по дѣлу, возразилъ было частный приставъ.

— Ну, братъ, съ дѣлами я полиціи терпѣть не могу: у меня и съ дѣломъ будь гостемъ; а то вы по дѣламъ-то пріѣзжаете больно азартны.

Частный приставъ потупился и тихо засмѣялся.

Подали закуску. Частный приставъ налилъ двѣ рюмки и одну подалъ Плетенникову, кланяясь и приговаривая:

— Прежде хозяину-съ, Петръ Парамонычъ!

— Отстань, братецъ, что я, съума, что ли, сошелъ теперь пить? еще обѣдни поздніе не отошли, отвѣчалъ старикъ.

Частный приставъ выпилъ обѣ рюмки одинъ, повторилъ ихъ и съѣлъ все, что было подано.

— Ну, теперь говори, въ чемъ твое дѣло, объявилъ ему старикъ, видя, что гость уже пришелъ въ то состояніе, въ которомъ онъ любилъ полицейскихъ.—Ну, что тамъ у тебя?

Частный приставъ видимо пріискивалъ выраженій, чтобы начать щекотливый разговоръ о деньгахъ съ умнымъ старикомъ.

— Вы, сударь, Петръ Парамонычъ, человѣкъ умный, началъ онъ издалека и лестью: — вы не похожи на нашихъ дураковъ-бородачей, вы понимаете....

Старикъ насмѣшливо посматривалъ на Карпа Онуфрича и молча кланялся ему. Частному приставу сдѣлалось очень неловко отъ этого пытливаго и умнаго взгляда.

Онъ почуялъ, что лучше дѣло вести прямо, безъ увертокъ и объявивъ Плетенникову настоящую причину своего пріѣзда, протянулъ было къ нему уже и руку съ билетомъ; Петру Парамонычу не смѣли не дать билета.

— Стой, стой! сказалъ старикъ: — убери руку, да спрячь билетъ: не возьму.

— Какъ же это такъ? спросилъ изумленный приставъ.

— Да такъ,—не надо,—проваливай!

— Помилуйте, отчего же-съ, Петръ Парамонычъ?

— Оттого, что ты неучъ, Карпъ Онуфричъ, спокойно отвѣчалъ старикъ.

Частный приставъ чрезвычайно удивился.

— Нечего буркулами-то вертѣть, сказалъ старикъ построже, но все еще не сердясь: — неучъ ты: къ бородѣ пріѣхалъ, да еще бороды ругаешь.

— Да я не васъ Петръ Парамонычъ, началъ оправдываться частный приставъ.

— Еще бы ты меня-то! съ сердцемъ вскричалъ старикъ: — а ты знаешь, что я купецъ, такъ и товарищей моихъ не тронь. Пошелъ вонъ!

Частный приставъ, окончательно убитый оборотомъ, который приняло дѣло, задумался: ему не хотѣлось упускать добычи.

— Да, ну положимъ, Петръ Парамонычъ, я и неучъ, и все, что вамъ угодно, потому что я виноватъ передъ вами,—забылся,

да вѣдь я не своей волей къ вамъ пріѣхалъ, сказалъ онъ въ свое извиненіе.

— Отъ кого же это ты пріѣхалъ? насмѣшливо спросилъ Плетенниковъ.

— Полицмейстеръ прислалъ-съ.

— Такъ скажи ты и своему полицмейстеру, зачѣмъ дураковъ посылаетъ? самъ бы могъ пріѣхать ко мнѣ: деньги, братъ, почеть любятъ, объявилъ начинавшій сердиться старикъ: — а то вы вирямь неучи: посади васъ за столъ, такъ вы и ноги на столъ.

Частный приставъ пришелъ въ ужасъ и робко оглядѣлся вокругѣ, нѣтъ ли гдѣ свидѣтеля?

— Петръ Парамонычъ, что вы? шепталъ онъ: — побойтесь Бога! вы это полицмейстера-то такъ честите? Ну, какъ онъ узнаетъ!

— А мнѣ, что его бояться? я не полицейскій, меня не побьетъ. А все-таки онъ невѣжа!

— Да помилуйте, Петръ Парамонычъ, какъ же можно-съ? особенно жалостливо вопилъ частный приставъ, складывая руки и склонивъ голову на бокъ: — вѣдь это есть, такъ сказать, воля губернатора, такого лица.

— Воля? протяжно проговорилъ старикъ, подымаясь съ своего мѣста. — Скажи ты ему, что лучше бы было ему, вмѣсто того, чтобы за бабьими хвостами гоняться, поучиться уважать стариковъ, которыхъ всѣ уважаютъ! Такъ-то.... А полицмейстеру своему скажи, чтобы онъ мнѣ на глаза не показывался: такъ отшлифую, такую правду разскажу ему при всѣхъ въ глаза, что стыдно будетъ! Слышишь? такъ и передай!

Частный приставъ схватился за шапку и поплелся было къ двери; но вспыльчивый старикъ, сорвавъ зло, уже успокоился и разсудилъ, что частный приставъ совсѣмъ невиноватъ въ своемъ униженномъ положеніи.

— Стой, стой! куда ты? крикнулъ онъ ему вслѣдъ: — постой: благодарность позабылъ.

Частный приставъ вернулся.

— На тебѣ, братъ, сказалъ старикъ, подавая ему десяти рублевую бумажку: — благодарность благодарностью, а правда правдой.

Частный почтительно поклонился.

— Ну, не дуйся, братъ, выпей вонъ мадерцы,—по прежнему друзьями будемъ, увѣщевалъ его раскаявшійся въ минутной вспышкѣ старикъ, трепля его по плечу.

Частный приставъ выпилъ мадеры и немного повеселѣлъ.

— А чтобъ доказать тебѣ, что я не изъ скупости не хочу брать билета, такъ вотъ что я сдѣлаю: эй, Матвѣй, Матюша! крикнулъ старикъ.

Вошелъ русый дѣтина, лѣтъ двадцати, въ русскомъ нарядѣ, младшій сынъ старика.

— Матюша, сказалъ хладнокровно старикъ:—раздать завтра поутру по церквамъ нищимъ тысячу цѣлковыхъ.

Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ.

— Поѣзжай же и разскажи всё своему полицмейстеру, сказалъ Плетенниковъ, выпроваживая Отпѣтаго.

Ровно черезъ день послѣ этого происшествія былъ наконецъ данъ столь давно обѣщанный и съ нетерпѣніемъ ожидаемый губернскою публикою благородный спектакль. Онъ прошелъ вообще, какъ проходятъ губернскіе благородные спектакли. Таже парадная обстановка, свѣчи на колонкахъ, поддерживающихъ ложи, партеръ во фракахъ и мундирахъ, ложи декольте и *manches courtes*, тѣже казенные куплеты, пропѣтые писклявыми или фальшивыми голосами, фарсы перваго комика, наконецъ тоже незнанье, куда дѣвать руки, у перваго любовника.... Однако были въ этомъ спектаклѣ и свои оригинальныя черты.

Рыкова была до того хороша въ роли «Елагинской» въ «Букѣ», что двѣ или три женщины, уважающія себя, вышли изъ своихъ ложъ; до того хороша, что когда она качалась на качеляхъ, то видны были совершенно ясно ея чулки тѣлеснаго цвѣта; до того хороша, что многіе старички не выдерживали и, подожженные пряною игрой Анны Ивановны, вскакивали съ своихъ мѣстъ. Баламутова, въ роли графини, была черезчуръ сантиментальна и не знала своей роли; кромѣ того она была не въ духѣ: успѣхъ Рыковой сильно кололъ ей глаза.

Хлопушкинъ окончательно осрамился въ роли «Надимова», въ этой, какъ называютъ, эффектной роли. Хотя онъ самъ былъ отъявленнымъ взяточникомъ и мошенникомъ, и слѣдовательно долженъ былъ бы отлично съиграть роль ходульнаго героя, кричащаго противъ взятокъ; но почему-то онъ никакъ не могъ

войти въ свою роль, которой и не зналъ хорошенько, и несмотря на энергическое поддаванье суфлера, стоялъ столбомъ до тѣхъ поръ, пока суфлеръ, выведенный изъ себя, не вылѣзъ изъ своей будки до половины и не началъ подсказывать ему роль во весь голосъ.

Это рвеніе суфлера, возбудившее смѣхъ публики, подѣйствовало на Хлопушкина, и онъ, попавши на вызубренный пассажъ, вдругъ началъ пороть его, какъ пономарь. Баламутова страшно разозлилась: неудача ея *jeune premier*, въ такой великолѣпной, по провинціальнымъ понятіямъ, роли, парализировала и ея собственную игру. Ужь и досталось-же за кулисами несчастному Хлопушкину! Князь Чепухинскій былъ комиченъ до сальности и поддержалъ свою провинціальную репутацію великаго артиста. За то живая картина и дивертисементъ «цыганскій таборъ» были неподражаемы. Цыганскія пѣсни были пропѣты очень хорошо пѣвчими изъ семинаристовъ.

— *Ça n'allait pas mal!* сказалъ Мухадавлевъ князю Тараканову, выходя изъ театра.

— *Mais oui,* отвѣчалъ лѣниво князь.

— *Madame Rykoff était sublime!* объявилъ Александръ Павлычъ.

— О, да!

— Собрали три тысячи цѣлковыхъ въ пользу бѣдныхъ, *c'est le principal,* сказалъ заботливый губернаторъ.

— Ба! такъ много? переспросилъ удивленный князь.

— Мы здѣсь все дѣлаемъ *en grand!* самодовольно отвѣчалъ Мухадавлевъ.

Таково было мнѣніе о спектаклѣ главы бѣловодскаго общества; ясно, что и остальные члены его не смѣли говорить другаго: писатели хотя не были впущены въ театръ, но узнали все въ подробности на другой-же день.

ГЛАВА XIII.

Бѣловодскъ очень веселился эту зиму, такъ веселился, какъ никогда ни одинъ губернскій городъ не веселился и не кутилъ, даже во время ярмарокъ, выборовъ и прочихъ сходбищъ помѣщичьяго класса. Но всякая веселость въ этомъ продажномъ мірѣ стоитъ денегъ и часто большихъ денегъ. Бѣловодскіе ари-

генералы наконецъ пришли въ такое положеніе, что висѣли, какъ говорится, на ниточкѣ, а надъ имѣніями ихъ тоже на ниточкѣ висѣлъ тяжелый аукціонный молотокъ.

Однако были въ Бѣловодскѣ и такіе счастливцы, которые сами не разорялись, потому что ничего никогда не имѣли, но за то разоряли другихъ. Заглянемъ, въ нѣкоторые уголки и посмотримъ на такихъ счастливцевъ.

— *C'est affreux*, это ужасно, какъ деньги идутъ! Какъ вода, точно какъ вода, разсуждалъ Аркадій Аполлонычъ Бандуревскій, сидя въ спальнѣ супруги своей, недавно родившей двойню. — На дняхъ было много денегъ, далъ двѣсти рублей за ложу.... *au spectacle de la noblesse*.... ну, еще кой-какіе расходы, вотъ и нѣтъ уже денегъ: осталось очень мало, *très-peu*.

— Ты, Аркадь, не умѣешь служить, отвѣчала супруга: — тебѣ надобно бы поучиться, хоть у другихъ: у тебя такое большое семейство! Посмотри, другіе на твоемъ мѣстѣ получаютъ до ста тысячъ дохода, а ты и тридцати не получаешь.

— Я, *ma chère*, постараюсь.... бормоталъ въ видѣ извиненія Аркадій Аполлонычъ.

— Что постараюсь, постараюсь! съ укоризной отвѣчала супруга: — ты лучше, чѣмъ говорить, дѣлай дѣло: теперь наборъ, позови секретаря, да и распеки хорошенько, чтобы онъ тебя не обманывалъ, приносилъ сполна твою часть.

— *C'est vrai*, надо распечь, — *il faut absolument* распечь, соглашался супругъ.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? пошли за нимъ сейчасъ и распеки хорошенько, даже арестуй.

— Арестовать, *on ne peut pas*, отвѣтилъ Бандуревскій: — я безъ него не могу обойтись: *il connait très-bien son affaire*.... дѣло свое очень хорошо знаетъ.

— Ну, такъ распеки только, да смотри, хорошенько, чтобы я отсюда слышала, какъ будешь кричать, наказывала супруга.

— О, я знаю распекать, — *je suis un général*.... А звѣзды не дали! бормоталъ вполголоса и со вздохомъ предсѣдатель, — это несправедливо, *c'est une injustice!* Я ли уже не хорошо служу: при мнѣ вотъ недавно еще простили милліонъ недоимки!

Долго бы еще болталъ Аркадій Аполлонычъ, если бы супругѣ не заблагоразсудилось его выгнать. Его превосходительство послалъ за письмоводителемъ рекрутскаго присутствія.

— Ужасные негодяи! поджигалъ себя Аркадій Аполлонычъ въ ожиданіи письмоводителя; ужасный народъ: *ils prennent tout pour eux*, а мнѣ какіе нибудь пустяки даютъ!

Письмоводитель засталъ Аркадья Аполлоныча въ раздумьи и долженъ былъ кашлянуть довольно громко, чтобы привлечь на себя начальническое вниманіе.

— А, это вы? проговорилъ Бандуревскій, вскидывая свои оловянные глаза на письмоводителя.

— Точно такъ-съ, съ бумагами, ваше превосходительство, доложилъ письмоводитель, почтительнѣйше кланяясь.

— Привяжусь, непремѣнно привяжусь и распеку, думалъ Бандуревскій.

Долго думалъ онъ, съ чего бы начать привязываться къ письмоводителю; наконецъ объявилъ ему *de but en blanc*, что онъ имъ недоволенъ.

Письмоводитель сдѣлалъ удивленную и въ тоже время огорченную мину.

— Что такое, ваше превосходительство? заговорилъ онъ торопливо: — чѣмъ я могъ прогнѣвить васъ? Явите божескую милость, объясните мою вину: я приложу все стараніе, чтобы ее исправить, ваше превосходительство.

Но вины-то и не зналъ за письмоводителемъ благоразумнѣйшій Аркадій Аполлонычъ, хотя за нимъ и водилось весьма много грѣховъ, даже смертныхъ.

— Я такъ вообще, всѣмъ недоволенъ! объявилъ предсѣдатель; а самъ подумалъ въ тоже время: нѣтъ, не такъ привязался, — надо съ другой стороны.

— Что это у васъ за бумаги? спросилъ онъ письмоводителя съ намѣреніемъ привязаться къ нему съ другой стороны и усѣлся за свой письменный столъ. Письмоводитель подлетѣлъ къ нему и ткнулъ ему подъ носъ тетрадь.

— Журналъ о принятіи въ солдаты по приговору уголовной палаты, доложилъ письмоводитель форменнымъ тономъ.

— Арестантъ одинъ, ваше превосходительство, судился въ уголовной палатѣ, докладывалъ письмоводитель: — уголовная палата и присудила его къ отдачѣ въ рекруты, а буде не годится въ военную службу, то къ наказанію розгами. Это, ваше превосходительство, журналъ о его принятіи въ военную службу.

Аркадій Аполлонычъ слушалъ, вытаращивъ глаза, ничего ровно не понималъ и долго думалъ послѣ того, какъ письмово-

дитель кончалъ докладъ; наконецъ ему пришло въ голову, что къ этому дѣлу можно привязаться.

— Это что такое? что вы тамъ мнѣ подаете къ подписи? Вы ничего не смыслите въ дѣлахъ! Что такое? завопилъ что было мочи председатель, такъ чтобы жена его слышала изъ спальни, какъ онъ распекаетъ.

— Какъ, что такое, ваше превосходительство? журналъ рекрутскаго присутствія, отвѣчалъ нѣсколько удивленный письмоводитель.

— Журналъ! Этого только не доставало! Такого отвѣта только не доставало! кричалъ председатель: — какое право имѣетъ уголовная палата учить рекрутское присутствіе? Я хочу, чтобы прежде высѣкли арестанта, а потомъ въ солдаты его.... А то учить еще вздумали!

— Ахъ ты баранья голова! подумалъ письмоводитель, и памяти-то въ тебѣ нѣтъ ни на грошъ: забылъ, что арестантъ еще вчера окончательно принятъ!

Однако письмоводитель ничего такого вслухъ не сказалъ, а напротивъ весьма почтительно доложилъ, что теперь поздно исполнять приказаніе его превосходительства, ибо арестанту уже забритъ лобъ. Бандуревскій пришелъ въ ярость, не страшную, а комическую ярость, услыша такую новость, которая должна бы быть для него не новостью, потому что не далѣе какъ наканунѣ онъ самъ, къ великому огорченію арестанта, довольно внятно и выразительно крикнулъ извѣстную формулу «лобъ.» Аркадій Аполлонычъ такъ раскричался, что супруга его, услыхавъ такой гвалтъ, пришла въ неописанный восторгъ.

— Однако Аркадь иногда очень хорошо ведетъ себя, думала она; молодецъ: вѣрно тысячи три выкричитъ у письмоводителя.

— Такъ вотъ какъ вы служите? вопилъ Аркадій Аполлонычъ! Вы потихоньку отъ меня рекрутъ принимать, а потомъ подсовывать мнѣ бумаги! Я знаю, что это значитъ: вы взяли взятку съ арестанта!

— Ну, братъ, подумалъ письмоводитель, пристально посмотрѣвъ ему въ глаза: — если уже ты подозрѣваешь, что арестантъ далъ мнѣ взятку, чтобы я его въ солдаты отдалъ, такъ съ тобой церемониться нечего.

Послѣ этого спасительнаго размышленія, письмоводитель рѣшился ощетиниться и въ свою очередь прикрикнулъ на разъя-

реннаго попусту Бандуревскаго и даже пострадалъ его, что выйдетъ въ отставку.

Бандуревскій оторопѣлъ и испугался. Онъ очень хорошо понималъ, что держится только секретарями, что онъ самъ даже взятки, и той не умѣетъ взять хорошенько, — сейчасъ попадется какъ куръ во щи. Онъ помнилъ очень хорошо, что когда разъ, какъ-то очень давно, въ началѣ своего председательства, онъ вздумалъ самъ заправлять дѣлами по своей волѣ, то послѣ секретари насилу отписались отъ министерскихъ нахлобучекъ. Поступокъ письмоводителя до того смутилъ генерала безъ звѣзды, что онъ сейчасъ же спустился тона на три пониже.

— *Ecoutez donc*, послушайте, *pourquoi donc* въ отставку? я это такъ сказалъ, это — начальническое замѣчаніе.

Но письмоводитель упрямо продолжалъ стращать отставкой, хотя на дѣлѣ-то очень боялся отставки, такъ какъ его помощникъ могъ прекрасно его замѣнить и жаждалъ, какъ воронъ крови, изгнанія его.

— Ну, за что вы такъ разсердились? *pourquoi vous êtes vous fachés?* запѣлъ уже такую пѣсню Аркадій Аполлонычъ, — да, то, что я остановился этотъ журналъ подписывать? да? Такъ *ce sont des* пустяки, сейчасъ подпишу! И его превосходительство дѣйствительно подписалъ спорный журналъ. Угрюмый письмоводитель, видя такое полное и очевидное раскаяніе начальства, на половину смиловался и началъ тыкать генералу подъ носъ бумаги одну за другою, не говоря ни слова. Генералъ, вѣроятно для доказательства полнаго своего раскаянія и довѣрія къ письмоводителю, подписалъ всѣ до одной, не читая.

Докладъ кончился; письмоводитель началъ собирать бумаги, а генералъ безъ звѣзды все переминался и пріискивалъ, съ чего бы начать ему щекотливый разговоръ.

— *Ecoutez*, послушайте, *mon cher ami*, началъ председатель робкимъ голосомъ: — со мной непріятный случай, *un accident très désagréable*.... у меня нѣтъ денегъ....

Аркадій Аполлонычъ остановился и подождалъ, что скажетъ на это письмоводитель; но тотъ только фыркнулъ, потеръ пальцемъ носъ и промолчалъ; Бандуревскій почувствовалъ себя въ весьма неловкомъ положеніи.

— *Ça arrive quelquefois*, это иногда бываетъ, продолжалъ онъ самымъ убѣдительнымъ тономъ, и началъ разсказывать, на половину по-французски, какой-то анекдотъ изъ своей молодости.

Но и анекдотъ помогъ мало.

Письмоводитель не тронулся разсказомъ своего начальника, и Аркадій Аполлонычъ съ замираніемъ сердца долженъ былъ повторить щекотливый вопросъ.

— Ну-съ, любезнѣйшій, чтожe на счетъ денегъ?

— Да гдѣ же ихъ взять? откупщикамъ еще не приходилъ срокъ платить, пояснилъ сердитый письмоводитель.

— Теперь наборъ.... робко и нерѣшительно проговорилъ председатель.

— Чтожь что наборъ, ваше превосходительство? нынче народъ такой жидоморъ сдѣлался, что хоть ты что хочешь дѣлай: все норовитъ даромъ, посиѣшилъ разочаровать генерала его безчеловѣчный кліентъ.—Да вѣдь опять эти деньги отъ совѣтника невозможно получить: вѣдь вамъ извѣстно, что во время набора совѣтникъ получаетъ, а тамъ, по окончаніи набора, дѣлитъ съ вами -съ.

— Да, да, *je sais ça*.... я знаю это, заговорилъ предсѣдатель: — но вѣдь до конца набора еще далеко. — А много тамъ собралось у совѣтника?

— Да вѣдь онъ ежедневно докладываетъ вашему превосходительству.

— Да, да, *je sais ça*... Но вы понимаете, у меня голова занята важными дѣлами, — *j'ai oublié*.... я позабылъ....

— Ты и записывать-то, безмозглый, не догадался, подумалъ письмоводитель. Постой же, мы съ совѣтникомъ тебя помажемъ.— Сущіе пустяки, ваше превосходительство, хладнокровно объявилъ онъ, и двухъ тысячъ, пожалуй, не наберется: нынче народъ сталъ жидоморъ.

— Ай, ай, ай, *c'est mal*, очень дурно! съ весьма понятною горестью воскликнулъ Аркадій Аполлонычъ: — а мнѣ нужны теперь деньги: жена родила.... нарядные крестины....

— Что же дѣлать-съ? негдѣ взять, объявилъ невозмутимый письмоводитель.

— Нельзя ли гдѣ нибудь занять? у какого нибудь просителя побогаче? совершенно мягко и необыкновенно просительно вымолвилъ Аркадій Аполлонычъ.

— Постой, подумалъ письмоводитель, дамъ я этому дураку рублей триста взаймы, да возьму съ него сохранную росписку; тогда попробуйка онъ у меня заартачиться!

И дѣйствительно, письмоводитель, пользуясь слабостью и тупостью начальника, въ нѣсколько минутъ довелъ его до того, что онъ считалъ себя обязаннымъ своему письмоводителю, когда тотъ предложилъ ему триста рублей подъ сохранную росписку.

Когда достойный подчиненный Бандуревскаго отправился къ себѣ, чтобы приготовить деньги и росписку, — Аркадій Аполлонычъ пошелъ къ своей супругѣ и разсказалъ ей подвигъ добродѣтели письмоводителя. Но на Бандуревскую разсказъ произвелъ впечатлѣніе вовсе не благопріятное.

— Ахъ ты, глупая голова! крикнула она, мнѣ себя отъ гнѣва: — его надуваютъ, хотятъ въ петлю подтянуть, а онъ еще добродѣтель прославляетъ! хорошъ, батюшка, нечего сказать! А этотъ негодяй письмоводитель! пользоваться глупостью своего начальника! Я ему задамъ!

— *Mais, ma chère*.... заикнулся Бандуревскій.

— Молчать! скомандовала супруга: — письмоводителя мнѣ сюда, живо.... Слышишь?

Аркадій Аполлонычъ горошкомъ выкатился изъ комнаты и только ворчалъ дорогой себѣ подъ носъ: — *c'est affreux*, никогда меня такъ не третировали! Вѣдь все-таки *je suis un général!* Ужасная женщина, когда больна; *mais quand* она здорова, я дѣлаю изъ ней все, что хочу. *Il faut être patient*, надо быть терпѣливымъ! умъ мужчины въ терпѣніи.

Достигнувъ нечувствительно передней, Бандуревскій столкнулся съ возвратившимся письмоводителемъ.

— А, *bon jour*, принесли? спросилъ предсѣдатель.

— Точно такъ-съ; а вотъ и росписка, извольте подписать, торопливо проговорилъ письмоводитель, — мнѣ некогда, надо въ рекрутское присутствіе.

— *Ma femme* на васъ очень сердится, пойдемте къ ней: она приказала васъ привести, объявилъ предсѣдатель.

— За что же, ваше превосходительство? спросилъ смекнувшій, въ чемъ дѣло, письмоводитель: — кажется, усердіе мое, преданность извѣстны вамъ.

— Не знаю, не знаю, *je n'en sais rien*, бормоталъ предсѣдатель, убѣгая въ спальню жены. Письмоводитель съ сокрушеннымъ сердцемъ поплелся за нимъ.

— Экая скверная баба, горестно думалъ письмоводитель: — вѣдь пронюхала, проклятая! Теперь облупитъ, какъ есть облу-

питъ, какъ липку. И отставкой ее не запугаешь: сейчасъ найдетъ охотника, — теперь наборъ.

— *Entrez*, объявилъ Аркадій Аполлонычъ, подходя къ дверямъ спальни и пропуская впередъ обреченнаго на погибель письмоводителя. Самъ же его превосходительство благоразумно остался за дверьми и, приложивъ ухо къ замку, началъ подслушивать.

— А, здравствуйте, честный, благородный человѣкъ, иронически привѣтствовала Бандуревская входившую жертву свою.

— Мое почтеніе, ваше превосходительство, какъ изволите находиться въ своемъ здоровьи? Малютки ваши-съ? добавилъ развязно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, письмоводитель, расшаркиваясь съ ловкостью почти военнаго человѣка; бѣдный хотѣлъ разсѣять бурю, висѣвшую надъ его головой, свѣтскостью и ловкостью своего обращенія.

Но предсѣдательша была не такая дама.

— Вы негодяй, милостивый государь! начала она *ex abrupto*... Вы пользуетесь добротой своего начальника и хотите подвести его въ петлю, ограбить, не дать ему того, что ему слѣдуетъ. Вы подлецъ! слышите, — подлецъ!

Письмоводитель рѣшился обидѣться, чтобы попробовать, не лучше ли это будетъ.

— Ваше превосходительство, началъ онъ необыкновенно сильнымъ тономъ и съ особеннымъ достоинствомъ: — не извольте такъ ругаться: я чиновникъ!

— Чиновникъ! зашипѣла предсѣдательша: — я вамъ дамъ чиновничество! Сейчасъ вонъ изъ службы выгоню!

— Аршадъ! Аршадъ! кричала Бандуревская. — Говорятъ тебѣ, поди сюда! заорала она наконецъ голосомъ гіены.

Несчастный супругъ, стоявшій, — ни живъ, ни мертвъ, — за дверью, пріотворилъ ее въ половину и показалъ свою физіономію, которая отъ испуга сдѣлалась, если возможно выразиться такъ объ этой физіономіи, — еще глупѣе.

— Сейчасъ отошли его подъ арестъ, отдала приказаніе своему супругу разсердившаяся предсѣдательша: — а завтра непремѣнно выгони его вонъ, вонъ изъ службы! На его мѣсто назначь Пѣтухова: я его знаю, — онъ честнѣе этого.

Письмоводитель увидѣлъ, что дѣло плохо, и такъ какъ Бандуревскую невозможно было увѣрить въ томъ, что онъ, письмоводитель, не получалъ съ отдатчиковъ предсѣдательской,

львиной доли, въ ущербъ его превосходительству, то и дѣло рѣшено было очень скоро, тѣмъ болѣе, что Пѣтуховъ былъ его помощникомъ и дѣло зналъ не хуже его. Стычка съ предсѣдательшей кончилась тѣмъ, что письмоводитель принесъ ея превосходительству двѣ тысячи цѣлковыхъ безвозвратно и тогда только испросилъ начальническое прощеніе.

— Ну, вотъ видишь, Аршадъ, какъ надо служить! воскликнула предсѣдательница:—теперь совѣтника надо поприжать, да съ него взять три тысячи. Безъ денегъ намъ нельзя жить: нельзя отставать отъ другихъ.

Предсѣдатель, пораженный неожиданнымъ исходомъ дѣла, бормоталъ про себя:

— *Une maîtresse femme*, козырь-баба! Больная, а какъ хорошо управляется! *Je crois*, что если бы ей на медвѣдя выйти, то она его поборола бы *absolument!* И верблюда, пожалуй, побороть.... Предсѣдатель задумался.

— Чтобъ васъ черти разнесли со всею вашею требухою, ворчалъ недовольный письмоводитель, торопливо направляясь въ рекрутское присутствіе.—Ну, баба! Теперь надо отдатчиковъ еще больше поприжать, вернуть свое.

И пришелъ гнѣвный письмоводитель въ рекрутское присутствіе и напустилъ онъ такого страху и трепету на отдатчиковъ, что полѣзли они, сердечные, часто за послѣднимъ рублемъ серебра, чтобы заткнуть ненасытную глотку письмоводителя.

И не въ однихъ присутственныхъ мѣстахъ, причастныхъ къ дѣлу набора, пріѣздъ Баламутовыхъ имѣлъ такое гибельное вліяніе на нравственность чиновнаго люда и на карманъ просителей. Вездѣ и всюду чиновники дѣйствовали съ удвоенною ревностью и въ оправданіе свое объявляли, что дворянскій гоноръ не позволяетъ имъ отстать отъ какихъ нибудь Баламутовыхъ.

ГЛАВА XIV.

Давно уже мы оставили Варвару Петровну Баламутову; давно уже не слѣдили за ней. Впрочемъ она и не героиня этого разсказа, — она скорѣе является въ немъ, какъ *fatum* древнихъ, *fatum*, доведшій всѣхъ, желавшихъ идти съ нимъ, до конечнаго разоренія.

Варвара Петровна уже недѣли двѣ была оставлена главными представителями бѣловоденскаго волокитства: князь Таракановъ, какъ уже извѣстно благосклонному читателю, попалъ въ сѣти m-me Таубе; да иному же, окончивъ порученіе, онъ не дождался ни конца губернскаго сезона, ни даже конца набора, и улетѣлъ на курьерскихъ туда, откуда пріѣхалъ, — доканчивать свое вѣрное разореніе, если Богъ не пошлетъ ему какой нибудь красавицы купеческаго званія, или откупщичьей дочки, которая пожертвуетъ ему свой капиталъ, вмѣстѣ съ пяти-пудовою особою своею и со всѣмъ своимъ родствомъ, — но Богъ съ нимъ: онъ тоже не нашъ герой!

Муходавлевъ окончательно выводилъ Баламутову изъ себя. Какъ! объясниться ей, первой дамѣ въ городѣ, въ любви, *присѣсть* (такъ думала Баламутова) Ивана Михайлыча съ объявленіемъ этой пылкой любви (такъ говорилъ Иванъ Михайлычъ), и вдругъ ни съ того ни съ сего, съ самаго того дня, когда на охотѣ Анна Ивановна Рыкова такъ неучтиво поступила съ ней, Баламутовой, — отшатнуться отъ своей дамы и окончательно прилѣпиться, въ ущербъ всякому приличію, къ виновной, *прощенной* (какой позоръ!) ею же Баламутовою, Аннѣ Ивановнѣ! Сначала Варвара Петровна употребляла всѣ хитрости, всѣ уловки, всѣ тайныя продѣлки кокетства, чтобы возвратить себѣ любовь молодаго губернатора, и дѣйствительно, — до благороднаго спектакля ей это удавалось иногда: по вольности поведенія и вѣтрености характера, Муходавлевъ дезертировалъ изъ подъ знаменъ Рыковой къ знаменамъ Баламутовой. Но послѣ перваго спектакля все перемѣнилось: Муходавлевъ вступилъ въ родъ крѣпостнаго состоянія къ Аннѣ Ивановнѣ. Богъ знаетъ, отчего это случилось! Выдумала ли что нибудь Рыкова для удержанія при себѣ Александра Павлыча, чулки ли тѣлеснаго цвѣта, которыя она показывала, качаясь на качеляхъ въ роли «Елагинской», — не знаю (должно быть не чулки: ихъ и прежде видалъ Муходавлевъ); но только фактъ существовалъ. Поговаривали въ городѣ, что у Александра Павлыча недоставало часто денегъ, и Николай Филиппычъ черезъ супругу иногда снабжалъ его заимообразно.... Впрочемъ, мало ли что врутъ? Одно было вѣрно: Рыкова почти не отпускала отъ себя Александра Павлыча, который за то утверждалъ всѣ шедшія къ нему отъ Рыкова смѣты и журналы. Баламутова злилась, какъ звѣрь лютый,

съѣла-было совсѣмъ мужа, наконецъ, выйдя изъ себя, положила *отдѣлать* хорошенько молодаго губернатора и *отдѣлываніе* это произвести непремѣнно публично.

Зимній сезонъ подходилъ къ концу. Началась уже масляница, веселости шли, все прогрессивно учащаясь и дѣлаясь разорительнѣе.

Въ одинъ изъ масляничныхъ дней, въ гостиной Варвары Петровны Баламутовой собралась довольно большая мужская компанія. Были: Иванъ Михайлычъ съ братомъ, корнетъ Безсудный; помѣщикъ Подмахацкій, подполковникъ Язычинскій и нѣсколько личностей менѣе замѣчательныхъ, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла. Рѣчь шла о молодомъ губернаторѣ.

— Что это давно не видно Александра Павлыча? спросила Баламутова, съ цѣлью выспросить что нибудь у своихъ гостей: — господа, вы не видали его?

— Я у него на дняхъ за-просто обѣдалъ: вѣдь онъ мнѣ большой другъ, отозвался немедленно подполковникъ Язычинскій.

— Вчера онъ у меня устрицъ свѣжихъ ѣлъ, да еще медвѣжатины мы хватили немножко: онъ, кажется, объѣлся, басомъ отозвался Иванъ Михайлычъ, поправляя свои височки.

— А, такъ онъ боленъ, сказала съ притворнымъ сожалѣніемъ Баламутова; — жаль, то-то его и не видно.

— Нѣтъ-съ, *madame Balamoutoff*, онъ не боленъ: я сегодня видѣлъ его экипажъ у подъѣзда Рыковыхъ, объявилъ Подмахацкій.

— Опять? пробасилъ Антонъ Михайлычъ: — я видѣлъ его вчера тамъ же.

— А я третьяго дня, когда у меня былъ супъ *à la jardinière*, объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— А, такъ вотъ какъ! вскричала притворно шутливымъ тономъ Варвара Петровна: — да это чистая *démonstration d'amour!* не такъ ли, господа?

— Конечно такъ, конечно такъ, это чистое доказательство любви, крикнули всѣ.

— Я знаю навѣрно, что Мухадавлевъ влюбленъ въ *m-me Rykoff*, объявилъ подполковникъ Язычинскій: — я вѣдь всегда былъ повѣреннымъ всѣхъ аристократовъ.

— Онъ мнѣ самъ сознался: вѣдь я ему большой другъ: онъ безъ меня жить не можетъ и во всемъ мнѣ признается, кричалъ что было мочи Подмахацкій.

— Онъ и мнѣ тоже говорилъ, пробасилъ Иванъ Михайлычъ, который никакъ не могъ перенести, чтобы губернаторъ былъ откровененъ съ кѣмъ нибудь другимъ, а не съ нимъ. Иванъ Михайлычъ совсѣмъ забылъ, что еще недавно онъ пріѣзжалъ къ Варварѣ Петровнѣ и объявлялъ ей, что Муходавлевъ влюбленъ въ нее.

Баламутова однако не забыла этого визита Ивана Михайлыча, и посмотрѣла пристально и довольно выразительно на лгуна, который и лгать-то не умѣлъ такъ, чтобы не попадаться.

Разговоръ продолжался на эту тему и конечно все болѣе и болѣе поджигалъ и безъ того капризную Баламутову.

Вдругъ входитъ въ гостиную самъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ, веселый, свѣжій, бодрый, съ самой любезной улыбкой на губахъ....

У Варвары Петровны вся желчь вскипѣла и бросилась въ голову; она чувствовала, что она блѣднѣетъ отъ злости, но отчаяннымъ усиліемъ переломила себя и очень любезно протянула руку Александру Павлычу и усадила его подлѣ себя.

— Какъ здоровье Анны Ивановны Рыковой? спросила Баламутова послѣ первыхъ здравствованій, такимъ тономъ, что Муходавлевъ не могъ не оскорбиться, особенно при нечистой по этой части совѣсти.

— Я не знаю.... я не былъ.... началъ онъ заикаясь.

— Какъ не были? вскричала Баламутова:—я знаю навѣрно, что вы были у Анны Ивановны вчера, третьяго дня, *qu'en sais-je encore!*

— Я долженъ васъ особенно благодарить, Варвара Петровна, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, освѣдомляясь, гдѣ видать мой экипажъ, замѣтилъ съ язвительной усмѣшкой Александръ Павлычъ.

Баламутова разсердилась окончательно и вспыхнула, какъ порохъ.

— *Ne soyez pas fat, monsieur,* начала она:—что мнѣ за дѣло до васъ и до вашихъ отношеній къ этой.... *m-me* Рыковой? Я могу только полюбопытствовать иногда на счетъ разнообразія и

измѣнчивости вашихъ вкусовъ, и порадоваться необычайной терпѣливости Николая Филиппыча.

Пришла очередь Александру Павлычу покраснѣть и разсердиться.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, *ma-me Balamoutoff*; какую измѣнчивость вы во мнѣ нашли? какія отношенія вы замѣтили между мною и Анной Ивановной? Наконецъ и Рыковъ приплетенъ тутъ совсѣмъ некстати.

— А, когда вы не сознаетесь, то я васъ выведу на свѣжую воду, заговорила Баламутова смѣясь, чтобы придать обличенію видъ шутки.

— Во первыхъ, отношенія ваши къ Аннѣ Ивановнѣ извѣстны: вы въ нее влюблены и даже.... но не скажу больше ничего, добавила Баламутова, многозначительно помолчавъ и все-таки улыбаясь.

Муходавлевъ сконфузился, однако счелъ нужнымъ отпутываться.

— Кто вамъ это сказалъ? горячо заспорилъ онъ.

— Тотъ, кому вы это сами говорили, возразила Баламутова.

Всѣ собесѣдники, недавно сообщавшіе новость о Муходавлевѣ, почувствовали нѣкоторое смущеніе, особенно Подмахацкій.

— Кому же я это говорилъ? продолжалъ допрашивать губернаторъ, чувствуя, что онъ попадаетъ на слѣдъ порядочной сплетни.

— У васъ дурная память! продолжала Баламутова, которая все еще подозрѣвала Муходавлева въ скрытности, а не настоящихъ лгуновъ во лжи:—у васъ совсѣмъ памяти нѣтъ, если вы отказываетесь отъ своихъ словъ при тѣхъ самыхъ лицахъ, которымъ вы ихъ говорили.

Муходавлевъ пожалъ плечами и осмотрѣлъ всѣхъ присутствовавшихъ; разстройство лысаго Подмахацкаго, разумѣется, привлекло его особое вниманіе и онъ остановилъ на немъ свой пристальный взглядъ. Бѣдный Подмахацкій радъ бы былъ провалиться сквозь землю отъ стыда, но провалиться сквозь паркетъ мудрено, и онъ, опустивъ глаза книзу, дралъ по временамъ немилосердо лысину и выразительно молчалъ, какъ школьникъ, приготовляющійся къ сѣченью.

— Ну да, ну да, говорила Баламутова, видя, на кого смотритъ Муходавлевъ:—не дальше, какъ шесть минутъ тому назадъ,

Иванъ Михайлычъ, подполковникъ Язычинскій и г. Подмахацкій разсказывали мнѣ, что вы имъ всѣмъ троимъ,—каждому, разумѣется, порознь,—признавались въ безнадежной любви своей къ Рыковой.

— А, такъ этой сплетней я обязанъ вамъ, господа, сказалъ губернаторъ, раскланиваясь съ попавшимися сплетниками:—покорно васъ благодарю, господа.—Не вѣрьте этимъ господамъ ни въ чемъ и никогда, Варвара Петровна, продолжалъ онъ, обращаясь къ Баламутовой: — не вѣрьте, потому что на свѣтѣ есть всякіе люди; есть люди лживые, не знающіе ничего святаго, давно потерявшіе свою репутацію и потому позволяющіе себѣ марать репутацію женщины; есть, Варвара Петровна, люди, которыхъ весь умъ, вся душа въ желудкѣ, которые часто завираются и не исполняютъ своей обязанности; есть наконецъ люди, которые обобьютъ всѣ ваши пороги и добившись наконецъ, что вы ихъ будете терпѣть, какъ шутовъ, за ихъ косноязычность и глупость, они отплатятъ вамъ тѣмъ, что будутъ скитаться изъ дома въ домъ и сплетничать про васъ;—всякіе люди есть, Варвара Петровна, и не всѣмъ можно вѣрить. — Я не про васъ говорю, господа, докончилъ губернаторъ, обращаясь къ пойманнымъ сплетникамъ: не обижайтесь.

Гости бормотали что-то, желая заговорить; но ничего не могли сказать и только смотрѣли по сторонамъ какъ-то дико и неопредѣленно. Баламутова страшно разсердилась, во-первыхъ за то, что была обманута и, во-вторыхъ за то, что не только не поймала Муходавлева, но еще сама была имъ порядочно разбита.

Иванъ Михайлычъ какъ-то невпопадъ поглядѣлъ на Варвару Петровну, и она накинулась на него.

— Нечего на меня смотрѣть теперь, сердито заговорила она.— Вспомните, что не дальше какъ три, или четыре недѣли тому назадъ вы пріѣзжали ко мнѣ съ донесеніемъ, что Александръ Павлычъ признавался вамъ лично, что онъ страстно влюбленъ,— въ кого бы выдумали, Александръ Павлычъ? — въ меня! съ торжествующимъ видомъ закончила свою рѣчь строгая барыня.

Иванъ Михайлычъ страшно сконфузился, тѣмъ болѣе, что Муходавлевъ очень зло смѣялся.

— Я все-таки *maréchal de la noblesse*.... бормоталъ Иванъ Михайлычъ, не зная съ чего и какъ начать свое оправданіе, что

впрочемъ дѣйствительно было очень трудно:—все-таки.... какъ можно такъ.... Мнѣ кто-то сказалъ....

— Братъ, поѣдемъ отсюда, сказалъ Антонъ Михайлычъ, разсердившійся за брата и желавшій вывести его поскорѣе изъ затруднительнаго положенія: — поѣдемъ, здѣсь не наше мѣсто! гордо добавилъ онъ и, сухо раскланявшись съ хозяйкой и губернаторомъ, величественно отправился вонъ изъ гостиной.

Иванъ Михайлычъ, какъ ребенокъ, которому не хочется слушаться, но который не послушаться несмѣетъ, потихоньку поплелся за нимъ. Но поровнявшись съ губернаторомъ онъ остановился; Богъ знаетъ, что̀ ему пришло въ голову,—хотѣлъ ли обернуть исторію въ шутку, или такъ просто, какъ съ нимъ часто случалось, — только онъ брякнулъ ни къ селу, ни къ городу: — какіе мнѣ страсбургскіе пироги прислали, Александръ Павлычъ, пріѣзжайте завтра по утру отвѣдать.

Все общество покатилось со смѣху, не исключая Подмахацкаго и Язычинскаго. Иванъ Михайлычъ поспѣшилъ удалиться, а Варвара Петровна разсердилась на мѣдные лбы, которые, только-что пойманные во лжи, осмѣливались возвышать голосъ и даже смѣяться. Губы у ней задрожали и она многозначительно объявила обоимъ пойманнымъ:

— Господа, я васъ не удерживаю, такъ же, какъ и вашего собрата по сплетнямъ; ваши экипажи, я думаю, уже поданы. А впередъ извините моего швейцара, если онъ васъ не будетъ принимать.

Подполковникъ Язычинскій и помѣщикъ Подмахацкій, поджавши хвосты и безъ всякихъ оправданій, выползли изъ гостиной.

Муходавлевъ былъ очень сердитъ на Баламутову: вопервыхъ за то, что она была виною того, что сплетня о его связи съ Рыковой разнесется теперь по всей губерніи съ быстротою молніи; вовторыхъ за то, что она поссорила его съ губернскими аристократами.

— Прощайте, *madame Balamoutoff*, сказалъ онъ ей сейчасъ же послѣ бѣгства сплетниковъ, сухо поклонился и, не давая руки, вышелъ изъ гостиной. За нимъ двинулись остальные гости, видѣвшіе, что присутствіе ихъ совершенно излишне, и гостиная Баламутовой опустѣла.

Варвара Петровна задумалась, потомъ заплакала и, бросившись на диванъ, долго и горько рыдала: ея отношенія съ Муходавлевымъ были окончательно порваны, — она это чувствовала,—съ аристократіей она разсорилась.... Она не знала, что̀ ей дѣлать.

Чрезъ два часа пріѣхалъ ея мужъ, ѣздившій куда-то въ *гости*. Только-что онъ вошелъ въ гостиную, какъ Варвара Петровна вскочила съ дивана и бросилась на него.

— Гдѣ вы были до сихъ поръ? кричала она: — гдѣ вы шатаетесь? Васъ никогда дома нѣтъ!

— *Я, ma chère Babette*, заикнулся-было Григорій Алексѣичъ.

— Молчите, перебила его супруга, строго топая ножкой: — вы еще станете оправдываться!

— Но, *ma chère Babette*.

— Я говорю вамъ,—молчите! Что это? Вы, кажется, хотите *перекричать* меня? Вы, кажется, выучились у здѣшнихъ медвѣдей—мучить вашу жену! Но я не допущу этого, слышите? Я не хочу здѣсь оставаться! Посылайте за почтовыми лошадьми: я не хочу здѣсь оставаться — ѣду въ Москву!

— *Да какъ же, Babette...*, возразилъ-было супругъ.

— Что вы еще разсуждаете? завопила барыня: — вы забываете, кто вы и кто я! Вонъ подите! Чтобъ чрезъ часъ здѣсь *были* лошади.

Григорій Алексѣичъ горестно вздохнулъ и поплелся распоряжаться отъѣздомъ. Чрезъ три часа Баламутовы уѣхали, не простясь ни съ кѣмъ, а чрезъ трое сутокъ домъ купчихи Остроглазовой опустѣлъ окончательно.

Внезапный отъѣздъ Баламутовыхъ какъ громомъ поразилъ всю губернскую аристократію. Поднялись догадки, предположенія, толки, сплетни, такъ что бѣловодскіе аристократы дошли до состоянія школьника, которому влѣпили въ носъ гусара. Губернское общество всегда приходитъ въ такое состояніе при непредвидѣнныхъ происшествіяхъ. Но какъ ни ломали себѣ голову аристократы, ничего не выдумали, и рѣшились прибѣгнуть къ главѣ своего кружка, Муходавлеву.

Читателю покажется страннымъ, можетъ быть, что аристократія, оскорбленная Муходавлевымъ въ лицѣ своихъ трехъ непремѣнныхъ членовъ, все-таки лѣзетъ къ нему. Но для того, кто живалъ въ провинціи и самъ вертѣлся въ омутѣ провинціальной жизни, такое миролюбіе и кротость вовсе не покажутся странными. Въ провинціи щекотливы на оскорбленія только женщины, а большая часть мужчинъ не обращаетъ на нихъ ровно никакого вниманія.

Поэтому не только аристократія вообще, но и сами разбитые въ гостиной Баламутовой аристократы, удаляясь съ поля битвы, не питали никакого злобнаго чувства къ молодому губернатору, разбившему ихъ,—эти пораженія часто выпадаютъ на долю губернскихъ львовъ — не стоитъ сердиться! Антонъ Михайлычъ думалъ:

— По дѣломъ брату! вотъ я никогда такъ не попадусь.

Иванъ Михайлычъ говорилъ самъ себѣ:

— А это я хорошо сдѣлалъ, что пригласилъ Муходавлева страсбургскіе пироги ѣсть; можно будетъ попросить оттянуть опись имѣній еще на нѣсколько времени.

Иванъ Михайлычъ, какъ видите, даже и не думалъ о своемъ пораженіи.

Подмахацкій немного трусилъ, и то не ссоры съ Муходавлевымъ: въ возможность ея онъ даже не вѣрилъ.

— Бѣда, теперь всѣ смѣяться станутъ, это очень нехорошо,— думалъ онъ:—хорошо еще, что масляница кончается—уѣду въ деревню.

Наконецъ подполковникъ Языченскій бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Однако это хорошо, что Муходавлевъ сказалъ публично, что онъ не насъ ругаетъ, чтобы мы не обижались: теперь не надо на дуель вызывать, а то было я испугался.

Какъ видите, читатель, съ такими людьми не можетъ быть ссоры: поколотите ихъ, и они сейчасъ же прилѣзутъ къ вамъ, если вы ихъ пустите къ себѣ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, когда всѣ бѣловодскіе аристократы собрались у Муходавлева, съ цѣлью разъяснить причину отъѣзда Баламутовыхъ, мы встрѣчаемъ тамъ же и Ивана Михайлыча, и Николая Александрыча, и даже подполковника Языченскаго, и всѣ трое попрежнему лгали, каждый за троихъ

порядочныхъ лгуновъ. Гости сидѣли въ кабинетѣ, бродили по *залѣ* и по прочимъ комнатамъ, пока главные коноводы аристократическаго кружка рѣшали главный вопросъ: зачѣмъ уѣхали Баламутовы.

— Не знаю, господа, не знаю, говорилъ своимъ собесѣдникамъ молодой губернаторъ: — для меня отъѣздъ Баламутовыхъ такъ страненъ, такъ непонятенъ, что я рѣшительно не могу ума приложить.

Губернаторъ хитрилъ: по привычкѣ къ свѣту, онъ очень хорошо понималъ причину отъѣзда Баламутовой.

— Я всегда замѣчалъ, что этотъ господинъ Баламутовъ большой вольнодумецъ: всегда такъ легко отзывается объ старшихъ, докторальнымъ тономъ объявилъ Николай Филипычъ....

— Я у него видѣлъ разъ въ книжномъ шкапу какую-то французскую философію, таинственно и шопотомъ, нагнувшись къ собесѣдникамъ, проговорилъ полковникъ Тычкинъ:—только, знаете, я не такой человѣкъ: я не показалъ даже и виду, что я замѣтилъ эту мерзкую книжку, — однако сейчасъ же подумалъ, что онъ должно быть коммунистъ.

— Я самъ видѣлъ эту книгу, успокоилъ полковника Антонъ Михайлычъ: — это ничего, она не разрѣзана еще.

— Да все-таки, зачѣмъ имѣть у себя такую опасную книгу? замѣтилъ Тычкинъ.

— Онъ, *peut-être*, поѣхалъ выхлопотать себѣ крестъ какой нибудь, *une croix*, прервалъ очень некстати размышленія чиновниковъ Аркадій Аполлонычъ Бандуревскій.

— Ну пошелъ! махнулъ рукой, перебилъ его Рыковъ: — что у кого болитъ, тотъ объ томъ и говоритъ.

— Раскажите лучше, Аркадій Аполлонычъ, анекдотъ о томъ, какъ ваши лошади испугались верблюдовъ, шутя и мигая публикѣ глазомъ, сказалъ Безсудный.

Ничѣмъ нельзя было такъ разсердить Аркадія Аполлоныча, какъ попросить его разсказать этотъ анекдотъ (и Богъ знаетъ почему? Говорятъ, какой-то литераторъ отпечаталъ этотъ анекдотъ въ комическомъ видѣ, къ крайнему огорченію Аркадія Аполлоныча). Бандуревскій обидѣлся и отошелъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ правитель канцеляріи съ большою кипою пакетовъ.

— Что такое? почта? спросилъ губернаторъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ тотъ: — петербургская и всѣ уѣздныя.

— Нѣтъ ли намъ наградъ? пошутилъ корнетъ Безсудный.

— *Peut-être* — заговорилъ Бандуревскій.

— Да, какъ же, — держите карманъ! съострилъ Иванъ Михайлычъ: — вамъ не за что давать-то.

Бандуревскій еще больше обидѣлся.

Такъ какъ петербургская почта всегда возбуждаетъ общее любопытство, да и откладывать ея прочтеніе невозможно, то всѣ гости вышли изъ кабинета въ залъ и оставили губернатора наединѣ съ правителемъ канцеляріи.

— Это что? посмотримъ, проговорилъ губернаторъ, принимаясь за первый пакетъ.—А! это отвѣтъ на представленіе Безсуднаго къ наградѣ, — посмотримъ!

— Фю, фю, фю! засвисталъ Александръ Павлычъ, читая бумагу.

— Что такое, ваше превосходительство? спросилъ правитель.

— Да что! пишутъ, батюшка, что награды Безсудный не стоитъ, и просятъ объявить ему, что если онъ будетъ по прежнему нерачителенъ къ службѣ, то его отрѣшатъ отъ должности.

Правитель канцеляріи покачалъ головой.

— По дѣломъ ему, ужь больно задралъ носъ, замѣтилъ губернаторъ: — подите-ка въ залу, прочтите ему эту бумагу, да возвращайтесь поскорѣе.

Правитель пошелъ и въ точности исполнилъ довольно злое приказаніе Муходавлева. Натурально, корнетъ Безсудный очень огорчился, особенно когда Рыковъ и другіе начали надъ нимъ подтрунивать.

— Ну, батюшка, вторая загвоздка; позовите-ка сюда Рыкова, сказалъ Муходавлевъ правителю, когда тотъ возвратился въ кабинетъ. Пришелъ Рыковъ; Муходавлевъ молча подалъ ему бумагу,—тотъ прочиталъ и поблѣднѣлъ.

И точно бумага была забористая: начальство писало, что до него дошли вѣрные слухи, что Николай Филипычъ черезчуръ грабитъ, чему, дескать, примѣромъ можетъ служить крестьянинъ Горюнъ, — наконецъ извѣстно, что его высокородіе поколотилъ до полусмерти одного человѣка; поэтому начальство увѣдомляло его, что оно посылаетъ своего чиновника произвести

строгое слѣдствіе объ управленіи Рыкова, а покамѣстъ уже сдѣлано распоряженіе, для избавленія мужиковъ отъ возможныхъ истязаній; до тѣхъ поръ, пока ихъ управляющій не оправдается по суду, удалить его отъ должности.

— Какое тутъ оправданіе! надо ѣхать въ Петербургъ, да подавать въ отставку, подумалъ Николай Филипычъ:—опять по міру пойдешь!

— Вѣрно Таракановъ проговорился, подумали въ одно время и губернаторъ, и несчастный управляющій.

Николай Филипычъ вышелъ изъ кабинета самъ не свой и сейчасъ же уѣхалъ домой.

— Что съ нимъ? думали остававшіеся гости:—вѣрно плохо!

— Чортъ знаетъ, что за почта, проговорилъ губернаторъ, распечатавъ и пробѣжавъ еще нѣсколько бумагъ.

Правитель канцеляріи превратился весь во вниманіе.

Тычкину, вмѣсто генеральскаго чина,—переводъ въ Сибирь тѣмъ же штабъ-офицеромъ; Бандуревскому—министръ проситъ сказать, что пора и честь знать, подавать-дескать въ отставку.

Правитель канцеляріи пожалъ плечами и подумалъ:

— Ай, ловко же чиститъ Петербургъ!

— Вотъ еще; часъ отъ часу не легче бормоталъ губернаторъ: — имѣнье Антона Михайлыча просятъ описать для продажи съ публичнаго торга. Имѣнье Ивана Михайлыча будетъ черезъ недѣлю продаваться.... У губернатора и бумаги выпали изъ рукъ.

«Бѣда», подумалъ онъ: «семейства пойдутъ по міру; впрочемъ, сами виноваты, сами виноваты», заключилъ онъ и, кончивъ распечатываніе и чтеніе, самодовольно сказалъ правителю:

— А намъ никакой пилюли нѣтъ, — это хорошо.

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ къ гостямъ съ бумагами, относящимися къ нимъ.

Легкомысліе и безсердечіе этого человѣка выразились теперь вполнѣ: онъ роздалъ каждому изъ гостей касавшуюся до него бумагу и, заложивъ руки въ карманы, дерзко и насмѣшливо на нихъ посматривалъ. Разумѣется, гости, прочтя розданныя имъ бумаги, пришли въ состояніе очень невеселое.

— Что дѣлать, господа, съ самодовольной важностью толковалъ имъ Муходавлевъ: — говорилъ я вамъ, — служите хо-

рошенько, живите разсчетливѣе, — вы не слушались.... Теперь вотъ и расписвайте, какъ знаете.

Бѣдные чиновники были такъ ошеломлены, что даже не догадались отвѣтить Александру Павлычу, что онъ имъ никогда такихъ благихъ совѣтовъ не подавалъ, да и самъ-то жилъ не лучше ихъ. Но чиновники молчали, потупивъ головы, а Мухо-давлевъ, конечно, отъ того еще болѣе храбрился.

— Я долженъ сознаться, господа, что я ни въ комъ изъ васъ не встрѣтилъ истинныхъ помощниковъ мнѣ, продолжалъ онъ:— сейчасъ же, съ перваго же дня моего знакомства съ вами, я понялъ, что ваше развитіе и мое — двѣ вещи разныя, что мы съ вами другъ друга не поймемъ.

Муходавлевъ вообще былъ охтникъ бить лежачаго, хоть бы и аристократа, да и похвастаться своимъ *я* онъ очень любилъ.

— Жаль мнѣ васъ, господа, заключилъ онъ: — но вы сами во всемъ виноваты.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, приставалъ къ нему правитель канцеляріи.

Муходавлевъ быстро обернулся.

— Ваше превосходительство, не изволили распечатать одного конверта, — упалъ подъ столъ. Изъ министерства, съ надписью «весьма нужное».

Александръ Павлычъ поспѣшилъ сорвать конвертъ, началъ читать и поблѣднѣлъ; къ концу чтенія съ нимъ чуть дурно не сдѣлалось. Пришла и ему пора расплаты.

Изъ министерства писали (чрезвычайно, впрочемъ, вѣжливо и деликатно), что такъ какъ до правительства доходили уже весьма часто свѣдѣнія о томъ, что въ бѣловодской губерніи дѣлаются весьма многія беззаконія, не говоря уже о мелкихъ безпорядкахъ, которые также не должны быть терпимы, то во ввѣренную управленію Муходавлева губернію назначается строжайшая ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ.

— Господа, извините, едва могъ проговорить губернаторъ, раскланиваясь со своими гостями: — я получилъ весьма важную бумагу и долженъ сейчасъ же садиться за работу.

Съ этимъ словомъ онъ почти побѣжалъ въ кабинетъ.

— Что такое? Что случилось? Въ одинъ голосъ спросили гости у правителя. Тотъ только пожалъ плечами и, слыша голосъ Муходавлева, звавшаго его къ себѣ, полетѣлъ въ кабинетъ.

— Должно быть, что нибудь очень плохо, сказалъ Антонъ Михайлычъ, хватаясь за шапку.

— *Peut-être*, ему тоже звѣзды не дали, сдѣлалъ свое предположеніе Аркадій Аполлонычъ.

«Поѣхать въ клубъ, поразсказать кой-кому», подумалъ Подмахацкій и первый побѣжалъ надѣвать шубу и калоши.

— Плохо, плохо: пришла бѣда, растворяй ворота, говорили убитые горемъ чиновники и отправились сообщать своимъ женамъ о своемъ критическомъ положеніи.

Предоставляю читателю судить о томъ, какъ эта почта подѣйствовала на женъ попавшихся подъ правосудіе правительства чиновниковъ, особенно на тѣхъ женъ, которыя ни въ чемъ не были виноваты: ни въ мотовствѣ, ни въ бюрократическихъ продѣлкахъ супруговъ. Скажемъ одно, что лучшая изъ нихъ, жена Ивана Михайлыча, съ этого времени занемогла и таяла, какъ свѣчка.

— Знаете, что? обратился губернаторъ къ вошедшему въ кабинетъ правителю: — къ намъ ѣдетъ ревизоръ

— Э-ге,—подумалъ правитель:—плохо дѣло!

— Я не знаю, что мнѣ и дѣлать, продолжалъ Александръ Павлычъ:—я совсѣмъ убитъ.

Правитель началъ утѣшать его тѣмъ, что ревизія еще ничего, что даже, если по ревизіи губернія окажется въ хорошемъ положеніи, то губернатору непремѣнно послѣдуетъ большая награда.

У Муходавлева немного прояснилось лицо: онъ, по причинѣ недальности своей въ служебной части, повѣрилъ правителю, а тотъ между тѣмъ думалъ про себя:

— Нѣтъ, братъ, врешь, не удѣлѣешь, слетишь непремѣнно,— потому что ревизію назначаютъ къ тому губернатору, на котораго не надѣются; ну, а развѣ оставятъ на мѣстѣ такого губернатора, на котораго плохая надежда?

— Что теперь дѣлать? спросилъ губернаторъ:—министерство пишетъ, что ревизоръ на дняхъ выѣзжаетъ изъ Петербурга и теперь уже навѣрно въ дорогѣ. Это просто бѣда!

— Да ужь извѣстно, что дѣлать, ваше превосходительство, отвѣчалъ правитель:—хуже губернскаго правленія и полиціи мѣстъ не бываетъ;—особенно правленіе изъ рукъ вонъ.... Такъ за нихъ и приняться, засадить день и ночь работать.

наконецъ многое множество мелкихъ домишекъ, выстроенныхъ большею частію на стать уѣздныхъ городковъ нашихъ, и тѣсно лѣпящихся одинъ подлѣ другаго.

Окрестности села Байдарова неживописны, но въ характерѣ ихъ есть что-то напоминающее обаятельное раздолье степей: въ одну сторону отъ села разстилаются широкой и немного покатой равниной, далеко убѣгая изъ глазъ, богатые, поемные луга, по которымъ извивается въ отлогихъ берегахъ многоводная, величавая рѣка; съ другой — тянутся сѣропесчаныя поля обставленныя, вдали отъ Байдарова, на самомъ краю горизонта, малыми холмами, которые во многихъ мѣстахъ пересѣкаются рощами; тутъ же, какъ стражи этихъ полей, стоятъ два огромные кургана, слѣды давней жизни.

Въ этихъ мѣстахъ .....ской губерніи повелась давнымъ-давно русская жизнь. Село Байдарово уже не одну сотню лѣтъ стоитъ на теперешнемъ мѣстѣ; много событій, имѣвшихъ великое значеніе для земли русской, пронеслось и надъ нимъ. Не одинъ разъ, и въ теченіе долгаго времени, шли тутъ, разсѣевая повсюду смерть и погромъ, полчища кочевниковъ; но не перевелась жизнь въ Байдаровѣ. У жителей его въ старые годы были защита и спасенье: съ одной стороны — въ той широкой рѣкѣ, близь которой находится ихъ селище, такъ какъ черезъ нее нескоро можно было перебраться кочевникамъ, а съ другой — въ примыкавшихъ вплоть къ нему, непроходимыхъ лѣсахъ. Времена тѣхъ великихъ скорбей уже давно миновали; русскій народъ вообще незлопамятенъ, — онъ помнитъ немногое о бѣдахъ своихъ, но это немногое увѣковѣчиваетъ по своему: въ память татарскихъ нашествій онъ зоветъ млечный путь *Батыевой дорогой.*

Есть еще и миѳическія воспоминанія у жителей здѣшняго края. Помнятъ они, что во времена стародавнія жили въ этихъ мѣстахъ люди другаго племени, иного разбора — и не чета они были теперешнимъ мелкимъ человѣчкамъ: то были богатыри, ростомъ выше лѣса стоячаго, сильнѣе невпримѣръ Ильи-Муромца. Жили они просто-на-просто, небольшими поселками, посреди непроходимаго бора. Нужды ихъ домашнія были очень просты—на семь поселковъ былъ у нихъ одинъ только топоръ, который пересылали они изъ поселка въ поселокъ, перебрасывая его поверхъ боровыхъ деревьевъ. (Впрочемъ это былъ такой топоръ, что впослѣдствіи, когда перевелось племя богатырей, мужики племени теперешняго, найдя его какъ-то, выковали изъ

него столько сошниковъ, что достало про всѣхъ обывателей семи большихъ деревень). Богатыри были нелюдимаго нрава и жили одни-одинехоньки, никогда не допуская въ свое общество женщинъ. Неподалеку же отъ ихъ поселковъ проживали отдѣльно богатырши, къ которымъ по временамъ захаживали богатыри въ гости. Такъ-то велось это племя долго-долго, какъ вдругъ случилось слѣдующее странное происшествіе: разъ пахалъ пашню одинъ изъ богатырей (знать, они тоже занимались земледѣліемъ) и пахалъ-то, видно, очень усердно: пройдетъ только разъ сохою — и цѣлая десятина готова. Но вдругъ увидалъ онъ, что чуть-было не наступилъ на какую-то странную тварь, которая тоже какъ будто пахала: богатырь наклонился, поднялъ съ земли и крохотнаго пахаря, и крохотную его лошаденочку, взялъ, умѣстилъ ихъ на широкой ладони, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и хотѣлъ раздавить, какъ гадину. — «Нѣтъ! не тронь!» молвила, загорюнившись, случайно тутъ бывшая богатырша,—«знаешь ли ты, чтò это такое?... Это, вишь, народились новые люди. Мы-то всѣ изомремъ скоро, а въ наше мѣсто будутъ все вотъ какіе человѣчки — и поведется такое племя по конецъ земли....» И точно, говоритъ преданіе, скорехонько послѣ того перевелись богатыри въ этомъ краѣ, а на мѣсто ихъ шибко развелась нынѣшняя мелкота-люди.

Байдаровцы— народъ довольно развитый (между ними весьма много грамотниковъ), бывалый и трудовой. Много мозолей изнашиваютъ ихъ жосткіе пальцы и много денегъ переходитъ чрезъ ихъ руки; но та бѣда—доля у нихъ безталанная: огромному большинству ихъ, чтò называется «міру», трудовая копѣйка вотъ уже давно нейдетъ въ прокъ. Завелась у нихъ на селѣ, въ самой сердцевинѣ «міра», такая мерзкая тля, которая постоянно портитъ да портитъ ихъ дѣло, — но объ этой тлѣ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о трудѣ и промыслѣ байдаровцевъ. Они—бондари на многія мѣста Россіи. Гдѣ только нужны особенно бочки, боченки и кадки, тамъ ужь непремѣнно найдете бондарей изъ Байдарова. Весь Новороссійскій край, а особенно южный берегъ Крыма, хорошо знаютъ нашихъ бондарей. Многіе изъ нихъ достаютъ отъ своего промысла въ годъ рублей по семи сотъ, по тысячѣ ассигнаціями, а иной разъ и съ залишкомъ. Около двухъ тысячъ человѣкъ ежегодно уходятъ изъ Байдарова на сторону, для бондарной работы. Все это прекрасно для всякихъ отчетовъ и статистическихъ описаній, но та бѣда,

повторяемъ, что трудовая копѣйка нейдетъ какъ-то въ прокъ смышленымъ бондарямъ байдаровскимъ.

Описываемое нами село принадлежало прежде знаменитому богачу *N*. Байдаровцы жили при немъ зажиточно и спокойно. Но какъ ни хороша была жизнь *за бариномъ*, а байдаровцамъ давно хотѣлось перемѣны, хотѣлось пожить на своей волѣ. Въ 18** году, узнавши, что баринъ, постоянно жившій до тѣхъ поръ за границей, воротился въ Россію, байдаровскіе крестьяне рѣшили проситься на волю у добраго барина. Весь *міръ* крѣпко ухватился за это предположеніе; но всѣхъ болѣе хлопоталъ бурмистръ байдаровскій Тарасъ Вороненковъ, смышленый и ловкій мужикъ, умѣвшій и дѣло дѣлать, и въ мутной водѣ рыбу ловить. По его совѣту міръ байдаровскій отправилъ къ помѣщику «ходаковъ» просить милости, чтобы соизволилъ отпустить на волю свою вотчину.

Баринъ сначала удивился такой просьбѣ.

— Развѣ нехорошо вамъ у меня? спросилъ онъ довольно сердито у депутатовъ.—Чѣмъ же вы недовольны?

— А нѣту, батюшка, ваше превосходительство! отвѣчали депутаты: — всѣмъ мы довольны отъ вашей милости, — дай Господи много лѣтъ здравствовать!... Да все, то есть оно, тово, словно лучше будетъ.... вѣдь, батюшка, и неровенъ часъ....

— Ну, вотъ,—на что это похоже? промолвилъ совсѣмъ разгнѣванный баринъ.—Настоящіе мужики, то есть, дураки!.. Пошли вонъ съ глазъ моихъ!...

Пріуныли байдаровцы, когда узнали про отказъ на свою просьбу и про гнѣвъ барина.

— Вишь ты, ребята, заговорили-было нѣкоторые крестьяне на сходкѣ: — точно, кажись, не надо бы намъ затѣвать энто дѣло....

— Ну, вотъ разсудили! возразилъ бурмистръ. — Экъ вы!... унывать лишь не надо, а рано ли, поздно ли, дѣльцо безпремѣнно выгоритъ, — вѣдь вода по каплѣ камень долбитъ.... А ужь съ первыхъ разовъ и пятиться стали!...

Вскорѣ послѣ того самъ Вороненковъ отправился къ барину и повезъ порядочную,—конечно, отъ міра собранную,—сумму для подарка вліятельному камердинеру г. *N*. Мѣра эта была очень успѣшна. Камердинеръ постарался внушить барину мысль, что не стоитъ держать за собою крестьянъ, которые такъ неблагодарны къ его милостямъ и попеченіямъ о нихъ, которые, не

умѣя цѣнить той счастливой доли, что состоять за такимъ великолѣпнымъ господиномъ, осмѣливаются добиваться свободы. Впрочемъ, можетъ быть, не добился бы успѣха и такимъ образомъ Вороненковъ, еслибъ сама судьба не помогла его планамъ: барину понадобилось скорѣе предположеннаго ѣхать опять за границу, а вмѣстѣ съ тѣмъ понадобилась ему крупная сумма— и онъ рѣшился отпустить на волю село Байдарово.

Онъ отпустилъ это имѣніе за два милліона ассигнаціями: при самомъ началѣ дѣла объ отпускѣ онъ получилъ съ крестьянъ шестьсотъ тысячъ, да вскорѣ получилъ изъ опекунскаго совѣта, гдѣ для облегченія всей операціи заложилъ Байдарово, слишкомъ восемьсотъ тысячъ; остальную сумму, съ чѣмъ-то пятьсотъ тысячъ, крестьяне должны были выплатить въ извѣстные сроки; долгъ опекунскому совѣту, конечно, на нихъ же остался. До окончательной уплаты долговъ бывшему помѣщику и совѣту, крестьяне байдаровскіе должны были считаться невполнѣ еще получившими свободу.

Разсказывать ли подробно, какъ при сборахъ денегъ на первоначальный взносъ помѣщику и на всякія хлопоты у многихъ крестьянъ побѣднѣе да посемьянистѣе, жилы вытягивались?... А между тѣмъ позабыли или недогадывались они про существованіе земскихъ чиновниковъ....

А Вороненковъ добился своей цѣли: онъ былъ выбранъ единогласно головою и сталъ съ этихъ поръ полновластнымъ хозяиномъ въ Байдаровѣ. Ему уже никто не мѣшалъ распоряжаться мірскими дѣлами, мірскими деньгами; даже личностью крестьянъ. Повсюду нашелъ онъ поддержку своимъ намѣреніямъ, направленнымъ къ тому, чтобы какъ можно больше нажиться на счетъ мірской.

Дѣйствія его были ловки и смѣлы, да обстоятельства сильно тянули на его руку.

Онъ легко убѣдилъ міръ, что для успѣшнаго веденія дѣлъ общественныхъ нужно имѣть на своей сторонѣ всѣхъ главныхъ уѣздныхъ чиновниковъ и многихъ губернскихъ. Всякіе чиновники проторили себѣ широкую дорогу въ Байдарово; въ немъ вдругъ завелось, на случай пріѣзда и проѣзда чиновныхъ особъ, три «въѣзжихъ дома:» одинъ — для крупныхъ, «набольшихъ» чиновниковъ, другой—для среднихъ, третій—для разной мелкоты чиновничьей. Байдарово лежитъ на большой дорогѣ изъ губернскаго города въ уѣздный. Когда разные «сановники»

ные Тарасу Семенычу, такіе притомъ, у которыхъ горло было широкое, да тутъ же стояло нѣсколько богатыхъ мужиковъ, болѣе или менѣе пріятелей Вороненкову и равнодушныхъ къ мірскимъ дѣламъ — и наконецъ первые ряды схода замыкались крестьянами, «у которыхъ голова съ рожденья клиномъ сведена;» а мужичкамъ позубастѣе приходилось оставаться позади. Правда, Вороненковъ встрѣчалъ иногда оппозицію — не по поводу расходовъ, а поборовъ,—но она не сильна бывала; напротивъ, высказывалась робко, непослѣдовательно и неумно. Случалось, что иной мужикъ промолвитъ, глядя на всѣхъ изподлобья и избѣгая глазъ Тараса Семеныча.

— Да что жь эвто, ребята, поборы-то все годъ отъ году прибавляются?... Вонъ на нонѣшній годъ опять накинули!... Право-слово, почитай, и не въ моготу становится....

— А и то, никакъ.... отзовется нѣсколько голосовъ, большею частію изъ заднихъ рядовъ схода.

И при этихъ словахъ вдругъ водворяется мертвая тишина.

— Эхъ, умныя головы!... возражаетъ глухимъ, протяжнымъ голосомъ Вороненковъ. — Не подъ-силу, право, и дѣла-то съ вами вести! Трудишься, трудишься для міра, а все ничего не подѣлаешь. Вотъ теперича Ѳомка цѣлый міръ смутьянитъ. А человѣкъ-отъ онъ какой важный, есть кого послушать: голь, бездомникъ, а тоже міромъ хочетъ заправлять!... Ну, что ты, лѣшій, горло-то дерешь?... Поборы большіе!... Да развѣ поборы не по нуждѣ дѣлаются? Вѣдь въ совѣтъ надоть платить и барину надоть.... а чиновникамъ-то—перестать, что-ли, давать? Сами же вы хотѣли откупиться, — ну, и должно дотянуть дѣло до конца. Оно и тяжеленько, да какъ быть-то? Мы теперича ни то казенные, ни то Богъ-вѣсть какіе, такъ тутъ, знамо, не безъ лишнихъ расходовъ.... А мнѣ-то мало труда достается? Сколько разъ въ «губернію» скатаешь, а не то что̀ въ уѣздный городъ!.. Ломаешь-ломаешь старыя кости-то; изъ-за всякаго мірскаго дѣла все я же въ отвѣтѣ!... Ну, да что толковать? Дураковъ учить, что мертвыхъ лѣчить. А коли такъ,—вы ослобоните меня изъ головъ, а у начальства я ужь вымолю себѣ отставку. Что жь, православные, мнѣ, ей-ей, не въ мочь, больно старъ становлюся, пускай другіе міру послужатъ.... Да вотъ чего лучше? Ѳома Игнатычъ головой будетъ въ мое мѣсто. Важно, чай, станетъ заправлять мірскими дѣлами!... А мы со стороны поглядимъ, какъ Ѳома Игнатычъ хлѣбъ-соль поведетъ съ чи-

новниками, какъ будетъ ладить съ ними по дѣламъ-то и какъ дѣла-то пойдутъ!... Ослобоните, братцы, въ честь прошу!...»

— Что ты, что ты! Тарасъ Семенычъ! раздаются крики со всѣхъ сторонъ. — Да мы безъ тебя, словно малые ребята безъ отца, безъ матери!... Ты началъ дѣло,—тебѣ и кончать.... Всѣ начальники тебя знаютъ, доступъ имѣешь, всѣ тебѣ — рука.... Нѣтъ! ты ужь не покидай насъ!... А Ѳомкѣ-разбойнику мы ротъ-то зажмемъ!...

И накинется тутъ, бывало, народъ православный на бѣднаго Ѳомку, какъ на истаго врага своего. Когда же, послѣ учетнаго схода, начиналась попойка на счетъ головы, Ѳомкѣ приходилось бѣжать со сходки, такъ сильно разражались надъ нимъ брань и угрозы подгулявшихъ міряпъ. Съ своей стороны и Вороненковъ не оставался у Ѳомки въ долгу за дерзновенное покушеніе на его власть: въ первый же рекрутскій наборъ самъ Ѳомка, или сынъ его, либо кто нибудь изъ семьи ужь непремѣнно отправлялся на царскую службу.

Старый и малый въ цѣломъ Байдаровѣ сильно боялись Тараса Семеныча, а коли боялись, значитъ, весьма уважали. Бывало, только покажется онъ на улицѣ, тотчасъ же всѣ снимаютъ шапки и въ поясъ кланяются.

Тарасъ Семенычъ Вороненковъ пользовался уваженіемъ со стороны и сосѣднихъ крестьянъ, ѣзжавшихъ на базары въ Байдарово. Имя его было извѣстно на далекое пространство; многіе помѣщики частехонько выставляли его въ примѣръ своимъ бурмистрамъ и старостамъ. — «Вотъ Вороненковъ, говорили они:—такъ настоящій бурмистръ, даромъ что великая шельма!... Боятся и уважаютъ его въ цѣломъ Байдаровѣ. Да еще какими крестьянами онъ управляетъ? сущими разбойниками, которые издавна и страшно перебалованы, — вѣдь все на оброкѣ были, да и оброкъ-то какой!... Дай Богъ, чтобы наши крестьяне такъ боялись!... За то и порядокъ ведется!...»

Можетъ быть, многіе бурмистры и старосты желали бы взять себѣ въ примѣръ Вороненкова,—да куда! никакъ не угоняешься за такимъ звѣремъ. Да вотъ каковъ человѣкъ онъ былъ: сами чиновники, и даже многоопытные въ жизни, не считали для себя предосудительнымъ совѣтоваться съ нимъ о собственныхъ дѣлахъ. И молодецъ Вороненковъ! онъ скоро понялъ значеніе свое среди этой чиновничей братьи, «ублаготворяемой» имъ на счетъ мірской: съ достоинствомъ держалъ онъ себя между ними,

не поддавался ихъ прихотямъ и ублажалъ ихъ настолько, насколько нужно было ему для его плановъ.

II.

Одинъ лишь человѣкъ во всемъ Байдаровѣ нисколько не боялся Вороненкова, ясно видѣлъ всѣ его вредныя для міра дѣйствія, отъ души его не любилъ; но человѣкъ этотъ махнулъ рукой на все, по особымъ причинамъ вовсе не вмѣшивался въ мірскія дѣла и даже никогда не ходилъ на сходы.

Звали его Прокофьемъ Григорьевымъ Терехинымъ. Онъ былъ уже старикъ лѣтъ семидесяти, кожевникъ по промыслу. Промыселъ этотъ достался ему отъ отца, подъ руководствомъ котораго онъ и началъ заниматься дѣломъ. Никогда не работалъ онъ на чужой сторонѣ, а все жилъ безвыѣздно въ Байдаровѣ и очень любилъ свое родимое селеніе. Разъ онъ такъ сказалъ про него:

— Всю нашу землю изойдн, а не много найдешь такихъ привольныхъ мѣстъ, какъ вотъ наше село. Земля, хоша скудная, да вдоволь ея; а луга-то какіе!... Рѣка-кормилица.... Кругомъ въ деревняхъ — люди все больше зажиточные, можно и дома важно работать: про всѣхъ работы достанетъ. А на чужу сторону зачѣмъ ходить?... Оно бы нештo,колибъ только работали, а то балуются.... извѣстно, — человѣкъ по году домъ и семью не видитъ. Ну, и еще есть причина: оттого, пожалуй, что врозь живутъ и дома-то врозь смотрятъ—про мірское дѣло кому тутъ позаботиться!...

Прокофій Терехинъ былъ очень зажиточный крестьянинъ. Домъ у него былъ, какъ полная чаша; кожевенное заведеніе— большое и исправное; всякихъ пожитковъ и домашней рухляди достало бы про нѣсколько большихъ семей. Кромѣ кожевеннаго дѣла, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ своей жизни, онъ занимался торговлей рощами и дѣло это сильно шло ему въ руку: капиталъ у него былъ уже довольно значительный. Усчитывали на селѣ, что у него въ сундукѣ должно быть свободныхъ денегъ тысячъ тридцать ассигнаціями.

Наружность Прокофія Терехина была характеристическая. Это былъ видный собою старикъ средняго роста, широкоплечій и сильный, съ широкимъ, свѣжимъ лицомъ, съ сѣдоватою окла-

-листою бородою, съ открытымъ, но серьёзнымъ и даже нѣсколько суровымъ взглядомъ.

Онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ и всегда дѣломъ занятъ, даже въ праздники не отдыхалъ за бездѣльемъ. Въ словѣ своемъ онъ стоялъ твердо, въ дѣлѣ былъ честенъ, въ отношеніяхъ къ людямъ простъ и правдивъ. Но вообще въ характерѣ его много было суровости. На это были тоже особыя причины. Съ молодыхъ еще лѣтъ своей долгой жизни онъ началъ «обмирать»: послѣ смерти отца и матери, погибли преждевременно и бѣдственно два его брата, молодцы ловкіе и преданные ему товарищи въ дѣлѣ; а потомъ стали умирать у него дѣти, которыхъ много было и изъ которыхъ остался одинъ только сынъ. Старикъ горячо любилъ свою семью, и трудно было ему видѣть, какъ годъ-отъ-году эта большая, прекрасная, ладная семья таяла, словно вешній снѣгъ. О несчастныхъ утратахъ своихъ онъ имѣлъ одно крѣпкое убѣжденіе: думалъ онъ, что посылаются отъ Бога на него наказанія, не столько за грѣхи его собственные, сколько за грѣхи его отца, который точно былъ человѣкъ нрава тяжелаго и даже жестокаго, а смолоду много погрѣшилъ. Но кромѣ этого убѣжденія, еще семейныя утраты имѣли на Прокофья Григорьева много вліянія: онъ сталъ несообщителенъ съ людьми посторонними, на все, что не прямо до него касалось, смотрѣлъ какъ-то подозрительно, холодно и безъ участія, а подъ конецъ сдѣлался скупъ, «жаденъ на деньгу»— какъ выражались о немъ въ Байдаровѣ. Не измѣнилъ онъ при этомъ честности своей, но тѣмъ не менѣе, казалось, только въ усиленномъ пріобрѣтеніи состоянія онъ и находилъ себѣ утѣху. Въ послѣдніе же пять-шесть лѣтъ было замѣтно въ трудовой его дѣятельности что-то напряженное и безпокойное.

Обращеніе старика Терехина съ семейными своими и работниками было ровное, спокойное, требовательное, строгое. Для всѣхъ въ дому онъ указывалъ работу и занятія; только женѣ своей Катеринѣ, женщинѣ печальной отъ потери дѣтей и набожной, онъ предоставилъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Но съ сыномъ Иваномъ онъ обращался особенно строго.

И странно казалось, почему такъ суровъ былъ старикъ къ Ивану, сыну безотвѣтному и вовсе неспособному выдти изъ воли отцовской, къ человѣку, въ которомъ ни разу не проглянули вредныя свойства или поползновенія къ чему нибудь дурному. Иванъ былъ очень красивый собою молодецъ, лѣтъ уже

подъ-тридцать, темнорусый, голубоглазый, со взглядомъ привѣтливымъ и кроткимъ. Онъ былъ роста высокаго, но жидокъ и слабосиленъ; а во всей физіономіи и осанкѣ его отражалось что-то задумчивое и робкое. Вообще для лѣтъ своихъ онъ былъ уже черезчуръ моложавъ: голосъ у него былъ тихъ и нѣженъ, какъ у дѣвушки; движенія — порывисты, неровны и торопливы.

Вотъ за эту-то торопливость строгій отецъ много попрекалъ Ивана.

— Слóвно ты мальчикъ махонькой! — говаривалъ старикъ Терехинъ сыну: — ну, что ты мечешься, очертя голову? Развѣ такъ надо дѣло дѣлать? Вѣдь нáдо всмотрѣться, да приняться не со сполохомъ, сразу не надсаживаться, — дѣло-то, смотришь, и пойдетъ. Семь разъ примѣрь, да одинъ отрѣжь, — вотъ оно и крѣпко будетъ. А то, словно въ пожаръ, торопится!... Да и въ пожаръ не надо торопиться....

Впрочемъ Прокофій никогда не изобидѣлъ сына своего ни грубымъ толчкомъ, ни даже браннымъ словомъ. Онъ любилъ его чрезвычайно, только не былъ нѣженъ съ нимъ: въ нравѣ его не было мягкости.

Разъ онъ жаловался Катеринѣ на пустую торопливость Ивана:

— Хоть что хошь ты, — нѣту съ нимъ толку. Такъ-то, пожалуй, и мало проку выйдетъ!

— А ты, Прокофій Григорьичъ, не замай его.... Запугаешь больше попреками....

— Да что онъ — махонькой, что ль?... Я ничѣмъ его не обижаю. Ни разу не поучилъ, какъ меня-то, бывало, за все про все отецъ учивалъ. Не любилъ, покойникъ, потачки давать, — чуть чтò не по немъ....

— Нѣтъ! ужь ты, ради Господа!...

— Да знаю, знаю я! Слышь — николи не трону. Вѣдь ты жь видѣла, — я и допрежь того.... Господь съ нимъ! милъ онъ мнѣ, больно милъ.... только не могу, вотъ, утерпѣть, чтобъ не попрекнуть иной разъ: заторопится, замыкается, да все не впопадъ!... Ты бы, Катерина, поучила его, да поговорила бы, чтобъ онъ хорошенько въ дѣло вглядывался, а пуще всего, не торопился бы.

Когда начинается нашъ разсказъ, Иванъ уже восемь лѣтъ былъ женатъ. Какъ только исполнилось ему двадцать лѣтъ, старикъ женилъ его. Елена, жена Ивана, была славная жен-

шина. У нихъ уже было трое сыновей; Иванъ любилъ безъ памяти и дѣтей, и жену. Старикъ Прокофій не нарадовался на внучковъ; особенно любилъ онъ старшаго, который видомъ и нравомъ своимъ походилъ на дѣдушку.

О женитьбѣ Ивана надо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ. За полгода передъ этой женитьбой, голова Вороненковъ засылалъ къ Прокофью Терехину вѣрнаго человѣчка передать старику, что, дескать, голова не прочь будетъ породниться съ нимъ, что за дочерью своей Ульяной дастъ онъ хорошее приданое.

— Нѣту! отвѣчалъ наотрѣзъ Прокофій: — что намъ съ нимъ *родниться?* — неровня мы ему!... Вишь, онъ, словно баринъ, аль какой чиновникъ, даромъ-что бороду понашенски носитъ. Пускай отдаетъ дочку за какого ни-на-есть приказнаго, а то, можетъ, и купецъ ее возьметъ... А намъ, что съ нимъ въ родню входить! Мы люди простые, на счетъ мірской не живали и напредки жить не будемъ. Слава тѣ, Господи, есть у насъ достатокъ честно нажитый, съ насъ и довольно. Намъ что̀ надобно? нуженъ намъ въ семью человѣкъ хорошій, хоша бы и небогатый....

Конечно, Тарасъ Семенычъ Вороненковъ не могъ простить такую обиду. Онъ и давно не долюбливалъ Прокофья Терехина, а теперь возненавидѣлъ его и всю его семью

— Эхидная семья эвто, говаривалъ онъ иногда пріятелямъ своимъ: — кому какъ, а ужь мнѣ она!...

Однако Вороненковъ не рѣшился явно раздорить съ старикомъ Прокофьемъ. Много причинъ останавливало его отъ этого: Терехинъ такъ жилъ на селѣ, что не за что было придраться къ нему, да и въ міру его уважали. Случалось, нѣкоторые байдароны, и довольные и недовольные Вороненковымъ, проговаривали о Терехинѣ, что вотъ, молъ, и Прокофій Григорьичъ знатный былъ бы начальникъ, хоша и оченно крутенекъ нравомъ,—и такія рѣчи не встрѣчали въ міру возраженій. Смутное чувство самосохраненія шептало Вороненкову, что не слѣдуетъ ему затрогивать Терехина, что этотъ человѣкъ можетъ быть ему врагомъ опаснымъ, что борьба съ нимъ была бы крайне трудна, а исходъ ея ненадеженъ.

«Вишь, проклятый!, — думывалъ онъ съ мрачной злобою о старикѣ Прокофьѣ: — словно чортъ въ болотѣ поселился—и не выживешь изъ болота-то!... Вѣдь богатъ, лѣшій, переходилъ

бы въ купцы,—такъ нѣтъ!... Уродится же такой человѣкъ, ни за что ты съ нимъ не поладишь. Породниться хотѣлъ,—такъ куда тебѣ!... Эвту обиду николи не прощу.... То хорошо, по-крайности, что онъ на сходы не ходитъ, въ дѣлахъ мірскія не суется. А все надотъ бы мнѣ сострунить эвтаго стараго волка: думается иной разъ, какъ бы онъ подъ меня не подъискался!...

Но напрасно такъ думалось Тарасу Семенычу. Терехинъ нисколько не заботился о ходѣ мірскихъ дѣлъ. Всѣ поборы платилъ онъ бездоимочно и по первому требованію—и ни разу не выразилъ желанія дознавать—отчего они съ каждымъ годомъ увеличиваются. Разъ только сказалъ онъ сборщикамъ всякихъ мірскихъ податей:

— Опять прибавили на нонѣшній годъ. Экъ вамъ неймется! Больно лакомы стали,—а пора бы и честь знать...

— Мы-то чѣмъ виноваты, Прокофій Григорьичъ? возразили сборщики.

— Толкуй, толкуй!... Вишь невинные, безпричинные!... то ужь не овца, что̀ съ волкомъ въ лѣсъ пошла.... Міроѣды вы!...

— Что ты!... Бога побойся, Прокофій Григорьичъ! Мы, ей-ей, тово.... Да и кого эвто величаешь такъ?...

— Кого?... Чтожь ты думаешь, побоюсь правду сказать?... Главный-то міроѣдъ — Тарасъ Семенычъ Вороненковъ, голова нашъ мудреный, да и вы съ нимъ тоже.

— Сказать-то—не штука, а ты доказалъ бы. А то такъ съвѣтру....

— Нѣтъ, не съ вѣтру!... Мало ль что я вижу, да молчу? Своего дѣла у меня довольно.... старъ я.... да что тутъ?... Вотъ коли бъ міръ нашъ смыслъ имѣлъ, ладенъ былъ,—пожалуй, я и доказать взялся бы. Ну, да что по-пустому калякать? Берите-ко денежки,—вотъ вамъ Богъ, а вотъ и порогъ.

Разговоръ этотъ дошелъ до головы Вороненкова. Чрезвычайно озлобился онъ на старика Терехина, но опять сдержался.— Наконецъ выпалъ-таки случай, по которому оба эти старики сдѣлались отъявленными врагами.

III.

Дѣло вышло вотъ изъ-за чего.

Былъ у Прокофья Григорьева родной племянникъ, сынъ его единственной сестры, Абрамъ Ѳедотовъ Сусловъ,—малый моло-

дой, неглупый, нраву веселаго и добраго, но черезчуръ гульливый, озорной подчасъ, и мастеръ большой позубоскалить, подсмѣяться; за что и слылъ онъ въ Байдаровѣ подъ именемъ «Абрамки-Балахирева.» Малой этотъ жилъ постоянно на сторонѣ, въ калашникахъ и пряничникахъ, и являлся домой только въ рабочую пору да на Рождество. Во все время святокъ онъ много, бывало, кутилъ и безъ-устали потѣшалъ народъ своими выдумками и шутовскими продѣлками; перебывалъ онъ во многихъ городахъ, видалъ балаганное паясничанье и любилъ самъ представлять передъ народомъ разныя штуки. Отецъ его, человѣкъ смирный и робкій, безпрестанно его останавливалъ, дядя Терехинъ вчастую бранилъ за «бездѣлушничество», а раза два и голова Вороненковъ сильно тазалъ его за «озорничество»; но Абрашка все не унимался.

Вотъ какъ-то, тоже о святкахъ, Абрамъ Сусловъ больше обыкновеннаго разкутился.

Надо сказать здѣсь, что Тарасъ Семенычъ, кромѣ офиціальныхъ сходовъ, не жаловалъ никакихъ сборищъ, особенно же святочныхъ, — сборищъ всегда шумныхъ, а иногда и буйныхъ. Онъ не могъ совсѣмъ запретить ихъ, но при всякомъ случаѣ грозно изъявлялъ свое начальническое неудовольствіе. Поэтому, чтобы не наводить на гнѣвъ голову, гульливый народъ собирался гдѣ нибудь подальше отъ его двора. На тотъ разъ, когда случилось описываемое нами происшествіе, такое сборище было въ избѣ кузнеца Антона.

Просторная, съ низкимъ потолкомъ, горница была биткомъ-набита народомъ. Нѣсколько сальныхъ огарковъ, оплывшихъ отъ жара, тускло горѣли въ грязныхъ бутылкахъ, вполовину освѣщая закоптѣлыя стѣны и веселыя, разрумяненныя лица. Зрители всюду помѣстились — съ печи и съ палатей рядкомъ торчали головы. Несмотря на тѣсноту, посрединѣ избы очистили небольшой кружокъ. Здѣсь, прислонясь къ столбушкѣ возлѣ печи, стоялъ молодой, видный собою парень въ александрійской рубашкѣ. Подлѣ него находился «дружко», который громко выкликалъ: «не желаетъ ли кто изъ красныхъ дѣвушекъ, изъ молодыхъ молодушекъ, добраго молодца изъ неволи выкупить?»

Выкупомъ, разумѣется, былъ поцалуй. Но кто ни подходилъ — всѣмъ отказъ, пока дѣвки, съ громкимъ смѣхомъ, не вытолкали изъ-середи себя дюжую и красивую Параню, сердечную зазнобушку Егора, — того парня, что стоялъ у столбушки. За-

краснѣлась Параня, закрыла лицо рукавомъ, подошла, опустивъ глаза, и низехонько поклонилась. Егоръ улыбнулся, встряхнулъ кудрями, обнялъ дѣвушку, поцаловалъ ее три раза въ обѣ щеки и отошелъ отъ столба. «Выкупивъ» парня, Параня заняла его мѣсто. Такъ игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока всѣ другъ съ другомъ перецаловались.

— Ряженые! ряженые!... вдругъ вскричали нѣсколько голосовъ.

Дверь широко распахнулась и въ нее, вмѣстѣ съ клубами морознаго пара, ввалилась ватага новыхъ гостей, въ самыхъ безобразныхъ, уродливыхъ нарядахъ. Впереди всѣхъ старичишка, съ накладнымъ горбомъ и длинною льняной бородою, выкидывалъ ногами какія-то мудреныя колѣнца, а самъ наигрывалъ на гармоникѣ; за нимъ едва двигался неуклюжій медвѣженокъ, котораго съ визгомъ и хохотомъ всѣ толкали, кто рукой, а кто и ногой; дальше выступалъ лѣшій, а тамъ вытягивалъ шею журавль. Наряды ихъ были незатѣйливы, большую роль играли овчинные тулупы, надѣтые на разный ладъ и навыворотъ. Пришелъ и рыбакъ, усѣлся на полу и съ разными приговорками, да прибаутками, началъ закидывать удочку, ловить «рыбу съ руками и ногами». Дѣвки и бабы, которыхъ старался онъ зацѣпить за платье, вырывались отъ него, бѣгали, визжали.... Крикъ, смѣхъ, возня!... За всѣмъ этимъ гамомъ не слыхать уже стало ни гармоники, ни двухъ балалаекъ.

— Смотри-ко-сь, малый, говорилъ парень съ дураковатой рожей, широкимъ носомъ, рыжій, какъ огонь: — вѣдь эвто Абрамка никакъ журавлемъ-то?

— И, нѣтъ, малый! отвѣчалъ другой.—Журавлемъ Петруха Гладышевъ, а Абрамка врядъ нонѣ придетъ.

— Что такъ?

— А какъ же!... Вечерась, какъ онъ чортомъ приходилъ, Сенька поколотилъ его—инда у Абрамки кровь носомъ пошла. Больно озорноватъ Сенька!...

— Онъ въ надеждѣ, что сестра его въ работницахъ у Тараса Семеныча.... молвилъ третій.

— Молчи, покамѣстъ цѣлъ! предупредилъ его товарищъ.

Но Абрамка былъ незлопамятенъ, — да и что ему былъ какой нибудь пинокъ или колотушка, когда дѣло шло о весельѣ? Какъ скоро затѣвали гдѣ игру, ему ужь не сидѣлось дома. Если онъ сегодня опоздалъ, такъ потому только, что не всѣ еще

сборы его были кончены. Закадычные друзья его, Тереха да Гаранька, нескоро заучили, что надо, а безъ нихъ нельзя было обойтиться. Абрамка-Балахиревъ затѣялъ такое представленіе, какого никто сроду не видывалъ въ Байдаровѣ.

Въ то время, какъ всего менѣе о нихъ думали, трое пріятелей явились какъ-тутъ на вечеринку. Абрамка—впереди, двое другихъ немного поодаль. Абрамка шелъ степенно и важно, искоса поглядывая то на ту, то на другую сторону, палочкой изрѣдка въ полъ постукивая и поглаживая льняную, клиномъ остриженную, бороду. У Абрамки углемъ выведены густыя, черныя брови; на немъ синій суконный кафтанъ — ужь Богъ вѣсть откуда досталъ онъ такой,—и выворотные сапоги. Какъ взглянули на него, такъ и покатились со смѣху: живой, какъ есть живой Тарасъ Семенычъ, — и поступь такая же, и взглядъ, даже ростъ, — Абрамка маленько съёжился, да и лѣвой бровью точно такъ же безпрестанно подергиваетъ. А какъ заговорилъ Абрамка—хохотня удвоилась.

Посерединѣ избы товарищи Абрамки засуетились около него и стали очищать ему дорогу.

— Посторонитесь, посторонитесь!... говорили они.—Аль не видите? *Самъ* Тарасъ Семенычъ идетъ!...

И толпа со смѣхомъ раздвигалась, ожидая, что начнется что нибудь занятное. Она не ошиблась.

Тарасъ Семенычъ выдвинулся впередъ, оперся на палочку, понасупилъ брови и протяжно крякнулъ. Съ низкими поклонами *подошелъ* къ нему Тереха, одѣтый въ какіе-то шутовскія лохмотья и весь испачканный сажею.

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!... заговорилъ жалобнымъ голосомъ Тереха:—позволь срубить въ лѣсу хворостинку, утромъ выгонять скотинку.

Тарасъ Семенычъ затопалъ ногами и застучалъ крѣпко палкою.

— Ахъ ты, разбойникъ! такой-сякой!... По твою ли харю лѣсъ растетъ и казна его стережетъ?... Слыхано ли, видано ли— въ лѣсъ тебѣ ходить, да въ лѣсу-то хворостины рубить?... Да я эту хворостину обломаю о твою же спину!

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ! положи гнѣвъ на милость! Выслушай ты наше глупое слово, а у насъ про тебя угощенье готово.

Тутъ Тереха подалъ какой-то кулекъ. *Тарасъ Семенычъ*, съ разными ужимками, заглянулъ сначала въ кулекъ, потомъ взялъ его и привѣсилъ въ рукѣ.

— Ладно! говоритъ онъ, ударивъ мужика по плечу. — На гостинцѣ спасибо, — бери, что̀ тебѣ любо.... Да ты не токма хворостинку, стяни хоть осинку. Только гляди — озирайся, на глаза не попадайся.

Тарасъ Семенычъ опять застучалъ палкою.

— Позовите, говоритъ, сына моего Макара Тарасыча.

Подбѣжалъ Гаранька, представлявшій сына.

— А гдѣ жь ты, Макарушка-болванушка, пропадалъ? Аль во кабакѣ на мои денежки гулялъ?... Смотри ты, Макаръ, я тѣ какъ-разъ вспорку задамъ!... Ахъ, сынъ ты мой любезный! не будь разиней-зѣвакой, а будь такой же, какъ я, собакой... Вотъ, смотри-ко-сь, ни изъ кожи я, ни изъ рожи, а хожу-то теперь не въ рогожѣ. Смолоду я въ поле скотинку гонялъ, а схитрилъ-помудрилъ, такъ и въ головы попалъ! Ну, помни же крѣпко мое наставленье, а вотъ тебѣ родительское благословенье!...

И вслѣдъ за этими словами Абрамка, къ пущей потѣхѣ зрителей, началъ преусердно тузить терпѣливо игравшаго роль свою Гараньку.

— Ахъ ты!... животики надорвешь!... вишь, лѣшій его какъ разбираетъ!... говорили въ толпѣ.

— Настоящій, какъ есть, Тарасъ Семенычъ!... И ругается, словно онъ же!...

Одинъ только пожилой, пасмурный мужикъ, казалось, былъ недоволенъ представленіемъ: онъ все покачивалъ головою и частенько проговаривалъ: «неладно! неладно!»

— Эхъ, малый! молвилъ онъ громко, обратившись къ Абрамкѣ: — шутъ ты настоящій, что̀ и говорить, — а не похвалилъ бы тебя Прокофій Григорьичъ, кабы увидалъ за такими дѣлами.

Абрамка оглянулся. Имя дяди, какъ упрекъ совѣсти, кольнуло его, и на минуту онъ было смутился. Но, тряхнувъ забубенной головою, онъ опять вошелъ въ роль и продолжалъ представленіе, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что и смотрѣть-то! сказалъ пожилой мужикъ, увидавъ, что его увѣщаніе пропало даромъ. — Бѣсамъ только на потѣшенье!... Тьфу!...

И онъ пошелъ изъ избы.

— А и то.... замѣтилъ другой мужикъ:—дядя Кузьма дѣло говоритъ. Пустыя эвто потѣхи. Узнаетъ Тарасъ Семенычъ,— вѣдь какъ достанется!...

— Что жь, дядя Аксенъ? спросилъ дурковатый, рыжій парень, разинувъ огромный ротъ.—Небось, осерчаетъ?...

Не успѣлъ дядя Аксенъ отвѣтить, какъ вдругъ Абрамка, въ жару своей потѣхи, задѣлъ рыжаго парня совсѣмъ нечаянно, но очень больно; рыжій далъ ему сдачи, а Абрамка изо всей мочи полоснулъ его по головѣ. Рыжій взвизгнулъ и бросился вонъ изъ избы опрометью. На улицѣ онъ догналъ мужика, порицавшаго представленіе.

— Куда такъ бѣжишь? спросилъ мужикъ.

— Домой.... отвѣчалъ нетвердо рыжій.

— А что жь не смотрѣлъ?

— Абрамка побилъ.

Мужикъ покачалъ головою.

— Знамо, все дурости, такъ дурость и выходитъ,—произнесъ онъ наставительно.

А между тѣмъ въ избѣ Антона на минуту прерванное представленіе пошло опять своимъ порядкомъ.

Доложили *Тарасу Семенычу*, что пріѣхали чиновники изъ уѣзднаго города.... Но не станемъ передавать въ подробности, какъ *Тарасъ Семенычъ* принималъ гостей *дорогихъ*, какъ угощалъ ихъ всякимъ угощеніемъ, какъ устроивалъ съ ними разныя сдѣлки, и какъ наконецъ, подъ видомъ смиренія и покорности, надулъ самихъ же чиновниковъ: образчикъ грубаго юмора, можетъ быть, уже утомилъ нашихъ читателей.

Въ отрывистыхъ, несвязныхъ, но яркихъ картинахъ Абрамка перебралъ всю жизнь семейную, всю сельскую дѣятельность Тараса Семеныча. Зрители хохотали до-упаду. Въ этой веселости народной сказалась затаенная, общая нелюбовь къ головѣ Вороненкову. А Абрамка, замѣтивъ, что зрителей сильно потѣшаетъ его представленіе, такъ и лѣзъ изъ кожи.

Но Абрамка наконецъ усталъ и хотѣлъ уже кончить представленіе, но кончить соотвѣтственно принятой имъ на себя роли. Вотъ онъ низко-низко поклонился всему собранію и заговорилъ протяжно.

— Господа мои честные, пріятели дорогіе! захотѣлось ужь мнѣ на покой, такъ пойду я къ себѣ домой. А я вамъ очень благодаренъ: живу, поживаю, что̀ твой баринъ! и ужь больно-

больно сытъ, и кармашекъ,—слава тѣ Господи! — вò кáкъ набитъ....

Только-что вымолвилъ онъ слова эти, кто-то схватилъ его за плечо, давая знакъ замолчать; Абрамка, по невольному движенію, остановился и оглянулся,—а между тѣмъ въ избѣ настала мертвая тишина.... Вдругъ, къ ужасу своему, онъ увидалъ настоящаго Тараса Семеныча, увидалъ его лукавое лицо, его безпрестанно движущуюся бородку, его круглые, быстрые и злые глаза, густыя, дугообразныя брови, сѣдую, угловатую голову, съ низко-подрѣзанными на лбу волосами.

— А чтожь сталъ?... промолвилъ глухо, какъ будто сквозь сжатые зубы, Вороненковъ, старавшійся казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ глаза его такъ и горѣли. — Ну-тка, опять!... А съизнова бы, Абрамъ Өедотычъ!... Да повесели же честной народъ.... Ты вѣдь, какъ-есть, настоящій Балахиревъ!...

Но Абрамка, дрожа весь отъ страха, уже сорвалъ накладную бороду, палочку бросилъ и стаскивалъ съ себя черный кафтанъ. Нѣкоторые изъ зрителей какъ разъ замѣтили смущеніе и испугъ Абрамки; несмотря на присутствіе разгнѣваннаго головы, это начинало уже ихъ забавлять и они стали-было посмѣиваться полегоньку.

— Вишь, попался-таки!... смотри-ко-ся!... Абрамка-то... говорили въ толпѣ шопотомъ.

— Спасибо, Абрамъ Өедотычъ!.. продолжалъ Вороненковъ, гнѣвъ котораго начиналъ пробираться наружу. — Спасибо!... Вотъ какъ при народѣ меня цыганишь!... Вишь ты: благо смѣются свиньи эвти разныя, — такъ ты, безстыжіе глаза... Чтожь эвто, послѣдніе дни, что ль, пришли?... Да вотъ я, братецъ ты мой, отучу тебя отъ эвтакаго наругательства!... А вы-то, твари поскудныя!... ахъ вы!... По домамъ, сволочь эдакая!... вотъ я васъ!...

И весь народъ въ одно мгновеніе исчезъ изъ избы, даже самъ хозяинъ, Антонъ кузнецъ, убѣжалъ. Голова съ старшиною, писаремъ и двумя десятскими да Абрамка одни остались на мѣстѣ.

Абрамка окончательно струсилъ. Онъ сталъ на колѣни и взмолился самымъ жалобнымъ голосомъ:

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!... простите!... Вотъ же-ей-ей!... на семъ мѣстѣ провалиться!... напредки—николи не буду!... Другу и недругу....

— А, знаю, что напредки не будешь, возразилъ злобно голова: — я ужь тово.... отучу отъ озорничества, дай срокъ, совсѣмъ-таки раздѣлаюсь!... Что ты Прошкѣ Терёхину племянникъ приходишься, такъ и обнадежился эвтимъ-то! Да нѣтъ, собака! я, вѣдь, ни на кого не посмотрю.... Вишь, родъ вашъ ехидный!...

Затѣмъ онъ подозвалъ десятскихъ.

— Возьмите-ка его, разбойника, сказалъ онъ имъ: — да посадите въ тёмную! Чорстваго хлѣба ему по ломтю утромъ и вечеромъ, да водицы.... Я-те протрезвлю! Я, братъ, съ тобой справлюсь!... Воля-то у меня надъ вами не отнята!...

Подхватили десятскіе раба Божія Абрамку Суслова, скрутили ему руки назадъ такъ, что чуть костей не переломали, угостили его тутъ же добрыми пинками и треухами да потомъ и втолкнули въ арестантскую при конторѣ,—темную, холодную, сырую и мрачную комнату. Три дня, три ночи прогостилъ въ арестантской бѣдный «Балакиревъ», и только на четвертые сутки былъ выпущенъ самимъ головою, который при этомъ вдоволь понатѣшился своимъ значеніемъ.... Абрамъ Сусловъ былъ не изъ храбраго десятка, угрозы Тараса Семеныча навели на него великій страхъ. Да и какъ было не струсить ему? Никто за него не заступился, даже самые близкіе родные.

Отецъ Абрама, узнавъ про арестъ его за такія проказы, не рѣшился самъ идти къ головѣ просить о сынѣ, а кинулся къ старику Терёхину. Но Прокофій Григорьевъ и слышать не хотѣлъ о заступничествѣ за Абрама, да и отцу его наказалъ строго-на-строго—не ходить къ головѣ просить прощенія, ни въ контору спровѣдывать сына.

— Нѣту, Ѳедотъ, говорилъ онъ старику: — не моги и думать ходить; вѣдь Абрамка-то взаправду больно виноватъ; вишь, вздумалъ зубы скалить надъ мірскимъ дѣломъ!... Какой тутъ смѣхъ!... А пускай хорошенько проберутъ его голодъ да холодъ; небось, не развалится, а можетъ, и поумнѣетъ напредки. Тебѣ, братъ Ѳедотъ, надо бы построже, а то малый-то непутевый выходитъ: испиваетъ частенько, дѣломъ неладно займется: ну, много ль отъ него пользы для дому?... шутомъ на міру сталъ, а ужь это послѣднее дѣло.... А къ головѣ зачѣмъ ходить! какой тамъ милости просить у него?... Не дастъ онъ разума Абрашкѣ да и не уморитъ его въ темной; на это воли у него нѣтъ: подержитъ-подержитъ да самъ и выпуститъ....

60. 61

IV.

Съ годъ прошло послѣ этого происшествія, а къ концу того года пришелся рекрутскій наборъ. И вспомнилъ тогда, въ самую пору, Тарасъ Семенычъ о дерзновенномъ зубоскальствѣ Абрамки Суслова, а особенно о томъ, что, при такой большой винѣ, никто изъ родныхъ виноватаго,—не только дядя Терехинъ, ни даже Өедотъ Сусловъ, «не покорились», не пришли просить милости и прощенія.

Когда пришло время везти рекрутъ, голова Вороненковъ ловко распорядился. Разъ, поздно вечеромъ, собралъ онъ сходъ изъ самыхъ преданныхъ ему людей и составилъ приговоръ на отдачу въ военную службу, за порочное поведеніе, Абрама Өедотова Суслова. Затѣмъ, въ ту же ночь, онъ приказалъ переловить на селѣ очередныхъ молодыхъ парней, передъ самымъ выѣздомъ лично захватилъ и Абрама—и тотчасъ же отправился въ губернскій городъ.

Ошеломленный Өедотъ Сусловъ, у котораго Абрамъ былъ единственный сынъ, прямо кинулся въ домъ Терехиныхъ, разбудилъ старика Прокофья и съ громкими рыданіями повалился ему въ ноги.

— Прокофій Григорьичъ!—говорилъ несчастный Өедотъ:—спаси!... заступися!... Господи!... Абрамку въ некрута повезли!..

— Какъ!... когда?... вскричалъ изумленный Прокофій.

— Ночью.... вотъ теперича взяли,—увезли ужъ!... Самъ голова поѣхалъ... Что дѣлать... Господи!.. что дѣлать-то мнѣ?...

Между тѣмъ въ домѣ всѣ проснулись, кромѣ малыхъ дѣтей. Въ горницу, гдѣ Прокофій говорилъ съ Сусловымъ, прибѣжали Иванъ Терехинъ, жена его Алена и мать. Женщины, глядя на бѣднаго Өедота, горько плакали, а Иванъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: его поразило это, первое на его глазахъ, семейное горе.

— Ну, ну!... молвилъ старикъ Прокофій обращаясь къ семейнымъ своимъ. — Испужалися какъ!... головы потеряли!... Богъ не безъ милости!... А Иванъ-то... эхъ, прости Господи!...

И, не говоря больше ни слова, старикъ надѣлъ полушубокъ, кинулся на дворъ и самъ проворно запрягъ лучшую лошадь.

Потомъ вбѣжалъ въ избу, взялъ шапку и накинулъ тулупъ на плечи.

— Поѣдемъ.... сказалъ онъ отрывисто Ѳедоту.

Въ эту минуту Иванъ, тоже совсѣмъ одѣтый по дорожному, подошелъ къ отцу.

— Батюшка!... пролепеталъ онъ, задыхаясь отъ волненія:— меня возьми съ собою....

— Нѣту!... отвѣчалъ старикъ.

Иванъ въ какомъ-то отчаяніи опустилъ голову.

— Прокофій Григорьичъ, молвила Катерина: — онъ не помѣха тебѣ.... возьми и его....

Старикъ съ минуту подумалъ.

— Ну!... тихо вымолвилъ онъ и махнулъ рукой сыну, чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ.

И всѣ трое тотчасъ же отправились.

Прокофій самъ сталъ править и погналъ изо всей мочи свою сильную лошадь; верстахъ въ пяти отъ Байдарова настигли они цѣлый поѣздъ. Впереди, на тройкѣ, въ плотно-укрытой повозкѣ, ѣхалъ тихою рысцою Тарасъ Семенычъ съ волостнымъ писаремъ; за нимъ тянулись десять подводъ съ рекрутами и съ караульщиками при нихъ. Всѣ почти рекруты были скованы по ногамъ; большая часть изъ нихъ, какъ истые байдаровцы, народъ бывалый, привыкшій смолоду къ перемѣнамъ въ жизни, сидѣли въ саняхъ равнодушно, какъ ни въ чемъ не бывало; а четверо, успѣвшіе, передъ самымъ отправленіемъ въ путь, хлѣбнуть порядкомъ винца, пѣли во все горло какія-то пѣсни. Но нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ и Абрамъ Сусловъ, лежали ничкомъ въ саняхъ.

— Стой, ребята!... громко крикнулъ поѣзду старикъ Терехинъ.

Весь поѣздъ остановился. Пробужденный внезапной остановкою отъ пріятной дремоты, Тарасъ Семенычъ выглянулъ изъ повозки.

— Что тамъ? спросилъ онъ.

Прокофій, приказавъ сыну держать лошадь, подошелъ съ Ѳедотомъ Сусловымъ къ повозкѣ Вороненкова. За нѣсколько шаговъ до повозки онъ раза два повторилъ Ѳедоту: «ты погоди... я стану... поговорю...» Сильно кипѣло у старика на сердцѣ.

— Тарасъ Семенычъ!... сказалъ онъ Вороненкову. — Ты зачѣмъ это взялъ?... зачѣмъ везешь вотъ и его сына?...

— А тебѣ что за дѣло? отвѣчалъ голова.

— Какъ, что̀ за дѣло? продолжалъ Прокофій: — онъ родной племянникъ мнѣ!... Онъ — одинъ сынъ у отца!... Развѣ ты по закону везешь его теперича?...

— Ахъ ты, старый смутникъ, закричалъ грозно Вороненковъ: — да какъ ты посмѣлъ остановить меня?... Какъ смѣлъ-то?.. Я дѣло вотъ исполняю, а ты, словно разбойникъ, останавливаешь середь дороги!... Да я тебя....

— Ты на меня не кричи! возразилъ Терехинъ.—Пустыми-то рѣчами не запугаешь меня, — я тебѣ не кто другой. Дѣломъ ты сказывай: зачѣмъ взялъ Абрамку?...

— Вотъ такъ, я и скажу тебѣ!.. какъ бы не такъ!.. Отколь энто указъ ты мнѣ привезъ?.. Аль тебя въ начальники надо мной поставили, что посмѣлъ такъ-то допрашивать?...

— Нѣту, я не начальникъ тебѣ.... Богъ съ тобой, ты начальствуй.... Да вѣдь всякой, кажись, можетъ и долженъ спрашивать: за что и куда его сына берутъ.... по закону, аль не по закону?...

— Ахъ ты, разбойникъ!... Прислушай, ребята: вотъ онъ каковъ есть озорникъ!... Ну, братецъ ты мой! справлюсь я и съ тобою теперича!... Отъ начальства отвѣта сталъ требовать!... Дай срокъ!... Много ужь я терпѣлъ отъ тебя, стараго чорта!...

— Не смѣй ты называть такъ меня! перервалъ гнѣвный Прокофій: — не смѣй, воръ, міроѣдъ, приказный прихвостень!... Я не старый чортъ, а человѣкъ старый — ликъ Божій на мнѣ есть!... Не смѣй!... А теперича я тебѣ дѣломъ сказываю: отпусти сейчасъ Абрамку!...

— Батюшка! Тарасъ Семенычъ! отецъ родной! завопилъ Ѳедотъ Сусловъ, бросясь на колѣни передъ повозкой. — Не погуби до конца!... Одинъ сынъ и есть у меня! Что хошь со мной дѣлай!... У Абрамки ребятишки махонькіе!... Батюшка!... смилуйся!...

Но Вороненковъ и слушать не хотѣлъ жалостныхъ рѣчей старика Суслова. Воспользовавшись тѣмъ, что Прокофій Терёхинъ замолчалъ, онъ предался неистовой ярости и заругался во всю мочь. Когда наконецъ изсякъ потокъ его мерзкихъ словъ, Терёхинъ сказалъ ему:

— Слушай же ты, песъ-міроѣдъ!... Отселева — недругъ ты мнѣ заклятой и я тебѣ недругъ!... Вотъ сначала людской судъ насъ разсудитъ, а тамъ — вѣдь недолго намъ ждать — придетъ

и судъ Божій!... Думалъ я, грѣшникъ.... суди жь меня Господь.... не хотѣлъ все я взяться за мірскую правду, а теперича, — вотъ тебѣ Христосъ!... возьмуся!...

— Вишь, чѣмъ угрозилъ! злобно сказалъ Вороненковъ. — Я, братъ, не-токмà-что... и до твоего сынка, пожалуй, доберуся!... Воля-то есть у меня!... А тебѣ, смутнику, старому дураку, найду мѣсто, — дай срокъ!... Трогай, ребята!

И поѣздъ тронулся полегоньку.

— Не попуститъ тебя Богъ долго злыя дѣла дѣлать! тихо промолвилъ старикъ Терёхинъ, глядя вслѣдъ удалявшимся подводамъ. — Господи! грѣшилъ я, видѣлъ все и не хотѣлъ... Господи! пришелъ часъ воли Твоей!

Потомъ отдалъ онъ свою лошадь Ѳедоту Суслову, чтобы тотъ ѣхалъ въ городъ и просилъ бы чиновниковъ о помилованіи сына.

— Можетъ, и сжалятся... сказалъ онъ съ горькой усмѣшкою.

Несчастный Сусловъ тотчасъ же отправился, а Терёхины пошли домой.

Понуривъ голову, Прокофій шелъ то тихо, то скоро. Изрѣдка глубокій вздохъ, словно подавляемый стонъ, вылеталъ изъ его широкой груди. Рядомъ съ нимъ шелъ сынъ его, безпрестанно спотыкаясь отъ мѣсившагося подъ ногами снѣга и не отводя глазъ отъ поникшей головы отца. Въ этой старой головѣ кипѣли тогда печальныя мысли. Видѣлъ Иванъ, что отецъ его трудную думу думаетъ, никогда прежде не замѣчалъ онъ въ немъ такого разстройства, такой печали — и замирало сердце у молодаго парня. Раза два прошепталъ Прокофій какія-то короткія слова, но сынъ не могъ разобрать ихъ.

Глухая ночь стояла еще надъ окрестностью. Темныя облака висѣли сплошной массою на небѣ. Порывистый вѣтеръ, запѣвая иной разъ пискливую пѣсню, подгонялъ нашихъ путниковъ. Легкая метелица вздымала въ полѣ рыхлый снѣгъ и гнала его по сторонамъ проселочной дороги.

Скоро Терехины стали подходить къ Байдарову, уже глухо доносился до нихъ крикъ пѣтуховъ на селѣ. Кое-гдѣ порѣдѣла наконецъ темь ночная, а въ самомъ верху неба тускло проглянули звѣзды — и вѣтеръ сталъ утихать. Еще съ четверть версты прошли Терёхины и, въ видѣ темной полосы на краю горизонта, показалось передъ ними родное селеніе. Видно было, что Байдарово стало уже просыпаться; въ иныхъ мѣстахъ под-

нимались надъ нимъ столбы изкрасна-голубоватаго дыма, а въ одной изъ церквей раздавался рѣдкій благовѣстъ къ заутрени.

Старикъ Терехинъ остановился и снялъ шапку. Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ неподвижно, съ опущенной низко головою.

— Мой это грѣхъ!... мой грѣхъ великій!... произнесъ онъ наконецъ вполголоса, прижимая крѣпко къ груди правую руку.

Слова эти заставили вздрогнуть Ивана, но еще больше смутился онъ духомъ, когда увидалъ, что отецъ его, никогда при немъ не плакавшій, отираетъ слезы.

— Батюшка! осмѣлился промолвить Иванъ:—а батюшка!... можетъ, и не отдадутъ его...

— Не о томъ... оставь... отвѣчалъ тихо старикъ. Потомъ онъ набожно перекрестился три раза и сказалъ, какъ бы про себя: — авось... и мнѣ, грѣшнику, Господь, поможетъ!...

V.

Когда Прокофій возвратился домой, Катерина, увидавъ только его да сына, залилась горькими слезами, а жена Абрама Суслова, тутъ же бывшая съ дѣтьми своими, заголосила, какъ о покойникѣ. Имъ вторила, плача на-взрыдъ, жена Ивана Терехина; дѣти Абрамкины и Ивановы, глядя на старшихъ, тоже плакали. Этотъ взрывъ общей горести произвелъ страшное впечатлѣніе на душу старика, сильно потрясенную не столько гнѣвомъ противъ Воронецкова и жалостью къ участи племянника, сколько одною тяжкою думою, которая подавляла всѣ его мысли и чувства. Прокофій не могъ удержаться и тоже заплакалъ, какъ никогда въ жизнь не плакалъ. На нѣсколько минутъ тоска одолѣла его — онъ не находилъ себѣ мѣста: то вставалъ съ лавки и ходилъ по горницѣ, то садился опять, то подходилъ къ Катеринѣ или къ женѣ Абрама и какъ бы хотѣлъ сказать имъ что-то, то становился насупротивъ образовъ, словно собирался молиться. А сынъ его сидѣлъ, прислонясь къ стѣнѣ, и не плакалъ, но его била лихорадка, и по тревожному взору его, безсознательно слѣдившему за движеніями отца, по его блѣдному лицу, на которомъ чрезвычайно рѣзко выражался глубокій ужасъ, можно было замѣтить, что душа его чуть ли не больше всѣхъ потрясена.

Наконецъ старикъ Терехинъ какъ бы опомнился и возобладалъ надъ движеніями души своей. Онъ нѣсколько разъ поклонился въ землю передъ образами, шепча молитвенныя слова; за нимъ помолились и всѣ. Переставъ молиться, Прокофій сказалъ женѣ своей:

— Воля Божья, Катерина!... Попускаетъ Онъ злодѣю, — знать, наказать насъ хочетъ, вѣру нашу испытать....

Катерина перекрестилась.

— Гдѣ жь Ѳедотъ-то? спросила она.

— Въ городъ поѣхалъ.... я лошадь далъ... Нельзя же — проводитъ сына.

— Можетъ, упроситъ судей праведныхъ... молвила робко Катерина.

— Нѣту, отвѣчалъ Прокофій: — нечего тутъ надѣяться, — голова настоитъ на своемъ. Не минуетъ Абрамка солдатства.

Жена Абрамкина опять заголосила.

— Ну, перестань же! строго прикрикнулъ на нее старикъ:— вѣдь слезами тутъ не поможешь. Молися Богу лучше! Есть у васъ родные,—вотъ хоть бы мы,— не покинемъ же васъ всѣхъ.

Но жена Абрамова не переставала рыдать и причитать. Наконецъ Прокофій велѣлъ Ивану и работнику отвести ее домой, а Катеринѣ сказалъ, чтобы она шла съ ними же да присмотрѣла за бѣдной женщиной.

Когда ушли они, онъ сталъ собираться ѣхать въ рощу. Въ это время онъ такъ уже владѣлъ собою, что на лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ недавней тревожной печали, только взглядъ его темносѣрыхъ глазъ сталъ тусклъ и суровѣе обыкновеннаго.

Однако же не удалось Прокофью тотчасъ выѣхать изъ дому. Лишь только взялся онъ за шапку, какъ въ горницу къ нему стали набираться сосѣди, уже провѣдавшіе о ночной поѣздкѣ Терехиныхъ и Суслова въ погонь за головою. Сосѣдскія бабы стали перешептываться съ Аленой, а мужики обратились къ Прокофью.

— Да что такое приключилося? спрашивали они. -За что жь эвто повезли въ некрута Абрама Суслова?

— А спросили бъ вы у стараго бѣса — прости Господи — у Тараса Воронепкова! отвѣчалъ гнѣвно старикъ.

— Гдѣ жь его спрашивать теперича? возразилъ Антипъ Ишутинъ, мужикъ простой и болтливый: — вишь, голова-то

уѣхалъ; чай, дня четыре, аль и больше, проѣздитъ. Ты-то, Прокофій Григорьичъ, долженъ знать; слышно, ты догонялъ его.

— Да, догонялъ и догналъ, да и сказалъ ему, что онъ воръ, міроѣдъ, старой песъ эдакой!...

— Какъ-таки! вскрикнули двое изъ сосѣдей, а на лицахъ прочихъ выразилось величайшее изумленіе.

— Да такъ! возразилъ Терехинъ. — А что жь?... Не побоюсь я сказать правду!... Вишь, онъ, злодѣй, коли захочетъ,— надъ всякимъ измывается! Вѣдь Абрамка-то Сусловъ одинъ сынъ у отца!...

— Слышалъ я, братцы, сказалъ Ишутинъ: — что вчера ночью голова приговоръ сдѣлалъ, чтобы, то есть, отдать Абрама за порочность.... Эхъ! отца-то больно жаль!...

— Приговоръ сдѣлалъ! молвилъ съ презрѣніемъ Прокофій.— Ну, да знамо дѣло, этотъ приказный прихвостень все на приказную стать обдѣлалъ!... Да что, — развѣ по одной некрутчинѣ неправда? развѣ это одно? Вотъ хоть бы поборы, оброки какіе!... А отъ него все это!...

— Оно, знамо, тяжелѣй стало супротивъ прежняго-то, заговорили нѣкоторые.

— Да вы поглядите-ко только, продолжалъ Прокофій,—вѣдь онъ и не скрывается: какой домина поставилъ! какую фабрику завелъ!... А чѣмъ такимъ торговалъ—расторговался? На чьи все это денежки?... На мірскія, братцы, на наши кровныя! А, чай, помните вы, какъ онѣ достаются? Сколько верстъ исходятъ наши ребята, чтобъ только работу найти.... не одинъ денекъ гнутъ они спину за работой-то... А въ чью добычу потовая работа достается? Тарасу Семенычу Вороненкову она дома строитъ, фабрики заводитъ! Тараса Семеныча она въ лисьи шубы рядитъ, сытной ѣдою, сладкимъ питьемъ угощаетъ, бариномъ нашимъ дѣлаетъ!... Эхъ, за свои же денежки какое лихо мы себѣ купили!... Вотъ теперича мы и вольные стали!... Да развѣ это свобода?...

— Воля Божья! промолвилъ старикъ Ефимъ Моргунцовъ, а прочіе тяжело вздохнули.

— Нѣту, братцы! возразилъ Терехинъ: — не Божья воля,— это наша воля глупая!... Словно мы робятишки махонькіе!... Учесть его не умѣемъ!

Сказавъ эти слова, Прокофій сталъ поглядывать на собесѣдниковъ своихъ пытливо и съ видимымъ безпокойствомъ. На ли-

цахъ ихъ всѣхъ тоже выразилась тревога. Съ минуту всѣ молчали; наконецъ Алексѣй Дёминъ, человѣкъ нраву безпокойнаго и сварливаго, сказалъ Терехину:

— Да ты, Прокофій Григорьичъ, что жь прежде его не учитывалъ?... Бывало, и на сходы николи не придешь.... А теперича вотъ подбиваешь!...

— Грѣшенъ я, печально отвѣчалъ смущенный старикъ: — грѣшенъ передъ Господомъ Богомъ, передъ добрыми людьми, передъ всѣмъ міромъ православнымъ!... И слезно каюся!... Думалъ я, что мнѣ одному не подобаетъ вести дѣло мірское.... Да чего... больше я грѣшенъ: думалъ я, какъ бы только поспокойнѣй прожить....

— Вишь ты когда образумился! молвилъ Дёминъ съ укоризною. — Вотъ, какъ куснулъ онъ тебя самого, ты эвто и сталъ заговаривать про мірское дѣло.

— И то правда, отозвались нѣкоторые.

— И я скажу: правда! отвѣчалъ Прокофій. — Упрекайте меня, братцы, по-дѣломъ мнѣ! Вотъ за то, что я позабыть хотѣлъ про мірскую обиду, и меня задѣлъ злодѣй мірской. Только твердо вамъ говорю: я-то опомнился, въ разумъ пришелъ! Не позабудьте же рѣчей моихъ: за мірское дѣло надо стоять дружно, такъ Богъ велитъ! Надо стоять, живота не жалѣючи!... И какъ вы тамъ хотите, а я за міръ потягаюсь съ Тарасомъ Вороненковымъ. Дѣло порѣшеное, и я на все готовъ!...

— А никакъ ужь напрасно, Прокофій Григорьичъ!... сказалъ опять Дёминъ какъ-то насмѣшливо.

Опустивъ голову, прочіе собесѣдники молча и задумчиво смотрѣли въ землю. Старикъ поглядѣлъ на всѣхъ, покачалъ слегка головою и тихо промолвилъ:

— Что жь, братцы! не замай,—вы въ сторонѣ, я и одинъ— помоги Господи — дѣло начну....

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ Иванъ Терехинъ. Увидавъ его, Прокофій вдругъ замолчалъ, провелъ рукой по лбу и сказалъ сосѣдямъ:

— Прощайте покуда, а мнѣ вотъ надо съѣздить въ рощу.

— Такъ какъ же ты съ головою-то? спросилъ Антипъ Ишутинъ.

— Ну, что тутъ еще калякать! возразилъ сурово Прокофій: — мнѣ вотъ ѣхать пора.

Минуты съ двѣ сосѣди побыли еще тутъ, а потомъ молча стали расходиться одинъ за другимъ.

Старикъ Терехинъ наскоро собрался въ недальнюю дорогу. Передъ тѣмъ, какъ садиться въ сани, онъ отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему:

— Ты, малый, смотри у меня, — ничего не болтай, не въ свое дѣло не суйся.

— О чемъ это, батюшка? спросилъ Иванъ.

— А объ Абрашкѣ. Помни: дѣло твое тутъ, какъ есть, сторона. Станутъ тебя спрашивать, коротенько отвѣчай; повезли, молъ, въ солдаты — да и только. А про что говорилъ я съ головою, ничего не моги сказать. Ты тутъ не суйся, говорю.

— А если.... началъ-было Иванъ.

— Ну, что тамъ! перервалъ сердито старикъ.—Наказалъ я тебѣ — и держи крѣпко, что̀ наказано. Теперича еще слушай: коли что̀ я начну, ты ни во что̀ не входи, не говори ни съ кѣмъ да и мнѣ не разсказывай, что̀ услышишь, никакихъ рѣчей не переноси. Было бъ тебѣ напередъ сказано.... Знаешь ты меня, аль нѣтъ?... Что̀ я задумалъ — и одинъ сдѣлаю, а ты мнѣ въ помощь не годишься; пожалуй, помѣхою только будешь.

При послѣднихъ словахъ Иванъ видимо опечалился.

— Сокрушаться не о чемъ, молвилъ старикъ тихо и ласково; — я вѣдь потому такъ говорю, что ты еще въ силу не вошелъ, никакихъ дѣлъ не знаешь; знамо, изъ моей руки все смотрѣлъ, да и нравъ-то у тебя невыносливый для труднаго дѣла....

Старикъ посмотрѣлъ еще нѣсколько на сына, тряхнулъ потомъ головою, какъ бы въ подтвержденіе мысли своей о неспособности его участвовать въ трудномъ предпріятіи, и наконецъ, посадивъ къ себѣ въ сани любимаго своего внучка Гришу, отправился въ рощу.

Всю дорогу дума его вертѣлась или на томъ, что надо непремѣнно и какъ можно скорѣе начать дѣло обо всѣхъ неправдахъ Вороненкова, или на томъ, что всячески не должно допускать Ивана до какого-нибудь участія въ дѣлѣ.

«Гдѣ же ему? силы нѣтъ такой!...» разсуждалъ онъ о сынѣ своемъ. «Бѣды только наживетъ даромъ. Мнѣ ужь немного вѣку осталось, — передъ концомъ послужу міру вѣрою и правдою, а Ивану что̀ накликать на себя злобу Вороненкова?»

Между тѣмъ какъ занимали его такія мысли, онъ уже не правилъ лошадью, и она брела черезчуръ медленно и неровной поступью.

— Дѣдушка! а дѣдушка! сказалъ Гриша, заглядывая въ глаза дѣду. — Дай-ко мнѣ возжи-то.

— А на что̀ тебѣ? спросилъ старикъ, словно очнувшись.

— Да ты не правишь, думаешь все.... отвѣчалъ мальчикъ, улыбаясь.

— Вишь ты! молвилъ Прокофій, тоже улыбнувшись. — Вотъ такъ ты и замѣтилъ, что я все думаю?

— А какъ же! возразилъ ребенокъ: — я вѣдь вижу, что думаешь, больно-много думаешь....

Старикъ отдалъ ему возжи, ласково посмотрѣлъ на него и подумалъ: «будетъ прокъ въ маломъ!... Эхъ, кабы Ванюша такой былъ!... А то скоро умру, кто жь тогда за міръ-то постоитъ?» И съ новой печалью старикъ опустилъ голову.

Прокофій пробылъ до вечера въ рощѣ, гдѣ у него была выстроена изба. Дѣлами своими по лѣсному промыслу онъ занялся усердно; неторопясь и внимательно осмотрѣлъ срубленный лѣсъ, приготовленный для разныхъ подѣлокъ; неторопливо же и спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшихъ работъ. Только съ работниками онъ былъ неразговорчивъ: при всѣхъ этихъ занятіяхъ въ рощѣ мысль его была теперь далеко—онъ все думалъ о томъ, какъ и съ чего именно начать дѣло съ Вороненковымъ.

«Помощи отъ міру нечего ждать, разсуждалъ онъ самъ съ собою: — одному, какъ есть, придется. Изъ воли Вороненкова ни за что не выдутъ. Поздно я за умъ хватился.... Можетъ, свѣкуетъ онъ головою, можетъ пропаду изъ-за-напрасна.... Трудно ужь теперь дѣло-то начать! Вездѣ есть неправды Тарасовы, — а какъ доказать на него? А и то: пусть будетъ воля Божія! Сказалъ я Вороненкову, что разсужусь съ нимъ сначала судомъ людскимъ — и не отстану-таки отъ слова. Немного мнѣ жить осталось, надо для души потрудиться....»

Къ ночи Прокофій воротился домой. Послѣ ужина, Катерина подошла къ нему и сказала:

— Прокофій Григорьичъ, не прогнѣвись на меня, а я опять хочу поспрошать на счетъ Абрама-то....

— А что нужно?

— Неужли-таки отдадутъ его въ солдаты? Можетъ, голова постращать его хочетъ.

— Вишь ты! По твоему, шутки шутить онъ вздумалъ. Нѣтъ, порѣшилъ онъ дѣло не въ шутку.... А я тебѣ вотъ что скажу: изъ-за насъ угодилъ Абрамка въ солдаты. Не досталъ Вороненковъ по коню, такъ изначала по оглоблямъ ударилъ!...

— А начальники-то.... одинъ сынъ у отца!... ужли не смилуются?... промолвила со слезами Катерина.

— Вѣдь ужь я сказалъ давича: нечего тутъ надѣяться. Голова настоитъ на своемъ.... Злому человѣку завсегда много зла надобно.

Катерина еще больше заплакала.

— А ложись-ко спать, сказалъ старикъ: — что горевать-то? Баба ты набожная, молись больше.... поднимаетъ молитва погибающихъ со дна морскаго!

— Какъ бы и намъ теперича.... прошептала чуть слышно Катерина.

— А что намъ? сурово возразилъ старикъ:—воли Божьей не минуешь. На семъ свѣтѣ зачастую и неправда верхъ беретъ.... Говорю тебѣ — молися.

На другой день старикъ Терехинъ съѣздилъ въ Суходолъ и перепродалъ знакомому купцу довольно выгодно свою рощу, да кромѣ того сбылъ за хорошія деньги весь почти кожевенный товаръ, заготовленный у него въ заведеніи. Послѣ этихъ распоряженій онъ сталъ гораздо спокойнѣе духомъ.

«Ну», думалъ онъ, «что̀ бы теперича ни случилось, а Ивану и всей семьѣ будетъ, чѣмъ вѣкъ прожить, коли Господь грѣхамъ потерпитъ.»

Въ слѣдующіе дни онъ сталъ собирать свѣдѣнія объ обидахъ, сдѣланныхъ Вороненковымъ, какъ всему міру, такъ и разнымъ лицамъ изъ байдаровцевъ. Но неохотно проговаривались обиженные.

— Да на что тебѣ, Прокофій Григорьичъ? отвѣчали они на его распросы. — Вѣдь ужь эвто давно было. Мы и тогда не жаловались. Гдѣ ужь тутъ!... Какъ бы еще чего дурнаго не вышло!

А Прокофій, кромѣ собиранія свѣдѣній объ обидахъ, добивался еще и того, чтобы возбудить рѣчами своими хоть въ нѣкоторыхъ крестьянахъ, если не желаніе участвовать вмѣстѣ съ нимъ, въ борьбѣ съ Вороненковымъ, такъ сознаніе вредности дѣйствій его для міра. Но̀ и въ послѣднемъ старикъ не успѣлъ: надо было раньше приниматься за дѣло.

— Оно, тово.... Прокофій Григорьичъ, говорили въ отвѣтъ на его жаркія рѣчи міряне байдаровскіе: — оно, знамо, нашъ хлѣбъ онъ ѣстъ–то... и съ чиновниками ужь больно снюхался... Да можетъ, и надобно такъ–то, можетъ покуда безпремѣнно надобно....

А были и такіе, которые еще хуже принимали рѣчи старика Терехина.

— Намъ–то что за дѣло? проговорили они. — Вишь, вы оба богачи: ну, и какъ тамъ хотите!... Тягайтесь промежь себя, а намъ зачѣмъ приставать?...

Но Прокофій, несмотря ни на что, остался при своемъ твердомъ намѣреніи. Одно только смущало его нѣсколько; не зналъ онъ, съ чего начать дѣло, а посовѣтоваться съ приказными людьми ему очень не хотѣлось.

— Ужь такой народъ, думалъ онъ о нихъ: — міроѣды настоящіе!... Воронъ ворону глазъ не выклюетъ, — пожалуй, продадутъ меня. А все, должно быть, безъ нихъ не обойдешься....

Прошло такимъ образомъ дня четыре, а Вороненковъ все еще не возвращался. Прокофій выжидалъ его пріѣзда, чтобы, узнавъ окончательно объ участи Абрама Суслова, тотчасъ потомъ ѣхать въ городъ поискать дѣловаго, вѣрнаго человѣка, который написалъ бы прошеніе обо всѣхъ злыхъ дѣлахъ Тараса Семеныча.

Между тѣмъ Катерина узнала изъ толковъ на селѣ, что мужъ ея затѣваетъ дѣло съ головою. Это намѣреніе испугало чрезвычайно бѣдную женщину.

— Прокофій Григорьичъ, слышала я.... на селѣ проговаривали....

— А что? спросилъ старикъ: — объ Абрашкѣ, чтоль?

— Нѣтъ, отвѣчала Катерина: — сказываютъ, что ты съ головой хочешь потягаться....

— Правду сказываютъ. Ну, такъ чтожь ты?

— Оставь.... ради Господа....

— Перестань пустое болтать!... Крѣпко-на-крѣпко задумалъ я это дѣло....

— Охъ, горя-то сколько!... Вороненковъ съ земскими... бѣда будетъ....

Старуха горько заплакала.

— Перестань же, говорю,—молвилъ Прокофій:—ты вотъ лучше послушай, что̀ скажу....

Когда Катерина нѣсколько поуспокоилась, онъ продолжалъ:

— Ты мнѣ и не моги впередъ отговарить: дѣло это совсѣмъ порѣшеное! А вотъ что, помни хорошенько: неровно, дѣла я не покончу и Господь приберетъ меня,—ты не допускай Ивана тягаться: ему не подъ силу будетъ.... Прикажи ему въ купцы выписаться въ Суходолъ, пускай непремѣнно выпишется, какихъ бы денегъ ни стоило. Я и самъ ему скажу, коли Господь память передъ концомъ не отыметъ; да все лучше, чтобъ и ты спозаранку знала. Попомни же, Катерина....

Она хотѣла было что-то отвѣчать, но рыданія подорвали ея рѣчь.

— Эхъ-ма!... сказалъ старикъ: — вотъ онѣ, бабы-то, каковы! Ты имъ дѣло говоришь, а онѣ все свое.... Ступай-ко ты спать, и мнѣ пора на покой.

VI.

Наконецъ голова возвратился изъ губернскаго города. Абрама Суслова онъ сдалъ-таки въ рекруты, несмотря на усильныя хлопоты и непрестанныя мольбы отца его. Ѳедотъ Сусловъ разжалобилъ-было даже чиновниковъ, но не умилостивилъ Тараса Семеныча, который настоялъ на своемъ, съумѣлъ и смогъ уничтожить въ самомъ началѣ чиновническое сердоболіе,—и Абрамъ былъ отданъ въ солдаты «для примѣра» всѣмъ, кто бы вздумалъ возстать противъ значенія головы Вороненкова въ міру байдаровскомъ. Горесть старика Ѳедота была неописанна: въ нѣсколько дней онъ постарѣлъ многими годами.

Съ тяжелымъ чувствомъ узнали въ Байдаровѣ про участь Абрама: всѣ были поражены не столько сознаніемъ несправедливости этого дѣла, сколько сожалѣніемъ къ старику Суслову и къ семьѣ Абрама, а особенно немилосердіемъ головы. Впрочемъ, головѣ нечего было опасаться этого чувства въ народѣ: оно не возбуждало противъ него оппозицію, а только еще болѣе усиливало страхъ къ нему.

Тотчасъ же по возвращеніи своемъ, Тарасъ Семенычъ узналъ отъ преданныхъ ему людей о рѣчахъ и замыслахъ Прокофія Терехина.

— Вишь, старый чортъ! говорилъ онъ своимъ пріятелямъ: — все неймется ему! Мало того: на дорогѣ онамеднись остановилъ и обругалъ, собака, да еще тягаться вздумалъ!... Я было хотѣлъ такъ оставить, старый онъ больно человѣкъ, изъ ума выжилъ, а онъ самъ-таки лѣзетъ.... Да вотъ погоди! даромъ-что много у него денегъ,—пособью ему рога!...

Вороненковъ, ни мало не медля, отправился въ уѣздный городъ къ окружному начальнику, съ жалобами на Терехина....

— Вы ужь, ваше высокоблагородіе, закончилъ онъ разсказъ свой о замыслахъ Терехина: — вы ужь заставьте вѣчно за себя Бога молить, не попустите злодѣю моему, — погибели моей, какъ есть, ищетъ! Я все ему прощалъ, чего-чего не терпѣлъ, а теперича вотъ мочи моей не стало.... Ваше высокоблагородіе! я вѣдь вѣрный слуга вашей милости, а онъ, разбойникъ, знать никого не хочетъ.... Знамо, старикъ—своевольникъ, дуроломъ, на карманъ больно надѣется.... А вотъ, богатъ-богатъ, да пользы отъ него нѣтъ ни на грошъ: «за что, говоритъ, я давать буду? я все по закону....» Ужь коли такіе законники, то есть, смутьяны, озорники, разведутся у насъ на селѣ, нетокма-что дѣлами управлять, и жить-то нельзя будетъ!... Нонѣ съ меня начнетъ злодѣй эдакой, а тамъ мало ль до кого доберется....

Окружной, Михайло Силуяныч Рыкайловъ, какъ разъ вошелъ во всѣ виды Вороненкова. По просьбѣ его, онъ обѣщалъ на дняхъ же отправиться въ Байдарово, чтобы въ самомъ началѣ прекратить затѣи Терехина.

— Будь покоенъ, голова, сказалъ онъ:—я уйму стараго бездѣльника. Спасибо, что во-время предупредилъ; ты, братъ, право, дѣльный человѣкъ.... Да, зло надо прекращать въ началѣ. Вотъ дай-ка волю такому негодяю, а онъ начнетъ міромъ мутить, а онъ начнетъ доносы писать!... Не оберешься тогда мерзкихъ дѣлъ, а начальству-то какое будетъ безпокойство! Нѣтъ, братъ, я-то ужь не люблю потакать: у меня всегда расправа короткая, таковъ мой характеръ! Меня по этой статьѣ и начальство знаетъ съ отличной стороны.

Окружной этотъ былъ одаренъ отъ природы мощными средствами для «короткой расправы.» Его широкія плечи, огромные кулаки, густой басъ, мрачный взглядъ исподлобья, умѣнье браниться неистово внушали во всѣхъ его подчиненныхъ величайшее къ нему уваженіе. Способности нашего окружнаго, «прошедшаго, по его собственному выраженію, — огнь и во-

ду» и перемѣнившаго на своемъ вѣку много всякихъ должностей, были замѣчены съ хорошей стороны: никогда не случалось ему долго хлопотать въ отыскиваніи себѣ мѣста. Вообще этотъ господинъ былъ крупнаго разбора. Крестьяне Суходольскаго округа, когда его назначили къ нимъ, съ перваго же взгляду оцѣнили по своему его качества.

— «Вишь, онъ какой «тѣльный!» — говорили они промежь себя. — Важный начальникъ будетъ.... У него, ребята, держи ухо востро!:..»

И точно, надо было держать ухо востро. Михайло Силуяныч былъ изъ военныхъ и администрація его имѣла особенный характеръ....

Между тѣмъ какъ гроза начальническаго гнѣва собиралась надъ старой головою Прокофья Терёхина, онъ разнемогся-было не-на-шутку, а потому и отложилъ свою поѣздку въ городъ, для написанія просьбы. Впрочемъ черезъ нѣсколько дней ему полегчило, и онъ опять началъ собираться въ путь; — но вдругъ, однажды вечеромъ, явился къ нему десятскій, съ приказаніемъ немедленно идти въ волостное правленіе къ господину окружному.

— Зачѣмъ зовутъ тебя?... съ безпокойствомъ стала спрашивать Катерина.

— А кто-жь его знаетъ!... отвѣчалъ Прокофій. — Можетъ, Вороненковъ что ни–на–есть затѣялъ.

— Ты бы не ходилъ туда: вишь, тебѣ еще не можется.

— Нѣтъ, я пойду, молвилъ старикъ задумчиво: — лучше пойдти, узнаю тамъ.... А и то: коли не пойдти, скажутъ: «ослушается»... Да я вѣдь и въ силахъ теперича дотащиться.

Строго запретивъ сыну провожать себя, онъ отправился,—и видимо черезъ силу. Путь былъ неблизкій: волостное правленіе находилось отъ его дома слишкомъ въ верстѣ. На дворѣ было холодно и темно; рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо Терехину, и, опираясь на толстую палку, онъ брелъ очень медленно. Но ожидали его, видно, съ крайнимъ нетерпѣніемъ: не прошелъ онъ еще и половины разстоянія, какъ повстрѣчался съ нимъ шибко-бѣжавшій другой десятскій.

— Прокофій Григорьичъ, скорѣе!... скорѣе ступай!... кричалъ онъ ему еще за нѣсколько шаговъ: — все тебя спрашиваетъ...

— Что больно скоро понадобилось?—отвѣчалъ Терехинъ, не прибавляя шагу.

— Экой ты! говорю, требуетъ!... въ зашей меня прогналъ за тобою,—ногами инда затопалъ!... Ужъ и больно осерчалъ!...

— Да кто? кто?... сказывай порядкомъ.

— А Михайло Силуянычъ, окружной-то....

— Вишь ты!... а про что такъ осерчалъ?

— Голова, Тарасъ Семенычъ все ему про тебя,—ужъ и больно много говорилъ!... Такъ все сказывалъ: ослушникъ, молъ, озорникъ... А пріѣхалъ окружной вотъ въ сумерки, прибавилъ совсѣмъ некстати десятскій.

— Пускай наговариваетъ, молвилъ старикъ: — мнѣ чего бояться? Я по правдѣ иду.

Въ эту минуту повстрѣчались съ Терехинымъ еще двое посланныхъ: разсыльный окружнаго начальника, пожилой, видный солдатъ, да сельскій писарь, малый молодой, съ лисьимъ рыльцемъ.

— Скорѣе!... кричалъ въ большихъ попыхахъ усердный писарь.—Изъ-за тебя брань принимать!... Вишь, тащится!...

Но старикъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить, остановился.

— Скорѣе!... повторилъ онъ.—Погляжу вотъ, малый ты какой прыткій. А я и такъ замаялся: — вѣтеръ больно насупротивъ, — надо и духъ перевести.

— Да чтожь ты эвто ослушаешься? — закричалъ писарь: — вѣдь, чай, окружной требуетъ-то!... Ты, братъ....

— Ну, нѣтъ!—возразилъ спокойно старикъ, все еще стоя:— я тебѣ не братъ, да и вовсе родней ты мнѣ не приходишься. Да и про ослушаніе лаешь ты съ-дуру: говорю — замаялся, вишь я усталъ, я вѣдь старикъ старой.

Писаришка очень разгнѣвался.

— Мнѣ окружной приказалъ, заоралъ онъ. — Десятскіе! чего смотрите? Бери его подъ руки, тащи волокомъ!...

— Ну, ты!—промолвилъ сурово разсыльный. — Ужь больно разходился!... Старичина и самъ пойдетъ.

— Спасибо,—сказалъ Терехинъ:—знамо, я самъ пойду.... А вотъ и отдохнулъ я маненько, — теперича и пошлетусь, поколь мочи моей хватитъ.

Въ сопровожденіи четырехъ посланныхъ, онъ дотащился полегоньку до волостнаго правленія, и наконецъ вошелъ въ это мѣсто суда и расправы.

Горница была ярко освѣщена: на большомъ столѣ, горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, а на другомъ столѣ, въ глубинѣ горницы, и на лежанкѣ у входа пылало съ полдюжины свѣчъ сальныхъ. На лежанкѣ же громко кипѣлъ огромный самоваръ; тутъ былъ и весь чайный приборъ; а въ тѣни отъ самовара скромно жалась къ стѣнкѣ только-что початая бутылка рома. Какъ хозяинъ угощенія, Вороненковъ держался возлѣ лежанки и стоялъ въ почтительномъ положеніи понимающаго свой долгъ подчиненнаго; позади его находился полный стаканъ пуншу, налитый съ начальническаго дозволенія; но онъ не притрогивался еще къ нему, ради приличія. По обѣ стороны входной двери торчали почти неподвижно двое писарей, смотрѣвшихъ, не смигивая глазъ, все на прямаго своего начальника — голову. А самъ окружной, заложивъ руки за спину, важно расхаживалъ взадъ и впередъ, и половицы выстроеннаго «хозяйственнымъ способомъ» зданія жалобно и на разные лады трещали подъ тяжелыми стопами Михайла Силуяныча. Въ тоже время онъ громогласно разсуждалъ о разныхъ дѣловыхъ предметахъ, прихотливо перескакивая отъ одного предмета къ другому, а иногда и совсѣмъ отъ нихъ удаляясь затѣмъ, чтобы хорошенько ругнуть Терехина, осмѣливающагося такъ долго не являться. Въ отвѣтъ на всѣ такія рѣчи изрѣдка слышалось и хриповатое шипѣнье Вороненкова, который всячески старался такъ направлять разговоръ, чтобы не остывало начальническое намѣреніе «учинить расправу для водворенія порядка.»

Разсыльный и писарь вошли вмѣстѣ съ Прокофьемъ и остановились съ нимъ у входной двери; десятскіе остались въ сѣняхъ.

— Привели Терехина, ваше высокоблагородіе! — возгласилъ подобострастно усердный писарь.

— А!... произнесъ многозначительно Михайло Силуянычъ. И, подойдя къ Терехину, онъ остановился передъ нимъ, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, а потомъ устремилъ свой мрачный взоръ прямо въ глаза ему. Но этотъ грозный пріемъ не произвелъ на Прокофья особеннаго дѣйствія: послѣ обычнаго поклона начальнику, онъ стоялъ спокойно и не спуская глазъ. Конечно, это не могло понравиться окружному; на сердцѣ у него такъ вдругъ и закипѣло.... Однако спокойствіе и важный видъ старика удержали на первыхъ парахъ порывы его ярости.

— А!... повторилъ Михайло Силуянычъ болѣе тихимъ тономъ, — а черезъ мгновеніе прибавилъ: — старый мошенникъ!...

При этихъ словахъ у старика чуть-замѣтно сдвинулись брови, но онъ продолжалъ молчать и смотрѣть спокойно.

— Мошенникъ!... да!... мерзавецъ старый!... опять пробормоталъ сквозь зубы Михайло Силуанычъ. Потомъ онъ подошелъ къ большому столу, взялъ недопитый стаканъ пуншу и разомъ осушилъ его. Въ эту минуту писарь, ходившій за Терехинымъ, проворно, но на цыпочкахъ, подбѣжалъ къ Вороненкову и сталъ торопливо нашептывать ему что-то.

Подкрѣпивъ свою энергію добрымъ глоткомъ сильнаго напитка, Михайло Силуанычъ, не отходя отъ стола, опять началъ пристально смотрѣть на Терехина.

— Голова! вдругъ закричалъ онъ: — такъ это тотъ самый негодяй старичишка?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе, подобострастно отвѣчалъ Вороненковъ.

— Ахъ ты, разбойникъ! продолжалъ окружной, еще возвышая голосъ. — А подойди-ко сюда,—вотъ ко мнѣ-то, старый чортъ!...

— Напрасно такъ, возразилъ Терехинъ, не сходя съ мѣста. — За что браните вы меня, ваше высокоблагородіе?

Вопросъ этотъ привелъ въ бѣшенство окружнаго. Онъ почти бѣгомъ подбѣжалъ къ старику.

— Да какъ ты смѣлъ!... Да какъ ты смѣлъ такъ отвѣчать мнѣ! кричалъ онъ.

Понахмуривъ брови, Прокофій опять молчалъ, а окружной бранилъ его неистово. Долго ругательства его и угрозы текли неудержимымъ потокомъ.... Но наконецъ онъ началъ уставать; охрипшій голосъ его сталъ обрываться; онъ переставъ уже ногами топать, перестадъ грозить кулакомъ и даже указательнымъ пальцемъ. Въ эту минуту Вороненковъ, никакъ не желавшій, чтобы «расправа» ограничилась только этимъ, подкрался съ боку къ Михайлѣ Силуанычу и сказалъ ему:

— Онъ, ваше высокоблагородіе, и идти-то сюда не хотѣлъ... на силу притащили... Вотъ онъ сказываетъ, прибавилъ голова, указывая на писаря.

— Бездѣльникъ, вскричалъ окружной и со всего размаха ударилъ по лицу Терёхина.

Старикъ весь вздрогнулъ и пошатнулся; лицо его страшно поблѣднѣло. И въ тоже мгновеніе глаза его загорѣлись и стали

метать искры.... Пошатнувшись, онъ едва было не упалъ; руки его слабо опустились, глухой, протяжный стонъ вылетѣлъ изъ его груди. Но вдругъ онъ вытянулся во весь ростъ и порывисто сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.... Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за движеніями старика, въ которыхъ было столько грознаго и величественнаго.

По серединѣ комнаты Прокофій остановился и, поднявъ руку къ образамъ, заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Видитъ Господь!... восьмой десятокъ идетъ мнѣ!... отродясь не бывало! Видитъ Господь и взыщетъ обиду!

И голосъ его, задрожавъ, оборвался. Тогда какъ будто опомнился окружной.

— Чтожь! сказалъ онъ шибко дрожащимъ голосомъ усаживаясь за столъ:—а ты, тово... старый, ты... своевольничать хотѣлъ....

— Я хочу идти противъ вора-міроѣда Тараски Вороненкова! возразилъ грозно Терехинъ: — не остановите вы меня побоями!.. Убейте, тогда остановите, а правда все выведетъ на свѣтъ:

— Замолчи ты, старый...

— Брани меня! продолжалъ также грозно Прокофій.—Брани, бей опять!... Небось теперь, бей!... Старъ я,—не мнѣ самому за себя вступиться... Взыщетъ Богъ, помяни ты мое слово! А меня ничѣмъ не остановишь, не за себя, а за міръ хочу стоять....

И, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели этимъ словамъ своимъ, старикъ перекрестился. А между тѣмъ душевное волненіе превозмогло его физическія силы: онъ опять поблѣднѣлъ, голова его стала качаться и онъ вдругъ замолчалъ.

Михайло Силуянычъ началъ ходить по горницѣ, не глядя ни на кого. Онъ видимо былъ взволнованъ и смущенъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ онъ къ Терёхину и тихо, почти ласково, сказалъ ему:

— Слушай Терехинъ, — уважая твою старость... ну, ты извини меня, какъ быть! погорячился я... За то и я ужь нисколько не взыскиваю... А ты вотъ уважь меня, старикъ, въ честь прошу: не заводи никакихъ кляузныхъ дѣлъ.... Вѣдь прежде ты жилъ такъ хорошо, ни въ какія дрязги не вмѣшивался,—ну, какъ это на старости лѣтъ?

— Нѣту! возразилъ старикъ слабымъ голосомъ: — сказалъ я: постою за правду до конца!... А больше и говорить не хочу съ тобой....

Окружной нахмурился, онъ быстро отошелъ къ окну и сталъ сердито барабанить по стекламъ.

— Ваше высокоблагородіе! прошепталъ Вороненковъ, подкравшись къ окружному: — вы не смотрите, — сущій, то есть, разбойникъ... Не отпускайте его домой... Кудабъ засадить... какъ бы онъ, тово... Коли теперича не унять, — бѣда....

— Эй, вы! закричалъ Михайло Силуяновичъ, опять приходя нѣсколько въ азартъ: — посадить его подъ арестъ!... А тамъ посмотримъ....

— Пускай, прошепталъ Терёхинъ.

Писаря не посмѣли, однако, и теперь взять Прокофья, а всѣ кинулись въ сѣни за десятскими. Разсыльный, опустивъ голову, отошелъ къ сторонкѣ. Когда вошли десятскіе, окружной сказалъ почти шопотомъ головѣ:

— Вели имъ...

Вороненковъ поспѣшно передалъ приказаніе, и десятскіе отвели старика въ «темную».

Грозная сцена окончилась тихо. Но впечатлѣніе, произведенное ею на всѣхъ, особенно сильно отразилось на Михайлѣ Силуяновичѣ. Какъ ни былъ онъ опытенъ на счетъ «расправокъ», какъ ни мало привыкъ обращать вниманіе на правоту дѣла, однако въ настоящемъ случаѣ совѣсть громко заговорила въ немъ. По природѣ своей онъ былъ не злой человѣкъ, но воспитаніе, не давшее ему никакихъ правилъ, прежняя жизнь, гульливая и неразумная, а особенно дѣятельность не по закону, безъ всякаго сознанія долга, — испортили его совершенно. Изрѣдка просыпалось въ душѣ его тоскливое чувство правды, но то бывало лишь на мигъ, и конечно онъ самъ всячески старался подавить его въ себѣ. Такъ было и теперь: чувство это опять пробудилось, и никогда, можетъ быть, не сжимало оно такъ болѣзненно душу Михайла Силуяныча. Онъ сердито отказался отъ чаю, не велѣлъ подавать себѣ ужина и отпустилъ тотчасъ же всѣхъ, и голову, не сказавъ ему ни слова на прощаньи. Затѣмъ онъ позвалъ къ себѣ своего разсыльнаго.

— Спиридоновъ! сказалъ онъ ему: — приготовь мнѣ постель поскорѣе, а потомъ.... нѣтъ! послѣ постель, а теперь отпусти домой Терехина, да вели проводить его....

— Слушаю-съ, отвѣчалъ сурово разсыльный.

Спиридоновъ не замедлилъ исполнить это приказаніе, но какъ ни скоро онъ повернулся, а Михайло Силуянычъ остался недоволенъ медленностью разсыльнаго.

— Какъ ты долго! замѣтилъ онъ брюзгливо: — ну, что?... какъ тамъ?

— Отпустилъ Терехина, отвѣчалъ разсыльный.

— Говорилъ онъ что нибудь?...

— Ничего не говорилъ....

Худо спалось въ эту ночь нашему администратору, дурные сны ему видѣлись. Проснулся онъ рано и тотчасъ же приказалъ запрягать лошадей. Вороненкова онъ и теперь принялъ нехорошо: ни одного почти словечка не промолвилъ съ нимъ, никакихъ приказаній не отдалъ и только что безпрестанно спрашивалъ: «готовы ли лошади?» — а наконецъ и въ дорогу отправился, не напившись даже чаю.

На дворѣ было уже свѣтло, когда онъ выѣхалъ, и это сердило его тоже: почему-то неловко казалось ему ѣхать теперь на глазахъ байдаровцевъ; однако никто почти изъ нихъ не попался ему на длинныхъ улицахъ огромнаго селенія: всѣ жители Байдарова, бывшіе на этихъ улицахъ, прятались по дворамъ при проѣздѣ окружнаго, — онъ замѣтилъ это и еще болѣе смутился.

— Скотина Вороненковъ! сталъ онъ думать о вчерашней исторіи.—Пожалуй, и самъ виноватъ въ ссорѣ съ Терехинымъ, и меня вотъ ввелъ.... Жаловаться будетъ старикъ, навѣрное будетъ.... Оно, конечно, ничего, вѣдь не съѣдятъ же за какую нибудь оплеуху мужику.... А все какъ-то....

VII.

Въ домѣ Терехиныхъ, кромѣ дѣтей Ивана, да работника, никто не спалъ въ ожиданіи возвращенія старика. Катерина сидѣла въ уголку у печки и шептала про себя какія-то молитвы. Неподалеку отъ ней сидѣла Елена и, задумавшись, гладила русую головку старшаго сына своего, который спалъ себѣ спокойно на голой лавкѣ. Иванъ же безпрестанно выбѣгалъ на дворъ и на улицу послушать и посмотрѣть, не идетъ ли отецъ. Никому изъ нихъ не шло въ голову домашнее дѣло и ни за какую работу не могли они взяться, а всѣ какъ будто ждали чего-то особеннаго, небывалаго и страшнаго. Но вотъ, мимо оконъ, послышались тяжелые, медленные шаги, брякнуло кольцо у калитки и заскрипѣла она отворившись, — Иванъ опрометью бросился вонъ изъ горницы и на дворѣ еще встрѣтилъ старика.

Прокофій вошелъ тихо, блѣдный и тяжко дыша отъ усталости. Не взглянувъ ни на кого изъ домашнихъ, онъ прямо про-

шелъ къ столу въ переднемъ углу и усѣлся у края стола. Но черезъ минуту онъ приподнялся, взглянулъ на образа, медленно перекрестился три раза и опять сѣлъ, закрывъ глаза рукою.

— Что ты, Прокофій Григорьичъ? что ты это, родимый?... али неможется тебѣ?... стала спрашивать Катерина, подойдя къ нему.

— Вотъ, Катерина, сказалъ онъ, вдругъ поднявъ голову и устремивъ на жену свою глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ:—вотъ на старости лѣтъ, на восьмомъ десяткѣ, можетъ на самомъ-то концѣ, привелось мнѣ за правду мірскую....

Онъ не могъ договорить и долгій стонъ закончилъ слова его.

— Господи! воскликнула Катерина.—Что жь такое приключилось?

— Онъ ударилъ меня! грозно молвилъ старикъ и всталъ съ мѣста и вытянулъ обѣ руки, какъ будто хотѣлъ схватиться съ оскорбившимъ его человѣкомъ. — Слышите?... ударилъ!... О, Господи!... тяжко какъ!... когда за правду хочу я стоять!...

— Кто ударилъ? кто? вскричали Катерина и Иванъ.

— Окружной!... Вороненковъ — злодѣй поругался надъ моей старостью.... Онъ это заставилъ!...

Послѣднія слова онъ насилу выговорилъ: такъ ослабъ его голосъ отъ волненія; онъ замолчалъ, опустилъ голову на руку и задумался. И никто не нашелъ словъ, чтобы продолжать разговоръ съ старикомъ. Катерина, тяжело дыша, глотала слезы и всячески старалась удержаться отъ стоновъ и рыданій. Иванъ стоялъ подлѣ отца, ни живъ, ни мертвъ: его, какъ громъ, поразило это извѣстіе. Елена ушла въ другую горницу; грудь ея разрывалась отъ тоски, и она горько плакала. Такъ прошло немало времени. Наконецъ старикъ подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ ей:

— Спать тебѣ пора, Катерина, и всѣмъ пора.... Не сокрушайся ты.... Видно, такъ Богу угодно!... Ну, ступай же, Катерина, вотъ и я пойду.... Помолюся, пойду.... авось-либо....

Онъ ушелъ въ свою маленькую каморку и заперся тамъ. Цѣлую ночь онъ не спалъ. Голова его горѣла; ему крѣпко неможилось: то жаромъ, то холодомъ всего его обдавало. И горькія мысли безпрестанно волновали его душу. Онъ не могъ отогнать ихъ, не могъ успокоиться хоть на минуту. Принялся-было онъ за любимое свое чтеніе, псалтирь, но долженъ былъ отложить святую книгу: мрачная дума, какъ бы насильственно вры-

ваясь въ его разгорѣвшуюся голову, влекла его къ инымъ, житейскимъ предметамъ.

Онъ сталъ вспоминать о всей своей жизни, о долгомъ трудѣ, давшемъ ему довольство и покой, — все припомнилъ, и вдругъ представилось ему, что онъ грѣшникъ великій, что трудился онъ для себя одного, позабывая сираго и нищаго, не возлюбивъ ихъ довольно по закону Божію,—и правда его не вставала за правду мірскую, что за то Богъ и наказывалъ его смертью дѣтей.... И при такихъ мысляхъ унывала душа его, и онъ твердилъ покаянные псалмы и молитвы, которыхъ много зналъ, по обычаю всѣхъ грамотныхъ байдаровцевъ, обыкновенно подъ старость дѣлающихся начотчиками.

А тамъ припоминались ему: Абрамка–племянникъ, старый хворый отецъ его и всякія неправды Вороненкова, и гнѣвъ волновалъ его.

Долго шла эта ночь и много надломила она силы крѣпкаго старика.

Къ утру сонъ посѣтилъ его ненадолго. То былъ тревожный сонъ. Снилась ему темная ночь; въ тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ мглою, двигались и мѣшались, въ дикомъ, непонятномъ смятеніи и все какъ будто на одномъ мѣстѣ, ряды особенныхъ головъ человѣческихъ, — а лицъ не видалъ онъ ; а надъ этой тѣсной массой головъ вдругъ вскидывалось множество рукъ, какъ будто то были утопленники, въ послѣдній разъ всплывавшіе наверхъ втягивавшей ихъ въ себя бездны.... Это явленіе возмущало страшной тоскою душу Прокофья. О, какъ жаль было ему и этихъ утопленниковъ и всѣ эти головы! Всѣ эти головы были родныя ему!...

Но вотъ, сквозь густую мглу, внезапно мелькнулъ яркій лучъ.... И Прокофій началъ всматриваться въ ту сторону. Тамъ, далеко, далеко явились предъ нимъ другія толпы людей и видны были ему лица ихъ въ слабыхъ очертаніяхъ. Широко разстилались тамъ тучныя пажити, луга пространные и зеленые; многоводныя рѣки ихъ орошали — и надъ всѣмъ пространствомъ свѣтозарно сіялъ свѣтъ незаходимый....

«О, свѣте тихій славы Твоея, Господи!» съ отрадою произнесъ старикъ нѣсколько разъ, и съ этими словами проснулся.

Но свѣтлое видѣніе не воскресило его тѣлесныхъ силъ. Съ самаго утра болѣзнь такъ одолѣла Прокофья, что онъ не могъ уже встать съ постели. Страшно перепугалась Катерина, видя его въ такомъ положеніи. Онъ замѣтилъ это и сталъ утѣшать ее.

— Ну, что̀ ты это? словно впервой видишь больныхъ-то? говорилъ онъ ей.

— Да и то — ты впервой такъ-то.

— Ну, что жь!... А ты безъ времени не тревожься. Вѣдь коли бъ конецъ мой пришелъ, я бы и самъ чувствовалъ, а то нѣтъ, кажись.... Вотъ погоди, Катерина, дѣла-то я еще не сдѣлалъ.... Живой объ живомъ и думаетъ, примолвилъ онъ задумчиво.

Чуть только день занялся, сосѣди и родные почти безпрестанно стали навѣщать домъ Терехиныхъ. Шопотомъ разспрашивали они Катерину, Алену и Ивана о томъ, что̀ такое вышло у старика съ окружнымъ. Все происшествіе было извѣстно имъ въ подробности, но все-таки хотѣлось имъ узнать еще подосконально. «Вѣдь жалѣючи васъ спрошаемъ-то», говорили докучливые гости. Шопотъ въ сосѣдней горницѣ тревожилъ иной разъ больнаго, и вспадало ему на мысль велѣть, чтобы никого не пускали; однако онъ не сдѣлалъ этого.

Одинъ разъ, какъ не было постороннихъ, Иванъ сказалъ ему:

— Батюшка, а лучше бы не пускать.... Ты какъ скажешь? А то вѣдь очепно неспокойно тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Прокофій: оставь, — они не помѣха.

«И то», подумалъ онъ, — «пускай ихъ ходятъ: и надо имъ про все знать....»

Весь этотъ день онъ былъ очень слабъ, но духомъ спокоенъ. Съ домашними, даже съ любимымъ своимъ внучкомъ, онъ говорилъ мало. Думалъ все онъ, какъ бы поскорѣе оправиться, чтобы за дѣло приняться; мысль о дѣлѣ никакъ не покидала его. А мысли о злобѣ Вороненкова и о вчерашнемъ оскорбленіи онъ отгонялъ отъ себя: на это онъ имѣлъ еще довольно душевной силы. Изрѣдка вспоминалъ онъ объ умершихъ дѣтяхъ и братьяхъ, но и съ этими грустными воспоминаніями онъ могъ еще совладѣть, прибѣгая тотчасъ же къ молитвѣ. Душа его отдыхала теперь.

Передъ вечеромъ, когда всѣ посторонніе разошлись наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ Ивана и велѣлъ ему читать вслухъ псалтирь. Всѣ его мысли направились на молитву и съ особенною отрадою останавливались на слѣдующихъ стихахъ, которые заставлялъ онъ повторять себѣ по нѣскольку разъ:

«И изведетъ, яко свѣтъ, правду...»
«Господь крѣпость людямъ своимъ дастъ...»
«Кротціи же наслѣдятъ землю...»

Стало смеркаться, и Прокофій впалъ какъ будто въ дремоту Замѣтивъ это, Иванъ и Катерина, тоже слушавшая чтеніе, вы-

Между тѣмъ Катерина безпрестанно впадала въ безпамятство. Горесть ея была неописанна. Сосѣди и родные рѣшились насильно вывести ее въ коморку Прокофьеву, чтобы она не помѣшала душѣ умирающаго оставить тѣло. Въ горницѣ, гдѣ лежалъ умирающій, находились: Иванъ, все читавшій псалтирь, Ѳедотъ Сусловъ, горько плакавшій въ уголку, и еще человѣкъ шесть родныхъ, которые хранили глубокое молчаніе, часто крестились и тяжело вздыхали; да иногда входила потихоньку Алена, которую влекла сюда какая-то необоримая сила; вмѣстѣ съ нею входилъ и Гриша, котораго она не могла заставить оставаться съ Катериною: такъ жалобно и убѣдительно просилъ онъ пустить его къ дѣдушкѣ.

И вотъ Гришѣ показалось, что дѣдушка зоветъ его.

— Матушка! шепнулъ онъ Аленѣ: — дѣдушка меня зоветъ.

— Почудилось тебѣ, отвѣчала она.

Но въ эту минуту глаза Прокофья широко раскрылись, ярко вспыхнули, быстро все оглядѣли — и онъ явственно для всѣхъ присутствующихъ произнесъ:

— Гриша! Алена! на-те.... возьмите....

Гриша и Алена хотѣли-было кинуться къ нему, но нѣсколько рукъ удержали ихъ.

— Что ты, Алена? опомнись да перекрестись! не подходите ни за что! заболтали шопотомъ сосѣди и родные, усердно крестясь: — Господи Христе! чтой-то такое онъ отдаетъ? Чай, знаешь, что эвто худое дѣло!... охъ, родимые, худо!... вотъ ужь не чаяли, а старикъ-то, знать....

— На-те, возьмите!... повторилъ умирающій, и въ этихъ словахъ слышалось что-то грозное.

Алена мгновеніе колебалась; но, перекрестившись, она почти вырвалась отъ удерживавшихъ ее людей и быстро подошла къ Прокофью, вмѣстѣ съ Гришею.

— Батюшка! тихо сказала она, наклонившись надъ нимъ: — мы здѣсь! Батюшка! во имя Божіе благослови насъ!

— Господь надъ вами! произнесъ онъ для нихъ только слышнымъ голосомъ и протянулъ руку свою, едва приподнимая ее, надъ ихъ наклоненными головами. Иванъ тоже кинулся къ нему, но въ тоже мгновеніе Прокофій испустилъ духъ и на устахъ его мелькнуло какое-то радостное чувство.

С. СЛОВУТИНСКІЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ IX.

Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта.

II.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

О ЛИЧНЫХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ПРАВАХЪ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХЪ ВОДВОРЕННЫМЪ НА ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЗЕМЛѢ КРЕСТЬЯНАМЪ.

1) Всѣмъ водвореннымъ на помѣщичьей землѣ крестьянамъ должны быть предоставлены опредѣленныя гражданскія преимущества и неограниченное произвольнымъ вмѣшательствомъ право располагать своимъ трудомъ и достояніемъ; въ пользованіи этимъ правомъ достигшій самостоятельности крестьянинъ, не пріобрѣвшій еще въ полное владѣніе состоящей въ пользованіи его земли, подчиняется однимъ лишь законнымъ постановленіямъ объ этомъ предметѣ, долженствующимъ способствовать установленію справедливыхъ отношеній между помѣщикомъ, какъ законнымъ владѣльцемъ предоставленной въ пользованіе крестьянскаго общества пахатной и сѣнокосной земли, и крестьянами, какъ кортомщиками этой земли, за которую они при посредствѣ узаконенныхъ положеній обязаны выплачивать владѣльцу опредѣленное закономъ вознагражденіе, состоящее

съ общаго согласія въ повинностяхъ различныхъ родовъ, какъ-то: въ обработкѣ крестьянами опредѣленнаго количества земли и сборѣ съ нихъ различныхъ сельскихъ продуктовъ, состоящихъ въ хлѣбѣ, скотѣ и разныхъ хозяйственныхъ произведеніяхъ, или же въ платежѣ денежнаго оброка съ работами или безъ работъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, количество пашни и луговъ, подлежащихъ обработкѣ крестьянскимъ обществомъ, цѣнность различныхъ сборовъ, размѣръ оброка и свойства выговоренной работы должны быть въ точности опредѣлены на законномъ основаніи; всѣ такого рода повинности, какъ бы они маловажды ни были, должны быть исчислены въ заключаемомъ съ крестьянскими обществами контрактѣ, срокъ котораго назначается первоначально не менѣе какъ на девять или на двѣнадцать лѣтъ.

2) Перемѣщеніе крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую, состоящую въ томъ же уѣздѣ или губерніи, а равно переселеніе въ другія губерніи и перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на новыя мѣста, допускаются неиначе, какъ по взаимному соглашенію между собою помѣщика и крестьянъ, въ каковомъ случаѣ обязаны они съобща подать о томъ объявленіе въ мѣстное посредническое присутствіе, которому будетъ поручено веденіе подобнаго рода дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить проэктъ законнаго контракта, заключаемаго не менѣе какъ на девять и не болѣе какъ на двѣнадцать лѣтъ; въ проэктѣ должны быть въ подробности изложены всѣ условія перемѣщенія и водворенія на мѣстѣ, какъ-то: размѣръ пособія, денежнаго или лѣсомъ, ежели таковое выговорено переселяющимися крестьянами, количество полевой земли, пахатной, сѣнокосной, выгонной, а равно пустошной и состоящей подъ лѣсомъ,—однимъ словомъ всѣ удобства мѣстности, выгоды и преимущества, уступаемыя имъ на опредѣленное число лѣтъ, должны быть опредѣлены съ точностію, чтобы служить основаніемъ при опредѣленіи слѣдующаго за нихъ владѣльцу соразмѣрнаго законнаго вознагражденія, которое съ общаго согласія можетъ состоять изъ различнаго рода денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ точности исчисленныхъ. Проэктъ контракта, по утвержденіи мѣстнымъ присутствіемъ, записывается въ заведенную при судѣ контрактовую книгу, переписывается на бѣло и подписывается помѣщикомъ, отъ имени же крестьянскаго общества мірскимъ старостой или другимъ довѣреннымъ лицомъ; подписанный и засвидѣтельствованный присутствіемъ контрактъ прочитывается вслухъ всѣмъ членамъ крестьянскаго общества, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и произвольнаго, а равно случайнаго измѣненія первоначальнаго проэкта. По одобреніи же обществомъ прочитаннаго вслухъ контракта, настоя-

щій контрактъ выдается помѣщику, а крестьяне получаютъ съ него точную засвидѣтельствованную копію. Подобнаго рода контракты должны быть равнымъ образомъ заключаемы помѣщиками, на основаніи узаконенныхъ положеній, и съ остающимися на прежнихъ мѣстахъ крестьянскими обществами.

3) Все крестьянское общество поручается за исправный платежъ оброка и за точное выполненіе всѣхъ условій контракта; эти условія не могутъ быть измѣняемы по желанію одного лишь помѣщика, либо однихъ крестьянъ; но съ общаго согласія могутъ быть произведены въ контрактѣ измѣненія, которыя какъ и настоящій контрактъ должны быть засвидѣтельствованы мѣстнымъ посредническимъ присутствіемъ; измѣненное условіе выдается помѣщику, крестьяне же получаютъ съ него точную засвидѣтельствованную копію.

4) Для обезпеченія исправнаго взноса государственныхъ и земскихъ повинностей, переселяющіеся въ другую мѣстность той же или другой губерніи крестьяне обязаны внести по крайней мѣрѣ за полгода впередъ причитающіяся съ нихъ казенныя подати, въ уплатѣ которыхъ получаютъ квитанцію изъ уѣзднаго казначейства, обязаннаго увѣдомить о томъ казенную палату и казначейство того уѣзда, въ которомъ переселенцы намѣрены основать свое жительство. По прибытіи и водвореніи на мѣстѣ, крестьяне должны предъявить квитанцію въ новомъ казначействѣ, которое помѣчаетъ ее и перечисляетъ переселенцевъ платежемъ податей въ свое вѣдомство.

5) Переселяющіеся крестьяне могутъ свободно располагать перевозкой, а равно и распродажей всего своего движимаго и недвижимаго имущества, состоящаго въ купленной на свое имя землѣ, въ строеніи, скотѣ, разной домашней утвари, хлѣбѣ зерновомъ, немолоченномъ и обмолоченномъ, посѣянномъ въ землю и еще несжатомъ, нескошенной и скошенной, но еще не убранной травѣ, словомъ, всего имъ принадлежащаго. Крестьяне должны быть ограждены отъ всякой произвольной и стѣснительной оцѣнки оставляемыхъ ими на мѣстѣ предметовъ, съ обращеніемъ ихъ въ пользу помѣщика или другихъ остающихся на прежнемъ мѣстѣ крестьянъ. Сверхъ того дается имъ годичный срокъ для болѣе выгодной распродажи остающагося на мѣстѣ строенія и прочей движимости, каковую продажу могутъ они поручить роднымъ или постороннимъ лицамъ. По прошествіи года непроданное переселенцемъ имущество продается съ торговъ, по предварительной о томъ повѣсткѣ владѣльцу, чтобы онъ могъ явиться самъ или выслать довѣренность кому нибудь другому; вырученныя же отъ продажи деньги немедленно препровождаются черезъ земскій судъ въ мѣсто жительства переселенца, которому выдаются подъ его росписку. Вырученныя

крестьяниномъ отъ продажи своего имущества деньги никакому вычету въ пользу помѣщика не подлежатъ.

6) Какъ переселенные, такъ и остающіеся на мѣстѣ крестьяне, за неисполненіе ими условій контракта, подвергаются различнаго рода взысканіямъ, какъ то: описи и продажѣ въ пользу помѣщика части движимости, излишняго скота, превышающаго необходимую пропорцію на тягло, выгребкѣ излишняго хлѣба, превышающаго потребность на продовольствіе семьи до поступленія новыхъ запасовъ хлѣба, продажѣ излишнихъ запасовъ сѣна, корма, складовъ строеваго лѣса, лишняго строенія, не касаясь самыхъ необходимыхъ въ хозяйственномъ быту крестьянина, какъ то: избы, амбара, житницы, сѣннаго сарая, овина, двора, теплаго омшанника для овецъ, кладовой; но ежели эти строенія въ двойномъ комплектѣ, то продаются изъ нихъ болѣе ветхія, чтобы не довести несостоятельнаго крестьянина до убожества. Ежели крестьянинъ владѣетъ мельницей, или какимъ либо заводомъ, доставляющимъ постоянный доходъ, то таковыя продажѣ не подвергаются, но отдаются въ арендное пользованіе другихъ крестьянъ на опредѣленный срокъ; арендная плата поступаетъ на удовлетвореніе справедливой претензіи помѣщика, которому безъ малѣйшаго замедленія выплачиваются вырученныя отъ продажи различныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства деньги, въ полученіи которыхъ помѣщикъ выдаетъ росписку; въ случаѣ недостаточности этихъ суммъ на покрытіе крестьянской недоимки, уплата ея возлагается на отвѣтственность крестьянскаго общества. Въ такомъ случаѣ недостающая сумма выбирается черезъ уравнительную раскладку на всѣ тягла съ цѣлаго общества, которому и выдается владѣльцемъ квитанція въ полученіи части или полнаго количества слѣдуемой ему суммы; отсрочка платежа общественной недоимки зависитъ единственно отъ воли владѣльца, но нисколько для него необязательна. Исправное поступленіе государственныхъ податей и земскихъ повинностей обезпечивается тѣми же средствами, преимущественно предъ прочими платежами и взысканіями. Крестьянское общество, внесшее за несостоятельнаго должника казенную или помѣщичью недоимку, разсрочиваетъ должнику платежъ долга, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ его право свободно располагать своимъ имуществомъ до уплаты долга крестьянскому обществу; въ случаѣ несостоятельности должника, общество пріобрѣтаетъ надъ нимъ различныя права, какъ-то подвергаетъ продажѣ движимое его имущество, на основаніи положенія о взысканіи недоимокъ, помѣщаетъ неисправныхъ крестьянъ въ рабочіе дома, опредѣляетъ ихъ на фабрики, мельницы и разные заводы, по контрактамъ, заключеннымъ съ купцами и разными лицами, и рядитъ ихъ во вся-

кія работы, съ правомъ полученія за нихъ заработной платы до полной уплаты долга крестьянскому обществу.

7) Крестьянское общество, употребившее всѣ средства къ исправленію нестарательныхъ, невоздержныхъ и буйныхъ крестьянъ, уличенныхъ къ тому же въ воровствѣ, шинкованіи виномъ, развратномъ поведеніи, и наносящихъ своими поступками вредъ семейству и всему міру, удостовѣрившись, что полицейскія исправительныя наказанія не принесли желаемой пользы, имѣетъ право удалять изъ среды своей вредныхъ членовъ, сдачею ихъ въ рекруты; въ случаѣ же неспособности ихъ къ военной службѣ, отдавать ихъ въ распоряженіе высшаго правительства для поступленія съ ними по усмотрѣнію его. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, общество обязано вознаградить семейство отданнаго въ рекруты или предоставленнаго въ распоряженіе правительства крестьянина: въ первомъ случаѣ, полной стоимостію рекрутской квитанціи, во второмъ же половиной этой цѣны. Вознагражденіе оставшагося семейства можетъ быть произведено полною уплатою капитала въ продолженіе годичнаго срока или же постояннымъ зачетомъ процентовъ по четыре на сто съ капитальной суммы, при сборѣ государственныхъ податей и помѣщичьихъ повинностей, въ каковомъ случаѣ общество выдаетъ на себя долговое обязательство, за подписью мірскаго старосты и съ приложеніемъ мірской печати, семейству отданнаго въ рекруты или предоставленнаго въ распоряженіе правительства крестьянина. Зачетъ обществомъ узаконенныхъ процентовъ прекращается лишь въ такомъ случаѣ, когда въ оставшемся семействѣ подрастутъ малолѣтные крестьяне, могущіе вполнѣ и съ лихвою замѣнить выбывшаго члена семьи; тогда при наступленіи рекрутскаго набора, такое семейство освобождается отъ поставки рекрута и ему выдается отъ міра зачетная квитанція, въ замѣнъ мірскаго долговаго обязательства, подлежащаго въ такомъ случаѣ уничтоженію.

8) Помѣщикъ не имѣетъ права брать къ себѣ въ услуженіе мальчиковъ и дѣвочекъ изъ крестьянскихъ семей безъ согласія ихъ родителей или родственниковъ, на попеченіи которыхъ они находятся. Но ежели отецъ или мать, или же въ случаѣ сиротства, ближайшіе родственники, согласятся отпустить дѣтей въ домъ помѣщика, въ такомъ случаѣ обязаны они заключить съ помѣщикомъ условіе, изготовляемое въ двухъ экземплярахъ, въ которомъ должно быть въ точности объяснено, на сколько лѣтъ отпускается въ услуженіе мальчикъ или дѣвочка, на какомъ положеніи и за какое вознагражденіе деньгами или чѣмъ нибудь другимъ; это условіе должно быть подписано помѣщикомъ и родственниками отдаваемыхъ въ услуженіе дѣтей и сверхъ того скрѣплено подписью

мірскаго старосты, съ приложеніемъ мірской печати, съ надписью: печать такого-то мірскаго общества; для большей же вѣрности, оно можетъ быть явлено и засвидѣтельствовано въ мѣстномъ посредническомъ присутствіи и тогда оно дѣлается вполнѣ обязательнымъ какъ для помѣщика, такъ равно и для крестьянскаго семейства, заключившаго его. Кромѣ условленнаго вознагражденія, должно быть оговорено, ежели родные или родственники желаютъ, чтобы отданныя въ услуженіе дѣти были обучены грамотѣ или какому нибудь мастерству. Сила договора прекращается по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія; но ежели пришедшіе въ совершенный возрастъ молодые люди добровольно пожелаютъ остаться въ услуженіи у помѣщика, то съ согласія родителей или родственниковъ обязаны они заключить новое условіе съ помѣщикомъ на опредѣленное число лѣтъ. Условіе подлежитъ уничтоженію, въ случаѣ доказаннаго неисполненія изложенныхъ въ немъ и принятыхъ на себя обязательствъ, со стороны помѣщика, подвергающагося въ такомъ случаѣ соразмѣрному денежному штрафу, количество котораго должно быть опредѣлено въ условіи, равно въ случаѣ недостаточнаго содержанія и жестокаго обращенія съ отданными въ услуженіе дѣтьми, или же въ случаѣ тупоумія, нерадивости и закоренѣлыхъ дурныхъ привычекъ отданныхъ въ услуженіе дѣтей; въ такихъ случаяхъ условіе съ общаго согласія можетъ быть расторгнуто, съ учиненіемъ на немъ подписи, засвидѣтельствованной подписью помѣщика и мірскаго старосты, что условіе съ общаго согласія уничтожается; въ спорныхъ случаяхъ дѣло поступаетъ на обсужденіе мѣстныхъ посредническихъ присутствій, рѣшенію которыхъ обѣ стороны подчиняются безпрекословно.

9) По достиженіи совершеннолѣтія, которое въ видахъ тѣлеснаго и умственнаго развитія было бы полезно узаконить для мужчинъ въ двадцать и для дѣвушекъ въ осьмнадцать лѣтъ, молодые обоего пола люди вступаютъ между собою въ бракъ, съ согласія родителей или родственниковъ, воспитавшихъ ихъ. Не только помѣщикъ, но даже и родные не имѣютъ права принуждать молодыхъ людей ко вступленію въ бракъ противъ ихъ желанія, за чѣмъ въ особенности должны наблюдать мірской староста и священникъ, которые за вѣнчаніе насильственнаго брака, а равно несовершенно-лѣтнихъ, въ случаѣ обнаружившагося черезъ слѣдствіе, по поступившей жалобѣ, потворства, подвергаются суду и законной отвѣтственности. Молодые обоего пола люди, по достиженіи мужчинами двадцати двухъ-лѣтняго и дѣвушками двадцати-лѣтняго возраста, не могутъ быть удерживаемы близкими родственниками отъ вступленія въ бракъ по собственному желанію. Крестьянскія дѣвушки, не находящія себѣ

жениховъ въ имѣніи, по достиженіи ими двадцати-лѣтняго возраста, не должны быть удерживаемы родителями и родственниками отъ вступленія въ бракъ съ лицами, принадлежащими къ другимъ сельскимъ и городскимъ обществамъ.

10) Достигшіе гражданской самостоятельности крестьяне пользуются на основаніи общихъ законоположеній правомъ пріобрѣтать въ свою собственность всякаго рода движимое и недвижимое имущество; пользованіе имъ и право передачи другимъ, по купчей, дарственной записи, духовному завѣщанію, должны быть подчинены особымъ правиламъ, постановленнымъ въ видахъ общественной пользы, съ цѣлію ограничить произвольныя распоряженія частныхъ лицъ, клонящіяся ко вреду родственниковъ, и для огражденія высшихъ правъ крестьянской общины.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

Мірское общинное устройство есть осуществленіе самаго справедливаго и священнаго права, на основаніи котораго всякій членъ крестьянской общины, по достиженіи извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго возраста, долженъ быть надѣленъ землею для необходимѣйшихъ своихъ потребностей сообразно съ количествомъ состоящей въ общинномъ владѣніи земли и соразмѣрно потребностямъ прочихъ членовъ общины; величина отдѣльныхъ участковъ земли, правила владѣнія ими, дѣленіе земли и переходимость участковъ отъ одного крестьянина къ другому должны быть опредѣлены ясными и точными законоположеніями. Предлагаю постановить слѣдующія, опытомъ оправданныя, несложныя правила:

1) Состоящая во владѣніи крестьянской общины земля должна быть раздѣлена на равные участки, по числу крестьянскихъ тяголъ или вѣнцовъ; мужъ и жена имѣютъ право на полученіе полнаго участка земли, начиная съ двадцати-лѣтняго возраста до пятидесяти лѣтъ; отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ предоставляется въ ихъ пользованіе половина участка; въ шестьдесять лѣтъ земля снимается и отдается въ пользованіе другихъ членовъ общины, достигшихъ узаконеннаго возраста, но неполучившихъ еще въ надѣлъ нетолько полнаго, но даже половиннаго количества тягловой земли; шестидесяти-лѣтніе старики, сдавшіе землю, имѣютъ право на полученіе отъ общины ежегоднаго вспомоществованія, надѣломъ даровыми участками земли или выдачею опредѣленнаго количества хлѣба, въ такомъ лишь случаѣ, ежели они безсемейные, или ежели семейство не въ состояніи прокормить ихъ; въ семьяхъ же зажиточныхъ, поль-

зующихся доходами отъ промысловъ и торговли, забота о содержаніи и прокормленіи стариковъ вмѣняется въ обязанность членамъ семьи.

2) Достигшіе двадцати-лѣтняго возраста, неженатые крестьяне имѣютъ право на полученіе половиннаго тягловаго участка, по мѣрѣ упраздненія участковъ, сдачею ихъ шестидесяти-лѣтними стариками и смертію, а равно переходомъ въ другія общества членовъ общины, владѣвшихъ полными и половинными участками тягловой земли. Овдовѣвшіе крестьяне, непользующіеся хорошимъ здоровьемъ и не желающіе вступить во вторичный бракъ, обязаны сдать полтягла земли, предоставляемой въ пользованіе другихъ членовъ общины, нуждающихся въ землѣ; но ежели есть лишняя земля, то съ мірскаго согласія могутъ они владѣть полнымъ тягломъ; въ случаѣ нежеланія ихъ пользоваться полнымъ тягловымъ надѣломъ, они къ тому принуждаемы быть не могутъ и сданное овдовѣвшимъ крестьяниномъ полу-тягло, за неимѣніемъ нуждающихся въ землѣ, поступаетъ въ общее пользованіе всего міра, платящаго за него оброкъ или отбывающаго работу, по положенію.

3) Обыкновенный надѣлъ землею крестьянскихъ тяголъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляетъ не менѣе шести десятинъ на тягло, т. е. приблизительно по три десятины пашни и столько же покосу въ трехъ поляхъ; эта пропорція достаточна для прокормленія, при посредственномъ урожаѣ, семейства, состоящаго изъ мужа и жены и еще двухъ лицъ, малолѣтныхъ или стариковъ; семейство, состоящее изъ большаго числа членовъ, находится въ необходимости прикупать хлѣбъ для своего годоваго продовольствія, что не составляетъ большой тягости для семей зажиточныхъ, хотя и ненадѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли, но занимающихся разными выгодными промыслами и обезпеченныхъ въ своемъ содержаніи посторонними болѣе или менѣе значительными доходами; одинокіе крестьяне, обремененные большимъ семействомъ, превышающимъ нормальную пропорцію душъ на тягло, по справедливости должны быть надѣляемы на малолѣтныхъ и на стариковъ даровыми участками земли опредѣленной мѣры, или получать отъ общины ежегодное вспомоществованіе хлѣбомъ или деньгами, посредствомъ взноса за неимущихъ крестьянъ нѣкоторой части государственныхъ и господскихъ повинностей. Шестидесятинная пропорція земли на тягло можетъ быть увеличиваема или уменьшаема соразмѣрно съ количествомъ состоящей въ общинномъ владѣніи земли; но во всякомъ случаѣ семейства недостаточныя, не пользующіяся промысловыми доходами и состоящія не менѣе, какъ изъ четырехъ душъ, пользуются предпочтительно передъ прочими правомъ надѣла нормальною пропорціею земли, по-

лагаемою по шести казенныхъ десятинъ на тягло. Общій надѣлъ землею крестьянскихъ обществъ изъ владѣльческой дачи въ имѣніяхъ, изобилующихъ землею, долженъ быть опредѣленъ по крайней мѣрѣ по три десятины на мужскую ревизскую душу; это количество можетъ быть возвышено до четырехъ десятинъ въ имѣніяхъ многоземельныхъ, гдѣ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ останется въ пользованіи помѣщика, не меньшее и даже большее количество земли, вполнѣ достаточное для правильнаго устройства помѣщичьяго хозяйства. Въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не надѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли, надѣлъ крестьянскихъ общинъ тягловою землею не долженъ превышать половиннаго количества всей состоящей во владѣніи помѣщика земли, чтобы, согласно съ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 5 декабря 1857 года, не нарушить существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній; въ такомъ случаѣ вся владѣльческая дача по справедливости должна быть раздѣлена на двѣ равныя части, съ уравненіемъ выгодъ мѣстности и достоинства земли: одна половина должна быть предоставлена за опредѣленное вознагражденіе въ пользованіе крестьянскаго общества, а другая оставаться въ неограниченномъ пользованіи помѣщика. Для обезпеченія быта дворовыхъ людей желательно было бы, чтобы тѣ изъ нихъ, которые на основаніи постановленій будутъ имѣть право отойти отъ помѣщиковъ и пожелаютъ приписаться къ сельскимъ обществамъ, были надѣлены трехъ-десятинною пропорціею земли на душу, въ имѣніяхъ многоземельныхъ, въ которыхъ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ и приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей останется еще въ пользованіи помѣщика не меньшее и вполнѣ достаточное количество земли; выдѣленная на дворовыхъ людей трехъ-десятинная пропорція земли должна быть присоединена къ крестьянской дачѣ и войти въ составъ ея на существующихъ нынѣ правилахъ общиннаго устройства; но въ такомъ случаѣ община обязана выдѣлять приписавшимся къ селеніямъ дворовымъ людямъ, по желанію ихъ, тягловые участки земли, за которую они должны отбывать повинности на равнѣ съ крестьянами; во всякомъ случаѣ, даже при недостаткѣ земли на полный надѣлъ ею всѣхъ членовъ общины, дѣти приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, пріобрѣтаютъ право на надѣлъ тягловою землею наравнѣ съ прочими членами крестьянской общины. Обязательный надѣлъ землею крестьянскихъ общинъ и приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать половиннаго количества всей находящейся во владѣніи помѣщика земли.

4) Община обязана заботиться о нуждахъ всѣхъ своихъ членовъ и оказывать вспомоществованіе не только безпріютнымъ старикамъ, но и всѣмъ нуждающимся въ помощи, какъ-то семьямъ, обремененнымъ малолѣтными дѣтьми, ежели въ таковой семьѣ нѣтъ лишнихъ работниковъ или работницъ, добывающихъ на сторонѣ деньги на домашнія нужды и на уплату повинностей; ежели въ крестьянской семьѣ есть сироты, неимѣющія отца и матери и содержимыя родными изъ состраданія, несмотря на собственныя нужды; ежели наконецъ въ семействѣ недостаточномъ есть неизлѣчимые больные, неспособные къ работѣ и обременяющіе собою семью; однимъ словомъ, община должна помогать нуждающимся своимъ членамъ во всѣхъ случаяхъ, когда средства и старанія отдѣльнаго крестьянина недостаточны для предохраненія семейства отъ нужды и разоренія.

5) Вспомоществованіе нуждающимся членамъ крестянской общины можетъ быть производимо двоякимъ образомъ: посредствомъ выдѣла имъ даровыхъ участковъ земли опредѣленной мѣры или чрезъ выдачу имъ вмѣсто земли опредѣленнаго количества хлѣба, соразмѣрно возрасту и потребностямъ нуждающагося. Для достиженія этой цѣли наименѣе стѣснительнымъ образомъ, представляется слѣдующее удобоисполнимое средство: отдѣленіе къ одному мѣсту въ каждомъ полѣ десятой части всей, состоящей въ пользованіи общины пахатной земли, для выдѣла изъ нея даровыхъ участковъ, а равно для устройства общественной запашки; оставшаяся за выдѣломъ даровыхъ участковъ, отдѣленная къ одному мѣсту земля удобряется, засѣвается и обработывается всѣмъ міромъ; собранный хлѣбъ ссыпается въ сельскій запасный магазинъ и употребляется на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ и на разныя потребности крестьянской общины, излишекъ же его, оставшійся нерозданнымъ, можетъ быть продаваемъ каждогодно и способствовать къ постепенному составленію мірскаго вспомогательного капитала.

6) Количество даровато надѣла должно быть не менѣе полу-десятины пашни и покосу въ каждомъ полѣ, т. е. полторы десятины на мужскую ревизскую душу, что составляетъ четвертую часть всего тягловаго надѣла, полагаемаго по шести десятинъ на тягло. Надѣлъ даровою землею, по желанію крестьянскихъ обществъ, можетъ быть замѣненъ выдачею нуждающимся крестьянамъ опредѣленнаго количества хлѣба, полагаемаго для малолѣтнихъ и для стариковъ не менѣе четверти ржи и осьмины овса на каждую душу. Для этого было бы полезно постановить слѣдующія правила: 1) Начиная съ шести-лѣтняго возраста, малолѣтнія дѣти и сироты мужескаго пола въ семействахъ недостаточныхъ имѣютъ право на полученіе даро-

выхъ участковъ земли или опредѣленнаго количества хлѣба. 2) Дѣвочкамъ выдается половинное количество хлѣбомъ, но даровыхъ участковъ земли не выдѣляется. 3) Родившіяся послѣ ревизіи дѣти, по достиженіи ими шести-лѣтняго возраста, равнымъ образомъ пользуются правомъ на полученіе мірскаго вспомоществованія деньгами или хлѣбомъ. 4) По достиженіи двѣнадцати-лѣтняго возраста, выдѣлъ даровыхъ участковъ земли и дача хлѣба прекращаются; двѣнадцати-лѣтній мальчикъ долженъ уже самъ себя прокормить и можетъ быть наряженъ въ подпаски, либо отданъ въ обученіе мастерству или торговлѣ; равнымъ образомъ двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, привычная къ пряжѣ съ малолѣтства, по достиженіи этого возраста не должна быть въ тягость семейству и міру. 5) Безсемейственнымъ и безпріютнымъ старикамъ, свыше шестидесяти лѣтъ, сдавшимъ свои тягловые участки и неимѣющимъ собственной земли или какого либо промысла, съ помощію котораго они могутъ содержать себя, а равно проживающимъ въ бѣдныхъ семьяхъ,—полагается на годовое продовольствіе по четверти ржи мужику и столько же бабѣ и по осьминѣ овса каждому изъ нихъ на крупу. 6) Ежели въ крестьянскомъ семействѣ, состоящемъ изъ мужа и жены и нѣсколькихъ человѣкъ малолѣтныхъ дѣтей, хозяинъ дома, вслѣдствіе продолжительной и изнурительной болѣзни, не въ состояніи прокормить семейство работою, въ такомъ случаѣ пользуется онъ до выздоровленія, безвозмездно, полнымъ участкомъ владѣемой имъ тягловой земли, въ случаѣ же смерти его предоставляется въ безвозмездное пользованіе вдовы и сиротъ половина бывшаго во владѣніи его тягловаго участка. 7) На содержаніе такихъ больныхъ, которые обременяютъ собою семейства недостаточныя, неимѣющія лишнихъ работниковъ или работницъ, добывающихъ на сторонѣ деньги на домашнія нужды, полагается высшая мѣра мірскаго вспомоществованія, даровой участокъ земли, не менѣе двухъ десятинъ въ трехъ поляхъ или по двѣ четверти ржи и по четверти овса каждогодно; назначеніе такого вполнѣ достаточнаго пособія, превышающаго потребности больнаго, должно служить къ облегченію участи несчастныхъ страдальцевъ, чтобы семейство, получающее нѣкоторую выгоду отъ хвораго члена семьи, ухаживало за нимъ съ терпѣніемъ и любовію. Въ настоящее время, постоянное и дѣятельное попеченіе о нуждахъ крестьянскаго міра составляетъ лучшее преимущество помѣщичьей власти, и потому при переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, эта высокая христіанская обязанность по справедливости должна быть наслѣдствомъ крестьянской общины.

7) Община вноситъ помѣщику оброкъ или отбываетъ работы за участокъ земли, отдѣленный для мірской запашки и на удовлетвореніе потребностей нуждающихся крестьянъ.

8) Платежъ оброка и производство работъ за мірскую запашечную землю, распредѣляется уравнительнымъ образомъ по тягламъ.

9) Достигшіе двадцати-лѣтняго возраста до пятидесяти лѣтъ включительно, затяглые крестяне, пользующіеся доходами отъ промысловъ и торговли, которымъ по малоземельности общинной дачи не выдѣлены полные и половинные участки тягловой земли, обязаны наравнѣ съ владѣющими тягловыми участками крестьянами участвовать въ платежѣ государственныхъ и земскихъ повинностей и разныхъ мірскихъ сборовъ, за исключеніемъ больныхъ, неспособныхъ къ хозяйственнымъ занятіямъ крестьянъ, а равно подвергшихся хозяйственнымъ убыткамъ, отъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Установленіе личной подати съ достигшихъ совершеннаго возраста затяглыхъ крестьянъ, пользующихся доходами отъ промысловъ и торговли, послужитъ справедливымъ вознагражденіемъ крестьянскихъ общинъ за призрѣніе сиротъ, малолѣтнихъ и стариковъ и за попеченіе о всѣхъ нуждающихся своихъ членахъ.

10) Вся пахатная земля, состоящая въ мірскомъ пользованіи, за исключеніемъ участка, отдѣленнаго для мірской запашки, должна быть раздѣлена на крестьянскія сотни, заключающія въ себѣ по четыреста квадратныхъ саженъ, что необходимо для уравненія тяголъ землею, чтобы каждое тягло въ одинаковой мѣрѣ было надѣлено землю лучшаго или худшаго качества, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ деревни; эти однажды выдѣленныя сотни не должны передѣливаться по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, но должны оставаться въ пользованіи принявшаго землю до той поры, пока она ему будетъ ненужна, или снята съ него по мірскому приговору; это необходимо для того, чтобы крестьянинъ прилагалъ болѣе старанія къ удобренію и улучшенію своего участка тщательною обработкою. При увеличеніи народонаселенія можетъ быть допущенъ не передѣлъ, но отдѣленіе отъ тягловыхъ участковъ части пахатной земли, для надѣла ею прибылыхъ тяголъ; въ случаѣ же пріобрѣтенія міромъ въ пользованіе или владѣніе новыхъ земель, удобная для вспашки равномѣрно разбивается на сотни и дѣлится между тяглами поровну.

11) Сѣнокосъ въ поляхъ и пустошахъ, смотря по достоинству травы, разбивается по возможности уравнительнымъ образомъ на на кулиги и каждое тягло довольствуется вынутымъ жеребьемъ. Этотъ давно установленный обычай, удовлетворяетъ требованіямъ

справедливости и вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ общиннаго устройства.

12) Община обязана помогать отставшимъ въ работахъ крестьянамъ, ежели упущеніе произошло не по ихъ винѣ, но вслѣдствіе болѣзни или какого нибудь непредвидѣннаго случая.

13) Ежели въ рабочую пору занеможетъ крестьянинъ или крестьянка, несущіе тягла, и ежели въ домѣ нѣтъ лишняго работника или работницы, въ такомъ случаѣ, міръ обязанъ помочь имъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, чтобы они не отстали отъ другихъ; общественная работа производится въ праздничные дни (*), по окончаніи церковной службы, по наряду и подъ наблюденіемъ мірскаго старосты, надзирающаго за добросовѣстнымъ исполненіемъ работы; неисполнившіе наряда по незнанію его, за отлучкой изъ дому, вносятъ по 30 коп. сер. съ человѣка въ пользу мірской кассы; ослушники и нерадивые подвергаются двойному денежному штрафу, взыскиваемому съ нихъ немедленно; неявившіеся на работу по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ отъ платежа штрафа освобождаются.

14) Община обязана оказывать постоянное вспомоществованіе всѣмъ, подвергшимся различнымъ случайностямъ крестьянамъ, напримѣръ: ежели у крестьянина, несущаго тягло, пала или обезножѣла, или пропала лошадь, въ то время, когда нужно пахать, сѣять, боронить, возить удобреніе, убирать сѣна или снопы, — или когда въ рабочую пору умретъ тягловой крестьянинъ или крестьянка, однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда остановка въ работахъ произошла не по винѣ самаго хозяина; этой льготою не могутъ воспользоваться больше-тягольныя семьи, имѣющія лишнихъ работниковъ и лошадей и пользующіяся хорошимъ достаткомъ.

15) Въ случаѣ эпидемической болѣзни, всѣ здоровые крестьяне и крестьянки обязаны общими силами обработать въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ участки больныхъ и умершихъ, до прекращенія эпидеміи.

16) Не должно быть возбраняемо отставшему въ работахъ крестьянину исправлять свое дѣло въ праздникъ.

17) Община обязана помочь неисправному хозяину обмолотить хлѣбъ, ежели остановка въ молотьбѣ произошла отъ перестройки овина или вслѣдствіе болѣзни хозяина или домашнихъ его.

(*) Назначеніе праздничныхъ дней для производства мірскихъ общеполезныхъ работъ, согласно съ требованіями хозяйственнаго разсчета, потому что въ будни каждый крестьянинъ занятъ собственнымъ дѣломъ; оно есть въ тоже время практическое приложеніе евангельской истины, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка.

18) При перестройкѣ двора или избы община помогаетъ строящемуся подводами для перевозки бревенъ. Недавшіе подводы за отлучкою и по незнанію наряда платятъ въ пользу мірской кассы за подводу по 60 коп. сер.; ослушники подвергаются безотлагательному взысканію двойнаго денежнаго штрафа. Неисполнившіе своей обязанности по болѣзни или другимъ причинамъ, признаннымъ уважительнымъ, отъ платежа денежнаго штрафа освобождаются.

19) Ежели вмѣсто бревенъ куплено готовое строеніе, изба или дворъ, то оно равнымъ образомъ перевозится всѣмъ міромъ; впрочемъ, вспомоществованіе подводами ограничивается перевозкою бревенъ на избу или перестройку двора и необходимѣйшихъ хозяйственныхъ строеній; перевозка большихъ строеній, мельницъ и разныхъ заводовъ, а равно большаго количества бревенъ, превосходящая необходимую потребность обыкновеннаго крестьянскаго быта, до міра не касается.

20) Община отвѣчаетъ за исправный взносъ государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, которыя она уплачиваетъ за неисправныхъ плательщиковъ, и въ замѣнъ этой обязанности пользуется надъ несостоятельными крестьянами различными правами, на основаніи законныхъ постановленій; если же недоимка произошла не по собственной винѣ крестьянина, но вслѣдствіе болѣзни или непредвидѣнныхъ несчастій, въ такомъ случаѣ несостоятельный должникъ отъ уплаты своего долга мірскому обществу освобождается.

21) По достиженіи крестьянскими обществами совершенной независимости и по пріобрѣтеніи ими полныхъ правъ свободнаго состоянія, когда правительствомъ дозволенъ будетъ съ надлежащими ограниченіями переходъ крестьянамъ изъ одной мѣстности въ другую, было бы полезно установленіе опредѣленнаго денежнаго взноса въ пользу крестьянскихъ обществъ, за право перехода въ другія общества и сословія; денежный взносъ долженъ быть соразмѣренъ съ невыполненными въ отношеніи къ обществу обязанностями переселяющихся въ другія мѣстности крестьянъ и служить обезпеченіемъ исправнаго отправленія за выбывшихъ членовъ рекрутской повинности, а равно уплаты государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей за состоявшую въ пользованіи переселенцевъ землю; назначеніе умѣреннаго денежнаго взноса, нестѣснительнаго для членовъ крестьянскихъ обществъ, пріобрѣвшихъ достатокъ подъ сѣнію благодѣтельныхъ общинныхъ учрежденій, могло бы способствовать образованію мірскаго вспомогательнаго капитала и увеличенію благосостоянія крестьянскихъ общинъ.

О пріобрѣтеніи общиною крестьянскою покупкою у помѣщика, въ полное владѣніе, состоящей въ пользованіи ею земли и о пользованіи купленною землею членами общины.

1) Крестьянская община преимущественно передъ отдѣльными крестьянами пользуется правомъ пріобрѣтать въ полное владѣніе покупкою у помѣщика состоящую въ пользованіи ея землю; такимъ же правомъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ, пользуется каждый отдѣльный крестьянинъ.

2) При покупкѣ земли общиною, никто не можетъ быть устраненъ отъ пріобрѣтенія той доли, которою онъ пользуется, и каждый обязанъ внести за свою часть слѣдующее количество денегъ; недостаточные крестьяне пользуются пособіемъ отъ общины, которая вноситъ за нихъ деньги, съ нихъ же получаетъ по срокамъ, и за такую ссуду не состоятельный крестьянинъ предоставляетъ въ пользованіе общины четвертую часть изъ своего участка до полной уплаты долга.

3) Каждое семейство сохраняетъ право на пользованіе своимъ участкомъ до той поры, пока онъ необходимъ для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни всѣхъ членовъ семьи; участокъ земли, превосходящій потребности семьи, уменьшившейся смертію своихъ членовъ или переходомъ ихъ въ другія сельскія и городскія общества, поступаетъ въ пользованіе другихъ, нуждающихся въ землѣ крестьянъ, которые уплачиваютъ владѣльцу опредѣленный выкупъ, равняющійся цѣнности земли и крѣпостныхъ пошлинъ, означенныхъ въ купчей крѣпости.

4) Для предупрежденія злоупотребленій, воспрещается отдѣльнымъ крестьянамъ, купившимъ у помѣщика часть состоящей въ ихъ пользованіи общинной земли, закладывать ее другимъ лицамъ, съ объявленіемъ ложной цѣны, превышающей означенную въ купчей крѣпости, — во избѣжаніе законнаго выкупа, владѣемой ими излишней пропорціи земли, другими нуждающимися въ землѣ крестьянами.

5) Ежели пользующіеся правомъ выкупа лишнихъ земель крестьяне не въ состояніи внести въ одинъ разъ цѣну земли, значущуюся въ купчей крѣпости, то до полной уплаты ими капитальной суммы обязаны они платить владѣльцу ежегодно по четыре процента съ стоимости земли, означенной въ купчей крѣпости, и сверхъ того пользуются правомъ уплачивать капиталъ по частямъ, въ нѣсколько сроковъ.

6) Крестьянская община обезпечиваетъ за каждымъ изъ своихъ членовъ пользованіе участкомъ земли, непревосходящимъ участковъ прочихъ членовъ общины, помогаетъ нуждающимся своимъ членамъ въ выкупѣ тягловыхъ участковъ, превышающихъ необходимую потребность въ землѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ семей и разсрочиваетъ имъ уплату долга на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

7) Увеличившіяся семьи, немогущія продовольствоваться купленнымъ ими первоначально участкомъ, преимущественно передъ прочими пользуются правомъ выкупа лишнихъ и вывороченыхъ земель.

8) Осиротѣвшимъ семьямъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей, оставляется участокъ земли, необходимый для ихъ прокормленія, за излишнюю же землю выплачивается имъ опредѣленный выкупъ, посредствомъ взноса капитальной суммы или платежа процентовъ по четыре на сто до полной уплаты капитала.

9) Дѣти мужескаго пола, оставшіяся сиротами въ малолѣтствѣ, по достиженіи ими совершеннолѣтія и вступленіи въ бракъ, имѣютъ право на полученіе отъ общины необходимаго для ихъ продовольствія участка земли, отдѣляемаго отъ семей, пользующихся излишнею землею, за которую имъ выплачивается опредѣленный выкупъ.

10) Ближайшіе наслѣдники умершаго крестьянина, перешедшіе въ другія сельскія общества, или живущіе въ городахъ, имѣютъ право на полученіе отъ общины опредѣленнаго выкупа за оставшееся послѣ ихъ родственника недвижимое имущество; вполнѣ вымороченыя земли поступаютъ въ распоряженіе общины, которая раздаетъ ихъ болѣе нуждающимся крестьянамъ, и полученную за нихъ плату присоединяетъ къ мірскому вспомогательному капиталу.

11) Дозволяется также отдѣльнымъ крестьянамъ пріобрѣтать покупкою у помѣщика состоящія въ пользованіи ихъ тягловые участки земли, но отнюдь не дозволяется пріобрѣтать земли, состоящія въ пользованіи другихъ крестьянъ, неимѣющихъ средствъ къ покупкѣ своего учатска.

12) Отдѣльные крестьяне, купившіе у помѣщика землю, въ пользованіи ею, подчиняются всѣмъ правиламъ общиннаго устройства и не могутъ требовать выдѣла своего участка къ одному мѣсту. Владѣемая ими земля равнымъ образомъ подлежитъ въ опредѣленныхъ случаяхъ выкупу крестьянскою общиною, черезъ уплату владѣльцу цѣны земли, означенной въ купчей крѣпости.

13) Община преимущественно передъ отдѣльными лицами пользуется правомъ выкупать всѣ смежныя земли и включать ихъ въ составъ полевой земли, на общинномъ положеніи.

14) Отхожія пустоши, несмежныя съ состоящею въ общинномъ владѣніи землею, могутъ быть пріобрѣтаемы членами общины въ особое владѣніе, для учрежденія на нихъ отдѣльнаго хозяйства; эти земли выкупу крестьянскою общиною не подлежатъ.

Общинное владѣніе землею, при которомъ каждое отдѣльное лицо имѣетъ право на полученіе участка земли, для необходимѣйшихъ потребностей жизни, обезпечивающее разумныя и справедливыя права всѣхъ вообще и каждаго въ особенности, есть самое благодѣтельное и превосходное учрежденіе, удовлетворяющее врожденному чувству справедливости и требованіямъ ума непредубѣжденнаго, и свидѣтельствующее о сметливости и добросовѣстности нашего умнаго русскаго народа. Сохраненіе и полное развитіе общиннаго начала на законномъ основаніи будетъ въ высшей степени благотворно и послужитъ къ упроченію благосостоянія крестьянскихъ общинъ.

О МІРСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ И РАЗНЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ МІРСКИХЪ СУДЕБНЫХЪ ВЛАСТЕЙ.

1) Первая степень власти въ крестьянской общинѣ принадлежитъ по праву главѣ семейства, то есть старшему въ немъ: отцу, за смертію отца—дядѣ; ежели нѣтъ стариковъ въ домѣ, то старшему брату, родному или двоюродному.

2) Всѣ члены семейства обязаны быть въ полномъ повиновеніи старшему, по наряду его являться на работу свою или господскую; безъ согласія его не должны отлучаться изъ дому на разные промыслы и по первому востребованію главы семейства обязаны возвращаться въ свои дома и отдавать хозяину отчетъ въ заработанныхъ деньгахъ, которыми они не имѣютъ права распоряжаться произвольно; всѣ деньги, добытыя меньшими членами семьи, поступаютъ въ полное распоряженіе старшаго, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію; кромѣ того, старшій въ семействѣ распоряжается домашними работами, продажей хлѣба, скота и прочаго, покупкою всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для хозяйственнаго обихода и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отдаетъ отчетъ одному лишь міру.

3) Въ случаѣ неспособности къ управленію или дурнаго поведені старшаго въ семействѣ, меньшіе члены семьи обязаны обратиться съ своею жалобою къ мірскому старостѣ, который долженъ содѣйствовать примиренію семейныхъ несогласій и водворенію въ семействахъ дружелюбія; равнымъ образомъ и старшій въ семьѣ относится къ

мірскому старостѣ, въ случаѣ неповиновенія, дурнаго поведенія, нерадивости въ работахъ и утайки заработанныхъ денегъ меньшими членами семьи.

4) Ежели старшій или же меньшіе члены семьи рѣшеніемъ мірскаго старосты останутся недовольны, въ такомъ случаѣ жалоба поступаетъ на разсмотрѣніе крестьянскаго общества, которое избираетъ изъ своей среды временный судъ, состоящій изъ нечетнаго числа членовъ, отъ трехъ до девяти, чтобы по каждому дѣлу могло состояться рѣшеніе по большинству голосовъ; назначеніе временныхъ членовъ мірскаго суда, измѣняющихся каждый разъ, необходимо для того, чтобы при разбирательствѣ крестьянскихъ жалобъ и всякихъ споровъ были устраняемы отъ участія въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ родственники или постороннія лица, подозрѣваемыя въ пристрастіи къ одному изъ подвергавшихся суду общины крестьянъ; рѣшенія временнаго мірскаго суда исполняются безпрекословно во всѣхъ дѣлахъ, относящихся до общины и неимѣющихъ прямаго отношенія къ помѣщику.

5) Штрафованные или наказанные по приговору временнаго мірскаго суда крестьяне записываются въ заведенную при имѣніи штрафную книгу, съ прописаніемъ ихъ вины и присужденнаго за нее наказанія; неисправляющіеся крестьяне, подвергшіеся вторичному наказанію за важные проступки, имѣются преимущественно въ виду при отправленіи рекрутской повинности и отдаются въ рекруты предпочтительно передъ смирными и трудолюбивыми людьми.

6) Ежели старшій въ семьѣ окажется виновнымъ въ нерадѣніи, дурномъ поведеніи, неразсчетливости и злоупотребленіи своей власти надъ меньшими членами, въ такомъ случаѣ, по жалобѣ послѣднихъ, виновный, хотя бы даже отецъ семейства, по приговору мірскаго суда лишается правъ старшинства, которое передается одному изъ меньшихъ членовъ семьи, признанному міромъ болѣе способнымъ и достойнымъ; строптивые члены семьи, неповинующіеся власти новаго семейнаго главы, подвергаются различнаго рода наказаніямъ, по рѣшенію временныхъ мірскихъ судовъ.

7) Помѣщикъ или управляющій имѣніемъ сохраняетъ право вмѣшательства въ распоряженія крестьянскаго общества во всѣхъ дѣлахъ, относящихся до владѣльца земли, для смягченія и отмѣны несправедливыхъ приговоровъ и для предупрежденія потворства негодяямъ, ворамъ, пьяницамъ, шинкующимъ виномъ и всѣмъ вообще зажиточнымъ, но недобросовѣстнымъ крестьянамъ, — со стороны мірскаго старосты, ко вреду крестьянскаго общества.

8) Крестьянское общество пользуется правомъ избирать изъ своей среды мірскаго старосту, который долженъ быть посредствующимъ лицомъ между крестьянами и помѣщикомъ.

9) Въ издѣльныхъ имѣніяхъ староста имѣетъ наблюденіе за господскими работами, подъ непосредственнымъ надзоромъ помѣщика или его управляющаго, и отвѣчаетъ передъ помѣщикомъ за всякую неисправность и умышленное потворство крестьянамъ.

10) Въ имѣніяхъ оброчныхъ староста сбираетъ оброки и высылаетъ ихъ помѣщику, отъ котораго получаетъ росписку въ полученіи имъ оброчной суммы.

11) Какъ въ издѣльныхъ, такъ равно и въ оброчныхъ имѣніяхъ, мірской староста занимается сборомъ государственныхъ и господскихъ повинностей и подвергаетъ неисправныхъ крестьянъ понудительнымъ мѣрамъ, дозволеннымъ законами.

12) Мірской староста выдаетъ мѣсячные билеты и плакатные паспорты, отправляющимся въ отдаленныя мѣстности крестьянамъ, съ согласія помѣщика или управляющаго имѣніемъ, которымъ впрочемъ не предоставлено право задерживать въ имѣніи старательныхъ и исправныхъ крестьянъ, противъ ихъ желанія; проживающіе по плакатнымъ паспортамъ въ столицахъ и въ другихъ губерніяхъ крестьяне, невыполняющіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику и къ крестьянскому обществу, по требованію своего начальства, сообщаемому черезъ земскую полицію, начальствомъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они временно проживаютъ, должны быть немедленно препровождаемы посредствомъ внутренней стражи въ мѣсто своего жительства.

13) Для усиленія власти мірскаго старосты предоставляется ему право суда и опредѣленія легкихъ наказаній за неважные проступки, а равно назначеніе и взысканіе въ опредѣленныхъ случаяхъ штрафовъ, на основаніи постановленныхъ для разныхъ случаевъ законоположеній.

14) Мірской староста долженъ быть выбираемъ преимущественно изъ большихъ семей, или по крайней мѣрѣ изъ двойниковъ, чтобы не было опущенія въ его домашнемъ хозяйствѣ.

15) Крестьянское общество сохраняетъ впрочемъ право избирать старосту изъ одинокихъ мужиковъ, но въ такомъ случаѣ его тягло обработывается міромъ, который вноситъ за него государственныя и господскія повинности.

16) За свою службу мірской староста получаетъ въ безплатное пользованіе участокъ земли, которымъ онъ пользуется на свое тягло и слѣдующія съ него государственныя и господскія повинности уплачиваются міромъ; кромѣ того, въ издѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ ста-

роста смотритъ за работами въ господскомъ полѣ, освобождается отъ работъ; но не отъ платежа денежныхъ повинностей, если есть еще другое тягло въ его семьѣ.

17 Староста имѣетъ хожденіе по всѣмъ мірскимъ дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, сдаетъ рекрутовъ и во всѣхъ случаяхъ обязанъ заботиться объ огражденіи мірскаго интереса.

18) Семейство старосты во все продолженіе его службы освобождается отъ рекрутской очереди въ такомъ лишь случаѣ, ежели оно состоитъ не болѣе, какъ изъ двойниковъ.

19) Каждый отдѣльный крестьянинъ имѣетъ право приносить помѣщику или его управляющему жалобу на неправильныя и стѣснительныя распоряженія мірскаго старосты, которыя владѣлецъ имѣетъ право отмѣнять на основаніи законныхъ постановленій.

20) За нарушеніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянскому обществу и къ помѣщику, мірской староста подвергается по рѣшенію особыхъ посредническихъ присутствій смѣнѣ и соотвѣтственному винѣ его наказанію; послѣ смѣны старосты общество немедленно приступаетъ къ избранію новаго.

21) Крестьянское общество и владѣлецъ земли, въ случаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній и взаимныхъ жалобъ, обязаны обратиться къ посредничеству избираемыхъ помѣщиками изъ своей среды окружныхъ сельскихъ начальниковъ, которымъ, съ присоединеніемъ къ нимъ депутата отъ крестьянъ, поручается надзоръ за составленными изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ имѣній сельскими округами, опредѣленнаго размѣра; начальнику сельскаго округа предоставляется совмѣстно съ депутатомъ отъ крестьянъ право разбирательства и рѣшенія нетерпящихъ отлагательства спорныхъ дѣлъ, могущихъ возникнуть между крестьянскими обществами и помѣщиками; рѣшенія сельскихъ окружныхъ начальниковъ приводятся немедленно въ исполненіе, въ случаѣ же сопротивленія владѣльцевъ или крестьянскихъ обществъ, спорныя дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе мѣстныхъ посредническихъ присутствій, постановляющихъ окончательные приговоры поступившимъ въ нихъ жалобамъ и подвергающихъ взысканіямъ и денежнымъ штрафамъ виновныхъ въ неправильныхъ жалобахъ или несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ отвѣтственныхъ лицъ.

22) Крестьянское общество и каждый отдѣльный крестьянинъ, невыполняющіе обязанностей своихъ въ отношеніи къ помѣщику, неповинующіеся его законной власти, опредѣленной законоположеніями, неоказывающіе помѣщику должнаго уваженія и тѣмъ болѣе, дозволяющіе себѣ разные противозаконные поступки и противящіеся законнымъ рѣшеніямъ сельскихъ окружныхъ начальниковъ,

*под*вергаются по степени вины различнымъ наказаніямъ и болѣе или менѣе значительнымъ денежнымъ штрафамъ, по рѣшенію высшей въ уѣздѣ судебной инстанціи мѣстнаго посредническаго присутствія.

23) Въ каждомъ уѣздѣ должно быть учреждено особое посредническое присутствіе для разбирательства и рѣшенія спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянскими обществами и для разрѣшенія недоразумѣній, неизбѣжныхъ при водвореніи новаго порядка вещей. Рѣшенія посредническихъ присутствій постановляются на основаніи положительныхъ узаконеній и получаютъ обязательную силу какъ для помѣщиковъ, такъ равно и для крестьянскихъ обществъ, которыми приводятся немедленно въ исполненіе.

24) Посредническое присутствіе должно состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, избираемыхъ изъ дворянъ; крестьянскія общества равнымъ образомъ избираютъ изъ своей среды трехъ членовъ, пользующихся правомъ голоса наравнѣ съ членами дворянскаго сословія.

25) Дворянскіе выборы происходятъ въ уѣздномъ городѣ черезъ общую подачу голосовъ всѣхъ проживающихъ въ уѣздѣ дворянъ; чтобы не стѣснять дворянскихъ избирателей въ свободной подачѣ голосовъ, не дозволяется составлять списковъ кандидатовъ и предлагать ихъ избирателямъ для выбора членовъ присутствія изъ числа кандидатовъ, помѣщенныхъ въ спискѣ; но всѣ проживающіе въ уѣздѣ дворяне, какъ присутствующіе, такъ и отсутствующіе по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, пользуются правомъ подавать письменные отзывы въ пользу тѣхъ лицъ, которыхъ они считаютъ достойными избранія; получившіе наибольшее число голосовъ утверждаются въ званіи предсѣдателя и членовъ посредническаго присутствія и за тѣмъ присутствующіе члены уѣзднаго собранія приступаютъ къ избранію кандидатовъ такимъ же точно порядкомъ. Ежели по повѣркѣ письменныхъ отзывовъ присутствующихъ и отсутствующихъ дворянъ окажется, что два лица получили одинаковое количество голосовъ, въ такомъ случаѣ избраніе въ члены посредническаго присутствія рѣшается черезъ письменную подачу голосовъ присутствующихъ въ собраніи дворянъ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ спорные выборы предоставляются рѣшенію жребія.

26) Крестьянскія общества избираютъ со ста душъ трехъ избирателей, которымъ предоставляется право избранія трехъ членовъ въ посредническое присутствіе и столькихъ же кандидатовъ по большинству голосовъ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ

крестьянскихъ избирателей спорные выборы рѣшаются посредствомъ жребія.

27) Выбранныя въ члены посредническаго присутствія неслужащія лица, а равно и кандидаты, не имѣютъ права отказываться отъ службы подъ вымышленными предлогами; единственною законною причиною къ отказу можетъ служить постоянное болѣзненное состояніе здоровья, удостовѣренное медицинскимъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ достойныхъ довѣрія лицъ дворянскаго сословія; уличенные въ уклоненіи отъ службы подъ ложными предлогами подвергаются отвѣтственности и денежнымъ штрафамъ, по рѣшенію уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Избранные въ члены посредническаго присутствія дворяне, нуждающіеся въ средствахъ къ жизни, сверхъ опредѣленнаго по положенію жалованья, имѣютъ право на полученіе особеннаго денежнаго вспомоществованія изъ дворянскихъ суммъ.

28) Члены посредническаго присутствія обязаны ежемѣсячно собираться у дворянскаго предсѣдателя для обсужденія всякаго рода дѣлъ, накопившихся въ продолженіе этого времени; въ важныхъ случаяхъ назначаются особыя засѣданія, на которыя по повѣсткѣ предсѣдателя избранные члены должны являться безпрекословно. Предсѣдатель посредническаго присутствія рѣшаетъ собственною властію, на основаніи законныхъ положеній, разныя нетерпящія отлагательства, менѣе важнаго свойства дѣла, по просьбамъ помѣщиковъ на крестьянскія общества и послѣднихъ на помѣщиковъ.

29) Избранные дворянствомъ члены, въ случаѣ болѣзни или встрѣтившейся необходимости отлучиться изъ имѣнія, увѣдомляютъ о томъ предсѣдателя, который разрѣшаетъ имъ отъѣздъ и въ тоже время назначаетъ одного изъ кандидатовъ для исправленія должности отсутствующаго члена; въ случаѣ болѣзни или отлучки изъ имѣнія предсѣдателя, онъ имѣетъ право назначать на свое мѣсто одного изъ членовъ и замѣщаетъ его однимъ изъ кандидатовъ; вступившіе во временное отправленіе должности предсѣдателя и членовъ посредническаго присутствія пользуются въ продолженіе этого времени присвоеннымъ этимъ должностямъ жалованьемъ. Крестьянскіе члены посредническихъ присутствій равнымъ образомъ состоятъ въ зависимости отъ предсѣдателя и безъ позволенія его не могутъ отлучаться изъ домовъ, на что каждый разъ должны испрашивать разрѣшенія. Отсутствующій членъ немедленно замѣняется однимъ изъ кандидатовъ.

30) Для производства дѣлъ въ посредническомъ присутствіи предсѣдатель приглашаетъ къ себѣ на службу опытнаго чиновника, знакомаго съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ.

31) Посредническое присутствіе есть высшая въ уѣздѣ судебная инстанція, для разбирательства и рѣшенія спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и подвѣдомственными имъ крестьянскими обществами; независимо отъ судебной власти главное назначеніе его состоитъ въ изысканіи способовъ къ совершенію всякаго рода мировыхъ сдѣлокъ и въ предупрежденіи важныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянскими обществами.

32) Всѣ дѣла въ посредническомъ присутствіи рѣшаются по большинству голосовъ; но, въ случаѣ равенства голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ мнѣнію дворянскихъ или сельскихъ представителей; мнѣніе члена, несогласнаго съ мнѣніемъ большинства и недовольнаго рѣшеніемъ предсѣдателя, заносится въ протоколъ, который подписывается предсѣдателемъ и прочими членами. Рѣшенія присутствія приводятся въ исполненіе безъ замедленія.

33) Всѣ рѣшенныя дѣла по окончаніи года сдаются въ архивъ, который долженъ быть содержимъ въ порядкѣ, на случай какихъ либо необходимыхъ справокъ.

34) Предсѣдателю посредническаго присутствія, который можетъ въ тоже время быть и предводителемъ дворянства, полагается жалованья по шестисотъ руб. сер. въ годъ, и кромѣ того на разъѣзды и разные экстренные расходы четыреста руб., всего тысяча руб.; каждому изъ членовъ полагается по триста руб. и столько же производителю дѣлъ; на канцелярскіе расходы назначается сто руб. въ годъ. Сельскіе члены получаютъ по сту руб. сер. отъ крестьянскихъ обществъ.

35) Посредническія присутствія, по прошествіи года, подлежатъ повѣркѣ коммисій, составляемыхъ изъ трехъ членовъ дворянскаго сословія, избираемыхъ дворянскими уѣздными собраніями, съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ депутатовъ отъ крестьянъ; всѣ проживающіе въ уѣздѣ дворяне и управляющіе имѣніями, а равно и крестьянскія общества, пользуются правомъ приносить ревизіонной коммисіи жалобы на несправедливыя рѣшенія посредническаго присутствія. О найденныхъ коммисіею неисправностяхъ въ дѣлопроизводствѣ и разныхъ несправедливостяхъ, она доноситъ уѣздному собранію, состоящему изъ всѣхъ наличныхъ, проживающихъ въ уѣздѣ дворянъ.

36) Въ случаѣ обнаруженныхъ ревизіонною коммисіею неправильностей въ дѣлопроизводствѣ и разныхъ злоупотребленій, назначается, по повѣсткѣ уѣзднаго предводителя дворянства, чрезвычайное уѣздное собраніе, избирающее изъ своей среды временный судъ, состоящій изъ нечетнаго числа членовъ, который по большинству голосовъ постановляетъ рѣшенія о подвергшихся обви

нению въ недобросовѣстности членахъ посредническаго присутствія. Какъ дворянскіе, такъ равно и крестьянскіе члены посредническихъ присутствій, уличенные въ недобросовѣстномъ стяжаніи противозаконнаго интереса, подвергаются по рѣшеніямъ временнаго дворянскаго суда соразмѣрнымъ ихъ винѣ взысканіямъ въ пользу обиженныхъ ими лицъ или обществъ и подлежитъ кромѣ того смѣнѣ и замѣщенію кандидатами; въ тоже время приступаютъ къ избранію новыхъ кандидатовъ;—за явное же нарушеніе законоположеній и постановленіе неправильныхъ приговоровъ члены посредническихъ присутствій подвергаются сверхъ того суду высшихъ судебныхъ инстанцій. Крестьянскимъ обществамъ должно быть предоставлено право приносить на пристрастныя рѣшенія высшаго дворянскаго суда жалобы начальнику губерніи, какъ представителю высшаго правительства; допущеніе въ тоже время печатной гласности для обнаруженія злоупотребленій властей и для обращенія на нихъ вниманія высшаго правительства, послужитъ лучшимъ средствомъ къ уменьшенію пристрастныхъ рѣшеній и развитію правильнаго судопроизводства.

Дарованіе дворянскому сословію и крестьянскимъ обществамъ неоцѣненнаго права рѣшать всѣ относящіеся до нихъ дѣла собственнымъ судомъ, на основаніи ясныхъ и точныхъ законоположеній, и добросовѣстное исполненіе обоими сословіями своихъ обязанностей послужитъ къ водворенію общественнаго благоустройства и къ упроченію благосостоянія, какъ помѣщиковъ, такъ равно и крестьянскихъ обществъ.

О ПОЛЬЗОВАНІИ ПОМѢЩИЧЬИМЪ ЛѢСОМЪ, РАСТУЩИМЪ НА СОСТОЯЩЕЙ ВЪ ПОЛЬЗОВАНІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА ЗЕМЛѢ, И О ПРІОБРѢТЕНІИ ЕГО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПОКУПКОЮ У ВЛАДѢЛЬЦА.

1) Строевой и дровяной лѣсъ, растущій на предоставленной въ пользованіе крестьянскаго общества землѣ, остается неотъемлемою собственностію помѣщика; но чтобы пріобрѣсти право пользованія дровами на отопленіе избъ, общество обязано избрать изъ среды своей надежнаго сторожа, назначить ему жалованье и поручить надзоръ за лѣсомъ, за сбереженіе котораго онъ отвѣчаетъ. За сторожа отвѣчаетъ все общество. На отхожихъ пустошахъ, удаленныхъ отъ имѣнія, устроивается на помѣщичій счетъ сторожка для жительства сторожа, имѣющаго наблюденіе за сбереженіемъ молодаго и стараго лѣса; въ случаѣ значительности лѣсной дачи, даются лѣс-

ному сторожу на подмогу отъ міра чередовые сторожа, обязанные просторожить недѣлю и отвѣчающіе наравнѣ съ главнымъ сторожемъ за порубку лѣса и потраву травы; чередовые сторожа могутъ быть замѣняемы посредствомъ найма обществомъ постояннаго помощника главному сторожу.

2) Отпускъ дровъ крестьянамъ равняется цѣнности издержекъ, употребленныхъ міромъ на жалованье и содержаніе сторожа и его помощника.

3) Ежели по осмотрѣ лѣса владѣльцемъ или управляющимъ его окажется порубка, то она свидѣтельствуется въ присутствіи мірскаго старосты и нѣсколькихъ крестьянъ и производится оцѣнка порубленнаго лѣса съ назначеніемъ штрафа, по общему положенію о порубкахъ; эти деньги вычитаются изъ назначеннаго лѣсному сторожу жалованья и выплачиваются помѣщику; но ежели штрафная сумма превышаетъ получаемый сторожемъ годовой окладъ, то она уплачивается крестьянскимъ обществомъ.

4) Ежели лѣсной сторожъ открылъ виновныхъ въ похищеніи лѣса одного или нѣсколькихъ участниковъ въ порубкѣ, то слѣдующій по положенію о порубкахъ штрафъ, для избѣжанія судебныхъ разбирательствъ и проволочекъ, взыскивается съ виновныхъ поровну, хотя бы они и не въ одинаковой степени воспользовались краденымъ лѣсомъ; въ такомъ случаѣ выдается сторожу изъ штрафныхъ денегъ третья часть.

5) Ежели общество не пожелаетъ взять на себя обязанность сторожить лѣсъ и отвѣчать за цѣлость его, въ такомъ случаѣ крестьяне лишаются права на безденежный отпускъ дровъ.

6) Крестьянское общество можетъ пользоваться необходимымъ отпускомъ дровъ не иначе, какъ по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ за опредѣленное вознагражденіе деньгами или работою.

7) Крестьянское общество можетъ пріобрѣсти право на постоянное пользованіе лѣсомъ не иначе, какъ покупкою всего или части лѣса съ землею или безъ земли, по условію или по купчей крѣпости. При уступкѣ лѣса безъ земли заключается условіе на опредѣленное число лѣтъ; условіе должно быть засвидѣтельствовано въ мѣстномъ посредническомъ присутствіи.

8) Крестьянское общество пріобрѣтаетъ лѣсъ съ землею и безъ земли покупкою у помѣщика не по тягламъ, а по дворамъ, по той причинѣ, что какъ больше-тягольныя такъ и малотягольныя семьи имѣютъ одинаковую надобность въ лѣсѣ на постройки и отопленіе.

9) Поступившій въ мірское владѣніе лѣсъ становится общею собственностію всего міра, а не нѣкоторыхъ отдѣльныхъ крестьянъ; но ежели болѣе нуждающіеся изъ крестьянъ не заплатили за свою

часть всѣхъ денегъ, которыя внесли за нихъ другіе, въ такомъ случаѣ общество обязано разсрочить имъ долгъ и получать его по частямъ, за что пользуется изъ каждогодно вырубаемаго на срубку участка лѣса четвертою частью изъ доли крестьянъ, невнесшихъ всѣхъ денегъ за купленный лѣсъ.

10) Пользованіе общественнымъ лѣсомъ подчиняется особымъ правиламъ; лѣсъ, смотря по количеству и возрасту, дѣлится на опредѣленное число участковъ и каждогодно вырубается одинъ или два участка, или же въ извѣстное время, ежели лѣсъ слишкомъ частъ и оттого тупо растетъ, то прорѣжается вырубкою лишнихъ деревьевъ, по мірскому приговору; каждогодно вырубаемые на постройки и на отопленіе крестьянскихъ избъ участки лѣса дѣлятся не по тягламъ, а по дворамъ.

11) Рубка, чистка и возка лѣса производится всѣмъ міромъ одновременно, по окончаніи которыхъ лѣсъ заказывается снова; не успѣвшимъ срубить и вывезти своей доли въ одно время съ другими дается отсрочка на опредѣленное время, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) Никому не дозволяется по истеченіи срока, назначеннаго для общей рубки и возки лѣса, брать съ собою въ лѣсъ топоръ; опоздавшіе же возкою и получившіе отсрочку должны заготовить лѣсъ для возки въ продолженіе времени, назначеннаго для общей рубки. 2) За неисполненіе этого правила виновный подвергается на первый разъ отобранію топора и денежному штрафу, не менѣе рубля серебромъ, за вторичное наруженіе его — двойному денежному штрафу, за неоднократное же и упорное повтореніе прежнихъ проступковъ подвергается болѣе тяжелымъ наказаніямъ, по мірскому приговору. 3) Пользованіе валежникомъ и хворостомъ изъ мірскаго лѣса безъ полученнаго отъ общества особаго на то разрѣшенія наказывается на равнѣ съ порубкою стоящихъ на корню деревьевъ.

12) Поступившій въ полное владѣніе крестьянскаго общества покупкою у помѣщика пріобрѣтенный лѣсъ поручается надзору каждогодно избираемаго изъ среды крестьянскаго общества лѣснаго сторожа, имѣющаго право на полученіе отъ общества соотвѣтственнаго за его службу вознаграждевія; для обезпеченія же сохранности лѣса сторожа выбираются преимущественно изъ семей зажиточныхъ крестьянъ, съ которыхъ, въ случаѣ значительной порубки или недобросовѣстности лѣснаго сторожа, взыскивается по оцѣнкѣ причиненнаго крестьянскому обществу убытка соразмѣрный штрафъ; по прошествіи года производится освидѣтельствованіе лѣсной дачи и по учиненіи разсчета съ лѣснымъ сторожемъ міръ приступаетъ къ избранію новаго сторожа, или же въ случаѣ согла-

сія стараго сторожа оставляетъ его еще на годъ. Мірской староста обязанъ имѣть особенное наблюденіе за сбереженіемъ мірскаго лѣса и производить каждонедѣльно тщательный осмотръ ему; въ случаѣ произшедшихъ вслѣдствіе недостатка бдительности мірскаго старосты значительныхъ порубокъ, онъ отвѣчаетъ за потворство лѣснымъ сторожамъ и виновнымъ въ похищеніи лѣса крестьянамъ. Пасеніе скота въ молодомъ лѣсу должно быть строго воспрещено, пока онъ не достигнетъ шестилѣтняго возраста, что необходимо для безпрепятственнаго и успѣшнаго его роста.

О РАЗДѢЛАХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ СЕМЕЙ.

Главная основа благосостоянія крестьянскихъ обществъ заключается въ согласіи и взаимномъ искреннемъ расположеніи другъ къ другу членовъ одной семьи и въ подчиненіи меньшихъ старшему или хозяину, которымъ можетъ быть отецъ, дядя, братъ родной или двоюродный, и въ иныхъ случаяхъ, даже посторонній человѣкъ, ежели въ видахъ общей пользы два крестьянина согласятся жить въ одномъ домѣ и соединить два отдѣльныя хозяйства въ одно общее. Выгоды подобнаго товарищества въ особенности замѣтны въ крестьянскомъ быту, болѣе другимъ подверженному разнымъ случайностямъ, быстро разрушающимъ благосостояніе отдѣльнаго крестьянина, между тѣмъ, какъ семейство состоящее изъ многихъ членовъ, связанныхъ между собою родствомъ или вступившимъ въ товарищество, въ видахъ обоюдной пользы, съ успѣхомъ борется противъ всякихъ неблагопріятныхъ вліяній и съ помощію добраго согласія и труда мало по малу упрочиваетъ свое благосостояніе. Къ числу неблагопріятныхъ вліяній, разрушительно дѣйствующихъ на крестьянское хозяйство, можно отнести слѣдующіе главные случаи: неурожай, градобитіе, пожаръ, паденіе скота, болѣзнь хозяина или другихъ членовъ семьи; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ отдѣльный крестьянинъ, даже старательный и добросовѣстный, скоро доходитъ до несостоятельности, между тѣмъ какъ семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ членовъ, подчиненныхъ власти одного лица и добывающихъ на сторонѣ деньги на уплату повинностей и на хозяйственныя нужды, легче переноситъ всякія случайности и убытки и вполнѣ обезпечиваетъ свое благосостояніе; по этимъ причинамъ было бы полезно, въ видахъ благодѣтельнаго ограниченія крестьянскихъ раздѣловъ, постановить слѣдующія правила:

1) Семейство, состоящее изъ отца и двухъ или трехъ братьевъ, не должно дѣлиться до тѣхъ поръ, пока у одного изъ женатыхъ

братьевъ не подрастутъ сыновья; тогда одинъ братъ со взрослыми сыновьями или хотя однимъ совершеннолѣтнимъ сыномъ и подростками съ согласія отца можетъ отдѣлиться, остальные же братья остаются съ отцомъ или дядею до того времени, пока семейство не умножится до такой степени, чтобы, какъ отдѣляющаяся, такъ и остающаяся на мѣстѣ семья, состояли не менѣе, какъ изъ двухъ или трехъ взрослыхъ мужиковъ, не старѣе пятидесяти и не моложе осьмнадцати или двадцати лѣтъ.

2) Семейство, состоящее изъ двухъ или трехъ родныхъ или двоюродныхъ братьевъ, подчиняется тѣмъ же правиламъ.

3) Раздѣлъ двухъ только братьевъ, родныхъ или двоюродныхъ, а равно дяди съ однимъ или двумя племянниками, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть допускаемъ.

4) Отдѣленіе двухъ хворыхъ членовъ семьи или даже одного хвораго съ здоровымъ, хотя бы и не старыхъ, не должно быть допускаемо.

5) Крестьянское общество пользуется правомъ сводить вмѣстѣ отдѣльныхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ, ежели они отстаютъ отъ другихъ въ работахъ, неисправно платятъ подати и постоянно нуждаются въ мірскомъ вспомоществованіи; въ сведенныхъ семьяхъ общество назначаетъ хозяиномъ болѣе дѣльнаго и старательнаго изъ обоихъ.

6) Желающіе вступить въ товарищество добровольно сами соглашаются между собою, кому быть хозяиномъ и кому состоять въ зависимости.

7) Семейство, получившее дозволеніе на раздѣлъ, озабочивается устройствомъ новой крестьянской усадьбы, со всѣми необходимыми постройками до раздѣла, и потомъ уже происходитъ раздѣлъ движимости, скота, хлѣба, по возможности уравнительный.

8) Въ спорныхъ случаяхъ, ежели дѣлящіеся не могутъ разойтится между собою полюбовно, раздѣлъ всего крестьянскаго имущества предоставляется разбирательству мірскаго суда, состоящаго изъ хозяевъ. Приговоръ мірскаго суда предоставляется на утвержденіе помѣщика или его управляющаго.

9) Разошедшіяся семьи отбываютъ всякаго рода денежныя и натуральныя повинности отдѣльно и никакой отвѣтственности передъ міромъ и помѣщикомъ другъ за друга не подлежатъ; въ случаѣ рекрутскаго набора разошедшіяся семьи, состоящія изъ одинаковаго количества душъ, при наступившей очереди, подвергаются поставкѣ въ рекруты, по рѣшенію жребія, съ вознагражденіемъ отданнаго въ рекруты, по положенію объ отправленіи рекрутской повинности.

10) Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сохраненіе порядка и согласія въ семьѣ; ему предоставлено право подвергать домашнихъ легкимъ исправительнымъ наказаніямъ за недружелюбіе и другіе проступки; онъ обязанъ въ особенности поддерживать согласіе между женщинами, отъ сварливости которыхъ преимущественно происходятъ всѣ семейныя несогласія; за потворство дурнымъ свойствамъ жены и невѣстокъ хозяинъ дома подвергается наказанію и лишенію правъ старшинства.

11) Разбирательство семейныхъ несогласій, назначеніе наказаній виновнымъ и опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ можетъ быть допущенъ раздѣлъ крестьянскихъ семей, подлежитъ вѣдѣнію крестьянскихъ судовъ, рѣшенія которыхъ приводятся въ исполненіе съ согласія помѣщика или его управляющаго.

12) Въ случаѣ упорнаго недружелюбія въ семьяхъ зажиточныхъ крестьянъ можетъ быть допущено отдѣленіе отъ семьи строптиваго члена, даже одинокаго, но въ такомъ случаѣ семейство, получившее дозволеніе на раздѣлъ, обязано внести въ мірскую кассу опредѣленный денежный залогъ, долженствующій обезпечивать исправный платежъ государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей одинокимъ, отдѣленнымъ отъ семьи крестьяниномъ.

Ограниченіе раздѣловъ не только необходимо въ видахъ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, но оно еще важнѣе въ нравственномъ отношеніи поддерживаніемъ между крестьянами родственныхъ связей, подчиненіемъ нерадивыхъ и строптивыхъ членовъ семьи законной власти отца семейства или старшаго въ домѣ, по семейному или мірскому назначенію, наконецъ обузданіемъ себялюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ лицъ и подчиненіемъ ихъ побужденіямъ чистымъ и безкорыстнымъ на пользу ближняго.

О РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ.

Рекрутская повинность должна быть отправляема крестьянскимъ обществомъ уравнительнымъ образомъ и потому было бы полезно и сообразно съ духомъ общиннаго устройства, постановить слѣдующія правила:

1) По полученіи Высочайшаго манифеста о рекрутскомъ наборѣ, собирается мірская сходка, состоящая изъ хозяевъ, и въ присутствіи помѣщика или управляющаго имѣніемъ, приступаютъ къ разбору семей, причемъ назначаются рекруты и по числу ихъ, столько же подставныхъ, которымъ подтверждается, чтобы они къ началу набора состояли всѣ на лицо.

2) Выбранные міромъ рекруты распускаются по домамъ и желающимъ идти въ заработки выдаются мѣсячные билеты, въ которыхъ прописывается, что такой-то крестьянинъ, по случаю набора, долженъ явиться въ опредѣленный срокъ въ мѣсто своего жительства; эта предосторожность необходима для того, чтобы никто не могъ укрыться по билету въ городѣ или деревняхъ до окончанія набора,— за укрывательство же таковыхъ людей долженъ быть опредѣленъ значительный штрафъ.

3) Ежели назначенные для постановки въ рекруты крестьяне проживаютъ по плакатному паспорту въ другихъ губерніяхъ или столицахъ, то о таковыхъ сносятся чрезъ земскую полицію съ городскими и мѣстными начальствами того края, гдѣ отсутствующіе крестьяне имѣютъ временное жительство, причемъ прилагается отчетливое описаніе ихъ примѣтъ, рода занятій, съ обозначеніемъ ихъ адреса; по полученіи такого рода увѣдомленія, начальства тѣхъ мѣстъ обязаны немедленно вытребовать означенныхъ крестьянъ, отобрать у нихъ плакатные паспорты и билеты и выдать пропуски для возвращенія въ свои дома, о чемъ въ тоже время извѣщается мѣстная полиція, изъ которой поступило требованіе о высылкѣ рекрута.

4) Ежели по какимъ нибудь причинамъ назначенный для поставки въ рекруты крестьянинъ не явится къ сроку и міръ найдется вынужденнымъ поставить за него кого либо изъ подставныхъ, въ такомъ случаѣ, по явкѣ домой, отвозится онъ немедленно въ рекрутское присутствіе и поступаетъ въ обмѣнъ за своего подставнаго; — но ежели присутствіе въ уѣздномъ городѣ уже закрыто, то препровождается онъ на собственномъ иждивеніи въ губернскій городъ, съ удостовѣреніемъ земской полиціи, что такой-то крестьянинъ назначенъ былъ по мірскому приговору къ поставкѣ въ рекруты, но что за неявкой его поставленъ такой-то, котораго онъ долженъ теперь обмѣнить; губернское рекрутское присутствіе, удостовѣрясь въ годности къ военной службѣ представленнаго рекрута, принимаетъ его и выдаетъ за него квитанцію отдатчику; въ квитанціи должно быть означено, что принятый губернскимъ присутствіемъ такой-то поступаетъ въ обмѣнъ за поставленнаго вмѣсто него такого-то крестьянина, выданная же уѣзднымъ присутствіемъ квитанція отбирается и уничтожается. Вновь поставленный рекрутъ немедленно препровождается въ полкъ для обмѣна своего подставнаго, о чемъ губернское рекрутское присутствіе сообщаетъ начальству того полка, въ который онъ долженъ поступить.

5) Всѣ издержки на проѣздъ и за обмундировку рекрута, не явившагося въ назначенный срокъ, взыскиваются съ его семейства.

6) Крестьянское общество озабочивается правильнымъ распредѣленіемъ рекрутской очереди и вознагражденіемъ семействъ, поставившихъ рекрутовъ.

7) Рекруты назначаются преимущественно изъ большихъ семей, состоящихъ изъ пятерниковъ, четверниковъ, тройниковъ и въ крайнемъ случаѣ изъ двойниковъ. Помѣщикъ или управляющій имѣніемъ сохраняютъ право вмѣшательства въ распоряженіе крестьянскаго общества, для отмѣны неправильныхъ назначеній, несогласныхъ съ требованіями справедливости и строгаго безпристрастія.

8) Въ семействахъ, состоящихъ изъ одинаковаго количества душъ, молодые люди и неженатые назначаются въ рекруты преимущественно передъ женатыми и пожилыми; при одинаковыхъ семейныхъ условіяхъ, очередной порядокъ сдачи въ рекруты опредѣляется по рѣшенію жребія.

9) Помимо очередныхъ, міръ пользуется правомъ сдавать въ рекруты людей дурнаго поведенія, замѣченныхъ въ воровствѣ и вредныхъ для общества; въ крайнихъ случаяхъ, за неимѣніемъ даже годныхъ двойниковъ, дозволяется ставить одинокихъ крестьянъ; но въ такомъ случаѣ общество принимаетъ на себя заботу о прокормленіи и воспитаніи осиротѣвшей семьи, или же раздаетъ сиротъ въ другія семьи, а строеніе, скотъ и движимость раздѣляетъ поровну между семействами, принявшими къ себѣ въ домъ сиротъ; но ежели у дѣтей жива еще мать, или есть въ домѣ родные, которые согласятся кормить ихъ и воспитать, то семейство оставляется на мѣстѣ и получаетъ отъ міра на прокормленіе даровой участокъ земли или же пожеланію его вспомоществованіе хлѣбомъ, по положенію о неимущихъ и сиротахъ.

10) Крестьянское общество выплачиваетъ опредѣленное денежное вознагражденіе семейству, поставившему рекрута; это вознагражденіе должно равняться законной стоимости рекрутской квитанціи и не можетъ быть менѣе трехъ-сотъ руб. сер.

11) Уплата опредѣленнаго вознагражденія распредѣляется поровну между крестьянскими тяглами, за исключеніемъ одинокихъ, неподлежащихъ рекрутской очереди крестьянъ и можетъ быть произведено посредствомъ выдачи въ годичный срокъ капитальной суммы безъ процентовъ, въ случаѣ же разсрочки крестьянскимъ обществомъ капитальнаго взноса, съ платежемъ ежегодно по четыре процента на сто до полной уплаты капитала; семейство, поставившее рекрута за міръ, подвергается вычету изъ слѣдующей ему суммы той доли, которая по раскладкѣ причтется на состоящіе въ пользованіи его тягловые участки.

12) Оставшіеся послѣ отданныхъ въ рекруты одинокихъ крестьянъ несовершеннолѣтнія дѣти равнымъ образомъ имѣютъ право на полученіе отъ міра опредѣленнаго за рекрута вознагражденія, которое по достиженіи ими совершеннолѣтія выдается имъ сполна и дѣлится между братьями и сестрами поровну.

Вознагражденіе крестьянскихъ семей, поставившихъ рекрутовъ за міръ, законной стоимостію рекрутской квитанціи, чрезъ раскладку платежа на всѣ крестьянскія тягла, согласно съ требованіями справедливости и соотвѣтствуетъ правиламъ общиннаго устройства, на основаніи которыхъ всѣ члены крестьянской общины, пользующіеся преимуществами общиннаго быта, должны въ равной степени нести сопряженныя съ нимъ обязанности.

О СЕЛЬСКИХЪ ЗАПАСНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Благодѣтельная цѣль учрежденія сельскихъ запасныхъ магазиновъ не вполнѣ достигается отъ неполноты постановленій объ этомъ предметѣ и по недостаточности опредѣленнаго положеніемъ о хлѣбныхъ магазинахъ сбора, по четверти ржи и по получетверти овса на мужскую ревизскую душу, — вслѣдствіе этого, мнѣ кажется полезнымъ сдѣлать въ положеніи слѣдующія измѣненія:

1) Полный сборъ долженъ простираться до двухъ четвертей ржи и до одной четверти овса на мужскую ревизскую душу.

2) Для положенія этого количества хлѣба назначается осьмилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго устанавляется каждогодный сборъ по четверику ржи и по получетверику овса съ ревизской души, что вмѣстѣ съ состоящимъ нынѣ на лицо количествомъ запаснаго хлѣба составитъ по двѣ четверти ржи и по четверти овса на душу.

3) Для облегченія семействъ, обремененныхъ малолѣтними дѣтьми, стариками и хворыми членами, сборъ окладнаго хлѣба распредѣляется по тягламъ.

4) Пособіемъ къ скорѣйшему поступленію опредѣленнаго количества запаснаго хлѣба можетъ послужить установленіе хлѣбнаго прироста; за каждую четверть ржи, отпускаемую крестьянамъ на посѣвъ и на продовольствіе въ рабочую пору, берется четверикъ прироста, что нисколько необременительно, потому что при теперешнемъ положеніи, затрудняющемъ отпускъ хлѣба изъ магазина, нуждающіеся въ хлѣбѣ крестьяне принуждены бываютъ покупать въ лѣтнее время для своего продовольствія хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, что для нихъ гораздо невыгоднѣе, чѣмъ отдать осенью лишній четверикъ на четверть; тѣже, которые берутъ хлѣбъ въ долгъ у за-

житочныхъ крестьянъ, платятъ весьма значительные проценты или же отдаютъ лишку по два четверика и болѣе на четверть. Собранный отъ мірскихъ запашекъ хлѣбъ равнымъ образомъ долженъ быть всыпаемъ въ сельскій запасный магазинъ для облегченія и спокойнѣйшаго пополненія сбора окладнаго хлѣба.

5) Обыкновенный отпускъ ржи и овса на продовольствіе не долженъ превышать половиннаго количества хлѣба, хранящагося въ сельскомъ запасномъ магазинѣ.

6) Вновь собираемый хлѣбъ, какъ окладной, такъ и долговой, долженъ быть хорошаго качества, чисто подсѣянъ и обмолоченъ на овинѣ, а не на ригѣ, потому что рижный хлѣбъ на посѣвъ не годится. Вновь поступающій хлѣбъ долженъ всыпаться въ особые закромы, чтобы онъ не перемѣшивался съ старымъ хлѣбомъ, который отъ продолжительнаго лежанія можетъ подвергнуться затхлости и сдѣлаться невсхожимъ.

7) Нерозданный на посѣвъ и на продовольствіе хлѣбъ для предупрежденія порчи долженъ быть обмѣняемъ по прошествіи трехъ лѣтъ.

8) Крайній срокъ для поступленія отпущеннаго изъ магазина хлѣба назначается не позже 1-го октября; неотдавшіе къ этому времени взятаго ими заимообразно хлѣба платятъ лишній четверикъ за каждую четверть; освобождаются отъ платежа штрафа не всыпавшіе хлѣба, по случаю перестройки овина, а равно вслѣдствіе остановки молотьбы по болѣзни или какимъ либо другимъ вполнѣ уважительнымъ причинамъ. Въ случаѣ упорства кого либо изъ крестьянъ, мірской староста употребляетъ понужденіе и самъ выгребаетъ изъ крестьянской житницы невсыпанный долговой хлѣбъ.

9) Въ случаѣ совершеннаго неурожая и градобитія, сборъ отпущеннаго изъ магазина хлѣба разсрочивается на два года; половина его выбирается черезъ годъ, а другая по прошествіи двухъ лѣтъ, но въ такомъ особенномъ случаѣ допускается отступленіе отъ обыкновеннаго правила и на слѣдующій за тѣмъ годъ выдается на посѣвъ и на продовольствіе еще третья часть изъ оставшагося въ магазинѣ нерозданнаго половиннаго количества окладнаго хлѣба; вновь розданный хлѣбъ поступаетъ въ узаконенное время обратно въ магазинъ вмѣстѣ съ половиною стараго долга, другая половина котораго должна быть пополнена по прошествіи втораго года и за тѣмъ отпускъ хлѣба изъ магазиновъ вновь подчиняется однажды постановленнымъ правиламъ.

10) Отдѣльные крестьяне, подвергшіеся хозяйственнымъ убыткамъ отъ непредвидѣнныхъ случаевъ, равнымъ образомъ получаютъ отсрочку на болѣе или менѣе продолжительные сроки по

приговору сельскаго общества; въ случаѣ же особенныхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, долговой хлѣбъ съ нихъ не взыскивается и пополняется раскладкой на всѣ тягла.

11) При полномъ комплектѣ хлѣба и удовлетворительномъ состояніи крестьянскаго общества, дозволяется продавать изъ магазина третью часть ржи въ такіе годы, когда цѣна на хлѣбъ высока, для составленія мірскаго капитала. Вырученныя отъ продажи мірскаго хлѣба деньги отправляются въ кредитныя установленія для приращенія процентами.

12) Для укомплектованія узаконеннаго количества хлѣба, въ случаѣ продажи изъ магазина третьей части его, установляется на слѣдующій годъ окладный сборъ ржи въ такомъ размѣрѣ, чтобы проданное изъ магазина количество ржи было пополнено по прошествіи трехъ лѣтъ.

13) Общество избираетъ изъ своей среды на три года смотрителя за магазиномъ, который обязанъ принимать и отпускать изъ магазина хлѣбъ, содержать въ исправности приходо-расходныя книги и отвѣчать предъ обществомъ за пріемъ хлѣба дурнаго качества и за оказавшійся чрезъ оплошность его недомѣръ окладнаго хлѣба; за службу свою магазинный смотритель получаетъ отъ общества опредѣленное жалованье, или же въ безденежное пользованіе полтягла земли. По прошествіи трехъ лѣтъ избирается новый магазинный смотритель, обязанный произвести перемѣръ хранящагося въ магазинѣ хлѣба, въ пріемѣ котораго онъ расписывается въ приходо-расходной книгѣ.

14) Магазины должны быть устроиваемы въ близкомъ разстояніи отъ господской усадьбы и для охраненія ихъ въ ночное время назначается особенный сторожъ, который поочередно съ усадебнымъ сторожемъ обязанъ обходить всѣ строенія въ усадьбѣ; за недостатокъ бдительности сторожà подвергаются вычету изъ опредѣленнаго имъ жалованья. По прошествіи года производится перемѣръ хранящагося въ магазинѣ хлѣба; въ случаѣ недостатка его, происшедшаго отъ оплошности или недобросовѣстности магазиннаго смотрителя, общество подвергаетъ его соразмѣрному штрафу и выбираетъ съ него недостающее количество хлѣба; въ случаѣ же произведеннаго изъ магазина похищенія хлѣбныхъ запасовъ, происшедшаго вслѣдствіе оплошности или сообщничества магазиннаго сторожа, общество подвергаетъ его соотвѣтственному винѣ взысканію; недостающее же количество пополняетъ чрезъ уравнительную раскладку на всѣ тягла.

О МІРСКОМЪ ВСПОМОГАТЕЛЬНОМЪ КАПИТАЛѢ И ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ЕГО НА НЕОБХОДИМЫЯ ПОТРЕБНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.

Постепенное составленіе мірскаго вспомогательнаго капитала необходимо для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ крестьянскихъ обществъ, для вспомоществованія отдѣльнымъ крестьянамъ и цѣлымъ селеніямъ, въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, общественныхъ и частныхъ, какъ то: пожаровъ, неурожаевъ, градобитій, падежа скота и т. д., а равно для пріобрѣтенія средствъ къ покупкѣ находящихся въ пользованіи крестьянскаго общества и смежныхъ съ ними земель, принадлежащихъ постороннимъ владѣльцамъ, и для всякихъ общеполезныхъ предпріятій. Размѣръ мірскаго капитала долженъ быть не менѣе десяти руб. сер. на мужскую ревизскую душу; но приращеніе его можетъ быть неограниченное; по мѣрѣ же достиженія крестьянами полной независимости, чрезъ пріобрѣтеніе у владѣльцевъ въ полное владѣніе состоящихъ въ пользованіи крестьянскихъ обществъ земель, излишекъ мірскаго капитала можетъ быть употребляемъ на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и на разныя промышленныя предпріятія, которыя могутъ способствовать увеличенію благосостоянія крестьянскихъ обществъ. Пособіемъ къ постепенному образованію мірскаго капитала могутъ служить слѣдующіе источники:

1) Выручка отъ продажи въ опредѣленныхъ случаяхъ третьей части запаснаго хлѣба изъ полнаго комплекта, полагаемаго по двѣ четверти ржи и по четверти овса на мужскую ревизскую душу.

2) Выручка отъ мірскихъ запашекъ, образовавшаяся отъ продажи запасовъ хлѣба, оставшихся за удовлетвореніемъ потребностей нуждающихся крестьянъ.

3) Остатки отъ обыкновенныхъ сборовъ на государственныя и земскія повинности и неизрасходованныя суммы отъ чрезвычайныхъ сборовъ на устройство новыхъ магазиновъ, школъ, больницъ, починку и постройку мостовъ и разныя другія потребности крестьянскихъ обществъ.

4) Штрафныя деньги, взыскиваемыя за пропуски рабочихъ дней, порубки, потравы и разные другіе, подлежащіе законному взысканію, проступки.

5) Образовавшіеся отъ единовременныхъ взносовъ въ пользу крестьянскихъ обществъ суммы, поступившія съ получившихъ дозволеніе на переходъ въ другія мѣстности крестьянъ.

6) Установленіе собственно на этотъ предметъ каждогодно сбора не менѣе тридцати коп. сер. съ ревизской души; по мѣрѣ увеличенія

благосостоянія крестьянскихъ обществъ, сборъ на составленіе мірскаго капитала можетъ быть увеличенъ до рубля серебромъ и болѣе по мірскому приговору.

7) Вырученныя отъ продажи хлѣба и собранныя изъ другихъ источниковъ суммы, по мѣрѣ накопленія ихъ должны быть отсылаемы въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами и не должны быть вынимаемы до того времени, пока не составится полный мірской капиталъ, не менѣе десяти руб. на мужскую ревизскую душу.

8) По составленіи полнаго мірскаго капитала, дозволяется выдача изъ сохранной казны нѣкоторой части его, ни въ какомъ случаѣ не превышающей половины капитальной суммы, на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ крестьянскаго общества, которые не могутъ быть покрыты обыкновенными сборами и остатками отъ суммъ, невнесенныхъ еще въ кредитныя учрежденія; для пополненія вынутой изъ сохранной казны суммы назначается въ такомъ случаѣ вторичный, опредѣленный сборъ на этотъ предметъ, до совершеннаго укомплектованія мірскаго капитала.

9) Крестьянскому обществу должно быть предоставлено право пользоваться для удовлетворенія своихъ нуждъ, процентами съ полнаго мірскаго капитала, или же для приращенія его оставлять ихъ неприкосновенными, по приговору большинства.

10) Употребленіе на чрезвычайные расходы части мірскаго капитала допускается въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ случаѣ пожара, истребившаго болѣе или менѣе значительное количество крестьянскихъ дворовъ, ежели погорѣвшіе не имѣютъ средствъ купить лѣсу и обстроиться безъ помощи общества. 2) Въ случаѣ скотскаго падежа общаго или частнаго. 3) При совершенномъ неурожаѣ, требующемъ значительной закупки хлѣба на посѣвъ и на продовольствіе, ежели хлѣбные запасы въ магазинѣ недостаточны на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. 4) При настоятельной необходимости чрезвычайнаго и значительнаго сбора на постройку новаго запаснаго магазина и другихъ строеній, какъ-то: сельской школы, больницы, на устройство мостовъ, на осушеніе болотъ, на покупку обществомъ земель, лѣсовъ и на всякіе экстренные расходы, требующіе затраты значительнаго капитала; во всѣхъ этихъ случаяхъ, по израсходованіи обществомъ вынутой изъ сохранной казны части капитальной суммы, крестьянское общество озабочивается скорѣйшимъ пополненіемъ ея до узаконеннаго комплекта.

11) Всѣ члены крестьянскаго общества имѣютъ право на полученіе денежнаго пособія въ чрезвычайныхъ случаяхъ, но преимущественно пользуются имъ менѣе зажиточные и одинокіе крестья-

не; достаточные крестьяне, ненуждающіеся въ деньгахъ, въ случаѣ несчастія отъ пожара, получаютъ отъ общества вспомоществованіе однѣми только подводами и льготами въ работахъ.

12) Общество ссужаетъ занимающихся разными промыслами и торговлею крестьянъ болѣе или менѣе значительными суммами, обезпеченными движимымъ и недвижимымъ имуществомъ должника, и получаетъ съ нихъ по пяти процентовъ на сто за ссуду.

13) Опредѣленіе мѣры денежнаго пособія нуждающемуся крестьянину и разсрочка долговаго платежа предоставляется мірскому разбирательству, съ утвержденія помѣщика.

14) Крестьяне, получившіе отъ общества денежное пособіе, обязаны уплачивать свой долгъ по срокамъ, безъ процентовъ; въ случаѣ неисправной уплаты долга, взысканіе выданной въ ссуду денежной суммы производится понудительнымъ образомъ, на основаніи постановленій о взысканіи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.

15) Общество пользуется правомъ покупать казенныя рекрутскія квитанціи, съ предоставленіемъ ихъ въ пользу подлежащихъ рекрутской очереди, старательныхъ и добросовѣстныхъ крестьянъ, неимѣющихъ средствъ къ замѣщенію себя охотниками, съ разсрочкой имъ долговаго платежа на опредѣленные сроки.

16) Крестьянскому обществу должно быть предоставлено право употреблять закономъ дозволенную часть мірскаго капитала на всякія промышленныя и торговыя предпріятія, обѣщающія вѣрное и значительное приращеніе употребленнаго на нихъ капитала; тѣмъ не менѣе это право должно быть ограничено отвѣтственностію всего общества за возможные убытки, пополняемые посредствомъ раскладки на всѣ тягла.

О ДЕНЕЖНЫХЪ ШТРАФАХЪ И РАЗЛИЧНАГО РОДА ВЗЫСКАНІЯХЪ ЗА ПРОТИВОЗАКОННЫЕ ПОСТУПКИ, ПОСТАВЛЯЕМЫХЪ ВЪ ВИДАХЪ ИСПРАВЛЕНІЯ НАРОДНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ, ДЛЯ ОХРАНЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ И ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ, НАНОСЯЩИХЪ ВРЕДЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ И ОБЩЕСТВАМЪ.

Всякое умышленное и неумышленное нарушеніе правъ собственности должно быть строго наказываемо; противозаконные поступки, какъ бы они маловажны ни были, должны подлежать разнаго рода исправительнымъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ, болѣе или менѣе значительнымъ, при чемъ должна имѣться въ ви-

ду двоякая цѣль: 1) достаточное вознагражденіе тѣхъ лицъ, которыя понесли убытокъ отъ недобросовѣстности другихъ, 2) исправленіе посягающихъ на чужую собственность крестьянъ наказаніями, пропорціональными ихъ винѣ и настолько чувствительными, чтобы отбить у начинающихъ охоту къ присвоенію чужаго достоянія, не подвергая ихъ мѣрамъ чрезмѣрной строгости, недостигающимъ предполагаемой цѣли и доводящимъ человѣка до разоренія и ожесточенія. За повтореніе вины должно быть опредѣлено удвоенное наказаніе, неисправляющіеся же и упорствующіе въ злѣ крестьяне должны быть подвергаемы болѣе тяжелымъ исправительнымъ наказаніямъ, отдачѣ въ рекруты за міръ, отсылкѣ въ рабочіе дома и даже вовсе удаленію изъ имѣнія, въ предостереженіе другихъ и для охраненія спокойствія и имущества прочихъ членовъ крестьянскаго общества. Самые обыкновенные въ крестьянскомъ быту проступки противъ чужой собственности суть слѣдующіе: порубка въ чужихъ лѣсахъ, потрава луговъ и хлѣбныхъ полей, перекосы травы, увозъ изъ поля чужаго сѣна и чужихъ снопобъ, конокрадство, барышничество съ обманомъ, похищеніе чужаго имущества, пріемъ воровскихъ вещей, шинкованіе виномъ и такъ далѣе; неусыпное преслѣдованіе всякихъ противозаконныхъ дѣйствій и мѣры взысканія за безпечность въ хозяйственномъ быту, вредящую благосостоянію крестьянскихъ обществъ, послужитъ къ исправленію укоренившихся въ народѣ дурныхъ привычекъ и къ улучшенію народной нравственности распространеніемъ правильныхъ понятій о неприкосновенности чужой собственности и внушеніемъ правилъ честности и должнаго уваженія къ правамъ другихъ лицъ.

Для достиженія предполагаемой благодѣтельной цѣли было бы полезно постановить слѣдующія правила:

1) Для прекращенія порубокъ молодаго лѣса, истребляемаго крестьянами безъ зазрѣнія совѣсти, долженъ быть опредѣленъ за каждое молодое дерево денежный штрафъ, превышающій въ значительной степени его цѣнность; для избѣжанія же потери времени и разногласія при оцѣнкѣ порубленнаго лѣса, самый малый штрафъ за порубку молодаго лѣса слѣдуетъ опредѣлить не менѣе десяти коп. сер. за дерево, хотя бы цѣнность его была несравненно ниже.

2) За каждое дерево, имѣющее настоящую цѣнность болѣе десяти коп. сер., полагается денежный штрафъ, превышающій цѣнность его втрое.

3) Оцѣнка порубленнаго лѣса производится на мѣстѣ порубки приглашаемыми для освидѣтельствованія ея опытными хозяевами, принадлежащими къ той деревнѣ, на дачѣ которой произошла порубка, а равно посторонними крестьянами изъ сосѣднихъ деревень, въ при-

сутствія сотскаго или пятидесятскаго, ежели они не въ отлучкѣ. Въ случаѣ же отлучки ихъ, приглашаются вмѣсто нихъ для присутствованія при оцѣнкѣ, въ родѣ присяжныхъ свидѣтелей, старшины сосѣднихъ деревень; за отлучкой же ихъ, кто нибудь изъ ихъ семейства; мірскіе старосты и деревенскіе старшины постороннихъ сосѣднихъ деревень обязаны оказывать всякое содѣйствіе потерпѣвшимъ отъ порубки владѣльцамъ лѣсовъ, для отысканія по горячимъ слѣдамъ похищеннаго лѣса и обнаруженія виноватыхъ въ порубкѣ и присвоеніи всякаго рода чужой собственности крестьянъ. Опредѣленный оцѣнщиками штрафъ взыскивается немедленно съ виновнаго, уличеннаго въ порубкѣ лѣса крестьянина, который въ случаѣ сопротивленія подвергается арестованію и передачѣ въ вѣдомство земской полиціи; крестьянинъ, уличенный въ воровствѣ и сопротивленіи законному рѣшенію приглашенныхъ на мѣсто порубки опытныхъ оцѣнщиковъ, подвергается исправительному наказанію и уплатѣ двойнаго штрафа.

4) Пойманные на мѣстѣ порубки крестьяне могутъ быть задерживаемы лѣснымъ сторожемъ или его помощниками, пользующимися правомъ отбирать у нихъ топоръ и оставлять въ закладѣ лошадь, хомутъ, роспуски, до учиненія слѣдствія и произнесенія приговора о покражѣ; непойманные на мѣстѣ порубки, но уличенные въ воровствѣ, крестьяне равнымъ образомъ подвергаются уплатѣ опредѣленнаго денежнаго штрафа.

5) Въ случаѣ покражи лѣса и всякаго рода движимаго имущества, ежели слѣдъ приведетъ къ деревнѣ или селу, то мірской староста или старшина, въ отсутствіи же ихъ кто нибудь изъ ихъ семейства, или деревенскій десятскій, обязаны немедленно оказать содѣйствіе заинтересованнымъ лицамъ, для отысканія по горячимъ слѣдамъ похищеннаго имущества и для обнаруженія виновнаго въ присвоеніи чужой собственности крестьянина; въ такомъ случаѣ долженъ быть дозволенъ домовый обыскъ по всѣмъ дворамъ; деревенскій начальникъ не имѣетъ права противиться этому, даже при недостаткѣ уликъ, въ случаѣ павшаго на деревню или отдѣльное лицо подозрѣнія; воспротивившіеся учиненію обыска по горячимъ слѣдамъ подвергаются полной отвѣтственности за причиненный потерпѣвшимъ отъ покражи лицамъ убытокъ, взыскиваемый съ нихъ сполна.

6) За пасеніе скота въ чужомъ пару и на чужихъ скошеныхъ лугахъ полагается штрафъ по десяти копѣекъ серебромъ съ каждой скотины.

7) За пасеніе скота на чужихъ еще нескошенныхъ лугахъ полагается штрафъ на 20 коп. сер. со штуки, хотя бы потрава и не стои-

ла этихъ денегъ; значительная же потрава свидѣтельствуется и оцѣнивается особо, такимъ же точно образомъ, какъ и порубки, и опредѣленное за нее вознагражденіе взыскивается независимо отъ штрафныхъ 20 коп. сер. со штуки, полагаемыхъ за нарушеніе чужихъ правъ.

8) За каждую скотину, пойманную въ хлѣбномъ полѣ, взыскивается тридцать копѣекъ серебромъ независимо отъ вознагражденія за причиненный убытокъ, опредѣляемый по особой оцѣнкѣ.

9) Каждый землевладѣлецъ или кортомщикъ земли пользуется правомъ задержать пойманную въ его поляхъ или лугахъ скотину до уплаты за нее опредѣленнаго денежнаго штрафа; за прокормленіе же чужаго скота полагается съ владѣльца его по 20 коп. сер. со штуки за каждый день, независимо отъ штрафныхъ денегъ за потраву.

10) За разбитіе крестца ржанаго или яроваго хлѣба налагается штрафъ не менѣе рубля серебромъ.

11) За перекосъ травы и за увозъ изъ поля чужаго сѣна или чужихъ сноповъ, взыскивается съ виновнаго вдвое травою или снопами, и кромѣ того подвергается онъ исправительному наказанію за воровство и записывается въ штрафную книгу, съ прописаніемъ его вины и присужденнаго за нее наказанія.

12) Крестьянскимъ обществамъ должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность не оставлять рогатый скотъ и лошадей безъ присмотра пастуха и подпасковъ, отъ недостатка котораго преимущественно происходятъ потравы луговъ и хлѣбныхъ полей; кромѣ того, общество обязано содержать ночной очередной караулъ для присмотра за лошадьми, пасущимися въ полѣ въ ночное время: каждый хозяинъ обязанъ спутывать молодыхъ рѣзвыхъ лошадей; за несоблюденіе этихъ правилъ общества и отдѣльные крестьяне должны быть подвергаемы соразмѣрному ихъ винѣ денежному штрафу, въ случаѣ происшедшей отъ нарушенія этихъ постановленій значительной потравы въ своихъ или чужихъ поляхъ, или похищенія лошадей съ пастбища въ ночное время. Ежели черезъ недосмотръ ночнаго сторожа пропадетъ изъ табуна лошадь, въ такомъ случаѣ сторожъ обязанъ уплатить хозяину лошади половину ея стоимости, опредѣляемой черезъ мірскую добросовѣстную оцѣнку; за несоблюденіе ночнаго караула крестьянскимъ обществомъ оно подвергается уплатѣ полной стоимости лошади владѣльцу ея.

13) За барышничество лошадьми, соединенное съ обманомъ, взыскивается съ виновныхъ штрафъ, вдвое превосходящій причиненный ими обманутымъ лицамъ убытокъ; половина штрафныхъ де-

негъ поступаетъ въ пользу обманутаго крестьянина, а другая взносится въ мірскую кассу.

14) Обличенные въ воровствѣ и разныхъ противозаконныхъ поступкахъ крестьяне обязаны возвратить похищенное ими чужое имущество и кромѣ того подвергаются денежному штрафу, опредѣляемому по степени вины и соразмѣрно достатку провинившагося; зажиточные крестьяне, провинившіеся въ пріемѣ воровскихъ вещей, шинкованіи виномъ и другихъ мошенническихъ поступкахъ, подвергаются преимущественно передъ прочими весьма значительнымъ взысканіямъ, опредѣляемымъ по рѣшеніямъ мірскихъ судовъ, подлежащимъ утвержденію помѣщика или управляющаго имѣніемъ; штрафныя деньги поступаютъ въ мірскую кассу.

15) Всѣ, подвергшіеся взысканіямъ за умышленное воровство и всякаго рода противозаконныя дѣйствія, штрафованные крестьяне записываются въ штрафную книгу и подвергаются преимущественно передъ добросовѣстными людьми отдачѣ въ рекруты за міръ; неисправляющіеся крестьяне, неоднократно подвергавшіеся исправительнымъ наказаніямъ и неспособные къ военной службѣ, удаляются вовсе изъ имѣнія.

16) Уличенные въ распространеніи ложныхъ и возмутительныхъ слуховъ крестьяне должны быть подвергаемы болѣе или менѣе значительнымъ денежнымъ штрафамъ, соразмѣрнымъ ихъ достатку; въ случаѣ же повторенія прежнихъ проступковъ, подвергаются заключенію на опредѣленный срокъ въ рабочіе дома, по приговору мѣстныхъ посредническихъ присутствій.

17) Уличенные въ неограниченномъ своеволіи въ домашнемъ быту, задорности нрава и нанесеніи домашнимъ, а равно постороннимъ лицамъ умышленныхъ оскорбленій словами и побоями, подвергаются на первый разъ исправительному наказанію и денежному штрафу, опредѣленному по приговору мірскаго суда, утверждаемому помѣщикомъ или его управляющимъ; въ случаѣ же повторенія прежнихъ проступковъ подвергаются, по рѣшенію мѣстныхъ посредническихъ присутствій, заключенію въ рабочіе дома на опредѣленный срокъ.

18) Нетрезваго и развратнаго поведенія крестьяне, оскорбляющіе своими поступками общественную нравственность, по рѣшенію мѣстныхъ посредническихъ присутствій, подвергаются заключенію въ рабочіе дома на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

19) Мірской староста, уличенный въ потворствѣ ворамъ и всякимъ преступнымъ дѣйствіямъ недобросовѣстныхъ крестьянъ, подвергается по рѣшенію мірскихъ судовъ, утвержденному помѣщикомъ или его управляющимъ, въ случаѣ же разногласія между обществомъ

и помѣщикомъ, по приговору мѣстныхъ посредническихъ присутствій, смѣнѣ и болѣе или менѣе значительнымъ взысканіямъ, соразмѣрнымъ степени его вины и значительности причиненнаго черезъ недобросовѣстность его крестьянскому обществу или отдѣльнымъ лицамъ ущерба; въ случаѣ несостоятельности мірскаго старосты, крестьянское общество обязано удовлетворить обиженныхъ своихъ членовъ за понесенные ими черезъ вину мірскаго старосты убытки.

20) Ежели въ зимнюю пору найдено будетъ безчувственное по видимому тѣло на дорогѣ или въ полѣ, по сосѣдству какой нибудь деревни или села, въ такомъ случаѣ крестьяне ближнихъ деревень обязаны до наѣзда земской полиціи поднять это тѣло, внести въ избу и оттирать его снѣгомъ или обливать холодною водою, однимъ словомъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства къ приведенію въ чувство замерзшаго человѣка, въ которомъ можетъ быть сохранилась еще жизнь; для предупрежденія несчастныхъ случаевъ подобнаго рода, было бы полезно учредить ночные объѣзды, въ особенности же послѣ мятелей и по сосѣдству питейныхъ домовъ, и постановить строгія мѣры взысканія съ обществъ за неисполненіе священныхъ обязанностей человѣколюбія.

21) Владѣльцамъ имѣній и довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ предоставляется право наблюдать за точнымъ исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ и доносить посредническимъ присутствіямъ о замѣченномъ ими потворствѣ ворамъ, мошенникамъ и людямъ предосудительнаго поведенія, со стороны мірскаго старосты; посредническія присутствія обязаны поддерживать закономъ опредѣленную власть помѣщиковъ, необходимую для водворенія общественнаго устройства.

Строгое и добросовѣстное исполненіе вышеозначенныхъ правилъ и дальнѣйшее развитіе судебныхъ законоположеній по этому предмету, вслѣдствіе настоятельной потребности въ измѣненіи или пополненіи ихъ на основаніи положительныхъ указаній опыта, въ соединеніи съ лучшимъ устройствомъ и болѣе удовлетворительнымъ составомъ полицейскаго управленія, будутъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на улучшеніе народной нравственности и послужатъ къ развитію въ народѣ правильныхъ понятій о справедливости и неприкосновенности чужихъ правъ.

ОБЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОЧИХЪ ДОМАХЪ.

Учрежденіе исправительныхъ рабочихъ домовъ въ каждомъ уѣздѣ необходимо для помѣщенія въ нихъ людей праздношатающихся, а

равно для исправленія и пріученія къ труду городскихъ и сельскихъ обывателей, неисполняющихъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ семейству и къ обществамъ, преданныхъ лѣности и разнымъ порокамъ, наносящихъ вредъ другимъ лицамъ и безпечно идущихъ по скользкому пути разнообразныхъ проступковъ, ведущихъ ихъ къ конечной погибели. Правильное и разумно обдуманное устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ послужитъ къ уменьшенію преступленій, къ водворенію въ сельскихъ и городскихъ обществахъ порядка и благоустройства, къ охраненію безопасности и имущества частныхъ лицъ, къ успѣшному производству общественныхъ работъ и къ умноженію общаго благосостоянія. Устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ должно быть произведено общими силами назначеніемъ чрезвычайнаго денежнаго сбора съ городскихъ и сельскихъ обществъ, съ купеческихъ капиталовъ и съ помѣщичьихъ имѣній; первоначальное устройство ихъ должно быть соразмѣрно съ количествомъ содержащихся въ уѣздныхъ острогахъ преступниковъ, принимая за основаніе разсчета среднее число поступившихъ въ остроги въ продолженіе десяти лѣтъ. По собраніи необходимыхъ суммъ и составленіи смѣты расходовъ на возведеніе зданій рабочаго дома, по утвержденному правительствомъ плану, назначаются торги въ губернскомъ городѣ, по предварительной публикаціи объ нихъ въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ; по окончаніи торговъ, принимаются залоги, равняющіеся половинѣ состоявшейся на торгахъ цѣны и потомъ уже приступаютъ къ началу работъ. Уѣздные дворянскіе предводители и городскіе головы обязаны имѣть неослабный надзоръ за работами и, въ случаѣ недобросовѣстности подрядчика, пользуются правомъ пріостановить ходъ работъ и донести о томъ высшему правительству, которое, по полученіи донесенія, наряжаетъ слѣдствіе, и въ случаѣ обнаружившихся недобросовѣстныхъ дѣйствій подрядчика, подвергаетъ его денежнымъ взысканіямъ, соотвѣтственнымъ цѣнности невыполненныхъ имъ или дурно произведенныхъ работъ, и за тѣмъ уничтожаетъ контрактъ; въ такомъ случаѣ назначаются вторично торги, принимаются новые залоги и приступаютъ къ продолженію начатой работы безостановочно. Уѣздные предводители дворянства и городскіе головы, неисполнившіе своей обязанности и допустившіе нарушеніе общественныхъ интересовъ, подвергаются законной отвѣтственности. По возведеніи необходимыхъ зданій составляются штаты и назначается достаточное жалованье и приличное содержаніе смотрителю за рабочимъ домомъ, письмоводителю и опредѣленной по штату прислугѣ.

По открытіи въ уѣздныхъ городахъ рабочихъ домовъ, постановляются слѣдующія правила:

1) Учрежденные въ уѣздныхъ городахъ рабочіе дома состоятъ подъ надзоромъ мѣстныхъ городскихъ и уѣздныхъ присутствій, къ вѣдомству которыхъ принадлежатъ помѣщенные въ рабочемъ домѣ арестанты.

2) Начальство рабочаго дома обязано принимать въ нихъ арестантовъ, не иначе какъ по приговору городскихъ и сельскихъ обществъ, утвержденному мѣстными присутствіями, въ вѣдомствѣ которыхъ они состоятъ.

3) Городскія и сельскія общества вносятъ за помѣщеніе и содержаніе арестантовъ опредѣленную сумму, достаточную для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей содержащихся въ рабочемъ домѣ людей.

4) Поступившій въ рабочій домъ арестантъ записывается въ заведенную для этого предмета книгу, въ который должно быть означено имя, прозвище и время поступленія въ рабочій домъ арестанта; каждый арестантъ имѣетъ особенную приходо–расходную графу, въ которой записываются пріобрѣтенныя имъ во время содержанія въ рабочемъ домѣ деньги, а равно выдача изъ нихъ на потребности арестанта, съ разрѣшенія начальства. Приходъ и расходъ денегъ удостовѣряются подписью самого арестанта, или по просьбѣ его кѣмъ либо другимъ.

5) Каждый арестантъ приспособляется преимущественно къ своему обыкновенному роду занятій и обычному мастерству; неимѣющіе же навыка къ мастерствамъ, употребляются начальствомъ рабочаго дома на разныя общественныя работы подъ присмотромъ приставленныхъ къ нимъ надзирателей, наблюдающихъ за успѣшнымъ ходомъ работъ, за прилежаніемъ и нравственностію порученныхъ ихъ надзору арестантовъ.

6) Содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты состоятъ подъ непосредственнымъ начальствомъ поставленнаго надъ ними смотрителя, обязаннаго подавать ежемѣсячныя вѣдомости городскимъ и уѣзднымъ присутствіямъ о поведеніи и состояніи здоровья содержащихся въ рабочемъ домѣ арестантовъ, а равно о произведенныхъ съ помощію ихъ работахъ и о поступившихъ въ приходъ и расходъ денежныхъ суммахъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному арестанту.

7) Смотрители рабочихъ домовъ, съ разрѣшенія городскихъ и уѣздныхъ присутствій, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ арестанты, заключаютъ условія съ купцами, а равно съ городскими и сельскими обществами и помѣщаютъ содержащихся въ рабочемъ домѣ арестантовъ на фабрики, крупяные и разные заводы, мельницы, рядятъ ихъ въ поденную работу въ городѣ и въ уѣздѣ, ставятъ въ работ–

ники на опредѣленные сроки съ правомъ полученія за нихъ заработной платы; въ лѣтнее время арестанты могутъ быть употребляемы на починку дорогъ, мостовъ, гатей, въ каковомъ случаѣ заключаются условія съ сельскими обществами, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе въ порядкѣ своихъ участковъ; вырученныя отъ общественныхъ работъ деньги распредѣляются между арестантами соразмѣрно ихъ трудамъ, по оцѣнкѣ выбраннаго арестантами изъ своей среды распорядителя общественною работою, получающаго за свой трудъ три коп. съ рубля изъ общей выручки; въ случаѣ жалобы кого либо изъ арестантовъ на пристрастный дѣлежъ выработанныхъ денегъ, вслѣдствіе потворства казеннаго надзирателя выбранному изъ среды арестантовъ распорядителю работою,—спорное дѣло подвергается разбирательству и рѣшенію импровизированнаго суда, составленнаго изъ среды самыхъ арестантовъ и состоящаго изъ нечетнаго числа членовъ; общность интересовъ судей и истца и врожденное чувство справедливости, свойственное каждому человѣку, подвергавшемуся даже заблужденіямъ, послужитъ вѣрнымъ поручительствомъ за произнесеніе правильнаго приговора; вырученная каждымъ арестантомъ сумма записывается приходомъ въ его графу; такимъ же точно образомъ вносятся въ приходъ заработки отдѣльныхъ арестантовъ, жившихъ по контракту у купцовъ и отжившихъ свои сроки въ работникахъ.

8) Поступившія въ приходъ деньги, за удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ нуждъ арестанта, препровождаются въ мѣстныя уѣздныя и городскія присутствія, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты; мѣстныя присутствія употребляютъ эти деньги на уплату казенныхъ и мірскихъ недоимокъ, а равно частныхъ долговъ арестанта, остатокъ же выдаютъ старшему въ семьѣ подъ его росписку.

9) Мѣстныя присутствія, основываясь на получаемыхъ ими ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ о поведеніи арестантовъ и на одобрительномъ свидѣтельствѣ смотрителя рабочаго дома, удостовѣрившись въ исправленіи жизни арестанта, дѣлаютъ постановленіе о выпускѣ его изъ рабочаго дома и о дозволеніи ему возвратиться въ свое семейство.

10) Выпущенный изъ рабочаго дома, хотя бы исправившійся, арестантъ лишается правъ старшинства и подчиняется меньшему въ семьѣ родному или двоюродному брату.

11) Возвратившійся въ семью арестантъ, впадающій вновь въ прежніе проступки, подвергается болѣе строгимъ наказаніямъ, отдачѣ въ рекруты безъ очереди, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ, переселенію въ дальнія губерніи, по судебному приговору.

12) Содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты, неоставляющіе своихъ порочныхъ наклонностей, упорствующіе въ злѣ и совращающіе пагубнымъ своимъ примѣромъ нетвердыхъ въ правилахъ товарищей съ добраго пути полезнаго труда и спасительнаго раскаянія, отдѣляются отъ прочихъ арестантовъ и подвергаются болѣе строгому одиночному заключенію; провинившіеся же въ уголовныхъ преступленіяхъ переводятся въ острогъ и подлежатъ суду высшихъ судебныхъ вѣдомствъ.

13) Смотрители рабочихъ домовъ должны быть подчинены власти мѣстныхъ городскихъ и уѣздныхъ присутствій, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ заключенные въ рабочемъ домѣ арестанты; означенныя присутствія пользуются правомъ назначать изъ среды себя коммисію, состоящую не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, уполномочиваемыхъ для произведенія слѣдствія о могущихъ вкрасться въ управленіе рабочаго дома безпорядкахъ и о разныхъ несправедливостяхъ; уличенные въ нарушеніи своихъ обязанностей смотрители рабочихъ домовъ подвергаются, по рѣшенію подлежащихъ присутствій, отрѣшенію отъ должности и соразмѣрнымъ ихъ винѣ болѣе или менѣе значительнымъ взысканіямъ.

Учрежденіе и правильное устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ будетъ имѣть несомнѣннымъ послѣдствіемъ уменьшеніе уголовныхъ преступленій и улучшеніе народной нравственности.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ УСТРОЙСТВѢ ВРАЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ УѢЗДАХЪ.

Въ видахъ человѣколюбія и для уменьшенія смертности въ простомъ народѣ, происходящей во многихъ случаяхъ отъ недостатка врачей и оставленія безъ врачебной помощи больныхъ, было бы полезно постановить слѣдующія правила:

1) На каждыя десять тысячъ душъ опредѣляется одинъ медикъ, который имѣетъ свое мѣстопребываніе въ центрѣ своего участка.

2) Каждый уѣздный медикъ долженъ имѣть подъ рукою десять фельдшеровъ, набираемыхъ изъ грамотныхъ крестьянъ, не моложе двадцати лѣтъ, которымъ поручается въ завѣдываніе участокъ въ тысячу душъ, гдѣ они имѣютъ постоянное жительство. Эти фельдшера должны быть подготовлены медикомъ для поданія первой помощи заболѣвающимъ и обязаны являться къ больному по первому востребованію безъ всякаго замедленія; они должны умѣть прививать оспу, пускать кровь и знать простыя средства отъ разныхъ несложныхъ болѣзней, которымъ наиболѣе подвержены крестьяне,

въ трудныхъ же болѣзняхъ, особенно же эпидемическаго свойства, самъ медикъ, по первому извѣщенію, обязанъ являться къ больнымъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ.

3) Каждый медикъ обязанъ объѣзжать свой участокъ разъ въ мѣсяцъ, для надзора за фельдшерами и для удостовѣренія, что сельскія больничныя избы содержатся въ исправности и что предписанія медика въ точности исполняются.

4) Каждый медикъ долженъ имѣть при себѣ аптеку, снабженную медикаментами, по возможности недорогими, но хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ. Медикаменты отпускаются больнымъ по самой дешевой цѣнѣ; неимущіе же крестьяне, по предъявленіи свидѣтельства сельскаго общества о бѣдности ихъ, получаютъ ихъ даромъ.

5) Въ мѣстѣ жительства медика должна быть устроена больница не менѣе какъ на десять кроватей, или, смотря по надобности, даже и на большее количество, для такихъ больныхъ, которыхъ положеніе требуетъ особеннаго о нихъ попеченія и неусыпнаго наблюденія самаго медика.

6) Сельское общество, состоящее не менѣе какъ изъ ста душъ, обязано устроить своимъ иждивеніемъ особенную больничную избу, снабженную кроватями и постельнымъ бѣльемъ и отапливаемую на мірской счетъ; при каждой избѣ полагается сидѣлка, избираемая міромъ изъ женщинъ не молодыхъ лѣтъ, преимущественно изъ вдовъ хорошаго поведенія.

7) Небольшія селенія, состоящія изъ недостаточнаго количества душъ, складываются между собою и устраиваютъ общими средствами больничное помѣщеніе въ мѣстѣ, указанномъ уѣзднымъ медикомъ.

8) Уѣздные медики и подвѣдомственные имъ фельдшера обязаны имѣть строгое наблюденіе, чтобы всякаго рода сомнительные больные, въ особенности же подверженные болѣзнямъ заразительнаго свойства, были непремѣнно отдѣляемы отъ здоровыхъ и немедленно перевозимы въ больницы, для поданія имъ необходимой и скорой помощи.

9) На каждый участокъ въ десять тысячъ душъ полагается тысячу двѣсти руб. сер., распредѣляемыхъ слѣдующимъ образомъ: на жалованье медику шестьсотъ руб., десяти фельдшерамъ по шестидесяти руб. сер. каждому, итого шестьсотъ руб. сер. Эта сумма для облегченія сельскихъ обществъ собирается не по душамъ, а по тягламъ, или по владѣемой крестьянами землѣ; половина ея вносится къ Петрову дню, а другая на новый годъ; для устройства сельской аптеки и снабженія ея свѣжими медикаментами назначается по соображеніямъ уѣзднаго медика особый сборъ сверхъ опредѣ-

ленныхъ на жалованье медику и фельдшерамъ тысячи двухъсотъ рублей.

Предлагаемыя мною мѣры, при всей недостаточности своей, могутъ весьма ощутительнымъ образомъ способствовать уменьшенію смертности въ простомъ народѣ и распространенію въ крестьянахъ правильныхъ понятій о необходимости разумнаго лѣченія, основаннаго на тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи болѣзней и основныхъ правилъ врачебной науки; необходимымъ послѣдствіемъ этого будетъ уменьшеніе довѣрія къ доморощеннымъ лѣкарямъ и лѣкаркамъ, причиняющимъ по большей части значительный вредъ прибѣгающимъ къ ихъ помощи лицамъ; по мѣрѣ же увеличенія благосостоянія крестьянскихъ обществъ, увеличится и возможность приступить къ устройству врачебной части въ уѣздахъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ШКОЛЪ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ПРИХОДАХЪ.

Въ настоящее время польза распространенія грамотности, признанная самимъ правительствомъ, оспаривается весьма немногими людьми, которыхъ сужденія не заслуживаютъ опроверженія, и потому я полагаю, что было бы полезно учредить повсемѣстно школы при сельскихъ приходахъ на слѣдующемъ основаніи:

1) Въ каждомъ приходѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ трехъ сотъ душъ, должна быть учреждена школа изъ одной или двухъ классныхъ комнатъ, по числу дѣтей мужескаго пола, начиная съ осьмилѣтняго возраста до пятнадцати лѣтъ; въ большихъ приходахъ, состоящихъ изъ тысячи и болѣе душъ, по мѣрѣ возрастанія числа учащихся, ежели помѣщеніе сдѣлается слишкомъ тѣсно, воздвигаются новыя пристройки, чтобы никто по достиженіи узаконенныхъ лѣтъ не былъ лишенъ обученія грамотѣ и Закону Божію.

2) Прихожане малыхъ приходовъ, не заключающихъ въ себѣ трехъ сотъ душъ, причисляются къ большимъ приходамъ, въ такомъ случаѣ, ежели они несогласны будутъ устроить и поддерживать собственнымъ иждивеніемъ сельскую школу въ своемъ приходѣ.

3) Достигшіе восьми-лѣтняго возраста непремѣнно должны поступать въ школу даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы и родители ихъ или родственники противились тому; впрочемъ должно быть дозволено поступать въ нее и съ семи лѣтъ, въ случаѣ изъявленнаго на то желанія со стороны родителей или дѣтей.

4) Предметы преподаванія въ сельской школѣ суть слѣдующія: чтеніе, письмо, правила грамматики и правописанія, первыя четыре правила ариѳметики и Законъ Божій. Болѣе способнымъ и прилежнымъ дѣтямъ можетъ быть преподаваема и вторая часть ариѳметики.

5) Крестьянскія дѣти пользуются въ сельскомъ училищѣ преподаваніемъ первоначальныхъ предметовъ ученія, въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ отъ 1-го ноября по 1-е апрѣля; съ 1-го апрѣля по 1-е ноября ученіе прекращается по причинѣ полевыхъ работъ и никому не должно быть возбраняемо рядить мальчиковъ въ пастухи или пріучать ихъ къ домашнимъ занятіямъ; оставляемые же по желанію родителей въ школѣ на лѣтнее время ученики продолжаютъ пользоваться ученіемъ не иначе, какъ за условленное особое вознагражденіе; передъ роспускомъ дѣтей производится испытаніе въ предметахъ ученія и отличившимся ученикамъ выдаются почетныя награды, состоящія изъ книгъ нравственнаго содержанія и небольшихъ денежныхъ премій.

6) Ученики изъ другихъ деревень размѣщаются по избамъ въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ учреждена сельская школа; родители и родные должны доставлять имъ хлѣбъ и все продовольствіе, а за квартиру и приварокъ изъ доставленныхъ припасовъ хозяинъ избы не имѣетъ права брать съ ученика болѣе 1 р. сер. за учебное время; впрочемъ денежная плата можетъ быть замѣнена хлѣбомъ или другими продуктами съ общаго согласія. Ежели квартированіе по избамъ окажется неудобнымъ, то со временемъ можетъ быть устроено для пришлыхъ дѣтей особое помѣщеніе, въ которомъ они могутъ имѣть квартиру и содержаніе подъ присмотромъ приставленнаго къ дѣтямъ особаго надзирателя, избраннаго родителями и обезпеченнаго ими въ своемъ содержаніи.

7) Вновь опредѣляемые въ села молодые священники могутъ быть лучшими учителями и наставниками для крестьянскихъ дѣтей, и обязанность эта должна быть преимущественно возлагаема на нихъ; тамъ же, гдѣ священники по преклоннымъ лѣтамъ или какимъ либо другимъ причинамъ не въ состояніи принять на себя этой обязанности, прихожане имѣютъ право пріискать вольнаго учителя и условиться съ нимъ въ платѣ за его труды. Было бы полезно устроить со временемъ особый институтъ для приготовленія учителей, сдавшихъ экзаменъ, могущихъ преподавать элементарные предметы ученія въ сельскихъ училищахъ.

8) За каждаго мальчика, обученнаго всѣмъ предметамъ преподаванія въ сельскомъ училищѣ, родители или родные, по окончаніи ученія и учиненіи испытанія, обязаны заплатить учителю три

руб. сереб.; этотъ единовременный взносъ можетъ по желанію крестьянскихъ обществъ быть замѣненъ однажды установленнымъ опредѣленнымъ жалованьемъ, выплачиваемымъ завѣдывающему училищемъ сельскому священнику или постороннему лицу.

9) Необходимыя для устройства сельскаго училища и для покупки учебныхъ матеріаловъ суммы собираются по уравнительной раскладкѣ со всего прихода.

10) Было бы полезно поручить высокообразованному духовному лицу составленіе краткаго катехизиса, приноровленнаго къ понятіямъ крестьянскихъ дѣтей, въ которомъ главнѣйшее вниманіе должно быть обращено на подробное и ясное истолкованіе Божественныхъ десяти Заповѣдей, исполненіе которыхъ, соединенное съ любовію къ ближнему, есть главная основа нашего временнаго и вѣчнаго благосостоянія.

АЛЕКСѢЙ ТЮТЧЕВЪ,
помѣщикъ Ярославской губерніи,
Мышкинскаго уѣзда.

Село Знаменское.
12-го марта 1859.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О КАЛЕНДАРЯХЪ.

1. Volks-kalender für 1859, von Gubitz. Berlin.
2. Volks-kalender für 1859, von Trewendt. Breslau.
3. Volks-kalender für 1859, von Steffens. Leipzig.
4. Volks-kalender für 1859, von Nieritz. Leipzig.
5. Мѣсяцословъ на 1859. Изд. Имп. Ак. Наукъ. С.-Петербургъ.

Достань-ка календарь.
Читай не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Грибоѣдовъ.

Ни одной изъ русскихъ книгъ, выходящихъ въ продолженіе года, не жду я съ такимъ нетерпѣніемъ, ни одной не встрѣчаю съ такою радостію, не перечитываю съ такою жадностью при ея появленіи и съ такимъ интересомъ въ продолженіе всего слѣдующаго года, какъ календарь Императорской Академіи Наукъ. Я принадлежу къ числу самыхъ усердныхъ читателей и почитателей календаря. Я читаю календарь для справокъ, читаю, когда я боленъ, читаю, когда я хандрю, читаю, когда нѣтъ новостей въ литературѣ и наукахъ для меня доступныхъ, читаю, когда мнѣ не хочется ни мыслить, ни мечтать, ни читать, ни говорить. Есть господа, и притомъ изъ людей образованныхъ, которые не хотятъ читать календаря потому только, что это календарь.... Календарь вѣдь, а не книга: — что, дескать, тамъ читать? Напрасно! — Я увѣренъ, что многіе изъ этихъ господъ не знаютъ по крайней мѣрѣ половины того, что есть въ календарѣ, а изъ этой половины наберется, быть можетъ,

четверть такихъ свѣдѣній, которыя знать не худо не только человѣку образованному, но и всякому православному. Далѣе, есть господа болѣзненные, сердитые, раздражительные, страждущіе хандрою, которые во время болѣзни, въ сильной хандрѣ берутся за книги, за статьи съ извѣстнымъ направленіемъ, съ извѣстными идеями и взглядами, приправленныя значительною дозою желчи, — и тѣмъ еще болѣе разстроиваютъ свое здоровье, впадаютъ еще въ худшее состояніе духа; и въ это несчастное время зачинаютъ они новыя творенія, болѣзненныя, раздражительныя, которыми потомъ и разрѣшаются, разливая въ свою очередь сами желчь на міръ божій. Почему бы не посовѣтовать и этимъ господамъ.... Впрочемъ зачѣмъ совѣтовать? У всякаго свой вкусъ и свои привычки. Я хочу сказать только, что календарь есть книга книгъ, на всякую потребу годная, — и улучшенію ея всякій долженъ радоваться болѣе, чѣмъ улучшенію какой нибудь другой книги. Вотъ почему я съ восторгомъ встрѣтилъ календарь на 1859 годъ. Календарь этотъ въ сравненіи съ календарями предшествовавшихъ годовъ составленъ рѣшительно блистательно. Онъ обновился и пополнѣлъ во всѣхъ своихъ частяхъ. А сколько въ немъ приложеній! Когда календарь нашъ давалъ намъ столько приложеній, сколько далъ онъ на нынѣшній годъ? Я совершенно увѣренъ, что тѣ, которые нападали на календарь 1859 года, или вовсе не видали прежнихъ календарей, или не потрудились сличить нынѣшняго календаря съ календарями прежнихъ лѣтъ. Календарь сдѣлалъ все, что могъ. При той методѣ, какая принята нынѣ въ его составленіи, нельзя ни требовать, ни ожидать отъ него какихъ-то особенныхъ улучшеній. Другое дѣло, когда будетъ измѣнена метода. Но нужно ли, спросятъ меня, перемѣнять эту методу? Да, отвѣчу я. Несмотря на то, что я поклонникъ и настоящаго календаря, который имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, я долженъ сказать, что метода, принятая при составленіи календаря слишкомъ устарѣла для нашего времени, что она препятствуетъ улучшенію календаря, препятствуетъ ему быть тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы, и даже долженъ бы быть. Потому нельзя не пожелать ему отъ души перерожденія по крайней мѣрѣ съ имѣющимъ наступить вскорѣ вторымъ тысячелѣтіемъ Россіи. Въ чаяніи этого, конечно, многими уже желаемаго перерожденія, я намѣренъ поговорить о составѣ календарей.

Что такое календарь?

Календарь есть справочная на каждый годъ книга, которая содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ времени, имѣющихъ въ томъ году послѣдовать, о явленіяхъ небесныхъ, имѣющихъ случиться отъ того или другаго положенія тѣлъ небесныхъ и взаимнаго

ихъ отношенія между собою. Но календарь сообщаетъ свѣдѣнія не обо всѣхъ измѣненіяхъ времени и не о всѣхъ явленіяхъ небесныхъ, а только о тѣхъ, знаніе которыхъ въ быту житейскомъ по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно. Такъ какъ календарь по этому самому есть книга необходимая для всякаго, для ученаго и неученаго, для образованнаго и необразованнаго, то нѣмецъ смотритъ на календарь, какъ на средство, чрезъ которое можно проводить въ народъ и другія полезныя для народа свѣдѣнія и идеи. Съ этою цѣлью онъ старается прежде всего о томъ, чтобы сдѣлать календарь книгою по цѣнѣ доступною бѣднѣйшему изъ бѣднѣйшихъ. И надобно въ самомъ дѣлѣ удивляться, до какой изумительной дешевизны доведена цѣна нѣмецкихъ календарей. Календарь Тревендта, напримѣръ, состоящій почти изъ 15 печатныхъ листовъ, съ 10 отличными гравюрами, стоитъ 35—40 коп. сер. Календарь Губица, состоящій почти также изъ 15 листовъ, со множествомъ политипажей, стоитъ столько же. Въ такой же точно соразмѣрности цѣны другихъ календарей. Само собою разумѣется, что даже и за такую небольшую цѣну, какъ 35—40 коп. сер., и такую нужную книгу въ продолженіе цѣлаго года, какъ календарь, если въ немъ содержатся только календарныя свѣдѣнія, купитъ не всякой. Кто достаетъ деньги трудомъ и пòтомъ, еще пораздумаетъ, нельзя ли какъ нибудь обойтись безъ календаря—и дѣйствительно обойдется. Слѣдовательно, кромѣ дешевизны цѣны, календари должны привлекать къ себѣ покупателей своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Должно сказать, что и въ этомъ отношеніи нѣмецкіе календари доведены до возможнаго совершенства. Смотря на множество отличныхъ гравюръ или политипажей при каждомъ календарѣ, на разнообразное содержаніе календаря, я думаю, самый послѣдній бѣднякъ отдастъ за него деньги не только не жалѣя, но и съ удовольствіемъ. Чего нѣтъ въ нѣмецкихъ календаряхъ?—Тутъ есть и серьёзныя статьи, и стихи, и повѣсти, и разсказы, и анекдоты, и изреченія, и *вицы* и т. д.,—и все это составлено не какъ нибудь, а умно и дѣльно, и главное, несмотря на кажущееся разнообразіе, строго приспособлено къ одной цѣли. Будь статья самая умная, нѣмецъ не помѣститъ ся въ своемъ календарѣ, если она не служитъ къ предположенной имъ цѣли. Какая же это цѣль? Цѣль эта — истребленіе заблужденій и предразсудковъ въ народѣ, распространеніе въ немъ всевозможныхъ полезныхъ знаній, добытыхъ и добываемыхъ современною наукою, развитіе добрыхъ правилъ и вкуса, однимъ словомъ — очищеніе и облагороженіе народнаго ума, сердца и вкуса. Призваніе служить этой цѣли есть поистинѣ высокое и святое и, быть можетъ, налагаемое на всякаго писателя самимъ талантомъ, дарованнымъ ему свыше. Оттого лучшіе писатели принимаютъ участіе

въ составленіи нѣмецкихъ календарей, лучшіе люди занимаются ихъ изданіемъ, — и, надобно отдать имъ честь, трудятся съ любовію и умѣньемъ и по справедливости заслуживаютъ уваженія и благодарности отъ своего народа. Календарь прежде всего хочетъ привлечь къ себѣ своею наружностію. Въ немъ хорошенькія картинки. Охотникъ ли кто читать, не охотникъ ли, а картинки посмотритъ всякій, — а посмотрѣвъ картинки, заглянетъ и въ оглавленіе статей. А статьи своею формою разсчитаны рѣшительно на всѣ возрасты и вкусы. Юность и дѣтство не стали бы читать статей серьёзныхъ, но съ охотою прочтутъ стихи, повѣсти, а если ни то, ни другое, то по крайней мѣрѣ *вицы* и анекдоты. Взрослый, быть можетъ, не захочетъ сначала читать этихъ пустяковъ, захочетъ статей посерьёзнѣе, — есть и серьёзныя статьи: кто любитъ политику, — и политика есть; кого интересуютъ только одни рѣдкости, являющіяся въ мірѣ, или кто не хочетъ знать ничего, кромѣ своего хозяйства, и тотъ и другой найдутъ, что̀ читать въ календарѣ, каждый по своему вкусу. Однимъ словомъ, — чего хочешь, того просишь. Но прочитавъ одну статью сначала по личному своему вкусу, всякій заглянетъ и въ другую, понравится и эта, въ третью, такимъ образомъ дойдетъ до серьёзной или ученой, а прочитавъ и послѣднюю, увидитъ, что и здѣсь бояться нечего. Нѣмецъ, когда пишетъ ученую статью для календаря, представляетъ себѣ читателя своего рѣшительно ничего незнающимъ, необучавшимся ни одной наукѣ. Оттого не только взрослый, но всякій мальчикъ, выучившійся грамотѣ, можетъ понимать эти статьи. Такъ онѣ популярны! Но если бы кто и не дошелъ до этихъ статей, то и изъ прочитанныхъ имъ, выбранныхъ имъ самимъ для чтенія статей, — стиховъ ли тамъ, или повѣстей и анекдотовъ и т. п., онъ вынесетъ свою долю пользы. И всякій, познакомившись разъ съ календаремъ, — а времени на это знакомство вѣдь много, цѣлый годъ, — непремѣнно захочетъ имѣть его и на другой годъ. Оттого издатели нѣмецкихъ календарей не смотрятъ на свои календари, какъ на изданія справочныя, имѣющія значеніе только въ опредѣленный срокъ, а потомъ никуда негодныя, такъ сказать, *бросовыя*. Напротивъ, они ведутъ свои календари, какъ связное погодное періодическое изданіе, помѣщая иногда одну половину статьи въ одномъ году, другую въ другомъ, и дѣлая въ новыхъ календаряхъ указанія на прежніе годы. Когда кончается извѣстный годъ, издатель отрываетъ отъ календаря свѣдѣнія чисто календарныя, которыя обыкновенно занимаютъ два или не много болѣе двухъ листовъ, и у него является «Jahrbuch des Nützlichen und Unterhaltenden», какъ напр. у Губитца или «Feierabend, — Jahrbuch für Ernst und Scherz, Belehrung und Unterhaltung,» какъ у Тревендта. Эти Jahrbücher раскупаются нѣмцами съ жадностію не только по прошествіи

двухъ, трехъ лѣтъ послѣ выхода календарей, но постоянно, какъ лучшія книги. Губитцъ въ календарѣ своемъ за нынѣшній годъ извѣщаетъ, что изъ его 24-лѣтнихъ Jahrbücher экземпляры за 1836, 1837, 1838 годы распроданы всѣ, а за остальные годы остаются въ незначительномъ числѣ.

Познакомимся теперь ближе съ содержаніемъ нѣмецкихъ календарей.

Какъ главная цѣль издателей календарей состоитъ въ томъ, чтобы сообщать въ нихъ народу сколько можно болѣе полезныхъ свѣдѣній, не увеличивая объема, а слѣдственно и цѣны книгъ, то въ нѣмецкихъ календаряхъ вы прежде всего встрѣтите самую примѣрную бережливость въ употребленіи бумаги. Шрифтъ выбирается сколько возможно мелкій, поля оставляются самыя маленькія; нигдѣ пробѣловъ безъ нужды, строка за строкой лѣпится вездѣ, гдѣ только помѣститься можетъ, не причиняя безобразія. Особенно эта бережливость соблюдается въ части собственно календарной, какъ содержащей въ себѣ свѣдѣнія преходящія, которыя по истеченіи года замѣняются другими. То, что въ нашихъ календаряхъ помѣщается на шести листахъ, здѣсь печатается на двухъ или съ небольшимъ на двухъ. Правда, въ нашихъ календаряхъ требуютъ для себя мѣста нѣкоторыя особенныя свѣдѣнія; напримѣръ, показаніе восхожденія и захожденія солнца, луны, планетъ въ Москвѣ, солнца въ Архангельскѣ, Якутскѣ и т. д., также свѣдѣнія о праздникахъ, крестныхъ ходахъ и т. п. Но этихъ свѣдѣній очень немного. Къ тому же въ нѣмецкихъ календаряхъ помѣщается въ календарной части въ свою очередь много такого, чего нѣтъ въ нашихъ календаряхъ. Каждый мѣсяцъ въ нашемъ календарѣ занимаетъ двѣ страницы, раздѣленныя по длинѣ на 14 большихъ и маленькихъ столбцовъ. Въ 4-хъ изъ этихъ столбцовъ означается именное и численное наименованіе дней, въ 8-ми восхожденіе и захожденіе солнца въ Санктпетербургѣ и Москвѣ; изъ остальныхъ двухъ—въ одномъ имена православныхъ святыхъ на каждое число мѣсяца, въ другомъ—среднее время въ истинный полдень. Вотъ и всѣ свѣдѣнія помѣсячныя. Нѣмецкіе календари, напримѣръ Тревендта и Губитца, покрайней мѣрѣ на $^1/_8$ въ длину и на $^1/_8$ въ ширину меньше нашего календаря по формату. Каждый мѣсяцъ занимаетъ также только двѣ страницы. Но посмотрите, сколько на этихъ двухъ страницахъ помѣщается свѣдѣній! Въ календарѣ, напримѣръ, Тревендта каждый мѣсяцъ раздѣленъ на 18 столбцовъ. Именное и численное наименованіе дней означается только въ трехъ столбцахъ. Въ восьми столбцахъ означены восхожденіе и захожденіе солнца, луны и долгота дня, въ семи остальныхъ святые а) по новому и б) по старому календарю, в) теченіе луны, г) четверти луны

и положеніе планетъ, д) объясненіе небесныхъ явленій, е) іудейскій календарь, ж) показаніе состоянія погоды по столѣтнему календарю Кнауера и крестьянскимъ примѣтамъ. Въ календарѣ Губитца нѣтъ отдѣльныхъ столбцовъ для небесныхъ явленій, для еврейскаго календаря, для показанія погоды, за то у него половина одной страницы каждаго мѣсяца наполнена изреченіями, анекдотами, стихами, правилами нравственнаго содержанія и т. п. Въ этой мелочи всякій найдетъ что нибудь по своему вкусу. Попадаются иногда мысли и замѣтки очень серьёзныя, иногда легкія шутки, иногда анекдоты, вызывающіе невольную улыбку и т. п.

За *помѣсячными* показаніями для каждаго мѣсяца въ календарной части нѣмецкихъ календарей помѣщаются свѣдѣнія: 1) о времясчисленіи; 2) о временахъ года, 3) о затменіяхъ лунныхъ и солнечныхъ; 4) объ отношеніи употребляемыхъ въ общежитіи часовъ къ истинному времени, и кой-какія другія.

Вообще въ календарной части нѣмецкихъ календарей есть все, что̀ каждому нужно знать изъ календарныхъ свѣдѣній въ продолженіе года и даже болѣе. Если бы въ нашихъ календаряхъ календарная часть составляема была точно такъ же и помѣщалась такъ же уютно, то и съ свѣдѣніями особенными, которыя въ ней теперь есть, и съ тѣми свѣдѣніями, которыхъ въ ней нѣтъ, а есть въ нѣмецкихъ календаряхъ, она заняла бы, быть можетъ, не болѣе трехъ печатныхъ листовъ, если не менѣе, слѣдственно имѣла бы три листа въ выигрышѣ.

Перехожу къ некалендарной части календарей нѣмецкихъ, и прежде всего къ отдѣлу статей серьёзныхъ. Изъ календарей на 1859 годъ статьями серьёзными всѣхъ богаче календарь Губитца. Я говорю: статьями серьёзными, потому что чисто-учеными статей, помѣщаемыхъ въ календаряхъ, назвать нельзя. Сообразно цѣли своей онѣ излагаютъ каждый научный предметъ съ тѣхъ только сторонъ, которыя имѣютъ приложеніе въ жизни. Поэтому въ нихъ не бываетъ съ одной стороны статей чисто теоретическихъ, а съ другой нѣтъ въ статьяхъ и спеціальной однородности содержанія. Одна и таже статья разсматриваетъ предметъ въ отношеніяхъ и медицинскомъ, и химическомъ, и технологическомъ и т. д., смотря потому, чрезъ какую науку получилъ онъ приложеніе въ жизни. Поэтому же напрасно мы стали бы искать въ календаряхъ разрѣшенія какихъ нибудь чисто научныхъ или спеціальныхъ историческихъ вопросовъ, или полныхъ статей историческихъ и біографическихъ. Историческія событія и историческія личности выводятся обыкновенно тѣми своими сторонами или рельефнѣе обозначаются съ тѣхъ сторонъ,

которыя могутъ имѣть почему либо благотворное вліяніе на образъ мыслей и духъ народа.

Въ календарѣ Губитца на 1859 годъ изъ статей серьёзныхъ помѣщены 4 біографическихъ, 5 по натуральной исторіи и нѣсколько статей смѣшаннаго содержанія.

Къ статьямъ біографическимъ относятся: I) Карлъ фонъ-Штейнъ; II) Памятникъ Гёте и Шиллеру въ Веймарѣ; III) Мавзолей въ Шарлоттенбургѣ; IV) Приключеніе во время краткаго путешествія.

1) Статья: *Карлъ фонъ-Штейнъ* содержитъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Штейна, принадлежавшаго къ числу самыхъ пламенныхъ патріотовъ. Штейнъ былъ министромъ въ самое тяжелое для Пруссіи время—во время тяготѣвшаго подъ Европою деспотизма Наполеона I. Всѣ усилія дѣятельности Штейна были направлены съ одной стороны къ освобожденію Германіи, съ которымъ онъ считалъ неразрывно связаннымъ величіе Пруссіи, съ другой, внутри королевства, къ возможному расширенію свободы подданныхъ, ибо, по его убѣжденію, «непоколебимою опорою каждаго трона можетъ быть только одна способная къ самопожертвованію любовь и преданность людей *свободныхъ*». Къ статьѣ приложенъ портретъ Штейна. II) Статья «*Мавзолей въ Шарлоттенбургѣ*», написанная по случаю имѣющаго совершиться 23-го декабря 1859 года пятидесятилѣтія со времени возвращенія Вильгельма III съ супругою въ столицу послѣ бѣдственной войны съ Наполеономъ, сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности и характерѣ Вильгельма III и о самомъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ Шарлоттенбургскомъ замкѣ надъ гробами царственныхъ супруговъ. Замѣчательны сообщаемые авторомъ документы, содержащіе взглядъ короля на народное образованіе и на свободу ценсуры, въ особенности послѣдній документъ. По случаю принесенной издателемъ «Вестфальскаго Листка» жалобы на дѣлаемыя ему стѣсненія, король пишетъ между прочимъ государственному министру фонъ Ангерну: «если будетъ стѣсняема даже умѣренная гласность, то не остается совершенно никакихъ средствъ слѣдить за злоупотребленіями чиновниковъ, которые отъ этого будутъ дозволять себѣ слишкомъ много своеволія. Въ этомъ отношеніи умѣренная гласность и для правительства и для подданныхъ есть самое вѣрное ручательство противъ нерадѣнія и злонамѣренности чиновниковъ, и потому надобно всячески поощрять и поддерживать ее». Статья украшена двумя политипажами, изъ которыхъ одинъ изображаетъ внутренность мавзолея съ двумя находящимися въ немъ гробницами царственныхъ супруговъ, другой — древнюю царицу Артемизію, воздвигшую памятникъ своему супругу Мавзолу, — по рисунку снятому Мехельномъ въ дрезденской галлереѣ антиковъ съ ба-

зальтоваго медальона. Рисунокъ этотъ по сходству Артемизіи съ супругою Вильгельма III Луизою подалъ первую мысль къ сооруженію мавзолея. III) Статья: «*Памятникъ Гёте и Шиллеру въ Веймарѣ*», написанная по случаю имѣющаго совершиться въ 1859 году столѣтія со времени рожденія Шиллера (1759) и перваго десятилѣтія втораго столѣтія со времени смерти Гёте (1749), излагаетъ взаимныя отношенія обоихъ поэтовъ другъ къ другу при жизни. Къ статьѣ приложенъ видъ памятника, воздвигнутаго обоимъ поэтамъ въ Веймарѣ 4-го сентября 1857 года. Въ заключеніе статьи авторъ сообщаетъ изъ своихъ замѣтокъ нѣсколько мыслей того и другаго поэта, не вошедшихъ въ собраніе ихъ сочиненій. IV. Статья: «*Приключеніе во время краткаго путешествія*», украшенная четырьмя политипажами, есть разсказъ умершаго въ 1808 году нѣмецкаго писателя Гейденрейха о поѣздкѣ его изъ Лейпцига, по окончаніи здѣсь курса наукъ, въ Веймаръ, забавныхъ приключеніяхъ во время пути, слѣдствіемъ которыхъ была его женитьба.

По натуральной исторіи помѣщены статьи: I) «*Драконъ*», въ которой объясняется, что дракона змѣя въ природѣ не существуетъ, а есть крылатая ящерица—драктъ, животное съ виду отвратительное, но совершенно безвредное, которое живетъ на деревьяхъ въ жаркихъ странахъ стараго свѣта и питается различными насѣкомыми; II) «*Чайки*»; III) «*Формы листьевъ*»; авторъ говоритъ, что «листья безчисленныхъ растеній съ давнихъ временъ служили образцами для различныхъ украшеній въ искусствахъ, для этой цѣли служатъ они и въ настоящее время въ этой области человѣческой дѣятельности»; поэтому онъ разсматриваетъ формы листьевъ различныхъ растеній; IV) «*Кофейное дерево*»; V) «*Чайный кустарникъ*».

Къ статьямъ серьёзнымъ въ календарѣ Губитца должно также причислить: I) «*Первый кофейный домъ въ Вѣнѣ*», разсказъ объ осадѣ Вѣны турками въ 1683 году, о пораженіи и бѣгствѣ ихъ, послѣ котораго найденное въ турецкомъ лагерѣ во множествѣ кофе послужило поводомъ къ основанію перваго кофейнаго дома въ Вѣнѣ; II) «*Кой-что изъ исторіи и медицины, и противъ табаку*»; III) «*Деревенскія исторіи*». Главная мысль статьи, что при невѣжествѣ народа нельзя ожидать отъ него доброй нравственности. Разсказами изъ деревенской жизни доказывается, что въ нравахъ крестьянъ нѣтъ ничего похожаго на тѣ идилліи, которыя рисовали Гесснеръ и другіе поэты; IV) «*Древній и новый міръ*». Статья содержитъ описаніе 12-ти главныхъ божествъ грековъ и римлянъ, аттрибутовъ, съ которыми они изображаются, ихъ происхожденія, похожденій и т. п. V) «*Древнее и новое колдовство*».—Всѣ означенныя нами статьи украшены множествомъ политипажей.

Довольно богатъ серьёзными статьями и календарь Тревендта. Самая лучшая изъ этихъ статей въ немъ статья Дуфлоса: «*Вода*», въ которой раскрывается значеніе воды при опредѣленіи вѣса и мѣры другихъ тѣлъ, затѣмъ—въ гигіеническомъ и хозяйственномъ отношеніи, гдѣ разсматриваются свойства различнаго рода водъ, средства сдѣлать ту или другую воду полезною и годною для того или другаго употребленія; изложеніе и языкъ статьи такъ популярны, что ее пойметъ всякій мальчикъ, а содержаніе статьи такъ приспособлено къ обыденной жизни, что ее поинтересуется прочесть не только всякая хозяйка, но даже и каждая грамотная кухарка и прачка. Далѣе слѣдуютъ статьи II) «*О сродствѣ растеній*», Россмесслера; III) «*Лучшіе сорты плодовъ*», Твердта; IV, «*Технологическія хозяйственныя свѣдѣнія*»—тѣ и другія въ особыхъ отдѣлахъ. Мы поименуемъ здѣсь оглавленіе статей того и другаго отдѣла. А) Отдѣлъ техническій. 1) Сушка досокъ; 2) приложеніе пара по методѣ Риттингера къ сбереженію механическою силою матеріаловъ для горѣнія; 3) аллюминій; 4) добываніе стекла мокрымъ путемъ; 5) способъ наводить цинковые листы масляными красками; 6) средство сохранять яичный желтокъ; 7) средство замѣнять костяной уголь искусственнымъ; 8) чистка цвѣтныхъ матерій; 9) приготовленіе хлѣба; 10) раціональная печь для печенія хлѣба. Б) Отдѣлъ хозяйственный. 1) Приготовленіе изъ сточной воды навоза; 2) орошеніе луговъ; 3) сохраненіе яицъ; 4) клееніе; 5) лѣченіе болѣзни картофеля; 6) чистка серебряныхъ вещей; 7) сушка растеній съ сохраненіемъ ихъ цвѣта; 8) способъ дѣлать матеріи для платьевъ *невоспламеняемыми;* 10) способъ выводить изъ бѣлья желѣзно-ржавчатыя пятна; 11) замѣна копировальной бумаги при прорисовкѣ; 12) очищеніе прогорклаго масла; 13) приготовленіе изъ тростника постилокъ или переплетовъ для мебели и т. п.; 14) искусственный навозъ; 15) настой изъ сѣна; 16) средство истреблять мышей; 17) табачная бумага; 18) сохраненіе хлѣба посредствомъ жженной извести; 19) скорое соленье мяса въ небольшихъ количествахъ; 20) сладкіе рожки; 21) болѣзненныя деревца.

Кромѣ указанныхъ нами статей, въ календарѣ Тревендта есть еще одинъ отдѣлъ для статей серьёзныхъ, подъ названіемъ смѣси. Въ смѣси помѣщаются разныя статьи о предметахъ необыкновенныхъ, рѣдкихъ, вообще почему либо особенно замѣчательныхъ. Такъ на 1859 годъ помѣщены здѣсь между прочимъ написанныя нарочно для календаря самыя подробныя описанія «Левіаѳана» и «Транзатлантическаго телеграфа». Такія описанія были бы очень нелишними и въ нашемъ календарѣ, потому что кто не имѣетъ возможности читать иностранныхъ изданій, тому у насъ вовсе негдѣ почерпнуть

удовлетворительныхъ свѣдѣній объ этихъ современныхъ дивахъ. Нашъ календарь упомянулъ о нихъ только кратко въ обзорѣ событій. Въ другихъ нѣмецкихъ календаряхъ отдѣлъ въ родѣ смѣси наполняется историческими курьёзами, какъ напримѣръ въ календарѣ Ниритца. Помѣщенныя въ немъ на нынѣшній годъ три статейки въ этомъ родѣ — всѣ очень любопытны. Я привожу здѣсь одну изъ нихъ: «*Извлеченіе изъ записной книжки палача*. 1656».

«6 мая я пыталъ молодаго человѣка 24 лѣтъ, въ присутствіи суда по преступленію въ любодѣяніи (*puncto stupri*). 8-го повѣсилъ крестьянина за воровство. 12-го наказывалъ двухъ дѣвушекъ 19-лѣтъ за воровство. 13, 14, 15, 18 и 19-го, — во всѣ эти дни исполнялъ приговоры надъ цыганами — 8 повѣсилъ, 6 колесовалъ, 3 сожегъ. *Requiescant in pace!* (да почіютъ въ мирѣ!) Отъ 20 до 28 мая по должности дѣлать было нечего, и я лѣчилъ кой у кого лошадей, также составлялъ лѣкарства и мази для крестьянъ. 29-го пыталъ. 30-го тоже. 1, 5, 8 и 9-го іюня тоже. 10-го наказывалъ. 12-го сѣкъ плетьми. 14-го ставилъ клейма. (Далѣе вырвано. На половинѣ послѣдняго листа:) Въ нынѣшній годъ благополучно мною было наказано: крестьянъ, имѣющихъ домообзаводство 16; пустодомовъ и поденщиковъ 30; бродягъ, не имѣющихъ мѣста жительства 40; итого 86. Биты плетьми 18; вставлены клейма 10: пытаны 40; и того наказанныхъ, битыхъ плетьми, заклейменныхъ и преданныхъ пыткѣ 154.

Omnia ad majorem Dei gloriam! (Все во славу Божію!)

Любезный братъ! Съ удовольствіемъ извѣщаю тебя, что благословеніе Божіе надъ нами. Этотъ годъ былъ поистинѣ счастливъ; Богъ послалъ мнѣ 66 злодѣевъ, надъ которыми всѣми я благополучно исполнилъ приговоры. Если и впередъ дѣло пойдетъ такъ же успѣшно, чего я надѣюсь и о чемъ каждодневно молю Бога, то и я могу добыть себѣ почетное имя. Въ три года, какъ я служу палачемъ, я имѣлъ счастье исполнить приговоры почти надъ 300 человѣкъ. О, если бы благій Богъ послалъ еще побольше! Когда я казню 900 человѣкъ, тогда я могу сдѣлаться докторомъ. Далъ бы то Богъ! Тогда и я буду имѣть возможность показаться среди людей почетныхъ. Прощай, братъ!»

Кромѣ свѣдѣній календарныхъ и статей серьёзнаго содержанія, значительную часть въ нѣмецкихъ календаряхъ, а иногда и большую, составляютъ повѣсти и разсказы. Всѣ эти повѣсти и разсказы имѣютъ цѣлію обрисовать какія нибудь историческія преданія, черты изъ жизни великихъ отечественныхъ лицъ, разсѣять предразсудки, суевѣріе, невѣжество, полученныя въ наслѣдство отъ временъ прежнихъ, изобразить какія нибудь черты изъ народнаго, близкаго всѣмъ быта, указать смыслъ и возможность извѣстнаго рода комфорта и удовольствій въ жизни съ маленькими средствами, проводи-

мой среди труда, при честномъ и добросовѣстномъ исполненіи долга и т. п. Подобныя повѣсти и разсказы пишутся для дѣтства и юношества; но ихъ съ удовольствіемъ прочтетъ и всякій взрослый. Особенно понравились намъ патріотическіе разсказы изъ жизни Фридриха Великаго, Макса Ринга, въ календаряхъ Тревендта и Стеффенса на 1859 годъ, также разсказы Нирітца.

Сказаннаго мною довольно, чтобы видѣть богатство и разнообразіе содержанія въ календаряхъ нѣмецкихъ. Обращаюсь теперь къ мѣсяцослову, издаваемому Академіею Наукъ.

Народъ русскій имѣетъ, конечно, болѣе нужды въ хорошо составленномъ календарѣ, нежели нѣмцы, у которыхъ и безъ календарей есть много средствъ для народнаго образованія. У нихъ въ извѣстной степени образованіе разлито уже и въ массахъ; у нихъ есть много школъ, и притомъ хорошо организованныхъ; у нихъ есть много книгъ, и дешевыхъ и хорошихъ, для народнаго чтенія. У насъ этого ничего нѣтъ, кромѣ школъ, которыя сравнительно съ народонаселеніемъ очень немногочисленны, да и тѣ, кромѣ грамотности, едва ли даютъ что нибудь учащимся. Наша литература, показывающая столько любви и сочувствія къ интересамъ народа, столько толкующая о необходимости распространенія въ немъ грамотности, о необходимости его образованія, на самомъ дѣлѣ почти вовсе не служитъ дѣлу народнаго образованія. Кто изъ нашихъ литераторовъ, изъ нашихъ ученыхъ всѣхъ возможныхъ родовъ серьёзно позаботился о томъ, чтобы сдѣлать что нибудь прочное въ пользу народнаго образованія? Народъ нашъ доселѣ не имѣетъ даже хорошей азбуки. Легко сказать: не имѣетъ азбуки! А вѣдь азбука у нашего народа не только средство для пріобрѣтенія грамотности, но для большей части получающихъ грамотность единственная энциклопедія свѣдѣній на всю ихъ жизнь! Недавно одинъ добрый человѣкъ позаботился о томъ, чтобы упростить методу пріобрѣтенія грамотности для народа, уничтожилъ въ ней и азы, и покои, и ѳиты съ прочею братіею, которые всѣ, равно какъ и прилагавшіяся къ нимъ картинки, изображавшія и арáповъ и Ѳедей и т. п. съ рѣдкимъ умѣньемъ были приспособлены къ тому, чтобы сначала выбить изъ мальчика какъ можно болѣе толку и потомъ уже въ этомъ подготовленномъ состояніи начинать учить его грамотѣ, такъ что всякій, проходившій азбуку, собственнымъ опытомъ дознавалъ, что «корень ученія горекъ». Кто же съ горячимъ сочувствіемъ встрѣтилъ новую методу? Я разумѣю методу г. Золотова. Говорили ли о его трудѣ, рекомендовали ли его, какъ слѣдовало, кричали ли о немъ? Въ то время, когда книги никуда негодныя, не стоющія никакого разбора и не нуждающіяся ни въ какомъ разборѣ, подвергаются самымъ подроб-

нымъ, серьёзнымъ разборамъ почти во всѣхъ журналахъ, трудъ Золотова прошелъ едва замѣченнымъ. А между тѣмъ трудъ этотъ стоилъ и нуждался въ разборѣ болѣе, чѣмъ напримѣръ хотя бы книга г. Жеребцова о Россіи. Книга г. Золотова стоила разбора за свою методу даже по однимъ экономическимъ соображеніямъ. Ибо если мы предположимъ, что каждый мальчишка, обучающійся на-дому грамотѣ, истреплетъ на худой конецъ три азбуки, которыя, на худой конецъ, стоятъ 1 рубль, что въ годъ на-дому обучаются грамотѣ во всей Россіи хотя 30,000 человѣкъ, то сколько у народа сбереглось бы денегъ, если бы онъ прежнія азбуки замѣнилъ азбукою г. Золотова, по которой въ десять разъ скорѣе можно выучить мальчика грамотѣ и которой, можно смѣло сказать, одного экземпляра достаточно бы было для обученія грамотѣ четырехъ-пяти мальчиковъ? Но книга г. Золотова и помимо этого имѣла нужду въ серьёзномъ разсмотрѣніи критики. Я сказалъ уже, что азбука у насъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и энциклопедія свѣдѣній для очень многихъ, обучающихся грамотѣ, на всю жизнь. Само собою разумѣется, что въ такую книгу нельзя совать все, что попадется подъ руку и составлять ее какъ нибудь. Критика совершила бы трудъ почетный и въ высшей степени полезный для народнаго образованія, если бы потрудилась указать, какъ должны составляться подобныя книги, разсмотрѣть, удовлетворяетъ ли составленное г. Золотовымъ руководство истиннымъ требованіямъ народнаго обученія. И намъ кажется, что въ особенности руководство г. Золотова требовало такого разсмотрѣнія, какъ прекрасное по своей методѣ, но слабоватое, как руководство при развитіи умственныхъ понятій, и потому имѣющее нужду въ исправленіи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ книги г. Золотова, но нельзя не замѣтить, что свѣдѣній для развитія умственнаго учащихся, въ особенности же дѣтей, помѣщено въ ней очень мало, гораздо менѣе, чѣмъ можно бы и должно было помѣстить, да и изъ помѣщенныхъ многія выбраны очень неудачно. Такъ на страницѣ 58 «Азбуки для дѣтей» г. Золотовъ говоритъ:

«Доброе дитя бываетъ со всѣми ласково, ни съ кѣмъ никогда не ссорится, никого не обижаетъ, не отнимаетъ лакомства или чего нибудь другаго у тѣхъ, которые его слабѣе; напротивъ оно даже съ каждымъ готово подѣлиться своимъ. Такихъ дѣтей Господь любитъ и благословляетъ, поэтому они бываютъ здоровы и веселы. Болѣзнь ниспосылается намъ въ наказаніе за невоздержность и за ослушаніе». Въ доказательство этихъ истинъ авторъ разсказываетъ такой анекдотъ, что одной маленькой дѣвочкѣ, обучавшейся въ институтѣ, маменька прислала «большой слоеный пирогъ съ

линовымъ вареньемъ» съ тѣмъ, чтобы она подѣлилась имъ съ подругами; дѣвочка же не подѣлилась, а съѣла его одна — одну половину днемъ, а другую ночью, — и передъ разсвѣтомъ «стонала и плакала невоздержная и *непослушная* (!?) дѣвочка», затѣмъ поступила въ больницу, — и чуть было не умерла. Въ другомъ анекдотѣ (стр. 62) авторъ разсказываетъ, что одинъ мальчикъ, сынъ достаточныхъ родителей, учился лѣниво, сидѣлъ въ одномъ классѣ три года, потомъ за лѣность былъ выгнанъ изъ училища. «Это такъ огорчило родителей, что они съ горя умерли (!!??)» За тѣмъ мальчикъ, привыкнувшій лѣниться въ училищѣ, остался такимъ и взрослый по той причинѣ, «что горбатаго могила исправитъ» (!?), прожилъ родительское имѣніе, ходилъ по-міру, и такъ онъ прошатался нищимъ въ страшномъ рубищѣ нѣсколько лѣтъ и наконецъ въ одно зимнее утро нашли его замерзшимъ подъ заборомъ того дома, который прежде принадлежалъ ему». И все это произошло отъ училищной лѣни!? Поистинѣ назидательно для лѣниваго мальчика и устрашительно! На стр. 55 авторъ говоритъ, что въ свободное время умное дитя играетъ, но всегда осторожно и прилично. Затѣмъ разсказываетъ анекдотъ, что Коля залѣзъ на скамью и сталъ на ней прыгать, скамья упала, Коля расшибъ себѣ до крови голову. «Хорошо еще, что этимъ отдѣлался, а могъ бы переломить себѣ руку и ногу и остаться на всю жизнь калѣкою. Могъ бы и на смерть убиться.»—Въ руководствѣ для взрослыхъ разсказывается между прочимъ такой анекдотъ, что помѣщикъ села Протопоповки, желая убѣдить крестьянъ, что коровъ его ходитъ ночью доить не вѣдьма, какъ думали крестьяне, взялъ зарядилъ крупнымъ пескомъ ружье, подкараулилъ мнимую вѣдьму и подстрѣлилъ по ногамъ. Оказалась дѣйствительно не вѣдьма, а «баба ихъ же села, Матрена, жена Степана, а кума Семена» (стр. 52). Крестьяне, конечно, въ этомъ убѣдились, но такой способъ истребленія народнаго невѣжества и суевѣрія посредствомъ подстрѣливанія, хотя бы то и крупнымъ пескомъ, очень уже назидателенъ!

Далѣе,—народъ нашъ, живя въ XIX столѣтіи, остается почти въ томъ же состояніи, въ какомъ былъ назадъ тому два вѣка, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, которыя онъ черпаетъ изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ черпалъ и прежде. Идеи современныхъ наукъ, которыя по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ своихъ началахъ необходимо должно бы было ввести въ его бытъ, напр. идеи физики, агрономіи, юриспруденціи, медицины и т. п., остаются ему чуждыми. И въ то время, когда пароходы разгуливаютъ по различнымъ морямъ и рѣкамъ Россіи, когда около десяти лѣтъ существуетъ Московская желѣзная дорога, народъ русскій во многихъ мѣстахъ до-

селѣ стоитъ еще въ томъ убѣжденіи, что пароходы и паровозы возитъ нечистая сила! Спрашивается: кто изъ ученыхъ и литераторовъ серьёзно подумалъ и позаботился о мѣрахъ, которыми можно было бы мало по малу истреблять невѣжество въ народѣ, проводить въ него полезныя свѣдѣнія, знакомить его съ результатами, добываемыми современною наукою, въ быту его приложимыми? Пишутъ обо всѣхъ и обо всемъ, — къ дѣлу же народнаго образованія совершенное и общее равнодушіе. Почему бы, напримѣръ, людямъ способнымъ не удѣлить части своего времени на изложеніе въ доступныхъ для народа формахъ, нужныхъ для него свѣдѣній изъ физики, агрономіи, медицины, юриспруденціи и т. п.? Бывшій профессоръ Казанскаго университета Мейеръ думалъ, что изданіе юридическаго *катехизиса* много оградило бы народъ отъ несправедливыхъ притязаній разныхъ чиновъ, и хотѣлъ самъ заняться этимъ дѣломъ, не почитая такого занятія унизительнымъ для своей каѳедры; его же мыслью было просить дозволенія на открытіе при университетѣ юридической *клиники* или адвокатуры, въ которой могли бы получать совѣты, а если нужно — и ходатаевъ, всѣ намѣревающіеся подавать просьбы въ административныя мѣста, всѣ начинающіе или ведущіе уже дѣла въ мѣстахъ судебныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе этой мысли было бы въ высшей степени полезно и для студентовъ, доставляя имъ подъ руководствомъ профессоровъ практику, и для просителей, которые нынѣ бѣгаютъ по губернскимъ городамъ, какъ по лѣсу, отыскивая себѣ совѣтчиковъ и ходатаевъ по дѣламъ между первыми встрѣчными—солдатами, мѣщанами, отставными канцеляристами, и писаніемъ просьбъ, а также подачею просьбъ кляузныхъ и неумѣньемъ вести дѣло, только разоряютъ себя, а часто наживаютъ себѣ и *сухую* бѣду. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобная клиника служила бы прекраснымъ средствомъ къ распространенію правильныхъ юридическихъ свѣдѣній въ народѣ. Думаю, что и вообще для проведенія въ народъ полезныхъ разнаго рода идей можно бы было, если бы усерднѣе поискать, найдти тѣ или другіе пути. Въ настоящее же время народу нашему рѣшительно не откуда черпать самыхъ необходимыхъ для него свѣдѣній; для него закрыты всѣ источники. Книги, выходящія тысячами, для него недоступны ни по изложенію своему, ни по цѣнѣ, ни даже по содержанію, какъ *«не при немъ писанныя»*. Періодическія изданія еще менѣе доступны. Остаются одни дрянныя изданія, разносимыя букинистами и ходебщиками и продаваемыя за безцѣнокъ, которыя и покупаютъ грамотные простолюдины и напаяются изъ нихъ разнаго рода грязью, способною оподлить и истребить даже и послѣдніе ростки какихъ нибудь добрыхъ началъ въ народѣ. Что же, скажутъ мнѣ, ничего не говорю я о «На-

родномъ Чтеніи»?—Но что же особеннаго можно ожидать для народнаго образованія и отъ «Народнаго Чтенія?» Извѣстно многимъ, что народныя чтенія, издававшіяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и разсылавшіяся крестьянамъ, во многихъ мѣстахъ пролежали въ архивахъ, не видавъ народа; въ другихъ мѣстахъ, быть можетъ, успѣли достигнуть архивовъ низшихъ инстанцій,—но тѣмъ дѣло и кончилось. Думаю, что такая же печальная судьба ожидаетъ и новое «Народное Чтеніе», если оно не измѣнитъ способа своего распространенія и не дастъ болѣе разнообразія своему содержанію. Дѣло въ томъ, что такія изданія, каково «Народное Чтеніе» въ настоящемъ своемъ видѣ, могутъ выходить только тогда, когда въ народѣ будетъ пробуждена уже охота и потребность чтенія, когда народъ будетъ самъ искать, чего бы почитать. А теперь надобно только пробуждать эту охоту и потребность, отыскивать читателей и завлекать ихъ къ покупкѣ изданія. Способъ распространенія изданія дѣлается по необходимости однимъ изъ главнѣйшихъ условій его успѣха. Никакъ нельзя надѣяться, чтобы крестьянинъ сталъ подписываться на изданіе и получать его черезъ почту, какъ бы оно дешево ни было; это для крестьянъ дѣло непривычное и сопряженное съ разными хлопотами и затрудненіями; тѣмъ болѣе нельзя надѣяться успѣха распространенія изданія чрезъ посредство разныхъ канцелярій и властей. Для крестьянина книга при продажѣ должна быть на лицо. Поэтому, мнѣ кажется, можно было бы ожидать гораздо болѣе успѣха, если бы «Народное Чтеніе» выходило небольшими тетрадями еженедѣльно, и именно въ суботніе дни, когда народъ освобождается отъ работы. Крестьяне, работающіе въ столицахъ, складывались бы по два, по три человѣка и болѣе и покупали бы такіе листки, прочитывая ихъ въ праздникъ, затѣмъ, отправляясь домой, уносили бы эти листки съ собой въ деревни. Такіе листки кромѣ того нашли бы много покупателей въ столицахъ, въ мастерскихъ разнаго рода, въ пивныхъ лавочкахъ, въ мелкихъ трактирахъ. Внѣ городовъ столичныхъ такіе листки могли бы распространяться на торжкахъ и ярмаркахъ—ходебщиками, въ селахъ и деревняхъ помѣщичьихъ—помѣщиками; среди другихъ крестьянъ—священниками и учителями сельскихъ школъ. Главное, должны быть выбраны такіе органы для распространенія изданія, которые передавали бы его прямо въ руки народа. Тогда, если изданіе будетъ полезно и занимательно, можно будетъ надѣяться, что народъ пріохотится къ чтенію. Но чтобы изданіе было не только полезно, но и занимательно для народа, для этого необходимо ввести въ изданіе отдѣлъ анекдотическій, и при этомъ непремѣнно политипажи, безъ которыхъ «Народное Чтеніе» въ настоящее время едва ли можетъ

имѣть успѣхъ въ народѣ. Предметы для статей серьёзныхъ должны быть также выбираемы съ большимътактомъ, по крайней мѣрѣ при первоначальномъ распространеніи изданія. Самое популярное изложеніе и всевозможныя внутреннія достоинства статьи не будутъ имѣть ровно никакого значенія, если выбранный предметъ будетъ неинтересенъ или мало интересенъ для народа. Самою же лучшею мѣркою для опредѣленія интереса каждаго предмета для народа можетъ, по моему мнѣнію, служить большая или меньшая примѣнимость его въ быту народномъ.

Календарь нашъ есть менѣе всего календарь народный. Въ немъ помѣщаются свѣдѣнія, нужныя не для народа вообще, не для большинства, ни даже наконецъ для болѣе значительнаго меньшинства въ немъ, а для людей поставленныхъ въ особенное исключительное положеніе или по мѣсту жительства, или по роду занятій, или по извѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ немъ есть свѣдѣнія, которыхъ никому ненужно знать, кромѣ живущихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, есть свѣдѣнія для занимающихся статистикой въ разныхъ ея видахъ, для путешествующихъ вообще, путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ, шоссе, для ведущихъ корреспонденцію внутреннюю и заграничную, обыкновенную и телеграфическую, для занимающихся сочиненіемъ или подачею просьбъ и т. п. Имѣй календарь въ виду не людей поставленныхъ въ особое положеніе, а весь народъ вообще, у него была бы одна цѣль, и удовлетворить этой цѣли бы легко, сообщая свѣдѣнія для всѣхъ общеинтересныя или долженствующія быть общеинтересными. Теперь же, преслѣдуя множество цѣлей, желая угодить людямъ по тому или другому отношенію *спеціальнымъ*, онъ не достигаетъ ни одной, и не можетъ достигнуть, какъ бы ни старался быть полонъ, — если бы увеличился вдвое, втрое, даже вчетверо въ своемъ объемѣ. Положимъ, я путешественникъ. Въ календарѣ есть свѣдѣніе, гдѣ взять подорожную, сколько за нее заплатить, сколько платить за лошадей по дорогѣ, какъ обходиться съ станціонными смотрителями и т. п.; но въ немъ нѣтъ свѣдѣнія, сколько верстъ отъ одной станціи до другой, сколько лошадей на каждой станціи и т. д. Слѣдовательно, если я хочу ѣхать, то, имѣя календарь, все-таки долженъ буду запастись почтовымъ дорожникомъ, и слѣдовательно календарь вполнѣ не удовлетворяетъ меня. Положимъ далѣе, что я проситель, и мнѣ пригодна статья въ календарѣ объ употребленіи гербовой бумаги. Но если я проситель такого рода, что не знаю, въ какое мѣсто на какой бумагѣ подавать прошеніе, то конечно еще болѣе не знаю того, какъ написать прошеніе. Значитъ и при календарѣ мнѣ необходимо будетъ обратиться или къ Своду Законовъ, или къ какому нибудь печатному или живому руководителю, чтобы узнать дѣло.

Слѣдовательно календарь и мнѣ не услужилъ своими свѣдѣніями. Такимъ же точно образомъ, какія бы мы въ календарѣ ни взяли другія свѣдѣнія, статистическія, почтовыя и т. п., окажется, что они по большей части *спеціалистовъ* удовлетворить не могутъ; для другихъ же они иногда вовсе ненужны. Къ чему, напримѣръ, мнѣ знать, что проѣзжающій не долженъ бить и бранить станціонныхъ смотрителей, или что въ такое-то мѣсто нужно подавать прошеніе на такой-то бумагѣ, когда я никуда не ѣзжу и никогда въ жизнь свою не подавалъ ни одного прошенія? — Да если бы пришлось и ѣхать или подавать прошеніе, то нужныя для этого свѣдѣнія, если и предположить, что я буду имѣть въ нихъ нужду, я могу пріобрѣсти безъ всякаго затрудненія на первой почтовой станціи или въ любой канцеляріи присутственныхъ мѣстъ. Не спорю, что и изъ *спеціальныхъ* свѣдѣній есть такія, которыя для справокъ могутъ пригодиться всѣмъ, напр. роспись городамъ и другимъ замѣчательнымъ мѣстамъ Россійской имперіи; другими свѣдѣніями большинству, быть можетъ, никогда не придется воспользоваться на дѣлѣ, но имѣть ихъ если не полезно, то любопытно всякому; таковы, напримѣръ, свѣдѣнія объ устройствѣ почтовыхъ сношеній съ заграничными мѣстами, объ устройствѣ городской почты въ столицахъ, объ устройствѣ телеграфовъ и т. п. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть оправдано помѣщеніе въ календарѣ и разныхъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Но при всемъ относительномъ достоинствѣ подобныхъ свѣдѣній странно же печатать ихъ въ календарѣ каждый годъ, если они остаются постоянно неизмѣнными или измѣняются очень рѣдко. Печатаемыя каждогодно и слѣдовательно каждогодно оплачиваемыя, они на большинство читателей, ими непользующихся, падаютъ въ видѣ налога довольно тяжелаго. Календарь, печатая одни и тѣже свѣдѣнія каждый годъ, имѣетъ въ виду людей богатыхъ, которые, по истеченіи года, бросаютъ календари, какъ вещь ненужную. Между тѣмъ, не только въ видахъ образованія народнаго, но даже ради собственныхъ своихъ интересовъ, календарь долженъ имѣть въ виду людей преимущественно бѣдныхъ; потому что только тогда у него будетъ много читателей, когда большинство народа будетъ видѣть въ немъ книгу для себя необходимую. Къ тому же, чтò за справедливость — не обращать вниманія на интересы большинства и угождать интересамъ лицъ, имѣющихъ особенныя нужды по своему особому положенію? — Послѣднія найдутъ средства и безъ календаря удовлетворить своимъ нуждамъ, а календарь все-таки купятъ, если онъ будетъ составленъ дѣльно, какъ книгу для дома необходимую.

Какія же, спрашивается, свѣдѣнія должны быть помѣщаемы въ календарѣ?

Свѣдѣнія, отвѣчаю я, для всѣхъ и каждаго общеинтересныя. Какія свѣдѣнія должны быть причислены къ разряду общеинтересныхъ,—это уже отчасти видно изъ указаннаго нами содержанія календарей нѣмецкихъ. Постараемся однако и мы отыскать мѣрку, которою могъ бы опредѣлиться для насъ интересъ календарныхъ свѣдѣній.

Каждый изъ насъ есть членъ государства, общества и семейства.

Каждаго, какъ члена государства, должна интересовать жизнь государства и слѣдовательно всѣ государственныя *замѣчательныя*, то есть выходящія изъ ряду обыкновенныхъ, событія, совершающіяся внутри и внѣ его, дѣятели, стоящіе во главѣ этихъ событій, дѣятели, возбудившіе и совершившіе ихъ или способствовавшіе своимъ талантомъ успѣшному продолженію и исходу ихъ на пользу и славу своего народа. Этой потребности политическихъ свѣдѣній старается отчасти удовлетворить и нашъ календарь, во-первыхъ, *ежегоднымъ обзоромъ событій* государственныхъ, совершавшихся внутри и внѣ государства въ теченіе предшествовавшаго года, что, конечно, хорошо. Нельзя не пожелать только, чтобы событія важныя, напримѣръ, война севастопольская, крестьянское дѣло, пріобрѣтеніе края амурскаго и т. п. были излагаемы и объясняемы въ особыхъ статьяхъ съ приличною обстоятельностью; во-вторыхъ *генеалогію лицъ царствующихъ домовъ*, — и это вещь также нужная для того, кто слѣдитъ за политическими событіями. Но странно видѣть, что каждогодно во всѣхъ царствующихъ иностранныхъ домахъ перечисляются всѣ дяди и тетки, племянники и племянницы и т. д. царственныхъ лицъ, — лица почти вовсе не являющіяся ни на какомъ политическомъ поприщѣ. Довольно, если полную генеалогію иностранныхъ царственныхъ домовъ возобновлять черезъ десять или болѣе лѣтъ, смотря по надобности, а въ промежуткахъ помѣщать только лицъ царствующихъ и ихъ наслѣдниковъ, съ упоминаніемъ и тѣхъ перемѣнъ, которыя произойдутъ въ составѣ извѣстнаго царственнаго дома со времени напечатанія полной генеалогіи. Этимъ календарь каждогодно сберегалъ бы около двухъ листовъ бумаги, если не болѣе, для напечатанія статей дѣйствительно нужныхъ. Въ календарѣ на 1859 годъ, кромѣ генеалогіи царствующихъ иностранныхъ домовъ, каждогодно помѣщаемой, къ генеалогіи приложены еще два списка царствующихъ нынѣ государей — одинъ по старшинству ихъ лѣтъ, другой — по старшинству вступленія на престолъ, — это уже слишкомъ подробно. Въ третьихъ, въ календарѣ помѣщаются *некрологи* примѣчательныхъ лицъ, среди которыхъ помѣщаются и дѣятели политическіе. Чтобы о некрологахъ не повторять еще разъ, когда рѣчь коснется ихъ ниже, я скажу,

что некрологи какъ о политическихъ дѣятеляхъ, такъ и вообще, составляются весьма неудовлетворительно. Весь некрологъ иногда состоитъ въ одномъ извѣщеніи, что такой-то умеръ тогда-то. Главный же ихъ недостатокъ тотъ, что нѣтъ мѣрки, по которой извѣстныя личности вносятся въ некрологъ. Некрологъ дѣлается похожъ на кладбище, на которомъ родственная любовь воздвигаетъ памятники покойникамъ, водясь единственно своимъ влеченіемъ къ нимъ и не обращая вниманія на достоинства почившихъ. Читаемъ, напримѣръ, что такой-то, такого-то ранга, умеръ тогда-то, такая-то дѣвица умерла тогда-то. Зачѣмъ, думаешь, всѣ эти лица, рѣшительно никакими особенными заслугами себя не ознаменовавшія и заслугъ которыхъ не значится въ самыхъ некрологахъ ихъ, попали въ некрологъ? У другихъ, помѣщенныхъ въ некрологѣ, означены и заслуги.... но какія заслуги? — Написалъ статью въ такой-то журналъ или издалъ такую-то книгу. Послѣ этого есть надежда, что и я попаду въ некрологъ за то, что написалъ статью и календарикъ, и землякъ мой Колмогоровъ попадетъ въ некрологъ за статьи о Сибири, и всѣ издатели журналовъ и журнальцевъ и ихъ сотрудники, — всѣ попадутъ въ некрологъ!... Помилуй Богъ! какое нашествіе замѣчательныхъ людей угрожаетъ Россіи! Но какая же, спрашивается, польза прославлять личности, ничѣмъ себя неознаменовавшія, на ряду съ личностями, дѣйствительно замѣчательными? — Всякое возвышеніе личности, не оказавшей никакихъ особенныхъ заслугъ и подвиговъ, происходитъ во вредъ личностямъ, заслужившимъ дѣйствительно право на память и уваженіе народное, и препятствуетъ развитію въ народѣ разумнаго взгляда на достоинство людей. Мы должны благодарить Бога, что въ настоящее время многое измѣнилось изъ прежняго, что, напримѣръ, уличные мальчишки не бѣгаютъ даже за записными писателями, не только за людьми, написавшими въ жизнь свою: Взглядъ и Нѣчто. Къ чему же поддерживать идололатрію младенчествующихъ народовъ въ некрологахъ? — Мы увѣрены, что если бы постановить какой нибудь опредѣленный масштабъ для личностей, вносимыхъ въ некрологъ, то этимъ можно бы было сберечь въ календарѣ не мало мѣста и бумаги. Но некрологъ есть списокъ всѣхъ вообще замѣчательныхъ людей. Личности, выходящія изъ ряда замѣчательныхъ, получившія тѣми или другими своими подвигами право на вѣчную любовь и память народа, заслуживали бы біографическихъ очерковъ съ приложеніемъ ихъ портретовъ. А сколько у насъ со временъ Петра до нашего времени было такихъ личностей и на гражданскомъ, на военномъ поприщѣ, и притомъ личностей характеристическихъ!

II. Далѣе, всякаго, какъ члена общества, не могутъ не интересовать успѣхи общества въ наукахъ, искусствахъ, промышленности. Всѣ замѣчательныя явленія въ этомъ родѣ встрѣчаются общимъ сочувствіемъ. Календарь оказалъ бы неоцѣненную услугу, если бы сталъ: 1) вести лѣтопись всѣхъ замѣчательныхъ произведеній въ наукѣ и литературѣ, явившихся въ продолженіе года; у насъ это болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо. Отъ журналовъ нельзя требовать, чтобы они имѣли сотрудниковъ по всѣмъ наукамъ. Поэтому иногда приходится благодарить и тѣхъ редакторовъ, которые стараясь вести свое дѣло добросовѣстно, ничего не говорятъ о спеціальныхъ замѣчательныхъ книгахъ; а то бываетъ такъ, что нѣкоторые расхваливаютъ книги, ничего не стоящія, вводя въ явный обманъ публику. Для Академіи отличать произведенія дѣльныя ничего не стоитъ. У ней есть спеціалисты во всѣхъ родахъ знаній. Къ тому же дѣло это и не потребуетъ особыхъ трудовъ. Не нужно писать даже краткихъ отзывовъ обо всѣхъ книгахъ. Довольно, если будетъ помѣщенъ ихъ перечень съ именемъ читавшаго. Это имя и помѣщеніе книги въ академическій перечень будетъ служить для всякаго достаточнымъ ручательствомъ, что книга замѣчательна по какимъ либо отношеніямъ; 2) знакомить съ современными науками, краткими статьями изъ нихъ, особенно удобоприложимыми къ быту, въ родѣ статей, помѣщаемыхъ въ нѣмецкихъ календаряхъ, также съ сочиненьями и жизнью нашихъ писателей, сдѣлавшихся народными, съ приложеніемъ ихъ портретовъ, факсимиле, рисунковъ съ памятниковъ, имъ воздвигнутыхъ; и наконецъ съ замѣчательными промышленными предпріятіями; 3) сообщать въ описаніяхъ и рисункахъ рѣдкости наукъ и искусствъ, хранящіяся въ многоразличныхъ нашихъ библіотекахъ, музеумахъ, ризницахъ, церквахъ, также снимки съ знаменитыхъ картинъ нашихъ первоклассныхъ художниковъ. Все это сближало бы нашъ народъ съ наукою и искусствомъ, очищало и развивало бы его понятія и вкусъ.

III. Наконецъ каждый есть членъ семейства. Все, что можетъ развивать семейства въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніи, все, что будетъ указывать средства къ увеличенію съ меньшими издержками удобствъ въ ихъ внѣшней обстановкѣ, по всей справедливости можетъ и должно имѣть мѣсто въ календарѣ. Беллетристическіе разсказы изъ отечественной исторіи и жизни знаменитыхъ отечественныхъ людей, въ родѣ разсказовъ Макса Ринга и Ниритца, разсказы, осмѣивающіе и разоблачающіе предразсудки, суевѣріе, невѣжество, также изображающіе достоинство и разумность жизни трудолюбивой и честной, хотя бы то и бѣдной, очерки

народнаго быта и т. п.,—все это было бы въ высшей степени полезно въ дѣлѣ народнаго образованія. Не менѣе того было бы полезно для постепеннаго улучшенія хозяйственнаго быта въ народѣ—сообщеніе открытій въ наукѣ, приложимыхъ въ хозяйствѣ. Статьи въ родѣ тѣхъ, какія помѣщаются каждогодно по этому отдѣлу въ календарѣ Травендта, были бы кладомъ для всѣхъ русскихъ.

Составленный такимъ образомъ календарь черезъ четыре—пять лѣтъ своего перерожденія считалъ бы своихъ покупателей десятками тысячъ и игралъ бы самую важную роль въ дѣлѣ народнаго образованія.

Обращаюсь къ статьямъ, помѣщеннымъ въ приложеніяхъ къ нашему календарю на 1859 годъ. Статья г. Купфера «*О русскихъ мѣрахъ и вѣсахъ*»—дѣльная и полезная и писана такъ, что ее можетъ прочесть всякій безъ особенныхъ затрудненій. Статья г. Савича «*О погодѣ и ея примѣтахъ*» имѣетъ также свои несомнѣнныя достоинства, хотя нельзя не сказать, что для ученыхъ она очень легка, а для неученыхъ очень учена или лучше сказать сжата. Многіе пожалѣютъ быть можетъ и о томъ, что авторъ въ статьѣ своей не нашелъ нужнымъ говорить о безчисленныхъ примѣтахъ, по которымъ предузнаетъ перемѣну погоды народъ, и иногда довольно вѣрно.

Что касается до статьи почтеннаго академика Устрялова, то при всемъ нашемъ уваженіи къ таланту и трудамъ этого достойнаго ученаго, мы не знаемъ, что и сказать о ней. Статья эта могла бы имѣть, по нашему мнѣнію, приличное себѣ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ какому нибудь ученому сочиненію о Петрѣ, въ бюллетеняхъ Академіи, въ ученомъ историческомъ сборникѣ, пожалуй, въ журналѣ, однимъ словомъ, гдѣ угодно, только никакъ ужь не въ календарѣ, если будемъ смотрѣть на календарь, какъ на книгу, которая назначается рѣшительно для всѣхъ — для ученыхъ и неученыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, для возрастовъ старыхъ и юныхъ и т. д. Во 1-хъ, что такое содержится въ статьѣ, что знать было бы нужно именно всѣмъ или даже многимъ? — Если бы авторъ подорвалъ такое звено или такой фактъ въ русской исторіи, отъ отсутствія которыхъ долженъ бы былъ измѣниться взглядъ на всю исторію или на цѣлый отдѣлъ историческихъ событій, такое открытіе историческое, не смотря на свою спеціальность, могло бы быть допущено, пожалуй, и въ календарѣ Но обстоятельство, переданное Штелинымъ, совершенно не имѣетъ подобнаго значенія. Оно ничего не прибавляетъ къ историческимъ событіямъ временъ Петра, ни даже къ его личной характеристикѣ. Это былъ маленькій, конечно хорошенькій, камушекъ въ блестящей коронѣ великаго царя, но собой онъ не придавалъ ей никакой цѣнности. Корона эта сдѣлана изъ такого дорога-

го матеріала, такъ вѣска и цѣнна сама по себѣ, что подобныя камушки могутъ отваливаться отъ нея десятками, не умаляя ей вѣса и цѣны. Можетъ быть, это сдѣлаетъ ее даже красивѣе, уничтоживъ излишнюю пестроту и яркость. Если авторъ хотѣлъ своимъ опроверженіемъ разсказа писемъ Петра Великаго показать намѣренную недостовѣрность сказаній Штелина вообще, то эта цѣль едва ли была бы достигнута даже тогда, когда разсказъ Штелина о письмѣ Петра былъ бы дѣйствительно опровергнутъ. Штелинъ былъ иностранецъ, сначала плохо понималъ порусски, собиралъ разсказы о Петрѣ, отъ кого только имѣлъ возможность, и, быть можетъ, какъ доказываетъ г. Устряловъ, дѣйствительно не различалъ былей отъ небылицъ,—что удивительнаго, если у него встрѣтится одинъ, два, три, десять, даже двадцать разсказовъ недостовѣрныхъ? Но какое мы имѣемъ право предполагать, что онъ самъ не былъ обманутъ другими, а хотѣлъ обманывать намѣренно, *выдумывалъ* отъ себя эти разсказы?

Быть можетъ, разсказъ о письмѣ Петра сенату съ береговъ Прута кѣмъ нибудь и выдуманъ.... Впрочемъ и это предположеніе требуетъ еще доказательствъ. Разсказъ, о которомъ идетъ рѣчь, если онъ и дѣйствительно придуманъ кѣмъ нибудь, придуманъ такъ хорошо, такъ идетъ къ личности Петра, что исторической критикѣ надобно облечься рѣшительно во всеоружіе, чтобы уронить его. Не въ обиду почтенному академику мы должны сказать здѣсь, что онъ нимало не подорвалъ разсказа Штелина. На чемъ г. Устряловъ основалъ свое опроверженіе? — Онъ говоритъ, что 1) посланный съ письмомъ Петра не могъ пріѣхать съ береговъ Прута въ Санктпетербургъ въ 9 дней, какъ разсказываетъ Штелинъ, потому что секретарь Василій Степановъ указъ Петра отъ 15-го іюля 1711 года съ береговъ рѣчки Жижи подалъ сенату 29-го іюля, слѣдовательно черезъ 14 дней. На это можно сказать, что намъ неизвѣстно, какъ ѣхали, въ какую погоду ѣхали, какими дорогами, на какихъ экипажахъ ѣхали тотъ и другой. Быть можетъ, секретарь Василій Степановъ имѣлъ привычку ночами вовсе не ѣхать, быть можетъ, онъ ѣхалъ въ дурную погоду, или выбиралъ для покойной ѣзды дороги получше, хотя немножко и окольныя, а офицеръ скакалъ, *сломя голову*, день и ночь, въ хорошую погоду, да и ѣхалъ не въ экипажѣ. Что удивительнаго, если онъ пріѣхалъ въ Петербургъ пятью днями ранѣе? — Къ тому же и спѣшить ему было нужнѣе, чѣмъ секретарю Василью Степанову. Послѣдній везъ вѣсть конечно не очень радостную о заключеніи невыгоднаго мира, но опасность такъ или иначе все однако миновалась уже: Петръ съ своимъ войскомъ былъ на свободѣ и далеко отъ непріятеля. А онъ-

царь, посланный съ письмомъ съ береговъ Прута, ѣхалъ съ вѣстію отчаянною, выѣхалъ отъ царя въ минуты самыя критическія для него и для всего русскаго войска; онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ дорожить каждой минутой во время своего пути. Далѣе говоритъ авторъ: письмо не могло быть адресовано «правительствующему сенату въ С. Петербургѣ», какъ утверждаетъ Штелинъ, и въ доказательство приводитъ слова изъ журнала Петра Великаго, въ которыхъ говорится, что только съ 1712 года «сенаторы жить и сенаторское правительство началось быть въ С. Петербургѣ». Но здѣсь очевидно идетъ рѣчь о времени, съ котораго началось постоянное пребываніе сенаторовъ и сената въ Петербургѣ. Чѣмъ же доказать, что и прежде, временно, при бытности здѣсь сенаторовъ, сенатъ не имѣлъ своихъ занятій, особенно въ отсутствіи царя, по его приказанію? — Но допуская хотя и съ трудомъ, что Штелинъ могъ по ошибкѣ написать: правительствующему сенату въ С. Петербургѣ, г. Устряловъ говоритъ, что Петръ не могъ писать вовсе письма такого содержанія, въ какомъ написано письмо передаваемое Штелинымъ. «Еще за три мѣсяца, говоритъ онъ, до Прутскаго дѣла въ польскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ заключенъ Петромъ трактатъ съ Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскимъ домомъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ Шарлоттою-Христиною-Софіею, принцессою Брауншвенгъ-Люнебургскою. Тамъ сказано, что супружественный трактатъ постановленъ особливо къ пользѣ, утвержденію и наслѣдству Россійской монархіи. Слѣдовательно, говоритъ авторъ, Петръ признавалъ своимъ наслѣдникомъ сына».... Но мы не видимъ такого слѣдствія, а напротивъ можемъ думать, что Петръ, не видя достойнаго преемника себѣ въ сынѣ, скорѣе хотѣлъ женить его, чтобы имѣть наслѣдника отъ него, а не въ немъ, потому въ трактакѣ слова о наслѣдствѣ могутъ быть относимы не лично къ Алексѣю Петровичу, а къ его потомству. Есть и еще предположеніе, которое читали мы въ одной исторіи, что Петръ, недовольный именно поведеніемъ сына, хотѣлъ скорѣе женить его и самъ отыскивалъ достойную ему невѣсту, въ надеждѣ, что подъ вліяніемъ умной жены царевичъ исправится и сдѣлается достойнымъ престола. Въ этой надеждѣ, подъ условіемъ т. е. исправленія, Петръ слова трактата о наслѣдствѣ могъ относить и лично къ царевичу. Но какъ условіе это въ исполненіе не пришло, самый бракъ съ Шарлоттою былъ возможенъ только при жизни и непосредственномъ участіи самого Петра, то Петръ, предпочитавшій всему благо Россіи и хорошо знавшій, что со вступленіемъ царевича на престолъ дѣло реформы непремѣнно уничтожится, съ такою же легкостію могъ отказать ему отъ наслѣдства престола. «И какимъ образомъ,

продолжаетъ г. Устряловъ, Петръ могъ писать сенату: изберите между собою достойнѣйшаго мнѣ наслѣдника, когда первые вельможи того времени князь Меньшиковъ, графъ Головкинъ, графъ Апраксинъ не были сенаторами?» Намъ кажется, что слова: *между собою* должны быть относимы не къ сенаторамъ только, а ко всему тому сословію, къ которому принадлежали сенаторы. Потому нимало устраняются отъ наслѣдства ни Головкинъ, ни Меньшиковъ, ни другіе, и не бывшіе сенаторами.

Какъ «на рѣшительныя доказательства» подложности разсказа Штелина, авторъ смотритъ на слѣдующія обстоятельства: что а) въ отвѣтныхъ донесеніяхъ сената государю на всѣ указы, посланные Петромъ во время прутскаго похода, не говорится ни слова «о знаменитомъ письмѣ Штелина»; что б) рескриптъ Петра сенату изъ лагеря съ береговъ рѣки Жижи отъ 15-го іюля 1711 года о сраженіи русскихъ войскъ съ турками надъ Прутомъ, о заключеніи съ ними мира и проч., начинающійся прямо словами: «хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи», «свидѣтельствуетъ несомнительно, что прежде Петръ не увѣдомлялъ сенатъ о встрѣчѣ съ турками»; что наконецъ «въ выпискѣ указамъ, каковы посланы въ прошломъ 1711 году изъ походу къ господамъ высшимъ сенаторамъ» не упоминается о письмѣ, передаваемомъ Штелинымъ.

Но а) сенаторы писали отвѣтныя донесенія только собственно на указы, которыми обыкновенно возлагались на нихъ какія либо порученія, какъ-то говорятъ они сами въ своемъ донесеніи царю отъ 7-го іюля: «отъ вашего царскаго величества получили мы указы... о исправленіи дѣлъ милостиво къ намъ писанные, на которые доносимъ» и проч. Письмо Штелина вовсе не относилось къ такого рода указамъ. Это было скорѣе духовное завѣщаніе Петра, которое до времени сенаторы должны были хранить въ величайшей тайнѣ, а по счастливомъ окончаніи дѣла, само собою разумѣется, должны были не упоминать о немъ. Да и желательно бы знать, что могли они отвѣчать на него царю?—б) Рескриптъ Петра сенату изъ подъ Жижи отъ 15-го іюля нисколько не исключаетъ собою письмо Штелина. Въ рескриптѣ идетъ рѣчь не о встрѣчѣ съ турками, а о самомъ сраженіи и о послѣдствіяхъ сраженія. Впрочемъ, если бы мы даже согласились съ тѣмъ толкованіемъ, которое авторъ даетъ словамъ рескрипта: «хотя я николибъ» и проч., то и тогда бы возможность штелинскаго письма все-таки не отвергалась бы. Письмо было документъ не оффиціальный, секретный, оно и писано было не въ канцеляріи, а *собственноручно*, съ распоряженіями на случай чрезвычайныхъ обстоятельствъ; слѣдовательно когда обстоятельствъ этихъ не случилось, оно и должно было для обыкновеннаго, канцелярскаго

теченія дѣлъ считаться несуществующимъ, — и Петръ даже въ смыслѣ автора могъ начинать свой рескриптъ отъ 15-го іюля словами «хотя я николибъ» и проч. По этой же самой причинѣ в) страннѣе было бы видѣть Штелинское письмо записаннымъ въ приведенной г. Устряловымъ выпискѣ указамъ, посланнымъ сенаторамъ изъ похода 1711 года, нежели *не* записаннымъ. Въ первомъ случаѣ гораздо легче было бы доказать его подложность, нежели въ послѣднемъ.

Наконецъ я не могу умолчать, что, основываясь даже на самыхъ актахъ, которые приведены г. Устряловымъ въ его «опровержeніи» разсказа Штелина, можно придти къ мысли, что Штелинское письмо съ береговъ Прута дѣйствительно было писано. Петръ въ рескриптѣ сенату отъ 15-го іюля, описывая Прутское дѣло, не говоритъ, что русскія войска претерпѣли пораженіе, напротивъ пишетъ, что они бились такъ храбро, что хотя у непріятеля вчетверо войска было болѣе, однакожъ нападенія его были постоянно отбиваемы, такъ что онъ нашелся вынужденнымъ сначала окопаться, а потомъ когда ему «зѣло надокучилъ трактаментъ русскихъ войскъ, то заключенъ былъ сначала «штильштантъ», а потомъ и миръ.» Итакъ Петръ не только не приписываетъ непріятелю побѣды, но и поверхность надъ нимъ приписываетъ своимъ войскамъ (хотя и не скрываетъ, что по недостатку конницы и провіанта онъ не былъ спокоенъ во время боя), и самое перемиріе и миръ представляетъ скорѣе желаніемъ со стороны непріятеля, чѣмъ своимъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ при всей стойкости нашихъ войскъ могъ быть заключенъ миръ съ отдачею туркамъ завоеванныхъ городовъ и съ уничтоженіемъ вновь построенныхъ, Петръ въ P. S. къ своему рескрипту этотъ невыгодный миръ представляетъ съ своей стороны какъ бы желаннымъ и выгоднымъ: Нельзя, говоритъ онъ, конечно не пожалѣть о мѣстахъ, гдѣ положили столько трудовъ и убытковъ; «однакожь чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительно прибылью намъ есть.» Во всемъ рескриптѣ нѣтъ ни слова ни объ опасности, которой подвергались войска, ни тѣмъ болѣе объ опасности царя собственной. Что жь отвѣчаетъ ему на это сенатъ въ своемъ отвѣтномъ донесеніи отъ 20-го августа? — Сенатъ отвѣчаетъ, что едва освѣдомился онъ, что царь вышелъ здоровымъ изъ сраженія и что войска возвратились, то душевно тому обрадовался. Спрашивается: могъ ли бы такъ отвѣчать сенатъ, основываясь единственно на офиціальномъ рескриптѣ Петра, скорѣе гласящемъ о торжествѣ войска, чѣмъ о его пораженіи, и неудачу или лучше сказать неполученіе желанной вполнѣ удачи приписывающемъ непредусмотрительности своей собственной и численности не-

пріятеля, если бы не имѣлъ подъ рукою другаго источника, изъ котораго зналъ, что и самъ Петръ и войска его находились въ гораздо опаснѣйшемъ положеніи, чѣмъ какъ описывалось это въ рескриптѣ.

Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ, занявшись разсмотрѣніемъ внутренней достовѣрности разсказа Штелина не обратилъ вниманія на внѣшнюю исторію разсказа. Штелинъ издалъ свои анекдоты о Петрѣ Великомъ въ 1785 году въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ и посвятилъ ихъ императрицѣ Екатеринѣ. Чрезъ три года въ 1788 году переводъ ихъ явился на русскомъ языкѣ, и затѣмъ переводы ихъ издавались много разъ. Въ заключеніе своего разсказа о письмѣ Петра съ береговъ Прута Штелинъ говоритъ, что подлинникъ письма «находится въ кабинетѣ Петра Великаго при императорскомъ дворѣ въ С. Петербургѣ, между многими другими собственноручными его письмами, и начальникомъ кабинета княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ Щербатовымъ показыванъ былъ многимъ особамъ.» При изданіи полнаго Собранія Законовъ подлинника въ рукописяхъ Петра Великаго не отыскали, — потому письмо, приводимое Штелинымъ, и не вошло въ Собраніе Законовъ въ текстъ, а напечатано въ примѣчаніи, но съ варіантами противу помѣщеннаго у Штелина. Именно въ Собраніи Законовъ въ началѣ письма слова: *господа Сенатъ*, чего у Штелина нѣтъ, въ самомъ письмѣ сказано, что русскіе окружены всемеро сильнѣйшимъ войскомъ, а не четверо, какъ у Штелина. Всѣ эти факты упоминаются въ «опроверженіи» г. Устрялова и, по нашему мнѣнію, заслуживали бы тщательнаго разсмотрѣнія. 1) Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ умеръ 12 декабря 1790 года. Вѣроятно ли, чтобы Штелинъ, хотя онъ и профессоръ аллегоріи, издавая книгу свою при жизни князя Щербатова и посвящая ее императрицѣ, въ доказательство истинности выдуманнаго имъ разсказа сталъ ссылаться на близкаго къ императрицѣ человѣка? Не удобнѣе ли ему было совершенно умолчать объ источникѣ, изъ котораго онъ почерпнулъ разсказъ и сообщаемый имъ документъ, или сослаться на лицо, которое не могло бы обличить его, всего лучше умершее, если бы разсказъ и документъ были дѣйствительно имъ выдуманы? 2) Переводъ анекдотовъ Штелина въ первый разъ явился въ 1788 году при жизни князя Щербатова. Затѣмъ впослѣдствіи переводы этихъ анекдотовъ издавались много разъ, какъ замѣчено у Сопикова. Ясно, что книга интересовала русскую публику и читалась многими. Письмо Петра съ береговъ Прута, сообщаемое Штелинымъ, — документъ такого рода, который выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Надобно думать, что при появленіи и перваго перевода анекдотовъ было не мало людей, изъ лично знакомыхъ съ княземъ Щербатовымъ, которые интересова-

лись видѣть документъ, о которомъ сообщалъ свѣдѣніе Штелинъ или по крайней мѣрѣ знать, правду ли пишетъ Штелинъ? Если бы князь Щербатовъ далъ такой отзывъ, что подобнаго документа никогда не существовало, что весь разсказъ объ этомъ—чистая выдумка Штелина, ужели объ этомъ не сдѣлано бы было никакой замѣтки въ издававшихся тогда журналахъ или по крайней мѣрѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ переводовъ штелинскихъ анекдотовъ? — 3) Изъ варіантовъ письма Петра, напечатаннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ, съ письмомъ штелинскимъ, видно, что въ рукахъ издателей П. Собр. Законовъ была другая редакція письма, не Штелинская. Спрашивается: откуда взялась эта другая редакція, если письмо выдумалъ Штелинъ? — Это было бы любопытно разслѣдовать.

Всякій согласится, что, принявъ во вниманіе указанныя нами обстоятельства, трудно считать разсказъ Штелина выдуманнымъ, по крайней мѣрѣ, самимъ Штелинымъ. Впрочемъ, если бы г. Устрялову удалось совершенно очевидно опровергнуть анекдотъ Штелина, то мѣсто статьѣ его,—мы опять повторимъ это,—было бы все-таки не въ календарѣ, а въ какомъ нибудь ученомъ изданіи. Для календаря нѣмецъ-издатель изъ анекдота Штелина скорѣе сдѣлалъ бы какой нибудь беллетристическій разсказъ въ родѣ разсказовъ Макса-Ринга или Ниритца, — и это было бы безъ сомнѣнія несравненно полезнѣе *для* народа. Такіе вымыслы, какъ анекдотъ Штелина, если только онъ вымышленъ, — нельзя считать ложью. Это скорѣе удачно созданные народною фантазіею поэтическіе образы, которые характеризуютъ иногда историческую личность мѣтче и нагляднѣе для всѣхъ, чѣмъ многіе томы ученыхъ сочиненій.

ГРЫЦЬКО.

Г. ЧИЧЕРИНЪ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ.

(**Очерки Англіи и Франціи**. *Б. Чичерина*. Москва. 1859).

Недавно какъ-то мы отважились изложить мысль необычайно новую и странную: если человѣкъ, до пятидесяти лѣтъ бывшій низкимъ обманщикомъ и злодѣемъ, попавшись въ неожиданную бѣду, призываетъ къ себѣ честныхъ людей и говоритъ: «спасите меня, я буду вашимъ вѣрнымъ другомъ», и если честные люди повѣрятъ ему, а потомъ, вывернувшись изъ бѣды при ихъ помощи, онъ начнетъ куролѣсить хуже прежняго, при чемъ дастъ на орѣхи и своимъ избавителямъ, то они сами виноваты въ томъ, что потерпятъ отъ него,—зачѣмъ было имъ вѣрить обѣщанію низкаго обманщика? Проницательные люди немедленно сообразили, что мы возстаемъ противъ честности и защищаемъ обманщиковъ; сообразивъ это, проницательные люди всѣ поголовно вознегодовали на нашу безнравственность, низость и обскурантизмъ; проникшись негодованіемъ, они стали выражать его самымъ благороднымъ и энергическимъ образомъ, и словесно, и въ письмахъ, адресованныхъ на наше имя. Мы увидѣли необходимость принести публичное раскаяніе въ нашемъ преступленіи, и въ слѣдующей книжкѣ журнала написали: мы совершенно заблуждались, говоря, что словамъ обманщиковъ не слѣдуетъ вѣрить; мы должны были только сказать, что злодѣи должны подвергаться уголовнымъ наказаніямъ, и тотъ, кто по своему излишнему довѣрію къ ихъ словамъ остановитъ совершеніе правосудія надъ такими людьми, вредитъ самъ себѣ и цѣлому обществу. Изъ этихъ словъ проницательные люди немедленно убѣдились, что мы

дѣйствительно раскаяваемся въ своей прошлой ошибкѣ и смиряемся передъ ихъ удивительною проницательностью. Тогда они съ удовольствіемъ стали потирать себѣ руки, говоря: «ну вотъ, мы вывели васъ опять на прямую дорогу, съ которой вы было сбились».—Правда, точно такъ, отвѣчали мы. Проницательные люди смягчились и даже простили намъ прежнюю нашу ошибку за чистосердечное наше раскаяніе.

Но, увы! мудрѣйшій изъ мудрыхъ погрѣшаетъ семь разъ въ день; какъ же намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, было спастись отъ новаго паденія? Въ то самое время, какъ мы искреннимъ покаяніемъ искупали одинъ проступокъ, мы совершали другой, не менѣе тяжкій: по неразумному легкомыслію, мы проговорились о тѣхъ чувствахъ, какія внушаетъ намъ восхитительное зрѣлище подвиговъ нашей литературы за прошлый годъ. Проницательные люди опять таки не замедлили понять истинный смыслъ нашего грустнаго сарказма. Мы говорили, что литература едва-едва, да и то спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась вслѣдъ за людьми, не видящими, куда они идутъ, но желающими по возможности идти назадъ, и въ этомъ шествіи получила нѣсколько изрядныхъ пинковъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не желаемъ добра литературѣ. Мы говорили, что обсужденіе важныхъ вопросовъ, умалчивающее о существенной сторонѣ ихъ, касающееся только мелочей, да и то съ какою-то вялою слабостью, никакъ не можетъ назваться удовлетворительнымъ обсужденіемъ, ничего не разъясняетъ, ни къ чему, кромѣ пошлостей и нелѣпостей, не приводитъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не сочувствуемъ свободѣ печатнаго слова (терминъ «гласность» мы не рѣшаемся употреблять,—до того онъ опошлился). Былъ въ нашихъ словахъ и тотъ смыслъ, что каково бы наконецъ ни было безотносительное достоинство совѣтовъ и объясненій, нечего ожидать отъ нихъ никакой пользы дѣлу, когда совѣтниковъ и объяснителей просто считаютъ злонамѣренными, презираютъ ихъ, гнушаются ими; проницательные люди тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сильно обидѣлись: они сообразили, что мы уважаемъ ихъ менѣе, нежели людей, чувства которыхъ изобличали передъ ними; они сообразили также, что мы хвалимъ обскурантовъ и глупцовъ, и вознегодовали на насъ.

Какъ вы полагали, читатель: можно ли было ожидать, чтобы люди умные, ученые и отчасти знаменитые, оказались одаренными такою проницательностью?

Но къ чему это предисловіе?. А хотя бы, на первый разъ, къ тому, чтобы доказать необходимость еще другаго предисловія.

Мы хотимъ быть строгими къ г. Чичерину. Для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ обыкновенный, не одаренный изумительною проницательностью, причины строгости ясны сами по себѣ, безъ всякихъ объясненій. Г. Чичеринъ пользуется громкою извѣстностью, а люди, пользующіеся извѣстностью, должны быть разбираемы строго; когда рѣчь идетъ о нихъ, общественная польза требуетъ не комплиментовъ, а серьёзной критики. Г. Чичеринъ человѣкъ умный и ученый. Отъ умнаго и ученаго человѣка надобно требовать многаго; если онъ говоритъ пустяки, его можно по всей справедливости упрекать за это, — снисходительность, на которую имѣютъ право простяки, была бы относительно его неумѣстна. Это все ясно для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Вы сами догадались бы, что мы строги къ г. Чичерину потому, что онъ знаменитость, и успокоились бы на этомъ, и не осудили бы насъ за строгость порицанія, если бы оказалось, что порицаніе основательно.

Но люди проницательные тотчасъ сообразятъ, что этими простыми причинами не слѣдуетъ ограничиваться ихъ догадливости. Г. Чичеринъ знаменитость, стало быть, если его порицаютъ, то порицаютъ по какимъ нибудь личнымъ разсчетамъ; вѣдь безъ особыхъ личныхъ побужденій нельзя порицать знаменитостей, по мнѣнію проницательныхъ людей. И они нападутъ на насъ за г. Чичерина съ такимъ же восхитительнымъ негодованіемъ, какъ за Поэріо и за статью о прошлогодней литературѣ.

Нечего дѣлать, надобно покаяться передъ проницательными людьми, отъ догадливости которыхъ никогда не утаишь самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей. Да, наша строгость къ г. Чичерину происходитъ изъ личныхъ побужденій. Каковы эти побужденія, мы должны объяснить, — не ради васъ, читатель, человѣкъ обыкновенный, а ради людей проницательныхъ.

Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: «Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человѣка между вами».

Изъ этого факта родилась наша статья. Безъ этого факта, не только быть строгими къ г. Чичерину, но и говорить о немъ мы не захотѣли бы, потому что не стоило бы труда разбирать его книгу. Положимъ, что она наполнена странными понятіями, но мало ли у насъ книгъ, наполненныхъ странными понятіями? Почему же именно ему мы стали бы вмѣнять въ упрекъ то, въ чемъ столько же виноваты десятки другихъ писателей, также пользующихся извѣстностью умныхъ и ученыхъ людей? Его книга не хуже многихъ другихъ, такъ пусть бы оставался онъ съ своимъ авторитетомъ, довольно безвреднымъ по ограниченности круга людей, имѣющихъ охоту соглашаться съ нимъ.

Но онъ взялъ на себя высокомѣріе приказывать и наказывать, онъ взялъ на себя высокомѣріе объявлять вредными людьми или глупцами тѣхъ, кто не покоряется ему,—а, это уже другое дѣло. Надобно посмотрѣть, что это такой за мудрецъ и владыка появился между нами. Онъ предписываетъ намъ, какія понятія должны мы имѣть. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ самъ понятіе о томъ, чему учить взялся насъ.

Во-первыхъ, онъ учитъ, каковъ долженъ быть публицистъ. Это любопытно. Кстати же, онъ и самъ публицистъ. Посмотримъ, какъ понимаетъ онъ дѣло, за которое взялся.

«Когда вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Болѣзненный опытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о темныхъ сторонахъ извѣстнаго порядка и составляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготѣющаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество воздвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ самыхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и наоборотъ, когда рука сдерживающей власти чувствуется слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себѣ спасеніе только въ возможно большемъ ограниченіи вѣдомства правительственныхъ органовъ.

«Публицистъ, который не старается льстить современному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не успѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія, не долженъ подчиняться подобнымъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе. И взглядъ свой, добытый внимательнымъ изу-

ченіемъ исторіи современной жизни, онъ обязанъ высказать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мнѣнію орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодныя его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отрицаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. Вмѣсто правильнаго развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣзненнѣе столкновенія, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженныя силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошедшее, жалѣя о неудавшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ». (Предисловіе, стр. IX и X).

Все это будетъ совершенно вѣрно, если вмѣсто слова публицистъ поставимъ слово ученый: мы часто слыхивали, что главнымъ достоинствомъ ученаго должно быть служеніе наукѣ, неподдающейся минутнымъ увлеченіямъ общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ ли должно состоять главное качество публициста? на его ли спеціальной обязанности лежитъ изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія? Нѣтъ, онъ выражаетъ и поясняетъ тѣ потребности, которыми занято общество въ данную минуту. Служеніе отвлеченной наукѣ не его дѣло; онъ не профессоръ, а трибунъ или адвокатъ. Г. Чичеринъ не имѣетъ понятія о качествахъ той роли, какую беретъ на себя. Онъ не замѣчаетъ, что публицистъ, воображающій себя профессоромъ, также страненъ, какъ профессоръ, воображающій себя фельетонистомъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, для котораго главное дѣло живые люди, а не отвлеченная наука, главнымъ качествомъ должна быть способность понимать, въ какомъ положеніи находится его публика, его слушатели или читатели. Если онъ начнетъ проповѣдывать истины, которыя вовсе не относятся къ его слушателямъ, онъ будетъ смѣшонъ. Лѣность — дурной порокъ; но предположимъ, что въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ является господинъ, начинающій оратор-

ствовать противъ лѣности: онъ будетъ нелѣпъ, потому что изъ его слушателей, вся жизнь которыхъ неутомимая дѣятельность, ни одинъ не нуждается въ предостереженіяхъ противъ лѣности. Но еще смѣшнѣе, когда ораторъ начинаетъ предостерегать отъ исключительнаго увлеченія какимъ нибудь хорошимъ качествомъ, которое едва-едва, самымъ слабымъ образомъ, начинаетъ возникать въ его слушателяхъ. Что мы подумали бы о человѣкѣ, который сталъ бы говорить о вредѣ исключительнаго пристрастія къ общественной тишинѣ въ кругу нынѣшнихъ мехиканцевъ, каждый годъ сочиняющихъ по три революціи? Отвлеченныя истины могутъ быть умѣстны въ ученомъ трактатѣ, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться съ живыми потребностями извѣстнаго общества въ данную минуту. Что же мы слышимъ отъ г. Чичерина? Онъ предостерегаетъ насъ отъ односторонняго увлеченія какимъ-то отрицаніемъ чего-то будто бы хорошаго, существующаго у насъ, — чего именно, предоставляемъ читателю отъискать въ отрывкѣ, нами выписанномъ изъ него. Вѣроятно наше общество страдаетъ необыкновенною живостью и силою чувствъ, кажущихся г. Чичерину вредными. Вѣроятно мы похожи на какихъ нибудь сѣверо-американцевъ, непризнающихъ вмѣшательства центральной власти въ ихъ дѣла? Вѣроятно большинство читателей г. Чичерина ужасные анархисты, которымъ надобно проповѣдовать о необходимости нѣкотораго сохраненія государственной власти, совершенно ими отвергаемой? Кажется, г. Чичеринъ былъ бы готовъ доказывать готтентотамъ вредъ односторонняго увлеченія учеными занятіями, доказывать рыбамъ опасность излишней болтливости, предостерегать бѣлаго медвѣдя отъ пристрастія къ тропическому климату.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Чичеринъ проникнутъ прекраснѣйшими намѣреніями, но насъ изумляетъ прелестный тактъ, съ которымъ онъ берется за дѣло, — изумляетъ вѣрность его взгляда на коренные недостатки нашего общества. Онъ пишетъ по русски и ему кажется нужнымъ объяснять, что онъ не намѣренъ потворствовать анархическимъ стремленіямъ. Ему кажется, будто наше общество до излишества живо чувствуетъ вредную сторону принциповъ, господствующихъ въ немъ. Мы, видите ли, страдаемъ избыткомъ односторонняго отрицанія и насъ надобно предостерегать отъ расположенія къ борьбѣ, къ упорству въ столкновеніяхъ. Странное понятіе о нашемъ обществѣ.

Для публициста, кромѣ знанія потребностей общества, нужно также пониманіе формъ, по которымъ движется общественный прогрессъ. До сихъ поръ исторія не представляла ни одного примѣра,

когда успѣхъ получался бы безъ борьбы. Но, по мнѣнію г. Чичерина, — борьба вредна. До сихъ поръ мы знали, что крайность можетъ быть побѣждаема только другою крайностью, что безъ напряженія силъ нельзя одолѣть сильнаго врага; по мнѣнію г. Чичерина, слѣдуетъ избѣгать напряженія силъ: онъ не знаетъ, что, одержавъ побѣду, войско всегда бываетъ утомлено, и что если оно боится утомленія, то не зачѣмъ ему выходить въ поле.

Еще одно любопытное понятіе. Г. Чичеринъ говоритъ объ искаженіи истины въ угодность современному кумиру общественнаго мнѣнія. Боже ты мой милостивый! Мы, русскіе писатели, по мнѣнію г. Чичерина, можемъ искажать истину изъ раболѣпства передъ общественнымъ мнѣніемъ! Въ какомъ удивительномъ положеніи онъ видитъ насъ! Читатель! знали ли вы до сихъ поръ, кто заставляетъ меня часто лгать передъ вами? Вы сами, читатель. Я, видите ли, могъ бы говорить съ вами обо всемъ, что̀ хочу и какъ хочу, но вы, читатель, связываете мнѣ языкъ вашимъ деспотизмомъ. Нѣтъ, книга г. Чичерина написана не по русски, издана не въ Москвѣ: онъ вѣроятно имѣлъ въ виду сѣверо-американскую публику, которая дѣлаетъ все, что̀ захочетъ, и заставляетъ всѣхъ преклоняться передъ своею волею. Надобно полагать, что г. Чичерину нуженъ былъ необыкновенный запасъ мужества, чтобы защищать бюрократію и централизацію, эти драгоцѣнности, совершенно изгнанныя изъ нашего общества и безпощадно преслѣдуемыя въ немъ. Надобно предполагать, что онъ писалъ для общества, надъ которымъ владычествуютъ ультра-республиканцы, сажающіе въ тюрьму каждаго, кто замолвитъ слово въ пользу монархическаго порядка.

Итакъ главный порокъ нашего общества состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ страстно, слишкомъ непреклонно, слишкомъ круто проводитъ свои стремленія, и публицистъ, пишущій по русски, обязанъ говорить намъ, что мы должны соблюдать умѣренность въ борьбѣ, которую ведемъ такъ энергически. По его мнѣнію, надобно публицисту вразумлять насъ, чтобы мы оставили хотя какіе нибудь слѣды старинныхъ нашихъ учрежденій; — главное, чего долженъ остерегаться публицистъ, — это потворство «современному кумиру нашего временнаго увлеченія.» Изумительно, изумительно!

«Изъ всего предъидущаго выходитъ, что публицистъ долженъ становиться на точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій; но нельзя скрывать отъ

себя, что какъ скоро дѣло доходитъ до частностей, такъ неизбѣжны не только разногласія, но и прямыя уклоненія отъ принятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направленіемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не нравится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безпристрастнаго воззрѣнія, они ропщутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждались гласно. Мы не привыкли еще обозрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подмѣчать въ сужденіяхъ мѣру и границы. Слыша похвалу или порицаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ зрѣніямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другаго общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбѣжно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воздыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготѣющее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣлать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія.» (Предисловіе, стр. XVIII, XIX и XX).

На все это объясненіе въ пользу безпристрастія мы будемъ отвѣчать только сближеніемъ двухъ мыслей самого г. Чичерина. Онъ совѣтуетъ нашему обществу имѣть всесторонній взглядъ, чуждый раздраженія, а между тѣмъ самъ говоритъ, что въ немъ «неизбѣжно» должна господствовать односторонность взглядовъ. Не безполезенъ ли совѣтъ удерживаться отъ того, что неизбѣжно? И если кто нибудь станетъ совѣтовать человѣку не быть раздраженнымъ, когда самъ признаетъ раздраженіе неизбѣжнымъ, не показываетъ ли онъ самъ своимъ совѣтомъ, что лишенъ способности понимать условія дѣйствительной жизни? Очень жаль, что эти совѣты не обращены, напримѣръ, къ французамъ, сардинцамъ и австрійцамъ: они ведутъ войну, въ войнѣ неизбѣжны сраженія, въ сраженіяхъ неизбѣжны выстрѣлы; но мы думали бы посовѣтовать имъ, чтобы они сража-

лись, не стрѣляя изъ пушекъ. Дѣло другое, если вы совѣтуете имъ кончить войну и разойтись по домамъ; но нѣтъ, г. Чичеринъ не противъ развитія, онъ только хочетъ, чтобы развитіе совершалось безстрастнымъ образомъ, по рецепту спокойствія и всесторонности. Къ сожалѣнію, этого никогда не бывало. Человѣка душитъ разбойникъ, и по рецепту г. Чичерина этотъ человѣкъ въ то самое время, когда старается отбиться отъ разбойника, долженъ спокойно разсуждать о томъ, что разбойникъ возникаетъ изъ исторической необходимости, имѣетъ историческое право существованія; что великая римская имперія была основана разбойниками; что если должно уважить римское право, то должно уважать и разбойниковъ, безъ которыхъ его не было бы, — помилуйте, до того ли человѣку, чтобы помнить обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещахъ!

Изъ этихъ совѣтовъ, быть холодными, безпристрастными, подавлять въ себѣ всякое раздраженіе, мы заключаемъ, что г. Чичеринъ знаетъ только, какъ пишутся ученыя книги, но не знаетъ, какими силами развивается общественная жизнь. Онъ думаетъ быть публицистомъ, но является школьнымъ учителемъ, у котораго главная забота та, чтобы ученики смирно сидѣли по своимъ мѣстамъ и слушали его наставленія. Первымъ дѣломъ у него выставляется то, чтобы общество отказалось отъ всякихъ живыхъ чувствъ изъ боязни нарушить теоретическое безпристрастіе.

Мы думаемъ, что г. Чичеринъ напрасно взялся быть публицистомъ, если нѣтъ у него въ груди живаго сердца. Намъ кажется, что въ немъ слишкомъ сильна наклонность къ схоластикѣ. Быть можетъ мы ошибаемся, и дай Богъ, чтобы мы ошиблись; но намъ кажется, что живой человѣкъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего общества, не вздумалъ бы говорить противъ «мечтательныхъ отрицателей существующаго порядка», противъ «слишкомъ отважныхъ нововводителей», противъ «болѣзненнаго нетерпѣнія». Быть можетъ въ этихъ неумѣстныхъ усиліяхъ подавить то, что, право, вовсе не нуждается въ подавленіи со стороны г. Чичерина, виновата не натура его, а случайная односторонность его развитія; но какъ бы то ни было, г. Чичеринъ въ настоящее время рѣшительно не понимаетъ, какому обществу онъ даетъ свои совѣты, не умѣетъ судить о томъ, что умѣстно и что неумѣстно въ статьяхъ, имѣющихъ претензію руководить нашею общественною жизнью. Только человѣкъ одержимый схоластикою можетъ воображать, что русскому публицисту надобно быть защитникомъ бюрократіи.

Но если г. Чичеринъ неспособенъ теперь быть публицистомъ, которому нужно живое сочувствіе къ современнымъ потребностямъ

общества, то быть можетъ онъ имѣетъ качества, нужныя для школьнаго учителя. Будемъ сидѣть смирно, по его приказанію, и слушать его лекціи.

Обязывая школьниковъ сидѣть смирно, школьный учитель самъ обязанъ по крайней мѣрѣ быть порядочно знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ читаетъ онъ лекцію. Главные предметы въ лекціяхъ г. Чичерина: демократія, централизація и бюрократія. Посмотримъ, какое понятіе онъ имѣетъ объ этихъ вещахъ.

«.... относительно гражданскаго устройства и управленія абсолютизмъ и демократія именно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочнѣе всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи Западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средневѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на дробности общественнаго быта, и созданіе единаго государственнаго тѣла — вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно разчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искуственнымъ образомъ не перевѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственныя учрежденія съ цѣлою системою чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправленія, а централизація сводитъ это устройство къ единству, установляя центральный пунктъ, отъ котораго исходитъ и къ которому притекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; неоживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣнія, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое біеніе пульса, разливающаго кровь по всѣмъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготѣетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей; онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью.» (Стр. 7 и 8)

Въ дополненіе къ этому мѣсту приведемъ еще слѣдующее:

«Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англіи. Здѣсь они являются въ видѣ усиленія центральной власти насчетъ мѣстныхъ. Независимость послѣднихъ основана на преобладаніи

аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократіею, доступною всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанію одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизаціи и бюрократіи въ Англіи чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю бѣдствій англійской арміи въ Крыму, составилась лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея — уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англіи признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразованія, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики.» (Стр. 24 и 25).

Пусть насъ извинитъ г. Чичеринъ, но мы должны сказать, что его понятія о формахъ государственнаго устройства чрезвычайно сбивчивы. Основнымъ принципомъ его понятій оказывается бюрократическое устройство, и ему представляется, будто демократія похожа на абсолютизмъ въ томъ отношеніи, что очень любитъ бюрократію и централизацію. Но какую централизацію и бюрократію найдетъ онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или въ Швейцаріи? По существенному своему характеру демократія противоположна бюрократіи; она требуетъ того, чтобы каждый гражданинъ былъ независимъ въ дѣлахъ, касающихся только до него одного; каждое село и каждый городъ независимы въ дѣлахъ, касающихся его одного; каждая область — въ своихъ дѣлахъ. Демократія требуетъ полнаго подчиненія администратора жителямъ того округа, дѣлами котораго онъ занимается. Она хочетъ, чтобы администраторъ былъ только повѣреннымъ той части общества, которая поручаетъ ему извѣст-

ныя дѣла, и ежеминутно можетъ требовать у него отчета о веденіи каждаго дѣла. Демократія требуетъ самоправленія и доводитъ его до федераціи. Демократическое государство есть союзъ республикъ, или, лучше сказать, образуется изъ нѣсколькихъ постепенныхъ наслоеній республиканскихъ союзовъ, такъ что каждый довольно значительный союзъ состоитъ въ свою очередь изъ союза нѣсколькихъ округовъ, — таково устройство Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ каждая деревенька есть особенная республика; изъ соединенія нѣсколькихъ деревень образуется приходъ, который опять-таки составляетъ самостоятельную республику; изъ соединенія нѣсколькихъ приходовъ образуется новая республика — графство; изъ нѣсколькихъ графствъ — республиканскій штатъ; изъ союза штатовъ — государство. Неужели это сколько нибудь похоже на бюрократію? Въ Швейцаріи каждый кантонъ можетъ имѣть у себя даже особенное войско. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе о бюрократіи, какъ формѣ демократическаго устройства? Это просто слѣдствіе той путаницы, какую слишкомъ довѣрчивый ученый можетъ цѣлыми ковшами черпать изъ великихъ мыслителей французской мнимо-либеральной, а въ сущности реакціонной школы. Есть на свѣтѣ разные мелкіе французы, которые многимъ изъ насъ кажутся великими людьми и которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Англія страна аристократическая, и въ ней нѣтъ ни централизаціи, ни бюрократіи; Франція страна демократическая, и въ ней есть централизація и бюрократія. Слѣдовательно централизація и бюротратія суть принадлежности демократіи. Это умозаключеніе точно такого же рода, какъ напримѣръ: ученые греки, пріѣхавшіе въ Римъ, были развратные трусы; слѣдовательно просвѣщеніе ведетъ къ разврату и трусости. Франція болѣе 200 лѣтъ имѣла абсолютное правительство; въ теченіе этого долгаго времени абсолютизмъ успѣлъ выработать соотвѣтствующія себѣ формы управленія, бюрократію и централизацію, и успѣлъ пріучить къ нимъ французовъ. Вѣковыя привычки исчезаютъ нелегко и нескоро. Демократія не имѣетъ такой волшебной силы, чтобы одинъ звукъ этого слова могъ перерождать нравы народовъ въ нѣсколько лѣтъ; потому французы до сихъ поръ не успѣли отдѣлаться отъ бюрократіи и централизаціи, введенной у нихъ стариннымъ порядкомъ дѣлъ, какъ не успѣли отдѣлаться отъ многихъ другихъ привычекъ, привитыхъ къ нимъ тою же стариною. Французы, напримѣръ, до сихъ поръ мечтаютъ о завоеваніяхъ, до сихъ поръ страшно любятъ щегольство, франтовство, блескъ и тому подобныя пошлости: неужели все это принадлежности демократіи?—нѣтъ, это просто догнивающіе остат-

ки того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ. Именно потому, что эти старинныя привычки еще не достаточно ослабѣли между французами, демократическая форма до сихъ поръ не могла утвердиться у нихъ. Наполеонъ I и реставрація старались воскресить аристократію; Орлеанская династія всячески старалась поддержать ее; Наполеонъ III въ третій разъ старается воскресить ее. У французовъ еще не достаетъ привычки къ демократическому устройству, и всѣ ихъ правительства, возникавшія изъ погибели кратковременныхъ попытокъ къ созданію демократическаго устройства, ни мало не могутъ служить образцами приверженности къ тѣмъ новымъ формамъ, на подавленіи которыхъ основывали они свою власть. Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ, Луи-Наполеонъ, всѣ они одинаково держались опорою партіи застоя, или даже чистой реакціи. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ управленіяхъ поддерживалась форма администраціи, принадлежащая французской старинѣ? Но всѣ тѣ французы, которые дѣйствительно, а не на словахъ только, привязаны къ демократическому принципу, — всѣ они до одного враждебны теперь бюрократіи и централизаціи. Въ ненависти къ этимъ формамъ они не уступятъ самому заклятому англійскому аристократу. Правда, до сихъ поръ не успѣли они водворить во Франціи того устройства, какое желали бы дать своему отечеству; но изъ этого слѣдуетъ только, что Франція до сихъ поръ не успѣла получить учрежденій, соотвѣтствующихъ ея демократическимъ стремленіямъ, а вовсе не то, чтобы централизація и бюрократія были принадлежностями демократическаго принципа. Французы похожи на горажанина, недавно переселившагося въ деревню и прогуливающагося по полю въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Должны ли мы заключать по этимъ принадлежностямъ его костюма, что палевыя перчатки и лакированные сапоги составляютъ принадлежность истинно-деревенскаго образа жизни? Надобно полагать, что, поживши въ деревнѣ, онъ отвыкнетъ отъ этой великосвѣтской дряни.

Г. Чичеринъ, воображающій себѣ демократію по неразвившимся французскимъ ея формамъ, искаженнымъ сильною примѣсью старыхъ учрежденій, которыя уцѣлѣли со временемъ абсолютизма, имѣетъ самое фальшивое понятіе о демократіи. Не менѣе фальшиво его понятіе о существенномъ характерѣ абсолютизма, который представляется ему чѣмъ-то столь же враждебнымъ аристократіи, какъ демократическій принципъ. Такой взглядъ опять таки почерпнулъ онъ изъ французскихъ книжекъ, восхваляющихъ Мазарини или Ришльё, будто бы благодѣтелей Франціи. Штука въ томъ, что фран-

цузскіе короли старались завоевать области, принадлежавшія могущественнымъ феодальнымъ правителямъ, и наконецъ успѣли покорить ихъ. Разумѣется, пока шла война—была и вражда. Разумѣется, обѣ воевавшія стороны прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы достичь побѣды. Но если теперь австрійское правительство было бы радо произвести революцію въ Парижѣ, лишь бы сбыть съ рукъ Наполеона III и сохранить Миланъ и Венецію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы австрійское правительство отличалось сочувствіемъ къ республиканскому устройству и ненавидѣло деспотизмъ. Напротивъ, можно думать, что по своимъ принципамъ оно очень мало разнится отъ своего противника. Точно такъ герцогъ бургундскій, герцогъ бретаньскій ничѣмъ не разнились въ своихъ принципахъ отъ короля французскаго, съ которымъ враждовали. Вражда шла только изъ-за того, что разнымъ герцогамъ и графамъ не хотѣлось потерять своихъ владѣній, а королю французскому хотѣлось пріобрѣсти эти области. Чтобы склонить къ измѣнѣ подданныхъ своего врага, король французскій могъ покровительствовать притѣсненнымъ горожанамъ его областей, но за то и какой нибудь герцогъ бургундскій помогалъ учрежденію демократической республики въ Парижѣ. Все это было военною тактикою въ родѣ того, какъ монголы могли для упроченія своего господства поднимать рязанскихъ князей противъ московскихъ, или московскихъ противъ тверскихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ какой нибудь Мамай или Уэбекъ огорчались отъ притѣсненій, которымъ какой нибудь Всеволодъ или Георгій подвергалъ сосѣднее княжество?

Но вотъ побѣда была рѣшена, вся Франція соединилась подъ властью короля, отдѣльныхъ владѣній не осталось. Каковъ принципъ извѣстнаго учрежденія, мы можемъ видѣть, когда оно одержитъ побѣду и получитъ полную силу перестроить жизнь по своему духу. Являются ли французскіе абсолютные короли, начиная съ Людовика XIII, или даже Генриха II, сколько нибудь расположенными къ «уничтоженію сословныхъ привилегій», какъ думаетъ г. Чичеринъ? Напротивъ, они устроиваютъ цѣлое государство такимъ образомъ, чтобы весь народъ жилъ исключительно для содержанія двора и придворной аристократіи. Всѣ подати лежатъ на простолюдинахъ, почти вся масса простолюдиновъ обязана сверхъ того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имѣютъ значеніе, они одни пользуются покровительствомъ государственной власти. Съ Людовика XI или, пожалуй, съ Филиппа Прекраснаго до самаго конца XVIII вѣка ни одна изъ привилегій дворянства не была отмѣнена королевскою властью; напротивъ съ каждымъ поколѣніемъ раз-

ширяется ихъ покровительство дворянству, и въ администраціи, и въ богатствѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальной жизни. Центръ всей жизни есть дворъ; дворъ состоитъ исключительно изъ аристократовъ, — какая же тутъ противоположность принципа между абсолютизмомъ и аристократіею? Напротивъ, французскій король есть представитель и глава аристократическаго принципа. Онъ все государство устроиваетъ въ духѣ самой исключительной аристократіи. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто не имѣетъ правильнаго понятія ни объ одномъ изъ фактовъ французской исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Но отъ Франціи г. Чичеринъ переходитъ къ Англіи. Онъ видитъ, что въ послѣднее время замѣтно стала падать въ ней аристократія и быстро усиливается демократическій элементъ. Какъ вы думаете, въ чемъ полагаетъ онъ сущность этого движенія? Онъ до того занятъ своею теоріею неразрывной связи бюрократіи съ демократіею, что воображаетъ, будто бы сущность развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій въ наше время состоитъ въ развитіи бюрократическаго начала, которое до сихъ поръ было въ Англіи слабо, къ великому сожалѣнію г. Чичерина. Это просто забавно. Изъ 28 милльоновъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ найдется ли хотя одинъ человѣкъ, отъ самаго отсталаго ультра-тори до самаго горячаго хартиста, который бы не гнушался бюрократіею, не пришелъ въ неистовство отъ одной мысли, что бюрократія когда нибудь можетъ быть введена въ Англіи? Англійскіе аристократы очень щедро осыпаютъ своихъ враговъ демократовъ всяческими упреками, но никто въ цѣлой Европѣ никогда не слыхивалъ, чтобы они приписывали имъ наклонность къ бюрократіи. Каждому ребенку извѣстно, что англійскіе демократы съ состраданіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на французское бюрократическое устройство, и если сочувствуютъ какимъ нибудь учрежденіямъ, то единственно австралійскимъ и сѣверо-американскимъ, въ которыхъ бюрократіи еще гораздо меньше, нежели въ англійскихъ. Разсужденія г. Чичерина объ усиленіи бюрократіи въ Англіи отъ усиленія демократіи могутъ служить самымъ восхитительнымъ примѣромъ того, до какого уклоненія отъ очевидной истины можетъ доводить схоластика, отправляющаяся отъ фальшиваго основанія и безбоязненно шагающая кривыми силлогизмами съ полнымъ пренебреженіемъ къ смыслу фактовъ. «Бюрократія есть принадлежность демократіи. Въ Англіи развивается демократія, слѣдовательно Англія вводитъ у себя бюрократію.» Отъ Пальмерстона до Эрнеста Джонса, отъ Росселя до Ферджуса О'Коннора, всѣ нововводители, — и умѣренные либералы, и радикалы, и

хартисты Англіи кричатъ въ одинъ голосъ: «мы гнушаемся бюрократіей»; но г. Чичеринъ мужественно поучаетъ ихъ: «я лучше васъ знаю, кто вы таковы: всѣ вы отчаянные бюрократы». Начитавшись его книги, мы думали даже предложить Пальмерстону должность исправника въ городѣ Туруханскѣ: это мѣсто совершенно соотвѣтствовало бы его наклонностямъ по изображенію г. Чичерина; съ какимъ удовольствіемъ списалъ бы онъ: «На отношеніе вашего высокородія за № 15,217 имѣю честь отвѣтствовать, что безпаспортной солдатской жонки Авдотьи Никитиной на жительствѣ въ Туруханскомъ уѣздѣ не оказалось.»

Впрочемъ очень можетъ быть, что г. Чичеринъ воображаетъ себѣ бюрократію не въ такомъ видѣ, какъ представляется она намъ. Быть можетъ и абсолютизмъ, и аристократія, и демократія представляются ему вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли представлять ихъ себѣ мы. Дѣйствительно, это очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ надобно предполагать, что если бы эти понятія не представлялись ему совершенно различнымъ отъ обыкновеннаго пониманія способомъ, то онъ не наговорилъ бы объ нихъ такихъ странныхъ вещей, какими наполнена его книга.

Мы вполнѣ выписывали изъ книги г. Чичерина длинные отрывки, на которыхъ основываемъ свое заключеніе, что онъ дѣйствительно не имѣетъ понятія о существенномъ смыслѣ тѣхъ формъ государственнаго устройства, объясненію которыхъ посвящена вся его книга. Читатели могли убѣдиться, что мы не взводимъ на него небылицъ, когда говоримъ, что онъ не знаетъ ни демократіи, ни абсолютизма, ни аристократіи, ни бюрократіи, ни централизаціи. Получивъ такіе результаты, мы можемъ прекратить выписки, потому что вся остальная запутанность понятій въ его книгѣ составляетъ уже естественное слѣдствіе отсутствія правильнаго взгляда на эти основные предметы его разсужденій. Пересмотримъ же коротко содержаніе его книги.

Первая статья, «О политической будущности Англіи», написанная по поводу книги Монталамбера, начинается утѣшительнымъ увѣреніемъ, что вопросы, волнующіе Западную Европу, «не имѣютъ для насъ жизненнаго значенія.» Утѣшительно это потому, что очень благопріятствуетъ смотрѣть намъ на событія Западной Европы «безъ гнѣва и пристрастія». Мы готовы были бы думать, что это увѣреніе просто избитая мысль, употребляющаяся многими изъ насъ по условному правилу, имѣющему свою внѣшнюю выгоду; но отрывки о роли публициста, выписанные нами изъ предисловія, убѣждаютъ насъ, что г. Чичеринъ въ самомъ дѣлѣ вообра-

жаетъ, будто это такъ и будто это очень утѣшительно. Это удивительно. Кому не извѣстно, что вотъ уже очень много лѣтъ наша судьба связана съ судьбою Западной Европы и каждое важное событіе въ ней отражается на насъ? Фридрихъ II ограбилъ Марію Терезію,—и вотъ мы были запутаны въ семилѣтнюю войну. Европа стала покланяться Вольтеру, и у насъ началась комедія гуманныхъ возгласовъ въ угодность Вольтеру, лицемѣрное хвастовство либерализмомъ; но Вольтеръ имѣлъ у насъ много и такихъ приверженцевъ, которые не были лицемѣрами. Вспыхнула французская революція, и характеръ администраціи у насъ сдѣлался рѣшительнѣе, прямѣе и пружины дѣйствія перестали прикрываться философскими украшеніями. Изъ революціи вышелъ Бонапарте, и мы были запутаны въ продолжительныя войны, кончившіяся удачно, но разорившія Россію и присоединившія къ ней Варшаву. Потомъ Меттернихъ основалъ Священный Союзъ, и кому не извѣстно вліяніе этого учрежденія на судьбу Россіи? Продолжать ли этотъ перечень? Намъ кажется, перечисленныхъ фактовъ довольно, чтобы отказаться намъ отъ возможности равнодушно смотрѣть на западно-европейскія событія. «Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры въ Западной Европѣ,—все это вопросы, не имѣющіе для насъ жизненнаго значенія»,—этихъ словъ уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствіе способности понимать положеніе Россіи. Впрочемъ, напрасно мы останавливались на этомъ: мы уже знали, что г. Чичеринъ неспособенъ быть публицистомъ, а способенъ быть только ученымъ схоластикомъ. Для схоластика нѣтъ надобности понимать отношенія своего общества къ фактамъ, которыми онъ занимается; ему только нужно знать факты.

Но и фактовъ г. Чичеринъ не знаетъ самъ, а принимаетъ ихъ на вѣру отъ другихъ, которые не заслуживали его довѣрія. Гнилая оппозиція французскихъ академиковъ называетъ Монталамбера великимъ ораторомъ, а его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ; г. Чичеринъ смотритъ на вещи не такъ, какъ французскіе академики, потому могъ бы думать о Монталамберѣ и его книгѣ иначе. Но онъ принимаетъ этого реакціоннаго болтуна очень серьёзно за защитника свободы, за представителя либерализма, и серьёзно разсуждаетъ о его понятіяхъ, будто бы о мысляхъ дѣльнаго человѣка. Монталамберъ говоритъ объ Англіи вздорныя общія мѣста, въ родѣ того, что «привязанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа», что англичане «отличаются отъ другихъ народовъ любовью къ разоблаченію своихъ собственныхъ недостатковъ», что англійская аристократія «невраждебна никакому прогрес-

су»; г. Чичеринъ очень серьёзно повторяетъ эти пустыя слова, или несправедливыя, или ровно ничего не выражающія: по всему видно, что Монталамберъ для него кажется драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній объ Англіи. Человѣкъ ученый не долженъ былъ бы принимать дрянную брошюру за что нибудь значительное. Онъ споритъ съ Монталамберомъ очень важно, какъ будто бы съ противникомъ, заслуживающимъ уваженія.

Такое же чрезмѣрное уваженіе къ пустымъ репутаціямъ видно въ слѣдующей его статьѣ «Промышленность и государство въ Англіи», составленной по поводу книги Леона Фоше. Леонъ Фоше былъ человѣкъ довольно трудолюбивый, но вовсе не даровитый. Либерализмъ его всегда былъ очень узокъ и сильно отзывался консерватизмомъ. Г. Чичерину кажется, что онъ испортился только съ 1848 года. Онъ думаетъ, что только тогда Леонъ Фоше «покинулъ точку безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи», что только тогда «примкнулъ онъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло основать новыхъ учрежденій». Напрасное прискорбіе. Леонъ Фоше всегда принадлежалъ къ близорукимъ людямъ, которые враждовали противъ новыхъ учрежденій. Г. Чичеринъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ партій при Орлеанской династіи; онъ не знаетъ характера той оппозиціи, которая признавала своимъ предводителемъ Тьера, и характера той экономической школы, которая называлась тогда либеральною, но либерализмъ которой ограничивался хлопотами о пониженіи тарифа. Впрочемъ книга Леона Фоше не есть пустая болтовня, какъ памфлетъ Монталамбера: въ ней собрано много фактовъ. Мы не осуждаемъ г. Чичерина за то, что онъ вздумалъ серьёзно пользоваться ею. Но любопытенъ выводъ, къ которому клонятся всѣ его выписки изъ Леона Фоше и Лавернья. Мы уже говорили объ этомъ выводѣ. Г. Чичеринъ воображаетъ, что сущность реформъ, произведенныхъ парламентомъ въ экономическомъ устройствѣ Англіи, ведетъ къ усиленію бюрократіи; а между тѣмъ изъ этихъ реформъ всѣ важнѣйшія состоятъ въ робкомъ, неполномъ, иногда нелѣпомъ удовлетвореніи нѣкоторымъ изъ экономическихъ потребностей англійскихъ простолюдиновъ; и если эти реформы принадлежатъ къ какой нибудь системѣ понятій, то развѣ къ системѣ тѣхъ экономистовъ, которые думаютъ прикрасить ветхое рубище своей теоріи нѣкоторыми лоскутками соціализма. Напримѣръ, въ Англіи запретили держать дѣтей на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ день; потомъ запретили нанимать женщинъ для работы въ рудникахъ; потомъ предписали, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ,

непремѣнно посѣщали школу; потомъ запретили держать женщинъ на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки. По мнѣнію г. Чичерина это—бюрократія и централизація, а по мнѣнію каждаго экономиста эти постановленія принадлежатъ къ тому, что г. Чичеринъ называетъ «безумными проявленіями соціализма». Такихъ недоразумѣній въ статьѣ о промышленности Англіи находится множество. Но вотъ мѣсто, которое показываетъ, что г. Чичеринъ не знаетъ не только того, къ какому порядку идей принадлежатъ перечисляемые имъ факты, но не знаетъ даже того, къ какому порядку идей принадлежатъ его собственныя мысли. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что расширеніе центральной власти или вмѣшательство правительства должно въ Англіи усилиться еще значительнѣе, нежели насколько усилилось всѣми произведенными реформами. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее соображеніе:

«Правительству должны подлежать, говоритъ г. Чичеринъ, всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предпріимчивости и энергіи. Таково, напримѣръ, застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ большимъ и большимъ развитіемъ системы застрахованія, она поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ нѣкоторомъ отношеніи разсматривать, какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу для того, чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности.»

Мы не станемъ разбирать, самъ ли г. Чичеринъ написалъ это мѣсто, или заимствовалъ его изъ Милля; онъ не отмѣчаетъ, что заимствовалъ его, слѣдовательно представляетъ какъ свою собственную мысль. Намъ остается только поздравить централизацію съ пріобрѣтеніемъ такого новаго характера. Встарину подобныя вещи назывались регаліями или монополіями казны, но никакъ не централизаціею или бюрократіею; нынѣ называются онѣ иначе; какъ именно называются нынѣ онѣ и къ какому порядку идей принадлежатъ, мы не станемъ говорить. Но скажемъ, что присвоеніе государству страхованія, по понятіямъ нынѣшнихъ экономистовъ, ничѣмъ не отличается отъ присвоенія государству исключительнаго права [illegible]

желѣзныя дороги, отъ наложенія на него обязанности давать работу рѣшительно каждому неимѣющему работы, принимать на общественное содержаніе каждаго бѣднаго и т. д. Если мы не ошибаемся, всѣ эти мысли составляютъ принадлежность теоріи, которая заслужила отъ г. Чичерина названіе безумной. Намъ остается только жалѣть, что г. Чичеринъ повидимому незнакомъ съ этою теоріею, а лишь слыхивалъ о ней отъ людей подобныхъ Монталамберу, Токвилю, Сюдру, Луи-Ребо. Не дурно было бы ему замѣтить вредъ, происходящій отъ этого пробѣла въ знакомствѣ его съ произведеніями современной мысли: онъ украшаетъ свои статьи лоскутками той самой теоріи, которую упрекаетъ въ безумствѣ.

Точно также онъ имѣлъ бы совершенно другое понятіе о смыслѣ демократическаго движенія въ Англіи, если бы изучалъ его по достовѣрнымъ источникамъ, напримѣръ по парламентскимъ преніямъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ представителей этого движенія, а не по книжкамъ, писаннымъ отсталыми людьми въ родѣ Леона Фоше, или реакціонерами, въ родѣ Монталамбера.

Третья статья, «Старая французская монархія и революція», написана по поводу книги Токвиля. Начинается она объясненіемъ, что дурно поступаютъ тѣ историки, которые пишутъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, что историкъ не долженъ вносить страстей настоящаго въ изображеніе прошедшаго. Словомъ сказать, г. Чичеринъ очень подробно и хорошо парафразируетъ извѣстную характеристику лѣтописца въ «Борисѣ Годуновѣ»:

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ былъ вѣроятно правъ, изображая такими нашихъ лѣтописцевъ, людей чуждыхъ всякаго понятія о жизни, сущихъ книжниковъ и притомъ чрезвычайно мало образованныхъ; но г. Чичеринъ напрасно хочетъ, чтобы нынѣшніе историки подражали имъ. Онъ, повидимому, не знаетъ истиннаго смысла тѣхъ возгласовъ объ историческомъ безпристрастіи, которыми наполнены всѣ реакціонныя книги. Реакціонеры называютъ историка безпристрастнымъ тогда, когда онъ доказываетъ, что старинный порядокъ вещей былъ хорошъ. Напротивъ, напримѣръ книгу г. Чичерина «Областныя учрежденія» всѣ реакціонеры называютъ пристрастною и несправедливою за то, что авторъ совершенно справедливо изобразилъ въ

ней старинную систему управленія не въ розовомъ свѣтѣ. Живой человѣкъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій не отдѣлается онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой нибудь мысли, кажущейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мнѣній, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, проводитъ ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только, или люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т. е. возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учрежденій на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и кромѣ честности убѣжденій, другаго безпристрастія никогда не бывало ни въ какомъ историкѣ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ какъ безсмысленная машина. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе, что историкъ долженъ походить на пушкинскаго лѣтописца? Опять таки оно возникло отъ необдуманнаго принятія чужихъ словъ на вѣру. Если бы онъ самъ подумалъ о томъ, были ли равнодушны Ѳукидидъ, Тацитъ, Маккіавелли, де-Ту, Тьерри, Шлоссеръ, Гиббонъ, или даже хотя такіе историки, какъ Гизо, Тьеръ, Маколей, къ тѣмъ событіямъ и людямъ, о которыхъ писали, онъ увидѣлъ бы, что ни одинъ, сколько нибудь сносный историкъ, не писалъ иначе, какъ для того, чтобы проводить въ своей исторіи свои политическія и общественныя убѣжденія.

Но, принявъ на вѣру чужія слова, лишенныя положительнаго смысла, г. Чичеринъ вздумалъ, будто бы Токвиль пишетъ дурно только потому, что проводитъ въ своей книгѣ политическія убѣжденія извѣстной партіи, а не потому, что его убѣжденія во многомъ реакціонны, во многомъ вздорны. Мы сочувствуемъ Токвилю гораздо меньше, нежели г. Чичерину, но должны сказать, что и въ его нападеніяхъ на Токвиля такъ же мало яснаго понятія о вещахъ, какъ въ

книгѣ Токвиля, и притомъ главныя нападенія обращены именно на ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разнаго вздора, въ книгѣ Токвиля проводится одна вѣрная мысль, что абсолютизмъ надѣлалъ Франціи несравненно больше вреда, нежели пользы. Но абсолютизмъ учредилъ бюрократію, а по мнѣнію г. Чичерина бюрократія—вещь очень хорошая, и вотъ онъ считаетъ своею обязанностью вступиться за французскій абсолютизмъ противъ Токвиля. Онъ надѣется защитить дѣло французскихъ королей, взявъ образцовымъ временемъ ихъ принципа періодъ раньше того, къ которому относится характеристика Токвиля. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, абсолютный принципъ уже испортился; чтобы оцѣнить его, надобно посмотрѣть, каковъ онъ былъ прежде. Но сколько мы ни смотримъ, никакъ не можемъ замѣтить, чтобы когда нибудь защищаемый г. Чичеринымъ принципъ не былъ точно таковъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ. Нравственные и политическіе принципы Екатерины Медичи очень хорошо извѣстны; человѣкъ безъ сильнаго воображенія никакъ не предположитъ, чтобы она могла сдѣлать сама или допустила другихъ дѣлать что нибудь дѣйствительно полезное для государства. Съ того времени до XVIII вѣка господствовала та же самая политика. Ришльё и Мазарини навѣрное не много принесли пользы націи, хотя быть можетъ, что они умѣли хорошо вести дипломатическія интриги и выбирать хорошихъ генераловъ. Но быть можетъ и въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, былъ уже «испорченъ.» Если такъ, очень жаль, потому что и Карлъ VIII и Людовикъ XII ничѣмъ не отличались въ своихъ тенденціяхъ отъ Генриха II или Людовика XIV. Но г. Чичеринъ смотритъ на дѣло, вѣроятно, съ иной точки зрѣнія. Главнымъ благодѣяніемъ для французской націи онъ считаетъ то, что она получила политическое единство. О, если завоевывать области и по возможности увеличивать свои владѣнія, значитъ быть благодѣтелемъ, то почему же не предполагать, что Аттила и Батый были представителями благодѣтельнѣйшаго принципа: они хотѣли доставить всему европейскому человѣчеству то благо, которымъ обязаны были французы Филиппу Прекрасному, Людовику XI и другимъ собирателямъ земли французской. Результатъ завоевательной политики, правда, оказался недуренъ въ томъ отношеніи, что французская нація соединилась въ одно государство. Но людей, занимавшихся этимъ дѣломъ, не стоитъ называть благодѣтелями націи, потому что они имѣли въ виду вовсе не пользу націи, а только удовлетвореніе собственному эгоизму, и одинаково вели всевозможныя войны, не разбирая

того, полезны ли эти войны для національнаго единства, или нѣтъ. Походы на Бургундію, на Бретань проистекали изъ того же самаго принципа, какъ и походы Карла VIII въ Италію или Людовика XIV въ Германію; разница была не въ мысли, а только въ томъ, что одни походы кончались удачно, другіе — нѣтъ. Нѣмецкій Эльзасъ былъ покоренъ на томъ же самомъ основаніи какъ и французская Нормандія. Если завоеваніе Страсбурга не было внушено высокою идеею народнаго блага, то не было внушено ею и завоеваніе Дижона.

Но все-таки надобно же благодарить кого нибудь за то, что Франція собралась въ одно цѣлое изъ раздробленныхъ герцогствъ, графствъ и виконтствъ. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только сдѣлать себѣ вопросъ, почему Шампань осталась во владѣніи французскихъ королей, а Италія, нѣсколько разъ завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась отъ французскаго государства. Отвѣтъ ясенъ: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно цѣлое съ остальными французами, а въ Италіи жили итальянцы, которымъ не было охоты присоединяться къ французамъ. Теперь, кажется, не трудно сообразить, какой силѣ обязаны французы тѣмъ обстоятельствомъ, что соединились въ одно государство. Надобно предполагать, что они были обязаны этимъ своему собственному стремленію соединиться въ одно государство. Потому надобно думать, что если французы должны кого благодарить за могущество, пріобрѣтенное Франціею, то должны благодарить за это только самихъ себя, и больше никого. Тотъ или другой эгоистъ, тотъ или другой честолюбецъ могъ находить выгоднымъ для себя стремленіе къ національному единству, врожденное французамъ, но не онъ создалъ его, онъ только пользовался имъ и пользовался почти всегда вреднымъ для самихъ французовъ образомъ. За что же французамъ благодарить его, называть представителемъ какихъ-то высокихъ идей, когда все, что было въ результатѣ хорошаго, произошло благодаря только ихъ собственному національному чувству? Если мы станемъ благодарить французскихъ Валуа за то, что при нихъ произошло возсоединеніе французскихъ провинцій, всегда стремившихся къ единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету англійскую за то, что при ней Шекспиръ написалъ Гамлета? Намъ кажется, что за Гамлета слѣдуетъ благодарить Шекспира, за французское единство французы должны благодарить самихъ себя.

Такимъ образомъ надобно смотрѣть на степень заслуги абсолютнаго принципа въ дѣлѣ соединенія французской земли. Этотъ принципъ только эгоистически пользовался силою, существовавшею не-

зависимо отъ него; и если оцѣнивать достоинство этого принципа, надобно смотрѣть не на то, что̀ пріобрѣталъ онъ, потому что пріобрѣтенія дѣлались не его заслугами, а національнымъ чувствомъ,— нѣтъ, надобно смотрѣть только на то, что̀ онъ дѣлалъ съ пріобрѣтенными провинціями. Тутъ отвѣтъ опять коротокъ: искони вѣковъ, съ самого Гуго-Капета до Людовика XIV, главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и незаконными поборами до нарушенія контрактовъ, продажи должностей и дѣланія фальшивой монеты. Начиная съ X и кончая XVII или XVIII вѣкомъ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, бралъ съ французской націи все, что только могъ взять, и почти постоянно только этимъ да веденіемъ войнъ ограничивалась вся государственная дѣятельность этого принципа. Само собою разумѣется, что безъ исключеній ничего на свѣтѣ не бываетъ. Въ теченіе 800 лѣтъ Франція имѣла двухъ государей, дѣйствительно думавшихъ о благѣ народа: Людовика Святаго и Генриха IX, и нѣсколькихъ геніальныхъ министровъ. Но даже Генрихъ IV былъ занятъ своею Габріэлью и военными планами гораздо больше, нежели народными нуждами, а Людовикъ IX не имѣлъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій, конечно потому, что его характеръ и его нравственныя правила совершенно не соотвѣтствовали качествамъ, какихъ требуетъ положеніе, доставшееся ему на долю. Что же касается до великихъ французскихъ министровъ, то мы знаемъ, что Сюлли былъ отосланъ въ деревню за неуживчивость характера, а Кольберъ долженъ былъ всѣ свои усилія напрягать къ тому, чтобы доставлять Людовику XIV какъ можно болѣе денегъ на веденіе войнъ. И такъ остаются только Ришльё и Мазарини. Они дѣйствительно управляли государствомъ, какъ хотѣли; но при извѣстныхъ качествахъ этихъ людей кто отважится сказать, чтобы когда нибудь приходила тому или другому изъ нихъ въ голову мысль о пользѣ націи?

Мы не надѣемся, чтобы г. Чичеринъ удостоилъ прочтеніемъ нашу статью; мы даже не думаемъ, чтобы это было нужно, потому, какъ непогрѣшительный мудрецъ, онъ, конечно, не могъ бы извлечь никакой пользы изъ нашихъ замѣчаній; но если бы онъ прочелъ эту статью, онъ сказалъ бы, что мы смотримъ на исторію французскаго абсолютизма и предшествовавшаго ему феодальнаго королевства очень пристрастнымъ образомъ, забываемъ все хорошее и выставляемъ на видъ только дурное. Мы точно также говоримъ о его взглядѣ, что онъ преувеличиваетъ все хорошее, приписываетъ

насилія; изъ этого, повидимому, надобно было бы г. Чичерину заключить, что онъ лишенъ всякой способности быть историкомъ; но нѣтъ, «онъ стоитъ на истинной дорогѣ и книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ, показывая въ немъ историческій и критическій тактъ.» Изъ этого заключенія г. Чичеринъ самъ на себѣ можетъ видѣть, что такое скрывается подъ фразою объ историческомъ безпристрастіи, которою онъ обольстился: подъ нею просто скрывается требованіе, чтобы историкъ старался оправдывать беззаконіе и выставлять хорошія качества феодальныхъ и тому подобныхъ учрежденій.

Мы кончили разборы, и намъ остается объяснить странныя качества, найденныя нами въ книгѣ г. Чичерина. Мы сначала будемъ говорить вообще.

Демократія, готовая скорѣе согласиться на оправданіе феодализма, нежели на его порицаніе, либерализмъ, состоящій въ пристрастіи къ бюрократіи, публицистика, равнодушная къ вопросамъ ею излагаемымъ, ученость, не знающая характера событій и людей, извѣстныхъ каждому, — какимъ образомъ объяснить эти сочетанія каждаго качества съ признаками рѣшительно неумѣстными въ немъ, эту холодность жара, обскурантизмъ просвѣщенія, реактивность прогресса, безсмысліе мысли? Мы приведемъ сначала общія причины, не относящіяся къ лицу. Мы видѣли, почему французская демократія является съ формами бюрократіи: она еще слишкомъ слаба, чтобы отвергнуть въѣвшуюся въ нее старину, противную ея собственной натурѣ. Она похожа на одного изъ недавно уволенныхъ нашихъ кантонистовъ, которые все еще по старой привычкѣ дѣлаютъ подъ козырекъ проходящему офицеру, хотя человѣкъ, уволенный изъ военной службы не долженъ уже дѣлать подъ козырекъ. Всѣ мы воспитаны обществомъ, въ которомъ владычествуетъ обскурантизмъ и застой; потому, какими понятіями не пропитываемся мы потомъ изъ книгъ, все-таки большая часть изъ насъ сохраняютъ привычное расположеніе къ обскурантизму и застою. Мы похожи на ту ворону, обращенную въ соловья, которая часто, по разсѣянности, каркала по вороньему. Если бы мы всѣ были таковы, нельзя было бы ожидать обществу ничего хорошаго при нашемъ поколѣніи.

Но есть и въ западной Европѣ люди, у которыхъ подъ либерализмомъ скрывается обскурантизмъ; ихъ образъ мыслей нелѣпъ и дуренъ, но онъ имѣетъ нѣкоторую связность, въ немъ нѣтъ рѣжущихъ глаза логическихъ несообразностей. Монталамберъ, напримѣръ, не

станетъ хвалить Робеспьера, не будетъ восхищаться Кромвелемъ. Зачѣмъ же у нашихъ просвѣщенныхъ обскурантовъ такая путанница въ понятіяхъ? Почему русскій человѣкъ способенъ на одной и той же страницѣ восхищаться Жанною Д'Аркъ и хвалить руанскій трибуналъ, который сжегъ ее за сношенія съ бѣсами? Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Наши либеральные обскуранты набираются, напримѣръ, своихъ понятій изъ отсталыхъ французскихъ книжекъ; въ этихъ книжкахъ все такъ хорошо, гладко, связно; но онѣ набиты узкими національными предубѣжденіями, нелѣпость которыхъ слишкомъ замѣтна каждому иностранцу. Русскій ученикъ по необходимости отбрасываетъ этотъ вздоръ въ родѣ того, что Наполеонъ въ 1812 году не былъ побѣжденъ, что бюллетени его не содержали безстыдной лжи, что французы—единственная великая нація въ свѣтѣ, и въ этомъ качествѣ никогда не грабили Германію и Италію, а должны, для счастія самихъ нѣмцевъ, владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, и т. д. Отъ этихъ выпусковъ оказываются въ системѣ большіе пробѣлы, и русскій ученикъ наполняетъ ихъ, какъ умѣетъ, лоскутами фактовъ и понятій, набранными откуда Богъ дастъ. Но мало того, что онъ самъ надѣлалъ пробѣловъ необходимыми выпусками: и въ полномъ своемъ иностранномъ видѣ отсталая теорія не касалась многихъ вопросовъ, спеціально важныхъ для русской жизни и неизбѣжно представляющихся мысли русскаго ученика. Онъ также старается пріискать для нихъ отвѣты, ввести ихъ въ чужую систему. По этимъ двумъ причинамъ жилетъ изъ французскаго атласа покрываетъ нашивками изъ англійскаго каленкора, сѣро-нѣмецкаго сукна и русской выбойки. Всѣ эти заплаты не производили бы арлекинскаго вида, если бы цвѣтомъ своимъ подходили къ основной ткани. Но главная нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что цвѣтъ заплатъ совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ для гармоніи. Первоначальная теорія была составлена, какъ мы сказали, людьми застоя или реакціи съ цѣлью охраненія и защиты старины. Намъ русскимъ нечего жалѣть въ нашей старинѣ и нѣтъ охоты защищать ее. Потому приставки наши имѣютъ обыкновенно совершенно не ту тенденцію, какъ первоначальная теорія. До сихъ поръ мы говорили вообще, теперь сошлемся въ частности на дѣятельность самого г. Чичерина въ подтвержденіе послѣднему обстоятельству. Мы видѣли, какого оттѣнка иностранные писатели, изученіемъ которыхъ онъ занятъ, изъ которыхъ онъ почерпаетъ основныя понятія свои о европейской жизни, съ которыми онъ, если и споритъ, то не какъ съ противниками своими по принципу, а какъ съ людьми, имѣющими только частные недостатки. Эти люди: Токвиль, Леонъ Фоше, Ла-

вернь, Гизо, Маколей и т. п. господа, то есть все это люди такъ называемаго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать, люди, которымъ застой гораздо милѣе всякаго смѣлаго историческаго движенія. Онъ споритъ съ ними, но и въ спорахъ видно, что онъ чрезвычайно уважаетъ ихъ, и вообще, какъ мы сказали, ихъ книги, ихъ теоріи служатъ ему главнымъ резервуаромъ мудрости. Но есть отрасль знаній, о которой они, къ несчастію, не писали и которою занимается г. Чичеринъ. Эта отрасль — русская исторія. И г. Чичеринъ написалъ превосходную книгу о русской администраціи въ Московскій періодъ. Прочтите эту книгу, и вы почувствуете надобность протерѣть глаза и снова заглянуть на обертку, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли эта книга написана тѣмъ же г. Чичеринымъ, который написалъ «Очерки Англіи и Франціи». Тотъ ли это человѣкъ, который предпочитаетъ Дареста Бонмеру? Вѣдь объ его «Областныхъ учрежденіяхъ» всѣ умѣренные западно-европейцы буквально сказали бы то самое, что сказалъ онъ о книгѣ Бонмера:

«Направленіе г. Чичерина вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею русской администраціи, сколько повѣствованіемъ о притѣсненіяхъ, ею оказывавшихся. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ преувеличеніемъ, которое невольно заставляетъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи.»

Эти слова списаны нами съ 280—281 стр. книги г. Чичерина; читатель можетъ сравнить ихъ съ отрывкомъ, который представили мы выше изъ его сужденій о Дарестѣ и Бонмерѣ. Нужно было только перемѣнить фамилію и выпустить два-три слова, относящіяся къ характеристикѣ слога, — и то самое, что̀ должно служить осужденіемъ Бонмеру, буквально примѣнилось къ самому г. Чичерину, которому впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ упрекъ всѣхъ тѣхъ качествъ, какими можетъ возбуждаться подобный отзывъ о его книгѣ со стороны умѣренныхъ прогрессистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко г. Чичерину опровергнуть ихъ упрекъ! Онъ можетъ сказать, и дѣйствительно говорилъ: вы заподозрѣваете фактическую вѣрность моихъ изображеній. Провѣрьте цитаты, и вы найдете, что

я пользовался источниками совершенно добросовѣстно. Вы говорите, что я выбралъ однѣ мрачныя черты,—пересмотрите источники, я предлагаю вамъ найти какія нибудь другія черты, кромѣ найденныхъ мною. Вы говорите, что я преувеличиваю. Я прошу васъ показать хотя одно мѣсто, въ которомъ я сказалъ бы что нибудь, кромѣ того, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ источники. Г. Чичеринъ говорилъ это, и оказалось, что онъ совершенно правъ, оказалось, что не онъ, а самые источники, самая жизнь нашихъ предковъ виновата въ томъ, если все содержаніе его изслѣдованія сводится къ однообразному результату: что дѣлала администрація въ XIII вѣкѣ? — Грабила. Что дѣлала она въ XV вѣкѣ? — Грабила. Что дѣлала она въ XVII вѣкѣ? — Грабила. Что жь было дѣлать г. Чичерину, если такъ говорили источники? Онъ былъ честенъ, добросовѣстенъ, и если у него не вышла идиллія, не онъ виноватъ.

И вотъ эта примѣсь собственной честной мысли, собственнаго добросовѣстнаго взгляда къ цѣлой массѣ понятій, на вѣру принятыхъ изъ теоріи застоя, реакціи, изъ теоріи, отвергающей всѣ тѣ живыя силы, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ, изъ теоріи людей, думающихъ взойти на гору безъ труда, сидящихъ въ болотѣ, чтобы не подвергнуться одышкѣ отъ усилій выйти изъ болота, — вотъ эта смѣсь собственной честности и собственнаго благородства съ чужою пошлостью производитъ тотъ безсвязный хаосъ не клеящихся одно съ другимъ понятій, который отпечатлѣлся на каждой страницѣ «Очерковъ Англіи и Франціи». Это сочетаніе противоестественно, разнородные элементы хаоса лѣзутъ прочь одинъ отъ другаго. Нельзя долго служить Еговѣ и Ваалу вмѣстѣ. Надобно отказаться отъ Еговы или сжечь Ваала. Мы смѣло предсказываемъ, что г. Чичеринъ скоро выйдетъ изъ той путаницы понятій, въ которой находится теперь.

Но въ какую сторону онъ выйдетъ изъ нея? Онъ человѣкъ честный, — это мы видимъ, и потому слѣдовало бы ему, когда онъ двинется съ распутія, на которомъ стоитъ теперь, пойти по той дорогѣ, по которой идутъ честные люди, если природа не обдѣлила ихъ умомъ, какъ не обдѣлила г. Чичерина. Быть защитникомъ притѣсняемыхъ, или защитникомъ притѣсненій, — выборъ тутъ не труденъ для честнаго человѣка.

Но мы начали съ того, что г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Ему трудно будетъ сознаться, — ни передъ нами, ни передъ публикою, — для людей съ благородной гордостью не трудно сознаваться въ своихъ ошибкахъ передъ другими,—нѣтъ, передъ самимъ собою ему трудно будетъ сознаться, что онъ былъ

введенъ въ заблужденіе обманчивымъ благозвучіемъ ложныхъ словъ; что именемъ безпристрастія прикрывалась вражда противъ новаго для сохраненія старинныхъ бѣдствій, именемъ справедливости прикрывалось эгоистическое равнодушіе къ чужимъ страданіямъ. Успѣетъ ли онъ одержать эту побѣду надъ самолюбіемъ, успѣетъ ли онъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ бы стать по своей честной натурѣ,— этого мы не знаемъ. А если г. Чичеринъ не успѣетъ одержать побѣды надъ чуждыми его благородству понятіями, онъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ЧТО ТАКОЕ ОБЛОМОВЩИНА?

(**Обломовъ**, романъ *И. А. Гончарова.* «Отеч. Записки» 1859 г. № I—IV).

> Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души умѣлъ бы сказать намъ это всемогущее слово «впередъ?» Вѣки проходятъ за вѣками, полмильона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко раждается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово...
>
> *Гоголь.*

Десять лѣтъ ждала наша публика романа г. Гончарова. Задолго до его появленія въ печати, о немъ говорили, какъ о произведеніи необыкновенномъ. Къ чтенію его приступили съ самыми обширными ожиданіями. Между тѣмъ первая часть романа, написанная еще въ 1849 г. и чуждая текущихъ интересовъ настоящей минуты, многимъ показалась скучною. Въ это же время появилось «Дворянское Гнѣздо», и всѣ были увлечены поэтическимъ, въ высшей степени симпатичнымъ талантомъ его автора. «Обломовъ» остался для многихъ въ сторонѣ; многіе даже чувствовали утомленіе отъ необычайно-тонкаго и глубокаго психическаго анализа, проникающаго весь романъ г. Гончарова. Та публика, которая любитъ внѣшнюю занимательность дѣйствія, нашла утомительною первую часть романа потому, что до самаго конца ея герой все продолжаетъ лежать на томъ же диванѣ, на которомъ застаетъ его начало первой главы. Тѣ читате-

ли, которымъ нравится обличительное направленіе, недовольны были тѣмъ, что въ романѣ оставалась совершенно нетронутою наша оффиціально-общественная жизнь. Короче — первая часть романа произвела неблагопріятное впечатлѣніе на многихъ читателей.

Кажется, не мало было задатковъ на то, чтобы и весь романъ не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла считать всю поэтическую литературу забавой и судить художественныя произведенія по первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ художественная правда скоро взяла свое. Послѣдующія части романа сгладили первое непріятное впечатлѣніе у всѣхъ, у кого оно было, и талантъ Гончарова покорилъ своему неотразимому вліянію даже людей, всего менѣе ему сочувствовавшихъ. Тайна такого успѣха заключается, намъ кажется, сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столько же и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа.

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ особенное богатство содержанія въ романѣ, въ которомъ, по самому характеру героя, почти вовсе нѣтъ дѣйствія. Но мы надѣемся объяснить свою мысль въ продолженіи статьи, главная цѣль которой и состоитъ въ томъ, чтобы высказать нѣсколько замѣчаній и выводовъ, на которые, по нашему мнѣнію, необходимо наводитъ содержаніе романа Гончарова.

«Обломовъ» вызоветъ, безъ сомнѣнія, множество критикъ. Вѣроятно, будутъ между ними и корректурныя, которыя отыщутъ какія нибудь погрѣшности въ языкѣ и слогѣ, и патетическія, въ которыхъ будетъ много восклицаній о прелести сценъ и характеровъ, и эстетично-аптекарскія, съ строгою повѣркою того, вездѣ ли точно, по эстетическому рецепту, отпущено дѣйствующимъ лицамъ надлежащее количество такихъ-то и такихъ-то свойствъ и всегда ли эти лица употребляютъ ихъ такъ, какъ сказано въ рецептѣ. Мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты пускаться въ подобныя тонкости, да и читателямъ, вѣроятно, не будетъ особеннаго горя, если мы не станемъ убиваться надъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ такая-то фраза характеру героя и его положенію, или въ ней надобно было нѣсколько словъ переставить, и т. п. Поэтому намъ кажется нисколько не предосудительнымъ заняться болѣе общими соображеніями о содержаніи и значеніи романа Гончарова, хотя, конечно, *истые критики* и упрекнутъ насъ опять, что статья наша написана не объ Обломовѣ, а только *по поводу* Обломова.

Намъ кажется, что въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить

общіе результаты, выводимые изъ его произведенія. Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь разсказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ.... За то плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) *согласіе съ идеею*, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ, и повидимому не хочетъ дать, никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужь ваше дѣло. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужь ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть. Тургеневъ, напримѣръ, разсказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, самъ увлекается той поэтической обстановкой, которой любитъ всегда окружать ихъ.... И его увлеченіе заразительно: оно неотразимо овладѣваетъ симпатіей читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени,—читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ наконецъ позабыть все прочитанное; но ему все-таки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи разсказа. У Гончарова нѣтъ ничего подобнаго. Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается.... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько.... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то.... Вы

холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты.... Вотъ онѣ дѣлаются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе.... и вдругъ, неизвѣстно-какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ передъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки.... Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ.... «И напрасно было бы прибавлять, думаетъ онъ: если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?...»

Въ этомъ умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его—заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ особенно отличается среди современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальныя свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его передъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ съуживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже, выраженіе ихъ — страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу. Такъ являются художники, сливающіе внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ по преимуществу рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и соціальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерца-

нія. Онъ ничѣмъ не́ увлекается исключительно, или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, *однимъ* моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и ровная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей она видитъ, что ошибалась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все. Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста черезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не вмѣшивается въ романъ. Лѣнь и апатія Обломова — единственная пружина дѣйствія во всей его исторіи. Какъ же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тотъ бы ее обдѣлалъ иначе: написалъ бы страничекъ пятьдесятъ, легкихъ, забавныхъ, сочинилъ бы милый фарсъ, осмѣялъ бы своего лѣнивца, восхитился бы Ольгой и Штольцомъ, да на томъ бы и покончилъ. Разсказъ никакъ бы не былъ скученъ, хотя и не имѣлъ бы особеннаго художественнаго значенія. Гончаровъ принялся за дѣло иначе. Онъ не хотѣлъ отстать отъ явленія, на которое однажды бросилъ свой взглядъ, не прослѣдивши его до конца, не отъискавши его причинъ, не понявши связи его со всѣми окружающими явленіями. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе. Поэтому во всемъ, что̀ касалось Обломова, не было для него вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но сѣрый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара; не только писаніе письма Обломовымъ, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему — все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого нибудь барона фонъ-Лангвагена, не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ

онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, если бы не успѣлъ исчерпать его на одной. Это, если хотите, вредитъ быстротѣ дѣйствія, утомляетъ безучастнаго читателя, требующаго, чтобъ его неудержимо завлекали сильными ощущеніями. Но тѣмъ не менѣе въ талантѣ Гончарова—это драгоцѣнное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній. Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ будто не оправдываются строгой необходимостью, какъ будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сживаться съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ-то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя, да какъ будто и не должно дѣйствовать. Мелкія подробности, безпрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ, производятъ наконецъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ, вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета. И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы. Они васъ долго преслѣдуютъ, вамъ хочется думать надъ ними, хочется выяснить значеніе и отношеніе къ вашей собственной жизни, характеру, наклонностямъ. Куда дѣнется ваша вялость и утомленіе; бодрость мысли и свѣжесть чувства пробуждаются въ васъ. Вы готовы снова перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, на насъ дѣйствовалъ Обломовъ: «Сонъ Обломова» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены мы прочли по нѣскольку разъ; весь романъ почти сплошь прочитали мы два раза, и во второй разъ онъ намъ понравился едва ли не болѣе, чѣмъ въ первый. Такое обаятельное значеніе имѣютъ эти подробности, которыми авторъ обставляетъ ходъ дѣйствія и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *растягиваютъ* романъ!

Такимъ образомъ Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности, или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ ху-

донникѣ слабость восприимчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ, безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это — нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей, — даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень восприимчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ — несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паѳоса. Если человѣкъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его, — это значитъ, что у него чуткая восприимчивость соединяется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это —

Какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ.

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя, недвижныя формы, — всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить саму жизнь, навсегда укрѣпить и поставить передъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь.

Такое могущество, въ высшемъ своемъ развитіи, стоитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестью или энергіей таланта. Но и это могущество имѣетъ свои степени, и кромѣ того — оно можетъ быть обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы расходимся съ приверженцами такъ называемаго *искусства для искусства*, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ

быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности.

Какъ же выразился, на что потратился талантъ Гончарова? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ служить разборъ содержанія романа.

Повидимому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ-лѣнивецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его, — не Богъ вѣсть какая важная исторія. Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью, въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это — *обломовщина;* оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова, гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени.

Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось предъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и за тѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серьёзныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣ-

шій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ «Обломовымъ.» Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между нимъ и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время появлявшимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ; «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущество своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

«Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?... И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался.

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать—есть кому; тутъ ужь даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите, пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

«Захаръ,—какъ, бывало, нянька,—натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ курточку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться, и т. п.

«Захочетъ ли чего нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужь трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что нибудь, достать ли ему нужно вещь да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

«— Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!...

«И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: «Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!»

«Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!...» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: «ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься....» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.»

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку, и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣвается; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться? Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе, — что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою.... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьёзно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, маль-

чикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьёзной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Ка̀къ въ первый разъ они вглянутъ на жизнь навыворотъ,—такъ ужь потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и недопуская ихъ уложиться на дно души.... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что нибудь, да не знаетъ онъ, что̀ ему начать, куда обратиться.... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; за то онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ.... А Обломовъ.... онъ не привыкъ дѣлать что нибудь, слѣдовательно не можетъ хорошенько опредѣлить, что̀ онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, — слѣдовательно не можетъ и серьёзно, *дѣятельно* захотѣть чего нибудь.... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но ка̀къ это можетъ сдѣлаться, — онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого нибудь другаго, а если нѣтъ никого, то на *авось*....

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истиной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, коренную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ — человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: «взбѣгалъ на галерею (куда не позволялось

ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ.» А то — «забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ въ-сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька.» Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго. Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ, — есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно такъ же, какъ и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого нибудь звѣрства натуры; и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ.... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ нибудь иначе. Но—къ несчастью иль къ счастью—Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей ассигнацій, и вслѣдствіе того могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. За то въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруcланъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напр. народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія.» А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа, и всѣ покланяются ему.... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ,

тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ,—развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе.... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся,—а не поработаютъ, такъ и не поѣдятъ.... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной, именно тѣмъ, что онъ *баринъ*, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ.» И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостнаго Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другаго. По крайней мѣрѣ — чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать; а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится.... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего уже и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по умственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его.... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности — до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ онъ создаетъ планъ

устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ, — только «подробности, смѣты и цыфры» пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что гдѣ же ему съ ними возиться!... Онъ — баринъ, какъ объясняетъ самъ Ивану Матвѣичу: «кто я, что такое? спросите вы.... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите:—на то наука!» И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? Нѣтъ, онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло. Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: «я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что̀ богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что̀ она стòитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что̀ сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій — я ничего не знаю!... Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку....» Иначе сказать: будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣлайте мнѣ изъ него, сколько найдете для себя удобнымъ.... Такъ на дѣлѣ-то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ-было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ, къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда не шло!... Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, «какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ.» Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключался не въ чемъ другомъ, какъ въ сытной жизни, — съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу и т. п., — въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ, да для промежуточнаго отдыха—въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ. Разсудокъ Обломова такъ успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже

въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?... Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ — и не могъ понять, зачѣмъ это бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выдти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ — и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать женщинъ..... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ «муравьиной работѣ людей», убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего....

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться къ литературной параллели, о которой упомянули выше. Предъидущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ

чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр. «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда», — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество, за тѣмъ, что его

Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли.

И вотъ онъ занялся писаньемъ:

Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его....

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ». Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону». Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ, — Сэя даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» спрашиваетъ его потомъ Штольцъ.—«Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ», отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ.... А принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи, несмотря на разницу своихъ положеній и умственнаго развитія. Печоринъ только смотрѣлъ свысока на «поставщиковъ повѣстей и сочинителей мѣщанскихъ драмъ»; впрочемъ и онъ писалъ свои записки. Что касается Бельтова, то онъ навѣрное сочинялъ что нибудь, да еще кромѣ того артистомъ былъ, ходилъ въ эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь.... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ.... Во всей семьѣ таже обломовщина....

Относительно «присвоенія себѣ чужаго ума», т. е. чтенія, Обломовъ тоже не много расходится съ своими братьями. Илья Ильичъ

читалъ тоже кое-что, и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: «давно, говоритъ, не читалъ книги»; «дай-ко, почитаю книгу»,—да и возьметъ, какая подъ руку попадется.... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно. «Услышитъ о какомъ нибудь замѣчательномъ произведеніи,—у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подлѣ него, недочитанная, непонятая. Охлажденіе одолѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ». Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтеніе скоро ему надоѣло, и —

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги, (благо онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой),—большею частію во время обѣда: «съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ и даже съ пирожнымъ».... Рудинъ тоже признается Лежневу,—что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтія былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общія идеи, а «подробности, смѣты и цифры» постоянно оставались въ сторонѣ.

«Но вѣдь это еще не жизнь,—это только приготовленіе къ жизни»,—думалъ Андрей Иванычъ Тентетниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни йоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь—это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ.... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ же хотѣлъ принести

пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»;— онъ не захотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и таже обломовщина....

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцалуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина, —
Вотъ жизнь Онѣгина святая....

Тоже самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцалуй черноокой бѣглянки не забытъ у Обломова. «Одна изъ крестьянокъ,—мечтаетъ Илья Ильичъ,—съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс... жена чтобъ не увидала, Боже сохрани!» (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ).... И если бъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: «наслаждайся, молъ, мною, да и только».... Ужь на что, кажется, Печоринъ да и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который «въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче.... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе».... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: «отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?» Онъ самъ полагаетъ,— оттого, что «душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣя-

тельности»…. Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать… А ужь коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу…. Таже обломовщина….

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. «Это все чернорабочіе,» небрежно отзывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужь разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Тентетниковъ даже,—ужь на что смирный,—и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что «какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній;» а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, раззнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться. И нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и «другими»; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего это люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество, и проч. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. «Жизнь, говоритъ, въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!…» И за тѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, движущуюся на пружинкахъ; не прочь они и порабо-

тить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего нибудь серьёзнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что предъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, — они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная! Онѣгинъ, который такъ рано «умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ,» который женщинъ «искалъ безъ упоенья, а оставлялъ безъ сожалѣнья», — Онѣгинъ струсилъ передъ Татьяной, дважды струсилъ, и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, вѣдь, нравилась съ самаго начала, и если бы любила менѣе серьёзно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другаго полюбитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что «замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить», и что

Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ.

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Круциферской, какъ извѣстно, тоже не посмѣлъ идти до конца и убѣжалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить. Рудинъ — этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья хотѣла отъ него добиться чего нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не съумѣлъ, какъ только посовѣтовать ей «покориться». На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему «было не въ привычку» имѣть дѣло съ такими женщинами, какъ она. Такимъ же оказывается и Печоринъ, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что кромѣ женщинъ онъ ничего въ свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что во первыхъ, «не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!» во вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. «Какъ бы страстно я ни любилъ женщину», говоритъ онъ, «но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего.

Это какой-то врожденный страхъ, необъяснимое предчувствіе» и т. д. А въ сущности, это — больше ничего, какъ обломовщина!

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ, напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно *обладать* женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ *робостью* предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало недовольно согласія Ольги, и онъ — что̀ бы вы думали?... онъ началъ — пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его... А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, притворялся больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать и т. д. И все отчего? оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что̀ не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина: у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобъ онъ предъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это ужь была бы *жертва*, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ между тѣмъ очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину впору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное, рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Наталье, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: «я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со̀ мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другаго, болѣе достойнаго.»

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты....
Полюбите вы снова: но....
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ....
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ тѣй цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: «начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, — ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя поподчивалъ!» Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательствъ на себя рисуется предъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужь не тяжело, что онъ почти счастливъ».... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви», и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничиженія передъ Ольгой: онъ бросился подсмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и — не могъ удержаться, чтобы не предстать предъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастьи.» Тутъ уже онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

«Однако же, возопіютъ глубокомысленные люди, — въ вашей параллели, несмотря на подборъ видимо одинаковыхъ фактовъ, совсѣмъ нѣтъ смысла. При опредѣленіи характера не столько важны внѣшнія проявленія, сколько побужденія, вслѣдствіе которыхъ то или другое дѣлается человѣкомъ. А относительно побужденій, какъ же не видѣть неизмѣримой разницы между поведеніемъ Обломова и образомъ дѣйствій Печорина, Рудина и другихъ?... Этотъ все дѣлаетъ по инерціи, потому что ему лѣнь самому съ мѣста двинуться и лѣнь упереться на мѣстѣ, когда его тащутъ; вся его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы лишній разъ пальцемъ не пошевелить. А тѣ снѣдаются жаждою дѣятельности, съ жаромъ за все принимаются, ихъ безпрестанно . . . . .

Овладѣваетъ безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ

и другіе недуги, признаки сильной души. Если они и не дѣлаютъ ничего истинно-полезнаго, такъ это потому, что не находятъ дѣятельности, соотвѣтствующей своимъ силамъ. Они, по выраженію Печорина, подобны генію, прикованному къ чиновничьему столу и осужденному переписывать бумаги. Они выше окружающей ихъ

дѣйствительности и потому имѣютъ право презирать жизнь и людей. Вся ихъ жизнь есть отрицаніе въ смыслѣ реакціи существующему порядку вещей; а его жизнь есть пассивное подчиненіе существующимъ уже вліяніямъ, консервативное отвращеніе отъ всякой перемѣны, совершенный недостатокъ внутренней реакціи въ натурѣ. Можно ли сравнивать этихъ людей? Рудина ставить на одну доску съ *Обломовымъ*!... Печорина осуждать на тоже ничтожество, въ какомъ погрязаетъ Илья Ильичъ!... Это совершенное непониманіе, это нелѣпость, это — преступленіе!...»

Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ, — мы вѣдь и позабыли, что съ глубокомысленными людьми надо держать ухо востро: какъ разъ выведутъ такія заключенія, о которыхъ вамъ даже и не снилось. Если вы собираетесь купаться, а глубокомысленный человѣкъ, стоя на берегу со связанными руками, хвастается тѣмъ, что онъ отлично плаваетъ, и обѣщаетъ спасти васъ, когда вы станете тонуть,—бойтесь сказать: «да помилуй, любезный другъ, у тебя вѣдь руки связаны; позаботься прежде о томъ, чтобъ развязать себѣ руки». Бойтесь говорить это, потому что глубокомысленный человѣкъ сейчасъ же ударится въ амбицію и скажетъ: «а, такъ вы утверждаете, что я не умѣю плавать! Вы хвалите того, кто связалъ мнѣ руки! Вы не сочувствуете людямъ, которые спасаютъ утопающихъ!...» И такъ далѣе... глубокомысленные люди бываютъ очень краснорѣчивы и обильны на выводы самые неожиданные.... Вотъ и теперь: сейчасъ выведутъ заключеніе, что мы Обломова хотѣли поставить выше Печорина и Рудина, что мы хотѣли оправдать его лежанье, что мы не умѣемъ видѣть внутренняго, кореннаго различія между нимъ и прежними героями, и т. д... Поспѣшимъ же объясниться съ глубокомысленными людьми.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента напр. у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и у Рудина съ Бельтовымъ.... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и таже обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ бы истинно-добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы вели-

кіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія можетъ быть и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, а нашли бы себѣ какое нибудь полезное занятіе.... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ всѣхъ одна общая черта — безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выдти, но не выйдетъ ничего.... Въ этомъ они поразительно сходятся. «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существовала и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій,—лучшій цвѣтъ жизни.» Это — Печоринъ.... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. «Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ....» Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ «болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища.» Видите—*сокровища* были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, «по свѣту рыщутъ,

Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ....

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разработыванія неистощимыхъ источниковъ....» Да и теперь онъ «не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ, и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей....

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньемъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ — байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но во первыхъ,—у Обломова темпераментъ слишкомъ вялый, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или желчный Печоринъ. Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны предъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьёзная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда и которая нѣжно полюбила его.... Да скажите, у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что̀ всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ, и Тентетниковъ хозяйничали въ своемъ имѣньи, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: «экой востроногій!» Но скоро тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ.... А дружба? Что̀ они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго.... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?... Что же они? Соединились ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было.... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной.... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его.... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ:

они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя–тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало быть онъ уже для молодаго поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы.... Онъ въ университетѣ, какихъ нибудь 17—18-ти лѣтъ, прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него было только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность, — не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но по крайней мѣрѣ тутъ нѣтъ лжи и обморочиванья. Если бъ онъ, подобно своимъ братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испыталъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома—очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразёровъ, толкующихъ о необходимости того и другаго, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить.... Но теперь всякаго фразёра и прожектёра встрѣчаютъ требованіемъ: «а не угодно ли попробовать?» Этого ужь обломовцы не въ силахъ снести....

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда по прочтеніи Обломова, думаешь, что̀ вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта, и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы и у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе; явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями, дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій, невѣдомый лѣсъ, шли по топкому, опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево, — отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобы отдох-

нуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей, шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались: лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ взлѣзая на дерево, они изцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки.... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и разчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ разчисткѣ лѣса: на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку не вышло, — не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало по малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже — Обломовы въ собственномъ смыслѣ.... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья.... Наконецъ толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево; но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ разчисткой трудиться нечего. — Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: «э, да вы всѣ Обломовы!» И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ, образуютъ тропинку, бьютъ

презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что встрѣчается ему на его дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ, куда идти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава, ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава—удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу, и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышенъ, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности.... Вы припоминаете, что это исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу.... Всмотритесь, пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова....

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь, онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому.... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и—не можетъ отдаться.... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая наконецъ говоритъ ему, что несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ ско-

ро!... Дѣлать нечего, — надо покориться!...» И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужь и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни, — вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ, значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что̀ она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла. Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранятъ его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложатъ тѣ же условія, да еще сохранятъ его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель броситъ авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру, говоря высокимъ слогомъ, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ. Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это — слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ *почетный халатъ* (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію. Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ, — у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ — возможно-невозмутимый покой, квіетизмъ, обломовщина.

Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ «Экономическомъ Указателѣ» разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертью отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ....

Да, всѣ эти обломовцы никогда не переработывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что̀ пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы любоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья, — они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ безпокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ что мы знаемъ, вотъ что мы думаемъ, а впрочемъ—какъ тамъ хотятъ, наше дѣло сторона... Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствомъ, — и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣгинъ долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но теперь ужь всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ.

Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено.

Слово это — *обломовщина.*

Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, — я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку....

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствіи и скажите: «вы говорите, что не хорошо то и то; что̀ же нужно дѣлать?» Они не знаютъ.... Предложите имъ самое простое средство, — они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать? — Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами....» и пр. (См. Тург. Пов. ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ,» говоритъ онъ устами Штольца,

и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала, или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

«Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно.... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться.»

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надувать другихъ, а ужь такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него *можно положиться?* Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что, ни про что. Онъ все это

терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще по прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь, — *въ настоящее время, когда* и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

«Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ.... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ.... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужь клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не правда ли, образованный и благородно мыслящій читатель,— вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ: у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ море (такихъ большая

часть); у другихъ мысли выростаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужь совсѣмъ мало)....

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова, представляетъ

....нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ,—

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но мы не можемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодаго, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности.

Отдавая дань своему времени, г. Гончаровъ вывелъ и противоядіе Обломову — Штольца. Но по поводу этого лица мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе, — что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества, (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаются). Самъ авторъ сознавалъ это, говоря о нашемъ обществѣ: «вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса.... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штольцъ человѣкъ дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоритъ, что жить — значитъ трудиться, и пр. Но что онъ дѣлаетъ и какъ онъ ухитряется дѣлать что нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать,—это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича; —какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича;—какъ? это мы знаемъ. Поѣхалъ къ начальнику Ивана Матвѣича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески,—Ивана Матвѣича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже и изъ службы выходить приказали. И по дѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю, Штольцъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля. Да и нельзя еще: рано.

Теперь еще, — хоть будь семи пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности — можешь, пожалуй, быть *добродѣтельнымъ откупщикомъ* Муразовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Костанжогло,—но далѣе не пойдешь.... И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова, какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ исключительномъ счастьи.... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще разчищать лѣсъ, чтобы выдти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины. Дѣлалъ ли что нибудь *для* этого Штольцъ, что именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ,—мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью.... Можемъ сказать только то, что не онъ тотъ человѣкъ, который «съумѣетъ, на языкѣ, понятномъ *для* русской души, сказать намъ это всемогущее слово: «впередъ!»

Можетъ быть, Ольга Ильинская способнѣе, нежели Штольцъ, къ этому подвигу, ближе его стоитъ къ нашей молодой жизни. Мы ничего не говорили о женщинахъ, созданныхъ Гончаровымъ, ни объ Ольгѣ, ни объ Агафьѣ Матвѣевнѣ Пшеницыной (ни даже объ Анисьѣ и Акулинѣ, которыя тоже отличаются своимъ особымъ характеромъ), потому что сознавали свое совершеннѣйшее безсиліе—что нибудь сносное сказать о нихъ. Разбирать женскіе типы, созданные Гончаровымъ, значитъ предъявлять претензію быть великимъ знатокомъ женскаго сердца. Не имѣя же этого качества, женщинами Гончарова можно только восхищаться. Дамы говорятъ, что вѣрность и тонкость психологическаго анализа у Гончарова—изумительна, и дамамъ въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить.... Прибавить же что нибудь къ ихъ отзыву мы не осмѣливаемся, потому что боимся пускаться въ эту, совершенно невѣдомую *для* насъ, страну. Но мы беремъ на себя смѣлость, въ заключеніе статьи, сказать нѣсколько словъ объ Ольгѣ и объ отношеніяхъ ея къ обломовщинѣ.

Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться въ ея даже поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ.» Но слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно

вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь, отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину.... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразованіе.... Долго и упорно, съ любовью и нѣжной заботливостью, трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все, пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявлявшуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д. — «Нѣтъ, отвѣчаетъ она, — неправда: еслибъ вы думали только о моемъ счастьи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она со временемъ пойметъ, что ошибалась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другаго. Она спрашиваетъ, въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другаго, и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь.» Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество.... Потомъ, — какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности. Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и уже не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но своимъ поступкомъ она уничтожаетъ его, какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиной. Татьяна говоритъ Онѣгину, въ заключеніи романа:

Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна....

Итакъ только внѣшній нравственный долгъ спасаетъ ее отъ этого пустаго фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею. Наталья оставляетъ Рудина только потому, что онъ самъ уперся на первыхъ же порахъ, да и проводивъ его, она убѣждается только въ томъ, что онъ ея не любитъ, и ужасно горюетъ объ этомъ. Нечего и говорить о Печоринѣ, который успѣлъ заслужить только *ненависть* княжны Мери. Нѣтъ, Ольга не такъ поступила съ Обломовымъ. Она просто и кротко сказала ему: «я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ.... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей.... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю!» И она оставляетъ Обломова, и она стремится къ своему *чему-то*, хотя еще и не знаетъ его хорошенько. Наконецъ она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ, счастлива; но и тутъ не останавливается, не замираетъ. Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее, она чего-то допытывается. Авторъ не раскрылъ предъ нами ея волненій во всей ихъ полнотѣ, и мы можемъ ошибиться въ предположеніи на счетъ ихъ свойства. Но намъ кажется, что это въ ея сердцѣ и головѣ вѣяніе новой жизни, къ которой она несравненно ближе Штольца. Думаемъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ.

«— Что же дѣлать? поддаться и тосковать, спросила она.

«— Ничего, сказалъ онъ: — вооружаться твердостью и спокойствіемъ. Мы не Титаны съ тобой, продолжалъ онъ обнимая ее: — мы не пойдемъ, съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и....

«— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?... спрашивала она.

«— Чтожь? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля.... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, — когда нѣтъ опоры. А у *насъ*»....

Онъ не договорилъ, что *у насъ*.... Но ясно, что это *онъ* не хочетъ «идти на борьбу съ мятежными вопросами», *онъ* рѣшается «смиренно склонить голову»... А она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней

и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцемъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи. Ясно, что она не хочетъ склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты—принять ихъ, какъ новую стихію жизни, и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она съумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ произнести надъ нею судъ безпощадный....

Н. ———БОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1858 г. Спб. 1858 г.

Петербургская публичная библіотека, давно уже ставшая на ряду съ знаменитѣйшими книгохранилищами Европы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошедшая ихъ, не перестаетъ обогащаться новыми пріобрѣтеніями и совершенствоваться въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Нынѣшній отчетъ, подобно предъидущимъ, представляетъ весьма много фактовъ, свидѣтельствующихъ непрерывную заботливость начальства библіотеки о пополненіи ея сокровищъ. Болѣе трехъ четвертей нынѣшняго отчета занято исчисленіемъ пріобрѣтеній библіотеки въ минувшемъ году, и въ числѣ ихъ поименовано много замѣчательныхъ книгъ и рукописей. Въ прошломъ году библіотекою пріобрѣтено въ полномъ составѣ нѣсколько замѣчательныхъ коллекцій книгъ и рукописей. Таковы: 1) коллекція греческихъ и восточныхъ палимпсестовъ и рукописей, профессора Тишендорфа, 2) коллекція рѣдчайшихъ инкунабулъ, купленныхъ въ маѣ 1858 г. въ Аугсбургѣ, въ которой находится между прочимъ экземпляръ знаменитой мазариновской библіи (между 1450—1455 г.); 3) библіотека покойнаго курляндскаго ландгофмейстера барона Клопмана, около 5000 нумеровъ; 4) библіотека покойнаго дѣйств. стат. совѣтника Аделунга, до 4000 томовъ печатныхъ книгъ и до 670 рукописей; 5) библіотека покойнаго барона Виттенгейма, — 1385 томовъ; 6) коллекція книгъ (10,591 томъ), переданныхъ комитетомъ иностранной цензуры изъ числа поступившихъ въ него съ 1815

по 1854 г.; 7) коллекція привилегій или патентовъ на разныя изобрѣтенія, выданныхъ англійскимъ правительствомъ съ XVII-го в. до нашего времени. Главная часть ихъ (около 25,000) еще въ 1857 году была принесена въ даръ библіотекѣ англійскою коммиссіею о привилегіяхъ; нынѣ прислано продолженіе (около 4000 брошюръ).

Кромѣ цѣльныхъ коллекцій, библіотека дѣлала покупки и получала приношенія и отдѣльныхъ изданій.

Между купленными библіотекою, укажемъ на два изданія, любопытныя въ историко-литературномъ отношеніи: 1) *Масонскіе хоры и пѣсни*, книга безъ заглавнаго листа, содержащая въ себѣ два хора и 42 пѣсни; 2) *Разскащикъ забавныхъ басенъ*, — вновь открытое періодическое изданіе 1781 г., представляющее новый матеріалъ для трудовъ нашихъ библіографовъ. Въ послѣднемъ листкѣ «Разскащика» находятся стихи, приведенные въ «Отчетѣ»; мы рѣшаемся выписать ихъ. Издатель говоритъ о себѣ, что онъ «*благонравіе* полагалъ первымъ *предмѣтомъ*, чтобъ ево прославить.» Затѣмъ вдохновляется и говоритъ стихами:

Сколь было силы всей, къ писанью прилѣжалъ
И слово данное свое во всемъ здѣржалъ,
Журнала онаго по званью:
Благоразумію стараясь угодить;
Невежество же симъ привѣлъ къ не годованью!
Всѣ равно начали о семъ судить:
Пороки поклялись своей душею
Разкащика гдѣбъ попалъ, сломить ему тутъ *шею!*...
Въ такомъ случае чтожь начать?
Потребно замолчать.

Между частными приношеніями отмѣтимъ слѣдующія:

«*Муравейникъ*, литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей. 1831 г. (Спб. въ типографіи Главнаго Штаба), пять нумеровъ; небольшой журналъ, задуманный и издававшійся В. А. Жуковскимъ, съ участіемъ членовъ царственнаго семейства и собственно *для нихъ однихъ*, и составляющій теперь библіографическую драгоцѣнность.»

«*Горе отъ ума*, Грибоѣдова, in 4°, 99 страницъ, безъ мѣста и года печати и безъ цензурнаго разрѣшенія; изданіе, сколько можно судить по шрифту, напечатанное въ тридцатыхъ годахъ, съ рукописи, безъ пропусковъ и съ сохраненіемъ даже грамматическихъ ошибокъ переписчика.»

Покупки библіотеки простирались въ 1858 г. до 9,306 томовъ (въ 1857 г. было куплено 9,135 томовъ). Всѣхъ книгъ прибавилось 38,136 томовъ.

Относительно пользованія сокровищами библіотеки въ прошломъ году также сдѣланы были нѣкоторыя новыя усовершенствованія. Такъ въ прошломъ году устроены: выставка автографовъ знаменитыхъ русскихъ людей, выставка палимпсестовъ, выставка греческихъ рукописей, выставки древнѣйшихъ образцовъ книгопечатанія и гравюръ, найденныхъ въ древнихъ переплетахъ. Число подобныхъ выставокъ могло бы быть, по словамъ «Отчета», значительно еще увеличено, если бы библіотека не стѣнялась постоянно недостаткомъ мѣста. Впрочемъ, «Отчетъ» сообщаетъ свѣдѣніе, что библіотекѣ нынѣ даны уже средства къ расширенію ея помѣщенія, и въ нынѣшнемъ же году приступлено будетъ къ построенію новой читальной залы.

Пользованіе богатствами библіотеки значительно облегчится и, конечно, расширится въ своихъ размѣрахъ, когда будутъ окончены каталоги, которыхъ составленіе дѣятельно продолжается чиновниками библіотеки. До настоящаго времени уже внесено въ каталоги— въ русскомъ отдѣленіи 25,169 сочиненій (болѣе, чѣмъ во всѣхъ до селѣ бывшихъ у насъ каталогахъ; у Сопикова 13,249, у Смирдина съ прибавленіями, — 18,364); въ отдѣленіи рукописей составленъ г. Муральтомъ *систематическій* каталогъ греческихъ рукописей, съ критическими замѣчаніями о текстѣ и редакціяхъ. Этотъ каталогъ уже приготовленъ къ печати. Кромѣ того кончены въ прошломъ году: систематическій и хронологическій каталоги библейскихъ книгъ, инвентарь всего отдѣленія классиковъ, сводный каталогъ всѣхъ сочиненій на польскомъ языкѣ, разсѣянныхъ по разнымъ отдѣленіямъ библіотеки, каталоги беллетристики — англійской, голландской, португальской, испанской и польской.

Число читателей въ библіотекѣ и въ прошломъ году превзошло число предъидущаго года. Всѣхъ читателей было 34,275, а въ 1857 г. 31,151 (въ 1856 — 27,866), билетовъ для чтенія выдано 3716, а въ 1857 — 3512 (въ 1856 — 2875). Ими вытребовано книгъ: на русскомъ языкѣ 50,638 томовъ (въ 1857 — 49,671, а въ 1856 — 37,003), и на иностранныхъ 20,758 (въ 1857 — 18,509, а въ 1856— 14,590). Такимъ образомъ въ прошломъ году количество однѣхъ русскихъ книгъ, выданныхъ въ чтеніе, почти равнялось всему количеству книгъ, читанныхъ въ библіотекѣ въ 1856 г. (тогда выдано было всего 51,593 тома, въ 1857 — 68,189, въ 1858 — 71,396).

Въ концѣ отчета помѣщена вѣдомость о читателяхъ по состояніямъ. Изъ нея оказывается, что болѣе трети читателей составляли воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, изъ прочихъ же читателей всего болѣе было чиновниковъ 8, 9 и 10-го класса, а изъ во-

военныхъ — поручиковъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ и корнетовъ.

Всего болѣе книгъ требовалось по тому разряду, который названъ въ вѣдомости «Отчета» общимъ именемъ *полиграфіи*. Въ иностранныхъ отдѣленіяхъ число это не такъ велико — 2435, но въ русскомъ простирается до 22,555, т. е. почти половина всѣхъ выданныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году и книги русскаго отдѣленія перечислены по предметамъ, что даетъ возможность составить болѣе полное понятіе о характерѣ читательскихъ требованій въ библіотекѣ. Такимъ образомъ наибольшее количество книгъ, послѣ полиграфіи, было требовано по исторіи (9360 русскихъ и 3870 иностранныхъ) и по богословію (4129 русскихъ и 983 иностранныхъ). Всего менѣе требовалось книгъ по философіи (русскихъ 882 и иностранныхъ 655). По естественнымъ наукамъ и математикѣ русскихъ книгъ было выдано 3713, а иностранныхъ 5113. Кромѣ того въ русскомъ отдѣленіи показана медицина (2439 книгъ), который въ иностранномъ ея почему-то нѣтъ.

Что касается до изысканія средствъ для удовлетворенія книгами всѣхъ читателей, желающихъ заниматься въ библіотекѣ, до сихъ поръ библіотека съ честію выходила изъ всѣхъ затрудненій, неизбѣжныхъ при такой огромной массѣ книжныхъ богатствъ и при желаніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ читателей. Объ успѣхахъ, которыхъ она достигла, свидѣтельствуетъ уже громадное приращеніе числа занимающихся въ ней. Но теперь это самое приращеніе налагаетъ на нее новыя заботы относительно удобствъ читателей. Читальная зала становится тѣсною, и начальство библіотеки уже испросило разрѣшеніе на устройствѣ второй читальной залы. Но кромѣ того, при огромномъ количество читателей, неизбѣжно является другое неудобство въ самой выдачѣ книгъ. Чаще и чаще нынѣ библіотека должна отвѣчать на требованія, что книга *въ чтеніи*; чаще и чаще приходится читателю ждать нужной книги. Это особенно проявляется въ библіотекѣ потому, что въ ней очень много читателей одного разряда, часто имѣющихъ надобность въ однѣхъ и тѣхъ же книгахъ, какъ, напримѣръ, студенты медицинской академіи, многіе изъ студентовъ университета, принадлежащіе къ одному факультету. Поэтому на нѣкоторыя книги требованія безпрерывно возобновляются. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя изданія Археографической Коммиссіи, Неволинъ, Соловьевъ и проч. Случается также, что записавшій книгу не получаетъ ее потому, что она въ чтеніи. Черезъ день она сдана читателемъ и выдается другому, который записалъ ее въ этотъ день. Тотъ же, который записывалъ ее прежде, опять долженъ ждать, пока она освободится отъ

втораго читателя, да и тутъ, можетъ быть, не успѣетъ получить ее. Неудобство это, разумѣется, неизбѣжно при многочисленномъ стеченіи читателей; но, можетъ быть, есть средства, хотя нѣсколько смягчить его. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ книгъ, болѣе и чаще другихъ требуемыхъ, можно бы имѣть дублеты и выдавать ихъ, если не по первому, то по крайней мѣрѣ по второму требованію. Кромѣ того, нельзя ли было бы устроить, чтобы карточки о тѣхъ книгахъ, которыя находятся въ чтеніи, не оставались въ общей массѣ карточекъ, а, напримѣръ, вкладывались въ самую книгу, возлѣ закладки читающаго? Или нельзя ли бы въ общей росписи выдаваемыхъ книгъ отмѣчать противъ № книги № новаго требователя. Это, или что нибудь подобное, могло бы служить для той цѣли, чтобы книга всегда попадала въ руки того, кто раньше ее потребовалъ.

Впрочемъ, замѣчая, что неудобство, указанное нами, происходитъ отъ чрезмѣрнаго обилія читателей, мы тѣмъ самымъ уже говоримъ, что это неудобство ничтожно. Тысячи людей приходятъ сюда и встрѣчаютъ здѣсь рѣдкія удобства, наполняющія ихъ сердце чувствами благодарности и уваженія къ дѣятельности начальства Библіотеки, столь заботливаго и предусмотрительнаго. Что же могутъ значить какія нибудь частныя, всегда неизбѣжныя, желанія, въ сравненіи съ безусловною, въ фактахъ выражаемою, признательностью этихъ тысячъ, съ году на годъ все увеличивающихся!

Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка. Переводъ *И. С. Тургенева*. Спб. 1859 г.

Въ началѣ прошлаго года вышли «Народні Оповіданьня» Марка Вовчка, на малороссійскомъ языкѣ, и имѣли необыкновенный успѣхъ въ малороссійской публикѣ. Успѣхъ этотъ, вполнѣ заслуженный, во многихъ изъ незнающихъ помалороссійски возбудилъ желаніе прочесть ихъ въ русскомъ переводѣ. Нѣсколько разсказовъ было переведено въ нашихъ журналахъ, но переводы эти не были удовлетворительны, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ И. С. Тургеневъ въ предисловіи къ своему переводу, «носили на себѣ слишкомъ ясный отпечатокъ малороссійской рѣчи.» Желая дать русской публикѣ возможность сколько можно лучше и ближе познакомиться съ прекрасными разсказами Марка Вовчка, ихъ взялся перевести Тургеневъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что задача его была—«соблюсти въ переводѣ чистоту и правильность роднаго языка и въ то же время сохранить по возможности ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацію, которою исполнены «Народные Разсказы». Насколько удалась ему его задача, въ особенности ея вторая,

труднѣйшая часть, — онъ предоставляетъ судить благосклонному читателю. Конечно, рѣшительное сужденіе объ этомъ всего лучше могутъ дать малороссы, хорошо знающіе порусски. Но мы съ своей стороны должны замѣтить, что если кто нибудь изъ великоруссовъ, способенъ къ совершенно удовлетворительному исполненію подобной задачи, такъ это именно Тургеневъ. Въ его собственномъ талантѣ столько поэтической граціи и прелести, его сочувствія такъ близки къ народной жизни, что онъ могъ приложить къ этому дѣлу свою душу, и это ручается намъ, что русская публика получаетъ теперь переводъ Украинскихъ Разсказовъ Марка Вовчка, не уступающій оригиналу. Чтобы дать понятіе о способѣ выраженія, употребляемомъ въ разсказахъ, и о характерѣ перевода, мы рѣшились привести ниже цѣлый небольшой разсказъ «Одарка,» по переводу Тургенева, вставивши его въ отзывъ о «Народныхъ Оповіданьяхъ,» написанный однимъ изъ лучшихъ знатоковъ малороссійскаго языка и письменности, г—мъ К., еще при первомъ появленіи ихъ въ малороссійскомъ подлинникѣ.

Вотъ что писалъ г. К.

«Народні оповіданья» Марка Вовчка представляютъ собраніе разсказовъ изъ простонароднаго быта, передаваемыхъ народною рѣчью, большею частію отъ лица женщинъ. Личность автора не видима. На каждомъ шагу читатель встрѣчаетъ картины, поражающія красотою, тѣмъ болѣе цѣнныя, что написаны безъ притязанія на искусство. Нигдѣ не видно старанія изобразить предметъ, какъ можно шире и нагляднѣе: авторъ довольствуется характеристическими чертами и на всѣхъ его разсказахъ лежитъ отпечатокъ сжатости и выпуклости образовъ. Въ этомъ отношеніи въ нихъ есть что-то античное: какъ въ великихъ произведеніяхъ древняго міра, въ немногихъ чертахъ представляется многое, и оконченное созерцаніе продолжаетъ свою работу въ душѣ читателя рядомъ возбужденныхъ мыслей и чувствованій. Эта же способность отыскивать главныя поразительныя черты, убѣгать многословія и въ немногомъ выражать многое, отличаетъ и тѣ мѣста, гдѣ изображаются чувства: нѣтъ здѣсь сантиментальности, въ которую иногда впадаютъ и даровитые писатели, увлекаясь желаніемъ представить полнѣе и живѣе дѣятельность человѣческаго сердца. Все непринужденно, все естественно: это рѣчь народа, но не разсказчика-народа, не списанная со словъ — хотя народнаго человѣка, но призваннаго съ цѣлію разсказывать по народному и чрезъ то поставленнаго въ искуственное положеніе, а подмѣченная и подслушанная въ то время, когда она выражалась невольно, не на показъ. Притомъ, «Народні Оповіданья» раскрываютъ предъ нами движенія малороссійскаго сердца въ такой обста-

вовкѣ, въ какой возникаютъ онѣ подъ условіями и вліяніями настоящей общественной жизни народа. Пять изъ разсказовъ: Козачка, Одарка, Панська–*Воля*, Знай-Ляше и Викупъ, изображаютъ случаи въ жизни малороссійскаго поселянина, порождаемые неестественнымъ и ненормальнымъ отношеніемъ земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ, превратившимъ послѣднихъ, не столько вслѣдствіе административныхъ распоряженій, сколько по злоупотребленіямъ, въ душевладѣльцевъ. Шестой разсказъ, подъ названіемъ «Сестра», касается положенія бѣдной работницы, зависящей отъ зажиточныхъ хозяевъ. Такимъ образомъ «Народні Оповіданьня» выступаютъ съ голосомъ правды и человѣколюбія за слабыхъ и беззащитныхъ. Обратимъ вниманіе читателей на разсказъ «Одарка», какъ по мысли, такъ и по выраженію, достойный того вполнѣ.

ОДАРКА.

I.

Старый нашъ панъ, покойникъ, недобрый былъ человѣкъ! Не тѣмъ бы его вспоминать, да лучшимъ не за что.

У насъ за рѣкой на хуторѣ жили вольные козаки; такъ и они даже боялись нашего пана пуще огня: крѣпко онъ и ихъ обижалъ. А сколько ужь намъ, крѣпакамъ, приходилось терпѣть отъ него.... сохрани, Господи, всякаго крещенаго человѣка отъ такой напасти! Бывало, завидишь его издали — бѣжишь отъ него зря, только бъ не встрѣтиться съ нимъ. Пуще всѣхъ боялись пана дѣвушки.... Не одинъ вѣкъ дѣвичій веселый онъ сгубилъ. А что ему сдѣлаешь? Идетъ, бывало, по селу сумрачный, сердитый, да поглядываетъ по сторонамъ, словно волкъ хищный.

Сидимъ мы какъ-то разъ въ хатѣ, говоримъ объ немъ (и не добромъ, правда, его поминаемъ), — какъ застучитъ, загремитъ вдругъ кто-то въ сѣняхъ.... Смотримъ — самъ онъ въ двери, по пословицѣ: *Про вдвка помдвка, а вовкв вв хáту!*

Вошелъ онъ, да и спрашиваетъ: «А гдѣ твоя дочка Одарка?»

А у моего брата была дочь. Боже мой милостивый, какая дѣвушка! Бывало, весь дворъ веселитъ она собою, звѣздочка наша ясная! Молоденькая, счастливая! Никакого горя не знаетъ, не вѣдаетъ, бѣгаетъ, смѣется, точно въ серебряные колокольчики позванива̀етъ.

Какъ спросилъ онъ про Одарку, мы такъ и приросли всѣ къ мѣсту, гдѣ стояли. А тутъ какъ разъ Одарка въ хату. Панъ увидѣлъ ее,— глаза у него засвѣтились, и говоритъ онъ ей: «Иди со мною во дворъ, дѣвушка».

Одарка бросилась къ матери, стала подлѣ нея и стоитъ, не дышетъ, моя рыбочка.

«Ей только еще пятнадцатый годокъ пошелъ; она еще дитя», говоритъ отецъ; а мать плачетъ.

«А, ты еще разговаривать станешь, вражій сынъ! такъ я тебя попотчую!» вскрикнулъ грозно панъ, а самъ снова къ Одаркѣ: «Скорѣй, скорѣй, Одарка, пойдемъ!»

Она все стоитъ, не двинется.

«Скорѣй же!»

Не идетъ, словно обмерла.

Схватилъ онъ ее за руку и потащилъ.

Словно наше солнце закатилось! Опустѣло у насъ въ хатѣ, обезлюднѣло.

II.

Мукой мучились мы вплоть до вечера. Вечеромъ невѣстка побѣжала на панскій дворъ провѣдать Одарку, да скоро воротилась.

«Не пустили къ Одаркѣ», говоритъ, «и издали ее не видала и голоска ея не слыхала!»

А сама плачетъ, плачетъ!

И долгонько мы не видали своего дитяти: не пускали къ ней ни отца, ни матери, ни меня. Бывало, прійдешь, постоишь около панскихъ воротъ, да съ тѣмъ домой и воротишься. Не глядѣла бы на бѣлый свѣтъ! Разспрашивать станешь у дворовыхъ дѣвушекъ. «Не знаемъ», говорятъ, «сердце, не знаемъ. Ваше дитя словно за золотыми воротами заперта, и въ глаза ее не увидишь.»

А иныя смѣются, словно у нихъ Господь разумъ отнялъ. «Что съ вашею Одаркою станется?» говоритъ. «Да тоже самое, что и съ нами было. И что же такое? Знатная панна ваша Одарка, что ли? А мы, небось, не отцовскія дѣти, тоже? Небось, и насъ мать не любила, не нѣжила? Были и мы когда-то и хорошія, и добрыя, и честныя, да вотъ привелось же!... А все таки на свѣтѣ живемъ и хлѣбъ жуемъ!»

Мы ходимъ да ходимъ каждый день: «Авось», думаемъ, «увидимъ!» Уже третья недѣля на исходѣ. Въ воскресенье вечеромъ невѣстка воротилась, вся въ слезахъ. «Не видала», говоритъ, «только дворовыя надо мной насмѣялись, прости имъ, Господи!»

III.

Разъ сидимъ мы молча: тихо въ хатѣ, тоска! Только слышишь, какъ невѣстка плачетъ, какъ братъ тяжело вздыхаетъ. Вдругъ что-то зашелестѣло; скрипнула дверь, и вошла наша Одарка. Мы, какъ на нее взглянули, такъ и обмерли: блѣдная она стоитъ такая да измученная! А она, безталанная, поклонилась, да и стала у порога, словно чужая; стоитъ и глазъ не подниметъ.»

«Вотъ, жена», говоритъ братъ, «вотъ и увидѣли мы свое дѣтище! Какая пригожая стала!»

Сказалъ да и заплакалъ. Отъ роду въ первый разъ я тогда видѣла, какъ мой братъ плачетъ. Не приведи Матерь Божія увидать въ другой разъ!

Посадили мы свою Одарку на лавкѣ; невѣстка и спрашиваетъ ее: «Дочка моя! горлинка моя! Тебя ужь отпустили?»

«Я, мамо, украдкой пришла. Въ дворъ гости прiѣхали, молодой панъ съ женою.»

«Разскажи намъ, Одарочка, всѣ свои бѣды, голубка!» говорю я.

«Да, разскажи имъ, разскажи! пускай послушаютъ», вымолвилъ братъ, да и пошелъ изъ хаты, словно его огнемъ обожгло.

Одарка горько заплакала, да и стала разсказывать все: какъ ее замыкали одну на ночь въ горницѣ, какъ грозили и били, какъ до гибели довели.

«Ты бъ, моя дочка, панью попросила: можетъ, она бы тебя спасла... неразумное мое дитятко?»

«Мамо, мамо! какъ пани поможетъ? Да отъ него всѣ вразсыпную бѣгутъ, словно голуби отъ коршуна! Не поможетъ пани! Пани и панночки на меня же злятся, будто я взаправду виновата. Какая изъ нихъ ни пройдетъ мимо меня, такъ и коритъ меня, и словомъ, и взглядомъ.»

Кручинимся да плачемъ, плачемъ да кручинимся.... Не успѣли оглянуться, какъ уже темная ночь на дворѣ.

«Неадоровится мнѣ, матушка», говоритъ Одарка. «Переночую я у васъ хоть одну ночемьку. Теперь въ дворѣ гости,—некогда имъ и спохватиться меня.»

IV.

Заночевала дома. Она еще и глазъ закрыть не успѣла, какъ уже бѣгутъ за нею изъ господскаго двора паробки: «Иди скорѣй!»

Какъ она просилась, какъ она плакала! «Дайте мнѣ пожить у батюшки!» Больно ей нездоровилось.

«Нѣтъ», говорятъ, «мы не смѣемъ. Не пойдешь по доброй волѣ,—насильно поведемъ: такъ приказано! Тебя зачѣмъ-то еще съ вечера искали панночки и прiѣзжая пани.»

«Знать, какая-нибудь еще бѣда готовится», говоритъ невѣстка.

«Не доведи Богъ и до того, что было», отозвался братъ. «Лучше бы она, маленькая, погибла. Полно, Одарка, полно плакать, полно просить! они не помилуютъ, да и невластны они.»

«Не наша власть», говорятъ паробки (и имъ жалко стало). «Эге, дядко», говорятъ, «кабы наша власть!»

Мы, просто, ума не приложимъ: что-то будетъ! не знаемъ, идти ли на панскiй дворъ, или дома дожидаться горя. А тутъ въ обѣденную пору приходитъ Одарка.

«Прощайте, мамо, прощайте!»

Мы къ ней: «Что такое? что такое?»

«Отдали меня молодымъ панамъ», говоритъ: «На той недѣлѣ повезутъ меня. И васъ тоже берутъ, тетушка! Велѣно намъ къ воскресенью собраться.»

У меня такъ на сердцѣ и похолонуло. Хотя я и не въ роскоши вѣкъ свой изжила, да все же между своими, въ своей хатѣ; а тутъ отдаютъ

чужимъ людямъ, въ чужую сторону, не знаешь, за что и про что. Горько мнѣ стало; залилась я слезами. А невѣстка Бога благодаритъ, что ея Одарка не одна въ чужую сторону ѣдетъ.

Нашъ старшій паничъ женился на Полькѣ и жилъ въ городѣ; къ отцу не ѣздилъ года съ четыре: были они въ ссорѣ. Старикъ сердился на сына, зачѣмъ онъ на полячкѣ женился, и только тогда и простилъ его, когда Богъ ему внучатъ далъ. Стали они въ-частую пріѣзжать. Полька околдовала старика, словно чарами какими: онъ и слушался ее, и деньги ей давалъ.... а скупой былъ, Господи Боже!

Только пріѣхала полька, пани съ панночками и принялись ее уговаривать: «Выпроси Одарку себѣ!» Имъ, видите ли, хотѣлось, чтобы бѣдную дѣвушку какъ можно подальше отъ пана завезли. Какъ начала полька просить, какъ начала молить пана, панъ и отдалъ. Вотъ, приказали намъ къ воскресенью собраться, а сами впередъ покатили.

V.

Дождались мы воскресенья; сошлись родные насъ провожать. Простились. Одарка въ послѣдній разъ поклонилась матери, а мать схватила ее, облила слезами да только знай причитаетъ: «Дитя мое! дитя мое единое!» Такъ уже, несчастная, убивалась, что и каменное сердце бы растаяло. А Одарка будто замерла — и не плачетъ. Поклонилась отцу. Отецъ благословилъ ее: «Заступи тебя Божія Матерь, моя дочка!»

Привели насъ на господскій дворъ. Возы уже стоятъ запряженные, Вышла пани съ паночками, приказываетъ служить вѣрою и правдою молодымъ панамъ. Вышелъ и самъ старый панъ.

«Трогай!» говоритъ онъ кучеру. «О чемъ тутъ толковать? — Если паны на васъ пожалуются», пригрозилъ онъ намъ, «то узнаете, какъ козамъ рога выправляютъ! Трогай!»

Мы поѣхали.

Ѣдемъ день, ѣдемъ другой. Спрашиваю Одарку: здорова ли она?

«Здорова», говоритъ, «теточка, только на сердцѣ тяжело, охъ, какъ тяжело!»

И все она думаетъ, все тоскуетъ: извѣстное дѣло — съ отцемъ, съ матерью разлучилась.

На четвертый день въѣхали мы въ панскій дворъ. Всѣ насъ оглядываютъ да перемигиваются; никто не заговоритъ съ нами привѣтливо. Городскіе все люди, непрямые, нечистосердечные, насмѣшливые.

Повели насъ въ хоромы. Выскочила пани. Можетъ быть, вамъ не разъ случалось видѣть ихъ, полекъ? Всѣ онѣ такія живыя да веселыя, да рѣчистыя, говоруньи такія; и эта точь-въ-точь была такая же. Какъ начала, такъ и за себя все сказала, и за насъ отвѣтила. И такъ все это проворно да бойко! сама такъ и вьется передъ нами. Въ лѣтахъ уже была, а на вискахъ кудри, вся въ перстняхъ, въ лентахъ,—оттого и казалась моложава.

Вышелъ панъ. Онъ былъ собою хорошъ, стройный такой и гордый да спесивый. Бывало, если и взглянетъ, такъ однимъ только глазомъ,

черезъ плечо. Спросилъ, нѣтъ ли письма отъ отца, и вышелъ. Выбѣжали и дѣти на насъ посмотрѣть. Пани имъ посвоему говоритъ: «Дайте этимъ холопкамъ ручки поцѣловать.» Они и протянули рученки: цѣлуйте!

VI.

Велѣли мнѣ прясть, а Одарку вышивать посадили. Вышиваетъ она юбочки панночкамъ, или что другое, да каждый вечеръ и несетъ показывать панѣ. Пани временемъ и добра бывала, только непремѣнно ее выбранитъ, если что тамъ не хорошо, а временемъ, какъ расходится, такъ ничѣмъ ее не уймешь, словно воду изъ мельничныхъ жолобовъ. Тогда всѣмъ бѣда!

Не взлюбила она насъ,—не столько меня, сколько Одарку. Бывало, такъ и ѣстъ ее, какъ ржа желѣзо.

Говоритъ она ей однажды: «танцуй, Одарко! танцуй, да и только!» Велѣла ее вывести на середину горницы: «танцуй!» Пошла танцовать безсчастная, да ножки у ней подкосились — упала, а паны грохочутъ: «притворяется», говорятъ, «притворяется!» Такое горе!

Смотрю я—таетъ, таетъ моя Одарка, какъ восковая свѣчка. Сидитъ, бывало, цѣлый Божій день и словечка не вымолвитъ. Какъ пани ни допекаетъ ее, какъ ни напущается на нее—она молчитъ; только взглянетъ иногда на нее своими тихими, кроткими глазами. А паненята вопьются въ нее, какъ пьявочки: «Ты дура! твое племя все глупое! А ну, потанцуй!» Толкаютъ ее, царапаютъ, щиплютъ. Она только поглядитъ на нихъ, моя голубка! Пани, бывало, даже разгнѣвается, да и говоритъ: «Это какая-то каменная дѣвка!»

VII.

Далъ Господь весну. Мы въ саду копаемъ, засѣваемъ, а Одарка и за порогъ не переступила. «Много она тутъ наработаетъ!» говоритъ пани. «Пускай ужь лучше сидитъ да вышиваетъ!»

Въ одинъ день отработались мы, идемъ изъ саду, а пани и говоритъ: «Вѣрно, Одарка не вышиваетъ, а либо спитъ, либо зѣваетъ.»

«Ужъ это вѣрно, мамаша, что не вышиваетъ», подхватила старшая панночка. «Я ужь знаю.»

«Тише!» говоритъ пани. «Посмотримъ, что она дѣлаетъ».

Подкрались.... вошли. Одарка лежитъ, руки заложивъ подъ голову, вся блѣдная-блѣдная, только глаза сіяютъ; лежитъ и пристально смотритъ на насъ. Даже пани остановилась и ничего не сказала. Я перенесла ее въ коморку, положила ее на лавку.... она ужь и не встала.

Все, бывало, проситъ: «Сердце мое, теточка! отворите окошечко и двери; пускай я на свѣтъ Божій погляжу; пускай посмотрю туда, гдѣ моя сторона!»

Паны посовѣтывались между собою, велѣли бабу лѣкарку привесть. Пришла бабушка, старенькая такая, даже побѣлѣла вся; распросила,

посмотрѣла, да и покачала головою: «Дитя мое несчастное!» говоритъ,— «затоптали тебя какъ цвѣтокъ душистый! Пусть не видятъ добра въ жизни тѣ, что это надъ тобою сдѣлали! а твой вѣкъ ужь не долгій.» Перекрестила она дѣвушку, заплакала, да и вышла.

VIII.

Тогда пани велѣла отвезть Одарку въ больницу.

«Пустите меня, пани», прошусь я у нея; «я присмотрю за Одаркою! Я и работать вамъ буду хорошо, все сдѣлаю, что прикажете, и за ней присмотрю.»

«Вотъ еще глупости!» говоритъ пани. «Тамъ лучше тебя присмотрятъ!» Такъ и не пустила.

Въ воскресенье какъ-то я вырвалась, побѣжала ее провѣдать. Вошла, гляжу—она лежитъ какъ разъ противъ окна, и окно отворено.

«Какъ начала ваша дѣвушка просить да молить», сказала мнѣ старая служанка, что тамъ за больными ходила: «положите, да положите меня противъ окна» — надо было ей угодить.»

«А что, Одарочка?» спрашиваю ее я, «какъ ты себя чувствуешь?»

Она посмотрѣла на меня, да и говоритъ: «тетя милая, у насъ теперь вишни да черешни цвѣтутъ, а тамъ скоро и макъ закрасуется.... А тато и мама? Нѣтъ вѣстей?»

«Еще нѣту, голубушка», говорю. «Я тогда сейчасъ прибѣгу къ тебѣ. Не желаешь ли чего, Одарко?»

«Нѣтъ, теточка, ничего не хочу; пускай только меня отъ окна не отгоняютъ.»

IX.

Въ воскресенье я ее провѣдала, а въ четвергъ, слышимъ, она умерла. Побѣжала я туда; а она уже на столѣ. Свѣчечка горитъ, а никого нѣтъ. И такая она хорошая лежала, какъ ангелочекъ Божій!

Вошла старая прислужница. «О», говоритъ, «поплакала я надъ вашею дитею! Ужь какая же она была тихая да покорная! Такой доброй души отродясь я не видала. Вошла я къ ней вчера, она карабкается на окно. «О», говорю, «дѣвушка! что это ты дѣлаешь?» — «Пустите меня», сказала, «пустите, бабушка! Я взгляну туда въ послѣдній разъ.... Тамъ мой отецъ и мать живутъ....» И такъ жалобно, словно пташечка чиликаетъ: *пустите!*—Я ее и пустила. Поддержала ее, а она все глядитъ пристально-пристально въ даль, и слезы, какъ жемчужинки, такъ и сыплются мнѣ на руки, теплыя-теплыя.... Солнце тогда заходило. Увидала она — вишня въ саду цвѣтетъ: «Принесите мнѣ, бабушка!»— Я пошла и принесла ей. Она взяла: «О, какой пахучій да свѣжій!» говоритъ. «Спасибо вамъ, сердце мое бабушка!» Легла и цвѣточекъ подлѣ себя положила. «Вотъ уже и солнышко низко!» промолвила она, да и опять стала вспоминать про отца и матерь; все ихъ звала, все

съ ними говорила: «Тату мой, тату! на что вы меня покинули! Матушка! возьмите меня! Ой, покинули меня! Покинули одну!... Мамо!... Тату!... родные мои да милые!...» Прійми ее Господь на свое лоно, мою голубушку! Ужь такъ я поплакала на старости лѣтъ!»

Въ пятницу ее схоронили. Какъ стали гробъ опускать въ могилу, все бѣлые голуби надъ нею кружились. Солнце ярко сіяло, словно разсыпалось по землѣ золотыми лучами. Утро такое ясное было да тихое, вѣтерокъ не повѣетъ, тучка не набѣжитъ.... Праведная душа представилась!

«Это обыкновенное, каждодневное событіе, (продолжаетъ г. К. *свой* разборъ), разсказанное такъ просто, возбуждаетъ много, много думъ въ головѣ и сердцѣ читателя.

«Столь же прекрасенъ разсказъ о Козачкѣ, вышедшей замужъ за барскаго человѣка. Сначала терпитъ она недостатки, суровость обращенія, томится сердцемъ, какъ барскія дѣти дурачатся съ ея ребятишками и бьютъ ихъ *для* забавы; потомъ ее разлучаютъ съ мужемъ, отправленнымъ съ бариномъ въ Москву. Когда она въ простотѣ сердца вздумала спросить у своей барыни о судьбѣ его, то за такое неумѣстное и неприличное проявленіе чувства въ холопкѣ, ее осмѣяли и вытолкали. Мужъ ея умеръ на чужбинѣ. Вся привязанность ея сосредоточилась на дѣтяхъ, но у ней взяли двоихъ сыновей и отправили съ двумя господскими сыновьями въ столицу. У матери оставался третій мальчикъ; но горести и лишенія обезсилили *ее;* она не въ состояніи была болѣе работать и барыня прогнала ее съ ребенкомъ. Она нанялась у какого-то кузнеца, гдѣ неужилась, *по причинѣ* вздорнаго характера хозяина, воротилась-было въ барскій дворъ, оттуда ее выгнали, разбранивъ за то, что старшій ея *сынъ*, отправленный съ господскими дѣтьми, проворовался! Олена— такъ звали ее — нанялась у одного добраго человѣка, но такъ какъ *ей* приходилось съ нимъ ѣхать куда-то далеко, то она пришла къ барынѣ за письменнымъ видомъ. Барыня закапризничала и узнавъ, что Олена получаетъ два рубля въ мѣсяцъ, требовала давать ей эту сумму въ оброкъ за отпускъ. По желанію хозяина, она согласилась, но барыня потребовала еще болѣе, и женщина принуждена была остаться во дворѣ. Сообразно законамъ, какъ вольная по происхожденію, она имѣла право отойти отъ барыни, но не знала своихъ правъ, какъ не знаютъ ихъ по большей части безграмотные мужики. Козачка умерла въ барскомъ дворѣ. Кончина ея изображена раздирающими сердце чертами. Замѣтимъ только: при всѣхъ достоинствахъ этого разсказа, полнаго мысли, чувства, при всемъ его художественномъ настроеніи, тамъ есть неестественность; это — письмо, писанное по-малороссійски мужемъ ея изъ Москвы: такъ

писать могутъ малороссійскіе писатели другъ къ другу, а не слуги къ своимъ женамъ.

«Короткій разсказъ «Панська Воля» описываетъ: какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ окнахъ, у матери-крестьянки умираетъ младенецъ, оставленный ею безъ призрѣнія, потому что надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ ужасенъ, что она сошла съ ума; конецъ нѣсколько натянутый: подобныхъ примѣровъ дѣтской смерти чрезвычайное множество, и крестьянки не сходятъ объ нихъ съ ума.

«Вообще «Народні Оповіданьня» хотя въ первый разъ въ южнорусской литературѣ коснулись этого вопроса, но не исчерпали его и даже ограничиваются только описаніемъ единичныхъ явленій, а не представляютъ изображенія народнаго быта въ постоянныхъ условіяхъ означеннаго вопроса. Строго разбирая, спросимъ, что говорятъ намъ эти превосходно-разсказанныя событія? Только то, что подобное случается, и сверхъ того, — какъ народъ разсказываетъ о такихъ случаяхъ. Но всѣ эти случаи не суть необходимыя условія того состоянія крестьянъ, о которомъ идетъ рѣчь. Они могутъ и не быть при немъ, и конечно, есть очень много душевладѣльцевъ, которые съ спокойною совѣстію могутъ сказать, что у нихъ подобнаго не случалось. «Народні Оповіданьня» не коснулись такихъ сторонъ этого предмета, которыя бы вытекали изъ его сущности, были бы необходимыми и постоянными его признаками и тѣмъ показывали неприложимость самого принципа къ потребностямъ настоящаго времени и несовмѣстимость его какъ съ пользою владѣльцевъ, такъ и съ благоденствіемъ земледѣльческаго класса. Равнымъ образомъ, здѣсь нѣтъ ни народнаго взгляда на это положеніе дѣлъ, исторически усвоеннаго народомъ, ни тѣхъ типическихъ особенностей, съ какими малороссійскій народъ является по отношеніямъ къ этому предмету. А эти-то стороны вопроса въ особенности желательно было бы увидѣть въ литературѣ. Замѣчается это вовсе не съ цѣлію обвинить автора. Никто не вправѣ требовать отъ сочинителя, чтобъ онъ изображалъ то, а не другое, когда онъ не показалъ самъ притязанія; но если авторъ Народныхъ Разсказовъ Марка Вовчка подарилъ читателей такими прекрасными разсказами, то читатели вправѣ просить его не останавливаться на этихъ первоначальныхъ опытахъ, а раскрыть важную сторону народной жизни въ болѣе общихъ и знаменательныхъ ея явленіяхъ. Всѣ малороссіяне раздѣлятъ это желаніе. Если литературнымъ созданіямъ въ формѣ разсказовъ и повѣстей суждено не только служить развлеченіемъ для праздности, но

художественнымъ выраженіемъ задушевныхъ мыслей современнаго общества возбуждать въ насъ плодоносныя думы, чистыя чувства и жажду дѣятельности на добро ближнимъ, то призваніе благороднаго автора еще впереди: ибо онъ угадалъ требованія читающей и мыслящей части своего народа, которая давно нуждается въ пророкахъ, которые бы раскрывали вѣковыя раны, замазанныя лицемѣріемъ и безпечностію, и указывали бы на животворную купель исцѣленія. Но, къ сожалѣнію, проходя мимо своихъ писателей и поэтовъ, и даровитыхъ и бездарныхъ, въ этомъ отношеніи мы могли сказать съ разслабленнымъ: «человѣка не имамы;» а если и были такіе призванные, то они умолкали слишкомъ рано, можетъ быть, не всегда по собственной волѣ, а по приговору судьбы». — *К.*

Движеніе внѣшней торговли Россіи съ 1853 по 1856 годъ. Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Ө. Тернера.* С. Петербургъ. 1856 г.

Въ концѣ 1858 г. появилось въ печати сочиненіе извѣстнаго уже въ статистической литературѣ г. Тернера «О движеніи внѣшней торговли Россіи съ 1852 по 1856.» Трудъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣніе Русскаго Географическаго Общества, и какъ единственный въ своемъ родѣ послѣ знаменитаго сочиненія Г. И. Небольсина и Тенгоборскаго, удостоенъ статистической преміи — золотой медали. — Статистическая литература Россіи, говоритъ авторъ, еще не богата обширными сочиненіями. Такъ напримѣръ, до сихъ поръ существуетъ на русскомъ языкѣ только одинъ полный подробный и въ высшей степени замѣчательный трудъ о *внѣшней торговлѣ Россіи.* Г. И. Небольсина. Сочиненіе это вышло послѣднимъ изданіемъ въ 1850 г., но большая часть фактовъ, обсуживаемыхъ въ немъ, не восходитъ далѣе 1847 г. Съ тѣхъ поръ однако всемірная, а вмѣстѣ съ нею и русская торговля подверглись весьма значительнымъ измѣненіямъ.

Послѣ сочиненія Г. Небольсина, вышелъ въ свѣтъ на французскомъ языкѣ трудъ г. Тенгоборскаго (Les forces productives de la Russie.) Трудъ этотъ обнимаетъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи по 1853 годъ. Такимъ образомъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи до 1858 ограничивались только этими двумя сочиненіями, изъ которыхъ первое, какъ мы сказали, доведено до 1840, а второе до 1853 года. Г. Тернеръ взялъ на себя трудъ составить свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи съ 1853 по 1856 годъ. — Сочиненіе это служитъ какъ бы продолженіемъ помянутыхъ двухъ сочиненій гг. Небольсина и Тенгоборскаго. Но такъ какъ сродство, соединяющее

остальную часть прошедшаго десятилѣтняго періода съ 1853, 1854 и 1855 годами не такъ тѣсно, какъ связь существующая между этими тремя годами, то г. Тернеръ, разсматривая необыкновенныя измѣненія, происшедшія въ нашей внѣшней торговлѣ послѣ 1853 года, указалъ и на нормальные успѣхи, которые она сдѣлала съ 1846 по 1856 годъ.

Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи г. Тернеръ раздѣлилъ на два отдѣла: первый отдѣлъ посвященъ общему обозрѣнію привозной и отпускной торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны тѣ европейскія событія и перевороты, которые имѣли вліяніе на развитіе всемірной торговли и промышленности; — во второмъ отдѣлѣ разсмотрѣна съ величайшею подробностью и тщательностію одна только отпускная торговля Россіи. Нельзя не сказать, что г. Тернеръ разработалъ сухія числовыя данныя съ истиннымъ знаніемъ дѣла: выводы его вѣрны и очень интересны.

Тенгоборскій, въ своемъ сочиненіи «О производительныхъ силахъ Россіи», подраздѣляетъ всѣ предметы нашей отпускной торговли на: а) *такіе, отпускъ коихъ дѣлаютъ успѣхи и которымъ предстоитъ хорошая будущность*, таковы: хлѣбъ, рыба, ленъ, масличныя сѣмена, стеаринъ, олеинъ, рыбій жиръ, шерсть, лѣсъ, щетина, конскій волосъ, холстъ и полотно, канаты и веревки, мѣха и др.; б) *которые дѣлаютъ слабые успѣхи*, сюда относятся: мѣдь, поташъ, сальныя и другія свѣчи; в) *коихъ торговля не возвышается*, таковы: пенька, заячьи шкуры, кожи. выдѣланныя и др.; г) *коихъ отпускъ въ упадкѣ и не можетъ еще подняться*, какъ, напримѣръ: скотъ, спиртовые напитки, сало, сырыя кожи; наконецъ д) *предметы, коихъ торговля рѣшительно въ упадкѣ*, каковы: желѣзо, красильныя вещества, парусина, мыло, рыбій жиръ, воскъ (мы видѣли противное въ 1854 и 1855 году) и растительныя масла.

Г. Тернеръ въ обозрѣніи своемъ о состояніи нашей внѣшней торговли съ 1853 по 1856 годъ доходитъ до слѣдующихъ выводовъ.

1) Итогъ нашей внѣшней торговли понизился въ 1854 году въ сравненіи съ среднимъ годовымъ отпускомъ 1850 — 1852 г. на 67 милліоновъ руб. или на 30%; уменьшеніе же въ 1855 году противъ того же средняго годоваго отпуска составляетъ 100 милліоновъ, т. е. до 50%. Замѣчательно, что этотъ упадокъ произведенъ не только уменьшеніемъ нашей торговли съ Европой, но и одновременнымъ упадкомъ нашей финляндской и азіятской торговли. Пониженіе же одной европейской торговли, несмотря на то, еще сильнѣе, чѣмъ упадокъ нашей всеобщей торговли, ибо она понизилась въ 1854 г. на 37% (противъ 1850—1852 г.), а въ 1855 г. на 51%.

2) При этомъ упадкѣ значительную роль играетъ отпускъ: въ 1854 году онъ упалъ (сравнительно съ 1850—1852 г.) на 35 милліоновъ руб. или на 40%, между тѣмъ какъ пониженіе привоза не превосходитъ 28 милліоновъ руб. или 34%. Затѣмъ въ 1855 году отпускъ понизился еще на 26 милліоновъ или на 48%, привозъ же возвышается въ сравненіи съ 1854 г. на 2 милліона или на 3% слишкомъ.

3) Изъ всѣхъ статей нашей внутренней торговли болѣе всего потерпѣли обороты хлѣбомъ (въ 1854 г. отпущено нѣсколько менѣе 3 милліоновъ четвертей. — средній же нормальный годовой отпускъ съ 1850—1852 г. былъ $5^1/_2$ мил. четверт.; отпускъ же въ 1855 г. былъ самый незначительный, а именно 650,000 четверт.

4) Кромѣ того, въ 1854 и 1855 годахъ, замѣтно сильное пониженіе въ отпускѣ:

Пониженіе отпуска сравнительно съ 1850 — 1852 г.

	въ 1854 г.	въ 1855 г.
Сала на	52%	65%
Льна.	57%	61%
Пеньки.	56%	61%
Лѣсу	20%	45%
Щетины	37%	30%
Конскаго волоса. .	56%	80%
Мѣди	50%	40%
Мягкой рухляди. .	59%	80%
Льняныхъ тканей. .	90%	73%
Канатовъ и веревокъ	53%	70%
Юфти	90%	92%
Невыдѣлан. кожъ .	62%	80%

Несмотря, однакожь, на военныя событія, по нѣкоторымъ статьямъ замѣчается въ 1854 году даже приращеніе отпуска противъ среднихъ чиселъ періода 1850—1852 г.

Отпускъ увеличился	въ 1854 г.
Масличныхъ сѣмянъ на	11%
Коноплянаго масла.	88%
Выдѣланныхъ кожъ:	114%
Конскихъ гривъ	35%

Тоже значительно увеличился отпускъ: стеарина, воску, льняной ряжи и пеньковой пакли.

Итакъ, въ теченіе этихъ двухъ годовъ войны, изъ главныхъ статей нашей отпускной торговли довольно хорошо держались

только шерсть и масличныя сѣмяна, между тѣмъ какъ отпускъ хлѣба, сала, льна, пеньки и лѣса пострадалъ весьма сильно.

5) Послѣдняя англо-французская война показала, что хотя главные изъ нашихъ сырыхъ продуктовъ составляютъ дѣйствительно предметы первой надобности для Великобританіи, *но зависимость Англіи отъ Россіи*, относительно снабженія первой сырыми продуктами, необходимыми для англійскихъ мануфактуръ и фабрикъ, *совсѣмъ не такъ велика*, какъ полагаютъ многіе люди въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на уменьшеніе вывоза изъ Россіи въ 1854 году, даже въ 1855 г,, привозъ въ Англію льнянаго сѣмени, шерсти, сала и другихъ жирныхъ веществъ, лѣса, льна и пеньки, среднимъ числомъ даже превзошелъ количество годоваго привоза 1850—1852 г. Правда, что тому способствовала необыкновенная дороговизна этихъ продуктовъ въ Англіи, но все же этотъ фактъ доказываетъ возможность вполнѣ замѣнить дефицитъ привоза изъ Россіи ея главныхъ сырыхъ продуктовъ подвозомъ изъ другихъ странъ.

Наконецъ г. Тернеръ заключаетъ: нашимъ произведеніямъ предстоитъ еще на долгое время вѣрный сбытъ на великобританскомъ рынкѣ, *однако, если мы не будемъ стараться усовершенствовать производство нашихъ сырыхъ продуктовъ*, съ намѣреніемъ улучшить ихъ качество и понизить относительно ихъ цѣны, то *можно предвидѣть, что сбытъ ихъ въ Англію будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться съ каждымъ годомъ, ибо ихъ станутъ вытѣснять подобные же продукты другихъ странъ, которые или лучше приготовлены, или дешевле.*

Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе *Сергѣя Соловьева*. Выпускъ 1. Москва. 1859 года.

Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ *Н. Тимаевъ*. Спб. 1858 года.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на книжку г. Соловьева замѣчательную уже тѣмъ, что составителемъ является профессоръ, извѣстный своими учеными трудами и служащій нынѣ представителемъ русской исторической науки. Дѣло составленія учебниковъ признано наконецъ дѣломъ серьёзнымъ; за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву, В. Шульгину и безъ всякаго сомнѣнія ихъ труды скоро вытѣснятъ тѣ жалкія издѣлія, какими до сихъ поръ снабжались наши учебныя заведенія отъ гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина, и т. п. Если еще и долго не дождемся мы учебниковъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ учащихся, то по крайней мѣрѣ можетъ

порадоваться хоть тому, что въ нѣкоторыхъ изъ учебниковъ, изданныхъ въ послѣднее время, здравый смыслъ уже не искажается съ тою безпощадностью, какъ прежде. Можно надѣяться, что со временемъ явятся у насъ и такія руководства, по которымъ учиться дѣйствительно будетъ легко и просто....

«Учебникъ» г. Соловьева, разумѣется, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно ему сдѣлать съ чисто-научной точки зрѣнія. Факты разсказаны въ немъ вѣрно и точно, связь ихъ показана очень ясно, сдѣлана оцѣнка внутренняго смысла явленій, обращено большое вниманіе на внутреннее состояніе общества въ данную эпоху. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ изложеніе русской исторіи до Іоанна III, и въ этомъ изложеніи представляются не устарѣлыя мнѣнія, не отсталыя выводы, а дѣйствительно результаты самыхъ послѣднихъ ученыхъ изысканій о нашей древней исторіи. Но въ педагогическомъ отношеніи еще многаго можно желать отъ «Учебника» г. Соловьева. По мнѣнію лучшихъ педагоговъ, учебникъ исторіи долженъ быть составленъ такъ, чтобы ни одинъ фактъ, ни одна личность не оставались въ головѣ учащагося однимъ празднымъ словомъ, а непремѣнно возбуждали бы его мысль, воображеніе, даже привлекали его сердечное участіе. Поэтому всѣ историческія лица, упоминаемыя въ учебникѣ, должны являться въ немъ съ своею особою физіономіею, — всѣ отдѣльныя событія должны имѣть свой ярко-опредѣленный характеръ, свое, рѣзко обрисованное, значеніе. Если нечѣмъ характеризовать лицо или событіе, лучше вовсе пропустить его. Пусть ученикъ не знаетъ, кто былъ великимъ княземъ, — напримѣръ хоть послѣ Мстислава Владиміровича; что за бѣда? «Что имя? Звукъ пустой!...» Довольно для ученика, если онъ узнаетъ общій характеръ борьбы Мономаховичей съ Ольговичами; а этихъ Ярополковъ, Вячеславовъ, Всеволодовъ вѣдь онъ, все равно, перепутаетъ же невозвратно черезъ два дня по окончаніи послѣдняго экзамена. Можно держать пари, на что угодно, — что никто, даже изъ людей, прошедшихъ университетскій курсъ, но не занимавшихся спеціально древней русской исторіей, не разскажетъ вѣрно всѣхъ подробностей удѣльной кутерьмы или даже какой нибудь части ея, напримѣръ хоть происшествій при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава. И отъ этого не происходитъ рѣшительно никакого пробѣла въ историческихъ знаніяхъ человѣка. Равнымъ образомъ человѣкъ не сдѣлается сильнѣе въ знаніи исторіи, если выучитъ изъ «Учебника» г. Соловьева, напримѣръ слѣдующія свѣдѣнія: «Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вя-

числавъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ.» (стр. 22). Или: «изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій Изяславъ былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутороканью и землями по Окѣ, страною Вятичей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Русскимъ; кромѣ того Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, также Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава, сына св. Владиміра. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ,» и т. д... (стр. 15)... Мы не говоримъ, чтобъ все это было вредно знать, или чтобъ эти подробности дѣлали «Учебникъ» негоднымъ; но, какъ намъ кажется, подобные пріемы обнаруживаютъ, что г. Соловьевъ не слишкомъ заботился о переработкѣ массы историческихъ данныхъ сообразно съ формой, объемомъ и требованіями учебника, а просто составилъ краткое извлеченіе, — родъ подробнаго конспекта, — изъ своей полной исторіи. Поэтому онъ и не обратилъ особеннаго вниманія на выборъ и соразмѣреніе фактовъ. Самый объемъ «Учебника» очень значителенъ: 1-й выпускъ, до Іоанна III, содержитъ 116 страницъ убористой печати, что составитъ, вѣроятно, гораздо болѣе половины цѣлой книжки гимназическаго курса исторіи, г. Устрялова. Правда, что у г. Соловьева несравненно болѣе фактовъ, и они лучше разсказаны; правда и то, что г. Соловьевъ не теряетъ словъ понапрасну и никогда не пускается въ затхлое краснорѣчіе; правда, что четвертая доля книги занята обозрѣніемъ внутренняго состоянія общества, о чемъ г. Устряловъ слишкомъ мало думалъ. Но всѣ эти достоинства не исключаютъ возможности сократить разсказъ выпускомъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей и болѣе общей характеристикой событій.

Впрочемъ, все-таки книжка г. Соловьева представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ составленія нашихъ учебниковъ. При слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся еще возвратиться къ ней и поговорить о ней подробнѣе.

Что касается книжки г. Тимаева, то она, доводя до крайности недостатокъ, замѣченный нами въ «Учебникѣ» г. Соловьева, вовсе не имѣетъ его достоинствъ. У г. Тимаева имена князей, городовъ и пр. разсыпаны по всѣмъ страницамъ съ необыкновенною щедростью. Въ «Учебникѣ» г. Соловьева если имена приводятся во множествѣ, то они по крайней мѣрѣ оказываются большею частію нужными для разъясненія подробностей послѣдующихъ фактовъ, особенно удѣльныхъ междоусобій. Но г. Тимаевъ приводитъ имена просто для то-

го, чтобы привести ихъ. «Изъ Волынскихъ князей, говоритъ, *замъчательны*—храбрый Романъ Мстиславичъ и его сынъ Даніилъ Романовичъ, овладѣвшій Галицкимъ княжествомъ; изъ Смоленскихъ князей *замъчательны* Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый, прославившійся отвагой и побѣдами» (стр. 36). И болѣе о нихъ—ни слова. Подобнымъ образомъ онъ занимается даже татарами: «первые ханы Сарайскіе,—говоритъ, были Батый, Беркай, Менгу-Темиръ, Ногай, Туда-Менгу, Тохта и Узбекъ.» (стр. 45). А въ предисловіи г. Тимаевъ говоритъ, что старался «разсказывать только *важнъйшее»* и «придать своему учебнику *занимательность.»* Вѣрьте послѣ этого предисловіямъ!

Кромѣ страннаго воззрѣнія на *занимательность*, г. Тимаевъ отличается еще тѣмъ, что очень смѣло говоритъ ложь о предметахъ, которыхъ не понимаетъ и о которыхъ даже, безъ ущерба сущности дѣла, могъ бы не говорить вовсе. Напр., по его мнѣнію «*изгои* — были князья, недовольные своими удѣлами и желавшіе пріобрѣсти новыя земли!» (стр. 28). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что только «при дворѣ Владимірскомъ появились разные придворные чины — *бояре*, *гридни* или *мечники*» и пр. (стр. 37). Еще примѣръ: Владиміръ Мономахъ началъ войну съ Византіей, но эта война скоро прекратилась, *потому что* Византійскій императоръ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру подарки: золотую Мономахову шапку, золотую цѣпь, бармы, скипетръ и державу (стр. 33). Любопытно, какъ онъ начинаетъ разсказъ о Петрѣ Великомъ. «О Петрѣ были различныя предсказанія. Одинъ юродивый говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, что его сынъ Петръ будетъ Пахомъ съ большимъ костылемъ, и всѣ *его будутъ бояться;* ученый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и многіе иностранные ученые предсказывали по звѣздамъ, что *явится великій герой.* И *дъйствительно* (!!!) Петръ уже въ юности *выказывалъ умъ и способности.»* (стр. 139). Скажите чему тутъ болѣе удивляться, невѣжеству, дерзости или безтолковости разсказа?

Вообще, сверхъ всѣхъ означенныхъ достоинствъ, «Изложеніе русской исторіи» отличается постоянно безтолковостью, чуть не безграмотностью, фразъ. Можно ли такъ писать: «священники ходили по городу и *проповъдывали* истины христіанской вѣры, по греческому *обряду»* (стр. 19). «Король Сигизмундъ III хотѣлъ покорить восточную Русь, гдѣ въ это время происходили смуты самозванцевъ, но не имѣлъ успѣха: онъ былъ *отбитъ нижегородскою ратью* подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго,» (стр. 59). (Каковó? Мининъ и Пожарскій сражались съ Сигизмундомъ!) «Михаилъ Ѳедоровичъ, съ пятилѣтняго возраста, жилъ вмѣстѣ съ ма-

терью въ монастыряхъ и въ помѣстьѣ Домнинѣ. *Здѣсь* (?) однажды поляки хотѣли убить юнаго Михаила Θедоровича, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ его; *съ этого времени* (?) Михаилъ Θеодоровичъ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ *и отличался* (съ этого времени?) добродушіемъ и смиреніемъ (стр. 123). И такими-то фразами вся книга написана! А между тѣмъ по ней ужь кто-то учится! Она недаромъ составлена: это чувствуется по заключительнымъ словамъ предисловія, что «учебникъ этотъ назначенъ преимущественно для женскихъ учебныхъ З(з)аведеній, *и если онъ принесетъ малѣйшую пользу учащимся,* то *исполнитъ* (учебникъ исполнитъ?) искреннее желаніе сочинителя.»

А если онъ принесетъ пользу *не* малѣйшую, тогда не исполнитъ искренняго желанія сочинителя?

Раскрытый Портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе Любителя. Спб. 1859.

Добрыя дѣла не остаются безъ благихъ послѣдствій въ нашъ просвѣщенный вѣкъ!... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сдѣлали откровенный отзывъ о *Любителѣ*, издавшемъ «Олега подъ Константинополемъ» и адресовавшагося къ публикѣ черезъ дворника дома Сутугина. Теперь этотъ самый Любитель является съ «Раскрытымъ Портфелемъ», но уже объясняетъ прямо, что изданіе это можно получать въ домѣ Сутугина, въ квартирѣ г-жи Зельке, а уже не у дворника. Кромѣ того *Любитель* рѣшился теперь, вѣроятно тоже по нашему совѣту, устроить сношенія съ покупателями посредствомъ книжнаго магазина Писарева. Вотъ плоды нашей *скромной* (не тѣмъ будь помянутъ г. Бѣшенцовъ!) рецензіи, и мы такъ этимъ довольны, что не огорчаемся даже неблагодарностію *Любителя*, который остался нами очень недоволенъ. Онъ говоритъ, что на пародію г. Аксакова было двѣ рецензіи—одна *благородная*, а другая *благонамѣренная*. Одна помѣщена въ «Русскомъ Мірѣ», а другая въ «Отечественныхъ Запискахъ»; обѣ онѣ отозвались о пародіи г. Аксакова *благосклонно*. А мы не попали ни въ *благородные*, ни въ *благонамѣренные*, ни въ *благосклонные*.... О насъ любитель язвительно отзывается, что въ роскошномъ лѣсу поэзіи г. Аксакова, вмѣсто того, чтобы восхищаться ея дубами и каштанами, мы умѣли найти только *трюфели!*... За то и въ нашей рецензіи *Любитель* отыскалъ, но его выраженію, «*одинъ грибъ*,» который немедленно и съѣлъ....

Но оставимъ Любителя съ его грибомъ и займемся авторомъ, не желающимъ объявлять своего имени. Это авторъ,—если можно такъ выразиться,—чудовищный. Едва мы успѣли заглянуть въ «Раскры-

тый Портфель», какъ у насъ замелькали въ глазахъ разнообразныя чудовища, одно другаго страшнѣе. Ихтіосавры, Родослоны, Бовавіи, страшная птица Ракъ, Бѣлые Геніи на яйцахъ... Страхъ обуялъ насъ, и мы хотѣли бросить книгу; но авторъ насъ успокоилъ. Это, говоритъ ничего, такъ-себѣ, «своенравіе творчества, литературная забава.» Хороша, подумали мы, забáва! Однако рѣшились допытаться, въ чемъ же тутъ дѣло. Оказывается вотъ что. Авторъ, не желающій объявлять своего имени, выдумалъ двухъ *артистовъ*, Дмитряева и Цвѣлёву (ее онъ тоже называетъ артистомъ), и вообразилъ, что ихъ таланты вдохнули ему «драматическую фантазію, въ честь ихъ задуманную.» Въ результатѣ этой выдумки воображаемыхъ артистовъ, вдохнувшихъ фантазію, вышелъ, по справедливому замѣчанію автора,—«*Ералашъ:* приключенія знаменитаго артиста или недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики.» Прейскурантъ этого Ерала*жа* такого рода: «Сонъ и явь, смѣсь обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилліи, комедіи, концерта, балета, пляски, декламаціи, стиховъ и прозы, съ таинственнымъ окончаніемъ пьесы возрожденіемъ Ихтіосавра.» Должно быть очень хорошо!.. Одна афиша для пьесы съ именами дѣйствующихъ лицъ занимаетъ *семь* страницъ. И какихъ нѣтъ именъ! Темсельмитара, Барабарабада, Эбн-Тагеръ, докторъ Еммануилъ Иванычъ Висококосъ, буква А—астрономъ, буква Б—геометръ, буква Е—механикъ, буква Д—свѣтило, буква Ж — M-me L'Impénétrable, прозванная la muraille, буква З—Еврей спекуляторъ, буква—Ѳ Индѣйской пѣтухъ; а есть и такія: сердецъ вѣщательница мукъ, предвѣстница любви, услажденіе сердца, красота зари, восточная ночь, дыханіе вечера и т. п. Не менѣе интересны названія нѣкоторыхъ частей пьесы, и отдѣльныхъ картинъ, какъ напр. «Дмитряевъ подгулялъ»; «Родослонъ и красавица, или Дмитряевъ въ яйцѣ»; «Очарованная долина съ феей Дмитряевной», и т. п. Волшебницы, феи, говорящіе попугаи, сумасшедшіе, удавленники, чудовища, геніи, божества, черные духи, адскіе палачи, невидимая стража — все стеклось сюда, чтобы образовать истинный ерала*жъ*, какою не видалъ міръ со времени Фауста г. Овчинникова. Вы не можете представить себѣ, какіе тутъ творятся ужасы и чудеса! Громъ и трескъ, превращеніе въ мычащихъ коровъ, въ столбы и вазы, бѣганье на четвереньках, катанье въ громадныхъ яйцахъ и на крылатыхъ колесницахъ.... А тутъ аркадскіе пастушки и пастушки, наяды, дріады, волшебныя феи, внезапно раждающіеся цвѣты и мѣшки золота.... Если бы все это было представлено на сценѣ! Вотъ бы эффектъ-то вышелъ! Какъ жаль, что геніальный, чудовищно-геніальный авторъ (мы не находимъ выраженія болѣе приличнаго его громадному генію), испо-

линъ—авторъ, ихтіосавръ—авторъ, если хотите, — не окончилъ дивной своей «фантазіи!» А онъ думалъ когда-то поставить ее на сцену! Онъ написалъ даже нѣсколько примѣчаній касательно внѣшней обстановки пьесы и игры актеровъ, примѣчаній, изъ которыхъ еще яснѣе усматривается глубина его предусмотрительности и остроумія.... Нѣтъ, какъ хотите, это не литературная забава, а созданіе, глубоко обдуманное и прочувствованное. Вникните, напр. хоть въ это примѣчаніе, сдѣланное на счетъ колесницы, на которой должна сидѣть безобразная волшебница: «для отличія отъ бѣлыхъ крыльевъ Генія, крылья колесницы могутъ быть сѣрыя, тѣмъ болѣе приличествуя чернымъ духамъ.» Или касательно выполненія роли старой волшебницы, Мамуны: «для голоса, которымъ предполагается, что здѣсь поетъ и говоритъ Цвѣлева въ видѣ Мамуны, надобно принять въ соображеніе, что, по довольно многимъ старушечьимъ ея монологамъ въ піэсѣ, шепелянье было бы нестерпимо для зрителей; безъ шепелянья же *не выйдетъ старухи*, а потому должно держаться средины: ходить сгорбившись, опираясь на волшебный жезлъ, но говорить довольно твердо и ясно, хотя *никакъ не своимъ голосомъ*.»

Но авторъ можетъ быть на насъ въ претензіи за то, что мы незнакомимъ нашихъ читателей съ характерами дѣйствующихъ лицъ и изложеніемъ пьесы. Угадывая его желаніе, спѣшимъ замѣтить, что всѣ характеры въ пьесѣ выдержаны какъ нельзя лучше, особенно характеръ Дмитряева. Дмитряевъ — все тотъ же Дмитряевъ и въ счастливой Аркадіи, и въ собачьей конурѣ, и въ качествѣ «властелина всесильной книги.» Выпишемъ нѣсколько «прямо попавшихся намъ подъ глаза» строчекъ.

«*Дмитряевъ*. Что это? *Фи, какъ воняетъ псиной!* Куда это она меня угораздила? *(Выставивъ голову:)* Ай! Да это никакъ собачья конура? Собака-то чай тутъ?

«*Мамуна*. Не бойся! Тебя никто не видитъ и не слышитъ. Возьми цвѣтокъ.

«*Дмитряевъ* (*выползя* изъ конуры и *беря* цвѣтокъ). Давай, давай его! — Спасибо, красавица! Смастерили штуку, дала мнѣ въ наставники этого роденьку Эбн-Тагера. Видно адскіе-то пріятели такіе же, какъ и нашенскіе. Хорошо, что осталась еще голова на плечахъ.»

Не правда ли, характеръ Дмитряева рѣзко обозначается уже и въ этихъ немногихъ строкахъ, а образъ рѣчи его доказываетъ, что авторъ, не желающій объявлять своего имени, чрезвычайно искусно умѣлъ соединить требованія чистаго искусства съ условіями нашей народности!.. Въ доказательство приведемъ еще, какъ Дмитряевъ любезничаетъ съ волшебницей. Мамуна говоритъ, что она «прилѣпилась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ.» А Дмитряевъ отвѣчаетъ ей на это:

«Спасибо! Только покуда у тебя эта харя и восьмисотлѣтнія морщины, я любить тебя не буду.

«*Мамуна.* Но этой любви положено самое легкое условіе: одинъ поцѣлуй.

«*Дмитряевъ.* Условіе, конечно, во всякомъ случаѣ не трудное, да только о твои губки не мудрено переломить себѣ зубы. — Впрочемъ, вѣдь не укуситъ же, стало быть можно рискнуть для добраго дѣла. — Позволь только прежде хорошенько тебя порассмотрѣть.... Фи! какая гадость! Ни за что не поцѣлую!

«*Мамуна.* Ты обязанъ это сдѣлать.

«*Дмитряевъ.* Ба, ба ба! *Какъ ты смѣешь такъ со мною говорить?* Развѣ не знаешь, что силою книги, которою я владѣю, ты можешь быть снова на восемь сотъ лѣтъ превращена въ летучую мышь? Эй! гдѣ ты тамъ! Бѣлый Геній!»

Вы видите, что Дмитряевъ со всѣми одинаковъ. И съ Бѣлымъ Геніемъ онъ обходится не слишкомъ церемонно. А вотъ случай, гдѣ обращеніе его съ геніемъ еще безцеремоннѣе. Когда волшебница хотѣла открыть Дмитряеву секретъ, но стѣснялась присутствіемъ генія, Дмитряевъ просто-на-просто закричалъ ему: «Геній! Маршъ!» И геній долженъ былъ убраться со своего яйца. Конечно, съ геніемъ-то можно бы обходиться и поделикатнѣе: все-таки онъ *геній*, а не старая колдунья, и вдобавокъ *бѣлый* геній. Но такова ужь, видно, натура г. Дмитряева, или таково «своенравіе творчества» автора, не желающаго объявлять своего имени.

Характеры другихъ дѣйствующихъ лицъ уже не такъ замѣчательны и не такъ рѣзко выдаются; но всѣ они обрисованы очень вѣрно. Чудовище, какъ и слѣдуетъ, поводитъ хоботомъ, корова мычитъ, фавны и сильваны любезничаютъ съ пастушками и играютъ на свирѣляхъ, геній летаетъ или говоритъ возвышенныя рѣчи.... Однимъ словомъ, каждое лицо дѣйствуетъ вполнѣ сообразно съ своею природою.

Однако какая же отъ всего этого, спросите вы, польза для отечества? — О, для отечества тутъ огромная польза! Послушайте, что говоритъ геній:

Въ передпотопный вѣкъ, изъ нѣдръ Ихтіосавра,
Чудовища, какихъ не зрѣлъ свирѣпый Нилъ,
Не заключалъ Дедалъ, не призывалъ духъ Тавра,
Собравшій силы адъ Злыхъ Геніевъ родилъ.
Борьбой кровавою, ужасными чарами,
Они въ тревожный сей, умомъ кичливый вѣкъ,
Должны воспроизвесть страшилище предъ нами:
Да, павъ предъ Господомъ, смирится человѣкъ!

Дальше слѣдуетъ описаніе Ихтіосавра. Описаніе это такъ интересно, что мы не можемъ не выписать его въ заключеніе:

Съ Дельфинной пастію и Ящерной главою,
Зубами Крокодилъ, по перьямъ водный Китъ;
Хвостомъ чешуйчатымъ глубь рывшій подъ собою,
Теперь безъ жизни онъ на днѣ морскомъ лежитъ;
Но окомъ, какъ маякъ въ главу его воткнутымъ,
Ужь загарается пучина грозныхъ водъ;
И зѣвомъ, какъ пила двойная разомкнутымъ,
Направитъ скоро онъ рушительный свой ходъ.
И близокъ, близокъ часъ, когда, хвостомъ костлявымъ
Упершись о скалу, онъ ринется со дна,
И слѣдъ Чудовища, путемъ своимъ багрянымъ,
Кровавая, дымясь, покроетъ пелена!
Тогда воспрянетъ грѣхъ, страстей возстанетъ сила;
Доколѣ Сшедшій въ міръ заблудшихъ не спасетъ
И снова, гладкое, со скрежетомъ, страшило,
Изнеможенное, въ глубь водную падетъ!
Но, въ ярости, оно, гложа тамъ скалъ подножья,
Не вдругъ еще смежитъ зіяющую пасть.
На злыхъ духовъ тогда обрушитъ кара Божья
Отъ нихъ же грѣшникамъ готованную часть.

Экіе стихи, подумаешь!

Стихотворенія, помѣщенныя въ концѣ «Раскрытаго Портфеля», уже не такъ интересны. Изъ нихъ можно почерпнуть развѣ только нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ, не желающемъ объявлять своего имени. Изъ этихъ стихотвореній мы узнаемъ, что въ 1826 году онъ произведенъ былъ въ майоры (что, если онъ теперь уже генералъ!) и написалъ по этому случаю особое стихотвореніе, въ которомъ выражаетъ непритворную свою радость — и призываетъ своихъ *клевретовъ:*

Придите милые клевреты,
Широкой рюмкою вина
Густые вспрыснуть эполеты!
. . . .
Но, между радостныхъ друзей,
Ты здѣсь одинъ, М...въ, скученъ!
Тебѣ теклю лишь по усамъ,
Тебѣ мой чинъ, дружокъ, обида:
Ты не маіоръ, по пустякамъ
Листы вертѣлъ ты Инвалида!

Но, за исключеніемъ майорскаго чина, судьба рѣдко посылала радости въ душу поэта. За два года до производства въ майоры такъ

грустилъ онъ въ курной избѣ, во время зимней стоянки, слушая однообразное постукиванье часовъ:

И жизнь не такъ же ли (т. е., какъ часы)? Вдругъ вспыхнетъ

И чрезъ мгновеніе замретъ!...
Мы умираемъ каждый часъ,
Минута каждая для насъ
Есть къ гробу тихое сближенье....

Даже въ тотъ самый годъ, въ который онъ былъ произведенъ въ майоры, можетъ быть за нѣсколько дней до его майорства, въ него, съ *непонятной цѣлью,* впилась грусть, и онъ тоскливо вопрошалъ ее:

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня впилась
И, *съ непонятною мнѣ цѣлью*
Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,
Змѣей грызущей обвилась?
Въ какой ты алчущей утробѣ
Свой ядъ мучительный впила?

Грустилъ онъ и послѣ производства въ майоры. Такъ въ 1831 г. онъ размышлялъ о родинѣ:

Родина, родина! Гдѣ же ты въ мірѣ?
Въ солнцѣ, въ лунѣ, въ голубомъ ли эѳирѣ?
Иль межъ крылатымъ тьмъ клиромъ чертога,
Пѣснь аллилуйя гласящимъ для Бога?
Я ужь извѣдалъ пространство земное!
Я ужь усталъ! Я грущу о покоѣ!

Но были и отрадныя минуты въ жизни поэта: и не одно производство въ майоры наполняло восторгомъ его душу. Однѣ изъ этихъ минутъ дала ему *любовь*. Въ кого былъ влюбленъ поэтъ, онъ таитъ; можетъ быть въ ту самую Делію, которой, по его выраженію,

.....свѣтъ вручилъ единогласно
Самодержавіе сердецъ.

Но, какъ бы то ни было, онъ воспѣлъ любовь въ особомъ стихотвореніи, которое начинается такъ:

Есть добрый Богъ! *Его названье*
Большое въ свѣтѣ нареканье
Несетъ отъ свычнаго съ нимъ зла....

Далѣе поэтъ говоритъ, что онъ, этотъ богъ,

Сильнѣе дружбы, наполняетъ
Онъ *дружбу ревностью;* но имъ
Мы только счастливы однимъ.
Гименъ *въ сердца съ нимъ водворяетъ*
Награду бѣдствій и тревогъ....

Вѣроятно это-то чувство онъ и сравнивалъ съ метеоромъ, который

Взгорѣлъ, *пробылъ* — и вдругъ исчезъ,
Въ пучинѣ отблеснувъ зыбучей!

Подъ *пучиной зыбучей* поэтъ разумѣетъ самого себя.

Кромѣ любви, много свѣтлыхъ минутъ ниспосылала ему *муза*, какъ видно изъ его стихотворенія, подъ названіемъ «Наслажденіе воображеніемъ.»

Мой міръ: мое воображенье!
Съ прилетной Музою, мечты
Моя вся жизнь и наслажденье,
Моя вся радость и цвѣты!
Едва (говоритъ) *послышу* въ небѣ гостью,
И думы *встрѣчу* ей пошли!
И сыплю полною я горстью
Предъ ней сокровища земли:
Восторгъ, любовь и обаянье
Въ умѣ раскинувшихся сновъ!
И риѳмы съ риѳмой сочетанье,
И звуки мѣрные стиховъ
Незамѣчаемо ложатся
Подъ быстролетное перо;
И искры искрами плодятся;
И слезы наполняютъ дно
Души, *взбунтованной въ тревогѣ*! и т. д.

Чудовища также доставляютъ ему немалое утѣшеніе, и вслѣдствіе того онъ даже поэта представляетъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ чудовища, отростившаго себѣ ногти на подобіе когтей и употребляющаго ихъ въ дѣло при случаѣ.

И ногти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ, —

восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ....

Вообще нужно сказать, что «Раскрытый Портфёль» представляетъ весьма много любопытнаго. Если Любитель будетъ постоянно издавать такія интересныя вещи, то его изданія будутъ имѣть несомнѣнный успѣхъ....

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Война и прогрессъ.—Отрывокъ изъ разговора знаменитаго Микромегаса съ людьми.—Свѣтлый праздникъ и различныя фантазіи на этотъ мотивъ.—Пьянство въ Петербургѣ и хитрость откупщиковъ.—Наемные экипажи и мостовые въ Петербургѣ.—Петербургскіе водопроводы.— Весна въ Петербургѣ.—Весеннія эмиграція. — Странный случай.—Театры.—Пріѣздъ М. С. Щепкина и его дебютъ въ роляхъ Фамусова и Городничаго.— Дебютъ г-жи Деверіа и г-на Деверіа, актера Порт-Сен-Мартенскаго театра. — *Orphée aux enfers*, *pièce-bouffe*.—*Jeanne Mathieu*, комедія водевиль.—Выставка въ магазинѣ Делиля. — Распродажа картинъ и фарфора у г. Жюста.—Портретная галлерея г. Мюнстера. — Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губерніи. — О продолженіи изданія Шиллера. — Сочиненія Евг. Туръ.—Изданія гг. Пахитонова, Водова и комп. — Отрывокъ изъ сочиненія г. Новосильскаго. — Портретъ Бозіо въ Художественномъ Листкѣ. — Стихи Некрасова, въ переводѣ А. Дюма.—О выставкѣ садоводства. — Отъ Императорской Публичной Библіотеки. — О кончинѣ С. Т. Аксакова.

Война! жребій брошенъ. Alea jacta est! какъ говаривалъ Ламартинъ.

Въ сію минуту почти ни о чемъ больше не толкуютъ въ Петербургѣ, какъ о войнѣ: политическія газеты читаются на расхватъ, телеграфическія депеши ожидаются съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Снова льется человѣческая кровь, несмотря на то, что всѣ единогласно сознали великое зло и страшныя бѣдствія, проистекающія отъ войны. Убивать и рѣзать людей и въ то же время проповѣдывать гуманность и различные прогрессивные принципы — какое противорѣчіе!

Гдѣ же эта гуманность? Въ чемъ же этотъ прогрессъ?

Но прежде, въ вѣкахъ варварства, рѣзали и убивали людей очень просто изъ-за какого нибудь клочка земли и не думали оправдываться въ кровопролитіи блестящими фразами; напротивъ, гордились кровавыми подвигами, а теперь всякій старается сбросить съ себя тяжкую отвѣтственность въ пролитіи крови и болѣе или менѣе ловко оправдаться передъ человѣчествомъ. Вотъ прогрессъ!

«Бѣдствія войны ужасны», говорятъ теперь вызывающіе кровопролитіе, «*но наше сердце должно умолкнуть, когда говоритъ честь и долгъ!*»

Въ вѣкахъ варварства не умѣли составлять такихъ краснорѣчивыхъ и громкихъ фразъ.

Въ эти вѣка дрались просто, безъ оправданій и гордились насиліями и побѣдами, стремясь только къ расширенію своихъ владѣній, а въ нашъ гуманный вѣкъ дерутся безкорыстно, вслѣдствіе симпатій, которыя обнаруживаютъ къ угнетеннымъ народамъ; теперь всѣ льютъ кровь для водворенія мира и, объявляя войну, опираются на правосудіе, на человѣчность, на свои права, на любовь къ независимости и тому подобное.

Развѣ это не прогрессъ?...

А между тѣмъ человѣческая кровь льется такъ же точно, какъ лилась въ варварскіе вѣка и отъ этихъ громкихъ фразъ человѣчеству не легче.

Все это привело мнѣ на память знаменитую философическую сказку прошлаго столѣтія о *Микромегасѣ.*

Для тѣхъ изъ читателей, которые забыли эту остроумную сказку — я увѣренъ, что между моими читателями нѣтъ такихъ, которые бы не знали ея — я здѣсь приведу кстати небольшой отрывокъ.

Надобно замѣтить, что Микромегасъ обитатель планеты Сиріусъ, на которой живутъ исполины, ростомъ въ восемь льё. Мы — люди, обитатели земли, разумѣется, должны казаться имъ гораздо менѣе, чѣмъ намъ муравьи. Замѣтивъ въ насъ интеллектуальныя способности и умѣнье говорить, господинъ Микромегасъ, который считался на Сиріусѣ бель-омомъ, взялъ на свою ладонь нѣсколько человѣчковъ, съ любопытствомъ разглядывалъ ихъ и потомъ обратилъ къ нимъ такую рѣчь:

«О, разумные атомы, на которыхъ Вѣчное Существо проявило до такой степени свою ловкость и могущество!.. вы, вѣрно, наслаждаетесь чистѣйшею, блаженною радостію на своей планетѣ, ибо, заключая въ себѣ такъ мало матеріи, всѣ какъ бы составленные изъ духа — вы должны только *любить* и *мыслить*. Такова жизнь всѣхъ

духовъ. Я нигдѣ не находилъ истиннаго счастія. Вѣроятно, маленькіе плутишки, оно пріютилось у васъ на землѣ....»

Одинъ изъ самыхъ откровенныхъ человѣчковъ, сидѣвшихъ на ладони Микромегаса, захохоталъ.

— Ахъ, господинъ Исполинъ, сказалъ онъ: — какъ вы жестоко ошибаетесь: мы слишкомъ матеріальны, если зло происходитъ отъ матеріи, и потому дѣлаемъ много зла; если же зло заключается въ духѣ, то въ такомъ случаѣ мы ужь черезъ-чуръ духовны. Повѣрите ли вы, напримѣръ, что въ ту минуту, когда я говорю съ вами, сто тысячъ безумцевъ нашей породы въ каскахъ убиваютъ сто тысячъ другихъ животныхъ въ чалмахъ, или наоборотъ... и это ведется на землѣ съ незапамятныхъ временъ.

Обитатель Сиріуса содрогнулся.

— О, Боже! воскликнулъ онъ: — но какая же причина такихъ ужасныхъ распрей между столь незамѣтными и эфемерными существами, какъ вы?

— Эти распри, отвѣчалъ человѣчекъ: — начинаются иногда изъ-за какого нибудь клочка грязи, величиной не болѣе, какъ съ вашъ каблукъ. И не подумайте, чтобы кто нибудь изъ этого милліона людей, рѣжущихъ другъ друга, воображалъ, что этотъ клочекъ рай земной, — ни мало; весь вопросъ въ томъ, чтобы знать, кому владычествовать надъ этимъ клочкомъ — человѣку, называющему себя султаномъ, или другому, который величаетъ себя Цезаремъ. Ни одинъ изъ нихъ, конечно, никогда и не увидитъ этого грязнаго клочка земли и ужь навѣрно почти ни одинъ изъ тѣхъ, которые такъ усердно бьютъ и рѣжутъ другъ друга, не увидятъ никогда въ глаза того, за котораго они рѣжутся и дерутся.

Современный человѣчекъ отвѣчалъ бы Микромегасу иначе, напримѣръ, въ такомъ родѣ:

— Мы рѣжемъ и убиваемъ себѣ подобныхъ не изъ-за какого нибудь ничтожнаго клочка земли; нѣтъ, это было бы варварство; но для возстановленія мира, любви, справедливости, независимости и свободы на землѣ... по крайней мѣрѣ такъ увѣряютъ насъ тѣ, которые не позволяютъ намъ иногда заикнуться о собственной независимости.

— О, несчастные! воскликнулъ сирійскій бель-омъ съ негодованіемъ: — можно ли вообразить себѣ, что вы, крошки, доходите до такого безумія и звѣрства? Это ни на что не похоже и я готовъ въ негодованіи сдѣлать три шага и тремя ударами раздавить подъ моею пятою весь этотъ муравейникъ смѣшныхъ убійцъ.

— Не безпокойтесь! воскликнуло нѣсколько человѣчковъ: — мы сами очень усердно заботимся объ истребленіи другъ друга. Знаете

ли, что черезъ каждые десять лѣтъ, это статистически-вѣрно, и сотой части не остается насъ на землѣ. Если мы не истребляемъ другъ друга мечемъ, огнестрѣльнымъ или другимъ какимъ либо оружіемъ, то сами себя уничтожаемъ трудомъ, голодомъ или неумѣренностію... Самые ужасные между нами называются дипломатами, они считаютъ себя тончайшими и глубокомысленнѣйшими изъ людей; хитрятъ, обманываютъ и опутываютъ другъ друга и полагаютъ, что въ этомъ заключается вся мудрость человѣческая. Надо замѣтить, что званіе дипломата почитается у насъ весьма почетнымъ и дѣти всѣхъ нашихъ сановниковъ стремятся непремѣнно записываться въ дипломатію. Эти-то дипломаты въ своихъ кабинетахъ рѣшаютъ судьбы народовъ и въ непрестанной заботливости о мирѣ (этой фразы, впрочемъ, нѣтъ въ сказкѣ), доводятъ насъ обыкновенно своими хитростями до того, что заставляютъ рѣзать другъ друга.

Микромегасъ, выслушавъ это, проникнулся глубочайшимъ состраданіемъ къ этимъ забавнымъ крошкамъ, которые называютъ себя людьми... и проч. и проч.

Тѣхъ, которые захотятъ вполнѣ возобновить въ своей памяти эту остроумную философическую сказку, мы попросимъ обратиться къ сочиненіямъ одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ XVIII-го вѣка. Мы только привели этотъ отрывокъ для того, чтобы показать, что съ тѣхъ поръ, какъ написана эта сказка, человѣчество не ушло еще слишкомъ далеко и что мы, проповѣдуя о прелестяхъ мира, о правильныхъ внутреннихъ развитіяхъ *подъ его благотворною сънію* и тому подобное, рѣжемся такъ же, какъ рѣзались и во времена оны, и кромѣ того, для удобнѣйшаго истребленія другъ друга, еще безпрестанно изобрѣтаемъ новыя, усовершенствованныя орудія смерти.

И въ наше время, какъ бывало встарь, враждующія государства каждое въ свою очередь считаетъ себя совершенно правымъ и убѣждено, что Богъ на ея сторонѣ.

«Наша борьба справедлива», восклицаетъ одинъ изъ ополчившихся, «мы принимаемъ ее съ довѣренностію и твердостію. Совѣсть наша чиста и потому мы спокойно можемъ положиться на приговоръ Всемогущаго Бога.»

«Надѣемся, что Богъ благословитъ наши усилія», восклицаетъ другой, «ибо дѣло, защищаемое нами, право и свято.»

Какъ бы то ни было, а война началась — и говорятъ, за независимость Италіи. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ этомъ и отъ всей души желаемъ, чтобъ эта цѣль была достигнута, хотя крова-

вымъ путемъ войны.... если уже не было никакой возможности достичь ее другимъ, болѣе человѣческимъ путемъ.

Во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества слышатся теперь, какъ мы уже замѣтили, различныя политическіе толки, соображенія и разсужденія, иногда очень напоминающія разговоръ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ о политикѣ.

— Ну, скажите, батюшка, а мы-то будемъ тоже воевать? спрашиваетъ старушка у господина, глубокомысленно предполагающаго, что Наполеонъ III хочетъ покорить всю Европу, по примѣру своего дядюшки, оставивъ только насъ неприкосновенными, и что эта война за независимость Италіи только маска.

— Вы изволите спрашивать, отвѣчаетъ онъ: — примемъ ли мы участіе въ войнѣ? Теперь покуда нѣтъ (и онъ хмуритъ значительно бровь), а что будетъ далѣе, сударыня, неизвѣстно.

— Это запутанный вопросъ, замѣчаетъ другой господинъ: — тутъ болѣе интриги Турціи, Австріи, революціонный духъ — все это, знаете, вмѣстѣ....

И останавливается, не зная чѣмъ докончить свою фразу.

Меня на дняхъ остановилъ мой знакомый, отвелъ нѣсколько въ сторону и произнесъ таинственно:

— Слышали вы новость?

— Какую?

— Да говорятъ, Англія прислала предписаніе, чтобы всѣ англійскія торговыя суда, пришедшія въ Кронштадтъ, немедля вышли оттуда. Это явный разрывъ съ Англіею! Можетъ быть снова нынѣшнее лѣто англійскій флотъ будетъ подъ Кронштадтомъ.... Что вы на это скажете?

Я ничего не сказалъ и только подумалъ:

— Если такіе политическіе слухи разносятся въ Петербургѣ и не шутя повторяются, то чтò должно быть въ провинціи?...

Я заговорилъ о войнѣ и обо всѣхъ этихъ забавныхъ толкахъ по ея поводу, потому что теперь всѣ сдѣлались политиками. Интересующихся же серьёзно ею, мы просимъ обратиться къ нашему политическому обозрѣнію. Въ моихъ скромныхъ замѣткахъ не рѣшаются судьбы царствъ и народовъ, выражаясь общепринятою краснорѣчивою фразою; я записываю только ежедневныя явленія петербургской жизни и набрасываю легкіе очерки петербургскихъ нравовъ и обычаевъ.

Итакъ, обратимся къ этой спеціальности.

Праздникъ Свѣтлаго Воскресенія не былъ такъ оживленъ въ нынѣшнемъ году, какъ обыкновенно, потому что все время праздника погода въ Петербургѣ была весьма неблагопріятная. Дожди,

холодъ, снѣгъ продолжались до 27 апрѣля. Впрочемъ, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія было до 14° тепла (нельзя не замѣтить этого для чести петербургскаго климата) и Петербургъ въ этотъ день представлялъ уже совершенно праздничную и оживленную картину.

У Гостинаго Двора не было проѣзда отъ экипажей; во всѣхъ магазинахъ по Невскому Проспекту была давка, словомъ, все какъ слѣдуетъ. Всѣ попадавшіеся мнѣ были, какъ это обыкновенно бываетъ наканунѣ праздника, чѣмъ-то очень озабочены, куда-то спѣшили, къ чему-то приготовлялись, что-то закупали. Одинъ я шолъ тихо и спокойно, ни о чемъ не заботясь, никуда не спѣша, ни къ чему не приготовляясь, ничего не закупая. И глядя на этихъ волнующихся и безпокоящихся людей, ощущалъ какое-то эгоистическое удовольствіе. Я, просто, вышелъ походить безъ цѣли, обрадовавшись теплой погодѣ.

«А вѣдь не дурно пользоваться нѣкоторою независимостію», думалъ я, «если бы я служилъ, напримѣръ, я былъ бы, вѣроятно, сегодня въ такомъ же волненіи и хлопотахъ, какъ всѣ эти господа, которые попадаются мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько дѣлъ въ это время человѣку служащему, зависящему отъ начальства: заботиться о визитныхъ карточкахъ (у меня ихъ вовсе нѣтъ, потому что мнѣ не къ кому разсылать ихъ; пріятели мои обойдутся и безъ нихъ), о наймѣ экипажа на слѣдующій день, чтобы разъѣзжать по переднимъ и расписываться (а наемные порядочные экипажи въ Петербургѣ не только въ этотъ день, но и всегда, почти баснословной цѣны, несмотря на таксу), размѣнивать деньги для раздачи швейцарамъ, курьерамъ, сторожамъ и проч., закупать конфекты и яйцы у Рабона, Крампона или Фойе для тетушекъ, кузинъ, подругъ дѣтства (у меня ихъ нѣтъ), а главное — для женъ и дочерей начальниковъ (подсластить начальство все-таки не мѣшаетъ!).

А сколько тратится денегъ на эти бездѣлушки!

Представьте себѣ, какая нибудь изящная коробочка съ конфектами, или фарфоровое яичко съ сюрпризомъ внутри — десять рублей!... Нельзя же ея превосходительству поднести просто конфекты или какое нибудь обыкновенное, красненькое яичко!

А внутреннія, духовныя волненія передъ праздниками?

Я, такъ сказать, вошелъ въ тѣло служащаго чиновника и продолжалъ мыслить:

«Получу ли я завтра награду и какую именно? Чинъ, крестъ, денежное награжденіе?...

Деньги — прекрасно, но мой сослуживецъ, мой сверстникъ — перегонитъ меня въ такомъ случаѣ крестомъ, или чиномъ, а это, какъ

хотите, ужасно для самолюбія! Человѣкъ, съ которымъ мы шли напримѣръ наравнѣ, вдругъ махнетъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а я съ своею денежной наградой останусь статскимъ;—ему будутъ говорить и писать ваше превосходительство, а мнѣ на конвертахъ по прежнему станутъ писать *ваше высокородіе*, да и какая разница между высокородіемъ и высокоблагородіемъ—почти никакой! Иные даже и не знаютъ этого различія, тогда какъ слова: генералъ, ваше провосходительство — какъ-то звучатъ хорошо, въ этихъ звукахъ есть что-то значительное.... Генералу ужь никто не напишетъ на конвертѣ «его высокоблагородію».

Или: у меня напримѣръ Анна съ короной на шеѣ, я возьму денежную награду, а моему сверстнику дадутъ Владиміра на шею?... Воля ваша, можетъ быть это и смѣшно, но мнѣ послѣ этого какъ-то неловко и непріятно будетъ встрѣчаться съ нимъ въ департаментѣ. Этотъ Владиміръ мнѣ невольно будетъ колоть глаза.... Такова наша природа! Что дѣлать?

Я отчасти и либералъ, если хотите: я всегда отзываюсь обо всѣхъ этихъ отличіяхъ и знакахъ съ равнодушіемъ, а не смотря на это, внутренно все-таки меня коробитъ, хоть я это всячески стараюсь скрыть, если кто нибудь перегонитъ меня.

Если бы, положимъ, я имѣлъ генеральскій чинъ, — мнѣ, признаюсь откровенно, было бы неловко, если бы у меня не было звѣзды. Конечно, это предразсудокъ, я очень хорошо понимаю это, — но что ни говорите, а генералу безъ звѣзды неловко! Я принадлежу къ *порядочнымъ людямъ*: разумѣется я носилъ бы ленту не постоянно, а только въ экстренныхъ случаяхъ — на службѣ, или являясь къ значительному человѣку; но отъ значительнаго человѣка я могъ бы, какъ будто нечаянно, заѣхать къ пріятелю, у котораго нѣтъ звѣзды и который не имѣетъ уже никакихъ надеждъ никогда получить ее, и блеснулъ бы передъ нимъ моею звѣздою.

— Въ какомъ ты парадѣ и блескѣ сегодня! воскликнулъ бы мой пріятель не безъ ироніи, потому что онъ такъ же, какъ и я, человѣкъ свободно мыслящій.

— Отчего? отвѣчалъ бы я съ умышленною разсѣянностію и притворнымъ равнодушіемъ, — Ахъ, это-то? — и указалъ бы на звѣзду.... да я вѣдь къ тебѣ прямо отъ министра.

Повѣрьте моей опытности, что слова: «я прямо отъ министра» и моя звѣзда непремѣнно возвысили бы меня въ глазахъ моего пріятеля, и при этомъ онъ улыбнулся бы и пожалъ бы мнѣ руку съ бо́льшимъ чувствомъ и гораздо слаще, не смотря на его свободный образъ мыслей и равнодушіе ко всѣмъ знакамъ отличія.

Чтожь дѣлать, батюшка, человѣческая слабость! и самые умные люди, какъ мы съ вами, неизъяты отъ этихъ слабостей!....

Пріятно получить генеральскій чинъ, что бы ни говорили, но какъ то еще пріятнѣе украсить грудь свою первою звѣздою, потому что она, такъ сказать, укрѣпляетъ и окончательно подтверждаетъ генеральское достоинство. Человѣка со звѣздою уже никто, конечно, не будетъ разсматривать иначе, какъ генерала, и при видѣ звѣзды всякій не только ретроградъ, но и либералъ, невольно произнесетъ: «ваше превосходительство».

Предположимъ теперь, что я женатъ, что я имѣю милѣйшую подругу жизни, которая во мнѣ такъ сказать души нечаетъ, и нѣсколько прелестныхъ малютокъ.... Супруга моя женщина очень образованная, проникнутая современными идеями, между нами сказать, даже либералка; но я знаю, что не смотря на все это, ей смертельно хочется, чтобы меня произвели въ генералы, (если я еще только статскій совѣтникъ) чтобы лакеи говорили ей: ваше превосходительство, и чтобы няня или гувернантка, гуляя въ Лѣтнемъ Саду съ нашими дѣтьми, на вопросъ «чьи это дѣти?» незнакомца или незнакомки, плѣнившейся нашими малютками, могла отвѣчать: «генерала такого-то»... Вотъ почему супруга моя передъ каждымъ праздникомъ въ такомъ волненіи, въ такомъ ожиданіи чего-то; она даже скрыть этого не можетъ и, ласкаясь ко мнѣ, съ нѣжностью трепля меня по щекѣ, спрашиваетъ:

— Ну чтожь, мой другъ, тебя сдѣлаютъ генераломъ хоть къ нынѣшнему празднику?

Я очень хорошо знаю, что сдѣлаютъ, но притворяюсь неувѣреннымъ и говорю:

— Не знаю, право... можетъ быть... (для того, чтобы сдѣлать ей сюрпризъ).

Въ день Свѣтлаго Воскресенья, я получаю чинъ, иду къ женѣ и говорю ей съ пріятнѣйшею улыбкою:

— Поздравляю, ваше превосходительство, съ праздникомъ....

— Какъ! неужели! восклицаетъ она съ сіяющимъ лицомъ: — ты генералъ!... Поздравляю, поздравляю тебя, душка ты мой!

И она бросается ко мнѣ на шею и цалуетъ меня съ увлеченіемъ, съ жаромъ.

— Нынѣшній праздникъ для меня вполнѣ свѣтлый праздникъ! замѣчаетъ она.

Семейное счастіе мое поднимается еще на нѣсколько градусовъ. Мы всѣ блаженствуемъ; при разъѣздѣ изъ театра или изъ концерта кричатъ «карету генерала такого-то». Когда первый разъ раздается этотъ крикъ — мы переглядываемся съ женою и пріятно улыбаемся

другъ другу. Первыя три недѣли послѣ полученія генеральскаго чина намъ какъ-то особенно легко и отрадно, все такъ ясно и свѣтло вокругъ насъ, точно будто мы въ жаркій лѣтній день нѣжимся подъ прохладнымъ навѣсомъ деревьевъ и внимаемъ музыкѣ природы, жужжанію насѣкомыхъ и пчелъ. Дѣйствительно вокругъ насъ всѣ такъ и жужжатъ: «Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!»

Полученіе первой ленты и звѣзды.... также одно изъ тѣхъ мгновеній, которыя никогда не забываются въ семейной жизни.

Представьте себѣ восторгъ моей доброй Женнички или Машеньки, (я еще не знаю, какъ будутъ звать мою жену) когда я вдругъ вхожу въ ея будуаръ въ мундирѣ съ красною лентою черезъ плечо и со звѣздой на груди.

Она восклицаетъ: «Ахъ!» и бросается ко мнѣ на грудь, нѣжно прижимается къ лентѣ, потомъ отходитъ отъ меня на нѣсколько шаговъ, смотритъ на меня съ чувствомъ и говоритъ:

— Какъ это красиво, какъ это идетъ къ тебѣ!

И снова бросается въ мои объятія.

Вечеромъ у насъ ложа. Мы ѣдемъ въ театръ.

Я надѣваю фракъ безъ звѣзды, потому что порядочные люди ѣздятъ обыкновенно въ театръ безъ всякихъ знаковъ отличій, хотя признаться мнѣ очень хочется украсить свою грудь этою новинкой; но меня нѣсколько останавливаетъ то, что нѣкоторые вольнодумные мои пріятели, взглянувъ на меня, подумаютъ «Вотъ обрадовался-то!»

Я вхожу къ женѣ, которая въ великолѣпномъ туалетѣ ожидаетъ меня.

При взглядѣ на меня, она хмуритъ бровки и говоритъ плаксиво:

— Serge! отчего же ты не надѣлъ звѣзды?

— Но, другъ мой, это не принято, отвѣчаю я.

— Я знаю, возражаетъ она, — но на этотъ разъ можно сдѣлать исключеніе. Я непремѣнно хочу, чтобы ты сегодня былъ въ театрѣ со звѣздою.... Я хочу, чтобы всѣ увидѣли, что ты получилъ такую награду.... Я увѣрена, что Саша Малевская придетъ въ бѣшенство, увидѣвъ тебя со звѣздою, и не дастъ покою своему колпаку мужу.... Вѣдь онъ еще, мой другъ, нескоро получитъ звѣзду?

— Куда еще ему!... говорю я улыбаясь, —до этой звѣзды ему. «Какъ до звѣзды небесной далеко!»

— Ну такъ ты надѣнешь звѣзду? Не правда ли? — перебиваетъ меня моя добрая жена и нѣжно прибавляетъ: — Надѣнь, mon ange!

Я съ притворнымъ равнодушіемъ повинуюсь ей и пришпиливаю звѣзду къ фраку, какъ будто для того только, чтобы сдѣлать ей удовольствіе....

Саша Малевская, подруга моей жены по институту, когда мы входимъ въ ложу (ложа Малевскихъ рядомъ съ нашей), бросаетъ удивленный и значительный взглядъ на мою звѣзду, закусываетъ губку отъ злости и произноситъ сухо:

— Поздравляю васъ.

И потомъ яростно взглядываетъ на своего мужа, какъ будто хочетъ сказать ему:

— Ну а ты, дуракъ, когда же *ты-то* у меня получишь звѣзду!

Я и жена моя — мы это, разумѣется, тотчасъ замѣтили, — торжествуемъ внутренно; потому что внушать къ себѣ чувство зависти въ друзьяхъ, чтобы тамъ ни проповѣдывали моралисты, очень пріятно.

Вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ въ передней моей въ торжественные дни Рождества, Новаго года и Свѣтлаго Воскресенія появляется уже на столѣ листъ бѣлой бумаги и ставится чернильница, для того, чтобы приходящіе съ поздравленіями записывались. Возвращаясь домой въ Свѣтлый день праздника къ обѣду (я уже изъѣздилъ весь городъ и записался вездѣ, гдѣ слѣдуетъ), я бросаю косвенный и любопытный взглядъ на этотъ листъ и потомъ беру его къ себѣ и прочитываю фамиліи записавшихся: ихъ, правда, немного и все такая мелочь:

Коллежскій секретарь Подточинъ.

Титулярный совѣтникъ Иванъ Брылкинъ.

Коллежскій регистраторъ Илья Зарубаевъ,

два или три коллежскихъ совѣтника, подвѣдомственные мнѣ, и статскій совѣтникъ Эльпидифоръ Перекачаевъ, очень четко, полными и круглыми буквами написавшій свой чинъ, имя и фамилію... При этомъ имени я останавливаюсь съ особенною признательностію....

— Что ему во мнѣ? думаю, я, — онъ мнѣ не подчиненъ, мы служимъ въ разныхъ вѣдомствахъ, онъ бы смѣло могъ прислать мнѣ просто свою карточку, а между тѣмъ.... Но у него канальство чуткое обоняніе!... Онъ видитъ, что я иду въ гору, такъ на всякій случай заискиваетъ во мнѣ и оказываетъ мнѣ особенные знаки уваженія и преданности.... Великій льстецъ и низкопоклонникъ!

И у меня невольно рождается къ нему какое-то особенное расположеніе, именно вслѣдствіе того, что онъ *заискиваетъ* во мнѣ.

— Ловкій и милый человѣкъ! произношу я почти вслухъ улыбаясь, — умѣетъ проникать въ изгибы и тайники чиновничьихъ сердецъ!

Я бросаю листъ на столъ и продолжаю размышлять съ самимъ собою:

— Когда-то у меня будутъ на лѣстницѣ выставляться *книги* для росписки и исписываться отъ перваго до послѣдняго листа въ великіе дни Новаго года и Свѣтлаго Воскресенья — да исписываться не Брыкиными, не Зарубаевыми, не какими нибудь ничтожными коллежскими регистраторами, а генералъ-майорами, генералъ-лейтенантами, камеръ-юнкерами, камергерами, тайными совѣтниками?... Когда моя яшмовая ваза, стоящая въ гостиной, въ которой нынѣ валяются десятка два карточекъ, будетъ биткомъ набита карточками съ именами сенаторовъ, графовъ, князей?.. Ахъ фантазія, фантазія!.. куда ты увлекаешь меня?... Когда? Когда? Далеко еще кулику до Петрова дня!

И при этомъ я испускаю печальный вздохъ....

Странное дѣло, я считаю себя человѣкомъ гуманнымъ, прогрессистомъ; относительно Европы я даже имѣю весьма широкіе взгляды, которые, пожалуй, ретрограды назовутъ *красными* взглядами, — (они во всемъ видятъ красноту!) но если какой-нибудь изъ чиновниковъ, подчиненныхъ мнѣ, самый дѣловой и усердный, не роспишется на моемъ листѣ въ Новой годъ или въ свѣтлый праздникъ, я ужь на него смотрю какъ-то иначе и при случаѣ даже невольно придерусь къ нему.... Конечно, изъ-за такихъ пустяковъ я не лишу его мѣста, какъ это дѣлывали нѣкоторые начальники съ старыми и дикими понятіями; но очень можетъ случиться, что представлю его къ меньшей денежной наградѣ, нежели бы какая ему слѣдовала....

А если онъ, человѣкъ бѣдный, слабый здоровьемъ, обремененный семействомъ, не пришелъ ко мнѣ росписаться, потому что живетъ гдѣ нибудь на Выборгской сторонѣ, въ пяти верстахъ отъ меня, и что ему тяжело тащиться такую даль пѣшкомъ, а нанять дрожки не на что; если онъ не пришолъ ко мнѣ росписываться именно потому, что считаетъ меня человѣкомъ образованнымъ, начальникомъ вполнѣ просвѣщеннымъ, который не требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ мелочныхъ знаковъ уваженія, низкопоклонства, — а только труда и дѣла?... Какъ же я изъ моего личнаго, мелочнаго чувства лишу его какой нибудь сотни рублей, на которую онъ разсчитывалъ и которая ему необходима для поддержанія его многочисленнаго семейства, особенно теперь при страшной дороговизнѣ петербургской?

Ахъ, ахъ, ахъ! всѣ-то мы ужасные эгоисты, наше мелочное самолюбіе неумолимо, — а мы должны бы подавлять его въ себѣ и стараться быть какъ можно снисходительнѣе къ бѣднымъ, подчиненнымъ намъ людямъ!... Намъ-то легко и хорошо росписываться, разъѣзжая на рысакахъ, да еще пожалуй съ лакеемъ въ ливреи и штиблетахъ!...

Любопытно бы однако знать, что сильные-то міра сего обращаютъ ли вниманіе на эти росписки и неужели они каждый праздникъ перелистываютъ книги съ росписывающимися?...

Нѣтъ. Мнѣ кажется, это невозможно!... да и до того ли имъ? у нихъ столько дѣла! Что, если они въ самомъ дѣлѣ не читаютъ? Для чего же въ такомъ случаѣ мы скачемъ, какъ угорѣлые, изъ дома въ домъ и расчеркиваемся въ этихъ книгахъ?... Вотъ забавно!... А вѣдь нельзя не расписываться, воля ваша.... Я почти увѣренъ, что они не читаютъ, ну а если читаютъ?...

Я по чувству гуманности могу еще извинить какого-нибудь бѣднаго чиновника, живущаго на Выборгской, если онъ не росписался на листѣ моемъ: у него сапогъ нѣтъ, ему не на что нанять извощика.... а чѣмъ же меня-то можетъ извинить его превосходительство, или его сіятельство, если я не исполню относительно ихъ своего долга?

Я получаю прекрасное жалованье, столовые, квартирные, у меня экипажъ!...

Нѣтъ, нѣтъ! читаютъ, или не читаютъ, но во всякомъ случаѣ необходимо росписываться.

Изучить нравы начальника, умѣть во время услужить, угодить ему — это, я вамъ скажу, наука, да еще какая! Для того, чтобы постичь ее, необходима глубокая проницательность, особая тонкость ума и изворотливость; для этого не должно упускать изъ виду никакихъ мелочей, формальностей. Въ такихъ случаяхъ логика и философія ни къ чему не поведутъ!

Его превосходительство непремѣнно вытащитъ меня, если я съумѣю угодить ему; я въ свою очередь непремѣнно вытащу другаго, который съумѣетъ мнѣ угодить; онъ.... и такъ далѣе.

Всѣ вытаскиваютъ своихъ фаворитовъ.... Надобно только попасть въ число ихъ, крѣпко и во время зацѣпиться за значительнаго человѣка, а ужь онъ вытянетъ — не безпокойтесь.

Тотъ, кто предположилъ себѣ идти вверхъ — долженъ быть всегда на сторожѣ, всегда на готовѣ, обнаруживать постоянную расторопность и дѣятельность, быть всегда на виду у начальства, сдѣлаться такъ сказать необходимостію для глазъ начальства.... Для этого нужна энергія, необходимо нѣкоторое самоотверженіе. Спокойствіе, усыпленіе, халатъ, татарскія привычки, *обломовщина* (слово это сдѣлалось послѣ романа Гончарова нарицательнымъ) никуда не годятся. Положившій себѣ цѣлію идти впередъ, долженъ воскликнуть, какъ Отелло:

«Прости спокойствіе!...»

Я зналъ впрочемъ многихъ Обломовыхъ, которые достигали до степеней извѣстныхъ.

Отчего же это?

Но на долю этихъ Обломовыхъ выпадали супруги честолюбивыя, энергическія, недававшія имъ ни минуты покоя, принимавшія рѣшительныя мѣры относительно своихъ супруговъ и истребившія всѣ ихъ турецкія и татарскія халаты. Лишь только такого рода супругъ задремлетъ немножко, такого рода супруга толкаетъ его....

— Поѣзжай, говоритъ, сію минуту къ тому-то. У него, говоритъ, сегодня на вечерѣ такой-то — человѣкъ тебѣ нужный....

или:

— Сегодня рожденье, или имянины—сестры, дочери, сына, брата, или тетки такого-то извѣстнаго лица. Поѣзжай сейчасъ съ поздравленіемъ....

— Но... произнесетъ супругъ....

— Но при этомъ *на* энергическая супруга такъ взглянетъ на своего супруга, что тотъ опрометью побѣжитъ одѣваться.

Что, если бы я имѣлъ такую супругу? спросилъ меня мой внутреній голосъ. Холодный потъ при этомъ выступилъ у меня на спинѣ и ледяныя иголки пробѣжали отъ темени до пятокъ....

— За то ты бы не излѣнился, какъ теперь, возразило моему внутреннему голосу мое мелочное самолюбіе,—не спалъ бы до полудня, не валялся бы на диванѣ съ книгою въ рукѣ, а рыскалъ бы съ утра до вечера, кланялся, извинялся, наклонялся, пріятно улыбался, служилъ и подслуживался....

Это взбѣсило меня.

— *Я человѣкъ честный; честь и независимость для меня всего дороже,* вскрикнулъ я съ жаромъ и хотѣлъ, какъ червя, придавить мое мелочное самолюбіе.

Но оно легко выскользнуло изъ-подъ пяты моей, какъ все мелкое и скользкое, и подняло свой голосъ:

— Честь, независимость!... Это слова, которыми ты стараешься оправдать себя въ томъ, что ты почти въ 50 лѣтъ только какой нибудь жалкій коллежскій секретарь, тогда какъ твои сверстники давно генералы со звѣздами съ лентами черезъ то и черезъ другое плечо... Не честь, не независимость не допустили тебя до блестящаго пути административной карьеры, а лѣнь, обломовщина, любезный другъ... И что же хорошаго, что ты дожилъ до сѣдыхъ волосъ и остался тѣмъ, ничѣмъ, въ своемъ татарскомъ халатѣ и съ книгою въ рукѣ?.. Ты отъ этого и состарѣешься и одряхлѣешь преждевременно, потому что только дѣятельная жизнь, постоянно на вытяжкѣ, поддерживаетъ здоровье и силы человѣка. Взгляни напримѣръ на его пре-

восходительство Артомона Егорыча, ему подъ 60, а на видъ 40: ни одной морщинки, ни одной сѣдинки.... Онъ и до сихъ поръ бѣгаетъ, кланяется, хлопочетъ, угождаетъ, вѣчно на вытяжкѣ, въ завитомъ паричкѣ....

Я ужаснулся, что внутри меня могутъ подниматься еще такого рода скверные голоса....

Неужели я могъ допустить въ себѣ существовать такому пошлому и жалкому самолюбію? спросилъ я свой внутренній голосъ.

— Что дѣлать? Со дна души человѣка, отвѣчалъ онъ мнѣ для успокоенія меня,—поднимаются иногда разныя мелкія страстишки и возвышаютъ свой голосъ.... Онѣ кое-какъ тайно поддерживаютъ свое безсильное существованіе въ самыхъ чистыхъ натурахъ, питаясь предразсудочными впечатлѣніями дѣтства и жалкими привычками и обычаями той среды, въ которой взросъ человѣкъ и отъ которой онъ постепенно отрывался по мѣрѣ своего развитія и проникновенія своимъ человѣческимъ достоинствомъ....

Я легче вздохнулъ послѣ этого.

Въ эту минуту выбѣжалъ изъ магазина мой сверстникъ — человѣкъ отлично идущій по службѣ, ума не глубокаго, но крайней ловкости, расторонности и угодливости.

— Ааа! протянулъ онъ мнѣ, — здравствуй, душа моя.

— Что все въ хлопотахъ? въ вѣчной дѣятельности? спросилъ я его.

— Comme de raison, mon chèr, — отвѣчалъ онъ.

Какъ всѣ люди, плохо знающіе французскій языкъ, онъ безпрестанно ввертываетъ въ разговоръ избитыя французскія фразы.

— То есть ты не повѣришь, какъ измучился сегодня, продолжалъ онъ,—передъ праздникомъ, ты знаешь, всегда работы бездна, къ тому же *нашъ* (своего высшаго начальника онъ всегда называетъ *мой* или *нашъ*)... ты знаешь, онъ почему-то имѣетъ ко мнѣ особенное пристрастіе... поручилъ мнѣ пересмотръ одного очень важнаго дѣла... Я за нимъ, *имажине*, трое суток сидѣлъ день и ночь и только кончилъ сегодня утромъ.... да за то я всталъ въ пять часовъ.... Въ девять я былъ уже у него въ кабинетѣ и занимался съ нимъ до 12. Въ двѣнадцать пришла его жена—ее давно кто-то увѣрилъ, что я человѣкъ со вкусомъ, — и съ тѣхъ поръ, это просто бѣда,—она поручаетъ мнѣ разныя закупки, подарки къ праздникамъ — у нихъ вѣдь бездна родни.... Отъ порученія такой особы вѣдь не откажешься, дѣлать нечего!... Вотъ я и рыскаю съ 12 часовъ... Ну и для себя надобно сдѣлать кое-какія закупки къ празднику... Я долженъ сегодня пообѣдать наскоро, а потомъ опять таскаться по магазинамъ.... Измучился, совсѣмъ измучился... а завтра-то, затра-то что предстоитъ

мнѣ! Вотъ ты, братецъ, счастливый человѣкъ, независимый, свободный, какъ воздухъ.... Я, признаюсь, тебѣ завидую....

— Притворяешься, не завидуешь! — отвѣчалъ я, — ты за свое усердіе получаешь награды къ каждому празднику, а я никакихъ; ты идешь все впередъ и впередъ, украшаешься.... генераломъ скоро будешь ... а я все стою на одномъ мѣстѣ.... Вотъ и теперь я ясно читаю на лицѣ твоемъ, что завтра ты непремѣнно украсишься чѣмъ нибудь новенькимъ, или подвинешься ступенью выше. Я поздравляю тебя заранѣе.... Съ какой же стати ты будешь завидовать мнѣ?

Онъ пріятно улыбнулся, потрепалъ меня благосклонно по плечу и произнесъ не безъ ироніи:

— Да какъ же! вы, господа, нынче въ ходу.... Что мы передъ вами?... Мы васъ боимся, мы должны за вами ухаживать, потому что того и гляди попадешь къ вамъ въ журналъ....

И при этомъ онъ засмѣялся и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— До свиданія, мой милый, мнѣ нѣкогда. Au revoir.

Я провожалъ его глазами и думалъ:

— Нѣтъ, ты не завидуешь мнѣ, ты вздоръ говоришь; напротивъ, я знаю: ты убѣжденъ въ томъ, что я завидую твоимъ возвышеніямъ, твоимъ украшеніямъ и прочему.... Но ты ошибаешься, любезный другъ! За ту цѣну, за которую ты пріобрѣтаешь все это, я не хотѣлъ бы пріобрѣтать награды въ двадцать разъ важнѣйшія.

Мнѣ не нужно бѣгать по магазинамъ для угожденія женѣ начальника, торчать въ пріемной его превосходительства, чтобы быть всегда на готовѣ, когда позоветъ онъ, льстить, извиваться, разсыпаться мелкимъ бѣсомъ, интриговать противъ своихъ сослуживцевъ, подставлять имъ подножки и прочее и прочее....

Я завтра, когда ты въ мундирѣ и трехъугольникѣ будешь рыскать по швейцарскимъ и записываться, преспокойно разлягусь на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и при громѣ экипажей подкатывающихся къ подъѣздамъ, при мысли объ этомъ всеобщемъ волненіи, съ особеннымъ наслажденіемъ, крѣпко завернусь въ мой халатъ и приму еще болѣе покойную и удобную позу, поблагодаривъ Бога, что эта чаша прошла мимо меня....

Я выведенъ былъ изъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій толчкомъ въ бокъ.... Какой-то господинъ, выбѣжавшій изъ шляпнаго магазина съ новой шляпой, завернутой въ бумагу, вдругъ наскочилъ на меня....

Толкотня, суетня на тротуарахъ, оглушающій громъ на мостовой.... Всѣ бѣгутъ, скачутъ толпятся, закупаютъ....

Всѣ хотятъ быть завтра непремѣнно въ освѣженномъ и обновленномъ видѣ.

Праздникъ! Праздникъ!

Тѣ, которые не моются по мѣсяцамъ, завтра непремѣнно вымыются и надѣнутъ на себя все чистенькое и новенькое; вездѣ скребутъ, моютъ въ самыхъ грязныхъ квартирахъ и углахъ.... Сколько кофею будетъ истреблено завтра! Сколько будетъ выпито водки спеціальной и простой. О, какъ должны радоваться сердца петербургскихъ откупщиковъ при наступленіи святой недѣли!

Къ удовольствію ихъ, въ Петербургѣ нѣтъ и помину о трезвости. На каждомъ шагу въ теченіе цѣлой праздничной недѣли на васъ натыкаются повсюду одурѣвшіе отъ сивухи люди съ криками, съ жестами; мужья, бьющіе женъ; жены, ругающія мужей, пьяныя женщины съ младенцами на рукахъ. Стоны, крики, слезы.... Картина очень печальная!

Кстати о винѣ. Мы прочли недавно въ одной газетѣ, что гг. откупщики, испугавшись распространяющейся внутри Россіи трезвости, придумали: *въ теченіе нѣкотораго времени продавать въ извѣстныхъ кабакахъ вино по сильно пониженной цѣнѣ, только въ довольно-значительномъ количествѣ*.

Остроумная уловка для возбужденія пьянства!

Когда любители вина узнаютъ, что ведро вина продается напримѣръ за три рубля, — если они имѣютъ три рубля въ карманѣ, они, разумѣется, поспѣшатъ пріобрѣсти ведро, ибо черезъ три четверти дня вино вздорожаетъ.

«Но не въ значительности продажи», продолжаетъ газета заключалась выгода откупа: «онъ разсчитывалъ на другое. Купившіе ведро и пившіе прежде не болѣе двухъ или трехъ рюмокъ въ день, стали пить, четыре и пять рюмокъ, такъ что ведро вышло очень скоро, захотѣлось выпить еще, а ужь вино возвысилось въ цѣнѣ. Дѣлать нечего, пришлось купить ведро по возвышенной цѣнѣ, и это новое ведро исчезло такъ же быстро, какъ первое, потому что привычка пить вмѣсто трехъ рюмокъ — пять, сдѣлалась уже сильна. Извѣстно, что водка дѣйствуетъ гибельно на желудокъ и скорѣе всякаго другаго пьянаго напитка возбуждаетъ запой; вслѣдствіе дешево-купленной и можетъ быть не совсѣмъ доброкачественной водки многіе спились, впали въ запой и стали чаще и чаще посылать въ кабакъ, не думая уже о дороговизнѣ. Такимъ образомъ откупъ успѣлъ сбыть вина и въ то же время оградилъ себя отъ опасности, которою грозилъ ему распространяющійся въ Россіи *духъ трезвости*....» и проч. Газета, изобличающая это, обѣщаетъ представить доказательства.

Праздникъ кончился, и все опять вошло въ свою обычную колею.

Балаганные содержатели, если не въ убыткѣ, то пріобрѣли не

этотъ разъ весьма немного, потому что, какъ сказано было выше, всю свѣтлую недѣлю въ Петербургѣ лилъ дождь, попархивалъ снѣгъ и стояли нестерпимые холода съ еще болѣе нестерпимыми вѣтрами.

Освободившись отъ грязнаго льда, Нева имѣла свинцовый оттѣнокъ, какъ въ глухую осень, и еще до сихъ поръ нѣтъ зелени на деревьяхъ. Какъ холодно въ Биржевомъ саду бѣднымъ обезьянамъ, попугаямъ, райскимъ и другимъ тропическимъ птицамъ, привезеннымъ изъ-за моря!

Однимъ изъ весеннихъ подарковъ въ Петербургѣ въ старые годы считались устрицы, но въ нынѣшнемъ году охотники могли пользоваться ими почти въ теченіе всей зимы... Несмотря на это, съ открытія навигаціи биржевыя лавки по утрамъ набиты были господами, поглощающими устрицъ.

Для людей со средствами всѣ времена года хороши и каждое имѣетъ свои особенные сюрпризы и наслажденія; для людей же недостаточныхъ и бѣдныхъ — все северно и каждое время года имѣетъ еще свои особенныя непріятности....

Люди богатые не замѣчаютъ ни сѣверной погоды, ни дурныхъ дорогъ, ни грязи, качаясь какъ въ люлькѣ на лежачихъ рессорахъ своихъ экипажей и глядя сквозь зеркальныя стекла своихъ каретъ; люди богатые во всѣ времена года пьютъ кристальную воду, пропускаемую сквозь водоочистительные снаряды, или вѣрнѣе сказать вовсе не пьютъ воды, а употребляютъ шампанское и другіе напитки, какъ воду....

А бѣдный зимою вязнетъ по колѣна въ снѣгу, о сенью и весною утопаетъ въ грязи.... Загляните-ка на такъ называемыя улицы Галерной Гавани, Петербургской и Выборгской сторонъ. Да и къ чему заглядывать въ Галерную Гавань, на Выборгскую.... Посмотрите на мостовую весною въ самыхъ лучшихъ улицахъ Петербурга. Что можетъ быть ужаснѣе этой мостовой? Ямы, провалы, выбоины, колеи, точно послѣ потопа; попробуйте ощутить прелесть этой мостовой, проѣхавшись на извощичьихъ дрожкахъ въ формѣ гитары— на этомъ татарскомъ экипажѣ, на которомъ ежеминутно вы рискуете сломать себѣ шею, или вывихнуть ногу!...

Вода и водка единственные напитки бѣднаго; — о водкѣ я не скажу ни слова, потому что объ ней было говорено впереди, — но полюбопытствуйте посмотрѣть, какую воду пьетъ петербургскій бѣдный весною и лѣтомъ, не имѣющій средствъ пріобрѣсти водоочистительную машину.... Вода въ Фонтанкѣ, въ Мойкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, въ которыя проведены сточныя трубы, которыя лѣтомъ загружаются дровяными и другими барками, — это не вода, а отрава.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дѣйствій общества С.-Петербургскихъ водопроводовъ. Оно объявило, что въ теченіе лѣта предполагаетъ проложить чугунныя трубы по шестидесяти шести улицамъ, площадямъ и набережнымъ, — всего на протяженіи пятидесяти верстъ.

Дай Богъ, чтобы это осуществилось.

Когда же мы дождемся сколько нибудь сносныхъ мостовыхъ? сколько нибудь удобныхъ и приличныхъ наемныхъ экипажей?

По этому поводу я даже написалъ въ подражаніе г. Розенгейму элегію съ припѣвомъ *Когда? Когда?* которую я когда нибудь сообщу читателю....

Несмотря на ожидаемые громы войны и на вооруженіе всей Европы, отъѣзжающимъ за границу нѣтъ числа. Въ почтовыхъ экипажахъ берутся мѣста за полтора мѣсяца впередъ.... Надо признаться, что брать мѣсто впередъ за полтора мѣсяца очень неудобно.... мало ли что съ человѣкомъ случится въ эти полтора мѣсяца? можно занемочь, могутъ остановить какія нибудь дѣла, наконецъ необходимо выѣхать черезъ три дня, а васъ угощаютъ билетомъ черезъ полтора мѣсяца....

Послѣ поста на театрѣ нашемъ появились двѣ новыя піесы: на русскомъ, — новая драма «Банкрутъ», изъ романа Шпиндлера, — на французскомъ «Орфей въ аду» (Orphée aux enfers) фарсъ съ пѣніемъ, и на русскомъ оперномъ театрѣ новая опера г. Фитингофа *Мазепа.*

Въ Петербургѣ находится въ сію минуту М. С. Щепкинъ, который уже игралъ «роли Фамусова и Городничаго въ Ревизорѣ.» Александрійскій театръ въ оба эти представленія былъ полонъ сверху до низу и петербургская публика приняла съ громкими рукоплесканіями ветерана русскихъ артистовъ.

На французскомъ театрѣ дебютировала въ старинномъ водевилѣ Jean Mathieu ou Etre aimé pour soi même — Г-жа Деверіа съ отцемъ своимъ, актеромъ Порт-Сен-Мартенскаго театра.

Г-жа Деверіа — лѣтъ 18; она высока и стройна, имѣетъ правильныя и пріятныя черты лица. Она не красавица въ общепринятомъ смыслѣ и вѣроятно большинство всегда предпочтетъ ей по красотѣ г-жу Терикъ; но въ лицѣ г-жи Деверіа столько выраженія, столько ума, столько одушевленія, что она, покрайней мѣрѣ намъ кажется, привлекательнѣе многихъ такъ называемыхъ красавицъ.

Въ игрѣ г-жи Деверіа мы замѣтили много тонкости и сценическаго такта, дикція ея очень натуральна, въ манерахъ нѣтъ того кокетства, той изысканности, которая такъ непріятно поражала напримѣръ въ г-жѣ Плесси и во многихъ другихъ французскихъ ак-

трисахъ, которыхъ удалось намъ видѣть; въ игрѣ дебютантки мы не замѣтили ни малѣйшей подражательности какому быть ни было знаменитому образцу; у нея есть что-то свое, чуждое совершенно пошлой сценической рутины, обнаруживающее въ ней положительное дарованіе, для котораго есть будущее....

Въ г-жѣ Деверіа — французская петербургская труппа дѣлаетъ очень пріятное пріобрѣтеніе.

Что же касается до отца г-на Деверіа — объ немъ говорить не стоитъ: — это дюженный актеръ парижскихъ бульварныхъ театровъ, у котораго нѣтъ и проблеска сценическаго дарованія. Онъ движется одною рутиной.

О драмѣ «Банкрутъ» мы говорить ничего не будемъ, потому что мы говоримъ здѣсь только о болѣе или менѣе замѣчательныхъ сценическихъ явленіяхъ, но скажемъ нѣсколько словъ объ «Орфеѣ въ аду», потому что этотъ музыкальный фарсъ принадлежитъ по своей нелѣпости къ замѣчательнымъ явленіямъ. Въ Парижѣ онъ, говорятъ, имѣлъ успѣхъ на театрѣ «Парижскихъ Буффовъ» и выдержалъ несчетное количество представленій. Въ Петербургѣ успѣха онъ не имѣлъ, не смотря на то, что обстановленъ съ большимъ эффектомъ на сценѣ Большаго театра.

(Французы играютъ теперь на сценѣ Большаго театра, по случаю передѣлки Михайловскаго).

Содержаніе «Орфея въ аду» разсказывать безполезно, но мы замѣтимъ только, что въ этомъ фарсѣ на сценѣ дѣйствуетъ весь Олимпъ, герои безсмертнаго Гомера. Фарсъ, при такихъ данныхъ, могъ бы быть очень забавенъ.

Зевсъ-громовержецъ, тучъ-воздыматель Кроніонъ является намъ въ лицѣ г-на Леменіля. Представьте себѣ: Лемениль-громовержецъ!

Зевсъ парижскаго бульварнаго фарса, Зевсъ-Лемениль имѣетъ сходство съ величественнымъ гомеровскимъ Зевсомъ въ томъ только, что оба немножко любятъ матеріальныя удовольствія.

Когда гомеровскій страшный Кроніонъ заключалъ въ свои могучія объятія свою царственную супругу, лилейно-раменную Геру, то

> Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы,
> Лотосъ росистый, Сафранъ и цвѣты Гіакинѳы густые,
> Гибкіе, кои боговъ высоко отъ земли поднимали.......

и когда они предавались спокойствію

> ....одѣвалъ почивающихъ облакъ
> Пышный, златый, изъ котораго свѣтлая капала влага.....

Зевсъ-Лемениль не такъ величественъ и страшенъ, хотя и держитъ громы.... изъ дерева. Онъ просто добрый и ограниченный старичишка, подъ башмакомъ у своей супруги; онъ открываетъ свою табакерку со скрипомъ, безпрестанно набиваетъ свой носъ табакомъ и позволяетъ по глупости водить себя за носъ бойкому, ловкому и умному подземному богу Плутону.

Что, если бы робкіе и легковѣрные люди, трепещущіе передъ этимъ воздымателемъ тучь, передъ этимъ Громовержцемъ, посмотрѣли бы на него вблизи въ его домашнемъ быту! Какъ бы они посмѣялись надъ своимъ нелѣпымъ страхомъ, какъ бы имъ стало стыдно самихъ себя!

Если бы эта тема была развита пократче и поостроумнѣе, фарсъ былъ бы не безъ смысла и не безъ веселости.

Но все смѣшное въ парижскомъ фарсѣ основано на табакеркѣ, на превращеніи волочащагося Зевса въ жука; на томъ, что съ Юноной (г-жа Лемениль) дѣлается нервическій припадокъ отъ невѣрности супруга и она кричитъ и дрыгаетъ ногами.

И все это длится болѣе трехъ часовъ!...

Весна въ Петербургѣ время различныхъ выставокъ: выставки флоры, выставки искусствъ (говорятъ, скоро откроется академическая годичная выставка), выставки благотворительныхъ лотерей и наконецъ выставки новѣйшихъ и модныхъ парижскихъ товаровъ въ магазинахъ.

Въ числѣ послѣднихъ занимала первое мѣсто выставка въ магазинѣ *Делиля* (у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви). Она продолжалась нѣсколько дней. Выставка эта была дѣйствительно очень блестяща: удивительныя кисеи, необыкновенныя по красотѣ и дороговизнѣ шелковыя матеріи (мы замѣтили между прочимъ одно голубое шолковое платье о двухъ юбкахъ съ цвѣтами, стоющее 150 р.), ковры, репсы, бархаты и другія мебельныя матеріи—все это привлекало въ магазинъ Делиля тѣхъ изъ прекраснаго пола, для которыхъ доступны всѣ эти прелести, стоющія баснословныхъ денегъ....

Дешевыя распродажи въ Петербургѣ также въ большомъ ходу весною. Такихъ различныхъ дешевыхъ распродажъ было въ особенности много нынѣшнею весною. Замѣчательнѣе другихъ была распродажа въ домѣ герцога Лейхтенбергскаго и у г. Жюста картинъ старинныхъ и новѣйшихъ живописцевъ, японскаго, китайскаго, севрскаго и стариннаго саксонскаго фарфора и другихъ. Между этими картинами и вещами было нѣсколько очень замѣчательныхъ по своему художественному достоинству.

Мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ о г. Рареѣ.... Представимъ теперь одинъ изъ труднѣйшихъ опытовъ надъ дикою лошадью. Мы заимствуемъ это изъ «Русскаго Инвалида»:

«Труднѣйшій опытъ г. Рарея произведенъ былъ надъ дикою лошадью, приведенною, за 17 лѣтъ тому назадъ, изъ черноморскихъ степей и находившеюся съ тѣхъ поръ въ Гатчинѣ, зимою въ нарочно для нея устроенной конюшнѣ, а лѣтомъ въ особомъ мѣстѣ парка. Лошадь эта малорослая (около 1 вершка), но весьма сильная, коренастая и съ толстыми членами, отличалась своею необузданностію, дикостью и необыкновенною злостью, усиленною еще отъ того, что люди, проходившіе лѣтомъ мимо того мѣста, гдѣ она находилась, постоянно дразнили ее; тогда она становилась на дыбы, старалась бросаться на человѣка, кусать, бить передними ногами или оборотясь лягать задними. Переводъ ея изъ парка въ зимнее помѣщеніе всегда сопряженъ былъ съ величайшими затрудненіями и даже опасностію; неоднократно ломала она денникъ свой, дѣлая огромные скачки, доказывавшіе неимовѣрную силу мускуловъ; даже пищу принуждены были давать ей чрезъ нарочно сдѣланное въ денникѣ отверстіе, и тогда она старалась бросаться на человѣка, передававшаго ей кормъ.

«17-го марта, г. Рарей, въ сопровожденіи двухъ кавалерійскихъ офицеровъ, отправился въ Гатчино, съ тѣмъ, чтобы привести сказанную лошадь въ Петербургъ, гдѣ опыты для укрощенія ея долженствовали производиться въ такъ называемомъ маленькомъ манежѣ, состоящемъ при казармахъ Кавалергардскаго полка.

«Прибывъ въ Гатчино, Рарей отправился немедленно въ конюшню, въ которой заперта была лошадь; она не дозволяла подойти къ себѣ, бросалась на Рарея съ намѣреніемъ укусить его, обращалась къ нему задомъ и подскакивая такимъ образомъ старалась лягнуть: онъ едва успѣлъ выскочить изъ денника и притворилъ за собою дверь, въ которую лошадь стала лягаться столь сильно, что вышибла притолоку. Рарей, возвратясь въ денникъ, старался, посредствомъ длиннаго шеста, пріучить ее къ прикосновенію посторонняго тѣла, при чемъ она безпрестанно билась, прыгала, лягалась и бросалась на Рарея, который едва успѣвалъ выскакивать изъ денника. Когда онъ наконецъ, посредствомъ шеста, старался накинуть на шею лошади арканъ, то она наклоняла голову, топтала веревку аркана передними ногами и бросалась на Рарея, быстрыми и ловкими движеніями отъ нея ускользавшаго. Работа эта продолжалась около 4 часовъ, и когда, наконецъ, удалось Рарею накинуть арканъ на шею лошади, то она взвилась на дыбы, кувыркалась и, наконецъ,

разорвала веревку аркана, такъ что работу надлежало начать вновь. А какъ на это потребовалось бы слишкомъ много времени, то Рарей, узнавъ, что тутъ находились люди, употребляемые при выпускѣ этой лошади изъ конюшни въ паркъ и обратномъ вводѣ ея въ конюшню, потребовалъ отъ нихъ помощи: ихъ было 10 человѣкъ; двое изъ нихъ набрасывали петлю чрезъ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ денника, двое изъ окна и шестеро изъ дверей. Чрезъ четверть часа, лошадь, съ петлей на шеѣ и съ спутанными ногами, повалена была на полъ, она щелкала зубами, билась и старалась освободиться. Этимъ временемъ воспользовался Рарей, чтобы надѣть на нее узду, и тогда вывелъ на длинной кордѣ изъ денника, и прошелъ нѣсколько шаговъ; она остановилась, отказалась идти далѣе, взвилась на дыбы и упала на землю. Рарей поднялъ ее и провелъ снова нѣсколько разъ по двору, при чемъ уже она оказалась послушною; затѣмъ, проведя ее нѣсколько по дорогѣ, онъ возвратился назадъ, и тогда сѣлъ на другую лошадь и повелъ дикую лошедь безъ всякаго сопротивленія къ дебаркадеру гатчинской желѣзной дороги, и въѣхавъ самъ на подмостки, ввелъ ее въ вагонъ, въ которомъ она, во все время переѣзда въ Петербургъ, стояла смирно, смирнѣе даже нежели стоятъ обыкновенно въ вагонѣ лошади ручныя. По прибытіи въ Петербургъ, въ тотъ же день, лошадь, доведенная все такимъ же образомъ до кавалергардскихъ казармъ, вырвалась въ сосѣдствѣ оныхъ и побѣжала къ Таврическому Саду; но Рарею удалось поймать ее и ввести въ маленькій манежъ, гдѣ она и провела первую ночь. На другой день, 18-го марта, Рарей началъ съ нею работу, и въ тотъ же день лошадь, вычищенная самимъ Рареемъ щеткою и скребницею, стала повиноваться своему укротителю. 19-го марта Рарей осѣдлалъ ее, и она стала слѣдовать за нимъ какъ собака; 20-го онъ ѣздилъ на ней шагомъ и рысью, мѣняя направленіе и смѣло побуждая ее хлыстомъ. 21-го марта онъ разсчистилъ и опилилъ ей копыта, и продолжалъ выѣзжать ее подъ верхъ и пріучать ко всему. Такимъ образомъ повторялъ онъ работу съ этою лошадью и довелъ ее до того, что могъ 23-го марта показать въ манежѣ Аничковскаго Дворца, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича. Лошадь, по желанію г. Рарея, легла на землю, и онъ сѣлъ на нее; потомъ всталъ и сталъ хлопать бичемъ, при чемъ лошадь оставалась неподвижною. Рарей положилъ голову свою на правую заднюю ногу лошади и копытомъ лѣвой ноги сталъ чесать у себя щеку и лобъ; потомъ, поднявъ лошадь на ноги, осѣдлалъ ее и поѣхалъ на ней; лошадь повиновалась безпрекословно каждому его движенію.»

Обратимся къ новымъ изданіямъ и книгамъ:

Г. Мюнстеръ продолжаетъ свою Портретную Галлерею русскихъ литераторовъ, журналистовъ, художниковъ и другихъ замѣчательныхъ людей. Вышли 4 и 5 тетрадь этой галлереи, заключающая портреты: митрополита Платона, г. Дружинина, графа Сперанскаго, графини Е. Р. Дашковой, Островскаго, Плещеева, Пушкина и Лермонтова. Говорятъ, ко всѣмъ этимъ портретамъ г. Мюнстеръ приложитъ біографіи. Нельзя не одобрить издателя галлереи за таковое намѣреніе.

Многіе портреты въ двухъ послѣднихъ тетрадяхъ очень удачны, — въ особенности портреты гг. Дружинина, Плещеева и Островскаго. Касательно портрета г. Островскаго можно замѣтить одно только: въ дѣйствительности г. Островскій бѣлокуръ, а на портретѣ онъ вышелъ почему-то брюнетомъ.

Мы слышали также, что г. Мюнстеръ намѣренъ издавать портреты замѣчательныхъ иностранцевъ и также съ біографіями, въ подраженіе извѣстному изданію Кастиля: «Portraits historiques et politiques au XIX siècle», по весьма умѣренной цѣнѣ.

Все это очень похвально и — нельзя не пожелать, чтобы труды г. Мюнстера были вознаграждены вниманіемъ публики.

Г. Гербель продолжаетъ неутомимо свое полезное изданіе *Полныхъ сочиненій Шиллера.*

Въ непродолжительномъ времени отпечатаются и выйдутъ въ свѣтъ *пятая, шестая* и *седьмая* части «Сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей». Вотъ содержаніе этихъ трехъ книжекъ: *часть V.* «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ новомъ переводѣ Н. В. Гербеля; «Марія Стюартъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го. *Часть VI* «Валленштейнъ», драматическая поэма въ двухъ частяхъ. Часть первая: «Прологъ», въ новомъ переводѣ Л. А. Мея; «Лагерь Валленштейна», драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, въ новомъ же переводѣ Л. А. Мея. «Пикколомини», драматическая поэма въ пяти дѣйствіяхъ, также въ новомъ переводѣ В. А. Лялина. Часть вторая: «Смерть Валленштейна», трагедія въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го. *Часть VII* «Коварство и Любовь», мѣщанская трагедія въ пяти актахъ, въ новомъ переводѣ М. М. Достоевскаго; «Орлеанская Дѣва», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнагö В. А. Жуковскаго. *Часть VIII* также приготовляется къ печати. Въ составъ этой части войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», неоконченная трагедія, въ новомъ переводѣ Л. А. Мея; «Духовидѣцъ», романъ въ новомъ же переводѣ А. А. Григорьева; «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, также въ новомъ переводѣ Н. В.

Гербеля, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ первыя двѣ части «Шиллера», въ переводахъ: В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, Ѳ. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ. — *Части IX* и *X*, куда войдутъ большія историческія сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны» и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества», оба въ новыхъ переводахъ, первое — М. Л. Михайлова, а второе—Л. А. Мея, также начаты. Остальныя *XI и XII части* будутъ заключать въ себѣ историчеекія, философическія и критическія статьи Шиллера, изъ которыхъ многія уже переведены, а другія — переводятся.

Намъ случилось пробѣжать нѣкоторыя изъ этихъ переводовъ и мы нашли, въ особенности переводы гг. Мея и Лялина, очень удачными.

Торговый домъ г.г. Струговщикова, Пахитонова и Водова издалъ нѣсколько полезныхъ сочиненій, по части естественныхъ наукъ, а именно:

1) Учебникъ Химіи, или первоначальное изученіе химіи при помощи самыхъ простыхъ опытовъ безъ пособія наставника, сочиненіе Доктора Штекгардта, переведенное и изданное г. Ходневымъ.— При этомъ сочиненіи 286 политипажей въ текстѣ.

2) Біографіи знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ, сочин. Франсуа Араго, въ переводѣ Д. М. Перевощикова.

и 3) Природа и ея силы, заимствованіе, сдѣланное г. Новосильскимъ изъ Бабине, Циммермана и друг.

Г. Новосильскій доходитъ мѣстами въ своей книгѣ до поэзіи, возвышается до лиризма. Выпишемъ одну изъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ его новаго сочиненія:

«Никакое происшествіе на нашей землѣ, говоритъ онъ,—отъ начала міра до окончанія его не погибаетъ, но вся исторія человѣчества, со всѣми частными подробностями, въ свѣтилахъ небесныхъ, какъ въ зеркалахъ вселенной, всецѣло отражается.

«Пойдемъ далѣе.... но какъ мы будемъ часто ссылаться на идею *возможнаго*, то просимъ читателя согласиться съ нами въ слѣдующемъ:

«Мы называемъ *возможнымъ* то, что не противорѣчитъ общимъ законамъ природы; *невозможнымъ*—что имъ противорѣчитъ.

«Въ этомъ смыслѣ, усовершенствованіе всякаго человѣческаго открытія до чрезвычайности — есть дѣло возможное. Такимъ образомъ, можно достигнуть до того, чтобъ пробѣгать извѣстное пространство въ опредѣленное, но чрезвычайно малое время. Если по желѣзнымъ дорогамъ мы пробѣгаемъ десять верстъ въ десять ми-

нуть; если, помощію электрическаго телеграфа, мы можемъ въ одну секунду времени зазвонить въ колокольчикъ, находящійся отъ насъ на разстояніи тысячи верстъ, предположеніе, что можемъ найти средство двигаться отъ одного пункта къ другому съ изумительною быстротою, не принадлежитъ еще къ невозможному.

«Повторяемъ, что подобнаго результата *на практикѣ мы, разумѣется, никогда не достигнемъ, хотя въ сущности предстоитъ намъ одно препятствіе:* усовершенствовать до чрезвычайности извѣстные механическіе дѣятели, чтобъ получить, напримѣръ, движеніе, скорость котораго превышала бы скорость свѣта (*); въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что не выходимъ изъ области возможнаго.

«Теперь мы продолжаемъ, полагая, что читатель допускаетъ, что наша идея возможнаго не есть одна пустая мечта, хотя, съ другой стороны, и *далека еще отъ практическаго осуществленія.*

«Допуская это, предположимъ, что обитатель земли перенесется на звѣзду съ такимъ сильнымъ телескопомъ, что можетъ на всякомъ разстояніи въ подробности разсматривать освѣщенныя мѣста нашей планеты.

«Съ этимъ предложеніемъ и зная взаимное положеніе и растоянія между неподвижными звѣздами (свѣдѣнія эти даетъ новѣйшая астрономія), наблюдатель можетъ вызвать передъ свои глаза всѣ важнѣйшія событія всемірной исторіи, которыя представятся ему живыми, какъ бы въ это время совершающимися. *Если онъ захочетъ видѣть, напримѣръ, Полтавскую битву и безсмертнаго Петра передъ русскими полками, то перенесется въ пространство между звѣздами 6-й и 7-й величины; пожаръ Москвы 1812 года, озаряющій бѣгство изъ Россіи Наполеона и полчищъ двадцати народовъ, онъ увидитъ, находясь около звѣздъ четвертой величины. Наконецъ, направивъ свой полетъ отъ рубежей нашей солнечной системы къ блестящему Сиріусу, наблюдатель могъ бы воскресить и незабвенный для насъ день 26-го августа 1856 года и видѣть въ полномъ блескѣ торжество коронаціи возлюбленнаго нашего Монарха.*

«*Теперь вообразимъ наблюдателя на звѣздѣ 12-й величины, вооруженнаго обыкновенно-сильнымъ телескопомъ. Онъ могъ бы видѣть землю, какою она была назадъ тому четыре тысячи лѣтъ. Представимъ себѣ, что этотъ наблюдатель несется отъ звѣзды 12-й величины съ такою скоростью, что можетъ прилетѣть на землю на одинъ часъ. На половинѣ дороги онъ увидѣлъ бы землю въ томъ видѣ, какъ она была за двѣ тысячи лѣтъ*, и т. д.

«Отсюда ясно, что еслибъ наблюдатель могъ обнять своимъ взоромъ весь вихрь изображеній, которыя послѣдовательно будутъ не-

(*) Электричество двигается скорѣе свѣта.

редъ нимъ развертываться, онъ прожилъ бы сорокъ вѣковъ и видѣлъ бы всѣ событія на земномъ шарѣ въ теченіе одного часа времени», и проч.

Торговый домъ гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова печатаетъ всѣ свои изданія въ собственной типографіи и печатаетъ съ большимъ изяществомъ, и главное продаетъ по весьма дешевой цѣнѣ.

Лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ въ Пассажѣ, прекратились до осени. — Бо̀льшимъ успѣхомъ пользовались лекціи гг. Ходнева и Ценковскаго, въ особенности послѣдняго.

Мы слышали, что осенью откроются лекціи исторіи, словесности и т. д.

Лекціи исторіи, говорятъ, взялъ на себя профессоръ Стасюлевичъ.

Желательно, чтобы петербургская публика поддержала полезную дѣятельность Торговаго дома гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова.

Департаментъ сельскаго хозяйста министерства государственныхъ имуществъ издалъ «Сельско-хозяйственную статистику Саратовской губерніи, составленную по свѣдѣніямъ, собраннымъ Саратовскою коммисіею (въ 1852 — 1854 г.) для управленія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

Статистическое описаніе Саратовской губерніи составлено подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника этой коммисіи К. В. *Зальсскаго*. Оно было напечатано (1857 и 1858 г.) въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ, а теперь съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями, сдѣланными въ статистическомъ отдѣленіи департамента сельскаго хозяйства, изданы особою книгою.

Книга эта раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ:

Въ первомъ—описываются физическія свойства страны; во второмъ—жители; въ третьемъ—хозяйственный ихъ бытъ; въ четвертомъ — описаніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ; въ пятомъ — фабрики и заводы; въ шестомъ — общія замѣчанія о торговлѣ и сбытѣ сельскихъ произведеній.

Ко всему этому въ концѣ книги приложена карта Саратовской губерніи, съ показаніемъ почтъ и движеній хлѣбной торговли.

Въ 13 № «Художественнаго Листка», г. Тиммъ подарилъ намъ отлично выполненный и очень похожій портретъ г—жи Бозіо и ея краткую біографію, изъ которой мы сдѣлаемъ небольшую выписку для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ дорога память прекрасной артистки, такъ преждевременно и неожиданно сошедшей съ своего поприща:

«Анджіолина Бозіо происходила изъ семейства артистовъ, подвизавшихся въ Италіи на драматическомъ поприщѣ.

«Она родилась въ Туринѣ, 20-го августа 1829 года. По окончаніи въ Миланѣ своего музыкальнаго образованія, она 16–ти лѣтъ выступила на то поприще, на которомъ впослѣдствіи достигла такой извѣстности.»

«Пѣнію училась она у извѣстнаго профессора Катанео. Импрессаріо Баракки первый разгадалъ ея рождавшееся дарованіе и предложилъ ей скромный ангажементъ, который былъ для нея первою ступенью къ достиженію художнической славы. Она дебютировала на Миланскомъ театрѣ Re, въ оперѣ Верди I due Foscari. За тѣмъ она пѣла въ Веронѣ. Ея дебюты въ Италіи были такъ успѣшны, такъ блистательны, что извѣстность ея быстро разнеслась по Европѣ и доставила ей нѣсколько приглашеній. Прежде всего она отправилась въ Копенгагенъ, а оттуда въ Мадритъ. Въ обоихъ городахъ она имѣла такой же блистательный успѣхъ, какъ и въ Италіи. Пробывъ въ Испаніи два лѣта, она отправилась потомъ въ Америку, гдѣ провела три года, посѣтила всѣ болѣе значительные города Соединенныхъ Штатовъ, была въ Гаваннѣ и вездѣ встрѣчала блистательный пріемъ. Извѣстность Анджіолины Бозіо была уже велика, прежде, чѣмъ она пріѣхала въ Парижъ. Она появилась *во время* величайшихъ успѣховъ знаменитой Софіи Крувелли на сценѣ тамошней *Итальянской оперы*. Бозіо поступила на сцену *Большой оперы* и имѣла блистательный успѣхъ. Потомъ пѣвица помѣнялась мѣстами съ своей соперницей: уступила ей свое мѣсто въ *Большой оперѣ*, а сама перешла на сцену *Итальянской*. Наконецъ въ 1855 году Анджіолина Бозіо пріѣхала въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ постоянно зимній сезонъ проводила у насъ, а лѣтній въ Лондонѣ.

«Четыре года даровитая артистка приводила въ восторгъ весь Петербургъ.... Суровый климатъ сѣвера пагубно дѣйствовалъ на ея натуру, и Анджіолина Бозіо скончалась, не достигнувъ еще тридцати лѣтъ, въ полной силѣ своего таланта, вдали отъ своей родины....

«Простуда развила въ бѣдной артисткѣ неизлѣчимую болѣзнь, отъ которой не могли спасти ее самые опытные петербургскіе врачи.»

Мы слышали, что уже собрана значительная сумма денегъ по подпискѣ, для сооруженія ей памятника....

Г. Дюма, упоминая въ своемъ журналѣ о русской литературѣ и журналистикѣ, и сказавъ, между прочимъ, нѣсколько словъ о талантѣ г. Некрасова, перевелъ три его стихотворенія: «Забытая деревня», «Княгиня» и «Ѣду ли ночью по улицѣ темной». — Вотъ какъ перевелъ Дюма: «Ѣду ли ночью по улицѣ темной»:

Si, la nuit, je traverse une ruelle sombre;
Si gronde sur mon front l'orage ténébreux,
Pauvre amie! à l'instant je vois surgir dans l'ombre
Ton fantôme plaintif, malade et doloureux.

Mon âme a fait de toi sa plus triste pensée:
Dès l'enfance, tu fus jouet du sort moqueur;
Ton père était méchant, ta mère intéressée,
Et tu te marias, un autre amour au cœur.

Un bien mauvais époux t'échut en mariage,
Son cœur était cruel et lourde était sa main;
Tu ne pus te soumettre à ce dur esclavage:
Tu t'enfuis; le malheur me mit sur ton chemin.

Te souviens-tu du jour, ma pauvre bien-aimée,
Où sans force, accablée d'une sombre stupeur,
Nous regardions, muets, dans la chambre affamée,
Notre soufle onduler en vagues de vapeur?

Te souviens-tu du vent sanglotant dans la plaine,
Des larmes de la pluie et du jour finissant?
Ton fils pleurait, et toi, de ta mourante haleine,
Tu réchauffais ses mains, sous le froid bleuissant.

Mais lui pleurait toujours, et sa plainte incessante,
Que ne pouvait calmer ton maternel effort,
De moment en moment devenait plus perçante.
Minuit sonna; l'enfant se tut: il était mort!

Fais trève maintenant à ta plainte insensée
Pauvre femme! il te reste à souffrir aujourd'hui,
Et demain, par la faim et la douleur bercée,
Tu dormiras non moins profondément que lui.

Et puis mon tour viendra. L'âpre propriétaire,
Achetant trois ceurcueils, nous maudissant tous trois,
Dans l'angle abandonné d'un pauvre cimetière,
Inscrira nos trois noms sur une seule croix....

Nous nous tenions au coin du noir foyer sans flamme,
Tu pâlissais déjà sous le trépas vainqueur;
Un projet douloureux mûrissait dans ton âme,
Un combat acharné se livrait dans ton cœur.

Je m'endormis, et toi, tu partis sans rien dire,
Après avoir quitté ton vêtement de deuil,
Ft revins apportant, folle, presque en délire
Pour le père un souper, pour l'enfant un cercueil.

Nous mangeâmes, prenant des forces pour l'épreuve;
Dans le foyer éteint je fis un peu de feu,
Tu passas à l'enfant sa robe la plus neuve;
Lequel nous secourait, du hasard ou de Dieu?

Sans te questionner, fiévreux, sombre, farouche,
Je restai tous les jours dans mon anxiété;
Car, tu t'en souviendras, pouvre femme, ta bouche,
Fut lente à confesser la triste vérité.

Que fais-tu maintenant? Dans cette voie amère,
Si l'on entre une fois, il faut aller au bout!
De la honte suis-tu le chemin ordinaire?
Le ruisseau, prends-y garde, aboutit à l'égout.

Oh! qui te défendre du mépris et du blâme
Que les hommes sur toi verseront durement?
Tous sans exception te nommeront infâme;
Je le maudirai tous.... mais inutelement!

По нашему мнѣнію, этотъ переводъ весьма удаченъ.

.... Открылась вторая публичная выставка цвѣтовъ и растеній петербургскаго общества садоводства. Выставка эта устроена въ экзерциргаузѣ у Зимняго дворца. Она продолжится до 6 мая. — Первая выставка имѣла успѣхъ колоссальный, на ней перебывало нѣсколько десятковъ тысячъ.

Нынѣшняя — еще великолѣпнѣе прошлогодней. Она устроена академикомъ Пелемъ, по плану академика Боссе. Устройство выставки стоитъ 8,000 р. с.... Сборъ послѣдняго дня предназначенъ для вспомоществованія бѣднымъ садовникамъ и ихъ семействамъ.

Какое блаженство гулять въ этомъ роскошномъ саду съ пригорками, прудами, фонтанами, каскадами, бесѣдками, среди тропическихъ, неслыханныхъ и невиданныхъ растеній и цвѣтовъ, вдыхать въ себя ихъ ароматическій запахъ и прочее и прочее....

Не было весны въ Петербургѣ и признака, при открытіи этой выставки: солнце только свѣтило, а не грѣло, — вѣтры были холодны и ни одинъ кусточекъ не распустился....

Петербургская весна и поэзія — пріютились въ экзерциргаузѣ, и мы, несчастные обитатели Петербурга, всѣ толпами спѣшили туда

встрѣчать весну.... Въ экзерциргаузъ! Въ экзерциргаузъ! кричали мы другъ другу — весна въ экзерциргаузѣ! За 50 копѣекъ мы можемъ насладиться чудесною весною, только съ каменнымъ потолкомъ, вмѣсто лазореваго неба....

Мы сейчасъ получили слѣдующее извѣстіе отъ академика С. М. Воробьева, съ просьбою напечатать его въ нашемъ журналѣ. Исполняя желаніе г. Воробьева, мы не считаемъ нужнымъ прибавлять о достоинствѣ картинъ его покойнаго отца, который пользовался у насъ почетною извѣстностію, какъ весьма талантливый и замѣчательный художникъ.

«Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора разыгрываются слѣдующія картины работы покойнаго заслуженнаго профессора Императорской Академіи Художествъ *М. Н. Воробьева:* 1) Видъ г. *Шумлы* (писанный съ натуры) въ осадномъ положеніи въ 1828 г. и главной квартиры дѣйствующей арміи, съ портретами въ Бозѣ почившихъ: Его Величества Императора Николая I-го и Великаго Князя Михаила Павловича, и съ портретами всѣхъ особъ, состоявшихъ тогда въ свитѣ Его Величества; 2) *Буря;* и 3) Видъ *С.-Петербурга* (писанный съ натуры) съ Парголовской горы.

Билеты на эту лотерею, по 75 к. сер., можно получать, при выставкѣ разыгрываемыхъ картинъ, въ квартирѣ г. профессора Академіи С. М. Воробьева, находящейся въ зданіи Академіи Художествъ на Васильевскомъ Островѣ (подъѣздъ съ Румянцовской площади, въ 3 линіи), и во всѣхъ главнѣйшихъ магазинахъ столицы.

О днѣ и мѣстѣ розыгрыша, но раздачѣ билетовъ, будетъ объявлено въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Гг. Иногородные, обозначая подробно и ясно свои адресы, благоволятъ обращаться съ своими требованіями за лотерейными билетами *исключительно* по слѣдующему адресу: *Въ С.-Петербургъ. По Екатерининскому каналу, близь 2-й Адмиралтейской части, въ домъ г. Штенгеръ подъ № 107, Ксенофонту Максимовичу Воробьеву въ квар. № 17.*

Выписывающіе отъ 1-го до 10-ти билетовъ прилагаютъ на пересылку 50 к. сер., выписывающіе болѣе 10-ти билетовъ, прилагаютъ на пересылку по 50 к. с., на каждые десять билетовъ; выписывающіе же сто или болѣе билетовъ на пересылку ничего не прилагаютъ.»

Во всѣхъ нашихъ газетахъ появилась статья, подписанная просвѣщеннымъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, барономъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ. Исполняя желаніе почтеннаго автора, мы за особенное удовольствіе считаемъ перепечатать се въ нашемъ журналѣ:

«Съ конца прошлаго года, между нѣмцами и чешскими учеными, въ Прагѣ ведется ожесточенный споръ о подлинности древнихъ памятниковъ чешской литературы. Нѣмецкая партія, постоянно враждебная всякому умственному движенію чеховъ и руководимая особыми цѣлями, печатно провозгласила, что чешскіе ученые, съ 1817 года, завели постоянную, систематическую фабрикацію древнихъ рукописей, съ торжествомъ возвѣщаютъ объ открытіи ихъ всему славянскому міру и изъ своего обмана извлекаютъ для себя большія матеріальныя выгоды. Въ этомъ литературномъ подлогѣ упомянутая партія обвиняетъ, сверхъ Палацкаго и Шафарика, въ особенности В. В. Ганку, котораго прямо выдаетъ за открытаго поддѣлывателя древнихъ чешскихъ рукописей. Эти обвиненія, направленныя противъ передовыхъ лицъ Чехіи, стяжавшихъ своими многочисленными и добросовѣстными трудами благодарность всего ученаго славянскаго міра, были болѣе или менѣе извѣстны изъ нѣмецкихъ и польскихъ журналовъ и газетъ, и нашей публикѣ; но теперь только я узналъ, что выходящая въ Прагѣ газета Tagesbothe aus Böhmen косвенно примѣшиваетъ къ этому дѣлу и С. Петербургскую Публичную Библіотеку. Въ очень любопытной статьѣ, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Современника» подъ заглавіемъ «Два мѣсяца въ Прагѣ», говорится между прочимъ слѣдующее: «Въ своей послѣдней, пятой статьѣ «Тагесботъ» спеціальнѣе обращается къ Ганкѣ; хотя авторъ рѣдко называетъ его, но какъ человѣкъ, нашедшій Краледворскую рукопись, онъ стоитъ одинъ, какъ прямая цѣль его нападеній. Сказавши, что чешская «Школа писанія» (Schreibschule)— подразумѣвается поддѣлываніе старыхъ памятниковъ — процвѣтала въ девятнадцатомъ столѣтіи, авторъ продолжаетъ: «Процвѣтала? Конечно, потому что для того, чтобы не счесть слишкомъ смѣлымъ мнѣніе о ея новѣйшей *цвѣтущей* эпохѣ, надобно знать, что между 1820—40 годами, кромѣ указанныхъ выше памятниковъ, она создала столько *старо*-чешскихъ рукописей, что могла производить ими формальную вывозную торговлю съ одной сѣверной столицей, особенно интересующейся библіотечными цимеліями». За симъ слѣдуетъ въ «Tagesbothe» выноска: «Извѣстно, что Императорская Библіотека въ Петербургѣ, по литературнымъ драгоцѣнностямъ или цимеліямъ, есть самое богатое собраніе въ свѣтѣ». Авторъ статьи «Современника» (она подписана буквами А. Р.) съ своей стороны

прибавляетъ: «Чтобы покончить съ этими обвиненіями, мы осмѣливаемся, если еще не поздно, пригласить къ окончательному объясненію дѣла и тѣхъ, кого въ Петербургѣ касаются слова «Тагесбота» о торговлѣ-старо-чешскими рукописями: пусть будетъ передана на судъ общественнаго мнѣнія истина дѣла, навлекшаго столько несправедливостей на мирные патріотическіе труды чешскихъ ученыхъ». Изъявляя живую признательность автору статьи «Современника» за его благонамѣренный вызовъ, долгомъ считаю объявить въ общее свѣдѣніе: 1) Что со времени существованія Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ она *ни у кого не покупала ни одной старо-чешской рукописи;* между немногими же чешскими манускриптами, пріобрѣтенными ею въ 1856 году, въ общемъ составѣ библіотеки покойнаго Юнгманна, *безъ всякаго посредства чешскихъ ученыхъ,* не было ни одного древнѣе XV вѣка. Слѣдственно, извѣстіе о торговлѣ пражскихъ ученыхъ съ нашею библіотекою старочешскими рукописями, подлинными ли, подложными ли, есть чистый вымыселъ. 2) Что хотя извѣстный чешскій ученый В. В. Ганка неоднократно обогащалъ нашу библіотеку щедрыми приношеніями, но они состояли, *всегда и исключительно, въ однѣхъ лишь печатныхъ книгахъ.* Помѣщая это объясненіе въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», я покорнѣйше прошу редакціи прочихъ газетъ и журналовъ благоволить перепечатать его у себя, какъ самое положительное опроверженіе дерзкой клеветы, взведенной и на палеографическія свѣдѣнія чиновъ нашей библіотеки, и на достойнаго ученаго, уже многіе десятки лѣтъ пользующагося общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ Россіи. Отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ посланъ мною и въ Прагу, для напечатанія въ тамошнихъ газетахъ.»

Сейчасъ мы только что получили печальное извѣстіе изъ Москвы о кончинѣ *Сергѣя Тимофѣевича Аксакова,* автора «Семейной Хроники...» Онъ скончался на 69 году.... Миръ праху честнаго и полезнаго гражданина! Имя С. Т. Аксакова займетъ почетную страницу въ исторіи русской литературы!

ПОЛИТИКА.

АВСТРІЙСКІЙ УЛЬТИМАТУМЪ. — НЕЛѢПОСТЬ АВСТРІЙСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ САРДИНІИ. — СОСТОИТЪ ЛИ ЦѢЛЬ ВОЙНЫ ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ИТАЛІИ? — ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ИТАЛІИ ОКОЛО 13 МАЯ НОВАГО СТИЛЯ.—ВЫБОРЫ ВЪ АНГЛІИ.

Обзоръ нашъ въ апрѣльской книжкѣ былъ писанъ въ то время, когда только что были получены первыя извѣстія о согласіи французскаго и австрійскаго правительствъ на составленіе конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью въ людяхъ, понимавшихъ всю вредность угрожавшей тогда войны, была такъ велика, что заставила ихъ на нѣсколько дней забыть о несовмѣстности истинныхъ причинъ войны съ какимъ бы то ни было разрѣшеніемъ вопроса мирными путями; въ томъ, что конгрессъ соберется, никто не сомнѣвался, и почти всѣ были увлечены надеждою на то, что результатомъ конгресса будетъ миръ. Противъ этого увлеченія мы говорили довольно подробно, доказывая, что какъ бы ни велись и о чемъ бы ни велись совѣщанія конгресса, онъ никакъ не можетъ уменьшить неизбѣжность войны и можетъ развѣ только послужить средствомъ оттянуть объявленіе войны мѣсяца на два или на три, пока Франція кончитъ свои приготовленія къ войнѣ.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, намъ не было бы нужды много говорить въ подтвержденіе нашей мысли о безсиліи конгресса: въ газетахъ уже явились положительные

факты, показывавшіе, что конгрессъ дѣйствительно служитъ для Франціи только средствомъ выиграть нѣсколько времени; еще два или три дня,—и можно уже было довольно вѣрно предсказывать, что конгрессъ не только не рѣшитъ вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апрѣля новаго стиля, всѣ разсудительные люди уже замѣчали это по характеру, въ какомъ велись переговоры о составленіи конгресса. Видно было, что одна изъ враждующихъ сторонъ хорошо поняла намѣренія другой и требуетъ передъ созваніемъ конгресса такихъ гарантій миролюбія, дать которыхъ никакъ не могла другая сторона. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями переговоровъ о конгрессѣ, — эта исторія теперь уже устарѣла, да и въ свое время не имѣла дѣльнаго значенія, какъ мы тогда же доказывали; упомянемъ только для связи событій о послѣднемъ фазисѣ переговоровъ, изъ котораго непосредственно вышло объявленіе войны со стороны Австріи. Послѣ множества разныхъ споровъ о разныхъ предварительныхъ условіяхъ для созванія конгресса, Австрія наконецъ предложила, чтобы еще до созванія конгресса была обезоружена Сардинія, потому что иначе громъ оружія могъ бы ежеминутно прервать совѣщанія конгресса, говорила она. Это предложеніе, присланное въ Лондонъ для сообщенія другимъ державамъ, Англія немедленно объявила справедливымъ, по намѣренію, но неделикатнымъ по исключительной формѣ: было бы обидно для Піэмонта требовать отъ него, чтобы онъ одинъ обезоруживался, когда двѣ другія, гораздо сильнѣйшія державы, его сосѣдки, остаются вооруженными, говорила Англія; но дѣйствительно, для успѣха совѣщаній конгресса нужно, чтобы ихъ тишина не нарушалась возможностью вооруженныхъ столкновеній; потому предварительнымъ условіемъ должно быть обезоруженіе, но не одного Піэмонта, а всѣхъ трехъ вооружающихся державъ, т. е. и Австріи, и Франціи. Австрія немедленно отвѣчала, что она согласна, и есть вѣроятность думать, что этотъ новый оборотъ, приданный Англіею первоначальному предложенію Австріи, былъ сдѣланъ сообразно плану, предварительно условленному: предложеніе обезоружиться являлось изъ Лондона въ Парижъ съ бо́льшимъ вѣсомъ, нежели какой имѣло бы, происходя прямо изъ Вѣны. Франція отвѣчала такимъ способомъ, который ясно показывалъ, что въ Парижѣ господствуетъ непреклонная рѣшимость воевать: ваше предложеніе совершенно справедливо, отвѣчали изъ Парижа въ Лондонъ, и Франція думаетъ, что тѣ державы, которыя вооружились, т. е. Австрія и Сардинія, должны обезоружиться; но ко Франціи это требованіе не примѣняется, потому что Франція не вооружалась; она только занималась приведеніемъ своей арміи и флота въ комплектъ по мирному положенію. Въ сущности

этимъ отвѣтомъ былъ рѣшенъ послѣдующій образъ дѣйствій Австріи. Но если есть врагъ слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться къ другому врагу, болѣе сильному? Сардинія имѣла эту привилегію слабыхъ, принимать на себя удары, вызываемые поступками сильныхъ. На первый разъ она отвѣчала, что не хочетъ обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала въ Лондонъ второй отвѣтъ, говорившій, что она согласна на обезоруженіе. Этотъ второй отвѣтъ былъ уже изъ Лондона сообщенъ въ Вѣну, когда тамъ рѣшились послать въ Туринъ знаменитый ультиматумъ. Повидимому, не было и причины обиднымъ образомъ предлагать требованіе обезоружиться державѣ, уже принявшей принципъ обезоруженія; но въ Вѣнѣ хотѣли имѣть предлогъ къ объявленію войны и потому просто не приняли въ соображеніе второй отвѣтъ Сардиніи, т. е. согласіе, а основались только на первомъ отвѣтѣ, т. е. на отказѣ. Отъ 19 (7) апрѣля было изъ Вѣны послано приказаніе Гіулаю переслать къ Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоруженія Сардиніи, съ прибавленіемъ, что Австрія даетъ трехдневный срокъ на отвѣтъ и что всякій уклончивый отвѣтъ приметъ, какъ необходимость начать военныя дѣйствія. Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ графу Кавуру барономъ Келлербергомъ въ 5½ часовъ вечера 23 (11) апрѣля. Срокъ ожиданія кончался въ 5½ часовъ вечера 26 (14) апрѣля. Сардинія отвѣчала отказомъ покориться обидному требованію; этотъ отвѣтъ былъ врученъ послу Гіулаю въ 5½ часовъ, и вечеромъ того же дня австрійцы перешли черезъ Тичино. Война началась.

Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутаго образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соотвѣтствовавшаго видамъ Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицею войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды: онъ надѣялся только показать, что былъ поставленъ неуступчивостью Австріи въ необходимость начать войну, а теперь сама Австрія начинала ее. Но если Австрія рѣшалась на поступокъ, такъ сильно компрометировавшій ее въ дипломатическомъ отношеніи, она имѣла много причинъ пренебречь этимъ невыгоднымъ впечатлѣніемъ. Ускоряя объявленіе войны, она могла выиграть довольно много въ отношеніи финансовомъ и чрезвычайно много въ отношеніи военномъ. Изложимъ

эти соображенія, заставившія ее пожертвовать соблюденіемъ дипломатическихъ формъ, которыми она всегда такъ дорожила.

Первою причиною, спѣшить началомъ войны, было финансовое положеніе Австріи. Мы излагали въ предъидущихъ обзорахъ ходъ итальянскаго вопроса. Изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, ясно было, что Франція, во что бы то ни стало, рѣшилась найти предлогъ къ войнѣ съ Австріею и никакія уступки не могли избавить Австрію отъ войны, очевидно необходимой для Наполеона III. Въ половинѣ апрѣля (новаго стиля) Австрія совершенно кончила свои вооруженія и промедленіе уже не могло усилить, ни числа ея войскъ, ни ея крѣпостей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тѣмъ содержаніе арміи, вполнѣ приведенной на военную ногу и уже занявшей всѣ позиціи, требуемыя войною, ежедневно стоило Австріи полумилліона гульденовъ (около $2^1/_2$ милліоновъ руб. сер. въ недѣлю). Денежные запасы казны подходили къ концу. По самымъ благопріятнымъ разсчетамъ представляется, что около 15 апрѣля Австрія имѣла обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ уже не болѣе, какъ только на содержаніе своей арміи въ теченіе 45 дней. Объявленіе войны открывало ей путь извернуться въ этой финансовой крайности средствами невозможными въ мирное время. Двигая свою армію въ Піэмонтъ, она сваливала съ себя на сардинскія земли бремя ея продовольствія. Кромѣ того, она получала предлогъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ въ собственныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что обыкновенные займы совершенно ей не удавались. Объявленіе войны немедленно сопровождалось наложеніемъ на вѣнскій банкъ насильственнаго займа въ 200,000,000 гульденовъ (125 милліоновъ руб. сер.) достаточнаго по австрійскому разсчету на покрытіе издержекъ первой компаніи.

Еще гораздо важнѣе были военныя выгоды, пріобрѣтаемыя немедленнымъ объявленіемъ войны. Франція желала еще мѣсяца два продлить переговоры, потому что ея вооруженія далеко не были кончены. Съ половины апрѣля каждый потерянный день приближалъ ту минуту, когда непріятель можетъ явиться на войну съ полною готовностью. Что будетъ, должны были разсуждать австрійскіе министры, если мы не разорвемъ переговоровъ? Франція дотянетъ время до конца мая или начала іюня, успѣетъ спокойно ввести въ Сардинію свои войска, приготовленныя къ битвѣ, устроитъ операціонную линію близъ ломбардской границы и, объявивъ войну, въ два дня займетъ Миланъ превосходными силами. Чтобы предупредить это, надобно воспользоваться временемъ, когда мы совершенно готовы, а Франція еще не готова къ начатію военныхъ дѣйствій, пока ея войскъ нѣтъ еще въ Сардиніи. Имѣя предъ собой только

сардинцевъ, австрійцы могли быстро двигаться впередъ и въ пять или шесть дней похода занять такія позиціи, которыми почти отнималась у французовъ возможность помочь сардинцамъ. Сардинская армія одна была бы совершенно смята австрійцами. Ей оставалось бы, или запереться въ Алессандріи, или даже отступить въ Геную. Блокировавъ Алессандрію, австрійцы могли легко занять всѣ горные проходы изъ генуэзскаго прибрежья въ піэмонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французскихъ войскъ въ Геную: австрійцамъ было бы легко остановить ихъ въ альпійскихъ ущельяхъ. Заперевъ сардинцевъ въ Алессандріи, или отбросивъ ихъ въ Геную и занявъ горные проходы лѣвымъ крыломъ своей арміи, правымъ крыломъ австрійцы черезъ два или три дня занимали бы Туринъ и Сузу и овладѣвали бы путемъ изъ Франціи въ Сардинію черезъ Монъ-Сени и другими проходами черезъ Савойскія Альпы. Сѣть сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы въ ихъ рукахъ; они имѣли бы въ своихъ рукахъ всѣ дефиле, черезъ которыя должны проходить въ Италію французскія войска; почти безъ всякихъ усилій и рѣшительно безъ всякаго риска они могли въ одну недѣлю овладѣть почти всѣмъ Піэмонтомъ, уничтожить или запереть сардинскую армію и, сокрушивъ одного врага, имѣли бы на рукахъ только однихъ французовъ, которымъ едва ли было бы возможно проникнуть въ Піэмонтъ безъ страшныхъ пожертвованій черезъ Савойскія и Генуэзскія Альпы, захваченныя австрійцами.

Эти чрезвычайныя выгоды рѣшительно перевѣшивали собою то неудобство, что нападеніемъ на Піэмонтъ Австрія выставляла себя, какъ зачинщицу войны. Успѣхъ компаніи стоитъ того, чтобы перенести нѣсколько дипломатическихъ протестацій. И притомъ раздраженіе нейтральныхъ державъ было только формальностью. Англія и Пруссія все-таки хорошо знали, что Австрія не сама начинаетъ войну, а вынуждена къ ней Франціею. Удовлетворивъ дипломатическому приличію протестомъ, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположеніе въ пользу Австріи и объявили бы, что хотя Австрія не права по формѣ, но права по сущности дѣла.

Такимъ образомъ, когда прошла первая минута недоумѣнія, возбужденная австрійскимъ ультиматумомъ, нейтральная Европа согласилась, что видимая дерзость была въ сущности слѣдствіемъ очень вѣрнаго и разсудительнаго соображенія. Но если Австрія дѣйствовала совершенно согласно съ своими выгодами, рѣшившись разорвать переговоры, то ея дальнѣйшія дѣйствія показали, что она рѣшительно не умѣла поступать сообразно условіямъ того положенія, стать въ которое рѣшилась. Мы видѣли, на чемъ былъ основанъ весь планъ, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ. Основаніемъ всему служилъ

тотъ фактъ, что около 20 апрѣля ни было еще не одного французскаго солдата въ Сардиніи. Цѣлью всего дѣла было то, чтобы кончить компанію прежде чѣмъ французы присоединятся къ сардинцамъ: первѣйшимъ условіемъ успѣха въ этомъ была всевозможная быстрота. Что же мы видимъ? Война рѣшена апрѣля 19–го, военныя дѣйствія едва начинаются 29–го. Миланъ соединенъ съ Вѣною электрическимъ телеграфомъ, и такъ ультиматутъ могъ быть полученъ Гіулаемъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ былъ составленъ въ Вѣнѣ. Туринъ соединенъ съ Миланомъ желѣзною дорогою, кромѣ одного небольшаго перерыва около границъ, верстъ въ пятнадцать, и посланный Гіулая могъ быть въ Туринѣ черезъ четыре часа. Трехъ или четырехъ часовъ очень достаточно, чтобы король могъ созвать министровъ и сказать «да» или «нѣтъ» на сообщенное ему требованіе. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматутъ былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля въ 5 часовъ вечера, австрійскія войска могли перейти черезъ Тичино 20 числа въ 6 или 7 часовъ утра и 25 числа кончить дѣло съ сардинскою арміею, а 26 уже занимать проходы изъ Савойскихъ Альпъ въ Піэмонтъ. Но австрійцы, отступивъ отъ дипломатическихъ формъ своею рѣшимостью послать ультиматумъ, не могли, кажется, рѣшиться на отступленіе отъ канцелярскаго порядка въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Имъ казалось необходимо, чтобы приказаніе объ ультиматумѣ было доставленно Гіулаю; не телеграфическою депешею, а какимъ нибудь курьеромъ, и благодаря этой церемонности австрійскаго кабинета въ сношеніяхъ съ своимъ главнокомандующимъ, посланный Гіулая явился въ Туринъ только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, какъ слѣдовало бы ему явиться. По причинамъ, рѣшительно непонятнымъ, вмѣсто трехъ часовъ данъ былъ сардинцамъ срокъ для отвѣта въ цѣлыхъ трое сутокъ, — и вотъ уже была потеряна цѣлая недѣля, и, благодаря австрійскому канцелярскому порядку, французы успѣли явиться въ Генуѣ и въ Сузѣ въ ту самую минуту, какъ австрійцы только еще собирались переходить черезъ Тичино. Но австрійцамъ вѣроятно казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскали причину потерять еще трое сутокъ. Англія предложила возобновить при ея посредничествѣ переговоры съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ велись они черезъ лорда Каули еще до принятія русскаго предложенія о конгрессѣ. Австрія согласилась отложить движеніе своей арміи черезъ Тичино, пока Англія получитъ отвѣтъ отъ императора французовъ на это предложеніе. Такая отсрочка рѣшительно непостижима. Ультиматумъ былъ посланъ, конечно, только потому, что Австрія совершенно убѣдилась въ безполезности переговоровъ, въ томъ,

что они только служатъ для Франціи средствомъ выиграть время, пока французскія вооруженія будутъ совершенно кончены. Послѣ этого совершенной нелѣпостью представляется промедленіе, принятое Австріею. Наполеонъ отвѣчалъ, что согласенъ возобновить переговоры только на томъ условіи, если Англія совершенно ручается за ихъ удачу и готова объявить войну Австріи, когда Австрія не успѣетъ помириться съ Франціею. Само собою разумѣется, Австрія не могла принять переговоровъ, единственнымъ разультатомъ которыхъ была бы ссора ея съ Англіею, и получивъ извѣстіе объ условіяхъ, предлагаемыхъ Франціею, отказалась отъ посредничества. Тогда, вечеромъ 29 апрѣля, двинулась черезъ Тичино вся австрійская армія, которая до той поры оставалась на ломбардскомъ берегу, пославъ только нѣсколько слабыхъ отрядовъ въ Сардинію. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоровъ невозможныя условія: десятидневная отсрочка, данная ему австрійскою медленностью, была достаточна для введенія въ Сардинію такого числа войскъ, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ отсрочкахъ для открытія компаніи. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временемъ, которое дано было имъ нелѣпою медленностью врага.

Въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Туринъ баронъ Келлербергъ, было созвано чрезвычайное засѣданіе сардинской палаты депутатовъ и графъ Кавуръ, изложивъ состояніе дѣлъ, потребовалъ у палаты полномочій королю на время войны. Съ патріотизмомъ, который никогда не измѣняетъ никакому парламенту въ подобныхъ случаяхъ, палата не стала даже и совѣщаться о требованіи правительства. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для составленія доклада, черезъ полчаса былъ готовъ докладъ и тотчасъ же, большинствомъ 110 голосовъ противъ 24, былъ принятъ законъ, предложенный Кавуромъ. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. Въ тотъ же день, 23 (11) апрѣля, сардинская армія получила распредѣленіе нужное для начала похода. Самъ король принялъ команду надъ арміею, которая стала сосредоточиваться между крѣпостями Казале и Алессандріею, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ ожидать прибытія французовъ. Австрійцы начали дѣйствовать такъ поздно, и потомъ дѣйствовали такъ вяло, что сардинцы спокойно простояли въ своей крѣпкой позиціи, не подвергаясь ровно никакимъ опасностямъ, пока черезъ Геную прибыло къ нимъ столько французскихъ войскъ, что нападеніе со стороны австрійцевъ на союзную армію, защищаемую пушками Алессандріи, сдѣлалось невозможно.

Гораздо болѣе усилій нужно было французамъ, чтобы прибыть въ Піэмонтъ съ тою удивительною быстрою, которая заслужила имъ

полную похвалу отъ всѣхъ европейскихъ спеціалистовъ. Извѣстіе о рѣшимости Австріи послать ультиматумъ, т. е. напасть на Сардинію, сдѣлалось извѣстно французскому правительству по крайней мѣрѣ въ тотъ же самый день, какъ былъ написанъ ультиматумъ, если не сдѣлалось извѣстнымъ еще раньше, пока оно составлялось. Да и нельзя было не знать объ этомъ 20 числа французскому правительству, если 21 знали англійскія газеты. Замѣчательна не та быстрота, съ которою французское правительство получило нужныя свѣдѣнія, а та энергія, съ которою оно стало доканчивать свои приготовленія къ походу, какъ только узнало о рѣшительномъ оборотѣ дѣла. 23 числа, въ тотъ день, когда австрійскій ультиматумъ былъ сообщенъ графу Кавуру, было уже снаряжено въ походъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которые 19 числа еще не предполагали двинуться ранѣе двухъ или трехъ недѣль. 26 числа, когда австрійскій авангардъ перешелъ Тичино, французы уже высаживались въ Генуѣ и спускались въ Сузу, съ Савойскихъ Альповъ. Переѣздъ моремъ едва ли былъ труденъ, потому что въ Марсели давно уже были собраны огромныя транспортныя средства; но чрезвычайно замѣчательна поспѣшность, съ какою французскія войска умѣли сѣсть на корабли и выйти на берегъ. До какой степени доведена была заботливость французскаго военнаго начальства о быстромъ совершеніи всѣхъ эволюцій, нужныхъ для перевозки арміи моремъ или сухимъ путемъ, можно видѣть изъ того, что французскіе солдаты были заранѣе обучаемы тому, какъ входить въ вагоны желѣзныхъ дорогъ и выходить изъ нихъ самымъ быстрымъ и правильнымъ образомъ.

Дивизіи, отправлявшіяся сухимъ путемъ, должны были совершить дорогу очень трудную. Въ концѣ апрѣля проходы въ Савойскихъ Альпахъ еще покрыты снѣгомъ. 4,000 рабочихъ было употреблено на очищеніе пути черезъ Монъ-Сени, но все-таки войскамъ пришлось перенести очень тяжелыя затрудненія. О томъ, какъ много долженъ былъ терпѣть отъ холода и тяжелаго пути солдатъ, можно вообразить, зная, что умеръ отъ перехода черезъ Монъ-Сени генералъ Буа, начальствовавшій первою дивизіею, вступившею въ Сузу. Были примѣры, что французскіе отряды дѣлали въ одинъ день 45-ти верстовой переходъ черезъ Монъ-Сени съ его утомительнымъ подъемомъ и утомительнымъ спускомъ.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступали въ Туринъ 30-го апрѣля поутру, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ главныя силы австрійцевъ перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французскихъ войскъ переправилась въ Сардинію моремъ, какъ потому, что этотъ путь легче, такъ и потому, что сардинская армія, соединиться съ которой они спѣ-

пами, находились около Алессандріи, которая гораздо ближе отъ Генуи, нежели отъ Сузы.

Извѣстіе о наступленіи австрійцевъ было получено въ Туринѣ и въ Генуѣ нѣсколько раньше, нежели вѣсть о приближеніи союзниковъ. Послѣ мучительной неизвѣстности, успѣютъ-ли французы прійти во время, чтобы спасти столицу и армію Сардиніи, первыя французскія колонны были встрѣчены жителями съ неописаннымъ восторгомъ. Солдаты, вступившіе въ Туринъ, воткнули съ французской граціозностью букеты цвѣтовъ въ дула своихъ ружей и сами были засыпаны цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ.

Быстро прибывали въ Сузу новые отряды одинъ за другимъ, еще быстрѣе приходила въ генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привозя французскій десантъ. Около 5-го мая, когда австрійцы наконецъ собрались приблизиться къ Алессандріи, изъ Генуи къ сардинской арміи пріѣхали уже болѣе 40,000 французскихъ солдатъ. Около 7-го числа болѣе 80,000 французовъ уже были въ Піэмонтѣ. Австрійцы слишкомъ запоздали переходомъ черезъ Тичино; но если бы, хотя потомъ, умѣли вознаградить потерянные дни, вѣроятно еще успѣли бы что нибудь сдѣлать, потому что на первый разъ французы перевозили только солдатъ, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ обоза. Но австрійцы не торопились и французы имѣли время снабдить свою пѣхоту конницею и артиллеріею. Мы уже прочли въ телеграфическихъ депешахъ, что 12-го мая императоръ французовъ прибылъ въ Геную и 13-го (1) въ Алессандрію; это значитъ, что онъ уже переслалъ въ Италію все то количество войскъ, какое считаетъ нужнымъ имѣть тамъ, что перевезены туда и пушки и всѣ военные запасы, которые предназначались къ отправленію для начала похода. Наполеонъ III не явился бы на театръ войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блистательнаго наступленія. Австрійцы сами уже увидѣли, что время слабости противниковъ прошло и что пора имъ отступать. Снова перейти въ наступленіе случится имъ, вѣроятно, еще не слишкомъ скоро. Посмотримъ же, что они успѣли сдѣлать въ первую недѣлю кампаніи, пока шансы были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ будутъ во все продолженіе остальнаго похода. Мы находимъ, что самое лучшее понятіе объ этомъ можемъ дать читателямъ, переведя изъ Times'а 6-го мая статью, написанную или спеціалистомъ, или по свѣдѣніямъ, собщеннымъ спеціалистами.

«Австрія, по видимому, хочетъ убѣдить свѣтъ, что если была очень поспѣшна въ своей дипломатикѣ, то готова вознаградить за такую, непривычную ей, поспѣшность медленностью своей стратегіи. Она удивила Европу и озадачила важныхъ, невинныхъ и довѣрчивыхъ англій-

сихъ министровъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ такую минуту, когда они полагали, что она ждетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ своихъ затрудненій; она явилась съ внезапною угрозою, съ трехдневнымъ срокомъ и съ немедленнымъ открытіемъ похода, и мы всѣ думали, что кратковременною выгодностью обстоятельствъ она хочетъ воспользоваться для нанесенія рѣшительнаго удара. Она имѣла 190,000 человѣкъ въ Ломбардіи и Венеціи, изъ нихъ 120,000 были придвинуты къ самымъ берегамъ пограничной рѣки. Командиръ этой арміи, смотря черезъ маленькую рѣчку, могъ видѣть почти весь театръ своихъ будущихъ дѣйствій. Направо, изчезая въ отдаленіи, встаютъ вершины Альповъ; налѣво, ниже громадныя вершины Монферратскихъ и Аппенинскихъ горъ обозначаютъ границу мѣстности, въ которую онъ думалъ вторгнуться. Но между сѣверною и южною горными террасами растилается, прямо впереди его, далекій горизонтъ равнины, идущей между этими горами, подобно заливу. По срединѣ равнины извивается По, прославленная поэзіею и исторіею. Съ сѣвера и съ юга, съ Альпъ на правой рукѣ и съ Аппенинскаго хребта на лѣвой рукѣ и съ отдаленныхъ Коттійскихъ Альпъ, возвышающихся прямо передъ нимъ въ концѣ горизонта и отдѣляющихъ его отъ Франціи, текутъ маленькія рѣчки, будто блестящія ребра, входящія въ спинной хребетъ Піэмонта, образуемый рѣкою По. Въ горныхъ округахъ, налѣво, стоятъ сардинскія крѣпости; значительнѣйшая изъ нихъ, Алессандрія, расположена почти у входа въ Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежитъ Генуя. Гористая страна направо, подымающаяся къ Симплону, къ Розѣ и къ Большому Сенъ-Бернару, почти не защищена искусствомъ; а прямо передъ собою, по всей плоской равнинѣ рѣки По, нашъ австрійскій генералъ не находитъ ни одного укрѣпленія, способнаго обороняться хотя одинъ часъ. Только извивается по этой равнинѣ большая рѣка и текутъ въ нее справа и слѣва небольшія рѣчки. Есть тутъ маленькіе неукрѣпленные города, напримѣръ: Новара, Мортара и Верчелли, составляющіе треугольникъ; но нѣтъ никакой задержки между нимъ и Туриномъ, лежащимъ въ концѣ этой равнины. Вся Европа думала, что Туринъ будетъ цѣлью австрійцевъ; что, получая отвагу отъ громаднаго превосходства въ силахъ, они хотятъ маскировать сильной арміей крѣпость Алессандрію и Казале и весь южный горный округъ, надъ которымъ господствуютъ эти крѣпости, и что съ остальными силами они быстро двинутся прямо впередъ, безъ остановки пойдутъ до самаго королевскаго дворца въ Туринѣ. Занятіе вражеской столицы въ началѣ войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладѣть сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая теперь ставитъ въ непосредственное сообщеніе французовъ, высаживающихся въ Генуѣ, съ французами, переходящими черезъ Монъ-Сени въ Сузу. Владѣя Туриномъ и желѣзными дорогами, находящимися въ Туринѣ, австрійскій генералъ разрѣзалъ бы двѣ французскія арміи и спокойно владѣлъ всею Сардиніею, кромѣ только одной горной Монферратской области.

«Завладѣть Туриномъ было такъ важно для удачнаго начала игры, что Австрія дѣйствительно могла пренебречь моральной невыгодой, если спѣшила войной за тѣмъ, чтобы пріобрѣсть такую важную физическую выгоду. Но по какимъ-то причинамъ, — очень можетъ быть, что эти причины очень уважительны, но если онѣ существуютъ, то не было надобности спѣшить разрывомъ переговоровъ, — по какимъ-то причинамъ Австрія не воспользовалась, ни своимъ выигрышемъ во времени, ни своимъ превосходствомъ въ силахъ. Ея армія медленно переступила черезъ рѣку и стала на плоскую равнину, лежавшую передъ нею. Постепенно, съ большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару, — Новару правымъ флангомъ, Мортару лѣвымъ,— и потомъ подвинулась на нѣсколько верстъ далѣе до Верчелли; тутъ она остановилась, стала дѣлать рекогносцировки, а между тѣмъ прибывали нагруженные войсками корабли въ Геную и длинныя колонны французской пѣхоты спускались съ Монъ-Сени. Быть можетъ, австрійцевъ задержали дожди, отъ которыхъ разлились маленькія рѣчки и испортились дороги; быть можетъ революціи въ Пармѣ и въ Тосканѣ внушили имъ осторожность или нерѣшительность, а быть можетъ и то, что австрійцы считали выгоднѣйшимъ впустить всѣхъ французовъ черезъ море и черезъ Альпы въ Піэмонтъ, дать имъ собрать всѣ силы,— быть можетъ австрійцы думали, что лучше разомъ прикрыть всѣхъ ихъ въ этой равнинѣ, изъ которой некуда будетъ убѣжать французамъ, и придавить всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Мы не можемъ отгадывать ихъ побужденій и критиковать ихъ стратегіи; но мы можемъ видѣть, что, пробывъ семь дней на сардинской землѣ, они подвинулись отъ границъ не далѣе 50 верстъ.

«Съ прямаго пути австрійцы повертываютъ на югъ, т. е. направляются болѣе къ Монферратскому хребту, нежели къ Альпійскому. На пути встрѣчается имъ одинъ изъ изгибовъ По, и 4-го мая они перешли эту рѣку въ Камбіо, близь города Салы, какъ будто намѣрены были двинуться на Алессандрію; далѣе вверхъ по рѣкѣ, у Фрассинетто, близь Казале, крѣпости, способной держаться нѣсколько времени, другой австрійскій корпусъ пытался перейти черезъ рѣку, но послѣ канонады, продолжавшейся 15 часовъ, онъ былъ отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ.

«Какую цѣль могли имѣть эти движенія? Если бы австрійцы продолжали двигаться по сѣверному берегу По, они шли бы на Туринъ. Но тутъ на дорогѣ встрѣчается Дора, маленькая рѣчка, текущая изъ Альпъ и впадающая въ По; берега этой рѣки укрѣплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрійцевъ. Перешедши на другой берегъ По, австрійцы совершенно обошли эту позицію, потому что они теперь на южномъ берегу, а Дора впадаетъ въ По съ сѣвера. Но въ чемъ состоитъ ихъ намѣреніе: хотятъ ли они идти на Туринъ, или на Алессандрію — трудно рѣшить.»

Дѣйствительно, трудно рѣшить, что хотѣли дѣлать австрійцы. Одни предполагаютъ, что они думали дойти до Турина; другіе ду-

маютъ, что они хотѣли обратиться на Алессандрію; третьи полагаютъ, что они хотѣли отрѣзать Алессандрію отъ Генуи. Но все равно, что бы ни хотѣли они сдѣлать. Потеря времени разстроила всѣ ихъ планы. Отъ границы до Турина верстъ около 100. Верстахъ въ 50 отъ границы лежитъ Алессандрія, находящаяся на западъ и нѣсколько на югъ отъ Турина, верстахъ въ десяти на югъ отъ По. Австрійцы прошли половину дороги до Турина, такъ что поровнялись съ Казале, и Алессандрія оставалась у нихъ уже нѣсколько назади. Но пока они медлили, стояли и производили рекогносцировки, сардинская армія, стоявшая между Алессандріею и Казале (Казале нѣсколько ближе къ Турину, нежели Алессандрія), получила такія сильныя подкрѣпленія отъ французовъ, что австрійцамъ нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движеніе на Туринъ. Они постояли еще нѣсколько времени; непріятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрійцы отступаютъ и гдѣ остановится ихъ отступленіе—трудно сказать. По послѣднимъ извѣстіямъ французско-сардинскія войска уже начали наступленіе подъ личною командою императора французовъ и австрійскія войска оттѣснены уже почти до самой границы. Такимъ образомъ движеніе впередъ принесло имъ развѣ только ту пользу, что они прокормили двѣ недѣли своихъ солдатъ сардинскимъ хлѣбомъ и собрали нѣсколько контрибуцій. Это нелѣпое начало похода не предвѣщаетъ для нихъ ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ Песьерѣ и особенно Мантуѣ.

Приводятъ двѣ причины для оправданія чрезмѣрной медленности въ ихъ наступленіи. Сардинцы, отступая передъ непріятелемъ, испортили дороги: на каждыхъ 100 метрахъ (45 саженяхъ) они копали черезъ дорогу довольно глубокіе рвы; кромѣ того, рубили стоявшія по дорогамъ деревья и сваливали ихъ на дорогу; наконецъ, они прорвали плотины и шлюзы каналовъ, которыя проведены по всей западной части Піэмонта для орошенія полей, и затопили подъ водою цѣлыя обширныя мѣстности. Погода также заступилась за сардинцевъ: съ 1 мая (19 апрѣля) пошли проливные дожди, продолжавшіеся нѣсколько дней, и рѣчки выступили изъ береговъ. Но такихъ затрудненій все-таки еще мало для объясненія медленности, съ которою австрійцы подавались впередъ. Какъ бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по нимъ въ цѣлую недѣлю больше того пространства, которое въ одинъ день переходили французскіе отряды по Альпійскому хребту, гдѣ дорога и хуже и несрав-

ненно труднѣе. Чрезмѣрному затопленію полей отъ спущенныхъ каналовъ нельзя вѣрить—Піемонтъ не Голландія, и навѣрное было бы австрійцамъ гдѣ пройти, еслибы они хотѣли; а если поля были такъ затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верстъ въ день, если нельзя было проходить по 25 верстъ. Нѣтъ, кажется, надобно сказать, что, пропустивъ благопріятное время для исполненія своего плана, австрійцы сами не знали, что имъ дѣлать.

Мы пишемъ почти черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны Австріею Сардиніи, а между тѣмъ, собственно говоря, не произошло никакихъ громкихъ военныхъ событій, и хотя надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами, но въ военной части извѣстій за прошлый мѣсяцъ мало интереснаго. До сихъ поръ людямъ, интересующимся итальянскими дѣлами, политическія догадки доставляли больше предметовъ къ размышленію, нежели военныя событія. Война началась; есть сильная вѣроятность, что австрійцы въ первый же походъ потеряютъ всю землю въ Италіи до Вероны и Мантуи; но въ чемъ же существенная цѣль войны, чего надобно ожидать въ случаѣ успѣха французовъ? Это мы отчасти можемъ видѣть изъ предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ и сужденій, произносимыхъ самими французами о цѣляхъ ихъ политики.

Конгрессъ не состоялся; но его собранію предшествовали переговоры и нѣкоторыя основанія будущаго устройства дѣлъ въ Италіи были одобрены Франціею.

Нѣкоторые думаютъ, что Франція, подобно Сардиніи, не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ совершеннаго отнятія итальянскихъ владѣній у Австріи. Это несправедливо. Вотъ четыре основанія, принятыя самою Франціею для переговоровъ на предполагавшемся конгрессѣ.

I. Средства обезпечить сохраненіе мира между Австріею и Сардиніею.

II. Оставленіе римскихъ владѣній иностранными войсками, ихъ занимающими, и изслѣдованіе, какія реформы должны быть введены въ итальянскія государства.

III. Будетъ предложена комбинація для замѣны особенныхъ трактатовъ между Австріею и итальянскими государствами.

IV. Распредѣленіе территоріальныхъ владѣній и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Изъ этого мы видимъ, что Франція соглашалась на сохраненіе за Австріею всѣхъ ея нынѣшнихъ итальянскихъ владѣній. Само со-

бою разумѣется, что въ случаѣ успѣшнаго похода требованія Франціи возрастутъ, но нѣтъ имъ никакой необходимости возрастать непремѣнно до совершеннаго отнятія всѣхъ итальянскихъ владѣній у Австріи. Тутъ можетъ быть множество среднихъ степеней, опредѣляемыхъ размѣромъ успѣховъ и силою расположенія въ императорѣ французовъ къ прекращенію войны послѣ нѣсколькихъ славныхъ побѣдъ. Всякія условія возможны послѣ того, какъ Франція соглашалась оставлять за австрійцами всѣ ихъ нынѣшнія владѣнія. Если Франція найдетъ удобнымъ кончить войну оставленіемъ у Австріи венеціанскихъ владѣній до Гардскаго озера, до Минчіо и Мантуи, а отъ Ломбардіи заставить ее отказаться, Франція назоветъ это великою услугою дѣлу итальянской независимости. Если у австрійцевъ будетъ отнято и гораздо меньше, напримѣръ только западная часть Ломбардіи до Адды и озера Комо, и это будетъ также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимаетъ нашу мысль. Впрочемъ, мы ничего не предсказываемъ; мы говоримъ только, что императоръ французовъ вовсе не обязанъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока заставитъ Австрію отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи; мы говоримъ только, что онъ можетъ заключить миръ съ Австріею на какихъ ему угодно условіяхъ, и каковы бы ни были условія, все-таки онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ для Италіи болѣе, нежели обѣщался сдѣлать передъ началомъ войны: не станемъ забывать, что онъ соглашался оставить за Австріею всѣ ея владѣнія въ Италіи.

Но удовлетворятъ ли итальянцевъ какія бы то ни было условія мира, кромѣ совершеннаго отнятія у Австріи всѣхъ Ломбардо-Венеціанскихъ земель? Люди бываютъ наклонны къ излишней требовательности отъ своихъ помощниковъ или покровителей; но въ такомъ случаѣ всегда бываетъ можно уличить ихъ въ неблагодарности и неблагоразуміи, напомнивъ имъ, какъ скромны были ихъ желанія въ началѣ дѣла. Есть въ Италіи партія, непринимающая никакихъ сдѣлокъ, всегда требовавшая непремѣнно только того, чтобы ни одинъ ключекъ итальянской земли не принадлежалъ иностранцамъ; это мацциниcты. Но императоръ французовъ опирается не на этихъ республиканцевъ, а на людей умѣренной или такъ называемой конституціонной партіи въ Италіи. Эта партія передъ войною вовсе не шла въ своихъ требованіяхъ до такой революціонной неуживчивости съ австрійцами, какъ мацциниcты. Она объявляла, что удовольствуется гораздо меньшими пріобрѣтеніями. Самымъ точнымъ выраженіемъ ея тогдашнихъ требованій надобно считать программу разрѣшенія итальянскаго вопроса, съ которою въ началѣ апрѣля былъ отправленъ въ Лондонъ повѣренный отъ конституціон-

ной партіи центральныхъ итальянскихъ государствъ. Мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ важномъ фактѣ парижскимъ корресновдентомъ Times'а, въ письмѣ его отъ 9 апрѣля (28 марта).

«Въ Лондонъ пріѣхалъ повѣренный отъ конституціонной партіи въ центральной Италіи съ предложеніями, производящими замѣчательное впечатлѣніе на людей, которымъ онъ сообщалъ ихъ. Въ числѣ значительныхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ совѣщанія, находятся лорды Пальмерстонъ, Кларендонъ и Джонъ Россель, а къ нынѣшнему времени онъ вѣроятно склонилъ и лорда Мальмсбери раздѣлять такой же взглядъ. Секретъ его успѣха заключается въ слѣдующемъ: онъ предлагаетъ средство вполнѣ удовлетворить итальянцевъ, оставляя неприкосновенными вѣнскіе трактаты. Онъ объявляетъ, что центральная Италія и Піэмонтъ оставляютъ, какъ несбыточное желаніе, всякое требованіе выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи. Конечно, они не перестаютъ желать этого, но этого нельзя достичь безъ войны, а конституціонная партія вовсе не желаетъ видѣть французовъ въ Италіи. Теперь она ограничиваетъ свои желанія тѣмъ, чтобы австрійцы и французы вывели свои войска изъ всѣхъ итальянскихъ владѣній, нынѣ занимаемыхъ ими не на основаніи трактатовъ. Она требуетъ, чтобы Австрія, владѣющая частью Италіи единственно по вѣнскому трактату, была обязана строго ограничиваться предѣлами этого трактата и не простирала своей власти на другія государства. Иначе сказать, они говорятъ австрійцамъ: «Ограничивайтесь вашимъ берегомъ По, и оставьте насъ въ покоѣ въ нашихъ земляхъ.» Многіе говорили, что вліяніе Маццини въ Италіи ослабѣло, совершенно исчезло. Конституціонная партія подтверждаетъ теперь это; она объявляетъ, что имѣетъ полную организацію и готова принять на свою рѣшительную отвѣтственность управленіе государствами центральной Италіи по удаленіи австрійцевъ, ручаясь за то, что не будетъ ни насилій, ни кровопролитія. Она только требуетъ того, чтобы австрійцы удалились изъ тѣхъ частей Италіи, которыя заняты ими не по вѣнскому трактату, и обязались никогда не возвращаться въ эти земли, потому что безъ такого обязательства австрійцы вѣчно будутъ возбуждать волненія, чтобы имѣть предлогъ воротиться.

«Важнѣйшій фактъ во всемъ этомъ то, что Сардинія въ лицѣ синьора д'Азеліо отъ имени графа Кавура совершенно согласна съ этою программою. Синьоръ д'Азеліо говоритъ, что Сардинія имѣетъ свои особенныя неудовольствія противъ Австріи, но что они не важны сравнительно съ условіями, на которыя согласна вся Италія. Конституціонная партія говоритъ, что это умѣренное требованіе можетъ быть исполнено безъ войны, и что если дѣла будутъ устроены на этомъ основаніи, она будетъ совершенно довольна, предоставляя успѣхамъ времени и разума и вліянію сосѣднихъ либеральныхъ учрежденій произвести перемѣну въ положеніи Ломбардіи. Но, прибавляетъ она, ко-

нечно, она будетъ стремиться пріобрѣсть все, что можетъ, если война вспыхнетъ.»

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной силѣ мацципистовъ и конституціонистовъ. Конституціонисты думаютъ, что они сильнѣе, мацциписты могутъ думать тоже самое о себѣ, — не въ этомъ дѣло, какъ думаетъ конституціонная партія о своихъ силахъ, а въ томъ, чего она хотѣла, на что соглашалась передъ войною. Относительно ея чувствъ мы выводимъ изъ ея программы, присланной въ Лондонъ, два заключенія. Во первыхъ, конституціонная партія въ Италіи имѣла сомнѣніе въ томъ, благопріятны ли будутъ для либеральныхъ учрежденій и независимости Италіи результаты войны, которую Франція хотѣла начать противъ австрійцевъ. Эти сомнѣнія были такъ велики, что конституціонная партія центральной Италіи и Піэмонта готова была пожертвовать ломбардо-венеціанцами австрійцамъ, лишь бы избавить Италію отъ опасности со стороны французовъ. Этотъ фактъ мы припомнимъ впослѣдствіи. Во вторыхъ, — и это теперь для насъ главное, — конституціонная партія всего только за нѣсколько дней до начала войны говорила, что «ея требованія могутъ быть совершенно удовлетворены» даже при сохраненіи за австрійцами всѣхъ ихъ нынѣшнихъ владѣній. Только съ этою партіею хочетъ до сихъ поръ дѣйствовать Франція за одно, только ея содѣйствіе она принимаетъ, только ея потребности признаетъ справедливыми; мы спрашиваемъ теперь, какое право будетъ она имѣть жаловаться на неудовлетвореніе своихъ желаній, если Франція найдетъ неудобнымъ лишать австрійцевъ хотя бы одного селенія въ Ломбардіи? А если Франція уменьшитъ австрійскія владѣнія хотя какимъ нибудь маленькимъ округомъ, императоръ французовъ можетъ назвать это уже великодушнымъ превышеніемъ требованія самихъ итальянцевъ. «Но конституціонная партія не отказывалась отнять у австрійцевъ все, что можно будетъ отнять, если вспыхнетъ война.» —Такъ, этими самыми словами ей и будутъ отвѣчать, если война кончится какими нибудь не важными потерями для австрійцевъ. «Что могли мы отнять у австрійцевъ, не подвергая Францію чрезвычайнымъ усиліямъ и бѣдствіямъ слишкомъ упорной войны, то мы и отняли у нихъ, — скажутъ французскіе дипломаты; —требовать совершеннаго отказа ихъ отъ итальянскихъ владѣній, значило бы слишкомъ обременять Францію и итальянскую войну обращать въ обще-европейскую; этого Франція не обѣщала сдѣлать и не могла сдѣлать.»

«Но самъ императоръ французовъ въ своей прокламаціи объявилъ, что война должна имѣть своимъ результатомъ совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи.» Нѣтъ, понимать прокламацію его

непремѣнно въ такомъ смыслѣ—значитъ видѣть въ ея выраженіяхъ только такое значеніе, какое пріятно неопытному въ дипломатическихъ истолкованіяхъ читателю, и не замѣчать, что тѣ же самыя выраженія могутъ допускать и другое толкованіе, далеко не столь тѣсное. Мы попробуемъ показать, что можно сдѣлать изъ этихъ фразъ, въ случаѣ надобности. Въ длинной прокламаціи собственно только два мѣста, опредѣляющія конечную цѣль войны; мы посмотримъ, что могутъ сдѣлать изъ нихъ обоихъ дипломаты, въ случаѣ надобности.

«Австрія довела положеніе дѣлъ до такой крайности, что должно *или ей* владычествовать до Альпъ, или Италія быть свободной до Адріатическаго моря». Неопытный умъ можетъ видѣть въ этомъ положительную рѣшимость отнять у Австріи все, до самой Венеціи. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во первыхъ, необходимость изгнанія австрійцевъ ставится слѣдствіемъ ихъ собственной политики, непримиримо враждебной Піэмонту, — «Австрія довела вещи до такой крайности», и освободить Италію до Адріатическаго моря необходимо потому, что иначе Австрія «завладѣетъ всею землею до Альпъ» — то есть, Піэмонтомъ. Но что, если Австрія докажетъ, что она отказывается отъ вражды противъ Піэмонта? Что, если она согласится на такія условія мира, что существованіе Піэмонта будетъ ограждено отъ предполагаемой опасности? Тогда исчезаетъ одна половина дилеммы, стало быть исчезаетъ надобность и въ другой половинѣ. Если не будетъ опасности, что Австрія станетъ расширять свои владѣнія, не будетъ надобности и изгонять ее изъ Италіи.

Нейтральныя державы теперь убѣждены, что Австрія никогда не хотѣла присвоивать себѣ ни вершка піэмонтской земли, — почему знать, что Франція не убѣдится въ этомъ, когда почтетъ удобнымъ склониться къ такому убѣжденію?

Итакъ, прокламація ставитъ изгнаніе австрійцевъ въ зависимость отъ факта (опасность для Піэмонта), который можетъ быть съ согласія Австріи устраненъ множествомъ разныхъ способовъ; напримѣръ: обязательствомъ Австріи не нападать на Піэмонтъ; уступкою какихъ нибудь округовъ, отнимающихъ стратегическія линіи для *наступленія* въ Піэмонтъ изъ Австрійскихъ владѣній; срытіемъ какихъ нибудь пограничныхъ укрѣпленій; обязательствомъ не держать въ *Ломбардіи* болѣе 100,000 войска (какъ и не держала Австрія до начала нынѣшняго года) и т. д. Нельзя исчислить всѣхъ комбинацій, которыми можетъ уничтожиться надобность изгонять австрійцевъ изъ Италіи.

Мы видимъ, какъ легко при нѣкоторой опытности въ дипломатическихъ изслѣдованіяхъ найти, въ случаѣ надобности, что первое

изъ выраженій, опредѣляющихъ цѣль войны, вовсе не исключаетъ возможности оставить за австрійцами часть ихъ владѣній или и всѣ ихъ владѣнія въ Италіи, смотря по внушенію обстоятельствъ. А на этомъ одномъ выраженіи почти исключительно и опираются всѣ толки, будто бы полное изгнаніе австрійцевъ поставлено непремѣнною цѣлью войны. Въ самомъ дѣлѣ, второе выраженіе прокламаціи гораздо менѣе опредѣлительно:

«Цѣль этой войны—то, чтобы Италія снова принадлежала самой себѣ (rendre l'Italie à elle-même), а не то, чтобы замѣнить одно господство надъ нею другимъ.» Тутъ сущность мысли заключается просто въ засвидѣтельствованіи того, что Франція не хочетъ завоеваній въ Италіи, что она не хочетъ занять въ ней того положенія, какое нынѣ занимаютъ австрійцы. Но само собою разумѣется, что исполненіе желаній зависитъ отъ обстоятельствъ, и въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ, мы имѣемъ указаніе на факты, которые могутъ принудить Францію, — конечно, съ прискорбіемъ, отступить отъ образа дѣйствій, стремленіе къ которому выражено приведенною у насъ фразою:

«Мы идемъ въ Италію не возбуждать безпорядки, не потрясать власть святѣйшаго отца, нами возстановленную.» Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны къ произведенію «безпорядковъ?» — Ясно, что Франція стала бы удерживать ихъ отъ такого гибельнаго заблужденія,—этимъ именно и занималась до сихъ поръ Австрія. Вся политика ея въ Италіи направлена была исключительно къ предупрежденію «безпорядковъ.» Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется въ римлянахъ желаніе колебать ее? Франція принуждена будетъ охранять папу отъ недоброжелательства его подданныхъ.

Такимъ образомъ, самая прокламація довольно точно показываетъ, что Франція въ Италіи главною своею заботою будетъ имѣть пресѣченіе безпорядковъ и народныхъ волненій; она предоставитъ итальянцамъ ту степень независимости, какая можетъ остаться у нихъ безъ нарушенія законнаго порядка; условія мира съ австрійцами поставляются въ зависимость отъ прекращенія опасности для Піэмонта, и мы видѣли, что опасность эта можетъ быть устранена множествомъ разныхъ способовъ, не требующихъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Только людямъ, слишкомъ расположеннымъ видѣть въ чужихъ словахъ смыслъ, какой пріятенъ для нихъ, и не привыкшимъ вникать въ характеръ дипломатическаго языка, можетъ казаться, что императоръ французовъ связываетъ себя въ своей прокламаціи какими нибудь обязательствами, кромѣ обѣщанія не допускать въ Италіи безпорядковъ, какъ не допускали ихъ австрійцы, и

поддерживать власть папы, какъ поддерживалъ ее до сихъ поръ. Если у кого остается сомнѣніе въ этомъ, оно можетъ окончательно разсѣяться соображеніемъ смысла рѣчей, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ по поводу итальянскаго вопроса, и соображеніями относительно дѣйствій французскаго коменданта въ Римѣ.

Много разъ мы указывали на существенную причину неизбѣжности войны, находя ее въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ общественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ громомъ побѣдъ и упрочить себя возобновленіемъ своей военной славы. Политика эта въ значительной степени оправдалась успѣхомъ. Мы видѣли, что сначала нынѣшняго года толками о войнѣ заглушились требованія внутреннихъ реформъ, такъ быстро усилившіяся въ концѣ прошлаго года. Мы говорили также, что ропотъ разсчетливыхъ людей на обременительность задуманной войны будетъ заглушенъ энтузіазмомъ воинственной націи, когда война будетъ объявлена. И дѣйствительно, массою простолюдиновъ въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ овладѣлъ восторгъ, какъ только была объявлена война. Мы могли бы не вѣрить, если бы только французскія газеты говорили о народномъ восторгѣ; но изъ англійскихъ и даже нѣмецкихъ газетъ видно, что простолюдины большихъ городовъ и особенно Парижа дѣйствительно увлечены мыслью о славѣ, какую пріобрѣтетъ Франція, освободивъ Италію. Разсказы газетныхъ корреспондентовъ несомнѣнно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеровъ, поступающихъ на время войны, если и не такъ громадно, какъ увѣряютъ оффиціальныя газеты, то все же очень значительно. Одинъ Парижъ далъ ихъ болѣе 15,000 (оффиціальныя газеты говорятъ о 25,000). Въ другихъ большихъ городахъ наберется почти такое же число. Еще важнѣе тотъ фактъ, что императоръ отважился послать изъ Парижа въ Италію и свою гвардію, и большую часть гарнизона. Это показываетъ, что правительство стало пользоваться значительною степенью популярности и могло ослабить предосторожности противъ возстанія въ столицѣ.

Правда и то, что простолюдины, совершенно незнакомые съ дипломатическими тонкостями, понимаютъ характеръ войны совершенно не въ такомъ свѣтѣ, какой придаетъ войнѣ правительство и въ какомъ видятъ ее люди, болѣе свѣдущіе въ дипломатическомъ языкѣ. Парижскіе простолюдины и вся французская армія думаютъ, что война имѣетъ революціонный характеръ; потому и восторгъ, ею возбужденный въ солдатахъ и въ работникахъ, уже принялъ оттѣнокъ, изъ котораго должны возникнуть столкновенія, когда факты покажутъ простолюдинамъ и солдатамъ, что они ошибались. Толпы

волонтеровъ и работниковъ ходятъ по улицамъ Парижа съ революціонными пѣснями, которыхъ не слышно было съ 1850 года. Войска, садившіяся на корабли въ Марсели, также пѣли революціонныя пѣсни. Во французскомъ лагерѣ въ Піэмонтѣ, надъ всѣми криками въ честь императора и въ честь Италіи господствуетъ Марсельеза. Съ криками «да здравствуетъ императоръ!» часто смѣшиваются крики «да здравствуетъ республика!» Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революціонному характеру простонароднаго энтузіазма слишкомъ большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успѣетъ подавить тѣ его проявленія, которыя были бы для нынѣшней системы опаснѣе простаго пѣнія. Можно даже думать, что въ случаѣ успѣшнаго хода войны личный энтузіазмъ къ императору, доставившему случай для побѣдъ, возьметъ верхъ надъ нынѣшнимъ республиканскимъ оттѣнкомъ воинственности. Но какъ бы то ни было, надобно замѣтить фактъ, который можетъ быть источникомъ затрудненій для нынѣшней системы, если не будетъ подавленъ быстрыми побѣдами.

Заблужденія простолюдиновъ не раздѣляются, какъ мы сказали, людьми опытными въ политической жизни, а восторгъ отъ ожидаемой славы не заставляетъ образованные классы общества забывать объ интересахъ, которымъ война неблагопріятна. Республиканская партія не предполагаетъ, чтобы война имѣла цѣлью дѣйствительное освобожденіе Италіи, а буржуазія скорбитъ объ упадкѣ фондовъ. Этимъ объясняется чрезвычайно холодный пріемъ военныхъ предложеній въ Законодательномъ Корпусѣ и смѣлость рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ членовъ его. Засѣданія Законодательнаго Корпуса въ первый разъ со времени втораго декабря становятся интересными. Опираясь на недовольствѣ большинства депутатовъ, въ которыхъ прежніе разсчеты о выгодахъ приверженности къ нынѣшней системѣ смѣняются разсчетами о вѣроятномъ разореніи отъ войны, малочисленные республиканцы Законодательнаго Корпуса начинаютъ говорить довольно рѣзко. Мы приводимъ здѣсь отрывки изъ писемъ парижскаго корреспондента Times'a и отчеты Монитёра о нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ.

Мы говорили о быстротѣ, съ какою французское правительство сдѣлало военныя распоряженія при первомъ извѣстіи объ австрійскомъ ультиматумѣ. Не теряя времени, внесло оно въ Законодательный Корпусъ и проекты тѣхъ декретовъ, которые должны были быть принимаемы съ согласія законодательной власти. Первые два предложенія состояли въ томъ, чтобы увеличить призываемый подъ знамена контингентъ 1859 года отъ прежней цифры 100,000 до 140,000 человѣкъ и дать правительству полномочіе заключить заемъ въ

500,000,000 франковъ. Вотъ какъ парижскій корреспондентъ Times'a разсказываетъ о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 26-го апрѣля, когда были сдѣланы эти предложенія.

«Графъ Морни, управляющій мудрыми совѣщаніями представителей Франціи, явился въ половинѣ втораго въ простомъ фракѣ. Относительно орденовъ онъ принялъ скромность. Изъ находящейся у него полудюжины ихъ, онъ удовольствовался на этотъ разъ только лентою и звѣздою Почетнаго Легіона. Скоро явился г. Барошъ, замѣчательный по своему мундиру президента государственнаго совѣта, богато вышитому золотомъ, по лентѣ и по звѣздѣ,—за свои гражданскія заслуги онъ также получилъ «звѣзду мужества.» Передъ г. Морни стоитъ столъ съ богатою позолотою, съ инкрустаціями и съ конторкою, имѣющею завидное отличіе служить хранилищемъ мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоитъ длинный столъ, за которымъ сидятъ коммиссары правительства: одинъ изъ нихъ теперь г. Барошъ. Приблизилась рѣшительная минута; г. Морни позвонилъ въ колокольчикъ во второй разъ и водворилось глубокое молчаніе. Президентъ возвѣстилъ о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ; г. Валевскій вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ коммиссаровъ. Затруднителенъ вопросъ, чей мундиръ богаче вышитъ,—г. Валевскаго или г. Бароша: оба они находятся въ золотой скорлупѣ. Но мнѣ кажется, что г. Валевскій, какъ сенаторъ, имѣетъ право носить одинъ или два золотые жгута лишнихъ противъ г. Бароша, какъ президента государственнаго совѣта. Впрочемъ, оставляю этотъ вопросъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великолѣпны. Изъ львовъ, дельфиновъ, коршуновъ, орловъ и другихъ орденовъ, данныхъ г. Валевскому европейскими государями, на выставкѣ не было ни одного, кромѣ ленты и звѣзды Почетнаго Легіона. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этой общей умѣренности.

«Президентъ объявилъ, что министръ имѣетъ нѣчто объявить палатѣ. Г. Валевскій всталъ и началъ читать по тетради. Сообщеніе содержало только исторію итальянскаго вопроса и начиналось описаніемъ безпокойства, произведеннаго въ началѣ года вооруженіями Австріи и накопленіемъ войскъ въ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ съ намѣреніемъ напасть на Піемонтъ. Сколько я разслышалъ, министръ не упомянулъ ни о словахъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику въ новый годъ, ни о пломбьерскихъ планахъ, ни о намѣреніи, приписываемомъ Піэмонту, при помощи Франціи выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. Умалчивая обо всѣхъ этихъ фактахъ, какъ обстоятельствахъ неважныхъ, онъ изложилъ ходъ переговоровъ до австрійскаго ультиматума относительно обезоруженія Піэмонта. Разумѣется, министръ выказывалъ умѣренность желаній и плановъ императора и сильно отрицалъ всякіе планы честолюбія или завоеванія. Палата слушала молча. Къ концу сообщенія, въ мѣстахъ о желаніи императора сохранить миръ, два раза послышался шопотъ семи или восьми голосовъ *très bien! très bien!*—по окончаніи рѣчи десятка два голосовъ по-

вторили тоже восклицаніе и десятка два паръ рукъ захлопали. Большинство палаты сидѣло молча и неподвижно.

«Тогда г. Барошъ прочелъ изложеніе причинъ проэкта закона объ увеличеніи послѣдняго сто-тысячнаго контингента прибавкою еще сорока тысячъ рекрутъ. Прочтенъ былъ также проэктъ закона о разрѣшеніи правительству сдѣлать заемъ въ 500 милліоновъ франковъ.

«Тогда всталъ г. Морни и прочелъ краткій адресъ къ палатѣ. Онъ убѣждалъ депутатовъ «пренебречь при настоящихъ обстоятельствахъ всѣми матеріальными интересами для патріотизма, смотрѣть не назадъ, а впередъ», и т. д. Увѣщаніе пренебречь матеріальными интересами для болѣе благородной цѣли, исходя отъ столь уважаемаго авторитета, безъ сомнѣнія произвело надлежащее впечатлѣніе. Нѣкоторые депутаты улыбнулись, въ знакъ согласія и одобренія, какъ я полагаю. Послѣ этой самоотверженной рѣчи нѣсколько человѣкъ изъ депутатовъ закричали: *Vive l'empereur!* и стали апплодировать. Апплодисменты были вовсе не общіе и расположеніе палаты не походило на энтузіазмъ.

«Надобно не оставить безъ вниманія то, что два министра, избранные для представленія сообщеній и для поддержанія ихъ своимъ краснорѣчіемъ, съ самаго начала до самаго конца противились войнѣ. И г. Валевскій, и г. Фульдъ, прочитавшій сенату такое же сообщеніе, какъ г. Валевскій Законодательному Корпусу, глубоко скорбѣли о направленіи, принятомъ дѣлами.»

Разсмотрѣвъ проэкты въ своихъ отдѣленіяхъ (бюро), Законодательный Корпусъ собрался на другой день (27 апрѣля) для совѣщаній въ публичномъ засѣданіи объ увеличеніи контингента. Ораторомъ оппозиціи явился въ этотъ день республиканецъ Эмиль Оливье. Рѣчи, произносимыя въ Законодательномъ Корпусѣ, печатаются только въ извлеченіяхъ, составляемыхъ оффиціальнымъ порядкомъ подъ наблюденіемъ президента, назначеннаго императоромъ. Потому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно измѣняется въ этихъ извлеченіяхъ смыслъ словъ, несогласныхъ съ желаніями президента. Но, и по блѣдному извлеченію, представленному Монитёромъ, читатель можетъ видѣть, въ чемъ состоялъ смыслъ словъ Оливье. Вотъ буквальный переводъ изъ протокола, помѣщеннаго въ Монитёрѣ.

«Г. Эмиль Оливье говоритъ, что вотъ уже четыре мѣсяца общественное мнѣніе взволновано. Всѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, сохранитъ Франція миръ или начнетъ войну? Ораторъ жалѣетъ, что въ теченіе этого долгаго времени французы получали свѣдѣнія о ходѣ дѣла только изъ преній англійскаго или сардинскаго парламентовъ, и французскому Законодательному Корпусу предложенъ этотъ вопросъ только уже по фактическомъ его разрѣшеніи.

«Въ настоящую минуту Италія одушевлена всеобщимъ желаніемъ: вся нація желаетъ изгнанія иностранцевъ, соединяется подъ знаменемъ

Піэмонта и призываетъ Францію. Такое чувство, по мнѣнію оратора, совершенно основательно. Съ 1815 года австрійское правительство не ограничивалось нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ отъ его имени миланцамъ и венеціанцамъ, оно постоянно угнетало всю Италію. На минуту блеснулъ Италіи лучъ надежды; она отвергла даже руку, протягиваемую ей французской республикой, надѣясь, что будетъ обязана своимъ освобожденіемъ только самой себѣ. Эта надежда ее обманула.

«На жалобы итальянскаго народа, на протестаціи, сдѣланныя отъ его имени графомъ Кавуромъ передъ парижскимъ конгрессомъ, всегда отвѣчали только однимъ возраженіемъ, указаніемъ на трактаты 1815 года, на эту «территоріальную конституцію Европы», по выраженію лорда Пальмерстона.

«Какъ надобно смотрѣть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различныя мнѣнія объ этихъ, слишкомъ знаменитыхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ. Во Франціи никто не отваживался защищать ихъ, даже изъ тѣхъ людей, которые считали необходимымъ сохранять ихъ. Одни говорили, должно проклинать ихъ, но уважать ихъ; другіе, какъ знаменитый манифестъ (Ламартина), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатовъ 1815 года. но уважать ихъ фактическое существованіе. Всѣ признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными противъ Франціи. Ораторъ объявляетъ, что онъ и его друзья дѣлаютъ существенное различіе между разными территоріальными опредѣленіями трактатовъ 1815 года. Постановленія, направленныя противъ Франціи, они отличаютъ отъ тѣхъ, которыми нарушены права національностей менѣе сильныхъ. Достопочтенный членъ мало скорбитъ о томъ, что не расширяются границы Франціи. Призваніе Франціи не въ томъ, чтобы расширять свои границы. Ораторъ и его друзья осуждаютъ устарѣлую завоевательную политику. Не матеріальныя, а нравственныя завоеванія должна дѣлать Франція; для націй, какъ и для частныхъ людей, истинное величіе состоитъ въ безкорыстіи.

«Но есть, по мнѣнію оратора, въ трактатахъ 1815 года такія постановленія, которыя должны быть энергически отвергаемы; это тѣ постановленія, которыя направлены противъ національностей, не столь сильныхъ, какъ Франція, и въ особенности тѣ двусмысленныя постановленія, которыя повергли Италію, какъ жертву, къ ногамъ Австріи. Когда былъ возбужденъ итальянскій вопросъ, достопочтенный членъ и его друзья хотѣли думать, что во мнѣніи самаго правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношенію къ Италіи; на этомъ пути они готовились оказывать ему самую рѣшительную, страстную, неослабную помощь; но въ ту минуту, когда надобно принять окончательное рѣшеніе, возникло въ умѣ оратора сомнѣніе и онъ желалъ бы, чтобы правительство разсѣяло это сомнѣніе. Онъ далекъ отъ мысли упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступать въ войну; понятно, что глава государства колеблется передъ рѣшеніемъ отнять у націи блага мира. Но онъ былъ печально удивленъ

слыша вчера, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ подтверждаетъ слова, сказанныя съ англійской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года, — этихъ трактатовъ, которые разорвала сама Австрія своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными вмѣшательствами, продолжительными занятіями чужихъ земель военною силою. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбудивъ его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упрочить трактаты 1815 года и возвратить имъ силу, ими потерянную.

«При такомъ положеніи вещей ораторъ спрашиваетъ, что хотятъ дѣлать въ Италіи. Итальянскіе походы могутъ имѣть разный характеръ. Французское вмѣшательство можетъ произвесть освобожденіе Италіи; но оно можетъ также привести только къ договору въ родѣ Кампоформіосскаго, или оказаться новою римскою экспедиціею. Намѣренія правительства не объяснены. Въ этой неизвѣстности, ораторъ и его друзья считаютъ нужнымъ опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицію, правительство имѣетъ только одну цѣль, пріобрѣтеніе военной славы, хочетъ воспользоваться Италіею, а не принести пользу ей. Они не хотятъ выражать довѣріе къ правительству, подавая голосъ за предложенный законъ; они не хотятъ, отвергая законъ, принимать такой видъ, какъ будто бы измѣняютъ Италіи и становятся на сторонѣ австрійцевъ; потому они удерживаются отъ подачи голоса. Сердце ихъ за Италію, но они ожидаютъ отъ правительства объясненія, что нынѣшняя война начинается для пользы Италіи.

«Въ заключеніе ораторъ говоритъ, что, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, война начинается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Чѣмъ бы она ни кончилась, онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и его друзья останутся вѣрны преданію своихъ отцевъ, преданію тѣхъ граждан героевъ, которые въ дни великой опасности умѣли охранять, подъ предводительствомъ Гошей и Марсо, отъ оскверненія иностранцами священную землю отечества.»

Немного нужно догадливости, чтобы понять изъ этого извлеченія, какимъ рѣзкимъ неодобреніемъ была проникнута рѣчь Оливье. Онъ говоритъ, по выраженію Монитёра, что французская нація въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ узнавала факты только изъ преній англійскаго и сардинскаго парламентовъ; но въ Монитёрѣ часто печатались оффиціальныя статьи, излагавшія ходъ дѣла и намѣренія французскаго правительства, — ясно, что Оливье не считаетъ достовѣрнымъ ни одного слова этихъ статей. Онъ жалѣетъ, по выраженію Монитёра, что четыре мѣсяца правительство не предлагало Законодательному Корпусу итальянскаго вопроса и сообщаетъ ему объ этомъ дѣлѣ, когда оно уже рѣшено, — ясно, что ораторъ говорилъ о пренебреженіи правами Законодательнаго Корпуса, а права эти понималъ такъ, что правительство было обязано не дѣлать ничего

важнаго безъ его согласія. Ораторъ думалъ, по выраженію Монитёра, что правительство хочетъ вести войну для уничтоженія трактатовъ 1815 года относительно Италіи, т. е. для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, но въ рѣшительную минуту въ немъ пробудилось сомнѣніе, — ясно, онъ говорилъ, что никогда не вѣрилъ въ намѣренія правительства освободить Италію, а теперь имѣетъ въ рукахъ доказательства основательности своего невѣрія. Это доказательство доставлено словами англійскаго министра, что Франція соглашалась вести переговоры на основаніяхъ трактатовъ 1815 года. Но Монитёръ также излагалъ основанія переговоровъ, и ясно, что Оливье выставляетъ разнорѣчіе Монитёра съ истиной, доказанной превіями англійскаго парламента; онъ говоритъ, что Монитёръ скрывалъ факты, излагалъ дѣло въ ложномъ видѣ; но теперь Валевскій и Барошъ говорили согласно съ Монитёромъ,—ясно, какой характеръ придаетъ Оливье ихъ словамъ. По выраженію Монитёра, онъ былъ бы радъ, если бы объяснилось его сомнѣніе, — ясно, онъ требовалъ у министровъ отчета въ противорѣчіи оффиціальныхъ изложеній съ фактами. Валевскій подтвердилъ факты, обнаруженные англійскимъ парламентомъ: это значитъ, Валевскій былъ принужденъ сознаться, что до сихъ поръ лгалъ. Наконецъ, въ предпослѣднемъ параграфѣ рѣчи, несмотря на всѣ искаженія, сдѣланныя протоколомъ въ словахъ Оливье, смыслъ остался такъ рѣзокъ, что не требуетъ поясненій. Можно идти въ Италію за тѣмъ, чтобы освободить ее, можно идти за тѣмъ, чтобы поработить ее больше прежняго, говоритъ Оливье въ этомъ параграфѣ. Зачѣмъ посылаютъ туда теперь французовъ, продолжаетъ онъ, можно знать по результатамъ римской экспедиціи. Исторія этой экспедиціи извѣстна: когда она отправлялась, Наполеонъ III, бывшій еще тогда президентомъ республики, говорилъ, что цѣль экспедиціи спасти Римъ отъ австрійцевъ, а кончилась экспедиція тѣмъ, что французы поддерживаютъ въ Римѣ правительство, которое угнетаетъ римлянъ хуже, нежели австрійцы угнетаютъ ломбардцевъ. Послѣдній параграфъ протокола заключаетъ въ себѣ мысль самую горькую: «война начинается при счастливыхъ условіяхъ, но мы готовы защищать Францію отъ вторженія иностранцевъ», говоритъ Оливье. Ясно, что это значитъ: Оливье говорилъ, что самыя счастливыя обстоятельства разрушаются коварствомъ излишней хитрости, которое наконецъ должно возстановить противъ себя всю Европу; Европа увидитъ, что Ломбардія была только предлогомъ для завоевательной политики; Европа увидитъ, что должна защищать сама себя, а не Австрію, составится новая коалиція и повторятся событія 1813 и 1814 годовъ. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые

Монитёромъ, свидѣтельствуютъ о мысли еще болѣе рѣзкой: безъ сомнѣнія, Оливье противопоставлялъ этихъ республиканскихъ генераловъ Наполеону I и указывалъ на то, что европейская коалиція, которая легко побѣдитъ императорскую Францію, можетъ быть побѣждена только республиканскою Франціею.

Къ такимъ-то рѣчамъ въ Законодательномъ французскомъ Корпусѣ открывается теперь возможность; большинство, составленное изъ людей, до сихъ поръ восторженно хвалившихъ нынѣшнюю систему, вдругъ охладѣло къ ней и дозволяетъ возвышать голосъ немногимъ республиканцамъ, находящимся въ Законодательномъ Корпусѣ; мало того, что оно позволяетъ имъ говорить,—вѣроятно, оно слишкомъ сочувствуетъ имъ за протестъ противъ намѣреній императора, если самъ графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, принужденъ былъ терпѣть рѣчь Эмиля Оливье.

Но зачѣмъ догадки о чувствахъ большинства, такъ недавно бывшаго преданнымъ нынѣшней системѣ? Холодность, съ которою принимаетъ оно сообщенія и объясненія правительства, достаточно свидѣтельствуетъ о его чувствахъ. Но опять, зачѣмъ мы говоримъ о заключеніяхъ, выводимыхъ изъ молчанія и холодности? Бывшіе панегиристы правительства уже не довольствуются молчаніемъ; черезъ два дня послѣ преній о контингентѣ происходили пренія о займѣ, и вотъ что разсказываетъ парижскій корреспондентъ Times'а о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 29 апрѣля. Въ предисловіе къ его разсказу мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: слова Плишона онъ буквально беретъ изъ протокола, напечатаннаго въ Монитёрѣ, и беретъ далеко не все рѣзкое, сохраненное изъ нихъ даже Монитёромъ. Можно по этому судить, какова въ дѣйствительности была рѣчь этого депутата, до сихъ поръ восхищавшагося второю имперіею.

«Большое удивленіе было возбуждено свободою, съ которой говорили противъ войны многіе члены, до сихъ поръ бывшіе рабольпными приверженцами (*servile followers*) правительства, и просторомъ, который былъ дозволенъ ихъ рѣчамъ вицепрезидентомъ Законодательнаго Корпуса г. Шнейдеромъ, предсѣдательствовавшимъ въ этотъ день. Если бы болѣзнь не помѣшала быть въ засѣданіи президенту, г. Морни, то, вѣроятно, не было бы такого простора. Особенно энергиченъ былъ языкъ г. Плишона. Онъ началъ тѣмъ, что не чувствуетъ никакой симпатіи къ большей части мнѣній г. Оливье, республиканскаго депутата, говорившаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, но соглашается съ нимъ въ одной мысли, — въ той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго имѣвшей всю полноту политической жизни, терпѣть такое положеніе, что факты, относящіеся къ ней, она должна узнавать отъ иностранцевъ.» Еще невыносимѣе, прибавилъ онъ, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущность страны, завязываются и

рѣшаются безъ всякаго участія Законодательнаго Корпуса. «Я подалъ голосъ за увеличеніе нашихъ военныхъ силъ (продолжалъ г. Плишонъ), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть мы обязаны поддерживать честь французскаго знамени и поздно намъ разсуждать. Но еслибы вопросъ не былъ уже рѣшенъ безъ насъ; еслибы я могъ разсматривать, имѣетъ ли Франція какую нибудь надобность вмѣшиваться въ эту войну, я сказалъ бы нѣтъ. Я вотировалъ съ прискорбіемъ, потому что имѣлъ глубокое убѣжденіе, что правительство безъ надобности впутало нашу страну въ войну, исполненную риска и опасности, для результатовъ, по крайней мѣрѣ невѣрныхъ, чтобы не сказать болѣе. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ правительствомъ, рѣшительно не видно, чтобы австрійская политика въ Италіи подвергала опасности честь или спокойствіе Франціи, или равновѣсіе Европы.» Далѣе онъ замѣтилъ, что политическое положеніе Италіи вовсе не ново; что со времени возникновенія этого положенія было во Франціи много разныхъ правительствъ и ни одно изъ нихъ не находило это положеніе столь важнымъ для интересовъ Франціи, чтобы завязывать войну для его прекращенія. Онъ спросилъ, будетъ ли эта война революціонная или политическая, должна ли она быть отрицаніемъ или продолженіемъ политики, внушившей римскую экспедицію? Будетъ ли цѣлью ея только изгнаніе австрійцевъ, или независимость и единство Италіи? Онъ спросилъ, какъ далеко хочетъ идти правительство и на чемъ оно думаетъ остановиться? «Каждому видны, заключилъ г. Плишонъ, жертвы, которыхъ будетъ стоить Франціи эта война: но никто не видитъ, какую выгоду Франція получитъ отъ нея. Да, ничего не можетъ она получить отъ нея, кромѣ развѣ пустой славы,—это будетъ единственнымъ вознагражденіемъ ея за кровь ея дѣтей.» Г. Плишону отвѣчалъ г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта. Онъ сказалъ, что Франція воюетъ потому, что на нее напали. Франція объявила, что если австрійцы нападутъ на Піэмонтъ, она обязана защищать его. Другихъ причинъ къ войнѣ нѣтъ. Послѣ того всталъ просить слова г. Жюль Фавръ, знаменитый республиканскій адвокатъ.

Рѣчь Жюля Фавра занимала важнѣйшее мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля; мы приводимъ вполнѣ всю часть протокола, въ которой излагаются его слова. Читатель замѣтитъ, какой смыслъ должно было имѣть въ дѣйствительности замѣчаніе президента, предшествовавшее словамъ Жюля Фавра. Президентъ просилъ палату слушать спокойно съ увѣренностью, что ораторъ не скажетъ ничего оскорбительнаго для чувствъ палаты; это служило напоминаніемъ оратору, что позволеніе говорить дается ему подъ условіемъ соблюдать осторожность въ словахъ. Но въ благодарности президенту, которой начинаетъ Жюль Фавръ, содержится прямой отказъ скрывать свои мысли. Потомъ онъ возстаетъ противъ Плишона, — это за то, что Плишонъ высказывалъ боязнь войны съ революціоннымъ характе-

ромъ. Жюль Фавръ доказываетъ, что если война не будетъ имѣть революціоннаго характера, то не зачѣмъ начинать ее; и вся его рѣчь состоитъ въ развитіи двухъ мыслей, одинаково враждебныхъ нынѣшней системѣ: онъ доказываетъ, что война необходимо должна была бы имѣть революціонный характеръ; потомъ доказываетъ, что правительство хочетъ вести ее въ консервативномъ духѣ съ единственной цѣлью упрочить свое существованіе славою побѣдъ, безъ всякаго намѣренія улучшить положеніе Италіи. Но прочтемъ изложеніе самой рѣчи, представленное Монитёромъ.

«Г. Жюль Фавръ требуетъ рѣчи.

«Г. Президентъ, давая рѣчь г. Жюлю Фавру, проситъ палату слушать его не перерывая. Искусство, къ которымъ г. Фавръ владѣетъ рѣчью, должно служить палатѣ ручательствомъ за то, что рѣчь оратора будетъ сообразна съ важностью обстоятельствъ; потому г. президентъ проситъ палату слушать эту рѣчь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавръ благодаритъ Г. Президента за доброжелательную мысль его замѣчанія, но требуетъ полной независимости своимъ объясненіямъ. Онъ постарается не оскорбить палату ни однимъ изъ своихъ словъ. Если онъ принимаетъ участіе въ настоящемъ преніи, онъ дѣлаетъ такъ по убѣжденію, что это преніе необходимо, и требуетъ болѣе глубокаго разъясненія.

«Ни мало не одобряя нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ г. Плишономъ, ораторъ понимаетъ ихъ. По мнѣнію достопочтеннаго члена, очевиднѣйшею истиною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ея причина была ясно указана и цѣль ея ясно опредѣлена.

«Достопочтенный членъ указываетъ на несообщеніе извѣстій, какъ на нѣчто очень замѣчательное. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ Франція могла быть вовергнута въ войну, которая можетъ обнять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно къ выраженію своего мнѣнія. Но если Законодательному Корпусу не дано было направлять ходъ событій, если теперь онъ не имѣетъ права отказывать нашей арміи въ средствахъ съ блескомъ явиться на театрѣ дѣйствій, то члены палаты имѣютъ право спрашивать о причинѣ и о цѣли войны.

«Свѣдѣнія, сообщенныя правительствомъ, не бросили особеннаго свѣта на вопросъ. Правительство промолчало послѣ рѣчи г. Оливье. А между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ объясненія должны казаться необходимыми. Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ палатѣ изложеніе событій, но по мнѣнію оратора въ этомъ объясненіи нѣтъ откровенности относительно одного пункта, и этотъ недостатокъ откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«Въ настоящее засѣданіе г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что война теперь начата и трактаты разорваны. Ораторъ спра-

шиваетъ, не нужно ли въ такомъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить положеніе дѣлъ. Каждый членъ палаты желаетъ, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламенила сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ея была доказана всѣмъ, чтобы всѣмъ была показана святость и нравственность ея причины.

«Документъ, прочитанный г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, говоритъ, что Франція постоянно желала мира, что она и теперь желаетъ его, что она вела переговоры для этой цѣли. Ораторъ протестуетъ противъ этихъ выраженій. Г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что Франція сражается только потому, что на нее напали; но, по мнѣнію оратора, война имѣетъ цѣль болѣе высокую. Воевать для собственной защиты, — такая политика невозможна для Тюильри. Правительство должно умѣть лучше держать знамя Франціи. По убѣжденію оратора, французское правительство хотѣло войны и готовило ее. Отвѣтственность за войну должна лежать на правительствѣ.

«Достопочтенный членъ проситъ возвратиться мыслью годъ назадъ. Ничто не показывало тогда, что миръ будетъ нарушенъ. Тюильрійскій кабинетъ выразилъ свою заботливость объ Италіи среди этого совершеннаго спокойствія; онъ высказалъ тогда мысль, что надобно произвесть реформу въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и возставалъ противъ возрастающаго существованія Австріи. Положеніе, принятое французскимъ правительствомъ, его слова, допускаемыя имъ статьи и брошюры, все это встревожило Австрію за владычество въ Италіи, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблятся въ своемъ основаніи.

«По мнѣнію оратора, такой образъ дѣйствій необходимо долженъ былъ имѣть двоякое послѣдствіе: глубоко взволновать Италію и встревожить вѣнскій кабинетъ, т. е. заставить его усилить стѣснительныя мѣры, которыми онъ обременялъ Италію. 40 лѣтъ Австрія господствуетъ въ Италіи насиліемъ, терроризмомъ, инквизиціею, полиціею, ссылками, конфискаціями, многочисленными крѣпостями, которыя она считаетъ неприступными и которыми ограждаетъ она свою непопулярность. Она думала, что, увеличивъ силу средствъ разрушенія и порабощенія въ этой благородной и несчастной странѣ, она восторжествуетъ надъ всѣмъ. Она подавила все, кромѣ сердецъ: сердца ускользнули отъ тиранства, и непримиримостью своей вражды протестуютъ противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ, на которыхъ основываютъ они свой протестъ. Но, прибавляетъ ораторъ, насиліе бываетъ только фактомъ временнымъ и никогда не можетъ основать прочнаго правительства.

«Притомъ же явилось для Франціи затрудненіе, о которомъ не думали уполномоченные Вѣнскаго конгресса, затрудненіе въ тысячу разъ опаснѣйшее всѣхъ тайныхъ обществъ, поражающихъ во мракѣ. Австрія подвергается явной опасности отъ развитія свободы передъ лицомъ деспотизма. Потому Австрія почувствовала необходимость вести противъ Піэмонта глухую вражду. Но Піэмонтъ имѣетъ за себя святость и спра-

ведливость своего дѣла и нравственную поддержку во всѣхъ благородныхъ людяхъ. Его молодой король составляетъ гордость своего народа и хочетъ отмстить за смерть своего благороднаго, славнаго и несчастнаго отца. Помощникомъ піэмонтскаго короля находится государственный человѣкъ, возвеличенный мыслью, что онъ долженъ освободить Италію, что это должно быть дѣломъ его жизни, — государственный человѣкъ, написавшій на знамени Піэмонта девизъ: «независимость Италіи», т. е. изгнаніе австрійцевъ.

«Ораторъ спрашиваетъ, правда ли, что тѣ волненія, которыя въ настоящую минуту обнаруживаются въ Италіи, движеніе, которое разливается въ ней и которое уже низвергло шаткій тосканскій престолъ,— правда ли, что эти волненія одобряются Тюильрійскимъ кабинетомъ? Французское правительство услышало жалобы итальянцевъ и сдѣлалось ихъ эхомъ; оно недавно укрѣпило договоромъ и брачнымъ союзомъ старинныя связи между Франціею и савойскимъ домомъ. Правительство въ своей политикѣ было вѣрно преданіямъ Франціи и ораторъ убѣжденъ, что Франція будетъ могущественна только тогда, когда Италія будетъ свободна и обновлена. Разбивать цѣпи рабства, изгонять властителей, умѣющихъ господствовать только насиліемъ, таково, по мнѣнію достопочтеннаго члена, призваніе Франціи.

«Ораторъ знаетъ, что была рѣчь о конгрессѣ, на которомъ дипломаты думали мирно разрѣшить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда ихъ всегда казалась оратору химерою. Конгрессъ невозможенъ, если на немъ нѣтъ Піэмонта; а если является на немъ Піэмонтъ, удаляется съ него Австрія. Но, удаляясь, она губитъ себя, потому что удаляется отъ цивилизаціи и человѣчества.

«И такъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только войною, потому ораторъ считаетъ необходимостью, чтобы въ точности была извѣстна политика и цѣль Франціи. Причиною войны служитъ угнетеніе Италіи, оно вредно для Франціи. Чтобы отстранить этотъ вредъ, рѣшена теперь война и эта война не должна имѣть никакой другой цѣли, какъ независимость Италіи. Это говоритъ Піэмонтъ въ своей прокламаціи, и нашъ союзникъ не можетъ быть обманутъ.

«Потому оратору кажется, что невозможно имѣть сомнѣній относительно цѣли войны. Но онъ не можетъ удержаться отъ воспоминанія, относящагося къ 1849 году, къ эпохѣ римской экспедиціи. Въ 1849 году онъ имѣлъ нѣкоторое опасеніе за результатъ экспедиціи. Члены тогдашняго правительства отвѣчали ему, ручаясь своимъ словомъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ покушеній противъ свободы; а между тѣмъ извѣстно, что произошло. По мнѣнію оратора, результатомъ римской экспедиціи было возстановленіе правительства, которое ненавистно жителямъ Церковной Области и которое всѣ кабинеты признаютъ дурнымъ.

«Чтобы устранить всякую неизвѣстность, ораторъ проситъ г. президента государственнаго совѣта сказать ему, ошибается ли онъ въ истолкованіи истинной причины и цѣли войны. По мнѣнію оратора, Франція обя-

жила мечь за независимость Италіи и не должна влагать его въ ножны, пока остается хотя одинъ австріецъ на итальянской землѣ. Если правительство находитъ, что мысль оратора слишкомъ обширна, онъ проситъ отвѣчать ему на вопросъ: обнаружившееся волненіе уже низвергло престолы австрійскихъ вассаловъ; намѣрено-ли правительство возстановлять ихъ? Если правительство кардиналовъ будетъ низвергнуто, то будутъ ли проливать кровь римлянъ для возстановленія этого правительства?

«По мнѣнію оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объясненія объ этомъ. Довольно будетъ и того, если правительство промолчитъ. Дилемма теперь такова: или надобно измѣнить Италіи и Піэмонту, или надобно освободить Италію, т. е. изгнать изъ нея австрійцевъ. Ораторъ хочетъ думать, что если правительство не отвергнетъ прямо политику втораго рода, то оно принимаетъ ее. Ограничивать роль Франціи войною чисто оборонительною, это значило бы косвеннымъ образомъ дѣлать Францію союзницею Австріи, упрочивать австрійское господство и отдавать Италію на жертву всѣмъ бѣдствіямъ реакціи.

«Ораторъ убѣжденъ, что никто не можетъ желать такого результата; потому онъ убѣжденъ, что французы теперь идутъ на освобожденіе Италіи и что независимость ея составляетъ цѣль войны. Достопочтенный членъ прибавляетъ, что во внутренней политикѣ не можетъ быть никакого примиренія между нимъ и правительствомъ, пока Франція остается угнетена нынѣшнею системою.

«Г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, говоритъ, что такое выраженіе не должно быть терпимо. Франція не угнетена нынѣшнею системою; напротивъ, Франція поднята нынѣшнею системою.

«Г. Президентъ замѣчаетъ, что г. Жюль Фавръ, произнося употребленное имъ выраженіе, забылъ, что нынѣшнее правительство было одобрено нѣсколько разъ поразительнымъ согласіемъ неизмѣримаго большинства націи.

«Г. Жюль Фавръ говоритъ, что единственнымъ его намѣреніемъ было честно выразить его мысль о войнѣ. Если Франція и правительство думаютъ о войнѣ также, какъ онъ, то какъ бы велико ни было его несогласіе съ правительствомъ во внутренней политикѣ, онъ будетъ энергически поддерживать правительство противъ внѣшнихъ враговъ.»

Даже по этому искаженному извлеченію видно, что Жюль-Фавръ говорилъ съ самой ѣдкой ироніей. Даже Монитёръ не съумѣлъ скрыть фразы о неестественности порядка, при которомъ Франція могла быть ввергнута въ войну безъ согласія своихъ представителей. Требовать отъ правительства объясненій послѣ того, какъ оно своимъ молчаніемъ подтвердило слова Оливье, — требовать послѣ того новыхъ объясненій и все-таки доказывать, что война, вѣроятно, будетъ ведена для освобожденія Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ на-

ющаго. Вотъ что говоритъ Гіулай жителямъ Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій, выступая въ походъ противъ Сардиніи:

«Оскорбленія, наносимыя изъ піемонтскихъ владѣній императорской фамиліи безумной партіей, противной порядку и закону, и упорство, съ которымъ она отвергаетъ всякія слова миролюбія и примиренія, истощили долготерпѣніе нашего Августѣйшаго Императора и Государя и заставили его прибѣгнуть къ силѣ оружія на побѣдоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего Государя, я назначенъ главнокомандующимъ арміей и гражданское управленіе Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ соединено въ моихъ рукахъ съ военной властью на время войны съ той минуты, какъ наши царственные орлы и наши славныя знамена переходятъ за ломбардскія границы.

«Энтузіазмъ, съ которымъ ваши молодые люди стали въ ряды императорской арміи, добровольное усердіе, съ которымъ вы удовлетворяли нуждамъ нашей храброй арміи, чувство долга, одушевляющее васъ,— все это служитъ для меня ручательствомъ за сохраненіе тишины и общественнаго порядка, не взирая на всѣ ухищренія революціонной партіи.»

Конецъ прокламаціи, по выраженію Гоголя, — уже не такъ занимателенъ. Онъ говоритъ о томъ, что для огражденія ломбардцевъ, столь усердныхъ къ австрійскому императорскому дому, отъ злонамѣренныхъ людей, оставляется въ Ломбардіи достаточное число войска. Эта заботливость объ огражденіи усердныхъ ломбардцевъ отъ всякой бѣды со стороны ненавистныхъ имъ коварныхъ злоумышленниковъ носитъ на себѣ характеръ высокой заботливости о благѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Но скажите, возвышался ли когда нибудь самъ авторъ Монте-Кристо до такой восхитительной поэзіи, какою проникнуты переведенныя нами строки объ увѣренности Гіулая въ энтузіазмѣ, съ которымъ ломбардскіе юноши бѣгутъ становиться подъ славными знаменами Австріи!..

Но, можетъ быть, читателю интересно точнѣе узнать кроткія добродѣтели Гіулая, находящагося въ столь чувствительныхъ отношеніяхъ къ ломбардо-венеціанцамъ. Отеческая любовь его къ ломбардо-венеціанцамъ достаточно характеризуется однимъ анекдотомъ. Однажды Гіулай замѣтилъ Радецкому, помощникомъ котораго былъ, что онъ слишкомъ неосторожно ѣздитъ по миланскимъ улицамъ, потому что какой нибудь итальянскій патріотъ можетъ выстрѣлить въ него. «Не бойтесь, сказалъ Радецкій, они въ меня не будутъ стрѣлять; вѣдь они знаютъ, что послѣ моей смерти главнокомандующимъ сдѣлаетесь вы.»

Но не съ одними ломбардцами Гіулай говоритъ совершенно по душѣ, съ полной откровенностью и правдивостью. Столь же пре-

красна и его другая прокламація, къ сардинцамъ. Вы, читатель, быть можетъ полагаете, что только французы идутъ въ Ломбардію освободителями, — вы совершенно ошибаетесь: австрійцы также идутъ въ Сардинію за тѣмъ, чтобы освобождать ее. Вы не знали этого; такъ вотъ же вамъ подлинная прокламація австрійскаго главнокомандующаго.

«Піэмонтцы!

«Переходя ваши границы, мы направляемъ наше оружіе не на васъ.

«Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая насиліемъ своимъ угнетаетъ васъ, возстаетъ противъ всякаго миролюбиваго слова и нарушаетъ права другихъ итальянскихъ государствъ и Австріи.

«Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и умѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священны.

«Мое слово служитъ вамъ ручательствомъ, что человѣколюбіе императорскихъ войскъ нисколько не уступаетъ ихъ храбрости.

«Какъ выразитель великодушныхъ намѣреній моего Августѣйшаго Императора и Государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вамъ обѣщаніе: наша война не есть война противъ народовъ и національностей, но противъ дерзкой партіи, которая подъ обманчивою маскою свободы лишила бы всѣхъ насъ свободы, если бы Богъ нашего оружія не былъ бы и Богомъ правосудія.

«Когда наши противники будутъ побѣждены, когда порядокъ и миръ будутъ возстановлены, вы, называющіе насъ нынѣ врагами, вы тогда назовете насъ вашими освободителями и друзьями.»

Наполеонъ III называетъ себя освободителемъ, и Гіулай называетъ себя также освободителемъ, — какъ разобрать, кто изъ нихъ лучшій другъ свободы? Но этотъ вопросъ намъ нѣтъ никакой надобности рѣшать. Мы только излагаемъ факты, да и то, какъ видитъ читатель, почти только чужими словами.

Не знаемъ, многіе ли сардинцы повѣрили Гіулаю, но французскимъ прокламаціямъ вѣритъ множество итальянцевъ. Ближе всего должны быть знакомы съ обѣщаемою свободою римляне, которые уже 10 лѣтъ пользуются правительствомъ, находящимися подъ защитою французскаго войска, и теперь снова ограждаемаго отъ всякой опасности прокламаціями и многими изустными и письменными увѣреніями французскаго правительства. Но римляне вздумали было воображать, что они итальянцы, и что такъ какъ французы пришли освобождать всю Италію до самого Адріатическаго моря, то слѣдовательно освобожденіе относится и къ нимъ. Начало своему освобожденію принялись полагать они очень идиллическое, именно,

ограничились на первый разъ тѣмъ, что раза два собрались подъ окнами генерала Гойона, командующаго французскимъ войскомъ въ Римѣ, и герцога Граммона, французскаго посланника въ Римѣ, и кричали: «да здравствуетъ императоръ!» — «да здравствуетъ Франція!» — «да здравствуетъ Италія!» Намѣренія у нихъ, какъ видимъ, не были слишкомъ человѣкоубійственны или анархичны, но все-таки поступки ихъ нарушали порядокъ, и потому генералъ Гойонъ, вышедши на балконъ, сказалъ народу, махавшему шляпами и платками въ честь ему и Франціи: «Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!» Послѣ этихъ словъ, столь же ясныхъ, сколь краткихъ, генералъ ушелъ съ балкона, а кардиналъ Антонелли, то же защитникъ свободы, прислалъ полицію, которая арестовала нѣсколькихъ человѣкъ; а на другое утро, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній порядка и свободы, явилась прокламація Гойона, которая менѣе чувствительна и возвышенна, чѣмъ всѣ прокламаціи, занимавшія насъ до сихъ поръ, но въ которой за то, съ похвальной ясностью, изображены истинныя качества итальянской свободы съ точки зрѣнія Гойона.

«Штабъ-квартира.

«Римъ. 26-го апрѣля 1859 года.

«Въ городѣ произошли мирныя, но публичныя манифестаціи. Какова бы ни была наша симпатія къ чувствамъ, ими выражаемымъ, но мы не можемъ допустить ихъ возобновленія. Всякая публичная манифестація, подъ какимъ бы знаменемъ и по какому бы побужденію ни происходила, нарушаетъ порядокъ, и слѣдствіемъ ея всегда бываютъ мѣры, печальныя для тѣхъ, кого онѣ постигаютъ.

«Законъ воспрещаетъ всякія столпленія на улицахъ и повелѣваетъ, чтобы въ случаѣ нужды они были разгоняемы силою.

«Назначенный сюда по приказанію нашего императора, чтобы помогать досточтимому Святѣйшему Отцу облегченіемъ его правительству способовъ сохранять порядокъ, я обязанъ, какъ командиръ вооруженной силы, наблюдать за соблюденіемъ закона. Какъ бы ни прискорбна была эта обязанность, мы неукоснительно исполнимъ ее при всякихъ обстоятельствахъ. Но я надѣюсь, что понятливость и благоразуміе Римскаго народа облегчатъ мнѣ исполненіе моего долга. *Гойонъ.*»

Въ этой прокламаціи каждое слово дышетъ самою чистѣйшею правдою, тутъ нѣтъ ни тѣни притворства, генералъ Гойонъ никого не хочетъ вводить въ заблужденіе, и изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, онъ одинъ обращается къ своей публикѣ съ словами, вполнѣ заслуживающими довѣрія. Его образъ дѣйствій мы считаемъ наилучшимъ поясненіемъ того, каковы будутъ для итальянцевъ результаты французскихъ побѣдъ въ Италіи при нынѣшней системѣ.

Если бы нынѣшняя система французскаго правительства хотѣла допускать въ Италіи «безпорядки,» въ Римѣ и въ Неаполѣ давно бы произошли перевороты, подобные тому, какой совершился въ Тосканѣ. Стоило бы французамъ сказать въ Римѣ, что они не будутъ стрѣлять по народу, если онъ выразитъ свои чувства, и Римъ давно низложилъ бы папу, и 25,000 римскаго войска пошли бы на усиленіе сардинско-французской арміи. Стоило бы французамъ послать одинъ батальонъ войска въ Неаполь, и тамъ была бы провозглашена конституція или было бы учреждено временное правительство, и 50,000 неаполитанцевъ пошли бы помогать сардинцамъ. По всей южной границѣ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній явились бы итальянскія войска, возстаніе въ нѣсколько дней охватило бы эти владѣнія; австрійскіе отряды, оставшіеся тамъ, бѣжали бы въ Мантую и Верону, а вступившая въ Піэмонтъ армія, отрѣзанная отъ всѣхъ сообщеній, должна бы просто положить оружіе. Въ двѣ недѣли, вся кампанія была бы кончена; французамъ осталось бы только блокировать три-четыре крѣпости, и если бы Австрія не заключила мира, черезъ мѣсяцъ она не существовала бы, потому что и Вѣна, и Пештъ, и Аграмъ, и Прага ждутъ только случая, чтобы разсчитаться съ преемниками Виндишгреца за обманы и свирѣпости. Если бы императоръ французовъ хотѣлъ собственно того, чтобы освободить Италію отъ австрійцевъ, такая политика съ его стороны была бы неизбѣжна. Но цѣль его совершенно не такова. Онъ хочетъ собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская безпорядковъ въ Италіи. Потому Неаполь остается спокоенъ, и Римъ принужденъ оставаться спокойнымъ, и только Флоренція, относительно которой французы не успѣли принять никакихъ мѣръ, не была удержана отъ переворота.

Съ самаго начала нынѣшняго года, люди умѣренной конституціонной партіи старались убѣдить австрійскаго эрцгерцога Леопольда II, царствовавшаго въ Тосканѣ, что если онъ хочетъ сохранить свой престолъ, ему необходимо сблизиться съ Піэмонтомъ и провозгласить себя защитникомъ итальянской независимости. Само собою разумѣется, что онъ отвергалъ эти совѣты; онъ говорилъ, что величайшая уступка, на какую онъ можетъ рѣшиться, будетъ сохраненіе нейтралитета между Австріею и Піэмонтомъ. Неудовольствіе въ народѣ увеличивалось, но Леопольдъ II былъ нѣсколько лучше другихъ итальянскихъ государей, держащихся австрійской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшаго только на его политику. Особенно опаснымъ казался народу генералъ Феррари, главнокомандующій тосканскихъ войскъ, который прежде находился въ австрійской службѣ и пропитался

тамъ антинаціональнымъ направленіемъ. 24-го апрѣля, когда во Флоренціи получено было извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ, жители начали сильнѣе прежняго говорить, что стыдно было бы измѣнять національному дѣлу. Въ этотъ день (пасхальное воскресенье) хотѣли просить герцога, когда онъ пойдетъ изъ церкви во дворецъ, чтобы онъ отставилъ Феррари. Но потомъ стали говорить, что самъ герцогъ увидитъ эту необходимость, и первый день Пасхи прошелъ безъ демонстрацій. Въ понедѣльникъ разыгрывалась во Флоренціи лоттерея, на которую сходится множество народа изъ окрестностей; но спокойно прошелъ и этотъ день, хотя Феррари сдѣлалъ поступокъ, какъ бы нарочно вызывавшій къ возстанію. Братъ одного изъ офицеровъ тосканскаго войска отправлялся волонтеромъ въ Піемонтъ; офицеръ поѣхалъ провожать брата въ Ливорно и обнималъ его при прощаніи. Феррари велѣлъ схватить этого офицера и заковать въ цѣпи; но всѣ другіе офицеры объявили, что вооруженной силой освободятъ заключеннаго. Феррари освободилъ его и тѣмъ кончилось дѣло. Сами австрійцы признаются, что жители Тосканы держали себя съ удивительнымъ самоотверженіемъ, все еще надѣясь, что герцогъ пойметъ свои обязанности къ Италіи. 26 апрѣля срокъ австрійскаго ультиматума кончился; австрійцы готовились перейти Тичино, французы прибыли въ Геную. Флорентинцы увидѣли, что невозможно болѣе медлить. Офицеры и солдаты тосканской арміи начали говорить, что не могутъ измѣнить отечеству и не захотятъ рѣзать народъ. На улицахъ показались трехцвѣтныя итальянскія кокарды. Повсюду слышались крики «да здравствуетъ Италія!» 27-го апрѣля всѣ улицы были наполнены народомъ, но особенно толпился онъ передъ герцогскимъ дворцомъ. Въ цитадели Св. Георгія, господствующей надъ Флоренціей, еще съ августа мѣсяца хранился запечатанный конвертъ. 27-го апрѣля, поутру, въ половинѣ девятаго, эрцгерцогъ Карлъ, сынъ Леопольда, отправился въ цитадель, созвалъ офицеровъ, распечаталъ передъ ними конвертъ и прочелъ содержавшуюся въ немъ бумагу. Она заключала приказаніе бомбардировать Флоренцію, написанное генераломъ Феррари, съ подробными распоряженіями о томъ, какъ производить бомбардировку. Эрцгерцогъ Карлъ спросилъ, много-ли въ крѣпости зарядовъ и сколько орудій можетъ быть наведено на городъ. Комендантъ цитадели отвѣчалъ, что онъ и его товарищи готовы защищать великаго герцога и его семейство, еслибъ членамъ династіи лично угрожала опасность, но не могутъ стрѣлять по народу за то, что онъ высказываетъ чувство національности, раздѣлять которое сама армія считаетъ долгомъ чести. Герцогъ, убѣдившись, что армія не хочетъ начинать междоусобную войну и истреблять городъ, долженъ былъ

отказаться отъ проэкта бомбардировки. Жители Флоренціи, собравшіеся на площади передъ дворцомъ, послали къ Леопольду депутацію, которая убѣждала его, что единственнымъ средствомъ сохранить престолъ своей династіи остается ему отреченіе въ пользу старшаго сына Фердинанда, которому народъ еще можетъ довѣрять, между тѣмъ какъ самому герцогу никто уже не вѣритъ послѣ событій 1849 года. Герцогъ отвѣчалъ, что не откажется отъ власти, и послалъ за маркизомъ Лаятико, однимъ изъ главныхъ людей умѣренной національной партіи, чтобы поручить ему составленіе министерства въ либеральномъ духѣ. Но, посовѣтовавшись съ своими друзьями, маркизъ отвѣчалъ, что необходимо отреченіе великаго герцога въ пользу старшаго сына. Герцогъ и тутъ не согласился, и сталъ готовиться къ отъѣзду. Все это было 28 числа, поутру; около четырехъ часовъ герцогъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ. Толпы народа молча пропускали поѣздъ, не произнося ни одного оскорбительнаго слова. Въ половинѣ осьмаго, вечеромъ, муниципальное начальство города Флоренціи обнародовало, что должно было принять на себя заботу объ учрежденіи новой администраціи, по удаленіи герцога со всѣмъ семействомъ. Временное правительство, назначенное городскимъ начальствомъ, объявило, что Тоскана ввѣряетъ свою судьбу королю сардинскому, вручаетъ ему диктаторскую власть на время войны и проситъ его прислать коммиссара для управленія дѣлами. Сардинскій король отвѣчалъ, что принимаетъ на себя только завѣдываніе военными дѣлами для борьбы съ австрійцами. Вооруженія въ Тосканѣ производятся очень дѣятельно и она усиливаетъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ сардинскую армію. Леопольдъ съ своимъ семействомъ безъ всякихъ затрудненій выѣхалъ за границу и теперь находится въ Вѣнѣ.

Часть герцогства Моденскаго, лежащаго между Сардиніей и Тосканой (Масса и Каррара), также послѣдовала примѣру Тосканы и присоединилась къ Піэмонту въ военномъ отношеніи. Въ остальной части Моденскаго герцогства народъ долженъ былъ оставаться спокойнымъ, потому что слишкомъ близко находятся сильные австрійскіе отряды въ ломбардскихъ областяхъ и въ Феррарѣ. Приближеніе австрійцевъ возстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена дня на два удалиться изъ своихъ владѣній.

Въ Неаполѣ продолжается тревожное ожиданіе потрясеній, которыя должны послѣдовать за смертью Фердинанда II, лежащаго теперь въ медленной и мучительной агоніи.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 (1) мая. Война до сихъ поръ сохраняла чисто политическій характеръ; императоръ французовъ рѣшительно не хочетъ возбуждать революціонныхъ

движеній, и гдѣ можетъ, какъ напримѣръ въ Римѣ, поддерживаетъ существующій порядокъ противъ недовольныхъ. Онъ не довѣряетъ ни народному энтузіазму, ни волонтерамъ, и до сихъ поръ могъ остаться вѣренъ своей мысли, выставлять только солдатъ противъ австрійскихъ солдатъ. Если борьба будетъ сохранять такой характеръ, австрійцы могутъ очень долго тянуть ее, владѣя Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольникъ, образуемый этими крѣпостями, изъ которыхъ особенно сильны Верона и Мантуя, находится въ самомъ центрѣ ихъ итальянскихъ владѣній. Выбить ихъ изъ него будетъ дѣломъ очень труднымъ, если и предположить, что они, потерявъ нѣсколько сраженій, принуждены будутъ отступить до Минчіо и Аддидже въ нынѣшній походъ.

Если война продолжится болѣе одного кратковременнаго похода,—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться,—то нѣтъ ей возможности не распространиться далеко за предѣлы Италіи. Нейтральныя державы, при нынѣшней дипломатической системѣ, по необходимости будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ ближе и ближе втягиваться въ этотъ водоворотъ, пока онъ совершенно увлечетъ ихъ. Въ Западной Европѣ важны въ военномъ отношеніи только Пруссія съ Германскимъ союзомъ, который теперь совершенно подчиняется ея руководительству, и Англія.

О томъ, какую роль въ войнѣ будетъ играть Германія, едва ли надобно говорить. Она будетъ противъ Франціи. Вопросъ объ этомъ только вопросъ о времени и поводѣ открытія военныхъ дѣйствій. И Пруссія, и всѣ второстепенныя державы Германскаго союза уже приготовили свои войска къ выступленію въ походъ, — разумѣется, не противъ Австріи. Германія можетъ выставить на Рейнъ 300,000 войска, кромѣ гарнизоновъ, которые останутся въ крѣпостяхъ по западной границѣ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о войнѣ въ Англіи, но самымъ краткимъ образомъ можно опредѣлить намѣренія Англіи двумя словами: она чрезвычайно желала бы сохранить нейтралитетъ, но предчувствуетъ, что должна будетъ взяться за оружіе для собственной защиты, и въ такомъ случаѣ будетъ вести войну самымъ энергическимъ образомъ. Эти двѣ черты вопроса очень живо и полно выражены въ рѣчахъ, которыя Брайтъ и Робекъ сказали на выборахъ своимъ избирателямъ. Брайтъ выставляетъ первую черту нынѣшняго англійскаго взгляда на войну — гибельность войны, желаніе сохранить миръ, если бы это было возможно, проклинаетъ тѣхъ, кто заставитъ Англію взяться за оружіе. Робекъ говоритъ о томъ, что какъ бы то ни было, война неизбѣжна, и когда она начнется,

Англія страшно накажетъ тѣхъ, кто нарушилъ ея спокойствіе. Мы помѣщаемъ въ приложеніи эти замѣчательныя рѣчи.

Но вотъ коротенькій отчетъ изъ Times'а объ успѣхѣ митинга, который былъ созванъ въ Гайдъ-Паркѣ однимъ изъ немногихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ людей, воображающихъ, что война начата для освобожденія Италіи. Читатель увидитъ изъ этихъ строкъ, какой успѣхъ имѣютъ подобныя мысли въ Англіи.

«Вчера вечеромъ многочисленный митингъ былъ собранъ въ Гайдъ-Паркѣ, съ цѣлью предложить адресъ къ императору Наполеону для выраженія симпатіи императору за образъ дѣйствій, принятый имъ въ итальянскихъ дѣлахъ. Этотъ митингъ былъ созванъ докторомъ Уэббомъ, который и предсѣдательствовалъ. Предсѣдатель, открывая совѣщаніе, сказалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ радикаловъ въ королевствѣ. Изложивъ митингу причину, по которой онъ созванъ, докторъ Уэббъ прочелъ адресъ императору, выражавшій одобреніе ему за образъ дѣйствій, принятый имъ для освобожденія итальянцевъ отъ австрійскаго тиранства. Мистеръ Ментель (одинъ изъ главныхъ людей радикальной партіи въ Лондонѣ) сказалъ тогда рѣчь, объяснявшую, что онъ не вѣритъ императору французовъ. Потомъ мистеръ Ментель предложилъ поправку, осуждающую адресъ доктора Уэбба къ императору Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложеніе доктора Уэбба послать адресъ къ императору французовъ было отвергнуто.»

Мысль о томъ, что при желаніи сохранить миръ, Англія вынуждена будетъ воевать противъ Франціи, давно замѣчалась въ англійскихъ государственныхъ людяхъ всѣхъ партій, тори, виговъ и радикаловъ, Дерби, Пальмерстона и Робека, и высказывалась газетами, которыя въ результатѣ всегда остаются руководительницами событій; но съ особенною силою вспыхнула эта мысль при слухѣ о союзѣ между Россіею и Франціею. Никакія увѣренія англійскихъ министровъ въ томъ, что слухи о русско-французскомъ союзѣ неосновательны, не помогли дѣлу. Англичане остались при мысли, что Франція задумываетъ напасть на Англію, отнять у ней владычество на моряхъ и ищетъ или уже нашла союзниковъ. Эта мысль имѣетъ рѣшительное вліяніе на ихъ расположеніе. Давно уже производились вооруженія, теперь они приняли гигантскій размѣръ, передъ которымъ ничтожны кажутся всѣ вооруженія, сдѣланныя въ крымскую войну.

Начались уже и дипломатическія столкновенія съ Франціею, предшествующія войнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна протестація англичанъ противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойскія Альпы. По трактатамъ 1815 года австрійскія владѣнія

въ Италіи были увеличены собственно съ тою цѣлью, чтобы Австрія вмѣстѣ съ Піэмонтомъ служила оплотомъ противъ попытокъ Франціи къ новому завоеванію Италіи. Чтобы еще больше укрѣпить оборону, было поставлено, что часть Савойи, служившая въ то время обыкновеннымъ путемъ изъ Франціи въ Италію, при всякихъ войнахъ должна оставаться нейтральною и охраненіе ея нейтралитета было поручено Швейцаріи. Когда разнеслись слухи о намѣреніи французовъ идти черезъ Савойю, Швейцарія встревожилась и потребовала объясненій у французскаго правительства. Но противъ Швейцаріи Франція дѣйствительно не имѣетъ пока никакихъ замысловъ и потому Швейцарія могла получить объясненіе, совершенно успокоившее ее. Всѣ недоразумѣнія были уже устранены, когда французскія войска пошли черезъ Савойю, и притомъ шли они по такимъ частямъ этой области, которыя Швейцарія признала не входящими въ границу нейтральности; итакъ она не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на движенія французскихъ войскъ черезъ Савойю. Послѣ этого казалось бы, что Англіи еще гораздо менѣе надобности вмѣшиваться въ это дѣло; однако же она протестовала противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойю, какъ противъ нарушенія нейтральной земли. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что Англія уже пріискиваетъ причины къ объявленію войны при первомъ случаѣ, когда ей покажется, что пора предупреждать опасность, которая, какъ убѣждены англичане, грозитъ имъ.

Императоръ французовъ замѣчаетъ, какъ сильно недовѣріе Англіи къ его намѣреніямъ, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы возстановить доброе согласіе съ ней. Мы не будемъ перечислять всѣхъ маленькихъ и большихъ любезностей, которыя онъ оказываетъ ей съ этою цѣлью, — отъ приказанія освободить отъ карантинныхъ формальностей какого нибудь англичанина, спѣшащаго черезъ Францію воротиться домой съ Востока, до назначенія посланникомъ въ Лондонъ Персиньи, который считается въ Англіи самымъ жаркимъ приверженцемъ англо-французской дружбы. Замѣтимъ только, что въ Тюльери опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, котораго недавно такъ бранили, и говорятъ, что когда онъ сдѣлается министромъ, разрывъ между Англіею и Франціею будетъ невозможенъ.

Говорить такимъ образомъ, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы отъ политики Дерби и Мальмсбери чѣмъ нибудь, кромѣ развѣ большей твердости, значитъ не понимать, что торя и виги расходятся между собою только по вопросамъ внутренней политики, а въ иностранной политикѣ держатся совершен-

неодинаковыхъ началъ. Если бы лордъ Пальмерстонъ замѣнилъ лорда Мальмсбери, иностранная политика Англіи не мало не измѣнилась бы.

Но падетъ ли торійское министерство, замѣнится ли министерствомъ Росселя и Пальмерстона? Это по прежнему зависитъ отъ того, какъ почтутъ нужнымъ дѣйствовать радикалы въ новомъ парламентѣ, который соберется 31 мая. Въ прошедшій разъ мы довели разсказъ о внутреннихъ событіяхъ англійской исторіи до послѣднихъ двей преній о второмъ чтеніи билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинаціями и обстоятельствами было рѣшено пораженіе торійскаго министерства въ прошедшемъ парламентѣ и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопросъ такъ круто, что не могло избѣжать распущенія парламента, потерпѣвъ пораженіе. Намъ остается представить разсказъ о томъ засѣданіи, которымъ была рѣшена судьба министерства и парламента. Это засѣданіе было исполнено интереса, и мы переводимъ письмо лондонскаго корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и въ томъ отношеніи, что читатель довольно подробно можетъ познакомиться изъ него съ нѣкоторыми обычаями англійскаго парламента.

«Палата ожидала замѣчательной рѣчи отъ мистера Д'Израэли, и не ошиблась. Сначала онъ говорилъ о технической сторонѣ вопроса, излагалъ свой билль и защищалъ его. Палата постепенно наполнялась. Герцогъ Кембриджскій, графъ Карлэйль и многіе другіе пэры явились въ залѣ, а между тѣмъ ораторъ начиналъ говорить о личныхъ вопросахъ и одушевлялся страстью. Вотъ онъ извергаетъ громы на своихъ противниковъ сильнымъ, отдающимся по всей залѣ голосомъ; вотъ голосъ его обращается въ звучный шопотъ, достойный мистриссъ Сиддонсъ въ роли леди Макбетъ. Когда онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ министерствомъ лорда Дерби, его голосъ дрожитъ отъ волненія. Тутъ онъ складываетъ на груди руки и говоритъ глухимъ сдержаннымъ тономъ человѣка, рѣшившагося подавлять свое волненіе и негодованіе, какъ Отелло передъ сенатомъ. И вдругъ, съ театральнымъ порывомъ, онъ протягиваетъ руку, указываетъ на лорда Росселя и громкимъ голосомъ съ бурными жестами, будто Цицеронъ, обвиняющій Катилину, объявляетъ, какъ человѣкъ и какъ министръ, что образъ дѣйствій благороднаго лорда производитъ вредное вліяніе на государственныя дѣла. Всѣ эти жесты и быстрые переходы отъ *forte* къ *pianissimo*, эти заученныя модуляціи, трагическіе переливы голоса, различныя позитуры были до того театральны, что не производили должнаго впечатлѣнія. Въ нихъ не было натуральности. На сценѣ былъ замѣчательный актеръ, владѣвшій всѣмъ, кромѣ верховнаго искусства скрывать искуственность. Однако же рѣчь достопочтеннаго джентльмена перерывали довольно

мало, хотя большинство слушателей не соглашалось съ многими изъ его словъ и хотя зрѣлище такого человѣка, какъ мистеръ Д'Израэли, рыдающаго съ замираніями голоса о чемъ бы то ни было, напоминало зрителямъ не столько о трагедіи, сколько о балаганномъ форсѣ. Съ ловкою деликатностью показавъ своимъ слушателямъ, что распущеніе парламента будетъ слѣдствіемъ противнаго министерству рѣшенія, онъ сѣлъ среди криковъ одобренія, производимыхъ энтузіазмомъ 300 джентльменовъ съ голосами, развитыми псовою охотою (*).

«Президентъ предлагаетъ вопросъ. Герцогъ Кэмбриджскій и другіе пэры позорно изгоняются изъ палаты. Песочные часы перевертываются, колокола по зданію звонятъ съ неистовымъ усердіемъ и депутаты устремляются въ залу. (**)

«Президентъ провозглашаетъ «молчаніе» и герольдмейстеръ палаты затворяетъ двери, и каждый членъ, находящійся въ залѣ, уже пойманъ и долженъ подать голосъ, а каждый членъ, оставленный за запертою дверью, долженъ писать къ своимъ избирателямъ объ несчастномъ случаѣ, по которому онъ опоздалъ минутою къ подачѣ голосовъ. Депутаты толпятся у рѣшотки своихъ мѣстъ, какъ рой пчелъ, а въ галлереѣ зрители набиты, какъ сельди. Президентъ предлагаетъ вопросъ, столь мало понятный публикѣ, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ» (***). Джентельмены съ высокими грудями

(*) Читатель знаетъ, что псовая охота служитъ любимымъ наслажденіемъ сельскихъ сквайровъ, составляющихъ главную опору торійской партіи.

(**) Въ англійскомъ парламентѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, находится членовъ, которые не охотники слушать рѣчей, и пока ораторы аргументируютъ, они прохаживаются по корридорамъ, разсуждая о разныхъ предметахъ, или сидятъ въ библіотекѣ и другихъ комнатахъ зданія, занимаясь своими дѣлами, а въ залу собраній являются только къ тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать имъ время собраться, оставляется нѣсколько минутъ между предложеніемъ вопроса и подачею голосовъ. О предложеніи вопроса дается вѣсть по всему зданію звонемъ колокольчика, а промежутокъ времени измѣряется песочными часами. Когда этотъ срокъ кончился, затворяются двери, ведущія отъ депутатскихъ мѣстъ въ корридоры.

(***) Техника, по которой предлагаются въ англійскомъ парламентѣ вопросы, довольно многосложна, такъ что во многихъ случаяхъ большинство англійской публики не поняло бы, въ чемъ дѣло и почему оно ведется такимъ порядкомъ, еслибы газеты не переводили эту технику на вразумительный языкъ. Теперь дѣло шло слѣдующимъ порядкомъ: пренія начались по предложенію Д'Израэли прочесть во второй разъ биль; по парламентской формѣ это выражается слѣдующими словами: канцлеръ казначейства предполагаетъ, «чтобы билль былъ прочитанъ во второй разъ въ палатѣ». Это составляетъ основной вопросъ преній и по немъ направляется ходъ подачи голосовъ. Лордъ Россель предлагаетъ вмѣсто этого свое рѣшеніе, смыслъ котораго тотъ, что билль министерства неудовлетворителенъ. На техническомъ языкѣ это выражается такъ: «депутатъ лондонской Сити предлагаетъ палатѣ выпустить въ предложеніи всѣ слова, стоящія послѣ *чтобы*, и замѣнить ихъ слѣдующими словами....» Итакъ, прежде всего палата должна рѣшить, выпустить ли изъ основнаго вопроса всѣ слова послѣ

и псово-охотничьими голосами воззываются обыкновенною формою: «Вы, говорящіе «да»,—говорите «да!» Они не просто говорятъ «да», они ревутъ его, рычатъ его. Президентъ говоритъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»,—говорите «нѣтъ!» Если бы 330 подполковниковъ съ голосами Стентора скомандовали пли! взрывъ крика не могъ бы быть сильнѣе. Самый тонкій слухъ затруднился бы рѣшить, въ которомъ отвѣтѣ крикъ былъ громче. Президентъ, быть можетъ подозрѣвая на чьей сторонѣ большинство, сказалъ: «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «нѣтъ». Въ отвѣтъ раздалась обычная фраза съ громовымъ крикомъ: «большинство на сторонѣ «да». Тогда президентъ сказалъ: «да» идутъ направо, «нѣтъ» идутъ налѣво. Считать «да» будутъ мистеры».... конецъ фразы былъ заглушенъ шумомъ и хаосомъ (*).

«Собраніе раздѣлилось на два медленные потока, устремившіеся въ противоположныя стороны. Медленно шли слабые, больные, дряхлые члены, принесенные съ постелей въ палату по холодному ночному туману, смѣнившему бурю съ снѣгомъ, бывшую въ тотъ вечеръ. Тихо шли они, разсуждая о рѣчи Диззи (**), о заслоняющемъ собою всѣ другія заботы распущеніи парламента и о большинствѣ въ пользу лорда Джона. Медленно проходилъ каждый передъ секретаремъ и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господъ счетчиковъ при исполненіи ихъ обязанности въ такомъ важномъ случаѣ. Воротясь въ палату, «да» образовали почти непроходимую толпу у рѣшотки, а «нѣтъ»

чтобы. Если она рѣшитъ, что ихъ должно выпустить, тогда она должна будетъ рѣшать, поставить ли на мѣсто словъ, предложенныхъ Д'Израэли и уже отброшенныхъ, слова, предлагаемыя Росселемъ. Ясно, что въ настоящемъ случаѣ эта вторая подача голосовъ будетъ имѣть только формальное значеніе, потому что желать выпущенія словъ Д'Израэли могли только тѣ, которые хотѣли замѣнить ихъ словами Росселя. Итакъ существенную важность имѣла въ настоящемъ случаѣ только первая подача голосовъ о рѣшеніи, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ», т. е. о томъ, удерживается ли основное предложеніе Д'Израэли, «прочесть билль во второй разъ», или отвергается.

(*) Первый способъ подачи голосовъ въ англійскомъ парламентѣ состоитъ въ томъ, что президентъ проситъ согласныхъ съ предложеніемъ сказать «да», потомъ несогласныхъ сказать «нѣтъ»; судя по силѣ звука, онъ говоритъ потомъ, на которой сторонѣ большинство голосовъ. Если сторона, которую онъ объявляетъ меньшинствомъ, сомнѣвается въ вѣрности его догадки, или просто хочетъ, чтобы извѣстны были въ точности силы ея и силы ея противниковъ, она протестуетъ, и тогда президентъ назначаетъ подачу голосовъ «раздѣленіемъ» (*division*). Тогда депутаты, принимающіе предложеніе, выходятъ изъ залы засѣданій въ боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающіе предложеніе — въ боковую залу на противоположной сторонѣ. На той и другой сторонѣ бываетъ по два счетчика (*tellers*); они записываютъ имена, пересчитываютъ ихъ и подаютъ списки президенту.

(**) Фамильярное прозвище, вмѣсто Д'Израэли; Пальмерстона фамильярно зовутъ Памъ; лорда Джона Росселя — Джонни.

столпились около кресла президента. Каждый съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждетъ результата. Наконецъ два джентльмена проходятъ черезъ толпу, стоявшую у рѣшотки; одинъ изъ нихъ, сэръ Уильямъ Джоллифъ, счетчикъ «да», подходитъ къ президенту, шепчетъ ему число «да» и потомъ возвращается къ своему предводителю. Лицо Дизи безстрастно; но сэръ Уильямъ не достигалъ совершенства въ этой школѣ. «Мысли его можно прочесть на лицѣ его», по словамъ поэта. Лицо его печально, и мы видимъ, что онъ считаетъ своихъ побѣжденными. Онъ знаетъ число только своей залы, но по безпримѣрному многолюдству присутствовавшихъ депутатовъ, онъ полагаетъ, что въ засѣданіи было больше 600 членовъ, а онъ не насчиталъ въ своей залѣ и половины этого числа. Бѣдный сэръ Уильямъ, онъ убитъ духомъ и не можетъ скрыть этого! Вотъ по немногу пробиваются чрезъ толпу своихъ счетчики противной стороны и шепчутъ секретарю. Секретарь пишетъ и передаетъ бумагу собирателю депутатовъ оппозиціи (*). Правительство побито. Поднимается страшный гулъ въ палатѣ. Тсъ, тише... объявляются цифры. «Да», на правой сторонѣ—291, «нѣтъ», на лѣвой сторонѣ—330. Раздаются апплодисменты такіе, какъ будто бы 330 подполковниковъ пожалованы кавалерами Бани и получили крымскую медаль изъ рукъ ея величества.

Тишина отчасти возстановлена и президентъ предлагаетъ подачу голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Поднимается мистеръ Уильдъ, продавецъ ландкартъ, имѣющій магазинъ на Черингъ-Кроссѣ, — у него есть поправка въ пользу баллотировки. Начинается сцена крика и свистенія, одна изъ тѣхъ сценъ, какія едва ли можно видѣть гдѣ нибудь, кромѣ Палаты Общинъ, — сцена, которая возбудила бы въ насъ насмѣшку, или даже презрѣніе, еслибы мы прочли, что она происходила въ конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Среди страшнаго вопля можно разслышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Нѣсколько минутъ палата хохотала, когда мистеръ Генри Беркли, очевидно, по совѣту лорда Джона Росселя, встаетъ требовать себѣ нѣкоторой опеки надъ вопросомъ о баллотировкѣ въ палатѣ и представляетъ, что мистеръ Уильдъ повредитъ этому вопросу, требуя подачи голосовъ о немъ несвоевременнымъ образомъ, въ такую минуту, когда палата нетерпѣливо хочетъ подавать голоса о предложеніи лорда Росселя и пожать плоды побѣды. Но шумъ и свистеніе увеличиваются; достопочтенный депутатъ Бристоля (Беркли), ощущая, что его убѣж-

---

(*) *Whipper-in.* И министерская партія, и оппозиція имѣютъ по одному такому члену, спеціальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы вѣчески заботиться собирать какъ можно болѣе депутатовъ своей стороны въ тѣ засѣданія, когда рѣшаются важныя дѣла. Онъ разсылаетъ циркуляры съ просьбами непремѣнно явиться въ палату такого-то числа, ѣздитъ къ лѣнивымъ, ободряетъ больныхъ и тому подобное. Какая энергія нужна для его званія, обозначается его именемъ *Whipper-in*, которое буквально надобно было бы перевести «человѣкъ, загоняющій плетью.»

нія не могутъ быть въ одно время слышны стенографамъ и достопочтенному депутату города Бодмина (Уильду), сидящему позади его, обращается задомъ къ президенту, лицомъ къ нему и ораторствуетъ передъ достопочтеннымъ джентльменомъ съ замѣчательною энергіею жестикуляціи, при хохотѣ палаты, которая не можетъ разслышать ни слова. Мистеръ Мильнеръ Джибсонъ является помощникомъ мистеру Беркли (*).

«Бѣдный мистеръ Уильдъ представлялъ въ эту минуту комическую картину: онъ сидѣлъ угрюмый, озлобленный, упорный, но не совсѣмъ довольный собой. Мистеръ Брайтъ, сидѣвшій прямо впереди него, обернулся назадъ и, кажется, испытывалъ надъ нимъ силу интимныхъ убѣжденій. Лордъ Кингъ и другіе крайніе либералы подошли къ мистеру Уильду и тоже упрашивали его взять назадъ свое предложеніе; но онъ сидѣлъ неподвижно, и страшенъ былъ шумъ и гвалтъ. Мильнеръ Джибсонъ объявилъ, что уйдетъ изъ залы, не подавъ голоса, если достопочтенный членъ не отступится отъ требованія подачи голосовъ о баллотировкѣ.

«Тогда всталъ мистеръ Кле и, засунувъ палецъ за верхнюю пуговицу жилета, въ величественной позѣ ожидалъ, пока пронесется крикъ недовольства, привѣтствовавшій его появленіе, какъ проносится по нивѣ дыханіе вѣтра. Онъ сказалъ: «Сэръ (крики неудовольствія, на время которыхъ умолкаетъ достопочтенный джентльменъ), я думаю (новые крики неудовольствія и новая пауза), я думаю (новые крики, идущіе *crescendo*).» Нѣтъ возможности продолжать. Достопочтенный джентльменъ, покидая свою ораторскую позитуру, скороговоркою предлагаетъ отсрочить преніе. Встаетъ сэръ Джонъ Шелли и подполковникъ съ голосомъ Стентора оказывается слишкомъ 500. Такихъ громкихъ криковъ «не нужно» рѣдко удается слышать.

«Буря достигла страшной силы. Можетъ ли лордъ Джонъ укротить ее? Онъ дѣлаетъ попытку, встаетъ и усиливается сказать что-то палатѣ. Глухой могъ бы быть тутъ наилучшимъ стенографомъ. Всѣ видятъ, что губы благороднаго лорда движутся, что онъ жестикулируетъ,

---

(*) Уильдъ, очевидно, одинъ изъ людей, одержимыхъ ревностью не по разуму: изъ усердія къ баллотировкѣ, онъ своею поправкою едва не погубилъ самого предложенія лорда Росселя и едва не спасъ министерства. Въ прошлой палатѣ, большинство было противъ баллотировки, и заставить подавать голоса о ней, значило заставить многихъ либераловъ подать голосъ вмѣстѣ съ министерскою партіею. Беркли президентъ общества, требующаго введенія баллотировки при выборахъ, и въ парламентѣ имѣетъ роль представителя своей партіи (независимыхъ, виговъ и радикаловъ) по этому вопросу. Мильнеръ Джибсонъ, какъ извѣстно читателю, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ реформеровъ, потому и онъ старается спасти свою партію отъ нелѣпой выходки Уильда. Голоса, требовавшія подачи голосовъ о предложеніи Уильда, конечно, принадлежали торійскимъ депутатамъ, — они надѣялись, что пораженіе баллотировки заставитъ многихъ либераловъ упасть духомъ и вообще разстроитъ ряды ихъ противниковъ.

но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствамъ зрителей. Когда увидѣли, что нельзя отвратить подачи голосовъ, мистеръ Брайтъ, мистеръ Беркли и другіе друзья баллотировки встаютъ и идутъ изъ залы, но и тутъ несчастная судьба преслѣдуетъ ихъ: песочные часы бѣгутъ и послѣдняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующихся депутатовъ успѣла скрыться изъ залы. Депутаты нетерпѣливо кричатъ: «время кончилось» и президентъ былъ принужденъ дать знакъ къ закрытію дверей. Со времени битвы подъ Ватерлоо, когда покойный сэръ Джемсъ Макдональдъ, съ другимъ храбрымъ воиномъ желѣзной силы, руками вытолкнули за ворота Гугумонскаго замка французовъ и заперли за ними ворота, не бывало примѣровъ такого сильнаго мужества, какое было выказано герольдмейстеромъ по командѣ президента: «затворите и заприте двери!» Толпа депутатовъ стремилась въ залу, толпа депутатовъ стремилась изъ залы, когда герольдмейстеръ, схватившись за дверь, разрѣзалъ пополамъ этотъ сонмъ, и осталась въ залѣ половина хотѣвшихъ выдти и не попала въ залу половина хотѣвшихъ войти (*).

Подаются голоса о предложеніи мистера Уильда: «Вы, говорящіе «да» — говорите «да!» Слабъ отвѣтъ. «Вы, говорящіе «нѣтъ» — говорите «нѣтъ!» Не наполнилась ли палата волнами восклицаній?—иначе какъ бы могъ подняться такой ревъ? Разумѣется, предложеніе мистера Уильда отвергнуто; отворяются двери, и толпа врывается снова въ залу. Опять неистово звонятъ колокола и члены спѣшатъ, толкая другъ друга, чтобы не остаться запертыми въ коридорахъ при подачѣ голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Президентъ говоритъ: «мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да.» 50 недовольныхъ тори возражаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ» (**). Президентъ отражаетъ атаку. «Мнѣ ка-

---

(*) Приверженцы баллотировки, зная, что не будутъ имѣть большинства, поспѣшили изъ залы затѣмъ, чтобы имѣть право сказать: мы не участвовали въ подачѣ голосовъ, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было имъ возобновить вопросъ въ другой разъ, когда они успѣютъ расположить въ пользу баллотировки колеблющихся депутатовъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлалъ Беркли. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій онъ выбралъ такую благопріятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинствомъ трехъ голосовъ. Такое слабое меньшинство противъ баллотировки Беркли справедливо назвалъ великимъ успѣхомъ своего дѣла.

(**) Прежде предлагался вопросъ, оставить-ли въ предложеніи Д'Израэли слова, противъ которыхъ предложена поправка Росселемъ; тори должны были отвѣчать «да», т. е. оставить слова Д'Израэли. Большинство рѣшило, что ихъ должно выпустить. Теперь спрашивается, внести-ли въ рѣшеніе слова, предложенныя Росселемъ, и тори должны отвѣчать «нѣтъ». Но сущность дѣла, какъ мы говорили, уже рѣшена первою подачею голосовъ; очевидно, большинство будетъ на сторонѣ Росселя и въ этомъ вопросѣ, потому выгода тори требуетъ уже не доводить дѣла до подачи голосовъ раздѣленіемъ: еслибы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось послѣ первой побѣды присоединеніемъ колебавшихся членовъ прежняго меньшинства. И въ англійскомъ

дается, большинство на сторонѣ «да». Дѣло становится серьезнымъ, министры оборачиваются и бросаютъ умоляющіе взгляды на своихъ приверженцевъ. На этотъ разъ только 25 голосовъ восклицаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ!» — «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да», говоритъ президентъ въ третій разъ. Молчаніе такое, что слышенъ былъ бы полетъ мухи. Президентъ говоритъ: «Большинство на сторонѣ «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такіе долгіе, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматриваетъ на канцлера казначейства. Среди многозначительнаго молчанія онъ предлагаетъ отсрочить засѣданіе до понедѣльника, и тѣ депутаты, которые не раздавлены каретами, въ безчисленномъ множествѣ движущимися у подъѣзда, пошли домой, глубоко размышляя и весело болтая о занимательныхъ эпизодахъ засѣданія.»

Мы говорили, что торійское министерство, потерпѣвъ пораженіе, рѣшилось распустить парламентъ, надѣясь, что общественное мнѣніе не захочетъ видѣть министерскій кризисъ наканунѣ войны и что въ новомъ парламентѣ тори получатъ большинство. Кромѣ нерасположенія англичанъ мѣнять министровъ во время войны или приготовленій къ войнѣ, тори надѣялись на благопріятный исходъ выборовъ потому, что ожидали помощи себѣ отъ всѣхъ тѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, у которыхъ парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества такихъ мѣстечекъ выборы служатъ просто источникомъ дохода, и тори надѣялись, что любовь къ собственному карману заставитъ многія изъ нихъ, прежде бывшія за виговъ, замѣнить прежнихъ депутатовъ своихъ торійскими депутатами, которые будутъ защищать прежнія злоупотребленія. Но еще больше, нежели на благопріятное расположеніе этихъ городковъ, тори надѣялись на прямую покупку ихъ избирателей. Тотчасъ же, какъ рѣшено было распустить парламентъ, торійскіе богачи собрались, чтобы составить подписку «на покрытіе издержекъ по выборамъ», то есть на покупку маленькихъ городовъ. Въ нѣсколько минутъ подписка дошла до 100,000 фунтовъ,—гораздо болѣе полумилліона руб. сер. Подкупы были возведены при нынѣшнихъ выборахъ торическою партіею до размѣровъ неслыханныхъ, колоссальныхъ. Мы въ приложеніи переводимъ изъ Times'а нѣсколько статей, которыя дадутъ читателю понятіе о великости скандала и впечатлѣніи, произведенномъ на англійское общество этимъ нагльмъ безстыдствомъ.

парламентѣ, какъ повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются къ побѣдителямъ, хотя бы прежде и возставали противъ нихъ. Парламентская тактика требовала отъ торійской партіи маскировать то, что она теперь не можетъ имѣть и тѣхъ 291 голоса, которые были на ея сторонѣ въ началѣ засѣданій. Но какъ Уильдъ едва не погубилъ либераловъ излишнимъ усердіемъ, такъ и между тори явились теперь такіе же вредные ревнители.

Но результаты выборовъ не совсѣмъ отвѣчали огромности средствъ, употребленныхъ на подкупъ. Тори все-таки не успѣли пріобрѣсти большинства въ новомъ парламентѣ, — напротивъ либеральныя партіи имѣютъ въ новомъ парламентѣ большинство отъ 60 до 70 голосовъ. Сколько можно судить по нынѣшнимъ извѣстіямъ о характерѣ либеральной половины Палаты Общинъ, чистыхъ виговъ, безусловно идущихъ за Росселемъ или Пальмерстономъ, будетъ въ ней нѣсколько меньше, нежели въ прежней палатѣ, всего около 220 человѣкъ, а радикаловъ, независимыхъ либераловъ и манчестерцевъ, группирующихся около Брайта и Робека, нѣсколько больше прежняго, всего около 150 человѣкъ. Тори будутъ имѣть около 280 голосовъ. Эти цифры еще не совсѣмъ точны, потому что до сихъ поръ подробные разсчеты сдѣланы только по общему распредѣленію голосовъ между министерствомъ и оппозиціею всѣхъ оттѣнковъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, ясно, что ходъ дѣлъ въ Палатѣ Общинъ будетъ по прежнему зависѣть отъ тактики Брайта и Робека, съ тою только разницею, что въ новомъ парламентѣ ихъ прямое вліяніе будетъ нѣсколько сильнѣе прежняго. Падетъ ли министерство Дерби или нѣтъ, это главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ нихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

ВЗГЛЯДЪ АНГЛИЧАНЪ НА ВОЙНУ.

1. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РѢЧИ БРАЙТА КЪ ЖИТЕЛЯМЪ БИРМИНГЭМА 28 АПРѢЛЯ.
(По Times'у).

Выборъ кандидатовъ происходилъ въ залѣ Городскаго Совѣта; въ 11 часовъ вечера были отворены двери залы, вмѣщающей до 7000 человѣкъ, и она наполнилась въ нѣсколько минутъ. Сэръ Рэтклифъ, мэръ бирмингэмскій, предсѣдательствовалъ въ собраніи. Когда мистеры Чольфильдъ (*) и Брайтъ явились на эстрадѣ, ихъ привѣтствовали апплодисментами, продолжавшимися по крайней мѣрѣ 10 минутъ. Мистеръ Экlендъ, напротивъ, былъ освистанъ съ такою же энергіею.

Мистеръ Чольфильдъ первый обратился къ избирателямъ. Послѣ него сталъ говорить мистеръ Брайтъ. Онъ былъ принятъ съ восторженными и продолжительными апплодисментами. Сказавъ нѣсколько словъ о своихъ убѣжденіяхъ, о необходимости реформы и ея цѣли, онъ продолжалъ:

(*) Бирмингэмъ посылаетъ въ парламентъ двухъ представителей. Чольфильдъ, вмѣстѣ съ Брайтомъ бывшій депутатомъ Бирмингэма въ прошломъ парламентѣ, имѣетъ убѣжденія одинаковыя съ Брайтомъ. Виги и тори соединились противъ Брайта и выставили своимъ кандидатомъ Экленда.

«Я говорю, что англійское правительство разорительно, дерзко и публично расточало плоды народнаго труда. Если бы не было такъ, то почему же мы имѣли бы теперь національный долгъ въ 800 милліоновъ фунтовъ, за который вѣчно должны платить каждый годъ 30 милліоновъ фунтовъ процентовъ, почему же мы имѣли бы надобность ежегодно собирать до 70 милліоновъ фунтовъ податей? Развѣ управлять нами такъ затруднительно? Развѣ нужны огромныя арміи и огромные флоты, безчисленная полиція, и колоссальныя издержки на то, чтобы сохранить порядокъ въ нашей землѣ? (крики «нѣтъ!» и апплодисменты). Можно ли указать хотя на одного работника ланкастерскихъ фабрикъ, хотя на одного земледѣльца, хотя на кого нибудь изъ всѣхъ людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, и сказать, что онъ сталъ богаче, лучше или безопаснѣе, благодаря невѣроятнымъ нашимъ расходамъ въ послѣдніе сто лѣтъ? (апплодисменты). Съ парламентомъ, составленнымъ такъ, какъ составленъ теперь вашъ парламентъ, нѣтъ у васъ должнаго обезпеченія за экономію. Знаете ли вы чудовищный фактъ, что нынѣ, завтра и послѣзавтра 47 городковъ, общее населеніе которыхъ не превышаетъ населеніе Бирмингэма, выбираютъ — не двухъ депутатовъ, какъ вы, а 72 депутатовъ въ Палату Общинъ (крики «это стыдъ!» и апплодисменты). Это не представительное правленіе! Предположите, что кто нибудь изъ вашихъ хозяевъ взялъ деньги на плату работникамъ и далъ имъ по одному шиллингу за цѣлую недѣлю, а все остальное какому нибудь привилегированному десятку. Правда, онъ роздалъ всѣ деньги и форма платежа соблюдена, но тѣ, которые получили только по шиллингу, разумѣется, скажутъ, что не дано имъ полнаго вознагражденія за ихъ трудъ, и результатомъ будетъ неудовольствіе, отвращеніе, голодъ и нищета, — такъ и здѣсь. Депутаты выбираются и кто нибудь выбираетъ ихъ, лордъ Нѣкто, сквайръ Нѣкто. Виги и тори дѣйствуютъ по одной системѣ; и если вы введете моего почтеннаго товарища и меня въ слѣдующій парламентъ, то со всѣхъ сторонъ будемъ мы окружены десятками депутатовъ, всѣ избиратели которыхъ, взятые вмѣстѣ, не составляютъ такого числа, какъ тотъ одинъ городъ, представителями котораго мы будемъ (апплодисменты). Надобно сказать еще о баллотировкѣ. Когда я вижу, что теперь дѣлается, — не въ большихъ городахъ, подобныхъ Бирмингэму, а въ маленькихъ городкахъ, — когда я посмотрю, какія приготовленія дѣлаются къ выборамъ, какъ подавляется самостоятельность въ избирателяхъ, какъ о каждомъ независимомъ избирателѣ производятъ обыскъ, не долженъ ли онъ кому нибудь, не оказалъ ли ему кто нибудь услуги, не можетъ-ли кто нибудь привлечь его обѣщаніями или запугать, чтобы этими средствами подѣйствовать на его голосъ, — когда я посмотрю на это, то чувствую, что многіе избиратели въ маленькихъ городахъ захвачены въ такіе тиски, что если осталась въ ихъ груди искра чести, они должны считать себя униженными и пристыженными на всю жизнь (апплодисменты). Едва ли есть на свѣтѣ такая земля, имѣющая представительную систему, въ которой не была бы принята баллотировка. Въ Соеди-

единыхъ Штатахъ, въ австралійскихъ колоніяхъ, во Франціи, въ Бельгіи и въ Сардиніи, выборы производятся баллотировкою. Могутъ сказать, что баллотировка не спасла Францію отъ военнаго деспотизма, или была употреблена орудіемъ при введеніи его въ этой странѣ. Но я скажу вамъ, что пусть будутъ у васъ американскія учрежденія, или нынѣшнія ваши учрежденія, или тѣ, какія прежде существовали во Франціи,—вообще, пусть будетъ какая угодно форма вашего правленія, но если среди васъ находится 400,000 вооруженныхъ людей, единственное ремесло которыхъ война, которые отдѣлены отъ гражданскаго быта, которые живутъ не въ домахъ, а въ палаткахъ или казармахъ, то не будетъ безопасности, — нѣтъ, и на полгода не будетъ безопасности ничему, заслуживающему имя гражданской свободы (аплодисменты). Я стыдился бы недостатка логики въ своей головѣ, еслибы сказалъ, что военный деспотизмъ во Франціи поддерживается или произведенъ всенароднымъ выборомъ. Еслибы право голоса было бы такъ ограничено, какъ при Луи-Филиппѣ, или еще больше ограничено, и явился бы человѣкъ, по какому нибудь наслѣдству, или по личнымъ качествамъ получившій приверженность полумилліона солдатъ, все равно исчезло бы все похожее на свободу (браво, браво!) Перехожу теперь, джентльмены, къ вопросу величайшей важности. Я слышу, что получено изъ Лондона извѣстіе величайшей и печальнѣйшей важности для Европы и для человѣчества. Война, которая четыре мѣсяца приближалась потаенными, но не укрывавшимися ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, шагами, появилась наконецъ во всей своей демонской ужасности.

«Смотрите, стоитъ на горѣ этотъ гигантъ; закрываютъ солнце его развѣвающіеся волосы, пропитанные кровью. Сверкаетъ въ его злодѣйскихъ рукахъ смертоносное орудіе; сожигаетъ глазъ его все, на что устремится.»

See where the giant on the mountain stands,
His blood-red tresses deepening in the sun,
With death-shot glowing in his fiery hands,
And eye that scorches all it glares upon

(аплодисменты). Таково чудовище, являющееся теперь на горизонтѣ, грозящее опустошить, залить кровью, наполнить невыразимыми страданіями города и села безчисленныхъ милліоновъ европейскаго населенія. Что намъ должно дѣлать? Судя по прошедшему, я знаю, что мы станемъ дѣлать. Мы станемъ сначала посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста посредничеству. Мы станемъ немножко одобрять однихъ, немножко стращать другихъ. По немногу мы впутаемся въ дѣла одной стороны такъ, что другая станетъ обвинять насъ во враждѣ и коварствѣ. А тутъ, какое нибудь страшено дѣло будетъ совершено одною изъ воюющихъ сторонъ. Оно будетъ выставлено передъ нами въ истинномъ или грубо-преувеличенномъ видѣ. Если ваше правительство расположено къ войнѣ,

въ лондонскихъ журналахъ найдутся люди, которые будутъ разукрашивать и искажать всѣ факты и разжигать васъ воззваніями иногда къ вашимъ благороднымъ страстямъ, иногда къ низкимъ страстямъ, пока наконецъ наша страна, эта жемчужина изумруднаго моря, которая одна безопасна среди всѣхъ бурь и грозъ, волнующихъ и мучащихъ міръ, будетъ увлечена въ тому, чтобы вмѣшаться въ борьбу, и англійская кровь, и англійскія сокровища будутъ проливаться, какъ проливались прежде по всѣмъ полямъ Европы, гдѣ выигрываются или проигрываются битвы (апплодисменты). Говорятъ, что у насъ есть договоры съ Бельгіей и что если кто станетъ обижать это маленькое королевство, то надобно послать англійское войско на защиту его столицы и его государя. Я не заключалъ такихъ договоровъ, не заключали и вы; и я говорю, что министръ, который хочетъ втянуть Англію въ эту войну, становится виновникомъ въ гнуснѣйшемъ предательствѣ передъ англійскою короною и англійскимъ народомъ (апплодисменты). Но всѣ вы ничего не знаете о намѣреніяхъ вашего правительства. Вы ничего не знаете о переговорахъ. Парламентъ ничего не знаетъ о нихъ. Намъ совершенно неизвѣстно, какія обязательства мы дали тому, кто владычествуетъ въ Парижѣ, или тому, кто владычествуетъ въ Вѣнѣ. Я думаю,—и рекомендую это мнѣніе джентльменамъ другихъ партій,—я думаю, что если бы англійскій народъ имѣлъ справедливое участіе въ составленіи Палаты Общинъ, то по всей вѣроятности наши иностранныя дѣла велись бы съ большею открытостью, съ большимъ прямодушіемъ, съ большею добросовѣстностью и намъ было бы менѣе опасности, проснувшись въ то или другое утро, увидѣть, что наша благородная страна, со всею своею промышленностью, всѣмъ своимъ просвѣщеніемъ, всею своею нравственностью, всею своею религіозностью ввергнута въ ужаснѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ преступленій, изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій (апплодисменты). Еще одно слово по вопросу о войнѣ. Я никогда не отрицалъ, нѣсколько зная человѣческую натуру, зная нѣсколько человѣческую исторію, и никогда не стану отрицать, что иногда человѣческому глазу и человѣческому сердцу кажется, будто есть кажущаяся необходимость брать на себя отвѣтственность за военныя бѣдствія (апплодисменты). Но какова бы ни была, когда нибудь, кажущаяся необходимость войны, пусть каждый изъ насъ держитъ себя такъ, чтобы передъ лицемъ Бога, знающаго всѣ тайны каждаго сердца, могъ быть чистъ въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ при подобныхъ случаяхъ (браво, браво!). Война, по своей натурѣ, разрушительна и анархична; не можетъ быть свободы въ Европѣ, не можетъ быть невозмутимаго или прочнаго мира въ Европѣ, пока великія державы содержатъ 3 или 4 милліона вооруженныхъ людей во время глубокаго мира (апплодисменты). Даже у насъ, въ Англіи, что можетъ быть анархичнѣе и разрушительнѣе войны? Вспомните о войнѣ, въ которую мы были ввязаны съ 1793 до 1815 г. Это былъ періодъ ужаснаго страданія; это былъ также поріодъ полнаго деспотизма. Не было тогда свободы выраженію мнѣній, не было свободы печатному слову, не было

свободы никому, кромѣ развѣ того, кто хотѣлъ превзойти своихъ сосѣдей безумнымъ пристрастіемъ къ войнѣ. И потомъ опять, съ 1815 до 1828, не было свободы въ Англіи, или было почти столько же свободы, сколько теперь у нашихъ сосѣдовъ — французовъ. Изъ года въ годъ было все тоже: тяжелое страданіе, упадокъ промышленности, нищета въ народѣ, постоянные заговоры, тайныя общества, вспышки возмущеній, всяческія опасности для законнаго порядка. Все это было натуральнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ той гигантской и дурной войны, которую вели ваши правители 25 лѣтъ (крикъ «нѣтъ», заглушенный апплодисментами). И вотъ опять война. За этою войною — государственный долгъ; за этимъ государственнымъ долгомъ — увеличеніе налоговъ; за этими налогами — недовольство и всякія опасности въ будущемъ: вотъ что будетъ, если вы позволите вашему правительству хоть на одинъ часъ вмѣшаться въ вооруженный споръ, начинающійся теперь (апплодисменты). Въ Палатѣ Общинъ одинъ изъ министровъ имѣлъ наглость упрекнуть меня, что я говорю во вредъ англійской коронѣ. Меня тутъ не было; но теперь я бросаю ему въ лицо его клевету (долгіе апплодисменты). Англійская корона никогда не подвергнется опасности отъ счастливаго и довольнаго народа (апплодисменты). Посмотрите на другія націи и на исторію прошедшаго: когда корона была срываема съ чьей нибудь головы, когда престолъ былъ низвергаемъ, когда королевское семейство блуждало въ изгнаніи, это бывало не результатомъ справедливой, милостивой и мирной политики, это было наказаніемъ, ниспосылаемымъ отъ Бога на нарушителей его закона, на презрителей его заповѣдей. Недалеко назадъ надобно возвращаться, всего только на пять лѣтъ, чтобы найти объясненіе этимъ словамъ. Вы помните прославляемую осаду Севастополя; вы помните страданія англичанъ, чтобы не говорить мнѣ о страданіяхъ французовъ, русскихъ, турокъ и сардинцевъ. Вы помните, что однажды, когда русскіе аттаковали наши войска, только чудомъ англійскія войска спаслись отъ совершеннаго истребленія. Вы помните раздраженіе общественнаго мнѣнія. Вы помните громы могущественнѣйшей изъ вашихъ газетъ. Вы помните черныя мысли, которыя проносились въ умѣ каждаго, когда одна за другою приходили къ намъ эти вѣсти; помните, какъ люди спрашивали себя, что будетъ съ нашими несчастными солдатами и съ честью Англіи. Предположите же, что случилось то, что едва не случилось, и никто еще не объяснилъ, какъ могло не случиться. Я спрашиваю, кто поручился бы, что при тогдашнемъ расположеніи умовъ сохранился бы порядокъ въ Англіи, хотя на одинъ день, и что не получили бы наши законы удара несравненно болѣе тяжелаго, нежели всѣ опасности, о какихъ помнитъ кто-нибудь изъ насъ (крики «нѣтъ», «да!» и апплодисменты). Нѣтъ, конечно нѣтъ, опасность прошла. Люди забываютъ бурю, едва не потопившую ихъ, едва поставятъ ногу на твердую землю. Но я говорю вамъ, что изъ такихъ событій происходитъ національное неудовольствіе, анархія, паденіе законовъ и совершенная гибель самыхъ уважаемыхъ династій (апплодисменты).

2. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РѢЧИ РОБЕКА ВЪ ШЕФФИЛЬДѢ ПО ОКОНЧАНІИ ВЫБОРОВЪ (по отчету Times'а).

«Прежній парламентъ былъ распущенъ не по государственной надобности, а для частной выгоды (апплодисменты). Въ нынѣшнее время, когда судьба міра рѣшается, не нужно ли вамъ было имѣть твердое и сильное правительство, дѣйствующее отъ вашего имени? (браво! браво!) Но лордъ Дерби и его министерство распустили парламентъ, хотя мы всѣ видѣли угрожающую опасность, и Англія теперь лишена правительства (*). Что же произошло? Каждому, сколько нибудь знакомому съ политикой, было ясно, что въ прошедшую субботу (**) европейскіе деспоты узнали, что получили свободу дѣйствовать по своимъ желаніямъ, и мы всѣ предсказывали, что непосредственнымъ результатомъ этого будетъ война. Что же вышло? мы знаемъ теперь, что въ тотъ же самый день австрійскій ультиматумъ былъ посланъ въ Сардинію. Итакъ, вышла война и поля Италіи обольются кровью. Зачѣмъ же это? Началась война, и что теперь дѣлать Англіи? Друзья мои, мы должны будемъ требовать произведеній вашего труда, чтобы защищать васъ, вашихъ женъ и дѣтей, и великое имя Англія (апплодисменты). Не знаю, что скажетъ на это мой товарищъ (***), потому что онъ одинъ изъ тѣхъ довѣрчивыхъ людей, которые очень полагаются на разсудительность людей. Сколько я знаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ называютъ друзьями мира (хохотъ). Я тоже другъ мира; но между моимъ другомъ и мною та разница, что, по моему мнѣнію, при нынѣшнемъ расположеніи народовъ, Англія должна обнаруживать готовность къ страшному отпору, если хочетъ сохранить миръ (апплодисменты). Не пришло еще то время, чтобы считали хорошимъ, когда ударятъ васъ по щекѣ, подставлять другую щеку (хохотъ). Если кто ударитъ меня, я поквитаюсь съ нимъ (хохотъ и громкіе апплодисменты). И если Англія хочетъ остаться въ мирѣ, пусть она готовится къ войнѣ (браво!). Если за границей будутъ знать, что малѣйшее нарушеніе неприкосновенности англійскихъ владѣній или англійской территоріи повлечетъ за собою немедленное и страшное наказаніе, тогда Англія будетъ безопасна. Но если бы когда случилось, чтобы въ нашемъ Британскомъ каналѣ побѣдоносно плавали француз-

---

(*) Робекъ хочетъ сказать, что министры не знаютъ, одобряетъ ли нація ихъ образъ дѣйствій и какого образа дѣйствій она хочетъ, потому остаются совершенно безсильны, когда нѣтъ парламента.

(**) Т. е. 23 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ.

(***) Другой депутатъ Шеффильда, Гедфильдъ, подобно Брайту говорящій, что война не извиняется ничѣмъ, никогда, кромѣ необходимости отражать врага, вторгающагося въ наше отечество. Гедфильдъ, подобно Робеку—радикалъ.

скій и русскій флоты, что было бы съ вашей торговлею, съ вашей безопасностью, что было бы съ могуществомъ Англіи, съ цивилизаціею человѣчества? Но чтобы эти флоты не могли побѣдоносно приплыть въ Британскій каналъ, это будетъ одною изъ первыхъ моихъ заботъ. Нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ, нѣтъ билля, за который я не подалъ бы голосъ, чтобы сохранить господство англійскаго флота въ Британскомъ каналѣ (громкіе аплодисменты).

В.

О ХАРАКТЕРѢ ВЫБОРОВЪ ВЪ МАЛЕНЬКИХЪ ГОРОДКАХЪ (СТАТЬЯ Times'а 26 АПРѢЛЯ).

«Лордъ Дерби—горячій приверженецъ свободной торговли. Каковы бы ни были его мнѣнія о другихъ пунктахъ либеральной програмы, въ этомъ пунктѣ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій у него открытое, окончательное, полное. Подъ управленіемъ прежнихъ жестокихъ противниковъ Пиля мы получаемъ свободную торговлю во всемъ, даже въ продажѣ голосовъ. Побѣда полновѣснѣйшему кошельку! Начинается битва гиней, какъ начинается битва императоровъ. Идутъ въ продажу маленькіе городки британскихъ острововъ. «Кто купитъ, кто не купитъ? Купите, купите! даемъ 15 фунтовъ за избирателя! Идетъ, 15 фунтовъ,—это дешевле пареной рѣпы!» Избиратели покупаются съ аукціона Керльтонскимъ клубомъ (*). Жаль, что нельзя намъ зажать ротъ аукціонеру. Натурально негодованіе на человѣка, продающаго право первородства за блюдо чечевицы; но мы не должны забывать, что покупщикъ въ этомъ гадкомъ торгѣ хуже продавца. Искуситель хуже искушаемаго, хитрый лоснящійся змѣй гнуснѣе безразсудной красавицы Евы. Такой фактъ, какъ предпринятая теперь покупка маленькихъ городковъ политической партіей, идущей наперекоръ націи, можетъ привести къ заключенію, что эти маленькіе городки—язва, которую надобно безстрашной рукой вырѣзать изъ нашей избирательной системы. Лордъ Дерби и его друзья предпринимаютъ такую покупку. Лордъ Дерби выложилъ свои деньги на столъ. Сумма красива и велика, соотвѣтствуетъ своему предмету и достойна его. Герцогъ Боклью слѣдуетъ за нимъ съ достойнымъ такого примѣра пожертвованіемъ; другіе консервативные магнаты не измѣняютъ своему предводителю, и составляется груда золота, чтобы купить власть надъ правами англичанъ. Страннымъ можетъ казаться на первый разъ, что отъ поведенія немно-

(*) Керльтонскій клубъ центральный избирательный комитетъ торійской партіи.

гихъ избирателей, какими нибудь десятками разсѣянныхъ по 40 или 50 ничтожнымъ городкамъ, зависитъ политика нашего великаго государства;. но это фактъ, и безполезно съ гнѣвомъ отрицать его. Отъ большинства въ Палатѣ Общинъ зависитъ управленіе нашею страною; выборы маленькихъ городовъ рѣшаютъ, на какой сторонѣ будетъ большинство. Батальонъ не армія, но батальонъ можетъ быть поставленъ такъ, что отъ его вѣрности и мужества можетъ зависѣть судьба арміи. У лорда Дерби достало ума понять это. Его разсчетъ могъ бы быть вѣренъ, еслибъ онъ не забылъ сообразить негодованія, какое пробуждается этимъ въ обществѣ. Если ему не удается исполнить на практикѣ свою теорію, ему будетъ худо, а если удастся, то будетъ еще хуже. Мы терпѣливый народъ; не любимъ политическихъ смятеній, хотя вѣчно споримъ о политикѣ. Но есть вопросъ, въ которомъ будутъ совершенно согласны 999 англичанъ изъ 1000. Они не будутъ спокойно смотрѣть на то, что ихъ отечество покупается и продается за 100.000 фунтовъ стерлинговъ. Привиллегія управлять Англіею должна цѣниться дороже.

«Смотрите зорко!» такой долженъ быть лозунгъ каждаго избирателя и даже не избирателя, во время выборовъ. Вся баттарея подкуповъ будетъ направлена на маленькіе города. Мы не можемъ надѣяться остановить ея огонь, но наши усилія могутъ покрайней мѣрѣ лишить этотъ огонь успѣха. Есть у насъ трибуналы въ избирательныхъ комитетахъ Палаты Общинъ, а рѣшенія комитетовъ вообще принимаютъ цвѣтъ общественнаго мнѣнія. Если оно будетъ говорить, что грубое плутовство совершено надъ страной, что предводители политической партіи, лишенные внутренней силы, но занимающіе министерскія мѣста, обдуманно составили планъ подкупать избирателей, сдѣлали для этого большую подписку, употребили хитрыхъ и опытныхъ агентовъ, то комитеты будутъ строги къ повѣркѣ выборовъ. Правда, что открыть подкупъ не всегда будетъ имъ легко, потому что подкупъ обращенъ въ науку и профессора ея хитрѣйшіе люди нашего времени. Они посвятили всю энергію своего ума, всѣ усилія своей жизни на открытіе способовъ прикрывать передачу взятки отъ подкупающаго къ подкупаемому. Они трудились надъ этою проблемою, какъ Ньютонъ трудился надъ проблемою тяготѣнія. Наше спасеніе въ томъ, что есть другая часть общества, обратившая всѣ усилія своего ума, всю свою энергію на преданіе преступниковъ суду. Это только особенная форма вѣчной борьбы между мошенниками и полиціей, а побѣда въ результатѣ не остается за мошенниками.»

(статья Times'а 27 апрѣля).

«Не на большіе города направлены могущественнѣйшія усилія денегъ и происковъ. Нѣтъ, сотня городовъ, скуднѣйшихъ населеніемъ и самыхъ

зависимыхъ по своему положенію, служатъ полемъ настоящей битвы. Выбирите тѣ городки, у которыхъ дѣйствительно хорошій биллъ реформы долженъ отнять депутатовъ, и знайте, что именно въ этихъ городкахъ рѣшается великій конституціонный вопросъ. Къ этимъ милымъ мѣстамъ стремятся политическія сердца. Въ эти почтенныя мѣстности текутъ обильныя рѣки денегъ. Но есть въ нынѣшнихъ выборахъ, превосходящихъ всѣ прежніе развитіемъ плутовства, то утѣшительное обстоятельство, что они очень своевременно раскрываютъ чудовищное зло, лѣкарствомъ отъ котораго должна служить реформа. Въ прокламаціи королевы лордъ Дерби объяснилъ причину къ распущенію парламента. Но быть можетъ еще большей благодарности заслуживаетъ онъ за то, что выставляетъ теперь на видъ всѣмъ характеръ существующей парламентской системы. Честь англійскаго джентльмена съ такимъ упорствомъ переживаетъ періодическое соприкосновеніе съ политическимъ подкупомъ, что въ два года мы почти забываемъ, какъ раждается на свѣтъ Палата Общинъ. Люди любятъ забывать то, о чемъ непріятно вспоминать. Но теперь, какъ только сойдется Палата Общинъ, ей представится вопросъ о томъ, какъ она составилась, и она будетъ хорошо знать положеніе дѣла.

Непріятно указывать на отдѣльные случаи, но исторіи объ избирателяхъ въ маленькихъ городахъ, разносящіяся теперь къ публикѣ, конфузятъ даже крѣпкую совѣсть высокихъ политическихъ людей. Ничѣмъ не насыщаются нѣкоторые изъ этихъ городковъ, собирающихъ теперь, какъ они полагаютъ, свою послѣднюю жатву. Вытянувъ всѣ деньги у кандидата, они прогоняютъ его, чтобы замѣстить болѣе богатою жертвою; производятся два и три побора, каждый въ увеличенномъ размѣрѣ противъ прежняго. Избиратели раздѣлены на разряды десяти-фунтовыхъ, двадцати-фунтовыхъ и пятидесяти-фунтовыхъ, и въ каждомъ разрядѣ ставится за долгъ амбиціи не брать меньше того, сколько слѣдуетъ. На нашихъ страницахъ много избирательныхъ адресовъ и рѣчей, но въ большей части случаевъ это только благопристойное прикрытіе для сдѣлокъ вовсе не высокаго характера. Кандидатъ издаетъ прокламацію и ходитъ по собраніямъ, говоря рѣчи. Но существенное дѣло производится между тѣмъ въ заднихъ комнатахъ людьми, которые не говорятъ рѣчей и едва упоминаютъ о политическихъ мнѣніяхъ. Этимъ нешумнымъ путемъ производится торгъ, неуступающій своимъ размѣромъ дѣламъ англійскаго банка. Нынѣшніе выборы будутъ стоить издержекъ, — преступныхъ и гибельныхъ издержекъ,—въ цѣлый милліонъ фунтовъ стерлинговъ. О такихъ фактахъ нечего много разсуждать. Каждый изъ нихъ замѣняетъ цѣлые томы доказательствъ. Краснорѣчивый ирландскій проповѣдникъ вмѣсто того, чтобы сказать проповѣдь о пожертвованіяхъ на сиротскую школу, взошелъ на каѳедру и только указалъ на небо, на несчастныхъ сиротъ, на тарелку для сбора и сошелъ съ каѳедры; и никогда еще не бывало такого сбора. Такъ и теперь, когда будетъ вопросъ о реформѣ, не нужно будетъ говорить, нужно будетъ только указать однимъ словомъ на общеизвѣстные факты. Будемъ же благодарить лорда Дерби

за картинное пояснение нашего конституціоннаго порядка. Нынѣшніе выборы — альбомъ сценъ въ духѣ реформы. Трагическая муза Шекспира изобразила сцену французскихъ пировъ и англійскихъ молитвъ въ ночь наканунѣ Азенкурской битвы. Мистеръ Чарльзъ Кинъ пояснилъ это изображеніе двумя эффектными картинами. Лордъ Дерби принялъ на себя санъ трагической музы и представилъ намъ картину выборовъ въ наглядное поученіе, что чѣмъ скорѣе и чѣмъ радикальнѣе преобразуемъ мы такой парламентъ — тѣмъ лучше.»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ТЕМЗА.

.... Und es herrscht der Erde Gott — das Geld.
Schiller.

Чтобы увидать Лондонъ съ-разу съ самой характеристической и съ самой величественной его стороны, слѣдуетъ пріѣхать сюда не по желѣзной дорогѣ, а на пароходѣ, который идетъ съ материка прямо въ Темзу и останавливается въ самомъ сердцѣ города, у Сити, около Лондонскаго моста. Такъ совѣтуютъ всѣ, бывавшіе въ Лондонѣ, и купцы, и туристы,—и я не раскаялся, что послѣдовалъ этому совѣту. Лучшаго пункта для перваго знакомства съ Лондономъ точно не можетъ быть.

Парижъ покидалъ я не безъ нѣкотораго удовольствія: мнѣ успѣли очень надоѣсть—и его наружная суета безъ внутренняго движенія, и его празднично-беззаботный и въ тоже время стройно-казарменный видъ, и его легкое умѣнье покоряться обстоятельствамъ, и его легкое раздраженіе, мгновенно вспыхивающее и мгновенно погасающее, и его прогрессивные и ретроградные журналы, настроенные однимъ камертономъ, и его лихорадочные толки о войнѣ и биржѣ,

и его оффиціальныя брошюры съ либеральнымъ оттѣнкомъ, который никого не обманываетъ и тѣмъ не менѣе всѣхъ удовлетворяетъ, и проч., и проч., и проч., о чемъ печально вспомнить, потому что Парижъ все-таки славный городъ, и его любишь по преданію, и желаешь ему всѣхъ благъ мира, свѣта и свободы, вдобавокъ къ этому ясному, безоблачному небу и яркому, теплому солнцу, которые такъ ласково, такъ по-лѣтнему грѣли его въ послѣдніе дни передъ моимъ отъѣздомъ.

Только этого солнца и было мнѣ жаль, когда я уѣзжалъ. Я зналъ, что не увижу его такимъ свѣтлымъ и дружелюбнымъ сквозь лондонскій дымъ и туманъ.

Въ два часа по полудни, 18 февраля по новому стилю, отправился я по Сѣверной желѣзной дорогѣ въ Булонь. Въ полночь долженъ былъ отплыть изъ Булони лондонскій пароходъ, на который я запасся въ Парижѣ билетомъ.

Уже на полдорогѣ можно было поручиться, что морской переѣздъ нашъ не будетъ особенно спокоенъ. Выходя изъ вагона на станціяхъ, не мѣшало покрѣпче придерживать шляпу на головѣ: вѣтеръ дулъ очень непривѣтливо.

Все общество кареты, въ которой я сидѣлъ, отправлялось, какъ и я, въ этотъ же вечеръ въ Англію, и разговоръ нашъ невольно принялъ мрачный медицинскій характеръ. Каждый сообщалъ подробныя свѣдѣнія о вліяніи разныхъ морей на свой желудокъ и предлагалъ средства отъ «морской скуки». Только юная француженка, никогда не бывавшая на морѣ, не могла принять дѣятельнаго участія въ этихъ разсужденіяхъ и съ тоской прислушивалась къ совѣтамъ опытныхъ людей. Одинъ считалъ за лучшее тотчасъ уйти въ каюту и лечь въ постель; другой говорилъ, что никакъ не слѣдуетъ сходить въ каюту, а напротивъ оставаться на палубѣ, и никакъ не лежать, а сидѣть; третій совѣтовалъ подкрѣпляться коньякомъ; четвертый рекомендовалъ воду, какъ средство, облегчающее давленіе подъ ложечкой, и т. под. Неизвѣстно было, кого слушать. Если не вѣрнѣе, то пріятнѣе всѣхъ для исполненія былъ совѣтъ одного изъ двухъ нѣмцевъ, ѣхавшихъ въ Лондонъ чрезъ Парижъ изъ Гамбурга. Нѣмецъ утверждалъ, что никакъ не слѣдуетъ отправляться въ море съ тощимъ желудкомъ. «Скажу по опыту, говорилъ онъ: — для небольшихъ морскихъ переѣздовъ хорошій плотный ужинъ и хорошій плотный обѣдъ съ приличнымъ количествомъ вина — радикальное средство отъ морской болѣзни.»

Въ десять часовъ вечера пріѣхали мы въ Булонь, и омнибусъ тотчасъ же перевезъ насъ со станціи желѣзной дороги на набережную,

къ пароходной пристани. Неопытная спутница наша вѣроятно тутъ уже почувствовала тошноту. Вѣтеръ вылъ, какъ сумасшедшій, и сшибалъ съ ногъ; темное море шумѣло по-зимнему. Но пароходъ нашъ «Альбіонъ» еще не топился, и намъ оставалось цѣлыхъ два часа, чтобы «принять свои предосторожности», какъ выражался мой сосѣдъ, гамбургскій нѣмецъ.

Выборъ мѣста для принятія этихъ предосторожностей былъ довольно затруднителенъ. Едва успѣли мы выйти изъ омнибуса, насъ обступили гарсоны изъ всѣхъ прибрежныхъ гостинницъ, выхваляя свой ужинъ и свои вина. Ихъ было человѣкъ двѣнадцать и повидимому ни одинъ не боялся, что его прохватитъ, въ тонкомъ куцомъ фракѣ и безъ шапки, морской вѣтеръ.

Прежде чѣмъ принять чье-либо приглашеніе, мы съ нѣмцемъ рѣшили снести свои дорожные мѣшки на пароходъ и занять тамъ мѣста. Въ каютѣ былъ накрытъ длинный столъ; но ничто не располагало тутъ къ ужину: и освѣщеніе было печальное, и скатерть не снѣжной бѣлизны, и отъ печки пахло угольнымъ чадомъ, waiter смотрѣлъ мрачно и молчаливо, входилъ и уходилъ, словно хотѣлъ съ-разу дать почувствовать каждому континентальному туристу, что у него нѣтъ ничего общаво съ французскимъ garçon, и что веселое лицо и вѣжливыя фразы приличны развѣ такимъ вѣтрогонамъ, какихъ мы оставили на берегу.

«Не правда ли, въ немъ есть что-то внушающее (imposant), хоть видъ у него и плюгавый?» замѣтилъ мнѣ нѣмецъ, укладывая въ футляръ свою шляпу и надѣвая фуражку. «Подумаешь, что онъ пропитанъ чувствомъ человѣческаго достоинства, и потому держитъ себя такъ почтенно. Я, какъ человѣкъ опытный, скажу вамъ: вы этимъ не обольщайтесь! Головой поручусь, что онъ такой холопъ, какого не скоро прінщешь на континентѣ, до мозга костей пропитанъ холопствомъ. Поэтому и глядитъ онъ такъ мрачно, поэтому и молчитъ такъ упрямо. Вѣдь осмѣлься онъ улыбаться при джентльменѣ, посмѣй говорить съ нимъ почеловѣчески, — да какой же онъ будетъ послѣ этого лакей? Мы здѣсь ужь въ Англіи, и вы съ этого субъекта можете начать изучать англійскіе нравы.»

Мнѣ стало досадно на моего спутника за его рѣзкій приговоръ, и я почувствовалъ даже какое-то угрызеніе совѣсти, будто я былъ виноватъ передъ безвинно осужденнымъ стюартомъ, что не нашелъ его съ-разу чрезвычайно привлекательнымъ. Увы! потомъ, когда я ближе увидалъ англійскую прислугу и короче узналъ ее, я не разъ

вспоминалъ замѣчаніе нѣмца и находилъ его не совсѣмъ невѣрнымъ. Но объ этомъ послѣ.

«Что же касается до англійской кухни, продолжалъ разговорчивый нѣмецъ: — знакомство съ нею не совѣтую вамъ начинать здѣсь. Вы получили превратное понятіе о британскомъ ростбифѣ. Пиво, можетъ быть, здѣсь и порядочное; но по моему съ Франціей надо проститься бутылкой бордо, и потому — пойдемте! Выберемъ ту гостинницу, гдѣ въ окнахъ больше свѣту.»

Гарсоны все еще сновали по берегу; но ни одинъ изъ нихъ не угодилъ намъ въ чичероне. Особенно ярко свѣтились окна какого-то hôtel de Paris, а можетъ быть и hôtel de Londres, и мы поспѣшили туда по мокрому, хрустящему песку берега. Свѣтъ не обманулъ насъ: мы нашли просторную теплую комнату съ большимъ растопленнымъ каминомъ, горячій супъ, вкусные котлеты, порядочное вино и отличный бри.

«Итакъ здоровье наше обезпечено на два, на три часа качки!» сказалъ мой спутникъ, ставя свою чашку кофе на мраморную доску камина и придвигая къ огню кресла. «Я думаю, лучше всего теперь закурить сигару и посидѣть спокойно. На пароходъ намъ еще рано, а въ бюро паспортовъ мы можемъ и не идти сами, если дадимъ по полуфранку гарсону. Онъ сбѣгаетъ туда съ нашими паспортами и получитъ билетъ (permis d'embarquer), безъ котораго насъ не пустятъ на пароходъ. Французскій полицейскій, я думаю, ужь помѣстился тамъ, чтобы преградить дорогу каждому безпаспортному.»

Гарсонъ точно обдѣлалъ все мигомъ и принесъ намъ билеты. Мы отправились на пароходъ минутъ за десять до срока и нашли тамъ всѣхъ пассажировъ въ полномъ комплектѣ. На палубѣ было холодно, и потому тутъ суетилась преимущественно пароходная прислуга, уставляя, прикрывая цыновками и увязывая груды ящиковъ, сундуковъ и чемодановъ. Со всѣхъ сторонъ слышались ужь отрывистыя англійскія фразы. Большая часть пассажировъ убралась въ каюту. Ужинъ со стола исчезъ, на диванахъ явились постели, надъ диванами койки. Два-три француза уже совершенно раздѣлись, сидѣли въ постеляхъ и повязывали себѣ головы пестрыми фулярами; мрачный стюартъ сонно двигался отъ койки къ койкѣ, разставляя умывальныя чашки. Изъ числа нашихъ парижскихъ спутниковъ нигдѣ не оказывалось только другаго гамбургскаго нѣмца.

«Это странно!» замѣтилъ мнѣ его землякъ. «Онъ ужь видно слишкомъ усердно послѣдовалъ моему совѣту относительно предосторожностей. Я еще давича на берегу хватился его, хотѣлъ звать ужинать

вмѣстѣ; но его и слѣдъ простылъ. Онъ видно прямо изъ вагона отправился въ трактиръ.»

Еще не чувствуя желанія спать, я закутался потеплѣе и вышелъ опять на палубу. Суеты было тутъ уже меньше: вся тяжелая поклажа была на мѣстѣ. Пароходъ шумно топился, и большая стрѣлка на большомъ, освѣщенномъ сзади циферблатѣ часовъ надъ зданіемъ пароходной компаніи на берегу, показывала безъ трехъ минутъ двѣнадцать.

Едва успѣлъ я сѣсть на лавочку около спуска въ каюту, на палубу торопливо взбѣжалъ потерянный нами изъ виду нѣмецъ. Онъ задыхался отъ усталости и черезъ силу тащилъ въ рукахъ и подъ мышками свою поклажу: два большихъ дорожныхъ мѣшка, картонку со шляпой и зонтикъ съ тростью, связанные вмѣстѣ.

Я спросилъ его, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ. Онъ мрачно отвѣчалъ мнѣ охрипшимъ голосомъ:

«Ахъ, не спрашивайте! Столько было бѣготни! Потомъ все разскажу....» И исчезъ въ каюту.

Часы на берегу начали громко бить полночь. Лѣстницы и переходы встащили на пароходъ, и онъ качнулся, зашумѣлъ и двинулся. Минуты черезъ три мы были уже въ морѣ. Оно было темно и безпокойно, и качка не заставила себя ждать.

Собесѣдникъ мой нѣмецъ скоро опять присоединился ко мнѣ, чтобы имѣть право закурить сигару, чего въ каютѣ, конечно, не позволяется. Я тотчасъ же спросилъ его, что̀ за бѣда стряслась надъ его землякомъ.

«Главная бѣда, что онъ долженъ теперь улечься въ постель съ пустымъ желудкомъ», отвѣчалъ нѣмецъ: «и его начало ужь мутить. А желудокъ у него пустъ оттого, что онъ смотритъ на міръ слишкомъ съ высшей точки зрѣнія. Съ этой точки ему показалось достаточнымъ чувствовать себя честнымъ человѣкомъ да уложить въ чемоданъ свое бѣлье, чтобы переправиться съ континента въ Англію. А между тѣмъ здѣсь о душевныхъ качествахъ его не спросили, а потребовали описаніе его наружныхъ примѣтъ. Съ своей высшей точки зрѣнія онъ это описаніе забылъ въ Парижѣ, и сколько ни увѣрялъ здѣсь, что у него и съ описаніемъ и безъ описанія все такой же носъ, и такіе же глаза, и такіе же рыжіе бакенбарды, и такая же бородавка надъ лѣвой бровью—ничто не помогло. Пришлось бѣжать къ консулу и будить его, а консулу вставать и будить своего секретаря, а секретарю вставать и писать, что у господина такого-то, котораго онъ видитъ въ первый разъ въ жизни, носъ обыкновенный,

глаза сѣрые, бакенбарды рыжіе, особая примѣта—бородавка и проч. и что поэтому его можно отпустить въ Англію. Съ этой цидулой надо было бѣжать въ бюро паспортовъ и получить тамъ, взамѣнъ ея, билетъ. Хорошо еще, что консулъ со сна не сердитъ, и что въ бюро всѣ требованія ограничиваются описаніемъ примѣтъ, а то моему земляку пришлось бы и на пароходъ сегодня не поспѣть. Что закусить онъ не успѣлъ, это само собою разумѣется. И вотъ человѣка теперь мутитъ. Онъ думалъ, что въ безпаспортный Лондонъ ѣдетъ, такъ его и здѣсь безъ паспорта пропустятъ. Нѣтъ, дудки! Здѣсь порядокъ — прежде всего. И принять предосторожностей отъ морской болѣзни нельзя, если не выправилъ, какъ слѣдуетъ, паспорта.»

Словоохотливый нѣмецъ долго еще, пока не докурилъ сигары, распространялся о французскомъ порядкѣ и англійскомъ безпорядкѣ, и о преимуществахъ—не знаю, перваго ли надъ вторымъ, или втораго надъ первымъ: иронія его касалась и того и другаго. Рѣзкій вѣтеръ начиналъ уже пробирать меня, пароходъ сильно качался, море обдавало мнѣ по временамъ лицо холодными брызгами. Берегъ Франціи, блѣдно обрисовывавшійся во мракѣ, наконецъ совсѣмъ исчезъ. Смотрѣть было не на что, да было пора и спать. Крѣпко держась за рампу, спустился я въ каюту, гдѣ уже началась во всѣхъ углахъ извѣстная музыка. Безпаспортный нѣмецъ страдалъ, кажется, больше всѣхъ: онъ не успѣлъ и раздѣться какъ слѣдуетъ, и лежалъ на постели въ жилетѣ и панталонахъ.

Около подушки на койкѣ № 18, которая была занята мною, стояла наготовѣ глиняная чашка; но она, къ счастію, мнѣ не понадобилась. Размышляя о томъ, будетъ ли меня тошнить, или не будетъ, я скоро крѣпко заснулъ, и когда проснулся, пароходъ уже не колебался, словно стоялъ на мѣстѣ. Въ маленькое оконце надъ моей койкой смотрѣло утро.

Я поспѣшилъ одѣться и вышелъ изъ душной каюты. Вѣтеръ утихъ, но утро было холодно. Солнце еще не грѣло, и то и дѣло пряталось то въ разорванныхъ сѣрыхъ облакахъ, носившихся по небу, то въ дымномъ столбѣ нашего парохода. Тамъ и сямъ виднѣлись вдали сѣрые паруса, тонкія иглы мачтъ, пароходныя трубы съ длинными хвостами дыма. Впереди сквозилась въ туманѣ, который одѣвалъ даль, темная гряда англійскаго берега.

Пока я сидѣлъ на воздухѣ и глядѣлъ на море, поднялись съ коекъ всѣ пассажиры, и мой нѣмецъ первый явился наверхъ, чтобы сообщить мнѣ объ отлично проведенной ночи и услыхать отъ

меня похвалу своему средству. «За то взгляните на моего земляка! сказалъ онъ съ искреннимъ состраданіемъ: — на чемъ лица нѣтъ. Вотъ что значитъ пускаться въ море безъ ужина....»

И точно — на землякѣ не было лица. Онъ, впрочемъ, не столько жаловался на французскую полицію, сколько на французско-англійское море. Остальные пассажиры скоро оправились и съ большимъ усердіемъ принялись за завтракъ, состоявшій, какъ прилично всякому порядочному англійскому завтраку, изъ ростбифа, ветчины, бараньихъ котлетъ и чернаго, какъ сусло, чая, съ жидкимъ, какъ вода, молокомъ, съ горячими хлѣбцами и съ жареными тостами.

Страсть англичанъ къ такому черному чаю можно объяснить развѣ только ихъ пристрастіемъ вообще ко всему крѣпкому, ѣдкому и острому. Чѣмъ болѣе похожъ чай цвѣтомъ на крѣпкій кофе, тѣмъ онъ для англичанина лучше. Вслѣдствіе этого страннаго вкуса, половина Англіи пьетъ подкрашенный чай, и здѣсь нисколько не удивительно прочесть на окнѣ очень порядочнаго чайнаго магазина, какъ рекомендацію товару, что «листъ не подкрашенъ.» Извѣстно, что чѣмъ лучше чай, тѣмъ труднѣе настаивается; изъ любви къ темному цвѣту, большинство пьетъ, стало быть, дурной чай. Если онъ ужь и безъ того дуренъ, то понятно, каковъ будетъ онъ, если его подкрасить да приправить какими нибудь духами.

Между тѣмъ какъ мы занимались чаемъ и прочимъ, пароходъ шелъ себѣ да шелъ впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и взмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца, какъ бы онъ ни былъ пропитанъ современной способностью nil mirari.

Темза судоходна на протяженіи ста-восьмидесяти-восьми англійскихъ миль и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья сорокъ пять съ половиною миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Будущее чудо морей, Левіаѳанъ, выстроено чуть не въ самомъ Лондонѣ, и ему будетъ легче выйти съ отливомъ въ

море, чѣмъ было сойти съ подмостковъ верфи. Ни одному изъ кораблей, доходящихъ до Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ навстрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся можетъ быть въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загорожденные лѣсами мачтъ и черными зданіями верфей. Но ни справа, на холмахъ Кентскаго графства, ни слѣва, на плодородныхъ равнинахъ Эсекса, не видали еще мы той изумрудной зелени, которою такъ хвалится Англія и которою начали уже при мнѣ одѣваться широкія поляны и пригорки лондонскихъ парковъ.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій виднѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушовку.

Приближаясь къ гревзендской пристани, «Альбіонъ» замедлилъ шагъ; отъ пристани отчалила лодка и скоро пристала къ пароходу. По сброшенной съ него лѣстницѣ на палубу къ намъ взобралось нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ, или, лучше сказать, одинъ таможенный чиновникъ съ нѣсколькими, не имѣющими ничего оффиціальнаго, помощниками. Да и самъ глава ихъ нисколько не былъ похожъ на тѣхъ employés, съ которыми мы разстались во Франціи. Онъ смотрѣлъ мирнымъ гражданиномъ, не принималъ важной посадки и походки, не возвышалъ голоса. Можно было подумать, что ему совѣстно безпокоить пассажировъ, тогда какъ на другихъ таможняхъ обыкновенно кажется, что пассажиры нарушаютъ покой чиновниковъ и что чиновники дѣлаютъ имъ особенное одолженіе, перерывая ихъ сундуки и чемоданы съ пасмурнымъ оффиціальнымъ видомъ. За скромность и совѣстливость толстаго господина съ большими свѣтлыми бакенбардами, пріѣхавшаго изъ Гревзенда ревизовать насъ, можно было примириться съ странной необходимостью отпирать чемоданъ и показывать, что тамъ, кромѣ бѣлья и платья, ничего нѣтъ.

Отъ Гревзенда начинается постоянное сообщеніе съ Лондономъ посредствомъ небольшихъ пароходовъ. За нѣсколько пенсовъ можно пріѣхать погулять по гревзендскимъ холмамъ, и маленькіе пароходы никогда не бываютъ пусты. Съ ранняго утра и до поздней ночи бѣ-

гаютъ они вверхъ и внизъ по рѣкѣ, останавливаясь почти у каждой пристани и высаживая и забирая пассажировъ. Раскрашенныя разными цвѣтами въ клѣтку, невысокія трубы, по которымъ лондонскій житель издали узнаетъ, куда отправляется пароходъ, къ морю ли, или вверхъ по Темзѣ, стали часто встрѣчаться намъ. Дальше рѣка кишитъ этими пароходами. Одни плывутъ къ Гревзенду и завозятъ желающихъ въ Гриничъ, въ Вульвичъ; другіе, исполняя совершенно должность омнибусовъ, везутъ пассажировъ отъ Лондонскаго моста къ Sommerset-House, къ Вестминстеру, къ каждому слѣдующему мосту, и вонъ изъ Лондона, мимо мѣстечекъ Челси, Путнея и Фульгама, сливишихся съ нимъ, вдоль живописныхъ береговъ, убранныхъ садами, парками и виллами, до Ричмонда и Кью, гдѣ воду Темзы еще можно пить и она непохожа на тѣ черные помои, въ которые превращается у Сити.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили; но тутъ и берега и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только-что спустившихся съ подмостокъ мастерской и готовившихся къ такому же испытанію, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудами каменнаго угля и рыбачьи челноки съ крашенными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все больше куталась въ туманъ. Изжелта-сѣрыя волны его плыли и на насъ, и когда мы поравнялись съ Вульвичемъ, то есть проѣхали еще двѣнадцать миль отъ Гревзенда,—солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и разстилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Кто-то изъ пассажировъ нашего парохода, толпившихся на палубѣ, справедливо замѣтилъ, что нельзя придумать лучшаго аккомпанимента къ извѣстной пѣсни: «Rule, Britania, the wares!»

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остовы и ребра кораблей; но ни

людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тьмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжкой работы нельзя было разглядѣть, и тѣмъ грознѣе казался безустанный и неумолчный грохотъ этого невидимаго движенія. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затмѣніи, и у каждаго изъ работающихъ подъ этимъ негрѣющимъ солнцемъ, безъ отдыха и безъ надежды на отдыхъ, остановится въ горлѣ второй стихъ горделиваго народнаго гимна, который не сложился бы безъ ихъ темной работы.

Къ вульвичской верфи примыкаетъ и громадный морской арсеналъ, въ которомъ хранится чуть ли не двадцать пять тысячъ орудій и милліона три пушечныхъ ядеръ.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволь, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вестиндскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и поворачивая дальше вправо на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналомъ и бассейнами доковъ.

Мы стали огибать мысъ. Старое имя его Isle of Dogs (Собачій островъ), давно пора бы замѣнить инымъ и, чтобы не переиначивать много, назвать его — Isle of Docks (Островъ доковъ). Думаютъ, что названіе «Собачій» дано было ему въ то время, когда въ Гринвичѣ, который лежитъ прямо насупротивъ, на выгибѣ праваго берега Темзы, была королевская резиденція, а на мысу жили придворныя охотничьи собаки. Теперь такъ же не живетъ собакъ на островѣ, какъ въ Гринвичѣ королей, и если гринвичскій дворецъ, который строили себѣ расточительные Стюарты, занятъ теперь и называется госпиталемъ, а не дворцомъ, то почему же бы не переименовать и Собачьяго острова?

Скоро увидали мы и Гринвичъ, и его знаменитый дворецъ—госпиталь для морскихъ инвалидовъ, которыхъ помѣщается тутъ до трехъ тысячъ. Изящный фасадъ его съ колоннами и куполами обращенъ на рѣку, и не заслоненъ, къ счастью, темными торговыми постройками. Просторная терраса идетъ отъ него къ Темзѣ.

Немного дальше, у смежнаго съ Гринвичемъ Дептфорда, еще госпиталь, но уже не въ пышномъ дворцѣ, а въ большомъ разснащен-

номъ кораблѣ, который стоитъ тутъ на якорѣ. Огромная надпись на немъ: Seamen's Hospital, не можетъ не кинуться въ глаза каждому, плывущему по Темзѣ. Матросы всѣхъ націй принимаются въ эту надводную больницу, и Dreadnought (такъ именуется корабль) стоитъ за свое теперешнее назначеніе гораздо большаго уваженія, чѣмъ какимъ пользовался когда-то за свое участіе въ трафальгарской битвѣ.

Въ деревнѣ Дептфордъ, какъ извѣстно всякому русскому, работалъ на верфяхъ Петръ Великій. Прежде чѣмъ мы миновали ее, всѣ пассажиры нашего парохода, ѣхавшіе въ Лондонъ въ первый разъ, насторожили вниманіе. Мы приближались къ громадѣ Левіаөана, ожидающаго окончательной отдѣлки (которая и производится быстро и съ успѣхомъ), чтобы двинуться въ океанъ съ четырьмя тысячами пассажировъ. Желѣзные бока его такъ высоко поднимаются изъ воды, что намъ приходилось закидывать голову, чтобы видѣть ихъ борты. И теперь уже, несмотря на свою безжизненность и неподвижность, Левіаөанъ кажется какимъ-то баснословнымъ чудовищемъ. Что же будетъ, когда палубы его съ площадями и улицами каютъ, и салоны, равняющіеся палубамъ линейныхъ кораблей, наполнятся народомъ, когда вмѣсто маленькихъ лодокъ, висящихъ у боковъ теперешнихъ кораблей, онъ привѣситъ къ себѣ два винтовыхъ парохода и двадцать небольшихъ судовъ, большею частью съ палубами, мачтами и парусами, и пуститъ клубы дыма изъ своихъ широкихъ трубъ, и спокойнымъ ходомъ пойдетъ по бурному морю, въ то время, какъ такіе пароходы, какъ нашъ Альбіонъ, будутъ качаться и заплескиваться волнами, и изъ всѣхъ каютъ будутъ слышаться «Erbrechen, Fluchen und Beten», какъ говоритъ Гейне! Левіаөанъ обезпеченъ не только отъ сильной качки, но и отъ огня и крушенія. Горѣть ему нельзя, потому что въ немъ нѣтъ ни куска дерева; весь корпусъ его двойной, и еслибъ дно и бока разбились, корабль все таки не погибъ бы, потому что у него остаются другое дно и другіе бока. И какъ подумаешь, что онъ построенъ не изъ тщеславныхъ видовъ, какъ строится еще очень многое въ нашъ прославленный положительностью вѣкъ, что это дѣло коммерческаго разсчета и частной предпріимчивости, нельзя не изумляться страшному развитію промышленныхъ силъ народа, способнаго на такія гигантскія предпріятія. Постройка этой громады стоила и стоитъ еще многихъ милліоновъ; но чтобы понять, что эти милліоны не только не пропадутъ, но и принесутъ огромные барыши, достаточно вспомнить, что на одномъ углѣ, который Левіаөанъ станетъ запасать разомъ въ приличномъ количествѣ, будетъ чистаго выигрыша чуть ли не двад-

цать тысячъ франковъ въ каждый проѣздъ въ Америку и обратно. И съ какой быстротой производятся здѣсь эти несокрушимыя постройки! Хрустальный дворецъ выросъ въ одинъ годъ, на Левіаѳанъ понадобилось менѣе пяти лѣтъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише, когда мы оставили за собой Левіаѳана, коммерческіе доки съ частоколомъ мачтъ за закоптѣвшими зданіями берега налѣво и вестъ-индскіе доки съ такимъ же частоколомъ направо. Темза становилась своею суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога съузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Числю имъ—легіонъ, хотя можетъ быть только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальные пристаютъ въ докахъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

«Мы теперь въ такъ-называемой Лужѣ (Pool),» сказалъ мнѣ мой спутникъ-нѣмецъ, стоявшій со мною рядомъ на палубѣ. «Названіе очень характеристическое. Посмотрите, по какимъ черниламъ мы плывемъ! Весь Лондонъ снабжаетъ Темзу грязью и помоями, и только нынче поняли, что это не способствуетъ благорастворенію воздуха. Что ни говорите, успѣхи цивилизаціи, быстротѣ которыхъ мы такъ дивимся, совершаются очень туго. Надо было Лондону простоять слишкомъ тысячу лѣтъ, чтобы сообразить, что изъ дряни, которая, накопляясь въ рѣкѣ, способна произвести чуму, можно извлечь серьёзную пользу. Положимъ, тысячу лѣтъ тому назадъ думать объ этомъ было раненько; но ужь лѣтъ-то за сто можно было бы догадаться. Нѣтъ, подождали, чтобы лѣтомъ нельзя было не только ораторствовать, но даже и дышать въ парламентѣ. Порядочный джентльменъ считаетъ постыднымъ пройтись и по Лондонскому мосту; а объ этихъ черныхъ вонючихъ переулкахъ, которые примыкаютъ къ Темзѣ, и говорить нечего; а попробовалъ бы онъ подышать здѣсь даже и сто лѣтъ тому назадъ. Теперь, какъ стало вонять въ парламентѣ, начали не бось придумывать и обсуждать мѣры, какъ бы помочь горю. Помочь однакожь, по моему, не очень-то легко. Положимъ, трубы, которыя выливаютъ теперь всѣ нечистоты въ Темзу, будутъ направлены въ противную сторону; да вѣдь дна-то у нея ужь не вычистить. Лужа останется лужей, и Фебъ, какъ говоритъ нашъ Шиллеръ, никогда не будетъ отражать въ ней сво-

его золотаго лика. — Вы, однако, не пропустите безъ вниманія вонъ этой широкой и приземистой сѣрой башенки направо. Это входъ въ туннель подъ Темзу, и мы какъ разъ плывемъ надъ любознательными путешественниками, которые осматриваютъ его теперь. Кромѣ ихъ, посѣтителей у туннеля мало. Налѣво такая же башенка; но ея не видать. Мы вѣдь сами плывемъ подъ туннелемъ дыма, чада и тумана.»

Я не отсталъ отъ любознательныхъ путешественниковъ, о которыхъ говорилъ мой спутникъ, и впослѣдствіи посѣтилъ туннель. Заплативъ пенни пошлины у входа въ башенку, я одиноко спустился по широкой и удобной лѣстницѣ въ глубокую шахту, ведущую къ подводному ходу. Только внизу попалось мнѣ человѣка три-четыре. Они тихо входили по лѣстницамъ, смотрѣли по сторонамъ, на стѣны. Это были, видимо, праздные зрители, какъ и я. Подъ круглыми, свѣтлыми отъ газу сводами туннеля, проходя изъ конца въ конецъ, я встрѣтилъ не больше двадцати прохожихъ. Изъ нихъ, я думаю, и половина не шла тутъ по необходимости. Правда, было воскресенье; маленькія лавчонки съ дешевыми товарами, которыя помѣщаются между арками, раздѣляющими туннель на двѣ улицы, были заперты, кромѣ одной лавки съ пивомъ, апельсинами и пряниками. Но возвращаться въ туннель въ будни не стоило: достаточно справиться у будочки сборщика пенсовъ, сколько доставляетъ туннель ежегоднаго сбору, чтобы увѣриться, что и въ шумные будничные дни, когда надъ этими подводными сводами давка въ Лужѣ Темзы, здѣсь тихо и пусто. Всего около пяти тысячъ фунтовъ собирается ежегодно съ прохожихъ туннеля. Стало быть, въ день имъ пользуется круглымъ числомъ съ небольшимъ три тысячи человѣкъ. Что значитъ эта цифра для Лондона, гдѣ по Блэкфрейрскому мосту проходитъ ежедневно пѣшкомъ больше шестидесяти тысячъ, а по Лондонскому мосту до девяноста тысячъ человѣкъ, и проѣзжаетъ по одному болѣе трехъ съ половиной, а по другому около пяти съ половиною тысячъ омнибусовъ, извощичьихъ каретъ, фуръ и проч.

Туннель строился тоже не для однихъ пѣшеходовъ. Для нихъ назначены неширокіе тротуары по бокамъ обѣихъ улицъ туннеля; но срединѣ мостовая для лошадей и экипажей. На рисункахъ до сихъ поръ не рѣдкость увидать экипажъ подъ сводами подводной дороги; но это только на рисункахъ. Страшная сумма, убитая на постройку туннеля, (онъ стоилъ 613,000 фунтовъ), должна бы была увеличиться чуть не вдвое, еслибъ вмѣсто широкаго колодца, которымъ спускаются теперь въ туннель пѣшеходы, сдѣлать къ нему проѣзжій спускъ. Сколько домовъ пришлось бы покупать и сламывать на обо-

ихъ берегахъ, сколько срывать земли! Но едва ли не вдвое скорѣе окупились бы тогда издержки, хотя бы и выросли вдвое.

Мысль устроить въ этомъ мѣстѣ подводное сообщеніе между двумя берегами Темзы была очень практична, и неуспѣхъ ея произошелъ лишь оттого, что она исполнена только на половину. Тутъ нельзя было построить моста, не загородивъ этой громадной гавани, которая тянется отъ моря къ самому сердцу города; а между тѣмъ сообщеніе было тутъ необходимо. Въ началѣ вѣроятно никто изъ строителей и не разсчитывалъ на пѣшеходовъ. Человѣку безъ тяжелой ноши за плечами, безъ телеги съ поклажей, и легче и дешевле переправиться черезъ Темзу на лодкѣ: во-первыхъ, не нужно спускаться по сотнѣ ступеней подъ землю, потомъ опять подниматься; во-вторыхъ вмѣсто пенни въ одинъ конецъ на лодкѣ можно проѣхать два конца за полпенни. И поэтому стаи лодокъ, которыя снуютъ надъ туннелемъ взадъ и впередъ по Темзѣ, ловко шныряя подъ самымъ носомъ пароходовъ, всегда полны пестрымъ народомъ; а туннель вѣчно пустъ. Между тѣмъ тому движенію, для котораго онъ строился, туннель не помогаетъ. Можетъ быть онъ и оживился бы, еслибъ могъ быть мѣстомъ прогулки; но для этого много препятствій. Въ суетливыхъ и нищенскихъ кварталахъ, къ которымъ онъ примыкаетъ, народу не до прогулокъ. Да если и есть часъ досуга бѣдному труженику, онъ захочетъ взглянуть на зелень, на солнце, не проникающее ни однимъ лучомъ въ вѣчныя потемки его тюрьмы-мастерской, и не пойдетъ онъ, и не поведетъ своихъ чахлыхъ дѣтей подъ душные своды туннеля. Для мелкихъ подводныхъ торгашей, собирающихъ скудную дань съ малочисленныхъ прохожихъ, воскресенье должно быть истиннымъ праздникомъ. Они могутъ запереть свои лавчонки и выйти изъ газоваго свѣта на Божій свѣтъ и изъ подвальной духоты на свѣжій воздухъ. Даже чадный туманъ Сити кажется свѣжимъ воздухомъ по выходѣ изъ туннеля. Пройдя его изъ конца въ конецъ, я почувствовалъ стѣсненіе въ груди и торопливо взбѣгалъ по спиральной лѣстницѣ, чтобы поскорѣе выйти вонъ. Правда, въ туннель не проникаетъ копоть, окрашивающая въ траурный цвѣтъ всѣ зданія Лондона, и гладкія стѣны и своды его такъ чисты, какъ будто только-что смазаны глиной и выбѣлены; но зато вверху иногда дуетъ вѣтеръ съ моря и посреди вредныхъ испареній и дыма проносится же иногда струей, если не чистый, то все-таки дѣйствительно свѣжій воздухъ, и, признаюсь, для меня темныя стѣны лондонскихъ переулковъ показались, по выходѣ изъ туннеля, отраднѣе его опрятныхъ сводовъ.

«Прорытіе подводнаго хода подъ Темзой можетъ считаться вы-

сочайшимъ торжествомъ инженернаго искусства...» Такъ или въ родѣ этого говорятъ всѣ описанія лондонскаго туннеля. Признаемъ за нимъ это значеніе, примиримся съ его непрактичностью и воротимся на Темзу.

Домà или лучше сказать черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ и доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ то и дѣло осторожно входили или пароходъ или парусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзенда.

Въ безчисленной стаѣ кораблей, жавшихся къ берегамъ и двигавшихся по рѣкѣ, глаза невольно останавливались на судахъ съ углемъ изъ нью-кестльскихъ копей. Они были самой темной тѣнью въ сѣрой панорамѣ, окружавшей насъ: черные бока, черныя палубы, черныя снасти и черные люди. «Изъ грозной и мрачной глубины каменно-угольныхъ копей (говоритъ одинъ нѣмецкій путешественникъ) возникло промышленное, а чрезъ него и политическое величіе Англіи. Отнимите у британскихъ острововъ ихъ каменный уголь, влейте золото, серебро, алмазы въ темныя шахты, наполните ихъ всею монетой, которую начеканили съ сотворенія міра дурные и добрые государи, — они не замѣнятъ воспалимой искры, которая таится въ углѣ и возбуждаетъ, истощаясь сама, тысячи новыхъ жизненныхъ силъ. Еслибъ англійскій народъ не владѣлъ неистощимыми угольными мѣсторожденіями, онъ стоялъ бы все на томъ же мѣстѣ, какъ и за тысячу лѣтъ, былъ бы только маленькимъ островнымъ населеніемъ, бѣднымъ, безсильнымъ, забытымъ, обреченнымъ довольствоваться вѣчно-скудными произведеніями своей почвы и невѣрными дарами окрестнаго моря.»

Не остановимся, однакожь, на этихъ словахъ, какъ на окончательномъ выводѣ, и не забудемъ, что безъ предпріимчиваго генія въ самомъ народѣ пласты каменнаго угля лежали бы и донынѣ неприкосновенными подъ землей и не замѣнили бы съ лихвой грудъ золота.

«Легко сваливать на природу вину собственнаго неразумѣнія», продолжаетъ тотъ-же путешественникъ. «Взгляните на нашу землю!

На ней мало, очень мало такихъ пространствъ, которыя, какъ большія пустыни въ жаркихъ странахъ или безотрадныя ледяныя равнины у полюсовъ, не могли бы представить какого нибудь невѣдомаго клада, таящаго въ себѣ будущность цѣлаго народа. Что дала природа британскому народу столь великаго, чего не могли бы назвать своимъ и многія другія націи? Но какъ воспользовалась британская раса тѣмъ, что дано ей природой, сравнительно съ другими племенами? Почва ея раститъ теперь лучшія въ Европѣ породы хлѣба: зерно англійской пшеницы отличите вы въ тысячѣ другихъ зеренъ; изъ угольныхъ копей своихъ, словно волшебною силой, вызвали британцы величайшее промышленное государство всѣхъ вѣковъ; море, омывающее ихъ скалистые берега, превратили они въ мостъ, по которому предпріимчивый геній ихъ мчится во всѣ страны свѣта. Вода, земля, воздухъ и огонь! Все тѣже древнія стихіи, и онѣ-то послужили матеріаломъ англійскому величію» (*).

— Что это за зданіе? спросилъ кто-то за мной.

— Гдѣ? Направо? Это Лондонскій Замокъ (Tower), отвѣчалъ мой нѣмецъ. — Не правда ли, эта мертвая старина какъ-то некстати здѣсь, рядомъ съ самой живой современностью? Только мѣсто занимаетъ. Тутъ можно бы очень удобно устроить складочные магазины для табаку, чаю или вина.

И точно,—все вокругъ такъ полно суетливой жизни, такъ предано неутомимымъ насущнымъ заботамъ, (какова бы ни была ихъ цѣль— тысячи ли фунтовъ барыша, или черствая корка хлѣба), что вниманію некогда оторваться отъ настоящаго и думать о прошломъ, хотя безъ этого прошлаго мы не увидали бы этого настоящаго такимъ, какимъ видимъ его теперь. Притомъ у Товера съ рѣки нѣтъ ничего ни особенно величественнаго, ни особенно вѣющаго стариной. Онъ реставрированъ послѣ недавняго пожара, и высокія гладкія стѣны его съ четырьмя башнями по угламъ не потемнѣли еще отъ копоти, которая такъ скоро придаетъ почтенный древній характеръ лондонскимъ зданіямъ.

На рвы, стрѣльчатыя вороты, круглыя башни и массивныя стѣны Товера надо взглянуть съ другой стороны. Тамъ, не развлекаясь шумомъ и суетой настоящаго дня, вы невольно вспомните темную исторію замка и станете съ должнымъ благоговѣніемъ смотрѣть на эти башни, изъ которыхъ въ каждой разъигралась не одна кровавая быль. Въ одной башнѣ удавлены дѣти Эдуарда, въ другой сидѣла Дженъ Грей въ ожиданіи казни, въ третьей убитъ Генрихъ VI, въ

(*) *Max Schlesinger, Wanderungen durch London. Bd. II. (Berlin, 1853).*

четвертой лилось вино; а не кровь, но и вино тутъ было невесело: въ бочкѣ его захлебнулся братъ короля Эдуарда IV. Подъ землей, на которой стоитъ Товеръ, легли цѣлыя груды обезглавленныхъ тѣлъ, и между ними Анна Боленъ, Джепъ Грей, Катерина Говардъ и проч. и проч. поэтической и не поэтической памяти жертвы. Въ собраніи рѣдкостей, показываемыхъ въ Товерѣ всякому желающему за шиллингъ и за шесть пенсовъ, хранится и топоръ, подъ которымъ попадала большая часть этихъ злополучныхъ головъ, и орудія пытки, которыхъ попробовали многіе, прежде чѣмъ понесли свои головы на плаху.

Скоро ли отживетъ свой вѣкъ, какъ Товеръ, и это огромное зданіе вблизи его съ большою террасой на рѣку, съ тремя подъѣздами и тремя выступами, украшенными колоннами, безъ которыхъ не обходится въ Лондонѣ ни одно зданіе, какъ скоро имѣетъ притязаніе на красоту и важность? Это Custom-House. Разъ шесть онъ сгаралъ, и столько же разъ строили его снова на томъ же мѣстѣ, и вѣроятно еще нѣсколько поколѣній пройдутъ, прежде чѣмъ онъ превратится въ этнографическій музеумъ или что нибудь подобное.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и London-Bridge съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно-морской жизни. За его сводами видны вдали своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ, третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь, не проѣдешь. Тихо движутся по срединѣ громадные возы, чудовищные омнибусы съ тѣсно положенными на ихъ крышахъ людьми, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массой съ пароходовъ имъ навстрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣнье выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то еще неиспытаннаго одиночества. Какъ ни осязательно-дѣйствительны эта неугомонная жизнь, это неутомимое движеніе, въ нихъ есть что-то сказочно-фантастическое для непривычнаго зрителя, можетъ быть отъ этого тумана, лежащаго на всемъ,

можетъ быть отъ этого мутнаго багроваго солнца, лучи котораго безсильно тонутъ въ немъ.

Если взглянуть отъ Лондонскаго моста вдоль по Темзѣ на ея берега, они кажутся выставленными и загроможденными какими-то угрюмыми развалинами: такъ черны и грязны эти практическія постройки, кирпичныя стѣны которыхъ спускаются къ самой водѣ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы взглядъ не встрѣтился съ трубой, кидающей клубы чернаго дыма словно на зло упрямому при своемъ безсиліи солнцу. Справа, въ Соутваркѣ, этомъ приростѣ Лондона съ шестью стами тысячъ жителей, трубы фабрикъ, заводовъ и пивоваренъ подымаются изъ-за прибрежныхъ зданій высокими колоннами и обелисками, и не вставай надъ ними дымные столбы и облака, можно бы подумать, что все это какіе нибудь памятники въ родѣ такъ называемаго монумента въ Сити, воздвигнутаго въ воспоминаніе о большомъ лондонскомъ пожарѣ.

Можетъ быть картина выигрыла бы въ красотѣ, еслибъ берега рѣки обложить гладкимъ камнемъ, обсадить деревьями, испестрить цвѣтниками, застроить изящными дворцами и проч. Тогда и воздухъ не былъ бы такъ сѣръ, и туманъ не лежалъ бы на рѣкѣ такъ упорно, и дымъ не мѣшалъ бы солнцу свѣтить такъ же ярко, какъ оно свѣтитъ надъ истоками Темзы. Но такихъ красивыхъ картинъ не мало на свѣтѣ и безъ Лондона, и онѣ не придали еще ни одному городу того прочнаго величія, какое дала Лондону эта мрачная и унылая обстановка.

Впрочемъ и у этой мутной Темзы Сити была пора романтической красоты. Воды ея были настолько прозрачны, что могли отражать въ своемъ зеркалѣ и берега и корабли. Корабли были немногочисленны, но берега зеленѣли бархатной муравой и пышными садами, пестрѣли красивыми домами и дачами, однимъ словомъ, могли удовлетворить вполнѣ самаго взыскательнаго любителя украшенной природы или искусства, что̀ было по тогдашнимъ эстетикамъ одно и тоже. Роскошно-убранныя гондолы и праздныя parties de plaisir вытѣснены темными отъ копоти пароходами и дѣловымъ движеніемъ, и жалѣть объ этомъ никому не приходитъ въ голову. Правда, лордъ-мэръ, вступая въ должность, катается еще каждую осень на разукрашенныхъ лодкахъ отъ Сити до Вестминстера; но и ѳту комедію, надо предполагать, постигнетъ скоро участь знаменитой процессіи обрученія венеціанскаго дожа съ моремъ. Какъ ни крѣпко, какъ ни по-китайски держится англичанинъ за свою старину съ мишурными мантіями и париками, придется же наконецъ ихъ бросить: ужь не говоря о Пончѣ, кто втихомолку не смѣется надъ этимъ пыльнымъ хламомъ?

Кому любопытно взглянуть на тотъ Лондонъ, который имѣлъ поползновеніе быть похожимъ на Венецію, тому надо подняться вверхъ по Темзѣ къ великолѣпному дворцу, выстроенному лордомъ Соммерсетомъ и слывущему донынѣ подъ именемъ Sommerset-House, хотя отъ первоначальной постройки въ немъ не осталось и слѣда. Въ этомъ мѣстѣ Темза начинаетъ уже понемногу утрачивать свой чернорабочій характеръ, и Соммерсетскій Дворецъ не загороженъ лѣсомъ мачтъ. Длинный фасадъ его въ итальянскомъ вкусѣ, съ рядами колоннъ, съ широкой террасой, съ надводными арками, составляетъ, вмѣстѣ съ величественнымъ, несмотря на всю свою причудливость, зданіемъ парламента, лучшее архитектурное украшеніе верхней части Темзы.

Но пароходъ нашъ уже причалилъ. Носильщики взваливаютъ себѣ на спину ящики и чемоданы, вѣрный собесѣдникъ мой нѣмецъ совѣтуетъ мнѣ остановиться въ одной съ нимъ гостинницѣ, въ Сити, пока не пріищу квартиры, и мы уже на твердой землѣ. Подъ большимъ широкимъ досчатымъ навѣсомъ въ родѣ сарая, куда мы входимъ прямо съ парохода вслѣдъ за носильщиками, чиновникъ, сидящій въ маленькой будочкѣ, около выходныхъ дверей, смотритъ, на всѣхъ ли вещахъ у насъ есть таможенные билетики, и мы прямо изъ дверей попадаемъ чуть не въ объятія толстаго краснощекаго извощика, который и принимаетъ нашу поклажу въ свою допотопную карету. Грязный узкій переулокъ круто поднимается въ гору.

«Glück auf!» говоритъ нѣмецъ. «На Темзу совѣтую вамъ возвратиться еще разъ. Днемъ вы ее видѣли: посмотрите теперь вечеромъ. Кстати же и гостинница наша въ двухъ шагахъ отъ London-Bridge.»

Рано наступаетъ вечеръ въ Лондонѣ. Иногда и цѣлый день не что̀ иное, какъ сплошные сумерки, и въ лавкахъ узкихъ улицъ съ утра горитъ газъ. Какъ фонари у каретъ, у маленькихъ омнибусовъ-пароходовъ зажигаются по два красныхъ или зеленыхъ глаза и, словно блудячіе огоньки, мелькаютъ то тамъ, то сямъ, то встрѣчаясь, то обгоняя другъ друга, въ сырой мглѣ. Долго еще не смолкаетъ на рѣкѣ движеніе, но скоро грохотъ на Лондонскомъ мосту становится слышнѣе, чѣмъ шумъ внизу, у его тяжелыхъ сводовъ. Вмѣсто судовъ оживляются смрадные переулки, ведущіе къ нимъ, печальные пріюты бѣдности и разврата.

Днемъ, глядя на кипучую дѣятельность надъ Темзой, на этотъ всесвѣтный рынокъ, куда всѣ концы земли прислали свои товары (wo vier Welten ihre Schätze tauschen), вы изумляетесь невиданному богатству, и забываете о столь же невиданной нищетѣ, живущей съ нимъ бокъ-о-бокъ. Ночью, когда утихаетъ рѣчная жизнь и начинает-

ся глухое движеніе въ смежныхъ съ Темзой лохмотныхъ (ragged) кварталахъ, невольно приходятъ на намять горькіе стихи «поэтовъ бѣдности», которыхъ ни одна литература не насчитаетъ столько, какъ англійская, и мысль невольно останавливается на дорогой цѣнѣ, которою покупается такъ называемое «промышленное величіе» народовъ....

O God! that bread should be so dear,
And flesh and blood so cheep! (*)

(*) «Господи! что это — какъ дорогъ хлѣбъ, и какъ дешевы людское тѣло и кровь!» *Томасъ Гудъ.*

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВУЛЬВИЧСКІЙ АРСЕНАЛЪ И ПУШКА ЭРМСТРОНГА.

Говорятъ, что нейтральныя державы, предвидя изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи въ нынѣшнюю компанію, приготовились настаивать и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ о начатіи мирныхъ переговоровъ тотчасъ же по вступленіи французовъ въ Миланъ. Трудно полагать, чтобы эти усилія прекратить войну имѣли успѣхъ, пока силы враждующихъ сторонъ еще не истощены до послѣдней крайности. А если война не кончится однимъ походомъ, то при нынѣшней дипломатической системѣ она не можетъ не вовлечь въ свой водоворотъ тѣ государства Западной Европы, которыя имѣютъ претензію возвышать голосъ во всѣхъ политическихъ столкновеніяхъ. Пруссія очевидно желала бы не начинать войны; но она такъ тѣсно связана съ Нѣмецкимъ Союзомъ, а Нѣмецкій Союзъ такъ тѣсно связанъ съ Австріею, что каждая новая побѣда французовъ приближаетъ минуту, когда Германія подъ предводительствомъ Пруссіи вступится за Австрію. Когда же война вспыхнетъ на Рейнѣ, Англія въ свою очередь не удержится отъ участія въ ней. Силы континентальныхъ державъ измѣряются очень легко: нужно только заглянуть въ какія нибудь статистическія таблицы, чтобы сосчитать количество солдатъ, которыхъ можетъ поставить подъ ружье Пруссія, Нѣмецкій Союзъ, Австрія, Франція. Нужно вычесть изъ нихъ то число, какое должно остаться дома для охраненія внутренняго порядка, и мы знаемъ силу, какую каждое изъ этихъ государствъ можетъ выказать въ войнѣ. Могущество Англіи опредѣляется не такъ легко. По численности ея арміи передъ началомъ войны нельзя судить о томъ, сколько людей будетъ имѣть она подъ знаменами во время войны. Можно только знать по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ,

что съ каждымъ новымъ годомъ армія Англіи на театрѣ войны увеличивается въ числѣ, между тѣмъ какъ числительность другихъ армій обыкновенно уменьшается съ каждымъ походомъ. Но количество солдатъ, которымъ можетъ располагать Англія, вовсе не составляетъ главнаго элемента ея военной силы. Давно извѣстно, что деньги, въ которыхъ она никогда не будетъ чувствовать недостатка, придавали ей военное могущество гораздо болѣе значительное, нежели какого слѣдовало бы ожидать, судя только по числу ея солдатъ. Но теперь есть еще третій источникъ военной силы, которымъ особенно превосходитъ Англія всѣ другія государства. Техническія усовершенствованія въ оружіи, развивающіяся передъ нашими глазами, утроиваютъ силу того войска, которое располагаетъ ими. Теперь сознали вездѣ необходимость вооружить штуцерами всю пѣхоту. Но ни Австрія, ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ средствъ дать хорошіе штуцера каждому своему пѣхотинцу; эту возможность имѣетъ только Англія. Еще важнѣе соотвѣтственное измѣненіе въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій. Послѣ крымской войны найдено средство дѣлать нарѣзныя пушки, какъ незадолго передъ тѣмъ было придумано средство дать воину нарѣзное ружье, которымъ прежде пользовался только охотникъ. Какъ простое ружье безсильно противъ штуцера, такъ артиллерія, употреблявшаяся до сихъ поръ, становится безсильна противъ нарѣзныхъ орудій. У французовъ есть теперь нѣсколько пушекъ нарѣзной системы, и хотя онѣ очень малы калибромъ и очень дурны по своему устройству, онѣ уже были одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣды при Монтебелло. Каково же должно быть дѣйствіе нарѣзныхъ орудій несравненно лучшаго устройства и несравненно большаго калибра, которыми владѣютъ теперь одни только англичане? Арсеналы и литейные заводы всегда обнаруживали очень сильное вліяніе на ходъ войны, но только теперь начинается эпоха совершеннаго перевѣса артиллерійскихъ средствъ государства надъ всѣми другими элементами военнаго могущества. Поэтому, чтобы знать, какую роль будетъ играть въ начинающейся войнѣ Англія, надобно познакомиться съ положеніемъ ея артиллерійскихъ средствъ. Съ этою цѣлью мы переводимъ изъ Times'а двѣ статьи: во-первыхъ, описаніе Вульвичскаго арсенала; во-вторыхъ, разсказъ Эрмстронга, изобрѣтателя знаменитой новой пушки, объ устройствѣ и дѣйствіи его орудія. По прочтеніи этихъ статей остается неизгладимое впечатлѣніе, что всѣ военныя дѣйствія до вмѣшательства англичанъ будутъ только прелюдіею къ тѣмъ событіямъ, которыя должны произойти въ случаѣ вмѣшательства англичанъ. Англія не желаетъ воевать, но если ошибки континентальныхъ дипломатовъ принудятъ ее воевать,

страшное истребленіе ждетъ тѣ несчастныя арміи, которыя вызовутъ противъ противъ себя англійское войско съ его энфильдскими штуцерами и эрмстронговыми баттареями. И что страннѣе всего, это справедливая увѣренность англичанъ, что источникъ ихъ военнаго могущества огражденъ отъ всякаго соперничества со стороны другихъ націй не какимъ нибудь секретомъ, а просто тѣмъ, что другія націи не могутъ съумѣть приготовить для себя тѣ ужасныя орудія, передъ которыми всѣ континентальныя ружья и пушки ничтожны, какъ дубина дикаря передъ штыкомъ европейца.

Мы помѣщаемъ сначала описаніе Вульвичскаго арсенала, напечатанное въ Times'ѣ, 12 мая. Въ нѣмецкихъ и нашихъ газетахъ были нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи, но намъ кажется, что съ нею стоитъ познакомиться вполнѣ.

«Въ Вульвичѣ, великомъ центрѣ производства разрушительныхъ оружій и военныхъ запасовъ всякаго рода, всѣ отдѣленія арсенала кипятъ чрезвычайной дѣятельностью, которая отличается отъ дѣятельности, бывшей во время самаго разгара крымской войны, только тѣмъ, что работа еще не производится по ночамъ. Въ Вульвичѣ думаютъ, и можетъ быть справедливо, что эта дѣятельность болѣе направлена заботою о сохраненіи мира, нежели намѣреніемъ вести войну. Но каковъ бы ни былъ предметъ, средства для его достиженія одинаковы, и мы увѣрены, что публикѣ пріятно будетъ узнать объ этой дѣятельности, которая съ каждымъ днемъ укрѣпляетъ оборонительное положеніе нашей страны, такъ что черезъ два или три мѣсяца Англія будетъ въ состояніи съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣть на вопросъ о войнѣ и мирѣ, на сколько онъ зависитъ отъ степени приготовленности къ войнѣ. Вульвичскій арсеналъ есть самое огромное депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ, и то, что происходитъ въ немъ теперь, можетъ служить вѣрнымъ образцомъ того, что происходитъ на всѣхъ арсеналахъ и верфяхъ Великобританскаго королевства.

«Новая пушечная литейная въ Вульвичѣ пока не участвуетъ въ общихъ приготовленіяхъ. Недѣли двѣ тому назадъ работа на ней остановлена для того, чтобы пристроить добавочные горны. По первоначальному плану, эту литейную предназначалось устроить на пять паръ горновъ; но во внезапномъ припадкѣ бережливости рѣшено было построить на первое время только двѣ пары горновъ. Въ этихъ четырехъ горнахъ въ прошедшемъ году было отлито 197 пушекъ 32-фунтоваго и 68-фунтоваго калибра; среднимъ числомъ пушка обходилась въ 50 ф. с. (320 рублей). Недѣли двѣ или три тому назадъ получено было приказаніе построить еще два прибавочные

горна и теперь новая пушечная литейная можетъ приготовлять каждую недѣлю по 10 пушекъ 68-фунтоваго калибра; но въ случаѣ надобности, работая день и ночь, она легко можетъ изготовлять вдвое болѣе, то есть, до 1000 орудій въ годъ.

«Въ прошедшемъ финансовомъ году правительство заказало частнымъ заводчикамъ 1335 чугунныхъ орудій, вѣсившихъ вмѣстѣ 4800 тоннъ (300,000 пудовъ). Изъ этихъ орудій было 312 пушекъ 68-фунтоваго калибра; 460 мортиръ 10-дюймоваго калибра; 300 пушекъ 32-фунтовыхъ; 19 гаубицъ 10-дюймовыхъ; 44 гаубицы 8-дюймовыхъ; 200 пушекъ 10-дюймовыхъ и 19 полевыхъ гаубицъ 10-дюймовыхъ. Эти орудія обошлись отъ 19 до 21 фунта за тонну (почти ровно 2 рубля за пудъ). Въ нынѣшнемъ году заказано на частныхъ заводахъ около 1000 чугунныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, перечисленныхъ выше; но заводчики легко сдѣлаютъ, въ случаѣ надобности, тройное количество орудій. Такимъ образомъ при помощи новой казенной литейной пушечной въ Вульвичѣ, Англія безъ малѣйшаго затрудненія можетъ приготовлять отъ 4 до 5 тысячъ самыхъ лучшихъ орудій самаго большаго калибра.

«Но и безъ прибавки этого громаднаго производства, Англія даже въ настоящую минуту достаточно снабжена орудіями на цѣлые годы европейской войны. Въ вульвичскихъ кладовыхъ находится теперь около 12,000 чугунныхъ орудій; и если мы выключимъ изъ этого числа старыя и 24-фунтовыя орудія, которыя теперь не употребляются ни на корабляхъ, ни въ крѣпостяхъ, все-таки останется болѣе 7000 пушекъ самой лучшей новой системы и самаго тяжелаго калибра, для употребленія хотя нынѣ же. Въ этотъ счетъ, разумѣется, не входятъ запасы на нашихъ большихъ верфяхъ, въ каждой изъ которыхъ хранится отъ 1000 до 1500 тяжелыхъ орудій новѣйшей системы. Вульвичскій арсеналъ можетъ теперь приготовлять къ выпуску по 200 орудій въ недѣлю, а въ случаѣ надобности это число могло бы быть увеличено почти до 500. Въ настоящее время приказано приготовлять къ отправленію на службу по 100 этихъ тяжелыхъ орудій въ недѣлю; и они отправляются въ Мальту, на Корфу, въ Гибральтаръ и на другіе посты Средиземнаго моря съ чрезвычайною быстротою. Орудія самаго тяжелаго калибра отправляются также въ Канадскіе форты и перевозятся моремъ для замѣщенія малыхъ пушекъ въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ самой Великобританіи, особенно на восточномъ берегу Англіи. Въ Четемскихъ и Ширнесскихъ фортахъ прежнія орудія старой системы и малаго калибра также со всевозможною быстротою замѣняются новыми орудіями самаго тяжелаго калибра. То же происходитъ въ Тильбёрійскомъ фортѣ, гдѣ кромѣ того устраивается нѣсколько

новыхъ баттарей 68-фунтоваго калибра. Работы въ Тильбёрійскомъ фортѣ можно считать примѣромъ чрезвычайной предусмотрительности правительства, потому что едва ли какой нибудь флотъ можетъ дойти до этой цитадели (*). Намъ было бы пріятно видѣть такую же заботливость объ укрѣпленіяхъ Портсмута и Плимута. Особенно о Портсмутѣ надобно замѣтить, что большая часть орудій въ немъ очень стары и многія баттареи вооружены только короткими 18 и 24-фунтовыми пушками 1800 года. Вооруженіе Плимутскихъ укрѣпленій не такъ дурно, но и они нуждаются въ орудіяхъ болѣе тяжелаго калибра, а главное, число ихъ должно быть больше.

«По старой системѣ подрядовъ, всѣ ядра и артиллерійскіе снаряды дѣлались частными заводчиками по цѣнѣ около 13 фунтовъ за тонну (около 1 руб. 25 коп. за пудъ). Въ крымскую войну страшный расходъ на эти матеріалы заставилъ наконецъ правительство заняться этимъ предметомъ, и была устроена въ Вульвичѣ литейная для приготовленія артиллерійскихъ снарядовъ. Успѣхъ, которымъ сопровождался этотъ опытъ, повелъ къ постепенному его расширенію, и теперь наконецъ всѣ ядра и бомбы, которыя понадобились бы въ войнѣ самаго колоссальнаго размѣра, могли бы легко быть доставлены текущимъ производствомъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ и притомъ со сбереженіемъ для націи отъ 6 до 7 фунтовъ на тонну. Теперь это отдѣленіе арсенала работаетъ съ чрезвычайной дѣятельностью, производя въ недѣлю по 26,000 снарядовъ,— ядръ, бомбъ и картечи. Работая день и ночь, литейная можетъ производить до 40,000 снарядовъ въ недѣлю. Вмѣстѣ съ нѣсколькими стами тысячъ запасныхъ снарядовъ, находящихся въ кладовой, этого количества достаточно на покрытіе всѣхъ надобностей въ случаѣ войны, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ размѣръ недѣльнаго Вульвичскаго производства съ размѣромъ потребленія артиллерійскихъ снарядовъ во время Севастопольской осады. По оффиціальнымъ отчетамъ, представленнымъ артиллерійскому департаменту, въ бомбардировку, начавшуюся 17 октября 1854 года, дѣйствовали 72 осадныя орудія, которыя выпустили всего 21,881 снарядъ; въ бомбардировку, начавшуюся 9 апрѣля 1855 г., 123 орудія выпустили 30,633 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 6 іюня, 155 орудій выпустили 32,883 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 17 іюня, 166 орудій израсходовали 22,684 снаряда; бомбардировка 17 августа, произведенная 196 орудіями, потребовала 26,270 снарядовъ. Въ послѣднюю бомбардировку 8 сентября, 208 орудій сдѣлали 28,472 выстрѣла. Кромѣ того было сдѣлано 88,640 выстрѣ-

(*) Онъ лежитъ на берегу Темзы на восточномъ концѣ Лондона.

ловъ случайно или для отраженія ночныхъ нападеній, и 495 выстрѣловъ было сдѣлано свѣтящимися ядрами. Такимъ образомъ во все продолженіе осады, съ перваго до послѣдняго ея дня, англичане израсходовали 251,872 артиллерійскихъ снаряда; а эта цифра даетъ средній расходъ по 6000 выстрѣловъ въ недѣлю, т. е. менѣе чѣмъ одну шестую часть того количества, какое можетъ еженедѣльно приготовляться въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ. Надобно, однакоже, замѣтить, что расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ морской войнѣ почти удвоиваетъ цифру выстрѣловъ, какую нашли мы въ осадѣ Севастополя. Такъ въ бомбардировку 17 октября, когда союзные флоты содѣйствовали сухопутнымъ баттареямъ, «Агамемнонъ» въ продолженіе 4 часовъ выпустилъ болѣе 3000 снарядовъ, а «Родни», «Sanspareil» и «Bellerophont» израсходовали почти по стольку.

«Подлѣ новой пушечной литейной устраивается теперь другая, еще болѣе новая, для выдѣлки пушекъ сэра Уильяма Эрмстронга. Новая постройка не будетъ очень велика, потому что для этой литейной передается также обширный рядъ мастерскихъ, построенныхъ для выдѣлки ланкастеровыхъ пушекъ и ядеръ, которыя теперь оказываются ненужными. Ланкастерская литейная, имѣющая 13 большихъ горновъ и 9 паровыхъ молотовъ и стоившая 250,000 фунтовъ, теперь, наконецъ, будетъ употреблена съ пользою, и менѣе чѣмъ въ годъ Вульвичъ получитъ средства производить ежегодно покрайней мѣрѣ 300 этихъ великолѣпныхъ орудій. Разумѣется, мы никакъ не захотимъ сказать, чтобы военное начальство нашего королевства казалось намъ когда нибудь смѣшнымъ; но еслибы могло оно казаться смѣшнымъ, то всего скорѣе смѣшно было бы оно въ своей претензіи щеголять тѣмъ видомъ, какъ будто бы оно содержитъ въ тайнѣ какое нибудь новое изобрѣтеніе и будто бы эта тайна можетъ быть сохранена. Такъ оно дѣйствуетъ съ эрмстронговой пушкой: оно бережетъ ее, прячетъ ее, какъ будто бы каждый праздношатающійся, взглянувшій на эту пушку, можетъ не только отгадать всѣ таинства ея чрезвычайно сложной выдѣлки, но тотчасъ же и самъ будетъ способенъ приготовлять такія пушки для иностранныхъ державъ. Въ эрмстронговой пушкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ секретовъ, которыми бы стоило дорожить, кромѣ одного того великаго секрета, котораго нельзя ни продать, ни разгласить; этотъ секретъ — наше великое превосходство въ механическихъ работахъ. Еслибы въ каждый изъ иностранныхъ арсеналовъ послать по эрмстронговой пушкѣ, иностранные артиллеристы и литейщики, разумѣется, могли бы и захотѣли бы дѣлать такія пушки, но ихъ усилія кончились бы только тѣмъ, что они, истративъ много времени и громадныя суммы денегъ, наконецъ прислали бы къ намъ заказы

дѣлать для нихъ эти орудія. Очень распространено въ публикѣ ошибочное мнѣніе, что если устройство дѣлаемаго нами оружія станетъ извѣстно за границею, то во французскихъ, русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ арсеналахъ можно будетъ въ какомъ угодно количествѣ дѣлать такое же оружіе; но это совершенная ошибка. Въ доказательство надобно только вспомнить о судьбѣ штуцера Минье. Его великое превосходство давно извѣстно, но все-таки ни одна армія, кромѣ нашей, не вооружена въ полномъ своемъ составѣ штуцерами. Читатели наши очень удивятся, когда мы скажемъ, что во Франціи, Россіи, Пруссіи и Австріи штуцерами вооружены только отдѣльныя стрѣлковыя команды, а линейная пѣхота остается при старыхъ ружьяхъ. Притомъ девять десятыхъ того количества штуцеровъ, какое находится въ австрійской, прусской и русской арміяхъ, сдѣлано для нихъ въ Люттихѣ, а люттихскія мастерскія могутъ выдѣлывать штуцера въ количествѣ 500 въ недѣлю. Французы сами дѣлаютъ себѣ штуцера; но невозможно представить себѣ оружія столь тяжелаго и столь затруднительнаго въ дѣлѣ, какъ штуцера ихъ стрѣлковъ, хотя дальностью и вѣрностью выстрѣла они почти равняются штуцерамъ Минье. Эти факты показываютъ, что мы не должны бояться ни того, чтобы иностранныя державы быстро вводили усовершенствованное оружіе въ своихъ арміяхъ, ни того, чтобы онѣ могли принимать даже тѣ усовершенствованія, польза которыхъ хорошо извѣстна. Императоръ французовъ дѣлалъ великій секретъ изъ своихъ полевыхъ нарѣзныхъ пушекъ, но какъ ни велики его средства охранять секретъ, все-таки наше правительство имѣло свѣдѣнія о каждой пушкѣ, которую онъ дѣлалъ. Мы полагаемъ, что не ошибаемся, утверждая, что у него не сдѣлано еще и ста нарѣзныхъ пушекъ, и что эти пушки — маленькія полевыя орудія съ четырьмя нарѣзами и что они стрѣляютъ цилиндрическими ядрами, обвернутыми свинцомъ, чтобы плотно входить въ нарѣзы. Конечно, ихъ слѣдуетъ назвать усовершенствованіемъ сравнительно съ обыкновенными пушками, но онѣ на столько же ниже эрмстронговой пушки, на сколько карманный пистолетъ ниже энфильдскаго штуцера.

«Но возвратимся къ эрмстронговой пушкѣ. Принципъ, по которому она построена, и способъ ея постройки, — все это хорошо извѣстно въ сосѣдствѣ съ мастерскою сэра Уильяма въ Ньюкэстлѣ, и кажется навѣрное можно сказать, что хорошіе рисунки этого изобрѣтенія уже находятся въ Парижѣ и въ Петербургѣ; — но что касается практическаго употребленія, какое могутъ извлечь изъ нихъ въ тѣхъ странахъ, пользы отъ рисунковъ будетъ столько же, какъ еслибъ они оставались въ Англіи. Сэръ Уильямъ Эрмстронгъ въ нынѣш-

немъ году долженъ сдѣлать 200 полевыхъ пушекъ 9-ти фунтоваго, 12-ти фунтоваго и 18-ти фунтоваго калибра; этого числа совершенно достаточно для снабженія ими одними всѣхъ баттарей нашей полевой артиллеріи. Скоро мы надѣемся видѣть эрмстронговы пушки вѣсомъ въ 50 центнеровъ (150 пудовъ), которыя будутъ стрѣлять 90 фунтовымъ или 100 фунтовымъ ядромъ на разстояніе 5 миль ($7^1/_2$ верстъ). Каждая пушка дѣлается изъ кусковъ длиною въ три фута, по тому же самому способу, какъ дѣлаются ружейные стволы изъ проволоки. Тонкія полосы лучшаго кованаго желѣза, толщиною въ два дюйма, разогрѣваются до бѣлаго каленія и въ этомъ состояніи онѣ сковываются спиральными свивками около стальнаго стержня, діаметръ котораго нѣсколько меньше предполагаемаго калибра пушки. Когда этотъ слой остынетъ, онъ покрывается другимъ слоемъ, спираль котораго идетъ въ противномъ направленіи, и такимъ образомъ кладется другъ на друга три или четыре слоя, смотря по калибру пушки и требуемой толстотѣ ея стѣнокъ. Потомъ весь этотъ цилиндръ снова разогрѣвается и въ послѣдній разъ куется паровымъ молоткомъ. Послѣ того концы трехъ-футовыхъ цилиндровъ срѣзываются такъ, какъ нужно для ихъ соединенія; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединяются цилиндры, пушка связывается толстыми кольцами изъ кованаго желѣза, которые надѣваются на нее раскаленные до-бѣла, и охлаждаясь сжимаютъ связи цилиндра такъ сильно, что пушка выходитъ крѣпче того, чѣмъ была бы изъ цѣльнаго куска. Въ казенной части прорѣзывается отверстіе въ камору. Сама казенная часть отдѣляется отъ пушки и соединяется съ ней сильнымъ винтомъ. Когда пушку надобно заражать, задная часть отводится, и вкладывается зарядъ, который вталкивается въ пушку поворотомъ большаго винта, приводящаго заднюю часть вплоть къ пушкѣ. Это соединеніе задней части съ пушкою производится однимъ оборотомъ рукоятки, и пушка готова къ выстрѣлу. Операція заряжанія и выстрѣла, сколько мы знаемъ, можетъ производиться три раза въ минуту. Кромѣ этого простаго, но вѣрнаго механизма, устроеннаго для заряжанія, великое достоинство пушкѣ придается способомъ ея составленія изъ спиральныхъ кованыхъ полосъ, который увеличиваетъ крѣпость стѣнъ до такой степени, что онѣ имѣютъ только половину обыкновенной толщины. Такъ, напримѣръ, обыкновенная 32-фунтовая пушка вѣситъ 57 центнеровъ и требуетъ 10-ти фунтоваго заряда, чтобы бросить ядро на дальнѣйшее, возможное для нея разстояніе—3,000 ярдовъ ($2^1/_2$ версты); 32-фунтовая пушка Эрмстронга вѣситъ только 26 центнеровъ (81 пудъ), и зарядъ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ея ядро на $5^1/_2$ миль ($8^1/_4$ верстъ), или почти на 10,000 ярдовъ. Въ этой 32-фунтовой пушкѣ дѣлается не

менѣе 41 нарѣза; нарѣзы эти имѣютъ полный оборотъ въ 10-ти футовъ, т. е. для того, чтобы нарѣзъ описалъ полный кругъ, стволъ пушки долженъ былъ бы имѣть десять футовъ длины. Еслибы оборотъ нарѣза былъ круче, то безъ сомнѣнія ядро пріобрѣтало бы бóльшую силу полета, но опасность, что свинцовая одежда ядра не выдержитъ такого тренія, была бы очень велика, и потому дѣлать нарѣзы круче признали неудобнымъ. Ядра эрмстронговой пушки желѣзныя, имѣющія форму цилиндра, и сначала изобрѣтатель совершенно покрывалъ ихъ свинцомъ; но теперь эта система измѣнена и снарядъ имѣетъ только два свинцовыя кольца, каждое толщиною въ одну четверть дюйма и шириною въ полтора дюйма; одно кольцо идетъ по заднему концу цилиндра, а другое въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется съ цилиндромъ конусъ, составляющій переднюю часть ядра. Оба эти кольца врѣзаны такъ сказать въ желѣзную массу ядра, такъ что наружу выступаютъ на одну десятую дюйма, для того чтобы входить въ нарѣзы. Такимъ образомъ, когда зарядъ воспламеняется, онъ вталкиваетъ ядро изъ каморы впередъ въ стволъ орудія, который нѣсколько тѣсенъ для свинцовыхъ колецъ, и они врѣзываются въ нарѣзы такъ плотно, что ни малѣйшая часть газа не можетъ пролетать мимо ядра и вся сила заряда обращается на выталкиваніе ядра.

«Пушка, которая нѣсколько мѣсяцевъ испытывалась правительствомъ, въ Шубёрииессѣ, выдержавъ 3,500 выстрѣловъ, осталась столь же невредимою, какъ вышла изъ мастерской. Точность выстрѣла изъ орудія этой системы такова, что на дистанціи 4,000 ярдовъ (3 версты 200 саженъ) мишень, имѣющая по 10 футовъ въ ширину и высоту, получаетъ изъ 100 выстрѣловъ 90.

«Таковы артиллерійскія средства Вульвичскаго арсенала. Относительно ручнаго огнестрѣльнаго оружія запасы его имѣютъ такой же размѣръ. Въ кладовыхъ арсенала находится отъ 80 до 90 милліоновъ зарядовъ для штуцера Миньє, и машины изготовляютъ коническія пули для этого штуцера въ количествѣ двухъ милліоновъ въ недѣлю; если на этихъ машинахъ будутъ работать и ночью, онѣ легко станутъ приготовлять по 3 милліона. О томъ, сколько милліоновъ пистоновъ находится въ запасѣ и сколько сотенъ тысячъ можно дѣлать ихъ каждый день въ случаѣ надобности, мы не будемъ говорить,—цифры эти покажутся невѣроятны читателю.

«Даже изъ этого краткаго перечня запасовъ и средствъ, находящихся въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ, читатели могутъ видѣть, что наши приготовленія имѣютъ довольно почтенный размѣръ и что если говорить о средствахъ нашихъ къ оборонѣ, то характеръ этихъ средствъ можетъ внушить спокойный сонъ самому робкому человѣ-

ку. Но оборонительную или наступательную войну мы будемъ вести; все равно, и успокоительно, и ново для публики будетъ знать, что въ настоящее время мы приготовлены ко всему, чтобы ни случилось, и что если по несчастію Англія будетъ принуждена принять участіе въ войнѣ, она будетъ воевать, имѣя такія силы и запасы, которые изумятъ міръ. Крымская кампанія была суровымъ и горькимъ урокомъ; но если этотъ опытъ купленъ нами дорого, то онъ остался не безполезенъ своемъ родѣ.»

Итакъ важнѣйшимъ залогомъ своей безопасности въ оборонительной войнѣ и ручательствомъ за успѣхъ въ наступательной войнѣ съ какою бы то ни было державою, англичане считаютъ пушку Эрмстронга и увѣрены, что никакой другой народъ не въ состояніи сдѣлать для себя подобныхъ орудій. Чтобы ближе познакомиться съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, мы переводимъ рѣчь, которую изобрѣтатель произнесъ на обѣдѣ, данномъ ему въ началѣ мая въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ его согражданами. Читатели наши конечно знаютъ, что Эрмстронгъ членъ фирмы, которая имѣетъ пушечный заводъ, что за свое изобрѣтеніе онъ возведенъ въ баронеты, что его литейному заводу сдѣланъ заказъ приготовить 200 новыхъ пушекъ и что самъ Эрмстронгъ, продолжающій управлять своимъ заводамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ начальникомъ литейной, которая устраивается теперь въ Вульвичѣ для выдѣлки новыхъ пушекъ и о которой упоминаетъ переведенная нами статья Times'а. Вотъ рѣчь Эрмстронга.

«Трудно, невозможно мнѣ выразить чувство, съ какимъ я смотрю на честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ на этотъ обѣдъ. Эту честь, сдѣланную мнѣ жителями города, въ которомъ я родился, въ которомъ я провелъ почти всю свою жизнь, я считаю выраженіемъ не одного общественнаго сочувствія, но и личнаго добраго расположенія ко мнѣ; и во всю свою жизнь я буду вспоминать о немъ съ гордостью и благодарностью. Благодарю васъ всѣхъ отъ всей души. Предметъ, вызвавшій эту демонстрацію отъ васъ, можетъ считаться предметомъ, имѣющимъ направленіе къ увеличенію кровопролитія; и если бы я думалъ, что сдѣланное мною благопріятствуетъ войнѣ или можетъ вредить интересамъ человѣчества, то я горько жалѣлъ бы о своей дѣятельности. Но я не имѣю такого опасенія. Могущество, даваемое знаніемъ, будетъ ли употреблено оно въ войнѣ или мирѣ, всегда будетъ на сторонѣ цивилизаціи; а распространеніе цивилизаціи необходимо должно уменьшать войну и дѣлать ее менѣе свирѣпою. Наша нація имѣетъ мало лишнихъ людей, чтобы тратить ихъ на войну. Намъ нужны всѣ пособія, какія можетъ дать знаніе, чтобы оградить насъ отъ нашествій. О моей пушкѣ, возбудившей столько толковъ, нелѣпо было бы предпол

гать, что есть какой нибудь секретъ въ ея общемъ устройствѣ, которое уже извѣстно сотнямъ лицъ и которое приблизительно уже описано во множествѣ изданій. Но есть въ ней много подробностей, которыя не легко сдѣлаются общеизвѣстными и которыми надобно вполнѣ овладѣть другимъ націямъ прежде, чѣмъ съумѣютъ онѣ сдѣлать такую пушку. Не раскрывая такихъ подробностей, я могу въ достовѣрной формѣ сообщить вамъ общія свѣдѣнія объ этомъ орудіи.

«Начну съ того, что моя пушка вся сдѣлана изъ кованаго желѣза. Первоначально я дѣлалъ ее отчасти изъ стали; но теперь я не употребляю ничего, кромѣ кованаго желѣза. Она составная, т. е. составляется изъ отдѣльныхъ частей такой умѣренной величины, чтобы каждую изъ нихъ можно было удобно выковывать безъ внутреннихъ пустотъ. Такой способъ построенія придаетъ ей большую прочность и слѣдовательно большую легкость. Были слухи, что двѣ изъ моихъ пушекъ разорвались, но это не имѣетъ никакого основанія, подобно многимъ другимъ разсказамъ объ этомъ предметѣ. Говоря о томъ, что пушка заряжается съ казенной части, всѣ писавшіе о ней упоминали о большомъ винтѣ, дѣйствующемъ въ задней части пушки и нажимающемъ поршень для закрытія отверстія. Но они, или не знали, что этотъ винтъ имѣетъ внутри пустоту, или не понимали цѣли такого устройства. Операція, ежедневно производимая теперь артиллеріею, не составляетъ секрета и потому я могу сказать, что моя пушка и заряжается и чистится черезъ этотъ пустой винтъ, и что было бы большою ошибкою предполагать, будто бы возможно вкладывать ядро или зарядъ въ разрѣзъ, гдѣ находится поршень. Поршень этотъ имѣетъ небольшой размѣръ, совершенно не похожій на изображеніе этой части орудія въ разныхъ фантастическихъ рисункахъ его, которые сообщались публикѣ; онъ прикованъ къ пушкѣ, чтобы какъ нибудь не потерялся. Есть много особенностей въ лафетахъ, въ прицѣлахъ и въ другихъ принадлежностяхъ этихъ пушекъ. Не наскучая вамъ подробностями, замѣчу только, что въ станкѣ морской или крѣпостной пушки есть наклонная плоскость, по которой пушка откатывается при выстрѣлѣ и потомъ приходитъ въ первоначальное положеніе дѣйствіемъ тяжести. Это приспособленіе имѣетъ много важности при пушкахъ тяжелаго калибра, потому что избавляетъ отъ надобности въ большомъ количествѣ прислуги для подкатыванія пушки послѣ каждаго выстрѣла.

«Теперь скажу вамъ о снарядахъ. Они во всѣхъ случаяхъ дѣлаются изъ литаго чугуна, одѣтаго тонкимъ слоемъ свинца, и будучи діаметромъ нѣсколько болѣе, нежели калибръ орудія, снарядъ съ свинцовою одеждою вдавливается въ нарѣзы, чѣмъ и производится

необходимое вращеніе снаряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется всякое колебаніе его и зазоръ. Снарядъ для полевыхъ орудій можетъ служить и плотнымъ ядромъ, и бомбою, и картечнымъ выстрѣломъ. Онъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, которыя такъ крѣпко сключены, что снарядъ пролетаетъ черезъ дубовую стѣну въ девять футъ толщины, не разбиваясь. Если онъ употребляется какъ бомба, онъ разрывается на 49 правильныхъ частей и около 100 неправильныхъ обломковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ качества шрапнеля и ударной бомбы, то есть можетъ разрываться или при приближеніи къ предмету или отъ удара о предметъ. Между друзьями онъ такъ безопасенъ, что упадетъ съ кровли дома на землю не разрываясь; но среди враговъ онъ такъ чувствителенъ и злобенъ, что разрывается отъ прикосновенія къ нему пальцемъ. Причина разницы та, что толчокъ, получаемый имъ въ пушкѣ при выстрѣлѣ, приводитъ ударную машинку при снарядѣ въ особенное положеніе, все равно, какъ бы сказать, взводитъ курокъ ружья, и тогда снарядъ становится такъ чувствителенъ, что разрывается отъ удара въ мѣшокъ съ опилками, какъ было испытано въ Шубёриессѣ. Кромѣ того можно сдѣлать, что онъ будетъ разрываться въ минуту вылета изъ пушки, и тогда куски разлетаются въ видѣ вѣера и производятъ дѣйствіе картечи. Словомъ сказать, снарядъ можетъ разрываться по произволу на далекой или близкой дистанціи, отъ удара о предметъ или отъ дѣйствія гильзы, а когда разрывается, то дѣйствуетъ подобно картечи. Я могъ бы представить вамъ сотни примѣровъ того, какъ дѣйствовали эти бомбы на опытахъ, произведенныхъ комитетомъ нарѣзныхъ пушекъ; но я ограничусь однимъ примѣромъ, который выбираю собственно потому, что тутъ присутствовало чрезвычайное множество лицъ, въ томъ числѣ герцогъ Кембриджскій со многими извѣстными офицерами. Двѣ мишени, каждая въ девять футовъ вышины и ширины, были поставлены въ дистанціи 1,500 ярдовъ (650 саженъ) отъ пушки и было брошено въ нихъ 7 бомбъ. Дѣйствіе этихъ 7 бомбъ было таково, что въ двухъ мишеняхъ оказалось 596 пробоинъ. Подобное дѣйствіе въ другихъ случаяхъ было производимо на дистанціяхъ до 3,000 ярдовъ (болѣе $2^1/_2$ верстъ); потому предоставляю вамъ судить, съ какимъ успѣхомъ эти бомбы могли бы держать непріятеля въ должномъ отдаленіи.

«Для дѣланія брешей, для разрушенія зданій, для пробиванія стѣнъ корабля употребляется другое устройство бомбы, цѣль котораго та, чтобы вложить въ нее какъ можно больше пороха. Почти всѣ писатели, хотѣвшіе объяснять публикѣ качества моей пушки, говорили, будто бы большой недостатокъ моего снаряда то, что онъ вмѣщаетъ мало пороха. Нѣтъ, если бы эти писатели сказали, что большая

выгода моего снаряда въ томъ, что онъ вмѣщаетъ много пороха, они были бы гораздо ближе къ истинѣ. Да, бомба моей 32–фунтовой пушки содержитъ вдвое больше пороха, чѣмъ бомба обыкновенной 32-фунтовой пушки. Ставили также въ недостатокъ моему снаряду то, что, проходя сквозь стѣну корабля, онъ дѣлаетъ слишкомъ малую дыру. Если говорить о дѣйствіи плотнаго ядра, тутъ была бы нѣкоторая правда; но что касается до бомбы, то именно того и нужно отъ нея, чтобы дыра была мала. Моя бомба разрывается въ тотъ моментъ, когда проходитъ черезъ дерево, и чѣмъ меньше дыра ею пробиваемая, тѣмъ стѣсненнѣе будетъ взрывъ, стало быть тѣмъ сильнѣе будетъ его разрушительное дѣйствіе. Вообще о моей пушкѣ надобно судить не столько по отношенію къ плотному ядру, сколько по отношенію къ бомбѣ, снаряду несравненно болѣе страшному, которымъ мои пушки и будутъ дѣйствовать почти исключительно.

«Но возвращусь къ самому началу своихъ опытовъ. Я долженъ сказать вамъ, что они начались болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Я началъ дѣлать свою первую пушку въ декабрѣ 1854 и кончилъ ее рано весною слѣдующаго года; хотя она была устроена по тому же самому принципу, какъ нынѣшнія мои пушки, но сначала не давала удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ изобрѣтатели, открытія которыхъ остаются только на бумагѣ, не знаютъ всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ людьми, приводящими мысль въ дѣло. Я вполнѣ испыталъ всѣ эти затрудненія и мнѣ понадобилось около трехъ лѣтъ постояннаго труда, чтобы побѣдить ихъ. Лѣтомъ опыты мои производились большею частію на морскомъ берегу между тремя и шестью часами утра, потому что позднѣе люди просыпаются и ихъ движеніе могло бы мѣшать дѣлу. Зимою я пользовался пустынными болотами въ Олленгедѣ, принадлежащими моему другу мистеру Бомонту; тамъ у меня была изба, построенная на горѣ въ 2,000 футахъ надъ уровнемъ моря. Мишени свои я ставилъ на противоположной сторонѣ глубокой долины, гдѣ выстрѣлы не могли никому вредить. Я построилъ инструментъ для поддержанія огня по предмету, погружающемуся въ ночную темноту, и будилъ дичь этой пустыни, стрѣляя по своей далекой мишени среди ночи, и замѣчу мимоходомъ, что когда этотъ инструментъ былъ доведенъ до надлежащаго совершенства, онъ далъ мнѣ средства въ самую темную ночь поражать отдаленный предметъ съ такою же вѣрностью, какъ при дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ трехъ лѣтъ я успѣлъ довести до хорошаго устройства и пушку и ядро. На свой счетъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ пушекъ и вошелъ въ значительныя издержки по производству своихъ опытовъ; но всѣ мои расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что гене-

ралъ Пиль, лордъ Панмюръ, герцогъ Ньюкэстль, словомъ сказать всѣ люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военнаго вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о нарѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

«Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достичь значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 саженъ) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло непріятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихой день была поражена девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытомъ морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходитъ время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастію, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, пред-

ставляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, еслибы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подвигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

«Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увидѣлъ надобность взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года съ настоящаго времени, когда почти все мое время было употреблено на этотъ предметъ, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдамъ въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставляю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья,

мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами; но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственныя выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю.»

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переводимъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

«Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прошедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключеніе комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованнаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовымъ ядромъ, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на 5¼ мили. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ.»

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ Г. ФЕТА.

(**Юлій Цезарь**, трагедія *Виллььяма Шекспира,* перев. *А. Фета.* «Библіот. для Чт.», мартъ 1859 г.).

> Кто не въ состояніи броситься съ седьмаго этажа внизъ головой, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху тотъ, не лирикъ.
>
> *А. Фетъ.*
>
> («Русск. Слово», № II, Крит. стр. 76).

Мы выписали слова г. Фета о лирикѣ, съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что едва ли можно ихъ приложить къ хорошему переводчику драматическаго произведенія. Въ самомъ дѣлѣ,—едва ли долженъ браться за переводъ Шекспира тотъ, кто чувствуетъ себя въ состояніи «броситься внизъ головой съ седьмаго этажа, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху.» Хорошій переводъ требуетъ терпѣливаго изученія и глубокаго вниманія къ своимъ словамъ и къ ихъ соотвѣтствію съ словами подлинника; лирическіе salto-mortale съ седьмаго этажа тутъ не помогутъ. Вотъ почему мы нимало не удивились, когда начавши читать переводъ «Юлія Цезаря» г. Фета, съ первыхъ страницъ увидѣли, что нашъ лирикъ не совсѣмъ удачно передалъ русской публикѣ твореніе великаго драматурга. Но, читая далѣе, мы уже не могли удержаться отъ удивленія тому, съ какою отвагою г. Фетъ совершаетъ свои лирическія паденія съ седьмаго этажа,

пренебрегая всѣми условіями грамматическаго и логическаго смысла. Намъ показалось, что г. Фетъ въ своемъ «Юліѣ Цезарѣ» явился гораздо болѣе лирикомъ, чѣмъ сколько этого требовалось для перевода Шекспира. Безъ всякаго ущерба для достоинства перевода, онъ могъ бы сохранить болѣе благоразумія и удовольствоваться прыжками напр. изъ пятаго или даже четвертаго этажа, и притомъ не внизъ головою. Это ему тѣмъ легче было бы сдѣлать, что у него предъ глазами былъ примѣръ другаго переводчика, г. Дружинина, который совершилъ свое дѣло весьма солидно, и если иногда и прыгалъ съ своимъ изящнымъ стихомъ, то не болѣе какъ изъ бель-этажа.... Но г. Фету непремѣнно хотѣлось хватить съ *седьмаго*, и непремѣнно внизъ головою и вверхъ ногами.... Онъ остался вѣренъ своей лирической натурѣ, но нельзя не сознаться, что путешествіе свое внизъ головою совершилъ не совсѣмъ удачно и если не сломалъ шеи себѣ самому, такъ за то пошатнулъ въ глазахъ русскихъ читателей зданіе Шекспировской трагедіи, несмотря на его вѣковую прочность. Мы убѣждены, что читатели, не вполнѣ знающіе лирическую силу г. Фета, были повергнуты его переводомъ въ крайнее недоумѣніе относительно Шекспира: великій драматургъ былъ, конечно, принятъ ими за падающую башню, и они съ ужасомъ отбѣжали отъ него на почтительное разстояніе, съ искреннею клятвою никогда болѣе къ нему не приближаться. Но столь рѣшительная клятва совершенно напрасна: Шекспиръ въ сущности вовсе не такъ опасенъ для спокойствія духа здравомыслящаго читателя, какъ является онъ въ переводѣ г. Фета. Чтеніе и изученіе его можетъ доставить много эстетическаго наслажденія и принести дѣйствительную пользу нашей публикѣ, которая вообще такъ мало еще знакома съ классическими произведеніями иностранныхъ литературъ. Если же чтеніе «Юлія Цезаря», напечатаннаго въ «Библіотекѣ для Чтенія», производитъ въ читателѣ нѣкоторый ужасъ и чувство тоскливаго недоумѣнія, то вина такого эффекта должна быть приписана не Шекспиру, а г. Фету, на каждой страницѣ по нѣскольку разъ бросающемуся внизъ головою изъ седьмаго этажа. Мы очень почитаемъ Фета и до нѣкоторой степени питаемъ также уваженіе и къ господину Шекспиру; поэтому намъ желательно—съ одной стороны возстановить въ глазахъ русской публики колеблющуюся репутацію послѣдняго, съ другой превознести достойнымъ образомъ и порывистый лиризмъ перваго (которому въ «Современникѣ» столько разъ уже отдавалась была самая полная справедливость). Для достиженія этихъ двухъ цѣлей,—изъ которыхъ одна преимущественнѣе другой,—мы рѣшаемся войти въ нѣкоторыя подробности о переводѣ г. Фетомъ трагедіи Шекспира. Мы ничего не будемъ дѣлать, кромѣ только того, что

постараемся подстрочнымъ переводомъ возстановлять подлинный текстъ Шекспира, столь неловко задѣтый и поваленый нашимъ лирикомъ при паденіи его изъ седьмаго этажа.

Оставивъ метафорическій способъ выраженія, замѣтимъ, что г. Фетъ старался о сохраненіи вѣрности своего перевода съ подлинникомъ. Но какъ онъ понимаетъ эту вѣрность? именно такъ, какъ долженъ понимать человѣкъ, летящій изъ седьмаго этажа внизъ головою, т. е. лирикъ. Онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы сохранить *буквальную* вѣрность и составить пятистопный ямбъ; эти два пункта составляютъ для него, такъ сказать, законъ тяжести, вслѣдствіе котораго онъ летитъ внизъ, а не вверхъ. Остальное же все до него, можно сказать, не касается. И вслѣдстіе того происходятъ вотъ какіе стихи въ переводѣ.

Брутъ, заговорщикъ, разсуждая самъ съ собою о необходимости убить Цезаря, говоритъ:

> Одинъ исходъ тутъ смерть его. *А я*
> *Его столкнуть причинъ не знаю личныхъ,*
> *Но ради общихъ*....

У Шекспира сказано:

> — — for my part,
> J know no personal cause to spurn at him,
> *But for the general.*

Послѣднія слова г. Фетъ перевелъ буквально; но (but) ради (for) общихъ (the general). Т. е. чего же это общихъ? Конечно, г. Фетъ разумѣлъ *причинъ*, (хотя впрочемъ изъ построенія фразы этого не видно). Но въ своемъ лирическомъ стремленіи г. Фетъ позабылъ здѣсь, что постройка фразы въ англійскомъ языкѣ иногда различается отъ русской, что тамъ иногда опускаются слова, которыхъ у насъ нельзя выпустить, и что буквальный переводъ иногда можетъ не имѣть даже грамматическаго смысла. Что сказалъ бы г. Фетъ, если бы напр. фразу—the house you have sold—«домъ, *который* вы продали»—мы перевели буквально: «домъ вы продали?» или фразу: I am all but glad — «я не радъ» словами «я есмь все кромѣ радъ?» Навѣрно г. Фетъ самъ согласился бы, что подобный переводъ можетъ возбудить неудовольствіе во всякомъ читателѣ, кромѣ развѣ того, который способенъ бросаться съ седьмаго этажа. Тому, конечно, ужь не до гладкости перевода: ему все равно, только бы долетѣть поскорѣе. Но справедливость требуетъ замѣтить, что у насъ такихъ — не только читателей, но и писателей-то немного. Впрочемъ и это обстоятельство, (какъ ни прискорбно должно быть оно для г. Фета) не исключаетъ возможности правильно и свободно передать порусски

приведенный выше стихъ. Это даже и мы можемъ попытаться. Г. Фетъ относитъ слова the heneral къ слову cause, тогда какъ онѣ очевидно замѣняютъ собою существительно имя, а слово but не всегда значитъ *но*, а также *исключая*, *развѣ*, *кромѣ*. Принявъ это послѣднее значеніе, можно бы перевести эту фразу такъ: я не знаю никакихъ личныхъ причинъ нападать на него (на Цезаря), кромѣ какъ для общаго блага, или опустивъ слово *какъ*, — развѣ для общаго блага. Этотъ переводъ нашъ—подстрочный; мы дозволили здѣсь себѣ только прибавку слова — *благо*, потому что такова мысль подлинника.

Вотъ другое довольно замѣчательное мѣсто, переведенное г. Фетомъ близко къ подлиннику, что однако не оправдываетъ допущенной въ переводѣ темноты.

Брутъ.

Припомни мартъ, припомни иды марта,
Великій Юлій не во имя ль правды
Сраженъ? Какой подлецъ его бы тронуть
Своимъ кинжаломъ не во имя правды
Осмѣлился? *Какъ! чтобъ одинъ изъ насъ,*
Кѣмъ былъ убитъ первѣйшій мужъ на свѣтѣ,
За покровительство ворамъ; чтобъ мы
Себѣ марали пальцы въ низкихъ взяткахъ
И продавали вкругъ себя почетъ
За столько дряни, сколько схватишь горстью?

Въ стихахъ, напечатанныхъ курсивомъ, слово *кѣмъ* неизвѣстно куда относится: г. Фетъ хотѣлъ, чтобы оно относилось къ слову насъ, а вышло другое: его скорѣй можно отнести къ слову одинъ. Вообще эта тирада, по фактурѣ стиха и по ясности фразъ, напомнила намъ прекрасное двустишіе одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, имѣющее одинъ только недостатокъ тотъ, что его до сихъ поръ никто понять не могъ. Вотъ это двустишіе:

Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ,
Стать имъ; коль нѣтъ, — и въ меньшемъ безъ препонъ....

Поэтъ увѣряетъ, что это тоже буквальный переводъ изъ какого-то иностраннаго поэта....

Подобно приведенному поэту, г. Фетъ выказываетъ иногда удивительное пристрастіе къ словамъ, и для того, чтобы удержать въ переводѣ какое нибудь слово, жертвуетъ многимъ. Напр:

Иль голоса достойнѣй нѣтъ, чѣмъ мой,
Чтобъ слаще тронуть Цезарево ухо,
Моля о братѣ изгнанномъ моемъ?

Въ подлинникѣ сказано:

Is there no voice more worthy than my own
To sound more sweetly in great Caesar's ear — etc.

(т. е. неужели нѣтъ голоса достойнѣй, чѣмъ мой, и который *звучалъ бы пріятнѣе для* уха великаго Цезаря?) Г. Фету, какъ видно, главнымъ казалось удержать слово слаще (sweetly, что значитъ также и пріятнѣе) и онъ безъ всякой надобности замѣнилъ слово *звучать* (sound) словомъ *тронуть*, не обративъ даже вниманія на то, что первое изъ нихъ гораздо болѣе ладитъ со словомъ *слаще*, нежели второе. Впрочемъ надо замѣтить, что вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Фету, по стѣснительнымъ условіямъ стиха или по другимъ причинамъ, приходится пожертвовать однимъ какимъ нибудь словомъ для сохраненія другаго, то онъ оставляетъ именно то, которое лучше бы выпустить. Напр. у него Порція (жена Брута) говоритъ мужу:

— — *Невѣжливо* ты Брутъ
Ушелъ съ моей постели, а *вечоръ*,
Вскочивъ изъ-за *трапезы*, сталъ ходить, и проч.

Въ подлинникѣ первые два стиха выражены такъ:

— — You have ungently, Brutus,
Stole from my bed.

(т. е. ты, Брутъ, неласково, *тайкомъ* ушелъ съ моей постели). Не лучше ли было бы сохранить выраженіе *тайкомъ* ушелъ, при чемъ *невѣжливость* Брута видна была бы сама собою? И какое странное соединеніе, въ трехъ стихахъ, трехъ словъ съ совершенно различными оттѣнками — свѣтскимъ, простонароднымъ и торжественнымъ: *невѣжливо*, *вечоръ* и *трапеза!*

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Антоній, другъ Цезаря, проситъ у заговорщиковъ позволенія похоронить тѣло его, Брутъ, разрѣшивъ это съ нѣкоторыми условіями, между прочимъ говоритъ:

Безъ этого *не прилагай и руки*
Къ похоронамъ.

Въ подлинникѣ:

Or else shall you not have any hand at all
About his funeral.

Г. Фету въ быстромъ путешествіи его черезъ окно изъ седьмаго этажа, къ сожалѣнію, неудобно было взглянуть въ какой нибудь англійско-русскій лексиконъ. Но если бы онъ это сдѣлалъ, то нашелъ

бы, что to have a hand in—значитъ *участвовать*, и тогда бы понялъ, что приведенные нами англійскіе стихи имѣютъ слѣдующій смыслъ: «иначе ты вовсе не будешь участвовать въ его погребеніи» (т. е. что ему это будетъ запрещено). Но г. Фету мелькнуло въ воздухѣ слово hand *рука* и онъ, по естественному чувству самосохраненія, счелъ необходимымъ спасти ее, какъ сдѣлалъ это и въ другомъ мѣстѣ:

Брутъ.

Ну, что, Люцилій? *или* Кассій близко? (т. е. близко ли Кассій)

Люцилій.

Онъ *подъ рукой* (at hand, что значитъ очень близко).

Тоже пристрастіе (весьма впрочемъ понятное, когда летишь съ седьмаго этажа) г. Фетъ выказалъ и къ ногѣ:

Каска.

И я не ближе всякаго *шагну*
Ногой вотъ этой.

Для переводчика было весьма важно сохранить въ цѣлости *эту ногу!* Сохранивъ же ее, онъ воскликнулъ отъ удовольствія «*вотъ!*»— и у него вышелъ уродливый стихъ. А мысль подлинника здѣсь просто та, что Каска ни отъ кого не отстанетъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ буквализма, которому слѣдовалъ иногда г. Фетъ:

Животное (коня) я выучилъ *сражаться*

или:

Отъ этихъ выгодъ мы его отрѣжемъ.

или:

Враги догнали насъ до края бездны;
Достойнѣй намъ самимъ въ нее прыгнуть,
Чѣмъ ждать, пока столкнутъ насъ.

Если бы г. Фетъ обратилъ вниманіе на то, что слово fight сражаться значитъ также бой, онъ бы перевелъ первую фразу словами: «я пріучилъ коня къ бою;» если бы онъ взглянулъ въ лексиконъ, то увидѣлъ бы, что to cut off значитъ между прочимъ и *лишать*; слѣдовательно вторую фразу надо было перевести такъ: «мы лишимъ его этихъ выгодъ;» наконецъ если бы онъ постарался передать слово *достойнѣй* согласно съ духомъ русскаго языка, то онъ перевелъ бы его словомъ *приличнѣй*, или *лучше*, или словами—*сообразнѣе съ нашимъ достоинствомъ.* Надъ послѣдними стихами, какъ говорящими о спеціальности г. Фета — о прыганьи въ бездну, — онъ, кажется, особенно долженъ былъ бы постараться....

Тому же пристрастію къ буквѣ мы приписываемъ еще одинъ промахъ г. Фета, хотя онъ повидимому относится къ другой категоріи. Антоній, другъ Цезаря, въ рѣчи своей надъ его трупомъ говоритъ:

Я человѣкъ, какъ видите, простой
И преданъ другу; это знали сами
Дозволившіе рѣчь мнѣ произнесть.
Вѣдь у меня ни *письменнаго* нѣтъ,
Ни словъ, ни сильной рѣчи, ни движеній,
Чтобъ волновать людскую кровь.

Что значитъ *письменнаго нѣтъ?* Не знаемъ, но появленіе этого выраженія можемъ объяснить слѣдующимъ образомъ. Мы догадываемся, что г. Фетъ прочелъ вмѣсто слова wit (устроумie, умъ) — writ, что значитъ *писанный* отъ write, *писать*. Было ли это вслѣдствіе опечатки въ томъ изданіи, которымъ онъ пользовался, или вслѣдствіе собственнаго недосмотра, — все равно. Но удивительно, какъ г. Фету не бросилась въ глаза совершенная безсмыслица, происходящая отъ этого предательскаго writ? Это можно было замѣтить даже при паденіи съ седьмаго этажа, и намъ кажется, что здѣсь переводчикъ забрался уже въ восьмой.

Впрочемъ г. Фетъ вообще на смыслъ обращаетъ мало вниманія. Мы это увидимъ и ниже, здѣсь же замѣтимъ, что, желая перевести какое либо слово, онъ часто беретъ первое попавшееся ему значеніе его, да и довольствуется этимъ. Такъ вы встрѣтите у него стычку (encounter) вмѣсто встрѣчи, разсыпьтесь (disperse yourselves) вмѣсто разойдитесь, трезвый (sober) вмѣсто сдержанный или спокойный и т. п. Предоставляемъ судить читателямъ, кстати ли г. Фетъ употребилъ выбранныя имъ значенія.

Заговорщики противъ Цезаря толкуютъ о томъ, что имъ слѣдуетъ склонить на свою сторону и Брута. За тѣмъ Кассій говоритъ:

Пойдемъ, мой Каска; намъ съ тобой застать
Въ дому еще до свѣта должно Брута.
Три четверти въ немъ наши, а всего
Себя отдастъ онъ намъ при первой стычкѣ.

Въ подлинникѣ два стиха, напечатанные курсивомъ, выражены такъ:

— — three parts of him
Is ours already; and the man entire
Upon the next *encounter*, yields him ours.

(т. е. три четверти его *уже* наши, а всего себя онъ отдастъ намъ при первой *встрѣчѣ*).

Затѣмъ заговорщики идутъ къ Бруту, условливаются о томъ, какъ имъ должно дѣйствовать, и уходя Кассій говоритъ:

Насъ утро гонитъ: мы уходимъ, Брутъ.
Друзья, *разсыпьтесь;* помнить, что сказали,
Чтобъ Римлянами показать себя.

Въ подлинникѣ:

. . . .
And, friends, disperse yourselves: but all remember
What you have said, and show yourselves true Romans.

(т. е. друзья, разойдитесь: но помните, что вы сказали, и покажите себя настоящими римлянами).

Брутъ и Кассій недовольны другъ другомъ, Кассій говоритъ:

Достойный братъ, меня ты оскорбилъ.

Брутъ.

Пусть судятъ боги, оскорблялъ ли я
Своихъ враговъ? Такъ оскорблю ли брата?

Кассій.

Брутъ, прикрываешь *трезвымъ* видомъ ты
Обиду. Продолжая такъ....

Мы нарочно выписали нѣсколько стиховъ для того, чтобы видѣть, кстати ли г. Фетъ заподозрилъ Брута *въ пьяномъ видѣ*. Вотъ послѣдніе два стиха у Шекспира:

Brutus, this *sober* form of yours hides wrongs;
And when you do them,

(т. е. Брутъ, подъ этимъ *сдержаннымъ* видомъ ты скрываешь оскорбленія; и когда ты ихъ дѣлаешь...)

Слѣдуя своей методѣ не обращать вниманія на смыслъ, лишь бы только сохранить букву, г. Фетъ въ одномъ мѣстѣ перевелъ слова — *если ты не измѣнишь намѣренія* (mind) фразою — *если ты не сойдешь съ ума* (mind). Вотъ это мѣсто:

Кассій.

Ну, такъ придешь ко мнѣ обѣдать завтра?

Каска.

Да, если буду живъ и ты *не сойдешь съума* и обѣдъ твой будетъ стоить труда его ѣсть.

Въ подлинникѣ: Ay, if I be alive, and *your mind hold* (если ты не измѣнишь намѣренія) and your dinner worth be eating. Какъ поры-

чистый лирикъ, г. Фетъ счелъ нужнымъ выразиться порѣшительнѣе: чѣмъ мѣнять намѣренія, такъ ужъ лучше, дескать, Кассію прямо съ ума сойти!...

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу буквальной близости къ подлиннику, которой иногда слѣдовалъ г. Фетъ. Онъ удержалъ нѣкоторыя несообразности, встрѣчающіяся у Шекспира, у котораго язычники римляне говорятъ иногда христіанскимъ языкомъ; напр.

Вѣдь Цезаревымъ *ангеломъ* былъ Брутъ

или:

Ты что ни будь, — *Богъ, ангелъ* или *дьяволъ?*

За это нечего упрекать г. Фета: онъ хотѣлъ и долженъ былъ передать Шекспира безъ прикрасъ. Но намъ кажется, что если подобныя слова имѣютъ еще другое значеніе, то лучше бы *его* брать для перевода. Такъ въ стихѣ: «Вѣдь Цезаревымъ ангеломъ былъ Брутъ» слово ангелъ можно бы замѣнить словомъ любимецъ, тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ оно имѣетъ это значеніе и употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ говорится иногда любимому человѣку «ангелъ мой». Во второмъ стихѣ: «Ты что ни будь, Богъ, ангелъ или дьяволъ» слово Богъ въ подлинникѣ употреблено въ смыслѣ языческаго многобожія; тамъ сказано: some god, т. е. какой нибудь богъ; этого не видно въ переводѣ г. Фета. Впрочемъ повторимъ, что мы не упрекаемъ г. Фета въ буквальной передачѣ подобныхъ словъ, встрѣчающихся у Шекспира. Но зачѣмъ еще онъ отъ себя-то *прибавилъ* нѣсколько такихъ же несообразностей? напр. у него (актъ III, сцена 1) Артемидоръ говоритъ:

Богъ помощь, Цезарь!

Въ подлинникѣ сказано:

Hail Caesar! (т. е. здравствуй, Цезарь!)

Въ другомъ мѣстѣ Кассій говоритъ:

О! мы съ тобой слыхали отъ отцовъ,
Что былъ когда-то Брутъ, который въ Римѣ
Скорѣе бъ сталъ терпѣть *толпу чертей*,
Чѣмъ повелителя.

Въ подлинникѣ вмѣсто толпы чертей стоитъ eternal devil, т. е. вѣчный дьяволъ, но г. Фету мало было одного чорта. Онъ вошелъ въ лирическую пассію и уподобился купцу Абдулину, который, тоже въ лирическомъ порывѣ, говоритъ Хлестакову: «что триста! Возьми пятьсотъ!» Что ужъ одного чорта!... *толпу чертей*,—если хотите!..

Впрочемъ, каковы бы ни были ошибки переводчика происходящія отъ буквальности перевода, онѣ еще могутъ быть объяснены желаніемъ быть близкимъ къ Шекспиру. Но г. Фетъ не вездѣ стѣсняетъ себя такимъ образомъ, и иногда оставляетъ Шекспира совершенно въ сторонѣ, не въ силахъ будучи увлечь его за собою въ воздушное свое путешествіе. Отъ недостатка ли свѣдѣній въ англійскомъ языкѣ, или отъ невниманія къ смыслу, отъ лирическаго произвола, или же по другимъ какимъ нибудь причинамъ, онъ часто переводитъ слова и цѣлые стихи совершенно не такъ, какъ слѣдуетъ, и измѣняетъ смыслъ и тонъ подлинника вставкою разныхъ словъ, союзовъ и частицъ, какъ мы увидимъ ниже. Приведемъ сперва отрывокъ, въ которомъ есть нѣсколько подобныхъ недостатковъ.

Кассій.

Ты, Каска, тупъ; тебѣ той искры жизни,
Что въ Римлянахъ должна быть, *недостало*
Или не нужно. Ты смущенъ и блѣденъ
И полонъ страха, растерялся весь,
Увидя гнѣвъ необычайный неба;
Но если бъ ты причину знать хотѣлъ,
За чѣмъ *огни и привидѣнья бродятъ*,
Что свойства птицъ мѣняетъ и звѣрей,
Что старцевъ учитъ *врать*, дѣтей пророчить,
Что обращаетъ каждой вещи видъ
Естественный и ей всегда присущій
Въ чудовищность: тогда бы ты нашелъ,
Что небо этотъ духъ внушаетъ имъ,
Орудіямъ угрозъ и увѣщаній
Странъ съ такимъ чудовищнымъ устройствомъ.

Во второмъ изъ этихъ стиховъ вмѣсто *тебѣ недостало* слѣдовало бы сказать *недостаетъ*, или *у тебя нѣтъ* (you do want), а въ третьемъ слова — *или не нужно* слѣдовало бы замѣнить выраженіемъ—*или ты не употребляешь этой искры въ дѣло* (не пользуешься ею), потому что таково именно значеніе словъ подлинника — or else you use not. Мы не хотимъ этимъ сказать, что г. Фетъ долженъ былъ перевести показанную фразу именно нашими словами; мы добиваемся только сохраненія смысла подлинника. — Въ седьмомъ стихѣ непонятно выраженіе — *огни бродятъ*. Въ подлинникѣ сказано:

Why all these fires, why all these gliding ghosts,

(т. е. зачѣмъ всѣ эти огни, зачѣмъ всѣ эти бродящія привидѣнія), слѣдовательно, слово —бродятъ, должно относиться только къ приви-

дѣніямъ. Притомъ у г. Фета не видно, о какихъ огняхъ идетъ дѣло, а у Шекспира ясно, что здѣсь говорится о необыкновенныхъ атмосферическихъ явленіяхъ, бывшихъ въ ту ночь, въ которую происходилъ разговоръ Кассія съ Каскою. — Въ девятомъ стихѣ слово fools—*безумные* переведено словомъ *врать!* Въ подлинникѣ сказано:

Why old men, fools, and children calculate

(т. е. отъ чего *старики, безумные и дѣти пророчествуютъ*). Вѣроятно г. Фетъ произвелъ слово fools отъ глагола to fool—дурачиться (все-таки не врать), не обративъ при этомъ вниманія ни на смыслъ, ни на грамматику вообще и англійскую въ особенности. Пристрастіе къ *вранью* совершенно ослѣпило г. Фета! Впрочемъ это нисколько не оправдываетъ его въ неуваженіи къ старцамъ, которыхъ онъ, вопреки Шекспиру, заставляетъ *врать*....

Стихи:

— Тогда бы ты нашелъ,
Что небо этотъ духъ внушаетъ имъ,
Орудіямъ угрозъ и увѣщаній,
Странѣ съ такимъ чудовищнымъ устройствомъ.

опять напоминаютъ: «Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ,» и проч.

Въ подлинникѣ сказано:

. . . . you shall find
That heaven hath infus'd them with these spirits,
To make them instruments of fear and warning
Unto some monstrous state.

(т. е. ты найдешь, что небо влило въ нихъ этотъ духъ для того, чтобы сдѣлать ихъ орудіями страха и предостереженія предъ какимъ-то чудовищнымъ (или ужаснымъ) состояніемъ (порядкомъ вещей), или, если угодно, предвареніемъ о какихъ-то ужасныхъ бѣдствіяхъ»). Уже одно слово some—*какой нибудь, какой-то*, должно бы предостеречь г. Фета отъ сдѣланной имъ ошибки. Оно показываетъ, что еслибы даже state (состояніе) перевести словомъ государство, то все-таки здѣсь говорится не о Римѣ, а неопредѣленно о какомъ-то государствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ г. Фетъ перевелъ статуя (statua) словомъ *ликъ*, и этотъ *ликъ* у него *точитъ кровь* изъ сотни жолобовъ!

Цезарь.

Ей нынче мой приснился ликъ,
Какъ бы колодецъ во сто жолобовъ
Точилъ онъ кровь... и проч.

Децій.

Видѣнье это къ радости и къ счастью;
Твой ликъ, точащій кровь изъ жолобовъ, — и проч.

Въ подлинникѣ:

Caesar.

She dreamt to night she saw my *statua*
Which like a fountain, with a hundred spouts,
Did run pure blood; et cet.

(ей снилась въ эту ночь моя статуя, которая подобно фонтану, имѣющему сто трубочекъ, изливала чистую кровь)

Decius.

It was a vision, fair and fortunate:
Your statue spouting blood in many pipes,

(это было видѣніе свѣтлое и счастливое. Твоя статуя, изливающая кровь изъ множества трубочекъ...).

Если, вмѣсто *статуя* мы видимъ у г. Фета *ликъ*, то вмѣсто лица находимъ *обликъ:*

Брутъ.

Не нужно клятвъ: коль *обликъ* человѣка,
Страданье нашихъ душъ, *вражда временъ* —
Безсильны васъ подвигнуть, расходитесь.

Въ подлинникѣ:

No, not an oath. If not the face of men,
The sufferance of our souls, the time's abuse,—
If these be motives weak, break off betimes

(нѣтъ, не нужно никакой клятвы. *Если лицо людей,* страданье нашихъ душъ и *злоупотребленія этого времени,*—если всѣ эти побужденія слабы, то разойдемся заблаговременно.... и проч.) Какой же здѣсь обликъ человѣка? По смыслу подлинника здѣсь разумѣется *стыдъ предъ лицомъ людей.*

Представимъ еще примѣры уклоненій отъ подлинника:

Но вотъ пергаментъ съ Цезарской печатью,
Найденный мной; его тутъ завѣщанье.
Услышь народъ, что въ немъ заключено
(Я *виноватъ* — его вамъ не прочту).
Онъ бы лобзать сталъ Цезаревы раны,
Мочить платки въ святой его крови;
Да, волоса бы сталъ просить на память,—
И передъ смертью *вспоминать о немъ*,
Чтобъ передать его, какъ даръ безцѣнный,
Своимъ потомкамъ.

Въ подлинникѣ вмѣсто *виноватъ* сказано *извините меня* (pardon me), что *тожь, да не всегда все тоже,* говоря словами г. Фета; а вмѣсто *вспоминать* о немъ (о волосѣ) — *упомянули бы о немъ въ своихъ завѣщаніяхъ* (they would mention it within their wills).

Еще смѣлѣй переводъ фразы — unto bad causes swear such creatures as men doubt, — т. е. на злыя дѣла даютъ клятву люди подозрительные (или твари подозрительныя). Г. Фетъ перевелъ ее такъ:

Пусть чернь клянется, коль не вѣрятъ ей.

Какъ не любитъ *черни* г. Фетъ!... А не мѣшало бы ему, вмѣсто подражанія Тредьяковскому въ версификаціи, послѣдовать его практическому совѣту:

Держись черни
И знай штуку!

А то г. Фетъ и черни не держится и штуки не знаетъ! Что хорошаго!...

Въ своихъ уклоненіяхъ отъ подлинника г. Фетъ высказываетъ также мало сообразительности, какъ и при строгомъ слѣдованіи буквѣ. Онъ часто не обращаетъ вниманія на то, что вводимая имъ фраза не только несогласна съ фразою подлинника, но и не вяжется ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ, напр.

Лигарій.
— Что дѣлать мнѣ?

Брутъ.
То, что должно больнымъ послать здоровье.

Лигарій.
Но одному здоровому болѣзнь?

Брутъ.
Такъ быть должно. Въ чемъ это дѣло, Кай,
Скажу, когда пойдемъ къ тому, надъ кѣмъ (*)
Оно должно случиться.

Вотъ это мѣсто въ подлинникѣ:

Ligarius.
. . . What is to do?

Brutus.
A piece of work, that will make sick men whole.

(*) Г. Фетъ превзошелъ здѣсь въ благозвучіи знаменитый стихъ:
Се росска Флакка зракъ, се тотъ, кто, какъ и онъ....

Lig.
But are not some whole, that we must make sick?

Brut.
That must we also. What it is my Cajus
I shall unfold to thee, as we are going,
To whom it must be done.

(т. е. Лигарій. Что предстоитъ дѣлать?

Брутъ. Нѣчто такое, что сдѣлаетъ больныхъ людей здоровыми.

Лигарій. Но нѣтъ ли кое-какихъ здоровыхъ, которыхъ мы должны сдѣлать больными?

Брутъ. *Это мы тоже должны сдѣлать* (или просто: — *есть*). Что это такое, я объясню тебѣ на пути къ тому, съ кѣмъ это надо сдѣлать).

Все это мѣсто у г. Фета не отличается особенной ясностью; но мы обращаемъ здѣсь вниманіе читателей только на слова — *такъ быть должно:* какой смыслъ имѣютъ они въ общей связи рѣчи?

Цезарь, открывая засѣданіе сената, спрашиваетъ:

Что еще забыли,
Въ чемъ долженъ Цезарь и Сенатъ помочь.

Въ подлинникѣ сказано:

. . . *What is now amiss*
That Caesar and his senate must redress?

т. е. *что еще не такъ* (что еще худо), что̀ Цезарь и его сенатъ должны исправить? или другими словами: *какое зло* Цезарь и его сенатъ должны исправить?

Г. Фетъ часто прибавляетъ безъ надобности слова, союзы и частицы, которыя даютъ подлиннику другой смыслъ или другой тонъ, иногда очень странный, напр.

О мощный Цезарь! *Такъ-то* ты лежишь?
Иль всѣ твои побѣды и тріумфы
Въ такую малость сжались? — *Ну,* прощай!

Замѣтьте, это говоритъ Антоній, приверженецъ Цезаря, пораженный видомъ его трупа. У Шекспира сказано:

O mighty Caesar! Dost thou lie so low?
Are all thy conquests, glories, triumphs, spoils
Shrunk to this little measure? Fare thee well!

(т. е. О, мощный Цезарь! Неужели ты лежишь такъ низко? Неужели всѣ твои побѣды, слава, тріумфы и добыча сжались въ такой малый объемъ? Прощай!)

Трибунъ Маруллъ, упрекая гражданъ въ томъ, что они, прежніе приверженцы Помпея, обнаруживаютъ сочувствіе Цезарю и въ праздничныхъ одеждахъ вышли посмотрѣть на его тріумфъ, выражается, по переводу г. Фета, такъ:

Его (Помпея) едва завидя колесницу,
Не общій ли вы подымали крикъ,
Такъ что до дна, бывало, дрогнетъ Тибръ,
Когда раздастся громкій вашъ привѣтъ
По берегамъ извилистымъ его?
А не надѣли лучшихъ вы одеждъ?
А не рѣшились праздновать весь день?
Не сыплете цвѣтовъ на путь тому,
Кто праздновать идетъ Помпея кровь?

А не и *не* прибавки очень странныя; онѣ затемняютъ смыслъ и измѣняютъ тонъ подлинника; *рѣшились* тоже прибавка неумѣстная, а послѣдній стихъ совсѣмъ несогласенъ съ подлинникомъ. Послѣдніе пять стиховъ у Шекспира выражены такъ:

And do you now put on your best attire?
And do you now cull out a holiday?
And do you now strew flowers in his way,
That comes in triumph over Pompey's blood?

(и вы теперь нарядились въ лучшія ваши одежды! И выдумали праздникъ! и усыпаете цвѣтами путь того, кто идетъ въ тріумфѣ по крови Помпеевой!)

Хорошо и это мѣсто:

Невольникъ (знаешь самъ его въ лицо)
Приподнялъ руку лѣвую и, вспыхнувъ,
Она, какъ двадцать факеловъ свѣтила (*)
А для руки безвреденъ былъ огонь.
Да вотъ (съ тѣхъ поръ меча я не влагалъ)
У Капитолія я встрѣтилъ льва:
Онъ грозно глянулъ на меня и прочь
Пошелъ, меня не тронувъ; сбились въ кучу
До сотни блѣдныхъ женщинъ, искаженныхъ

(*) Въ подлинникѣ — пылала и горѣла — *did flame and burn.*

Испугомъ, и клялись, что въ ихъ глазахъ
По улицамъ шли люди всѣ въ огнѣ.
А вотъ вчера ночная птица въ полдень
Усѣлася *какъ-разъ* на площади
Крича и укая! — и проч.

Она свѣтила, *а для руки* (вмѣсто—и для нея) безвреденъ былъ огонь: какъ это грамотно! и какъ милы эти прибавки: *да вотъ*, *а вотъ* и *какъ разъ!*

У г. Фета вообще въ большомъ ходу частицы *ко*, *а*, *же*, разныя междометія, напр. *эхъ*, *ну* и проч. Это у него резервъ, который онъ пускаетъ въ дѣло всякій разъ, какъ замѣтитъ недочетъ въ стопахъ какого нибудь изъ своихъ стиховъ, напр.:

О, что за время, добрый Кай, ты выбралъ
Носитъ платокъ! *Вотъ* будь-*ко* ты здоровъ!

Въ подлинникѣ:

O, what a time have you chose out
To wear a kerchief? Would you were not sick!

т. е.: О, какое время ты выбралъ носить платокъ! если бы ты не былъ боленъ!

Однако посмотри *же*, Кассій

вмѣсто: однако, посмотри, Кассій (But look you, Cassius).

На слова Кальфурніи:

Такъ чтоже, Цезарь? Думаешь идти!
Ты изъ дому ступить не долженъ нынѣ,—

Цезарь отвѣчаетъ:

А Цезарь выйдетъ

По милости этой прибавки, Цезарь является здѣсь какимъ-то капризнымъ ребенкомъ; онъ какъ будто говоритъ: на же вотъ выйду, на зло выйду. Въ подлинникѣ:

CALPHURNIA.
What mean you, Caesar? Think you to walk forth?
You shall not stir out of your house to — day.

(«Какъ, Цезарь! ты думаешь идти? Ты не долженъ выходить сегодня изъ дому» — Цезарь выйдетъ.)

—

Эхъ, добрый Кассій, ты о немъ не думай (актъ I, сц. 1).

—

Эхъ! я имъ въ душу заглянулъ (актъ V, сц. 1).

—

Ну чтожь, не бредъ, Кальфурнія, твой страхъ?

Въ подлинникѣ:

How foolish do your fears seem now Calphurnia!

(Какъ безумны теперь кажутся твои опасенія, Кальфурнія!)

Въ одномъ мѣстѣ къ слову завтра г. Фетъ прибавилъ *на* и вышло — назавтра, что совершенно измѣнило смыслъ подлинника:

Да, говорятъ, сенаторы на завтра
Рѣшились Цезаря признать царемъ.

Порусски это значитъ рѣшились признать царемъ на (одинъ) завтрашній день, тогда какъ въ подлинникѣ сказано: to morrow, т. е. завтра.

Подобныхъ примѣровъ много; они поражаютъ читателя съ первыхъ словъ; такъ во второмъ стихѣ перевода г. Фета (актъ I, сц. 1) совершенно неумѣстно прибавлено слово *что жь*, за то опущено необходимое *что*:

Пошли домой, бездѣльники, — домой!
Иль нынче праздникъ? *Чтожь!* Вамъ неизвѣстно,
Работникамъ не смѣть въ рабочій день
Ходить безъ знаковъ своего занятья?

Впрочемъ, мы здѣсь ошиблись: въ подлинникѣ есть слово, которое г. Фетъ перевелъ — *что жь* и именно — what (какъ). Но одинъ промахъ стоитъ другаго. Въ третьемъ стихѣ смыслъ подлинника затемненъ выпускомъ союза *что*; слѣдовало бы сказать: какъ! вамъ не извѣстно, *что* работники не должны, и проч.

Но не однимъ произвольнымъ переводомъ словъ и фразъ и разными неумѣстными вставками вредитъ смыслу подлинника г. Фетъ; онъ умѣетъ нарушить его самыми разнообразными средствами: неумѣньемъ ясно выразить мысль, опущеніемъ нѣкоторыхъ словъ, пренебреженіемъ къ грамматикѣ роднаго языка, употребленіемъ словъ въ томъ смыслѣ, какой имъ не принадлежитъ, замѣною одной грамматической формы другою. Какъ хороши, напримѣръ, вотъ эти мѣста у г. Фета.

Цезарь, обращаясь къ заговорщикамъ, которые рѣшились убить его въ сенатѣ и пришли звать его туда, говоритъ у г. Фета:

Друзья, войдемъ, вина здѣсь вмѣстѣ выпьемъ
И какъ друзья, отсюда всѣ пойдемъ.

Брутъ.
Что тожь, да не всегда все тоже, Цезарь!
Объ этомъ съ болью сердца мыслитъ Брутъ.

У Шекспира Брутъ говоритъ такъ:

That every like is not the same, o Caesar,
The heart of Brutus yearns to think upon!

Слово въ слово: «это подобіе — не тождество» (или: похоже, да не тоже); о, Цезарь, сердце Брута болитъ отъ этой мысли.

Въ то время, какъ Цезарь долженъ отправиться въ сенатъ, Порція, жена заговорщика Брута, безпокоясь о мужѣ, который открылъ ей свое намѣреніе, спрашиваетъ у гадателя, попавшагося ей на улицѣ:

Что, съ просьбою ты къ Цезарю, не такъ ли?

Гадатель.
Такъ точно, если Цезарю угодно
Меня, изъ дружбы къ Цезарю, услышать,
То попрошу, чтобъ онъ себя берегъ.

Порція.
Ты развѣ знаешь, что ему *грозятъ?*

Гадатель.
Не знаю чѣмъ; боюсь, все можетъ статься.

Въ подлинникѣ послѣдніе стихи выражены такъ:

Portia.
Whyknow'st thou *any harm's intended towards him?*

(Какъ, развѣ ты знаешь, что *противъ него замышляютъ какое нибудь зло?*)

Soothsayer.
None, that J know will be; much, that J fear may chance.

(Ничего не знаю, что будетъ: но боюсь многаго, что можетъ случиться.)

Въ сенатѣ заговорщики просятъ Цезаря о возвращеніи изъ ссылки Публія Цимбера. Цезарь отвѣчаетъ, что его не могутъ тронуть просьбы, какъ людей обыкновенныхъ, что онъ сходенъ съ полярною звѣздой въ небѣ, гдѣ много звѣздъ, но только одна постоянна и неподвижна. Затѣмъ говоритъ:

И въ мірѣ такъ; онъ полонъ весь людей;
А у людей и плоть, и кровь, и чувство.
Но знаю я межъ нихъ лишь одного,
Который сталъ на мѣстѣ недоступномъ
Для всѣхъ напоровъ — и проч.

Что значитъ: *а у людей и плоть, и кровь, и чувство?* Въ подлинникѣ сказано:

And men are flesh and blood, and apprehensive.

(т. е. а люди — плоть и кровь, и ихъ легко разжалобить).

Въ рѣчи надъ трупомъ Цезаря, Антоній говоритъ (по переводу г. Фета):

Друзья мои, не долженъ увлекать
Я васъ къ такому бурному возстанью.
Вѣдь это подвигъ доблестныхъ мужей:
Что побудило ихъ (къ чему?), увы! не знаю,
Но всѣ они и мудры и достойны (чего?)
И вѣрно вамъ во всемъ дадутъ отчетъ.

Поймите изъ этихъ стиховъ, что̀ Антоній называетъ подвигомъ доблестныхъ мужей: возбужденіе къ возстанію, или умерщвленіе Цезаря (о которомъ дѣйствительно здѣсь идетъ рѣчь)? Если примемъ послѣднее, то все-таки темно: по переводу г. Фета выходитъ, что Антоній хвалитъ убійство, какъ подвигъ, свойственный доблестнымъ людямъ. И все это произошло отъ искуственной сжатости, отъ опущенія словъ, которыя въ подлинникѣ дѣлаютъ это мѣсто совершенно яснымъ: тамъ сказано:

Good friends, sweet friends, let me not stir you up
To such a sudden flood of mutiny.
They, that have done this deed, are honourable;
What private griefs they have, alas, J know not,
That made them do it; they are wise and honourable,
And will, no doubt, with reasons answer you.

(Добрые, милые друзья, я не хочу возбуждать васъ къ такому внезапному порыву бунта. Тѣ, которые сдѣлали этотъ поступокъ,— люди честные; увы, я не знаю, какія имѣли они частныя неудо-

вольствія, побудившія ихъ къ нему; они умны и честны и, безъ сомнѣнія, дадутъ вамъ основательный отвѣтъ).

или:

> А Цезарю и Кай Лигарій врагъ,
> *За выговоръ, что похвалилъ Помпея* — и проч.

У Шекспира.

> Cajus Ligarius doth bear Caesar hard
> Who rated him for speaking well of Pompey.

(Кай Лигарій недоволенъ на Цезаря, который сдѣлалъ ему выговоръ за хорошій отзывъ о Помпеѣ).

или:

> Гей тамъ въ толпѣ! *ты* къ Цезарю ступай.

У Шекспира:

> Fellow, come from the throng: look upon Caesar.

т. е. товарищъ (или: эй, малый) выйди изъ толпы, стань предъ Цезаремъ.

Полный тревожными порывами лиризма, г. Фетъ оказываетъ большое пренебреженіе не только англійской грамматикѣ (которой, какъ видно, вслѣдствіе пренебреженія и не знаетъ), но и русской. Читатели вѣроятно уже отчасти замѣтили это изъ приведенныхъ нами стиховъ, но мы приведемъ еще примѣры. По купеческому выраженію, ихъ въ переводѣ г. Фета *большой выборъ*.

Начнемъ хоть съ этого:

> — *Если бъ ты узналъ,*
> Что людямъ льщу и висну (?) я на нихъ,
> А за спиной ругаюсь; *иль узнаешь*, (если бъ?)
> Что на пирахъ отдавъ себя готовъ
> Я всякому, тогда страшись меня.

Если г. Фетъ хотѣлъ сказать *узнаешь*, то онъ долженъ бы прибавить слово *если*, т. е. если узнаешь; иначе предъ *узнаешь* подразумѣвается поставленное выше—*если бъ*.

> Пусть я хранимъ богами въ той же мѣрѣ,
> Въ какой мнѣ честь милѣй, чѣмъ смерть страшна.

Замѣтьте—это цѣлый пунктъ, отъ точки до точки. Отыщите же тутъ здравый смыслъ.

> *Я* говорю, чего страшиться можно
> *А не чего* страшусь: вѣдь все *я* Цезарь.

—

Будь онъ ктобъ *ни былъ.*

—

— Сенатъ надѣть рѣшился нынѣ
На Цезаря могучаго вѣнецъ.
Пошлешь ты имъ сказать, что ты не будешь,
Они отдумать могутъ; даже въ смѣхъ
Оборотить. (что?)

—

— И каждый разъ, какъ это будетъ,
То каждый разъ найдутъ въ союзѣ нашемъ
Людей, что дали родинѣ свободу.

—

Сограждане, *пусть я одинъ уйду.*

(вмѣсто: сограждане, позвольте мнѣ уйти одному (let me depart alone).)

—

Зло *отъ* людей переживаетъ ихъ,
Добро жь *отъ* нихъ хоронятъ часто съ ними.

—

Не слѣдъ вамъ знать, что вамъ его наслѣдство.
Дойди до васъ (что?), о, что бъ въ то время было?

—

Сзовемъ друзей и напряжемъ всѣ силы
И *пусть рѣшимъ* (!) немедля на совѣтѣ,
Какъ тайныя дѣла раскрыть удобнѣй
И дать вѣрнѣй отпоръ бѣдѣ открытой.

Г. Фетъ, какъ видно, переводитъ словомъ *пусть* англійское let, знакъ повелительнаго наклоненія въ первомъ лицѣ!

Ты отъ жены *ли* письма получилъ?

Этою фразою г. Фетъ переводитъ вотъ какой стихъ:

Had you your letters from your wife my lord?

(Получалъ ли ты письма отъ своей жены?)

Но если бы мы вздумали перечислять всѣ грамматическіе промахи г. Фета, то наша статья слишкомъ была бы велика. Мы не сочли нужнымъ приводить подлинникъ всѣхъ погрѣшающихъ въ этомъ отношеніи мѣстъ перевода, которыя нами указаны, хотя они иногда уклоняются отъ оригинала: мы хотѣли здѣсь только представить образчики того, какъ безцеремонно обращается г. Фетъ съ русскою грамматикою.

Что касается до неправильнаго употребленія словъ, то у г. Фета встрѣчаемъ:

Жертвовать, вмѣсто приносить жертву:

Скажи жрецамъ, чтобъ *жертвовали* тотчасъ.

Стеречь, вмѣсто охранять, или стоять на часахъ.

Пусть Люцій и Титиній стерегутъ насъ

(Въ подлинникѣ: Let Lucius and Titinius guard our door, т. е. пусть Люцій и Тициній охраняютъ наши двери, или: стоятъ на часахъ у вашихъ дверей).

Распознать, вмѣсто видѣть:

И многіе жалѣютъ, Брутъ, о томъ,
Что предъ тобой нѣтъ зеркала, *чтобъ видѣлъ*
Ты доблести въ немъ тайныя свои,
И *распозналъ* бы тѣнь свою.

Въ подлинникѣ: that you might see your shadow, чтобы ты *мог видѣть* тѣнь свою. Вообще все это мѣсто написано не по-русски.

Догнать, вмѣсто пригнать:

Враги догнали насъ до края бездны

Увидѣть, вмѣсто посмотрѣть:

Пойдешь ли ты обрядъ увидѣть бѣга?

Пойдешь ли увидѣть: какъ это должно быть пріятно для нѣмца, говорящаго: *я буду посмотрѣть....*

Произнести рѣчь *къ похоронамъ*, вмѣсто по случаю похоронъ:

Прошу дозволить мнѣ
На площадь тѣло выставить его
И тамъ съ трибуны, какъ прилично другу,
Рѣчь произнесть къ его похоронамъ. (!)

Четверить, вмѣсто четвертовать:

— Матери лишь улыбаться будутъ,
Когда дѣтей ихъ станутъ четверить.

Мы говорили, что г. Фетъ, во вредъ ясности подлинника, замѣняетъ одну грамматическую форму другою. Онъ пристрастенъ преимущественно къ повелительному наклоненію.

Напримѣръ, такіе стихи:

Будь глазъ моихъ не меньше ранъ твоихъ,
Чтобъ слезы лить, какъ кровь изъ *нихъ* струиться.

Что это за стихи! Подумаешь, что они взяты напрокатъ изъ *Фауста* г. Овчинникова.

Будь глазъ моихъ не меньше ранъ твоихъ!...

Нѣтъ, рѣшительно—

Все то звѣздня,
Одна взмазня, —

— какъ говоритъ г. Овчинниковъ.... Г. Фетъ хотѣлъ попробовать, до какой степени удачно можетъ онъ подражать знаменитому переводчику «Фауста». Повторимъ еще разъ:

Будь глазъ моихъ не меньше ранъ твоихъ,
Чтобъ слезы лить, какъ кровь изъ тѣхъ струится.

Этимъ г. Фетъ хотѣлъ сказать вотъ что: *Если бы у меня было* столько же глазъ, сколько у тебя ранъ, и если бы они могли плакать такъ же сильно, какъ изъ этихъ ранъ струится кровь.

Или:

Затѣялъ подвигъ я такой, Лигарій,
Лишь будь здоровъ твой слухъ о немъ taчить.

Опять таже самая взмазня и звѣздня! На человѣческомъ языкѣ это значитъ: я имѣю въ виду подобный подвигъ, если твои уши на столько здоровы, чтобы о немъ послушать.

(Such an exploit have j in hand, Ligarius,
Had you a healthful ear to hear of it)

или:

О Брутѣ дурно не толкуй онъ тутъ.

т. е.: лучше всего было бы, еслибъ онъ не говорилъ здѣсь ничего дурнаго о Брутѣ.

('Twere best he speak no harm of Brutus here.)

Къ искаженіямъ смысла подлинника мы не безъ нѣкотораго права причисляемъ не только произвольныя перемѣны въ словахъ и фразахъ, допущенныя г. Фетомъ, но и темноту его перевода, нарушеніе грамматическихъ правилъ роднаго языка, употребленіе словъ его не въ томъ смыслѣ, который имъ принадлежитъ, и наконецъ неумѣстную замѣну одной грамматической формы другою. Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда мы своимъ переводомъ навязываемъ ему неясность и двойственность, которыхъ въ немъ нѣтъ? Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда въ переводѣ читателя останавливаетъ какая нибудь грамматическая безсмыслица, которая заставитъ его предполагать тоже въ оригиналѣ? Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда мы хотимъ насиль-

но придать фразѣ неестественный оборотъ, надъ которымъ приходится ломать голову, тогда какъ этого нѣтъ въ оригиналѣ?

Спрашивается, чему же г. Фетъ жертвовалъ, и смысломъ подлинника, и ясностью рѣчи, и законами роднаго языка? Не легкости ли и изяществу стиха? Но каковы бы ни были перемѣны, сдѣланныя г. Фетомъ, онѣ не помогли ему придать легкости своему стиху. Мы это видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, можемъ привести и другіе. Вообще легкости и изящества стиха не видно въ переводѣ г. Фета. Напротивъ того мы находимъ въ немъ много стиховъ, напоминающихъ манеру Тредьяковскаго, и тѣ, такъ называемыя піитическія вольности, которыя de jure давно уже изгнаны изъ нашей литературы, но фактически, какъ видно, еще существуютъ въ ней. Сюда относится неестественная перестановка въ стихахъ словъ, а въ словахъ удареній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ переводѣ г. Фета мы встрѣчаемъ Маркà Катона, вмѣсто Мàрка Катона (актъ V, сц 4), если́ вмѣсто если (актъ IV, сц. 3), этò вмѣсто это (а. V, сц. 4), Децìй вмѣсто Децій (актъ II, сц. 2), Мèссала, Мессàла и Мессалà, смотря по надобности; порý вмѣсто пòру (актъ II, сц. 1). Нужнò ли представлять примѣры неестественной перестановки словъ и уродливости въ стихахъ послѣ тѣхъ образчиковъ, которые мы видѣли выше? Пожалуй, приведемъ еще нѣсколько:

Не какъ добыча ль множества князей
Лежитъ онъ здѣсь?

Никто другой его не славенъ смертью.

Каска.
Кто помнитъ небо *полнымъ такъ грозой?*

Кассій.
Тотъ, кто видѣлъ такъ полной землю помнитъ.

—

Его и какъ намъ нуженъ видъ его
Представилъ очень вѣрно ты.

Здѣсь г. Фетъ бросился, кажется, уже съ девятаго этажа, чтобы добыть такіе стишки. Въ подлинникѣ сказано:

Him, and his worth, and our great need of him
You have right well conceited.

(т. е. ты правильно понялъ его, его достоинство и нашу великую нужду въ немъ).

А Брутъ вполнѣ достойный человѣкъ.
Какъ *всѣ* они, достойные *всѣ* люди.

Кассій.

Иль ты, любя меня, стерпѣть не можешь,
Когда въ пылу забудусь, мнѣ врожденномъ
Отъ матери?

Брутъ.

Да, Кассій, и отнынѣ,
Когда ты съ Брутомъ будешь слишкомъ строгъ,
Подумавъ: мать ворчитъ въ немъ (въ комъ?), *онъ* (кто?)
уступитъ

Темны и нескладны слова Кассія, но Брутъ превзошелъ его въ этомъ отношеніи.

Въ подлинникѣ послѣдній стихъ выраженъ такъ:

He'll think your mother chides, and leave you so.

т. е. онъ подумаетъ, что это твоя мать бранится, и не будетъ возражать тебѣ.

Клятву взялъ съ тебя,
Что что бы я тебѣ ни приказалъ,
Ты все исполнишь.

—

Чтобъ это зло смердѣло по землѣ,
Непогребенной падалью людской.

Это выраженіе очень мило. Выраженіемъ *падаль людская* онъ перевелъ слова carrion men. Слово carrion дѣйствительно значитъ падаль; но carrion men слѣдовало бы перевести: валяющіеся людскіе трупы или тѣла.

У Цезаря какъ перья эти вырвешь,
Такъ онъ пониже *спустится летать*,
А то бы онъ, поднявшись вонъ изъ глазъ,
Держалъ насъ всѣхъ подъ раболѣпнымъ страхомъ.

—

А Маркъ Антоній, что о немъ и думать;
Онъ Цезаревой не сильнѣй руки
Безъ Цезаревой головы.

Послѣдніе два отрывка мы приводимъ, какъ примѣры особенной легкости и изящества.

Повторимъ вопросъ: чему же г. Фетъ жертвовалъ и смысломъ подлинника и ясностью своего перевода? Мы уже видѣли, что идоломъ его не были изящество и легкость стиха, а что-то другое, чему и эти достоинства принесены въ жертву. Идоломъ г. Фета

былъ, повидимому, стихотворный *размѣръ*. Переводчикъ, кажется, задалъ себѣ задачу—соблюсти этотъ размѣръ во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось броситься съ пятнадцатаго этажа внизъ головою, — и онъ достигъ своей цѣли.... Но какими средствами? Самыми экстраординарными. Напр. ему нужно дополнить стихъ, въ которомъ недостаетъ стопы. Что тутъ дѣлать? Г. Фетъ не задумывается: у него есть цѣлая армія односложныхъ словъ, которыми можно заставить пустое мѣсто въ каждомъ стихѣ и такимъ образомъ обезобразить какую угодно тираду. Армія эта довольно многочисленна. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ ея воиновъ, особенно часто выручающихъ г. Фета въ борьбѣ съ версификаціей:

А, бы, вотъ, все, гей, да, же, и, иль, какъ, ко, ли, лишь, на, о, пусть, такъ, то, тутъ ужь, уже, что, эхъ....

Ежели пересчитать, сколько разъ всѣ эти и подобныя имъ слова встрѣчаются безъ всякой нужды въ переводѣ г. Фета, то наберется по малой мѣрѣ семьсотъ семьдесятъ семь, а то пожалуй и цѣлая тысяча.

Но только-что г. Фетъ, при помощи столь многочисленнаго войска, побѣдитъ затрудненіе, происходящее отъ недостатка стопъ, какъ является другое: стихъ слишкомъ длиненъ, словъ много,— куда ихъ дѣвать? Тутъ г. Фетъ придумываетъ средство довольно оригинальное: при малѣйшемъ излишкѣ въ стихѣ, онъ выбрасываетъ изъ него здравый смыслъ, полагая, что отъ этого стихъ сократится. Онъ и сократится, дѣйствительно, — только въ немъ ужь, по выраженію самого же г. Фета, нельзя будетъ *«расложать и признака малѣйшаго.»* Впрочемъ лирику нашему очень мало до этого нужды: онъ, какъ видно, полагаетъ, что для того, чтобы броситься съ седьмаго этажа внизъ головою, здраваго смысла вовсе не требуется....

Но фразу, даже и освобожденную отъ излишка здраваго смысла, все-таки нужно упрятать въ какія нибудь удобо-соединимыя грамматическія формы. Г. Фетъ и этого не признаетъ: онъ остается глухъ и нечувствителенъ ко всѣмъ требованіямъ грамматики.... Онъ гонитъ ее отъ себя всякій разъ, какъ только на него найдетъ дурной стихъ, и только развѣ изъ милости позволяетъ иногда русской грамматикѣ остаться въ стихѣ, съ подчиненіемъ правиламъ грамматики англійской.... Но вотъ опять бѣда: какого нибудь слова никакъ нельзя приладить къ стиху по ударенію его, или по числу слоговъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, или потому, что его слѣдуетъ поставить въ рѣчи именно на такомъ-то мѣстѣ.... И тутъ г. Фетъ

является неограниченнымъ властелиномъ языка, не признающимъ надъ собою никакихъ законовъ: удареніе въ словѣ онъ заставитъ перейти на другое мѣсто, — гдѣ ему быть слѣдуетъ по требованію стиха г. Фета. Если же слово и за тѣмъ по своему объему не подходитъ подъ стихъ, то лирикъ нашъ отважно выбрасываетъ его за окно и обращается къ языку славянскому, простонародному, канцелярскому, гдѣ и отыскиваетъ подходящій синонимъ или другую форму того же слова. Такъ вы у него найдете и *трапеза*, и *обстоитъ*, и *кажи*, и *владыко*, и *вечоръ*, слова изъ самыхъ различныхъ сферъ, нерѣдко поставленныя даже рядомъ одно съ другимъ. И все это г. Фетъ дѣлаетъ, разумѣется, не потому, чтобы онъ сообразовался съ тономъ подлинника, въ которомъ тоже иногда языкъ измѣняется, смотря потому, какія лица выступаютъ на сцену, — а единственно для стихотворнаго размѣра. Г. Фетъ не пренебрегаетъ и преданьями временъ давно минувшихъ; манеру выражаться онъ, сознательно или безсознательно — заимствуетъ иногда и у Тредьяковскаго, и у знаменитаго лирика Петрова, и у славнаго оратора Θеофана Прокоповича, и у того подъячаго временъ Алексѣя Михайловича, котораго челобитье, написанное на такомъ длинномъ столбцѣ, вывѣшено было въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Словомъ — г. Фетъ, подобно пчелѣ, собирающей медъ изъ разныхъ цвѣтовъ, черпаетъ слова и выраженія, изъ всевозможныхъ источниковъ. И въ тоже время, подобно самовластному господину, онъ помыкаетъ и смысломъ и грамматикою; подобно скупому домохозяину, у котораго ничто не пропадаетъ, онъ собираетъ всякіе лоскутки и ветошь и залѣпляетъ ими разбитыя окна своего дома.... Зато и переводъ его похожъ на какую-то груду мусора, которымъ завалена превосходная картина или статуя. Сходство этого перевода съ подлинникомъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оба они написаны пятистопными ямбами. Но вѣроятно г. Фету извѣстно, что подобное сходство слишкомъ еще незначительно для того, чтобы ему жертвовать всѣмъ остальнымъ.... Впрочемъ, точно ли *ему* именно пожертвовалъ всѣмъ г. Фетъ? Мы уже и въ этомъ сомнѣваемся, потому что и *проза* г. Фета страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и стихи. Въ Юліи Цезарѣ, и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя написаны не стихами, г. Фетъ тоже успѣлъ надѣлать ошибокъ очень крупныхъ, въ родѣ *не надрывайся надо мной* и т. п. Значитъ проза сама по себѣ еще не можетъ служить для г. Фета спасеніемъ....

Но мы все представляли частныя ошибки и небольшіе отрывки, по которымъ нельзя судить о тонѣ и достоинствѣ всего перевода.

Приведемъ теперь нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ характеръ новаго произведенія г. Фета долженъ выразиться явственнѣе.

Брутъ.

Одинъ исходъ тутъ смерть его. А я
Его столкнуть, причинъ не знаю личныхъ,
Но ради общихъ. Онъ вѣнца желаетъ.
Насколько *это* (?) въ немъ измѣнитъ духъ, —
Вопросъ. Лишь знойный день раждаетъ змѣй;
Ходить при этомъ должно осторожно.
Ему *вѣнчаться? Это,—тутъ* ручаюсь,
Ему дадимъ мы жало, чтобъ могъ онъ
По волѣ имъ вредить. Величье—зло,
Когда оно отъ совѣсти отдѣлитъ
Власть; говоря о Цезарѣ по правдѣ,
Не помню я, чтобъ страсти превышали
Разсудокъ въ немъ. Но общая замѣтка, —
Смиренье лѣстница для честолюбцевъ,
Кто лажетъ вверхъ, лицемъ къ ней обращенъ;
А кто достигнулъ самой высшей точки,
Тотъ къ лѣстницѣ ужь обращаетъ тылъ
И смотритъ вверхъ, *смѣясь ступенямъ нижнимъ,*
По коимъ взлѣзъ. Такъ сдѣлать Цезарь можетъ:
Предупредимъ, пока онъ такъ не сдѣлалъ;
И если не оправдываетъ онъ
Еще вражды къ нему, разсудимъ вотъ-какъ:
Коль увеличить то, чѣмъ онъ теперь,
Такъ или этакъ можетъ выйти крайность;
За тѣмъ считать его яйцомъ змѣи
Съ зародышемъ опаснымъ по природѣ
И въ скорлупѣ еще убить его.

Желали бы мы видѣть того счастливца, который съумѣетъ сказать навѣрное: съ какого этажа нужно броситься, чтобы написать такіе неизъяснимо-отчаянные стихи. Что касается до насъ, то мы, прочитавъ ихъ, только и могли, съ крайнимъ прискорбіемъ о переводчикѣ, повторить: «*затѣмъ считать его яйцомъ!*» Что же еще прибавить къ этому канцелярскому рѣшенію, вложенному нашимъ своевольнымъ лирикомъ въ уста Брута.

А вотъ это мѣсто въ подлинникѣ:

It must be by his death: and for my part
I know no personal cause to spurn at him,
But for the general. He would be crown'd: —
How that might change his nature, there's the question.

It is the bright day, that brings forth the adder;
And that craves wary walking. Crown him? — That; —
And then, I grant we put a sting in him,
That at his will he may do danger with.
The abuse of greatness is, when it disjoins
Remorse from power: and to speak truth of Cæsar,
I have not known when his affections sway'd
More than his reason. But 'tis a common proof,
That lowliness is young ambition's ladder,
Whereto the climber-upward turns his face:
But when he once attains the upmost round,
He then unto the ladder turns his back,
Looks in the clouds, scorning the base degrees
By which the did ascend: so Cæsar may;
Then, lest he may, prevent. And since the quarrel
Will bear no colour for the thing he is,
Fashion it thus; that what he is augmented,
Would run to these and these extremities:
And therefore think him as a serpent's egg,
Which, hatch'd would, as h is kind, grow mischievous;
And kill him in the shell.

(т. е. одно средство — смерть его. Что до меня — я не имѣю личныхъ причинъ нападать на него; я стремлюсь только къ общему благу. Ему хочется короны: вопросъ здѣсь въ томъ, — какъ она можетъ измѣнить его натуру. Змѣи выползаютъ только въ ясный день, и это заставляетъ ходить съ осмотрительностью. Кароновать его? — Такъ — чрезъ это, конечно, мы дадимъ ему жало, которымъ онъ можетъ вредить по своему произволу. Злоупотребленіе величія состоитъ въ томъ, когда оно отдѣляетъ совѣсть отъ власти: сказать правду, я не замѣчалъ, чтобы въ Цезарѣ страсти преобладали надъ разсудкомъ. Но, — общеизвѣстная истина, — смиренье служитъ лѣстницею для юнаго честолюбія: взбирающійся по ней обращается къ ней лицомъ, но дойдя до верху, онъ поворачивается къ лѣстницѣ спиною, смотритъ въ облака и презираетъ низкія ступени, по которымъ взошелъ. Тоже можетъ случиться и съ Цезаремъ, предупредимъ же эту возможность. Въ нынѣшнемъ значеніи Цезаря нѣтъ никакого повода враждовать противъ него; но обратимъ вниманіе на то, что если его значеніе увеличится, то это приведетъ къ такимъ-то и такимъ крайностямъ. И потому будемъ на него смотрѣть, какъ на змѣиное яйцо, которое сдѣлается зловреднымъ подобно всему змѣиному роду, когда изъ него выйдетъ плодъ, и убьемъ его еще въ скорлупѣ.)

Вотъ другое мѣсто изъ г. Фета.

Брутъ.

Пусть чернь клянется коль не вѣрятъ ей,
Но не порочь ты нашего рѣшенья,
Неукротимой силы нашихъ душъ,
Предположивъ, что замыслъ нашъ иль дѣло
Нуждаться могутъ въ клятвѣ, — *если каждый*
Сынъ Рима каждой чистой каплей крови
Въ опасности быть выродкомъ отдѣльнымъ,
Нарушитъ хоть малѣйшую частицу
Того что онъ однажды обѣщалъ

Надобно быть выродкомъ отдѣльнымъ, чтобы понять малѣйшую частицу того, что г. Фетъ сочинилъ здѣсь, вмѣсто Шекспирова подлинника.

Въ подлинникѣ сказано:

— — — unto bad causes swear
Such creatures as men doubt; but do not stain
The even virtue of our enterprize,
Nor the insuppressive mettle of our spirits,
To think, that, or our cause, or our performance,
Did need an oath; when every drop of blood,
That every Roman bears, and nobly bears,
Is guilty of a several bastardy,
If he do break the smallest particle
Of any promise that hath pass'd from him.

(т. е. Люди подозрительные даютъ клятву на злыя дѣла, — но не пятнайте чистоты нашихъ намѣреній и непреклонной твердости нашего духа той мыслью, будто бы нашъ замыселъ или его выполненіе нуждаются въ клятвѣ: тогда какъ каждая капля крови, которую носитъ въ себѣ римлянинъ, и носитъ съ честью, становится многократно незаконною (вотъ гдѣ онъ — выродокъ-то отдѣльный!), если онъ нарушитъ хоть малѣйшую частицу какого нибудь изъ своихъ обѣщаній).

Вотъ еще одно мѣсто.

Брутъ.

Антоній, смерти не проси у насъ,
Кровавы и жестоки мы на видъ,
Такими наши руки и ихъ дѣло
Являютъ насъ; ты наши руки видишь,
И ихъ кровавый подвигъ предъ тобой;

Но ты въ сердцахъ не видишь состраданья,
А только жалость къ общимъ стонамъ Рима
(Огонь тѣснитъ огонь, а жалость — жалость)
На Цезаря возстала.

Бѣдный Брутъ! ты наказанъ за умерщвленіе Цезаря: г. Фетъ осудилъ тебя говорить или нескладицу или безсмыслицу. Вотъ какъ выражены у Шекспира послѣдніе четыре стиха:

Our hearts you see not, they are pitiful;
And pity to the general wrong of Rome
(As fire drives out fire, so pity, pity,)
Hath done this deed on Cæsar.

(т. е. Но ты не видишь сердецъ нашихъ: они сострадательны, и причиною этого поступка съ Цезаремъ было состраданіе къ общему бѣдствію Рима (какъ огонь выгоняется огнемъ; такъ состраданіе — состраданіемъ).

Г. Фетъ перевелъ слова — «ты не видишь сердецъ нашихъ, они сострадательны», непонятнымъ стихомъ «но ты въ сердцахъ не видишь состраданья.» Во первыхъ здѣсь является вопросъ: въ чьихъ сердцахъ?—а во вторыхъ, вслѣдствіе опущенія слова *нашихъ*, можно съ перваго раза приписать этой фразѣ другой смыслъ: *въ сердцахъ*, т. е. будучи раздраженъ, сердитъ. Неясность этого стиха и неполная передача мысли подлинника дѣлаетъ и послѣдующій стихъ неяснымъ. Оба они связаны такимъ образомъ, что какъ будто ими г. Фетъ хотѣлъ сказать: «ты не видишь въ сердцахъ состраданья, а видишь только жалость къ общимъ стонамъ Рима.» Иначе и понять нельзя, пока читатель чрезъ вставочную мысль — «огонь тѣснитъ» (т. е. вытѣсняетъ) огонь, а жалость—жалость, не доберется до словъ — на Цезаря возстала.

Мѣста подлинника, соотвѣтствующія приведеннымъ нами тремъ послѣднимъ отрывкамъ изъ перевода г. Фета, не принадлежатъ къ лучшимъ въ Юліѣ Цезарѣ: въ нихъ много холоднаго разглагольствованія. Можетъ быть Шекспиръ вложилъ въ уста Брута подобныя рѣчи, съ цѣлью изобразить настоящаго римлянина, который даже въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, не можетъ удержаться отъ реторическаго изображенія возвышенности чувствъ своихъ. Это относится преимущественно ко второму отрывку: онъ составляетъ третью часть того, что наговорилъ Брутъ по поводу предложенія Кассія скрѣпить заговоръ клятвою. Какъ бы то ни было, эти мѣста и въ подлинникѣ холодны, и потому въ переводѣ ихъ мы ставимъ г. Фету въ вину только недостатокъ ясности, близости къ оригиналу, грамматическаго и логическаго смысла, не думая обви-

нять его въ недостаткѣ изящества стиха, хотя желательно было бы, чтобы этотъ стихъ былъ полегче. Но посмотримъ, какъ г. Фетъ передаетъ лучшія мѣста подлинника. Вотъ переводъ одного изъ нихъ:

Антоній.

Коль слезы есть у васъ, готовьте ихъ.
Всѣмъ вамъ вотъ этотъ плащъ знакомъ. Я помню,
Когда въ немъ Цезарь *вышелъ* въ первый разъ,
То было лѣтнимъ вечеромъ, въ палаткѣ, (вышелъ въ палаткѣ?)
Онъ въ этотъ день Неврійцевъ покорилъ.
Вотъ! вотъ гдѣ Кассіевъ прошелъ кинжалъ!
Смотрите, какъ ворвался злобный Каска!
А это Брутъ возлюбленный прошибъ;
И, *вотъ, лишь* вырвалъ онъ проклятый ножъ,
Ужъ Цезарева кровь за нимъ во слѣдъ
Рванулась, какъ за дверь, чтобы узнать,
Что, точно ль Брутъ стучится такъ *жестоко*:
Вѣдь Цезаревымъ ангеломъ былъ Брутъ.
О Боги, какъ онъ Цезарю былъ дорогъ!
Такой ударъ чувствительнѣй былъ всѣхъ;
И, только Цезарь *это* (что?) увидалъ,
Неблагодарность злѣй, чѣмъ сталь убійцъ,
Его сразила: замеръ мощный духъ;
И, завернувъ лицо вотъ въ этотъ плащъ,
Къ подножію Помпеевой статуи,
Съ которой кровь струилась, Цезарь палъ,
Друзья! что это было за паденье!
И я, и вы, мы всѣ упали съ нимъ,
Обрадовавъ кровавую измѣну.
Вы плачете, — я чувствую, что въ васъ
Проснулась жалость; въ этихъ капляхъ нѣжность.
Вы плачете, друзья, лишь увидавъ
Изъянъ въ одеждѣ Цезаря? смотрите,
А вотъ онъ самъ измѣной искаженъ.

Въ этомъ мѣстѣ красота подлинника проглядываетъ нѣсколько даже и сквозь переводъ г. Фета; но надо отдать справедливость переводчику: онъ и здѣсь съумѣлъ нѣсколькими неуклюжими словами и прибавками испортить общее впечатлѣніе... Такъ поступилъ онъ и со всей пьесой. ..

Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ можно судить о достоинствахъ перевода г. Фета. Сужденіе это будетъ, разумѣется, не въ его пользу. Но, можетъ быть, читатели подумаютъ, что все это —

частности, что недостатки нѣкоторыхъ мѣстъ перевода выкупаются блестящими достоинствами другихъ мѣстъ его. Если бы это было такъ, мы бы извинили г. Фету частные недостатки. Вѣдь смотримъ же мы сквозь пальцы на странные, часто дикіе, — чтобы не сказать больше, — стихи въ его мелкихъ непереводныхъ стихотвореніяхъ. Мало того: мы ищемъ въ нихъ какой-то особенной поэзіи, стараемся понять ихъ и находимъ въ нихъ какія-то особыя достоинства, въ которыхъ увѣряемъ и другихъ. Что причиною подобной снисходительности? Уваженіе къ блестящимъ сторонамъ таланта г. Фета и къ тому, что въ одномъ и томъ же стихотвореніи, рядомъ съ этими дикими стихами, мы видимъ стихи полные жизни, гармоніи и поэзіи. Тѣмъ болѣе мы простили бы г. Фету нѣкоторые промахи въ произведеніи, занимающемъ собою около сотни печатныхъ страницъ. Но дѣло въ томъ, что *прекрасныхъ мѣстъ* въ переводѣ г. Фета *нѣтъ;* есть мѣста порядочныя, да и тѣхъ *немного*, а промаховъ такая бездна, что переводъ г. Фета весь можно назвать однимъ огромнымъ, сплошнымъ промахомъ. Желающимъ повѣрить наши слова мы предоставляемъ пересмотрѣть переводъ отъ начала до конца. На каждой страницѣ, за исключеніемъ развѣ трехъ или четырехъ, незначительныхъ по своему содержанію, непремѣнно найдется нѣсколько ошибокъ; нѣкоторыя же страницы ими просто испещрены. Два послѣдніе акта переведены удачнѣе трехъ первыхъ (хотя все-таки далеко неудовлетворительно); но это нисколько не утѣшаетъ въ искаженіи лучшихъ мѣстъ подлинника. Мы, разумѣется, привели меньшую часть тѣхъ недостатковъ, которые нашли въ переводѣ; но и эти выписки насъ утомили. Во всей статьѣ нашей мы говорили почти только о томъ, какъ г. Фетъ передаетъ смыслъ подлинника, тогда какъ для перевода мало сохранить смыслъ и соблюсти правильность и чистоту языка; для него нужна жизнь, которою проникнутъ подлинникъ. Мы примѣняли къ г. Фету требованія довольно ограниченныя, не упоминая о томъ, что въ его переводѣ не встрѣчается почти ни одной искры одушевленія. Объ этомъ недостаткѣ нельзя дать понятіе выписками. Авторъ, какъ видно, заботился о формѣ, забывая о содержаніи: самую форму онъ понималъ въ смыслѣ слишкомъ ограниченномъ.

Просимъ г. Фета не быть на насъ въ претензіи за невыгодный отзывъ о его произведеніи. (Мы не смѣемъ приписать Шекспиру «Юлія Цезаря», напечатаннаго въ III № Библіотеки для Чтенія). Можетъ быть большинство критиковъ похвалитъ его, по уваженію и довѣрію къ таланту нашего лирика. Но, даже подъ опасеніемъ быть *выродкомъ отдѣльнымъ*, мы рѣшились высказать г. Фету правду (по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію). Надѣемся, что наша

Вы уже чувствуете расположеніе къ автору за такую гуманность, и думаете, что г. Дымманъ далеко ушелъ отъ теорій г. Миллеръ-Красовскаго. Съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, подобныя мысли должны представляться безумными и отчаянно либеральными. Какъ! Не бить дѣтей! Не кричать на нихъ!! Вразумлять ихъ!! Толковать имъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть ихъ поступокъ!!! Что можетъ быть ужаснѣе для вѣрнаго *рыцаря трехъ пощечинъ?* Какое преступленіе можетъ болѣе этого возмутить его? Навѣрно г. Миллеръ-Красовскій скажетъ о г. Дымманѣ, что онъ «не заглядывалъ въ жизнь и силенъ однѣми кабинетскими теоріями»; навѣрное сочтетъ его послѣдователемъ «руссоскихъ плевелъ филантропизма».

Но формы, въ которыхъ проявляется житейская философія, могутъ быть очень разнообразны, нисколько не измѣняя тѣмъ ея существеннаго характера. Прочитавъ «Науку Жизни», мы увидимъ, что г. Ефимъ Дымманъ въ сущности не менѣе кого другаго уважаетъ молчалинскую теорію умѣренности и аккуратности; безусловное повиновеніе онъ любитъ не менѣе, чѣмъ самъ рыцарь *трехъ пощечинъ*. Но складъ ума г. Ефима Дыммана болѣе дипломатическій, и оттого правила, предписываемыя имъ, никогда не имѣютъ такого жестокаго характера, и даже въ грамматическомъ отношеніи не столь ужасны, какъ «Основные законы воспитанія» г. Миллеръ-Красовскаго, восхищающагося своими *тремя пощечинами*. Г. Ефимъ Дымманъ отличается чрезвычайнымъ житейскимъ благоразуміемъ и такою гибкостью ума и совѣсти, какой можетъ позавидовать любой дипломатъ. Вотъ отчего и происходитъ видимое различіе его совѣтовъ отъ предписаній мудрецовъ, подобныхъ г. Миллеръ-Красовскому. Но по самой ловкости изложенія, «Наука Жизни» заслуживаетъ того, чтобы на нее обратить серьёзное вниманіе. Въ ней возведено въ систему то, что у насъ обыкновенно дѣлается безсознательно; она представляетъ кодексъ принятой нынѣ житейской нравственности. Съ этой точки зрѣнія она очень любопытна, и мы считаемъ нелишнимъ разсмотрѣть ее съ нѣкоторой подробностью.

Авторъ «Науки Жизни» какъ открывается изъ разныхъ мѣстъ книги, служилъ прежде въ военной службѣ; дошелъ до степеней извѣстныхъ, содѣлался старцемъ, былъ женатъ, но теперь живетъ одиноко, имѣя въ домѣ четырехъ человѣкъ: пожилую женщину, въ родѣ ключницы, кучера, повара и лакея, — которые безпрестанно между собою ссорятся и *просятъ разсчета* у автора (стр. 243). Но г. Ефимъ Дымманъ и съ этими безпокойными людьми умѣетъ ладить

такъ же хорошо, какъ онъ ладитъ со всѣми на свѣтѣ, и въ этомъ-то умѣньи со всѣми ладить заключается его искусство общежитія, которое хочетъ онъ передать молодымъ людямъ.

«Наука Жизни» заключаетъ въ себѣ именно правила о томъ, какъ ужиться съ людьми, пріобрѣсть общее уваженіе и нажить состояніе. По благожелательности и по добротѣ своего сердца, авторъ заботится о мирѣ, тишинѣ и общемъ благополучіи; но опытъ жизни, содѣлавъ его Талейраномъ, научилъ его не предаваться движеніямъ своего сердца. «Прежде всего,—совѣтуетъ онъ юношѣ,—сдѣлай себѣ всегдашнимъ правиломъ: никогда не предаваться своему первому движенію, какъ въ отношеніи людей, такъ и во всѣхъ твоихъ дѣлахъ» (стр. 235). Вы знаете, что и Талейранъ говорилъ тоже самое, прибавляя только резонъ: «*потому*, что первое движеніе всегда хорошо». Кажется, что и г. Ефимъ Дымманъ имѣетъ туже тайную мысль; но онъ не такъ простъ, чтобы высказать ее прямо: опытъ жизни научилъ его быть осторожнѣе и хитрѣе Талейрана. Вслѣдствіе того, онъ и не говоритъ иначе, какъ языкомъ дипломатическимъ. Юноши, которые будутъ читать «Науку Жизни», непремѣнно должны имѣть это въ виду. Для того, чтобы лучше понять ее, они могутъ даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнѣйшихъ въ ней словъ. Напр. *лицемѣріе* въ наукѣ жизни изображается постоянно подъ видомъ *вѣжливости*, *подлость* — подъ именами *угожденія* и *искательства*, *мошенничество* — называется *ловкостью*, *подозрительность* и *малодушіе* — *осторожностью*, *кража* всѣхъ видовъ — *пользованіемъ обстоятельствами*, *шарлатанство* — *сноровкою* и пр. И все это пересыпается, само собою разумѣется, безпрестанными громкими воззваніями о честности, добросовѣстности, братолюбіи, помощи несчастнымъ и т. п. Словомъ, вся книжка составлена чрезвычайно дипломатически. Разсмотримъ же сущность ея содержанія, имѣя въ виду сдѣланную нами оговорку относительно фразеологіи автора.

Цѣлію жизни поставляетъ г. Дымманъ пріобрѣтеніе житейскаго благополучія, т. е. общаго почета, обезпеченнаго состоянія и долговѣчности. Средства для этой цѣли предписываются самыя практическія, и притомъ такого свойства, что, по мнѣнію самого автора, «для человѣка слабаго духомъ могутъ показаться трудными». «Но, продолжаетъ онъ — за то они вѣрны и дѣйствительны, и мы съ ними совершимъ дѣло чудное: пріобрѣтемъ любовь людей; *честнымъ образомъ* обезпечимъ себя состояніемъ и будемъ здоровы, счастливы и долговѣчны. А изъ благодарности ко Всевышнему, даровавшему намъ эти средства, будемъ помогать неимущимъ и

слабымъ, защищать праваго и невиннаго, и стяжаемъ имя людей добрыхъ, честныхъ и благоразумныхъ» (стр. 344). Этими словами оканчиваетъ авторъ свою книгу, и вы видите, что онъ хлопочетъ о добрѣ и честности. Слушайтесь его, и вы будете долговѣчны, богаты и всѣми уважаемы, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Авторъ увѣренъ въ этомъ, и, какъ намъ кажется, не напрасно. Съ полнымъ и горячимъ убѣжденіемъ (хотя нѣсколько и витіевато) говоритъ онъ въ началѣ книги: «Прежде приступа къ нашему дѣлу, весьма серьёзному и очень далекому отъ всякаго пустословія и отъ всякаго сцѣпленія забавныхъ, скуки ради, приключеній, скажу я тебѣ, юноша, что *ни въ чемъ такъ свято и положительно не увѣренъ я, какъ въ пользѣ и добрѣ, приносимыхъ мною въ дань прекрасному нашему юношеству этою книгою;* что ни надъ чѣмъ не трудился я съ такимъ душевнымъ посвященіемъ, какъ надъ нею, и что ничего въ жизни пламеннѣе не желаю я, какъ того, чтобы юное наше поколѣніе вполнѣ ею воспользовалось» (стр. 13). Мы не станемъ до времени выражать нашего мнѣнія о томъ, желательно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ кто нибудь воспользовался правилами г. Ефима Дыммана. Но мы смѣло можемъ сказать, что *кто принимаетъ конечную цѣль автора*—всеобщее уваженіе и обезпеченное состояніе, тотъ найдетъ въ его книгѣ много практически полезныхъ совѣтовъ, очень ловко примѣненныхъ къ духу современнаго нашего общества. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ нашимъ читателямъ и потомъ посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть онѣ въ русской жизни, между русскими людьми, поставленными такъ, какъ они поставлены при современномъ нашемъ общественномъ устройствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что г. Дымманъ имѣетъ въ виду людей не обезпеченныхъ и независимыхъ, а такихъ, которые должны чего нибудь добиться въ жизни. Поэтому онъ очень сильно напираетъ на необходимость людямъ трудиться, сберегать свои силы, не пьянствовать, не возставать противъ начальства, не вѣрить ворожеямъ и сновидѣніямъ, не буйствовать, не предаваться неумѣренно ласкамъ женщинъ и пр. Нельзя не согласиться, что всѣ подобные совѣты очень благоразумны, съ какой хотите точки зрѣнія. Выражаетъ ихъ авторъ очень сильно и подтверждаетъ примѣрами еще болѣе сильными. Напр. вотъ что говоритъ онъ о ласкахъ женщинъ:

«*Я былъ очевидцемъ*, какъ одинъ здоровый молодой человѣкъ, предавшись неумѣренно ласкамъ женщинъ (чему былъ очевидцемъ г. Ефимъ Дымманъ!!!), безъ малѣйшаго страданья вдругъ почувствовалъ безсиліе

НОВЫЙ КОДЕКСЪ

РУССКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ.

(**Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ.** *Ефима Дыммана* Спб. 1859).

Время отъ времени являются у насъ мудрецы, желающіе быть руководителями молодыхъ людей на жизненномъ поприщѣ. Бо̀льшею частію это бываютъ люди, искушенные долгимъ опытомъ жизни и оттого смотрящіе на все нѣсколько мрачно. Иные доходятъ даже до того, что, вмѣсто всякихъ совѣтовъ, предписываютъ только угрозы и побои. Таковъ напр. долженствующій быть знаменитымъ, г. Миллеръ-Красовскій (о которомъ мы говоримъ въ этой же книжкѣ), полагающій всю надежду воспитанія въ *пощечинахъ*. Но не таковъ г. Ефимъ Дымманъ, составившій «Науку Жизни». Его направленіе очень мягко и благодушно. О дѣтяхъ, напр. онъ говоритъ слѣдующее.

«Тѣлесно дѣтей никогда не наказывать, въ *отвращеніе грубыхъ чувствъ упрямства и ожесточенія*. Какова бы ни была вина дѣтей, не дѣлать изъ того ни шума, ни криминала, никогда на нихъ *не кричать*, и *вразумлять* ихъ всегда съ ласкою, *толкуя имъ* тихо и ясно, какъ поступокъ ихъ вреденъ и какія изъ того могутъ выдти дурныя послѣдствія (стр. 326).»

Дыммапъ не заставляетъ. Напротивъ, онъ даетъ такіе совѣты: «дѣла исполняй всегда открыто, *торжественно*, сохраняя всѣ временемъ принятые обряды; это *налагаетъ на исполнителей* (что?) и удерживаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. *Держись крѣпко формальности*, — она часто наводитъ на важныя обстоятельства и указываетъ ходъ дѣлу. *Ничего не дѣлай на словахъ*, а всѣ дѣла должны быть ясно *изложены на бумагѣ* и облечены въ законную форму, крайне необходимую для справокъ» (стр. 273).

Вообще, какъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такъ и въ самыхъ совѣтахъ относительно труда, г. Дымманъ является, такъ сказать, квіетистомъ. Онъ сознаетъ, напримѣръ, что правда почтенна, что добро дѣлать слѣдуетъ, что трудиться надобно честно, и т. п. Но, поставивъ себѣ цѣлью искусное общежитіе, онъ признаетъ благоразумнымъ и необходимымъ дѣлать уступки принятымъ въ обществѣ требованіямъ, плыть по теченію, не покушаться ни на какія перемѣны. «Правда есть свѣтъ яснѣе солнца, совершенство, свойство Божества! Сладка жертва, приносимая правдѣ, и сладко отстоять ее!» восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ,—и тутъ же прибавляетъ: «но съ правдой, какъ съ бритвой, надобно обходиться осторожно; въ противномъ случаѣ она зарѣжетъ». По мнѣнію г. Дыммана, человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ стремиться къ правдѣ; но какъ существо ограниченное, слабое, долженъ къ ней стремиться только тогда, когда это *у мѣста* и *кстати*; во многихъ же случаяхъ надобно укротить свой крикъ противъ неправды и держать языкъ за зубами» (стр. 156—157).

Какъ видите, у г. Дыммана всѣ добрыя стремленія признаются, но только въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ достигаться безъ малѣйшаго разстройства заведеннаго порядка. Какъ скоро моя правда или честность могутъ кого нибудь задѣть или мнѣ самому послужить помѣхою въ моихъ дѣлишкахъ, я воленъ отказаться отъ своей правды, и не только воленъ, но даже долженъ, если хочу показаться г. Дымману неглупымъ человѣкомъ. По его соображеніямъ, очень логическимъ, ясно выходитъ, что умнымъ человѣкомъ нужно считать только того, кто умѣетъ нажить состояніе. Вотъ слова г. Дыммана (стр. 177):

«Можно ли удивляться, когда люди, провѣдавъ, что у кого нибудь есть много средствъ къ жизни (денегъ), хотя бы безъ всякой надежды получить изъ нихъ и самомалѣйшую частицу, низко тому кланяются и оказываютъ величайшее уваженіе? Не только невозможно, но *по самой строгой справедливости нельзя не уважать* того, у кого много средствъ

къ жизни, потому, что если онъ пріобрѣлъ эти средства, или, лучше сказать, этихъ *свидѣтелей ума* самъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ *человѣкъ умный, а умныхъ людей должно уважать.* Если же эти средства къ жизни онъ не самъ пріобрѣлъ, а получилъ ихъ по наслѣдству; то *изъ уваженія какъ къ его умному дѣду и прадѣду*, ихъ пріобрѣтшимъ, такъ равно и къ *самымъ этимъ, въ его распоряженіи находящимся, средствамъ нельзя не уважать его.*

«Чрезвычайно много есть людей, пользующихся въ свѣтѣ репутаціею умныхъ, которые, пройдя поприще своей жизни, живутъ въ большой бѣдности, то есть безъ средствъ къ жизни. Въ великость ума этихъ людей я *вѣрить не могу*, какъ потому, что *истинно умный человѣкъ долженъ скорѣе и ловче найтиться къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни*, какъ самой необходимѣйшей потребности къ существованію, чѣмъ глупый; такъ и оттого, что гораздо *легче прослыть въ свѣтѣ глупому — умнымъ, чѣмъ честнымъ образомъ* (!) *нажить состояніе:* только ловко пусти людямъ пыль въ глаза, то они тебя и запишутъ въ умницы, ибо имъ это ничего не стоитъ; но чтобы отъ нихъ получить средства къ жизни, то надобно по крайней мѣрѣ пустить имъ пыль въ глаза золотую. *Я самъ не богатъ именно оттого только, что во время моей дѣятельной жизни недовольно былъ смѣтливъ.*»

Авторъ «Науки Жизни» хлопочетъ однакожс о томъ, чтобы нажить состояніе не иначе, какъ *честнымъ образомъ.* Взяточничество, казнокрадство, грабежъ, дѣланіе фальшивой монеты — онъ признаетъ дѣяніями преступными и низкими. Но что же онъ разумѣетъ подъ *честнымъ* наживаніемъ состоянія? Опять ту же угодливость, умѣренность и аккуратность. Онъ говоритъ, что «хитрое поле житейское мы должны пройти въ полной и непосредственной зависимости отъ людей, нашихъ непостижимыхъ братьевъ, и *непремѣнно* по ихъ кодексу, называемому общежитіемъ».... Это хитрое общежитіе, базисъ нашей жизни, есть *тончайшее*, какое только могъ придумать людской умъ, *поведеніе человѣка* въ отношеніяхъ его къ людямъ всѣхъ сословій и состояній» (стр. 189). Понимаете ли дипломатику науки жизни, по г. Ефиму Дымману: грабежъ и взятки — довольно *грубыя* средства обогащенія, и потому они не приняты въ общежитіи, которое состоитъ въ *тончайшемъ поведеніи.* Именно этому *тончайшему* поведенію тончайшимъ образомъ и учитъ г. Дымманъ. Вотъ нѣкоторыя черты его.

При первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ всегда нужно смотрѣть, не переодѣтый ли это разбойникъ или неблагонамѣренный фискалъ. Это правило выражено у г. Дыммана на 235 стр, слѣдующимъ образомъ:

»Вмѣни себѣ въ неизмѣнный законъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, тотчасъ спросить себя самого и слѣдить внимательно о томъ, точно тотъ, кѣмъ ли онъ называется и кого собою представляетъ: можетъ быть это переодѣтый мошенникъ, плутъ, разбойникъ, неблагонамѣренный фискалъ, который хочетъ отъ тебя что нибудь вывѣдать и вовлечь тебя въ худое дѣло, обыграть, или обворовать, или инымъ какимъ нибудь образомъ сдѣлать тебѣ несчастіе.»

И не только съ незнакомыми, но и вообще съ людьми надобно быть крайне осторожнымъ.

«Будь всегда какъ можно болѣе осторожнымъ съ людьми и во всѣхъ дѣлахъ. Но болѣе всего надобно осторожности въ словахъ: никогда ни съ кѣмъ не говори о политикѣ и не разсуждай о Правительствѣ; это самый опасный разговоръ; въ немъ могутъ представить твои слова совсѣмъ въ другомъ видѣ и оклеветать тебя, и чрезъ то однимъ разомъ можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь» (стр. 239).

Въ служебной дѣятельности г. Дымманъ предписываетъ — въ одну сторону покорность, въ другую — строгость.

«Въ отправленіи своей обязанности безпрестанно помни, и всегда надъ ними трудись, два главныхъ обстоятельства: 1) *безусловно угождать своему начальству,* и 2) *держать всѣхъ подчиненныхъ въ порядкѣ и повиновеніи.*

«Для этого первымъ твоимъ долгомъ будетъ узнать въ точности и подробнѣйшимъ образомъ все свое начальство, *порознь каждаго:* ихъ методу по службѣ, характеръ, правила, *образъ мыслей, ихъ слабости, семейную жизнь и связи.* Потомъ, *каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо,* долженъ ты, соображаясь съ обстоятельствами, дѣйствовать такъ, чтобы *всенепремѣнно снискать его доброе къ себѣ расположеніе,* потому, что если начальство тебя не жалуетъ, или имѣетъ объ тебѣ дурное мнѣніе, то твоя служба пропала, хотя бы ты былъ геніемъ своего дѣла и исполнялъ его наилучшимъ образомъ. Болѣе всего въ этомъ случаѣ надобно ладить съ окружающими твоихъ начальниковъ, потому, что хотя и можно временно пріобрѣсти милостивое расположеніе начальника безъ ихъ пособія, но при малѣйшемъ ихъ къ тебѣ неблагопріятствѣ, какъ бы начальникъ твой ни былъ совершенъ, правдивъ и строгъ, они непремѣнно найдутъ случай его противъ тебя вооружить.»

Съ подчиненными г. Дымманъ совѣтуетъ обходиться ласково и справедливо, но только не позволять имъ непокорности. «Если въ комъ нибудь изъ твоихъ подчиненныхъ замѣтишь ты *хотя малѣй-*

шую тѣнь непокорности, неблагонамѣренія или невниманія къ твоей власти, то слѣди за всѣми его дѣйствіями, особенно и неупустительно всякую минуту». Если онъ тотчасъ раскается, то на первый разъ можно простить его, и только продолжать слѣдить за нимъ. Но «несмотря ни на какую личину преданности, если ты замѣтишь за твоимъ подчиненнымъ *самомалѣйшее недоброжелательство или непокорность* въ другой разъ, то представь объ немъ начальству, какъ о *человѣкѣ неблагонамѣренномъ и для службы вредномъ*» (стр. 268).

Заботливость г. Дыммана о юношѣ не ограничивается общественной его дѣятельностью, а проникаетъ и въ жизнь семейную: онъ даетъ наставленія относительно женитьбы. Нельзя не поблагодарить его за тѣ золотыя правила, которыя предписываетъ онъ молодымъ людямъ. Женись, говоритъ, никакъ не ранѣе 35 лѣтъ, *потому* что женившись моложе (напр. 34-хъ лѣтъ), могъ бы ты имѣть *пятнадцать и болѣе* дѣтей, что составило бы тебѣ тяжкое обремененіе» (стр. 306). «Выбирая жену, совѣтуйся съ людьми почтенными». Если ты бѣденъ, то не женись на дѣвушкѣ безъ приданаго: это есть «злодѣйство хуже разбоя, криминалъ, непростительное малодушіе» (стр. 301). Но всего драгоцѣннѣе въ этомъ отношеніи глава подъ названіемъ: «Спасайся!» Въ ней заключается слѣдующее мудрое правило: «Случится съ тобою, молодой читатель, что какая нибудь дѣвица прельститъ тебя, при первой твоей съ нею встрѣчѣ, или что та, къ которой ты былъ сначала равнодушенъ, начнетъ нечувствительнымъ образомъ тебѣ нравиться, случится непремѣнно, и не одинъ разъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? — «Спасайся!» восклицаетъ г. Дымманъ. «Отъ дѣвицы, начинающей тебѣ нравиться, на которой ты по благоразумію жениться не можешь (а по г. Дымману, ранѣе 35 лѣтъ всякому *неблагоразумно* жениться, значитъ, совѣтъ относится *ко всѣмъ* случаямъ подобнаго рода, бывающимъ *со всѣми* молодыми людьми), нѣтъ другаго способа спастись, какъ только отъ нея бѣжать и никогда съ нею не встрѣчаться». «Спасайся, спасайся», повторяетъ авторъ: «уйди изъ того дома и никогда въ него болѣе ни ногой» (стр. 304—305). Истинно-благодѣтельныя наставленія! Совѣтую вамъ, читатель, принять ихъ безусловно. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я до 35 лѣтъ намѣренъ ими постоянно руководствоваться. Я буду спасаться и спасаться отъ дѣвицъ, которыя мнѣ станутъ нравиться. Иначе — шутка ли! — я могу пожалуй имѣть къ 35 годамъ «пятнадцать или болѣе дѣтей», что дѣйствительно составитъ для меня немалое обремененіе!

Но всего лучше въ книгѣ г. Ефима Дыммана тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ *искательствѣ* и *угожденіи*. Тутъ онъ возвышается до самаго восторженнаго паѳоса.

«Угожденіе, угожденіе! (такъ восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ). Божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачъ и препятствій, нектаръ отъ жажды, небесная манна отъ голода, всесильное оружіе, равно побѣждающее и сильнаго и слабаго, и добраго и злаго, для котораго нѣтъ ни врага, ни мстителя!

«Вотъ въ чемъ, юноша, заключается средство самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ, ключъ, свѣтъ, истинный генералъ-басъ науки жизни. Крѣпко и долго подумай надъ нимъ; и если ты будешь въ состояніи *вполнѣ* его постигнуть и *вполнѣ* имъ воспользоваться, то въ преуспѣяніи твоемъ я тебѣ порукою» (стр. 214).

И вслѣдъ затѣмъ авторъ начинаетъ излагать извѣстную мораль изъ «Горя отъ Ума»:

Во первыхъ угождай всѣмъ людямъ безъ изъятья, и проч.

Въ переложеніи г. Дыммана она представляетъ такой видъ:

«Угождать надобно начальнику и подчиненному, сильному и слабому, умному и глупому, тому, съ кѣмъ дѣлаешь дѣла, и съ кѣмъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтишься, своему слугѣ, мужику, всѣмъ и каждому,—*въ томъ святомъ убѣжденіи, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, лучше припасти для себя доброе расположеніе,* чѣмъ ненависть. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы ихъ превратить въ своихъ друзей.

Ты будешь въ отношеніяхъ, а можетъ быть и въ зависимости, у *гордеца, обнаруживающаго къ тебѣ, въ присутствіи всѣхъ, явное презрѣніе;* у *недоброжелателя,* надрывающагося на твою пагубу; у *завистливаго,* который будетъ сохнуть отъ твоихъ удачъ; у *чудака,* упорствующаго въ самыхъ *безумныхъ и вреднѣйшихъ* сужденіяхъ и поступкахъ; однимъ словомъ, у людей переполненныхъ такими *чудовищными, уродливыми и* даже иногда *злодѣйскими* влеченіями (къ счастію, такіе люди довольно рѣдки), что они тебя сначала поразятъ, и отнимутъ у тебя къ угожденію имъ всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй, и къ принятію отъ такихъ людей *всевозможныхъ непріятностей* приготовь и предрасположи себя заблаговременно и рѣшительно, на тотъ конецъ, чтобы никакое зло, какъ уже предвидѣнное, не могло тебя поразить. Потомъ дай съ твердостію самому себѣ такой обѣтъ: «чѣмъ злѣе человѣкъ и его дѣйствіе, тѣмъ болѣе я долженъ изыскать мѣръ и приложить старанія къ тому, чтобы *заслужить его къ себѣ доброе расположеніе непремѣнно, и тѣмъ отвратить отъ себя всякій, могущій произойти*

отъ его злости вредъ.» Наконецъ втѣши своему самолюбію въ торжество и славу, *снискать расположеніе* къ себѣ именно того, кому наитруднѣе угодить.» (стр. 215).

Вы скажете, что такое угожденіе людямъ негоднымъ, даже *злодѣямъ*, необходимо должно переходить въ подличанье, должно соединяться съ полнымъ отсутствіемъ въ человѣкѣ совѣсти и чести. Вы готовы осудить г. Дыммана, какъ проповѣдника безнравственности.... Но не будьте слишкомъ торопливы: г. Дымманъ спѣшитъ предупредить васъ. Онъ самъ не менѣе васъ ненавидитъ обманъ и подлость, и вслѣдствіе того вотъ какъ объясняется съ юношею относительно правилъ общежитія.

«Боюсь я, чтобы ты, юноша, будучи можетъ быть очень юнымъ, этого всѣми принятаго общежитія не понялъ превратно и не подумалъ, что надобно сдѣлаться обманщикомъ или коварнымъ лицемѣромъ. Нѣтъ, это двѣ вещи совершенно разныя. Для лучшаго твоего уразумѣнія привожу тебѣ примѣръ: встрѣчаешь ты, положимъ, *отъявленнаго недоброжелателя* и *во всемъ дурнаго* человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, *по его отношеніямъ и степени*, на которой онъ стоитъ, человѣка *сильнаго;* то вмѣсто того, чтобы обнаружить къ нему явную ненависть и отвернуться отъ него, ты *долженъ, не показывая къ нему ни малѣйшаго нерасположенія, обойтись съ нимъ учтиво и вѣжливо. Это есть общежитіе.* Безстыдные же и безчестные — обманъ и коварство суть слишкомъ извѣстные пороки, чтобы имъ приводить примѣры.» (стр. 190).

Ясно ли? Отъ васъ требуется только *общежитіе;* а безчестныхъ поступковъ вамъ вовсе не предписываютъ. И отчего же не признать благоразумными и добродѣтельными напр. слѣдующихъ поступковъ, предписываемыхъ юношамъ г. Ефимомъ Дымманомъ.

«Для вѣрнѣйшаго пользованія обворожительнымъ вниманіемъ, совѣтую тебѣ, юноша, завести, *непремѣнно завести* книгу, въ которую долженъ ты вписывать по алфавитному порядку имена и отчества всѣхъ твоихъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ, на тотъ конецъ, чтобы *перечитывая ихъ отъ времени до времени,* могъ ты каждаго *называть по имени и отчеству;* что съ твоей стороны будетъ очень учтиво и внимательно, а для тѣхъ, которыхъ ты будешь такъ величать, *чрезвычайно пріятно.* Сверхъ того знаніе именъ и отчествъ будетъ тебя часто выводить изъ затрудненія при надобности писать письма къ старымъ своимъ знакомымъ, которыхъ долго не видалъ.

«Примѣръ. Обѣдаешь ты у знатнаго лица и за столомъ, въ общемъ разговорѣ, какой нибудь *значительный человѣкъ,* съ которымъ ты ни-

когда не имѣлъ и не имѣешь прямыхъ сношеній и самъ не знаешь его имени и отчества, *вдругъ при всѣхъ называетъ тебя, человѣка малозначащаго, по имени и отчеству. Вообрази себѣ это живо, и ты поймешь, какъ было бы оно лестно и пріятно для твоего благороднаго самолюбія.»* (стр. 225).

Въ сношеніяхъ съ людьми нужными и даже ненужными, г. Дымманъ совѣтуетъ постоянно нохваливать ихъ, такъ какъ похвала никогда ничего не испортитъ, и такъ какъ нѣтъ человѣка, у котораго не было бы чего нибудь, стоящаго похвалы. «Не опасайся, чтобы кто нибудь могъ тѣмъ обидѣться, и будь увѣренъ, что какъ бы кто твои похвалы ни принималъ, но послѣдствія всегда выйдутъ одни и тѣже, т. е. что онъ къ тебѣ будетъ расположенъ наилучшимъ образомъ. Къ этому еще надобно добавить, что если бы ты въ бесѣдѣ съ кѣмъ нибудь не находилъ предмета къ разговору, то начинай смѣло хвалить его самого, или его одежду, экипажи, лошадей, домъ и все, что у него знаешь хорошаго. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, всякій станетъ продолжать охотно, и всегда за него будетъ къ тебѣ признателенъ. Такова человѣческая природа!» (стр. 254).

Кромѣ похвалы, г. Дымманъ совѣтуетъ пускать въ дѣло и *корысть*, т. е. невиннымъ образомъ подкупать значительныхъ людей.

«Въ знакомствахъ и отношеніяхъ съ людьми значительными можно съ умомъ и ловкостію употреблять самую ничтожную корысть съ успѣхомъ, напримѣръ: приноровить кстати пріятный сюрпризъ ихъ дѣтямъ, поднести имъ какую нибудь бездѣлку новаго изобрѣтенія, проиграть самыя незначительныя деньги въ коммерческую игру, и другими подобными угожденіями можно снискать расположеніе самаго безкорыстнаго человѣка.» (стр. 252).

Такое практическое правило выведено г. Дымманомъ изъ того наблюденія, что, «*къ несчастію*, теперь корысть сдѣлалась сильнѣйшимъ двигателемъ всего человѣческаго рода». (стр. 252).

Тоже самое замѣчаетъ г. Ефимъ Дымманъ и относительно гордости. Порокъ этотъ онъ считаетъ «до того *безумнымъ, отвратительнымъ* и *неприличнымъ человѣку*, что такъ и хочется сказать гордецу: надменный, надутый гордецъ! къ чему ты гордишься? вразумись, заблудшій.... и пр. (стр. 247). Однако же юношѣ г. Дымманъ не совѣтуетъ такъ отдѣлывать гордецовъ, а даетъ такое правило: «а гордецами смѣло повелѣвай *однимъ угожденіемъ;* имъ же угождать

не трудно: знай *щедро передъ ними разсыпай* пустую похвалу, и сдѣлаешь изъ нихъ, что тебѣ угодно.» (стр. 248).

Но довольно, кажется. Вы познакомились, читатель, съ «Наукою Жизни», и конечно исполнились уже благороднаго негодованія къ ея правиламъ. Вы находите, что они безнравственны, что іезуитство и маккіавелизмъ ихъ—возмутительны для честнаго человѣка, для котораго дороги убѣжденія,—что житейская дипломатія «Науки Жизни» въ сущности есть не что иное, какъ послѣдняя степень нравственнаго и умственнаго растлѣнія.... Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотрѣть на автора «Науки Жизни», какъ на что-то исключительное, чудовищное, долженствующее пугать людей, вы полагаете, что теоріи его такъ дики, что никого не заразятъ; вы даже свысока удивляетесь, зачѣмъ мы такъ долго останавливаемъ ваше вниманіе на такой ничтожной брошюрѣ безвѣстнаго автора, не имѣющаго ничего общаго съ современными стремленіями нашего общества.... Но успокойтесь, читатель, вникните въ дѣло хладнокровно и примите пожалуйста во вниманіе нѣсколько *обстоятельствъ*, которыя мы вамъ сейчасъ изложимъ.

Мы сами съ перваго раза возмутились-было безцеремонными совѣтами г. Дыммана и готовы были счесть его человѣкомъ отсталымъ, явленіемъ исключительнымъ въ нашемъ обществѣ, которое такъ быстро идетъ по пути прогресса. Но послѣ нѣкотораго размышленія, мы рѣшительно перемѣнили свой взглядъ. Дѣйствительно, говоря отвлеченно, нельзя не признать вполнѣ справедливымъ то негодованіе, которое человѣкъ, смотрящій со стороны, долженъ почувствовать къ теоріямъ г. Дыммана. Но въ томъ-то и дѣло, — имѣемъ ли мы право поставить себя совершенно въ сторонѣ отъ этихъ теорій. Что касается до насъ, то мы готовы признаться (какъ это ни горько), что въ дѣлѣ нравственности общественной мы не рѣшаемся считать себя совершенно чистыми отъ послѣдованія совѣтамъ г. Ефима Дыммана. Такое признаніе конечно вызоветъ у васъ презрительную улыбку. Но не торопитесь: мы въ своихъ недостаткахъ признаемся такъ смѣло потому вѣдь только, что увѣрены и въ васъ найти тѣже самые.... Да, читатель, кто бы вы ни были, но ежели только вы живете и дѣйствуете среди современнаго русскаго общества, то я смѣло говорю, что вы не можете стоять слишкомъ высоко надъ «Наукою Жизни», г. Ефима Дыммана. Скажите, что̀ васъ возмущаетъ въ ней? То, что человѣкъ, повидимому понимающій и уважающій правду и добро, сознательно приноситъ ихъ въ жертву житейскимъ выгодамъ? Да кто же изъ насъ этого не дѣлаетъ? Кто же изъ насъ беззавѣтно и всецѣло отдается своимъ чис-

тымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекаясь соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти? Гдѣ этотъ рыцарь безъ страха и упрека, гдѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего?

Гдѣ ты? Откликнись! Нѣтъ отвѣта....

Всѣ мы, проходя разныя науки, набрались, болѣе или менѣе, разныхъ идей о правдѣ и добрѣ, всѣ мы болѣе или менѣе проникнуты святыми и высокими стремленіями, сочувствуемъ общественнымъ интересамъ. Но вѣдь все тоже самое есть и въ г. Дыммановѣ: и онъ говоритъ о правдѣ и честности, и онъ совѣтуетъ заботиться о своихъ ближнихъ, даже о подчиненныхъ и слугахъ. «Дѣлай добро всегда, когда это не составитъ для тебя никакого неудобства, будь честенъ и правдивъ постоянно, когда это нисколько не нарушаетъ твоего комфорта», — это правило проникаетъ собою всю книгу г. Дыммана, и.... оно же постоянно выражается въ жизни каждаго изъ насъ. Мы только не имѣемъ добросовѣстности признаться въ этомъ,— ни другимъ, ни даже себѣ самимъ. А развѣ, напр. я, или вы, читатель, не соблюдаемъ той *осторожности въ словахъ*, о которой говоритъ г. Дымманъ на стр. 239 (см. выше)? Развѣ мы не встрѣчаемъ безпрестанно въ обществѣ людей, которыхъ признаемъ дурными и вредными, и развѣ мы съ ними не обходимся *вѣжливо*, вмѣсто изъявленія имъ прямо своего нерасположенія? Развѣ не оказываемъ уваженія деньгамъ, оправдывая на практикѣ умозрѣнія г. Дыммана? Развѣ не смѣемся, вмѣстѣ съ нимъ, надъ *«какой-то дѣвственной совѣстливостью или лучше малодушіемъ»* тѣхъ людей, которые ничего и ни въ комъ не умѣютъ *снискать* себѣ?... Развѣ мы не ищемъ расположенія начальства, не радуемся вниманію значительнаго лица, не бѣжимъ отъ женитьбы на бѣдной дѣвушкѣ, не желаемъ пріобрѣсти капиталецъ? Не называемъ ли мы утопистами, мечтателями, сумасбродами тѣхъ, кто толкуетъ о счастіи въ хижинѣ, о безусловной силѣ истины въ мірѣ, всеобщемъ братствѣ, объ уничтоженіи всѣхъ искусственныхъ преградъ, всѣхъ давящихъ и озлобляющихъ отношеній между людьми? Будемъ же послѣдовательны, сдѣлаемъ простой силлогизмъ изъ слѣдующихъ положеній, неизбѣжно представляющихся нашему вниманію.

Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его, во что бы то ни стало.

Счастье, — въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ каждому человѣку порознь,—возможно только при удовлетвореніи пер-

выхъ матеріальныхъ потребностей человѣка, при обезпеченности его внѣшняго положенія.

При современномъ устройствѣ и направленіи общества, не можетъ достигнуть обезпеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаитъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, — что у нихъ уже не можетъ теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!...

Итакъ я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанныя выше. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія несогласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ, къ счастью, сознаваемымъ вами,—то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ, и не подражать его уродству, а напротивъ громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьёзной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой.... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ, и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою....

Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы возстать противъ цѣлаго общества? Вѣдь вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много и они такъ сильны!... Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ сдѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогрессъ, торжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»....—

полезнымъ представить безпристрастное, систематическое изложеніе общественной нравственности нѣкоторыхъ людей, почерпнутое изъ книги опытнаго старца Еѳима Дымцана. Пусть полюбуются на себя и пусть знаютъ, что истинное достоинство ихъ поступковъ не укрывается отъ людей, вступающихъ въ жизнь съ энергическими надеждами и желающихъ серьёзнаго, истинно честнаго дѣла....

—вовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Весна. Литературный Сборникъ на 1859 г. Спб. 1859.

Двое Ахшарумовыхъ, Юл. Жуковскій и И. Юрьевъ соединили труды свои и издали книгу, довольно толстую и разнообразную. Въ предисловіи къ ней, г. Н. Ахшамуровъ заявляетъ, что участники сборника не хотятъ «стать подъ знамя какой нибудь партіи и сдѣлаться представителями какого нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія, а являются подъ *общимъ* знаменемъ русской литературы.» И дѣйствительно, статьи, помѣщенныя въ «Веснѣ,»—имѣютъ общаго только то, что всѣ, какъ написанныя порусски, должны быть причислены къ русской литературѣ. Одинъ изъ Ахшарумовыхъ — критикъ, поборникъ чистаго искусства; другой—поэтъ, не выражающій рѣзко-опредѣленнаго направленія; г. Юрьевъ—мелодрамный романтикъ, воспѣвающій рыцарское благородство и гоненія рока на пылкую любовь; г. Жуковскій—тоже отчасти романтикъ и тоже съ примѣсью мелодрамы, но только въ сферѣ петербургскихъ чиновниковъ и камелій. Какъ видите «Весна» очень разнообразна и не лишена занимательности. Въ самомъ дѣлѣ, — исключая нѣкоторыхъ изъ стихотвореній г. Вл. Ахшарумова, да статьи г. Н. Ахшарумова о «Воспитанницѣ» Островскаго, нельзя ни объ одной статьѣ сборника сказать, чтобы она ужь вовсе никуда не годилась. Всѣхъ слабѣе оказывается критикъ «Весны,» г. Н. Ахшамуровъ. На 55 страницахъ разсуждаетъ онъ о романѣ «Тысяча Душъ,» убиваясь надъ доказываньемъ того, что въ этомъ романѣ нѣтъ какой-то художественной перспективы и гармоніи, или еще чего-то въ этомъ родѣ. Статья

пересыпана весьма глубокими и вѣрными афоризмами, въ такомъ родѣ.

«Критика должна вытекать изъ сущности предмета своего, а не изъ чего нибудь посторонняго» (ст. 293).

«Герой романа долженъ быть въ высшей степени интересенъ, и въ этомъ состоитъ *съ позволенія сказать* (вы думаете, что за этимъ какое нибудь неприличное слово слѣдуетъ? Нѣтъ, ничего),—все его геройство (стр. 299).

«Типъ Калиновича, для своей художественной красоты, не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ; со всѣми своими нравственными противорѣчіями онъ *имѣетъ право* явиться въ романѣ, *ни передъ кѣмъ не извиняясь*» (стр. 299).

«Все въ жизни имѣетъ свое послѣдовательное развитіе (какая глубокая мысль!); и рѣзкія особенности характера возникаютъ не взмахомъ магическаго жезла, а постепенно слагаются и образуются и постепенно доходятъ до крайнихъ своихъ результатовъ (стр. 299).

«Чѣмъ можетъ выразить себя здоровье? такъ же, какъ истинная красота, оно не имѣетъ въ себѣ никакихъ рѣзкихъ и поразительныхъ особенностей. Оно не имѣетъ своей *патологіи* (*патологія* здоровья!!), своихъ припадковъ, и симптомовъ, и странностей. Въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что оно въ существѣ своемъ просто нормально...» и проч. (стр. 316).

«Реальная школа убиваетъ духъ и анатомируетъ тѣло природы: она гонитъ изъ нея идею и мысль» (стр. 336).

За увлеченіе реальною школою и достается г. Писемскому отъ строгаго критика! По мнѣнію г. Ахшарумова, всѣ недостатки «Тысяча Душъ» происходятъ отъ *ядовитаго вліянія* реальной школы, отъ порабощенія искусства идеѣ. Когда припомнишь содержаніе и развитіе романа г. Писемскаго и вообще характеръ его литературной дѣятельности, да потомъ вникнешь въ смыслъ замѣчанія г. Ахшамурова, то невольно подивишься тому, какъ мѣтко попалъ критикъ... Бываютъ же этакіе тонкіе люди, что такъ вотъ сейчасъ и смекнутъ, въ чемъ дѣло!

Впрочемъ въ статьѣ г. Ахшарумова о «Тысячѣ Душъ» есть нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній относительно художественной фальшивости характера Калиновича.

Есть нѣсколько замѣчаній, съ которыми можно согласиться, и въ статьѣ о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» Тургенева, хоть вся она совершенно ложна въ своемъ основаніи, признавая, что сущность повѣсти Тургенева заключается въ изображеніи характера Лизы, и хотя въ ней попадаются такія милыя вещи: «для эпическаго интереса въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» отведено особое поле родословныхъ и рет-

роспективыхъ взглядовъ на предъидущую исторію лицъ и по этому полю онъ постоянно *пятится ракомъ*» (стр. 371).

Но совершенное отсутствіе критическаго такта нашли мы въ статьѣ о «Воспитанницѣ.» Критикъ упрекаетъ Островскаго, — въ чемъ бы вы думали?... въ томъ что онъ *представилъ не идиллію*, что изобразилъ только *грязныя пятна жизни*, а не самую жизнь; что всѣ его лица, кромѣ Нади, — «вовсе не лица, а *какія-то отвлеченныя, перегнанныя и фильтрированныя дозы разнаго рода человѣческой грязи*, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе» (стр. 351).

Могло ли до сихъ поръ кому нибудь придти въ голову, чтобы Островскаго можно было упрекнуть въ отвлеченности и безличности создаваемыхъ имъ образовъ? Но для г. Ахшарумова ни по чемъ такой отважный подвигъ. Напечатавши въ прошломъ году грозную статью «О порабощеніи искусства,» онъ уже можетъ быть увѣренъ, что никакою выходкой, какъ бы она не противорѣчила здравому смыслу, не можетъ удивить публику.

Не можемъ разстаться съ эксцентрическимъ критикомъ, не указавши на то, къ чему приводитъ милая теорія непорабощеннаго искусства. Поклонники ея наконецъ начинаютъ проговариваться о томъ, что̀ до сихъ поръ тщательно скрывали, но что̀ еще Державинъ говорилъ о нихъ, т. е. что

Поэзія для нихъ любезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Такъ г. Ахшарумовъ объявляетъ между прочимъ, что на литературу смотритъ онъ какъ на «средство разсѣять свою тоску и горе.»

«Онъ (г. Ахшарумовъ говоритъ здѣсь о читателяхъ, подобныхъ ему) беретъ въ руки романъ, комедію или драму, *желая вырваться хоть на минутку изъ той удушливой атмосферы страданія недуга, которая такъ часто обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ*. Въ нихъ думаетъ онъ найти тотъ свѣтъ и просторъ и тотъ свѣжій воздухъ, которые такъ сильно *нужны ему для его утѣшенія*... и проч. Представьте же себѣ его *удивленіе и ужасъ*, когда романъ, комедія и драма наперерывъ спѣшатъ возразить ему, что все это глупыя, дѣтскія мечты, или фантазіи изъ тысячи одной ночи, и что онъ долженъ привыкать къ больницѣ, потому что она есть вѣчный удѣлъ его на землѣ, и что дѣйствительность съ поэтическимъ ея элементомъ *искони-бѣ* находятся въ полномъ, непримиримомъ противорѣчіи, и что дѣло искусства подмѣтить это противорѣчіе и выставить его въ полномъ объемѣ, а не льстить человѣку, лаская его несбыточными воплощеніями самодѣльныхъ идеаловъ. Боже милостивый! Неужели же это правда?» (стр. 251).

При такомъ воззрѣніи на искусство, которое можно называть не *чистымъ*, а скорѣе *сибаритскимъ*, немудрено, что г. Ахшарумовъ возмущается комедіею г. Островскаго, находя, что «эссенціи и экстракты, явившіеся въ ней вмѣсто характеровъ, *отравили художественную* сторону эффекта» (стр. 356).

Другой Ахшарумовъ-поэтъ — имѣетъ болѣе уваженія къ идеѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Вообще стихотворенія незамѣчательны, равно какъ и литовскія пѣсни, переведенныя г. Ахшарумовымъ. Но есть у него и недурные стихи, съ которыхъ мелькаетъ искреннее чувство. Приведемъ маленькое стихотвореніе, мысль котораго намъ постоянно нравится (стр. 151).

Пускай грозитъ и гонитъ свѣтъ!
Для непреклонныхъ убѣжденій,
Для пылкихъ сердца увлеченій
Смѣшонъ чужой авторитетъ.
Куда бъ они ни привели,
Тотъ правъ, кто жилъ согласно съ ними,
Хотя законами земными
Казнится бѣдный сынъ земли!...

Двѣ повѣсти, напечатанныя въ «Веснѣ», совершенно противорѣчатъ направленію г. Ахшарумова-критика. Обѣ онѣ принадлежатъ къ *отрицательному* или, какъ ихъ называетъ «Утро» московское, къ *утилитарному* направленію. Повѣсть г. Юрьева «Свадьба» содержитъ въ себѣ исторію о томъ, какъ сынъ одного богатаго помѣщика влюбился въ воспитанницу, выросшую вмѣстѣ съ нимъ, отвергъ графиню, предложенную ему въ замужество отцомъ, и какъ за то крутой старикъ-отецъ его отдалъ свою воспитанницу замужъ за мужика изъ своей деревни. Какъ одинъ изъ ужасныхъ случаевъ, возможность которыхъ обусловливается уничтожаемымъ нынѣ крѣпостнымъ правомъ, фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ тему очень благородную. Но къ сожалѣнію, мы еще такъ близки къ крѣпостному праву, что не осмѣливаемся изображать его такими яркими чертами, какихъ оно заслуживаетъ. Пишутъ много, но все еще съ какою-то оглядкою, съ опасеніемъ, чтобы кто нибудь не разсердился; поэтому, вмѣсто настоящей правды и дѣльныхъ изображеній, ограничиваются все больше намеками. Обстоятельство это печально всего болѣе потому, что доказываетъ, что мы еще далеко не разстались съ крѣпостнымъ правомъ, что духъ его еще обитаетъ въ большинствѣ нашего общества и связываетъ руки писателю. Такъ и въ повѣсти г. Юрьева мы видимъ много недосказаннаго и утаеннаго. Въ «Свадьбѣ» рисуется старикъ-помѣщикъ, упрекающій сына за то, что

тотъ говоритъ лакею: *пожалуйста*, — внѣ себя отъ ярости бьющій нагайкой крѣпостнаго охотника за то, что тотъ немножко попортилъ заячью шкуру, разсуждающій такъ: «я тебѣ говорю, — ты мужика не знаешь, ты все съ нимъ разговаривать хочешь, урезонивать его, а это ему, какъ стѣнѣ горохъ; *нѣтъ, ты его ткни, такъ онъ тебя и пойметъ*» (стр. 171). Какая великолѣпная вещь могла бы выдти изъ полнаго и широкаго развитія одного этого характера, рожденнаго, сложившагося и проявляющаго себя въ крѣпостныхъ отношеніяхъ! Подробное изображеніе этого характера и его обстановки необходимо было въ этой повѣсти, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, не говоря объ общественномъ интересѣ. Поступокъ старика съ воспитанницею, любимою имъ и ни въ чемъ не виноватою, легкость его исполненія, безгласіе всѣхъ окружающихъ, начиная съ жениха и до священника, который вѣнчалъ эту свадьбу, — все это требовало предварительной подготовки и обстоятельныхъ объясненій со стороны автора; въ цѣломъ рядѣ картинъ, въ цѣлой цѣпи эпизодовъ, въ цѣломъ широкомъ и смѣломъ очеркѣ долженъ былъ авторъ представить намъ всю эту жизнь для того, чтобы намъ показалась вполнѣ естественною, понятною и необходимою та развязка, которою оканчивается его повѣсть. Къ сожалѣнію, онъ почти ничего для этого не сдѣлалъ, — по слабости ли силъ своихъ, или по какимъ нибудь внѣшнимъ препятствіямъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, — не знаемъ... Во всякомъ случаѣ — несомнѣнно то, что повѣсть отъ этого очень много проиграла, и въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ очень слабое впечатлѣніе. Еще бо̀льшему ослабленію его способствуетъ и то обстоятельство, что сынъ помѣщика, представленный, разумѣется, образцомъ всѣхъ добродѣтелей, подъ конецъ оказывается очень недалекимъ господиномъ. Зная крутонравіе, тупоуміе и звѣрство своего отца, зная беззащитность бѣдной воспитанницы, зная, что никто не можетъ противостать злобѣ помѣщика (дѣло происходитъ въ помѣстьи старика), — все-таки оставляетъ любимую дѣвушку на произволъ этого звѣря, а самъ уѣзжаетъ отъ отца въ Петербургъ, въ самый день отъѣзда отказавшись отъ предложенной невѣсты и объявивши отцу о своей любви къ воспитанницѣ. Правда, что онъ поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить свои дѣла и потомъ возвратиться за своей Лизой (такъ какъ отецъ погрозилъ лишить его наслѣдства въ случаѣ ослушанія); правда, что онъ могъ и не предвидѣть столь крутаго оборота дѣла; но все-таки онъ долженъ былъ знать, что положеніе оставляемой имъ дѣвушки будетъ вовсе незавидно въ домѣ его отца. Можно было бы позаботиться и о ней.... Впрочемъ

мы замѣчаемъ это только затѣмъ, чтобы показать, какъ плохо вообще удаются нашимъ авторамъ образцы добродѣтели....

Повѣсть г. Жуковскаго «Петербургскія Ночи», — тоже дышетъ современнымъ интересомъ. Большая часть ея занята описаніемъ камелій высокаго полета, находящихся подъ покровительствомъ различныхъ, очень государственныхъ и очень старыхъ графовъ. Эти описанія не по нашей части: можетъ быть, они очень вѣрны, очень художественны, очень глубоки. Мы даже почти увѣрены въ этомъ, потому что г. Жуковскій *самъ* говоритъ въ началѣ повѣсти: «говорятъ, что въ Петербургѣ мало мужей вѣрныхъ женамъ; я же *знаю* (!), что въ немъ еще менѣе женъ, вѣрныхъ мужьямъ» (стр. 2). Какимъ образомъ *знаетъ* г. Жуковскій такое, можно сказать, *тонкое обстоятельство*, по собственному ли опыту или изъ вѣрныхъ источниковъ, — вопросъ довольно щекотливый. Но дѣло въ томъ, что г. Жуковскій *знаетъ* и слѣдовательно описываетъ вѣрно; этимъ мы и довольствуемся по части камелій. Насъ болѣе занимаютъ другія стороны повѣсти; въ ней изображенъ, между прочимъ, Бобрищевъ, молодой и благородный человѣкъ, очень фразистый по обыкновенію, и Броницынъ, мерзавецъ, составляющій себѣ карьеру разными низостями и между прочимъ женитьбою на знатной дѣвушкѣ, племянницѣ и кузинѣ двухъ десятковъ князей и графовъ,—находящейся въ такомъ положеніи, что.... долѣе скрывать невозможно.... По поводу этихъ двухъ лицъ изображается присутственный день въ какомъ-то департаментѣ, и изображеніе это довольно рѣзко, хотя все еще не совсѣмъ откровенно. Но мы порадовались и тому уже, что въ повѣсти г. Жуковскаго идетъ рѣчь, довольно прямая и ясная, — уже не о земскомъ судѣ, не о несчастномъ квартальномъ, не о магистратскомъ секретарѣ или о неопредѣленномъ какомъ-то уѣздномъ чиновникѣ,—а о столичныхъ столоначальникахъ, начальникахъ отдѣленія, директорахъ департамента.... Это въ первый разъ, кажется, такая смѣлость въ русской литературѣ. А ужь давно пора бы нашимъ обличителямъ перенести свою наблюдательность отъ будочниковъ и становыхъ на сферы болѣе значительныя. Люди— вездѣ люди и вездѣ подвержены ошибкамъ; директоры департаментовъ—тоже люди, слѣдовательно и они подвержены ошибкамъ. Силлогизмъ этотъ ясенъ и ни для кого не обиденъ. Возьмите, вмѣсто директора департамента, кого угодно, — хоть Наполеона или Петра Великаго: и Наполеонъ былъ человѣкъ, слѣдовательно и онъ былъ подверженъ ошибкамъ. Что же тутъ дурнаго? А если это такъ, если директоры департаментовъ дѣйствительно подвержены ошибкамъ, то почему и не говорить о нихъ, почему и не указывать имъ,

въ чемъ они ошибаются? Если секретари уѣздныхъ судовъ обижаются, когда ихъ выводятъ въ повѣсти, такъ вѣдь это все *отъ необразованія* больше дѣлается; начальники же отдѣленій, директоры департаментовъ и т. д. — люди (предполагается) образованные и благонамѣренные; слѣдовательно они и обижаться не будутъ, а еще поблагодарятъ нашу гласность.... Что же въ самомъ дѣлѣ, — гласность, такъ ужь гласность, — «*не разбираючи лица....*» Не однимъ же столоначальникамъ въ городскомъ магистратѣ, не однимъ городничимъ и земскимъ исправникамъ принимать на себя всѣ неудобства гласности, не пользуясь ни однимъ изъ ея благодѣяній.... Если невозможно примѣнять на дѣлѣ святыя слова о равенствѣ *всѣхъ* предъ закономъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія; то пусть пока хоть въ вымыслѣ, въ фантазіи, въ повѣсти будетъ представляться и директоръ департамента, и очень государственный графъ, и т. п. Неужели прогрессъ нашей литературы и до этого еще не доросъ? Вотъ посмотримъ.... Теперь примѣръ поданъ въ повѣсти г. Жуковскаго, и мы нарочно останавливаемъ на ней вниманіе нашихъ читателей, чтобы заявить этотъ первый дебютъ автора на новой ступени обличенія. Чтобы дать понятіе о его тонѣ и степени силы, приведемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Чиновники въ одномъ изъ отдѣленій какого-то департамента столпились въ кучу и разсуждаютъ о балѣ, который вчера задавалъ гдѣ-то графъ и на которомъ былъ начальникъ отдѣленія. Начальникъ отдѣленія, еще не старый человѣкъ, ломается передъ ними и, усѣвшись на столъ, пересыпаетъ изъ пустаго въ порожнее. Входитъ новое лицо,—Рѣжинъ.

«А, вотъ и Григорій Петровичъ, сказалъ начальникъ отдѣленія, протягивая руку только-что вбѣжавшему чиновнику. Какъ ваше здоровье; что новаго, какъ дѣла, что его превосходительство и какъ графъ послѣ бала? — Въ отвѣтъ на такіе вопросы, Григорій Петровичъ Рѣжинъ, высокій, сухой и смуглый мужчина, секретарь директора департамента, подалъ начальнику отдѣленія свою жилистую руку, сказавъ съ нѣкоторой ироніей, что его превосходительство ни свѣтъ, ни заря изволитъ бѣсноваться у себя въ кабинетѣ; а что графъ, вѣроятно, сегодня не будетъ, потому что съ полчаса тому назадъ экзекуторъ ѣздилъ, по приказанію его превосходительства, узнать о здоровьи, но что его сіятельство изволили еще почивать.—А вотъ полюбуйтесь, если это васъ интересуетъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ синей обертки, съ печатнымъ заголовкомъ «къ исполненію», какую-то бумагу.—Балы задавать своимъ содержанкамъ, это мы умѣемъ, на это намъ тысячь не жаль, а несчастному чиновнику просятъ пятьдесятъ рублей, такъ жалко. На это у насъ достаетъ духу написать: «зачѣмъ женился, когда бѣденъ».

Всѣ чиновники, стоявшіе возлѣ, въѣлись въ бумагу, какъ мухи въ медъ. Къ нимъ подскочило сейчасъ же все, что было чиновничества въ комнатѣ, кромѣ канцелярскихъ, отъ чего кругомъ начальника отдѣленія произошла на минуту страшная давка. Замѣтивъ сумятицу, секретарь поспѣшилъ взять бумагу обратно изъ рукъ начальника отдѣленія; вслѣдъ за тѣмъ набѣжавшая толпа также разомъ отхлынула и кружокъ остался въ прежнемъ составѣ.

— Вотъ, поди, послѣ этого, набирай чиновниковъ. Правда, что каторжнѣе нашего вѣдомства нѣтъ службы, сказалъ секретарь.

— Вездѣ одинъ чортъ, отвѣтилъ начальникъ отдѣленія, тряхнувъ головой и принимаясь зѣвать.

— А требованія какія, Боже ты мой! продолжалъ Рѣжинъ, который всегда былъ не прочь поговорить, а особенно о начальствѣ. Намедни еще, я вамъ скажу, присылаетъ за мной курьера на домъ. Что за чертовщина, думаю? — А я только что сѣлъ обѣдать; такъ противно стало, что ложки не проглотилъ, выплюнулъ, и аппетитъ пропалъ. Прихожу. — По вашему, говоритъ, столу записка? — По нашему. — Нужно переписать. — Что такое. — Поля не по формѣ; да къ завтреему непремѣнно. — Помилуйте, говорю, кого же мнѣ теперь заставить писать? Всѣ чиновники по домамъ. Да и какая машина справится съ такимъ писмомъ къ завтрему? — Знать, говоритъ, не хочу. Графъ не любитъ полей не по формѣ, а къ завтрему, чтобъ было готово, хоть сами пишите. — Ну и поѣхалъ я самъ отъискивать писарей. Никого не поймаешь. Ѣду уже назадъ, вижу, на мое счастье, Чернецкій за какими-то дамами увивается. Началъ ему такъ и такъ; отличиться, де, можете, вниманіе начальства заслужить, карьера и т. д., ну, какъ обыкновенно. — Силъ, говоритъ, нѣтъ, — грудь болитъ. — А по Невскому, говорю, шататься грудь не болитъ? Пожалуйте-ка въ департаментъ... Ну, и переписалъ за одну ночь. Какъ онъ это сдѣлалъ, до сихъ поръ понять не могу. Что жъ вы думаете? нужная записка до сихъ поръ въ кабинетѣ на окнѣ валяется.

— Какъ же вы хотите? на то служба, возразилъ Междоумовъ. Съ насъ требуютъ, знать и выше требуютъ.

— Какая служба! Фразеологія одна, сказалъ секретарь; отчего при старомъ директорѣ этихъ требованій не было? А этотъ только бѣсноваться умѣетъ. Передъ графомъ все *да*, да *да*, какъ прикажете, а потомъ прибѣжитъ въ кабинетъ и рветъ на себѣ волосы. — Ахъ, я несчастный; есть ли человѣкъ, которому хуже меня на свѣтѣ? Есть, говоритъ: это женѣ моей. — А намъ развѣ лучше?

— Фразеологія! — Нѣтъ, изъ-за этой фразеологіи другіе всю жизнь бьются, и не могутъ руки набить, отвѣтилъ Междоумовъ.

— Что жъ изъ этого всего выходитъ? Ну, вотъ мы здѣсь собрались, спрашиваю я васъ: что мы здѣсь дѣлаемъ? разговариваемъ, и изъ этихъ разговоровъ, кромѣ брани свыше да распеканій, для насъ ничего не выходитъ.

— Ну, какъ! есть же своя благородная и серьезная сторона въ службѣ, вмѣшался начальникъ отдѣленія: — исполненіе своей обязанности, наконецъ желаніе пользы. Зачѣмъ же вы иначе служите?

— Ѣсть хочу, батюшка, да и вы то же, отвѣчалъ секретарь. Вотъ моя польза и мои обязанности, если хотите знать: не успѣешь глазъ продрать, Николай Иванович зоветъ; сядешь обѣдать, Николай Ивановичъ зоветъ. А зачѣмъ? — Принесите мнѣ это письмо въ 6-ть часовъ и напомните отвезти его туда-то. — Придите ко мнѣ въ 4 часа напомнить, что графъ приказалъ мнѣ съѣздить туда-то. — У графа на дачѣ щенки перебѣсились, что намъ дѣлать? Скачите скорѣе туда. — Только и покой, когда знаешь, что легъ въ постель».

Цѣлая глава занята въ «Петербургскихъ Ночахъ» изображеніемъ занятій чиновниковъ въ департаментѣ, и все это изображеніе очень живо. Есть нѣсколько чертъ, повторенныхъ изъ Гоголя, изъ «Утра дѣловаго человѣка»; но есть и новыя, самостоятельныя наблюденія автора. Намъ показалось любопытнымъ и то, что авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разговоровъ Бобрищева, не успокоивается на изображеніи всей этой дряни, и ищетъ исхода изъ омута, который самъ же изображаетъ. Исхода этого онъ, разумѣется, не находитъ, потому что ищетъ его, кажется, не совсѣмъ въ той сторонѣ, гдѣ нужно. Но вотъ какія рѣчи говорятъ другъ другу Рѣжинъ — уже довольно послужившій чиновникъ, и Бобрищевъ, только-что начавшій службу.

— Какъ вспомнишь, даже смѣшно станетъ, сказалъ Рѣжинъ, какъ мы расходились, когда у насъ былъ первый разговоръ съ вами. Теперь, говорятъ, служба не то, что была прежде. Чиновники совсѣмъ другіе, люди образованные, современные, всѣ служатъ дѣлу.... Повѣрьте мнѣ, люди всегда какъ люди, а съ ними и обманъ. На крики ума у всякаго хватитъ. Дѣла только, жаль, изъ пустословія не выжмешь; не то что дѣла, даже нашего бездѣлья изъ него не состряпаешь. Ну вотъ, вы можетъ быть пользы хотѣли; что, каково съ ней служится?

— Отъ чего жь не послужить наконецъ, отвѣтилъ Бобрищевъ, пока нервы еще здоровы? они тверже и легче переносятъ всѣ непріятности: для нихъ многое нипочемъ, что невыносимо для человѣка, уже раздраженнаго. Будто нѣтъ ужь, наконецъ, ни одного человѣка, который служилъ бы изъ влеченія къ дѣлу?

— Опять за старое, возразилъ секретарь: — гдѣ жь вы видѣли такихъ служакъ? не эти ли молодцы, что буквы ѣ хорошенько не выговариваютъ, да лѣзутъ впередъ черезъ всѣ преграды? У нихъ ли есть влеченіе къ дѣлу, но вашему? Я вотъ служу, такъ у меня нѣтъ никакихъ влеченій; мнѣ вотъ прикажутъ такого-то выгнать, потому что онъ изъ куска хлѣба служитъ, а на его мѣсто посадить вотъ этого, потому что онъ на службѣ про пользу разговариваетъ, а дома платки подаетъ,

къ начальству въ гости ѣздитъ, около бабья трется и рекомендательныя письма вымаливаетъ,—я и пишу, и все напишу, что ни прикажутъ».

Въ отвѣтъ на желчныя выходки Рѣжина, Бобрищевъ говоритъ: «положимъ, что все скверно и подло; но вѣдь это насъ съ вами не оправдываетъ на бездѣйствіе. Нужно же имѣть сколько нибудь хоть упрямства, если не характера». Рѣжинъ отвѣчаетъ на это: «было бы для чего; а то надсадить кулакъ недолго, да проку-то отъ этого мало». Затѣмъ онъ читаетъ Бобрищеву такую мораль:

«Молодость лобъ подставляетъ подъ все, что хотите; оно хорошо, да безполезно. Она ничего не хочетъ принять дурнаго; ей подавай одну добродѣтель. Славная вещь добродѣтель, спору нѣтъ, и молодой человѣкъ славная вещь, да жить-то съ ней одной нельзя. Пока сидишь за школьной скамьей, — ну, оно и ничего; а когда сунешься промежъ добрыхъ людей, оно и выходитъ, что или пропадай, или съ чортомъ знакомься. Будь подлецомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старайся остаться порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ эквилибристика нашей жизни. А вы вотъ этого понять не хотите; все ищете брать прямо способностями да благородствомъ. Развѣ наши дѣла стоютъ способностей? Есть у васъ крупная, состарѣвшаяся бездарность — давайте ее сюда; а есть у васъ способности, — проходите далѣе; зачѣмъ ихъ губить попусту. Кажется, ясно?

— Куда же дальше? спросилъ Бобрищевъ; развѣ вездѣ, кромѣ своей комнаты, я не попаду въ тѣ же колодки и не принужденъ буду, какъ лакей, согнуть шею; да и тамъ еще насъ предостерегали съ дѣтства быть молчаливѣе тѣней.

— Учитесь въ такомъ случаѣ нашей эквилибристикѣ.

— Какъ ни кинь все клинъ, стало, быть одинъ развратъ остается свободенъ, кончилъ молодой человѣкъ, невольно забываясь и не выдерживая спокойнаго голоса»...(стр. 26).

Разсужденія Рѣжина подходятъ, конечно, къ той морали, которую проповѣдуетъ г. Ефимъ Дымманъ въ своей «Наукѣ Жизни». Бобрищевъ возражаетъ, какъ видите, съ точки зрѣнія зеленоватаго либеральства. Немудрено, что они оба скоро сходятся въ результатѣ: Рѣжинъ махнулъ рукой на все и сдѣлался циникомъ служебной безнравственности; и Бобрищевъ тоже махаетъ рукой на все и готовъ сдѣлаться жрецомъ этого разврата, который *одинъ свободенъ*. Оба — не герои, какъ оказывается; Рѣжина можно даже положительно назвать негодяемъ, съ отвлеченной точки зрѣнія. Но къ чести автора надо сказать, что онъ умѣлъ понять это лицо болѣе живымъ образомъ: въ его изображеніи чувствуется протестъ не противъ личности Рѣжина и его поступковъ, а противъ жизни, которая сдѣлала его такимъ. Такое поставленіе личности Рѣжина дока-

мѣтъ, что авторъ или въ значительной степени обладаетъ художническимъ тактомъ, или добился такихъ выводовъ силою размышленія. Судя по исполненію всей повѣсти, мы не сомнѣваемся, что послѣднее предположеніе справедливѣе. Но въ такомъ случаѣ мы пожелаемъ автору, чтобы онъ не остановился на безвыходныхъ сожалѣніяхъ своихъ героевъ, а додумался за нихъ до какого нибудь рѣшенія.

«Было бы для чего дѣйствовать, а то надсадить кулакъ не долго, да проку-то отъ этого мало.»

Такъ говоритъ у г. Жуковскаго Рѣжинъ, и въ словахъ его нельзя не признать нѣкоторой доли справедливости. Но въ томъ-то и задача общественнаго дѣятеля, чтобы не надсаживать кулака понапрасну, а бить прямо по больному мѣсту современнаго общества. Наша общая болѣзнь состоитъ въ недостаткѣ личной самостоятельности, въ разслабленіи воли; поэтому общественный дѣятель прежде всего долженъ укрѣпить свою волю противъ всѣхъ внѣшнихъ соблазновъ и постороннихъ покушеній, долженъ, сознавши условность и несправедливость существующихъ въ обществѣ отношеній и обычаевъ, сознать и то, что онъ долженъ рѣшительно оградить себя отъ нихъ и идти на нихъ ниспроверженіе, чего бы это ни стоило. Явись подобная мысль въ сознаніи Бобрищева или Рѣжина, — разговоръ ихъ принялъ бы не такой оборотъ: съ первыхъ двухъ словъ согласившись въ гадости и подлости окружающаго ихъ порядка, третьимъ словомъ они бы сдѣлали уже вопросъ: «какими средствами измѣнить этотъ, ненавистный для нихъ порядокъ?»

Вообще говоря, повѣсть г. Жуковскаго можетъ навести на *хорошія* мысли, хотя сама повѣсть и не можетъ быть названа хорошею. Она длинна, скучна, наполнена сентенціями, не имѣетъ никакой цѣльности, никакой внутренней связи и, будучи основана на любви Бобрищева къ падшей, но благородной женщинѣ, исполнена мелодраматизма. Мы о ней не стали бы и говорить, если бы въ ней не обнаруживалось, что авторъ — серьёзно-мыслящій человѣкъ, и если бы въ ней не замѣтили мы образчика обличеній нѣсколько въ новой сферѣ.

Насъ многіе обвиняютъ, что мы смѣемся надъ обличительной литературой и надъ самой гласностью; но мы никому не уступимъ въ горячей любви къ обличенію и гласности, и едва ли найдется кто нибудь, кто желалъ бы придать имъ болѣе широкіе размѣры, чѣмъ мы желаемъ. Оттого-то вѣдь и смѣхъ нашъ

происходитъ: мы хотимъ болѣе цѣльнаго и основательнаго образа дѣйствій, а насъ подчуютъ какими-то ребяческими выходками, да еще хотятъ, чтобъ мы были довольны и восхищались. Мы каждый день, чуть не каждый часъ, должны претерпѣвать слѣдующую исторію. Нужно намъ ѣхать изъ Петербурга въ Москву; дорога извѣстная, хлопотъ немного, и мы очень спокойно собираемся въ путь. У самаго дебаркадера встрѣчаетъ насъ услужливый пріятель, который тоже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, и предлагаетъ за насъ похлопотать — и билеты взять, и вещи отправить. И дѣйствительно, пріятель все устроиваетъ, мы садимся въ вагонъ, спрашиваемъ у пріятеля билеты, — оказывается, что билеты взяты имъ только до Колпина, и вещи тоже до Колпина отправлены. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» спрашиваемъ его. Онъ вдругъ дѣлается недоволенъ, обижается и начинаетъ толковать, что мы любимъ скачки, хотимъ все дѣлать вдругъ, что, ѣхавши въ Москву, Колпина не миновать, что нужно прежде всего думать о ближайшей цѣли, а потомъ ужь, пріѣхавши въ Колпино, заботиться о томъ, какъ ѣхать дальше. Разумѣется, все это смѣшно слушать, когда знаешь, какъ эти вещи обыкновенно дѣлаются на желѣзныхъ дорогахъ. Но по слабости характера мы позволяемъ пріятелю еще разъ распорядиться нашими деньгами и взять для насъ билеты въ Москву; а онъ пойдетъ да опять возьметъ — до Любани. И опять начнетъ ту же философію о постепенномъ подвиганіи впередъ. Да этакъ-то всю дорогу!... Да если еще вся жизнь въ безпрестанной ѣздѣ проходитъ! Да если видишь, что услужливый пріятель, потерявъ кредитъ у насъ, къ другимъ обращается и съ другими каждый разъ такія же продѣлки повторяетъ, съ тѣми же разсужденіями!.. Поневолѣ иной разъ разсмѣешься и поглумишься, хоть и невесело.... А добрые люди изъ этого Богъ знаетъ что̀ выводятъ! Говорятъ, что мы цѣны желѣзныхъ дорогъ не признаемъ, въ дружбу не вѣруемъ, промежуточныя станціи хотимъ уничтожить....

Впрочемъ, видя безпрестанно людей, плетущихся отъ станціи до станціи, мы даже отчасти примиряемся съ ними и смѣемся только уже тогда, когда они принимаются наивно восхвалять свой образъ путешествій. И въ этомъ случаѣ мы уже съ любовью смотримъ на людей, которые утверждаютъ, что не нужно мѣнять билетъ на каждой станціи, а можно запасаться имъ на двѣ и на три, или даже взять одинъ билетъ до Бологова, напр. Мы тотчасъ самымъ радушнымъ образомъ привѣтствуемъ такихъ людей, питая сладкую надежду, что, можетъ быть, они придутъ наконецъ и къ тому убѣжденію, что можно и прямо въ Москву брать билетъ изъ Петербурга. Такъ

въ настоящемъ случаѣ привѣтствуемъ мы и г. Жуковскаго, который ѣдетъ, кажется, чуть ли не до Твери или покрайней мѣрѣ до Вышняго Волочка, съ однимъ билетомъ. При этомъ мы только посовѣтуемъ ему въ будущихъ путешествіяхъ — не брать съ собой лишняго и ненужнаго багажа, которымъ загромождена его нынѣшняя повѣсть.

Но г. Жуковскому даже вовсе и нужды нѣтъ писать повѣсти: у него есть занятіе, обѣщающее, кажется, быть гораздо болѣе благодарнымъ для него. Онъ съ успѣхомъ можетъ заниматься русской исторіей и правомъ, какъ свидѣтельствуетъ статья его, также помѣщенная въ «Веснѣ»: «Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права». Статья эта любопытна въ томъ отношеніи, что тоже представляетъ исканіе выхода изъ тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаются въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ настоящимъ порядкомъ дѣлъ. Намъ кажется, что г. Жуковскій довольно близко подошелъ къ выходу; но мы не знаемъ, видитъ ли онъ самъ этотъ выходъ. Статья его представляетъ собственно очеркъ исторіи крѣпостныхъ отношеній въ Россіи и указаніе на ихъ значеніе въ жизни русскаго народа. Смыслъ всей статьи въ томъ, что *на этомъ правѣ или на этихъ отношеніяхъ основана была вся общественная организація Россіи, вся ея цивилизація и государственность* (стр. 255). Въ объясненіе своей мысли, авторъ дѣлаетъ маленькій параллель между нашей и европейской исторіею и находитъ слѣдующую существенную разницу. Въ европейской исторіи, какъ и у насъ, государство образовалось централизаціей; но «въ государствахъ западной Европы централизація выростала, *опираясь на уничтоженіе частно-владѣльческихъ началъ; въ Россіи же она выростала, именно опираясь на эти начала*» (стр. 255). Порядокъ мыслей, доказывающихъ у г. Жуковскаго это положеніе, слѣдующій. Централизующимъ началомъ былъ у насъ элементъ пришлый, варяжскій; но отношенія, въ которыя съ самаго начала княжескій родъ и дружина стали къ славянскому быту, были лишены поземельнаго характера и оставались долгое время чисто личными. При обширности земли и при ея малонаселенности, она ничего не стоила, и потому въ древней Руси цѣнилось постоянно не пространство владѣемой земли, а большее или меньшее количество людей, поставленныхъ въ личную зависимость отъ князя или вообще владѣльца. Народъ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ; крестьяне очень часто бросали свои участки и переходили на другіе, болѣе удобные; земля же, оставленная впустѣ, не могла имѣть никакой цѣны. Отсюда въ князьяхъ постоянно замѣчается забота о томъ, чтобы какъ можно болѣе вытребовать подати и всякаго рода поборовъ, безъ всякой заботливости объ упроченіи благосостоянія земства. Они знали, что

земство это — сегодня здѣсь, а завтра можетъ уйти, и потому хлопотали единственно о томъ, чтобы не выпустить изъ рукъ сегодняшней своей доли. Поэтому и само управленіе приняло кочевой характеръ, и, въ противоположность Европѣ, съ самаго начала развилось у насъ *кормленіе*, а не поземельная собственность.—Служилое сословіе тоже кочевало, переѣзжая отъ князя къ князю. Осѣдлость самихъ князей начинается со времени Владимірскаго княжества, и тутъ же организуется поземельный сборъ по сохамъ, вытямъ и пр., взимавшійся съ общины. При сборѣ этомъ князья воспользовались первобытной общиной, существовавшей у славянъ, и заставили ее уплачивать поземельную подать, несмотря на выбывавшихъ членовъ. Это обстоятельство помѣшало, разумѣется, дальнѣйшей организаціи у насъ общинъ, такъ какъ населеніе еще не имѣло прочныхъ началъ для развитія у себя земскаго самоуправленія, а князья старались наложить какъ можно крѣпче свою руку на общину. Отсюда происходятъ постоянныя жалобы крестьянъ, что имъ не въ мочь платить за всѣхъ выбылыхъ членовъ общины, и наконецъ — переходы цѣлыхъ селеній съ однихъ участковъ на другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и кормленщики, получавшіе отъ князей округи въ кормленіе, на извѣстныхъ условіяхъ, тоже должны были бродить съ мѣста на мѣсто и нерѣдко отъѣзжать отъ одного князя къ другому. Разумѣется, они не оставались равнодушными къ собиранію податей съ земства и постоянно старались содрать какъ можно больше; отсюда безпрестанныя жалобы древней Руси на безконечныя притѣсненія и открытый грабежъ бояръ и чиновниковъ княжескихъ. Вотчинное право начинается собственно избавленіемъ земель, — сначала монастырскихъ и духовныхъ, а потомъ и частныхъ лицъ, — отъ вліянія кормленщиковъ; затѣмъ, для отвращенія своеволія и переѣздовъ бояръ, является уже раздача имъ самимъ вотчинъ, вмѣсто кормленія. Но вотчина могла быть выгодна только при возможности владѣть ею обезпеченно; а между тѣмъ, при возможности перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, не было никакого обезпеченія для владѣльца. Отсюда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ удѣльной системы, начинается со стороны центральной власти рядъ мѣръ, противодѣйствовавшихъ переходу крестьянъ и все болѣе скрѣплявшихъ союзъ князей съ боярами и всякими служилыми людьми. Связь двухъ этихъ обстоятельствъ г. Жуковскій выражаетъ такимъ образомъ.

«На первомъ планѣ въ противорѣчіи съ в. княжеской властью стояли слуги и бояре, сильные своимъ правомъ отъѣзда и нелѣпыми родовыми притязаніями. Права послѣдняго рода образовались отъ чиновъ и должностей двороваго управленія, сдѣлавшихся наслѣдственными. Родо-

вая честь возникла здѣсь сама собою, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ держится холопская гордость въ частныхъ вотчинахъ. Сынъ камердинера хочетъ быть не меньше, какъ лакеемъ и т. д. Центральная власть сломила эти мелкія, но упорныя сопротивленія и провела лично-зависимыя отношенія къ служилымъ людямъ до крайняго результата, обративъ бояръ въ холоповъ. Но зависимость эта все таки была недостаточна; основанная преимущественно на политической силѣ, она не имѣла матеріальной опоры въ самыхъ соціальныхъ отношеніяхъ этого класса, а потому все таки, какъ чисто-личная зависимость, была шатка и ненадежна. Главнымъ опредѣляющимъ условіемъ, какъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ верховной власти, такъ и въ отношеніи земства къ этому классу должна была сдѣлаться земля.

«Тогда только могла родиться крѣпкая, надежная связь между этими общественными элементами, а верховная власть—поставить въ прочную зависимость отъ себя всѣ состоянія и успѣшно дѣйствовать на нихъ. Для этого нужно было во первыхъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ; во вторыхъ обложить право владѣнія такими населенными землями обязательствомъ царской службы».

. Ограниченія перехода видны во многихъ договорахъ московскихъ князей; срокъ перехода опредѣленъ въ XV в., въ Судебникѣ Іоанна III; мѣры закрѣпленія являются съ конца XVI в. Раздача вотчинъ тоже начинается съ XIV в.; въ XVI усиливается и переходитъ изъ пожалованья уже въ простую продажу, затѣмъ являются помѣстные оклады; такъ что въ XVII ст. свободной казенной земли оставалось уже чрезвычайно мало.

Сдѣлавъ этотъ историческій очеркъ, небогатый фактическими подробностями, но группирующій факты, уже извѣстные, нѣсколько иначе, чѣмъ какъ это дѣлалось прежде, г. Жуковскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, которое, несмотря на очень тяжеловатую форму изложенія, любопытно по нѣкоторымъ изъ содержащихся въ немъ соображеніямъ.

«Такимъ-то образомъ, къ XVIII столѣтію, сложилась на крѣпостныхъ основаніяхъ общественная жизнь Россіи, и сложилась притомъ принудительно. Основанія эти, какъ мы видѣли, не были слѣдствіемъ соціальнаго броженія, достигшаго извѣстныхъ формъ кристаллизаціи, если можно такъ выразиться, свободнымъ произведеніемъ той союзной силы, болѣе или менѣе присущей историческому народу, которая постоянно творитъ и разлагаетъ, переливая нравственный бытъ даннаго народа, изъ одной формы въ другую, и въ силу которой государство вырастаетъ само-собою изъ соціальной почвы, какъ было тамъ, напримѣръ, гдѣ эта союзная сила была особенно присуща народному характеру, гдѣ народъ, можно сказать, самъ творилъ свою жизнь и гдѣ, по

этому, внѣшнія его событія его жизни, какъ политическаго тѣла, всегда лежали на сердцѣ этого народа. У насъ, напротивъ того, союзная сила была слаба настолько, что она не могла сложить нашей жизни сама отъ себя. На западѣ Россіи, гдѣ первыя формы общежитія въ видѣ родовыхъ общинъ явились, какъ непосредственное данное, эти формы не могли развиваться далѣе самостоятельно. Сознавая свое безсиліе, онѣ сами призвали на себя внѣшнюю, централизующую власть, въ безплодной борьбѣ съ которой потомъ прошелъ блестящій періодъ ихъ существованія, кончившійся политическаю смертію жизни, окончившейся здѣсь довольно шумно; а внѣшняя власть, въ свою очередь, томясь въ безплодныхъ спорахъ съ историческимъ содержаніемъ мѣстной жизни, была отброшена на востокъ Россіи и здѣсь заложила свой централизующій лагерь, передъ которымъ въ половинѣ XVI вѣка положила оружіе безпокойная жизнь удѣльной Россіи, кончая Новгородомъ и Псковомъ. Но здѣсь централизація не могла стать на степень народной власти и заложить среди всеобщаго броженія народныхъ массъ, среди жизни кочующей, разложенной почти до простаго собирательнаго отношенія лицъ, своеобразныхъ общественныхъ союзовъ, не наложивъ ярма крѣпостныхъ отношеній на всѣ лица и состоянія.

«Такимъ образомъ укрѣпленіе не ограничивалось одними крестьянами, а распространялось и на служилыхъ людей; словомъ, имъ разрѣшался общій вопросъ осѣдлости общественныхъ массъ,—образованія тѣхъ прочныхъ поземельныхъ отношеній, которыя не могли установиться сами собою, по малоцѣнности земли, и образованіе которыхъ во всякомъ случаѣ было необходимо для крѣпости государства и централизаціи. Послѣ этого понятно, какую роль долженъ былъ играть въ развитіи русской соціализаціи крѣпостной союзъ. Заложенный въ корень общественныхъ учрежденій, онъ поневолѣ долженъ былъ проникнуть всѣ стороны жизни, имѣя задачу вынести на своихъ тяжелыхъ крыльяхъ русскую жизнь изъ средневѣковаго броженія въ дѣятельность настоящаго и прошлаго столѣтій, и дать Россіи ту внутреннюю крѣпость и силу, которыя позволили ей играть такую роль въ судьбахъ Европы. Здѣсь фактами Русской исторіи договорились мы до того положенія, что государство должно опираться непремѣнно на соотвѣтствующія ему формы соціализаціи, а гдѣ этихъ формъ не подготовила исторія, тамъ государство, налагаясь сверху, неизбѣжно создаетъ само себѣ своеобразную соціальную почву. Такую-то соціальную почву приготовила себѣ у насъ центральная власть. И теперь она была сильна, она была народна и соціальна потому, что народъ принялъ какъ нельзя легче эти крѣпостныя основанія; бояре и земледѣльцы всё стали въ поземельно крѣпкія отношенія къ центральной власти.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два столѣтія. Русская жизнь, утвержденная на такихъ основаніяхъ, все крѣпче и тверже привязывалась къ нимъ, проводя и развивая ихъ внутри себя до послѣднихъ крайностей. Она не сдѣлала шага въ сторону отъ крѣпостныхъ связей; напротивъ того, власть помѣщиковъ надъ крестьянами становилась все тверже, а

они оставались все тѣми же усердными слугами центральной власти. Эта власть пробовала освободить ихъ отъ обязательной службы, но обязательство это осталось соціально во всей силѣ. Вмѣстѣ съ указомъ, разрѣшившимъ обязательную службу, вышли на сцену ордена, которые, вмѣстѣ съ чинами и опасеніемъ лишиться дворянскаго достоинства и помѣстья, въ случаѣ неслуженія двухъ дворянскихъ поколѣній сряду, сдѣлали то, что для дворянина понынѣ считаются возможнымъ только два состоянія: служба или управленіе своимъ помѣстьемъ. Таже власть пробовала вывести дворянство отчасти изъ его личнаго разъединенія, и дать ему видъ и принадлежности сословія.

«Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшей дѣятельности центральной власти, мы видимъ, что совершивъ дѣло общаго закрѣпленія, она оставила общественную жизнь развиваться по этимъ основаніямъ, а сама бросила Москву, бросила старую Россію и зажила европейской жизнью. Она имѣла свое XVIII столѣтіе, свой вѣкъ военныхъ побѣдъ и внѣшней силы и славы, свою придворную хронику, свою литературу даже. Среди безпорядковъ, наполняющихъ исторію первой половины настоящаго столѣтія на западѣ Европы, она безбоязненно торжествовала, отдыхая на своихъ орлахъ, славу своего оружія и политическую силу. Но не оружіе и не штыки дали ей эту крѣпость и силу, ихъ дали тѣ соціальныя основанія, на которыхъ держалась общественная жизнь народа, которымъ она правила.

«Въ виду всего сказаннаго, въ виду той роли, какую играли у насъ вотчинныя отношенія, спрашивается теперь, можно ли смотрѣть на вопросъ о нихъ у насъ, какъ на застарѣвшее право, за предѣлы котораго давно перешло соціальное развитіе страны, какъ на частное дѣло крестьянъ и помѣщиковъ? Не ясно ли только одно изъ предыдущаго,— что ближайшіе результаты этого дѣла не разрѣшаютъ еще вполнѣ вопроса нашихъ общественныхъ отношеній».

Итакъ заключительное слово г. Жуковскаго то, что вопросъ еще *не разрѣшившійся вполнѣ.* Конечно, такъ; но изъ фактовъ, выставляемыхъ самимъ г. Жуковскимъ, ясно, кажется, что рѣшеніе близко, и что оно должно быть не въ пользу централизаціи. По словамъ самого же г. Жуковскаго, «централизація подготовила себѣ соціальную почву въ крѣпостныхъ отношеніяхъ и на этой почвѣ могла спокойно строить свое внѣшнее могущество.» Изъ этого можно бы, конечно, вывести заключеніе, что крѣпостныя связи, глубоко укоренившись въ русской жизни, должны оставаться неприкосновенными, какъ опора русскаго политическаго могущества. Но заключеніе это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если принять, что эти отношенія вполнѣ устроиваютъ благосостояніе народа и приходятся ему по духу и по нраву; а самъ же авторъ статьи сознается, что указанная имъ соціальная почва подготовлялась единственно въ интере-

сахъ центральной власти, а никакъ не въ выгодахъ земства, и что общественная жизнь Россіи на крѣпостныхъ основаніяхъ сложилась *принудительно*, только вслѣдствіе отсутствія союзной силы въ народѣ. Поэтому мы можемъ сказать, что соціальное развитіе страны вовсе не имѣетъ надобности *переходить за предѣлы* наложенныхъ на народъ отношеній, потому что оно никогда и не входило въ эти предѣлы: *ближайшіе результаты*, о которыхъ говоритъ г. Жуковскій въ концѣ статьи, доказываютъ, что общественная жизнь народа уже не держится на тѣхъ соціальныхъ основаніяхъ, которыя созданы у насъ централизаціею. Значитъ, для народной силы нѣтъ никакой опасности отъ измѣненія этихъ основаній. Они нужны были для централизаціи и принудительно наложены ею на народъ; но когда централизація совершилась и ненужна болѣе для народнаго могущества, тогда естественно должны падать и опоры, на которыхъ она держалась. На этомъ основаніи, въ вопросѣ, разсматриваемомъ г. Жуковскимъ, мы, вовсе не заботясь о централизаціи, совершенно отдѣляемъ ея дѣло отъ дѣла народа. На стр. 273 г. Жуковскій непомѣрно восхищается централизаціей, говоря, что «ни одинъ народъ Европы не обязанъ ей столько своимъ развитіемъ, какъ русскіе», и проч.... Но мы съ нимъ въ этомъ случаѣ должны нѣсколько разойтись. Въ прошломъ мѣсяцѣ, (въ статьѣ г. Чернышевскаго о г. Чичеринѣ), высказано было въ «Современникѣ» мнѣніе о французской централизаціи, и между прочимъ показано, должно ли считать народъ *обязаннымъ* централизаціи за что нибудь. Отсылая читателей къ этой статьѣ, мы здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что и къ исторіи Московскаго княжества можно относить нѣкоторыя изъ объясненій, сдѣланныхъ г. Чернышевскимъ относительно французской централизаціи. Впрочемъ, и самъ г. Жуковскій почти подтверждаетъ это въ тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ онъ говоритъ, что центральная власть дѣйствовала единственно въ своихъ интересахъ.... Да и невозможно, чтобъ г. Жуковскій вообще былъ поборникомъ централизаціи: въ его же собственной повѣсти такъ ярко выставлены нѣкоторыя изъ нелѣпостей, происходящихъ вслѣдствіе ея!... Онъ восхваляетъ ее, конечно, только въ смыслѣ историческаго стимула народной жизни; но и то, по нашему мнѣнію, несправедливо. Впрочемъ вопросъ этотъ можетъ быть еще предметомъ многихъ разсужденій. Мы теперь заговорили о немъ только потому, что намъ хотѣлось бы, сколько можно, предостеречь г. Жуковскаго отъ одностороннихъ увлеченій, въ какія впадаютъ иногда наши ученые, какъ напр. г. Чичеринъ. Вообще, мы сочли нужнымъ съ нѣкоторою подробностью разсмотрѣть оба произведенія г. Жуковскаго въ «Вѣкѣ», потому что авторъ ихъ, въ первый разъ, кажется, встрѣчающійся [illegible]

чати, принадлежатъ къ такимъ явленіямъ въ нашей литературѣ, которыхъ не слѣдуетъ пропускать безъ вниманія.

Исторія Австріи. Сочиненіе графа *Майлата*. Перев. съ нѣмецкаго. Москва. 1859.

Графъ Майлатъ—венгерецъ знатнаго рода, отличившійся вѣрной службою Австріи въ довольно важныхъ должностяхъ, ораторствовавшій въ пользу австрійскаго правительства въ 1848 г., поклонникъ Габсбургскаго дома и іезуитовъ. Столь почтенный мужъ, пользующійся въ Венгріи репутаціей ренегата, сочинилъ очень обширную и ученую исторію Австріи. Трудъ его такъ понравился австрійскому правительству, что оно поручило автору составить изъ него сокращеніе, для введенія въ руководство въ австрійскихъ школахъ. Это самое сокращеніе предлагается теперь русской публикѣ въ очень сносномъ переводѣ, довольно слѣпо напечатанное на сѣроватой бумагѣ.

Кажется, этимъ уже все сказано о книгѣ графа Майлата; послѣ сообщенныхъ нами свѣдѣній, мы считаемъ разборъ ея совершенно ненужнымъ. Насъ гораздо болѣе занимаетъ вопросъ: зачѣмъ неизвѣстный переводчикъ потратилъ свой трудъ на такую книгу, которая систематически, сознательно и злонамѣренно лжетъ съ начала до конца?

Вопросъ этотъ задавалъ себѣ и самъ переводчикъ, очень хорошо знавшій, какъ оказывается изъ предисловія къ переводу, блестящія качества книги Майлата. Переводчикъ замѣчаетъ, что сокращеніе Майлата значительно искажено даже сравнительно съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, изъ котораго извлечено. Напр. изъ обширной исторіи Австріи, написанной Майлатомъ, можно видѣть, что Австрія—государство новое, случайное, не имѣющее корней ни въ какой народности; въ сокращеніи это очень тщательно скрыто, и Австрія изображается государствомъ, искони существующимъ, имѣвшимъ свою отличительную, установившуюся народность еще въ XV в. Богемія и Венгрія съ самыхъ древнихъ временъ представляются какъ-то вошедшими въ составъ Австрійской Имперіи, и народныя войны ихъ постоянно называются возмущеніями... Милосердое и просвѣщенное правительство, мудрое внутреннее устройство, побѣдоносная армія и т. п. рисуются, конечно, яркими чертами. Переводчикъ самъ указываетъ въ предисловіи на нѣкоторые факты, искаженные или утаенные Майлатомъ въ «Сокращенной Исторіи Австріи,» и сознается, что русскому переводчику нужно бы было оговорить ихъ въ примѣча-

ніяхъ. «Но,—прибавляетъ онъ, — пропуски многочисленны, и пришлось бы *всю книгу испестрить примѣчаніями.*» Какъ вамъ это нравится? Книга такъ плоха, что и поправить ее трудно: нужно всю перемарать и передѣлать. Таковъ вѣдь, кажется, смыслъ словъ переводчика? Хорошая же рекомендація для читателя! Но переводчикъ идетъ еще дальше: онъ считаетъ нужнымъ *предостеречь* читателя отъ переведенной имъ книги и считаетъ для очистки своей совѣсти совершенно *достаточнымъ* слѣдующее замѣчаніе.

«Можетъ быть, для *предостереженія* читателя, достаточно будетъ и одного слѣдующаго извѣстія: издаваемая нами книга введена, по распоряженію австрійскаго правительства, въ австрійскія учебныя заведенія. Нужно ли что прибавлять?» (Пред. стр. III).

Наше изумленіе все увеличивается. «Такъ зачѣмъ наконецъ переведена и издана эта книга?» спрашиваемъ мы еще разъ. Предисловіе отвѣчаетъ: «не безъ причины.» Какая же причина?—Ихъ двѣ: одна та, что исторію Австріи знать намъ нужно, а на русскомъ языкѣ нѣтъ никакой исторіи. Эта причина, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательна: во первыхъ, для перевода можно было выбрать что нибудь не столь нелѣпое, а во вторыхъ лучше совсѣмъ не знать предмета, нежели имѣть о немъ совершенно превратное понятіе. Незнаніе хочетъ учиться, а ложное знаніе стремится къ ошибочнымъ выводамъ. Изъ «*Исторіи Австріи*» Майлата мы ничего не узнаемъ объ Австріи, кромѣ внѣшней послѣдовательности событій, извѣстныхъ намъ и изъ курса всеобщей исторіи. Къ чему же было и трудиться надъ ея переводомъ? Неужели для узнанія исторіи народа необходимо нуженъ ея учебникъ, оффиціально введенный въ школахъ? Неужели нѣмцу, желающему узнать исторію Россіи, необходимо переводить учебникъ Устрялова?

Другая причина, приводимая переводчикомъ, еще страннѣе. Вотъ какъ она выражена въ предисловіи.

«Эти мнѣнія (приводимыя въ исторіи Майлата), кажется, безвредны для русскихъ читателей, послѣ опытовъ послѣдняго десятилѣтія. Пусть, напримѣръ, на русскомъ языкѣ читаются похвалы умѣренности и милосердію Австріи. Газеты, сообщающія о разстрѣливаніи итальянцевъ, не хотѣвшихъ служить въ хорватахъ, печатаются, слава Богу, тоже на русскомъ языкѣ. Да и память о венграхъ, отдававшихся въ плѣнъ русскимъ и убитыхъ австрійцами, и личное знакомство русской арміи съ *побѣдоносною* австрійскою, — убѣдительнѣе всѣхъ книгъ. Безъ примѣчаній переводчика вспомнитъ читатель—и о избіеніи галицкаго дворянства, и о подвигахъ князя Виндишгреца въ Прагѣ, и о венгерскихъ дамахъ, которыхъ баронъ Гайнау счелъ нужнымъ наказывать розгами» (пред. IV).

И это опять таки не резонъ. Если слѣдовать логикѣ переводчика, то можно врать все, что придетъ въ голову, оправдываясь тѣмъ, что «вѣдь вы можете узнать правду изъ другихъ источниковъ.» Положимъ, что и такъ,—положимъ, что моя ложь и не будетъ вредна; но все-таки зачѣмъ же лгать? Неужели для русской публики нуженъ на что нибудь переводъ, напр. всеобщей исторіи, употребляющейся въ іезуитскихъ школахъ и признающей реформацію дѣломъ діавола, Филиппа II — образцомъ всѣхъ добродѣтелей, смерть Генриха IV — Божескимъ наказаніемъ за нетвердость въ католицизмѣ и пр.

Къ мнѣнію о томъ, что для русскихъ безвредны ложныя книги объ Австріи, переводчикъ прибавляетъ, что знать ихъ даже полезно намъ, потому что изъ книгъ этихъ, и именно изъ Майлата, многія понятія и воззрѣнія перешли въ умы многихъ славянъ, венгерцевъ и нѣмцевъ, съ которыми намъ придется имѣть умственное общеніе. «Намъ не безполезно узнать ихъ прежде, чѣмъ мы вступимъ въ прямую бесѣду съ людьми, воспитавшимися въ австрійскихъ школахъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учебныхъ чиновниковъ.» Но тутъ неизвѣстный переводчикъ вдвойнѣ ошибается: напрасно полагаетъ онъ, что мнѣнія, излагаемыя Майлатомъ могутъ быть только у людей, «воспитавшихся подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ судебныхъ чиновниковъ»; напрасно также онъ думаетъ, что для насъ подобныя мнѣнія совершенно безвредны и никѣмъ у насъ не могутъ быть раздѣляемы. Мы беремся доказать ему противное, и случай намъ въ этомъ очень благопріятствуетъ: у насъ въ эту минуту находится подъ руками книга, изданная уже восемь лѣтъ тому назадъ, но недавно, по поводу политическихъ событій, вновь публикованная авторомъ: «Графъ Радецкій и его походы въ Италіи въ 1848 и 1849 г.» Авторъ этой книги г. П. Лебедевъ, генеральнаго штаба подполковникъ, императорской военной академіи профессоръ и «Русскаго Инвалида» редакторъ, — лицо, стало быть, извѣстное. Раскройте же его книгу и посмотрите: какая разница въ его понятіяхъ объ Австріи отъ понятій графа Майлата? Развѣ только та, что у Майлата образъ выраженій умѣреннѣе, а у г. Лебедева гораздо болѣе военнаго красноречія. А впрочемъ — они совершенно другъ съ другомъ сходятся. Возьмемъ для сравненія хоть то мѣсто изъ Майлата, гдѣ говорится объ Италіянской войнѣ 1848 — 1849 г. Кстати же теперь это предметъ современный.

«Въ Миланѣ поднялась буря, какъ скоро туда достигла вѣсть о вѣнскихъ событіяхъ. Борьба продолжалась уже два дня, когда фельдмаршалъ Радецкій получилъ извѣстіе, что сардинскій король Карлъ Альбертъ съ сильнымъ войскомъ перешелъ черезъ границу, *хотя еще не-*

задолго предъ тѣмъ увѣрялъ въ своемъ миролюбіи, Радецкій тотчасъ же выступилъ и занялъ крѣпкое положеніе близь Вероны.

«Между тѣмъ въ тылу у Радецкаго поднялась Венеціанская область, и въ самой Венеціи была провозглашена республика. *Все спасеніе Австрійской монархіи* зависѣло отъ войска Радецкаго. *Карлъ-Альбертъ напалъ на него при Санта-Лучіи и былъ разбитъ.* Радецкій пошелъ на Виченцу и въ одинъ день взялъ ее. Резервная армія, подъ предводительствомъ Нугента, покорила всю Венеціанскую область и приготовила путь для Радецкаго. *Послѣ трехдневныхъ блестящихъ сраженій, произошла битва при Кустоцѣ,* и сардинцы были вновь разбиты. Они бѣжали изъ Ломбардіи и заключили перемиріе» (стр. 208).

Вотъ вамъ и вся компанія 1848 г. Кто хоть немного знаетъ исторію похода Радецкаго въ 1848 г., тотъ, конечно, не въ силахъ будетъ удержаться отъ смѣха, читая такое изложеніе. Это вѣдь все равно, какъ разсказать напр. войну 1812 г. такимъ образомъ:

«Наполеонъ пошелъ на Россію съ огромнымъ войскомъ. Вся надежда Россіи была возложена на ея храбрыхъ полководцевъ и на вѣрную армію. Войска наши тотчасъ выступили и заняли сильную позицію у Смоленска. Наполеонъ напалъ на нихъ при Бородинѣ и былъ разбитъ. Вскорѣ онъ принужденъ былъ постыдно бѣжать изъ Москвы и, потерпѣвъ ужасныя пораженія при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Березинѣ, сдалъ русскимъ Парижъ и отрекся отъ французской короны.»

Если хотите, почти все это даже и правда (разумѣется, съ нѣкоторыми натяжками); но можно ли такъ писать исторію?

А между тѣмъ въ такомъ именно смыслѣ пишетъ исторію г. Н. Лебедевъ, несмотря на то, что онъ не находился, конечно, подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учебниковъ-чиновниковъ.» Вотъ его общіе выводы о компаніи 1848 г. въ Италіи:

«Такъ кончилась четырехмѣсячная борьба безначалія съ порядкомъ и законностью (то есть Карла-Альберта съ Радецкимъ!). Начавъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Радецкій умѣлъ сначала собрать и устроить свою армію, испытать ее въ дѣлѣ противъ непріятеля при Санта-Лучіи и, разгадавъ своего противника, усмиривъ край, находившійся въ тылу арміи, *перейти къ рѣшительному наступленію въ двѣ недѣли* успѣлъ разбить и *окончательно разстроить* піемонтскую армію; взялъ городъ, бывшій началомъ и средоточіемъ возстанія, и водрузилъ побѣдныя знамена императорскія на берегахъ Тессина. Результаты удивительные, если принять во вниманіе смутное положеніе дѣлъ Австріи и незначительность силъ, которыя фельдмаршалъ имѣлъ вначалѣ подъ рукою!» (стр. 225).

Сравните этотъ отрывокъ съ выписаннымъ выше отрывкомъ изъ Майлата, и вы увидите, что сущность воззрѣній у обоихъ авто-

ровъ одинакова, только что русскій превосходитъ австрійскаго краснорѣчіемъ и ненавистью къ Италіи. Австрійскій авторъ не говоритъ *прямо*, что итальянцы *бунтовали* противъ Австріи; русскій, напротивъ, ясно выражаетъ это и во многихъ мѣстахъ книги развиваетъ съ особенною любовью. Не говоримъ о томъ, что г. Лебедевъ вездѣ клеймитъ итальянскихъ воиновъ мятежниками, измѣнниками, крамольниками и пр.; замѣтимъ одно, — что самую мысль объ итальянской народности онъ считаетъ преступною химерою, злонамѣренною фразою. Вотъ напр. одно мѣсто изъ его книги:

«*Крамола* дѣйствовала тайно, *подрывая самыя главнѣйшія основанія законной власти;* свободное книгопечатаніе помогало распространенію идей о *мнимой* народности и необходимости національнаго единства, а между тѣмъ, для этого мнимаго единства, ни одно мелкое владѣніе не хотѣло пожертвовать частью своей личной независимости; «единство Италіи» было гремучею фразою, которую повторяли два корифея новѣйшей итальянской литературы, *Джоберти* и Ацельо; *праздная молодежь* съ жадностью ловила эти фразы; національная гвардія, учрежденная въ Римѣ и Тосканскомъ герцогствѣ, была готовымъ орудіемъ для тѣхъ, которые, *съ преступной, ребяческой необдуманностью*, готовы были пожертвовать благосостояніемъ и спокойствіемъ милліоновъ — осуществленію своихъ *мечтательныхъ и неисполнимыхъ цѣлей*» (стр. 6).

Такой исключительности нѣтъ даже у австрійскаго автора, который вообще гораздо искуснѣе скрываетъ свои заднія мысли. Дѣло итальянской независимости онъ тоже готовъ признать бунтомъ, заговоромъ; но онъ не осмѣлился высказать это съ тѣмъ безсовѣстнымъ цинизмомъ, на который даетъ право только совершенное отсутствіе живой мысли добросовѣстнаго знанія. Поэтому-то и въ упрекъ Карлу Альберту у Майлата замѣчено только, что онъ «еще незадолго передъ войной увѣрялъ въ своемъ миролюбіи.» У нашего историка дѣло представлено гораздо съ большею рѣзкостью. Въ одномъ мѣстѣ, описавъ сраженіе австрійцевъ съ сардинцами, г. Лебедевъ говоритъ: «таково было сраженіе, окончательно рѣшившее торжество *праваго дѣла и порядка надъ измѣною и безначаліемъ*» (стр. 206) Очевидно, что Карлъ Альбертъ признается у г. Лебедева орудіемъ измѣны и не считается даже *начальникомъ* войны: иначе какое могло бы быть *безначаліе* въ предпріятіи, которое имъ было руководимо? И дѣйствительно, г. Лебедевъ очень безцеремонно объявляетъ что «Карлъ Альбертъ пожертвовалъ спокойствіемъ своего государства, престоломъ и цѣлою арміею *для поддержанія дѣла нѣсколькихъ ломбардскихъ либераловъ*» (стр. 198). И такъ онъ стремился, самъ не зная куда, изъ угожденія *нѣсколькимъ* либераламъ и крамольникамъ (къ которымъ г. Лебедевъ причисляетъ даже ультра-католика и мо-

нархиста аббата Джіоберти),—и для нихъ-то жертвовалъ *арміею* и *престоломъ*! «Какая непостижимая глупость можетъ иногда обуять человѣка», — невольно подумаешь, прочитавъ такое объясненіе поступковъ Карла Альберта!

И вѣдь приведенный отзывъ вовсе не составляетъ какой нибудь обмолвки, фразы, сказанной для красоты слога. Нѣтъ г. Лебедевъ серьёзно увѣряетъ, что «*большинство жителей Ломбардіи было истинно предано австрійскому правительству и цѣнило его заботливость о благосостояніи края*; единство же Италіи было потребностью людей, которые прикрывали этимъ словомъ свои *личные, большею частію своекорыстные разсчеты.*» (стр. 84). Вслѣдствіе такого убѣжденія, г. Лебедевъ упрекаетъ австрійцевъ «*за излишнее довѣріе* къ туземцамъ въ Италіи» (стр. 79). По его мнѣнію, послѣдствіемъ довѣрчивости австрійцевъ «*была почти общая измѣна.*»

Вотъ какія мнѣнія печатаются у насъ объ Австріи учеными спеціалистами, а переводчикъ исторіи Майлата считаетъ *безпристрастными* его мнѣнія для нашей публики! У насъ, говоритъ, печатаются въ газетахъ «извѣстія о разстрѣливаніи итальянцевъ, не хотѣвшихъ стрѣлять въ хорватовъ.» Такъ чтоже изъ этого? Спросите г. Лебедева, какъ онъ на это смотритъ; онъ вамъ скажетъ: «разумѣется, какъ на справедливую казнь измѣнниковъ.» Вотъ что напр. говоритъ онъ, восхваляя «*превосходный духъ офицеровъ* австрійской арміи: «цесарь, армія — составляютъ отечество для австрійскихъ офицеровъ; будь онъ австріецъ, богемецъ, венгерецъ, кроатъ, полякъ или итальянецъ, онъ *прежде всего — солдатъ* и вѣрный слуга своего государя и государства, а потому строгая добросовѣстность въ исполненіи обязанностей составляетъ отличительное его качество. *Часто случается,* что офицеръ, унтеръ-офицеръ, фельдфебель и вахмистръ — *не знаютъ языка своихъ подчиненныхъ*; но между ними устанавливается свой условный языкъ, *а главное*, простая нѣмецкая команда *заставляетъ каждаго дѣлать свое дѣло и дѣлать все въ порядкѣ.*» (стр. 13). А если такъ, то почему же и не разстрѣливать другъ друга? Слѣдуйте *простую нѣмецкую команду*, каждый сдѣлаетъ *свое дѣло*, и порядокъ ни мало не будетъ нарушенъ!...

По всей вѣроятности, переводчикъ Майлата не предполагалъ, что между русскими учеными спеціалистами еще существуютъ подобныя мнѣнія: иначе онъ, конечно, не рѣшился бы давать имъ поруку и поддержку въ авторитетѣ Майлата. Точно также онъ не зналъ, вѣроятно и того, до какой степени искажаются историческіе факты и въ нашихъ доморощенныхъ исторіяхъ: иначе не сталъ бы онъ возить *дрова въ лѣсъ* Посмотрите напр. книгу г. Н. Лебедева хоть съ точки зрѣнія фактической вѣрности: вамъ больно и совѣстно сдѣлается.

Точно такъ, какъ у австрійскаго историка,—чуть не пройдены молчаніемъ успѣхи сардинцевъ въ первый періодъ войны; битва при Санта-Лучіи расписана такъ, какъ будто она была для итальянцевъ чѣмъ-то въ родѣ березинской переправы Наполеона. Мало этого; говорится, что послѣ битвы при С.-Лучіи, у австрійцевъ «успѣхъ слѣдуетъ за успѣхомъ и вскорѣ истощенная и обезсиленная сардинская армія должна уже была сражаться не за побѣду, а за жизнь» (стр. 78). Сравните съ этимъ выписанное выше мѣсто, гдѣ говорится, что Радецкій *въ двѣ недѣли* отъ начала наступательныхъ дѣйствій разстроилъ сардинскую армію; выходитъ, что или Радецкій разстроилъ сардинцевъ въ двѣ недѣли послѣ битвы при С.-Лучіи, т. е. къ 20-му мая, или что онъ потомъ *разстроилъ уже разстроенную* армію... И то, и другое хорошо. Г. Лебедевъ, восхищаясь австрійскими успѣхами, забываетъ даже о томъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ С. Лучіи, была битва при Гойто и взята была сардинцами Пескьера... Впрочемъ онъ дѣло при Гойто считаетъ *нерѣшительнымъ*, а Пескьеру ничтожной крѣпостцой! За то вступленіе австрійцевъ въ Миланъ 6-го августа разсказано съ энтузіазмомъ и доблести воиновъ Радецкаго отдана вполнѣ дань удивленія и восторга.

Не стали бы мы говорить о книгѣ г. Лебедева, но заблужденіе переводчика Майлата, будто бы у насъ въ публикѣ не вредны австрійскія нелѣпости, показалось намъ отчасти опаснымъ; для опроверженія же его мы не могли найти ничего лучше сочиненія г. Лебедева. Кстати же недавно о немъ была публикація у разныхъ книгопродавцевъ, какъ будто о новой книгѣ....

Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ С.-петербургскаго университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Изданіе автора. Спб. 1859 г.

Мы хотимъ познакомить читателей съ воззрѣніями и логикой г. Миллеръ-Красовскаго, чтобъ они увидѣли, до какихъ позорныхъ нелѣпостей могутъ у насъ доходить люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ университетѣ.

Г. Миллеръ-Красовскій самъ себя на заглавномъ листѣ своей книги титуловалъ *кандидатомъ* университета; значитъ, онъ былъ въ своемъ курсѣ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ посту-

шилъ въ классные надзиратели гатчинскаго института и 12 лѣтъ, какъ видно изъ книги, занимался дѣломъ воспитанія; слѣдовательно онъ не отвратился отъ науки и просвѣщенія *для житейскихъ* цѣлей, какъ дѣлаютъ многіе другіе, учащіеся въ университетѣ только *для правъ*, т. е. для чина. Мало того, онъ и свою воспитательскую обязанность исполнялъ не машинально, не изъ-за того только, чтобы имѣть средства жить какъ нибудь; нѣтъ — онъ размышлялъ о своемъ дѣлѣ, хотѣлъ осмыслить свое назначеніе, доходилъ до общихъ опредѣленій, наконецъ даже написалъ и издалъ сочиненіе объ основныхъ законахъ воспитанія. Можно бы, кажется, ожидать чего нибудь хорошаго....

А между тѣмъ посмотрите, что говоритъ онъ о предметѣ, которому посвятилъ себя спеціально, — о воспитаніи. Въ прошломъ году мы представляли читателямъ образецъ обскурантскихъ, молчалинскихъ понятій изъ диссертаціи другаго г. Миллера, Ореста. Но диссертація г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была по крайней мѣрѣ написана довольно грамотно и не рѣшалась пускаться въ практическую сферу, довольствуясь восхваленіемъ молчалинскихъ добродѣтелей только въ теоріи. Г. Миллеръ-Красовскій, основываясь на собственной *двѣнадцатилѣтней* практикѣ, прямо преподаетъ воспитателямъ и юношамъ правила практической дѣятельности, увѣряя, что онъ основывается «на св. вѣрѣ и на самой жизни» (стр. 69). Даже въ газетной публикаціи о своей книгѣ, онъ прибавляетъ, что *педагогія краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности изъ русской жизни* (См. «Спб. Вѣдом.» № 118). Но несмотря на такую авторскую рекомендацію, какое дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій представляется въ его книгѣ! *Жизни* въ ней нѣтъ вовсе, и видно, что авторъ о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: такъ все въ нихъ мертво и формально. О *св. вѣрѣ* часто упоминаетъ г. Миллеръ-Красовскій; но и ея внушеніями онъ не пользуется такъ, какъ бы слѣдовало. У него встрѣчаются правила, имъ самимъ придуманныя и отличающіяся чрезвычайно мрачнымъ характеромъ. Мы, конечно, еслибы и хотѣли, то никакъ не могли бы упрекнуть автора за нѣкоторыя мѣста, напр. за его общее понятіе о нѣмецкой и русской исторіи, выраженное имъ на стр. 5—6.

«Воспитаніе по цѣли и по содержанію можетъ служить зеркаломъ исторіи каждаго народа. Нѣмцы, напр., воспитывали человѣка, развивая его индивидуальныя силы *не для государства*, а для всего человѣчества. Такое слишкомъ отвлеченное стремленіе теперь оказывается не практическимъ какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой Германіи, гдѣ при всѣхъ ея достоинствахъ, недостаетъ единства и сосре-

доконченности силъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Россіи. Богатая исторія русскаго народа постоянно развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выражавшихся въ минуты отечественной невзгоды. Это именно нашъ народный девизъ: «за Вѣру и за Царя.»

Такія разсужденія должно признавать вполнѣ благонамѣренными, и мы нарочно ихъ выписали, чтобы съ самаго начала дать читателямъ понять, что г. Миллеръ-Красовскій, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ къ числу людей *неблагонамѣренныхъ*. Тоже самое должны мы сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ, разсуждающемъ, хотя довольно безграмотно, о храненіи старинныхъ обычаевъ:

«Школьное знаніе отечественной исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть предъ обычаями, нравами и дѣлами, — какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ *не однихъ гербовъ, не громкихъ торговыхъ фирмъ;* нѣтъ, — и въ крестьянской избѣ отцы и дѣды должны служить *путеводительными точками* для молодаго поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю. Эта мысль—основа воспитанія» (стр. 21).

Благочестіе и кроткая благонамѣренность автора выражаются и въ слѣдующемъ мѣстѣ, возставать противъ котораго мы также не смѣемъ:

«И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами Св. Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ и неиначе. А если онъ съумѣетъ заглянуть въ человѣческое сердце, такъ онъ дѣйствительно тамъ найдетъ много такого вреднаго и лишняго, что искоренимо одною строгою дисциплиною» (стр. 26).

Чувство патріотизма, котораго нельзя порицать, и смиренія, которому нельзя не удивляться, видно и въ слѣдующей замѣткѣ автора о наградахъ ученикамъ.

«Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освящена *смиренностію,* какъ Св. Церковь и требуетъ этого: она большею частію раздается благословляющею рукою духовной особы» (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестія, которое согрѣваетъ г. Миллера-Красовскаго, приводя его къ слѣдующимъ положеніямъ, напечатаннымъ въ его книгѣ нарочито-крупнымъ шрифтомъ:

«1) Каждое крещенное дитя принадлежитъ Св. Церкви и потому занимаетъ законное мѣсто между міромъ.

2) Каждое крещенное дитя ростетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ Святыхъ Таинствъ Крещенія, слѣдовательно оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра» (стр. 43).

Если строки эти показались вамъ слишкомъ крупны, — вина не наша: такимъ шрифтомъ почтены онѣ у самого автора.

Объясняя свои крупныя положенія шрифтомъ болѣе мелкимъ, г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ:

«Дитя есть Божіе достояніе, отказывать ему въ уваженіи христіанское благочестіе запрещаетъ. Родители разумнѣйшимъ образомъ возбуждаютъ и развиваютъ это чувство, — если напр., день ангела, день рожденія дитяти всегда празднуются благодарственнымъ молебствіемъ, если дитя получаетъ подарокъ и другія маленькія преимущества. Подъ такимъ направленіемъ дитя пойметъ, что оно также имѣетъ значеніе, также принадлежитъ Церкви и любимо Богомъ» (стр. 43).

Дѣлая честь благочестію автора, эти мысли совершенно согласны и съ общими его воззрѣніями, выражаемыми, напр., въ слѣдующихъ строкахъ:

«Законъ природы ужъ таковъ, что свѣту противорѣчитъ мракъ, теплотѣ—стужа, оазамъ—песчанныя, знойныя степи. Но Творецъ мудро устроилъ все. Поставивъ человѣческій разумъ для уравновѣшиванія и поборенія враждебныхъ физическихъ силъ, Онъ и человѣку также далъ возможность развить разумъ. Человѣкъ отъ Бога получилъ законъ, Его откровеніе и съ тѣмъ вѣрнѣйшее средство побороть собственные зародыши нравственнаго мрака, зноя и холода. Всемірная исторія ясно доказываетъ намъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ отступалъ отъ закона, Господь и каралъ его въ той мѣрѣ, въ какой истина нарушалась» (стр. 44).

Но проводя въ своей книгѣ общія идеи, заимствованныя, по выраженію автора, «изъ русской жизни и вѣры», г. Миллеръ-Красовскій доходитъ до крайностей столь нелѣпыхъ, что трудно повѣрить, чтобы дошелъ до нихъ человѣкъ, съ успѣхомъ кончившій курсъ наукъ въ университетѣ. Онъ постоянно вооружается *на нѣмцевъ* (г. *Миллеръ*-Красовскій!), говоря, что они *омрачены Русскими плевелами* (стр. 45) и филантропическими тенденціями, и вслѣдствіе того—толкуютъ учащимся *про ихъ права*. Это вмѣняется ими въ большое преступленіе г. Миллеромъ-Красовскимъ, который свои

собственныя воззрѣнія развиваетъ вотъ въ какой послѣдовательности:

«*Но если же* воспитатель долженъ довести питомца, — будущаго гражданина, — до сознанія, что права человѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если *всякая гражданская обязанность есть ничто иное, какъ безусловное подчиненіе* нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ; то само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданскаго послушанія. Самоограниченіе и самоотверженіе главнѣйшіе дѣйствователи въ воспитаніи: они вырабатываютъ въ молодой душѣ способность подчиняться *общенароднымъ цѣлямъ*. Этимъ же подчиненіемъ подъ общее мы и въ свою очередь пользуемся общими нравственными, умственными силами и общимъ покровительствомъ, т. е. благостію церкви и государства» (стр. 8).

Сколько можно понять изъ неграмотнаго изложенія, авторъ хочетъ сказать, что человѣка нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать—нужно подавлять въ немъ личную волю, съ малолѣтства заглушать всякое сознаніе своихъ правъ (кромѣ только приведенныхъ выше празднованій, дня ангела, рожденія, и проч.) и цѣлью всего воспитанія поставить дисциплину и субординацію. Такъ именно и полагаетъ г. Миллеръ-Красовскій. Въ концѣ книги, сводя къ одному результату всѣ свои положенія, онъ ставитъ четвертымъ основнымъ положеніемъ слѣдующее:

«*Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, ничто другое, какъ одно повиновеніе*» (стр. 69).

Даже родительской и дѣтской любви онъ не оставляетъ мѣста въ воспитаніи, безъ дисциплины. Съ цинической грубостью, съ самымъ варварскимъ неуваженіемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ (стр. 27):

«Мы не станемъ болѣе доказывать, что *одна дисциплина* прочитъ родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непреложною педагогическою истиною:

Повинуясь, дѣти учатся любить *(но не на оборотъ.)*

Мало этого, г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ даже то, когда дѣтямъ объясняютъ, почему они должны сдѣлать то или другое. **Не разсуждай, а исполняй!** огромными буквами напечатано на 33 стр. его книги. И этому изреченію предшествуетъ слѣдующее разсужденіе:

«Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ дѣтямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой либо необходимости причинами и доводами. *Это, въ сущности, тоже самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія;* потому что убѣжденное дитя ужь болѣе *не слушается родителей, а причинъ, резоновъ* и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать.... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняющіе дѣтямъ свои требованія резонами и причинами, только снисходятъ на степень покорныхъ слугъ предъ дѣтьми; за то послѣднія нерѣдко и дѣлаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допускать, ни подъ какимъ видомъ, идею равенства между воспитывающимъ и воспитанникомъ; оно не согласно съ заповѣдью. Мы однако сами часто доводимъ ребенка до грѣха именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкшее къ возраженіямъ, мало по малу усвоиваетъ себѣ право переговоровъ. *А что же возраженія, переговоры, какъ не идея равенства!* —

Положимъ, убѣжденное дитя дѣйствительно и покорилось необходимости, такъ оно сдѣлало это ужь *не повинуясь высшей волѣ, — оно покорилось собственной, самоугодной силѣ сознанія* (какъ это печально!) При такомъ направленіи дѣти не только легко лишаются необходимаго, благоговѣйнаго чувства къ воспитателю; они и всю жизнь страдаютъ.... Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ и что человѣкъ всегда и постепенно доходитъ отъ малаго до великаго, то здравое воспитаніе и *не допуститъ резоновъ у дѣтей.* Оно непремѣнно установитъ *для всѣхъ воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія,* — разумное правило:

Не разсуждай, а исполняй.»

Какъ видите, г. Миллеръ-Красовскій вовсе не хочетъ, чтобы дѣти слушались *резоновъ*. Нѣтъ, пусть ихъ слушаются чужихъ приказовъ, не смѣя и подумать о томъ, разумны или нѣтъ эти приказы. Повиновеніе, дисциплина — вотъ основа и цѣль воспитанія. А добиться повиновенія можно не пріученіемъ дѣтей къ разумному согласію съ волею воспитателя, къ внутреннему одобренію его требованій, а просто наградами и наказаніями. Награды (т. е. внѣшнее одобреніе, знаки отличія и т. п.) г. Миллеръ-Красовскій признаетъ необходимымъ и единственнымъ стимуломъ всякой дѣятельности человѣческой. Онъ говоритъ:

«Карамзины, Пушкины, всѣ, кто только *не* (т. е. *ни*) записанъ *н* (т. е. *на*) золотыхъ скрижаляхъ исторіи, навѣрно не возвеличили бы своими дарами человѣческаго достоинства, если бы имъ съ молодости твердили: ты работай, трудись, — но награды не жди! (Какой же награды? Понятіе автора объ этомъ отчасти объясняется слѣдующимъ, тутъ же приводимымъ у него примѣромъ). И геніальный Суворовъ, послѣ безсмертныхъ подвиговъ русскаго оружія въ Италіи, писалъ еще

изъ Италіи нашему посланнику при лондонскомъ дворѣ: «пришлите мнѣ подвязокъ» (стр. 38).

Страсть получать знаки отличія и всякія награды очень похвальна съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, который высочайшую степень достоинства человѣка поставляетъ *въ смиренности*. Къ пріобрѣтенію *смиренности* долженъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ стремиться, какъ къ идеалу человѣческаго совершенства. Съ одушевленіемъ говоритъ онъ на этотъ счетъ: «легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ, рано увялъ отъ горделивой воли, отъ недостатка въ благочестивой смиренности. Такъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, любим*омъ* поэт*ѣ* молодежи, мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но за то весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу — смиренность.» (стр. 16). Безъ *смиренности* же человѣкъ погибъ, по мнѣнію г. Миллеръ-Красовскаго; отъ недостатка смиренности и вслѣдствіе «плевелъ филантропизма», германскій народъ много бѣдствовалъ, и «мудрено ли послѣ этого, если Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покорилъ Пруссію?» (стр. 23). Опасаясь, какъ видно, чтобы и Россію не постигла столь же печальная участь, г. Миллеръ-Красовскій очень подробно толкуетъ о разныхъ наказаніяхъ, посредствомъ которыхъ можно произвести въ дѣтяхъ смиренность и отучить ихъ отъ всякой претензіи на какія нибудь права. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ-Красовскій очень одобряетъ розгу; но въ ней онъ видитъ и нѣкоторыя неудобства, состоящія въ томъ, что процессъ сѣченія беретъ много времени. Противъ карцера г. Миллеръ-Красовскій возстаетъ рѣшительно, находя, что онъ не убьетъ, а скорѣе «укрѣпитъ молодую грѣшную волю».

«Въ школѣ еще карцеръ играетъ важную роль: оно по мнѣнію многихъ педагоговъ потому полезно, что молодой грѣшникъ можетъ на досугѣ удобно обдумать свою вину. Мы же держимся совсѣмъ другаго мнѣнія: наша *двѣнадцатилѣтняя практика говоритъ намъ*, что продолжительное наказаніе большею частію не только безполезно, оно даже способствуетъ зачерствѣнію и озлобленію молодой натуры. *Быстрое, моментное дѣйствіе же воспитателя всегда болѣе потрясетъ*, чѣмъ систематически задуманные пріемы и способы. *Наша главная* задача единственно состоитъ въ томъ, чтобы *предавать смерти молодую грѣшную волю*, а не давать ей на досугѣ, во время длящагося наказанія, укрѣпляться. Это, какъ уже сказано, достигается одною быстротою, основательнымъ, *сильнымъ моментнымъ потрясеніемъ*» (стр. 50).

Что же разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ,* пользу котораго доказала ему *двѣнадцатилѣтняя практика*? Не розгу, читатель, не розгу: она кажется все еще не довольно сильнымъ и быстрымъ средствомъ. Двѣнадцатилѣтняя практика убѣдила г. Миллеръ-Красовскаго въ пользѣ другаго, болѣе дѣйствительнаго способа наказанія, именно — *пощечины!* Въ доказательство благотворности пощечины, или, точнѣе, *трехъ пощечинъ,* г. Миллеръ-Красовскій разсказываетъ даже *быль,* которую мы представляемъ читателямъ во всей ея первобытной красотѣ, не омрачая ее ни однимъ замѣчаніемъ.... По нашему мнѣнію, всякая прибавка, всякій знакъ вопроса много бы отнялъ у этого неподражаемаго разсказа, способнаго возмутить самаго невзыскательнаго человѣка, даже выросшаго въ строгихъ правилахъ старинной бурсы или бывшаго кантонистскаго положенія. Вотъ разсказъ г. Миллеръ-Красовскаго, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его книжкѣ, на стр. 53—55.

БЫЛЬ.

Въ семьѣ отецъ и мать часто давали дѣтямъ своею неладицею соблазнительные примѣры. Не то, чтобы старики вѣчно ссорились; этого не было. Но отецъ, бывало, придетъ домой изъ должности и начнетъ ворчать на дѣтей и на жену; то не хорошо, третье, десятое. Дѣти, разумѣется, привыкли бояться вѣчно недовольнаго отца и мало по малу потеряли любовь къ нему, ласкали одну свою нѣжную, добрую мать. Рѣдкій день не проходилъ безъ отцовскаго наказанія; а дѣти какъ были лѣнивыя, задорныя, такъ и оставались. Когда отецъ умеръ, для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее, два года въ классѣ сидѣлъ и все не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было препоручить его опытному человѣку, что и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; потому мальчикъ скоро привыкъ къ порядку, хорошо занимался. Но увы! черезъ мѣсяцъ старинное упрямство опять появилось: сынокъ по прежнему не слушается матери, спитъ сколько угодно, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, просто, не боится. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упрямца. *Однажды учитель приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаетъ все семейство еще за коффеемъ, кромѣ Пети. Мать посылаетъ за Петей, — Петя не идетъ, не хочетъ коффея. Учитель самъ наконецъ требуетъ чрезъ меньшаго брата Пети къ столу, ему приносятъ отвѣтъ, что Петя не идетъ и баста. Все замолкло, — мать и дѣти покраснѣли,—учителю также не*

ловко стало. Какъ тутъ быть?—Случай необычайный, а между тѣмъ и для другихъ дурной примѣръ. Учитель хотя не хотя отправляется въ комнату Пети, все надѣясь еще, что грѣшникъ сконфузится, покорится ему. Но тутъ то было. «За чѣмъ ты къ коффею не явился?» «Я, я не хочу!!» «Какъ ты не хочешь??—вотъ тебѣ!»—Петя съ такою быстротою получилъ три пощечины, что совсѣмъ растерялся, заплакалъ и давай просить у матери прощенья. Нужно замѣтить, что онъ прежде не умѣлъ каяться. Покоренный витязь весь день плакалъ, хныкалъ; но дѣло было кончено. Петя позналъ, что вдаваться въ новую борьбу съ ласковымъ наставникомъ ему не по силамъ и пошелъ себѣ хорошо, сталъ любезнымъ, прилежнымъ воспитанникомъ, нѣжно-любящимъ сыномъ. Если бы же употребляли розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая, **осторожная** *пощечина; то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ бы время собраться духомъ, вынесъ бы казнь и остался бы упрямымъ.* Прежніе частые отцовскіе побои вбили въ Петю упрямство; *благоразумный, безпристрастный наставникъ же основательно вылечилъ Петю тремя пощечинами.* Кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не быль, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями. Мы повторяемъ: личность воспитателя много значитъ; она то и рѣшаетъ самыя трудныя проблемы педагогіи.»

Прочитавъ эту быль, припомните, что авторъ самъ — классный надзиратель въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній, припомните его слова, что убѣжденіе относительно моментнаго дѣйствія «сложилось въ немъ такъ твердо и непоколебимо вслѣдствіе *двѣнадцатилѣтней практики*», припомните, что онъ принимаетъ правило: *не разсуждай, а исполняй»*, и требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ, признавая, что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ личности воспитателя, употребляющаго сильныя моментныя дѣйствія, — припомните все это и пожалѣйте, вмѣстѣ съ нами, объ участи несчастныхъ дѣтей, которыхъ злая судьба бросаетъ въ руки такого воспитателя. Что можетъ быть жалче и безотраднѣе ихъ положенія? Отъ нихъ требуютъ повиновенія; но повиноваться воспитателю по любви къ нему — г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ, повиноваться по убѣжденію въ разумности приказанія—тоже считается опаснымъ; представлять возраженія, обнаруживать самостоятельность воли, — это ужь такое преступленіе, за которое г. Миллеръ-Красовскій караетъ дѣтей «сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ». Бѣдныя, жалкія дѣти! Что-то выйдетъ изъ васъ, когда къ вамъ прилагается постоянно такая система воспитанія!

А между тѣмъ г. Миллеръ-Красовскій—кандидатъ университета по факультету историко-филологическихъ наукъ; свой образъ дѣйствій употребляетъ онъ сознательно и обдуманно; въ «двѣнадцати-

лѣтней практикѣ по моментнымъ, потрясающимъ дѣйствіямъ» онъ не боится признаться печатно, и даже попрекаетъ *кабинетскими теоріями* людей, которые не захотятъ согласиться съ нимъ въ благотворности пощечины или *трехъ пощечинъ!* Что же послѣ этого дѣлается въ тѣхъ темныхъ уголкахъ, тѣми темными личностями, которыя о себѣ не печатаютъ?!

Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». Спб. 1859 г.

«Что это за книга «Описаніе сельскаго духовенства?» спроситъ читатель. И почему указываемъ мы на «*Мысли*» объ этой книгѣ, а не говоримъ ничего о ней самой? Не гораздо ли полезнѣе было бы разобрать самое сочиненіе, имѣющее своимъ предметомъ столь важный и любопытный вопросъ, какъ положеніе сельскаго духовенства,—нежели заниматься «Мыслями Свѣтскаго Человѣка» о такомъ сочиненіи, которое еще неизвѣстно для публики и котораго никто изъ читателей нашихъ, вѣроятно, даже не видалъ?

Мы признаемъ законность этихъ вопросовъ и недоумѣній читателя, и спѣшимъ разрѣшить ихъ, насколько сами знаемъ дѣло, о которомъ должны теперь говорить. Дѣло въ томъ, что книги: «Описаніе сельскаго духовенства» мы сами не читали и не видали, а получили понятіе о ней только изъ брошюрки, заглавіе которой выписали выше. Изъ брошюрки этой оказывается, что «Описаніе сельскаго духовенства» напечатано на русскомъ языкѣ за границей, что оно неблагонамѣренно и содержитъ въ себѣ многія хулы на духовенство. Не прочитавши книги, подвергшейся такому осужденію въ разсматриваемой нами брошюрѣ, мы, разумѣется, не можемъ судить, справедливы или нѣтъ мысли Свѣтскаго Человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». Одно только можемъ замѣтить съ своей стороны: мысли эти намъ кажутся совершенно излишними и даже производятъ на насъ впечатлѣніе неблагопріятное. Изданіе ихъ доказываетъ, что авторъ придавалъ значеніе книгѣ, вышедшей за границею о сельскомъ духовенствѣ, и считалъ нужнымъ опровергать ее. А между тѣмъ въ самомъ разборѣ неоднократно повторено, что книга не стоитъ опроверженія!... Да если бы и стоила, то для кого писать опроверженіе? Неужели авторъ думаетъ, что у насъ можетъ разойтись и имѣть вредное вліяніе такая книга, которая не находится въ продажѣ? Это значитъ слишкомъ мало имѣть довѣрія

къ благонамѣренности и честности русской публики. У насъ мало читаютъ (а если и читаютъ, такъ не слушаютъ) и то, что печатается въ Россіи и продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ: станутъ ли читать то, что напечатано за границей? Рѣшительно напрасно трудился свѣтскій человѣкъ,—тѣмъ болѣе напрасно, что о значеніи его собственной брошюрки нельзя составить себѣ никакого опредѣленнаго мнѣнія, не имѣя подъ руками самаго «Описанія сельскаго духовенства».

Но между тѣмъ Свѣтскій Человѣкъ возбуждаетъ наше любопытство на счетъ «Описанія сельскаго духовенства». Онъ говоритъ, что *«книга сія уже переведена на французскій и нѣмецкій языки»* (стр. 4), что она *«принята и читаема высшимъ обществомъ»* (стр. 7), что *«на нее даже указываютъ въ наставленіе архипастырямъ»* (стр. 6). Чѣмъ она заслужила такое исключительное вниманіе общества, даже *высшаго?* Можетъ быть, въ ней есть новыя свѣдѣнія, яркія картины, интересные факты, свѣтлыя соображенія, — несмотря на желчность или даже фальшивость общаго направленія? Можетъ быть, она способна возбудить въ обществѣ участіе къ положенію нашего сельскаго духовенства? Можетъ быть, она содержитъ новые планы полезныхъ преобразованій? Ничего этого мы не видимъ изъ «Мыслей». Авторъ «Мыслей» возстаетъ только противъ тона книги и приводитъ отрывочныя выписки въ двѣ или три строчки,—чтò изъ нихъ можно понять? Напр. Свѣтскій Человѣкъ говоритъ (стр. 6):

«Распространяясь о томъ, на что тратятъ духовныя власти свои доходы, заносчивый писатель доходитъ даже до неприличія, позволяя себѣ такіе намеки, которые нигдѣ не могутъ быть терпимы. Совѣстно повторять и то, что говоритъ онъ объ обращеніи архіереевъ со священниками, называя ихъ *сатрапами* въ рясахъ и возводя на ихъ голову всѣ возможныя нелѣпости: будто они смотрятъ на іереевъ, какъ на собакъ нечистыхъ, и пр. Послѣ такихъ выраженій неужели еще можно вѣрить автору, будто архіереи внушаютъ мірянамъ: «мы уже почти совсѣмъ растоптали поповъ, топчите кстати и вы: все ослы и бòльшаго не заслуживаютъ», и къ этому присовокупляетъ: «на это способны только смиренные архипастыри Православной Руси». Какое хульное кощунство надъ всею церковью, надъ всею православною Русью! Книга падаетъ изъ рукъ.»

Все это можетъ быть вполнѣ справедливо; но можетъ быть и то, что всѣ фразы, приводимыя Свѣтскимъ Человѣкомъ, имѣютъ

въ книгѣ и не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой имъ придается въ «Мысляхъ». Не знавши самой книги, трудно судить рѣшительно.

Впрочемъ, и съ самыми замѣчаніями Свѣтскаго Человѣка не всегда можно согласиться. Напр. онъ возстаетъ противъ желанія автора книги о сельскомъ духовенствѣ, чтобы священникъ былъ вмѣстѣ и медикомъ. Кому неизвѣстно, какъ страдаютъ наши простолюдины отъ недостатка знающихъ врачей въ селеніяхъ, какимъ обманамъ, убыткамъ и существенному вреду для здоровья подвергаются они отъ шарлатанства знахарей, ворожей и т. п.? Кто не знаетъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне еще выказываютъ недовѣріе ко всякому совѣту врача, считая его навожденіемъ нечистой силы? Самымъ лучшимъ средствомъ для устраненія всего этого могло бы быть дѣйствительно соединеніе въ лицѣ священника духовнаго авторитета съ знаніями медицинскими. Но Свѣтскій Человѣкъ, знающій, какъ видно, отчасти букву Писанія, но не углублявшійся въ духъ его, считаетъ медицинскія занятія неприличными священнику. Въ этомъ странномъ мнѣніи онъ опирается во-первыхъ на то, что Господь исцѣлялъ больныхъ не медицинскими пособіями, что Апостолы, по Его Божественному распоряженію, какъ сами *мазаху масломъ многи недужныя и исцѣляваху*, такъ и пастырямъ церкви заповѣдали врачевать больныхъ не медицинскими пособіями, а таинствомъ Елеосвященія» (стр. 13). Неужели, по здравому разуму писанія, приведенныя Свѣтскимъ Человѣкомъ слова могутъ свидѣтельствовать противъ употребленія медицинскихъ пособій?

Второе основаніе, принимаемое Свѣтскимъ Человѣкомъ противъ медицины, состоитъ въ томъ, что «какъ же священникъ приступитъ къ совершенію Святыхъ Таинъ послѣ ухода за больными, особенно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ многіе заражены *ужаснымъ недугомъ, заносимымъ изъ столицы*? (стр. 15). Но, какъ бы ни былъ нечистъ недугъ, неужели онъ оскверняетъ врача, прикасающагося къ больному? Свѣтскій Человѣкъ забылъ притчу о благодѣтельномъ самарянинѣ, забылъ заповѣдь Христову о посѣщеніи больныхъ, забылъ, что достоинство священнослужителя, по духу вѣры христіанской, состоитъ не во внѣшней опрятности, а въ чистотѣ сердца, въ любви къ ближнему, въ правдѣ и самоотверженіи. Въ замѣчаніи, что уходъ за больными (хотя бы и злокачественною болѣзнію) можетъ препятствовать священнику въ совершеніи послѣ того Святыхъ Таинъ, слишкомъ рѣзко обнаруживается «свѣтскій чело-

вѣкъ», понимающій только внѣшнюю сторону обрядовъ, но не вникающій въ существенный смыслъ и духъ Христова ученія.

Послѣ этого странно намъ кажется, что Свѣтскій Человѣкъ, столь чуждый, какъ видно, духовнымъ занятіямъ, *первый* и *одинъ* принялъ на себя обязанность опровергать автора, который не только не можетъ защищаться, но даже не можетъ быть безпристрастно судимъ читателями «Мыслей», потому что онъ и его книга никому у насъ неизвѣстны. Еще страннѣе показался намъ тонъ, принятый Свѣтскимъ Человѣкомъ. Каждая страница брошюры переполнена бранью. Свѣтскій Человѣкъ говоритъ: «заносчивый писатель», «хульное кощунство автора», «завистливый характеръ автора» (стр. 6), «всѣ возможныя ругательства, разсыпанныя въ книгѣ», «авторъ кощунствуетъ», «выражается неприличнымъ образомъ» (стр. 7); «дикая сія картина могла осуществиться только въ разгоряченномъ воображеніи автора»; «все это преувеличено и написано съ вѣтра» (стр. 11) и пр. И все это безъ всякихъ доказательствъ, безъ всякой заботы о подтвержденіи фактами своихъ собственныхъ мнѣній и подробными выписками — своихъ строгихъ осужденій книгѣ неизвѣстнаго автора. Въ заключеніе Свѣтскій Человѣкъ говоритъ: «тяжкая падаетъ отвѣтственность за эти хулы предъ Богомъ и людьми на дерзнувшаго поднять столь святотатно руку свою *на Святую Церковь!* (стр. 16). Мы были поражены такимъ заключеніемъ и еще разъ перечитали всѣ выписки, приводимыя въ брошюрѣ Свѣтскаго Человѣка изъ «Описанія сельскаго духовенства»: *ни одна* изъ этихъ выписокъ (даже въ томъ отрывочномъ видѣ, какъ представлена Свѣтскимъ Человѣкомъ) *не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей хулы на Св. Церковь.* Самое сильное мѣсто, отмѣченное въ брошюрѣ съ особымъ негодованіемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «авторъ кощунствуетъ (говоритъ Свѣтскій Человѣкъ) не только о своихъ пастыряхъ, но и о самой литургіи, говоря, что сельскому священнику невыносимый трудъ служить литургію въ праздникъ; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ обѣдню» (стр. 7). Признаемся, изъ этой отрывочной цитаты, приведенной безъ всякой связи и смысла, мы ничего не можемъ заключить: можетъ быть, она и содержитъ въ себѣ нѣчто непристойное, а можетъ быть, въ общей связи рѣчи, она и совершенно невинна.

Мы говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы оправдывать книгу, которой мы не знаемъ и о которой слѣдовательно судить не можемъ. Мы хотимъ показать только одно: какой дурной оборотъ для самаго дѣла можетъ произойти оттого, когда его начинаетъ защищать человѣкъ малосвѣдущій.

Благое намѣреніе можетъ осуществиться не вполнѣ хорошо, если силы человѣка слабы для его выполненія; но оно можетъ получить совершенно превратный смыслъ и характеръ, когда при выполненіи его человѣкъ водится личной раздражительностью, поверхностнымъ пониманіемъ дѣла и разными исключительными пристрастіями. Послѣднее совершилось и съ «Мыслями Свѣтскаго Человѣка». Въ чемъ могло состоять намѣреніе автора, начавшаго опровергать «Описаніе сельскаго духовенства?» Въ томъ, конечно, чтобы возстановить истинныя понятія о бытѣ и свойствахъ русскаго духовенства, искаженныя неизвѣстнымъ авторомъ «Описанія сельскаго духовенства». Но чѣмъ руководился Свѣтскій Человѣкъ въ своей брошюрѣ? Чувствомъ раздраженія, которое онъ ничѣмъ не умѣлъ оправдать. Въ началѣ своей брошюры онъ показалъ даже такое настроеніе, которое вообще неизвинительно для образованнаго человѣка современнаго общества. Свѣтскій Человѣкъ начинаетъ свои «Мысли» филиппикою *противъ гласности!* Онъ говоритъ: «къ *сожалѣнію*, свобода языка, внезапно разрѣшившагося, *называемая теперь гласностью, большею частію* увлекаетъ оглашающихъ такъ далеко, что они забѣгаютъ за предѣлы истины и *почти всегда представляютъ дѣло въ превратномъ видѣ*, и такимъ образомъ пишутъ, вмѣсто портретовъ, каррикатуры и, разумѣется, не достигаютъ своей цѣли». Намъ кажется, что нашу гласность можно упрекать скорѣе въ скрытности и уменьшеніи многаго, ею заявляемаго, нежели въ преувеличеніяхъ и искаженіяхъ? Говорить, что наша гласность *почти всегда* представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ, значитъ — говорить *неправду*, и мы смѣло объявляемъ эти слова Свѣтскаго Человѣка *несправедливыми*. Мы вызываемъ его доказать ихъ фактами; но совершенно убѣждены въ томъ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать.

«Мысли Свѣтскаго Человѣка представляютъ, кажется, первый опытъ русскаго опроверженія на русскую же книгу, напечатанную за границей. Множество русскихъ книгъ, доселѣ изданныхъ, какъ говорятъ, за границей, не встрѣчало пока никакого печатнаго отзыва въ Россіи. Жаль, что этотъ первый опытъ оказался такъ мало удовлетворительнымъ. Но мы надѣемся, что дѣло на этомъ не остановится. Пусть не «свѣтскіе люди», а сами духовные, пусть, если возможно, сами сельскіе священнослужители произнесутъ свой судъ надъ «Описаніемъ сельскаго духовенства», съ подобающею имъ кротостью и безпристрастіемъ, а не съ раздражительностью и бранью «свѣтскаго человѣка». Вопросъ о положеніи и значеніи духовенства въ Россіи слишкомъ важенъ, и его никакъ нельзя оставлять безъ вниманія.

Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ, 26-го сент. 1858. Составилъ *Иванъ Рклицкій*, Императорской С.-петербургской Медикохирургической Академіи заслуженный профессоръ и академикъ, докторъ медицины и хирургіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Издано въ пользу Колпинскаго храма. Спб. 1859.

Наше время и нашу столицу въ особенности упрекаютъ въ невѣріи; говорятъ, что нынѣ нé совершается чудесъ или что мы не признаемъ ихъ. Особенно нападаютъ на медиковъ и натуралистовъ, какъ на людей потерявшихъ вѣру въ чудесное. Въ примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и случаямъ, упреки эти могутъ быть *справедливы*; но, говоря вообще, они совершенно неосновательны. «Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ. 26 сент. 1858 г., составленное докторомъ и академикомъ Рклицкимъ», — служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что вѣра въ чудеса и нынѣ распространена—не только въ простомъ народѣ (всегда отличающемся своей религіозностью), но и въ людяхъ образованныхъ и посвященныхъ наукою въ таинства природы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно то, что событіе, совершившееся съ г-жею Артамоновою, подтверждено *пятью* учеными врачами, которыхъ имена приведены на послѣдней страницѣ «Описанія». Вотъ эти имена (стр. 22):

Высочайшаго Двора лейбъ-хирургъ, дѣйств. ст. совѣтникъ *П. Наранович*ъ;

Дѣйств. ст. совѣтникъ, академикъ и заслуженный профессоръ *И. Рклицкій*;

Врачъ училища ордена св. Екатерины, коллежскій ассесоръ *Алабушевъ*;

Лейбъ-медикъ, тайный совѣтникъ *Н. Арендтъ*;

Профессоръ *В. Эккъ*.

Два послѣднія имени особенно замѣчательны: имена эти обнаруживаютъ неправославное происхожденіе, а извѣстно, что въ лютеранской церкви ни ходатайство святыхъ предъ Господомъ за грѣшниковъ, ни самыя чудотворныя и оны—не признаются; тѣмъ болѣе силы должно имѣть для насъ свидѣтельство такихъ лицъ о чудѣ, совершившемся предъ православною чудотворною иконою, и при-

томъ въ столь недавнее время, на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы.

Сущность событія, разсказаннаго г. академикомъ и заслуженнымъ профессоромъ Рклицкимъ, состоитъ въ томъ, что г-жа Артамонова, молодая женщина купеческаго званія, съ дѣтства часто страдавшая нервными болѣзнями, подверглась наконецъ ужаснѣйшимъ припадкамъ, отъ которыхъ ничто не могло ее избавить. Ей давали хлороформъ, кодеинъ, по одному и болѣе грану въ ночь, мускусъ, отъ 5 до 30 грановъ въ одинъ пріемъ; но всѣ эти средства не помогли, а напротивъ того усилили нервное разстройство и довели умственное состояніе больной до того, что она рѣшилась обратиться къ животному магнетизму. Ее магнетизировали гг. Бергъ и князь А. Долгоруковъ, и, разумѣется, напрасно. Припадки стали возобновляться съ больною по 16 разъ въ сутки, сопровождаясь судорогами, столбнякомъ и корчами, такъ что четыре человѣка не могли удерживать больную въ спокойномъ положеніи. 6-го декабря 1857 г., принявъ, послѣ самаго отчаяннаго припадка, одинъ гранъ кодеина, больная во время обѣдни заснула и видѣла свое первое видѣніе: св. Николай Чудотворецъ явился ей въ видѣ старца, въ одеждѣ послушника, и велѣлъ сдѣлать разныя приношенія, или жертвы: Николаю Угоднику и Успенію Божіей Матери пелену, Варварѣ Великомученицѣ ленту, Ангелу Хранителю свѣчи, и всѣ эти иконы поднять къ себѣ въ домъ и отслужить молебенъ съ водосвятіемъ (стр. 9). Кромѣ того, старецъ сказалъ, что она «будетъ лежать въ большомъ разслабленіи, но не должна роптать на Бога» (стр. 10). Дѣйствительно, съ этого времени больная впала въ совершенное изнеможеніе и не могла принимать ни пищи, ни даже лѣкарства, кромѣ миндальнаго молока, и то въ маломъ количествѣ. Въ отчаяніи, видя, что всѣ усилія медиковъ тщетны, больная рѣшилась было, по совѣту родныхъ, оставить ихъ и принять простолюдина-лѣкаря. Но тутъ (28 дек.) она опять видѣла видѣніе, о которомъ слѣдующимъ образомъ разсказала доктору Рклицкому (стр. 11):

«Сегодня ночью я видѣла прежняго старца, какъ бы обиженнаго тѣмъ, что я, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшилась, оставивъ *опытныхъ и образованныхъ докторовъ*, прибѣгнуть къ помощи простолюдина. Старецъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати и сказалъ: что ты дѣлаешь? Хочешь лѣчиться отъ неупотребленія пищи; неужели твои врачи хуже понимаютъ твою болѣзнь, нежели какой нибудь простой мужичекъ? Они тебѣ ничего не даютъ и ничего не дѣлаютъ потому, что ты не въ состояніи ничего принимать, и вѣрно такъ угодно Богу; а ты идешь противъ воли Божіей и хочешь быть больше самого Бога. Ты насильно требуешь, чтобы могла употреблять пищу; но развѣ кто

ѣстъ, тотъ не умираетъ? А тебя питаетъ Господь Богъ и ты всегда сыта. Скажи мнѣ правду, что ты просила только о прекращеніи твоихъ припадковъ и что ничего болѣе не желала получить отъ Бога. Ты теперь пьешь миндальное молоко, но послѣ не только его, но даже воды не будешь брать въ ротъ болѣе сутокъ и, какъ было тебѣ сказано, будешь лежать въ большомъ разслабленіи, и тогда ожидай особой перемѣны; послѣ этого старецъ сказалъ: мнѣ пора идти къ заутренѣ. Я просила его помолиться за меня Богу и дала ему на свѣчи; оставляя меня, онъ велѣлъ не лѣчиться у мужика».

Послѣ этого больная, по свидѣтельству пользовавшаго ее доктора Рклицкаго, отвергла врача простолюдина и продолжала лѣчиться «у опытныхъ и образованныхъ докторовъ», о которыхъ говорилось въ видѣніи. Но облегченія ей не было, и съ половины января началась у больной сильнѣйшая рвота, доводившая ее до обморока. Это продолжалось двѣ недѣли, а 29 янв. больная разсказала г. Рклицкому о слѣдующемъ видѣніи (стр. 12 — 13).

«Сегодня я видѣла во снѣ двухъ священниковъ съ діакономъ въ полномъ облаченіи, которые служили молебенъ Тремъ Святителямъ, Николаю Угоднику и Ангелу Хранителю; одинъ изъ священниковъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати, со крестомъ, и сказалъ мнѣ: ты будешь избавлена отъ рвоты молитвами Николая Угодника, Трехъ Святителей и Ангела Хранителя, и я благословляю тебя пищею—*ухою, которую должно приготовить изъ пяти ершей большихъ, или десяти малыхъ, и втораго куска отъ хвоста сига въ одной глубокой столовой тарелкѣ воды;* уху эту долженъ сварить непремѣнно мужчина, и ты раздѣли ее на три дня — на обѣдъ и ужинъ; завтра утромъ пошли, кто около тебя ходитъ, къ обѣднѣ отслужить молебенъ упомянутымъ святымъ, и когда придетъ изъ церкви, начинай ѣсть антидоръ съ святою богоявленскою водою, а для обѣда употребляй одну шестую часть тарелки ухи и такимъ образомъ продолжай три дня. Все это должно храниться въ строгой и величайшей тайнѣ между двумя, или не болѣе, какъ тремя лицами и докторомъ (т. е. мною, замѣчаетъ г. Рклицкій), который послѣ трехъ дней назначитъ тебѣ, по своему усмотрѣнію, другую пищу, но меснаго или скоромнаго отнюдь не употребляй; потомъ онъ благословилъ меня и скрылся; я проснулась».

Предписанія, данныя въ видѣніи, больная исполняла весьма точно около двухъ мѣсяцевъ; но облегченія все не чувствовала. Въ началѣ апрѣля сдѣлали ей кровопусканіе, отчего начали продолжаться прежніе припадки и продолжались до августа, когда больная имѣла новое, четвертое видѣніе, въ которомъ обѣщано было ей исцѣленіе предъ иконою св. Николая въ Колпинѣ. И дѣйствительно, около этого времени, по свидѣтельству г. заслуженнаго профессора

Рклицкаго, ей стало легче. 14-го авг. еще разъ было ей видѣніе, въ которомъ повелѣно было отправиться въ Колпино для поклоненія чудотворной иконѣ. Несмотря на свою слабость, еще не позволявшую больной ходить безъ костылей, она 25-го сент. рѣшилась отправиться въ Колпино. Пріѣхавъ туда, она была до того слаба, что въ церковь внесли ее на рукахъ; во время обѣдни съ нею сдѣлался припадокъ и, очнувшись, она должна была сѣсть въ кресла. Но во время херувимской пѣсни «больная вдругъ почувствовала въ ногахъ силу и крѣпость, сама встала и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, стояла на ногахъ до конца обѣдни, не чувствуя въ нихъ ни малѣйшей боли,—даже въ правой, къ которой легкое прикосновеніе прежде производило сильные припадки. Все это страшное и чудесное событіе, — прибавляетъ почтенный академикъ Рклицкій,—совершилось надъ больной при большомъ стеченіи народа въ храмѣ, по случаю праздника Іоанна Богослова, и *произвело невыразимое зрѣлище* на молящихся, которые съ умиленіемъ и молитвами обращали взоры и сердца свои къ Святому Угоднику Николаю, какъ виновнику, совершившему предъ ними чудо и удостоившему ихъ быть свидѣтелями такого достопамятнаго событія» (стр. 21).

Дѣйствительно, это событіе весьма замѣчательно въ нашъ вѣкъ, обуянный духомъ сомнѣнія. Но для вѣрующаго христіанина отрадно не только самое чудо, но и то радостное явленіе, что оно описано и засвидѣтельствовано людьми столь образованными и почтенными. Десница Божія всегда одинаково проявлялась въ жизни; но не всегда одинаково судили люди объ этихъ проявленіяхъ. И случай съ г-жею Артамоновою многіе, конечно, захотѣли бы объяснить какими нибудь естественными причинами; но такіе авторитеты, какъ доктора Нарановичъ, Рклицкій, Алабушевъ и особенно Арендтъ и Эккъ,— должны заградить уста всякому невѣрующему!..,

Матеріалы для статистики Финляндіи, изданные департаментомъ генеральнаго штаба военнаго министерства. Спб. 1859.

Департаментъ генеральнаго штаба продолжаетъ издавать статистическія описанія губерній и областей Россіи. Объ одномъ изъ нихъ, относящемся къ Закавказскому краю, мы говорили въ прошедшемъ году. Нынѣшній выпускъ содержитъ въ себѣ матеріалы для статистики Финляндіи и составляетъ первую или общую часть описанія этого края. Составитель описанія, гвардейскаго генеральнаго штаба г. капитанъ Альфтанъ, какъ и пред-

шественники его въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ подъ руками множество источниковъ. Главнымъ изъ нихъ были рекогносцировки гг. офицеровъ генеральнаго штаба, произведенныя ими въ Финляндіи въ 1856 году, и собственныя наблюденія составителя описанія, во время его трехлѣтняго тамъ пребыванія. Для пополненія и повѣрки собранныхъ свѣдѣній, авторъ воспользовался нетронутыми еще матеріалами изъ архивовъ императорскаго Финляндскаго сената и подвѣдомственныхъ ему управленій, многими статистическими сочиненіями, брошюрами и отдѣльными статьями въ финляндскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ собственно относящимися до Финляндіи такъ и общими статистическими. Послѣднія послужили ему при сравненіи разныхъ статистическихъ данныхъ о Финляндіи съ Россіею и иностранными государствами. Въ этомъ сравненіи охотники до статистическихъ выводовъ могутъ найти довольно много данныхъ, не лишенныхъ интереса.

Богатство матеріаловъ, собранныхъ г. Альфтаномъ, дало ему возможность составить отчетливое, интересное и, сколько позволяетъ общее обозрѣніе, подробное описаніе финляндскаго края. При обозрѣніи, напр., водъ Финляндіи у него не только обозначены всѣ мельчайшія озера, рѣчки и каналы, не говоря уже о большихъ, но перечислены даже мосты и шлюзы. Въ текстѣ находится нѣсколько таблицъ, въ которыхъ съ возможною точностію обозначено количество пахатной и луговой земли, лѣсовъ употребляемыхъ для выжиганія, сухихъ и мокрыхъ, открытыхъ болотъ, водъ, голыхъ скалъ, дорогъ и строеній; направленіе и движеніе изотермъ въ Финляндіи, въ теченіе каждаго мѣсяца; среднее время посѣва, цвѣтенія и жатвы главнѣйшихъ хлѣбныхъ растеній, въ различныхъ частяхъ Финляндіи; время замерзанія и вскрытія водъ, количество выпадающаго ежегодно дождя и снѣга; числительность, густота и движеніе народонаселенія, отношеніе половъ и возрастовъ, размѣщеніе жителей по городамъ и селамъ, равно какъ числительность и относительное приращеніе финляндскихъ сословій. Въ концѣ книги приложены: таблица, показывающая присутственныя мѣста и власти въ Финляндіи, и весьма подробная и отчетливая генеральная карта великаго княжества Финляндскаго, составленная А. В. Эклундомъ. Главнымъ основаніемъ для этой карты служила карта Финляндіи, за исключеніемъ Улеоборгской, Выборгской и части С. Михельской губерніи, барона Хермеллина, изданная еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но отличающаяся замѣчательною добросовѣстностью исполненія. Для дополненія и исправленія этой карты, поступили произведенныя во время и послѣ минувшей войны рекогносцировки и болѣе десяти лучшихъ спеціальныхъ картъ.

Краткій очеркъ проэкта, сооруженія и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Барона *К. Б. Розена*, съ 60 чертежами. Спб. 1859.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было сочиненія, которое могло бы доставить необходимыя свѣдѣнія касательно устройства и *эксплоатаціи* желѣзныхъ дорогъ, — и вотъ г. баронъ Розенъ рѣшился восполнить этотъ недостатокъ изданіемъ разсматриваемой книги. Онъ имѣетъ въ виду не государственныя, а частныя желѣзныя дороги. Книгу свою авторъ предназначаетъ собственно для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые сами вздумали бы содѣйствовать сооруженію или эксплоатаціи желѣзной дороги своими капиталами или трудами. Но при этомъ спеціальномъ назначеніи своей книги, онъ, конечно, имѣетъ въ виду и вообще всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ желѣзными дорогами. А нельзя не сознаться, что такое ознакомленіе можетъ быть очень нелишнимъ для нашей публики, въ которой многіе не только ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, но даже имѣютъ и акціи ихъ, имѣя самыя смутныя понятія объ этомъ мудреномъ заведеніи....

Книга г. барона Розена начинается введеніемъ, въ которомъ кратко изложена исторія желѣзныхъ дорогъ, представляющая главнѣйшія данныя объ ихъ началѣ и развитіи. Авторъ начинаетъ исторію желѣзныхъ дорогъ съ того времени, когда, для сбереженія движущей силы при перевозкѣ тяжестей въ каменноугольныхъ копяхъ, англичане настилали деревянныя колеи, которыя потомъ для прочности стали покрывать плоскими желѣзными полосами. Въ 1767 г. деревянныя рельсы замѣнены были чугунными, а въ 1808 г., при введеніи паровой ѣзды, желѣзными четырехъ-угольной формы, и только съ 1820 г. стали выдѣлывать рельсы изъ катаннаго желѣза, имѣвшія въ разрѣзѣ форму гроба. Движеніе нагруженныхъ повозокъ, по наклонной плоскости, производилось сначала лошадьми, потомъ сила лошадей замѣнена была силою тяжести, и движеніе производилось посредствомъ ворота. Этотъ воротъ утверждался на вершинѣ наклонной плоскости; на него наматывалась бичева, къ одному изъ концовъ которой прикрѣплялись нагруженныя повозки, къ другому же порожнія, и по мѣрѣ движенія первыхъ внизъ, вслѣдствіе собственной тяжести, другія поднимались вверхъ. Съ теченіемъ времени введены были въ употребленіе горизонтальныя желѣзныя дороги и изобрѣтена была паровая машина. Но машина, устроенная въ первый разъ въ 1802 году, была еще до того неудовлетворительна, что не въ со-

стоянии была привести въ движеніе грузъ, превышавшій 500 пудовъ, при чемъ скорость была не болѣе 7 верстъ въ часъ. Въ 1829 году назначена была значительная денежная премія за устройство болѣе удобнаго паровоза. Локомотивъ, устроенный Стефенсономъ, превзошелъ ожиданія механиковъ. Начала, на которыхъ онъ основанъ, служатъ и нынѣ въ главныхъ частяхъ своихъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ усовершенствованій въ устройствѣ паровозовъ. — Съ 1830 года желѣзныя дороги стали распространяться во всѣхъ государствахъ.

Краткая исторія желѣзныхъ дорогъ, какъ мы уже сказали, изложена авторомъ во введеніи. Самая же книга состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой изъ нихъ говорится о томъ, какъ составляется обыкновенный проэктъ желѣзной дороги, какъ подавать просьбу о разрѣшеніи ея и какія требуются при этомъ условія. Вторая часть содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о сооруженіи желѣзной дороги. Здѣсь говорится о лицахъ, завѣдывающихъ работами, о покупкѣ земель подъ дорогу, о верхнемъ и нижнемъ строеніи ея, объ искусственныхъ сооруженіяхъ — мостахъ, віадукахъ и тунеляхъ, о надзорѣ и предохраненіи тунелей — оградахъ, заставахъ, сторожевыхъ домикахъ, сигналахъ, телеграфахъ и т. п. и о станціяхъ. Въ третьей части содержатся свѣдѣнія объ эксплоатаціи желѣзной дороги — о центральныхъ и частныхъ управленіяхъ, о подвижномъ составѣ, т. е. паровозахъ, тендерахъ, каретахъ и вагонахъ, и о движеніи по желѣзнымъ дорогамъ. Въ концѣ книги въ небольшомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Статистическія свѣдѣнія» исчислены издержки на устройство и эксплоатацію желѣзной дороги.

Все это для многихъ могло бы быть интересно, если бы не было слишкомъ сжато и мѣстами даже не совсѣмъ понятно, особенно для тѣхъ, кому не случалось видѣть описываемыхъ предметовъ... Книга г. барона Розена даже мало походитъ на описаніе; скорѣе это перечисленіе всего. что относится къ желѣзнымъ дорогамъ, съ краткимъ указаніемъ на назначеніе каждаго предмета. Желая перебрать все, авторъ почти столько же распространяется о томъ, что особенно интересно и мало извѣстно читателямъ, сколько и о томъ, что всякому совершено извѣстно, и о чемъ не стоило бы даже и говорить. По нашему мнѣнію, это существенный недостатокъ книги г. барона Розена. Еще кстати замѣтимъ, что объясненіе русскихъ названій соотвѣтствующими имъ названіями на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ едва ли не излишне, если не для всѣхъ, то покрайней мѣрѣ для большинства *русскихъ* читателей.

Лаокоонъ, или о границахъ живописи и поэзіи. Соч. *Лессинга*. Переводъ *Е. Эдельсона*. Москва 1859 г.

Въ «Современникѣ» 1857 г. помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей о Лессингѣ, въ которыхъ довольно подробно разсматривалось значеніе его для современной ему Германіи. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые помнятъ эти статьи, порадуются вмѣстѣ съ нами появленію русскаго перевода одного изъ капитальныхъ произведеній германскаго критика. «Лаокоономъ» Лессингъ создалъ новую теорію поэзіи, внесши въ нее жизнь и разбивши мертвенную формалистику, которая господствовала до тѣхъ поръ во всѣхъ эстетикахъ. Съ чрезвычайной ясностью и силою мысли, съ неотразимой логической убѣдительностью онъ доказалъ, что существенный предметъ поэзіи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ искусствъ и особенно отъ живописи, составляетъ — *дѣйствіе*. Не самые предметы должна изображать поэзія, а ихъ дѣйствіе на душу человѣка; не описывать красоту долженъ поэтъ, а передать намъ то впечатлѣніе, какое она производитъ: тогда мы сами уже въ состояніи будемъ представить себѣ и образъ, произведшій это впечатлѣніе. Самый же образъ недоступенъ, во всей своей полнотѣ и яркости, слову поэта: полное и точное изображеніе нужно предоставить живописи. Таковы существенныя положенія, развитыя Лессингомъ въ «Лаокоонѣ.» Ими онъ изгонялъ изъ поэзіи все мертвенное, все чуждое міру души человѣческой. «Лаокоонъ» произвелъ рѣшительный переворотъ въ литературныхъ теоріяхъ Германіи. Гёте самъ сознается, «что «Лаокоонъ» разомъ разрушилъ въ немъ и въ его молодыхъ сверстникахъ искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи.» Съ появленіемъ Лаокоона *жизнь* въ своемъ теченіи, а не бездушная форма признана существеннымъ содержаніемъ поэзіи.

Безъ сомнѣнія Лаокоонъ не останется безъ пользы для литературнаго образованія и нашей публики, въ которой еще такъ смутны теоріи изящнаго. Нельзя не поблагодарить переводчика за его полезный трудъ, исполненный имъ очень добросовѣстно. При переводѣ «Лаокоона» находится небольшое предисловіе, въ которомъ г. Эдельсонъ излагаетъ свой взглядъ на трудъ перевода классическихъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ. Съ мнѣніями его вообще нельзя не согласиться, и нельзя не поблагодарить его, что онъ въ своемъ собственномъ трудѣ остался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ.

Историческая Библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. *Ф. К. Шлоссера*. Т. IV и V. Спб. 1859 г.

Въ концѣ прошлаго года мы говорили о трехъ первыхъ томахъ Исторической Библіотеки. Въ нынѣшнемъ году вышли четвертый и пятый, содержащіе продолженіе «Исторіи XVIII столѣтія.» Она же будетъ продолжаться и въ слѣдующихъ трехъ томахъ, которые должны выдти въ нынѣшнемъ году. Четвертый и особенно пятый томы обнимаютъ собою время, преимущественно интересное въ исторіи прошлаго столѣтія. Въ IV томѣ одна половина занята изображеніемъ состоянія литературы французской и нѣмецкой въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія; другая половина разсказываетъ европейскія событія во времена сѣверо-американскихъ войнъ и начало безпокойствъ, предшествовавшихъ великому государственному перевороту во Франціи. Четвертый томъ разсказываетъ министерство Неккера, Калонна и созваніе государственныхъ сословій; послѣдующія за тѣмъ событія до итальянскихъ войнъ Наполеона содержатся въ пятомъ томѣ. При пятомъ томѣ находится предисловіе, въ которомъ Шлоссеръ, съ удивительнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ своей правоты и силы, излагаетъ нѣкоторыя свои понятія о смыслѣ историческихъ работъ, и передаетъ нѣкоторые факты о своихъ собственныхъ трудахъ при составленіи Исторіи XVIII столѣтія, особенно той части, которая излагаетъ событія, содержащіяся въ пятомъ томѣ. Изъ предисловія мы узнаемъ между прочимъ, что авторъ довольно много работалъ въ Парижской королевской библіотекѣ и въ нѣсколькихъ частныхъ, и собиралъ свѣдѣнія отъ людей, которые сами видѣли событія, предшествовавшія Наполеону. При этомъ онъ собралъ много интересныхъ данныхъ, не бывшихъ обнародованными. Кромѣ того, онъ тутъ окончательно убѣдился, «какъ нелѣпо, не зная парижской суеты и безстыдства книгодѣлателей, полагаться на парижскіе мемуары и вообще на новую салонную литературу.» «Онъ очень хорошо зналъ, что администраціи и аристократы, показывающіе видъ, будто хотятъ сообщить публикѣ все, *никогда* не сообщаютъ ей того, что дѣйствительно интересно.» (пред. V). Вслѣдствіе этого, критика Шлоссера въ разсказѣ событій, предшествовавшихъ во Франціи Наполеону, еще строже и безпощаднѣе, нежели въ другихъ частяхъ его сочиненія.

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было *ни одной* книги, въ которой бы хотя съ нѣкоторою подробностью разсказаны были событія послѣднихъ годовъ французской исторіи до Наполеона. Между тѣмъ этотъ періодъ, самый интересный во всей европейской исторіи прошлаго столѣтія, давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе и русскихъ читателей. Теперь ихъ желанія могутъ быть удовлетворены наилучшимъ образомъ: имъ представляется разсказъ Шлоссера, столько основательный, полный и безпристрастный, какъ только можно этого желать....

Въ слѣдующемъ томѣ излагается уже исторія консульства.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Сюрпризы петербургскаго климата. — Русскіе патріоты и фельдцехмейстеръ Гюлай. — Семейныя сцены по поводу дачъ. — Очеркъ брачнаго союза.— Мужская энергія и женскія нервы.—Павловскій воксалъ.—Опять Штраусъ, и прочее. Пріятное утро на дачѣ. — Два слова о туркахъ, персіянахъ — европейскихъ денди и проч. и о новомъ англійскомъ романѣ Ливингстонъ.— Успѣхъ Обломова. — Слухи о новомъ романѣ Гончарова. — Театры. — Загородныя увеселенія. — Ботаническій садъ. — Пароходы на р. Великой, Чудскомъ озерѣ и р. Эмбахъ. — Еще нѣсколько словъ о Петербургской веснѣ и по ея поводу о дачной жизни и о загородныхъ гуляньяхъ. — Пріобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки.—V томъ сочиненій Пушкина, изданіе Я. А. Исакова. — «Записки Охотника» Тургенева. — Карта Италіи г. Аничкова и Шевелева.

Въ послѣдніе дни великолѣпной цвѣточной выставки, когда розы, лилеи, сирени, рододендроны, левкои, кактусы и какія-то невиданные цвѣты на какихъ-то не слыханныхъ растеніяхъ никли головками, теряли свою свѣжесть, увядали съ каждою минутою, подъ душнымъ каменнымъ потолкомъ,—петербургскіе либералы, отчаявшіеся въ настоящей веснѣ и терявшіе искусственную весну, устроенную въ экзерциргаузѣ почтенными любителями флоры, начинали проклинать свой отечественный климатъ, возбуждая благородное негодованіе истыхъ патріотовъ, для которыхъ даже отечественная слякоть, грязь, градъ, дождь, мракъ, выбоины на улицахъ, и прочее и—прочее, сладки и пріятны... въ эти-то послѣдніе дни выставки сѣрое петербургское небо—цвѣта извѣстныхъ сѣрыхъ шинелей,

превратилось чуть не въ яхонтовое; вслѣдъ за морозами наступили жары, пролилъ теплый весенній дождикъ и все вдругъ зазеленѣло, зацвѣло, запѣло и зажужжало... «Италія! Италія!» воскликнули торжествующіе патріоты, «чего же еще хотѣть? Солнце, жаръ, благоуханіе! да еще у насъ теперь лучше Италіи, потому что тамъ въ сію минуту дожди, которые, къ сожалѣнію, мѣшаютъ побѣдоносному австрійскому воинству подавить и уничтожить этихъ безпокойныхъ умниковъ, либераловъ, возмутителей общественнаго порядка, притѣсняющихъ бѣдный сардинскій народъ, на спасеніе котораго подвигся благородный и великодушный поборникъ истины и порядка *шлемоблещущій* фельдцехмейстеръ Гюлай....

«Словно огонь истребительный....

Но мы заговорили о веснѣ и едва не попали въ политическую колею, по которой теперь всѣ ѣздятъ и прохаживаются.

Оставимъ этихъ милыхъ патріотовъ, и вмѣстѣ съ ними все старое, догнивающее и доживающее, и обратимся къ оживленной и обновленной природѣ, къ лѣсамъ, къ полямъ, къ морю, къ озеру, къ рѣкѣ и къ деревнѣ....

Какъ легко и хорошо вдыхать въ себя освѣжительный запахъ земли, травы, ароматическій запахъ цвѣтовъ, смотрѣть на безоблачное небо, прислушиваться къ неумолкаемому движенью, жужжанью и стрекотанью насѣкомыхъ, пѣнью, щелканію, свисту и чиликанью птицъ! Какая нѣга разлита въ природѣ!... Какъ все свѣжо и молодо! Какъ все живетъ и торопится жить! Какъ все кипитъ дѣятельностію, послѣ долгихъ ледяныхъ оковъ, послѣ мрака и оцѣпѣненія! Какъ все привѣтствуетъ свободу и солнце!...

Если бы въ мірѣ нравственномъ все также скоро и незамѣтно обновлялось подъ дыханіемъ новыхъ идей, (такъ тяжело впрочемъ вырабатываемыхъ людьми) какъ обновляются луга и лѣса подъ дыханіемъ весны.... Боже мой! какъ бы всѣ люди блаженствовали въ сію минуту на землѣ! Любовь и братство соединяли бы всѣ народы, правосудіе и разумная свобода царствовали бы повсюду, науки, искусства, торговля и промышленность развивались бы спокойно, мирно и послѣдовательно по лицу земли, всѣхъ равно надѣляя своими благами; войны, какія бы то ни было, казались неслыханною дикостью и шлемоблещущій Гюлай—такою же нелѣпостію и невозможностію, какою намъ представляются теперь Тамерланъ или Чингисъ-Ханъ.

Нѣтъ! до полной весны человѣчества, до его обновленія еще далеко...

Что же касается до весны въ Петербургѣ, то она проявилась на сей разъ такъ неожиданно, что застала совсѣмъ въ-расплохъ петербургскихъ жителей.

Вчера еще было хорошо ходить по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта и отогрѣваться, а сегодня Невскій проспектъ сдѣлался нестерпимъ... Каменныя стѣны вдругъ раскалились, пыль, духота, скверный запахъ со дворовъ, точно, какъ будто въ серединѣ душнаго лѣта. Вчера никто еще не помышлялъ о дачѣ, о деревнѣ, а теперь всѣ всполошились.

«Вонъ изъ города!» закричали всѣ счастливцы, могущіе независимо дѣйствовать и имѣющіе средства уѣзжать на лѣто за границу, въ деревни, на дачи....

Но бѣда въ томъ, что еще многія дачи не готовы: у иныхъ на дачѣ перестройка, передѣлка, перекраска, другіе еще не позаботились нанять дачу... По поводу дачъ во многихъ почтенныхъ семействахъ *средняго рода* петербургскихъ людей, (по незабвенному выраженію г. Безобразова) нарушилось спокойствіе, произошли драматическія сцены, ссоры, обмороки, слезы, нервическіе припадки.

Супругъ господинъ среднихъ лѣтъ и съ значительной физіономіей сидитъ въ своемъ кабинетѣ и что-то выкладываетъ на счетахъ, нахмуривъ брови, потомъ оставляетъ счеты размышляетъ и записываетъ, наконецъ опускается въ кресла и улыбается наипріятнѣйшимъ образомъ. Я знаю, отчего онъ такъ улыбается: наканунѣ его супруга обнаружила къ нему особенную внимательность, даже предупредительность и нѣжность, поцаловала его и два раза потрепала по щекѣ. Онъ припоминаетъ этотъ поцалуй и улыбаясь думаетъ:

— Нѣтъ, однако она меня любитъ и право я могу еще сказать, что я счастливъ!... Да, семейное счастіе есть, можно сказать, высочайшее счастіе на землѣ, оно очень рѣдко!

Размышленія его прерываются шумомъ отворившейся двери.

Въ кабинетъ входитъ сама супруга, дама лѣтъ 28, недурная собой, одѣтая съ изысканностію, въ неизмѣримомъ кринолинѣ. Годъ назадъ тому она не хотѣла и слышать о кринолинѣ.

— Это безобразно, уродливо, говорила она, — я ни за что не стану носить кринолина.... Какое мнѣ дѣло, что всѣ носятъ,—пусть носятъ, а я не буду носить!

— Непремѣнно будете носить, возразилъ ей ея двоюродный братецъ офицеръ, который изученіе лошадей и женщинъ считаетъ своею спеціальностію.

— Не буду.

— Будете, продолжалъ онъ настойчиво.

— Я вамъ говорю — не буду, не буду и тысячу разъ не буду!

— Хотите пари?

— Хорошо, я вамъ вышью подушку, если проиграю,—я убѣждена, что мнѣ не придется вышивать ее, замѣтила она съ улыбкой; а вы мнѣ конфекты, если я выиграю, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь.

Закладъ былъ заключенъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого двоюродный братецъ выигралъ подушку, потому что двоюродная сестрица явилась въ кринолинѣ.

— Нельзя же, когда носятъ всѣ!... Я не могу, чтобы на меня показывали пальцами, говорила она съ недовольной гримасой въ свое оправданіе... я впрочемъ надѣла этотъ гадкій кринолинъ à contre coeur....

Такъ она вошла въ кабинетъ своего супруга, шурша своими безчисленными юбками, надѣтыми сверхъ кринолина, для приданія себѣ еще большей пышности.

Супругъ пріятно осклабился при ея появленіи.

— Фу, какая жара! произнесла она съ недовольнымъ видомъ: — другъ мой, пора на дачу, продолжала она обращаясь къ супругу:—а ты, кажется, еще и не позаботился о дачѣ?.. Я хочу переѣхать какъ можно скорѣй... мнѣ надо дышать чистымъ воздухомъ. Ты знаешь, что я нездорова. Да и дѣтямъ тоже.... для дѣтей дача необходима...

Супругъ вздрогнулъ.

— Да, кажется, мы всякое лѣто живемъ на дачѣ, сказалъ онъ вполголоса: — объ этомъ и говорить нечего, я хотѣлъ посовѣтоваться съ тобой, гдѣ ты желаешь, и на дняхъ поѣхать нанять.

— На дняхъ! посовѣтоваться! Она пожала плечами: — какъ же ты не могъ позаботиться объ этомъ прежде? Я увѣрена, что теперь ужь всѣ дачи разобраны.

— Не безпокойся, возразилъ супругъ: — мы дачу найдемъ и переѣхать успѣемъ. Признаюсь, мнѣ и въ голову не приходила дача... вчера еще былъ чуть не морозъ, еще зелени не видно, на деревьяхъ нѣтъ почекъ, какая тутъ дача!

— Ахъ, Боже мой! да долго ли распуститься деревьямъ? Одинъ еще такой день и всѣ деревья распустятся.... Я задыхаться въ городѣ не намѣрена....

— Да кто тебѣ велитъ задыхаться? возражаетъ супругъ нѣсколько нахмурясь, — задыхаться! Вчера еще, кажется, у насъ печки топили....

— Чтожь изъ этого?...Она тяжело вздохнула... Моимъ желаніямъ, видно, не суждено исполняться... продолжала она въ минорномъ тонѣ.—Я всякій годъ мечтаю на дачѣ встрѣчать самую раннюю весну, — это лучшее время года. Я такъ люблю природу и это мнѣ никогда

не удается по твоей милости... Ты обо мнѣ совсѣмъ не заботишься, вѣдь тебѣ все равно существую я или нѣтъ, объ моемъ здоровьи ты нисколько и не думаешь.... Но если ты обо мнѣ не думаешь, то подумалъ бы покрайней мѣрѣ о своихъ дѣтяхъ. Саша такой больной; ты знаешь, какъ необходимъ ему свѣжій воздухъ.

— Господи Боже мой! Что такое? За что эти упреки?

Супругъ пожалъ плечами.

— Полноте пожалуйста, продолжала супруга, — прикидываться такимъ жалкимъ, притѣсненнымъ!... Конечно, для моего спокойствія и удовольствія вы никогда не хотите ничего сдѣлать.... Я очень хорошо понимаю и вижу васъ насквозь, вы только и заботитесь, что о самомъ себѣ. Себѣ вы ни въ чемъ не отказываете, а вотъ если я попрошу васъ объ чемъ нибудь, то если вы и исполните это, то вѣчно какъ будто нехотя. И чего мнѣ стоитъ всякая такая просьба! Я сношу ваши пожатія плечами, ваши гримасы, ваши ироническія улыбки и выраженія... Въ васъ нѣтъ ни малѣйшей жалости: вы знаете мое слабое здоровье, мои нервы....

При словѣ нервы супруга повела судорожно.

Рѣчь исполненная шпилекъ, колкостей, намековъ самыхъ мелочныхъ, но страшно язвительныхъ, неудержимымъ и бурнымъ потокомъ полилась изъ устъ прелестной супруги. Супругъ раза два было заикнулся, но это еще увеличило раздраженіе прекрасной супруги.

Вначалѣ ея голосъ звѣнѣлъ въ ухѣ ровно и монотонно, какъ колокольчикъ, потомъ онъ обратился въ пискъ, прерываемый всхлипываньемъ и наконецъ совсѣмъ прервался. Изъ бѣлой волнующейся груди вырвался стонъ, пронзительный крикъ: «Ахъ!» и супруга упадаетъ въ кресла, тяжело дыша и какъ будто задыхаясь. Кринолинъ приподнялъ юбки и обнаружилъ двѣ маленькія, прекрасно обутыя и дрыгающія ножки.

Супругъ, за минуту передъ этимъ почитавшій себя почти счастливѣйшимъ супругомъ, схватилъ въ отчаяніи себя за голову, прошепталъ: «Что это такое? Это ужь изъ рукъ вонъ! Это сумасшествіе!» бросился къ супругѣ и забѣгалъ около нея: подносилъ ей стаканъ воды, совалъ ей въ носъ стклянку съ одеколономъ, жженое перо, но она только стонала и дрыгала ножками. Когда же онъ принялся разстегивать ей капотъ, она дико вскрикнула:

— Подите прочь! Оставьте меня! Оставьте!

«Это не жизнь, а каторга!» думалъ счастливый супругъ.

Послѣ получасовой возни около нея, супруга начинаетъ дышать ровнѣе и легче и почти приходитъ въ себя, хотя все еще поглядываетъ на супруга свирѣпо и едва отвѣчаетъ на его мягкіе вопросы, сопровождаемые нѣжнымъ взглядомъ участія.

Черезъ часъ впрочемъ супруги примиряются; супругъ становится на колѣна передъ супругой, перебираетъ съ нѣжностію пальчики ея рукъ и тихимъ голосомъ лепечетъ:

— Не называй меня, душка, эгоистомъ, мнѣ это больно, — повѣрь, очень больно.

При этомъ онъ дѣлаетъ чувствительную гримасу и ударяетъ себя въ грудь....

— Вѣрь мнѣ, что твое спокойствіе, счастіе составляетъ постоянную заботу моей жизни... Если я тружусь, работаю, добиваюсь повышеній, то это не для удовлетворенія собственнаго честолюбія, а для того, чтобы расширить наши средства и имѣть возможность доставить тебѣ бо̀льшій комфортъ, бо̀льшія удовольствія. Я живу тобою и для тебя.... Успокойся же, мой ангелъ, я сегодня же поѣду и найму дачу. Гдѣ ты желаешь?... На островахъ?

— Вотъ еще выдумалъ на островахъ! возражаетъ уже безъ свирѣпства, но болѣзненнымъ тономъ супруга: — на островахъ сыро, острова мнѣ надоѣли, на этихъ островахъ, какъ на выставкѣ, надобно имѣть великолѣпные туалеты, которыхъ у меня нѣтъ...

«Боже! Боже! какъ она несправедлива! думаетъ супругъ: — четыре огромные шкафа биткомъ набиты дорогими и неизмѣримой величины платьями различныхъ цвѣтовъ съ безчисленными юбками, фолбарами, волонами, кружевами, бархатами и тому подобными украшеніями, — чего же ей еще? Что же называется великолѣпными туалетами?... Ненасытная женщина!»

Но онъ фразу супруги оставляетъ безъ всякихъ возраженій, боясь возобновленія нервическаго припадка, и кротко говоритъ:

— А что, не нанять ли намъ въ Гатчинѣ? Право. Мы никогда не живали въ Гатчинѣ; а тамъ хорошо, уединенно, кругомъ все лѣса, воздухъ чудесный....

— Какія у тебя, pardon pour l'éxpression, дикія фантазіи... Кто же живетъ въ Гатчинѣ? тамъ можно умереть отъ тоски... лѣсъ и болото, болото и лѣсъ... тамъ комары заѣдятъ. Я когда вспомню о Гатчинѣ, такъ у меня нервы разстроиваются...

Супругъ передернулся... Слово: *нервы* онъ не могъ слушать спокойно.

— Ну нѣтъ, не надо въ Гатчину, перебилъ онъ торопливо, — Богъ съ ней съ Гатчиной: это я такъ только сказалъ. Не хочешь ли въ Петергофъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она задумчиво: — Петергофъ я любила прежде... давно, когда я была еще очень молода и когда онъ былъ одушевленъ присутствіемъ Двора, праздниками... теперь ужь меня это не занимаетъ, меня утомляетъ весь этотъ шумъ, блескъ...

— Въ такомъ случаѣ чего же лучше Ораніенбаумъ? Тихо, уединенно, прекрасный паркъ... мы будемъ ѣздить на *Вѣнки*. Какой видъ оттуда! На дачу Жадиміровской... какія тамъ живописныя мѣста! Знаешь ли, что я придумалъ: наймемъ-ка дачу въ Кронштадтской колоніи...

Супруга иронически улыбнулась и подернула однимъ плечикомъ...

— Колоніи! да кто же живетъ въ колоніяхъ? тамъ какіе-то все нѣмцы и нѣмки...

Она сдѣлала презрительную гримаску.

— Ты знаешь, что нѣмцы — моя антипатія... Они по праздникамъ пьютъ на дачахъ глинтвейнъ и поютъ хоромъ какія-то пѣсни, или пляшутъ подъ звуки разбитой наемной шарманки; тамъ безпрестанно таскаются странствующіе мальчишки съ гармоникой, за которыми толпами бѣгаютъ грязныя дѣти колонистовъ. Все это не въ моемъ вкусѣ. Покорно васъ благодарю.

— А море-то! море! воскликнулъ супругъ.

— Я когда-то любила море, — продолжала супруга не много на распѣвъ, задумчиво, какъ бы погружаясь въ воспоминанія: —но теперь оно наводитъ на меня какое-то мучительное и тоскливое чувство....

— Переѣдемъ въ Царское Село. — Тамъ моря нѣтъ: гористое мѣсто, сухой воздухъ, для дѣтей тамъ очень полезно, или въ Лѣсной Институтъ, или наконецъ въ Парголово, что-ли? Хоть мнѣ и неудобно оттуда ѣздить всякій день; но если тебѣ хочется, я готовъ и на это...

— Какія дачи въ Парголовѣ! тамъ все лачужки какія-то... а если есть порядочныя дачи, то ихъ не отдаютъ въ наймы.

— Прошлое лѣто Егоръ Васильичъ жилъ въ Полюстровѣ, на Кушелевскихъ дачахъ. Онъ былъ очень доволенъ.

— Нѣтъ, лучше ужь ѣхать на Пороховые заводы, или къ Александровской мануфактурѣ...

И при этомъ она залилась нервическимъ смѣхомъ, отъ котораго у супруга выступилъ холодный потъ на спинѣ и пробѣжали иголки на темени.

— Но.... ангелъ мой... началъ было онъ.

— Какъ это вамъ не стыдно говорить,—еще не давъ ему времени заикнуться продолжала она: — кто же живетъ въ Полюстровѣ изъ порядочныхъ людей, я васъ спрашиваю?.. Вашъ Егоръ Васильичъ мнѣ ни въ какомъ случаѣ не указъ! Тамъ живутъ такъ, самые мелкіе, самые ничтожные чиновники...

Супруга улыбнулась и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Чудакъ ты! Какія тебѣ непостижимыя мысли приходятъ въ голову...

И супруга ласково потрепала его двумя пальчиками по лбу, какъ будто хотѣла сказать:

— Хоть ты и дослужился до значительнаго чина, мой другъ, но здѣсь все-таки у тебя мало, очень мало!

— Ну, душенька, сказалъ супругъ пріятно осклабляясь:—я сейчасъ же ѣду нанимать дачу, сію секунду; но скажи Бога ради, гдѣ нанять? Я жду твоихъ приказаній...

Она задумалась.

— Я право не знаю... мнѣ все равно... начала она съ равнодушіемъ: — я полагаю... мнѣ кажется... всего приличнѣе опять въ Павловскѣ... Тамъ можно найти и совершенное уединеніе, и вмѣстѣ развлеченіе — воксалъ; хотя я вовсе не ищу развлеченія, ты это знаешь. Прошлое лѣто я всего, можетъ быть, была въ воксалѣ разъ десять, или пятнадцать, несмотря на то, что хорошая музыка для меня величайшее наслажденіе...

— Помилуй, вырвалось невольно у супруга:—да ты, кажется, всякій вечеръ ходила и ѣздила въ воксалъ...

Супруга вспыхнула и глаза ея сверкнули.

— Съ чего ты это взялъ? произнесла она скороговоркою и закусила не много нижнюю губку.—Боже мой! Я всякій вечеръ была въ воксалѣ! продолжала она, поднявъ плечи... Надобно съ ума сойти, или не имѣть совѣсти, чтобы сказать это!

Въ прекрасныхъ глазахъ ея можно было прочитать близость новой бури, приближеніе разрушительнаго нервическаго припадка. Чтобы отстранить эти ужасы, супругъ принялъ выраженіе самое тупоумное и сладкое...

— Прости, душенька, я совралъ самъ не знаю, что... Я теперь припоминаю... да, точно ты врядъ ли и десять-то разъ была въ воксалѣ...

«Чортъ бы его побралъ этотъ воксалъ! прибавилъ онъ мысленно и передъ глазами его мелькнули подпрыгивающій и размахивающій смычкомъ Штраусъ, приводящій въ энтузіазмъ павловскихъ жительницъ, образцовые и другіе офицеры, крики, вызыванья, хлопанья, маханья батистовыми платочками, сплетни, волокитства, толкотня въ залѣ, духота, дымъ сигаръ, запахъ вина, пьяныя рожи, наглыя и разодѣтыя женщины, молодой подполковникъ бель-омъ, съ локтями напередъ, съ черными усиками кончающимися въ видѣ иголокъ, который вьется около его супруги и какъ комаръ все что-то жужжитъ ей подъ ухо, и опять подпрыгивающій Штраусъ, которому подполковникъ аплодируетъ во всю мочь, не щадя своихъ ла-

доней и котораго онъ вызываетъ во все горло, не щадя своего голоса, хотя этому громозвучному голосу онъ обязанъ тѣмъ, что достигъ такъ скоро густыхъ эполетъ... Онъ кричитъ, и хлопаетъ, и смотритъ, мило улыбаясь, на его супругу, потому что все это онъ дѣлаетъ въ угодность ей, принадлежащей къ самымъ жаркимъ поклонницамъ Штрауса. Штраусъ и подполковникъ, подполковникъ и Штраусъ какъ-то странно сливаются для него въ одинъ ненавистный образъ, возбуждаютъ въ немъ какія-то непріятныя и подозрительныя мысли, какое-то нелѣпое сомнѣніе, противъ воли тревожащее его всякій разъ, когда онъ вспомнитъ о Павловскѣ и о его вокзалѣ...

Однако дѣлать нечего... Надо ѣхать въ Павловскъ нанимать дачу. Такъ приказываетъ супруга.

— Такъ ты рѣшилась въ Павловскѣ? спрашиваетъ онъ.

— Да. Пожалуйста, съѣзди нанять сегодня же.

— Хорошо, хорошо.

Онъ смотритъ на часы и говоритъ, какъ будто про себя:

— Въ Павловскѣ-то, я думаю, дачи очень дороги, послѣ прошлогоднихъ пожаровъ — и спѣшитъ прибавить: — впрочемъ ничего, я ѣду, ѣду въ Павловскъ.

— Ты найми, мой другъ, приличную, порядочную дачу, а не лачужку какую нибудь—и ближе къ саду.

— Будь покойна, я постараюсь отъискать хорошенькую дачу.

Онъ берется за шляпу и протягиваетъ ей руку, глядя на нее съ чувствомъ.

Она бросаетъ на него также чувствительный взглядъ. Они дѣлаютъ оба шагъ впередъ, сходятся и уста ихъ сливаются въ поцалуѣ...

Картина очень трогательная!..................

Что связываетъ эти два существа другъ съ другомъ?..

Любятъ ли они хоть немного, уважаютъ ли хоть сколько нибудь другъ друга?

Говоря правду, имъ и не приходятъ въ голову такіе глубокіе вопросы, хотя у нихъ двое дѣтей, и старшему уже лѣтъ около семи.

Онъ женился на ней, потому что какъ-то разъ плѣнился ея личикомъ и таліею.

«Она бѣдная дѣвушка, разсуждалъ онъ: — я человѣкъ съ состояніемъ, слѣдовательно она будетъ мнѣ *обязана* своимъ благосостояніемъ и будетъ такъ сказать *подчинена* мнѣ, если не любовью, то чувствомъ благодарности; притомъ разница въ нашихъ лѣтахъ небольшая: мнѣ 39, ей 23.»

Она вышла за него за-мужъ, какъ благоразумная дѣвушка, потому что ей пора было выходить за-мужъ и потому что онъ человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, на хорошей дорогѣ и съ деньгами. «Правда, думала она, — онъ мнѣ вовсе не нравится, я не чувствую къ нему ничего; но тѣ, которые мнѣ нравятся, только ухаживаютъ за мною такъ, отъ нечего дѣлать, не имѣя никакихъ серьёзныхъ намѣреній,—и что за бѣда, если я выйду за-мужъ за него не любя?.. Чтожь? я потомъ привыкну къ нему, какъ привыкли къ своимъ мужьямъ Катя, Надя, Соня—мои институтскія подруги, вышедшія также не любя. Къ тому же замужняя женщина всегда свободнѣе дѣвушки, и выйти за-мужъ—выигрышъ во всякомъ случаѣ.»

Первое время послѣ замужства, новость положенія очень занимала ее. На восторженный вопросъ супруга: — любишь ли ты меня?... она отвѣчала: «люблю» и ей въ самомъ дѣлѣ казалось, что она начинаетъ какъ будто любить его; потомъ она убѣдилась, что ей только такъ показалось, но нельзя же было сообщить мужу это убѣжденіе, по неволѣ надо было притворяться любящей, лицемѣрить, чтобы поддерживать *брачный эквилибръ;* къ тому же дѣти пошли... Можетъ быть мысль, что она обманываетъ мужа, что она лицемѣритъ передъ нимъ, нѣсколько и смущала ее вначалѣ, но потомъ она совсѣмъ примирилась съ этимъ, тѣмъ болѣе, что лицемѣріе дѣйствовало отлично на семейное счастіе. Да и къ тому же супругу нѣкогда было дорываться до глубины сердца супруги: честолюбіе и чинолюбіе брали въ немъ верхъ надъ всѣмъ. — У себя дома онъ искалъ только тишины и спокойствія, пріятной улыбки на устахъ супруги, изрѣдка поцалуя или нѣжнаго трепанья по щекѣ, не добиваясь, что движитъ этими поцалуями и нѣжностями—истинное чувство или притворство.

Когда они немного пообжились и поосмотрѣлись, вопросъ: кто будетъ играть первую роль въ домашнемъ быту? представился имъ обоимъ... Супругъ былъ по натурѣ деспотъ, всѣ подчиненные сильно побаивались его, онъ натурально хотѣлъ взять верхъ и надъ супругой и первое время это удалось ему, но супруга была на сторожѣ... Первыя противорѣчія она сносила довольно терпѣливо, потомъ при малѣйшихъ замѣчаніяхъ стала впадать въ дурное расположеніе духа, а при серьезныхъ противорѣчіяхъ плакать... Слезы кончались дурнотою, а за дурнотою слѣдовалъ иногда нервическій припадокъ... Нервы у ней съ раннихъ лѣтъ были очень разстроены... Она видѣла, что во время этихъ припадковъ, супругъ совершенно теряется и готовъ поддаться на все, что ей угодно. И усиленные нервическіе припадки возобновлялись всякій разъ, когда того требовала необходимость. Супругъ, человѣкъ съ упрямымъ даже съ

энергическимъ характеромъ, заставлявшій трепетать своихъ подчиненныхъ, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ и совершенно подчиниться нѣжной и слабой женщинѣ, всегда непобѣдимой и несокрушимой во всеоржуіи своихъ нервъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что такое та энергія и сила воли, которыми мужчины гордятся? Одинъ нервическій женскій припадокъ — и все это исчезаетъ и бѣдный безоружный мужчина становится тряпкою, по выраженію Гоголя. Великіе мужи силы, знаменитые герои, древніе и новые геніи, двигавшіе массами, исполины, управлявшіе судьбами царствъ и народовъ, незнавшіе преграды своимъ намѣреніямъ и замысламъ, нерѣдко являлись смирнѣйшими, робчайшими и покорнѣйшими въ своемъ домашнемъ быту. Тѣ, передъ кѣмъ трепетало человѣчество, сами трепетали передъ слабымъ и болѣзненнымъ существомъ, которое зовутъ женщиной...

Что герои! *Тучегонитель* и громовержецъ Зевсъ, который маніемъ бровей своихъ приводилъ въ ужасъ и трепетъ весь Олимпъ со всѣми его богами, Зевсъ, повелѣвавшій и безсмертными и смертными, при видѣ своей *лилейно-раменной* Геры робѣлъ и смущался и не всегда осмѣливался противорѣчить ея волѣ. Когда Θетида явилась передъ *молній-метателемъ* Зевсомъ съ просьбою объ отмщеніи за сына и дарованіи побѣды троянскимъ ратямъ:

«Ей вздохнувши глубоко, отвѣтствовалъ тучегонитель:
«Скорбное дѣло, понеже ты на меня возбуждаешь
«*Геры надменной: озлобитъ меня оскорбительной рѣчью;*
«*Гера и такъ непрестанно, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною*
«*Споритъ и вопитъ, что я за Троянъ побораю во брани.*
«*Но удалися теперь, да тебя на Олимпѣ не узритъ*
«*Гера*. . . . .

Правда, онъ прибавляетъ:

«. . . . . о прочемъ заботы пріемлю я самъ и исполню:
«Зри, да увѣрена будешь, тебѣ я главой помаваю.
«Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
«Слова залогъ; невозвратно то слово, во вѣкъ непреложно,
«*И не свершиться не можетъ, когда я главой помаваю....*»

Но такъ любятъ прихвастнуть почти всѣ мужья въ отсутствіи своихъ Геръ; при ихъ приближеніи они совсѣмъ перемѣняютъ тонъ. И чего бы, казалось, стоило молній-метателю и туче-гонителю, всемогущему Кроніону разстаться съ своей надменной супругой? при всемъ пламенномъ желаніи его отдѣлаться отъ *волоокой* богини, всемогущій покоряется ей и противъ собственныхъ желаній испол-

няетъ всѣ ея желанія. Она принуждаетъ супруга согласиться на разрушеніе Трои...

«. . . . . и внялъ ей отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ.»

Что же заставляетъ его подчиняться надменной и капризной Герѣ? — Желаніе домашняго спокойствія, боязнь скандала на Олимпѣ. «Что скажутъ боги?» думаетъ онъ, какъ Фамусовъ думалъ:

«Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?»

И сколько браковъ на свѣтѣ поддерживаются этими роковыми словами:

Что̀ скажутъ?

Если бы супругъ и супруга, о которыхъ я завелъ рѣчь, взяли на себя трудъ углубиться въ самихъ себя и въ собственныя отношенія, они непремѣнно бы сознали, что между ними нѣтъ ничего общаго, что ихъ не связываетъ ни любовь, ни уваженіе другъ къ другу; но къ счастію, они не углубляются въ такіе вопросы, а живутъ день за день животною привычкою и поддерживаютъ кое-какъ свои отношенія лицемѣріемъ и обманомъ. Еслибъ не страшное: «что̀ скажутъ?» они давно разстались бы другъ съ другомъ безъ сожалѣнія и обоимъ было бы свободнѣе и легче жить....

Для того, чтобы не нарушить наружнаго домашняго спокойствія и не быть свидѣтелемъ обмороковъ, криковъ и стоновъ, — супругъ нанимаетъ дачу въ Павловскѣ.

Они переѣзжаютъ.

Дача очень хороша и удовлетворяетъ вполнѣ самолюбію супруги, потому что дачи, нанятыя ея знакомыми, гораздо хуже. Первые дни послѣ переѣзда тепло, ясно.... зелень распускается быстро на ея глазахъ, птицы чиликаютъ, соловей въ паркѣ противъ дачи вечеромъ такъ и заливается — удивительный соловей, какъ будто нарочно нанятый вмѣстѣ съ дачею; черемуха разливаетъ въ воздухѣ благоуханіе; дѣти такъ рады свободѣ и такъ весело бѣгаютъ въ садикѣ. Все прекрасно.

Супруга впадаетъ въ поэтическое настроеніе. Она какъ будто помолодѣла и похорошѣла. Она гуляетъ по лугамъ, почти бѣгаетъ, собираетъ полевые цвѣты и составляетъ изъ нихъ букеты, прислушивается къ пѣнію соловья и погружается въ тихую задумчивость; играетъ съ дѣтьми и обнаруживаетъ къ нимъ необыкновенную внимательность и нѣжность; она въ такомъ кроткомъ расположеніи,

что даже ласкаетъ супруга и приказываетъ приготовлять ему любимыя блюда къ его столу.

У него показываются по временамъ, глядя на нее, слезы благодарности и умиленія и онъ шепчетъ про себя:

«Нѣтъ, я еще счастливъ, ей-Богу, счастливъ!»

Воксалъ хотя еще не открывался, но говорятъ откроется на дняхъ и опять появится подпрыгивающій Штраусъ; подполковникъ.... онъ еще, благодаря Бога, не показывался; но тѣнь его уже какъ будто разъ мелькнула въ паркѣ.

Да что жь ему до Штрауса и до подполковника? Онъ ищетъ единственно домашняго спокойствія, семейной тишины; для укрѣпленія этого спокойствія, кажется, надобно только сквозь пальцы смотрѣть на кокетство супруги и стараться не видѣть того, что ясно для всѣхъ.

Неужели это — ревность? Но ревность болѣзнь, горячка любви. Ревность понятна только при бѣшеной, страстной любви. О такого рода любви мой супругъ и въ юности никогда не имѣлъ понятія.

Сказать откровенно, еслибъ Штраусъ или подполковникъ были дѣйствительно избранными сердца его супруги и онъ имѣлъ бы непреложныя доказательства этого, и если бы никто никогда не могъ подозрѣвать объ этомъ, и она была бы въ понятіяхъ всѣхъ, кромѣ его, образцовой супругой, — то онъ кое-какъ примирился бы съ своимъ положеніемъ и смотрѣлъ бы равнодушно на Штрауса и на подполковника, — но бѣда въ томъ, что кокетство его супруги не можетъ укрыться отъ постороннихъ глазъ, особенно въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Павловскъ, гдѣ всѣ ежедневно другъ съ другомъ сходятся и знаютъ другъ друга, покрайней мѣрѣ по имени. Здѣсь сейчасъ представляется вопросъ:

«Что̀ скажутъ?»

Вопросъ нестерпимый, мучительный для самолюбія... А развѣ по большей части источникомъ ревности не бываетъ самолюбіе?

Воксалъ открылся. Штраусъ появился на эстрадѣ, смычокъ его пришелъ въ движеніе. Дамскіе взоры устремились на Штрауса съ пріятнымъ и нѣжнымъ выраженіемъ; двѣ пятидесятилѣтнія дѣвственницы, разрисованныя и разряженныя, чуть не приспрыгнули отъ восторга на своихъ стульяхъ противъ того мѣста, гдѣ красуется плѣнительный дерижёръ оркестра; подполковникъ захлопалъ при его появленіи изо всей силы.... Все какъ слѣдуетъ, все опять точно также, какъ прошлое лѣто. Тѣ же лица, тѣ же выраженія, тѣ же крики и вызовы.

И супруга сидитъ на томъ же мѣстѣ. Все то, что копошилось въ супругѣ, какъ самое непріятное воспоминаніе, какъ тяжелый сонъ, воскресло на яву.

Вотъ и подполковникъ подходитъ къ нимъ, ловко разшаркивается передъ его супругой, звякаетъ шпорами и уже начинаетъ жужжать около нея, какъ комаръ.

Подполковникъ приглашенъ супругой на чай, послѣ музыки.

Они въ троемъ возвращаются домой черезъ садъ.

Подполковникъ начинаетъ разговоръ съ супругомъ. Супругъ чувствуетъ, что этотъ разговоръ заводится съ нимъ такъ только изъ приличія и что подполковнику хочется собственно разговаривать не съ нимъ, а съ его супругой, и то еще не въ его присутствіи; но чтобы не обнаружить и тѣни ревности, онъ поддерживаетъ съ нимъ разговоръ, повидимому очень охотно и очень пріятно, и улыбается ему, несмотря на то, что онъ хотѣлъ бы разорвать его на части.

Противъ супруги у него внутри закипаетъ желчь ключомъ; но онъ отъ времени до времени обращается къ ней съ любезнѣйшимъ выраженіемъ и говоритъ ей нѣжнымъ голосомъ:

— Посмотри, мой дружочикъ, какъ хорошъ этотъ оврагъ и какъ живописно расположены въ немъ деревья.

или:

— Слышишь, слышишь — соловей! Но этотъ гораздо хуже нашего. Не правда ли?

За чаемъ подполковникъ подсаживается къ супругѣ и жужжитъ что-то ей вполголоса. Супругъ дѣлается серьёзенъ. Ему кажется, чай несладокъ, онъ изъявляетъ неудовольствіе, что нѣтъ его любимыхъ крендельковъ, и спрашиваетъ у своей супруги:

— Отчего же ихъ нѣтъ?

Супруга вспыхиваетъ при этомъ вопросѣ и, улыбаясь иронически, отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я-то почему знаю? Какіе крендели? Что такое?

И обращается къ подполковнику, продолжая съ нимъ разговоръ.

Когда подполковникъ уходитъ, она обращается къ супругу:

— Что съ вами? я чуть не сгорѣла отъ стыда.... Какъ вы обращаетесь со мною при постороннихъ? Это ужасно! Вы адресуетесь ко мнѣ, какъ къ ключницѣ, спрашиваете меня о какихъ-то кренделяхъ, корчите какія-то недовольныя гримасы.... просто, ни на что похоже..... Это мое терпѣнье можетъ только переносить все это.

— Господи! восклицаетъ супругъ, поднявъ плечи: — ну, что за бѣда, что я спросилъ васъ о кренделяхъ? Вы сами же мнѣ третья-

го дня сказали: «я буду тебя всякій день кормить, мой другъ, твоими любимыми кренделями», а гримасъ я никакихъ не дѣлалъ, вы ошибаетесь. Я не понимаю, отчего вы ко мнѣ привязываетесь?

— *Привязываетесь!* Какъ это любезно! Вы хотите, чтобы я никого не приглашала къ себѣ, желаете меня лишить всякаго развлеченія. Я не могу переносить такого деспотизма, я вамъ объявляю торжественно—слышите ли вы это? Не могу, не могу и не могу!... Я буду принимать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кого я хочу, а если кто нибудь изъ нихъ вамъ не нравится, вы можете уходить къ себѣ въ кабинетъ, я не мѣшаю вамъ....

Супругъ нахмурился при этихъ послѣднихъ словахъ.

— Вамъ, кажется, этого и хочется. Вы желаете, чтобы я уходилъ въ свой кабинетъ, когда этотъ подполковникъ будетъ сидѣть съ вами?

— Что это значитъ! вскрикнула она. — Вы еще меня оскорбляете? Ахъ, я не могу переносить этого.... Ахъ! ахъ!

Она схватываетъ себя за грудь и падаетъ на диванъ съ раздирающими криками.

Нервическій припадокъ въ сильнѣйшей степени.

На улицѣ противъ дома начинаютъ съ удивленіемъ останавливаться запоздавшіе гуляющіе. Въ это время никто никогда не показывается на улицѣ, а тутъ какъ нарочно!

Горничныя хлопочутъ около барыни.

Крики дѣлаются слабѣе.

Баринъ стоитъ у окна и смотритъ въ окно, ничего не видя, и шепчетъ про себя:

«Вотъ адъ-то! Вотъ настоящій адъ-то!... Связалъ же меня Господь съ этой женщиной!... Я ее облагодѣтельствовалъ, вырвалъ изъ нищеты, сдѣлалъ барыней и вмѣсто благодарности — вотъ!

Но когда барыня приходитъ въ себя, баринъ подходитъ къ ней на цыпочкахъ и съ грустной миной, боязливо и тихимъ голосомъ спрашиваетъ у ней:

— Ну, каково ты себя чувствуешь, мой ангелъ?

Нервы еще не совсѣмъ успокоились, и она, отвернувшись, мрачно и скороговоркой говоритъ:

— Подите прочь! Оставьте меня въ покоѣ, умоляю васъ!

Супругъ молча и печально отходитъ, но черезъ полчаса снова возвращается и для водворенія въ домѣ спокойствія и мира становится на колѣна передъ супругою, признаетъ себя виновнымъ, проситъ прощенія и цалуетъ кончики ея пальчиковъ.

Послѣ этого примиреніе совершается. Супруга треплетъ его по щекѣ и даже слегка прикасается своими губками къ его

лбу, на которомъ время провело три рѣзкія, глубокомысленныя складки.

На слѣдующее утро въ воскресенье, когда супругъ не ѣздитъ въ Петербургъ, они вмѣстѣ прогуливаются въ паркѣ и отдыхаютъ въ Красной долинѣ.

Супруга очень внимательна, весела и разговорчива. Погода восхитительная: тепло, воздухъ душистъ, бѣлыя бабочки кружатся около куста сирени, ласточки быстро летаютъ и хлопочутъ около своихъ гнѣздъ, которыя они свили подъ крышей павильйона, два дерева — береза и кленъ, противъ того мѣста, гдѣ сидятъ они, такъ дружно сплелись между собою и такъ тихо шепчутъ листьями, какъ будто ведутъ между собою въ объятіяхъ другъ друга любовную рѣчь. Все, кажется, дышитъ любовью и счастіемъ, только несносные комары не даютъ покоя.

Супруга закуриваетъ папироску, супругъ сигару.

Разговоръ между ними становится все одушевленнѣе и одушевленнѣе.... Супруга перебираетъ критически всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, особенно женскаго пола, предаетъ ихъ безпощадно строгому анализу, разбираетъ по косточкамъ; супругъ, хотя и не совершенно во всемъ соглашается съ нею, даже совсѣмъ не соглашается, но поддакиваетъ ей улыбаясь и еще прибавляетъ отъ себя яду, чтобы только не противорѣчить и не нарушать тишину и миръ.

Утро проходитъ пріятно и незамѣтно.

И добрый супругъ почти опять готовъ воскликнуть:

«Однако, я право счастливъ!» почти забывъ вчерашнюю бурю.

Какъ проведутъ мои супруги остальное лѣто, я не знаю. Кто возьметъ верхъ въ ея головѣ, или въ ея сердцѣ — Штраусъ или образцовой подполковникъ? Не явится ли другой конкурентъ, какое нибудь новое лицо, передъ которымъ уничтожатся два первые? Что нибудь оригинальное, небывалое, напримѣръ турецкій посланникъ, или персидскій мирза?

Но турки теперь не такъ живописны, страшны и заманчивы, какъ бывало во время оно... у нихъ нѣтъ ни чалмы на головѣ, ни ятагана съ рукояткою, осыпанной драгоцѣнными каменьями; они объевропеились наружно, сняли съ головы даже красную феску—и увы! ходятъ теперь въ узкихъ панталонахъ, въ круглой шляпѣ, какъ всѣ мы и какъ всѣ мы расшаркиваемся передъ дамами и отпускаемъ французскія фразы. Выродившіеся потомки Чингисъ-хановъ, Баязетовъ, Му-

радовъ и Магометовъ, нѣкогда наводившіе ужасъ, или покрайней мѣрѣ возбуждавшіе интересъ и любопытство въ дамахъ.... своимъ великолѣпнымъ одѣяніемъ, утратили всю свою оригинальность съ той минуты, какъ натянули на себя европейскій кургузый костюмъ, начали писать ноты и меморандумы объ опасности, угрожающей Европѣ отъ демократическихъ и соціальныхъ идей, какъ будто передразнивая западныхъ доктринёровъ.

Персіяне покрайней мѣрѣ до сихъ поръ не снимаютъ съ себя своей классической остроконечной, какъ сахарная голова, шапки и отъ времени до времени щеголяютъ еще въ своихъ пестрыхъ архалукахъ изъ термоламы. Отъ этого они имѣютъ для нашихъ барынь и барышень все-таки еще болѣе пикантности; но и имъ какъ будто уже неловко становится въ сахарныхъ головахъ и въ пестрыхъ архалукахъ и они усиливаются приближаться къ европейской одеждѣ и нѣкоторые изъ нихъ вставляютъ уже лорнетку въ глазъ и лепечутъ французскія слова, прогуливаясь въ саду Павловскаго воксала.

Они не походятъ на прежнихъ персіянъ, отъ которыхъ приходили въ экстазъ маменьки современныхъ дамъ, гуляя въ Таврическомъ саду, во время пребыванія Хозревы-Мирзы въ Петербургѣ....

Къ тому же и дочки ужь не похожи на маменекъ... У нихъ сравнительно съ ихъ маменьками, плѣнявшимися свитою Хозревы-Мирзы, вкусъ нѣсколько утончился, явились болѣе деликатныя и поэтическія потребности и артиста въ родѣ Штрауса, съ усиками и щегольски одѣтаго, онѣ (я полагаю) не промѣняютъ на какого нибудь турку или персіянина....

Въ настоящую минуту чалмы, фески, бараньи шапки, усы, сабли и эполеты — эти нѣкогда необходимыя атрибуты для воспламененія сердца, также совсѣмъ утратили въ дамскихъ глазахъ свое значеніе, и если супруга, о которой шла рѣчь выше, обнаруживаетъ особенное вниманіе къ подполковнику, то это не потому, что онъ носитъ усы и саблю, а вѣроятно потому, что отличается до нѣкоторой степени свѣтскостію и дэндизмомъ.

Легкій *дэндизмъ* производитъ на сердца современныхъ нашихъ барынь дѣйствіе гораздо болѣе сокрушительное, чѣмъ гусарскій, уланскій, или кирасирскій мундиръ, эполеты, сабли, шашки, ментики и прочее.

Къ счастію, наши русскіе, доморощенные *дэнди* не слишкомъ опасны.... Что же касается до артистовъ, въ родѣ Штрауса,—то это только такъ, праздная мечта, головная фантазія, — и никакъ нельзя предположить, чтобы женщина благороднаго происхожденія, могла не шутя почувствовать серьёзное влеченіе къ человѣку, какъ бы онъ привлекателенъ ни былъ, выходящему ежедневно передъ публикою

со скрыпкой подъ мышкою и со смычкомъ въ рукѣ, чтобы забавлять ее.

Итакъ русскіе обитатели Павловскихъ дачъ въ этомъ случаѣ могутъ быть совершенно покойны.

Богъ еще хранилъ насъ и нашихъ дамъ отъ такого рода *дэнди*, какіе напримѣръ описываются въ новомъ англійскомъ романѣ Гей-Ливингстонъ (Guy-Livingston). Правда эти герои нѣсколько сродни нашему Печорину; но надо сказать правду, Печорины на Руси въ дѣйствительности почти никогда не существовали. На руской почвѣ всегда удобнѣе плодились *Обломовы*. Вотъ это наше родное явленіе. Печоринъ это западный, байроническій типъ. Въ Англіи еще до сихъ поръ существуютъ такіе типы, какъ видно изъ романа, о которомъ я завелъ рѣчь.

Ливингстонъ — это прототипъ Печорина. Вотъ какъ характеризуетъ этого англійскаго героя одинъ изъ французскихъ критиковъ. Читая эту характеристику, думаешь иногда, что читаешь характеристику Печорина:

«Лица, подобныя Гей-Ливингстону, принадлежатъ безъ исключенія къ тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ *дэнди*. — Не должно однако понимать подъ этимъ словомъ тѣхъ господъ, которые въ ходу, въ модѣ, пользуются успѣхами и которыхъ называютъ: hommes à la mode, или hommes à succès, — еще менѣе тѣхъ ничтожныхъ куколъ, которыя бываютъ рабами своего портнаго или сапожника. Ливингстонъ принадлежитъ къ дэнди высшаго значенія.—Въ этихъ дэнди есть своего рода поэзія; ихъ гордыя души, закаленныя въ эгоизмѣ, способны на удивительные подвиги, близкіе къ героизму. Блистательная исторія такихъ дэнди, ихъ заблужденій, успѣховъ и преступленій, начиная отъ Алкивіада до Лорда Байрона, составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ главъ въ нравственныхъ лѣтописяхъ человѣка. Они извѣстны нѣсколькими блистательными вещами, они дѣлаютъ тысячу дурныхъ вещей и неспособны ни на какое истинно хорошее и доброе дѣло. Демоническій элементъ ихъ природы такъ силенъ, что движетъ всѣми ихъ поступками.... Они принадлежатъ къ той породѣ людей, (прибавимъ мы отъ себя) про одного изъ которыхъ сказалъ русскій поэтъ:

«....И слабыхъ душъ мученья—
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.»

Они способны участвовать въ прогрессивномъ и ретроградномъ политическомъ движеніи: защищать баррикады или дѣйствовать противъ нихъ; движимые внутреннимъ деспотизмомъ и эгоизмомъ, пустившимъ глубокіе корни въ ихъ самолюбивыя души, они

способны производить такъ называемыя coups d'état. Они наводняли литературу типами въ родѣ *Донъ-Жуановъ* и *Ловеласовъ*; имъ мы обязаны такими лицами, какъ *Чальдъ-Гарольды* и *Лары*. Къ этому можно еще прибавить, если мы посмотримъ на нихъ попристальнѣе, что чуть ли не имъ мы также обязаны іезуитскими учрежденіями. Во всякомъ случаѣ вы видите, что такіе *дэнди*—люди далеко не дюжинные. Природа денди, анализированная въ подробностяхъ, есть квинтъ-эссенція самый утонченной и ядовитой безнравственности. Первородный грѣхъ на нихъ наложилъ самые глубокіе слѣды.

«Главный ихъ двигатель — гордость; не та разумная гордость, которая предохраняетъ нравственное достоинство человѣка; гордость, которую можно назвать добродѣтелью,—но гордость инстинктивная, какъ злоба тигра или величіе льва. Это-та инстинктивная гордость порождаетъ въ нихъ тотъ чудовищный эгоизмъ, который нельзя сокрушить ничѣмъ — ни состраданіемъ, ни упреками, ни зрѣлищемъ страданій, ни примѣрами самоотверженія, — ничѣмъ. Онъ покоряется только ударамъ судьбы.

«До тѣхъ поръ, покуда дэнди является во всемъ своемъ блескѣ и въ силѣ, его увѣренность въ себѣ и презрѣніе ко всему безмѣрны; но когда судьба разоблачаетъ его отъ всѣхъ богатствъ, дѣлаетъ его нищимъ, больнымъ, лишаетъ его всего,—его гордость превращается въ отчаяніе, и чтобы не обнаружить его передъ людьми, онъ прибѣгаетъ обыкновенно къ самоубійству или оканчиваетъ поприще съ эффектомъ блистательною дуэлью.

«Никакая опасность не устрашаетъ такого денди, никакой врагъ не покажется ему страшенъ, когда онъ стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу и онъ можетъ побѣдить всякаго врага даже слабѣйшимъ оружіемъ.—Если нужно умереть, онъ умретъ и всегда величественно, гордо.... Дикіе могутъ его скальпировать, бунтовщики застрѣлить, но онъ не потеряетъ ни на минуту своего хладнокровія и не унизится, чтобы просить пощады; но передъ врагомъ невидимымъ, передъ такимъ, на котораго нельзя напасть съ оружіемъ, онъ дѣлается беззащитенъ, какъ ребенокъ.—Его можетъ раздавить презрѣніе женщины, но онъ и тутъ не обнаружитъ этого и тутъ не примирится съ нравственной истиной, не подчинится человѣческому чувству. — Таковъ герой романа «Гей-Ливингстонъ». Когда несчастіе обрушивается надъ такими людьми, имъ ничего не остается, кромѣ смерти. — Да и хорошо, если такія существованія кончаютъ свои поприща преждевременно, не доживая до старости. Старый элегическій поэтъ представляетъ довольно смѣшное зрѣлище, но старый дэнди отвратителенъ! — Это скандалъ въ костяхъ и во плоти... Пламя, охватывавшее его и дѣлавшее его эффектнымъ, дав-

нымъ давно исчезло, остался одинъ дымъ, чадъ, копоть. Блистательная наглость превратилась въ возмутительный, холодный цинизмъ и привычка играть со зломъ обратилась въ какую-то гнусную, старческую, махіавелевскую теорію. Онъ проповѣдуетъ философію порока, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ свое собственное безсиліе, свою неспособность, примѣнять свою теорію къ практикѣ и уже наслаждается зрѣлищемъ порока въ другихъ. Кровь его охладѣла, сердце высохло, совѣсть молчитъ—картина отвратительная! Къ счастію, дэнди всегда кончаютъ свое поприще во-время и доживаютъ до старости не многіе....»

Англійскій романъ кипитъ такого рода героями.... и молодыми, и старыми. Если вы, читатель, принадлежите къ такъ называемымъ *блазированнымъ* людямъ и любите мелодраматическія ощущенія, вы найдете въ Ливингстонѣ множество сценъ, которыя вамъ непремѣнно должны понравиться... Здѣсь страсти являются во всемъ своемъ разгарѣ и развиваются до послѣднихъ предѣловъ.... Если вы, читательница, принадлежите къ любительницамъ сильныхъ ощущеній, то чтеніе этого романа увлечетъ васъ. Я знаю притомъ, что вы не любите произведеній, въ которыхъ дѣйствуютъ inconnus, люди низшихъ классовъ, и потому въ особенности рекомендую вамъ «Ливингстона», что всѣ дѣйствующія лица этого романа принадлежатъ къ высшему обществу. — Хороши же нравы этого общества, если вѣрить автору!...

Авторъ впрочемъ не оправдываетъ, не извиняетъ своихъ свѣтскихъ героевъ, какъ это дѣлывалъ во время оно Бульверъ. Разсказъ «Ливингстона» проникнутъ грустію и авторъ разсказываетъ горькія истины суровымъ голосомъ. — Онъ подчиняется нѣсколько вліянію современной литературы, которая демократизируется все болѣе и болѣе....

Я совѣтую запастись на лѣто любителямъ и любительницамъ легкаго чтенія этимъ романомъ, хоть для того, чтобы ужъ во всѣхъ подробностяхъ и тщательно разсмотрѣть и изучить эти демоническія натуры, которыя такъ любилъ изображать Лермонтовъ.

Съ этой точки зрѣнія англійскій романъ представитъ много поучительнаго и интереснаго, при сравненіи Печорина съ Ливингстономъ. Нельзя не сознаться съ авторомъ статьи: «Что такое обломовщина?» (Соврем. № V), что въ демоническомъ Печоринѣ Лермонтова, въ этомъ гордомъ представителѣ высшаго развитія русскаго дэндизма, есть много Обломовскаго.

Кстати объ Обломовѣ.... Успѣхъ этого романа огромный. Въ Петербургѣ всѣ говорятъ объ немъ и всѣ почти приходятъ отъ него въ восторгъ.

Мы слышали, что у Гончарова составленъ въ головѣ планъ новаго романа и что онъ уѣхалъ теперь за границу, чтобы тамъ свободнѣе заняться планомъ этого произведенія, которое, вѣроятно, будетъ выполненно съ такою же художественною глубиною и тонкостію, съ какою исполненъ его «Обломовъ».

Теперь почти всѣ петербургскіе жители съ кое-какими средствами уѣхали за границу, или переселились въ деревни и на дачи; опустѣлый Петербургъ представляетъ, какъ обыкновенно лѣтомъ, самый слабый интересъ. — Кстати объ отъѣзжающихъ за границу.

Хорошо, если бы почтовое начальство придумало какія нибудь мѣры для немедленнаго удовлетворенія отъѣзжающихъ. Неужели нельзя умножить числа экипажей?

За границу ѣздятъ по большой части люди достаточные — и они готовы бы были заплатить до Таурогена, до Варшавы, до Ковно, только бы ѣхать сейчасъ, а не ждать полтора мѣсяца.

Но если устроить это находятъ почему бы то ни было неудобнымъ и невозможнымъ, то за долготерпѣніе отъѣзжающихъ желательно бы было, чтобы ихъ награждали покрайней мѣрѣ приличными и удобными экипажами....

— А развѣ наши почтовыя кареты неудобны? спроситъ любознательный читатель.

— О нѣтъ! онѣ превосходны.... Но я разскажу сейчасъ, чему я былъ свидѣтелемъ.... не у насъ. Я изъ скромности не скажу гдѣ.

Я провожалъ одну мнѣ знакомую даму, взявшую для себя два мѣста въ каретѣ, чтобы покойнѣе и удобнѣе расположиться. Покой и удобства необходимы для нея, потому что она нездорова, да и мѣста въ почтовыхъ каретахъ (той страны гдѣ это случилось) вообще такъ узки, что имѣть незнакомыхъ сосѣда или сосѣдку весьма непріятно.

Какъ бы то ни было: взято было два мѣста — и замѣтьте *въ каретѣ*....

Мы пріѣхали за полчаса до отъѣзда.

Къ счастію, отъѣзжающей дамѣ пришла мысль посмотрѣть на экипажъ, въ которомъ она должна была ѣхать.

Я сопровождалъ ее.

Мы вошли на прекрасный дворъ, крытый стеклянной крышей.

— Гдѣ карета, отъѣзжающая туда-то? спросилъ я у кондуктора съ галунами и съ трубой въ рукѣ.

— Вотъ-съ, отвѣчалъ онъ, указывая на запряженную уже.... къ величайшему нашему изумленію *не карету*, а что-то въ родѣ крытой, весьма неудобной узкой коляски, *брика*, съ жосткой узенькой ска-

мейкой внутри и съ какими-то странными трехугольными окнами и щелями у дверей и у оконъ.

— Что это значитъ? спросилъ я: — у васъ взято два мѣста *въ каретѣ*, а не въ этомъ странномъ экипажѣ.

— Я ничего не знаю-съ, такъ приказано....

— Кѣмъ приказано?... Въ этомъ экипажѣ дама, взявшая мѣста *въ каретѣ*, не поѣдетъ. Вы должны дать дѣйствительную карету, потому что мѣста взяты, я говорю вамъ, *въ каретѣ* и за эти мѣста заплачены деньги.

— Не угодно ли вамъ обратиться къ нимъ, — отвѣчалъ мнѣ кондукторъ, указывая на господина чиновника, стоявшаго на крыльцѣ.

Я объяснилъ г. чиновнику въ чемъ дѣло.

Г. чиновникъ выслушалъ меня, взглянулъ на неопредѣленный экипажъ и произнесъ:

— Да развѣ это не карета?... И это *тоже* карета.

Тогда я указалъ ему на нѣсколько дѣйствительныхъ каретъ, стоявшихъ на дворѣ, и замѣтилъ, что между ними и заложеннымъ экипажемъ величайшая разница.

Г. чиновникъ *былъ такъ добръ*, что дѣйствительно призналъ нѣкоторую разность и распорядился, чтобы даму посадили въ настоящую карету.

— Нельзя ли достать маршрутъ? спросилъ я у обязательнаго чиновника.

— Маршрутовъ здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — маршруты даются на почтѣ.

Однако онъ подумалъ немного и черезъ минуту произнесъ:

— Ну, пожалуй, я вамъ достану.

И дѣйствительно принесъ маршрутъ.

Отчего бы, казалось, не продавать маршруты тутъ же для отъѣзжающихъ? Отчего бы прямо не сажать въ кареты тѣхъ, которые берутъ мѣста въ кареты?

Чтобы сказалъ г. завѣдующій нашими почтовыми экипажами, если бы у насъ случилось что нибудь подобное?...

Послѣднимъ петербургскимъ интересомъ могла бы быть годичная выставка Академіи Художествъ, (открывшаяся въ нынѣшнемъ году необыкновенно поздно, въ то время, когда большинство уже выѣхало изъ Петербурга), — но мы должны сказать къ глубокому прискорбію, что эта выставка, за исключеніемъ двухъ-трехъ пейзажей, не представляла почти ничего замѣчательнаго. Къ лучшимъ ея произведеніямъ, такимъ, которыя бы могли украсить всякую выставку,

принадлежитъ *сцена въ харчевнѣ* г. Андрея Попова, — картина полная жизни и истины и выполненная художественно.

Театры потеряли весь свой интересъ съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней. Къ тому же, по случаю перестройки двухъ театровъ, спектакли весьма рѣдки. Г. Щепкинъ гостилъ въ Петербургѣ довольно долго. Онъ игралъ роли Фамусова, Городничаго, Муромскаго (въ Свадьбѣ Кречинскаго) Чупруна, (Москаль-Чаривникъ), Матроса, Сганареля и Гарпагона. Спектакли, въ которыхъ онъ участвовалъ, привлекали постоянно множество зрителей. Театральная публика принимала его всегда съ громкими рукоплесканіями, въ память прошедшаго, и надо правду сказать, что несмотря на то, что Щепкинъ ослабѣлъ и устарѣлъ, въ немъ все-таки еще видѣнъ истинный артистъ....

Мы ни разу не упоминали о г-жахъ Подобѣдовой 2-й, и Барановой, о г-нѣ Шемаевѣ, дебютировавшемъ въ роли Расплюева; но о первыхъ двухъ говорить нечего, потому что онѣ не прибавляютъ ровно ничего и не выходятъ ни на одну черту изъ подъ общаго уровня, а послѣдній былъ не дуренъ въ роли Расплюева—вотъ все, что можно сказать объ немъ.

Новая опера г. Фитингофа «Мазепа», по мнѣнію музыкальныхъ знатоковъ, произведеніе весьма посредственное и лишенное всякой оригинальности. Намъ впрочемъ не удалось слышать ее.

Вотъ новость для любителей итальянской оперы, которую сообщаетъ изъ Парижа фельетонистъ «Норда» Henry de Pène:

«Въ прошедшее воскресенье (въ Парижѣ) вечеръ у г-жи Кайсаровой былъ блистательный; на немъ между прочимъ присутствовали графъ Киселевъ, г. Сабуровъ, директоръ петербургскаго театра, и директоръ итальянской парижской оперы г. Кальзадо. Героинею вечера была — молодая и прекрасная собою пѣвица *г-жа Эмми Лагра* (Emmy Lagrua). Г-жа Лагра родилась въ Сициліи и шесть или семь лѣтъ тому назадъ пѣла въ парижской оперѣ, возвращаясь изъ Дрездена, гдѣ были ея первые дебюты. Съ тѣхъ поръ она много путешествовала и талантъ ея развился сильно. Теперь она уже пользуется значительной извѣстностію. — Пѣвица произвела на своихъ слушателей не только большой эффектъ, — она привела ихъ въ восторгъ. Эту примадону г. Кальзадо ангажируетъ для Парижа, г. Сабуровъ для Петербурга. За кѣмъ останется побѣда?»

Оканчивая свой фельетонъ, г. Пенъ прибавляетъ:

«Въ ту минуту, какъ мы кончали нашъ фельетонъ, — до насъ дошли слухи, что г. Сабуровъ одержалъ побѣду. Г-жа Лагра ангажирована въ Петербургъ, кажется, за ту же самую цѣну, какую платили бѣдной Бозіо.»

Загородныя гулянья въ окрестностяхъ Петербурга всѣ открылись.... На Минеральныхъ Водахъ играетъ оркестръ, подъ управленіемъ Гунгля; въ Павловскомъ воксалѣ подъ управленіемъ Штрауса;— вилла Monde Brillant (бывшая вилла Боргезе, у Каменноостровскаго моста) управляется знаменитымъ Излеромъ, который гдѣ нибудь да воскресаетъ каждое лѣто. Лѣтнія афишки сдѣлались невозможны безъ имени Излера.

Нева и Невки оживлены движеніемъ маленькихъ пароходовъ. Сверхъ прежней, учредилась еще нынѣшнее лѣто новая пароходная компанія.

Ботаническій садъ полонъ теперь рѣдкими цвѣтами и растеніями. Близъ входа въ большую оранжерею устроена гора изъ камней (она ужь существуетъ нѣсколько лѣтъ), на которой очень красиво расположены всѣ цвѣты и растенія петербургскихъ окрестностей и образцы Сибирской флоры....

На этихъ искусственныхъ пригоркахъ и скалахъ въ миніатюрѣ, на открытомъ воздухѣ, можно видѣть постоянно съ первыхъ дней весны до послѣднихъ дней осени, необыкновенно замѣчательные цвѣты и растенія, которыя не уступаютъ нисколько растеніямъ, съ трудомъ содержимымъ въ оранжереяхъ.

Здѣсь вы можете между прочимъ, видѣть блестящую оранжеваго цвѣта trollices, огненнаго цвѣта dodecatheon, мамурру съ красными цвѣтами, морошку въ цвѣту (цвѣтокъ ея бѣлый и очень красивый), алпійскія розы, точно такія, какія цвѣтутъ въ горахъ Швейцаріи, и множество другихъ любопытныхъ образчиковъ царства Флоры.

Такихъ растеній и цвѣтовъ мы не видали въ частныхъ садахъ, а между тѣмъ они легко могутъ рости и цвѣсти во всѣхъ садахъ и для нихъ не нужно теплицъ и оранжерей....

Пути сообщеній дѣлаются у насъ наконецъ, все болѣе и болѣе удобными. Нынѣшнее лѣто открылся, между прочимъ, новый и прекрасный путь въ Дерптъ. Путь этотъ сократился сравнительно съ прежнимъ почти на половину. Прежде надобно было ѣздить въ Дерптъ по Нарвскому тракту весьма скучному и монотонному и требовалось на это 50 часовъ! Почтовыя линейки, которыя отправлялись туда, не отличались большимъ комфортомъ. — Теперь отъѣзжающіе въ Дерптъ отправляются изъ Петербурга въ 8 часовъ вечера по Варшавской желѣзной дорогѣ. Поѣздъ приходитъ въ Псковъ въ 4 часа утра. Оттуда въ 6 часовъ утра отходитъ пароходъ, идущій по рѣкѣ Великой (12 верстъ), по Чудскому озеру (100 съ чѣмъ-то верстъ) и наконецъ по рѣкѣ Эмбахъ до самаго Дерпта.— Всего отъ Пскова до Дерпта 12 часовъ ѣзды.

Прежнимъ путемъ надо было употребить двое сутокъ на поѣздку отъ Петербурга до Дерпта и путевыя издержки стоили покрайней мѣрѣ 20 р. сер. Новый путь не болѣе 20 часовъ, а издержки никакъ не превышаютъ 12 р. сер.

Кромѣ сокращенія времени и удобства новаго пути, онъ представляетъ еще много удовольствій. Берега рѣки Эмбахъ очень живописны, а пароходъ *Нарова* содержится въ большой чистотѣ и порядкѣ....

Май мѣсяцъ выдержалъ себя въ Петербургѣ съ честію: двѣ недѣли совершенно лѣтнихъ жаровъ, начиная съ 8-го мая; потомъ одинъ день дождь, послѣ дождя два дня холода съ вѣтромъ (въ эти два дня по вечерамъ было не болѣе $3^1/_4$ градусовъ) и наконецъ снова ясная и довольно теплая погода.

Послѣ почти 8-мѣсячнаго заточенія за двойными рамами, казалось, петербургскіе жители должны бы были отъ радости, при видѣ солнца и зелени, разсыпаться по окрестнымъ полямъ, лугамъ, рощамъ, паркамъ, садамъ; казалось бы, эти сады, поля, луга, рощи и парки должны были представлять самую пеструю и оживленную картину. Ничего не бывало. Повсюду страшная пустота и безлюдье.... Еще на Елагиномъ острову изрѣдка по вечерамъ попадаются блестящіе экипажи и нѣсколько человѣкъ съ дипломатическою важностію, прохаживающихся по насыпной набережной дорожкѣ; но въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ—въ Павловскомъ, въ Петергофскихъ и въ Ораніенбаумскихъ паркахъ, вы изрѣдка встрѣтите какой нибудь экипажъ и почти никогда ни одного пѣшехода, несмотря на отличные, теплые вечера.... Можетъ быть вы заключите изъ этого, что въ тѣхъ мѣстахъ мало живутъ на дачахъ? Напротивъ, всѣ дачи заняты и набиты биткомъ, несмотря на умножающуюся ежегодно дороговизну дачъ.... За двѣ комнатки безъ саду въ колоніяхъ за Петергофомъ платятъ 80 р. сер. Поэтому вы можете судить, что должна стоить мало-мальски порядочная и удобная дача въ своимъ садикомъ. Нѣкоторые изъ дачъ Петергофскихъ и Ораніенбаумскихъ противъ самого парка: стоитъ только перейти дорогу... но петербургскіе дачники выѣзжаютъ изъ городскихъ каменныхъ стѣнъ, кажется, для того только, чтобы заключить себя въ деревянныя дачныя стѣны и умѣренно пользоваться иногда воздухомъ только въ своихъ палисадникахъ, или изрѣдка проѣхаться или пройтись до музыки.

Но много ли бываетъ и на музыкахъ, гремящихъ лѣтомъ повсюду?...

На Минеральныхъ Водахъ—пустота.

При открытіи Monde-Brillant сначала было довольно много посѣтителей: первые два или три раза, а потомъ—пустота.

Въ Павловскомъ воксалѣ также не тѣсно. За исключеніемъ поклонницъ Штрауса, живущихъ на дачахъ, и нѣсколькихъ образцовыхъ офицеровъ и гусаръ изъ Царскаго Села, тоже почти никого посторонняго.

Въ Петергофѣ, когда играетъ у дворца два оркестра военной музыки, мрачно и апатически прохаживаются фигуръ тридцать обоего пола. Фонтаны бьютъ и мечутъ на воздухъ воду, не привлекая и не прохлаждая никого.

Въ Ораніенбаумѣ также играетъ по вечерамъ музыка у такъ называемой Катальной горки и тамъ никогда уже не бываетъ болѣе десяти человѣкъ....

Если иногда, гдѣ нибудь, на какой нибудь музыкѣ и соберется иногда довольно публики, то отъ этого одушевленья не прибавляется нисколько. Всѣ прохаживаются чинно, какъ будто по-наряду, по должности, по обязанности: дамы можетъ быть для того, чтобы удивить своимъ пышнымъ туалетомъ; мужчины просто такъ, отъ нечего дѣлать. Все сонно и вяло; на всѣхъ мужскихъ лицахъ обломовская пустота, апатія и тоска. Все основано и сдавлено условными, нелѣпѣйшими приличіями.... Вездѣ раздѣленіе, касты: напыщенность съ одной стороны, раболѣпство съ другой; ни одного естественнаго движенія, ни одного натуральнаго, свободнаго взгляда, улыбки, поклона. Все натянуто, искуственно, заучено... Нестерпимая, мучительная тоска такъ и охватываетъ все!

И музыканты играютъ какъ-то вяло, нехотя...

Каждый изъ гуляющихъ, кажется, спрашиваетъ у самого себя:

«Зачѣмъ я здѣсь?»

Или еще рѣзче:

«Зачѣмъ чортъ принесъ меня сюда?..»

На одномъ изъ такихъ прелестныхъ гуляній я сидѣлъ на скамейкѣ съ моимъ пріятелемъ. Оба мы зѣвали и лѣниво смотрѣли на лѣниво двигавшихся мимо насъ куколъ. Пріятель мой, человѣкъ умный и образованный, имѣющій знакомства съ людьми такъ называемаго большаго свѣта, но не выѣзжающій въ этотъ свѣтъ. Передъ нами съ величайшею важностію появились вдругъ два великосвѣтскіе господина *хорошаго* тона, шедшіе подъ руку. Одинъ изъ нихъ, при видѣ моего пріятеля, наклонилъ немного свою голову и произнесъ тѣмъ особеннымъ тономъ и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, съ которымъ обыкновенно высшіе обращаются къ низшимъ:

— Здравствуйте-*съ*. Какъ ваше здоровье?

И прошелъ не дожидаясь отвѣта.

Пріятель мой также слегка кивнулъ ему головою, улыбнулся и обратился ко мнѣ:

— Вотъ это называется: *лёрный тонъ*. Кто проситъ этого господина замѣчать меня?...

— Ты можешь съ нимъ сдѣлать тоже, отвѣчалъ я, что Пиронъ сдѣлалъ съ Вольтеромъ. — Въ Фонтенебло, проходя въ свитѣ придворныхъ, Вольтеръ замѣтилъ бѣднаго поэта и также аристократически взглянулъ на него, какъ теперь на тебя этотъ господинъ, и произнесъ: — «Comment vous portez-vous?» и также, не дожидая отвѣта, ушелъ. На другой день Пиронъ встрѣтилъ Вольтера и безъ всякихъ предисловій произнесъ: Fort bien, monsièur, et prêt à vous servir.»

Вольтеръ понялъ это; но бѣда въ томъ, что если ты также поступишь съ этимъ господиномъ, то онъ едва ли пойметъ это...

— На вѣрно не пойметъ! замѣтилъ мой пріятель.

Въ теченіе первой четверти этого года (свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ «Journal de St.-Pétersbourg») Императорская Петербургская Публичная Библіотека получила въ даръ отъ 116 лицъ 2,089 томовъ книгъ, 81 манускриптовъ и афтографовъ, 196 эстамповъ и 5 музыкальныхъ пьесъ.

Въ числѣ ихъ—много весьма замѣчательныхъ и рѣдкихъ.

Вышло новое изданіе «Записокъ Охотника», И. С. Тургенева, въ 2 томахъ, очень красиво отпечатанныхъ въ типографіи г. Вульфа.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ особенныхъ литературныхъ новостей не было, только появился V томъ «Сочиненій Пушкина», изданія Я. А. Исакова. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ: отрывки, журнальныя и историческія статьи. Въ немъ между прочимъ находятся «Египетскія ночи», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», и до сихъ поръ не старѣющіяся остроумныя полемическія его статейки: «О выходѣ Записокъ Самсона», «О Запискахъ Видока», «Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анфимычъ Орловъ», «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ...»

Мы уже говорили, что это изданіе изящно, удобно и дешево. — Что оно разойдется быстро, въ этомъ мы не сомнѣваемся.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ карту театра военныхъ дѣйствій, изданную гг. Аничковымъ и Шеведевымъ. — Это безъ сомненія лучшая и подробнѣйшая карта изъ доселѣ изданныхъ.

Съ появленіемъ жаровъ обнаружилось въ Петербургѣ нѣсколько холерныхъ случаевъ очень сильныхъ.—И потому Медицинскій Департаментъ счелъ долгомъ извѣстить объ этомъ петербургскихъ жителей и проситъ ихъ принимать извѣстныя мѣры предосторож-

ности. Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ страдалъ отъ сильныхъ пожаровъ. Въ Рождественской части сгорѣло до 200 домовъ.

Въ 20 № «Искры» напечатана небольшая иллюстрированная статейка, подъ которой подписано мое имя. — Никакой подобной статейки я не сочинялъ и не посылалъ въ «Искру». — Какимъ образомъ подъ ней очутилось мое имя, должна объяснить редакція «Искры».

И. ПАНАЕВЪ.

ПОЛИТИКА.

ПРИЧИНЫ НАШЕЙ СИМПАТИИ КЪ АВСТРІЙЦАМЪ. — СРАЖЕНІЯ ПРИ МОНТЕБЕЛЛО И ПАЛЕСТРО. — БИТВА ПРИ МАДЖЕНТѢ. — ДѢЙСТВІЯ ГАРИБАЛЬДИ. — ТОСКАНСКІЯ ДѢЛА.

Нашъ разсказъ объ итальянской войнѣ въ прошедшій разъ былъ доведенъ только до прибытія императора французовъ въ Алессандрію 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько нибудь замѣчательной стычки, но уже не трудно было предугадывать участь компаніи, и, повторяя соображенія безпристрастныхъ газетъ, мы говорили: «надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ австріцами» (Современникъ № V. «Политика», стр. 171); «нелѣпое начало не предвѣщаетъ для нихъ (австрійцевъ) ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ — неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ—Пескьерѣ и особенно Мантуѣ» (стр. 170). Теперь это соображеніе уже исполнилось болѣе чѣмъ наполовину: мы знаемъ, что австрійцы уже отступили далеко за Миланъ, занятый французами, и въ то время, когда читатель будетъ перелистывать эти страницы, онъ вѣроятно уже прочтетъ въ телеграфическихъ депешахъ, что австрійцы оттѣснены до самаго Минчіо. Дѣлать такія предсказанія очень легко, и хвалиться ихъ исполненіемъ нечего: нужно только слѣдовать соображеніямъ тѣхъ газетъ, у которыхъ лучшіе корреспонденты и у кото-

рыхъ есть политическій тактъ. Мы напоминаемъ объ исполненіи нашихъ прежнихъ словъ только съ цѣлью увѣрить читателя, что онъ можетъ считать не пустымъ обольщеніемъ тѣ соображенія о характерѣ, ходѣ и результатахъ итальянской войны, которыхъ мы держимся. Если эти соображенія оправдались фактами въ той части своей, которая наиболѣе подвержена случайностямъ, это можетъ быть нѣкоторымъ ручательствомъ за то, что оправдаются событіями и тѣ стороны ихъ, въ которыхъ случай имѣетъ гораздо меньше силы. Если ходъ войны оказался дѣйствительно таковъ, какой надобно было предполагать по указаніямъ достовѣрнѣйшихъ публицистовъ Западной Европы, то можно быть увѣреннымъ, что эти публицисты не ошибались и въ своихъ указаніяхъ на характеръ войны и на то, какіе результаты она дастъ, если сохранитъ нынѣшній свой характеръ.

Итакъ мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какія внушаютъ побѣды, припомнить то, что мы говорили въ февральской, мартовской и майской книжкахъ объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны и о цѣляхъ, которыми должна ограничиться она по разсчетамъ могущества, нашедшаго нужду поднять итальянскій вопросъ. Въ нынѣшній разъ мы не станемъ повторять всего, что говорили прежде; не будемъ вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочетъ, руководится вовсе не желаніемъ освободить Италію, а только потребностью упрочить себя пріобрѣтеніемъ военной славы; не будемъ говорить о томъ, что эта цѣль вовсе не одинакова въ восторженными надеждами итальянскихъ патріотовъ, которые пока еще не получили прочнаго ручательства въ согласіи французской политики съ ихъ планами; не будемъ говорить, что совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинскихъ побѣдъ и что, напротивъ, существуетъ множество другихъ комбинацій, которыми можетъ удовлетвориться Франція и которыя вовсе не соотвѣтствуютъ гипотезамъ, созданнымъ довѣрчивостью многихъ благородныхъ людей въ Италіи, во Франціи и у насъ. Повторять въ четвертый или въ пятый разъ то, что уже много разъ доказывалось съ большою подробностью, было бы слишкомъ скучно: притомъ мы рисковали бы напрасно огорчать тѣхъ читателей, которые оставались не согласны съ нами: они теперь увлечены благородною радостью отъ вѣсти о бѣгствѣ австрійскихъ мучителей изъ Ломбардіи; въ восторгѣ прекрасной симпатіи, они не захотятъ хладнокровно думать о тѣхъ грустныхъ фактахъ, на которыхъ основано наше недовѣріе и которые затмѣваются теперь блескомъ побѣдъ. Мы только просимъ ихъ не осу-

ждать насъ за то, что мы не въ состояніи забыть прошедшаго и не можемъ вѣрить словамъ людей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо познакомили насъ съ собою своими дѣлами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Мы помнимъ, что говорилось въ 1849 году и что было сдѣлано въ томъ же 1849 году и въ слѣдующіе за нимъ годы. Прокламація къ жителямъ Милана кажется намъ слишкомъ похожей на множество прокламацій, съ которыми обращалась та же сила къ жителямъ Рима, а прежде того къ самимъ французамъ. Читатели, несогласные съ нами, не хотятъ помнить прошедшаго и не захотѣли бы слушать насъ, если бы мы стали говорить объ немъ. А тѣ, которые согласны съ нами, сами помнятъ то, забвеніе о чемъ приготовляетъ другимъ горькую необходимость скоро раскаяться въ нынѣшней довѣрчивости.

Не будемъ же говорить о томъ, къ чему ведетъ Италію нынѣшняя война, если характеръ этой войны не измѣнится отъ новыхъ катастрофъ; займемся только приведеніемъ въ связь газетныхъ извѣстій о ходѣ войны. Онъ былъ блистателенъ для французовъ и сардинцевъ и свидѣтельствуетъ о нелѣпости австрійцевъ. Покрайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство пріятно тѣмъ, что умственная сторона дѣла соотвѣтствуетъ его нравственному достоинству. Гнусные притѣснители, австрійцы, оказываются съ тѣмъ вмѣстѣ пошлыми, бездарными, просто глупыми. Къ сожалѣнію, эта гармонія нравственныхъ качествъ съ умственными замѣтна только въ австрійцахъ. Въ другихъ лагеряхъ мы почти только и видимъ, или людей честныхъ, но дающихъ себя въ обманъ, или людей, умѣющихъ очень хорошо обдѣлывать свои дѣла при помощи обманываемаго благородства, людей, которые умѣютъ хорошо дѣлать, но дѣлаютъ только дурное.

Нелѣпость австрійцевъ обнаружилась къ нашему удовольствію и радости, конечно, всѣхъ нашихъ читателей еще поразительнѣе, нежели какъ мы надѣялись въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Мы полагали, что прибытіе императора французовъ въ Геную 12-го мая (новаго стиля) обозначаетъ уже совершенную готовность французскихъ войскъ въ Италіи къ начатію наступательныхъ дѣйствій. Онъ и самъ ожидалъ найти все нужное перевезеннымъ, устроеннымъ, приготовленнымъ къ походу: онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по прибытіи начать посылать въ Парижъ бюллетени о побѣдахъ. Но его отъѣздъ изъ Парижа, обманувшій насъ, былъ слѣдствіемъ ошибки въ его собственныхъ предположеніяхъ. Онъ могъ начать наступательныя дѣйствія не ранѣе, какъ черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ своего пріѣзда. Около 13 (1) мая французская пѣхота была дѣйствительно готова къ открытію компаніи, но не была готова ни кавалерія, ни артиллерія, безъ которыхъ нечего было дѣлать и пѣхотѣ.

Такимъ образомъ австрійцы имѣли еще около трехъ недѣль лишняго времени, для того, чтобы что нибудь сдѣлать на свободѣ. Они не умѣли ничего сдѣлать и въ этотъ срокъ, далеко превосходившій наши прежнія ожиданія. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиціи, они укрѣпляли позиціи, которыя оставляли безъ боя, они поглядывали на непріятельскія позиціи, которыя можно было взять безъ боя, и не брали ихъ; одинъ только разъ вздумали было что-то сдѣлать, но и тутъ распорядились самымъ пошлымъ образомъ, такъ что не только дали побить себя, но въ добавокъ и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знаетъ, что австрійцы были тутъ побиты, но можетъ быть онъ не знаетъ, что по ихъ собственному объясненію они дали эту битву для разузнанія расположенія французско-сардинскихъ войскъ, а въ результатѣ она послужила къ тому, что они не знали, гдѣ имъ ждать нападенія отъ непріятелей.

Съ 26-го (14) апрѣля до 20-го (8) мая, цѣлый мѣсяцъ свободнаго времени австрійцы потеряли за-даромъ, потерявъ прежде того еще цѣлую недѣлю тоже нелѣпымъ образомъ. 21-го мая они вздумали наконецъ что нибудь сдѣлать, — и придумали сдѣлать сильную рекогносцировку на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы узнать расположеніе праваго фланга французскихъ войскъ. Такъ покрайней мѣрѣ говоритъ австрійскій главнокомандующій. Поправдѣ говоря, вѣроятно была тутъ также надежда захватить въ расплохъ французскую дивизію, которая стояла слишкомъ далеко отъ другихъ. Дѣйствительно, дивизію эту захватили они въ расплохъ, такъ что должны были бы непремѣнно уничтожить ее; но вмѣсто того сами были ею побиты, такъ что стыдно было имъ и признаваться въ своемъ человѣко-убійственномъ намѣреніи, и за лучшее почли они говорить только о невинной мысли произвесть рекогносцировку. Подробности объ этомъ дѣлѣ извѣстны теперь съ достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность послѣ страшной битвы при Маджентѣ, потому разсказъ нашъ можетъ быть короткъ.

Обѣ враждебныя арміи, около 20-го (8) мая, стояли растянувшись каждая верстъ на сто. Часть французско-сардинскихъ войскъ была на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу По, часть на правомъ (южномъ). Австрійскія войска тоже стояли по обѣ стороны рѣки. На сѣверъ отъ По границею между врагами служило теченіе рѣки Сезіи, на югѣ естественной границы не было. Главною позиціею австрійцевъ была тутъ Страделла, составляющая ключъ къ обладанію надъ тою частью По, которая находится между Павіею и Піаченцою. Французскія войска стояли, между прочимъ, около Вогеры, которая лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Страделлы. «Мы хотѣли узнать, говоритъ

Гіулай, какъ велики силы французовъ въ этомъ пунктѣ.» Съ этою цѣлью былъ посланъ по дорогѣ къ Вогерѣ корпусъ Стадіона, имѣвшій до 25,000 человѣкъ. Первые непріятельскіе аванносты встрѣтилъ онъ въ деревни Кастеджіо: тутъ стоялъ отрядъ сардинской конницы, имѣвшій всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Сардинцы защищались очень храбро, сдѣлали нѣсколько героіческихъ аттакъ, но принуждены были отступить по той же вогерской дорогѣ въ деревню Монтебелло, гдѣ находилось около 500 человѣкъ французской пѣхоты подъ командою полковника Камбреля. Эта горсть людей вмѣстѣ съ сардинскими кавалеристами нѣсколько часовъ выдерживала битву, пока генералъ Форè, начальствовавшій дивизіею, расположенною въ тѣхъ мѣстахъ, собиралъ своихъ людей и поспѣшно посылалъ ихъ баталіонъ за баталіономъ на подкрѣпленіе аванпостному отряду. Отъ Вогеры къ Монтебелло идетъ желѣзная дорога, и это дѣло было первымъ сраженіемъ, въ которомъ вагоны привозили солдатъ прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Австрійцы очень твердо выдерживали бой, пока онъ ограничивался перестрѣлкою. Наконецъ французы пошли въ штыки,—въ этомъ способѣ битвы австрійцы оказались довольно плохи,—и забавно читать письмо одного изъ ихъ офицеровъ, который презрительно говоритъ, что такой «безчеловѣчный маневръ», какъ рукопашный бой на штыкахъ, «не нравится австрійскимъ войскамъ, непривыкшимъ къ этому варварству»,—увѣряемъ читателя, что эта фраза ни мало не прикрашена, а буквально взята изъ письма ученаго и гуманнаго австрійца. Штыками французы окончательно утвердились въ Монтебелло, и австрійцы отступили въ Кастеджіо. Французы не могли преслѣдовать ихъ, потому что были гораздо слабѣе числомъ.

Изъ этого мы видимъ, что въ тактическомъ отношеніи побѣда была далеко не полная. Французы успѣли сбить австрійцевъ со второй позиціи; но въ первой позиціи, отнятой въ началѣ боя, австрійцы спокойно остановились, не преслѣдуемые побѣдителями. За то нравственное дѣйствіе перваго серьёзнаго дѣла было довольно велико: французы и сардинцы увѣрились, что при равномъ числѣ сражающихся австрійцы не могутъ устоять противъ нихъ. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло въ первый разъ дѣйствовали новыя французскія нарѣзныя пушки, и французы говорятъ, что ихъ страшному дѣйствію болѣе всего обязаны побѣдою. Съ другой стороны тутъ же было въ первый разъ испытано искусство знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, и австрійцы увѣряютъ, что венсенскіе стрѣлки далеко уступаютъ этимъ отборнымъ мастерамъ своего дѣла. Само собою разумѣется, что тотъ и

другой фактъ одинаково оспариваются противниками: французы говорятъ, что въ тирольскихъ стрѣлкахъ нѣтъ ничего особенно хорошаго; австрійцы пишутъ, что французскія нарѣзныя пушки принесли имъ мало вреда. Надобно думать, что обѣ стороны правы, хваля свое оружіе, и обѣ только хотятъ уменьшить страхъ опасности въ своихъ рядахъ, отвергая дѣйствительность непріятельскаго огня. Такъ думать заставляетъ страшный урокъ, понесенный обѣими сторонами. Со стороны французовъ было въ дѣлѣ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ выбыло изъ строя около тысячи; число австрійцевъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, было отъ 12 до 15 тысячъ, изъ нихъ выбыло изъ строя болѣе 1,250 человѣкъ. Сраженіе длилось не очень много времени, и военные люди находятъ, что такая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ (около восьмой части людей бывшихъ въ дѣлѣ) была почти безпримѣрна въ подобныхъ стычкахъ прежнихъ войнъ. Ее надобно приписать, во французскихъ войскахъ, штуцерамъ тирольскихъ стрѣлковъ, а въ австрійскихъ— дѣйствію нарѣзныхъ пушекъ. О небывалой прежде мѣткости выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуетъ и непропорціональная потеря въ корпусѣ офицеровъ въ обоихъ отрядахъ. Изъ четырехъ полковыхъ командировъ и двухъ генераловъ, бывшихъ въ дѣлѣ, французы лишились одного генерала и трехъ полковыхъ командировъ; изъ шести человѣкъ уцѣлѣло только двое, да и то не совсѣмъ, потому что генералъ Форè также получилъ легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоитъ въ томъ случайномъ совпаденіи мѣстностей, что центромъ первой битвы въ нынѣшнемъ походѣ сдѣлалась деревня Монтебелло, при которой въ 1800 году Ланнъ одержалъ блистательную побѣду надъ австрійцами. Это дѣло служило вступленіемъ къ сраженію при Маренго, и отъ такого воспоминанія въ десять разъ усиливался эффектъ, произведенный нынѣшнею схваткою во французахъ и сардинцахъ.

Но едва ли не любопытнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то безцеремонное хвастовство, съ которымъ обѣ стороны уменьшали число своихъ и увеличивали число непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Французы говорили, что ихъ было всего только 5,000, или даже только 3,000, или даже только 2½ тысячи противъ 25,000 австрійцевъ. Цифра 5,000 находится даже въ оффиціальныхъ отчетахъ, хотя каждому легко сосчитать по нумерамъ полковъ и баталіоновъ, что сражалось болѣе 8,000 французовъ, и хотя достовѣрно, что австрійцевъ сражалось не болѣе 15,000, а вѣроятно менѣе, и другія части корпуса Стадіона не участвовали въ битвѣ. Гіулай, напротивъ, говоритъ, что 8,000 австрійцевъ сражались противъ 40,000 французовъ и удержались въ своей позиціи; 40,000 противниковъ

набираетъ онъ очень просто, считая весь корпусъ Бараге-д'Илье, къ которому принадлежитъ дивизія Форè; онъ могъ бы также легко показать и 250,000 противниковъ, стоило бы только считать всю французско-сардинскую армію. Какіе же Роландовскіе подвиги, кого ни послушать, Форé или Гіулая! Съ одной стороны 5,000 французовъ на голову разбили 25,000 австрійцевъ, съ другой стороны 8,000 австрійцевъ не были побѣждены 40,000 французовъ. Прелестно здѣсь согласіе въ опредѣленіи пропорціи: и по французскому, и по австрійскому отчету одинаково полагается одинъ свой солдатъ противъ пятерыхъ непріятелей.

Но если Гіулай не могъ перещеголять французовъ въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ ихъ далеко за собою тѣмъ отраднымъ самодовольствіемъ, съ какимъ излагаетъ Европѣ свое понятіе о результатѣ дѣла. Французы, оттѣснивши противниковъ, полтора раза превосходившихъ ихъ числомъ, кричали, что одержали полную побѣду,—тутъ нѣтъ еще ничего страннаго. Но Гіулай чуть не съ наслажденіемъ говоритъ, что сраженіе, въ которомъ сильный отрядъ его былъ разбитъ, совершенно соотвѣтствовало его намѣренію и удовлетворило его желанію. «Мы, говоритъ онъ, хотѣли заставить противниковъ выказать свои силы, и достигли въ этомъ успѣха.» Times очень не дурно подсмѣивается надъ такимъ тупоумнымъ усиліемъ утаить шило въ мѣшкѣ.

«Если кому нибудь угодно, говоритъ Times, потратить цѣлое утро совершенно понапрасну, пусть онъ проповѣдуетъ здравый смыслъ знаменитому медику или полководцу. Для этихъ людей задача не въ успѣхѣ,—успѣхъ пустая случайность,—а въ томъ, чтобы дѣйствовать по правиламъ искусства. Фортуна — капризница беретъ города и спасаетъ жизнь; правила искусства вѣчны и безспорны. Уморивъ 30 паціентовъ правильнымъ лѣченіемъ, докторъ идетъ въ кабинетъ, беретъ книгу, читаетъ ее и съ удовольствіемъ говоритъ себѣ, что не ошибся въ симптомахъ и что его рецепты всѣ были secundum artem. Его паціентъ воспользовался всѣми благами нынѣшняго совершенства науки и умеръ надлежащимъ образомъ. Чего же вамъ больше? Австрійскій генералъ яснымъ образомъ принадлежитъ къ той же школѣ. Онъ подвигается съ цѣлымъ корпусомъ и аттакуетъ позицію, на которой несомнѣннымъ образомъ долженъ найти сильнѣйшій отпоръ. Потерявъ 1,500 человѣкъ и такимъ образомъ «исполнивъ цѣль рекогносцировки» и «принудивъ непріятеля выказать всѣ свои силы», онъ отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ и пишетъ ученую реляцію. Что мы станемъ говорить съ людьми, у которыхъ принципы до такой степени различны отъ нашихъ?»

Само по себѣ, сраженіе при Монтебелло не имѣло никакихъ результатовъ. Но оно принесло союзникамъ большую пользу тѣмъ, что утвердило австрійцевъ въ мысли, будто французы хотятъ держаться большими силами на южномъ берегу По и думаютъ начать наступленіе по дороги отъ Вогеры къ Страделлѣ, чтобы перейти въ Ломбардію черезъ По между Павіею и Піаченцою. Блистательный отпоръ, данный ими австрійцамъ на правомъ берегу По, прикрылъ передвиженіе, которое сдѣлали они черезъ нѣсколько дней, перешедши черезъ По гораздо выше австрійской его части и сосредоточивъ свои силы на сѣверномъ берегу По, на дорогѣ изъ Верчелли въ Миланъ, посредствомъ отступленія къ Казале, — движеніе, которымъ рѣшена была судьба похода.

Около 20-го мая французы далеко еще не были готовы къ началу похода, и потому около полуторы недѣли не было никакихъ важныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ союзной арміи. Не раньше 30 (18) числа одинъ изъ отрядовъ ея встрѣтился съ австрійцами, — но за то уже тутъ каждый день стали совершаться дѣла, одно другаго важнѣе, и къ 5-му іюня (24 мая), въ одну недѣлю была кончена первая половина компаніи: въ 5 дней (съ 30-го мая до 3-го іюня) австрійцы были принуждены уступить двѣ оборонительныя линіи (Сезію и Тичино) на укрѣпленіе которыхъ было потрачено ими такъ много труда; въ 6-й день (4-го іюня) произошло генеральное сраженіе; на 7 день было ясно, что вся Ломбардія до Минчіо и Аддидже освобождена отъ поработителей, и что быстрота, съ которою произойдетъ очищеніе разныхъ ломбардскихъ областей и городовъ австрійцами и занятіе ихъ французами, зависитъ уже только отъ быстроты, съ какою способны двигаться назадъ одна армія, двигаться впередъ другая.

Читателю извѣстны главные факты этой чрезвычайной поспѣшной катастрофы: 30 и 31-го мая сардинцы два раза разбили сильные австрійскіе отряды у Палестро; 1-го іюня австрійцы отступали за Тичино съ крайнею торопливостью; 2-го іюня союзники подошли къ Тичино; 3-го іюня переправились черезъ него; 4 іюня (23 мая) разбили австрійскую армію у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этихъ дѣлъ, надобно намъ прежде всего ближе познакомиться съ театромъ ихъ.

Мы уже говорили, что въ послѣдней половинѣ мая австрійскія войска, бывшія на сѣверной сторонѣ По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинскихъ земель, занятыхъ ими въ началѣ похода, и сосредоточились въ четырехъ-угольникѣ между рѣками Сезіею, Тичино, По и городомъ Новарою. Сезія и Тичино идутъ съ сѣвера на югъ почти параллельно, немного расходясь въ южной части своего теченія, передъ впаденіемъ въ По. Сезія образовала за-

падную, Тичино восточную часть расположенія австрійской арміи; на сѣверѣ австрійцы сильными отрядами стояли до шоссе и желѣзной дороги, которыя бокъ-о-бокъ идутъ въ этихъ мѣстахъ, ведя изъ Турина въ Миланъ. Важнѣйшій пунктъ въ этой части ихъ, между Сезіею и Тичино—городъ Новара, гдѣ потерпѣли сардинцы окончательное пораженіе въ 1848 году. На западномъ берегу Сезіи, очищенномъ австрійцами, стоитъ на этой же желѣзной дорогѣ (и шоссе) городъ Верчелли, еще въ половинѣ мая занятый сардинцами, а нѣсколько южнѣе село Палестро. Южную границу четырехъугольника составляетъ По. Въ южной сторонѣ широта четырехъугольника, занятаго австрійцами, составляетъ верстъ 40, въ сѣверной части верстъ 30 по прямому направленію, длина четырехъугольника отъ По до Миланской дороги (Новары) тоже верстъ 40.

Ясно, какой смыслъ имѣло это расположеніе. На югѣ австрійцы защищали По, на сѣверѣ миланскую дорогу; они думали, что союзникамъ трудно будетъ выбить ихъ изъ этого положенія, защищаемаго съ фронта рѣкою Сезіею; а по отступленіи съ Сезіи у нихъ оставалась другая защита, рѣка Тичино.

Ясно также, какой смыслъ имѣли битвы 30 и 31 мая при Палестро, и битва 4 іюня при Маджентѣ: — первыми двумя сардинцы сбили австрійцевъ на югъ съ миланской дороги между Сезіею и Тичино, третьею битвою союзники очистили себѣ дорогу отъ Тичино до Милана, отбросивъ австрійцевъ къ югу. Но какъ произошли эти битвы и наступательныя движенія союзниковъ, имъ предшествовавшія? Какимъ образомъ было произведено движеніе для сосредоточенія растянутыхъ до той поры отъ Верчелли, черезъ Алессандрію, до Вогеры союзныхъ войскъ между Сезіею и Тичино, въ средней части ихъ теченія отъ Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дорогѣ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ? Какимъ образомъ совершился этотъ блистательный фланговый маршъ, которымъ вся союзная армія обошла правый (сѣверный) флангъ непріятельскаго расположенія? Извѣстія французскихъ, сардинскихъ и бельгійскихъ газетъ объ этомъ маневрѣ чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притомъ такъ, что одинъ и тотъ же корреспондентъ въ двухъ письмахъ сообщаетъ несообразные между собою клочки извѣстій, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Какъ ни старались мы составить изъ нихъ сколько нибудь связный разсказъ, все-таки выходило что-то дикое. Напримѣръ, по всѣмъ извѣстіямъ оказывалось, будто бы двойное сраженіе при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самомъ переходѣ черезъ Сезію, какъ будто бы тутъ сардинцы въ первый разъ хотѣли проникнуть за эту рѣку; а между тѣмъ, по письмамъ тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ видно было, что сардинская дивизія

Чальдини еще съ 21 мая стояла на восточной сторонѣ Сезіи. Какимъ образомъ она вновь являлась переходящею черезъ Сезію, 30 мая, если перешла черезъ нее 21 и не была послѣ того тревожима австрійцами? И зачѣмъ австрійцы перепустили ее такъ свободно 21 мая? Какъ они могли 30 мая защищать переходъ черезъ рѣку, который былъ уже давно отнятъ у нихъ, или, лучше сказать, уступленъ ими почти безъ боя 21 мая? И какимъ образомъ, 31 мая, сардинцы, въ началѣ втораго боя, являются отступающими къ Палестро, если бой начался тѣмъ, что австрійцы прямо подступили къ этой деревнѣ, чтобы выбить изъ нея непріятеля, еще не ходившаго дальше нея? И какую связь имѣли эти сардинскія битвы на среднемъ теченіи Сезіи съ движеніями главныхъ союзныхъ силъ, которыя вдругъ являются, 1 іюня, уже довольно далеко на востокъ за Палестро, близко къ Тичино, когда предполагается по всѣмъ извѣстіямъ, что австрійцы еще оспариваютъ переходъ черезъ Сезію? — всѣхъ этихъ и многихъ другихъ безсвязностей и противорѣчій никакъ нельзя было объяснить по извѣстіямъ континентальныхъ газетъ. Наконецъ, мы получили тѣ нумера Times'а, въ которыхъ помѣщены письма корреспондента этой газеты изъ Верчелли, отъ 31 мая, и изъ Палестро, отъ 1 іюня. Онъ одинъ оказывается наблюдателемъ, умѣвшимъ узнать дѣло и разсказать его порядочнымъ образомъ; у него одного факты изложены связнымъ и понятнымъ образомъ. Потому, отбрасывая всѣ нелѣпые разсказы другихъ газетъ, приходящихъ сюда раньше англійскихъ, мы просто переводимъ его письма. Думая, что вставлять въ нихъ клочки изъ другихъ извѣстій, съ перваго раза оказывавшихся безтолковыми, значило бы только портить разсказъ корреспондента Times'а, мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что въ выноскахъ прибавляемъ нѣкоторыя поясненія. Такимъ образомъ читатели, если и будутъ лишены множества эффектныхъ картинъ съ громкими фразами, которыми изобилуютъ континентальныя газеты, то покрайней мѣрѣ будутъ въ состояніи ясно понимать ходъ дѣла.

Верчелли. 31 мая.

«По обѣщанію пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вамъ. Не ожидайте, чтобъ это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень многое, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и писать. Тайна нынѣшней необыкновенной дѣятельности, столь сильно противорѣчащей тишинѣ послѣдняго мѣсяца, объясняется двумя словами: союзныя арміи кончили свои приготовленія и двигаются впередъ, двигаются съ такою быстротою и энергіею, которая за-

ставляетъ умолкнуть нетерпѣливыхъ, ожидавшихъ битвы за битвою и побѣды за побѣдою черезъ 24 часа послѣ того, какъ генуэзцы и туринцы привѣтствовали восторженными криками прибытіе первыхъ французскихъ войскъ.

«Безспорно, мы должны быть очень благодарны австрійцамъ, которые дали намъ кончить всѣ эти приготовленія, не думая мѣшать нашимъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ движеній въ родѣ наступленія къ Монтебелло и маленькихъ стычекъ на Сезіи.

«Были люди, улыбавшіеся при мысли, что императоръ лично принимаетъ командованіе арміею. Они должны были бы посмотрѣть на мѣстѣ, какъ собиралась эта великолѣпная армія, какъ снабжалась она всѣмъ нужнымъ, какъ принимались всѣ мѣры для огражденія ея, въ случаѣ покушеній непріятеля помѣшать приготовленіямъ; они должны были бы посмотрѣть, какъ эта армія съ безпримѣрною быстротою перенеслась въ назначенное мѣсто, и вѣроятно они перестали бы улыбаться, потому что все это произведено самимъ императоромъ: онъ все организуетъ, онъ управляетъ и руководитъ. Одинъ фактъ самымъ яснымъ образомъ покажетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Не далѣе какъ четыре или пять дней тому назадъ главныя силы французовъ были расположены отъ Вогеры по южному берегу По къ Алессандріи, Валенцѣ и Казале, а нынѣ эта масса, за исключеніемъ одной гвардіи, перешла Сезію, и все движеніе совершилось безъ всякой запутанности, безъ всякихъ промаховъ и съ такимъ великимъ искусствомъ, что до третьяго дня общее мнѣніе полагало, что движеніе арміи произойдетъ по совершенно другому направленію, именно къ востоку. Это убѣжденіе было такъ сильно, что всѣ вѣрили нарочно распущенному слуху, будто бы главная квартира императора будетъ перенесена въ Вогеру. Сборы императора выѣхать изъ Алессандріи много содѣйствовали такому успѣху.

«Только третьяго дня и вчера движеніе приняло свой истинный характеръ. До той поры главною задачею было—принять оборонительное положеніе и ввести въ линію французскую армію. Понять, какую массу составляетъ армія, имѣющая болѣе 100,000 человѣкъ, такъ же трудно, какъ пріобрѣсти ясное понятіе о величности суммы въ нѣсколько милліоновъ. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображеніе не можетъ сравниться съ дѣйствительностью. И надобно знать, что всѣ военные запасы и большую часть всего продовольствія надобно перевозить изъ Франціи, т. е. надобно перевозить сотни тысячъ тоннъ багажа, артиллеріи, аммуниціи и понтоновъ. Необходимо было сдѣлать все это безъ всякаго замѣшательства, потому что малѣйшая запутанность замедлила бы всѣ приготовленія страшнымъ образомъ. И вотъ французскія войска, по

мѣрѣ того какъ прибывали, посылались на разныя позиціи, чтобы остановить всякое покушеніе со стороны австрійцевъ. Такимъ образомъ французская армія постепенно расположилась по южному берегу По, отъ Кастеджіо, Вогеры, Кастельнуово и Сале до Бастиньяно; Алессандрія и Тортона были базисами ея расположенія; а піэмонтская армія занимала линію отъ Валенцы до Казале и, по отступленіи австрійцевъ, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переходъ черезъ Сезію, одну изъ тѣхъ широкихъ, болотистыхъ рѣкъ, которыми пересѣкаются долины верхней Италіи. Черезъ нее былъ только одинъ мостъ въ Верчелли, построенный на прекрасныхъ каменныхъ аркахъ. Онъ служилъ вмѣстѣ, и для желѣзной дороги, и для большаго шоссе, ведущихъ въ Новару. Австрійцы, отступая, взорвали двѣ арки этого превосходнаго моста; поправка ихъ на глазахъ австрійцевъ была бы дѣломъ слишкомъ долгимъ и труднымъ и конечно слишкомъ привлекла бы ихъ вниманіе на этотъ пунктъ. Потому сардинская дивизія Чальдини получила приказаніе перейти Сезію въ бродъ; это было исполненно съ полнымъ успѣхомъ болѣе недѣли тому назадъ. Чальдини утвердился въ Борго-Верчелли, первомъ значительномъ мѣстечкѣ по дорогѣ въ Новару (*). Послѣ того немедленно поправили мостъ, и такимъ образомъ учредили свободное сообщеніе между обоими берегами рѣки. Масса сардинской арміи постепенно сосредоточилась въ этомъ пунктѣ и французскіе отряды заняли позиціи, оставленныя австрійцами (**).

«Третьяго дня (29 — 17 мая) самъ король перенесъ свою главную квартиру изъ Казале въ Борго-Верчелли за Сезію. Французскіе инженеры къ этому времени уже построили еще другой мостъ для облегченія перехода, и французскія войска начали переправляться черезъ

(*) Борго-Верчелли лежитъ верстахъ въ трехъ на востокъ отъ Сезіи и нѣсколько сѣвернѣе города Верчелли, стоящаго на западномъ берегу рѣки.

(**) Изъ этого ясно, что австрійцы просто не обращали вниманія на движенія Чальдини, упорствуя въ своемъ предположеніи, что главныя силы союзниковъ непремѣнно должны начать наступленіе къ Ломбардіи по прямой линіи отъ своего первоначальнаго расположенія, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаться вторгнуться въ Ломбардію прямо черезъ По въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка служитъ границею Сардиніи, т. е. между Павіею и Піаченцею. Въ этой мысли конечно укрѣпляло ихъ то обстоятельство, что до послѣдней минуты главная квартира императора Французовъ оставалась въ Алессандріи; это свидѣтельствовало, по ихъ мнѣнію, что французская армія не измѣняетъ своего расположенія. Были даже, какъ мы прочли уже, нарочно распускаемы слухи, что главная квартира переносится въ Вогеру, т.-е. по прямой дорогѣ изъ Алессандріи къ пограничной части рѣки По. Движеніе Чальдини вѣроятно считали австрійцы просто диверсіею, дѣлаемою для, того чтобы отвлечь ихъ вниманіе съ юга на сѣверъ.

рѣку. Въ этомъ ихъ движеніи съ праваго крыла на лѣвое важную роль играла желѣзная дорога, и надобно сказать, что для перваго опыта примѣнить желѣзныя дороги къ военнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, этотъ маневръ былъ блистателенъ (*). Войска, которымъ нужно было бы пять или шесть дней тяжелаго похода, въ пять или шесть часовъ достигли къ мѣсту своего назначенія. Это имѣло еще и ту выгоду, что войскамъ, шедшимъ по обыкновенной дорогѣ, оставался просторный путь, между тѣмъ какъ шоссе загромоздилось бы, если бы всѣ войска шли по немъ; не говорю о томъ, что огромная масса войскъ, перевезенная по желѣзной дорогѣ, избавилась отъ утомленія форсированныхъ маршей.

«Впрочемъ это послѣднее обстоятельство, избавленіе отъ форсированнаго марша, было для французской арміи менѣе нужно, чѣмъ для всякой другой. Еслибъ не огромность ея массы, можно бы подумать, что она составлена изъ отборныхъ солдатъ. Большая часть солдатъ, люди служившіе довольно долго; вообще они имѣютъ отъ 25 до 30 лѣтъ; по ихъ свободной и твердой поступи вы узнали бы въ нихъ опытныхъ служакъ, если бы и не блистали повсюду въ ихъ рядахъ крымскія медали.

«Вчера вечеромъ (30 мая) значительная часть французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ переходу черезъ Сезію, была уже на восточномъ берегу рѣки и съ той поры безъ перерыва идутъ другія войска черезъ мосты. Пѣхота, кавалерія, артиллерія, зарядные ящики, аммуниція, обозъ французскій и сардинскій, идутъ сплошною цѣпью, перерываясь только на тѣ минуты, когда ѣдутъ съ той стороны лазаретныя дроги съ ранеными, своими и непріятелями; каждый сторонится передъ этимъ поѣздомъ. Поразительнѣе всего въ союзныхъ войскахъ спокойный и веселый духъ, господствующій не смотря на частыя затрудненія и невзгоды, неизбѣжныя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

(*) Отъ Алессандріи, верстахъ въ десяти-пятнадцати вдоль по южному берегу По, идетъ желѣзная дорога къ ломбардской границѣ. Тортона лежитъ на этой дорогѣ верстахъ въ двадцати на востокъ отъ Алессандріи; Вогера верстъ на пятнадцать на востокъ отъ Тортоны. Почти прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ, отъ Алессандріи идетъ въ Верчелли также желѣзная дорога, переходящая черезъ По въ Казале, гдѣ была до 29 мая главная квартира сардинскаго короля. Казале лежитъ отъ Алессандріи верстахъ въ 30 на сѣверъ; Верчелли еще верстъ на 20 далѣе къ сѣверу, такъ что все разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ Алессандріи до Верчелли составляетъ верстъ 50, а отъ Вогеры верстъ 80. Итакъ французы уѣхали отъ австрійцевъ съ южнаго берега По по желѣзной дорогѣ на западъ до того мѣста, гдѣ переправа черезъ По была свободна, и потомъ повернули, также по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу.

«Вчера, въ годовщину битвы при Гоито, когда піэмонтцы, 11 лѣтъ чему назадъ, совершили блистательный переходъ черезъ Минчіо (30 мая), было назначено начать наступленіе.

«Сардинцамъ была предоставлена честь идти впередъ подъ личнымъ предводительствомъ короля. Вы знаете изъ реляцій, что послѣ упорнаго сопротивленія они овладѣли деревнями Палестро, Казалино и Винзаліо, лежащими по дорогѣ къ Мортарѣ (*). Двѣ пушки и до трехъ сотъ плѣнниковъ (въ томъ числѣ раненные) были трофеями побѣды. Слава ея вполнѣ принадлежитъ сардинцамъ, потому что хотя значительныя силы французскихъ войскъ были уже за Сезіею, но не участвовали въ сраженіи. Сардинцы вполнѣ заслуживали этой чести, потому что по всѣмъ разсказамъ сражались очень храбро. Упорность, съ какою отбивались австрійцы, надобно въ значительной степени приписать характеру мѣстности, чрезвычайно благопріятному для обороны. Представьте себя низменную поляну, пересѣченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лѣсомъ, достаточно густымъ для того, чтобы прикрыть обороняющихся и не давать наступающему мѣста развернуть силы. Деревни построены изъ кирпича и дикаго камня, такъ что каждый домикъ въ нихъ легко обращается въ крѣпостцу, а каждая изъ многочисленныхъ фермъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ, составляетъ крѣпкую позицію. Не можетъ быть мѣстности болѣе удобной для задержки наступающаго непріятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линія австрійскихъ войскъ состояла изъ итальянцевъ и большая часть плѣнниковъ, захваченныхъ вчера, ломбардцы. Ихъ заперли въ церковь и они служатъ предметомъ большаго любопытства.

«Французскіе солдаты боятся теперь только того, чтобы австрійцы не отняли у нихъ случая подраться въ открытомъ полѣ. Это опасеніе объясняется непостижимыми движеніями австрійцевъ, которые дали французамъ полную свободу кончать приготовленія. Быть можетъ они хотятъ драться на позиціи, которую сами выберутъ, а быть можетъ, что они обмануты внезапнымъ движеніемъ французовъ на Сезію, зная послѣ сраженія при Монтебелло, что французы сосредоточены на южномъ берегу По. Вѣрнѣе всего предполагать, что обѣ причины вмѣстѣ заставляютъ ихъ отступать.

(*) Изъ этого мы видимъ, что первое сраженіе при Палестро было слѣдствіемъ наступленія союзниковъ уже съ восточнаго берега Сезіи далѣе къ Тичино, а не возникло изъ того, какъ говорили другія газеты, будто бы австрійцы не перепускали союзниковъ черезъ рѣку. Дѣйствительно, какъ могли австрійцы 30 мая защищать Сезію противъ города Верчелли, когда оба берега рѣки въ этихъ мѣстахъ были уже заняты сардинцами 21 мая.

Извѣстно, что третьяго дня главныя силы австрійцевъ были еще на южномъ берегу По. Едва послѣдніе ряды французовъ вышли изъ Вогеры, какъ слышался уже тамъ стукъ австрійскихъ барабановъ. Третьяго дня австрійцы заняли Вогеру и сожгли ее.

«Несомнѣнно то, что австрійцы медленно отступаютъ передъ сардинцами по направленію къ Мортарѣ (*) и что они также безъ сраженія отступаютъ къ Новарѣ.»

«Палестро, 1-го іюня (20 мая).

«Вамъ извѣстны реляціи о двухъ удачныхъ дѣлахъ, которыми сардинцы третьяго дня и вчера начали свое наступленіе, и для васъ, вѣроятно, будетъ интересно услышать подробности объ этихъ блистательныхъ сраженіяхъ, которыми сардинцы открыли походъ. По своему размѣру эти дѣла едва могутъ называться сраженіями, но блескомъ своимъ ни мало не уступаютъ они дѣлу при Монтебелло, а результатомъ навѣрное превосходятъ его.

«Вы помните, что по мѣрѣ того, какъ австрійцы отступали съ Доры, до которой дошли было ихъ аванпосты, сардинская армія занимала позиціи, покидаемыя непріятелями (*). На Сезіи, довольно значительной рѣкѣ, австрійцы остановились и укрѣпили всѣ слабые пункты переправы черезъ нее, какъ будто бы рѣшившись обороняться на этой линіи. Линія Сезіи вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ неприступнымъ позиціямъ, на которыхъ горсть людей можетъ останавливать цѣлыя арміи; но все-таки, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ По, она представляетъ значительныя выгоды обороняющемуся. Какъ всѣ рѣки сѣверной Италіи, она течетъ широкимъ русломъ, пересѣченнымъ маленькими островами и отмелями, а берега ея покрыты густыми рядами деревьевъ, дающими хорошую защиту.

«Въ Верчелли переходитъ черезъ Сезію дорога въ Новару и другая дорога въ Мортару; въ этомъ городѣ сходятся и двѣ желѣзныя дороги, одна, ведущая съ юга къ Лаго-Маджіоре, а другая изъ Сардиніи въ Миланъ. Потому Верчелли, будучи ключемъ сообщеній между Сардиніею и Ломбардіею, составляетъ важный стратегическій

(*) Мортара лежитъ верстахъ 20 на востокъ отъ Верчелли и также верстахъ 20 прямо на югъ отъ Новары, то есть отъ прямой дороги изъ Турина и Верчелли въ Миланъ. Новара на сѣверѣ и Мортара въ средней части четыреугольника, который занимали австрійцы, лежатъ почти на одинаковомъ разстояніи между Сезіею и Тичино.

(*) Дора течетъ почти параллельно съ Тичино и Сезіею верстъ на 35 къ западу отъ Сезіи, такъ что отъ ея устья остается до Турина по прямому пути верстъ 30. Австрійцы начали отступать съ Доры около 13-го (1-го) мая.

пунктъ въ странѣ, которая вся пересѣчена рвами и канавами, устроенными для орошенія полей.

«Отступая изъ Верчелли, австрійцы разрушили единственный мостъ, служившій и для шоссе, и для желѣзной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла желѣзная дорога). Взорвавъ двѣ среднія арки моста, австрійцы разорвали важнѣйшую линію сообщеній съ Новарою и всею мѣстностью между Тичино и Сезіею.

«Десять дней тому назадъ, какъ вы знаете, дивизія Чальдини перешла въ Борго-Верчелли, деревню, которая находится по дорогѣ въ Новару, миляхъ въ двухъ (верстахъ въ трехъ) отъ Сезіи. Съ той поры она стояла тутъ, не будучи ни мало тревожима австрійцами, расположенными въ сосѣднихъ деревняхъ.

«30-го мая было назначено оттѣснить австрійцевъ съ ихъ позицій по дорогѣ къ Мортарѣ. Съ дороги изъ Верчелли въ Новару отдѣляются на правой рукѣ двѣ вѣтви, идущія на разстояніи около одной мили (полторы версты) одна отъ другой. Одна изъ этихъ вѣтвей отдѣляется съ большой дороги при деревнѣ Борго-Верчелли. Обѣ они идутъ почти параллельно между собою въ юго-восточномъ направленіи и наконецъ соединяются въ Роббіо, миляхъ въ десяти (верстахъ въ шестнадцати) отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ выходятъ (*). Миляхъ въ двухъ отъ начала этихъ вѣтвей стоятъ на нихъ,—на одной деревня Палестро, на другой деревня Винзаліо; обѣ эти деревни, находящіяся почти другъ противъ друга, были заняты австрійскими авангардами и укрѣплены баррикадами; въ каждой деревнѣ стояло 1,500 человѣкъ и половина батареи.

«Какъ при переходѣ черезъ Сезію, такъ и теперь, движеніемъ для оттѣсненія австрійцевъ командовалъ самъ король. Дивизія Чальдини была раздѣлена на двѣ колонны, которыя одновременно пошли, одна на Палестро, другая на Винзаліо.

«Чтобы понять вамъ трудности, съ которыми должны были бороться сардинцы, я долженъ описать вамъ ту мѣстность. Вся страна на востокъ отъ Сезіи составляетъ одну массу хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, раздѣляемыхъ насыпями, сдѣланными для проѣздовъ, и канавами отъ 3 до 4 футовъ глубины, для орошенія. Межи этихъ участковъ густо усажены деревьями, большею частью тополями и платанами, а самыя поля густо усажены шелковичными деревьями. После проливныхъ дождей хлѣбъ имѣлъ роскошный ростъ и вообще стоитъ теперь вышиною покрайней мѣрѣ отъ 5 до 6 фу-

(*) Роббіо стоитъ на дорогѣ изъ Верчелли въ Мортару, нѣсколько ближе къ Мортарѣ, нежели къ Верчелли.

товъ, доставляя такимъ образомъ превосходное прикрытіе для стрѣлковъ. Рисовыя поля, напротивъ, до сихъ поръ всѣ остаются подъ водою: для ровнаго распредѣленія воды и управленія орошеніемъ сдѣланы маленькія насыпи отъ одного до двухъ футовъ вышиною, идущія по полямъ зигзагами сообразно съ наклоненіемъ мѣстности. По такому-то округу идутъ двѣ дороги, образуемыя искусственными насыпями и возвышающіяся иногда футовъ на 20, а иногда и больше надъ уровнемъ окружающихъ полей и надъ дорожками, которыя идутъ по полямъ и отъ фермы къ фермѣ почти на одномъ уровнѣ съ полями. По этимъ маленькимъ дорожкамъ до сихъ поръ проходъ еще труденъ послѣ весеннихъ дождей. Изъ этого очерка, безъ котораго невозможно составить понятія о ходѣ битвы, вы можете видѣть, какъ затруднительно было наступленіе и какія выгоды были для обороны. Во первыхъ, совершенно невозможно было сколько нибудь развернуть силы и воспользоваться числительнымъ превосходствомъ. Во вторыхъ, артиллерію можно было ставить только на двухъ шоссе, — остальная мѣстность не позволяетъ провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на немъ больше двухъ пушекъ. Наконецъ, какъ бы для засвидѣтельствованія сардинской храбрости, положеніе обѣихъ деревень само по себѣ очень крѣпко. На ружейный выстрѣлъ передъ ними течетъ канализированная рѣчка Боджеа-Бузеа. Эта быстрая рѣчка имѣетъ покрайней мѣрѣ 15 футовъ ширины и 5 глубины. Кромѣ моста на каждомъ изъ двухъ шоссе, другихъ мостовъ черезъ нее нѣтъ. Передъ деревнями мѣстность имѣетъ легкій подъемъ, начиная съ 300 ярдовъ (125 саженъ) отъ мостовъ, а потомъ вдругъ обрывисто подымается на высоту отъ 20 до 30 футовъ. На этомъ крутомъ пригоркѣ построены деревни, а самыя шоссе, для которыхъ такой отвѣсный подъемъ былъ бы невозможенъ, прорѣзаны сквозь возвышеніе, будто бы широкія желѣзныя дороги, и съ обѣихъ сторонъ возвышаются надъ ними отвѣсныя крутизны прорѣза. При входахъ въ обѣ деревни австрійцы устроили баррикады. Подобно всѣмъ итальянскимъ деревнямъ, оба села выстроены исключительно изъ дикаго камня и кирпича; главныя улицы въ нихъ почти совершенно прямыя; по этимъ улицамъ идутъ шоссе. Тутъ стоитъ церковь старинной постройки съ высокой колокольней, которая въ военное время прекрасно служитъ для открытія непріятеля, приближающагося по прямому шоссе. Дворы домиковъ кругомъ обнесены постройками, оконъ въ нихъ мало, да и тѣ очень не велики, такъ что каждый домикъ составляетъ маленькій редутъ, запершись въ которомъ мужественный противникъ можетъ дорого продать побѣду нападающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приближалась къ Палестро, отдѣленіе 16-й батареи выѣхало впередъ и стало бомбардировать деревню, а баталіонъ берсальеровъ и одинъ баталіонъ 15-го линейнаго полка были посланы въ обходъ на право отъ шоссе по одной изъ маленькихъ дорожекъ и черезъ поля, чтобы напасть на деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Къ тому времени, какъ эта колонна подходила къ первымъ домикамъ, непріятель съ фронта началъ колебаться отъ артиллерійскаго огня. Какъ только это было замѣчено, другой баталіонъ 15-го линейнаго полка двинулся скорымъ шагомъ. Этою двойною аттакою деревня была очищена отъ австрійцевъ, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стѣною. Они поставили нѣсколько пушекъ на шоссе за деревнею, на одной линіи съ кладбищемъ, чтобы стрѣлять по сардинцамъ, когда они двинутся за деревню. На срединѣ села, на шоссе стоитъ церковь, и шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поворотъ; потому когда австрійцы были вытѣснены изъ деревни, сардинцы въ деревнѣ не терпѣли вреда отъ пушекъ, поставленныхъ непріятелемъ на шоссе за деревнею. Чтобы заставить замолчать эти орудія, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрійцы быстро подбили ихъ. Тогда сардинцы выставили другое отдѣленіе 16-й батареи; оно скоро заставило непріятеля прекратить огонь. Немедленно послѣ этого австрійцы удалились, и піэмонтцы остались владѣтелями деревни, захвативъ довольно много плѣнныхъ.

«Деревня Винзальйо по своему положенію болѣе крѣпка и страшна при оборонѣ; но сардинцы встрѣтили тамъ меньше сопротивленій. Она была также взята штыками, а пороху сардинцы истратили тутъ мало. Эта деревня была очищена австрійцами нѣсколько раньше Палестро, и едва сардинцы успѣли выбить ихъ съ кладбища у Палестро, по узкой дорогѣ изъ Винзальйо въ Палестро прибыли двѣ австрійскія пушки съ прикрытіемъ,—непріятель еще надѣялся найти своихъ въ этой деревнѣ. Какъ только сардинцы замѣтили приближеніе этихъ орудій, они послали изъ Палестро отрядъ, который безъ затрудненія взялъ ихъ, потому что прислуга, обрѣзавъ постромки, ускакала. Эти двѣ пушки были первыми, взятыми въ нынѣшній походъ. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отосланы въ Верчелли.

«Дивизія Чальдини стала на ночь въ Палестро. Вечеромъ пришелъ 3-й полкъ зуавовъ, бывшій въ Крыму, а теперь отданный императоромъ въ распоряженіе короля сардинскаго.

«Такъ совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часовъ въ девять, замѣчено было, что австрійцы приближаются повидимому съ намѣреніемъ отбить у сардинцевъ позицію, потерянную наканунѣ. Хотя колокольня церкви въ селѣ довольно

высока, но благодаря характеру мѣстности, описанному мною, ихъ приближеніе не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще меньше можно было разгадать ихъ планъ. За деревнею земля покрыта преимущественно хлѣбными полями, между тѣмъ какъ въ мѣстности, пройденной сардинцами до деревни, господствуютъ рисовыя поля. По сосѣдству съ деревнею на поляхъ деревьевъ мало, стало быть мѣстность благопріятнѣе для того, чтобы развертывать силы въ боевую линію.

«Австрійская канонада противъ деревни продолжалась уже нѣсколько времени; но все еще нельзя было угадать ихъ истиннаго плана. Вдругъ съ праваго фланга сардинцевъ, на той канализированной рѣчкѣ, о которой я упоминалъ, показался большой непріятельскій отрядъ съ двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрійцы хотятъ ни больше, ни меньше, какъ отрѣзать передовой сардинскій отрядъ отъ Сезіи. Какъ только это было замѣчено, сардинцы, двинувшіеся главными своими силами впередъ за деревню противъ австрійцевъ, послали съ крайняго праваго своего фланга полкъ зуавовъ и два свои батальйона (одинъ 9-го, другой 18-го линейнаго полка) противъ непріятеля, показавшагося на рѣчкѣ. Одушевленные братскимъ соревнованіемъ, эти храбрецы бросились на позицію, занятую австрійцами на правомъ ихъ флангѣ и, несмотря на страшный картечный огонь, встрѣтившій ихъ, сдѣлали великолѣпную аттаку на австрійскія пушки. Имъ надобно было пройти около 400 ярдовъ (175 саженъ) подъ убійственными непріятельскими выстрѣлами, и правда, что изъ ихъ рядовъ было вырвано огнемъ много людей; но жаръ ихъ не остылъ и, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, они бросились въ штыки. Аттака была такъ стремительна, что тирольскіе стрѣлки, выдвинутые цѣпью впереди батарей, не успѣли отступить, а прибѣжали къ батареямъ перемѣшанные съ сардинцами и зуавами. Восемь пушекъ и много плѣнныхъ были результатами этой блистательной аттаки. Изъ восьми пушекъ пять очутились въ рукахъ у зуавовъ, три у сардинцевъ; но стремительность нападенія была такъ мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кѣмъ была взята. Кромѣ этихъ восьми пушекъ, отъ 800 до 900 плѣнныхъ и раненныхъ попалось въ руки союзниковъ. Число убитыхъ пропорціонально этой цифрѣ. Первая забота обратилась, натурально, на раненныхъ и справедливость требуетъ сказать, что австрійцы, которымъ судьба опредѣлила быть раненными и попасть въ плѣнъ, не могутъ жаловаться на обращеніе союзниковъ съ ними. Такая заботливость должна производить на этихъ бѣдняковъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать съ плѣн-

ными самымъ дурнымъ образомъ. Поэтому, напримѣръ, былъ случай, что австрійскій солдатъ, раненный подъ Вогерою въ животъ и въ голову, четыре дня прятался въ погребѣ, не ѣвши и не пивши и перевязывая свои раны носовымъ платкомъ.

«Какъ серьёзна была битва, можно судить по числу раненныхъ, привезенныхъ со вчерашняго дня и все еще продолжающихъ прибывать въ Верчелли. Это темная сторона войны. Бѣдняки переносятъ свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видѣть ихъ блѣдныя лица, раздробленные члены, ихъ окровавленное платье и слышать стоны, вырывающіеся у нихъ противъ воли.

«Австрійскіе плѣнники возбуждаютъ здѣсь, натурально, большое любопытство. Не знаю, быть можетъ нарочно на передовыхъ позиціяхъ были поставлены самые молодые солдаты, но какъ бы то ни было, почти всѣ плѣнные просто мальчики. Не удивительно, что они не устояли противъ возмужалыхъ піэмонтцевъ и притерпѣвшихся къ военнымъ трудностямъ зуавовъ. Любопытно также, что большинство ихъ, принадлежавшее къ полку Вимпфена, набранному въ славянскихъ провинціяхъ на адріатическомъ берегу, говоритъ по-итальянски. По всей вѣроятности, австрійцы хотѣли показать, что могутъ вполнѣ полагаться на свои итальянскіе полки.»

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, вотъ еще отрывокъ изъ письма другаго (туринскаго) корреспондента Times'а.

«Туринъ, 2 мая (23 мая).

«Король сардинскій выказалъ тутъ (при Палестро) неудержимую храбрость, которой онъ отличается. Онъ самъ водилъ войско въ аттаку на батарею, какъ будто бы простой капитанъ, желающій поскорѣе получить майорскіе эполеты. Его отвага пріобрѣла ему любовь зуавовъ, они провозгласили его своимъ товарищемъ и наградили чиномъ капрала зуавской службы. «Онъ можетъ быть доволенъ, мы его выбрали единодушно», говорятъ они: il doit être content, il a été élu à l'unanimité. На первый разъ это хорошо, и примѣръ короля безъ сомнѣнія имѣлъ хорошее дѣйствіе на армію; но мѣсто главнокомандующаго не въ головѣ батальйона, идущаго въ аттаку, и Викторъ Эммануэль долженъ помнить, что его смерть запутала бы положеніе дѣлъ и могла бы повредить интересамъ, которые и теперь, по мнѣнію многихъ, не совершенно ограждены отъ опасности (*). Говорятъ, императоръ французовъ сказалъ ему, что онъ

(*) Корреспондентъ намекаетъ на опасность, грозящую самостоятельности Италіи не отъ однихъ враговъ, но и отъ союзниковъ. Мы увидимъ, что многіе итальянцы боятся французовъ.

долженъ болѣе щадить свою жизнь, если хочетъ быть королемъ итальянскимъ. Но характеръ короля рѣшительно боевой, и я увѣренъ, что онъ находитъ положительное наслажденіе въ экзальтаціи схватки и въ запахѣ австрійскаго пороха, вспыхивающаго у него подъ носомъ. Достовѣрнѣйшіе изъ здѣшнихъ разсказовъ о битвѣ при Палестро свидѣтельствуютъ, что австрійцы ниже своихъ противниковъ въ дѣйствованіи штыкомъ, и не могутъ устоять противъ этого оружія во французскихъ или піэмонтскихъ рукахъ. Фактъ то, что изъ привезенныхъ теперь сюда австрійскихъ раненыхъ огромное большинство имѣющихъ рану штыкомъ получили ее сзади. Кажется, робость овладѣваетъ ими въ рѣшительную минуту схватки. Нѣкоторые изъ итальянцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при Палестро, разсказываютъ любопытныя подробности объ итальянскихъ солдатахъ австрійской арміи. Говорятъ, что итальянцы были поставлены въ первую линію, а позади ихъ кроаты. Когда союзники подошли, одинъ изъ солдатовъ (это передаетъ его товарищъ, солдатъ той же роты) замѣтилъ офицеру, что грустно имъ, итальянцамъ, быть принужденными сражаться въ Италіи противъ итальянцевъ. У офицера въ рукахъ была обнаженная шпага и онъ отвѣчалъ на неосторожное замѣчаніе тѣмъ, что заколол солдата. Потомъ онъ обратился къ ротѣ и сказалъ, что если они не будутъ исполнять своей обязанности, кроаты, стоящіе за ними, будутъ стрѣлять по нимъ. Разумѣется, имъ оставалось только сражаться, и вѣроятно они «исполнили свою обязанность», если справедливо говоритъ плѣнный, что изъ 165 человѣкъ, составлявшихъ его роту, осталось въ живыхъ только 16. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ прежде, что итальянцы въ австрійскихъ войскахъ сражаются отчаянно. Но сдѣлавъ первый залпъ, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшаго ихъ товарища. Другія итальянскія роты падали на землю, пропуская сардинцевъ далѣе. Таковы разсказы плѣнниковъ, и надобно сказать, что они носятъ на себѣ печать истины. Австрійцы, разумѣется, будутъ оспаривать ихъ справедливость, но такое опроверженіе едва ли должно имѣть много вѣсу.»

Разсказы англійскихъ корреспондентовъ, переведенные нами, имѣютъ не одно то достоинство, что очень яснымъ образомъ знакомятъ насъ съ обстоятельствами битвъ при Палестро, совершенно безтолково разсказываемыхъ континентальными газетами. Они также одни только представляютъ настоящее отношеніе между участіемъ сардинскихъ и французскихъ войскъ въ одержанной побѣдѣ. По французскимъ и бельгійскимъ извѣстіямъ вся честь второй, рѣшительной битвы предоставляется исключительно зуавамъ, и выходитъ, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрійцами, когда

подоспѣлъ на выручку къ нимъ третій полкъ зуавовъ, который притомъ былъ будто бы направленъ на помощь къ нимъ самимъ императоромъ, видѣвшимъ пораженіе своихъ союзниковъ. Все это оказывается чистымъ вздоромъ. Мы видимъ, что третій полкъ зуавовъ еще въ предъидущіе дни былъ отданъ императоромъ въ распоряженіе сардинскаго короля и поступилъ въ составъ отряда, которымъ командовалъ Викторъ-Эммануилъ. Полкъ этотъ вовсе не подоспѣвалъ на выручку Богъ знаетъ откуда, а просто съ начала битвы былъ поставленъ сардинскимъ королемъ на правомъ флангѣ. Посланъ былъ онъ противъ австрійцевъ, пошедшихъ въ обходъ деревни, не по какой нибудь особенной причинѣ, не потому, чтобы только онъ одинъ могъ исполнить аттаку, слишкомъ трудную для сардинцевъ, какъ предполагается по французскимъ отчетамъ; нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пошли, ни на шагъ отъ него не отстали, въ одинъ мигъ съ нимъ добѣжали до непріятельской батареи, взяли ее и смяли австрійцевъ два сардинскіе батальона, и если ему пришлось участвовать въ блистательной аттакѣ вмѣстѣ съ сардинцами, такъ это просто потому, что онъ стоялъ на правомъ флангѣ, около котораго пошли въ обходъ австрійцы; а на какой пунктъ будетъ произведено главное наступленіе австрійцевъ, это, какъ мы видимъ, рѣшительно не было извѣстно до той самой минуты, какъ началась аттака сардинско-зуавскимъ правымъ флангомъ. Вовсе не видно и того, чтобы на другихъ пунктахъ сардинцы уступали непріятелю; напротивъ, австрійское наступленіе съ фронта оказывается только фальшивою аттакою; служа единственно для замаскированія обхода съ праваго фланга, фронтальное наступленіе и не должно было имѣть особенной энергіи, а по французскимъ извѣстіямъ представляется, будто бы до того мѣста, гдѣ аттаковали ихъ зуавы, австрійцы дошли, гоня передъ собою сардинцевъ, сбитыхъ ими съ позицін, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они достигли этого мѣста особеннымъ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ и ни мало не гнавшимъ сардинцевъ ни съ какого пункта. Словомъ сказать, весь ходъ дѣла искаженъ съ тою цѣлью, чтобы вся честь побѣды принадлежала однимъ зуавамъ, а сардинцы являлись бѣдствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость къ сардинцамъ мы видимъ во французскихъ отчетахъ и о дѣлѣ при Монтебелло. Сардинская кавалерія почти забыта въ нихъ, и если упоминается, то какъ будто только съ цѣлью внушить, что она спаслась отъ истребленія единственно отступленіемъ подъ защиту французскаго аванноста, командуемаго Камбрелемъ; между тѣмъ собственно ея блистательнымъ аттакамъ были обязаны французы тѣмъ, что слабый отрядъ ихъ могъ удержаться до прибытія подкрѣпленій; а что она не искала

защиты, доказывается тѣмъ, что она постоянно возобновляла аттаки до тѣхъ поръ, пока потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Возвращаясь ко второму дѣлу при Палестро, мы выставимъ одинъ фактъ, положительно доказывающій, что въ знаменитой аттакѣ на правомъ флангѣ сардинцы дѣйствовали ни чуть не хуже зуавовъ: изъ восьми пушекъ, взятыхъ быстрымъ натискомъ, три оказались въ рукахъ у сардинцевъ и только пять у французовъ. Эта пропорція трофеевъ совершенно соотвѣтствуетъ числительности тѣхъ и другихъ войскъ. Зуавскій полкъ имѣлъ три батальона, сардинцевъ было два батальона, и по числу взятыхъ пушекъ оказывается, что всѣ батальоны дѣйствовали въ натискѣ совершенно ровно. Участіе сардинскихъ войскъ въ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ союзниками, вообще уменьшается систематически во французскихъ извѣстіяхъ. Такъ, напримѣръ, почти совершенно замаскировывается въ нихъ тотъ общій фактъ, что сардинцами была исполнена главнѣйшая часть плана, который имѣлъ результатомъ очищеніе западной Ломбардіи отъ австрійцевъ. Пока французы бездѣйственно стояли на южномъ берегу По, на долю сардинцевъ досталось произвести то наступленіе по миланской дорогѣ, слѣдствіемъ котораго была побѣда при Мадджентѣ. Сардинцы должны были перейти Сезію, устроить мосты на ней для перехода остальныхъ частей войска; они вообще были авангардомъ въ общемъ планѣ компанія и подвергались сильнѣйшему риску. Да и самыя сраженія при Палестро, данныя при исполненіи этой трудной задачи, лишаются своего значенія по французскимъ отчетамъ, между тѣмъ какъ собственно они очистили французамъ дорогу въ Ломбардію.

Не успѣвъ остановить наступленіе сардинцевъ къ Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идутъ всѣ французскія силы, австрійцы начали быстро очищать пространство между Сезіею и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться съ тѣми своими силами, которыя стояли на южномъ берегу По и теперь были двинуты для общаго отпора врагу, направившему свое нападеніе не съ той стороны, какъ ждали австрійцы. Кажется, только 1 іюня они убѣдились, что союзники обманули ихъ искуснымъ передвиженіемъ главныхъ силъ на сѣверъ; они догадались объ этомъ планѣ уже тогда, какъ онъ былъ исполненъ, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы непріятель не захватилъ ихъ отрядовъ разбросанными. Они отступали съ такой поспѣшностью, что бросали въ сардинскихъ городахъ не только запасы провіанта и оружія, но часто и свои кассы съ звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только въ нѣсколькихъ часахъ пути и черезъ четыре дня по начатіи наступленія уже переходили черезъ Тичино у Буффалоры, Турбиго и другихъ де-

ревень, расположенныхъ вдоль рѣки около желѣзной дороги и шоссе, ведущихъ изъ Новары въ Миланъ. Переправа не обошлась безъ сраженій, и между прочимъ было дѣло у переправы въ Турбиго (3 іюня); но читатели знаютъ, что эти схватки были только прелюдіею къ генеральному сраженію 4-го іюня при Маджентѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сардинской границы на миланскомъ шоссе. Остановимся здѣсь на минуту, прежде чѣмъ станемъ говорить объ этомъ сраженіи, и обратимъ свое вниманіе на австрійцевъ: до сихъ поръ мы все говорили только о дѣйствіяхъ союзниковъ, и было бы обидою съ нашей стороны австрійцамъ не поговорить подробно и о нихъ, а мы ни за что въ свѣтѣ не хотимъ оскорблять это образцовое правительство; не даромъ про насъ говорятъ очень многіе, что мы держимъ сторону австрійцевъ: мы охотно сознаемся, что чувствуемъ къ нимъ слабость; да и какъ не симпатизировать намъ при нашихъ убѣжденіяхъ съ восхитительной австрійской системой? Да, мы смотримъ на австрійцевъ съ умиленіемъ восторга за то, что всему свѣту являются они въ истинномъ видѣ. Какъ въ древности говорили о грекахъ, что всѣ ихъ дѣла и мысли всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ,—res graecorum nuda est,—такъ можно теперь сказать объ австрійцахъ, и объ однихъ австрійцахъ, что никто не ошибается на ихъ счетъ. Попробуйте сказать что нибудь о французской, объ англійской, о какой угодно другой внутренней или внѣшней политикѣ, — сотни и тысячи благороднѣйшихъ людей набросятся на васъ за недостатокъ вѣры въ честность, благородство, въ добрыя намѣренія, въ прекрасныя цѣли, въ восхитительные результаты; вы будете названы грязнымъ скептикомъ, клеветникомъ, желчнымъ фанатикомъ и т. д. Съ одними австрійцами дѣло не таково. Тутъ скажите только: «австрійская политика своекорыстна, реакціонна, гнусна», — всѣ съ вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрійцы за то, что ими однимм не обольщенъ никто? Это объективная причина нашего глубокаго сочувствія къ австрійцамъ: невозможно не уважать дѣла, не производящаго ошибки ни въ чьемъ умѣ. Есть и субъективная причина у насъ любить австрійскую политику: она служитъ едвали не единственнымъ предметомъ, въ мнѣніи о которомъ сходимся мы со множествомъ людей, очень строго осуждающихъ наши мнѣнія почти о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ бѣлаго свѣта. Только говоря объ австрійцахъ, они могутъ хотя на минуту примиряться съ нами и признавать, что еще осталась въ насъ хотя слабая искра нѣкотораго человѣческаго чувства. Скажите же, читатель, какъ намъ не любить австрійцевъ?—вѣдь безъ нихъ исчезло бы единственное зеркало, въ которомъ черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же въ австрійскій лагерь и посмотримъ, что надобно сказать о дѣйствіяхъ благороднаго и человѣколюбиваго Гіулая, полтора мѣсяца тому назадъ рыцарски пошедшаго освобождать сардинцевъ. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что и съ той поры, какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительнымъ образомъ, умственное достоинство его распоряженій столь же мало соотвѣтствовало высокому нравственному достоинству его дѣла, какъ и въ ту пору, пока онъ могъ дѣйствовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можемъ: запасы, оружіе, деньги, оставленныя австрійцами при торопливомъ отступленіи, слишкомъ ясно обнаруживаютъ, что австрійскіе генералы вмѣстѣ съ своимъ Гіулаемъ не умѣли ничего сдѣлать, какъ слѣдуетъ и заблаговременно. Они укрѣплялись на Сезіи и перепустили сардинцевъ черезъ эту рѣку безъ боя. Кротость похвальна; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было изнурять своихъ солдатъ работами для устройства укрѣпленій? Пропустивши врага тамъ, гдѣ слѣдовало остановить его, они принялись сражаться съ нимъ на мортарской дорогѣ. Отважность также похвальна; но зачѣмъ было сражаться, имѣя въ тылу Тичино? Военные люди говорятъ, что имѣя въ тылу рѣку, переходъ черезъ которую труденъ, сражаться не слѣдуетъ. Какъ только союзники ворвались, или, лучше сказать, безпрепятственно вошли въ знаменитый, надоѣвшій и намъ и, вѣроятно, читателямъ четыреугольникъ между Сезіею и Тичино, каждому и французскому, и австрійскому офицеру было ясно, что австрійцамъ остается только отступить за Тичино. Или они сражались затѣмъ, чтобы задержать наступленіе и порядочнымъ образомъ убраться, куда имъ слѣдуетъ? Но нѣтъ, они удовольствовались тѣмъ, что пять батальоновъ отняли восемь пушекъ у какого-то ихъ отряда, разсудили, что останавливать союзниковъ не стоитъ, и пошли назадъ такъ торопливо, что не успѣли вывезти съ собою даже своихъ денегъ, и притомъ не бумажекъ, а настоящихъ металлическихъ денегъ, которыми такъ небогаты. Чтожь это такое за нелѣпица? Но объ этомъ хорошо говоритъ Times. Статья его, написанная еще до полученія точныхъ свѣдѣній объ искусномъ передвиженіи союзниковъ съ юга на сѣверъ, удѣляетъ часть своего приговора и французамъ; но по дружбѣ къ австрійцамъ мы скажемъ, что всѣ сужденія англійской газеты должны теперь достаться исключительно въ ихъ пользу: французскіе генералы доказали послѣ того, что, кромѣ ружей и пушекъ, имѣютъ и достаточную долю ума.

«Дѣлайте, что хотите (говоритъ Times), — трубите въ трубы, бейте въ барабаны, размахивайте знаменами, оглушайте шумомъ, ослѣпляйте блескомъ, война все-таки страшное и отвратительное дѣло, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми религіозными

ученіями, всѣми нравственными чувствами, всѣми потребностями и стремленіями цивилизаціи. Войною мы еще связаны съ гнуснымъ прошедшимъ, съ временами невыразимаго варварства и звѣрства, безконечныхъ и безплодныхъ страданій рода человѣческаго. Когда цивилизованные люди берутся за оружіе для взаимнаго истребленія, какъ мало различія между ними и дикарями, какъ похожимъ становится XIX вѣкъ, видѣвшій возникновеніе французской имперіи, на V вѣкъ, видѣвшій паденіе Римской имперіи! Но какъ ни отвратительна бываетъ война всегда, никогда не являлась она въ формѣ болѣе ужасной, нежели та, какую имѣетъ теперь на итальянскомъ полуостровѣ. Кажется, какъ будто бы принята теорія Гоббза, и война сочтена естественнымъ состояніемъ человѣчества, слишкомъ долго подавлявшимся трусливою и ничтожною однообразностью мира. Иначе, какъ бы могло, съ перваго дня нынѣшняго года, внезапно оказаться невозможнымъ положеніе вещей, продолжавшееся 45 лѣтъ? Война представляется еще ужаснѣе отъ своего сближенія съ величайшими пріобрѣтеніями новой цивилизаціи. Рѣзня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поѣздами желѣзной дороги, подвозившей свои грузы прямо на мѣсто человѣческой бойни, какъ подвозятъ быковъ, барановъ и телятъ на бойню, питающую Лондонъ. Оскверненная наука обращена въ орудіе для истребленія того самаго существа, умомъ котораго создана она, и тайны, вырванныя терпѣливымъ и долгимъ трудомъ мысли изъ тайниковъ не хотѣвшей выдать ихъ природы, обращены на уничтоженіе прекраснѣйшаго ея творенія. Враждебныя толпы встрѣчаются съ свирѣпостью, которой могли бы позавидовать Гунны и Вандалы, а извѣстія о каждой подробности рѣзни разносятся прекраснымъ механизмомъ электрическаго телеграфа и пульсъ, въ которомъ бьется жизнь природы, съ вѣрностью и быстротою невѣдомой бичу людей въ прежнія времена, сообщаетъ всѣ обстоятельства разрушенія.

«Но этотъ контрастъ между гнусными средствами и цѣлями войны и благородными силами, порабощенными ихъ осуществленіемъ, еще не такъ возмутителенъ, какъ легкомысленная, напрасная растрата жизни, замѣчаемая нами въ нынѣшней борьбѣ. Сдѣлавшись болѣе ученою, война утратила нѣсколько своей прежней дикости, и со временъ великаго Наполеона стала игрою, въ которой побѣда должна принадлежать скорѣе высшему уму, нежели отчаяннѣйшей храбрости. По мнѣнію Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно имѣть болѣе гражданскихъ, нежели чисто военныхъ качествъ, чтобы вести войну успѣшно; и оба они своими успѣхами были болѣе обязаны удивительной вѣрности своихъ соображеній, нежели храбрости своихъ войскъ, какъ ни велика была она. Ихъ арміи со-

вершали упорныя битвы, въ которыхъ много страдали; но бились и страдали онѣ для достиженія важныхъ стратегическихъ цѣлей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью, или перебить много людей у непріятеля. Солдатъ чувствовалъ, что его побѣда необходима для выполненія плана, осуществленіе котораго ведетъ къ тому, чтобы предать въ его власть непріятельскую армію или столицу. Герцогъ Веллингтонъ хотя и выигралъ много побѣдъ, но любилъ хвалиться тѣмъ, что никогда не начиналъ ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовалъ кровью своихъ солдатъ на дѣла, неимѣвшія прямой связи съ результатомъ похода. Смотря на вещи, происходящія въ Италіи, мало мы увидимъ слѣдовъ тѣхъ правилъ, какія были оставлены для руководства будущихъ полководцевъ этими великими мастерами военнаго искусства. До сихъ война представляла намъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, дававшихся, кажется, съ тою единственною цѣлью, чтобы истреблять людей другъ у друга. Отыскивать непріятеля повсюду, гдѣ можно найти его, бросаться въ стычку, стоять въ ней съ бульдоговскимъ мужествомъ и потомъ отойти, не получивъ и не желавъ получить никакой выгоды, кромѣ «нанесенія большой потери непріятелю»,—это кажется высочайшею мудростью, доступною нынѣшнимъ полководцамъ. Возьмите, напримѣръ, сраженіе при Монтебелло, въ которомъ было погублено громадное число людей, — такое громадное число, что до изобрѣтенія нарѣзнаго оружія такое кровопролитіе было бы достаточно для рѣшенія судьбы похода, или для взятія крѣпости, господствующей надъ цѣлою провинціею. Бывала ли когда нибудь такая напрасная и безпредметная рѣзня? Австрійцы хотѣли узнать, какъ велики силы французовъ въ извѣстномъ направленіи, и узнавъ это, напирали все впередъ, съ полной увѣренностью, что додвигаются наконецъ до такихъ силъ, превосходствомъ которыхъ будутъ оттолкнуты назадъ. Они знали это столь же твердо, какъ мальчикъ, бросающій камень въ трудъ, знаетъ, что камень дойдетъ до дна и остановится на немъ. Но для удовлетворенія ребяческому желанію превратить рекогносцировку въ нападеніе, не могшее имѣть успѣха, принесено было въ жертву больше людей, чѣмъ стоила Альмская побѣда, и лишены были жизни эти люди безъ малѣйшаго результата.

«Тоже самое можно сказать о сраженіяхъ при Палестро. Сколько мы знаемъ, ни на минуту нельзя имѣть мысли, что австрійцы станутъ серьёзно защищать всю линію передъ Тичино, когда французско-сардинская армія двинется для занятія этой линіи. Но Палестро нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; австрійцы дрались за него съ сардинцами съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ будто за Эйлауское кладбище, или Бородинскій редутъ, или за Гугумонскую

ферму подъ Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрійцы должны отступать, того требуетъ планъ ихъ компаніи. Въ тылу у нихъ почти неприступная линія Минчіо между Гардскимъ озеромъ и Мантуанскими болотами, и по всѣмъ соображеніямъ не слѣдуетъ имъ останавливаться для рѣшительнаго отпора, пока нѣтъ на ихъ сторонѣ ровно никакого преимущества. А если такъ, то кровь, пролитая подъ Палестро, пролита понапрасну и ничего не пріобрѣтено уменьшеніемъ силы одной арміи, которое куплено такимъ же уменьшеніемъ силы другой арміи. Генералы съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ, кажется, по совѣту, даваемому Филидоромъ молодымъ игрокомъ: «чаще мѣняйтесь шашками, говоритъ онъ, потому что это очищаетъ шахматницу и даетъ просторъ игрѣ.» Военное искусство должно было бы имѣть другой способъ дѣйствія; слишкомъ легко достичь въ немъ совершенства, если оно учитъ только нападать на непріятеля при всякомъ случаѣ и наносить себѣ, вмѣстѣ съ другими, всевозможный вредъ. По сравненію съ такой тактикой достойно славы вторженіе Гарибальди въ австрійскія владѣнія, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено безъ поддержки: если онъ рисковалъ погубить себя и своихъ спутниковъ, то покрайней мѣрѣ у него была цѣль дѣйствительно важная. Мильтонъ говоритъ, что англо-саксонскія битвы столько же заслуживаютъ памяти въ исторіи, какъ битвы коршуновъ съ воронами. То же самое можно сказать о рядѣ битвъ, въ которыхъ единственной цѣлью было кровопролитіе, въ которыхъ тысячи были убиты не для исполненія какого нибудь обдуманнаго плана, а просто въ удовольствіе драчливости двухъ армій, генералы которыхъ повидимому неспособны сдержать свое взаимное ожесточеніе до той поры, когда созрѣетъ планъ дѣйствій съ ненапраснымъ пролитіемъ крови. Впрочемъ веденіе войны соотвѣтствуетъ ея началу. Начата она безъ всякой основательной причины, ведется она съ циническимъ презрѣніемъ человѣческой жизни, достойнымъ деспотическихъ государствъ, измѣряющихъ свое благосостояніе и могущество не числомъ рукъ, которыя могутъ заниматься въ нихъ полезною дѣятельностью, а объемомъ, до котораго могутъ они развить средства рѣзни и разрушенія въ рядахъ своихъ многочисленныхъ армій.»

Эта статья была напечатана въ Times'ѣ еще 2 іюня (21 мая), когда не было извѣстно, что сраженія при Палестро были слѣдствіемъ общаго наступленія, предпринятаго союзниками; по вздорнымъ телеграфическимъ депешамъ казалось тогда, что движеніе сардинцевъ за Сезію не вытекало изъ общаго плана, а было чистое дѣломъ удальства. Потому-то авторъ статьи осуждаетъ за безсмысленное кровопролитіе полководцевъ обѣихъ сторонъ. Теперь и

знаемъ, что дѣйствія французско-сардинскихъ полководцевъ были обдуманы и только слова ихъ депешъ, нелѣпо эффектныхъ, отнимали на время у ихъ поступковъ характеръ благоразумія. Теперь, когда ходъ дѣла сталъ точнѣе извѣстенъ, мы видимъ, что и подъ Палестро, какъ подъ Монтебелло, только бездарность австрійскихъ предводителей производила рѣшительно ненужную для нихъ рѣзню.

Провожая австрійцевъ изъ сардинскихъ владѣній, мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе неправдоподобныхъ увѣреній, которыми отвѣчали они на крики о грабительствахъ и свирѣпостяхъ, будто бы произведенныхъ ими въ Піэмонтѣ. Теперь нѣтъ надобности говорить, что слухи эти дѣйствительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужнымъ напечатать оффиціальное предупрежденіе своимъ газетамъ, чтобы онѣ перестали съ неразсчетливой радостью выдавать за истину всѣ выдумки о каннибальствѣ австрійскихъ солдатъ. Оно разочло, что излишнее пристрастіе къ пустымъ сплетнямъ въ результатѣ повредитъ дѣлу самихъ союзниковъ во мнѣніи Европы. Но быть можетъ, французское правительство не заслуживаетъ довѣрія? Мы не станемъ спорить противъ этого, а припомнимъ только, что само сардинское правительство сняло съ австрійскихъ кораблей эмбарго, наложенное на нихъ по оффиціальному объявленію за грабительство австрійцевъ въ Сардиніи. Снявъ эмбарго, оно показало, что увѣрилось въ несправедливости этихъ слуховъ. Въ первый разъ поколебалась вѣра въ нихъ письмами англичанина, корреспондента Times'а, допущеннаго австрійскимъ правительствомъ находиться при главной квартирѣ австрійской арміи. Странное, кажется, дѣло: всѣ австрійскія газеты и само правительство увѣряло Европу, что слухи о грабежѣ несправедливы; никто не вѣрилъ. Написалъ какой-то англичанинъ, никому неизвѣстный, Богъ знаетъ какихъ нравственныхъ качествъ, и ему повѣрили больше, нежели всѣмъ австрійскимъ командирамъ.

Но возвратимся къ слухамъ объ австрійскомъ грабительствѣ въ Сардиніи. Когда союзники вступили въ области, оставленныя непріятелемъ, корреспонденты французскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею, сами убѣдились, что необходимо отказаться отъ прежнихъ *сплетенъ*, и начали писать, что австрійцы не дѣлали съ сардинцами ничего предосудительнаго. Мало по малу откровенность дошла до того, что мы прочли въ Indépendance Belge слѣдующія строки, конечно очень лестныя для австрійцевъ, но еще болѣе утѣшительныя для ломбардцевъ, которые теперь съ восторгомъ встрѣчаютъ французовъ:

«Проведя три дня въ странѣ на востокъ за Тортоною (*), я собралъ, пишетъ французскій офицеръ, подробности о контрибуціи, наложенной австрійцами на занятые ими города. Все дурное, разносившееся слухами, почти совершенно исчезаетъ, кромѣ нѣсколькихъ изолированныхъ фактовъ, которые надобно приписать исключительно бродягамъ. На мой взглядъ австрійцы не переступали границъ военнаго права, совершенно позволяющаго жить на счетъ непріятельской страны. Мое мнѣніе раздѣляется здѣсь (т. е. во французскомъ лагерѣ) всѣми. Навѣрное мы не видѣли бы большаго грѣха, если бы стали точно также поступать въ Австріи.»

По разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ французскіе офицеры употребляютъ иногда въ этомъ аргументѣ вмѣсто слова «Австрія» и слово «Ломбардія.» Но что еще будетъ въ Ломбардіи, мы услышимъ, а пока знаемъ только, по свидѣтельству того же французскаго офицера, что дѣло производится иногда его товарищами и въ Сардиніи нѣсколько по примѣру австрійцевъ. Нѣсколькими строками выше переведеннаго нами мѣста, мы въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Не знаю, понятно ли вамъ, что такое значитъ расположеніе войскъ по квартирамъ? Скажу вамъ о немъ два слова, потому что дѣло это непривычное для французской арміи, которая со времени послѣднихъ войнъ всегда располагалась только на бивуакахъ. Квартированіе по деревнямъ состоитъ вотъ въ чемъ. Отрядъ приходитъ, вступаетъ на дворъ фермы; начальникъ отряда ищетъ помѣщенія; овины, конюшни, амбары — запертые и отпертые—все годится, на чемъ есть кровля. (Итакъ, замокъ на дверяхъ амбара не служитъ помѣхой?) Берутъ у фермера всю солому, нужную для постилки людямъ. Располагаются въ этихъ амбарахъ, овинахъ, конюшняхъ и каждый устроиваетъ себѣ постель. Правда, что потомъ даютъ крестьянину квитанціи для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли даютъ ихъ? Невозможно, чтобы при квартирномъ расположеніи болѣе 100,000 человѣкъ не потерпѣлъ убытка какой нибудь бѣднягa. Правда, что этотъ бѣдняга порядкомъ вознаграждаетъ себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, какъ видно, не всегда даютъ даже квитанціи, по которымъ заплатитъ казна, то всегда ли дадутъ деньги изъ своего кармана?) Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ такое безцеремонное хозяйничество, увидѣлъ, какъ солдаты, не обращая ни на что вниманія, берутъ охапки соломы, у меня поворотилось сердце, — но что же дѣлать, надобно же солдату имѣть постель.»

(*) Т. е. въ мѣстности, которую долго занимали австрійцы.

Если у автора письма на первый разъ поворотилось сердце, то вѣроятно не отъ однѣхъ охапокъ соломы, иначе нервы у него были бы уже слишкомъ чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцамъ и будутъ платить Ломбардцамъ за птицу, вино и т. д.; всегда ли будутъ они выдавать имъ идиллическія квитанціи за солому и дѣйствительно ли Ломбардія тоже должна входить въ составъ той Австріи, гдѣ, по мнѣнію французскаго лагеря, не будетъ большаго грѣха поступать французамъ точно также, какъ австрійцы поступали въ Сардиніи,—дѣло идетъ теперь не о французахъ, а объ австрійцахъ, симпатія къ которымъ въ насъ замѣчена многими и сознана теперь нами самими. Признаемся, источникомъ похвальной гордости служитъ намъ то, что теперь сами противники австрійцевъ свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ поведеніи нашихъ друзей въ сардинскихъ областяхъ. Но слѣдуетъ ли изъ безупречности ихъ поведенія по кодексу французскаго офицера, чтобы жителямъ занятыхъ ими областей дешево обошлось посѣщеніе Гіулая — освободителя? Въ цѣлыхъ округахъ не осталось ни хлѣба, ни скота, ни птицы, ничего, такъ что жители будутъ голодать до слѣдующей жатвы (въ Италіи впрочемъ при лѣтнемъ знoѣ діэта полезна, да и до жатвы осталось недолго); въ три года едва ли успѣютъ они снова обзавестись скотомъ и въ десять лѣтъ можно еще будетъ съ перваго взгляда узнавать тѣ мѣстности, въ которыхъ побывали гости. Да, намъ, читающимъ газеты, война сходитъ съ рукъ очень удобно, а нашимъ знакомымъ, служащимъ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, она иногда бываетъ даже пріятна, потому что даетъ прибавку жалованья; но поселянину она не обходится дешево даже при австрійскомъ поведеніи войскъ, совершенно соотвѣтствующемъ французскому идеалу. Вся восточная часть Піэмонта теперь разорена; если безпорядочныхъ грабительствъ не было, все-таки всѣ средства страны поглощены реквизиціями; какимъ же образомъ могли быть придуманы австрійцами дикія сказки, будтобы сардинскіе поселяне принимали ихъ съ радостью, точно въ самомъ дѣлѣ Гіулай съ товарищами идетъ освобождать ихъ? Самая нелѣпая выдумка должна же привязываться къ какому нибудь дѣйствительному обстоятельству. Объясненіе этой видимой нелѣпости мы опять также находимъ въ письмахъ одного изъ корреспондентовъ Times'а. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ изъ Гарласко 28 и 30 мая.

«Въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ отсюда (изъ восточной части Сардиніи), я говорилъ, что поселяне вовсе нерасположены были къ войнѣ, а готовы, пожалуй, къ соціалистской революціи, ненавидя своихъ господъ, богатыхъ собственниковъ, живущихъ въ Туринѣ и въ Миланѣ. Одна изъ австрійскихъ газетъ сочиняетъ

изъ этого, будтобы народъ здѣсь расположенъ къ Австріи. Нѣтъ, я могу увѣрить васъ, что поселяне Ломеллинской провинціи (земли между Сезіею и Тичино) не любятъ ни австрійцевъ, ни французовъ, ни своего правительства. Они имѣютъ только одно чувство — ненависть ко всѣмъ «проклятымъ господамъ» (maladetti signori). Они думаютъ, что богатые—«богатыми» называютъ они всѣхъ, неработающихъ руками, — имѣютъ выгоду отъ войны и приносятъ ей въ жертву поселянъ и ихъ интересы. Видя, какъ легко могло бы быть произведено здѣсь соціалистское возмущеніе, я не могу вѣрить словамъ Туринскаго бюллетеня № 32, говорящаго, что австрійцы старались возмутить бѣдный классъ жителей въ Страделлѣ и Вогерѣ противъ богатыхъ..... Стараются поколебать довѣріе къ моимъ письмамъ, представляя меня приверженцемъ австрійцевъ. Увѣряю васъ, мое все сердце лежитъ, какъ должно лежать сердце каждаго англичанина, къ *итальянскому народу*, масса котораго должна пострадать отъ этой войны, на которой бы сторонѣ ни осталась побѣда, и пусть лучше отпадетъ у меня правая рука, чѣмъ напишу я хотя одно слово во вредъ итальянскому народу, для выгодъ кого бы то ни было, французскаго ли императора, сардинскаго ли короля или австрійскаго императора... Я боюсь, что общественное устройство въ Сардиніи едва ли сообразно съ конституціоннымъ порядкомъ. Огромное большинство народа находится въ слишкомъ большой зависимости отъ немногихъ богачей, въ числѣ которыхъ есть миланскіе аристократы. Кромѣ того, какъ вы знаете, въ Сардиніи есть сильная реакціонная партія, вовсе не ограничивающаяся однимъ какимъ нибудь сословіемъ. Я встрѣчалъ, кромѣ священниковъ, также и фермеровъ, сельскихъ старшинъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ ней. Аргументъ одного изъ нихъ былъ такъ простъ, что я повторю его вамъ. E troppo cara, la libertà, сказалъ этотъ патріотъ: «слишкомъ дорогá она, свобода.» Прежде онъ платилъ въ казну только 150 франковъ, а теперь подати съ него постепенно возвысились до 400 франковъ.»

Многіе, быть можетъ, осудятъ насъ за эти выписки. Но что же дѣлать, если мы думаемъ, что въ нихъ высказана правда? Здѣсь не мѣсто подробно излагать нашъ взглядъ на политику Кавура; скажемъ въ двухъ словахъ, почему мы не питаемъ къ нему энтузіазма, за недостатокъ котораго иные осуждаютъ насъ. Намъ кажется, что онъ дался въ обманъ, и скоро будетъ въ томъ раскаяваться, если еще не раскаялся и теперь, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ признакамъ. Намъ кажется, что для освобожденія Италіи было бы полезнѣе ждать обстоятельствъ не столь опасныхъ, какъ нынѣшняя комбинація. Кромѣ того, намъ кажется, что въ ожиданіи

войны съ Австріею не слѣдовало бы обременять сардинскій народъ слишкомъ высокими налогами для содержанія слишкомъ огромной арміи, которая даромъ истощала государство въ теченіе многихъ лѣтъ, — имѣя только готовые кадры, легко было при наступленіи надобности организовать сильную армію въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напримѣръ сдѣлала Пруссія въ 1813 году. Мы думаемъ, что Кавуръ заставлялъ до сихъ поръ сардинскій народъ слишкомъ дорого платить за нынѣшніе подвиги, польза отъ которыхъ для Италіи еще очень сомнительна; и что наконецъ онъ далъ обмануть себя, сдѣлался теперь орудіемъ въ рукахъ, которыя отбросятъ его, когда извлекутъ изъ него себѣ пользу, далеко не соотвѣтствующую желаніямъ Кавура и итальянскихъ патріотовъ. Нѣкоторыя подтвержденія этому взгляду читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ, между прочимъ въ разсказѣ о тосканскихъ дѣлахъ. Теперь мы обращаемъ вниманіе читателя только на фактъ, объясняющій, почему австрійцы были приняты сардинскими поселянами безъ негодованія, такъ что могли выдумать, будтобы сардинскіе поселяне сочувствуютъ имъ, угнетателямъ Италіи. Итальянскіе землевладѣльцы при всемъ своемъ патріотизмѣ забыли, какъ мы видимъ, позаботиться о томъ, чтобы облегченіемъ повинностей примирить съ собою поселянъ, живущихъ на ихъ землѣ, графъ Кавуръ тоже забылъ, что для внушенія массѣ населенія привязанности къ правительству мало прекрасныхъ рѣчей и вѣрности патріотическимъ стремленіямъ образованныхъ сословій: нужно также облегчить народъ отъ лежащихъ на немъ тягостей; а графъ Кавуръ удвоилъ эти тягости для содержанія огромной арміи въ мирное время, когда еще не было въ ней надобности. Впрочемъ, мы совершенно напрасно вдавались въ этотъ эпизодъ объ отношеніяхъ къ народу политики, столь симпатичной благороднымъ стремленіямъ всѣхъ образованныхъ сословій: какое кому дѣло до того, лучше или хуже стало массѣ? У насъ, образованныхъ людей, потребности не тѣ, какъ у грубой массы, озабоченной только добываніемъ для себя, а болѣе для насъ, матеріальныхъ средствъ къ жизни, и нашимъ потребностямъ стремленіе политики Кавура удовлетворяетъ прекрасно. Возвращаемся же къ разсказу о войнѣ.

Мы оставили союзниковъ въ то время, когда, отбивъ непріятеля у Палестро, они продолжали наступленіе къ Тичино. На каждомъ шагу ихъ изумленіе возрастало, потому что они находили самыя выгодныя для обороны позиціи оставленными непріятелемъ безъ всякой попытки задержать на нихъ наступающія колонны. Это впечатлѣніе очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'а, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о

двухъ битвахъ при Палестро. Продолжаемъ пользоваться его разсказомъ:

«Новара, 4 іюня (23 мая).

«Это письмо прійдетъ къ вамъ, когда вы по оффиціальнымъ реляціямъ конечно уже будете знать, какимъ непонятнымъ образомъ дѣйствовали австрійцы. Они оставили Мортару безъ сопротивленія, отступая по дорогѣ къ Павіи, къ Виджевано и къ броду при Аббіате-Грассо (*). Французы перешли Тичино въ двухъ мѣстахъ—у Буффалоры, на шоссе отсюда въ Миланъ, и у Турбиго. Не только не было сопротивленія; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникамъ переправу. Это страннѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ, потому что, если отступленіе и скрываетъ какой нибудь глубоко обдуманный планъ (**), котораго мы еще не можемъ разгадать, то едва ли можно себѣ вообразить планъ, который требовалъ бы облегчать наступленіе для непріятельской арміи. Надобно прибавить, что обѣ эти переправы, шоссе къ которымъ идетъ по болотамъ, представляютъ важныя выгоды для обороны. Но что страннѣе всего, давъ союзникамъ безпрепятственно пройти черезъ оба эти дефиле, они вдругъ показались вчера у Турбиго, миляхъ въ двухъ за рѣкою и около мили за каналомъ Naviglio Grande, образующимъ вторую линію обороны, почти столь же сильную. Тутъ произошла стычка, которую иные раздуваютъ въ цѣлую битву (***), въ которой будто бы очень сильно фигурировали тюрки; а между тѣмъ, по правдоподобнѣйшимъ разсказамъ, это была не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя происходятъ теперь каждый день, чуть не каждый часъ, и въ которыхъ сотни три-четыре безвредныхъ выстрѣловъ обмѣниваются между стрѣлками съ обѣихъ сторонъ, да нѣсколько ядеръ перебрасываются съ одной стороны на другую. Реляція говоритъ о взятіи семи пушекъ и нѣ-

---

(*) Виджевано лежитъ на дорогѣ изъ Мортары въ Миланъ, на сардинской сторонѣ Тичино, Аббіате-Грассо по тойже дорогѣ далѣе, уже въ Ломбардіи. На дорогѣ изъ Мортары къ Павіи лежитъ Гарласко, гдѣ и была главная австрійская квартира.

(**) Читатель увидитъ, что потомъ этотъ планъ объясняется.

(***) Почему этотъ австрійскій отрядъ явился, только уже перепустивъ непріятеля безпрепятственно черезъ обѣ крѣпкія линіи обороны, мы знаемъ изъ донесеній Гіулая. Войска тутъ были не тѣ, которыя отступали отъ Палестро и Мортары, а новый отрядъ, спѣшившій по желѣзной дорогѣ изъ Милана на встрѣчу союзникамъ; онъ былъ силою въ 7,000 человѣкъ. Онъ не успѣлъ встрѣтить союзниковъ раньше, въ дефиле или на *Naviglio Grande*. Прекрасно; но чтоже дѣлали войска, бывшія подъ Палестро еще 31 мая въ числѣ 20,000? Кажется, они могли бы задержать непріятеля и, въ теченіе трехъ дней, они могли бы получить подкрѣпленія съ юга. Но нѣтъ, они отступали безъ оглядки.

скольких сотъ плѣнныхъ; но реляціи въ нынѣшней компаніи у французовъ еще въ сто разъ хвастливѣе, чѣмъ были въ Крыму. Достовѣрно одно: союзники утвердились за Тичино безъ битвы, достойной называться битвою и укрѣпляются за рѣкою тверже и тверже съ каждою минутою.

«Несмотря на то, что австрійцы отступаютъ непостижимымъ образомъ, мы беремъ всѣ предосторожности противъ внезапнаго нападенія, и это необходимо, потому что австрійцы рѣдко не бываютъ въ виду у насъ. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнурять войска, дѣлающія большіе переходы. Странно сказать, утомленія въ нихъ вовсе нѣтъ, больныхъ почти вовсе нѣтъ, и въ жизнь свою я не видѣлъ арміи, которая глядѣла бы такою здоровою. На всѣхъ этихъ усиленныхъ маршахъ я, сколько помню, не видѣлъ ни одного усталаго: каждый идетъ молодцомъ, чтобы не смѣялись надъ ними товарищи. Духъ въ солдатахъ веселый, и каждый день сильнѣе разгорается въ нихъ разъ охота помѣряться съ непріятелемъ. Это одушевленіе не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами,—имъ одинаково одушевлены всѣ войска, и я жду, что они изумятъ противника, когда столкнутся съ нимъ.

«Когда же это будутъ? Вопросъ становится проблематичнѣе съ каждымъ днемъ. Непріятель не держался на Сезіи, не принялъ битвы въ Мортарѣ; теперь ясно, что онъ не хочетъ защищать и линію Тичино (*). На всѣхъ этихъ линіяхъ австрійцы надѣлали полевыхъ укрѣпленій, и не въ двухъ—не въ трехъ мѣстахъ, а повсюду, гдѣ только мѣстность представляла для нихъ выгоду. У обоихъ мостовъ черезъ Тичино возведены укрѣпленія. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они хотѣли крѣпко держаться въ странѣ, которую заняли, и по необходимости приходишь къ мысли, что какая нибудь особенная причина заставила ихъ измѣнить первоначальный планъ. Вы помните, при началѣ войны говорилось, что мысли Гіулая, командира австрійской арміи въ Италіи, и Гесса, начальника главнаго штаба императора, не одинаковы. Гіулай думалъ дѣйствовать наступательно и перейти за Тичино; Гессъ, говорятъ, хотѣлъ дѣйствовать чисто оборонительно. Принятъ былъ планъ Гіулая; но оказалось теперь, что онъ плохъ, потому очень можетъ быть, что теперь стали слѣдовать плану Гесса.

«Есть еще другое объясненіе неожиданному отступленію. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную

(*) Дѣйствительно, онъ не защищалъ ее, а сразился Богъ знаетъ зачѣмъ нѣсколькими верстами далѣе, послѣ того, какъ выдалъ безъ боя врагу эту сильную линію обороны.

систему Гесса, то значительно содѣйствовала его принятію, состоитъ въ блистательномъ движеніи, которымъ союзники въ нѣсколько дней совершенно обошли правое крыло австрійцевъ и принудили ихъ отступать. Они замѣтили это движеніе только четыре дня тому назадъ (*) и едва имѣли время убраться. Кажется, только появленіе французовъ въ Новарѣ было для нихъ первымъ указаніемъ другаго плана: до той поры и не воображали, какой сюрпризъ имъ готовится. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ. Недалеко отъ Новары уланы захватили австрійскаго часоваго, тирольскаго стрѣлка, который и не предполагая, что непріятель близко, положивъ въ сторону ружье, спокойно занимался починкою своихъ штановъ, которые снялъ для этого дѣла.

«Не знаю, не посылали ли австрійцы въ передовую линію только свои худшія войска, но какъ бы то ни было, въ сраженіяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, они не поддержали репутаціи австрійской арміи. При Монтебелло корпусъ, силу котораго они сами считаютъ въ 20,000, былъ прогнанъ одною французскою дивизіею и нѣсколькими эскадронами сардинцевъ. При Палестро, во второй день, были въ дѣлѣ, какъ извѣстно, цѣлыя двѣ дивизіи и онѣ, съ потерею 8 пушекъ и 1,000 плѣнныхъ, были прогнаны одною сардинскою дивизіею Чальдини и полкомъ зуавовъ. Эти факты могутъ объясняться лишь предположеніемъ, что или одни плохія войска были выставлены впередъ, или духъ австрійской арміи не такъ высокъ, какъ увѣряли ея защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производитъ на нихъ сильное дѣйствіе: одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ самъ признавался, что стремительная аттака въ штыки, безъ остановки для стрѣльбы, кошачья гибкость, къ которою союзные солдаты переходятъ всѣ затрудненія и пробѣгаютъ на батарею сквозь картечный градъ, совершенно разстроиваютъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, такъ что солдатъ нельзя удержать въ порядкѣ. Это очень правдоподобно, потому что изъ 8 пушекъ, взятыхъ при Палестро, четыре взяты заряженными.—фактъ, говорящій самъ за себя. Неудивительно, что австрійцы теряются отъ изумленія при этой стремительности: они всегда воображали какимъ-то этикетомъ правильнаго боя стрѣлять, пока

(*) Дѣйствительно, по письмамъ другаго корреспондента *Times'a*, находящагося въ главной квартирѣ австрійцевъ, мы знаемъ, что еще 31 мая тамъ ожидали наступленія главныхъ французскихъ силъ прямо черезъ По, или по дорогѣ отъ Вогеры на Страделлу, на правый флангъ австрійцевъ, гдѣ и были сосредоточены главныя ихъ силы, или на центръ, черезъ Валенцу. Дѣйствительно, только появленіе французовъ въ Новарѣ; 1 іюня, вывело ихъ изъ этого заблужденія.

есть патроны; имъ кажется, что только варвары, непонимающіе деликатности, могутъ съ перваго же раза прибѣгать къ такому отчаянному способу неучтиваго боя.»

«Турбиго, 4 іюня.

«Вотъ мы на ломбардской почвѣ! Черезъ одиннадцать долгихъ лѣтъ сардинская армія снова переходитъ этотъ Рубиконъ Италіи и Викторъ-Эммануилъ на дорогѣ къ Милану. Берега Тичино представляютъ въ эту минуту одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, какія только можно вообразить: армія движется по странѣ, какъ будто созданной быть самою эффектною обстановкою. Отъ Новары до деревни Галліате (*) вы ѣдете по пыльной дорогѣ между роскошными хлѣбными полями, опоясанными монотоннымъ и меланхолическимъ рядомъ ивъ, перерѣзанныхъ рядами суровыхъ и также скучныхъ тутовыхъ деревьевъ; ивы и тутовыя деревья посажены такъ тѣсно, что портятъ перспективу на Альпы и закрываютъ васъ, такъ что видна вамъ только длинная линія солдатъ, фуръ и муловъ, шагающихъ по прямой, пыльной дорогѣ. Такъ вы добираетесь до деревни Галліате, которая нѣсколько вознаграждаетъ васъ за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую васъ пылью. Вы бродите по извилистымъ улицамъ деревни съ причудливыми итальянскими домами, изъ которыхъ почти у каждаго, надъ широкою дверью со сводомъ, нарисованъ покровительствующій ему святой. За деревнею вы опять на монотонной дорогѣ, по прежнему окруженной хлѣбными полями. Деревья тутъ гораздо рѣже и Альпы открыты передъ вами во всемъ своемъ величіи. Но вамъ не время дивиться на гигантскія горы, потому что все ваше вниманіе занято самой дорогой, по которой вамъ надобно лавировать съ вашими лошадьми, охраняясь отъ упрямыхъ муловъ и скрипучихъ фуръ, съ ихъ carretieri, которые еще упрямѣе и безтолковѣе животныхъ, имъ подвластныхъ. Правда, вы избавились бы отъ всей непріятной тѣсноты, своротивъ въ сторону; но вамъ стыдно портить поля, пощаженныя самимъ непріятелемъ.

«Вамъ нетерпѣливо хочется увидѣть Тичино; вы поглядываете впередъ и сквозь зелень деревьевъ начинаютъ проглядывать на горизонтѣ колокольни. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ ихъ становится больше, вы различаете колокольни Турбиго, Бобекетты, Куджіоне и Буффалоры, встающія у подножія Альпъ; но все еще нѣтъ Тичино. Вдругъ вся сцена перемѣняется. Хлѣбныя поля, не-

(*) Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ главнаго миланскаго шоссе и верстахъ въ пяти не доходя Тичино.

отступно тянувшіяся по дорогѣ, исчезаютъ съ обѣихъ сторонъ и вы находитесь среди высокаго кустарника изъ дубовыхъ и каштановыхъ деревцевъ; ваше вниманіе отвлечено отъ дороги пестрою толпою французскихъ и сардинскихъ офицеровъ: они сошли съ лошадей — ѣдятъ, пьютъ, курятъ и отдыхаютъ; маркитанты суетятся удовлетворить голоднымъ желудкамъ, пересохшимъ горламъ; поселяне, разинувъ рты отъ удивленія, стоятъ и смотрятъ; шумъ увеличивается лошадьми, которыхъ проводятъ подъ уздцы, или спутываютъ. Двухъэтажный домъ налѣво съ надписью «Dogana Sarda» (сардинская таможня), говоритъ вамъ, что вы достигли конца вашего пути, что вы на берегахъ Тичино. Но вы еще не видите его. Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ, — и стоите на обрывѣ той возвышенной плоскости, которую до сихъ поръ принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается передъ вами. Во всей этой части теченія Тичино съ обѣихъ сторонъ опоясанъ высокой плоскостью, которая, по капризнымъ изгибамъ этой капризнѣйшей изъ рѣкъ, то подходитъ къ берегу, то отступаетъ отъ него, иногда подходя почти къ самой водѣ, въ другихъ мѣстахъ отдаляясь отъ рѣки болѣе чѣмъ на милю. У ponte di Turbigo, гдѣ рѣка раздѣляется на три рукава, одинъ рукавъ течетъ у самаго подножія террассы, спускъ съ которой такъ отвѣсенъ, что дорога должна дѣлать большой изворотъ сперва направо, потомъ налѣво, чтобы дойти до каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку. Русло рѣки имѣетъ здѣсь совершенно не такой видъ, какъ въ ея низовьяхъ. Два маленькіе рукава здѣсь разведены по каналамъ, болота замѣняются роскошною массою молодыхъ дубовъ и каштановъ, которые въ иныхъ мѣстахъ пересѣкаются хлѣбнымъ полемъ, и его нѣжная зелень съ желтоватымъ отливомъ рельефнѣе оттѣняетъ густую зелень лѣса. На противоположной сторонѣ третьяго и главнаго рукава изъ-за деревьевъ, плотно покрывающихъ тотъ берегъ, выглядываетъ караульный домъ. По постепенно возвышающейся мѣстности лѣса тянутся до края горизонта, гдѣ смѣшиваются съ зеленью Альпъ, великолѣпно окаймляющихъ картину. Среди массы зелени разбросаны деревни Турбиго, Бобекетта, Каджіоне и Буффалора, стоящія почти въ одинъ рядъ на террассѣ, опоясывающей Тичино съ ломбардской стороны. Длинные караваны солдатъ всѣхъ родовъ оружія, артиллеріи, понтоновъ, фуръ, телѣгъ, муловъ, обозныхъ лошадей,—эти караваны, столь утомлявшіе глазъ на длинной прямой линіи шоссе, здѣсь придаютъ новую очаровательность картинѣ, то скрываясь, то появляясь по извилинамъ дороги.

«Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслоняется другими чувствами и мыслями; армія перешла рѣку и утвердилась за ней, не встрѣчая до сихъ поръ сопротивленія, о которомъ

стоило бы упоминать. Вечеромъ 2-го іюня первыя французскія войска показались на берегу Тичино, здѣсь, у Турбиго, и у Буффалорскаго моста. Въ Буффалорѣ широкій каменный мостъ былъ найденъ, если не совершенно невредимымъ, то уцѣлѣвшимъ на столько, что возможно было нѣкоторое сообщеніе черезъ него. Австрійскіе инженеры повидимому торопились, такъ что не нашли досуга взорвать его; только нѣкоторыя изъ ихъ минъ подѣйствовали и сдвинули нѣсколько камней. Въ Турбиго не было такой большой дороги, какъ у Буффалоры, и въ два послѣдніе года существовалъ тамъ только паплавной мостъ, — плашкоутный, существовавшій прежде, былъ сорванъ рѣкою и послѣ того не возобновлялся. На противномъ берегу стояли австрійскіе стрѣлки съ нѣсколькими пушками; но союзные стрѣлки и артиллерія скоро заставили ихъ молчать; понтонная команда принялась наводить мостъ и только изрѣдка тревожилъ ее свистъ нѣсколькихъ пуль, такъ плохо направленныхъ, что ни одинъ человѣкъ изъ понтонной команды не былъ раненъ. Разъ или два выѣзжали впередъ австрійскіе уланы и тоже безвредно стрѣляли, пока одинъ изъ нихъ свалися съ лошади отъ пули здѣшняго стрѣлка. Когда мосты были готовы (на другой день къ вечеру), войска бросились черезъ нихъ и утвердились на другомъ берегу. Оттуда тотчасъ же стали подвигаться по дорогѣ, которая ведетъ лѣсомъ къ каналу (*). На ломбардской сторонѣ дорога отъ рѣки слегка поднимается до Турбиго, стоящаго на краю террасы. Австрійцы, отступившіе отъ рѣки безъ сопротивленія, заняли позицію на этой террассѣ, защищаемой съ фронта каналомъ. У нихъ были пушки, обстрѣливавшія дорогу, и насыпаны были полевыя укрѣпленія. Такимъ образомъ австрійцы стояли на одной изъ тѣхъ грозныхъ позицій, которыя дорого обходятся нападающему. Какъ въ Палестро, дѣло было покончено съ-разу, стремительною аттакою. Тюрки, алжирскіе туземцы, блистательно овладѣли позиціею, захвативъ семь, по другому счету девять пушекъ. Австрійцы останавливали нашихъ послѣ того на маленькомъ кладбищѣ по дорогѣ въ Бобекетту; въ третій разъ въ этой деревнѣ. Съ каждымъ разомъ сопротивленіе было слабѣе и вообще болѣе походило на шутку. Союзники хотѣли не заниматься истребленіемъ этого незначительнаго отряда, а скорѣе идти впередъ по миланской дорогѣ; потому бѣгущихъ преслѣдовали не очень горячо; говорятъ, что взято въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ. По разсказамъ поселянъ, австрійцы бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ, бросая ружья, ранцы, все, что могло задержи-

(*) Къ тому каналу *Naviglio Grande*, который идетъ парраллельно рѣкѣ, верстахъ въ двухъ отъ нея; о немъ говорилось въ первомъ письмѣ.

вать ихъ на бѣгу. Я говорилъ съ мѣстными жителями; по ихъ словамъ, австрійцёвъ было до 6,000 и они пришли изъ Милана.

«Нынѣ утромъ французскіе аванпосты находились въ Санъ-Мартино противъ Буффалоры. У Буффалорскаго моста непріятеля не было, и вся окрестность при появленіи союзниковъ была погружена въ мертвое молчаніе. Буффалора еще занята австрійцами, которымъ представляетъ превосходную позицію. Будутъ ли они защищаться на ней сильнѣе, чѣмъ здѣсь, это надобно еще видѣть. Обманутые быстрымъ движеніемъ союзниковъ съ крайняго праваго фланга отъ Вогеры, на крайній лѣвый флангъ къ Верчелли, они не успѣли поспѣть къ Турбиго и защищали его только нѣсколькими тысячами солдатъ, пришедшихъ изъ Милана. Если они будутъ противиться у Буффалоры, это будетъ значить, что они успѣли собрать тутъ нѣсколько войскъ, наслаждавшихся деревенскимъ воздухомъ на По и спавшихъ въ Мортарѣ.

«4-го іюня, вечеромъ.

«Едва кончилъ я мое письмо къ вамъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы со стороны Буффалоры. Съ прибрежной террассы ясно видѣнъ дымъ каждой пушки; но пробраться туда нѣтъ никакой возможности сквозь массы движущихся туда войскъ. До сихъ поръ успѣлъ узнать я слѣдующее: гвардейскіе зуавы и гренадеры, ушедшіе впередъ другихъ войскъ по этому направленію, аттаковали позицію при Буффалорѣ, занятую австрійцами въ большихъ силахъ, иные говорятъ до 40,000 человѣкъ. Несмотря на такое превосходство противниковъ, французы, которыхъ было четыре полка, всего отъ 6 до 7,000 человѣкъ, послѣ упорнаго боя и сильной потери успѣли штурмомъ взять позицію, когда подошли къ нимъ австрійцы. Сраженіе продолжалось до поздней ночи.»

«Турбиго, 5-го іюня. 11 часовъ утра.

«Дѣло при Буффалорѣ было самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ въ нынѣшнюю компанію; оно имѣло размѣры большаго сраженія (*). Планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на эту позицію, очень крѣпкую, не съ одного только фронта, но также съ лѣваго фланга, отъ Турбиго. Въ движеніи колонны, шедшей отъ Турбиго, произошло замедленіе и результатомъ было, что когда гвардейскіе гренадеры и зуавы, — всего только четыре полка, — аттаковали непріятеля, то оказалось, что они одни аттакуютъ цѣлую армію въ позиціи сильной

(*) Авторъ называетъ битву 4-го іюня сраженіемъ при Буффалорѣ, потому что у этой деревни началось оно; но теперь его называютъ битвою при Маджентѣ, потому что боемъ у этой деревни рѣшена была побѣда.

отъ природы и еще болѣе усиленной полевыми укрѣпленіями. Не оробѣвъ отъ этого, они все-таки шли впередъ. Но у непріятеля было такое превосходство въ числѣ, что, отражая аттаку, онъ могъ въ тоже время произвести наступленіе другими войсками и даже взять одну изъ нарѣзныхъ пушекъ. Однакоже, несмотря на всѣ свои усилія, онъ наконецъ не могъ устоять и былъ оттѣсненъ. Въ то время, какъ ему приходилось отступать, подошла и колонна съ лѣваго фланга.

«Я теперь ѣду на мѣсто сраженія и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы дополнить свѣдѣнія объ этой битвѣ, находившіяся въ моемъ вчерашнемъ письмѣ.»

На этомъ, самомъ любопытномъ, мѣстѣ останавливается корреспонденція, напечатанная въ тѣхъ нумерахъ Times'а, которые мы теперь имѣемъ. Сравнивъ переведенный нами разсказъ съ тѣми реляціями и письмами о дѣйствіяхъ союзниковъ съ 28 мая до 3 іюня, которыя можно находить въ другихъ газетахъ, читатель не осудитъ насъ за то, что мы не хотимъ теперь и пользоваться ими для продолженія подробнаго очерка кампаніи съ того мѣста, на которомъ останавливаются письма корреспондента Times'а. Читатель, вѣроятно, одобритъ нашу рѣшимость, лучше повременить мѣсяцъ, чтобы продолжать изложеніе по превосходному, очень полному и совершенно дѣльному источнику, чѣмъ представлять публикѣ во второй разъ клочки той безтолковой декламаціи или реляціоннаго хвастовства, которымъ можно пресыщаться во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и которое оставляетъ въ головѣ только недоумѣніе о томъ, какже въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, передаваемое съ очевидной вздорностью и явными противорѣчіями въ одномъ и томъ же источникѣ. Читатель, конечно, уже пробѣжалъ и реляцію Гіулая о сраженіи при Маджентѣ, и отчетъ объ этой битвѣ, составленный въ главной французской квартирѣ; пусть онъ самъ скажетъ, много ли онъ понялъ изъ этихъ донесеній, въ которыхъ техническая темнота служитъ составителямъ только къ прикрытію ошибокъ съ своей стороны и къ монотонному восхваленію храбрости каждаго отряда, каждой колонны, чуть не каждаго оберъ-офицера. Также сбивчивы и письма французскихъ корреспондентовъ. Нѣмецкія газеты, получаемыя здѣсь, всѣ наполнены нестерпимымъ чванствомъ тупоумія, думающаго, что можно обманывать Европу самохвальствомъ даже послѣ очищенія всей восточной Ломбардіи. Другихъ нѣмецкихъ газетъ, болѣе достовѣрныхъ, мы не имѣемъ въ рукахъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы путать читателя натянутыми догадками о настоящемъ ходѣ дѣла, лучше отложимъ про-

чего нибудь другаго, — нѣтъ, ихъ судьба приковываетъ къ себѣ наше заботливое вниманіе и потому, что собственно только ихъ сила могла бы служить неизмѣнною опорою для независимости Италіи. Съ той самой поры, какъ австрійцы дали французамъ время прійти на помощь сардинцамъ, было ясно, что австрійцамъ нечего ожидать въ Италіи, кромѣ пораженій. Вопросъ давно уже не въ томъ, удастся ли союзникамъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, если они захотятъ; вопросъ только въ томъ, захотятъ ли этого французы, или удовольствуются блескомъ побѣдъ и заключатъ съ противниками миръ столь же безубыточный для нихъ, какъ парижскій миръ; а если и вовсе не позволятъ австрійцамъ владѣть ни однимъ футомъ земли въ Италіи, то захотятъ ли оставить ей независимость, или найдутъ удобнѣйшимъ иначе распорядиться ея судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тотъ видитъ, что одна только сила войскъ подвластныхъ единственно этому принципу національной независимости можетъ представляться ручательствомъ за нее. До сихъ поръ чистыми представителями этой идеи въ военныхъ силахъ можно съ достовѣрностью считать только волонтеровъ и потому-то интереснѣе всего теперь вопросъ о вліяніи, какое могутъ пріобрѣсти они себѣ на рѣшеніе дѣла своею числительностью, военными качествами и степенью участія въ изгнаніи австрійцевъ. Исторія отряда Гарибальди составляетъ не только самую чистую, но и самую важную для сущности дѣла часть похода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы ничего не знаемъ объ отрядѣ Гарибальди, кромѣ того, что онъ дрался геройски, что онъ къ несчастью слишкомъ еще малочисленъ и не можетъ еще имѣть большаго вѣса въ совѣщаніяхъ союзниковъ, наконецъ, что есть ясные признаки взаимнаго нерасположенія между союзниками и Гарибальди. Слуховъ о дѣйствіяхъ Гарибальди носилось много, но почти всѣ они были очень сбивчивы и всѣ до сихъ поръ лишены подробностей. Сообщимъ хотя то немногое, что теперь извѣстно.

Гарибальди двинулся въ сѣверо-западную гористую часть Ломбардіи, пограничную съ Швейцаріей, еще въ тѣ дни, когда Чальдини только что перешелъ Сезію, за цѣлую недѣлю до начала наступленія со стороны союзниковъ. Онъ имѣлъ отъ 4000 до 5000 волонтеровъ, которыхъ выбиралъ самъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что люди у него были на подборъ, крѣпкаго сложенія, способные переносить всѣ лишенія и дѣлать изумительные переходы по труднымъ, гористымъ дорогамъ. Въ той части Ломбардіи, куда вступалъ онъ (Вальтеллине), населеніе отличается, если не особенною ненавистью къ австрійцамъ, — въ этомъ отличиться передъ другими ломбардцами было бы трудно, — то особенною воинствен-

ностью, которая объясняется и сосѣдствомъ свободной Швейцаріи, и гористымъ мѣстоположеніемъ. Въ 1848 году они продолжали упорно бороться противъ австрійцевъ, когда вся остальная Ломбардія была уже покорена и всякая надежда на успѣхъ сопротивленія и на сардинскую помощь исчезла. Еще въ началѣ компаніи, какъ только австрійцы увели свои главныя силы въ Сардинію и когда еще не было никакой надежды на скорое появленіе союзниковъ въ Ломбардіи, городъ Комо (*) возсталъ противъ австрійцевъ. Разумѣется, возстаніе было тотчасъ же усмирено прибытіемъ сильнаго австрійскаго войска и наказано наложеніемъ огромной контрибуціи. Этотъ удивительный примѣръ отважнаго самопожертвованія показываетъ, что въ желаніи присоединиться къ Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имѣли оружія, которое было строжайшимъ образомъ отобрано австрійцами въ 1848 году; то, которое успѣли они спрятать въ землѣ, уже стало негоднымъ отъ ржавчины. Союзникамъ было это хорошо извѣстно. Почему же у Гарибальди не было запасовъ оружія для раздачи жителямъ? Ломбардцамъ не посылали того, что всего необходимѣе было для успѣха начинаемаго имъ дѣла. Еще изумительнѣе та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы имѣть ему хотя маленькій отрядъ кавалеріи, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзниковъ есть такія легкія орудія, что два человѣка могутъ переносить ихъ на рукахъ по мѣстамъ, недоступнымъ для лошадей. Отрядъ въ 5000 человѣкъ, не имѣющій ни одной пушки, — это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Какъ объяснить такую безпечность союзниковъ о Гарибальди, о его волонтерахъ, о жителяхъ Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацію, которую Гарибальди издалъ при вступленіи своемъ въ Ломбардію:

«Ломбардцы, вы призываетесь къ новой жизни и должны отвѣчать на призвывъ, какъ отвѣчали ваши отцы у Понсиды и у Леньяно. Врагъ все тотъ же: свирѣпый, безжалостный, убійца и грабитель. Ваши братья во всѣхъ провинціяхъ поклялись побѣдить или умереть съ вами. Мы должны отмстить за притѣсненія, оскорбленія, порабощеніе двадцати поколѣній, мы должны оставить нашимъ дѣтямъ наслѣдіе, чистое отъ оскверняющаго господства иноземныхъ солдатъ. Викторъ Эммануэль, котораго національная воля избрала нашимъ верховнымъ вождемъ, посылаетъ меня къ вамъ организовать васъ на патріотическія битвы. Я умиляюсь сердцемъ

(*) Лежащій верстахъ въ 35 по прямому направленію отъ сардинской границы, на самой границѣ Швейцаріи.

отъ святой обязанности, мнѣ ввѣренной, и горжусь тѣмъ, что буду предводительствовать вами.

«Къ оружію же! Конецъ порабощенію. Кто можетъ держать въ рукахъ ружье и не возмется за него, тотъ измѣнникъ!

«Дѣти Италіи, соединившись и освободившись отъ иноземнаго владычества, съумѣютъ возвратить ей мѣсто между народами, назначенное ей Провидѣніемъ.»

Гарибальди не ободряетъ ломбардцевъ указаніемъ на великодушную помощь императора французовъ, а говоритъ только о Викторѣ Эммануэлѣ и сардинцахъ; о французахъ нѣтъ у него ни слова. Натурально, что французы не очень заботились о поддержаніи генерала, своимъ молчаніемъ слишкомъ ясно опредѣляющаго свой взглядъ на ихъ роль въ Италіи. Есть положительныя извѣстія о взаимномъ нерасположеніи итальянскихъ волонтеровъ и французскаго военнаго начальства. Надобно прибавить, что когда Гарибальди двинулся въ Ломбардію, было объявлено, что вслѣдъ за нимъ двинется сильный корпусъ союзныхъ войскъ для поддержки возстанія. Но это условіе не исполнилось, и до послѣдней минуты Гарибальди былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, хотя невозможно было и ожидать, чтобы онъ не погибъ, имѣя противъ себя въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 25,000 австрійцевъ, къ которымъ шелъ еще корпусъ Кламъ Галласа, состоявшій изъ 40,000 человѣкъ. Положимъ, что корпусъ Ніэля, который обѣщали послать въ Вальтеллине, оказался нуженъ для дѣйствій по миланской дорогѣ; но все-таки, кажется, можно было бы изъ 200 или 250 тысячъ союзныхъ войскъ отдѣлить нѣсколько тысячъ для поддержанія столь важнаго дѣла, какъ экспедиція Гарибальди, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей на Сезіи. Соображая все это, трудно удержаться отъ заключенія, что погибель Гарибальди не слишкомъ огорчила бы главную квартиру французской арміи.

Впрочемъ, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которымъ Гарибальди не получилъ артиллеріи, не получилъ оружія для раздачи жителямъ и оставленъ былъ безъ всякой поддержки среди враговъ въ пять разъ и потомъ въ десять разъ превосходившихъ его числомъ, онъ противъ всякаго ожиданія нашелъ въ Ломбардіи не погибель, а блистательные успѣхи. 22 (10) мая онъ вступилъ въ Ломбардію черезъ Арону (на южномъ концѣ Лаго-Маджіоре) и двинулся на Варезе, ближайшій ломбардскій городъ въ верстахъ двадцати по прямому направленію отъ сардинской границы. На дорогѣ онъ разбилъ австрійцевъ, и 23 числа занялъ Варезе. Черезъ нѣсколько часовъ приблизился къ городу австрійскій корпусъ въ

5000 человѣкъ съ артиллеріею, которой не было у Гарибальди. Укрѣпивъ городъ баррикадами, онъ оставилъ въ немъ нѣсколько сотъ человѣкъ своихъ волонтеровъ, жители вооружились, какъ могли, а самъ Гарибальди съ главными силами ушелъ изъ города. Австрійцы подступили къ Варезе, но въ эту минуту Гарибальди напалъ на нихъ съ такой стороны, откуда они никакъ не могли его ожидать, разбилъ и разсѣялъ ихъ, и овладѣлъ всѣми пятью пушками, которыя были у непріятеля. Быстро двинулся онъ потомъ на востокъ, въ Комо (на югозападномъ концѣ озера Комо, верстахъ въ двадцати отъ Варезе), по дорогѣ также билъ австрійцевъ, занялъ Комо, двинулся далѣе на востокъ. Между тѣмъ австрійцы стягивали въ ту сторону свои войска, оставшіяся въ Ломбардіи; изъ арміи, стоявшей въ Сардиніи, былъ посланъ свирѣпый Урбанъ, славившійся между австрійцами искусствомъ въ партизанской войнѣ, съ отрядомъ отборныхъ австрійскихъ головорѣзовъ. Погибель Гарибальди казалась неизбѣжна, и нѣсколько разъ разносились слухи, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, оттѣсненъ то къ швейцарскимъ, то къ тирольскимъ границамъ. Какими маршами и побѣдами успѣвалъ онъ уходить отъ австрійцевъ или отбрасывать ихъ, все это до сихъ поръ еще неизвѣстно хорошенько, потому что извѣстія слишкомъ отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди дѣлали изумительные переходы, имѣли иногда по три стычки въ одинъ день и повсюду били австрійцевъ, гонявшихся за ними. Тяжелѣе всего должны были пройти для нихъ тѣ дни, когда огромный корпусъ Кламъ-Галлоса, шедшій на подкрѣпленіе Гіулаю, находился въ тѣхъ мѣстахъ. Это было въ послѣднихъ числахъ мая. Всѣ походы и побѣды Гарибальди теперь остаются еще нерассказанными съ достовѣрностью въ газетныхъ извѣстіяхъ. Извѣстно только, что постепенно поднялъ онъ всю сѣверо-западную часть Ломбардіи и что результатомъ всѣхъ маршей и сшибокъ оказалось, 4 іюня (23 мая), въ день битвы при Маджентѣ, совершенное торжество волонтеровъ: войска Урбана, разбитыя и разсѣянныя, поспѣшно отступали въ этотъ день на югъ, а Гарибальди, преслѣдуя ихъ, занималъ уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили въ Миланъ, далеко въ тылу Милана, на желѣзной дорогѣ изъ Милана къ австрійскимъ крѣпостямъ. Этотъ результатъ показываетъ, какой оборотъ приняла бы война, еслибы Гарибальди не былъ оставленъ союзниками рѣшительно безъ всякой помощи. Имѣй онъ войска нѣсколько больше, онъ отрѣзалъ бы австрійцамъ отступленіе къ Мантуѣ и Веронѣ, и вся австрійская армія, бывшая въ Сардиніи, отброшена была бы на югъ и была бы взята въ плѣнъ. Но Гарибальди не хотѣли давать подкрѣпленія и потому

онъ могъ только показать, что въ состояніи сдѣлать итальянскіе волонтеры при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

За недостаткомъ связныхъ извѣстій о подвигахъ Гарибальди, по крайней мѣрѣ переведемъ изъ Indépendance Belge письмо одного француза, жителя Комо, о тѣхъ сценахъ, которыя удалось ему видѣть. Если изъ него не получимъ мы никакого понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ, то по крайней мѣрѣ даетъ оно оживленную картину одного изъ тѣхъ моментовъ, которыми былъ наполненъ этотъ блистательнѣйшій эпизодъ нынѣшней кампаніи, и нѣсколько обрисовываетъ впечатлѣніе, производимое Гарибальди на своихъ и на враговъ.

«Комо, 30 (18) мая.

«Милый братъ!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; спѣшу успокоить тебя, сказать, что всѣ мы живы и цѣлы. Но какія испытанія мы пережили! Событія смѣнялись въ нашемъ бѣдномъ городѣ съ поражающею быстротою.

«Я писалъ тебѣ, съ какимъ восторгомъ энтузіазма было принято здѣсь объявленіе войны Австріи. Мы, здѣшніе французы, составляющіе маленькій комитетъ, отпраздновали его достойнымъ образомъ, такъ что полиція пронюхала и около двухъ недѣль мы не могли собираться. Мы жили въ постоянномъ стѣсненіи, едва осмѣливались спрашивать другъ у друга о дѣйствіяхъ нашей арміи. По одному нумеру парижской газеты, ускользнувшей отъ взгляда таможенныхъ, мы знали, что 200,000 нашихъ защищаютъ Піемонтъ отъ вторженія Гіулая, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало сильно возбуждаться, когда нашъ гарнизонъ, часто смѣняющійся, сталъ безпрестанно выходить изъ города и возвращаться назадъ, иногда съ добычею и ранеными.

«Дѣло отчасти объяснилось именемъ Гарибальди, которое шепотомъ произносили австрійскіе офицеры, говоря между собою. Австрійцы ходили искать его; онъ сильно безпокоилъ ихъ. На солдатъ одно его имя наводило суевѣрный ужасъ: говорили, что его не беретъ никакое оружіе, говорили даже, что пули сплющиваются, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назадъ австрійскій отрядъ вышелъ утромъ, вѣроятно для рекогносцировки; къ восьми часамъ солдаты воротились, тяжело дыша отъ изнуренія, покрытые пылью, убитые духомъ; многіе изъ нихъ побросали оружіе. Они кричали: запирайте ворота! Ворота заперли. Отсталые солдаты тѣснились на подъемномъ мосту, съ воплями ужаса. Имъ не отперли воротъ. Они бро-

сались на колѣна, ползали по землѣ; — запершіеся остались неумолимы.

«Въ одинъ мигъ весь гарнизонъ построился въ ряды; въ десять часовъ, отъ Вольтской площади пошелъ за городъ. Дошедши до форта; генералъ передумалъ и послалъ только патруль. Съ мучительною тревогою ожидали его возвращенія. Онъ воротился уже къ вечеру, не видѣвъ ничего, кромѣ ранцевъ и ружей, побросанныхъ бѣжавшими австрійцами.

«Тревога была поднята цѣпью застрѣльщиковъ; имъ показалось, будто они замѣтили непріятеля въ засадѣ. Они торопливо отступили въ своей колоннѣ, стрѣляя изъ ружей. Паническій страхъ овладѣлъ солдатами и они неудержимо побѣжали назадъ въ городъ.

«Генералъ въ тотъ же день отдалъ подъ военный судъ несчастнаго поручика, командовавшаго отрядомъ. Его ночью разстрѣляли во рву. Но увѣряютъ, что онъ дѣйствовалъ хорошо.

«Можешь вообразить, въ какомъ безпокойствѣ былъ весь народъ. По утру, послѣ небольшой манифестаціи, явились на стѣнахъ афиши. Онѣ призывали ломбардцевъ къ оружію, обѣщая, что Гарибальди не замедлитъ прійти къ нимъ на помощь. Полиція разорвала эти прокламаціи и стала производить домовые обыски; они продолжались трое сутокъ. Я успѣлъ спрятать свои пистолеты и охотничье ружье, спрятать и женевскую газету, которую получалъ черезъ контрабанду. Но эти предосторожности только увеличили общее волненіе. Епископъ уѣхалъ изъ города; многіе жители также.

«Еслибъ не мои торговыя дѣла, признаюсь, я тоже уѣхалъ бы. Но бросить фирму значило бы потерять все состояніе.

«Я тебѣ говорилъ, что у насъ, французовъ, былъ устроенъ клубъ. Въ 11 часовъ вечера мы собирались поочередно другъ у друга, отдѣленіями человѣкъ по 10, чтобы не возбуждать подозрѣній. Карбонари изъ Варезе сдѣлали намъ тайныя приглашенія. Они предлагали намъ присоединиться къ обществу Giacomi, вѣтви котораго идутъ до самаго Милана. Я настаивалъ, чтобы принять приглашеніе. Комитетъ отказался, боясь шпіоновъ, отчасти и потому, что многіе изъ Giacomi нашего города ему не нравятся.

«Черезъ агента варезскихъ карбонари мы узнали, что Гарибальди думаетъ вторгнуться въ нашу провинцію; мы сильно ободряли его передать смѣлому генералу точныя свѣдѣнія объ австрійскихъ силахъ; у насъ эти свѣдѣнія были изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ отправился, взявъ ихъ, и потомъ я узналъ, что этому извѣщенію мы были обязаны своимъ освобожденіемъ. Гарибальди не потерялъ времени.

«Въ четвергъ (26 — 14 мая) мы были задолго до разсвѣта пробуждены ужаснымъ шумомъ. Солдаты ходили по улицамъ, перекликаясь; звенѣлъ рожокъ, барабаны били тревогу; артиллерія скакала по улицамъ, всадники носились въ галопъ. Въ однихъ домахъ закрывались ставнями, въ другихъ отворяли двери; въ третьихъ жители бросились въ погреба, приготовляя тамъ себѣ убѣжище. Потомъ повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчаніе господствовало въ городѣ. Проснувшись, мы увидѣли на каждомъ перекресткѣ часового; курки у ихъ ружей были взведены. Мой приказчикъ вышелъ отворить магазинъ — часовой прицѣлился въ него съ ругательствомъ. Бѣдняга воротился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ и упалъ на стулъ. Я успокоилъ его. Онъ воображалъ себя уже убитымъ. Съ трудомъ я допытался у него, что съ нимъ такое.

«Когда онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, я вооружился бутылкою водки и отправился парламентеромъ къ австрійцу. Онъ подпустилъ меня, услышавъ, какое приношеніе назначено ему. По-нѣмецки я знаю плохо, но при помощи выразительныхъ знаковъ часоваго понялъ, зачѣмъ онъ тутъ поставленъ.

«Жителямъ запрещается открывать окна и двери и выходить изъ домовъ, — въ того, кто ослушается, велѣно стрѣлять.

«Приказъ былъ формальный. Черезъ нѣсколько времени его обнародовали. Кромѣ этого, я могъ узнать отъ своего австрійца только то, что его товарищи пошли аттаковать Гарибальди въ Варезе.

«Наканунѣ былъ слухъ, что австрійцы разбиты. Я не зналъ, что думать. Мы съ женою провели день въ большой тревогѣ.

«Вечеромъ, въ Панискія ворота прискакалъ адъютантъ, взялъ на почтовомъ дворѣ свѣжую лошадь и, выпивъ стаканъ французскаго вина, поскакалъ въ Камерлату, мимо нашихъ окошекъ. Запрещеніе выпускать жителей изъ домовъ было нѣсколько ослаблено. Въ 11 часовъ, громкая военная музыка вызвала жителей изъ ихъ оцѣпенѣнія. Передъ нашими глазами прошла цѣлая бригада съ кавалеріею и аммуниціонными ящиками. Она пошла на Варезе.

«Солнце начинало выходить, какъ послышалась страшная канонада со стороны Варезе. Каждый выстрѣлъ мучительно отзывался въ груди нашей. Около десяти часовъ, прибыли рысью болѣе сорока муловъ, — они везли раненыхъ. Безпокойная рысь увеличивала страданія раненыхъ, съ каждымъ шагомъ у нихъ вырывался мучительный стонъ. Такая необыкновенная поспѣшность ихъ переноски показалась мнѣ признакомъ пораженія. Дѣйствительно, мулы съ ранеными прошли по Длинной улицѣ, не останавливаясь у лазарета. Раненыхъ увозили въ главную квартиру.

«Въ половинѣ перваго часа, въ окрестностяхъ показались бѣгущіе солдаты. Они прятались. Пушечные выстрѣлы раздавались уже только изрѣдка; но ружейный огонь былъ очень силенъ, судя по непрерывнымъ отголосамъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

«Около трехъ часовъ выстрѣлы приблизились. Эскадронъ гусаръ въ безпорядкѣ прискакалъ на Piazza Nuova; онъ пытался снова построиться; двѣ или три лошади взбѣсились. Замѣшательство увеличилось. Одна изъ лошадей, съ боками окровавленными отъ шпоръ, бросилась стремглавъ по Миланской улицѣ, другія понеслись за нею; эскадронъ разсѣялся весь. Не прошло четверти часа, какъ стали входить черезъ Варезское предмѣстье 2000 человѣкъ, покрытыхъ пылью, потомъ, кровью, почернѣвшихъ отъ пороховаго дыма. Они возвращались отъ Борго-Вико. Хотѣли привести ихъ въ порядокъ. Но голосъ начальниковъ былъ безсиленъ, новые бѣглецы врывались въ эту толпу, и вся смѣшанная масса валила въ Камерлату.

«Едва миновалъ этотъ потокъ людей, оставляя за собою раненыхъ, ранцы, оружіе, какъ большой колоколъ каѳедральной церкви зазвучалъ набатнымъ звономъ, — одна за другою, стали звонить всѣ колокольни страшнымъ призывомъ, глухіе и медленные звуки котораго говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!

«Еслибъ ты видѣлъ, милый братъ, какъ нѣмой городъ оживился, будто въ судорожномъ пароксизмѣ, при знакомыхъ звукахъ! Не видѣвъ, нельзя понимать этихъ чудесъ!

«Будто волшебствомъ появлялось оружіе изъ потаенныхъ ящиковъ, будто изъ земли возникали люди, разливались по улицамъ, и черезъ часъ, 10,000 поселянъ бросались навстрѣчу Гарибальди. Онъ проскакалъ галопомъ черезъ городъ. Я не могъ увидѣть его въ этотъ разъ, но я съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей, слѣдовавшихъ за нимъ, на этихъ черныхъ демоновъ, съ тяжелыми карабинами, прыгающими у нихъ за плечами. Они бѣжали съ быстротою, которой нельзя было бы ожидать отъ людей столь утомленныхъ, послѣ шестичасоваго сраженія.

«Бой возобновился у станціи Миланской желѣзной дороги.

«Тутъ выстрѣловъ почти не было, и работа покончилась быстро. Австрійцы побѣжали. Въ 6 часовъ, генералъ торжественно вступалъ обратно въ городъ съ 5000 своихъ героевъ. Какое зрѣлище!

«Отбитыя у непріятеля пушки были убраны цвѣтами. Раненыхъ мы разобрали по домамъ и стали ухаживать за ними, какъ за родными дѣтьми. У насъ съ тещею также есть раненый: повѣрь, онъ не пожалуется на насъ.

«Я видѣлъ Гарибальди только мелькомъ. Онъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, у него львиная голова на атлетическомъ станѣ. Его длинная черная борода, всклоченная, неразчесанная; его блестящіе глаза, сверкающіе молніею; его черная войлочная шляпа съ развѣвающими черными перьями; его красный плащъ, завязанный на шеѣ, — все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Всѣ увѣряютъ, что онъ человѣкъ очень деликатный, очень любезный съ женщинами, очень строгій къ своимъ волонтерамъ, еще болѣе строгій къ самому себѣ, до чрезвычайности умѣренный въ образѣ жизни, экзальтированный и холодный въ одно и тоже время. Своей маленькой арміи онъ внушаетъ безграничное довѣріе, съ которымъ равняется только ужасъ, внушаемый имъ непріятелю. Онъ всегда первый въ битвѣ, онъ скачетъ на своемъ конѣ въ ряды непріятельскихъ батальйоновъ, спрыгиваетъ съ него, чтобы взять ружье пѣхотинца, дерется въ рукопашномъ бою, какъ простой солдатъ, постоянно подавая примѣръ самой рѣдкой храбрости и самаго изумительнаго хладнокровія.

«Разсказываютъ, что, ведя своихъ солдатъ въ битву, онъ говоритъ имъ:

«Дѣти мои, васъ одинъ противъ пятерыхъ. Передъ вами смерть; за вами ружья товарищей, которые убьютъ, какъ собаку, перваго, кто отступитъ. У насъ нѣтъ пушекъ; надобно взять ихъ. Пусть насъ убьютъ, не въ смерти дѣло, а надобно, чтобы Италія была свободна: вотъ ваша единственная награда!»

«Его 6000 человѣкъ, выбранныхъ изъ 30,000 волонтеровъ, которыхъ представляла ему Италія, таковы, что онъ можетъ дѣлать съ ними чудеса.

«Этотъ человѣкъ, столь похожій на атамана разбойниковъ, будетъ великимъ полководцемъ, если австрійская пуля не остановитъ его на дорогѣ.

«Вечеромъ этого радостнаго дня, мы всѣ иллюминовали свои домы. Въ городѣ былъ праздникъ: какая радость, какое веселье! Мы угощаемъ этихъ храбрецовъ, какъ родныхъ.

«Они уже уходятъ отъ насъ. Но Комо свободенъ, въ немъ уже нѣтъ австрійцевъ. Въ шесть лѣтъ, какъ я покинулъ Францію, я не испытывалъ подобной радости.»

Еще недавно, только одни маццинисты въ Италіи сомнѣвались въ томъ, что война имѣетъ своею цѣлью совершенное освобожденіе Италіи отъ всякаго чужеземнаго владычества. Маццини писалъ еще при самомъ началѣ похода:

«Италія жаждетъ національнаго единства. Цѣль Луи-Наполеона не можетъ быть такова. Кромѣ Ниццы и Савойи, уже уступленныхъ

ему Піемонтомъ въ уплату за союзъ, онъ ищетъ также имѣть случай къ тому, чтобы воздвигнуть престолъ въ южной Италіи для Мюрата и престолъ въ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона. Римъ и часть римскихъ областей должны остаться подъ свѣтскою властью папы. Италія будетъ раздѣлена на четыре государства. Два изъ нихъ прямо будутъ находиться подъ управленіемъ чужеземцевъ; косвеннымъ образомъ Франція будетъ господствовать надъ всею Италіею, потому что папа съ 1849 года сталъ подвластенъ Франціи, а сардинскій король по узамъ благодарности и по слабости силъ станетъ французскимъ вассаломъ.»

Но тогда очень немногіе помнили о своихъ прежнихъ опасеніяхъ: при объявленіи войны австрійцамъ, восторгъ овладѣлъ всѣми итальянцами, воцарились самыя радостныя ожиданія повсюду, отъ Венеціи до Неаполя. Мы знаемъ, какъ они были приведены къ разумному порядку въ Римѣ генераломъ Гойономъ; многія обстоятельства, относящіяся къ Гарибальди, заставляютъ думать, что возникновенію итальянской силы, независимой отъ союзниковъ, встрѣчаетъ препятствія и въ сѣверной Италіи. Но любопытнѣе всего въ этомъ отношеніи ходъ дѣлъ въ Тосканѣ. Мы знаемъ, что тотчасъ послѣ переворота, тосканцы просили сардинскаго короля принять на время войны диктаторскую власть надъ ихъ страною, но что онъ отказался отъ этого, согласившись только назначить отъ себя командира для тосканскихъ войскъ. Онъ выбралъ генерала Уллоа, неаполитанца, отличившагося при защитѣ Венеціи въ 1848 году; войска рвались нетерпѣніемъ идти противъ австрійцевъ — ихъ оставляли въ праздности, и дисциплина упала отъ бездѣйствія и недовольства, такъ что наконецъ въ разныхъ отрядахъ обнаружились попытки неповиновенія. Прибытіе французскихъ войскъ возстановило дисциплину; но вмѣстѣ съ войсками прибылъ въ Тоскану принцъ Наполеонъ и его появленіе пробудило живѣйшее опасеніе въ тосканцахъ, еще до начала войны слышавшихъ, что ему предназначается получить владѣніе въ центральной Италіи, которое предполагается составить изъ Тосканы и легатствъ. Онъ издалъ прокламацію, служившую косвеннымъ отвѣтомъ на опасенія жителей, увѣрялъ въ ней, что пріѣхалъ въ Тоскану единственно для веденія войны; но прежнее безпокойство продолжалось и нашло себѣ новую пищу во множествѣ странныхъ обстоятельствъ. Чтобы читатель не приписалъ намъ желанія представлять вещи въ темномъ свѣтѣ, мы не будемъ сами разсказывать фактовъ, а только переведемъ одно изъ писемъ флорентинскаго корреспондента Times'а.

«Флоренція, 30 (18) мая.

«Дѣла въ Тосканѣ имѣютъ зловѣщій видъ, возбуждающій тревожныя опасенія во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ, очевидно, дѣйствуютъ какія-то таинственныя интриги. Вчера было освященіе знаменъ тосканской арміи. Энтузіазмъ вновь охватилъ всѣхъ, горящихъ желаніемъ присоединиться къ сардинцамъ, — энтузіазмъ, который и былъ главною причиною тосканской революціи. Предполагали, что освященіе знаменъ будетъ послѣднимъ возможнымъ предлогомъ удерживать солдатъ въ праздности и что немедленно послѣ церемоніи всѣ они, вмѣстѣ съ новоприбывшими французами, пойдутъ на Пистойю черезъ Апеннины, или по какому нибудь другому направленію для содѣйствія французско-итальянской арміи. Но теперь намъ холодно говорятъ, что пока еще не предполагается никуда двигать тосканскихъ войскъ; что едва ли будетъ двинутъ хотя одинъ солдатъ до 30 іюня, такъ что мы имѣемъ въ виду еще мѣсяцъ полнаго бездѣйствія французско-итальянскихъ силъ, простирающихся по крайней мѣрѣ до 45,000 человѣкъ.

«Съ 21 апрѣля до сихъ поръ, до 30 мая, тосканскія войска оставались здѣсь неподвижно, хотя каждый человѣкъ въ цѣлой Тосканѣ и въ цѣлой Италіи желалъ, чтобы они пошли противъ австрійцевъ; предлогомъ было то, что ихъ надобно организировать; что надобно принять въ ихъ ряды волонтеровъ. Но организація до сихъ поръ привела только къ дезорганизаціи. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія, отсутствіе дисциплины деморализировали тосканскихъ солдатъ до такой степени, что теперь они стали пригоднѣе буйствовать, чѣмъ сражаться. И я уже писалъ вамъ, что они сдѣлались бы источникомъ большихъ тревогъ и опасностей для родины, если бъ не прибыли французы. Теперь мы опять слышимъ, что они останутся здѣсь и «организуются». Еще мѣсяцъ и, Богъ знаетъ, сколько слѣдующихъ мѣсяцевъ Тоскана не будетъ участвовать въ національной войнѣ.

«Шопотомъ говорятъ здѣсь, въ чемъ ключъ къ этой тайнѣ. Императоръ, желая избавиться отъ своего кузена, принца Наполеона, потерпѣвъ неудачу въ намѣреніи дать ему занятіе въ Алжиріи, предназначилъ ему престолъ въ Италіи; и если не представится ничего лучшаго, то ему будетъ дано великое герцогство Тосканское, или королевство Этрурійское, или королевство центральной Италіи. Отсюда образованіе отдѣльнаго французскаго корпуса подъ его командою, отсюда прокламація, увѣряющая, что императоръ не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ въ Италіи для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство, или покрайней мѣрѣ графъ Кавуръ, должны были участвовать въ этихъ проэктахъ, и по-

тому-то отказъ Виктора-Эммануэля отъ диктаторства, предлагавшагося ему Тосканою, поразилъ ужасомъ всѣхъ итальянскихъ патріотовъ, заставилъ всѣхъ думать, что не безъ причины дѣлается такое отступленіе отъ всѣхъ условленныхъ между итальянцами идей, — отступленіе, еще рѣзче выставляющееся совершенно другимъ образомъ дѣйствій сардинскаго правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардіи. Мыслящіе люди полагаютъ, что всѣ эти провинціи будутъ соединены въ королевство сѣверной Италіи, а Тоскана оставляется въ сторонѣ, чтобы стать удѣломъ французскаго принца. Но скоро обнаружилось въ дѣйствіяхъ сардинскаго правительства что-то похожее на желаніе воротиться назадъ. Оно отказалось отъ диктаторства, предлагавшагося сардинскому королю, и дало Тосканѣ совѣтъ самой управлять своими дѣлами, но вдругъ, двумя недѣлями послѣ этого, т. е. двумя недѣлями слишкомъ поздно, оно извѣщаетъ тосканцевъ, что король принимаетъ протекторство и приглашаетъ временное правительство передать верховную власть въ руки сардинскаго коммиссара Буонкомпаньи.

«Но онъ не произвелъ никакой перемѣны въ дѣлахъ: Буонкомпаньи человѣкъ неспособный къ энергическимъ мѣрамъ. Вмѣстѣ съ министрами, членами академіи изящной словесности, онъ занимается прежними идилліями о велико-герцогскихъ оранжереяхъ, гуманныхъ кодексахъ и муниципальномъ устройствѣ, — дѣлахъ прекрасныхъ, но совершенно несвоевременныхъ, не обращая никакого вниманія на настоятельныя потребности страны и на единственное дѣло, которымъ должна была бы заниматься Тоскана, на національную войну, такъ что Тоскана и при сардинскомъ коммиссарѣ, какъ до него, остается совершенно безъ управленія. Тоскана имѣла и солдатъ и деньги для національной арміи, но одинъ мѣсяцъ такого пустого управленія довелъ войско до деморализаціи и бѣдствія, а государственные финансы разстроилъ такъ, что теперь понадобился заемъ въ 30,000,000 лиръ, когда 27 апрѣля лежали въ государственной кассѣ 18,000,000 наличными деньгами.

«Сардинскому правительству не удалось поправить своего прежняго отказа, потому что выборъ его упалъ на неспособнаго человѣка; но очевидно, что оно старается возвратить потерянное вліяніе на Тоскану. Недавно сюда былъ присланъ секретарь графа Кавура, Костантино Нигра; онъ изъ числа двухъ или трехъ людей, которымъ графъ Кавуръ ввѣряетъ свои тайны, которыхъ считаетъ способными исполнять глубоко обдуманные планы. Меня увѣряютъ, что Нигра пріѣзжалъ сюда дѣйствовать противъ принца Наполеона; онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ людьми, имѣющими вліяніе на

тосканцевъ, и всячески старался ослабить партію итальянскаго единства, господствовавшую въ Тосканѣ 27 апрѣля. Но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Духъ сепаратизма разбился здѣсь; самъ Кавуръ произвелъ его, когда посовѣтовалъ своему королю отказаться отъ диктатуры. Правда, есть въ Тосканѣ національная партія, желающая единства Италіи и большинство молодежи всѣхъ сословій принадлежитъ къ ней; но эта партія теперь упала духомъ и подавлена.

«Единственная серьёзно-важная сторона во всемъ этомъ,—тотъ фактъ, на который обращаю я ваше вниманіе и къ которому подводилъ рѣчь, быть можетъ слишкомъ длинно, — тотъ фактъ, что императоръ Наполеонъ и графъ Кавуръ уже не имѣютъ единодушія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тосканскимъ дѣламъ. Я не то говорю, чтобы графъ Кавуръ считалъ возможнымъ или полезнымъ прекратить самостоятельное существованіе Тосканскаго государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было, династія Бонапарте или какая другая династія будетъ царствовать въ Тосканѣ, если Тоскана не сольется въ одно государство съ остальною Италіею. Всѣ эти вопросы о будущемъ устройствѣ Италіи такія задачи, разрѣшеніе которыхъ очень трудно и должно быть въ значительной степени предоставлено случаю и непреоборимому ходу событій. Существенное желаніе Кавура и его партіи въ томъ, чтобы исполнилось обѣщаніе, данное имъ императоромъ: «подъ скипетръ савойскаго дома будетъ соединено королевство съ 12,000,000 населенія». Если въ вознагражденіе за такую важную услугу Франція захочетъ посадить принцевъ изъ дома Бонапарте на престолы центральной и южной Италіи, графъ Кавуръ не имѣетъ ничего сказать противъ этого, потому что сѣверное королевство кажется ему достаточно сильнымъ для обезпеченія независимости всего полуострова. Но графъ Кавуръ и его друзья недовольны, во первыхъ, неосторожною торопливостью, съ которою принцъ Наполеонъ идетъ къ своей цѣли, обнаруживая политику, отъ которой громко отказывались главныя лица союза, преждевременно возбуждая подозрѣніе и неудовольствіе европейскихъ государствъ; во вторыхъ, недовольны они тѣмъ, что, думая только о достиженіи своей цѣли, онъ обрекъ на бездѣйствіе тосканскую армію. Итальянцы болѣе всего боятся; и справедливо боятся, чтобы участіе ихъ въ войнѣ не было заслонено громадными французскими силами, приглашенными на помощь. Каждый итальянецъ, котораго выведутъ они въ поле, служитъ лишнимъ аргументомъ въ защиту ихъ требованія стать независимымъ народомъ. Имъ очень тяжело уже то, что піемонтская армія раздробляется на бригады и дивизіи, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ

вмѣстѣ съ цѣлымъ французскимъ корпусомъ, и не давъ ей дѣйствовать самостоятельно, всей вмѣстѣ, на одномъ пунктѣ. Еще тяжеле для нихъ, что они лишены помощи 18 или 20,000 регулярнаго, хорошо обученнаго тосканскаго войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будетъ считаться только частью пятаго корпуса французской арміи. Очевидно, графъ Кавуръ самъ навлекъ на себя это горе своимъ слишкомъ скорымъ согласіемъ на планы императора французовъ въ пользу принца Наполеона; но не менѣе справедливо и то, что сардинскій король, даже и отказываясь отъ диктаторства, принялъ на себя командованіе всѣми тосканскими войсками; и хотя неразсудительно было воображать, что страна, находящаяся въ революціонномъ состояніи, можетъ имѣть военное правительство различное отъ гражданскаго правительства; хотя Кавуръ былъ очень несчастливъ въ выборѣ командиромъ тосканскихъ войскъ Уллоа, боеваго генерала, а не администратора, и своего коммиссара Буонкомпаньи, человѣка, умѣющаго говорить и писать, но не дѣйствовать; но должно сказать, что утрата тосканскихъ войскъ для итальянскаго дѣла не входила въ программу, о которой условливались графъ Кавуръ и императоръ французовъ, и служитъ однимъ изъ предметовъ неудовольствія между ними.

«Какъ бы ни было, а пока графъ Кавуръ и національная партія побѣждены здѣсь. Константино Нигра уѣхалъ изъ Тосканы безъ всякаго успѣха. Буонкомпаньи жалуется на рѣзкость манеръ принца Наполеона. Генералъ Уллоа ждетъ удаленія отъ команды. Между тѣмъ вчера я видѣлъ среди тысячи знаменъ итальянское трехцвѣтное знамя съ императорскимъ орломъ по срединѣ. Оно было мастерской отдѣлки, его поднимали, чтобы оно развѣвалось выше, — и поднимали не безъ намѣренія».

Мы не утверждаемъ, чтобы бездѣйствіе тосканскихъ войскъ произведено было именно только вліяніемъ принца Наполеона, которому исключительно приписываетъ его авторъ письма; читатель видѣлъ, что изъ всего сказаннаго и переведеннаго нами выше, открывается этому другая причина, болѣе сильная: вообще нежеланіе французской политики пользоваться чисто народными силами для побѣдъ надъ австрійцами; желаніе по возможности не допускать никакихъ перемѣнъ въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ, кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть нужны для личныхъ цѣлей.

Если бы эта статья не была такъ длинна, мы могли бы найти *новое* подтвержденіе такому взгляду въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, гдѣ 21 (9) мая умеръ Фердинандъ II и вступилъ на престолъ его сынъ, Францискъ II, съ которымъ Франція примирилась, не вытребовавъ отъ него никакихъ измѣненій во внутренней поли-

тикѣ, хотя Неаполитанскій порядокъ дѣлъ, если и отличался чѣмъ отъ австрійскаго порядка въ Ломбардіи, то развѣ только къ худшему. Но мы сами сказали, что въ Неаполѣ съ новымъ царствованіемъ не произошло пока никакихъ перемѣнъ, стало быть и ничего особеннаго важнаго; ничего такого, о чемъ не было бы удобно отложить рѣчь до будущаго времени. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ все вниманіе Европы до того было поглощено войною, что было бы даже несвоевременно требовать отъ читателя терпѣнія слушать подробные разсказы о другихъ дѣлахъ.

Что же произошло новаго въ отношеніяхъ другихъ европейскихъ державъ къ войнѣ? Въ Германіи съ каждою недѣлею усиливается движеніе, требующее вмѣшательства Нѣмецкаго Союза въ помощь Австріи. У насъ имѣютъ привычку сваливать на всѣхъ людей цѣлой націи и на всѣ ея партіи узкіе національные предразсудки, которыми повсюду увлекается толпа, — мы говоримъ не о простолюдинахъ; а собственно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ, — эта толпа, повсюду служащая игрушкою своекорыстія и интриги. Теперь она въ Германіи кричитъ о необходимости защищать итальянскія владѣнія Австріи, кричитъ о томъ, что для всѣхъ нѣмцевъ постыдно, если изгонятъ изъ Италіи нѣкоторыхъ нѣмцевъ, угнетающихъ Италію. У насъ многіе обвиняютъ за это всѣхъ нѣмцевъ. Чтобы показать, что нѣмцы, возвысившіеся надъ пошлыми понятіями, господствующими не въ одной Германіи, судятъ объ этомъ дѣлѣ точно также, какъ судятъ о подобныхъ дѣлахъ возвысившіеся надъ предразсудками люди всѣхъ другихъ націй, мы приводимъ въ приложеніи большіе отрывки изъ брошюры Карла Фохта объ итальянскомъ вопросѣ. Изъ нихъ читатель увидитъ, что этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ такимъ безпристрастнымъ благородствомъ, лучше котораго ничего нельзя представить благородному человѣку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣритъ союзникамъ: онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны мѣшать изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардинцами и ихъ союзниками.

Нѣкоторые ожидаютъ возстанія въ самой Австріи, особенно въ Венгріи. Говорятъ, что Кошутъ отправляется съ нѣсколькими стами венгерцевъ поднимать своихъ соотечественниковъ и что онъ ду-

[illegible] проникнуть въ Венгрію черезъ Дунайскія Княжества. Не знаемъ, правда ли, что онъ уже думаетъ, будто настала благопріятная минута для такой попытки. Но дѣйствительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынѣшнею войною для возстановленія своей свободы. Кошутъ уже приготовлялъ къ этому Европу рѣчами, которыя произносилъ на англійскихъ митингахъ. Въ приложеніи мы переводимъ извлеченіе изъ одной его рѣчи. Оно слишкомъ коротко и безцвѣтно; но мы выбрали все-таки лучшее изъ тѣхъ, какія были у насъ подъ руками.

Изъ этого извлеченія читатель можетъ видѣть между прочимъ, что даже Кошутъ не надѣется отъ Англіи для угнетенныхъ національностей австрійской имперіи ничего, кромѣ нейтралитета. Самое благопріятное для нихъ было бы уже то, если бы Англія не стала прямо помогать австрійцамъ. Изъ такого признанія самого Кошута мы можетъ убѣдиться, какъ неосновательны надежды людей, полагающихъ, что перемѣна министерства можетъ привести Англію къ союзу съ Франціею и Сардиніею въ итальянскомъ вопросѣ. Война принесла уже тотъ вредъ Англіи, что выдвинула на мѣсто перваго министра лорда Пальмерстона, не очень расположеннаго къ внутреннимъ улучшеніямъ, отнявъ первенство между вигами у Росселя, который гораздо либеральнѣе своего бывшаго противника и нынѣшняго друга. Большимъ и почти невѣроятнымъ счастьемъ было бы, еслибъ она не отозвалась подобнымъ образомъ и на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ даже самыхъ итальянцевъ, Будущаго предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какія нибудь непредвидѣнныя событія измѣнятъ ея характеръ и вмѣсто ожидаемыхъ нами разочарованій всѣмъ, увлекающимся надеждами, поведутъ измѣненное дѣло къ хорошимъ результатамъ. Но при томъ характерѣ, съ какимъ началась война и какой сохраняетъ она до сихъ поръ, мы не должны ожидать отъ нея ничего, кромѣ разоренія верхней Италіи, неискупаемаго никакими важными пріобрѣтеніями ни въ національной независимости, ни въ развитіи внутреннихъ учрежденій; — ничего, кромѣ погибели нѣсколькихъ сотъ тысячъ сардинцевъ и французовъ и вдвое большаго числа австрійцевъ въ битвахъ и еще большаго тѣхъ и другихъ въ военныхъ госпиталяхъ отъ тифа, изнурительной лихорадки и другихъ принадлежностей войны. «Чтожь, хорошо и то покрайней мѣрѣ, что перебьютъ много австрійцевъ», скажетъ иной. — Да, если бы 20,000 человѣкъ, выбывшіе изъ строя у Гіулая подъ Маджентою, были австрійцы; но австрійцы — эта не существующая нація, только командуютъ войсками, а эти войска, въ которыхъ солдатъ бьютъ десятками тысячъ, состоятъ на половину изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, а другую половину составляютъ

итальянцы, венгерцы и наконецъ честные, простодушные нѣмцы Вѣны и Инспрука, которые точно также порабощены австрійцами, какъ и венгерцы, и итальянцы, и славяне. Австрійцы только руководители арміи... и на убой за сохраненіе своего владычества повсюду ведутъ они людей ни мало не виновныхъ въ томъ коварствѣ и угнетеніи другихъ людей, которое служитъ основною чертою истиннаго австрійца. Австрійцы, это понятіе не такъ просто, какъ думаютъ наивные люди, представляющіе себѣ его въ географическомъ смыслѣ. Это такое же міровое понятіе, какъ поселянинъ, горожанинъ, портной, или какъ обскурантъ, либералъ, прогрессистъ, реакціонеръ. Австрійцы есть и въ Англіи, и въ Пруссіи, и во Франціи, и Австрія также мало населена австрійцами, какъ Англія, Пруссія или Франція.

Да, мы едва не забыли, что при нынѣшнемъ своемъ характерѣ война ведетъ къ одному вѣрному результату: упроченію власти Наполеона III. Французы уже начали питать къ нему энтузіазмъ за то, что онъ «озаряетъ блескомъ побѣдъ французское оружіе». Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не измѣнитъ своего характера, онъ будетъ безусловно владычествовать во всей Италіи, какъ до сихъ поръ владычествовалъ въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Отрывки изъ Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's v. Karl Vogt.

I. Австрія, стр. 39 — 58.

При вопросѣ объ Австріи прежде всего надобно подумать о томъ, правда ли то, что Австрія—нѣмецкая держава, существенные интересы которой лежатъ въ Германіи, или, напротивъ, она держава чуждая Германіи и стоитъ только одной ногой въ ней? Цифры отвѣчаютъ на это лучше словъ. 37,000,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 16,000,000 славянъ, 8,000,000 нѣмцевъ, 6,000,000 венгровъ и почти 6,000,000 итальянцевъ, — неужели это нѣмецкое государство? неужели это нѣмецкое населеніе? неужели тутъ могутъ преобладать нѣмецкіе интересы? Только самое пошлое тупоуміе, только подкупленное перо можетъ утверждать это. По справедливому выраженію Броха (*), «Австрія государство, не имѣющее въ своемъ цѣломъ никакой натуральности: она конгломератъ различнѣйшихъ земель и клочковъ земель; она не имѣетъ естественныхъ прочныхъ границъ, напротивъ того перерѣзана внутри естественными границами, раздѣляющими ея составныя части; у ней почти нѣтъ морскихъ береговъ, или лучше сказать за исключеніемъ Далматскаго прибрежья, не имѣющаго никакой роли при нынѣшнемъ положеніи вещей, и за исключеніемъ Итальянскихъ провинцій, о которыхъ идетъ споръ, у ней вовсе нѣтъ морскихъ береговъ; она не владѣетъ даже устьемъ единственной своей большой рѣки; она просто смѣшеніе—не націй, а отрывковъ различныхъ народовъ, которые никакъ не могутъ имѣть естественной связи,

(*) Замѣтимъ, что Брохъ также нѣмецъ и брошюра его напечатана по-нѣмецки.

не подходятъ другъ къ другу, не имѣютъ одинаковыхъ интересовъ, которые напротивъ взаимно отталкиваются другъ отъ друга, ненавистны одинъ другому, которые удерживаются вмѣстѣ только насиліемъ, но въ которыхъ уже пробудилось сознаніе ихъ національностей и необходимости измѣнить такое положеніе.»

Со времени подавленія послѣдней революціи всячески увѣряли Европу, что старая Австрія, сгорѣвши въ пламени, возродилась изъ пепла, какъ фениксъ, съ молодымъ императоромъ. Администрація, юстиція, полиція, внѣшняя политика и внутреннія тенденціи, все въ ней измѣнилось, говорятъ намъ. Если вѣрить вдохновеннымъ статьямъ господина Германа Оргеса, опредѣленнаго состоять при австрійской главной квартирѣ въ Ломбардіи корреспондентомъ *Allgemeine Zeitung*, — если вѣрить его статьямъ, то нѣсколько орѣховыхъ скорлупъ, находящихся на Адріатическомъ морѣ, составляютъ важный зародышъ могущественнаго флота, который скоро чуть ли не будетъ соперникомъ англійскому. Много лѣтъ замазывали обманчивымъ пластыремъ язвы, глубоко въѣвшіяся въ австрійскій организмъ, но теперь съ приближеніемъ войны они раскрылись въ отвратительной наготѣ. Намъ говорили о цвѣтущихъ финансахъ, но теперь по продажѣ желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, по продажѣ послѣдней рубашки, при ежегодномъ дефицитѣ болѣе 50,000,000 въ мирное время, при употребленіи почти всѣхъ доходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, послѣ передѣлки монеты для пріобрѣтенія нѣсколькихъ крейцеровъ,—теперь является изумительный результатъ, что даже Ротшильдъ, хотя и считается австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, не принялъ на себя новаго займа, а только взялъ его на коммиссію, что, несмотря на низкій курсъ и высокій процентъ за коммиссію, онъ успѣлъ вмѣсто 150,000,000 помѣстить только 25,000,000 и потерпѣлъ въ Англіи полное фіаско. *Allgemeine Zeitung* печатала много статей, стараясь показать затруднительность финансоваго положенія Сардиніи и постоянное возрастаніе государственнаго долга Франціи. Пусть все это будетъ такъ; положимъ, что Франція истощена и что Піэмонтъ близокъ къ нищенской сумѣ; но легче ли отъ этого финансовое положеніе Австріи? Когда три банкрота колятъ глаза другъ другу, уплачиваются ли тѣмъ ихъ долги? Но мы можемъ еще спросить, въ состояніи ли Австрія сдѣлать то, что теперь дѣлаетъ Піэмонтъ и что сдѣлала Франція въ крымскую войну, — въ состояніи ли она сдѣлать національный заемъ? Піэмонтскій заемъ былъ покрытъ въ нѣсколько дней, и сама Австрія значительно участвовала въ его покрытіи капиталами своихъ итальянскихъ провинцій. Посмотрѣли бы мы, много ли милліоновъ нашла бы Австрія въ своей землѣ и сколько баценовъ получила бы она изъ другихъ земель, еслибы попробовала сдѣлать національный заемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пыталась сдѣлать истинно-добровольный насильственный заемъ. Землевладѣльцы, чиновники, капиталисты, всѣ, кто не дошелъ до нищенства, должны были давать по мѣрѣ своихъ доходовъ. Всяческими средствами старались набрать деньги, и все-таки не собрали и поло-

вины той суммы, какая была нужна. Обмѣнъ бумажныхъ денегъ, о которомъ протрубили, какъ о признакѣ благосостоянія австрійскихъ финансовъ, былъ пустымъ обольщеніемъ, это теперь доказано, и никто не былъ имъ обманутъ, хотя вся эта продѣлка была разсчитана только на обманъ. Неужели можно назвать обмѣномъ бумажныхъ денегъ, когда въ день только два часа продолжается выдача мелкихъ суммъ; а для обмѣна крупныхъ суммъ нужно подавать извѣщеніе за нѣсколько дней и притомъ объявлять свое имя! Разумѣется, никто не пойдетъ на такой обманъ, зная, что иначе подвергся бы полицейскимъ подозрѣніямъ и преслѣдованіямъ. Когда Наполеонъ I хотѣлъ подорвать англійскій банкъ, банкъ только на одинъ день прибѣгъ къ тому, что выдавалъ деньги счетомъ, а не вѣсомъ, какъ прежде. Австрійская касса 365 дней въ году находится въ такомъ же, или, вѣрнѣе сказать, въ гораздо худшемъ положеніи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Австрійская имперія, совершенно истощивъ свои финансовыя силы, находится на краю банкротства, къ которому и прибѣгнетъ, если война затянется, какъ уже прибѣгала прежде. Знающіе финансовые люди пишутъ изъ Вѣны, будто бы и къ войнѣ стремились только за тѣмъ, чтобы она послужила благовиднымъ предлогомъ *для* банкротства.

Что касается до внутренней администраціи, никто въ мірѣ насъ не увѣритъ, будто бы сдѣлано въ ней что нибудь хорошее. Самые ничтожные органы австрійскаго правительства сознаются теперь въ этомъ. Даже полуоффиціальныя корреспонденціи принуждены сознаваться, что прежніе панегирики были пустословіемъ. Въ *Allgemeine Zeitung*, 27 *февраля*, одинъ изъ этихъ полуоффиціальныхъ корреспондентовъ изъ Вѣны писалъ: «Да, мы глубоко сожалѣемъ, что австрійское правительство оставляетъ внутренній организмъ государства какимъ-то трупомъ, что оно не организуетъ провинціальныхъ представительныхъ собраній и черезъ это лишаетъ государство возможности имѣть центральное представительное собраніе; мы думаемъ, что и многія правительственныя лица не менѣе насъ жалѣютъ объ уклоненіи отъ идей Стадіона и Шварценберга. Это дурная сторона нашего положенія, но все-таки наше право (то есть на Италію) остается ненарушимымъ. Мы лишены средства выражать нашъ патріотизмъ съ возвышеннаго центра; но это не относится къ вопросу, о которомъ теперь идетъ дѣло. Либеральна или не либеральна, конституціонна или не конституціонна теперь Австрія, федеративное устройство имѣетъ она или централизована — не о томъ теперь рѣчь. Дѣло не въ томъ, чтобы измѣненіемъ внѣшней политики проложить дорогу болѣе свободному внутреннему развитію государства, вопросъ не о томъ, какова внутренняя организація нашей державы, — дѣло идетъ о цѣлости и о незапятнанной чести нашего отечества.» 21 февраля онъ пишетъ: «Мы очень желали бы быть спокойными относительно организаціи нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Основаніемъ тутъ долженъ служить императорскій патентъ 31 декабря 1851 г.; мы хотимъ исполненія этого декрета, но тутъ возобновляется вопросъ: что же исполнено изъ опредѣленій этого патента?

Мелочныя реформы въ нашемъ судопроизводствѣ сдѣлали изъ него что-то нелѣпое, несоотвѣтствующее ни старому, ни новому принципу: оно не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши прежніе законы. Полумѣры и временныя мѣры потрясли законы въ самыхъ основаніяхъ. По вопросамъ о представительныхъ собраніяхъ, о вѣротерпимости, о муниципальномъ устройствѣ, о торговомъ и промышленномъ законодательствѣ не рѣшено еще ничего. Истинную опасность для Австріи мы видимъ не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ ея дѣлахъ.»

Нужны ли послѣ этого еще свидѣтельства?

Патентъ 31 декабря 1851 года, о которомъ говоритъ вѣнскій корреспондентъ, самъ былъ источникомъ того, что увеличилось внутреннее распаденіе Австріи. Жезломъ побѣдоносной реакціи онъ стиснулъ разныя національности, которыя прежде пользовались хотя призракомъ отдѣльной жизни. Въ изнеможеніи, послѣдовавшемъ за революціей, національности были подавлены безъ сопротивленія. Но теперь чехи, поляки, венгры, южные славяне чувствуютъ, какъ угнетены они ярмомъ централизаціи, повсюду накипаетъ неудовольствіе, которымъ очень легко воспользоваться искусному врагу, чтобы обезоружить Австрію. Будутъ ли служить источникомъ силы для имперіи восточныя провинціи, Венгрія, Славонія, если необходимость войны заставитъ противника помочь недовольнымъ деньгами, оружіемъ, аммуниціею и даже отрядами войска? Въ Кроаціи былъ наказанъ полкъ, не хотѣвшій идти въ походъ; въ Піэмонтѣ съ каждымъ днемъ увеличивается число австрійскихъ дезертировъ, — это ли признаки энтузіазма къ единству Австрійской имперіи? При такихъ признакахъ распаденія нужно только искусно помочь недовольству, чтобы вся имперія развалилась. Франція въ этомъ отношеніи тверда, и каково бы ни было ея правительство, не найдется въ ней партіи, которая вошла бы въ союзъ съ иностранцами. Объ Австріи напротивъ смѣло можно сказать, что въ каждой изъ ея не-нѣмецкихъ провинцій скрывается зерно возмущенія, грозящаго разрушеніемъ цѣлому государству, и что это зерно ждетъ только оплодотворяющаго дождя, чтобы возникнуть изъ земли тысячами отпрысковъ.

Габсбургская династія всегда жила не покровительствомъ народамъ и національностямъ, а ихъ подавленіемъ; она постоянно вела съ хитростью и успѣхомъ гибельную игру, подавляя одинъ народъ другимъ и въ неразборчивости средствъ никогда не уступала бонапартизму. Ламбесса или Мантуя и Шпильбергъ, Каенна или висѣлица, на которой умерли венгерскіе генералы, — тотъ и другой методъ, по нашему мнѣнію, одинаковы. Стремленіе подавить національности принуждаетъ Австрію постоянно изнурять свои собственныя силы; она должна держать такую армію, которая совершенно поглощаетъ всѣ ея финансовыя средства; она должна отовсюду призывать искателей счастія, чтобы они командовали этою безродною арміею. Правду говорили, что Австрія находилась въ лагерѣ Радецкаго. Она и теперь только въ армейскомъ

лагерѣ, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ своихъ собственныхъ народовъ, постоянно занимаетъ свои области военнымъ образомъ. Кромѣ лагеря, Австрія не существуетъ нигдѣ.

Всѣ австрійско-баварскія, всѣ ультрамонтанскія и реакціонныя скрипки разыгрываютъ теперь мотивъ «Австрія нѣмецкое государство». Насъ это ни мало не удивляетъ. Нѣмецкій духъ, нѣмецкое происхожденіе, нѣмецкій союзъ, нѣмецкое призваніе Австріи, — Габсбургскій домъ всегда прибѣгалъ къ этимъ фразамъ, когда грозила опасность его не-нѣмецкимъ провинціямъ. Тогда онъ ласкалъ Германію. Австрія уже давно подготовляла то настроеніе, которымъ теперь хочетъ пользоваться. Годъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ: «Нигдѣ въ цѣлой Германіи нѣтъ теперь такого нѣмецкаго патріотизма, какъ въ вѣнскомъ высшемъ кругу. Нѣмецкое единство — это аксіома, о которой толкуютъ каждый день. Но что думаютъ эти люди на самомъ дѣлѣ, лучше всего можно видѣть изъ словъ Меттерниха, за вѣрность которыхъ я ручаюсь: «Я никогда не согласился бы на созваніе нѣмецкаго парламента,—сказалъ на дняхъ сѣдой дипломатъ: — я до послѣднихъ силъ боролся бы противъ него; но когда его созвали и дали ему законную власть, то какимъ образомъ можно было пренебрегать его произведеніемъ,—имперскою конституціею, этого я не понимаю.»

Послѣ того подкупныя перья начали выставлять нѣмецкой и заграничной публикѣ нѣмецкую политику Австріи въ полномъ ея великолѣпіи, наводя нѣмцевъ на ту мысль, что они должны не жалѣть ни денегъ, ни крови для Австріи. Теперь, когда опасность приблизилась, армія австрійскихъ агентовъ при всѣхъ большихъ и мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ всячески убѣждаетъ нѣмецкія правительства принимать военныя мѣры. Графъ Буоль по всей Германіи разсылаетъ циркуляры, въ которыхъ чисто нѣмецкій характеръ Австріи выставляется съ такою ясностью, какъ будто бы она не имѣла ни владѣній, ни интересовъ внѣ Германіи. Въ чемъ же доказательства нѣмецкаго направленія Австріи? На чемъ основываться, чтобы увѣриться въ нѣмецкомъ патріотизмѣ Австріи, въ ея энергіи, благоразуміи и проницательности? На чемъ основывается теперь она, обращаясь къ патріотизму общаго нѣмецкаго отечества и «съ увѣренностью ожидая отвѣта своихъ высокихъ братьевъ по союзу», какъ выражается графъ Буоль въ циркулярѣ 5 февраля? На своемъ образѣ дѣйствій въ нѣмецкомъ сеймѣ до революціи 1848? На своихъ заслугахъ въ дѣлѣ преслѣдованія нѣмецкой мысли? На несказанныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергла Германію, помогая мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ бросать въ темницу каждаго, у кого было хотя малѣйшее стремленіе къ единству и свободѣ, сковывать печатное слово, лишать всякаго значенія представительныя собранія и повсюду возбуждать племя противъ племени, народъ противъ народа, правительство противъ правительства? Или при своемъ воззваніи Австрія можетъ сослаться на свое поведеніе во время революціи, на то время, когда своими интригами она разрушала всѣ попытки къ основанію нѣмецкаго единства, раздувала старую вражду, привела кроатовъ

опустошить свою собственную столицу, населенную нѣмцами, и наконецъ устроила то, что вмѣсто единства возникъ раздоръ хуже прежняго и плодомъ всѣхъ усилій Германіи остался прежній гибельный нѣмецкій сеймъ? Или при своемъ воззваніи къ единству и патріотизму Германіи можетъ она сослаться на свое поведеніе послѣ революціи? На свои дѣйствія въ національномъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ? Въ этомъ ли нѣмецкое направленіе, которое «всегда выказывала Австрія?» Напротивъ, не представляютъ ли всѣ дѣйствія Австріи въ Германіи непрерывнаго ряда преступленій противъ единства, чести, безопасности, свободы, могущества и величія Германіи?

Въ новой Австріи есть еще особенная черта, которая должна въ самомъ основаніи разрушить всякое довѣріе къ этой державѣ. Эта черта — заключеніе и исполненіе конкордата, который повергнулъ государство къ ногамъ ультрамонтанской партіи, уничтожилъ въ Австріи свободу совѣсти, ввелъ въ ней возмутительнѣйшую религіозную нетерпимость, предалъ исключительно въ руки фанатической партіи воспитаніе и преподаваніе. Послѣ австрійскаго конкордата эта партія мрака подняла голову въ цѣлой Европѣ. Съ той поры она повсюду стала предъявлять неслыханныя притязанія, и цивилизаціи не одного государства, а цѣлаго міра, снова сталъ грозить врагъ, противъ могущественныхъ нападеній котораго она можетъ удержаться только самымъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Такое дѣло должна защищать Германія,— Германія, единственнымъ палладіумомъ которой противъ совершеннаго упадка было до сихъ поръ право свободнаго изслѣдованія, должна жертвовать деньгами и кровью, чтобы спасти Австрію и чтобы спасенная Австрія отняла у нея и это послѣднее утѣшеніе, свободу мысли и совѣсти? О, нѣтъ, лучше намъ во второй разъ быть завоеванными! Отъ иностраннаго ига навѣрное освободилъ бы насъ свободный порывъ духа, воспитаннаго и укрѣпленнаго свободою мысли и совѣсти, какъ спасъ въ 1813 году.

О томъ, какъ Австрія управляетъ своими не-нѣмецкими провинціями, намъ не нужно тратить много словъ. Можно до небесъ превозносить австрійское управленіе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, можно доказывать, что оно лучшее правительство на цѣломъ полуостровѣ, не исключая даже піэмонтскаго; что итальянскіе подданные императора пользуются даже излишними льготами, — все это ни мало не относится къ сущности вопроса. Если бы австрійцы были ангелами на землѣ и осыпали благодѣяніями Ломбардію, все-таки они ненавистны ломбардцамъ: стало быть возраженія противъ ихъ владычества въ Ломбардіи сохраняли бы всю свою силу. Какъ произошла эта ненависть: выражается ли ею негодованіе національнаго самосознанія на вѣковое угнетеніе итальянцевъ нѣмцами; коренится ли она въ новыхъ воспоминаніяхъ о прокламаціи герцога Іоанна въ 1809 году, когда онъ обѣщалъ итальянцамъ свободу и національную независимость, или о прокламаціяхъ Нолжента въ 1813 году; или она просто племенной предразсудокъ, — это рѣшительно все равно. Это постоянное сопротивленіе, эта вѣчная

оппозиція, не дающая ни минуты покоя австрійскому правительству, эти постоянные заговоры, вспыхивающіе то тамъ, то здѣсь, — все это не дѣло одного заговорщика или немногихъ недовольныхъ, напротивъ, это выраженіе глубокой ненависти, вѣдрящейся въ народѣ, ненависти, которая успокоится только тогда, когда исчезнетъ ея причина.

Венгрія находится въ такомъ же положеніи, какъ Ломбардія. 6 милліоновъ воинственнаго, рыцарскаго народа, въ теченіе вѣковъ сохранявшаго свою самостоятельность, не могутъ быть почеркомъ пера подведены подъ безразличный уровень «подданныхъ Австрійской имперіи». Запертая со всѣхъ сторонъ, не имѣя прямой связи ни съ цивилизованнымъ свѣтомъ, ни съ моремъ, Венгрія въ своей политической оппозиціи показываетъ не непрерывныя конвульсіи, какъ Италія, а отрывочные взрывы, но зато страшно сильные, которые каждый разъ приводятъ монархію на край погибели.

Бросимъ также взглядъ на внѣшнюю политику Австріи. Крикуны прежде и теперь начинаютъ кричать, что Австрія предназначена распространить на востокѣ цивилизацію, возвратить Дунай нѣмецкой торговлѣ, быть можетъ германизировать весь востокъ. Но исполнила ли она хотя какую нибудь долю этой задачи? И если Австрія имѣетъ эту задачу, то какой другой путь есть къ ея достиженію, кромѣ поддержки и усиленія національностей, населяющихъ берега Дуная, чтобы онѣ вошли въ нравственный и матеріальный союзъ съ нѣмцами? На комъ, если не на Австріи, лежала прямая обязанность быть защитницею Дунайскихъ княжествъ? Если бы справедлива была болтовня нѣмецкихъ профессоровъ, что Австрія имѣетъ задачею распространить нѣмецкую цивилизацію на востокѣ, она должна была бы примкнуть въ этомъ дѣлѣ къ Франціи. Вмѣсто того Австрія служитъ источникомъ смутъ на востокѣ и все ея стремленіе до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы разслабить силы восточныхъ племенъ внутренними смутами, чтобы отнять у нихъ возможность сблизиться съ австрійскими провинціями.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ Австрія всегда была только полицейскимъ притѣснителемъ, который поддерживалъ ненавистныя народу системы, штыки котораго всегда были готовы, справедливо и несправедливо, по всякому поводу и безъ всякаго повода, поддерживать угнетеніе. Фактически она господствовала въ цѣлой Италіи и постоянно была занята хлопотами усмирять то здѣсь, то тамъ порывы народнаго неудовольствія. Съ династическо-австрійской точки такое положеніе, конечно, было необходимостью. Освобожденіе другихъ частей Италіи повредило бы ея господству въ Ломбардіи. Для сохраненія своихъ владѣній она должна была быть палачемъ въ остальной Италіи, а эта роль принуждала ее подавлять желѣзной рукой всякую жизнь въ ломбардскомъ народѣ.

Нельзя служить двумъ господамъ, а наивные люди думаютъ, что Австрія можетъ вполнѣ служить тремъ господамъ: Германіи, Италіи и Востоку. Когда грозятъ ея итальянскимъ владѣніямъ, она кричитъ:

«помогите, я чисто-нѣмецкая держава!» Если колеблется ея положеніе на Востокѣ, она кричитъ: «помогите, иначе вспыхнетъ революція въ Италіи и Германіи!» Если требуютъ, чтобы она поддерживала своимъ могуществомъ нѣмецкое дѣло, она говоритъ, что занята на Востокѣ и въ Италіи; если нужно поддерживать нѣмецкіе интересы на Востокѣ, она говоритъ, что у ней связаны руки Италіею. У ней, какъ у Филигепрейя въ комедіи Гольбейна, всегда ужасно много хлопотъ съ тѣмъ, чего не нужно дѣлать, и всегда ей некогда дѣлать того, что нужно. Такая жалкая политика необходима въ интересахъ династіи, которая хлопочетъ только о своемъ господствѣ и всячески старается подавить народную жизнь.

Обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса, на уваженіе къ трактатамъ, которые теперь выставляются палладіумомъ европейскаго устройства. Австрійское правительство твердитъ о своемъ уваженіи къ святости договоровъ. Страненъ такой языкъ въ устахъ единственнаго правительства, которое до сихъ поръ видимо нарушало договоры. До сихъ поръ всѣ другія державы хранили ихъ, только Австрія разорвала ихъ.

II. Италія (стр. 66 — 79).

При настоящемъ кризисѣ главное вниманіе Европы обращено на Италію. По низверженіи Наполеона, Италія была «географическимъ понятіемъ», въ которомъ владычествовала Австрія. Въ Сардиніи господствовала Австрія, въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ — Австрія, въ Церковной Области — Австрія, въ Неаполѣ — Австрія. Почти со всѣми этими государствами заключила она договоры, дающіе ей право вооруженнаго вмѣшательства при каждомъ малѣйшемъ случаѣ, и она, какъ нельзя полнѣе, пользовалась этимъ правомъ. Даже на тотъ случай, когда Парма и Піаченца присоединятся къ Сардиніи, Австрія выговорила себѣ сохраненіе крѣпости Піаченцы съ округомъ земли на 2000 туазовъ, считая отъ гласиса. Съ Моденою заключила она наступательный и оборонительный трактатъ, по которому «можетъ вводить въ Моденскія владѣнія и находящіяся въ нихъ крѣпости императорскія войска всякій разъ, когда потребуютъ того интересы общей защиты, или военное благоразуміе» и даже вообще «въ случаѣ событій, внушающихъ опасеніе за тишину и порядокъ». Такой же договоръ заключенъ съ Пармою. Договоръ съ Тосканою идетъ еще далѣе: онъ говоритъ даже о томъ случаѣ, когда вообще «будетъ угрожать война итальянскому полуострову. Въ Церковной Области Австрія успѣла на вѣнскомъ конгрессѣ пріобрѣсти себѣ, несмотря на протестаціи папскаго правительства, право имѣть гарнизоны въ Феррарѣ и Комаккіо. Съ Неаполемъ въ 1815 году былъ заключенъ подъ именемъ наступательнаго и оборонительнаго союза договоръ, по которому Австрія завоевала это государство; Неаполь обязался сохранить безъ перемѣны установленную въ немъ Австріею форму правленія. Австрія въ замѣну обязалась охранять блага внѣш-

наго мира и совершеннаго внутренняго спокойствія и съ этой цѣлью вспомогательный неаполитанскій корпусъ отданъ подъ команду австрійскаго генерала.

Извѣстно, какъ Австрія воспользовалась этими трактатами. Когда Неаполь въ 1820 году принялъ конституцію, Австрія двинула свои войска, возстановила прежнюю форму правленія, стала гонять неаполитанцевъ сквозь строй и занимала Неаполитанское королевство своими войсками цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ она также не ограничивалась правомъ содержать гарнизоны. Куда ни вступали австрійскіе генералы, они захватывали въ свои руки администрацію и уголовный судъ, диктатуру надъ дѣлами и словами; австрійцы казнили патріотовъ, жители должны были исполнять австрійскія предписанія. Такимъ образомъ Австрія была фактически владѣтельницею всей Италіи, потому что ни одно изъ правительствъ полуострова не могло бы удержаться собственной силой. Развѣ могъ бы держаться собственной силой Неаполь или папское правительство, гнусность котораго видятъ самые заклятые ультрамонтаны? Развѣ можно считать Тоскану и маленькія герцогства самостоятельными государствами, способными держаться собственной силой? Если бы они могли держаться сами, Австрія не стала бы теперь держаться за договоры съ ними съ силою отчаянія, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, не стала бы дѣлать изъ нихъ вопроса о жизни и смерти для цѣлой имперіи; эти договоры были бы ненужными клочками бумаги, и не послала бы она 200,000 солдатъ защищать ихъ. Дѣло понятно каждому. Въ тотъ самый день, когда поутру европейскія державы объявятъ, что ни одна изъ нихъ, ни Франція, ни Австрія, ни Россія, ни Англія, ни Баварія, ни Сардинія не могутъ вводить своихъ войскъ въ эти государства и что не могутъ они держать иностранныхъ наемныхъ солдатъ, — вечеромъ того же дня, утромъ котораго будетъ принято и исполнено это рѣшеніе, папа, неаполитанскій король, великій герцогъ тосканскій, герцоги и герцогини съ своими пожитками, приживателями и приживалками побѣгутъ за границу, кому куда ближе. Но въ тотъ же день на ломбардо-венеціанской границѣ явится сосѣднею австрійцевъ революція.

Таково было бы несомнѣнное положеніе дѣлъ въ Италіи, еслибы только предоставить ее самой себѣ и очистить отъ иностранныхъ штыковъ.

Только одно государство осталось бы непоколебимо среди общаго волненія, могло бы уменьшить свою армію, поставить ее на мирное положеніе. Это государство — Піемонтъ, бывшій прежде политическимъ спутникомъ Австріи, а теперь по принятіи національной политики сдѣлавшійся злѣйшимъ ея противникомъ. Положимъ, что въ основаніи этой политики кроется мысль о династическомъ возвеличеніи сардинскаго дома, что Сардинія хочетъ дать Италіи только независимость отъ иностранцевъ, а не внутреннюю свободу; но все-таки несомнѣнно то, что эта политика соотвѣтствуетъ теперь національному настроенію итальянскаго народа. Правда, что для достиженія своей цѣли Піемонтъ дѣлалъ

чрезвычайныя усилія, далеко превышающія его средства. Финансы его обременены чрезмѣрными долгами; доходы его израсходованы надолго впередъ; съ какимъ-то хвастовствомъ, неумѣстнымъ для такого маленькаго государства, Сардинія принимала участіе въ войнѣ, чтобы пріобрѣсти себѣ дружбу Франціи и Англіи и уваженіе Россіи. Но развѣ эти усилія были совершенно напрасны и не вознаграждены многими пріобрѣтеніями? Развѣ производительныя средства страны не увеличились въ чрезвычайной степени, развѣ не построены шоссе и желѣзныя дороги, не улучшено и не преобразовано внутреннее управленіе, не развита и не укрѣплена политическая жизнь? И развѣ всѣ эти усилія не были устремлены къ цѣли дѣйствительно благородной, — къ тому, чтобы освободить угнетенное племя отъ иноземнаго ига?

Извѣстная партія старается возбудить сомнѣніе въ способности итальянскаго племени управлять самимъ собою; но каковы бы ни были недостатки итальянскаго характера, все-таки этому племени, какъ и всякому другому, принадлежитъ право располагать своею судьбою, какъ само оно хочетъ. 35 лѣтъ тому назадъ вся Европа сочувствовала борьбѣ грековъ съ турками за свою свободу. Неужели итальянцы заслуживаютъ сочувствія менѣе грековъ? Кто дѣйствительно знаетъ, видѣлъ собственными глазами эти два племени, тотъ ни на минуту не усомнится, которое изъ нихъ заслуживаетъ больше симпатіи. Надъ греками рабство тяготѣло долѣе и сильнѣе, въѣлось въ нихъ глубже. Но возвратимся къ итальянскому народу. Мы признаемъ въ немъ много недостатковъ, порожденныхъ, развитыхъ, привитыхъ долгимъ внутреннимъ и внѣшнимъ угнетеніемъ; но мы признаемъ въ немъ съ другой стороны пламенный патріотизмъ, неутомимо возобновляющій свои усилія для освобожденія Италіи; мы видимъ въ немъ быстроту пониманія и соображенія, свидѣтельствующую о великихъ умственныхъ способностяхъ, которыя при первой возможности снова могутъ обнаружиться такимъ же блистательнымъ образомъ, какъ прежде. Въ характерѣ итальянскаго народа мы видимъ множество превосходныхъ качествъ, множество благородныхъ зачатковъ, которые теперь подавляются, но тѣмъ не менѣе существуютъ и способны къ развитію. Аргументы, противопоставляемые освобожденію итальянцевъ, тѣже самые, которыхъ мы наслушались отъ противниковъ эманципаціи евреевъ: это все тѣ же аргументы, которые всегда выставлялись угнетателями противъ каждаго народа, стремившагося къ независимости. Фальшивый кругъ, по которому вѣчно строятся силлогизмы при подобныхъ вопросахъ, повторяется и здѣсь. «Освобожденіе должно совершиться тогда, когда народъ созрѣетъ до него: теперь онъ еще не созрѣлъ, и потому долженъ оставаться въ рабствѣ.» Но въ рабствѣ онъ никогда не созрѣетъ, будетъ отвѣчать защитникъ освобожденія: его недостатки порождены и развиты рабствомъ. Уничтожьте причину и исчезнетъ послѣдствіе. Дайте народу въ его независимости почву, на которой могъ бы онъ развиваться нормальнымъ образомъ, и онъ разовьется гармонически, сообразно своей натурѣ, и будетъ приносить благородные плоды вмѣсто волчцовъ и

терній, порождаемыхъ нынѣшнею почвою рабства. Мы спросимъ далѣе, кто долженъ опредѣлить норму, по которой должно измѣряться право народа на свободу?—Поработитель?—но его собственный узкій интересъ вѣчно будетъ заставлять его говорить, что эта норма еще не достигнута и, продолжая свое притѣсненіе, онъ съ каждымъ днемъ будетъ уменьшать возможность къ достиженію нормы. Это все равно, что обѣщать человѣку извѣстную должность, если онъ пріобрѣтетъ извѣстныя познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещать ему посѣщать школу, въ которой онъ только и можетъ пріобрѣсть эти знанія.

Партія угнетателей Италіи, выставляющая эти возраженія и подавляющая національныя стремленія, находитъ себѣ контрастъ въ другой партіи, которая въ абстрактномъ абсолютизмѣ своихъ революціонныхъ стремленій кажется мнѣ столь же уклоняющеюся отъ истины, какъ и противная ей партія. Я говорю о такъ называемой партіи мадзинистовъ, идеаломъ которыхъ служитъ единая и нераздѣльная итальянская республика, которая написала на своемъ знамени абстрактный девизъ «*Dio e Popolo*» и отвергаетъ, какъ предательство національному дѣлу, всякое переходное состояніе между нынѣшнимъ положеніемъ и республикою. Намъ кажется, что эта партія страдаетъ двумя главнѣйшими недостатками: непониманіемъ національнаго характера и невѣрностью въ расчетахъ о томъ, какія силы нужны для достиженія цѣли. Историческое развитіе и направленіе народныхъ чувствъ безъ сомнѣнія указываютъ на федеративное устройство Италіи, а не на централизованную республику съ единственною столицею Римомъ. Намъ кажется, что полное государственное единство въ Италіи —все равно, съ республиканской или монархической формой,—можетъ быть установлено только при помощи страшнаго внутренняго деспотизма и при пролитіи цѣлыхъ рѣкъ крови въ междоусобныхъ войнахъ. Но должны ли идти итальянцы этимъ путемъ, разумѣется, мы должны предоставить ихъ собственному разсужденію и обстоятельствамъ будущаго.

Еще опаснѣе этой тенденціи кажется намъ то, что революціонная партія ошибается въ своихъ силахъ, считая ихъ слишкомъ большими, и поэтому отвергаетъ всякое соединеніе съ партіею федеральнаго направленія для достиженія окончательной цѣли, даже нападаетъ неумолимымъ образомъ на тѣхъ, которые соединяются съ нею для достиженія ближайшихъ цѣлей. Можно очень подробно высчитывать милліоны, эмфатически говорить о непреоборимой силѣ революціи и народныхъ ополченій и о томъ, что регулярныя войска не такъ сильны въ битвахъ, какъ вообще думаютъ; но что бы мы ни говорили, сила все-таки остается силой, и мы знаемъ, что организація силы придаетъ ей такое могущество, до котораго не возвышается неорганизованная сила. А единственная организованная сила, которая теперь можетъ служить въ Италіи національному дѣлу, есть сардинская армія и остальная народная сила должна сгруппироваться около нея, чтобы получить возможность дѣйствовать; а въ настоящее время сардинская армія можетъ служить только

дѣлу независимости и конституціонной монархіи, а не дѣлу республиканской свободы. Надобно-ли отталкивать ее отъ себя за то, что она не пойдетъ далѣе этой границы? Мы думаемъ совершенно иначе; и если даже предположить, что по завоеваніи независимости республиканская партія для достиженія полнѣйшей свободы должна была бы обратиться противъ своей прежней союзницы, — даже предполагая это, мы все-таки думаемъ, что она не должна отвергать теперь союза съ нею.

Итакъ, мы напутствуемъ самыми искренними желаніями стремленія Италіи, усилія Піэмонта; и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, мы желаемъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, какъ въ 1848 году выражали «измѣнническое» желаніе, чтобы Радецкіе были побиты. Мы глубоко скорбимъ, что нѣмецкая сила, нѣмецкая кровь будетъ приноситься въ жертву гнилому дѣлу; мы употребимъ всѣ усилія уничтожить возможность возобновленія подобныхъ событій въ будущемъ; но теперь мы считаемъ пораженіе Австріи въ Италіи неизбѣжною необходимостью, къ которой ведетъ неумолимая судьба. Австрія сурово упрекаетъ піэмонтское правительство, піэмонтскій народъ за то, что они прибѣгаютъ къ войнѣ и революціи; но развѣ не то же дѣлали нѣмцы въ 1812 и мы сами въ 1813 году? Мы теперь снова восторженно прославляемъ національное нѣмецкое восстаніе, низвергнувшее Наполеона. Но развѣ въ 1813 году Пруссія играла относительно нѣмецкихъ государствъ, связанныхъ договорами съ Наполеономъ, не ту же самую роль, какую теперь Піэмонтъ играетъ относительно Ломбардо-Венеціанскаго королевства и мелкихъ итальянскихъ государствъ? Пруссія тогда, также съ отверстыми объятіями принимала дезертировъ и въ одинъ день приняла, напримѣръ, 10,000 саксонцевъ; она явно покровительствовала заговорамъ и возстаніямъ въ земляхъ тѣхъ нѣмецкихъ государей, которые были союзниками иностраннаго поработителя; Пруссія тоже нарушала тогда договоры, соблюдать которые клялась; она исподволь подготовляла возстаніе, а между тѣмъ формально отрекалась отъ всего, что дѣлала втайнѣ, до той поры, когда пришло время сбросить маску. И развѣ она была достойна порицанія? — нѣтъ, она была права! Фальшивость, заговоръ, измѣна, нарушеніе договоровъ, все это смыто давностію цѣли со скрижалей исторіи, на которыхъ остались только священныя слова: «освобожденіе народа отъ иноземнаго ига». Нѣмца и даже испанца, боровшагося противъ французовъ, благословляетъ теперь слава, потому что онъ хотѣлъ независимости своей націи.

III. ВТОРОСТЕПЕННЫЯ НѢМЕЦКІЯ ГОСУДАРСТВА (стр. 90—100).

По различію мѣстоположенія и вѣроисповѣданія, по историческимъ отношеніямъ племенъ и семейнымъ связямъ царствующихъ династій, въ мелкихъ государствахъ нѣмецкаго союза владычествуютъ очень различныя вліянія, изъ которыхъ часто происходятъ даже долгія неудовольствія между правительствомъ и народомъ. Совершенно подчинена австрійскому вліянію особенно Баварія, имѣющая столько же охоты, не

гораздо менѣе средствъ, играть изъ себя великую державу, какъ и Сардинія, которую баварскій органъ, *Allgemeine Zeitung*, ежедневно упрекаетъ за это стремленіе.

Какъ есть спутники у Австріи, такъ есть они и у Пруссіи. Мекленбургъ—Прусская Баварія, Баденъ—Прусская Саксонія. Берлинъ кажется второй отчизной для мекленбургскихъ герцоговъ, а мекленбургскій феодализмъ кажется идеаломъ для померанскаго дворянства. Шверинъ и Стрелицъ находятся подъ косвеннымъ управленіемъ Пруссіи, какъ Мюнхенъ подъ управленіемъ Австріи. Баденскій престолъ обязанъ своимъ возстановленіемъ прусскому войску, а нынѣшній герцогъ тѣсно связанъ съ прусскою династіею родственными связями. Такимъ образомъ въ Баденѣ такое же положеніе, какъ въ Саксоніи. Дворъ идетъ съ Пруссіей, но народъ не раздѣляетъ этой симпатіи.

Совершенно преданы прусскому интересу Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ, Ольденбургъ; болѣе преданы Австріи Виртембергъ, Гессенъ-Дармштатъ, Нассау и Ганноверъ. Тѣ нѣмецкія государства, которыя, во время отказавшись отъ союза съ Наполеономъ, сохранили полученное отъ него расширеніе границъ, еще живо помнятъ, какъ трудно было имъ на вѣнскомъ конгрессѣ защититься отъ прусскаго стремленія къ единству Германіи, и въ правительствѣ каждаго изъ этихъ государствъ сохраняется желаніе возобновить прежнюю игру при удобномъ случаѣ и вести ее на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей. Каждый маленькій министрикъ, управляющій государствомъ величиною въ одинъ прусскій округъ, воображаетъ себя такимъ тонкимъ дипломатомъ, который въ случаѣ политическихъ переворотовъ съумѣетъ спасти независимость своего государства и даже увеличить его; потому всѣ эти господа при началѣ кризиса стараются примкнуть къ сторонѣ, обѣщающей больше выгодъ.

Въ Австріи никто не предполагаетъ желанія увеличить свои владѣнія на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, а Пруссія, какъ всѣмъ кажется, не можетъ избѣжать такого стремленія. Особенно Ганноверъ считаетъ чрезвычайно опасными для себя слишкомъ дружескія объятія сосѣда и потому теперь онъ торопится съ манифестаціями, служащими выраженіемъ не патріотизма, а просто недовѣрія къ Пруссіи.

Объ остальныхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ едва ли стоитъ говорить. Запрещаютъ ли Нассау вывозъ лошадей, пишетъ ли оперы герцогъ Саксенъ-Кобургскій, — это, по нашему мнѣнію, не будетъ имѣть важнаго вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ. Эти маленькія фигурки европейскаго маскарада появляются на сценѣ и исчезаютъ съ нея, не возбуждая особеннаго вниманія ни въ комъ, кромѣ своихъ подданныхъ, число которыхъ, какъ мы знаемъ, не очень велико.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о Нѣмецкомъ Союзѣ вообще. Едва ли нуженъ былъ такой сильный толчекъ, какъ нынѣ, чтобы снова показать всю бѣдственную глубину нѣмецкаго паденія, показать, что единство Германіи не болѣе, какъ иллюзія, питаемая въ сердцѣ народа, но постоянно уничтожаемая правительствами отдѣльныхъ государствъ и

ихъ сепаратизмомъ. Неспособный сдѣлать ни шага впередъ, нѣмецкій Сеймъ снова явился соотвѣтствующимъ той цѣли, для которой созданъ дипломатами, снова явился препятствіемъ къ единству, машиною для подавленія всякаго національнаго чувства, всякаго стремленія къ свободѣ въ нѣмецкомъ народѣ. Какова бы ни была дорога, по которой слѣдуетъ идти Германіи въ настоящемъ кризисѣ, несомнѣнно то, что Германія, какъ одно цѣлое, должна была бы энергически идти опредѣленнымъ путемъ; а между тѣмъ теперь злополучный нѣмецкій Сеймъ, злополучный Нѣмецкій Союзъ, бродитъ, какъ пьяный кругомъ дорожнаго столба и напрасно усиливается разобрать, по какой дорогѣ ему идти. И можно ли ожидать чего нибудь иного? Можетъ ли существовать единство интересовъ въ союзѣ государствъ, изъ которыхъ главныя необходимо увлекаются интересами, чуждыми союзу? Союзъ не можетъ соотвѣтствовать своей цѣли, пока въ немъ есть члены, не принадлежащіе къ нему, такіе члены, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ союза. Именно таково положеніе Нѣмецкаго Союза. Развѣ не членъ его король Голландіи по своей провинціи Люксенбургу? и развѣ выгода Голландіи не требуетъ того, чтобы держать запертыми для нѣмцевъ устья Рейна и всячески подавлять торговлю Германіи? Развѣ не членъ Нѣмецкаго Союза король датскій по Голштейну и Лауэнбургу? и развѣ не запираетъ устья Эльбы датская таможня? Кто скажетъ, что Данія, имѣющая голосъ на нѣмецкомъ Сеймѣ, руководится нѣмецкими интересами? И развѣ Пруссія не владѣетъ Познанью? и развѣ ея нѣмецкая область, Восточная Пруссія, не оставлена внѣ союза? Развѣ большая часть австрійскихъ областей не находится внѣ союза? и развѣ не должна поэтому Австрія необходимо имѣть интересы враждебные Нѣмецкому Союзу? Перечисленіе этихъ уродливостей доказываетъ, что Нѣмецкій Союзъ рѣшительно не имѣетъ условій, нужныхъ для живаго существованія, и станетъ живымъ тѣломъ только тогда, когда избавится отъ наростовъ, чуждыхъ нѣмецкой національности: только тогда составитъ онъ крѣпкое однородное цѣлое, имѣющее одинъ интересъ, одну политическую мысль. . . .

О внутреннемъ устройствѣ нѣмецкаго полицейскаго союза, осужденнаго на политическое безсиліе, мы не хотимъ и говорить: говорить объ этомъ, значило бы даромъ тратить слова. Мы укажемъ только на одно обстоятельство, что въ критическія минуты, подобныя настоящей, нѣмецкій народъ получилъ бы громадную силу отъ центральнаго собранія своихъ представителей, въ которомъ велись бы совѣщанія о политическомъ положеніи. Изъ недавняго раздора и безсилія нѣмецкія правительства въ опасныя времена всегда спасались только тѣмъ, что призывали на помощь силу народа; но каждый разъ народное довѣріе бывало обмануто по ихъ избавленіи изъ бѣды. Теперь снова наступаетъ такой періодъ обольщенія; снова призываютъ на помощь народную силу, признавая, что надобно произвесть важныя реформы; и снова народъ будетъ обманутъ, какъ былъ обманутъ прежде. Побѣдивъ непріятеля, снова откроютъ, что нѣтъ необходимости исполнять данныя обѣщанія.

Я никогда не приписывалъ себѣ дара пророчества, но долженъ вспомнить, что въ 1848 году я говорилъ съ трибуны: «нѣмецкій народъ обманули въ 1813 году Калишскою прокламаціею, снова обманули его въ 1830 и въ третій разъ обманутъ въ 1848 году.» Это предсказаніе исполнилось, и судя по тому способу, какимъ ведется теперь политическое движеніе, надобно сказать, что и въ нынѣшній разъ произойдетъ такой же обманъ, и за движеніемъ последуетъ еще большее униженіе. Вытащите Австрію изъ бѣды, пожертвуйте вашими силами для сохраненія гнилаго мира, обманчивой тишины, для поддержанія этого противоестественнаго государства, которое безъ вашей помощи развалится, — сдѣлайте это, и вы не замедлите вкусить плоды вашего безумія и легковѣрія. По своему обычаю Австрія и въ нынѣшній разъ «изумитъ свѣтъ колоссальностью своей неблагодарности.» Когда вы ее спасете, она найдетъ, что Нѣмецкій Союзъ организованъ совершенно удовлетворительно, чтобы служить ей орудіемъ; и въ чувствѣ этой удовлетворительности, всевозможными интригами и насиліями постарается оставить Нѣмецкій Союзъ въ нынѣшнемъ его видѣ и отстранить всякую реформу, въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Вопросъ теперь не въ томъ, защищаться ли намъ противъ внѣшняго врага, — онъ не нападаетъ на насъ, не угрожаетъ намъ, его нѣтъ, развѣ мы сами сочинимъ его, — нѣтъ, вопросъ въ томъ, поддерживать ли намъ нынѣшнее гнилое положеніе, укрѣплять ли его нашъ своею кровью на вѣковое униженіе и ослабленіе отечества.

IV. Вопросъ о войнѣ для Германіи (стр. 101 — 125).

Каково отношеніе Нѣмецкаго Союза къ Австріи въ случаѣ итальянской войны, пока эта война будетъ ограничиваться не нѣмецкими провинціями Австріи, не касаясь нѣмецкой границы? Отвѣтъ на это совершенно простъ. Если граница Нѣмецкаго Союза будетъ перейдена неприятелемъ, союзъ обязанъ всѣми силами вооружиться на ея защиту; если же союзныя земли останутся неприкосновенными, то отъ Союза совершенно зависитъ, защищать или не защищать область одного изъ союзниковъ, находящуюся внѣ союза. Это ясно сказано въ 47 статьѣ союзнаго акта.

Итакъ дѣло зависитъ единственно отъ того, надобно ли считать опасностью для союзныхъ земель, когда австрійцы будутъ сражаться съ піемонтцами и французами въ долинахъ По, Минчіо и Адидже, надобно ли въ этомъ случаѣ ограничиться только мѣрами для собственной защиты, или идти далѣе и помогать Австріи? Дѣло стоитъ внимательнаго изслѣдованія: крики газетъ и нѣкоторыхъ палатъ такъ запутали и искавили вопросъ, что надобно распутать его. Крикъ поднятъ такой, что подумаешь, будто дѣло идетъ не о войнѣ на По, а о войнѣ на Рейнѣ; что арміи направляются во Францію не на югъ, а на сѣверъ и востокъ; что идутъ онѣ помогать не сардинцамъ, а голландцамъ и бельгійцамъ, вторгающимся въ Германію. Австрія мѣняетъ свой

цвѣтъ, какъ хамелеонъ. Еще въ декабрѣ флагъ ея былъ черный съ желтымъ, чисто австрійскій, а теперь подкупленныя въ Германіи газеты намазали на немъ такую широкую красную полосу, что онъ сталъ похожъ на трехцвѣтный нѣмецкій флагъ, такъ долго бывшій подъ запрещеніемъ; а если нынѣшнее колебаніе продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то можно ожидать, что красный цвѣтъ возьметъ рѣшительный перевѣсъ въ австрійскомъ знамени и нѣмецкій народъ съ удивленіемъ увидитъ, что Австрія всегда желала возстановить франкфуртскій парламентъ. Вѣдь *Allgemeine Zeitung* уже посылаетъ рукою любезные поцалуи нѣмецкимъ изгнанникамъ. Нелѣпость провозглашаемаго теперь принципа лучше всего можно выказать, примѣнивъ къ не-нѣмецкимъ областямъ другихъ членовъ союза то понятіе, какое хотятъ заставить принять насъ. Королевство Датское, королевство Голландское находятся къ Германіи точно въ такомъ же отношеніи, какъ Австрія: меньшая часть ихъ областей и ихъ населенія принадлежитъ къ Нѣмецкому Союзу; другая, большая часть, не принадлежитъ Германіи; ихъ интересы противоположны интересамъ Нѣмецкаго Союза; большинство жителей въ государствѣ, какъ одномъ цѣломъ, не принадлежитъ къ нѣмецкой національности. Но въ этомъ отношеніи Голландія и Данія все-таки поставлены выгоднѣе, чѣмъ Австрія, потому что въ нихъ господствующее большинство по крайней мѣрѣ родственно съ нѣмцами. Теперь мы спросимъ каждаго изъ честныхъ нѣмцевъ, обольщаемыхъ лживостью подкупныхъ газетъ: чувствуетъ ли онъ за собою обязанность спѣшить на помощь Голландіи или Даніи, если непріятель будетъ грозить ихъ областямъ, не входящимъ въ Нѣмецкій Союзъ? Въ Гольштейнѣ нѣмцы храбро сражались и были побѣждены и продолжаютъ теперь тяжелую парламентскую борьбу, потому что Данія хочетъ уничтожить различіе между своими областями и уничтожить самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ. Развѣ не то же сдѣлала Австрія? развѣ она также не сбила въ одну кучу нѣмцевъ и словаковъ, чеховъ и венгровъ, поляковъ и итальянцевъ, и притомъ еще безъ конституціи, безъ народнаго представительства?

Итакъ положеніе совершенно одинаково. Предположимъ теперь такой случай: по поводу Зундской пошлины, гарантированной Даніи трактатами, Сѣверная Америка, Англія и Россія нападаютъ на Данію: станутъ ли увѣрять насъ, что поднялась бы вся Германія и послала бы свои войска защищать датскіе острова? Разумѣется, кто заговорилъ бы объ этомъ, былъ бы объявленъ за сумасшедшаго. Но, говорятъ намъ, опасность грозитъ нѣмецкимъ землямъ: — истинная цѣль французовъ Рейнъ. Если такъ, защищайте Рейнъ, твердо объявите, что нарушеніе неприкосновенности этой границы будетъ объявленіемъ войны Нѣмецкому Союзу, приготовьте, если хотите, войска. Это будетъ умно, если только ваши опасенія основательны. Но держитесь же строго въ границѣ союзныхъ обязанностей, не переступайте ни на шагъ дальше ихъ. Развѣ Нѣмецкій Союзъ обязанъ постоянно напрягать свои силы для защиты провинцій, до которыхъ ему нѣтъ никакой надобности, которы

только наводятъ на него опасности и внушаютъ нѣкоторымъ членамъ Союза стремленія противныя его интересамъ? Время намъ, если не теоретически, то практически рѣшить этотъ вопросъ. Съ вѣнскаго мира еще ни одному солдату не нужно было браться за ружье для защиты отъ иностраннаго нападенія областей, принадлежащихъ къ Союзу. Но Союзъ долженъ былъ воевать противъ одного изъ своихъ членовъ, короля Датскаго. Пруссія вела войну въ своей области, не принадлежащей къ Нѣмецкому Союзу — въ Познани; Австрія вела ожесточенную войну въ своихъ областяхъ, не принадлежащихъ къ Союзу—въ Венгріи и Италіи. Кто страдалъ отъ всѣхъ этихъ битвъ и войнъ? Страдали нѣмецкія области, Нѣмецкій Союзъ. Всѣ столкновенія происходили отъ не-нѣмецкихъ областей и господство надъ этими областями было для Нѣмецкаго Союза только причиною растраты крови и денегъ, источникомъ слабости и внутренняго разстройства.

Если мы не воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ для измѣненія такого порядка дѣлъ, мы будемъ терпѣть попрежнему; а этотъ порядокъ дѣлъ не измѣнится, пока Нѣмецкій Союзъ будетъ по рукамъ и по ногамъ скованъ прикованными къ нему нѣмецкими областями, и отъ этихъ оковъ покрыты ранами его члены. Эти нѣмецкія области—вѣчныя фонтанели, вытягивающія изъ него жизненные соки, покрывающія его гнойными язвами. Эти наросты дикаго мяса не укрѣпляютъ, а разслабляютъ Германскій Союзъ, и истинно нѣмецкая, истинно національная политика первою задачею своею должна поставить осуществленіе единственнаго разумнаго принципа, говорящаго: никакой союзъ не долженъ имѣть владѣній, не принадлежащихъ къ союзу.

Въ послѣднее время дѣлали много воззваній къ нѣмецкому сердцу. Мы сдѣлаемъ воззваніе къ нѣмецкой головѣ, которая пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ. Уловить благопріятную минуту для осуществленія своей цѣли, — вотъ главная задача политической практики. Отъ умѣнья уловить эту минуту зависитъ успѣхъ дѣла. А по нашему мнѣнію, пора бы намъ убѣдиться изъ опыта, что въ спокойное время политическаго застоя не удавалось намъ произвести ни малѣйшаго измѣненія въ бѣдственномъ положеніи Германіи, что только во времена внѣшнихъ или внутреннихъ невзгодъ, войны или революціи, нѣмецкія правительства удостоивали обѣщать отстраненіе этихъ бѣдствій, но брали назадъ свои обѣщанія, какъ только переставала опасность грозить имъ. Преобразованіе Нѣмецкаго Союза, его тѣснѣйшее сплоченіе должно служить единственнымъ ручательствомъ за неприкосновенность его границъ. Всѣ остальныя полумѣры будутъ только жалкимъ замазываніемъ щелей, раскрывающихся все шире и шире подъ обманчивою замазкою. Потому и теперь, когда бѣдствіе низвергается на Австрію, намъ надобно воспользоваться этою благопріятною минутою, чтобы преобразовать Нѣмецкій Союзъ, установить его на новыхъ основаніяхъ. Вмѣсто патріотическихъ возгласовъ, вмѣсто наивной довѣрчивости, съ которою отлагаютъ всякое улучшеніе внутреннихъ отношеній до будущаго времени, до того времени, когда пройдетъ бѣда, — вмѣсто

этой смѣшной довѣрчивости мы требуемъ мужественной твердости, твердаго стремленія къ нашей собственной, ясно-сознанной цѣли; мы требуемъ, чтобы партія, которой дорого единство Германіи, поставила это единство условіемъ для нѣмецкихъ правительствъ; чтобы она объявила, что пришло время дать дѣйствительное существованіе Нѣмецкому Союзу и ограничить его тѣми провинціями, въ которыхъ населеніе дѣйствительно составляютъ нѣмцы, тѣми областями, у которыхъ интересъ одинъ и тотъ же. Если серьезно захотѣть этого, легко теперь достичь этого. А если мы отложимъ реформу до окончанія войны, то безъ особеннаго пророческаго дара можно предсказать, что единство Германіи снова останется мечтою до пришествія новыхъ бѣдъ.

«Но договоры!—говорятъ мнѣ.—Договоры должны быть охранены. Надобно поражать того, кто нарушитъ ихъ. На этихъ договорахъ основанъ европейскій миръ. Горе тому, кто ихъ нарушитъ!» — Но мы напрасно усиливаемся считать эти договоры ненарушенными. Напрасно мы искали въ вѣнскомъ и парижскомъ трактатахъ Бельгійскаго королевства,—оно существуетъ только по нарушенію этихъ договоровъ, нарушенію, жертвою котораго былъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, голландскій король, защищать котораго не думалъ никто, въ томъ числѣ и Нѣмецкій Союзъ. А король голландскій точно такой же членъ Союза, какъ императоръ австрійскій, и владѣніе Бельгіею было гарантировано ему тѣми же трактатами и съ такою же торжественностью, какъ императору австрійскому владѣніе итальянскими провинціями; и все-таки Бельгія отторглась отъ него въ противность договорамъ и, надобно замѣтить, отторглась только благодаря также французскому вмѣшательству. Если бы Франція не положила на вѣсы свою шпагу, то Галландія навѣрное подавила бы Бельгію.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Мы уже говорили, что ихъ нарушала и сама Австрія. Въ вѣнскомъ трактатѣ мы находимъ Краковскую республику. Австрія прибрала ее къ своимъ рукамъ, несмотря на вялыя протестаціи Франціи и Англіи, и теперь мы находимъ только австрійскій провинціальный городъ Краковъ, безъ всякаго слѣда самостоятельности.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Во Франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали депутаты Шлезвига, Восточной Пруссіи; и Германскій Сеймъ, и Франкфуртскій парламентъ торжественно объявили, что эти области принадлежатъ къ Германскому Союзу. По договорамъ 1815 года, напротивъ, онѣ не принадлежатъ къ нему.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

По договорамъ 1815 года родъ Бонапарте навѣки изгнанъ изъ Франціи и всѣ державы обязались изгонять его изъ Франціи, если будетъ нужно, вооруженною силою. Всѣ державы оффиціально признали и продолжаютъ признавать новую Французскую имперію.

Договоры 1815 года гарантируютъ, что Швейцарія должна сохранить то устройство, какое получила въ 1815 году. Швейцарскій народъ совершенно измѣнилъ это устройство. Всѣ державы признали этотъ переворотъ.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Полноте же лицемѣрить!

Мы знаемъ теперь, какъ произошли эти трактаты; мы знаемъ, какія пружины тутъ дѣйствовали, и знаемъ жалкій результатъ ихъ, такъ называемое европейское равновѣсіе, которое ежеминутно колеблется и ничего не уравновѣшиваетъ. Даже Гизо, этотъ закоснѣлый доктринеръ, признается въ своихъ мемуарахъ, что эти трактаты были бѣдствіемъ для Европы.

Трактаты, подобно законамъ, служатъ выраженіемъ извѣстной эпохи, бываютъ произведеніемъ извѣстнаго отношенія партій или государствъ, которое можетъ быстро измѣняться. На вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствовали только династическіе интересы и дипломатическія взятки. Но послѣ того народная жизнь шла впередъ гигантскими шагами, и она, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, требуетъ новаго выраженія, новой одежды для тѣла, въ которомъ движется. Сознаніе національности повсюду развивается неудержимо, и раньше или позже разорветъ цѣпи, наложенныя на національности трактатами.

Въ движеніи, глубоко взволновавшемъ теперь Германію и усиливающемся съ каждымъ днемъ, прекрасная и возвышенная сторона является въ искаженіи нечистыми элементами. Возвышенную сторону движенія составляетъ національное чувство, потребность единства, сознаніе необходимости для Германіи имѣть самостоятельную политику. Возвышенную сторону его составляетъ сближеніе при мысли объ угрожающей опасности, хотя бы мнимой, требованіе общихъ мѣръ, которое отчасти возникаетъ изъ народа, къ которому почти равномѣрно примкнули всѣ политическія партіи, между тѣмъ какъ правительства неохотно поддаются господствующему направленію. Это движеніе свидѣтельствуетъ, что событія 1848 года не остались безъ энергическаго слѣда; оно показываетъ, что потребность единства, тождественная въ Германіи съ потребностью свободы, находитъ отголосокъ въ сердцѣ народа.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно сочувствуемъ нынѣшнему движенію; мы призываемъ къ соединенію силъ противъ всякаго нападенія на Германію. Но мы не хотимъ, чтобы этотъ призывъ служилъ средствомъ для своекорыстныхъ цѣлей; мы хотимъ сорвать маску съ лицемѣровъ, показать имъ, что умѣемъ различать искреннюю потребность отъ преступной спекуляціи на народное довѣріе.

Мы видимъ, что подъ этимъ движеніемъ скрывается нечистый элементъ ультрамонтанизма. Съ той поры, какъ Австрія отказалась отъ принциповъ Іосифа II и засіяла на черножелтомъ небѣ звѣзда конкордата, взоры всей ультрамонтанской партіи обращены на Австрію; изъ

Австріи получаетъ она свои лозунги, австрійскіе обскуранты управляютъ ею въ Баваріи, Верхней Швабіи Вестфаліи. Въ католическихъ земляхъ сильнѣе всего развилось нынѣшнее движеніе. Манифестація виртембергской палаты депутатовъ были возбуждены двумя депутатами изъ Верхней Швабіи. Слишкомъ знаменитый Кеттелеръ, епископъ майнцскій, увѣщеваетъ своими пастырскими посланіями католическое духовенство поддерживать нѣмецкое движеніе. Всѣ ультрамонтанскіе агитаторы твердятъ, что Германія одно и тоже съ Австріей, Австрія одно и тоже съ папою, и призываютъ защищать Германію, для того, чтобы защитить конкордатъ.

Какая забота о Германіи у этихъ исчадій Рима? Они просто дѣйствуютъ въ пользу конкордата, посредствомъ котораго господствуютъ надъ Австріею и хотятъ господствовать надъ Германіею. Пусть нынѣшнее движеніе защититъ Австрію отъ иноземнаго нападенія, поддержитъ и укрѣпитъ ее, и вы увидите, что оно будетъ обращено въ пользу ультрамонтанской партіи, увеличитъ вліяніе Австріи, а Австрія будетъ дѣйствовать въ пользу ультрамонтанской партіи и нѣмецкій Сеймъ снова будетъ служить орудіемъ для подавленія свободы совѣсти. Можетъ ли быть такова наша цѣль? можемъ ли мы хотѣть сами налагать на себя руки, отдаваться во власть врагу рода человѣческаго? Намъ твердятъ о непримиримыхъ врагахъ Германіи — французахъ. Въ каждомъ нумерѣ «*Allgemeine Zeitung*» проповѣдуется о нихъ; но нѣтъ ни одного слова о томъ гнусномъ чудовищѣ, которое хочетъ погибели всего рода человѣческаго. Разумѣется, «*Allgemeine Zeitung*» не станетъ говорить о немъ, она его союзница, или вѣрнѣе сказать, она его рабыня. Но мы еще не продавались ему и не хотимъ погибели свободной мысли; мы должны предостерегать отъ черныхъ фигуръ, вмѣшивающихся въ нынѣшнее движеніе; мы должны разоблачить ихъ и спросить нѣмцевъ, неужели они хотятъ слѣдовать по пути, по которому желаютъ вести ихъ эти черные люди; мы должны спросить нѣмцевъ, не лучше ли намъ приберечь свои силы и свое одушевленіе для лучшаго дѣла?

Мы видимъ также, что поднимается изъ исторической тины старинное французоѣдство съ оребячившимся отъ старости Арндтомъ и Петромъ Пустынникомъ тевтономаніи Яномъ; они снова начинаютъ пѣть старую пѣсню о нѣмецкомъ Рейнѣ. Поднимается даже крикъ о завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ нѣмецкихъ земель, и, чего добраго, не нынче-завтра появится какой нибудь ученый господинъ съ силлогизмомъ, совершенно основательнымъ: Карлъ-Великій былъ нѣмецъ, слѣдовательно и всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, должны быть возвращены къ Германіи. Но шутки въ сторону. Французы мечтаютъ о рейнской границѣ; но отъ мечты до осуществленія далеко, и разсудительные люди хорошо понимаютъ, что надежда на осуществленіе французской мечты можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока Германія имѣетъ 34 различныхъ правительства и пока главнѣйшія изъ этихъ правительствъ, господствующія на нѣмецкомъ Сеймѣ, имѣютъ суще-

ственные интересы внѣ Нѣмецкаго Союза. Когда будетъ существовать истинная Германія съ единствомъ интереса и твердой организаціей, рейнская граница будетъ совершенно безопасна.

Принципъ національности драгоцѣненъ для насъ; но принципъ свободнаго рѣшенія народомъ своей судьбы,—еще драгоцѣннѣе. Эльзасъ—нѣмецкая страна, и можно жалѣть о томъ, что раздробленность Германіи была причиною потери этой провинціи. Но не должно забывать, что должно пройти много поколѣній прежде, чѣмъ эта страна захочетъ присоединиться къ Германіи. Я много разъ по-долгу живалъ въ Эльзасѣ, у меня есть близкіе друзья во всѣхъ его городахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ политическихъ партіяхъ; и никогда, даже въ эпоху самой горячей борьбы противъ французскаго правительства или въ защиту нѣмецкихъ нравовъ и языка отъ вторженія французскихъ элементовъ, никто изъ нихъ не слыхалъ въ цѣломъ Эльзасѣ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи и присоединиться къ Германіи. Стоитъ только намекнуть объ этомъ, и умолкаютъ всѣ жалобы на невыносимое бремя податей, на несносный чиновничій деспотизмъ, на французскую надменность и шарлатанство. Это можетъ быть печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, каково состояніе Германіи; но никто не можетъ отрицать истину этого свидѣтельства. Такое настроеніе умовъ въ Эльзасѣ можетъ служить для насъ примѣромъ того, какое глубокое чувство возбуждается въ народѣ сознаніемъ своей принадлежности къ единому и великому цѣлому.

Наконецъ основною причиною нынѣшняго движенія я нахожу нашъ старый наслѣдственный грѣхъ, наслѣдованное нами еще отъ кимвровъ и тевтоновъ расположеніе стремиться за Альпы и господствовать въ Италіи. Эта ошибка въ теченіе многихъ столѣтій, съ самыхъ Среднихъ вѣковъ губила наши лучшія силы, истощала нашу кровь. Отъ усилій господствовать въ Италіи,—да, только отъ этихъ усилій погибло политическое могущество нѣмецкой націи; а все еще мы не исцѣлились отъ этой старой болѣзни. Въ доказательство мы приведемъ отрывокъ изъ письма, помѣщеннаго въ *Allgemeine Zeitung*, 6 марта. «Впечатлѣнія, производимыя на нѣмца путешествіемъ въ Ломбардію, различны, смотря по различію въ настроеніи его мыслей. Мы вынесли изъ Италіи совершенно не такія впечатлѣнія, какъ г. Витте (*); главнѣйшее изъ нихъ то, что нѣмецъ въ Ломбардіи чувствуетъ себя членомъ владычествующей націи; это чувство такъ рѣдко. оно такъ мало пробуждается въ другихъ посѣщаемыхъ нами странахъ, что становится вдвойнѣ радостно для насъ, тѣмъ болѣе, что служитъ свидѣтельствомъ моральнаго превосходства нашей націи». Поздравляемъ васъ, надменный глупецъ, съ вашимъ сердечнымъ наслажденіемъ отъ владычества надъ рабами.

(*) Витте, пруссакъ, помѣстилъ въ одной изъ прусскихъ газетъ рядъ писемъ изъ Италіи, проникнутыхъ тою мыслью, что насильственное владычество австрійцевъ въ Ломбардіи дѣйствуетъ самымъ грустнымъ образомъ на нѣмцевъ съ благороднымъ образомъ мыслей.

У васъ сіяетъ лицо пошлымъ восторгомъ отъ мысли порабощать другихъ. Мы не раздѣляемъ этого чувства, мы не понимаемъ наслажденія, съ которымъ плантаторъ топчетъ ногами негра; мы не хотимъ быть ни порабощенными, ни поработителями.

Опомнимся же отъ этого гогенштауфенскаго сумасбродства и габсбургскаго идіотства. Есть хорошая французская поговорка: *il faut laisser l'Allemagne aux Allemands* — «оставьте Германію нѣмцамъ», — будемъ же имѣть мужество сказать: оставимъ Италію итальянцамъ. Мы еще не выбили изъ своей головы средневѣковаго варварства; отбросимъ его, подобно другимъ средневѣковымъ нелѣпостямъ, и будемъ благодарить небо, если закроется могила, въ которой до сихъ поръ каждый годъ, каждый день, каждый часъ хоронили мы нѣмецкую силу, нѣмецкое богатство и нѣмецкое политическое могущество.

V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ (стр. 126—134).

Безъ войны не разрѣшатся вопросы, поднимающіеся нынѣ со всѣхъ сторонъ, не удовлетворятся стремленія дать Европѣ болѣе разумное устройство. Безъ войны Германія не можетъ получить болѣе плотнаго единства, отвязаться отъ своихъ не-нѣмецкихъ приставокъ и пріобрѣсти такимъ образомъ политической силы; Италія также не можетъ безъ войны достичь того, чтобы составить національную федерацію и свергнуть австрійское иго; не можетъ и Венгрія достичь осуществленія своего стремленія къ самостоятельности; не могутъ южные славяне и румуны достичь національной организаціи. Безъ войны, безъ совершеннаго истощенія противящихся тому державъ, невозможно такое преобразованіе и потому спокойствіе Европы не установится, пока не будутъ разрѣшены эти вопросы. Война должна начаться не нынѣ, завтра. Конгрессъ можетъ лишь отсрочить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, но не устранить ее.

Итакъ мы ожидаемъ войны и думаемъ, что она будетъ гораздо лучше нынѣшняго тревожнаго положенія, отъ котораго національное богатство страдаетъ больше, нежели страдало бы отъ войны. Но кто же будутъ противники и какихъ результатовъ можно ожидать, если война вспыхнетъ, какъ теперь предполагаютъ, по вопросу объ итальянскихъ провинціяхъ Австріи? На одной сторонѣ будутъ Франція и Піэмонтъ, на другой Австрія. Обѣ стороны имѣютъ хорошія войска, хорошихъ генераловъ, почти одинаковое число жителей, и потому война будетъ упорна, быть можетъ нерѣшительна. Австрія самое упрямое изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ. Постоянно побѣждаемая Наполеономъ, она постоянно выводила новыя арміи и переживала новыя пораженія. Въ оборонѣ она всегда была также упорна, какъ французы неудержимы въ наступленіи.

Война можетъ имѣть три случая. Во-первыхъ, если Австрія будетъ побѣждена, она потеряетъ всѣ Ломбардо-Венеціанскія земли и будетъ от-

брошена за Тальяменто. Может ли быть результат благопріятнѣе этого? Мы хотимъ независимости Италіи, мы убѣждены, что возвращеніе Италіи естественныхъ границъ будетъ залогомъ спокойствія въ Европѣ, какъ теперь служитъ для Европы источникомъ волненій. Промышленный классъ долженъ обратить вниманіе на наши слова. Онъ боится революцій; революція перестанетъ грозить Германіи только тогда, когда Германія будетъ отдѣлена альпійскою стѣною отъ Италіи.

Но, говорятъ намъ, вмѣсто австрійцевъ станутъ господствовать въ Италіи французы. Франція увеличится, почерпнетъ новыя силы въ этой войнѣ, и Германія снова должна будетъ бояться за свою рейнскую границу. Мы отвѣчаемъ: Франція достигнетъ побѣды только съ крайнимъ напряженіемъ силъ, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ она оправится отъ этого истощенія. Италія долго еще будетъ занята внутренними вопросами, если сдѣлается самостоятельной, и Луи-Наполеонъ ограничится тѣмъ, что возвратитъ ей независимость. Потому и въ этомъ случаѣ союзъ съ Италіею вовсе не увеличитъ силу Франціи въ наступательной войнѣ. Но, говорятъ намъ, Луи-Наполеонъ не удовольствуется освобожденіемъ Италіи, онъ хочетъ завоеваній. Мы этому не вѣримъ. У насъ есть примѣръ противнаго въ крымской войнѣ, и мы остаемся тѣмъ спокойнѣе, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ битвъ другія державы навѣрное не останутся праздными зрительницами и вмѣшаются въ дѣло, чтобы не дозволить Франціи слишкомъ расширить своихъ границъ.

Но предположимъ даже, что, противъ всякой вѣроятности, Франція оставила бы за собою какія нибудь области на югѣ или на сѣверѣ Италіи. Неужели могущество Франціи увеличилось бы отъ этого пріобрѣтенія? Посмотрите на Римъ. Французовъ въ Римѣ ненавидятъ точно такъ же, какъ австрійцевъ въ Ломбардіи. Между римлянами и ими не установилось ничего, похожаго на дружбу, ни одна партія не сочувствуетъ имъ, всѣ желаютъ ихъ удаленія. Если бы Франція захотѣла явиться въ Италіи завоевательницею, она стала бы въ Италіи точно въ такое же отношеніе, какъ Австрія. Ея силы безплодно истощались бы на охраненіе завоеванныхъ областей; при малѣйшемъ поводѣ къ нарушенію мира она стала бы трепетать за эти провинціи, какъ трепещетъ Австрія; въ случаѣ войны, ей постоянно грозило бы возстаніе, а ея оборонительная линія страшно растянулась бы, такъ что трудно было бы ей защищаться. Да, съ самой узкой нѣмецкой точки зрѣнія, надобно было бы желать, чтобы французскій волкъ схватилъ въ пасть итальянскую кость, о которую притупились бы его зубы. Итакъ мы не боимся французскихъ завоеваній въ Италіи, хотя въ интересѣ самой Италіи вовсе не желаемъ ихъ.

Предполагаемъ второй случай, что побѣдятъ австрійцы. Мы твердо убѣждены, что нынѣшняя французская система не можетъ пережить пораженія; она должна была бы или упасть отъ революціи, или совершенно измѣниться, допустивъ расширеніе внутренней свободы. Та и другая перемѣна была бы выгодна для Европы и Германіи.

Предположимъ наконецъ третій случай, что война будетъ тянуться нерѣшительнымъ образомъ, и обѣ противныя стороны должны будутъ напрягать всѣ свои силы въ долгой борьбѣ. Каковъ былъ бы результатъ? Франція истощилась бы; Австрія разорилась бы, ей грозило бы распаденіе, она была бы принуждена опереться на Германію и сдѣлать ей всѣ уступки, требуемыя нѣмецкими интересами. Такимъ образомъ внѣшній врагъ и внутренній врагъ сдѣлались бы равно безсильны и безвредны.

Но пора намъ высказать выводъ. Мы видѣли, что Австрія опаснѣйшій внутренній врагъ Германіи, мы видѣли, что будущность Германіи можетъ улучшиться только отъ раздробленія Австріи. Мы видѣли, что Европа только тогда пріобрѣтетъ спокойствіе, нужное для ея внутренняго развитія, когда уничтожатся противоестественныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распредѣленіемъ національностей по государствамъ. Мы убѣдились, что принципъ національности составляетъ теперь требованіе европейскаго мира. Мы убѣдились, что пришло время, когда Германія можетъ пріобрѣсти себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разсудительно, и при этомъ условіи можетъ пріобрѣсти политическую самостоятельность въ Европѣ. Мы видѣли, что каковъ бы ни былъ исходъ борьбы между Австріею и Франціею, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутренняго развитія и политической будущности Германіи.

Таковы наши выводы.

Неужели же мы пожертвуемъ всѣми своими интересами въ безсмысленномъ ослѣпленіи и фальшивомъ патріотизмѣ? неужели мы сами усилимъ и возвеличимъ нашего внутренняго врага, чтобы онъ тѣмъ сильнѣе вредилъ намъ впослѣдствіи? Неужели католическіе обскуранты убѣдятъ насъ истощить всѣ наши силы для того, чтобы отравить нашу будущность, отнять у себя возможность свободнаго развитія, потерять драгоцѣннѣйшее наше благо—свободу мысли и совѣсти? Гдѣ же та разсудительность, за которую прославляли нѣмецкій народъ, которая всегда была и достоинствомъ и недостаткомъ его?

Никакой договоръ не долженъ останавливать народа отъ устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ сообразно съ его желаніями. Такъ сдѣлала Бельгія, такъ сдѣлала Швейцарія, такъ сдѣлала Франція,—неужели одна Германія не имѣетъ ни права, ни силы поступить такимъ же образомъ?

Пусть всѣ газеты, пусть всѣ палаты, пусть каждый нѣмецъ требуетъ преобразованія Нѣмецкаго Союза. Государства Нѣмецкаго Союза не должны имѣть никакихъ провинцій внѣ Германіи. Нѣмецкій Союзъ долженъ имѣть представительное правленіе и быть однимъ политическимъ цѣлымъ въ иностранной политикѣ. Одинъ народъ, одно государство, одна армія.

Если мы достигнемъ этого, если мы успѣемъ соединиться, намъ не будутъ страшны тогда никакіе внѣшніе враги. Намъ проповѣдуютъ теперь политику страха. Безъ помощи Австріи, вы потеряете Рейнъ, го-

ворять намъ. Помогайте Австріи на По, чтобы она помогла вамъ на Рейнѣ. Но мы говоримъ: пусть соединятся нѣмцы. Если мы соединимся, намъ не нужно будетъ бояться никого въ свѣтѣ; а пока мы раздроблены, пока мы связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами, итальянцами, мы будемъ побѣждаемы всякимъ врагомъ.

В. Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити, 19 (7) мая. (Изъ *Times'а*).

Г-нъ Кошутъ былъ встрѣченъ громкими и продолжительными аплодисментами и сказалъ:

«Туча, собиравшаяся болѣе 40 лѣтъ и переполненная электричествомъ, наконецъ начала извергать громы. При такомъ положеніи дѣлъ Англія должна занять положеніе безпристрастнаго нейтралитета и строгаго невмѣшательства. Если она своимъ вмѣшательствомъ не придастъ искаженнаго направленія естественному ходу событій, то я жду отъ начавшейся теперь войны пользы для націи, которой принадлежатъ всѣ стремленія моего сердца. Такое ожиданіе происходитъ не отъ минутнаго увлеченія, оно основано на той безспорной аксіомѣ, что бѣдствіе угнетающаго представляетъ шансъ избавленія угнетенному. Францъ-Іосифъ вовлеченъ въ войну: думая объ относительномъ положеніи воюющихъ сторонъ и о стратегическихъ необходимостяхъ, которыя должны развиться въ продолженіи войны, я прихожу къ заключенію, что скоро освобожденіе будетъ возможно для нѣкоторыхъ изъ числа національностей, угнетаемыхъ Австріею. Это угнетеніе составляетъ величайшее изъ европейскихъ бѣдствій и безъ его уничтоженія могутъ быть только придумываемы разныя искусственныя комбинаціи для временнаго прикрытія нелѣпости политическаго устройства Европы, но не возможно мирное и прочное устройство европейской политической системы. Британское правительство дало торжественное обязательство, что не вмѣшается въ войну ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ и будетъ держаться строгаго нейтралитета. Это хорошо, но я долженъ выразить желаніе, чтобы принципъ нейтралитета получилъ характеръ прочнаго правила, не подверженнаго случайнымъ отклоненіямъ, а для этого необходимо общественному мнѣнію высказаться яснѣе, чтобы не осталось сомнѣнія о смыслѣ, какой англичане хотятъ придать нейтралитету. Нейтралитетъ — общее выраженіе; онъ долженъ получить опредѣлительный смыслъ, который будетъ имѣть только тогда, когда ясно будетъ, на чьей сторонѣ стало бы англійское правительство въ томъ случаѣ, если бы не осталось нейтральнымъ. Я не читалъ ни одного оффиціальнаго или полуоффиціальнаго объявленія, которое показывало бы, что Англія сочувствуетъ Франціи; но читалъ много такихъ объясненій, изъ которыхъ оказывалось, что для нынѣшняго правительства выборъ былъ только между нейтралитетомъ или союзомъ съ Австріею. Говорилось

также, что Англія останется нейтральною, но будетъ слѣдить за тѣмъ, какой оборотъ примутъ событія, а между тѣмъ вооружаться, чтобы можно ей было отразить нападеніе на свои границы. Но на Англію не нападетъ никто, если она сама не впутается въ войну. Между тѣмъ, мы имѣемъ признаки для того, чтобы предугадывать, чего хочетъ англійское правительство; намъ говорятъ, что если французскій флотъ вступитъ въ Адріатическое море, то интересъ Англіи требуетъ воспротивиться ему; что если французы нападутъ на Венецію, то интересъ Англіи требуетъ защитить ее. Отчего же защитить? Отъ великаго несчастія быть освобожденной изъ подъ австрійскаго деспотизма? Есть предразсудки, которые вовлекутъ Англію въ войну, если она не отвергнетъ ихъ. Изъ этихъ предразсудковъ главные происходятъ отъ ошибочнаго пониманія итальянскаго вопроса, отъ уваженія къ трактатамъ 1815 года, отъ дипломатической фразы объ ограниченіи театра войны опредѣленною мѣстностью и отъ величайшей изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ — отъ мнѣнія, будто существованіе Австрійской имперіи необходимо для сохраненія европейскаго равновѣсія. Итальянскій вопросъ возникаетъ не просто отъ дурнаго управленія, онъ не таковъ, чтобы его можно было устранить своевременною уступкою или реформою. Это вопросъ о національности, и потому сущность его практическаго разрѣшенія состоитъ въ совершенномъ и окончательномъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, такъ, чтобы имъ нельзя было туда воротиться. Потому сдѣлки тутъ невозможны. Или австрійцы должны быть окончательно изгнаны изъ Италіи, или итальянскій вопросъ будетъ появляться вновь. Только истребленіемъ итальянцевъ можетъ упрочиться австрійское господство въ Италіи, а народъ, состоящій изъ 26,000,000, нельзя истребить. Въ доказательство того, что это вопросъ о національности, надобно вспомнить, что въ 1846 году жители Папской Области, при всей невыносимости своихъ частныхъ страданій, объявляли, что вопросъ о ихъ правительствѣ—дѣло второстепенное. Общій итальянскій вопросъ, говорили они, составляетъ главную сторону дѣла, и главное ихъ неудовольствіе противъ папскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно поработило себя Австріи. Поэтому въ 1848 году вся Италія соединилась противъ австрійцевъ, и когда независимость была предложена Ломбардіи, миланцы объявили, что не хотятъ отдѣлять своей судьбы отъ судьбы Венеціи. Они сражались не за Ломбардію, а за Италію. Поэтому и піэмонтцы, хотя своей судьбой и были довольны, съ радостью подвергались опасностямъ, страданіямъ и пожертвованіямъ великой войны. Республиканцы присоединились къ королю, написавшему на своемъ знамени «независимость Италіи». Тоскана подчинилась сардинскому монарху и французы встрѣчены съ восторгомъ. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, была со стороны британскаго правительства та ошибка, что оно смотрѣло на это дѣло, не какъ на вопросъ о національности, а какъ на такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ безъ изгнанія австрійцевъ, если только они обяжутся не входить во внутреннія дѣла другихъ государствъ полуострова.

О трактатахъ 1815 года надобно сказать, что исторія слѣдующихъ 44-хъ лѣтъ была непрерывнымъ протестомъ противъ этихъ трактатовъ. Всѣ ихъ статьи, благопріятныя для свободы, нарушались континентальными правительствами, и Англія не мѣшала этому; неужели теперь она возмется за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность этихъ трактатовъ въ пользу Австріи, которая годится только для того, чтобы распространять мракъ и увѣковѣчивать рабство?

Теперь надобно перейти къ тому, что дипломаты называютъ ограниченіемъ войны. Это выраженіе значитъ, что война не должна переходить за границы Италіи. Но если австрійцы отступятъ за Тальяменто, которымъ Ломбардія отдѣляется отъ ихъ другихъ владѣній, то неужели французы и сардинцы не должны преслѣдовать ихъ, и неужели Австрія, ведя войну, должна пользоваться всѣми выгодами нейтралитета?

Какой выводъ изъ этихъ соображеній? Безполезно разсуждать о томъ, что должна будетъ дѣлать Англія, если французы вторгнутся въ рейнскую Германію, потому что императоръ французовъ вовсе не хочетъ раздражать Германію и Англію. Истинный вопросъ въ томъ, должны ли англичане своею кровью и своими деньгами гарантировать Австріи привиллегію нейтралитета въ ея областяхъ, лежащихъ внѣ Италіи? Должны ли англичане бросаться въ ужасы войны для защиты Австріи отъ военныхъ дѣйствій, которыя, не нарушая народнаго права, могутъ предпринять противъ нея противники? Если англичане не хотятъ этого, они не должны довольствоваться неопредѣленными общими фразами, а должны внушить своему правительству, что ограничится ли война бассейномъ По, или распространится на другія австрійскія области, Англія все равно не должна принимать въ ней участія. За что англичанамъ защищать Австрію? Ее называютъ вѣрною союзницею Англіи; она была на постоянной пенсіи Англіи, въ ея бездонный карманъ постоянно бросались милліоны, собираемые съ англійскаго народа; но исторія не говоритъ, чтобы Англія получала какія нибудь выгоды отъ нея.

Говорятъ, будто цѣлость Австрійской имперіи необходима для сохраненія политическаго равновѣсія. Я не буду разсматривать этой кабалистической абракадабры «политическое равновѣсіе», этого Молоха, которому такъ долго приносили въ жертву справедливость, политическую нравственность и свободу націй; я только скажу, что искуственныя государства, лишенныя органическаго единства и гармоніи, служатъ не къ предупрежденію, а къ возбужденію войны. Противъ чьего перевѣса должна служить оградою Австрія? Если бы Австрія не владѣла Италіею, не было бы итальянскаго вопроса. Австрія не оплотъ европейскаго равновѣсія, она Дамокловъ мечъ, грозящій спокойствію Европы. Пусть она исчезнетъ въ пучинѣ вѣчной погибели, разверзающейся для нея, и тогда, если и будутъ частные перевороты, то не будетъ уже нарушаться спокойствіе всей Европы. Націи, собранныя въ искуственную массу, называемую Австріей, имѣютъ значительные элементы могущества,

но ошибочно заключать изъ этого, что Австрійская имперія могущественна. Если всѣмъ этимъ націямъ будетъ дозволено возвратить свою національную самостоятельность, они дѣйствительно составятъ оплоты для независимости Европы. Но въ настоящее время Австрія не оплотъ Европы, а слабѣйшій пунктъ Европы.

Говорятъ, что если бы итальянцы или другія угнетенныя націи дѣйствовали однѣ, Англіи не было бы нужды вмѣшиваться, но вмѣшательство французовъ измѣняетъ дѣло. Говорятъ, что императоръ французовъ дѣйствуетъ только съ честолюбивыми цѣлями и что для національностей нѣтъ выгоды мѣнять одного господина на другаго. Я отвѣчаю на это, что почти не было примѣровъ, когда бы народъ пріобрѣталъ свободу безъ помощи иностранцевъ. Самой Англіи помогали при возвращеніи свободы 15,000 голландскихъ солдатъ и голландскій флотъ изъ 500 вымпеловъ, съ которыми пришелъ на помощь ей Вильгельмъ Оранскій. Постоянно были вмѣшательства противъ свободы; но Англія никогда не вооружалась, чтобы остановить ихъ; неужели она теперь начнетъ войну, чтобы остановить вмѣшательство, происходящее въ пользу свободы? По какимъ побужденіямъ императоръ французовъ началъ эту войну, я не знаю; но я знаю, что было бы противно его выгодамъ и потому не входитъ въ его намѣренія. Его выгодамъ было бы противно стремленіе къ завоеваніямъ, потому что оно послужило бы погибелью для него, какъ послужило погибелью для Наполеона I. Если вслѣдствіе событій, возникающихъ изъ этой войны, откроется моему отечеству возможность возвратить себѣ независимость, неужели я долженъ былъ бы совѣтовать венграмъ отвергнуть независимость только потому, что ее предлагаетъ имъ Бонапарте? Нѣтъ, Венгрія такъ далека отъ Франціи и настолько сильна, что не можетъ сдѣлаться французскимъ департаментомъ. А если итальянцы, получившіи черезъ французское вмѣшательство возможность организоваться и вооружиться, не съумѣютъ въ случаѣ надобности защититься отъ своихъ друзей, то они покажутъ, что не заслуживали свободы.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ.

ІЮНЬ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 12 дня 1859 года.

Ценсоръ *К. Обертъ.*

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]